
VE RI
TAS

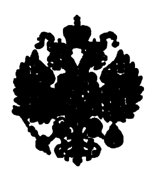
ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCLVIII.

1905.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1905.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

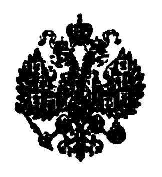
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCLVIII.

1905.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ по народному образованію.

См. 3-ю стр. обложки.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (14-го августа 1904 года). *О присвоеніи Глазовской мужской четырехклассной прогимназіи наименованія: „Глазовская мужская прогимназія Имени Императора Николая Александровича".*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 14-й день августа 1904 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на присвоеніе мужской четырехклассной прогимназіи въ городѣ Глазовѣ наименованія: „Глазовская мужская прогимназія Имени Императора Николая Александровича".

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 7-го января 1905 г., № 3, ст. 40).

2. (14-го августа 1904 года). *О присвоеніи Рыльской прогимназіи имени уроженца города Рыльска русскаго мореплавателя Г. И. Шелехова.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 14-й день августа 1904 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на присвоеніе Рыльской прогимназіи имени уроженца города Рыльска русскаго мореплавателя Г. И. Шелехова.

(Тамъ же, ст. 41).

3. (21-го августа 1904 года). *О присвоеніи Марковскому, Вытегорскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, земскому училищу и читальнѣ при немъ наименованія: „Училище и читальня въ память Императора Петра Великаго".*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 21-й день августа 1904 г., Всемилостивѣйше соизволилъ на присвоеніе Марковскому, Вытегорскаго уѣзда,

Олонецкой губерніи, земскому училищу и читальнѣ при немъ наименованія: „Училище и читальня въ память Императора Петра Великаго".

(Тамъ же, ст. 42).

4. (11-го сентября 1904 года). *О присвоеніи учреждаемой туземнымъ населеніемъ Андижанскаго уѣзда, Ферганской области, при Туркестанской учительской семинаріи стипендіи наименованія: „Стипендія Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича"*.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 11-й день сентября 1904 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе учреждаемой туземнымъ населеніемъ Андижанскаго уѣзда, Ферганской области, при Туркестанской учительской семинаріи стипендіи наименованія: „Стипендія Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича".

(Тамъ же, ст. 43).

5. (11-го сентября 1904 года). *О присвоеніи начальной школѣ, устраиваемой въ гор. Ялтѣ на средства Его Высочества Эмира Бухарскаго и съ содержаніемъ на городскія средства, Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 11-й день сентября 1904 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе начальной школѣ, устраиваемой въ городѣ Ялтѣ на средства Его Высочества Эмира Бухарскаго и съ содержаніемъ на городскія средства, Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника, Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

(Тамъ же, ст. 44).

6. (25-го сентября 1904 года). *О присвоеніи Юрьевской мужской гимназіи наименованія: „Гимназія Императора Александра I-го Благословеннаго"*.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 25-й день сентября 1904 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Юрьевской мужской гимназіи наименованія: „Гимназія Императора Александра I-го Благословеннаго".

(Тамъ же, ст. 45).

7. (16-го октября 1904 года). *Объ учрежденіи при Ташкентскомъ реальномъ училищѣ двухъ стипендій Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Кирилла Владиміровича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 16-й день октября 1904 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Ташкентскомъ реальномъ училищѣ двухъ стипендій Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Кирилла Владиміровича, на проценты съ пожертвованнаго наслѣдникомъ Бухарскаго Эмира капитала въ 15.000 руб.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 20-го января 1905 г., № 9, ст. 100).

8. (13-го ноября 1904 года). *О присвоеніи двумъ дворянскимъ стипендіямъ, существующимъ въ Нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ Императора Александра II, Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 13-й день ноября 1904 года, Высочайше повелѣть соизволилъ на присвоеніе двумъ дворянскимъ стипендіямъ, существующимъ въ Нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ Императора Александра II, Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича, въ ознаменованіе высокорадостнаго событія рожденія Его Высочества.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 28-го января 1905 г., № 17, ст. 175).

9. (13-го ноября 1904 года). *О присвоеніи Кузнецкому реальному училищу Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 13-й день ноября 1904 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе новооткрытому Кузнецкому (Саратовской губ.) реальному училищу Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича.

(Тамъ же, ст. 176).

10. (22-го ноября 1904 года). *О кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Сердобскѣ, Саратовской губерніи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и го-

сударственной экономіи государственнаго совѣта, о кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Сердобскѣ, Саратовской губерніи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о кредитѣ на устройство и содержаніе низшей ремесленной школы въ городѣ Сердобскѣ, Саратовской губерніи, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Ассигновать изъ государственнаго казначейства на содержаніе учреждаемой, съ 1-го іюля 1907 г., въ городѣ Сердобскѣ, Саратовской губерніи, низшей ремесленной школы: въ 1907 г.—*одну тысячу шестьсотъ двадцать пять* рублей, а начиная съ 1-го января 1908 г.—по *три тысячи двѣсти пятьдесятъ* рублей ежегодно.

II. На покрытіе расходовъ, предусмотрѣнныхъ въ отдѣлѣ I, производить пособія государственному казначейству изъ средствъ города Сердобска: въ 1907 г.—въ *двѣсти пятьдесятъ* рублей, а начиная съ 1908 г.—по *пятисотъ* рублей ежегодно.

III. Отпустить изъ государственнаго казначейства на постройку зданія указанной (отд. I) школы и на ея оборудованіе *сорокъ шесть тысячъ сто два* рубля *шестьдесятъ* копѣекъ, съ отнесеніемъ этого расхода на счетъ общихъ кредитовъ, подлежащихъ ассигнованію министерству народнаго просвѣщенія въ 1906 и 1907 годахъ на строительныя его надобности.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 1-го февраля 1905 г., № 20, ст. 207).

11. (22-го ноября 1904 года). *Объ ассигнованіи кредита на устройство въ гор. Свіяжскѣ, Казанской губерніи, низшей ремесленной школы.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и го-

сударственной экономіи государственнаго совѣта, объ ассигнованіи кредита на устройство въ городѣ Свіяжскѣ, Казанской губерніи, низшей ремесленной школы, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ ассигнованіи кредита на устройство въ гор. Свіяжскѣ, Казанской губерніи, низшей ремесленной школы, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Ассигновать изъ государственнаго казначейства на содержаніе низшей ремесленной школы съ кузнечно-слесарнымъ отдѣленіемъ въ городѣ Свіяжскѣ, Казанской губерніи, въ 1906 г. *тысячу шестьсотъ двадцать пять* рублей, а начиная съ 1907 г. по *три тысячи двѣсти пятьдесятъ* рублей ежегодно.

II. На покрытіе расхода, предусмотрѣннаго въ отдѣлѣ I, производить пособіе государственному казначейству: изъ средствъ города Свіяжска въ 1906 г. въ размѣрѣ *сто пятидесяти* рублей, а начиная съ 1907 г.—по *триста* рублей ежегодно и изъ средствъ Свіяжскаго уѣзднаго земства въ 1907 г. въ размѣрѣ *двухсотъ* рублей, а начиная съ 1907 г.—по *четыреста* рублей ежегодно.

III. Отпустить изъ государственнаго казначейства въ 1906 г. на устройство зданій и оборудованіе означенной школы (отд. I) *тринадцать тысячъ шестьсотъ* рублей, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общаго кредита на строительныя надобности министерства народнаго просвѣщенія по смѣтѣ того года.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

(Тамъ же, ст. 208).

12. (22-го ноября 1904 года). *Объ учрежденіи должности директора Ейской женской гимназіи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи должности

директора Ейской женской гимназіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи должности директора Ейской женской гимназіи, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Учредить должность директора Ейской женской гимназіи, съ присвоеніемъ этой должности служебныхъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ директорамъ мужскихъ гимназій Кавказскаго учебнаго округа.

II. Потребный на содержаніе вновь учреждаемой должности (отд. I) ежегодный расходъ въ *двѣ тысячи шестьсотъ* рублей (въ томъ числѣ жалованья—1.200 р., столовыхъ 800 р. и квартирныхъ 600 р.) обратить на спеціальныя средства Ейской женской гимназіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдательствовавшими и членами.

(Тамъ же, ст. 209).

13. (22-го ноября 1904 года). *Объ отпускѣ средствъ на содержаніе и оборудованіе низшей ремесленной школы, въ городѣ Моршанскѣ, Тамбовской губерніи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи государственнаго совѣта, объ отпускѣ средствъ на содержаніе и оборудованіе низшей ремесленной школы въ городѣ Моршанскѣ, Тамбовской губерніи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ отпускѣ средствъ на содержаніе и оборудованіе низшей ремесленной школы въ городѣ Моршанскѣ, Тамбовской губерніи, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Ассигновать изъ государственнаго казначейства на содержаніе учреждаемой съ 1-го іюля 1905 года въ городѣ Моршанскѣ, Тамбовской губерніи, низшей ремесленной школы, съ двумя отдѣленіями, имени потомственнаго почетнаго гражданина М. М. Рымарева въ 1905 году *двѣ тысячи триста тридцать пять* рублей и, начиная съ 1906 года, по *четыре тысячи шестьсотъ семьдесятъ* рублей въ годъ.

II. Отпустить изъ государственнаго казначейства на оборудованіе означенной въ отдѣлѣ I школы *шесть тысячъ* рублей, съ отнесеніемъ этого расхода на счетъ общихъ кредитовъ, подлежащихъ ассигнованію министерству народнаго просвѣщенія въ 1905 и послѣдующихъ годахъ на строительныя его надобности.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

(Тамъ же, ст. 212).

14. (29-го ноября 1904 года). *О дополнительномъ кредитѣ на хозяйственныя надобности Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи государственнаго совѣта, о дополнительномъ кредитѣ на хозяйственныя надобности Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о дополнительномъ кредитѣ на хозяйственныя надобности Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Отпускать изъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1905 г., по *три тысячи сто тридцать три* рубля въ годъ на хозяйственные расходы Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, въ дополненіе къ нынѣ отпускаемымъ на сей предметъ средствамъ.

II. Указанный въ отдѣлѣ I расходъ обратить въ 1905 г.: а) въ

размѣрѣ *двухъ тысячъ семисотъ* рублей на счетъ кредита, занесеннаго въ равной суммѣ къ условному отпуску на эту надобность въ ст. 8 § 16 смѣты расходовъ министерства народнаго просвѣщенія на 1905 г., и б) въ размѣрѣ *четырехсотъ тридцати трехъ* рублей на счетъ общихъ остатковъ по означенной смѣтѣ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

(Тамъ же, ст. 213).

15. (29-го ноября 1904 года). *О кредитѣ на вознагражденіе редактора издаваемыхъ на нѣмецкомъ языкѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за припечатаніе въ нихъ казенныхъ и судебныхъ объявленій.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о кредитѣ на вознагражденіе редактора издаваемыхъ на нѣмецкомъ языкѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ на припечатаніе въ нихъ казенныхъ и судебныхъ объявленій, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о кредитѣ на вознагражденіе редактора издаваемыхъ на нѣмецкомъ языкѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за припечатаніе въ нихъ казенныхъ и судебныхъ объявленій, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Отпускать изъ государственнаго казначейства въ теченіе десяти лѣтъ, начиная съ 1-го января 1905 года, по *двѣ тысячи* рублей въ годъ на вознагражденіе редактора издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ на нѣмецкомъ языкѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за припечатаніе въ нихъ казенныхъ и судебныхъ объявленій.

II. Означенный въ отдѣлѣ I расходъ обратить въ 1905 году на счетъ кредита, внесеннаго на сей предметъ къ условному отпуску въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія того же года.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 8-го февраля 1905 г., № 25, ст. 221).

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(23-го декабря 1904 года, № 95). *Назначаются*: экстраординарные профессоры Императорскаго Новороссійскаго университета: докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Коршъ* и докторъ медицины *Маньковскій*—ординарными профессорами того же университета, по каѳедрамъ: первый—судебной медицины, а второй—гистологіи; дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гусаковскій*—замѣстителемъ члена отъ министерства народнаго просвѣщенія въ состоящемъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности; статскій совѣтникъ *Терещенко* — вновь почетнымъ попечителемъ Кіевской первой гимназіи, на три года.

Перемѣщаются: ординарные профессоры Императорскаго Казанскаго университета, по каѳедрамъ: частной патологіи и терапіи, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Засѣцкій* и врачебной діагностики, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Каземъ-Бекъ*—ординарными профессорами того же университета, по каѳедрамъ: первый терапевтической госпитальной клиники, а второй — терапевтической факультетской клиники; директоръ Варшавской третьей гимназіи, надворный совѣтникъ *Погодинъ* — директоромъ С.-Петербургской первой гимназіи.

Увольняются, согласно прошеніямъ: преподаватели V класса С.-Петербургскаго археологическаго института: заслуженный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ государственнаго права, тайный совѣтникъ *Сергѣевичъ* и ординарный профессоръ означеннаго университета, докторъ славянской филологіи, статскій совѣтникъ *Лавровъ*—отъ должностей преподавателей названнаго института, съ 1-го декабря.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, экстраординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Поповскій*.

Умершіе исключаются изъ списковъ: членъ совѣтовъ: министра народнаго просвѣщенія и Императорскаго Человѣколюбиваго общества, совѣщательный членъ: медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ и военно-медицинскаго ученаго комитета, почетный

мировой судья Полтавскаго уѣзда, заслуженный профессоръ, докторъ медицины, тайный совѣтникъ *Склифасовскій*, съ 30-го ноября; ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ, магистръ русской словесности, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пыпинъ*, съ 26-го ноября.

По Императорской Академіи наукъ. *Производится*, за выслугу лѣтъ, изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, со старшинствомъ, младшій наблюдатель Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ гор. Павловскѣ *Лудри*—съ 30-го іюня 1901 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *колежскаго совѣтника*: старшій этнографъ музея академіи по антропологіи и этнографіи, надворный совѣтникъ *Штернбергъ* — съ 7-го января 1904 г.: старшій зоологъ зоологическаго музея академіи *Герцъ*—съ 5-го іюня 1904 г.; *титулярнаго совѣтника*, младшій наблюдатель Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ гор. Павловскѣ *Нездюровъ*—съ 1-го апрѣля 1904 г.

По Западно-Сибирскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Акмолинской области *Степановъ*—съ 1-го августа 1904 г. и учитель Томской гимназіи Сергѣй *Бобовъ*—съ 1-го сентября 1904 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: первый учитель Петропавловскаго пятикласснаго городского училища *Шульповъ*—съ 1-го февраля 1904 г.; учителя: Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища, *Виноходовъ*—съ 26-го мая 1904 г., Омской гимназіи, *Квакъ*—съ 16-го іюня 1904 г., Семипалатинской гимназіи: *Давыдовъ*—съ 1-го іюля 1904 г. и *Дегтяревъ*—съ 1-го августа 1904 года; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учитель Томской гимназіи *Слободскій* — съ 1-го августа 1903 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Омской гимназіи, Василій *Бобовъ*—съ 16-го августа 1903 г. и Томскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, *Шадринъ*—съ 9-го іюля 1904 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, помощникъ классныхъ наставниковъ Томской гимназіи *Георгіевскій*—съ 26-го февраля 1904 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учитель-инспекторъ Устькаменогорскаго трехкласснаго городского училища *Грѣховодовъ*—съ 15-го августа 1901 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Томскаго Алексѣевскаго реальнаго училища *Плотниковъ* —съ 9-го апрѣля 1902 г.; учитель Курганскаго четырехкласснаго город-

ского училища *Русиновъ*—съ 5-го февраля 1903 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари,* бывшій помощникъ учителя, нынѣ четвертый учитель Семипалатинскаго пятиклассного городского училища *Горбачевъ*—съ 1-го іюля 1901 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари,* учитель Омскаго Николаевскаго мужскаго городского приходскаго училища *Степановъ*—съ 1-го іюля 1904 г.; въ *коллежскіе регистраторы:* учителя: Ишимскаго мужскаго городского училища *Киселевъ*—съ 1-го іюля 1901 г.; Омскаго Воскресенскаго мужскаго городского приходскаго училища *Вручинскій* — съ 1-го августа 1904 г. и письмоводитель (онъ же бухгалтеръ) Омскаго Императора Александра III низшаго механико-техническаго училища *Сухановъ*—съ 16-го августа 1904 года.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *титулярнаго совѣтника,* лаборантъ при хирургической факультетской клиникѣ Императорскаго Томскаго университета *Васильевъ*—съ 16-го ноября 1899 года, по степени лѣкаря; *коллежскаго регистратора,* бывшій помощникъ учителя, нынѣ второй учитель Зайсанскаго трехкласснаго городского училища *Жилинъ*—съ 1-го октября 1896 г.

(27-го декабря 1904 года, № 96). *Назначаются:* инспекторъ Тобольской гимназіи, статскій совѣтникъ *Смолевъ*—окружнымъ инспекторомъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа; преподаватель Кишиневской второй гимназіи, статскій совѣтникъ *Котъ*—директоромъ Бессарабскаго дворянскаго пансіона-пріюта; въ должности шталмейстера Высочайшаго Двора, отставной ротмистръ графъ *Гудовичъ*—почетнымъ попечителемъ Царскосельскаго реальнаго училища, на три года.

Утверждаются: статскій совѣтникъ *Коростовцевъ* и надворный совѣтникъ *Устимовичъ* — вновь почетными попечителями: первый — Павлоградской гимназіи, а второй—Кременчугскаго Александровскаго реальнаго училища, оба—согласно избранію на три года.

Умершій исключается изъ списковъ, ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Бобровъ,* съ 26-го ноября.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники:* ординарный профессоръ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, докторъ медицины *Левинъ*—съ 24-го ноября 1902 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, магистръ русской словесности *Бороздинъ*—со 2-го мая 1904 г.; прозекторъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института *Покров-*

скій—съ 11-го декабря 1903 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ сельскаго хозяйства *Бараковъ*—съ 1-го января 1903 г.; директоры: Ярославскаго низшаго механико-техническаго училища и ремесленной школы имени потомственнаго почетнаго гражданина Н. П. Пастухова, инженеръ-технологъ *Ершовъ*—съ 1-го іюля 1903 года и Калязинскаго низшаго механико-техническаго училища имени Н. М. Полежаева, инженеръ-технологъ *Ледневъ*—съ 8-го августа 1903 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія *Станкевичъ*—съ 28-го іюня 1904 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: адъюнктъ-профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ химіи *Семеновъ*—съ 1-го октября 1895 г., профессоръ того же института, магистръ сельскаго хозяйства *Широкихъ*—съ 22-го февраля 1901 г.; исправляющій должность адъюнктъ-профессора того же института *Шеймипъ*—съ 1-го мая 1890 г. и счетный чиновникъ управленія пенсіонною кассою народныхъ учителей и учительницъ *Жолкевичъ*—съ 1-го августа 1904 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: адъюнктъ-профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, инженеръ-технологъ *Аловъ*—съ 1-го ноября 1903 г.; дѣлопроизводители департамента народнаго просвѣщенія: *Бѣлявскій*—съ 16-го октября 1904 г. и (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Астаховъ*—съ 16-го мая 1904 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, домашній учитель *Фроловъ*—съ 26-го марта 1900 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *статскаго совѣтника*: ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ международнаго права, губернскій секретарь *Догель*—съ 7-го марта 1903 г.; профессоры Рижскаго политехническаго института, коллежскіе совѣтники: архитекторъ *Гофманъ* и инженеръ-механикъ *Кларкъ*, оба—съ 1-го іюля 1902 г., инженеръ-архитекторъ *фонъ-Стрикъ*—съ 1-го іюля 1903 г. и ординарный профессоръ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, докторъ зоологіи, коллежскій ассессоръ *Фаусекъ*—съ 1-го іюня 1904 г.; *коллежскаго совѣтника*: экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ медицины *Маньковскій*—съ 10-го августа 1902 г.; исправляющіе должности экстраординарныхъ профессоровъ: Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, магистръ

уголовнаго права, титулярный совѣтникъ *Жижеленко*—съ 9-го іюня 1901 г. и Новороссійскаго, магистръ славянской филологіи *Ляпуновъ*—съ 12-го ноября 1902 г., Томскаго технологическаго института Императора Николая II: инженеръ-механикъ *Тираспольскій*—съ 1-го сентября 1902 г. и инженеръ-технологъ, надворный совѣтникъ *Тихоновъ*—съ 1-го января 1903 г.; адъюнктъ-профессоръ Рижскаго политехническаго института инженеръ-механикъ *фонъ-Денферъ*—съ 29-го августа 1899 г.; *коллежскаго секретаря*, преподаватель восточныхъ языковъ Императорскаго Казанскаго университета, магистръ турецко-татарской словесности, *Катановъ*—съ 1-го іюля 1888 г., по степени кандидата Императорскаго университета; *губернскаго секретаря*, причисленный къ министерству *Ясковичъ*—съ 1-го сентября 1901 г., по диплому второй степени Императорскаго университета.

По С.-Петербурскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, штатный воспитатель Охтенскаго низшаго механико-техническаго училища *Довгялло*—съ 1-го октября 1903 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, учитель Кадниковскаго городского училища, *Чигаревъ*—съ 1-го января 1903 г.

Утверждается въ чинѣ, *коллежскаго регистратора*, со старшинствомъ, домашній учитель *Никитинъ*—съ 14-го августа 1904 г.

По Московскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, почетный членъ попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища, *Кельинъ* —съ 13-го октября 1904 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе асссессоры*, членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища, инженеръ-механикъ *Михайловъ*—съ 1-го іюля 1904 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: почетный членъ попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища, *Якунчиковъ*—съ 1-го іюля 1904 г.; члены-соревнователи того же училища, инженеръ-механики: *Листъ*—съ 1-го сентября 1902 г. и *Липгартъ*—съ 1-го іюля 1902 г. и инженеръ-технологъ *Постольскій*—съ 1-го іюля 1904 г.

(30 декабря 1904 года, № 97). *Назначаются*: дѣлопроизводитель VII класса управленія пенсіонною кассою народныхъ учителей и учительницъ, титулярный совѣтникъ *Туржанскій*—помощникомъ управляющаго дѣлами названной кассы, съ 8-го декабря; помощникъ инспектора студентовъ С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I, статскій совѣтникъ *Черкудиновъ*—завѣдыва-

ющимъ общежитіемъ для студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго универститета.

(7-го января 1905 года, № 2). *Назначаются*: въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго Двора, коллежскій совѣтникъ *Кочубей*—вновь почетнымъ попечителемъ Глуховскаго учительскаго института, на три года, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи; сверхштатный экстраординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ минералогіи и геогнозіи, надворный совѣтникъ *Тарасенко* и привать-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета магистръ древне-классической филологіи, *Церетели*—экстраординарными профессорами Императорскаго Юрьевскаго университета, по каѳедрамъ: первый—минералогіи, а второй—древне-классической филологіи и греческихъ и римскихъ древностей.

Утверждается губернскій секретарь *Леоновъ*—почетнымъ попечителемъ Скопинскаго реальнаго училища, согласно избранію, на три года.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, кандидатъ лѣсоводства, статскій совѣтникъ *фонъ-Бранке*,—съ 1-го января, съ мундиромъ означенной должности присвоеннымъ.

Умершіе исключаются изъ списковъ: инспекторъ студентовъ Томскаго технологическаго института Императора Николая II, статскій совѣтникъ *Шаталовъ*, съ 19-го ноября 1904 г.; и адъюнктъ-профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, надворный совѣтникъ *Марковинъ*, — съ 22-го октября 1904 г.

(21-го января 1905 года, № 5). По Кавказскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: бывшій сверхштатный учитель Тифлисскаго реальнаго училища, нынѣ въ отставкѣ *Стаховскій* — съ 18-го ноября 1903 г.; преподаватель Бакинской Императора Александра III мужской гимназіи, *Карбломъ* — съ 29-го ноября 1903 г.; учителя: Тифлисской 3-й мужской гимназіи, *Джваришейшвили* — съ 1-го іюля 1904 г., Кутаисской гимназіи, *Лебедевъ* — съ 1-го іюля 1904 г., Тифлисской 2-й Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича гимназіи, *Андреевъ* — съ 20-го іюля 1904 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учителя Тифлисской 3-й мужской гимназіи: *Покровскій* и *Корицкій*, оба — съ 13-го іюня 1904 г.; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора

Кутаисскаго реальнаго училища, *Колянковскій*—съ 23-го іюня 1904 г.; преподаватели Бакинскаго техническаго училища: *Скибинскій* и *Бойчевскій*, оба—съ 1-го сентября 1904 г.; учитель Тифлисской 2-й Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича гимназіи, *Ліозенъ*—съ 1-го сентября 1904 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учитель-инспекторъ Кагызманскаго городского училища, *Кирпичъ*—съ 1-го іюля 1903 г.; смотритель Кагызманскаго нормальнаго училища, *Новрузовъ* — съ 27-го октября 1903 г.; врачъ Эриванскаго Пушкинскаго городского училища, *Теръ-Аветисовъ* — съ 1-го декабря 1902 г.; смотритель Уманскаго двухклассннаго начальнаго училища, *Кочеровъ* — съ 1-го августа 1900 г.; бывшій смотритель Таманскаго двухкласснаго начальнаго училища, нынѣ въ отставкѣ, *Кононенко*—съ 1-го августа 1900 г.; учитель Баталпашинскаго городского училища, *Нацваловъ* — съ 1-го января 1903 г.; врачъ Анапскаго городского училища, *Куликъ*—съ 8-го января 1903 г.; учитель Кутаисской гимназіи, *Сипрадзе*—съ 25-го сентября 1901 г.; преподаватель Новороссійской гимназіи, *Македонскій* — съ 25-го іюня 1903 г.; бывшій учитель Тифлисскаго 2-го городского училища, нынѣ въ отставкѣ, *Павловъ* — съ 10-го февраля 1903 г.; учитель Шемахинскаго городского училища, *Доліевъ*—съ 1-го января 1903 г.; учитель Тифлисской 2-й Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича гимназіи, *Сокольскій*—съ 1-го августа 1903 г.; учитель Тифлисскаго реальнаго училища, *Павловъ*—съ 1-го сентября 1903 г.; учитель-инспекторъ Тифлисскаго 1-го городского училища *Прокофьевъ* — съ 1-го іюля 1904 г., сверхштатный учитель того же училища, *Буслаевъ*—съ 1-го іюля 1904 г. и бывшій инспекторъ Боржомской школы ремесленныхъ учениковъ *Побѣдимовъ* — съ 1-го сентября 1902 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры*: учитель-завѣдывающій Екатеринодарскою низшею ремесленною школою *Газдановъ*—съ 4-го іюня 1900 г.; учителя: Майкопскаго городского Александровскаго шестикласснаго училища, *Хвостовъ*—съ 1-го сентября 1902 г., Армавирскаго Александровскаго двухкласснаго училища: *Бетанфуро*—съ 15-го января 1903 г., и *Зинєвичъ*—съ 5-го марта 1902 г., Таманскаго двухкласснаго начальнаго училища, *Ловягинъ*—съ 1-го августа 1900 г., Грозненскаго Пушкинскаго шестикласснаго городского училища, *Максимовичъ* — съ 4-го сентября 1903 г. и *Датіевъ*—съ 17-го сентября 1903 г.; бывшій сверхштатный учитель Тифлисскаго 2-го городского училища, нынѣ въ отставкѣ, *Барсуковъ*—съ 1-го сентября 1903 г. и смотритель Манглисскаго нормальнаго

училища, *Чернявскій* — съ 1-го сентября 1896 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учитель Владикавказскаго графа Лорисъ-Меликова ремесленнаго училища, *Миріановъ* — съ 1-го іюля 1902 г.; помощникъ воспитателя пансіона Владикавказскаго реальнаго училища, *Дмитріевъ*—съ 1-го декабря 1902 г.; помощникъ воспитателя пансіона Ставропольской гимназіи, *Беневскій* — съ 4-го января 1901 г.; учитель-инспекторъ Игдырскаго городского училища, *Леонтьевъ*—съ 1-го сентября 1899 г.; учителя: общеобразовательныхъ классовъ Майкопскаго техническаго Императора Александра III училища, *Лобановскій* — съ 1-го іюля 1904 года, Екатеринодарскаго городского училища, *Джугели* — съ 1-го іюля 1901 г.; учитель, завѣдывающій Армавирскимъ двухклассным городскимъ училищемъ, *Зажаевъ* — съ 15-го октября 1900 года; учителя: Екатеринодарскаго городского училища, *Меденикъ*—съ 1-го сентября 1900 года, Ахалкалакскаго городского училища, *Шашковъ* — съ 1-го сентября 1900 года, приготовительнаго класса Кутаисскаго реальнаго училища, *Хмаладзе* — съ 4-го сентября 1902 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: помощникъ учителя Кизлярскаго трехкласснаго городского училища, *Ананьевъ* — съ 1-го іюня 1903 года; учитель Грозненскаго Пушкинскаго шестикласснаго городского училища, *Шошинъ*— съ 31-го іюля 1901 г.; сверхштатный учитель Тифлисскаго 1-го городского училища *Теръ-Давидянцъ*—съ 23-го февраля 1902 г.; письмоводитель (онъ же экономъ) Эриванской учительской семинаріи *Касрадзе* — съ 9-го іюня 1897 г.; учителя: Эриванскаго Пушкинскаго городского училища, *Скворцовъ* — съ 1-го августа 1898 г.; приготовительнаго класса Кутаисской гимназіи, *Джемарджидзе* — съ 8-го августа 1900 г.; помощникъ смотрителя Душетско-Тіонетскаго двухкласснаго училища, *Габелашвили* — съ 1-го сентября 1900 года; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: помощникъ учителя Александропольскаго городского училища, *Успенскій*—съ 1-го октября 1901 г.; учитель приготовительнаго класса Кутаисской гимназіи, *Цулукидзе*—съ 1-го іюля 1896 года, письмоводитель той же гимназіи, *Темниковъ* — съ 4-го іюля 1904 г. и учитель Манглисскаго нормальнаго училища *Кривуновъ*—съ 27-го сентября 1903 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя: Армавирскаго Александровскаго двухкласснаго начальнаго училища, *Аристовъ*—съ 1-го августа 1903 г., Манавскаго сельскаго училища, *Бадуровъ*—съ 28-го октября 1897 г.; почетный смотритель Батумскаго городского училища, *Бердзенишвили*—

съ 8-го марта 1902 г.; учитель-садоводъ Ставропольской дирекціи народныхъ училищъ *Никитинъ*—съ 14-го декабря 1894 г.

По управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края. *Производятся* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, директоръ Самаркандской женской гимназіи, *Дьячковъ*—съ 1-го августа 1903 года; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, учитель Маргеланской мужской гимназіи *Маджи* — съ 12-го марта 1904 года; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, учитель Больше-Алматинскаго городского училища, *Есютинъ*—съ 1-го января 1903 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, помощникъ секретаря управленія учебными заведеніями Туркестанскаго края *Глотовъ*—съ 1-го августа 1904 г.

Утверждается въ чинѣ *коллежскаго регистратора*, со старшинствомъ, бывшій преподаватель нѣмецкаго языка Ташкентской женской гимназіи *Эрмъ* — съ 1-го августа 1903 года, по званію домашняго учителя.

Опредѣляется на службу инженеръ-строитель *Ланге*—адъюнктъ-профессоромъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, по строительному и инженерному искусству, съ 1-го января.

Назначаются: директоръ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, докторъ физики, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шиллеръ*—членомъ совѣта министра; экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Карсаковъ* и Харьковскаго, докторъ химіи, коллежскій совѣтникъ *Альбицкій*—ординарными профессорами названныхъ университетовъ, по каѳедрамъ: первый—акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, а второй—химіи; дѣйствительные статскіе совѣтники: окружной инспекторъ Московскаго учебнаго округа *Державинъ* и директоръ Московской десятой гимназіи *Смольяниновъ*—одинъ на мѣсто другого; приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ чистой математики, статскій совѣтникъ *Селивановъ*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ чистой математики, съ 1-го января; лаборантъ зоологической лабораторіи и приватъ-доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, магистръ зоологіи, коллежскій совѣтникъ *Савинскій*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора того же университета по каѳедрѣ зоологіи.

Утверждаются: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Карышевъ*, статскій совѣтникъ *Лукьяновичъ*, титулярный совѣтникъ *Дементьевъ*, коллежскій секретарь *Малаевъ* и поручикъ запаса *Грузиновъ*—почетными попечителями: первый—Александровскаго средняго семиклаcснаго техническаго училища, второй—вновь Роменскаго реальнаго училища, третій—вновь Изюмскаго реальнаго училища, четвертый—Ананьевской гимназіи и послѣдній—Моршанскаго реальнаго училища, всѣ пятеро, согласно избранію, на три года.

Перемѣщается экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Яновскій*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго университета св. Владиміра, по каѳедрѣ врачебной діагностики съ пропедевтическою клиникою.

Увольняются, согласно прошенію, директоръ Турьинскаго горнаго училища, состоящій по главному горному управленію, горный инженеръ, коллежскій ассессоръ *Успенскій*—отъ должности директора названнаго училища, съ 1-го декабря 1904 г.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ, по болѣзни: дѣлопроизводители VI класса департамента общихъ дѣлъ министерства статскіе совѣтники: *Ершовъ* и *Моревъ*, оба съ мундирами, означеннымъ должностямъ присвоенными.

(29-го января 1905 года, № 6). *Опредѣляется* на службу магистръ всеобщей исторіи *Панченко*—ученымъ секретаремъ Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ.

Назначаются: директоры: Московскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Егоровъ* и народныхъ училищъ Нижегородской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Демковъ* и инспекторы: народныхъ училищъ Смоленской губерніи, статскій совѣтникъ *Покровскій* и Рязанской гимназіи, статскій совѣтникъ *Веригинъ*—директорами: Егоровъ—Московской второй гимназіи, Демковъ—Московскаго учительскаго института, Покровскій—народныхъ училищъ Нижегородской губерніи и Веригинъ—народныхъ училищъ Тульской губерніи, изъ нихъ послѣдній съ 1-го января; начальникъ отдѣленія канцеляріи министра путей сообщенія, докторъ государственнаго права, надворный совѣтникъ *Грибовскій*—преподавателемъ V класса С.-Петербургскаго археологическаго института, съ 1-го января, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности; директоръ Нѣжинскаго низшаго техническаго училища имени А. Ѳ. Кушакевича, инженеръ-технологъ *Нечкинъ*—директоромъ Ростовскаго на Дону средняго ме-

ханико и химико-техническаго и ремесленнаго училища, съ 1-го января; привать-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія *Мсеріанцъ*—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета, по каѳедрѣ сравнительной грамматики славянскихъ и другихъ родственныхъ языковъ, съ 1-го января; врачъ Московской пятой гимназіи, лекарь, коллежскій совѣтникъ *Лебедевъ*—завѣдывающимъ общежитіемъ имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича для студентовъ Императорскаго Московскаго университета, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности.

Утверждается дѣйствительный статскій совѣтникъ *Харитоненко*—вновь, почетнымъ попечителемъ Сумской Александровской гимназіи, согласно избранію, на три года.

Увольняется отъ службы согласно прошенію, директоръ Ростовскаго на Дону средняго механико и химико-техническаго и ремесленнаго училища, статскій совѣтникъ *Прасоловъ*, съ 1-го января, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

III. РАСПОРЯЖЕНІЯ, ОБЪЯВЛЕННЫЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ МИНИСТРОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (13-го октября 1904 года). *Объ измѣненіи правилъ для выдачи свидѣтельствъ на льготу при отбываніи воинской повинности ученикамъ евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ училищъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской.*

Согласно § 13 утвержденныхъ 14-го декабря 1889 года правилъ для выдачи свидѣтельствъ на льготу при отбываніи воинской повинности ученикамъ евангелическо-лютеранскихъ сельскихъ училищъ въ губерніяхъ Лифляндской, Курляндской и Эстляндской, ученики, не достигшіе четырнадцатилѣтняго возраста, не допускаются къ испытанію и потому не вносятся въ экзаменный списокъ.

Нынѣ попечитель Рижскаго учебнаго округа, объяснивъ, что съ увеличеніемъ числа школъ и потребности образованія въ сельскомъ населеніи значительно возрасло число дѣтей, оканчивающихъ курсъ ученія не только ниже четырнадцатилѣтняго, но даже и тринадцатилѣтняго возраста, а также въ виду ходатайства родителей дѣтей, просилъ министерство народнаго просвѣщенія о соотвѣтственномъ измѣненіи указаннаго параграфа означенныхъ правилъ.

Вслѣдствіе сего и во вниманіе къ тому, что въ настоящее время дѣйствующими по сему предмету въ большей части Имперіи правилами 16-го ноября 1885 года выдача свидѣтельствъ успѣшно окончившимъ курсъ въ начальныхъ училищахъ на льготу по воинской повинности не обусловливается тѣмъ или инымъ возрастомъ (§ 16), министерство народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министерствами военнымъ и внутреннихъ дѣлъ, признало нужнымъ объясненное выше ограниченіе относительно возраста лицъ, допускаемыхъ къ испытанію на льготу по воинской повинности, отмѣнить и въ соотвѣтствіе сему § 12 упомянутыхъ правилъ изложить такъ: „Учитель, завѣдывающій училищемъ, коего ученики имѣютъ явиться на испытаніе, заблаговременно приготовляетъ (по образцу № 1) списокъ симъ ученикамъ и представляетъ оный въ коммиссію; въ послѣдней же, на основаніи таковыхъ списковъ, составляется общій экзаменный списокъ (по образцу № 2)".

О семъ министръ народнаго просвѣщенія, 13-го октября 1904 года, донесъ правительствующему сенату, для распубликованія.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 20-го января 1905 г., № 9, ст. 126).

2. (15-го ноября 1904 года). *О дополненіи списка штатныхъ должностей въ разныхъ вѣдомствахъ, кои предоставляютъ право на чинопроизводство лицамъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.*

Министръ народнаго просвѣщенія, 15-го ноября 1904 г., представилъ правительствующему сенату, для распубликованія, дополнительный списокъ штатныхъ въ разныхъ вѣдомствахъ должностей, занятіе коихъ должно давать окончившимъ курсъ въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ право на производство въ чины соотвѣтственно пріобрѣтеннымъ званіямъ.

Дополнительный списокъ штатныхъ должностей въ разныхъ вѣдомствахъ, кои предоставляютъ право на чинопроизводство лицамъ, окончившимъ курсъ въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

I. По министерству Императорскаго Двора.

По кабинету Его Императорскаго Величества.	Дѣлопроизводитель, занимающійся по лѣсной части.

По Алтайскому округу.

1. Состоящіе при главномъ управленіи округа чиновники для особыхъ порученій.
2. Техникъ по строительной и дорожной части.
3. Старшіе лѣсничіе.
4. Младшіе лѣсничіе.
5. Управляющій лабораторіею.
6. Лаборантъ.
7. Завѣдывающій чертежною.
8. Помощникъ его.
9. Старшіе и младшіе землемѣры.
10. Управляющіе имѣніями.
11. Старшіе и младшіе помощники управлящихъ имѣніями.
12. Управляющій Риддерскимъ и Сокольнымъ рудниками.
13. Управляющій Салаирскими рудниками.
14. Управлющій Сузунскимъ заводомъ.
15. Управляющій золотыми промыслами.
16. Уставщики въ рудникахъ и заводахъ.
17. Управляющій Колыванскою шлифовальною фабрикою.

По Нерчинскому округу.

1. Завѣдывающій горною частью въ округѣ.
2. Старшіе и младшіе инженеры при управленіи округа.
3. Завѣдывающіе золотыми пріисками I, II и III разрядовъ.
4. Механикъ, онъ же архитекторъ.
5. Лаборантъ при лабораторіи.
6. Управляющій Соединенно-Зерентуйскою горною дистанціею.
7. Старшіе уставщики этой дистанціи.
8. Старшіе и младшіе смотрители золотыхъ промысловъ.
9. Управляющій Петровскимъ чу-

гуно-плавильнымъ и желѣзо-дѣлательнымъ заводомъ.

10. Механикъ этого завода.

11. Уставщики этого же завода.

По земельно-лѣсной части Нерчинскаго округа.

1. Завѣдывающій земельно-лѣсною частью.

2. Старшій лѣсничій.

3. Младшій лѣсничій, онъ же дѣлопроизводитель.

4. Старшій помощникъ дѣлопроизводителя.

5. Старшій землемѣръ.

6. Младшіе землемѣры.

7. Управляющіе имѣніями I, II и III разрядовъ.

8. Старшіе и младшіе земельно-лѣсные надзиратели.

По штату землеустроительныхъ чиновъ для составленія и предъявленія отводныхъ записей въ Алтайскомъ округѣ.

Производители работъ по лѣсной части.

По Императорской Екатеринбургской гранильной фабрикѣ.

Управляющій фабрикою.

По Императорскимъ фарфоровому и стеклянному заводамъ:

Техники старшіе и младшіе.

По управленію княжества Ловичскаго:

1. Старшій лѣсничій.

2. Лѣсничіе.

3. Младшіе лѣсничіе.

4. Лѣсные кондукторы.

5. Архитекторъ.

6. Дѣлопроизводитель по лѣсной части.

7. Его помощникъ

8. Смотрители дворцовъ.

9. Чертежникъ.

По контролю министерства.

Ревизоръ-техникъ.

По Императорской охотѣ.

Архитекторъ.

По придворному оркестру.	Смотритель зданій, онъ же архитекторъ.
По дирекціи Императорскихъ театровъ.	Техники.
По Императорской Академіи Художествъ.	Преподаватели высшаго художественнаго училища и подвѣдомственныхъ академіи училищъ, по предметамъ ихъ спеціальности.
По Московскому училищу живописи, ваянія и зодчества.	1. Директоръ. 2. Инспекторъ. 3. Лаборантъ.
По дворцовымъ управленіямъ.	Техники.
По двору Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича.	Электротехникъ. Архитекторъ.
По двору Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Іосифовны.	Архитекторъ.
По Павловскому городовому управленію.	Архитекторъ.
По главному управленію удѣловъ.	1. Геологъ. 2. Агрономы. 3. Завѣдующіе удѣльными виноторговлями. 4. Завѣдывающій Одесскимъ центральнымъ складомъ удѣльныхъ винъ. 5. Завѣдывающій Тифлисскимъ удѣльнымъ виннымъ подваломъ. 6. Начальникъ лѣсопильнымъ заводовъ. 7. Начальникъ Мургабскаго хлопкоочистительнаго завода. 8. Бухгалтеры при означенныхъ заводахъ. 9. Директоръ Императорской Петергофской гранильной фабрики. 10. Завѣдывающій хозяйственною частью оной. 11. Главный мастеръ оной. 12. Лѣсничіе. 13. Лѣсоводы. 14. Землемѣры. 15. Помощники ихъ. 16. Техники. 17. Землемѣрные чиновники. 18. Подлѣсничіе.

II. По собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

Директоръ карточной фабрики.

III. По министерству внутреннихъ дѣлъ.

По техническо-строительному комитету.

1. Техники при градоначальствахъ и городовые архитекторы.

По хозяйственному департаменту.

2. Инженеры по дорожной части.

По главному управленію почтъ и телеграфовъ.

3. Помощники столоначальниковъ въ техническихъ отдѣленіяхъ и

4. Почтово-телеграфные чиновники 2 и 3 разрядовъ главнаго депо почтово-телеграфныхъ матеріаловъ.

5. Почтово-телеграфные чиновники 4 разряда названнаго депо и канцелярскіе чиновники техническихъ отдѣленій главнаго управленія почтъ и телеграфовъ.

6. Механики, начальники, помощники ихъ и почтово-телеграфные чиновники мѣстныхъ почтово-телеграфныхъ учрежденій.

7. Механики Винницкой и Казанской окружныхъ лечебницъ для душевно-больныхъ.

Примѣчанія: 1. На перечисленныя должности назначаются лица, окончившія курсъ съ учеными степенями въ высшихъ спеціальныхъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, исключая Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства и не техническихъ отдѣленій Рижскаго политехническаго института, и

2. Къ занятію указанныхъ въ п. 5 должностей допускаются и техники, имѣющіе по дипломамъ право на чинъ XII класса.

По переселенческому управленію.

8. Чиновники переселенческаго управленія.

По хозяйственному департаменту.

9. Страховые инспекторы, страховые оцѣнщики, ихъ помощники.

Примѣчаніе. Къ занятію сихъ должностей допускаются всѣ безъ исключенія лица, окончившія курсъ съ учеными степенями въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

IV. По министерству финансовъ.

По учрежденіямъ министерства финансовъ по части торговли и промышленности и ихъ вѣдомству.

1. Окружные фабричные инспекторы.
2. Старшіе фабричные инспекторы.
3. Фабричные инспекторы (участковые).
4. Губернскіе и областные механики.
5. Кандидаты на должности фабричныхъ инспекторовъ.
6. Фабричные ревизоры при отдѣлѣ промышленности.
7. Техникъ Бакинскаго техническаго комитета.
8. Лаборантъ Бакинскаго техническаго комитета.
9. Управляющіе пробирными округами.
10. Помощники ихъ.
11. Лаборанты лабораторіи министерства финансовъ при С.-Петербургскомъ окружномъ пробирномъ управленіи.
12. Помощники лаборанта.
13. Губернскіе пробиреры.
14. Пробиреры.
15. Помощники пробиреровъ.
16. Старшіе инспекторы главной палаты мѣръ и вѣсовъ.
17. Младшіе инспекторы главной палаты мѣръ и вѣсовъ.
18. Механикъ главной палаты мѣръ и вѣсовъ.

По главному управленію неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей.

1. Члены и техники техническаго комитета.
2. Ревизоры главнаго управленія.
3. Инспекторы по техническо-строительной части отдѣла казенной продажи питей.

4. Техники отдѣла казенной продажи питей.

5. Завѣдующій строительной частью отдѣла казенной продажи.

6. Помощникъ завѣдывающаго строительной частью отдѣла казенной продажи питей.

7. Техники по строительной части того же отдѣла.

8. Завѣдывающій Орловскимъ отдѣломъ техническаго комитета.

9. Лаборанты и повѣрители техническаго комитета.

10. Надзиратели акцизныхъ управленій.

11. Помощники надзирателей акцизныхъ управленій.

12. Техники акцизныхъ управленій по освидѣтельствованію минеральныхъ маслъ.

13. Техники акцизныхъ управленій.

14. Контролеры при винокуренныхъ сахарныхъ и нефтяныхъ заводахъ и при табачныхъ и спичечныхъ фабрикахъ.

15. Старшіе и младшіе ревизоры губернскихъ акцизныхъ управленій.

16. Завѣдывающій матеріальною частью комитета главнаго управленія.

По департаменту окладныхъ сборовъ.

1. Податные инспекторы.

2. Помощники податныхъ инспекторовъ.

По департаменту таможенныхъ сборовъ.

1. Члены таможенъ.

2. Пакгаузные надзиратели таможенъ и ихъ помощники.

3. Корабельные смотрители таможенъ и ихъ помощники.

4. Начальникъ тарифнаго отдѣленія департамента.

5. Лаборанты и столоначальники тарифнаго отдѣленія департамента и ихъ помощники.

По департаменту желѣзнодорожныхъ дѣлъ.

Члены отъ министерства финансовъ въ совѣтахъ мѣстныхъ управленій казенныхъ желѣзныхъ дорогъ.

По государственному банку.

Старшіе и младшіе техники.

По С.-Петербургскому монетному двору.

1. Управляющій медальною и вспомогательными частями.

2. Помощникъ управляющаго медальною и вспомогательными частями.

3. Пробиреръ-контролеръ.

4. Помощникъ пробиреръ-контролера.

5. Пробиреръ при лабораторіи.

6. Помощникъ пробирера при лабораторіи.

7. Пробиреръ при передѣлахъ.

8. Помощникъ пробирера при передѣлахъ.

9. Смотритель механическихъ устройствъ.

По экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

1. Завѣдывающіе отдѣленіями: бумагодѣлательнымъ, печатнымъ, граверно-художественнымъ и ремонтно-механическимъ и испытательною станціею и ихъ помощникъ.

2. Контролеръ производства и его помощникъ.

3. Чиновники особыхъ порученій.

V. По министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

По вѣдомству департамента государственныхъ земельныхъ имуществъ для окончившихъ курсъ въ институтахъ Ново-Александрійскомъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства и въ Рижскомъ политехническомъ по сельско-хозяйственному отдѣленію.

1. По надзору за казенными землями и оброчными статьями,—старшіе и младшіе надзиратели.

2. По устройству и оцѣнкѣ казенныхъ оброчныхъ статей,—производители работъ и ихъ помощники.

3. По приведенію въ извѣстность и описанію казенныхъ земель и лѣсовъ на Кавказѣ,—производители работъ.

4. Въ Сибирскихъ отрядахъ по образованію переселенческихъ и запасныхъ участковъ производители работъ и ихъ помощники, и

5. Въ отрядахъ по образованію переселенческихъ участковъ на Кавказѣ,—производители работъ.

По вѣдомству горнаго департамента для окончившихъ курсъ въ технологическихъ институтахъ:

1. По управленію Сучанскимъ каменноугольнымъ предпріятіемъ — помощникъ управляющаго.

С.-Петербургскомъ, Харьковскомъ и Томскомъ, Рижскомъ политехническомъ институтѣ, Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ и Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства.

По вѣдомству лѣсного департамента для окончившихъ курсъ въ Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства по лѣсному его отдѣленію.

По вѣдомству департамента земледѣлія для окончившихъ курсъ въ высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

2. По Екатеринославскому высшему горному училищу—лаборантъ и

3. По Олонецкому горному правленію—лаборантъ.

По С.-Петербургскому лѣсному институту директоръ, помощникъ директора, профессоры, преподаватели, ассистенты, лаборантъ; — по низшимъ лѣснымъ школамъ: — завѣдывающій школой и преподаватель и по корпусу лѣсничихъ: ревизоръ, лѣсничій и помощникъ лѣсничаго.

По самому департаменту: 1) штатныя должности и 2) причисленные къ департаменту и откомандированные въ подвѣдомственныя ему учрежденія для исполненія обязанностей по должностямъ, не положеннымъ по штатамъ сихъ учрежденій.

По вѣдомству департамента: 1) уполномоченные по сельско-хозяйственной части въ губерніяхъ, 2) спеціалисты (старшіе и младшіе и таковые же инструкторы) по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, 3) управляющіе сельско-хозяйственными фермами при земледѣльческихъ училищахъ, 4) помощники ихъ, 5) попечители низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, 6) смотрители за рыбными промыслами при управленіи государственными имуществами въ Туркестанскомъ краѣ, 7) завѣдующій сельско-хозяйственными опытными станціями и ихъ помощники, 8) секретари сельско-хозяйственныхъ обществъ, 9) агрономы и завѣдующіе рыбными промыслами при управленіи государственными имуществами въ Приамурскомъ генералъ-губернаторствѣ, 10) завѣдующій рыбными морскими и звѣриными промыслами при управленіи государственными имуществами Архангельской губерніи, 11) чиновники по сельско-хозяйственной и оброчной статьямъ при управленіи

земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ Туркестанскомъ краѣ и 12) агрономы при мѣстныхъ управленіяхъ.

По вѣдомству отдѣла земельныхъ улучшеній для окончившихъ курсъ въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.	1. Торфмейстеры, состоящіе при отдѣлѣ торфмейстерской части, и 2. Старшіе и младшіе топографы отдѣла.

VI. По министерству путей сообщенія.

По инженерному совѣту.

Инженеры для техническихъ занятій.

По управленію желѣзныхъ дорогъ:

Управляющіе. Помощники управляющихъ. Дѣлопроизводители. Помощники дѣлопроизводителей. Ревизоры движенія. Инженеры для техническихъ занятій. Инспекторы по эксплоатаціи.	Отдѣловъ: техническаго, хозяйственнаго и эксплоатаціоннаго.

По управленію по сооруженію желѣзныхъ дорогъ:

Управляющіе. Помощники управляющихъ. Дѣлопроизводители. Помощники дѣлопроизводителей. Инженеры для техническихъ занятій.	Отдѣловъ: техническаго и хозяйственнаго.

По управленію внутреннихъ водяныхъ путей и шоссейныхъ дорогъ:

Помощники дѣлопроизводителей отдѣла водяныхъ и шоссейныхъ сообщеній.

Инженеры, состоящіе въ распоряженіи правленій округовъ путей сообщенія.

Столоначальники. Помощники столоначальниковъ.	Искусственныхъ отдѣленій правленій округовъ сообщенія.

Начальники дистанцій шоссейныхъ и водяныхъ путей.

По инспекціи Императорскихъ поѣздовъ:

Помощникъ инспектора.
Ревизоры вагоновъ.
Дѣлопроизводитель.
Инженеры, состоящіе въ распоряженіи инспекціи.

По отдѣлу по испытанію и освидѣтельствованію заказовъ министерства и паровыхъ котловъ на судахъ:

Главный инженеръ.
Помощникъ главнаго инженера.
Инженеръ при отдѣлѣ.
Дѣлопроизводитель.
Бухгалтеръ.
Старшіе и младшіе инженеры по испытанію и освидѣтельствованію заказовъ министерства.
Инженеръ по испытанію пароходныхъ котловъ.
Дѣлопроизводитель.
Пароходные техники.

По учебному отдѣлу.

Адъюнкты. Штатные преподаватели. Помощникъ завѣдывающаго механическою лабораторіею. Лаборантъ. Хранитель.	Императорскаго Московскаго инженернаго училища.
Начальникъ. Преподаватели спеціальныхъ предметовъ и ремеслъ.	Училища кондукторовъ путей сообщенія.
Начальники. Штатные преподаватели. Завѣдывающіе учебными мастерскими. Помощники завѣдывающихъ учебными мастерскими.	Техническихъ желѣзнодорожныхъ училищъ.

Вообще по министерству.

Управляющіе частными желѣзными дорогами.

Штатные по министерству путей сообщенія инженеры отъ V-го до IX-го классовъ.

VII. По министерству юстиціи.

По вѣдомству министерства юстиціи.	1. Архитекторъ при второмъ департаментѣ. 2. Архитекторы зданій судебныхъ установленій. 3. Присяжный фотографъ. 4. Помощникъ его. 5. Завѣдывающій технической частью сенатской типографіи. 6. Помощникъ его.
По главному тюремному управленію.	1. Архитекторъ при главномъ тюремномъ управленіи. 2. Техники С.-Петербургскихъ мѣстъ заключенія. 3. Инженеръ-архитекторъ при управленіи острова Сахалина. 4. Инспекторъ сельскаго хозяйства при управленіи острова Сахалина. 5. Архитекторъ Нерчинской каторги.
По управленію межевой части.	1. Архитекторъ межевой канцеляріи. 2. Таксаторы Кубанской и Терской областныхъ чертежныхъ. 3. Помощники ихъ.

VIII. По морскому министерству.

1. Младшіе производители работъ въ артиллерійской чертежной морского техническаго комитета.

2. Артиллерійскіе пріемщики.

3. Начальникъ научно-технической лабораторіи морского вѣдомства.

4. Старшій помощникъ начальника научно-технической лабораторіи.

5. Младшій помощникъ начальника той же лабораторіи.

6. Лаборанты той же лабораторіи.

7. Начальникъ завода для выдѣлки бездымнаго пороха, пироколлодія и пироксилина.

8. Помощники начальника того же завода.

9. Химики того же завода.

10. Начальники артиллерійскихъ мастерскихъ въ портахъ и мастеры артиллерійской спеціальности въ заводахъ морского вѣдомства.

IX. По главному управленію торговаго мореплаванія и портовъ.

Портовые техники въ мѣстныхъ управленіяхъ приморскими торговыми портами.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 26-го января 1905 г., № 15, ст. 161).

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Знойко, Николай.* Краткіе очерки по культурной исторіи древняго Востока. Изданіе 4-ое. Одесса. 1905. Стр. VI + 208. Цѣна 85 коп.“ (для III класса мужскихъ гимназій и прогимназій).

— „*Знойко, Николай.* Краткое руководство по новой исторіи. Одесса. 1904. Часть I. Стр. 122.—Часть II. Стр. 119. Цѣна каждой части 50 коп.“ (для женскихъ гимназій и коммерческихъ училищъ).

— „*Klasse, Octave.* Le petit Français ou Enseignement par l'image. Cours élémentaire. 3-me édition. Vilna. 1905. Pages 254. Prix 1 rouble.— Cours moyen. Vilna. 1904. Pages 244. Prix 1 rouble.—Словари къ

„Le petit Français (Cours moyen)". Vilna. 1905. Стр. 218. Цѣна 50 коп."

— „*Никульцевъ, П.* Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Часть I. Теоретическій отдѣлъ. Изданіе 6-ое, В. В. Думнова. М. 1905. Стр. IV+336. Цѣна 1 руб. 25 коп."

— „*Персональный, С. К.* Первые уроки по землевѣдѣнію. Изданіе 2-е, перераб. М. 1904. Стр. VIII+128. Цѣна 50 коп."

— „*Чиканова, Б.* Учебникъ прямолинейной тригонометріи. Изданіе 3-е. Варшава. 1905. Стр. 87. Цѣна 50 коп."

— „*Шалландъ, А.* Полный курсъ французскаго языка. 1) Приготовительный курсъ. Изданіе 5-е. С.-Пб. 1904. Стр. 64. Цѣна 30 к.— 2) Третій годъ. Изданіе 7-е. С.-Пб. 1905. Стр. 122. Цѣна 50 коп."

— „*Шалландъ, А.* Французская элементарная грамматика. Часть I-я. Изданіе 10-е. С.-Пб. 1905. Стр. 96. Цѣна 40 коп."

— „*Шалландъ, А.* Французская грамматика. Часть II. Синтаксисъ. Изданіе 7-е. С.-Пб. 1905. Стр. 98. Цѣна 45 коп."

— „*Chollet, C.* Manuel de littérature française. M. 1904. Cours 1-r. Depuis les origines jusqu'au XVIII siècle. Стр. IV+208. Цѣна 1 руб. — Cours 2-me. Depuis le XVIII siècle jusqu'à la seconde moitié du XIX. Стр. 316. Цѣна 1 руб. 50 коп."

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Гольденбергъ, А. И.* Собраніе ариѳметическихъ упражненій. Курсъ приготовительнаго класса. 4-ое изданіе. М. 1904. Стр. 80. Цѣна 25 коп."

— „*Максимовъ, И. И.* 1) Учебная карта древней Греціи. 3-е изданіе. Гомель. 1904.—2) Учебная карта древней Италіи. 3-е изданіе. Гомель. 1904.—3) Учебная карта Европы въ эпоху великаго переселенія народовъ (во 2-ой половинѣ V-го вѣка). 3-е изданіе. Гомель. 1904." (въ качествѣ классныхъ учебныхъ пособій).

— „*Соколовъ, А.* Учебный географическій атласъ. Изданіе А. Ильина. С.-Пб. 1904. 35 таблицъ. Цѣна 1 руб. 50 коп."

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Блекки, Джонъ Стюартъ.* Четыре фазиса нравственности. Сократъ, Аристотель, христіанство, утилитаризмъ. Изданіе 2-е, М. В.

Клюкина. (Общеполезная библіотека для самообразованія. №№ 30—33). М. 1905. Стр. 423. Цѣна 1 руб."

— „*Быстровъ, М.* Учебная хрестоматія къ курсу исторіи новѣйшей русской литературы. Изданіе А. К. Пурышева. С.-Пб. 1904. Стр. 328. Цѣна 2 руб. 50 коп." (для старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Бюсналь, Вильямъ.* Исторія покинутаго мальчика. Переводъ съ франц. *Л. Черскаго.* Изданіе В. В. Смоленова. С.-Пб. 1903. Стр. 197. Цѣна 1 руб., въ перепл. 1 руб. 50 коп." (для средняго возраста, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Випперъ, Р.* Учебникъ древней исторіи. 3-е дополн. изданіе. М. 1904. Стр. VI+213. Цѣна 1 руб." (для средняго возраста).

— „*Гауфъ, Вильгельмъ.* Избранныя сказки. Переводъ съ нѣм. *Н. М. Федоровой.* Изданіе В. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 240. Цѣна 1 руб." (для младшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя читальни).

— „*Геккель, Э.* Красота формъ въ природѣ. Изданіе Т-ва „Просвѣщеніе". С.-Пб. 1902. 40 таблицъ" (также для выдачи ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній въ видѣ награды).

— „*Гексли.* Введеніе въ науку. Переводъ *Д. Кашкарова,* подъ ред. *Н. К. Кольцова.* (Серія начальныхъ курсовъ). М. 1902. Стр. 80. Цѣна 20 коп." (для средняго возраста, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Гетчинсонъ.* Вымершія чудовища. Переводъ *М. В. Павловой.* Съ предисл. *А. П. Павлова.* М. 1898 — 1899. Стр. 466. (Научно-образовательная библіотека)." (для старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Голиковъ, В. И.* Природа. Уроки и бесѣды по естествовѣдѣнію. Курсъ 2-го года обученія. Изданіе К. Тихомирова. М. 1904. Стр. V+220. Цѣна 65 коп." (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Диккенсъ, Ч.* Святочные разсказы. Переводъ съ англ. *Е. Г. Тихомандрицкой* подъ ред. и съ предисл. *М. М. Бродовскаго.* Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1904. Стр. III+312+1. Цѣна въ перепл. 1 руб. 50 коп." (для средняго и старшаго возрастовъ, а равно въ безплатныя библіотеки и читальни).

— „*Діатроптовъ, Е. Н.* 1) Изъ жизни ласточекъ. Разсказъ. Изданіе И. П. Гайгарова. М. 1904. Стр. 47. Цѣна 30 коп. — 2) Животныя на войнѣ. Разсказъ. Изданіе И. П. Гайгарова. М. 1904.

Стр. 32. Цѣна 20 коп." (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Дружбинъ, Н.* И все это правда. Умъ и нравы животныхъ. Сборникъ разсказовъ. 3-е изданіе, дополн. письмами читателей, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. 265. Цѣна 2 руб. 50 коп. въ перепл." (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Зандъ, Жоржъ.* Бабушкины сказки. Переводъ съ франц. *М. А. Лазаревой.* Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1899. Стр. 279. Цѣна 1 руб." (для средняго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Карменъ Сильва (Елизавета, королева румынская).* Царство сказокъ. Переводъ съ нѣмец. *С. М. Майковой.* 2-е изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1904. Стр. 311. Цѣна 1 руб. въ папкѣ." (для средняго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „Картинная галлерея Императорскаго Эрмитажа. Съ объяснительнымъ текстомъ *П. В. Деларова.* Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1902. Стр. IV+182+II. Цѣна 5 руб., въ коленк. перепл. 6 руб." (для старшаго возраста).

— „*Круковскій, М. А.* Олонецкій край. Путевые очерки. Изданіе „Петербургскаго учебнаго магазина". С.-Пб. 1904. Стр. IV + 260. Цѣна 60 коп." (также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Либровичъ, Сигизмундъ.* Приготовишки и старшеклассники. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1904. Стр. 99. Цѣна 60 коп." (для младшаго и средняго возрастовъ, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Мечъ, Сергѣй.* Швейцарія. 2-е изданіе. М. 1904. Стр. 39. Цѣна 40 коп." (для старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Мечъ, Сергѣй.* Швеція и Норвегія. М. 1904. Стр. 50. Цѣна 50 коп." (для старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Мидъ, Л. Т.* На необитаемомъ островѣ. Переводъ съ англ. *М. И. Ловцовой.* Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 268. Цѣна 1 руб." (для младшаго возраста, а также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Мидъ, Л.* Семь молоденькихъ дѣвицъ. (Домъ вверхъ дномъ). Переводъ съ англ. *М. Ловцовой.* Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб.

1904. Стр. 288. Цѣна въ папкѣ 1 руб." (для средняго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „Мозгъ, какъ органъ мышленія. (Народный университетъ. Сборникъ общедоступныхъ статей по самообразованію. Подъ ред. *В. В. Битнера*). Изд. П. П. Сойкина. С.-Пб. 1901. Стр. 68. Цѣна 50 коп."

— „*Николинъ, Иванъ*. Курсъ основного богословія или апологетики. Свято-Троицкая Сергіева Лавра. 1904. Стр. 285+III. Цѣна 1 руб. 25 коп."

— „*Островскій, А. Н.* Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. *М. И. Писарева*. Изданіе Т-ва „Просвѣщеніе". С.-Пб. 1904. Томъ II-ой. Стр. 434.—Томъ III. Стр. 469.—Томъ IV. Стр. 631.—Томъ V. Стр. 517.—Томъ VI. Стр. 503. Цѣна за 10 томовъ 16 руб." (для средняго и старшаго возрастовъ, а равно въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Паломовъ, Д. А.* Два старика. Повѣсть для юношества. (Изъ кавказской жизни). Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. 238. Цѣна 1 руб. 20 коп., въ папкѣ 1 руб. 40 коп." (для средняго возраста, а равно въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Петерсонъ, О. П.* Русская стенографія. Изд. А. Ф. Маркса. С.-Пб. Стр. 137. Цѣна 1 руб. 50 коп."

— „*Пушкинъ, А. С.* Сочиненія и письма. Подъ ред. *П. О. Морозова*. Изданіе Т-ва „Просвѣщеніе". С.-Пб. 1903—4. Томъ III. Стр. VIII+671.—Томъ IV. Стр. 6+427.—Томъ V. Стр. 6+642.—Томъ VI. Стр. VIII+706." (для средняго и старшаго возрастовъ, а также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Риманъ, Г.* Музыкальный словарь. Переводъ *Б. Юргенсона*, дополн. русскимъ отдѣломъ. Переводъ и всѣ дополненія подъ ред. *Ю. Энгеля*. Изданіе П. Юргенсона. М. 1901. Стр. 1531. Цѣна не обозначена." (также въ безплатныя народныя библіотети и читальни).

— „*Рогова, О. П.* Донъ-Кихотъ Ламанчскій, рыцарь печальнаго образа и рыцарь львовъ. Передѣл. по Сервантесу для русскаго юношества. 4-е, испр. изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. 64. Цѣна въ папкѣ 1 руб. 75 коп." (для младшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Роско*. Химія. Переводъ подъ ред. *С. Г. Крапивина*. (Серія

начальныхъ курсовъ). М. 1902. Стр. 111. Цѣна 25 коп.“ (для старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Русаковъ, Викторъ.* Русскіе Колумбы и Робинзоны. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 146. Цѣна въ папкѣ 1 руб.“ (для средняго возраста, а равно въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Соковнинъ, Н. А.* Быть и казаться. Три повѣсти изъ дѣтской жизни. 3-е изданіе, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. 239. Цѣна въ перепл. 2 руб.“ (для средняго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Соколовъ, Н. Н.* Аріасватн. Романъ. Изданіе Н. Н. Сойкина. С.-Пб. 1904. Стр. 484. Цѣна 1 руб. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Сомова, Е. К.* Басни въ лицахъ. Разсказы для дѣтей. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. 180. Цѣна 80 коп., въ папкѣ 1 руб.“ (для средняго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Толстой, Л. Л.* Яша Поляновъ. Воспоминанія для дѣтей изъ дѣтства. М. 1899. Стр. 204. Цѣна 1 руб.“ (для младшаго и средняго возрастовъ, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Толстой, Н.* Три сестры. Сказка въ стихахъ. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. 8 + 114. Цѣна 3 руб. 50 коп.“ (для младшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Хвостовъ, Н. В.* Подъ осень. Стихотворенія. С.-Пб. 1905. Стр. 176. Цѣна 1 руб.“

— „*Чарская, Л. А.* Люда Влассовская. Повѣсть для юношества. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1904. Стр. 447. Цѣна 2 р. 25 коп., въ перепл. 3 руб.“ (для средняго возраста, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Шекспиръ.* Изданіе Брокгауза-Ефрона. (Библіотека великихъ писателей подъ ред. *С. А. Венгерова*). С.-Пб. 1902—1904. Томъ I. Стр. IV+572.—Томъ II. Стр. 577.—Томъ III. Стр. 595.—Томъ IV. Стр. 605.—Томъ V. Стр. 608.“ (также для выдачи въ видѣ награды, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Генкель, А.* Краткій очеркъ внѣшней морфологіи (органографіи) цвѣтковыхъ растеній. Съ приложеніемъ текста къ I-му выпуску Школьнаго ботаническаго атласа и уменьшенной копіи его (218 рис.). 2-е, вновь написанное, изданіе Подвижного музея учебныхъ пособій. С.-Пб. 1904. Стр. 32. Цѣна 30 коп." (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были исправлены погрѣшности).

— „*Двигубскій, И. П.* Что и какъ наблюдать на небѣ. С.-Пб. 1904. Стр. 196. Цѣна 1 руб." (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Фельс, Альфонсъ.* Жизнь знаменитыхъ грековъ, изложенная по Плутарху. Переводъ съ франц. *П. В. Евстафьева.* 2-е изданіе, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1904. Стр. II+374. Цѣна 1 р. 25 коп., въ перепл. 1 руб. 75 коп." (для средняго и старшаго возрастовъ, а равно и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи недостатки книги были исправлены согласно замѣчаніямъ ученаго комита).

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Буличъ, С. К.* Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Томъ I. (XIII в. — 1825 г.). Съ приложеніемъ, вмѣсто вступленія, „Введенія въ изученіе языка" *Б. Дельбрюка.* С.-Пб. 1904. Стр. XI+1248. Цѣна 6 руб."—признать заслуживающей рекомендаціи посредствомъ особаго циркуляра окружнымъ начальствамъ для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а равно въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „*Гошкевичъ, М. И.* Гигіена. 3-е испр. изданіе. Херсонъ. 1904. Стр. IV+345. Цѣна 1 руб. 50 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „*Желиховская, В. П.* На весенней зарѣ. Повѣсть для юношества. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. 191. Цѣна 90 коп.“ — допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „*Левицкій, Михаилъ.* Послѣднія ингерманландки. Повѣсть временъ основанія Петербурга. Кронштадтъ. 1903. Стр. 163. Цѣна 40 коп.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Васильевъ, Петръ.* Этимологія русскаго языка. М. 1904. Стр. VII + 96. Цѣна 40 коп.“ (для городскихъ училищъ, а также для младшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ).

— „*Корханиди, П.* Начальная русская хрестоматія. Изд. 4-е. Тифлисъ. 1904. Стр. 441 + VI. Цѣна 70 коп.“

— „*Крижъ, В. О.* Азбука для сельскихъ школъ, русская и церковно-славянская. 4-е изд. П. Ѳ. Жиркова. М. 1905. Стр. 97 + 20. Цѣна 25 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Мироносицкій, П. П.* Записки по теоріи музыки. С.-Пб. 1904. Стр. VIII + 119. Цѣна 80 коп.“ (для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ).

— „Наглядный русскій букварь и первая книга для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. 2-ое изд. православнаго миссіонерскаго общества. Казань. 1904. Стр. 98 + II. Цѣна 20 коп.“ (для инородческихъ училищъ).

— „*Сатаровъ, В. Н.* „Родные посѣвы“. 2-я книга для класс-

наго чтенія. Изд. К. Тихомирова. М. 1905. Стр. 173 + III. Цѣна 30 коп."

— „*Турцевичъ, Ар.* Краткій учебникъ русской исторіи. 3-е изд. Вильна. 1905. Стр. 89. Цѣна 25 коп." (для 2-хклассныхъ сельскихъ училищъ).

— „*Шнейдеръ, М. Б.* Бетъ гасеферъ. Руководство къ одновременному изученію Библіи, библейской исторіи и древне-еврейскаго языка. Книга 1-я. Изд. 13-е вновь перераб. Вильна. 1903. Стр. VI + 123. Цѣна 45 коп." (для еврейскихъ учебныхъ заведеній).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Горбовъ, Н.* О внѣшнихъ пріемахъ воспитанія въ народной школѣ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1904. Стр. IV + 51. Цѣна 30 коп."

— „*Ельницкій, К.* Условія успѣшности обученія въ начальной школѣ. 4-е изд., Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1904. Стр. 30. Цѣна 20 коп."

— „*Красевъ, А.* О преподаваніи Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Вятка. 1904. Стр. 70 + II. Цѣна 25 коп."

— „*Крижъ, В. О.* Руководство къ азбукѣ для сельскихъ школъ русской и церковно-славянской. 3-е изд., И. О. Жиркова. М. 1904. Стр. 62. Цѣна 10 коп." (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Кудрявцевъ, М. П.* Ариѳметика на счетахъ и коммерческія вычисленія. Изд. 7-е, испр. и доп. М. 1905. Стр. 128. Цѣна 1 р." (также въ ученическія библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ).

— „*Покровскій, В.* Аѳанасій Аѳанасіевичъ Фетъ (Шеншинъ). Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1904. Стр. 110. Цѣна 20 коп." (также въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „Руководство къ веденію разговорныхъ уроковъ по русскому языку въ инородческихъ школахъ. 2-е испр. изд. православнаго миссіонерскаго общества. Казань. 1904. Стр. XIV + 96 + VI. Цѣна 50 коп." (для инородческихъ училищъ).

— „Энциклопедическій словарь. Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ) и И. А. Ефронъ (С.-Пб.). Полутомы 78 и 79." (для учительскихъ семинарій, городскихъ и 2-хклассныхъ приходскихъ училищъ).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній [1]):

— „*де-Амичисъ, Эдмондъ*. Дневникъ школьника. (Cuore). Редакція перевода и преднсл. *В. Крестовскаго*. Изд. 4-е, В. П. Губинскаго. С.-Пб. 1899. Стр. XI + 282. Цѣна 1 р.“

— „*Бизлей*. Разсказы изъ римской исторіи. М. 1901. Стр. 111. Цѣна 40 к.“

— „*Біаръ, Люсьенъ*. Приключенія молодого натуралиста. Переводъ съ франц. подъ ред. *С. Бриліанта*. Изд. В. П. Губинскаго. С.-Пб. 1904. Стр. 402 + IV. Цѣна 1 р. 35 коп.“

— „*Богданова, А*. Америка. (Соединенные Штаты). Изд. 2-е, М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 63. Цѣна 20 коп.“

— „*Веберъ, К. К*. Разсказы о фабрикахъ и заводахъ. Изд. 7-е, магаз. «Сотрудникъ школъ». М. 1900. Стр. 126. Цѣна 60 коп.“

— „*Вэръ-Чистякова, Е*. Правдивый Петя. Разсказъ. Изд. М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1905. Стр. 15. Цѣна 3 коп.“

— „*Гётте*. Зоологія. Переводъ подъ ред. *П. П. Сушкина*. (Серія начальныхъ курсовъ). Стр. 188 + III. Цѣна 40 коп.“

— „*Гофманъ, Францъ*. Безпріютный и благодѣтель. Переводъ съ нѣм. *А. И. Павловской*. Изд. А. Д. Ступина. М. 1904. Стр. 231. Цѣна 1 р.“

— „*Денисовъ, Леонидъ*. Неизбѣжный путь жизни христіанина. Изд. 2-е, А. Д. Ступина. М. 1905. Стр. V + 64. Цѣна 10 коп.“

— „*Додэ, А*. Удивительныя приключенія Тартарена. Переводъ *Л. Черскаго*. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 30. Цѣна 20 коп.“

— „Дѣвочка-Робинзонъ. Леля на необитаемомъ островѣ. Съ англійскаго. 3-е русское изд., подъ ред. *И. Бѣлозерскаго*, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1904. Стр. II + 225. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Жуковскій, В. А*. Графъ Габсбургскій. Кубокъ. Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 22. С.-Пб. 1904. Стр. 15. Цѣна 3 коп.“

— „*Жуковскій, В. А*. Избранныя стихотворенія. Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 23. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“

---

[1]) Сочиненія, допущенныя въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, считаются допущенными также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*Жуковскій*, *В. А.* Капитанъ Бопгь. Іосифъ Прекрасный. Выборъ креста. Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 26. С.-Пб. 1904. Стр. 27. Цѣна 5 коп.“

— „*Жуковскій*, *В. А.* Котъ въ сапогахъ. Овсяный кисель. Свѣтлана. Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 27. С.-Пб. 1904. Стр. 26. Цѣна 5 коп.“

— „*Жуковскій*, *В. А.* Сказка о Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ. Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 28. С.-Пб. 1904. Стр. 40. Цѣна 5 коп.“

— „*Жуковскій*, *В. А.* Сказка о спящей царевнѣ. Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 24. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“

— „*Жуковскій*, *В. А.* Сказка о царѣ Берендеѣ. Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 25. С.-Пб. 1904. Стр. 24. Цѣна 3 коп.“

— „*Засодимская*, *А. Н.* Разсказы и сказки для маленькихъ дѣтей. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 98. Цѣна 45 коп.“

— „*Киплингъ*, *Р.* Котуко. Повѣсть изъ жизни эскимосовъ. Изд. М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Коваленская*, *А.* Валетка. (Смышный). Изд. 2-е, магаз. „Сотрудникъ школъ“. М. 1899. Стр. 70. Цѣна 15 коп.“

— „*Коваленская*, *А. Г.* Крутиковъ. Разсказъ. 8-е изд., магаз. „Сотрудникъ школъ“. М. 1903. Стр. 48. Цѣна 7 коп.“

— „*Коваленская*, *А. Г.* Народные разсказы. Мачиха. Изд. 3-е, магаз. „Сотрудникъ школъ“. М. 1902. Стр. 24. Цѣна 10 коп.“

— „Красныя зори. Двухнедѣльный иллюстрированный журналъ для дѣтей младшаго возраста подъ ред. *К. С. Баранцевича*. С.-Пб. Подписная цѣна на годъ 3 р.“ (для начальныхъ училищъ, по предварительной подпискѣ).

— „*Крыловъ*, *А. В.* Иванушка-дурачекъ. Русская сказка. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. М. 1903. Стр. 48. Цѣна 30 коп.“

— „На добрую память. Сборникъ для дѣтей. Памяти Н. А. Соловьева-Несмѣлова. М. 1902. Стр. IX + 213. Цѣна 60 коп.“ (для городскихъ училищъ).

— „*Немировичъ-Данченко*, *Василій*. Страшные люди. С.-Пб. 1904. Стр. 49.“

— „*Николаевъ*, *А.* Памятники. Культурно-историческій очеркъ. Изд. М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 47. Цѣна 15 коп.“ (для городскихъ училищъ).

— „*Оржешко*, *Элиза*. 1) Приключенія Яся. Разсказъ для дѣтей. Переводъ съ польскаго. Изд. 9-е, М. В. Клюкина. М. 1904. Стр. 32.

Цѣна 25 коп.—2) То же въ дешевомъ изд. (Добрыя души). Стр. 32. Цѣна 10 коп."

— „*Орнатскій, Н.* Дѣдушка-лѣсолюбъ. Повѣсть для дѣтей. Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 30. С.-Пб. 1905. Стр. 24. Цѣна 5 коп."

— „*Острогорскій, Викторъ.* Родные поэты для чтенія въ классѣ и дома. 3-е изд. ред. журн. «Дѣтское чтеніе». М. 1903. Стр. IV+II+386. Цѣна 1 р. 50 коп."

— „ *Попова, О. Н.* Годъ на материкѣ южнаго полюса. Изд. О. Н. Поповой (Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ). С.-Пб. 1904. Стр. 91+1 карта. Цѣна 30 коп."

— „Приключенія маленькаго графа. Переводъ съ англ. *М. А. Ляликой.* Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1897. Стр. 72. Цѣна 30 коп."

— „*Прокофьевъ, Н.* Исторія Казани и покоренія Казанскаго царства. Казань. 1904. Стр. 32. Цѣна 20 коп."

— „*Пушкинъ.* Избранныя сочиненія. Подъ ред. и съ прим. *П. О. Морозова.* Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 29. С.-Пб. 1904. Стр. XXII+446. Цѣна 50 коп."

— „*Радичъ, В.* Историческіе разсказы для дѣтей. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1904. Стр. 246. Цѣна 1 р."

— „*Сѣльникова, Е.* Князь Серебряный. Сокращено изъ романа А. К. Толстого. Изд. 8-е, ред. журн. „Дѣтское чтеніе". (Библіотека „Для семьи и школы"). М. 1904. Стр. 80. Цѣна 15 коп."

— „*Сно, Е. Э.* Въ болотахъ Полѣсья. Бѣлоруссы. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 24. Цѣна 5 коп."

— „*Сно, Е. Э.* Въ степяхъ и садахъ Украйны. Малороссы. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 28. Цѣна 6 коп."

— „*Сно, Е. Э.* Въ странѣ скалъ и озеръ. Финны. С.-Пб. 1904. Стр. 50. Цѣна 10 коп."

— „*Сно, Е. Э.* На западной окраинѣ. Поляки и литовцы. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 32. Цѣна 6 коп."

— „*Сно, Е. Э.* На русскомъ привольѣ. Великороссы. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 72. Цѣна 13 коп."

— „*Сно, Е. Э.* Потомки золотой орды. Татары. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 28. Цѣна 5 коп."

— „*Сно, Е. Э.* Среди знойныхъ пустынь и широкихъ степей. Народы Туркестана. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 55. Цѣна 10 коп."

— „*Сно, Е. Э.* У Ледовитаго океана. Самоѣды. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 22. Цѣна 5 коп.“

— „*Сно, Е. Э.* За Уральскимъ хребтомъ. Сибирскія (sic!) инородцы. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 51. Цѣна 10 коп.“

— „*Сно, Е. Э.* Чудный край и его жители. Кавказъ. Изд. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 75. Цѣна 13 коп.“

— „*Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А.* Душевные люди. Изъ поволжскихъ разсказовъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 207. Цѣна 50 коп.“

— „*Сысоевъ, В.* Летающіе звѣри. (По Брему, Сентъ-Илеру и др.). Изд. Д. П. Ефимова. М. 1905. Стр. 38. Цѣна 20 коп.“

— „*Сысоевъ, В.* Четверорукіе звѣри. (По Брэму, Сентъ-Илеру и др.). Изд. Д. П. Ефимова. М. 1905. Стр. 61. Цѣна 25 коп.“

— „*Тихомирова, Е. Н.* За свободу братьевъ-славянъ. Очерки. Изд. ред. журн. «Дѣтское чтеніе» (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 115. Цѣна 20 коп.“

— „*Толстой, Л. Л.* Добрые совѣты. (Изданіе для народа). С.-Пб. 1903. Стр. 32.“

— „*Толычева, Т.* Св. Стефанъ Пермскій. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Томпсонъ, Э. С.* Разсказы изъ жизни животныхъ. Переводъ съ англ. *Е. В. Лавровой.* Изд. О. Н. Поповой. (Библіотека нашихъ дѣтей). С.-Пб. 1905. Стр. 144. Цѣна 25 коп.“

— „*Томсонъ, Э. Сэтонъ.* Тито. Исторія луговой волчицы. Съ англ. *А. Н. Рождественская.* Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ (Библіотека для семьи и школы). М. 1905. Стр. 71. Цѣна 25 коп.“

— „*Черскій, Л.* Давидъ Ливингстонъ. Біографическій очеркъ. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Черскій, Л.* Разсказы изъ отечественной войны. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 56. Цѣна 30 коп.“

— „Четыре разсказа для школъ и народа. Изд. 3-е, А. Д. Ступина. М. 1905. Стр. 48. Цѣна 10 коп.“

— „*Шекспиръ, Вилльямъ.* Коріоланъ. Въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы *Ив. Ив. Иванова.* Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ (Библіотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 44. Цѣна 10 коп.“

— „*Шекспиръ, Вилльямъ.* Макбетъ. Въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы *И. И. Иванова.* М. 1904. Стр. 70. Цѣна 20 коп.

— „*Шиллеръ*. Орлеанская дѣва. Переводъ *В. Бог-каго*. М. 1903. Стр. 161. Цѣна 25 коп.“ (для городскихъ училищъ).

— „*Юрьева, М*. На зарѣ юности. (Изъ разсказовъ Ольги Дмитріевны). Изд. Д. П. Ефимова. М. 1905. Стр. 122. Цѣна 50 коп.“

— „*Өедоровъ-Давыдовъ, А. А*. Хорошая компанія. Разсказы, сказки, байки и стихи. Изд. журн. „Свѣтлячокъ“. М. 1904. Стр. 112. Цѣна 75 коп.“

г) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки [1]):

— „*де-Амичисъ, Э*. Учительница. Разсказъ. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 80. Цѣна 15 коп.“

— „*Аптекманъ, О. В*. О пьянствѣ. (Бесѣда). Изд. Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. № 6. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 4 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Бернадскій, Э*. Медицина, врачи и публика. Переводъ съ польскаго *С. К. Лешкевича*. М. 1903. Стр. XII+157. Цѣна 80 коп.“

— „*Бълавенецъ, Митр. Ив*. Глиновѣдѣніе. Обработка глины. Вымораживаніе и отмучиваніе глины. 2-е изд. книжн. склада „Глиновѣдѣніе“. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 10 коп.“

— „*Волковъ, Н*. Дезинфекція и мѣры предохраненія отъ заразы. Владикавказъ. 1903. Стр. 23. Цѣна 8 коп.“

— „*Герасимовъ, П*. Скользкія дорожки. Повѣсть. Изд. С.-Пб. общ. грамотности. № 31. С.-Пб. 1904. Стр. 72. Цѣна 10 коп.“

— „*Даничъ, К*. Задушевное слово къ новобранцамъ. Изд. 2-е, испр., В. Березовскаго. С.-Пб. 1905. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“

— „*Догель, И. М*. Спиртные напитки, какъ располагающая причина къ разнаго рода заболѣванію человѣка. Изд. 2-е Казанскаго общества трезвости. Казань. 1904. Стр. 53. Цѣна 30 коп.“

— „*Дубровскій, Н*. Полный толковый словарь всѣхъ общеупотребительныхъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ. 18-е испр. и доп. изд., А. Д. Ступина. М. 1905. Стр. 768. Цѣна 1 руб.“

— „Дѣтское сердце. Сборникъ разсказовъ. № 145. М. 1903. Стр. 142+1.“

— „*Коропчевскій, Д. А*. Дѣти каменнаго вѣка. Изд. ред. журн.

[1]) Книги, допущенныя въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, считаются допущенными также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

„Дѣтское Чтеніе“ (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 79. Цѣна 30 коп.“

— „*Крихлеръ, Францъ.* Породы собакъ (Hunderassen). Перевелъ и дополнилъ *В. Д. Вольфсонъ.* 2-е изд., В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1904. Стр. 252+IV. Цѣна 1 р.“

—„*Лавровъ, В. М.* Дѣти артисты и др. разсказы. Съ польскаго. Изд. ред. журн. „Дѣтское Чтеніе“. М. 1905. Стр. 64. Цѣна 20 коп.“ (также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Лебедевъ, А. И.* Дѣтская и народная литература. Нижній-Новгородъ. 1904. Вып. 1-й. Книги для дѣтей младшаго и средняго возраста. 4-е вновь доп. изд. Стр. 112.—Вып. 2-й. Старшій возрастъ. Стр. 121. Цѣна каждой книжки 50 коп.“

— „*Лебедевъ, А. П.* Церковно-историческія повѣствованія общедоступнаго содержанія и изложенія. (Изъ давнихъ временъ христіанской церкви). Изд. 2-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1903. Стр. 344. Цѣна 2 руб.“

— „*Митропольскій, Ив. Ив.* Изъ прошлаго и настоящаго. Разсказы о войнѣ. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 71. Цѣна 35 коп.“

— „*Морозовъ, М.* Бесѣды о повальныхъ болѣзняхъ. М. 1896. Стр. 107.“

— „*Мюллеръ, Е.* Юность знаменитыхъ людей. Переводъ съ франц. подъ ред. *В. Д. Владимірова.* Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1896. Стр. 292+1. Цѣна въ папкѣ 1 руб.“ (также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

—„*Подъячевъ, Семенъ.* Мытарства. Очерки Московскаго работнаго дома. Изд. В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Харьковъ. 1903. Стр. 143. Цѣна 25 коп.“

— „*Покровскій, А. В.,* и *С. Ѳ. Жулинскій.* Прививка виноградной лозы. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. IV+116. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Поповъ, Е. И.* Хлѣбный огородъ и ручное земледѣліе. Изд. 2-е, испр. „Посредника“. LXXII. М. 1904. Стр. 133. Цѣна 60 коп.“

— „*Преображенскій, Я.* Брюшной тифъ. Общедоступное чтеніе. С.-Пб. 1903. Стр. 27. Цѣна 15 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Преображенскій, Я.* Дифтеритъ и его леченіе противодифтеритной сывороткой. Общедоступное чтеніе. С.-Пб. 1903. Стр. 19. Цѣна 15 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Преображенскій, Я.* Леченіе свѣтомъ. Общедоступное чтеніе. С.-Пб. 1903. Стр. 27. Цѣна 15 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Преображенскій, Я.* Мышцы. Устройство, работа и назначеніе мышцъ въ жизни тѣла. С.-Пб. 1904. Стр. 35. Цѣна 15 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Преображенскій, Я.* О душевныхъ болѣзняхъ. Общедоступное чтеніе. С.-Пб. 1903. Стр. 32. Цѣна 15 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Преображенскій, Я.* О чахоткѣ. С.-Пб. 1904. Стр. 45. Цѣна 15 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Розовъ-Цвѣтковъ, В.* По ту сторону „Пояса міра“. Этнографическіе очерки и разсказы. М. 1904. Стр. 143. Цѣна 1 р.“

— „*Ромеръ.* О хорошемъ уходѣ за курами. Съ нѣм. *В. Брунстъ.* (Деревенское хозяйство и деревенская жизнь. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова.* Кн. 48). М. 1904. Стр. 64. Цѣна 5 коп.“

— „*Русаневичъ, А.* Долгъ русскаго солдата и народа къ своему отечеству и государю. Изд. А. Д. Ступина. М. 1905. Стр. 40. Цѣна 10 к.“

— „*Спасскій, В. Н.* Кормовые корнеплоды. Свекла, морковь, пастернакъ, рѣпа и брюква. Изд. К. И. Тихомирова. (Сельско-хозяйственная библіотека. Отдѣлъ полеводства и луговодства). М. 1904. Стр. 47. Цѣна 8 коп.“

— „*Тихомирова, Е. Н.* Картинки изъ японской жизни. Изд. ред. журн. „Дѣтское Чтеніе“ (Библіотека для семьи и школы). М. 1905. Стр. 54. Цѣна 15 коп.“

— „*Толстой, Левъ Львовичъ.* Для дѣтей. Разсказы. Изд. 2-е дополн. М. 1901. Стр. 164. Цѣна 1 руб.“

— „*Толстой, Л. Н.* Власть тьмы, или „Коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть“. Изд. Е. Н. Тихомировой. М. 1887. Стр. 120. Цѣна 8 коп.“

— „*Толстой, Л. Н.* Много ли человѣку земли нужно. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Толычева, Т.* Семейныя записки. Изд. 2-е. М. 1903. Стр. 194.“

— „*Федоровъ, П. А.* Производство ваксы, сапожной и колесной мази, лаковъ и дегры. Изд. А. Ф. Суховой. (Популярная химическая технологія). С.-Пб. 1903. Стр. 40. Цѣна 25 коп.“

— „*Черскій, Л.* Друзья человѣчества. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 72. Ц. 35 коп.“

— „*Черскій, Л. Ф.* Кавказскія сказки, преданія и легенды. Изд. В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1900. Стр. 64. Цѣна 50 коп.“

— „*Чеховъ, Антонъ.* Разсказы. Изд. 3-е, А. Ф. Маркса. (Сочиненія. Томъ I). С.-Пб. Стр. 384+II. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „*Шумковъ, И. В.* Кумысъ какъ доходная отрасль сельскаго хозяйства и приготовленіе кумыса при помощи здоровой закваски. Самара. 1904. Стр. 33+II табл. Цѣна 30 коп.“

— „*Шумковъ, И. В.* Посадка арбузовъ и приготовленіе арбузнаго меда по улучшенному способу. Самара. 1904. Стр. 59. Цѣна 50 коп.“

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе: „Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. 8 таблицъ въ краскахъ. Подъ ред. *Г. И. Турнера.* Размѣръ 15½×10 верш. Цѣна за 8 табл. — 3р., отдѣльно каждая табл. по 40 коп.“ — признать заслуживающимъ особой рекомендаціи, посредствомъ циркулярнаго предложенія министерства начальствамъ учебныхъ округовъ, для пріобрѣтенія въ среднія и низшія учебныя заведенія, въ качествѣ классныхъ стѣнныхъ таблицъ, и сверхъ того допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Ежедневную газету: „Военное время. С.-Пб. Редакторъ *Н. П. Пешичъ.*“—допустить къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Повторяется, въ виду неправильно напечатанной, въ VII-й книжкѣ, фамиліи редактора).

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными его превосходительствомъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюру *М. И. Бѣлавенца*: „Глиновѣдѣніе. Обработка глины. Вымораживаніе и отмучиваніе глины. 2-ое изданіе. 1904 года. Цѣна

10 к."—допустить въ библіотеки школъ ремесленныхъ учениковъ и низшихъ ремесленныхъ школъ.

— Брошюру *И. П. Петрова*: „О скотномъ дворѣ для молочныхъ коровъ. Изд. *К. Тихомирова*. М. 1904 г."—допустить въ библіотеки сельско-хозяйственно-техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

— Книгу проф. *Г. Кирштейна*: „Строительное искусство. 2-ое изд. Съ 207 черт. и 151 таблицами. Рига. 1904 г. Цѣна 10 р."—одобрить для пріобрѣтенія въ библіотеки среднихъ техническихъ училищъ.

— Книгу *Брозіусъ* и *Кохъ*: „Спутникъ паровознаго машиниста. Переводъ *В. Остермана*. 1904 г. Редакція и дополненія *Д. Сухаржевскаго* ."—допустить въ библіотеки техническихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Томъ VII книги подъ заглавіемъ: „Промышленность и техника. Вып. VI—X. Обработка камней и земель и технологія химическихъ производствъ. Проф. *М. Гари*, *Г. Гехта*, *Э. Крамера* и *Лассаръ Кона*. Полный переводъ съ 9-го нѣмецкаго изданія, подъ ред. *В. В. Эвальда* и *А. А. Байкова*", — допустить въ основныя библіотеки среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, а также въ основныя ученическія библіотеки техническихъ училищъ.

— Книгу *П. Чирвинскаго*: „Учебникъ скотоводства и скотоврачеванія для низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Вып. I и II. С.-Пб. 1902 г."—рекомендовать для среднихъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ техническихъ училищъ.

— Брошюру технолога *П. А. Федорова*: „Переплетчикъ любитель. Съ 52 рис. Изд. 2-ое. С.-Пб. 1903 г. Цѣна 30 коп."—допустить въ ученическія библіотеки ремесленныхъ учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ и въ библіотеки тѣхъ ремесленныхъ классовъ и отдѣленій при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподается переплетное дѣло.

— Изданіе подъ заглавіемъ: „Ручной трудъ (для самообразованія). Ежемѣсячный и популярный журналъ кустарно-ремесленной и сельско-хозяйственной промышленности и торговли. Редакторъ-издатель *С. Архангельскій*. 12 №№ журнала за 1903 г. и 8 №№ за 1904 г."—допустить въ тѣ общеобразовательныя учебныя заведенія, при которыхъ имѣются ремесленныя и сельско-хозяйственныя отдѣленія.

— Книгу: „Д-ръ *І. Зейффартъ*. Контроль котельной установки и известково-обжигательныхъ печей на основаніи газометрическихъ и т. п.

изслѣдованій. Со 2-го нѣмецкаго изданія перевелъ инженеръ-технологъ *М. И. Кузнецовъ*, подъ ред. проф. *А. П. Лидова*. Изд. *К. Казначеева*. М. 1904 г. Цѣна 1 р. 60 к."—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ.

— Книгу *Н. Иванова*: „Столярное ремесло. Необходимое руководство для начинающихъ столяровъ и любителей, желающихъ сознательно изучить столярное дѣло. Изд. т-ва *И. Д. Сытина*. М. 1901 г. Цѣна 20 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ ремесленныхъ школъ и тѣхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, при которыхъ существуютъ ремесленныя отдѣленія по обработкѣ дерева.

— Составленную французскимъ инженеромъ *А. Озана* (*А. Hozana*) „Стѣнную таблицу спектральныхъ линій, появляющихся въ спектрѣ пламени Бессемеровскаго конвертора" — допустить въ основныя библіотеки среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ съ механической, химической и горнозаводской спеціальностями.

— Брошюру технолога *П. А. Федорова*: „Маляръ любитель. Второе изданіе. С.-Пб. 1903 г. Цѣна 30 к." — допустить въ библіотеки ремесленныхъ училищъ.

— Книгу *Б. Чиханова*: „Учебникъ прямолинейной тригонометріи. Изд. 3-е. Варшава. 1905 г. Цѣна 50 коп." — одобрить въ качествѣ руководства для среднихъ техническихъ училищъ.

— Брошюру *П. А. Федорова*: „Щеточникъ любитель. Съ 21 рис. С.-Пб. 1903 г. Цѣна 25 коп."—допустить въ ученическія библіотеки профессіональныхъ учебныхъ заведеній и ремесленныхъ классовъ, но лишь подъ условіемъ пониженія цѣны брошюры до 10 коп.

— Брошюру *П. А. Федорова*: „Производство ваксы, сапожной и колесной мази, лака и дегры для кожи и т. п. С.-Пб. 1903 г. Цѣна 25 к."—допустить въ ученическія библіотеки техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Брошюру *М. Федерсенъ*: „Сто растеній. Переводъ съ датскаго *Е. Зографъ*. Изд. *К. Тихомирова*. М. 1904 г. Цѣна 30 коп." — допустить въ библіотеки сельско-хозяйственно-ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

— Книгу *М. Т. Теорина:* „Элементарный курсъ коммерческихъ вычисленій и терминологіи, съ задачами и отвѣтами. Изд. 2-ое. М. 1904 г. Цѣна 1 р. 35 к."—одобрить для тѣхъ промышленныхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподается счетоводство и бухгалтерія.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— 5-го ноября 1904 года, послѣ молебствія, открыто въ г. Астрахани четвертое четырхклассное городское училище на средства города, въ составѣ на первый годъ одного третьяго отдѣленія при 55 учащихся.

— 5-го сентября 1904 года, въ городѣ Самарѣ открыто 3-е городское трехклассное училище по положенію 31 мая 1872 года при 110 учащихся, съ содержаніемъ на средства мѣстнаго городского общества.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Высочайше утвержденною постоянною комиссіею народныхъ чтеній (С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, 14) выпущены въ свѣтъ *новыя чтенія:*

1. Святитель Стефанъ Пермскій. Состав. П. Ѳ. Корольковъ. Цѣна 5 коп.
2. Хозяинъ и работникъ. Разсказъ гр. Л. Н. Толстого. (Приспособленъ для народныхъ чтеній). Съ портретомъ и рисункомъ. Цѣна 6 коп.
3. Ѳеодоръ Ивановичъ Тютчевъ. Съ портретомъ. Цѣна 5 коп.
4. Афанасій Афанасьевичъ Фетъ. Съ портретомъ. Цѣна 5 коп.
5. Какъ дѣлаютъ бумагу. Составилъ инженеръ-технологъ П. Ф. Юрьевъ.—Какъ печатаютъ книги. Составилъ инженеръ-технологъ Л. К. Л. Съ девятью рисунками. Цѣна 8 коп.

Выпущены новыми изданіями, пересмотрѣнными и дополненными, *слѣдующія чтенія*:

Вторымъ изданіемъ.

6. Хвала Богу. Сборникъ духовно-нравственныхъ стихотвореній. Цѣна 5 коп.
7. Гавріилъ Романовичъ Державинъ. Съ портретомъ. А. Г. Филонова. Цѣна 25 коп.
8. О холерѣ. Съ 5 рисунками. Д-ра В. В. Гориневскаго. Цѣна 5 коп.

Третьимъ изданіемъ.

9. Соловецкая обитель. Съ картин. Составилъ Н. Ѳ. Корольковъ. Цѣна 8 коп.
10. Восточныя окраины русскаго царства: Камчатка, Амуръ, Уссури. Съ картою. Цѣна 10 коп.
11. О Греціи и грекахъ. Профессора В. И. Модестова. Цѣна 8 к.

Четвертымъ изданіемъ.

12. Святый Василій Великій. Съ изображеніемъ. Цѣна 6 коп.
13. Святый Іоаннъ Златоустъ. Съ изображеніемъ. Цѣна 6 коп.
14. О древнихъ египтянахъ и о землѣ Египетской. Цѣна 5 коп.

Пятымъ изданіемъ.

15. Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой. Съ двумя портретами и рисункомъ. С. М. Макаровой. Цѣна 8 коп.
16. Царствованіе Алексѣя Михайловича. Съ портретомъ. Цѣна 6 к.
17. Царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Съ портретомъ. Цѣна 6 к.
18. Императрица Екатерина II Великая. Съ 3-мя рисунками. Цѣна 7 коп.
19. Царствованіе Императора Александра Перваго Благословеннаго. Съ портрет. Цѣна 8 коп.
20. Капитанская дочка. Повѣсть А. С. Пушкина. (Приспособлена для народныхъ чтеній). Съ 2-мя рисунками. Цѣна 10 коп.
21. Что такое каменный уголь и какъ его добываютъ. Цѣна 5 к.
22. Архангельскій край. Съ картою. Цѣна 10 коп.

Шестымъ изданіемъ.

23. О жизни и дѣяніяхъ Императора Александра II-го. Два чтенія. Съ портретомъ. Цѣна 15 коп.
24. Святый Тихонъ, епископъ Воронежскій и Задонскій. Съ изображеніемъ. Цѣна 6 коп.

Восьмымъ изданіемъ.

25. О смутномъ времени на Руси. Два чтенія. Цѣна 12 коп.

Девятымъ изданіемъ.

26. Милость Божія надъ Царемъ, явленная землѣ Русской 17-го октября 1888 года. Съ 3-мя картин. Цѣна 5 коп.

Къ означеннымъ чтеніямъ черезъ комиссію можно пріобрѣтать картины на стеклѣ для волшебныхъ фонарей, а также волшебные фонари и принадлежности къ нимъ.

ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Первое соисканіе премій имени дѣйст. стат. совѣт. Ѳ. В. Езерскаго.

Для перваго соисканія—въ 1905 году—премій имени д. ст. сов. Ѳ. В. Езерскаго, учрежденныхъ при ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, назначена была „хрестоматія для дѣтей младшаго возраста“ (8—10 лѣтъ). Для разсмотрѣнія представленныхъ на конкурсъ трехъ сочиненій (2 рукописныхъ—„Свѣтикъ“ г. Мясникова и „Свѣтлый лучъ“ подъ девизомъ: „Что посѣешь, то и пожнешь“, и 1 печатнаго—„Утро“: 1. Букварь, 2. Первая книга для чтенія послѣ букваря, 3. Вторая книга для чтенія послѣ букваря), при ученомъ комитетѣ была образована особая комиссія изъ членовъ комитета А. Г. Филонова, В. В. Федорова, И. А. Шляпкина и В. В. Сиповскаго, подъ предсѣдательствомъ члена ученаго комитета А. А. Радонежскаго.

Комиссія, обсудивъ, на основаніи подробныхъ рецензій своихъ членовъ, достоинства переданныхъ ей для разсмотрѣнія сочиненій, представила свое заключеніе о нихъ въ ученый комитетъ, который, по всестороннемъ обсужденіи какъ этого заключенія, такъ и подробныхъ отзывовъ о разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ, призналъ всѣ ихъ не заслуживающими означенныхъ премій, въ виду того, что ни одно изъ нихъ не удовлетворяетъ условіямъ конкурса, изложеннымъ въ положеніи объ этихъ преміяхъ 28-го апрѣля 1902 года, и полагалъ: оставшуюся вслѣдствіе неприсужденія преміи сумму въ 500 рублей присоединить къ капиталу, служащему обезпеченіемъ премій имени г. Езерскаго. При этомъ, въ виду отмѣченныхъ комиссіею нѣкоторыхъ достоинствъ двухъ изъ разсмотрѣнныхъ ею рукописныхъ сочиненій

(„Свѣтикъ"—г. Мясникова и „Свѣтлый лучъ"—подъ девизомъ: „Что посѣешь, то и пожнешь") [1]), ученый комитетъ, согласно съ заключеніемъ комиссіи, полагалъ возможнымъ назначить составителямъ ихъ, въ поощреніе за ихъ труды, по 100 р. каждому, изъ суммы, назначенной на преміи имени г. Езерскаго, испросивъ на это согласіе г. министра народнаго просвѣщенія.

Таковое постановленіе ученаго комитета утверждено г. министромъ.

ПРАВИЛА О ПРЕМІЯХЪ ПУШКИНСКАГО ЛИЦЕЙСКАГО ОБЩЕСТВА.

§ 1. На основаніи постановленія общаго собранія Пушкинскаго лицейскаго общества отъ 29-го января 1904 года учреждена премія за сочиненія, указанныя ниже въ § 5 настоящихъ правилъ.

§ 2. На упомянутую въ § 1 премію изъ основного капитала общества назначена сумма въ одну тысячу рублей.

§ 3. За сочиненіе, признанное вполнѣ удовлетворительнымъ, присуждается премія въ 1.000 рублей. Если будутъ признаны достойными награжденія два сочиненія, то назначенная премія можетъ быть раздѣлена, по усмотрѣнію комитета общества, на двѣ равныя части или на двѣ преміи одна въ 700 и другая въ 300 рублей. Дѣленіе преміи болѣе чѣмъ на двѣ части не допускается.

§ 4. Премія полностью или въ части, оставшаяся не присужденною или по какимъ либо обстоятельствамъ не выданною, присоединяется къ спеціальнымъ средствамъ Пушкинскаго общества для назначенія новой преміи за сочиненія, указанныя въ § 5.

§ 5. Преміями Пушкинскаго лицейскаго общества награждаются: а) оригинальныя сочиненія на русскомъ языкѣ, посвященныя полному и всестороннему изученію жизни и литературной дѣятельности Пушкина или же изученію и разъясненію отдѣльныхъ вопросовъ творчества поэта и всестороннему описанію отдѣльныхъ періодовъ его жизни; б) библіографическіе указатели статей о жизни А. С. Пушкина, его сочиненіяхъ и вызванныхъ ими произведеній литературы и искусства за періодъ времени съ 1-го января 1886 г. по 1-е января 1905 г.

---

[1]) Авторомъ этого сборника, по вскрытіи пакета подъ соотвѣтствующимъ девизомъ, оказалась вдова надворнаго совѣтника Клавдія Владиміровна Хмызникова, пишущая подъ фамиліей „Клавдія Лукашевичъ".

§ 6. Къ соисканію допускаются лишь сочиненія, писанныя на русскомъ языкѣ, напечатанныя послѣ 29-го января 1904 года или рукописныя. Сочиненія рукописныя должны быть чисто и четко написаны. Авторамъ ихъ предоставляется на волю или выставлять на нихъ свое имя или же скрывать его подъ девизомъ, помѣщеннымъ какъ въ особомъ приложенномъ къ рукописи пакетѣ, такъ и на самой рукописи.

§ 7. Сочиненія на соисканіе премій не позднѣе 18-го октября 1906 года должны быть доставлены директору Императорскаго Александровскаго лицея, который передаетъ ихъ 19-го того же октября предсѣдателю Пушкинскаго лицейскаго общества.

§ 8. Для разсмотрѣнія принятыхъ на конкурсъ сочиненій и составленія критическихъ разборовъ ихъ и присужденія премій комитетъ Пушкинскаго лицейскаго общества изъ числа своихъ членовъ избираетъ комиссію, въ составъ которой приглашаетъ ученыхъ и литераторовъ. Число членовъ комиссіи должно быть не менѣе девяти и для присужденія премін требуется не менѣе двухъ третей одобрительныхъ голосовъ, собираемыхъ посредствомъ закрытой баллотировки.

§ 9. 29-го января 1907 года въ годовомъ общемъ собраніи Пушкинскаго лицейскаго общества будетъ прочитанъ отчетъ комитета общества о присужденіи премій, а также будутъ вскрыты пакеты съ означеніемъ именъ авторовъ трудовъ, удостоенныхъ награды и представившихъ таковые подъ девизомъ.

§ 10. Въ случаѣ присужденія премін за сочиненіе рукописное таковая выдается автору не прежде какъ по напечатаніи его рукописи, для чего комитетомъ Пушкинскаго лицейскаго общества назначается соразмѣрно съ объемомъ сочиненія срокъ. Если въ теченіи означеннаго срока удостоенное награды сочиненіе не будетъ напечатано, присужденная премія причисляется къ спеціальнымъ средствамъ Пушкинскаго лицейскаго общества, согласно § 4 настоящихъ правилъ.

§ 11. Право на полученіе премін принадлежитъ только авторамъ или ихъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ награжденныхъ сочиненій.

§ 12. Авторъ сочиненія, удостоеннаго премін, сохраняетъ на него всѣ авторскія права.

ПРАВИЛА ПРЕМІИ ИМЕНИ ПЕТРА ПЕТРОВИЧА СЕМЕНОВА ПРИ РУССКОМЪ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

§ 1. Согласно постановленію общаго собранія русскаго энтомологическаго общества отъ 13-го января 1903 года при означенномъ обществѣ учреждается премія имени президента его дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Петра Петровича Семенова.

§ 2. Премія имени П. П. Семенова образуется изъ ежегодныхъ отчисленій въ 100 рублей по расходной смѣтѣ на предстоящій годъ. Могущіе образоваться проценты по этимъ отчисленіямъ причисляются къ суммамъ общества наравнѣ съ прочими доходами.

§ 3. Премія имени П. П. Семенова выдается чрезъ каждые три года въ размѣрѣ 300 рублей и не можетъ быть раздѣляема на преміи меньшихъ размѣровъ.

§ 4. Въ случаѣ, если ни одинъ изъ представленныхъ трудовъ не удостоится преміи, то она остается на слѣдующее трехлѣтіе, по окончаніи котораго составитъ отдѣльную премію.

§ 5. Трудъ, уже удостоенный денежной преміи въ Россіи, не можетъ быть увѣнчанъ преміей имени П. П. Семенова, но одно и то же лицо не лишено права быть награжденнымъ означенною преміею во второй разъ и болѣе за свои отдѣльныя сочиненія, представленныя въ разные сроки соисканія.

§ 6. На соисканіе преміи могутъ быть представляемы самостоятельныя изслѣдованія и работы по ситематикѣ, морфологіи, физіологіи, географіи и біологіи насѣкомыхъ.

§ 7. Премія имени П. П. Семенова выдается лишь русскимъ ученымъ; представляемыя на соисканіе преміи сочиненія должны быть опубликованы не далѣе, какъ въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, предшествовавшихъ присужденію преміи; они могутъ быть представлены или самими авторами, или указаны членами комиссіи, избираемой на основаніи § 13 этихъ правилъ.

§ 8. Въ теченіе года, предшествующаго году выдачи преміи, совѣтъ общества объявляетъ о предстоящемъ присужденіи, съ указаніемъ срока представленія сочиненій на соисканіе преміи, при чемъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія главныя постановленія настоящихъ правилъ.

§ 9. Пріемъ трудовъ на соисканіе преміи прекращается 1-го октября того года, въ которомъ предстоитъ ея присужденіе; означенные труды

адресуются и доставляются въ совѣтъ русскаго энтомологическаго общества (С.-Петербургъ).

§ 10. Первое присужденіе преміи состоится въ годовомъ декабрьскомъ общемъ собраніи 1905 года, затѣмъ въ 1908, 1911 и т. д.

§ 11. Преміи выдаются самимъ авторамъ или ихъ законнымъ наслѣдникамъ, но не издателямъ сочиненій.

§ 12. О каждомъ трудѣ, которому присуждена премія, доводится до общаго свѣдѣнія въ публичномъ годовомъ собраніи общества.

§ 13. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій того года, когда должно происходить присужденіе премін, общее собраніе избираетъ изъ среды своихъ членовъ комиссію изъ четырехъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ президента или вице-президента общества, для разсмотрѣнія представленныхъ на соисканіе сочиненій.

§ 14. Комиссія, въ случаѣ если найдетъ нужнымъ, можетъ обращаться за отзывами о представленныхъ сочиненіяхъ къ другимъ членамъ общества и къ постороннимъ ученымъ.

§ 15. Заключенія комиссіи представляются съ приложеніемъ мотивированныхъ отзывовъ о разсмотрѣнныхъ ею сочиненіяхъ на утвержденіе совѣта. Отзывы о трудахъ, удостоенныхъ премін, печатаются въ „Протоколахъ“ общества.

§ 16. Измѣненіе этихъ правилъ возможно лишь по постановленію общаго собранія русскаго энтомологическаго общества и съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія. Наименованіе же преміи и ея назначеніе остаются на всегда неизмѣнными.

О ПРЕМІЯХЪ ИМЕНИ М. И. МИХЕЛЬСОНА.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ на основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона доводитъ до общаго свѣдѣнія, что на настоящее конкурсное трехлѣтіе (1904—1906 гг.) назначены слѣдующія задачи:

1. Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія.

Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорус-

скаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры [1]). Впрочемъ, въ виду сравнительной скудости матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологическаго пріуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлъ эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь однако тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которые оно могло войти впослѣдствіи, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода.

2. Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.

Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ:—Какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія.

Примѣчаніе. Ученая работа, посвященная изслѣдованію

[1]) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

однихъ только германскихъ или романскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3. Польскіе элементы въ русскомъ литературномъ языкѣ.

Списокъ словъ, синтаксическихъ оборотовъ и фразъ, перешедшихъ изъ польскаго языка въ русскій литературный языкъ, съ указаніемъ московскихъ текстовъ XVII вѣка и произведеній русскихъ авторовъ XVIII и XIX вѣковъ, гдѣ эти польскіе элементы находятся. Выясненіе путей, которыми они проникли въ русскій языкъ.

4. Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ.

Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, презрительныя и т. п. имена существительныя (нарицательныя и собственныя) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языкѣ и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (общеславянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

5. Слова русскаго языка со звукомъ „х".

Фонетическія условія происхожденія звука „х" въ общеславянскомъ языкѣ, разсматриваемомъ въ его отношеніяхъ къ балтійскимъ и другимъ родственнымъ языкамъ. Общеславянскія заимствованныя слова со звукомъ „х" или съ его фонетическими измѣненіями. Списокъ случаевъ (основъ и суффиксовъ), въ которыхъ русскій языкъ имѣетъ общеславянское „х", въ сопоставленіи со свидѣтельствами другихъ славянскихъ языковъ и съ указаніемъ для каждаго случая на языки, изъ которыхъ опредѣляется происхожденіе „х" въ общеславянскомъ языкѣ. Другіе случаи звука „х" въ словахъ русскаго языка: „х" какъ измѣненіе другого звука въ русскомъ языкѣ; „х" въ словахъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ; неясныя по происхожденію русскія слова со звукомъ „х".

6. Финское вліяніе на лексическую сторону русскаго языка.

Древній слой заимствованій, ведущій свое начало изъ древнѣйшей поры русско-финскихъ сношеній. Новѣйшія областныя заимствованія

(главнымъ образомъ въ сѣверно-великорусскомъ), объясняющіяся позднѣйшимъ сосѣдствомъ съ финнами. Желательно разграниченіе заимствованій изъ восточныхъ и западныхъ финскихъ языковъ.

7. Иноземные матеріалы по терминологіи художествъ и ремеслъ въ Московской Руси по памятникамъ XV, XVI и XVII столѣтій.

Предлагается собрать слова и термины, относящіеся къ художествамъ и ремесламъ, и заключающіеся въ письменныхъ памятникахъ XV—XVII столѣтій, и сообщить реальное значеніе термина съ объясненіемъ его происхожденія.

8. Скандинавскіе элементы въ русскомъ языкѣ.

Слова скандинавскаго происхожденія: а) въ литературномъ языкѣ; б) въ отдѣльныхъ говорахъ (насколько имѣется матеріалъ по этимъ говорамъ); в) въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго языка.

Слова скандинавскаго происхожденія: 1) составляющія исключительную принадлежность русскихъ славянъ (или всѣхъ, или же только великоруссовъ, въ отличіе отъ малоруссовъ); 2) встрѣчаемыя тоже въ другихъ языкахъ славянскихъ; 3) встрѣчающіяся тоже въ языкахъ балтійскихъ: древне-прусскомъ, литовскомъ и латышскомъ.

Собственныя имена и мѣстныя названія, обязанныя своимъ возникновеніемъ скандинавскому вліянію.

Къ систематическому обозрѣнію матеріала должны быть приложены, со ссылками на §§ сочиненія, алфавитные списки (словари) всѣхъ разсмотрѣнныхъ словъ и выраженій: 1) русскихъ; 2) скандинавскихъ.

§§ 4, 5 и 7 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона.

Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1.000 р., 500 р. и 300 р.

Преміи имени М. И. Михельсона присуждаются каждые три года, начиная съ 16-го декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1-го марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія [1]).

---

[1]) Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1906 года—печатныя въ двухъ, рукописныя въ одномъ экземплярѣ и адресованы на имя непремѣннаго секретаря Императорской академіи наукъ.

На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются, какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою комиссіею, которая образуется при отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ.

РАЗСЕЛЕНІЕ ИТАЛІЙСКАГО ПЛЕМЕНИ ПО ИТАЛІИ.

II.

Оски и аврунки.

Въ предыдущей статьѣ [1]) мы старались опредѣлить происхожденіе вольсковъ и эквовъ, двухъ народовъ, которые, будучи ближайшими сосѣдями латинянъ, прославились въ италійской исторіи непримиримою враждою къ Риму и, помогая другъ другу, вели съ нимъ почти непрерывныя войны въ теченіе болѣе двухъ столѣтій, пока не были доведены до полнаго разоренія, опустошенія, покоренія и, въ значительной степени, до истребленія. Данныхъ для рѣшенія этой задачи было у насъ немного; но тѣ, какія имѣлись въ наличности, привели насъ къ заключенію, что вольски и эквы должны быть происхожденія умбрскаго, т. е. вышли изъ Умбріи, Умбріи доисторической, простиравшейся между двумя морями, а не съуженной въ небольшую горную область вторженіемъ съ запада этрусковъ, которое по всей вѣроятности и вызвало эмиграцію части населенія, что́, съ своей стороны, было причиною образованія на новыхъ мѣстахъ народностей вольсковъ и эквовъ. Рѣшеніе наше, въ виду скудости приведшихъ къ нему данныхъ, мы не считаемъ незыблемымъ, но степень вѣроятности его очень велика и исключаетъ возможность другого научнаго рѣшенія въ данное время.

Теперь намъ предстоитъ имѣть дѣло съ осками и аврунками, южными сосѣдями народовъ Лаціума. Что это были за народы? Какъ они попали въ Кампанію, гдѣ ихъ нашли первые греческіе колони-

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1904, августъ, стран. 326—360.

сты, основатели Кумъ, древнѣйшей эллинской колоніи на Апеннинскомъ полуостровѣ? Это—вопросы, на которые мы ни у древнихъ, ни у новыхъ историковъ не видимъ отвѣта, по крайней мѣрѣ такого, въ основаніе котораго были бы положены прочныя данныя. И дать такой отвѣтъ—не легкое дѣло. Но въ то же время задача эта намъ представляется необычайно интересною.

* * *

Греческіе писатели, говоря о Кампаніи, даютъ два имени населенію, которое тутъ обитало въ доисторическую эпоху и съ которымъ столкнулись греческіе колонисты. Это были опики и авсоны. Одни изъ писателей видѣли въ этихъ названіяхъ одинъ и тотъ же народъ; другіе—два разныхъ. Важнѣйшія мнѣнія этихъ писателей передаетъ Страбонъ [1]), называя по имени Антіоха Сиракузскаго и Поливія. Антіохъ, древнѣйшій изъ греческихъ историковъ, писавшихъ объ Италіи, говорилъ, что опики назывались и авсонами (τούτους δὲ καὶ Αὔσονας καλεῖσθαι). Поливій, напротивъ, видѣлъ въ этихъ названіяхъ имена двухъ особыхъ народовъ, которые, по его словамъ, населяли страну вокругъ Кумскаго залива или Кратэра, какъ этотъ заливъ греками назывался. Кто же изъ нихъ правъ?

Попытаемся разрѣшить это недоумѣніе.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что опики есть то, что на латинскомъ языкѣ называлось оски. Это ясно и само по себѣ (Opicus = Ob[p]scus = Oscus); да не иначе смотрѣли на дѣло и древніе писатели. У Феста (Веррія Флакка) [2]) говорится, что почти во всѣхъ древнихъ памятникахъ писалось *Opicum* вмѣсто *Obscum* (pro Obsco). Фестъ тутъ же приводитъ упомянутый нами въ первой статьѣ стихъ комика Титинія, въ которомъ вмѣсто *osce* говорится *obsce*. Такимъ образомъ слова Opicus, Obscus (Opscus), Oscus и филологически и на взглядъ латинскихъ писателей—одно и то же. Поэтому приводимое въ томъ же мѣстѣ дальше Страбономъ [3]) мнѣніе „другихъ писателей“, по которому будто бы тутъ жили прежде опики и

---

[1]) Strab. V, 4, 3; p. 242 C. Ἀντίοχος μὲν οὖν φησι τὴν χώραν ταύτην (Кампанію) Ὀπικοὺς οἰκῆσαι, τούτους δὲ καὶ Αὔσονας καλεῖσθαι· Πολύβιος δ'ἐμφαίνει δύο ἔθνη νομίζων ταῦτα· Ὀπικοὺς γάρ φησι καὶ Αὔσονας οἰκεῖν τὴν χώραν ταύτην περὶ τὸν Κρατῆρα.

[2]) Fest. *Obscum*. p. 189 M., 122 Th.

[3]) Ἄλλοι δὲ λέγουσιν, οἰκούντων Ὀπικῶν πρότερον καὶ Αὐσόνων οἱ δ'ἐκείνους (σὺν ἐκείνοις, какъ понимаетъ и Нибуръ), κατασχεῖν ὕστερον Ὄσκων τι ἔθνος, τούτους δ'ὑπὸ Κυμαίων, ἐκείνους δ' ὑπὸ Τυῤῥηνῶν ἐκπεσεῖν κτλ.

авсоны, а *потомъ* завладѣли страной оски (Ὄσκων τι ἔθνος), которыхъ-де вытѣснили кумцы (а этихъ-де этруски, которые, обладая Капуей, должны были уступить свое мѣсто самнитамъ, пока наконецъ все это не досталось римлянамъ), болѣе чѣмъ странно и не выдерживаетъ никакой критики. Оно не имѣетъ за себя ни филологическаго, ни историческаго основанія, и несостоятельность его очевидна.

Иное дѣло вопросъ о тожествѣ осковъ и авсоновъ, вопросъ, котораго касался и Аристотель [1]), полагавшій, что народъ тутъ—собственно опики, а авсоны только его прозвище (ἐπωνυμία); но вмѣстѣ съ тѣмъ Аристотель территорію опиковъ распространяетъ и на Лаціумъ [2]). Это для него было возможно уже и потому, что авсоны (которые у римскихъ писателей называются аврунками) были обитателями не только Кампаніи, но и Лаціума. Наконецъ, видно, что смѣшиваніе осковъ съ авсонами идетъ у греческихъ писателей съ очень ранняго времени. Еще раньше Антіоха Сиракузскаго такой взглядъ на вещи имѣлъ, повидимому, извѣстный іонійскій путешественникъ VI—V ст. до Р. Хр., онъ же и историкъ, Гекатэй Милетскій. Онъ называлъ кампанскій городъ Нолу авсонскимъ [3]). Этому заявленію можно бы было не придавать значенія, если бы оно шло отъ поэта, а не отъ путешественника, описывающаго города и страны, лично имъ посѣщаемыя. Извѣстно впрочемъ, что греки одно время и всю Италію называли Авсоніей [4]), и даже море, омывающее Сицилію, mare Siculum, называлось Авсонскимъ, τὸ Αὐσόνων πέλαγος [5]). Это показываетъ, что границы страны опиковъ не были для грековъ ясны, и они удѣляли ей пространство, превышающее то, какое оски занимали въ дѣйствительности; рядомъ съ этимъ и границы Авсоніи они распространяли иногда такъ далеко, какъ это нисколько не оправдывается дошедшими до насъ данными о населеніяхъ народа, называвшагося у грековъ авсонами, а у римлянъ аврунками.

[1]) *Polit.*, VII, 10, p. 139 B. Ὀπικοὶ τὴν ἐπωνυμίαν Αὔσονες κληθέντες.

[2]) *Polit.* ibid. ᾤκουν δὲ πρὸς τὴν Τυρρηνίαν. Dionys. I, 72 передаетъ сообщеніе Аристотели о возвращавшихся изъ Трои грекахъ:... Ἐλθεῖν εἰς τὸν τόπον τοῦτον τῆς Ὀπικῆς, ὃς καλεῖται Λάτιον, ἐπὶ τῷ Τυρρηνικῷ πελάγει κείμενος.

[3]) Steph. Byzant. Νῶλα.

[4]) Paul. Diac. *Ausoniam*, p. 18, M. 13 Th. Ausoniam appellavit Auson, Ulixis et Calypsus filius, eam primum partem Italiae, in qua sunt urbes Beneventum et Cales; deinde paulatim *tota quoque Italia*, quae Appennino finitur, *dicta est Ausonia*.

[5]) Plin. *N. H.*, III, (10), 75: (mare) ultra Siciliam, quod est ad Salentinos, Ausonium Polybius appellat. Strab., II, 5, 20, p. 123; 5, 29, p. 128; V, 3, 6, p. 233; VII, p. 234 C.

Что подобно тому, какъ греческіе опики есть названіе тожественное съ названіемъ осковъ, и греческіе авсоны есть то же, чтó у римлянъ называлось аврунками, на этотъ счетъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, и Нибуръ [1]) имѣлъ полное право сказать, что мы не нуждаемся въ мнѣніяхъ Діона Кассія [2]) и Сервія [3]), чтобъ видѣть въ авсонахъ и аврункахъ тожественность имени. Не говоря уже о томъ, что для римскихъ писателей употребленіе того или другого названія было безразлично (такъ, Ливій [4]), говоря о городахъ аврунковъ въ долинѣ нижняго Лириса, каковы Ausona, Minturnae, Vescia, называетъ ихъ городами авсонскаго народа), это ясно и филологически: Αὔσονες = Ausones или Ausoni = Aurunі [5]) = ум. Aurunici = Aurunci. Въ этой этимологіи не было ничего темнаго для всѣхъ филологовъ, начиная съ Нибура [6]) и кончая Де-Карой [7]).

Изъ того, чтó мы до сихъ поръ сказали, ясно вытекаютъ два факта. *Первый*: опики у греческихъ писателей—то самое, чтó оски у римскихъ; авсоны же греческихъ писателей — не что иное, какъ аврунки у римскихъ. *Второй*: оски и аврунки если не были названіями одного и того же народа, то были до такой степени близки другъ къ другу, что могли считаться иностранцами, по крайней мѣрѣ въ Кампаніи, за одинъ и тотъ же народъ. Въ то время какъ относительно перваго факта нѣтъ и не можетъ быть разногласія у новыхъ ученыхъ, второй фактъ совсѣмъ не такого характера. Имѣющіяся на лицо данныя въ нашихъ глазахъ ни мало не подтверждаютъ этническаго тожества осковъ съ аврунками. Между тѣмъ для ученыхъ, за-

---

[1]) Röm. Geschichte, I, p. 77, 3-го изд. (p. 40, изд. 1853).

[2]) Кн. 37, гл. 2.

[3]) Ad. *Aen.*, VII, 727. Сервій прямо говоритъ объ аврункахъ: isti graece Ausones nominantur.

[4]) IX, 25. Что городъ Ausona есть Aurunca, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Къ поясненію можетъ служить и мѣсто изъ Веррія Флакка у Павла Дьякона подъ словомъ Ausoniam (см. выше прим.): Dicta est Ausonia ab eodem duce (Auson), a quo urbem etiam conditam Auruncam ferunt.

[5]) Переходъ древнѣйшаго *s* въ позднѣйшее *r* въ латинскомъ языкѣ—очень частое явленіе: Lases—Lares, Valesii—Valerii, plusima—plurima и т. д.

[6]) Röm. Geschichte, I, 77; ed. 1853 p. 40.

[7]) Hethei—Pelasgi, III, p. 241. Формула Де-Кары такая: Aurunci = Aurunici = = Auruni = Ausuni. Но такъ какъ онъ ведетъ аврунковъ отъ гетеевъ-пелазговъ, то для него потребовалось еще болѣе простая форма *Asuni* отъ пелазгическаго корня *As*, откуда между прочимъ онъ ведетъ и названіе Asia (Asia = Khasia или Khatia). Ср. его I томъ, p. 402 sq., 383 sq.

нимавшихся до сихъ поръ этимъ вопросомъ, такое тожество несомнѣнно. Такимъ оно представляется и для Белоха, написавшаго спеціальную книгу о Кампаніи [1]), вышедшую двумя изданіями. Правда, у этого ученаго и въ настоящемъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, сказалась слабость, послѣ извѣстнаго, сдѣланнаго даже въ категорической формѣ, заявленія, въ дальнѣйшемъ изложеніи себѣ противорѣчить и тѣмъ затемнять свой взглядъ на дѣло. Но все-таки отъ своего заявленія о тожественности того или другого народа онъ не отказался, только обнаружилъ сначала стремленіе ограничить его, признавая аврунковъ за *часть* осковъ, а потомъ постарался ослабить и это заявленіе, приводя себѣ въ подмогу римское воззрѣніе, по которому будто бы оски всѣ тѣ народы, которые говорили осскимъ языкомъ, какъ то: аврунки, сидицины, самниты [2]) (а луканцы и бруттійцы для римлянъ тоже оски?). Значитъ, аврунки лишь оски по языку? Это ли хочетъ сказать Белохъ, или онъ продолжаетъ думать, что они оски и по происхожденію, какъ онъ думалъ за минуту раньше, считая тотъ и другой народъ тожественными? Осками считаетъ аврунковъ и Ниссенъ, особенно усердно занимавшійся этнографіей древней Италіи [3]). Онъ объявляетъ осскимъ весь западъ южной Италіи, какъ бы забывая, что римляне никогда не называли осками *народовъ* самнитскаго происхожденія, а распространяли на нихъ лишь осскій *языкъ*, что́ далеко не одно и то же. Стоя на своей точкѣ зрѣнія, онъ даже находитъ возможнымъ примирить мнѣніе Антіоха о тожествѣ осковъ и аврунковъ съ мнѣніемъ Поливія о томъ, что это два разныхъ народа [4]). Не обративъ вниманія на уже доказанную къ тому времени сомнительность одной мѣдной монеты, на которой издатель ея [5]) прочелъ не существовавшую и невозможную филологически над-

---

[1]) Campanien. Breslau, 1890, 2-е изд., p. 3: Die Identität der Osker und Aurunker kann nicht wohl zweifelhaft sein, schon aus geographischen Gründen.

[2]) Ibid. Osci und Aurunci doch vielleicht nicht so ganz identisch sind, wie Antiochos wollte, sondern Osci der weitere Begriff, zwar nicht im hellenischen Sinne. Dem Grichen ist Opikos jeder Italiker, der nicht Messapier oder Tyrrhener ist; dem Römer aber sind Osci alle, die oskische Sprache reden, Aurunker, Sidikiner, Samniten, die Zweigen des grossen Volkes.

[3]) Italische Landeskunde. I—II Bände. Berlin, 1883—1902.

[4]) „Beide haben Recht: der erste insofern die Angehörigkeit der Ausoner zur oskischen Familie urkundlich erwiesen ist (?!); der zweite insofern dieselben ein besonderes Glied der Oskischen Familie gebildet haben". I, p. 531.

[5]) Soole въ Catalogue of the greek coins of the Britisch Museum. Italy. London 1873, p. 75. Отсюда взялъ ее Фабретти въ C. I. It. 2745.

пись *Aurunkud*, онъ на основаніи ея заявилъ о *документальной* (urkundlich) доказанности „принадлежности авсоновъ къ осской семьѣ" [1]. Поправляясь черезъ двадцать лѣтъ [2]) въ признаніи несуществующей надписи за документъ, онъ не счелъ однако нужнымъ отступиться отъ сдѣланнаго на ложномъ основаніи вывода, а прошелъ этотъ промахъ молчаніемъ. Остается поэтому неизвѣстнымъ, поколебался ли его взглядъ на этническое отношеніе осковъ къ аврункамъ, что для насъ не безразлично, такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ ученымъ авторитетомъ и, безспорно, крупнаго калибра. Нельзя не сожалѣть также, что другой германскій ученый, крупный спеціалистъ въ области латинской эпиграфики, Хр. Гюльзенъ, заявивъ о принадлежности аврунковъ къ „осской группѣ народовъ", дѣлаетъ ссылку тоже на эту несчастную монету [3]), на которой осская надпись, обличающая будто бы происхожденіе ея изъ города Аврунки, оказалась не существующею.

Мы видимъ такимъ образомъ, что мнѣніе объ этнической тожественности осковъ съ аврунками очень шатко, и даже затрудняемся сказать, на чемъ оно собственно держится, не имѣя за себя никакого научнаго основанія. Фраза же Белоха о „географическихъ основаніяхъ" намъ не говоритъ ровно ничего, ровно ничего не поясняетъ и не разрѣшаетъ.

Мы сказали, что не видимъ никакихъ данныхъ, которыя бы подтверждали этническое тождество осковъ съ аврунками. Рождается вопросъ: въ какомъ же этническомъ отношеніи стояли эти народы, которыхъ такъ часто упоминаютъ рядомъ и древніе, и новые писатели?

Вопросъ этотъ представляется намъ не только интереснымъ, но и важнымъ. Рѣшеніе его имѣетъ значеніе не только для него самого,

---

[1]) Ital. Landeskunde, I, p. 531. См. прим. 2.

[2]) Italische Landeskunde, II, p. 666, прим. 3.

[3]) Въ новомъ изданіи Real-Encyklopädie der classischen Alterthumswissenschaft Паули, подъ словомъ *Aurunci*.—Еще И. Вл. Цвѣтаевъ въ своемъ „Сборникѣ осскихъ надписей" (Кіевъ 1877), стр. 55 (Надписи и Глоссарій), указалъ на невозможность формы тв. пад. *Aurunkud* отъ Aurunca и повторилъ это въ Sylloge Inscriptionum Oscarum (Petropoli, 1878), p. 98, въ изданіи, которое было извѣстно Ниссену. Гюльзену же должно было быть извѣстнымъ по крайней мѣрѣ „Beschreibung der antiken Münzen" Дресселя и Саллета, гдѣ въ III т. (Berlin, 1894), p. 140, указывается непринадлежность этой монеты Аврункѣ и принадлежность ея Неаполю. Но еще раньше Löbbecke въ *Zeitschrift für Numismatik*, 1887 (XV), p. 35, доказалъ на основаніи лучше сохранившагося экземпляра монеты, что на ней стоитъ греческая надпись Νεοπολιτῶν, а въ осской надписи стоитъ имя не города, а чиновника.

но и для всего нашего изслѣдованія объ исторической жизни Италіи. Оно должно наглядно показать, какъ устарѣли старые методы въ разрѣшеніи такого рода вопросовъ, и какъ настоятельны новые пути въ нашей области. Задача предстоитъ намъ, правда, не легкая, но все-таки сдѣлаемъ попытку рѣшить ее.

Начнемъ съ того, что опики или оски представляютъ собой то древнѣйшее населеніе Кампаніи, какое нашли въ этой странѣ кумскіе греки. Никакого другого населенія, кромѣ опиковъ, называемыхъ у нихъ также авсонами, они тамъ не знаютъ. Греческіе писатели, передающіе намъ эти свѣдѣнія, ничего не говорятъ о томъ, чтобъ опики были пришлымъ населеніемъ, которое покорило туземцевъ и засѣло между ними. Въ то время какъ въ Луканіи они знаютъ, какъ древнѣйшихъ обитателей, энотровъ, простиравшихся и дальше на югъ, въ Бруттійскій полуостровъ, въ Кампаніи, въ странѣ, гдѣ основалась древнѣйшая греческая колонія на Апеннинскомъ полуостровѣ, они никого другого не знаютъ, кромѣ опиковъ и авсоновъ; но сама страна, въ которую пріѣхали халкидскіе поселенцы, есть страна опиковъ и по ихъ имени называется: 'Οπική [1]). Эти опики упоминаются у греческихъ писателей въ числѣ народовъ, которые, по преданію, участвовали въ прогнаніи сикуловъ, изгнанныхъ аборигенами изъ Лаціума, на югъ полуострова къ Сицилійскому проливу. Но преданіе объ изгнаніи сикуловъ съ полуострова столь сбивчиво и столь разнорѣчиво [2]), что трудно основать на немъ самомъ какое-либо предположеніе. При этомъ, по Антіоху Сиракузскому [3]), опики дѣйствовали вмѣстѣ съ энотрами; Өукидидъ же, хотя и слѣдовавшій [4]) въ своихъ свѣдѣніяхъ о доисторической Италіи тому же Антіоху, но съ большею трезвостью относясь къ преданію, говоритъ только объ опикахъ, какъ бы сообразивъ, что Антіохъ упоминаетъ тутъ оба народа вмѣстѣ, лишь имѣя въ виду географическую послѣдовательность преслѣдованія бѣжавшихъ изъ Лаціума сикуловъ сначала опиками изъ Кампаніи, потомъ энотрами изъ Луканіи. О томъ же, чтобъ сикулы, какъ

[1]) Dionys. Hal. I, 72. У Өукидида VI, 4 'Οπικία.

[2]) См. о немъ въ моей статьѣ „О происхожденіи Сикуловъ" въ *Журналѣ Мин. Нар. Прос.* ноябрь, 1897, въ отд. отт. стран. 6.

[3]) Dionys. I, 22.

[4]) Columba, Antioco, storico del V secolo a. C. Palermo, 1889, p. 22 sq., онъ же, Studi di filologia e di storia, I, Palermo, 1889, p. 63—64 et passim. Раньше его съ этимъ мнѣніемъ выступилъ Вёльфлинъ въ своей работѣ: Antiochos von Syracus und Coelius Antipater. Winterthur, 1872.

особый народъ, жили въ Кампаніи и были прогнаны *пришедшими* туда опиками, передаваемое греческими писателями преданіе ничего не говорило, иначе оно было бы въ исторіи изгнанія сикуловъ упомянуто.

Итакъ опики являются древнѣйшимъ народомъ Кампаніи, какой тамъ извѣстенъ греческимъ писателямъ. Кто же они были, эти древнѣйшіе обитатели Кампаніи?

Извѣстно, что въ Кампаніи, какъ и въ остальной Италіи былъ неолитическій вѣкъ. Это доказано многочисленными находками неолитическихъ предметовъ какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ этой области, находками, о которыхъ писалъ въ свое время не мало изслѣдованій неаполитанскій профессоръ-антропологъ Николуччи. Онъ познакомилъ съ ними еще болоньскій съѣздъ по доисторической археологіи и антропологіи, происходившій въ 1871 [1]), а впослѣдствіи (1877) издалъ каталогъ [2]) предметовъ своей неолитической коллекціи, гдѣ часть, принадлежащая Кампаніи, занимаетъ видное мѣсто (pp. 18—20). Затѣмъ были найдены Патрони два неолитическихъ грота въ провинціи Салерно: одинъ [3]), по имени grotta di Pertosa, въ 1898, и два другихъ [4]) въ 1900: до того времени были извѣстны въ Кампаніи гротъ Николуччи близъ Сорренто и гротъ delle Felci на о. Капри. Населеніе, которому принадлежали всѣ эти гроты, какъ и разсѣянная масса неолитическихъ предметовъ, продолжало оставаться на мѣстахъ очень долго: оно пережило и бронзовую эпоху и открывается намъ со своими особенностями и въ началѣ желѣзнаго вѣка. Въ долинѣ Сарно, которая такъ богата выдающимися остатками исторической жизни, открыто въ послѣднее время нѣсколько могильниковъ,

---

[1]) Труды его изданы въ книгѣ, носящей заглавіе: „Congrès international de l'Anthropologie et d'Archéologie préhistorique". Bologne, 1873. Рефератъ Николуччи озаглавливается: „L'âge de la pierre dans les provinces napolitaines".

[2]) Catalogo della Collezione di oggetti preistorici della età della pietra, posseduti da Giustiniano Nicolucci in Isola dei Liri. Napoli, 1877.

[3]) Описаніе и изслѣдованіе Патрони напечатано въ *Monumenti Antichi* академіи Линчеевъ IX (1901), подъ заглавіемъ: Caverna naturale con avanzi preistorici in provincia di Salerno, p. 546 sq. См. также его разсужденія по поводу этого открытія въ рефератѣ, напечатанномъ въ Atti del Congresso internazionale di scienze storiche Vol. V. Roma, 1904, p. 200.

[4]) О гротахъ этихъ, по имени Дзакито и Фрола. Патрони сдѣлалъ сообщеніе тому же Римскому историческому съѣзду. См. въ упомянутыхъ (прим. 3) Atti, p. 221—222. Затѣмъ матеріалъ ихъ обнародованъ въ Archivio per l'Antropologia e l'Etnologia XXXIII, fasc. 2.

принадлежащихъ тому самому населенію, о бокъ съ которымъ возникла древнѣйшая въ Италіи греческая колонія Кумы. Могилы этихъ туземныхъ некрополей не знаютъ сожженія труповъ и всѣ съ трупопогребеніемъ, сохранившимъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ еще неолитическій характеръ.

Мы знаемъ, что арійское племя, прибывъ съ Сѣвера въ Италію, принесло съ собой обрядъ сожженія труповъ, тогда какъ у туземнаго населенія на всемъ полуостровѣ и на прилегающихъ къ нему островахъ было въ ходу исключительно трупопогребеніе. Террамары Эмиліи и восточной Ломбардіи совсѣмъ не знаютъ трупопогребенія; не знало его и умбрское населеніе перваго періода Виллановы какъ по сѣверную, такъ и по южную сторону Апеннинovъ; не знали и первые арійскіе выходцы, двинувшіеся изъ террамаръ на югъ и населившіе Альбанскія горы, а частію прошедшіе по восточному берегу Италіи къ Іоническому морю (могильникъ Тиммари). Трупопогребеніе у арійскихъ выходцевъ стало возникать тамъ, гдѣ они или были покорены этрусками, или смѣшались съ туземнымъ населеніемъ. Такъ было на римскихъ холмахъ (Эсквилинѣ и Квириналѣ) и на Форумѣ, гдѣ могилы съ ингумаціей труповъ уже становятся господствующими (на Форумѣ и Эсквилинѣ) или исключительными (на Квириналѣ); такъ было у вольсковъ, какъ это мы видѣли на могильникѣ Каракупы, гдѣ на 80 могилъ уже только 4 съ сожженіемъ [1]). Затѣмъ, оставивъ пока въ сторонѣ обрядъ погребенія сабелльскихъ народовъ, мы видимъ, что чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ все труднѣе въ древнѣйшихъ могильникахъ отыскать слѣды сожженія. Если еще можно ихъ видѣть на сѣверо-восточной границѣ Кампаніи въ могильникѣ, причисляемаго къ Самніуму, города Allifae (нынѣ Пьедимонте д'Алифе) [2]), то уже ихъ и совсѣмъ не видно въ древнѣйшей части могильника Суэссулы, ни въ могильникахъ долины Сарно, о которыхъ только что было нами упомянуто. Оно встрѣчается намъ лишь въ греческихъ некрополяхъ и въ позднихъ могильникахъ римскаго времени; но это—вопросъ, насъ въ данную минуту не касающійся. Что же касается до постепеннаго исчезновенія у арійскихъ народовъ Италіи ихъ исконнаго похороннаго обряда, то это прямо объясняется новой средой, въ какую арійцы попали на Апеннинскомъ полуостровѣ. Тамъ, гдѣ они жили плотно, какъ въ

---

[1]) См. *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1904, августъ, стр. 340.

[2]) См. Отчетъ о раскопкахъ этого могильника, напечатанный Дресселемъ въ *Annali dell'Instituto di corrispondenza archeologica* 1884, p. 221.

террамарахъ или въ Альбанскихъ горахъ, они сохраняли свой погребальный обрядъ неприкосновеннымъ. Тамъ же, гдѣ между ними водворилось населеніе покорителей, какъ въ Этруріи по ту и по сю сторону Апеннинов, или гдѣ имъ пришлось смѣшаться съ болѣе многочисленнымъ населеніемъ туземцевъ, какъ это было въ первую пору поселенія ихъ на римскихъ холмахъ, они стали мало-по-малу подчиняться туземному обряду. Притокъ чисто латинскаго элемента съ Альбанскихъ горъ въ царскій періодъ Рима снова оживилъ обрядъ сожженія у римлянъ, который потомъ и оставался у нихъ вполнѣ господствующимъ во весь періодъ республики и въ первый періодъ имперіи. Что касается до кампанскаго населенія, которое, судя по необычайному плодородію почвы и пріятности климата, съ давнихъ поръ должно было быть многочисленнымъ, какимъ оно всегда было въ историческое время вплоть до нашихъ дней, то здѣсь болѣе всего понятно то, что для пришельцевъ, если они не были народомъ высшей культуры, какъ греки, и не были въ извѣстномъ пунктѣ многочисленнѣе туземнаго населенія, трудно было въ массѣ охватывавшихъ ихъ чужихъ обычаевъ сохранить вполнѣ свою народную личность и остаться вѣрными обряду, которому кругомъ никто не слѣдовалъ. Такимъ образомъ, обрядъ трупопогребенія самъ по себѣ, въ эпоху перваго желѣзнаго вѣка и въ протоисторическій періодъ, не есть уже отличительный признакъ не-арійскаго элемента въ Италіи.

Но дѣло въ томъ, что въ этомъ обрядѣ есть особенность, которая, на какой бы точкѣ Италіи ни встрѣчалась, прямо говоритъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ опредѣленною и *не*-арійскою народностью. Особенность эта есть скорченное положеніе лежащаго на боку костяка, видоизмѣняющееся въ разныхъ мѣстностяхъ въ горизонтальное положеніе съ поджатыми ногами. Ни въ приболоньскихъ могильникахъ (Арноальди, Меленцани), ни въ южно-этрусскихъ, гдѣ погребалось покоренное этрусками умбрское населеніе, ни въ римскихъ некрополяхъ нѣтъ скелетовъ въ скорченномъ положеніи или съ поджатыми ногами. Нѣтъ ихъ, равнымъ образомъ, ни въ Пьедимонте д'Алифе, ни въ Суэссулѣ, ни въ другихъ ингумаціонныхъ могильникахъ южной Италіи, принадлежащихъ по времени къ періоду Виллановы, каковы могильники въ Торре дель Мордилло, въ С. Лоренцо близъ Спеццано въ Бруттіяхъ (нынѣшней Калабріи). Это, однако, не значитъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ скорченнаго или поджатаго положенія, мы непремѣнно имѣемъ дѣло съ могилами *италиковъ*, т. е. арійскихъ элементовъ. Такое положеніе, составляющее въ *Италіи* особенность лигурійскаго племени, начало

мало по малу исчезать и среди этого племени съ эпохи появленія металловъ, такъ что огромный могильникъ энеолитическаго періода, каковъ могильникъ Ремеделло-Сотто [1]), представляетъ уже рядомъ со скелетами, лежащими, по лигурійскому обычаю, на лѣвомъ боку и въ скорченномъ положеніи, не мало могилъ со скелетами, лежавшими распростертыми, и между этими послѣдними нашелся лишь *одинъ*, который, лежа на спинѣ, подогнулъ ноги, чѣмъ свидѣтельствовалось у погребавшихъ его еще желаніе, даже и при измѣненномъ положеніи и новой оріентировкѣ (головой къ югу, а не къ востоку или къ сѣверу, какъ требовалось болѣе раннимъ обычаемъ), хоть отчасти сохранить вѣрность старинному обряду. Обрядъ этотъ въ Сициліи въ сикульскихъ могильникахъ сохранялся однако во весь періодъ бронзоваго вѣка [2]), какъ сохранился и въ сикульскомъ могильникѣ Базиликаты близъ Матеры того же періода [3]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Пиценѣ (въ огромномъ могильникѣ Новилары, о которомъ у насъ будетъ рѣчь въ свое время), упорство потомковъ неолитическаго населенія сохранять въ могилѣ скорченное или поджатое положеніе простиралось до начала желѣзнаго вѣка включительно. Такой же пережитокъ этого похороннаго обряда мы находимъ и въ Кампаніи, именно въ долинѣ Сарно, въ древнѣйшемъ могильникѣ, открытомъ въ саду одного владѣльца въ Стріано. При раскопкѣ этого могильника, правда, не присутствовало никакого офиціальнаго ученаго, но въ каталогѣ, составленномъ владѣльцемъ всѣмъ вещамъ своей коллекціи, какія были найдены въ могильникѣ, значутся найденными нѣсколько скелетовъ съ скорченными ногами. Фактъ этой записи засвидѣтельствованъ Патрони въ его описаніи коллекціи [4]), и достовѣрность его кажется не подлежащею сомнѣнію.

Населеніе долины Сарно, представляемое намъ тремя древнѣйшими могильниками, одинъ изъ которыхъ, и притомъ наиболѣе древній, есть могильникъ Стріано (о двухъ другихъ, С. Марцано и С. Валентино, тутъ же говоритъ Патрони, сообщая намъ о найденной въ нихъ утвари), съ утварью перваго желѣзнаго вѣка, обличающей однако, при дурномъ качествѣ глиняной пасты и первобытной техникѣ, зна-

---

[1]) См. въ первой части *Введенія* стр. 46—49.

[2]) См. мою работу „О происхожденіи сикуловъ" въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ноябрь и декабрь 1897 г.; въ отд. отт. стр. 53.

[3]) См. Патрони, Un villagio Siculo presso Matera nell' Antica Apulia въ *Monumenti Antichi* академіи Линчеевъ, VIII (1848), pp. 148, 496 и др.

[4]) *Bullettino di paletnologia Italiana* 1901 (XXVII), p. 49 sq.

комство съ формами греческой керамики (скифосы, инохои),—равно какъ ему извѣстны и формы биконическаго сосуда Виллановы,—есть то самое населеніе, къ которому прибыли халкидскіе греки, чтобъ основать въ водахъ нынѣшняго неаполитанскаго залива свою колонію. Это были тѣ опики, о которыхъ шла рѣчь выше и которые, какъ мы видѣли, есть греческое названіе осковъ. Могильникъ Стріано есть видимо древнѣйшій въ этой мѣстности, такъ что населеніе, въ немъ погребенное, хотя и успѣло испытать на себѣ нѣкоторое вліяніе новыхъ пришельцевъ, но оно видѣло также время, когда о греческихъ колоніяхъ въ Италіи не было еще никакихъ слуховъ.

Что могильникъ Стріано является еще свидѣтелемъ самаго начала греческихъ поселеній въ Кампаніи (значитъ и вообще въ южной Италіи), это доказывается тѣми издѣліями греческихъ колонистовъ, какія тутъ были найдены. Это — нѣсколько сосудовъ изъ настоящей горшечной глины, сдѣланныхъ на гончарномъ станкѣ и обожженныхъ въ гончарной печи, съ геометрическимъ орнаментомъ греко-кампанскаго стиля. Патрони, благодаря которому мы имѣемъ свѣдѣнія о такихъ сосудахъ, основательно замѣчаетъ [1]): „это очевидно первыя произведенія, основанныхъ по берегамъ, эллинскихъ колоній", произведенія, которыя онъ, принимая основаніе Кумъ за 1000 лѣтъ до Р. Хр., относитъ къ XI—XII вѣкамъ, хотя было бы основательнѣе относить ихъ къ VIII в., такъ какъ послѣ кумскихъ раскопокъ Пеллегрини [2]), открывшихъ повидимому, первые слѣды жизни халкидской колоніи, основаніе Кумъ не можетъ быть отнесено раньше второй половины VIII столѣтія до Р. Хр. [3]). Что же касается мѣстныхъ произведеній могильника Стріано, то древнѣйшія изъ нихъ очевидно принадлежатъ, судя по ихъ не только нечистой глиняной пастѣ и грубѣйшей фактурѣ, до-эллинской эпохѣ Кампаніи, хотя и здѣсь нельзя не найти нѣсколько произвольнымъ обозначеніе ихъ хронологіи XII—X вѣками. Почтенный итальянскій археологъ говоритъ о „туземныхъ слояхъ до сихъ поръ из-

---

[1]) Ibidem, p. 51.

[2]) *Monumenti Antichi* академіи Линчеевъ XIII (1903), p. 202—224. Ср. Каро, въ *Bullettino di paletnologia Italiana* 1904 (XXX), p. 23 sq.

[3]) Вопросъ о происхожденіи и хронологіи греческихъ колоній въ Италіи будетъ составлять содержаніе особой главы въ третьей части моего *Введенія въ Римскую исторію*. Пока здѣсь считаю нужнымъ отмѣтить, что Патрони въ примѣчаніи къ своему докладу, прочитанному на римскомъ историческомъ съѣздѣ и теперь напечатанному въ V томѣ *Atti* этого съѣзда (Roma 1904), p. 217, старается защитить принимаемую имъ раннюю дату основанія Кумъ археологическими аргументами.

вѣстныхъ" (strati indigeni finora noti); но мнѣ кажется, что, когда дѣло идетъ о раскопкахъ, произведенныхъ безъ участія спеціалиста, трудно говорить о слояхъ, въ которыхъ найдены тѣ или другіе предметы. Для насъ впрочемъ то или другое, предшествующее греческимъ колонистамъ, столѣтіе жизни кампанскихъ туземцевъ, въ данномъ случаѣ безразлично. Для насъ важенъ лишь фактъ, что населеніе, которое испытало въ долинѣ Сарно первыя вліянія греческихъ колонистовъ, было то самое, которое жило тутъ и раньше прибытія этихъ послѣднихъ, а не было новымъ, такъ какъ оно продолжало хоронить покойниковъ въ томъ-же самомъ могильникѣ, проходя разныя степени культуры. Населеніе же это, которое греки называли опиками, а потомъ римляне осками, было мѣстнаго неолитическаго происхожденія, какъ показываютъ остатки его похороннаго обряда, свойственнаго въ Италіи лигурійскому племени, распространеннаго по всей Италіи и продолжавшагося въ своихъ остаткахъ до перваго желѣзнаго вѣка включительно.

Но это населеніе съ обрядомъ лигурійскаго племени, въ періодъ, предшествующій греческой колонизаціи, было уже въ связи съ италійскимъ населеніемъ, подвергшимся болѣе или менѣе культурѣ Вилланова. Въ числѣ предметовъ утвари могильника Стріано находятся два сосуда [1]) типа оссуарія умбрскихъ могильниковъ, но простѣйшаго вида, дурной пасты и безъ всякаго орнамента, но говоря уже объ обычномъ въ такихъ сосудахъ Этруріи и въ приболонскихъ могильникахъ, меандрѣ (см. таблицы XXVI, XXVII, XXXIII и XXXIV 1-ой части *Введенія*). Но эти два экземпляра сосудовъ типа оссуарія Вилланова не единственные, какіе найдены въ Кампаніи. Еще въ 1896 г. былъ обнародованъ [2]) Патрони, въ то время бывшимъ однимъ изъ консерваторовъ Неаполитанскаго музея, сосудъ, оказавшійся въ числѣ сосудовъ „кумской коллекціи", на которую, какъ заброшенную и находившуюся въ складахъ музея, до тѣхъ поръ мало обращалось вниманія. Сосудъ этотъ—безспорно формы оссуарія Вилланова, смѣшанной пасты и грубой работы, ручной и неправильной, но съ оттиснутымъ въ верхней половинѣ орнаментомъ изъ простѣйшаго меандра, съ опоясывающей его лентой изъ двухъ линій по срединѣ, подъ ко-

---

[1]) Обнародованы на таблицѣ III (фиг. 7 и 8) *Bulletino di paletn. Italiana* за 1901 г. (XXVII).

[2]) Въ *Notizie degli scavi* 1896, p. 531. См. также въ *Bulletino di paletnologia Italiana* 1897 (XXIII), p. 41.

торой идутъ зигзагами три линіи съ волчьими зубами внутри ихъ. Это былъ первый сосудъ типа оссуарія Вилланoвы, открытый не только въ Кампаніи, но и вообще на югѣ Италіи, сосудъ, страннымъ образомъ подавшій поводъ такому крупному археологу, какъ Гёрнесъ, сдѣлать предположеніе, будто орнаментъ Вилланoвы, который является здѣсь въ наиболѣе простомъ видѣ, пришелъ съ юга на сѣверъ Италіи, предположеніе, на полную несостоятельность котораго было мною указано раньше [1]). Затѣмъ въ 1899 г. былъ обнародованъ также Патрони [2]) экземпляръ сосуда типа Вилланoвы, находившійся въ коллекціи кампанскаго музея въ Капуѣ, также дурной пасты, грубой ручной работы и дурного обжига, но представляющій собой болѣе правильную форму этого, столь типическаго, сосуда средней и сѣверной Италіи въ періодъ Вилланoвы. Онъ происходитъ по всей вѣроятности изъ древнѣйшаго капуанскаго могильника. Въ томъ же году вышелъ на свѣтъ еще одинъ экземпляръ этого типа, принадлежавшій Кумской коллекціи Стевенса, теперь пріобрѣтенной Неаполитанскимъ музеемъ. Онъ очень малыхъ размѣровъ, съ графитнымъ линейнымъ орнаментомъ, вышедшимъ очень не ясно на страницѣ *Bullettino di paletnologia Italiana* 1899 г., гдѣ онъ обнародованъ (p. 194). Такимъ образомъ, передъ нами пять экземпляровъ (всѣ обнародованы Патрони) сосудовъ типа оссуарія Вилланoвы, указывающихъ на существованіе въ южной Кампаніи связи съ культурой Вилланoвы, связи, подлежащей теперь нашему разъясненію.

Намъ нѣтъ, собственно говоря, нужды касаться здѣсь спора о томъ, переживала ли также и южная Италія и въ частности Кампанія свой періодъ культуры Вилланoвы, какъ сѣверная и средняя Италія. Этотъ споръ былъ поднятъ между Пигорини и Патрони именно по поводу открытія послѣднимъ кумскаго сосуда типа оссуарія Вилланoвы, найденнаго въ кумской коллекціи Неаполитанскаго музея. Свою точку зрѣнія на этотъ споръ я высказалъ еще въ 1-ой части *Введенія* (стр. 216), заявивъ, что „отсутствіе слѣдовъ развитія культуры Вилланoвы въ южной Италіи, какъ она проявилась въ средней и сѣверной, заставляетъ насъ стоять въ этомъ пунктѣ скорѣе на сторонѣ Патрони, который отрицаетъ всякое развитіе культуры Вилланoвы въ

[1]) *Введеніе*, ч. I, стран. 215—216. Въ посвященной разбору моей книги прекрасной статьѣ (*Globus*, LXXXII, 1) авторъ уже не настаиваетъ на своемъ предположеніи, хотя не высказываетъ полнаго согласія и съ моей точкой зрѣнія.

[2]) Въ *Bullettino di paletnologia Italiana* 1899 (XXV), p. 16.

южной Италіи, чѣмъ на сторонѣ Пигорини, который такъ ратуетъ за это въ своей, правда, превосходной статьѣ о бронзовомъ и первомъ желѣзномъ вѣкѣ въ южной Италіи" [1]). И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же это развитіе? Пять выше поименованныхъ сосудовъ, всѣ дурной пасты и грубой фактуры, не показываютъ никакого или почти никакого усовершенствованія въ техникѣ, хотя каждый изъ нихъ имѣетъ свой оттѣнокъ, болѣе или менѣе приближающій или удаляющій его отъ типа оссуарія Виллановы, какой представленъ у меня на таблицѣ XXXIV (фиг. 1 и 2) 1-ой части *Введенія* (ср. табл. XXVIII тамъ же), и представляетъ сходство съ нимъ больше въ идеѣ, чѣмъ въ ея выраженіи. Затѣмъ мы имѣемъ эту керамическую форму въ числѣ дополнительныхъ сосудовъ въ могильникахъ Суэссулы и Пьедимонте д'Алифе. Но это могилы поздняго періода, не заходящія дальше VII ст. до Р. Хр., и населеніе, въ нихъ погребенное, жило не подъ вліяніемъ культуры Виллановы, а подъ вліяніемъ культуръ греческой и этрусской. Наконецъ, какъ это замѣтилъ уже Патрони [2]), при отсутствіи у кампанскаго населенія обряда сожженія, для оссуарія Виллановы не было тамъ ритуальнаго примѣненія, что, съ своей стороны, послужило причиною, почему ни въ одномъ изъ сохранившихся экземпляровъ мы не видимъ надлежащаго выраженія его типа. Онъ явился тамъ лишь какъ одна изъ обычныхъ формъ италійской керамики, одна изъ формъ, которою не брезговали въ первое время и горшечники изъ греческихъ колонистовъ, какъ это доказываетъ пріобрѣтенный Неаполитанскимъ музеемъ сосудъ формы двухъ усѣченныхъ конусовъ, соединенныхъ въ своихъ основаніяхъ. Сосудъ этотъ, видимо подражающій формѣ оссуарія Виллановы, но не имѣвшій для себя образца строгаго его типа, какой въ Кампаніи и не встрѣчается, снабженъ геометрическимъ орнаментомъ дипилонскаго стиля и является, судя по чистотѣ глины и хорошей техникѣ, чисто греческимъ произведеніемъ [3]).

Это впрочемъ не единственный примѣръ воспроизведенія колонистами съ восточной стороны Средиземнаго моря италійскихъ формъ керамики. Мы указывали на подобный примѣръ во 2-й части *Введенія* (стран. 132 слд.), когда говорили о проникновеніи формы оссуарія Виллановы въ мессапскую керамику. Если эта форма нашла себѣ вос-

---

[1]) Въ *Bullettino di paletnologia Italiana* 1901 (XXVII), p. 12 sq.
[2]) *Bullettino di paletnologia Italiana* 1900 (XXVI). p. 182.
[3]) Изданъ Патрони тамъ же p. 178.

производителей даже въ горшечникахъ старой и высшей культуры, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что она, не будучи связана въ кампанскомъ населеніи ни съ какимъ ритуальнымъ употребленіемъ, все-таки появлялась тамъ среди другихъ формъ мѣстной керамики. Но это нисколько не говоритъ о томъ, что Кампанія переживала культуру Виллановы, какую знаетъ доисторическая Этрурія (умбрскаго періода), или территорія по сѣверную сторону Апеннинов между р. Панаро и Адріатическимъ моремъ. Не доказываетъ этого и находка въ Кампаніи бронзовыхъ топоровъ съ крылышками формы перваго желѣзнаго вѣка. Топоры эти, изъ которыхъ одинъ хранится въ Неаполитанскомъ музеѣ, а другой въ римскомъ Доисторическомъ [1]) имѣютъ линейный орнаментъ, какого не встрѣчается ни въ одномъ изъ многочисленныхъ экземпляровъ, найденныхъ на мѣстахъ дѣйствительной культуры Виллановы, а это лишаетъ насъ права объяснять присутствіе ихъ въ Кампаніи вліяніемъ,—не говоря уже о переживаніи,—этой культуры. Они могли явиться здѣсь изъ другихъ мѣстъ, помимо всякаго вліянія Средней Италіи, или быть сдѣланы на мѣстѣ по образцамъ, пришедшимъ извнѣ. Пигорини, настаивая на положеніи, будто Южная Италія переживала тѣ же фазы бронзовой культуры и культуры перваго желѣзнаго вѣка, какъ и Сѣверная и Средняя Италія, видитъ особое доказательство тому въ могильникѣ Тиммари, въ Базиликатѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ сожженіемъ, найдены предметы, обличающіе переходную эпоху отъ бронзовой культуры къ культурѣ перваго желѣзнаго вѣка, какіе найдены и въ Верхней Италіи [2]). Но могильникъ Тиммари стоитъ въ связи также съ фактомъ террамары на территоріи Таранто, обличающимъ, какъ объ этомъ не разъ было нами говорено [3]), движеніе на югъ переселенцевъ изъ террамаръ долины По по берегу Адріатическаго моря, доведшее ихъ до Іонійскаго моря, гдѣ они и оставили явные слѣды, говорящіе о непосредственной связи Верхней Италіи съ этимъ угломъ Апеннинскаго полуострова. Но и эти явные слѣды, говорящіе о появленіи конца бронзоваго и начала желѣзнаго вѣка въ Мессапіи и Апуліи въ культурныхъ чертахъ долины По, не даютъ намъ права распространяться о томъ, что древняя Калабрія, южная Апулія и нынѣшняя восточная

---

[1]) Изданы въ *Bullettino di paletnologia Italiana* 1897 (XXIII), p. 148 и 158. Неаполитанскій изданъ Патрони, а римскій Пигорини.

[2]) См. 1-ую часть *Введенія*, стран. 144.

[3]) Въ 1-й части *Введенія*, стран. 143 слд.; во 2-й—стр. 127—129, 134—136.

Базиликата переживали фазисы бронзовой и перво-желѣзной культуры въ томъ видѣ, какъ ихъ знала восточная Ломбардія, Эмилія и Романья, не даютъ потому, что у этихъ странъ была своя культура, совершенно независимая отъ Верхней Италіи, культура, которая шла своимъ порядкомъ, каковой былъ лишь слегка нарушенъ вторженіемъ арійцевъ съ сѣвера, а затѣмъ болѣе чувствительно греческой колонизаціей.

Положеніе дѣлъ въ Южной Италіи, прилегающей къ Средиземному морю, было другое. Оно было еще менѣе благопріятно для процвѣтанія тамъ культуры Виллановы. Мѣстныя населенія, уже по ихъ географическому положенію, даже въ эпоху, предшествовавшую греческой колонизаціи, подлежали гораздо болѣе культурному вліянію съ юга, чѣмъ съ сѣвера. Ближайшія палео-этнологическія изслѣдованія, сдѣланныя въ самое послѣднее время Орси въ древнемъ Бруттіѣ (нын. Калабріи), доказали, что культура этой части Италіи не имѣетъ никакихъ отношеній къ культурѣ террамаръ и Виллановы, а связана съ культурой Сициліи (бритвы, ножи, фибулы) и черезъ нее съ востокомъ, и если есть общіе типы съ Сѣверной Италіей, какъ напримѣръ, четвероугольныя бритвы, то они и тамъ, и здѣсь происходятъ изъ общаго обѣимъ мѣстностямъ источника, который надо искать внѣ Италіи [1]), а Бруттій, какъ удачно выражается Орси [2]), былъ мостомъ между Сициліей и Великой Греціей. Отсюда связь доисторической культуры между Бруттіемъ, Луканіей и Кампаніей, связь тѣмъ болѣе живая, что она поддерживалась этническимъ родствомъ этихъ странъ. Никакой народъ съ сѣвера въ концѣ бронзовой эпохи сюда не приходилъ. Открытая въ 1898 г. Патрони въ гротѣ Пертозы (пров. Салерно) палафитта, устроенная надъ текущимъ по этому гроту потокомъ, не можетъ быть общаго происхожденія съ сѣверно-италійскими палафиттами уже потому, что, во-первыхъ, по своему древнѣйшему палео-этнологическому матеріалу пещера эта имѣетъ живую связь съ неолитическими пещерами Кампаніи, каковъ гротъ Николуччи близъ Сорренто и гротъ Фельчи на островѣ Капри, а во-вторыхъ, пещерныхъ палафиттъ сѣверная Италія не знала, и потому, если бы пришли въ Кампанію строить палафитты переселенцы изъ террамаръ, то они, строившіе террамары даже на возвышенностяхъ, не стали бы производить свайныхъ построекъ въ пещерахъ, въ какихъ обитали лигуры,

---

[1]) *Notizie degli scavi* 1902, p. 37—38.

[2]) Atti del Congresso internazionale di scienze storiche, V (Римъ, 1904), p. 195.

т. е. неолитическое населеніе, но не арійцы, начавшіе свою жизнь въ Италіи озерными палафиттами и террамарами, т. е. палафиттами на сушѣ. Къ тому же, формы керамики этого грота и совершенно неизвѣстный на сѣверѣ орнаментъ ея (волюты, ромбы, квадраты съ точками внутри и т. д.) ведутъ насъ не въ террамары, а въ Сицилію энеолитическаго періода, въ Мурджію Тимоне въ Базиликатѣ, т. е. къ сикульскимъ могиламъ въ Италіи, наконецъ, къ ближайшему родству съ сосѣднимъ гротомъ Дзакито, о принадлежности котораго выходцамъ изъ террамаръ не можетъ быть и отдаленной идеи. Поэтому и Патрони смѣло утверждаетъ, что обитатели того и другого грота были пещерные обитатели (cavernicoli) и что они же были и строителями палафитты въ гротѣ Пертозы [1].

Мы видѣли однако, что могилы перваго желѣзнаго вѣка въ Кампаніи, оставленныя намъ потомками неолитическаго населенія лигурійскаго племени, заключаютъ въ себѣ свидѣтельства связи съ арійскимъ племенемъ. Мы видѣли слѣды эти въ керамикѣ, именно въ воспроизведеніи формы оссуарія Виллановы. Нельзя думать согласно съ Патрони [2], будто знакомство съ типомъ сосуда Виллановы пришло въ Кампанію путемъ торговли или торговыхъ вліяній: торговля такой грубой посудой съ населеніемъ, умѣвшимъ выдѣлывать лучшую, не могла имѣть мѣста. Форма этихъ сосудовъ могла быть принесена лишь людьми, у которыхъ она была въ домашнемъ обиходѣ и которые пришли или вторглись въ Кампанію для поселенія. Распространеніе такой посуды должно было предшествовать греческой колонизаціи, вмѣстѣ съ которой у кампанскаго населенія появились болѣе изящныя формы керамики, лучшая горшечная паста и совсѣмъ другая техника.

* * *

Какіе же это могли быть арійцы, которые проникли въ Кампанію въ началѣ желѣзнаго вѣка, и откуда они явились?

Литературное преданіе, которому вообще совершенно чуждъ фактъ прибытія въ Италію и первоначальнаго разселенія арійскаго племени по полуострову, ничего не говоритъ о томъ арійскомъ народѣ, кото-

[1]) Въ Atti del Congresso intern. di scienze storiche V, p. 221. Ср. также разсужденіе о гротѣ Пертозы у Колини въ его статьѣ „La civiltà del bronzo in Italia“ въ *Bulletino di paletnologia Italiana* 1903 (XXIX), pp. 91—101 или въ *Atti* историческаго конгресса въ Римѣ, V, p. 36 sq.

[2]) *Bullettino di paletnologia Italiana*, 1901 (XXVII), p. 55.

рый раньше другихъ вторгнулся въ Кампанію и покорилъ туземное населеніе, хоронившее мертвыхъ въ скорченномъ положеніи. Въ чрезвычайно запутанномъ преданіи объ изгнаніи сикуловъ изъ Лаціума и затѣмъ изъ остальной Италіи, въ числѣ другихъ народовъ, принимавшихъ участіе въ этомъ изгнаніи, были будто бы опики и энотры (см. выше стран. 7). Но опики или оски, какъ мы уже знаемъ, были именно то кампанское населеніе, въ землѣ котораго основали свою первую колонію халкидскіе греки вмѣстѣ съ эолійцами изъ Киме, а населеніе это, какъ мы видѣли, могло быть только потомками того неолитическаго населенія, которое оставило слѣды своей жизни въ природныхъ пещерахъ (гротахъ) разныхъ мѣстъ Кампаніи и сохранило въ извѣстной степени свой погребальный обрядъ скорченнаго или поджатаго положенія до поздняго періода, близкаго къ концу доисторическаго времени. Это были, слѣдовательно, лигуры или сикулы, которые какъ мы знаемъ (см. 1-ю часть *Введенія*, стр. 82 слѣд.) были тѣми же лигурами и хоронили своихъ мертвыхъ въ поджатомъ или скорченномъ положеніи, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многія сотни и даже тысячи открытыхъ Орси въ Сициліи могилъ, принадлежащихъ какъ энеолитическому періоду, такъ и бронзовому вѣку. Намъ слѣдуетъ теперь отыскать тотъ народъ, который, будучи одною изъ отраслей вторгнувшихся съ сѣвера на Апеннинскій полуостровъ арійцевъ, проникъ въ Кампанію въ періодъ, предшествующій греческой колонизаціи, т. е. второй половинѣ VIII ст. до Р. Хр., и успѣлъ уже до извѣстной степени слиться съ осками, внесши въ ихъ среду элементы арійской культуры и передавъ имъ тотъ языкъ, съ какимъ оски являются въ исторіи. Народъ этотъ отчасти указывается намъ, хотя и безсознательно, литературнымъ преданіемъ, а отчасти позднѣйшимъ его географическимъ положеніемъ. Онъ назывался у грековъ *авсонами*, а у римлянъ *аврунками*.

Указавъ на этотъ народъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшаемъ ту загадку литературнаго преданія, надъ которой мы не разъ раньше останавливались, именно, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, опики и авсоны были однимъ и тѣмъ же народомъ, а по мнѣнію другихъ— двумя отдѣльными народами, Аристотель же говорилъ, что народъ, въ странѣ котораго греки основали Кумы, были собственно опики, а авсоны были только ихъ прозвищемъ. Теперь выходитъ, что и та, и другая, и третья сторона, каждая по своему, правы. Опики и авсоны (оски и аврунки) были по существу разные народы, за какихъ и считалъ ихъ Полибій, но они слились въ одинъ народъ, какъ это не-

рѣдко бывало въ исторіи, и стали говорить однимъ языкомъ, какъ они и представлялись Антіоху Сиракузскому. Въ этомъ слившемся народѣ главный по численности элементъ были оски, о которыхъ греки, конечно, слыхали и раньше поселенія въ ихъ странѣ, слыхали по своимъ торговымъ экскурсіямъ, указавшимъ имъ на выгоду основанія колоніи въ столь благопріятной мѣстности, и они пріѣхали именно къ оскамъ, въ страну осковъ, въ Опику; но грекамъ было извѣстно и имя авсоновъ, не только утвердившихся въ странѣ опиковъ, но и распространившихъ свою славу до южныхъ предѣловъ Апеннинскаго полуострова. Не удивительно поэтому, что они названіе Авсоніи стали иногда употреблять и для обозначенія всей Италіи, и опиковъ стали называть также и авсонами, которые въ разныхъ мѣстахъ Кампаніи перемѣшались съ прежними ея обитателями.

Авсоны—аврунки являются у греческихъ и римскихъ писателей въ числѣ древнѣйшихъ обитателей южной Италіи [1]). Относительно Кампаніи положительный фактъ даетъ намъ, какъ мы видѣли, Гекатей Милетскій, путешественникъ и географъ VI—V ст. до Р. Хр. Онъ называетъ Нолу, древній городъ южной Кампаніи, авсонскимъ. Гекатей говорилъ, разумѣется, то, что слышалъ отъ кумскихъ или неаполитанскихъ грековъ, если не отъ самихъ ноланскихъ грековъ, которые, живя въ странѣ опиковъ, конечно не безъ основанія называли городъ не осскимъ, а авсонскимъ. Значитъ, авсонскій элементъ въ V ст. въ южной Кампаніи былъ силенъ и говорилъ за себя своей численностью или своимъ значеніемъ; по крайней мѣрѣ это представляется самымъ естественнымъ объясненіемъ даннаго факта. Но народъ этотъ, такъ укрѣпившійся на югѣ Кампаніи, что могъ основать городъ, которому суждено было стать современемъ, благодаря греческой колонизаціи, однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Кампаніи, не былъ южнымъ. Раньше, чѣмъ приблизиться къ восхитительнымъ берегамъ неаполитанскаго залива, онъ занималъ въ ней мѣстность гораздо сѣвернѣе, именно плодородную площадь фалернскихъ и стеллатскихъ полей, мѣстность, которая такъ близка къ историческимъ границамъ аврунковъ въ долинѣ нижняго Лириса, отдѣлявшимся отъ Кампаніи горною цѣпью Массика. Находясь по ту и по другую сторону этой горной границы, онъ былъ хозяиномъ обѣихъ ея сторонъ, пока не былъ разорванъ спустившимися съ висящихъ надъ Кампаніей сѣверо-восточ-

[1]) Гелланикъ у Діонисія I, 22; Aelian. *Var. Histor.* IX, 16; Diod. V, 7; Scymn. 228; Cat. *Orig.* III, 1; Fest. p. 18 M., 13 Th.

ныхъ горъ въ долину Вольтурна сидицинами, которые усѣлись у Массика и Рокки-Монфины и овладѣли такимъ образомъ воротами, ведущими изъ Лаціума въ Кампанію. Такъ какъ Веррій Флаккъ сажаетъ доисторическихъ аврунковъ не только туда, гдѣ находился городъ Калесъ, но и туда, гдѣ былъ Беневентъ, въ мѣстность, занятую потомъ, во время движенія сабелльскихъ племенъ на югъ, гирпинами, то это намъ указываетъ путь распространенія этого народа, какъ бы желавшаго себя обезпечить укрѣпленными природой мѣстами, прежде чѣмъ спуститься въ большую кампанскую равнину, гдѣ онъ создалъ себѣ укрѣпленный центръ, построивъ городъ Нолу. Въ созданіи этого центра своей жизни въ кампанской равнинѣ мы видимъ тотъ положительный фактъ, что народъ арійскаго корня прочно утвердился въ землѣ опиковъ и ко времени греческой колонизаціи успѣлъ до того слиться съ туземцами, что прибывшимъ съ востока колонистамъ не легко было различить аборигеновъ этихъ мѣстъ отъ пришельцевъ, и потому-то греки называли обитателей Кампаніи то опиками (осками), то авсонами (аврунками), и видѣли въ этихъ именахъ то два отдѣльныхъ народа, то одинъ народъ.

Теперь самъ собою слѣдуетъ интересный вопросъ: гдѣ была родина этой древней отрасли арійскихъ италиковъ? Иначе сказать: откуда аврунки двинулись и пошли на югъ, и, продолжая свое движеніе, вторглись въ Кампанію, увеличивъ этимъ въ очень раннее время область арійскаго разселенія по Апеннинскому полуострову?

* * *

Извѣстный историкъ Кампаніи, Юлій Белохъ, начиная свою рѣчь объ аврункахъ, говоритъ [1]): „Въ болотахъ у Нижняго Лириса, въ горныхъ ущельяхъ Рокки-Монфины и Гаэтскаго мыса находимъ мы въ четвертомъ столѣтіи народъ аврунскій. Такихъ мѣстъ для поселенія не выбираетъ ни одинъ, идущій побѣдоносно впередъ, народъ, въ горахъ и болотахъ ищетъ убѣжища народъ погибающій“. Изъ этого видно, что для нѣмецкаго историка Кампаніи, преподающаго въ римскомъ университетѣ древнюю исторію, аврунки являются въ юго-западномъ углу Лаціума потому, что были загнаны туда, ища для себя послѣдняго убѣжища. Но это не совсѣмъ такъ. Аврунки не искали въ этихъ мѣстахъ послѣдняго убѣжища, и ихъ никто не загонялъ туда: напротивъ, мѣста эти оставались единственными, въ которыхъ

[1]) Campanien, Breslau, 1890, 2-е изд., p. 8.

въ IV столѣтіи до Р. Хр. сохранилась и еще держалась ихъ національность въ чистомъ видѣ; но ихъ выгоняли и оттуда, пока, наконецъ, въ послѣдней ожесточенной схваткѣ съ римлянами, они не были въ концѣ IV столѣтія до Р. Хр. (314=440 Рима) окончательно раздавлены и истреблены. Deleta Ausonum gens, говоритъ по этому поводу Т. Ливій [1]).

Ошибка Белоха заключается въ томъ, что онъ, считая аврунковъ этнографически осками или частію осковъ (у него это не ясно, какъ было нами замѣчено выше), признаетъ за ними кампанское происхожденіе, то-есть считаетъ ихъ въ Кампаніи туземцами (die eingeborenen) [2]). Поэтому они являются въ его представленіи зашедшими въ Лаціумъ изъ Кампаніи; но такое представленіе, хотя оно какъ бы и имѣетъ для себя нѣкоторую поддержку въ одной фразѣ Діонисія Галикарнасскаго [3]), не выдерживаетъ ни исторической, ни археологической критики. Историки намъ разсказываютъ, что уже въ первые годы римской республики аврунки ведутъ войны съ римлянами, отнимая у нихъ въ Помтинской области захваченные имъ вольскіе города Помецію и Кору, куда римлянами были выведены колоніи, или требуя отъ нихъ очищенія вольской области [4]). Правда, Нибуръ [5]) относительно войны 251 и 252 г.г. отъ основанія Рима думаетъ, что аврунки смѣшиваются Ливіемъ съ вольсками, и еще недавно то же, хотя и въ предположительной формѣ, было высказано Гюльзеномъ [6]); но если даже и допустить въ извѣстной мѣрѣ подобное смѣшеніе, какое Нибуръ выводитъ изъ того, что, говоря о войнѣ аврунковъ съ римлянами 251 и 252 г. Рима, Ливій высказываетъ тотъ же фактъ, что́ о вольской войнѣ 259 г. [7]), то все-таки фактъ раннихъ войнъ аврун-

---

[1]) IX, 25.

[2]) Campanien, 2 изд., p. 149.

[3]) Dionys. VI. 32: πρέσβεις παρῆσαν ἐξ ἔθνους Ἀρούγκων, οἳ τῆς Καμπανῶν χώρας τὰ κάλλιστα πεδία κατεῖχον. Раньше нами было замѣчено, какъ владѣнія аврунковъ простирались въ Кампанію и были отрѣзаны по сѣверную сторону Массика вторженіемъ сидициновъ.

[4]) Liv. II. 16: Eodem anno duae coloniae Latinae, Pometia et Cora, ad Auruncos deficiunt. Cum Auruncis bellum initum. Ср. II, 17. Во II. 26 Ливій говоритъ: legati Aurunci senatum adeunt, ni decedatur Volsco agro, bellum indicentes. См. также Dionys. Hal. VI, 32 и 37.

[5]) Römische Geschichte, I, 615. (310 изд. 1853 въ одномъ томѣ). Ср. II, 103—104 (403 изданія въ одномъ томѣ).

[6]) Въ новомъ изданіи Паули Real-Encyklopädie, подъ сл. *Aurunci*.

[7]) Триста заложниковъ, которые платятся жизнью въ II, 16 и въ II, 22.

ковъ съ римлянами въ Помптинской области является твердо установленнымъ въ литературномъ преданіи. И эта воинственная дѣятельность аврунковъ относится къ тому моменту ихъ политической жизни, когда они имѣли не только свой уголъ въ южномъ Лаціумѣ, но и распространялись за Рокку-Монфину въ Кампанію, гдѣ мы ихъ только-что видѣли. Діонисій [1]), говоря о требованіи аврункскихъ пословъ у римскаго сената, чтобы римляне ушли изъ земли вольсковъ (ср. Liv. II, 26), при этомъ даже прямо указываетъ намъ на то, что аврунки въ это время владѣли прекраснѣйшими землями въ Кампаніи. Но то ожесточенное упорство, съ какимъ они боролись съ римлянами за свое мѣсто въ Лаціумѣ, и которое привело ихъ къ окончательной гибели [2]), такъ что историкъ, говоря потомъ о полномъ хозяйничаньи римлянъ въ ихъ странѣ, подвергнутой полной колонизаціи, даже не упоминаетъ [3]) имени народа, которому эти города и мѣста еще недавно принадлежали, это продолжительное упорство борьбы за свои очаги въ горныхъ ущельяхъ и въ болотистыхъ низменностяхъ показываетъ, что не въ Кампаніи находилась колыбель этого народа и не тамъ былъ центръ его разселенія.

Что родиной аврунковъ была не Кампанія, и что они вторглись въ нее изъ Лаціума, это вытекаетъ и изъ того, что въ Кампаніи является не мало мѣстныхъ названій, видимо перенесенныхъ изъ долины Тибра, изъ Лаціума и той части близкой ему Этруріи, которая была занята фалисками. На эту связь топографическихъ названій [4]) указывалъ еще Белохъ [5]), только онъ объяснялъ ее совсѣмъ иначе. Онъ приписывалъ занесеніе въ Кампанію этихъ названій сикуламъ, которыхъ онъ, какъ это до самаго послѣдняго времени считалось чуть не догматомъ у нѣмецкихъ историковъ, считаетъ за одинъ народъ съ латинянами, мнѣніе, столь же противорѣчащее древнему преданію, сколько и тѣмъ многочисленнымъ и краснорѣчивѣйшимъ археологиче-

---

[1]) VI, 32: τῆς Καμπανῶν χώρας τὰ κάλλιστα πεδία κατεῖχον.

[2]) IX, 25: deletaque Ausonum gens... perinde ac si internecivo bello certasset.

[3]) Liv. X, 21.

[4]) Таковы названія: Campus Stellas въ Кампаніи и Stellatinus campus (отсюда Stellatinus pagus, Stellatina tribus) въ землѣ фалисковъ въ Этруріи; ager Falernus и главный городъ фалисковъ Falerii въ Этруріи; Sabatini близъ Капуи (у Ливія XXVI, 33, ср. Ниссенъ, Ital. Landesk. II. 715) и Sabatinus lacus въ Этруріи (есть названія этого корня въ Лигуріи и Бруттіѣ); Capua въ Кампаніи. Capena у фалисковъ въ Этруріи, и южныя ворота, porta Capena въ Сервіевой стѣнѣ въ Римѣ; Tifata, гора въ Кампаніи, и Tifata, городъ въ Лаціумѣ (Plin. *N. H.*. III (9), 68.

[5]) Campanien, ed. 2, p. 297.

скимъ даннымъ, какія добыты о сикулахъ въ Сициліи раскопками Орси, а на самомъ Апеннинскомъ полуостровѣ Патрони. Невозможность причислять сикуловъ къ латинскому племени достаточно доказана мною въ трудѣ „О происхожденіи Сикуловъ" [1]), дополненномъ статьей „Еще о сикулахъ, умбрахъ и латинянахъ" (гдѣ приведены новыя археологическія данныя) [2]), наконецъ—въ первой части *Введенія* (стран. 88—91). Въ числѣ послѣднихъ аргументовъ противъ причисленія сикуловъ къ латинянамъ я указывалъ на хронологическую несообразность, выставляя на видъ, что, въ то время какъ сикулы—народъ неолитической культуры и являются въ Сициліи съ культурой энеолитическаго періода, латиняне, съ которыми они будто бы раздѣлились въ Лаціумѣ, принесли съ собой сюда культурныя начала желѣзнаго вѣка. Поэтому, болѣе чѣмъ странно звучитъ теперь разсужденіе, въ какое пускается Белохъ, желая объяснить сходство разныхъ кампанскихъ топографическихъ названій съ латинскими. „Сходство это", говоритъ онъ, „служитъ новымъ доказательствомъ тому, что въ доисторическое время латинское племя распространилось далеко вдоль западнаго берега Италіи и *составляло одно географическое цѣлое* (!) съ сикулами, съ племенемъ, близкое родство котораго съ латинянами доказываютъ не только остатки сикульскаго языка (?), но оно также прямо (ausdrücklich) утверждается *всѣми древними историками* (!!!)". Послѣднее заявленіе, въ которомъ нѣтъ и тѣни правды, положительно невѣроятно для ученаго, далеко не безызвѣстнаго.

Общность географическихъ названій служитъ, безъ всякаго сомнѣнія, свидѣтельствомъ бывшей или существующей связи одной страны съ другою. И въ древности, какъ и въ наше время, переселенцы въ новыя страны переносятъ съ собой нерѣдко и названія тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ они жили раньше, даже часто и не чувствуя потребности обозначать ихъ прибавленіемъ слова *новый*, какъ возникли въ Америкѣ названія: Новый Іоркъ, Новый Орлеанъ и т. п. Но указать путь, какимъ эта общность названій возникла, особенно же то, какому народу принадлежатъ они по своему происхожденію, для доисторическаго времени бываетъ иногда очень трудно, а указать съ полной вѣрностью даже невозможно. Дѣло въ томъ, что, поселяясь на но-

---

[1]) *Журн. Мин. Нр. Пр.*, ноябрь и декабрь 1897 г.; отдѣльный оттискъ. С.-Пб. 1898.

[2]) *Журн. Мин. Нар. Прос.*, май 1898 г., стр. 113—151.

выхъ мѣстахъ, народы часто удерживаютъ прежнія названія горъ, рѣкъ, озеръ и даже селеній. Въ Россіи, какъ и въ остальной Европѣ, есть множество географическихъ названій, принадлежащихъ не народу, который теперь въ этихъ мѣстахъ обитаетъ, а обитателямъ отдаленнаго времени. Напримѣръ, Волга, Ильмень, Москва, Валдай суть названія не русскія и не славянскія, а финскія. Перенесенныя въ другое мѣсто, напримѣръ, въ Манжурію, они будутъ считаться русскими, хотя они только принесены изъ Россіи, но по происхожденію своему принадлежатъ другому народу. Это мы знаемъ, но знаемъ потому, что современнымъ ученымъ, знакомымъ съ языками русскимъ и финскимъ, тутъ не представляется никакихъ трудностей для рѣшенія. Совсѣмъ другое дѣло, когда мы въ 1-й части *Введенія* (стр. 86) указывали на общность многихъ географическихъ названій на Пиринейскомъ и Апеннинскомъ полуостровахъ. Какія изъ этихъ названій стоятъ въ связи съ общностью иберо-лигурійскаго племени, населявшаго тотъ и другой полуостровъ съ прилегающими къ нимъ островами, и принадлежатъ именно времени разселенія иберо-лигуровъ, и какія перенесены изъ одной стороны въ другую уже впослѣдствіи послѣдующими переселенцами? Равнымъ образомъ, во 2-ой части *Введенія* (стр. 106 слд.) я не считалъ себя вправѣ придать значеніе топонимическимъ сближеніямъ Гельбига, выводившаго названія многихъ мѣстъ Апуліи и Мессапіи изъ иллирійскихъ мѣстностей Балканскаго полуострова. Для того, чтобъ эти сближенія имѣли научное значеніе для рѣшенія вопроса о происхожденіи япиговъ и мессаповъ, нужно было бы установить, въ какую эпоху возникли они на томъ и другомъ полуостровѣ и съ какого полуострова они были перенесены на другой. Быть можетъ, съ большимъ правомъ я могъ бы, доказывая въ этой статьѣ лигурійское происхожденіе осковъ, сослаться на названіе двухъ городовъ въ Испаніи именемъ *Osca*, именно у илергетовъ (нынѣ Huesca, въ Аррагоніи) и турдетановъ (къ западу отъ нынѣшн. Huescar въ Гренадѣ) [1]), названія, на этническую связь которыхъ съ италійскими осками обращалъ вниманіе, въ числѣ другихъ топонимическихъ сближеній между Апеннинскимъ и Иберійскимъ полуостровами, еще Вильгельмъ Гумбольдтъ [2]). Но я предпо-

---

[1]) Многочисленныя мѣста у древнихъ писателей, гдѣ встрѣчаются названія этихъ двухъ городовъ, указаны въ энциклопедіи Пауля подъ словомъ *Osca*.

[2]) Prüfung der Untersuchungen über die Urbewohner Hispaniens vermittelst der Vaskischen Sprache. Berlin, 1824. Сближенія, дѣлаемыя Вильг. Гумбольдтомъ,

челъ воздержаться отъ пользованія аргументомъ, значеніе котораго подлежитъ еще изслѣдованію. Возвращаясь къ общности географическихъ названій въ Лаціумѣ и юго-восточной Этруріи съ одной стороны и въ Кампаніи съ другой, мы также не можемъ сказать, какой эпохѣ принадлежитъ эта общность. Не принадлежитъ ли она въ большинствѣ случаевъ еще неолитическому вѣку, когда по всему полуострову было распространено одноплеменное населеніе лигурійскаго корня? Но такъ какъ въ числѣ ихъ есть такія, которыя несомнѣнно возникли въ болѣе позднюю эпоху, какъ *Falernus* ager въ Кампаніи, названіе, видимо происходящее отъ *Falerii*, главнаго города фалисковъ въ Этруріи, происхожденіе котораго, какъ показываютъ его могильники [1], относится къ періоду Вилланова, или какъ campus *Stellas*, *Stellatis*, латинскій характеръ названія котораго бросается въ глаза, то мы имѣемъ право заключить, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя названія, общія мѣстностямъ долины Тибра и Кампаніи, принесены въ Кампанію народомъ арійскаго корня. Народъ же этотъ, который еще на памяти исторіи обиталъ какъ въ Лаціумѣ, такъ и въ Кампаніи и который, по согласному свидѣтельству вышеупомянутыхъ греческихъ и римскихъ писателей, былъ распространенъ по всей Кампаніи, считаясь нѣкоторыми изъ нихъ за одно съ опиками (осками), былъ авсоны или аврунки. Естественно поэтому думать, что и другія, общія долинѣ Тибра и Кампаніи, географическія названія внесены сюда именно этимъ народомъ, утвердившимся въ Кампаніи еще въ доисторическую эпоху. При этомъ страннымъ является соображеніе Ниссена [2], по которому общія названія этихъ мѣстностей обязаны будто бы тому, что этрусская знать привела въ Кампанію поселенцевъ италійской крови, отъ которыхъ произошли эти названія. Когда и какъ пришли этруски въ Кампанію, кого они привели съ собой, это вопросъ совершенно темный, и фактъ господства этрусковъ въ Кампаніи до сихъ поръ не поддается установленію на основаніи сколько-нибудь осязательныхъ данныхъ, за исключеніемъ, быть можетъ, происхожденія осскаго алфавита отъ этрусскаго. Между тѣмъ мы видимъ и осязаемъ присутствіе въ Кампаніи еще въ *доисторическую эпоху* арійскаго народа, который не только внесъ туда географическія названія латино-

приведены мною въ статьѣ „О происхожденіи Сикуловъ" (*Жур. Мин. Нар. Пр.* декабрь 1897; въ отд. оттискѣ стр. 66) и въ 1-й части *Введенія* стр. 86.

[1] См. мою статью „Фалиски" въ *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1895, мартъ, стр. 148.

[2] Italische Landeskunde, II, (Berlin, 1902). p. 688.

фалискаго корня, но и культуру, общую правому и лѣвому берегу Тибрской долины.

Мы указывали на открытіе въ разныхъ мѣстахъ Кампаніи сосудовъ типа оссуарія Виллановы: обстоятельство, несомнѣнно указывающее на связь Кампаніи этого періода съ культурой Средней Италіи или, можетъ быть, правильнѣе сказать, съ долиной Тибра, на правомъ берегу котораго какъ у до-этрусскаго населенія вообще, такъ въ частности въ землѣ фалисковъ обычной и какъ бы обрядовой погребальной урной въ могилахъ колодцемъ былъ сосудъ Виллановы. Сосудовъ этого типа найдено въ Кампаніи мало, но все-таки больше, чѣмъ въ Лаціумѣ, гдѣ извѣстны только два сосуда этого типа, обнародованные между прочимъ и мною на XXXIII таблицѣ 1-ой части *Введенія* (фиг. 6 и 7); да и то принадлежность этихъ двухъ оссуаріевъ, хранящихся теперь въ римскомъ до-историческомъ музеѣ, Альбанскимъ горамъ не является несомнѣнной. Что же удивительнаго, если сосудовъ этого типа нашлось немного въ Кампаніи, куда имъ лежала дорога черезъ Лаціумъ? Но то, что форма этихъ оссуаріевъ, хотя и не въ очень типическомъ видѣ, достигла даже южной Кампаніи, показываетъ, что ихъ туда принесъ народъ, который съ ними свыкся, чего нельзя сказать о народахъ Лаціума и въ частности о латинянахъ, которые обходились безъ оссуаріевъ этого типа, не смотря на то, что въ Альбанскихъ горахъ обрядъ сожженія является исключительнымъ и что онъ далеко не былъ чуждъ также и римскимъ некрополямъ (въ некрополѣ Форума могилы съ сожженіемъ составляютъ третью часть открытаго до сихъ поръ могильника). Поэтому едва ли можно утверждать, что настоящая родина арійскихъ переселенцевъ въ Кампанію былъ Лаціумъ, а не южная Этрурія, особенно та ея область, которая принадлежала фалискамъ и съ которою, какъ мы только-что видѣли, Кампанія соединяется общими географическими названіями больше, чѣмъ съ Лаціумомъ. Но и прямая связь съ Лаціумомъ доисторической Кампаніи явно сказывается въ керамикѣ. Стоитъ только взглянуть въ римскомъ Доисторическомъ музеѣ на керамику Альбанскихъ горъ, особенно же на керамику эсквилинскаго некрополя и сравнить ее съ находящейся тамъ кумской керамической коллекціей и съ коллекціей могильника Суэссулы, чтобы ясно видѣть ту культурную связь, какая соединяетъ до-греческую Кампанію съ Лаціумомъ. Масса посуды разныхъ видовъ Суэссулы, территоріи Кумъ (до-эллинскихъ) и Лаціума не только родственна между собою, но можно сказать — тожественна. Въ готовя-

щейся къ изданію 3-ей части *Введенія* это ближайшее родство или тожество будетъ мною иллюстрировано въ надлежащей полнотѣ; здѣсь же я могу ограничиться лишь ссылками, гдѣ можно, на таблицы 1-ой части *Введенія*. Особенное вниманіе при этомъ обращаютъ на себя чашки съ высокой ручкой и съ двумя отверстіями, образецъ которыхъ можно видѣть въ фигурѣ 2-й XXIII таблицы [1]); такія же чашки съ менѣе высокой ленточной ручкой, но съ однимъ ушкомъ, представленныя фигурой 7 той же таблицы; горшки съ амфорными ручками (знакомые также и фалисскому могильнику на Монтерано), каковъ горшокъ изъ Суэссулы на табл. XXV (фиг. 4); пузатые сосуды съ бугорчатымъ орнаментомъ; овоидальные сосуды, каковъ на табл. XXV (фиг. 7) изъ Суэссулы; добавочные небольшіе сосуды, старающіеся воспроизвести форму оссуарія типа Виллановы, каковы три первыхъ сосуда на табл. XXV, и др. Все это служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что народъ Средней Италіи, который въ до-эллинскую эпоху спустился въ кампанскую равнину, былъ народъ, тѣсно связанный съ Лаціумомъ. Онъ поддерживалъ ближайшую связь съ нимъ и впослѣдствіи, такъ какъ керамика Пьедимонте д'Алифе, Суэссулы и (въ значительной степени) Кумъ обличаетъ собой уже не ранній періодъ италійской культуры, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и превращеніе оссуарія Виллановы въ добавочные сосуды могильной утвари.

Этимъ народомъ, связавшимъ въ раннюю эпоху культурно Лаціумъ съ Кампаніей, какъ это вытекаетъ изъ всего хода нашего изслѣдованія, были *аврунки*. Ихъ, какъ древнѣйшихъ обитателей Кампаніи, называетъ параллельно съ осками литературное преданіе; они сохраняли живую связь между тою и другою областью посредствомъ совмѣстности своихъ владѣній въ той и другой изъ нихъ и въ протоисторическое время. Мы не можемъ, конечно, утверждать, что въ древнѣйшихъ могилахъ Суэссулы, гдѣ покойники хоронились въ голой землѣ и гдѣ найдена утварь, одинаковая съ утварью Лаціума и южной Этруріи, въ могилахъ, покрывавшихся известковымъ камнемъ [2]), погребены именно аврунки, тѣмъ болѣе, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ трупоно-

---

[1]) Хотя указанная на моей таблицѣ чашка происходитъ изъ Корнето, но нужно замѣтить, что археологическій матеріалъ до-этрусскаго некрополя Корнето находитъ себѣ полное соотвѣтствіе съ матеріаломъ Альбанскихъ горъ, на основаніи чего я и приписывалъ (*Введеніе* ч. I. стр. 150) обоимъ некрополямъ одно и то же населеніе.

[2]) О раскопкахъ въ Суэссулѣ см. статью фонъ-Дуна въ *Bullettino di corrispon-*

погребеніемъ, а не съ сожженіемъ, которому въ раннее время слѣдовали народы Лаціума и южной Этруріи. Но такъ какъ мы знаемъ, что между аврунками и осками произошло смѣшеніе, такъ что эти народы могли считаться даже за одинъ у грековъ въ южной Кампаніи, то здѣсь, какъ видно, произошло и извѣстное взаимодѣйствіе вліянія двухъ народовъ: народъ арійскаго корня принялъ отъ осковъ, народа неолитической культуры, трупосожженіе, а имъ передалъ вмѣстѣ съ языкомъ плоды своей культуры, какую онъ вынесъ изъ долины Тибра, и которая является намъ нагляднымъ образомъ въ видѣ керамики. То, чтó мы сказали о Суэссулѣ, находящейся въ сердцѣ Кампаніи, имѣетъ значеніе и относительно древнѣйшихъ могилъ въ Пьедимонте д'Алифе, города, причисляемаго къ Самнію, но культурно принадлежащаго Кампаніи. Тутъ тотъ же характеръ древнѣйшихъ могилъ, та же керамика, то же, слѣдовательно, вліяніе до-римскаго Лаціума [1]).

Такимъ образомъ все больше и больше выясняется нашъ тезисъ, что аврунки были тотъ италійскій народъ, который былъ древнѣйшимъ распространителемъ арійской культуры къ югу отъ Лаціума, и именно въ Кампаніи, куда вмѣстѣ съ культурой былъ имъ принесенъ и арійскій языкъ, одно изъ нарѣчій Лаціума, вышедшее, по всей вѣроятности, изъ южной Этруріи, нарѣчіе, во всякомъ случаѣ близкое къ латинскому, если не латинское.

* * *

Осковъ принято считать главными представителями сабелльскаго племени. Основаніемъ для этого служитъ ихъ языкъ, дошедшій въ значительномъ количествѣ (больше 200) надписей и распространенный, за исключеніемъ Апуліи и Мессапіи, во всей южной Италіи. При этомъ безъ дальнихъ разговоровъ считаютъ осковъ за одну изъ самнитскихъ народностей, „съ которою прежде всего столкнулись какъ греки, такъ и римляне". Такъ именно разсуждаетъ Моммзенъ [2]), а за нимъ стали повторять и другіе, обыкновенно впрочемъ забывая о народѣ и имѣя въ виду его языкъ. Но тутъ-то и сказалась во всей силѣ истина не

---

denza archeologica 1878, pp. 145—165. Также *Notizie degli scavi* 1878, pp. 61, 97, 141, 170; *Notizie* 1879, p. 69; *Notizie* 1887, p. 207 отчеты Фіорелли.

[1]) Утварь этого могильника изслѣдована Дресселемъ въ *Annali dell' Instituto di corrispondenza archeologica* 1881, pp. 219—268. Отчетъ о раскопкахъ сдѣланъ въ *Notizie degli scavi*, 1881, p. 168 sq.

[2]) Unteritalische Dialekte, p. 109.

разъ повторявшагося мною положенія, что народъ и его языкъ могутъ быть совершенно разнаго происхожденія.

Мы видѣли, что ко времени греческой колонизаціи въ Кампаніи, т. е. въ половинѣ VIII ст. до Р. Хр., тамъ были извѣстны грекамъ два народа: опики и авсоны. Ни о какихъ самнитахъ нѣтъ тутъ очень долгое время и помина. Даже въ томъ нападеніи варварскихъ народовъ на Кумы, которое произошло, по Діонисію [1]), въ 64-ю олимпіаду, въ архонтство Мильтіада въ Аѳинахъ, т. е. около 520 года до Р. Хр., и въ которомъ вмѣстѣ съ этрусками упоминаются умбры и давны, нѣтъ никакого упоминанія о самнитахъ, ближайшихъ сосѣдяхъ Кампаніи, хотя ихъ во всякомъ случаѣ можно подразумѣвать въ числѣ „другихъ варваровъ", которыхъ Діонисій даетъ въ придачу поименованнымъ народамъ, и хотя всего вѣроятнѣе они-то и составляли главный контингентъ указываемаго Діонисіемъ ополченія. Да и самъ Моммзенъ, считающій опиковъ самнитской народностью, говоритъ въ другомъ мѣстѣ [2]), что во время правленія въ Римѣ царей самнитское племя еще не выходило изъ тѣхъ мѣстъ, въ какихъ мы его потомъ находимъ, т. е. изъ Самнія, и что то движеніе варварскихъ народовъ противъ Кумъ, о которомъ говоритъ Діонисій, произошло будто бы именно вслѣдствіе самнитскихъ поселеній въ принадлежавшей имъ потомъ области, объясненіе, мимоходомъ сказать, несостоятельное не только потому, что стоитъ въ противорѣчіи съ объясненіемъ Діонисія, но и потому, что въ этомъ нападеніи на кумскую область приняли участіе (правильнѣе руководили имъ) этруски, давно уже косо смотрѣвшіе на утвердившееся недалеко отъ ихъ предѣловъ торговое и политическое могущество греческой колоніи [3]). Самниты появляются на сценѣ кампанской исторіи подъ своимъ настоящимъ именемъ лишь сто лѣтъ спустя послѣ этого нашествія, т. е. 300 лѣтъ спустя по основаніи Кумъ, когда они въ 420 г. овладѣли этой древнѣйшей греческой колоніей въ Италіи. Ко времени же греческой колонизаціи въ Кампаніи жило населеніе неолитическаго происхожденія и вмѣстѣ съ нимъ то италійское, которое далеко предшествовало вторженію сабелльскихъ племенъ въ южную Италію, и культура котораго имѣетъ, какъ мы только-что видѣли, ближайшую связь съ южной Этруріей и Лаціумомъ, связь, подтверждаемую и географическими названіями,

---

[1]) VII, 3.

[2]) Römische Geschichte, I, конецъ 8-ой главы.

[3]) См. 2-ую часть *Введенія*, стран. 36.

не имѣющими ничего общаго съ Самніемъ, кореннымъ сѣдалищемъ той вѣтви сабелльскаго племени, которая называется самнитскою. Какое же основаніе считать осковъ самнитскою народностью по происхожденію?

Оски связаны съ Самніемъ языкомъ. Языкъ Кампаніи и языкъ Самнія въ историческое время, языкъ надписей, по крайней мѣрѣ, былъ одинъ и тотъ же, который принято называть оскимъ. Область его простиралась, какъ уже было сказано, почти на всю южную Италію, именно не только на Кампанію и Самній и на страны, захваченныя выходцами изъ него, каковы Луканія и Бруттій, но онъ проникъ вмѣстѣ съ мамертинцами и въ Сицилію (въ Мессану), равно какъ употреблялся и въ сѣверной Апуліи у давновъ, о чемъ,—если и не считать города Бантіи, которому принадлежитъ одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ оской письменности, принадлежащимъ къ Апуліи, куда относитъ этотъ городъ съ важной надписью Конвэ [1]), основываясь на Кипертѣ и Моммзенѣ,—ясно свидѣтельствуютъ монеты Авскула и Театe (Teanum Apulum) [2]). Конвэ [3]) считаетъ принадлежащими къ оской семьѣ и языкъ абруццскихъ народовъ—пелигновъ, марруциновъ и вестиновъ, называя ихъ „сѣверно-оскими" языками. Но такъ какъ надписи этихъ мѣстъ, будучи близки къ языку Самнія и Кампаніи, сохраняютъ свои особенности, то мы предпочитаемъ не причислять ихъ къ области оскаго языка. Но что оское письмо случайно заходило и за границы нижняго Лириса, нынѣшняго Гарильяно, какія полагаетъ ему въ западной Италіи Моммзенъ, это доказываетъ оская надпись, принадлежащая Террачинѣ въ Лаціумѣ [4]).

Но оскій языкъ Кампаніи есть ли языкъ, принесенный туда самнитами, или существовалъ тамъ раньше ихъ нашествія, которое относится къ послѣдней четверти V столѣтія до Р. Хр.?

Вопросъ такого рода задавалъ себѣ еще Швеглеръ, хотя ему и въ голову не приходило видѣть въ оскахъ не арійскую народность и считать аврунковъ первыми арійцами, проникшими въ Кампанію.

---

[1]) The Italic Dialects, Кэмбриджъ, 1897, I, p. 22 (примѣч.).

[2]) И. Вл. Цвѣтаевъ въ Sylloge inscriptionum Oscarum, Petropoli, 1878, p. 86 и 144, по замѣчанію Конвэ (The Italic Dialects, I, p. 30), ошибочно относитъ монету съ надписью Tiiatium къ Teate Марруциновъ, нын. Chieti (Кьети).

[3]) Ibidem, p. 234.

[4]) Цвѣтаевъ, Sylloge Inscr. Osc. № 31, p. 21; Сборникъ Оскихъ надписей (Кіевъ, 1877) № 31, стран. 13.

Указавъ на границы осскаго языка, какъ онѣ тогда были указаны Моммзеномъ, онъ спрашиваетъ себя [1]): „Самниты ли, пришедшіе въ Опику, какъ завоеватели, принесли туда такъ называемый осскій языкъ, или сами они получили его отъ покоренныхъ опиковъ?“ и отвѣчаетъ на заданный вопросъ такъ: „за послѣднее мнѣніе говоритъ фактъ, что самниты, хотя они и говорили по-осски, никогда однако не назывались осками или опиками и что только языкъ ихъ назывался осскимъ. Зачѣмъ нужно было римлянамъ постоянно употреблять относительно нарѣчія самнитскихъ народностей выраженіе „осское“, еслибъ это нарѣчіе не было туземнымъ языкомъ осковъ? Отсюда можно заключить, что сабелльскіе завоеватели приняли языкъ покоренныхъ осковъ подобно тому, какъ лонгобарды приняли итальянскій языкъ. Въ пользу же второго мнѣнія говоритъ близкое родство осскаго языка съ сабинскимъ и умбрскимъ діалектами, язычное родство, которое видимо обусловливается кровнымъ родствомъ сабелльскихъ народностей съ сабинянами и затѣмъ съ умбрами и которое даетъ право на заключеніе, что сабелльскіе завоеватели принесли въ Опику языкъ своего племени и тамъ сохранили его. Истина лежитъ вѣроятно въ серединѣ между этими двумя мнѣніями: осскій языкъ, какъ онъ является намъ въ сохранившихся его памятникахъ, произошелъ, какъ можно догадываться, изъ смѣшенія того сабелльскаго діалекта, который принесли въ Опику завоеватели—самниты, съ туземнымъ нарѣчіемъ покоренныхъ опиковъ, изъ смѣшенія, подобнаго тому, какому латинскій языкъ обязанъ своимъ происхожденіемъ“.

Высказанное Швеглеромъ такъ осторожно предположеніе о происхожденіи осскаго языка, конечно, не соотвѣтствуетъ той точкѣ зрѣнія, какая можетъ быть теперь установлена на основаніи новыхъ данныхъ, именно археологическихъ, которыя этому славному представителю германской науки истекшаго столѣтія не были извѣстны. Но при тѣхъ данныхъ, какими Швеглеръ располагалъ, его рѣшеніе основательно. Въ то время филологи и историки, изучавшіе начальный періодъ римской исторіи, и не думали о неолитическихъ населеніяхъ Италіи, которыя, особенно въ южной Италіи, продолжали составлять ядро населенія каждой области, и среди которыхъ арійскіе пришельцы съ сѣвера, хотя и являлись завоевателями, представляли собой контингентъ незначительный. Никому тогда и въ голову не могло придти, что оски, основное населеніе Кампаніи, были потомками того насе-

[1]) Römische Geschichte, I, p. 183.

ленія, которое оставило такъ много памятниковъ каменной эпохи въ разныхъ мѣстахъ Кампаніи и между прочимъ въ нѣсколькихъ природныхъ пещерахъ, о которыхъ у насъ была рѣчь выше. Для Моммзена, какъ на это было мною указано въ началѣ 1-й части *Введенія*, не только въ половинѣ прошлаго столѣтія, когда онъ издалъ свой замѣчательный по тому времени трудъ о „Нижне-италійскихъ діалектахъ", но и гораздо позже, когда онъ дѣлалъ одно за другимъ изданія своей „Римской Исторіи", не существовало въ Италіи неолитическаго вѣка и его богатой культуры, въ которой однако коренится многое изъ того, что̀ потомъ вошло въ домашній, религіозный и общественный бытъ Рима и Италіи историческаго времени. Понятно, что и для Швеглера, какъ и для Моммзена, самая мысль о томъ, что оски не были пришедшимъ съ сѣвера населеніемъ „италиковъ", а были потомками неолитическаго населенія, въ то время показалась бы до крайности странною. Да пожалуй и въ наши дни лицамъ, не знакомымъ съ тѣмъ переворотомъ, какой производятъ теперь все болѣе и болѣе поразительныя открытія во всѣхъ странахъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, моя мысль, что оски — не арійцы по происхожденію, покажется положеніемъ неудобопріемлемымъ.

Такъ или иначе, но нужно признать, что предположеніе Швеглера, что самниты, вторгнувшись въ Кампанію, нашли тамъ народъ, говорившій языкомъ, близкимъ къ тому, которымъ они говорили сами, не было ошибочнымъ. Ошибочнымъ было только его мнѣніе, что „самниты и оски были родственныя племена". Мы уже знаемъ, что опики, въ страну которыхъ пріѣхали халкидскіе греки, не были арійскаго корня, но, слившись съ авсонами (аврунками), они усвоили себѣ языкъ арійскій. Языкъ этотъ не былъ вполнѣ тотъ, которымъ говорили въ Самніѣ, но былъ близокъ къ нему, особенно въ то время. Это былъ языкъ, похожій на тотъ, которымъ говорили, разнясь между собою говорами, въ Альбанскихъ горахъ и впослѣдствіи на холмахъ Рима, равно какъ на холмѣ Монтерано, гдѣ возникли Фалеріи, и на холмѣ Нарче, гдѣ былъ другой крупный центръ поселенія того же племени. Но онъ не былъ языкомъ латинскимъ въ строгомъ смыслѣ слова. Въ основѣ своей онъ, какъ показываетъ фонетическая и этимологическая основа языка осскихъ надписей, былъ, можетъ быть, даже ближе къ умбрскому, чѣмъ къ латинскому или, правильнѣе, фалиско-латинскому, о которомъ прежде всего приходится думать, имѣя въ виду какъ сходство многихъ географическихъ названій въ Кампаніи, въ юго-восточной Этруріи и Лаціумѣ, такъ и

керамику южной Этрурін и Лацiума, принесенную въ Кампанію. Вопросъ о ближайшемъ характерѣ аврункскаго языка, за неимѣніемъ поясняющихъ его данныхъ, пока долженъ остаться нерѣшеннымъ, хотя нѣкоторыя соображенія (близость аврунковъ къ вольскамъ, быстрая ассимиляція ихъ языка съ языкомъ самнитовъ) и заставляютъ насъ видѣть въ нихъ скорѣе вѣтвь умбрскаго племени, чѣмъ латинскаго, хотя въ извѣстной степени и латинизированную. Но вѣрно то, что со своимъ арійскимъ языкомъ аврунки появились въ Кампаніи не только раньше, чѣмъ тамъ появились греческіе колонисты, какъ показываетъ древнѣйшая средне-италійскаго типа утварь въ Кумахъ и въ могилахъ долины Сарно, не знающая еще никакого греческаго вліянія, но и гораздо раньше, чѣмъ съ горъ Самнія стали спускаться въ Кампанію завоеватели, привлеченные прелестью страны и плодородіемъ почвы Кампанской равнины, а равно и богатствомъ греческихъ колоній. Противъ того, что осскій языкъ возникъ въ Кампаніи вмѣстѣ съ самнитскимъ завоеваніемъ, какъ, повидимому, думалъ Моммзенъ [1], говоритъ тотъ фактъ, что осскій языкъ является намъ въ періодъ этого вторженія языкомъ письменнымъ [2]). Мы видимъ его, правда, на монетахъ сначала рядомъ съ греческимъ. Но въ своихъ надписяхъ осскій языкъ является намъ съ самаго начала такъ твердо установленнымъ въ фонетикѣ, съ такою правильностью грамматическихъ формъ и ороографіи [3]), что это исключаетъ всякую мысль о томъ, что онъ образовался лишь съ вторженіемъ самнитовъ, народа горнаго, деревенской культуры, стоявшаго гораздо дальше отъ того источника образованности, какой представляли кампанскимъ жите-

---

[1]) Unteritalische Dialekte, p. 101: Die erste Periode (осскаго языка) beginnt mit dem Eindringen der Samniten in Campanien, wo sie 331 (Моммзенъ считаетъ отъ осн. Рима) Capua, 334 (326 nach Diodor) Kumae besetzten.

[2]) Моммзенъ, Ibidem; фонъ-Дунъ, Delineazione di una storia della Campania preromana, p, 15. См. также издателей осскихъ монетъ: Фридлендера, Oskische Münzen (Лейпцигъ, 1850), Soole, A catalogue of the greek coins in the Britisch Museum. Italy (Лондонъ, 1873); каталогъ берлинскаго музея (Beschreibungen der antiken Münzen. III B. Italien. Berlin. 1894), составленный Дресселемъ и Саллетомъ.

[3]) Моммзенъ въ Unterital. Dialecte, p. 116: Die Sprache selbst hat seitdem (со времени его самостоятельнаго выступленія въ качествѣ письменнаго языка, по Моммзену, около 100 года Рима) nicht den Anschein eines ungebildeten Jargons, der nur des nothdürftigen Verständnisses wegen aufgezeichnet ward: so viel wir sehen, *ist die Formenlehre reiner entwickelt als die römische, die Orthographie viel consequenter als die der gleichzeitigen römischen Urkunden.*

лямъ греческія колоніи [1]). Къ тому же, вторженіе это, относящееся къ послѣдней четверти V столѣтія до Р. Хр., не было настолько многочисленнымъ, чтобъ наложить свою печать на мѣстное населеніе быстрой передачей ему своего языка. Это ясно видно изъ того, что культура страны, образовавшаяся подъ греческимъ вліяніемъ, если потерпѣла нѣкоторый ударъ отъ паденія такого центра, какимъ были греческія Кумы, въ сущности продолжала свою жизнь, не переставая и потомъ испытывать греческое вліяніе, которое перешло къ Неаполю, и только становясь болѣе національною [2]). Этотъ фактъ продолженія пріобрѣтенной культуры ясно указываетъ, что кампанское населеніе и послѣ 420 г. по Р. Хр. продолжаетъ въ своей массѣ быть прежнимъ. Завоеватели не навязали и не могли навязать ему своего языка, а скорѣе сами подчинились языку туземцевъ, какъ болѣе культурно развитому, языку, уже вполнѣ сформировавшемуся, который получилъ и настоящую литературную обработку, какъ мы это видимъ отчасти изъ Ателланъ, національной осской комедіи, перешедшей потомъ въ Римъ и сдѣлавшейся тамъ очень популярной [3]). Есть основаніе полагать, что на осскомъ языкѣ существовала и настоящая литература, для насъ потерянная. Моммзенъ [4]) предполагаетъ ее „не незначительною“, а такою, которая не уступала римской литературѣ половины седьмого столѣтія Рима; Ниссенъ [5]) считаетъ „внѣ сомнѣнія“, что литература эта была даже „значительною“. Трудно говорить о значительности того, чего не знаешь и что знать нѣтъ даже возможности, такъ какъ мы не только не имѣемъ ни одного памятника осской литературы, но и ни одного отрывка изъ нея, даже ни малѣйшаго упоминанія о какомъ либо литературномъ памятникѣ на осскомъ языкѣ, за исключеніемъ того, что римляне переняли отъ осковъ народную комедію, которая въ Римѣ называлась Ателланами. Что комедія эта съ опредѣленными ролями и лишь мѣнявшимися сценами и положеніями имѣла свою литературную обработку, коль скоро ее можно было перенять, представлять и обработывать на другомъ языкѣ, это ясно само собой, но совсѣмъ другое

---

[1]) См. фонъ-Дунъ, op. cit., p. 45.

[2]) См. мои *Лекціи по исторіи римской литературы*, стран. 179 изданіе въ одномъ томѣ (С.-Пб., 1888).

[3]) Unterital. Dial., p. 117.

[4]) Italische Landeskunde, I, p. 538.

[5]) Unter. Dial., p. 118.

дѣло, когда Моммзенъ [1]) считаетъ себя въ правѣ заявить, что „*конечно*, римскія Ателланы стояли далеко позади кампанскихъ фарсовъ" (Possenspiele). Для произнесенія такого сужденія нѣтъ данныхъ, и оно тѣмъ болѣе странно, что Моммзенъ считаетъ оскскія Ателланы лишь импровизированными, а не письменными фарсами (unbeschriebene, regelmässig wohl improvisirte Possenspiele), и въ качествѣ таковыхъ онѣ не подлежатъ опредѣленной оцѣнкѣ. Но для насъ важенъ фактъ, что оскскій языкъ во всякомъ случаѣ имѣлъ, въ тѣхъ или другихъ произведеніяхъ, литературную обработку, которою только и можно объяснить установленность и корректность языка дошедшихъ до насъ надписей. Когда начались первые литературные опыты на этомъ языкѣ, сказать трудно. Большая зависимость Кампаніи отъ греческой культуры, которая такъ ясно сказывается въ этомъ населеніи, судя по дошедшимъ до насъ мѣстнымъ произведеніямъ искусства, въ V столѣтіи до Р. Хр., могла быть причиною возбужденія проявленій литературнаго творчества на національномъ языкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ причиной его стѣсненія въ силу полнаго господства высоко развитаго греческаго языка, исключавшаго надобность въ попыткахъ литературнаго творчества на языкѣ, еще не обработанномъ. Несомнѣнно однако то, что литературные опыты на оскскомъ языкѣ начались гораздо раньше, чѣмъ у римлянъ. Болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до появленія въ Римѣ перваго драматическаго писателя въ лицѣ плѣннаго тарентскаго грека, Ливія Андроника, поставившаго въ 514 году Рима (240 до Р. Хр.) на римскую сцену пьесу, написанную по греческому образцу или переведенную съ греческаго, въ Кампаніи уже былъ развитъ вполнѣ вкусъ къ правильнымъ драматическимъ представленіямъ, какъ показываютъ именно тѣ бойкіе народные фарсы, съ которыми римляне ознакомились въ періодъ самнитскихъ войнъ и такъ увлеклись ими, что, будучи перенесены въ Римъ, они тамъ на цѣлыя столѣтія стали любимыми драматическими пьесами, которыми обыкновенно заключалось въ римскихъ театрахъ представленіе, начатое грекоподражательной трагедіей [2]). Эти оскскіе драматическіе фарсы, такъ понравившіеся римлянамъ своей живостью и веселостью, фарсы съ неизмѣнными типическими ролями, конечно, не сразу достигли степени увлекательности даже для чужестранныхъ зрителей, и, съ другой стороны, не могли быть первыми литературными опытами у осковъ.

[1]) Unterital. Dialekte. p. 117.

[2]) Liv. VII, 2. См. объ этомъ мои *Лекціи по исторіи римской литературы* стран. 64, слѣд. и 180 слѣд. изд. 1888 г. въ одномъ томѣ.

Они были несомнѣнно возбуждены знакомствомъ съ греческимъ театромъ, и все заставляетъ думать, что оскіе драматурги, прежде чѣмъ пріобрѣли способность создавать народныя пьесы съ установленными типами, должны были пробовать свои силы въ подражательной или переводной драматической литературѣ, какъ это было и съ римлянами, вся драматическая литература которыхъ показываетъ постепенный ходъ отъ подражанія къ національзаціи этого вида поэзіи. Подражательная или переводная литература у римлянъ, какъ и у насъ, у нѣмцевъ и другихъ европейскихъ народовъ, была школой, въ которой вырабатывались и литературный языкъ, и литературная манера, необходимые для созданія самостоятельныхъ и національныхъ произведеній. Слѣды знакомства оской публики съ греческими произведеніями посредствомъ переводовъ Моммзенъ [1]) видитъ въ изображаемыхъ на вазахъ съ оскимъ письмомъ сценахъ, явно заимствованныхъ, по его мнѣнію, изъ комедіи. Если, такимъ образомъ, оскія Ателланы представляли собой въ Кампаніи IV столѣтія до Р. Хр. (V столѣтіе Рима) хорошо обработанныя и потому живыя пьесы, обработанныя, можно быть увѣреннымъ, не безъ помощи литературнаго творчества, хотя въ нихъ и играла большую роль импровизація, то начало литературной дѣятельности, подготовившей развитіе и популяризацію драматической литературы, нужно отнести по крайней мѣрѣ къ началу IV столѣтія до Р. Хр., а скорѣе къ V, когда Кампанія уже вполнѣ освоилась съ греческой культурой, что выразилось въ ея производительности въ области искусства [2]). Напавшее на Кампанію въ послѣдней четверти V столѣтія до Р. Хр. горное самнитское племя было чуждо этой культурѣ. Какъ же послѣ этого можно видѣть именно въ этомъ племени грубыхъ завоевателей, привлеченныхъ въ Кампанію одною жаждою добычи, иниціаторовъ оской письменности и приписывать ему тотъ оскій письменный языкъ, на которомъ дошли до насъ надписи на дидрахмахъ, относящихся еще къ концу V столѣтія до Р. Хр.! [3]). Такъ думаетъ однако Моммзенъ, приписывающій самнитамъ принесеніе въ Кампанію оскаго алфавита, который кажется ему „столь же древнимъ, какъ самъ народъ (самниты), и принесеннымъ ими съ сѣвера во время его вторженія (въ Самній) [4]).

[1]) Ibid., p. 117.

[2]) фонъ-Дунъ, lib. cit. 41.

[3]) См. Моммзена въ Unterit. Dialekte, p. 112, ссылающагося также на Миллингена.

[4]) Ibid., p. 111.

Что осскій алфавитъ не былъ принесенъ въ Кампанію самнитами, а принадлежитъ самой Кампаніи, это ясно вытекаетъ изъ того факта, что осскія надписи Луканіи и Бруттія, въ странахъ, куда вторглись также самнитскіе завоеватели (не говоря о Сициліи), имѣютъ или греческое или (позже) латинское письмо, чего не могло бы быть, еслибъ алфавитъ осскихъ надписей вышелъ изъ Самнія. Осскій алфавитъ есть кампанскій алфавитъ. Интересно при этомъ лишь то, что онъ произошелъ не отъ алфавита халкидскихъ колонистовъ въ Кампаніи, а отъ этрусскаго. Это было ясно еще Отфриду Мюллеру, который въ этомъ обстоятельствѣ видѣлъ доказательство продолжительнаго господства этрусковъ въ Кампаніи [1]), и подтверждается тѣмъ, что въ осскомъ алфавитѣ нѣтъ, какъ и у этрусковъ, греческаго *o* и въ древнѣйшихъ надписяхъ *d* (затѣмъ оно является въ формѣ латинскаго R), хотя осскій языкъ, какъ видно по его латинской транскрипціи, ясно отличаетъ *o* отъ *u*, которымъ оно замѣняется въ осскомъ письмѣ, и *d* отъ *t*. Отсутствіе этихъ буквъ въ осскомъ алфавитѣ даетъ поводъ и Плантѣ [2]), извѣстному спеціалисту по изученію италійскихъ діалектовъ, считать болѣе вѣроятнымъ происхожденіе его отъ этрусскаго, чѣмъ прямо отъ греческаго, какъ это хотѣлось бы Декке [3]). Мнѣніе Моммзена [4]), примѣшивающаго къ происхожденію осскаго алфавита отъ этрусскаго посредство умбрскаго, опровергается отсутствіемъ въ умбрскомъ буквы *c*, выражающей средній гортанный звукъ (g). Знакъ этотъ у осковъ является въ формѣ >, общей какъ кумскому алфавиту, такъ и этрусско-кампанскому [5]), а также фалисскому, испытавшему конечно въ этомъ пунктѣ вліяніе этрусскаго, такъ какъ форма, въ какой онъ является въ фалисскомъ, была совершенно чужда латинскому алфавиту. Ближайшая родственная связь осскаго алфавита съ этрусскимъ и именно съ этрусско-кампанскимъ, а не съ собственно этрусскимъ, отъ котораго произошелъ умбрскій алфавитъ, во-первыхъ, устраняетъ совсѣмъ мнѣніе Моммзена о принесеніи осскаго алфавита съ сѣвера самнитами, во-вторыхъ, не мало подкрѣпляетъ мнѣніе о все еще нуждающемся въ подтвержденіяхъ господствѣ этру-

---

[1]) На основаніи происхожденія осскаго алфавита отъ этрусковъ и Белохъ (Campanien, p. 441 2-го изд.) заключаетъ о господствѣ этрусковъ въ Кампаніи.

[2]) Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte I, Strassburg, 1893, p. 13.

[3]) Въ изданіи Etrusker Отфрида Мюллера II, p. 531.

[4]) Unterital. Dialekte, p. 111.

[5]) Эти характеристическія особенности алфавитовъ хорошо представлены у Конвэ въ The Italic dialekts, II, на таблицѣ, приложенной къ стран. 461.

сковъ въ Кампаніи. Вопросъ объ этомъ послѣднемъ, всегда стоявшій передъ этрускологами, получилъ новый интересъ теперь, когда Каро [1]), изслѣдуя археологическій матеріалъ въ недавно открытыхъ греческихъ могилахъ Кумъ, принадлежащихъ начальному періоду жизни этой колоніи, доказалъ, что найденныя тамъ великолѣпныя ювелирныя издѣлія, аналогическія съ принадлежащими Ветулоніи, которыя онъ раньше изслѣдовалъ съ такою тщательностью, суть произведенія этрусской промышленности. Но я удалился бы отъ своего предмета, если бы остановился здѣсь на кампанскихъ этрускахъ, о которыхъ вѣроятно буду имѣть случай побесѣдовать съ русскими читателями въ другое время.

* * *

Изъ нашего изслѣдованія выходитъ, что арійскій элементъ въ Кампанію внесли аврунки и внесли его въ такое время, когда сабелльское племя еще не только не знало Кампаніи, но и не дошло до Самнія. Поэтому мы далеки отъ созданнаго германскими учеными со времени еще Отфрида Мюллера и повторяемаго новѣйшими представителями германской науки (Белохъ, Ниссенъ, Гюльзенъ) уже безъ всякой критики положенія, по которому оски, народъ, какъ мы видѣли, неолитическаго происхожденія, считаются единоплеменниками самнитовъ, вмѣстѣ съ аврунками, являющимися, какъ и оски, обитателями Кампаніи еще въ эпоху, предшествующую греческой колонизаціи. Такая точка зрѣнія не имѣетъ для себя ровно никакой научной опоры, а хронологическія соображенія разрушаютъ ее въ самомъ ея основаніи. Въ самомъ дѣлѣ, какой иногда феноменальной шаткости бываютъ доводы нѣкоторыхъ видныхъ ученыхъ, показываетъ вышеупомянутый аргументъ съ несуществующей надписью *Aurunkud*, происходящей будто бы изъ Аврунки и доказывающей будто бы поэтому принадлежность аврунковъ къ самнитской семьѣ народовъ! Не то важно, что надпись на неаполитанской монетѣ была невѣрно прочитана и, какъ документъ, приводилась безъ всякой повѣрки, а то, что она совершенно несостоятельна филологически. Еще Цвѣтаевымъ было замѣчено (какъ мы на это указывали, см. стр. 6), что отъ Aurunca не можетъ быть въ творительномъ падежѣ формы *Aurunkud*, а затѣмъ Плантою [2]), не знавшимъ, что дѣлать съ такой странной формой, гдѣ вмѣсто необходимаго *s* стоитъ *r*, заявлено, что

[1]) Въ *Bullettino di paletnologia Italiana*, 1904 (XXX), pp. 27—28.
[2]) Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte, I, p. 519.

такая форма (Планта тоже не зналъ, что надписи *Aurunkud* не существуетъ) или „латинизована (ср. Ausones), или скорѣе она вовсе не есть оскская, или во всякомъ случаѣ не чисто оскская". По какъ замѣчаніе Цвѣтаева, такъ и заявленіе Планты осталось неизвѣстнымъ ниНиссену, ни Гюльзену. Это, впрочемъ, мимоходомъ.

Но утверждая, что арійскій языкъ былъ принесенъ въ Кампанію аврунками, которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать самнитскимъ племенемъ, я считаю необходимымъ допустить, что оскій языкъ, какой намъ извѣстенъ по надписямъ, образовался подъ несомнѣннымъ вліяніемъ самнитскаго элемента, который, какъ все заставляетъ думать, сталъ рано проникать въ сѣверо-восточную Кампанію, привлекавшую его своимъ богатствомъ и плодородіемъ. Я убѣжденъ, что въ числѣ народовъ, напавшихъ на Кампанію вмѣстѣ съ этрусками въ концѣ VI столѣтія до Р. Хр., о чемъ повѣствуетъ Діонисій Галикарнасскій (VII, 3), главнымъ элементомъ были самниты, хотя этотъ римскій историкъ и не называетъ ихъ по имени, вводя однако въ союзъ съ этрусками давновъ и умбровъ, изъ которыхъ первые жили на другой сторонѣ полуострова, а вторые были отдѣлены отъ Кампаніи не только Лаціумомъ, но и поселеніями новыхъ сабелльскихъ народовъ, не говоря о сосѣдней съ Умбріей землѣ сабиновъ. Имя самнитовъ, въ то время еще не усѣвшихся плотно въ горахъ Самнія, быть можетъ, еще не было извѣстно источнику, изъ котораго вытекло это соображеніе Діонисія, и потому у него явились на сцену давны и умбры. Вообще это сообщеніе Діонисія, заставляющее нападать на Кумы этрусковъ, жившихъ будто бы вокругъ Іонійскаго залива, т. е. Адріатическаго моря, прогнанныхъ оттуда будто бы галлами (ὑπὸ τῶν Κελτῶν ἐξελαθέντες), что также противорѣчитъ историческимъ и особенно археологическимъ даннымъ, и ведшихъ съ собою, неизвѣстно, какимъ путемъ, орду давновъ и умбровъ, ничего общаго между собою не имѣвшихъ, представляетъ невѣроятную путаницу; но самаго факта вторженія въ Кампанію варварскихъ народовъ, предводимыхъ этрусками, нелѣпая его обстановка въ разсказѣ не ослабляетъ, такъ какъ онъ связанъ съ однимъ изъ важныхъ эпизодовъ жизни знаменитой греческой колоніи и долженъ былъ быть поэтому отмѣченъ въ ея лѣтописяхъ, на что указываетъ и точное обозначеніе его исторической даты (64-я олимпіада), и архонтство Мильтіада въ Аѳинахъ, равно какъ и важнѣйшій военный подвигъ знаменитаго въ кумской исторіи государственнаго дѣятеля, друга Тарквинія Гордаго, Аристодема. Хотя покушеніе овладѣть Кумами

на этотъ разъ (ок. 520 до Р. Хр.), благодаря крѣпости стѣнъ греческой колоніи, и кончилось неудачей, но ничто не мѣшало воинственнымъ варварамъ распространиться по плодородной Кампанской равнинѣ и усѣсться на ней. Событіе это должно было существеннымъ образомъ отразиться на формаціи осскаго языка, который по всей вѣроятности именно тогда и сталъ принимать свой самнитскій характеръ, характеръ языка, значительно отличающагося, наравнѣ съ другими сабелльскими или, говоря полнѣе, умбро-сабелльскими языками, отъ латинской или, говоря полнѣе, латино-фалисской вѣтви, какъ въ фонетикѣ, такъ и въ морфологіи, а также и въ своемъ лексическомъ составѣ. Если нѣкоторыя флексивныя особенности осскаго языка и сближаютъ его съ древнѣйшимъ латинскимъ (тв. на *d*, удвоеніе въ perfect.), отдаляя его отъ умбрскаго, то въ общемъ все-таки сильныя отличія въ морфологіи прямо указываютъ на то, что латинская и умбро-сабелльская вѣтви прожили не малый періодъ времени отдѣльно другъ отъ друга, что какъ нельзя болѣе совпадаетъ съ защищаемымъ мною еще въ 1-ой части *Введенія* положеніемъ о томъ, что латиняне и умбры прибыли на Апеннинскій полуостровъ въ разныя эпохи—первые въ началѣ бронзовой эпохи, а вторые съ началомъ желѣзнаго вѣка. Но ассимиляція языка, внесеннаго въ Кампанію аврунками, съ самнитскими элементами, произошла быстро, какъ видно по раннему появленію письменнаго осскаго языка съ самнитскимъ характеромъ, и она могла произойти тѣмъ быстрѣе, что въ аврункахъ, хотя и пришедшихъ изъ Лаціума и тѣсно связанныхъ съ нимъ своей культурой, какъ было замѣчено выше, скорѣе можно видѣть отростокъ умбрской вѣтви, подобно вольскамъ, чѣмъ латинской.

Римъ.

В. Модестовъ.

ПОПРАВКА.

Въ статьѣ о вольскахъ и эквахъ (августъ, 1904 г.), на стр. 337, примѣчаніе 1-ое слѣдуетъ читать такъ:

Въ *C. I. L.* IX, 3839 упоминается Mars. Antinum, 3845—Antinates Marsi; Plin. *N. H*, III, 12 (17), 106.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКИХЪ ФИНАНСОВЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II [1]).

V.

Таможенные сборы.

Сборы съ предметовъ потребленія въ тотъ моментъ, когда они особенно находятся на виду, т. е. въ моментъ перехода ихъ отъ одного собственника къ другому или черезъ границу области, принадлежатъ къ числу наиболѣе распространенныхъ и древнихъ; и на Руси извѣстны они съ древнѣйшихъ временъ; со времени татарскаго ига торговыя пошлины существуютъ у насъ во многихъ видахъ; московскіе князья всегда устанавливали такіе сборы во вновь пріобрѣтаемыхъ областяхъ. До половины XVI в. у насъ почти не было различія между таможенными пошлинами съ внутренняго обращенія товаровъ и съ заграничной торговли; когда же въ серединѣ XVI в. начались сношенія съ Англіей, стремленіе укрѣпить и развить ихъ побуждало московское правительство не только не облагать англичанъ какими-либо особыми пошлинами, но, напротивъ, вело къ дарованію имъ еще разныхъ льготъ. Купцы и англійскіе, и другихъ западноевропейскихъ странъ постоянно стремились получить новыя и новыя права по торговлѣ, но притязанія эти были большею частію отвергаемы московскимъ правительствомъ, подъ вліяніемъ русскихъ торговыхъ людей, которые, естественно, боролись противъ дарованія льготъ иностранцамъ; въ 1649 г. уничтожены были всѣ привилегіи англичанъ, предлогомъ для чего послужила казнь короля Карла I. Но вообще всѣ постановленія относительно внѣшней торговли принимаемы

[1]) *Продолженіе.* См. февральскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1905 г.

были въ Москвѣ исключительно по соображеніямъ фискальнымъ—правительство было далеко отъ мысли тѣми или другими пошлинами съ вывозимыхъ или ввозимыхъ товаровъ содѣйствовать развитію русской промышленности, оно не преслѣдовало задачи привести торговлю своего государства въ такой видъ, какой согласно господствовавшему тогда на западѣ ученію меркантилистовъ былъ наиболѣе выгоднымъ для государства [1]).

Первымъ русскимъ таможеннымъ тарифомъ и таможеннымъ уставомъ является Новоторговый уставъ 1667 г.; въ этомъ узаконеніи опредѣлены и порядки внѣшней торговли и размѣры связанныхъ съ торговлею пошлинъ; въ отношеніи внѣшней торговли допущена почти полная свобода; запрещенъ былъ къ ввозу табакъ по религіозно-нравственнымъ мотивамъ, вина и сахаръ обложены высокою пошлиною по соображеніямъ фискальнымъ; всѣ же остальные товары обложены очень невысокою пошлиною—въ 5% [2]).

У насъ впервые Петръ Великій началъ опредѣлять таможенныя пошлины по соображеніямъ о состояніи и развитіи русской промышленности. Изданный имъ въ 1724 г. таможенный тарифъ былъ сознательно покровительственный и въ общемъ высокій; на многіе привозные продукты назначена пошлина въ 75% ихъ стоимости (ad valorem), на большинство—въ 25%, лишь на немногіе 10% и ниже; отвозная пошлина опредѣлена была въ 3%; вывозъ льна и пакли былъ вовсе запрещенъ для поощренія къ выдѣлкѣ полотна и канатовъ. Высота пошлины опредѣлялась по соображенію того, какъ много, сравнительно съ потребностью, производится въ Россіи того или другого продукта; но разсчетъ былъ примѣненъ прямо противоположный тому, какимъ руководствуются теперь. Теперь, вообще говоря, облагаютъ высокою пош-

---

[1]) *Евграфъ Осокинъ*, Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи, Казань, 1850; *Константинъ Лодыженскій*, Исторія русскаго таможеннаго тарифа, С.-Пб., 1886; *Н. Н. Ѳирсовъ*, Правительство и общество въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшней торговлѣ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II, Казань, 1902. Въ томъ, что намъ придется говорить собственно о таможенныхъ *тарифахъ*—мы почти прямо слѣдуемъ изслѣдованію г. Лодыженскаго, разработавшаго свой предметъ съ полнотою, болѣе чѣмъ достаточною для нашихъ цѣлей. Это добросовѣстное и обстоятельное изслѣдованіе совершенно упраздняетъ предшествовавшую работу на ту же тему *С. Никольскаго*, О внѣшнихъ таможенныхъ пошлинахъ, М. 1865; жаль только, что книга г. Лодыженскаго издана съ чрезмѣрно большимъ количествомъ опечатокъ, которыя встрѣчаются даже въ таблицахъ, напр. на стр. 111.

[2]) 22-го апрѣля 1667 г. Пол. Собр. Зак., т. I, № 408, стр. 677—691. *Лодыженскій*, 29—39.

линою тотъ продуктъ, производство котораго желаютъ развить: благодаря высокой пошлинѣ поднимается на него цѣна и мѣстныя фабрики получаютъ возможность установить производство этого продукта и конкурировать въ предложеніи его съ тѣми странами, гдѣ производство его давно уже установилось и потому обходится дешевле. Въ петровскомъ же тарифѣ было постановлено: если извѣстнаго товара въ Россіи вырабатывается четвертая часть того количества, какое нужно для внутренняго потребленія—обложить ввозъ его пошлиною въ четверть его стоимости (25%), если половина—въ половину (въ 50%), если три четверти—въ 75% [1]); такимъ образомъ тарифъ этотъ былъ пригоднѣе для поддержанія промышленности уже развитой до извѣстной степени, а не для зарождающейся только.

Тяжесть тарифа весьма быстро стала чувствоваться; понижение ставокъ началось почти немедленно по смерти Петра, а въ 1731 г. изданъ былъ новый тарифъ, въ которомъ покровительственная система была вовсе оставлена: размѣръ пошлинъ не превышалъ 25% стоимости товара [2]).

Въ царствованіе Елизаветы Петровны совершилась важная и благодѣтельная реформа: съ 1-го января 1754 г. отмѣнены были внутренніе таможенныя пошлины и цѣлый рядъ—числомъ до 17—мелкихъ дорожныхъ сборовъ, чрезвычайно затруднявшихъ внутреннюю торговлю. Возмѣстить недоборъ въ государственныхъ доходахъ, который долженъ былъ отсюда послѣдовать, было рѣшено повышеніемъ внѣшнихъ таможенныхъ пошлинъ. Внутренніе таможенные сборы доставляли одну десятую часть той суммы, на какую вывозилось и ввозилось въ годъ товаровъ; разсчитывали, поэтому, что обложеніемъ всѣхъ ввозныхъ и вывозимыхъ товаровъ добавочною пошлиною въ $10^1/_2$% ихъ стоимости можно уравновѣсить этотъ убытокъ, а желая получить еще до 255.000 р. излишку, рѣшили увеличить этотъ сборъ на 13%. Насколько благопріятно повліяло на торговлю уничтоженіе внутреннихъ

[1]) Тарифъ изданъ 31-го января 1723 г. въ одинъ день съ изданіемъ морского торговаго устава и регламента комерцъ-коллегіи—Пол. Собр. Зак., т. VII, стр. 241, № 4152; въ „Книгѣ тарифовъ" тарифы напечатаны не каждый отдѣльно, а въ сводѣ. *Лодыженскій*, 57—63 и приложеніе I. Пошлина опредѣлялась тогда въ $37^1/_2$%, въ 25%, и въ $12^1/_2$% и т. д., но такъ какъ она должна была быть уплачиваема ефимками, которые принимались въ половину ихъ стоимости, то истинный ея размѣръ былъ вдвое выше. Купцы обязаны были уплачивать пошлину ефимками для того, чтобы правительство могло получать серебро, необходимое ему для чеканки монеты.

[2]) 2-го августа 1731 г.—Пол. Собр. Зак., т. VIII, № 5820; *Лодыженскій*, 76—80.

таможенъ, лучше всего свидѣтельствуетъ фактъ, что этимъ повышеніемъ сборовъ на границахъ была дѣйствительно достигнута та самая цѣль, которая была поставлена, а не прямо противоположная, какъ это обыкновенно бываетъ и примѣры чего и мы видѣли выше: таможенные сборы внѣшней торговли въ 1751, 1752 и 1753 г. дали 3.885.000 р., или, въ среднемъ въ годъ—1.295.000 р., а въ 1754, 1755 и 1756—6.866.000 р., или въ среднемъ въ годъ 2.285.000 р., или, болѣе на 990.000 р., тогда какъ уничтоженные сборы давали около 903.000 въ годъ [1]). „Отмѣна внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ принята была народомъ съ большою радостью. Со времени объявленія Ништадтскаго мира ни одно событіе не возбуждало такого восторга. Опубликованіе манифеста сопровождалось великолѣпнымъ фейерверкомъ, иллюминаціей и т. п. “ [2]).

Осложненіе разсчетовъ таможенныхъ пошлинъ послужило лишнимъ основаніемъ къ пересмотру тарифа 1731 г., которому и безъ того не сочувствовало правительство Елизаветы, явно стремившееся возстановлять то, что изъ дѣлъ Петра было отмѣнено при его ближайшихъ преемникахъ. Въ 1757 г. изданъ былъ новый тарифъ, который, въ общемъ, вернулся къ петровскому покровительственному тарифу, но съ еще болѣе высокими ставками: въ немъ не было пошлинъ ниже 12% со стоимости товара; большинство привозныхъ товаровъ, при обложеніи которыхъ не преслѣдовались покровительственныя цѣли, было обложено пошлиною около 33% стоимости; покровительственныя пошлины были въ 60, 80, 100 и болѣе процентовъ. „Въ Россіи никогда не было такого высокаго тарифа“ [3]).

Такъ какъ при такомъ высокомъ тарифѣ нужно было ожидать усиленія контрабанды, а начавшаяся въ это время война не давала правительству возможности усиленно заняться охраною границы нашей съ Польшею, то правительство рѣшило въ 1758 г. сдать таможенные сборы на 6 лѣтъ въ откупъ компаніи, которую составилъ купецъ Шемякинъ [4]). Но откупная система, вообще рѣдко пригодная, едва ли не менѣе всего пригодна въ таможенномъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе—при высокомъ покровительственномъ тарифѣ. Откупщику часто выгоднѣе

[1]) *Соловьевъ*, V, 766; *Лодыженскій*, 88, 96.

[2]) *Лодыженскій*, 88. Разсчитывали, собственно, на увеличеніе дохода въ 255.000, а получили около 95.000 р., но въ виду шедшей уже войны и этотъ результатъ нельзя не признать чрезвычайно благопріятнымъ.

[3]) 29-го апрѣля 1857 г. Пол. Собр. Зак., т. XIV, № 10722. *Лодыженскій*, 89—92.

[4]) 15-го мая 1758. Пол. Собр. Зак., т. XV, № 10837, стр. 203—214.

пропускать товаръ, взимая съ него меньшую пошлину, лишь бы только при такомъ пониженіи прошло такое количество товара, что онъ получилъ съ него больше денегъ, чѣмъ сколько получилъ бы, взимая высокую по тарифу пошлину, потому что тогда прошло бы товару гораздо менѣе; а при концѣ откупа откупщикъ готовъ будетъ пропускать сколько угодно товаровъ съ самою низкою пошлиною, потому что постарается просто получить какъ можно больше денегъ, зная, что можетъ лишиться откупа или, быть можетъ, и рѣшивъ отъ него отказаться. Подобныя явленія и дѣйствительно обнаружились за время Шемякинскаго откупа; внутренніе рынки были завалены привозными товарами, которые продавались дешевле, чѣмъ могли бы продаваться, если бы уплатили таможенную пошлину, и этимъ явно выдавали свое контрабандное происхожденіе [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣла компаніи шли плохо; она тоже страдала отъ контрабанды и не могла своевременно сдѣлать нѣсколько обязательныхъ взносовъ. Къ моменту воцаренія Екатерины II Шемякинъ сидѣлъ подъ стражею.

На нужды торговли императрица Екатерина обратила вниманіе уже въ первые дни своего царствованія,—вопросы о народномъ богатствѣ, о свободѣ торговли трактовались во многихъ сочиненіяхъ, которыя Екатерина изучала во время Елизаветы и Петра Θеодоровича—первая половина XVIII в. была вообще временемъ чрезвычайнаго оживленія экономической литературы и интересовъ къ экономическимъ вопросамъ. 31-го іюля 1762 г. послѣдовалъ именной указъ, которымъ уничтожены были существовавшія тогда многочисленныя монополіи: на торговлю шелкомъ, табакомъ, на право торговли съ Китаемъ, со среднеазіатскими странами и черезъ Темерниковскій портъ, уравнены условія торговли черезъ портъ Архангельскій съ условіями торговли черезъ Петербургъ, уничтожены казенныя монополіи на торгъ ревенемъ и смольчугомъ, разрѣшена выдѣлка холста безъ ограниченія минимума его ширины, разрѣшено устройство сахарныхъ заводовъ и ситцевыхъ фабрикъ всѣмъ желающимъ [2]), въ общее пользованіе отданы бывшіе прежде на откупу рыбные промыслы и пр. Этотъ указъ произвелъ большое впечатлѣніе на современниковъ, большее, чѣмъ бы мы, пожалуй, ожидали; слова самой императрицы, что до нея почти всѣ отрасли торговли были отданы частнымъ людямъ въ монополію, нельзя не признать за нѣкоторое преувеличеніе, но вмѣстѣ съ

[1]) *Лодыженскій*, 119—125; *Фирсовъ*. 178 и слѣд.

[2]) Полн. Собр. Зак., т. XVI, стр. 31—38, № 11630.

тѣмъ несомнѣнно, что и другіе современники смотрѣли именно такъ: слова о монополіи „почти всѣхъ отраслей" торговли и объ отмѣнѣ этой монополіи были, можно сказать, у всѣхъ на устахъ [1]). Повидимому—впечатлѣніе это было произведено самымъ фактомъ отрицательнаго отношенія къ монополизированію разныхъ отраслей торговли, потому что уничтоженныя монополіи касались весьма не крупныхъ отраслей торговли; но какъ признакъ общаго направленія торговой политики этотъ указъ, дѣйствительно, имѣлъ большое значеніе.

26-го августа 1762 г. послѣдовалъ указъ, касавшійся таможеннаго дѣла [2]). Шемякинъ былъ освобожденъ, но было объявлено, что онъ „въ безпорядочномъ правленіи оказался и контрактъ свой явно нарушилъ, чрезъ что и казна немалый убытокъ претерпѣвала"; поэтому сборы таможенные повелѣвалось принять въ казенное наблюденіе; при нихъ оставались и дѣйствовали за счетъ компаніи прежніе ея служители, но уже подъ наблюденіемъ особой правительственной комиссіи, которая должна была быть учреждена и должна была затѣмъ произвести разсчетъ съ Шемякинымъ; въ томъ же указѣ приглашались желающіе составить компанію и принять въ свое откупное содержаніе таможни по истеченіи срока прежнему откупу. Но странно было бы, конечно, если бы этотъ откупъ состоялся—при нерасположеніи императрицы къ монополіямъ, съ которыми таможенный откупъ имѣлъ нѣчто общее, и при вполнѣ очевидныхъ неудобствахъ откупа таможенныхъ сборовъ. 24-го октября 1763 года сенатъ представилъ докладъ, въ которомъ говорилъ, что лучше было бы взять таможенные сборы въ казенное управленіе, такъ какъ „столь знатную, состоящую болѣе 2.000.000 р. ежегоднаго дохода сумму, безъ особливой достаточной къ тому надежности въ руки партикулярныхъ людей ввѣрить опасно". Императрица утвердила докладъ сената, предписавъ оставить таможенные сборы до истеченія срока, т. е. еще на годъ, прежнимъ откупщикамъ, но приведя ихъ къ присягѣ и подъ коронным наблюденіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она ввѣрила главный надзоръ за всѣмъ таможеннымъ дѣломъ гр. Э. Миниху и повелѣла пересмотрѣть таможенный тарифъ [3]). 20-го ноября того же 1763 г. Миниху дана была инструкція. Ему предписывалось принять съ 1-го января 1764 г. подъ

[1]) Слова Екатерины—въ ея запискѣ. — *Сборникъ* XXVII, стр. 170. Совершенно также говоритъ *Чулковъ*, Историческое описаніе россійской коммерціи, т. I, кн. II, вступленіе, и въ такомъ же духѣ выражается авторъ записки, цитируемой *Фирсовымъ*, 4.

[2]) Полн. Собр. Зак., т. XVI. стр. 65, № 11658.

[3]) Полн. Собр. Зак., т. XVI, стр. 405—407, № 11955.

свое непосредственное наблюденіе всѣ таможни имперіи, не только по европейскимъ границамъ, но и сибирскія и оренбургскую, которыя не были отданы на откупъ, да и прежде не подчинены были, какъ всѣ другія таможни, коммерцъ-коллегіи, а находились въ вѣдѣніи первыя сибирскаго приказа, а вторыя—оренбургскаго губернатора; Минихъ получилъ право принимать всякія рѣшенія по таможенному дѣлу и осуществлять ихъ собственною властью, сообщая въ коммерцъ-коллегію о нихъ только для свѣдѣнія; онъ не былъ подчиненъ никакому учрежденію и докладывалъ непосредственно императрицѣ; главною задачею его управленія поставлено было: привести въ ясность всѣ денежныя поступленія по таможнямъ и слѣдить за тѣмъ, чтобы не было при сборѣ ихъ никакихъ злоупотребленій; кромѣ того, ему указано было, что пограничныя таможни надо расположить такъ, чтобы Новая Сербія оказалась внутри таможенной черты, а не внѣ ея, какъ прежде [1].

Дѣло составленія новаго тарифа сосредоточилось въ комиссіи о комерціи, учрежденной 8-го декабря 1763 г. Въ составъ ея вошли кн. Я. П. Шаховской, И. И. Неплюевъ, гр. Э. Минихъ и Г. Н. Тепловъ; ей были указаны двѣ главныя задачи: изыскать способы къ усиленію отпускной торговли и укрѣпить кредитъ [2]). Надъ разрѣшеніемъ второй задачи комиссія работала, быть можетъ, не столь усердно и, во всякомъ случаѣ, безуспѣшно; первой долженъ былъ удовлетворить новый тарифъ, составленный, дѣйствительно, такъ обдуманно, какъ ни одинъ другой тарифъ до него. Императрица внимательно слѣдила за этою работою; ей докладывались всѣ устанавливаемыя въ комиссіи предположенія, и только по утвержденіи ихъ комиссія шла въ своей работѣ далѣе. Первоначально были установлены общія положенія, какими руководствоваться относительно разныхъ продуктовъ: опредѣлено было, какой политики держаться относительно тѣхъ продуктовъ, привлеченіе которыхъ въ Россію желательно, или такихъ, которыхъ мѣстное производство нужно поощрить и т. д.; такимъ образомъ установлены были 17 правилъ, или, какъ они были тогда называемы, „тарифныхъ регулъ". Правила эти были, напримѣръ, таковы: „На товары привозные, кои такіе же въ Россіи дѣлаются и оныя фабрики приведены въ нѣкоторое совершенство, налагать пошлины 30% съ объявленной ихъ цѣны, для поощренія нашихъ фабрикъ, ибо оный излишекъ въ 30% къ такому поощренію

[1]) Тамъ же, стр. 429—439, № 11975.

[2]) Тамъ же, стр. 452, № 11985; *Фирсовъ*, Правительство и общество.

доволенъ быть можетъ, или ежели того недовольно окажется, то ясно заключить можно, что такія фабрики держать безполезно"; „возвышать пошлину на тотъ товаръ, который, будучи худого качества, приноситъ земледѣльцу или заводчику немного прибыли и котораго размноженіе дешевизною своею можетъ вредительно быть продажѣ другого такого же произращенія превосходительнаго качества"; „на товаръ сырой, продаваемый иностраннымъ, больше надобно пошлины накладывать, нежели изъ чисто-сырого уже приготовленный—яко то сѣмя всякое или изъ того выработанное уже масло"; „ежели что намъ самимъ необходимо надобно и въ чемъ у насъ недостатокъ, того выпускъ удержать или запрещеніемъ или тяжелой пошлиной отяготить" [1]) и т. д. Когда эти 17 правилъ были утверждены императрицею, комиссія, разсматривая по алфавиту списокъ всѣхъ товаровъ, рѣшала: дѣйствію котораго правила подчинить тотъ или другой товаръ, затѣмъ, съ участіемъ приглашенныхъ представителей петербургскаго купечества, опредѣляла цѣну каждаго товара и, наконецъ, вычисляла по цѣнѣ товара пошлину, какою слѣдовало обложить каждый товаръ. Составленный такимъ образомъ тарифъ былъ опубликованъ 1-го сентября 1766 г. и введенъ въ дѣйствіе съ 1-го марта 1767 г. [2]).

Тарифъ этотъ дѣйствовалъ при портахъ Петербургскомъ, Нарвскомъ, Архангельскомъ, Кольскомъ, Пустозерскомъ и Темерниковскомъ и во всѣхъ сухопутныхъ таможняхъ по европейской границѣ; для Астрахани, Оренбурга и сибирскихъ таможенъ существовали спеціальные тарифы; Рига, Ревель и другіе порты прибалтійскихъ губерній, равно какъ порты на сѣверномъ берегу Финскаго залива пользовались, согласно Ништадтскому миру, своими прежними, еще XVII вѣка тарифами; но изъ предѣловъ этихъ губерній въ другія губерніи товары могли переходить не иначе, какъ по уплатѣ дополнительной пошлины, для взиманія каковой существовала цѣпь таможенъ, уже внутри государства. Иностранцы могли платить половину пошлины русскою монетою, а другую — непремѣнно ефимками, считая по 1 р. 25 к. за ефимокъ; ефимки должны были быть полновѣсные, 14 ефимковъ на фунтъ серебра, въ случаѣ представленія ефимковъ потертыхъ требовался довѣсъ; русскіе подданные могли платить русскими деньгами, считая 1 р. 25 к. за ефимокъ, а если торговали на своихъ кораб-

[1]) *Лодыженскій*, 115—117.

[2]) Полн. Собр. Зак. т. XVII, № 12—735; „Книга тарифовъ", отд. 1, 9; *Лодыженскій*, 110—118.

ляхъ, то платили лишь по 90 к. за ефимокъ, т. е. получали скидку въ пошлинахъ почти въ 30%.

Тарифъ 1766 г. не былъ основанъ на одной какой нибудь теоріи; онъ былъ эклектическимъ — въ эпоху его составленія уже сильна была борьба между прежними, меркантилистскими теоріями и вновь нарождавшимся ученіемъ фритредеровъ; но первыя еще не были окончательно отвергнуты, а второе еще не восторжествовало. Отдѣльныя „правила“ тарифа 1766 г. были основаны на разныхъ теоріяхъ [1]). Но внимательность, съ какою онъ былъ выработанъ, дала ему такія качества практичности, что онъ просуществовалъ долѣе всѣхъ другихъ русскихъ тарифовъ въ XVIII в., кромѣ изданнаго въ 1731 г. Въ теченіе его существованія были неоднократно прозводимы нѣкоторыя измѣненія въ таможенномъ дѣлѣ, впрочемъ, несущественныя. При началѣ турецкой войны явилось предположеніе повысить ставки на чай, сахаръ, кофе, дорогую мебель, но было въ совѣтѣ отклонено. Чаще всего издавались распоряженія, временно запрещавшія отпускъ изъ Россіи хлѣба — это дѣлалось всегда, когда урожай былъ не достаточно хорошъ, а затѣмъ, при лучшемъ урожаѣ, запрещенія эти были снимаемы; подобнымъ же образомъ были вводимы и уничтожаемы ограниченія продажи лошадей заграницу; былъ запрещенъ ввозъ парчей, игральныхъ картъ, и наоборотъ—разрѣшенъ безъ пошлинъ ввозъ всякихъ аптекарскихъ товаровъ, разныхъ машинъ, изданы опредѣленія о безпошлинномъ привозѣ — до опредѣленной суммы—всякихъ вещей для иностранныхъ дипломатическихъ представителей и для колонистовъ, являвшихся въ Россію по вызову правительства; постепенно уничтожены были и послѣднія, остававшіяся запрещенія продавать заграницу поташъ, смольчугъ и ревень—идеи свободной торговли постепенно получали преобладаніе. Съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ областей по первому раздѣлу Польши таможни были перенесены на новую границу; но жителямъ вновь присоединенныхъ областей предоставлены нѣкоторыя льготы по торговлѣ съ Польшею, гдѣ, естественно, были у нихъ давнія связи [2]). Впрочемъ, это были все мѣры не большой важности, не имѣвшія сколько нибудь замѣтнаго значенія въ таможенной политикѣ вообще; наиболѣе общее

---

[1]) *Лодыженскій*, 98—107; „Наказъ“ коммиссіи 1767 г.—глава XIII, „О рукодѣліи и торговлѣ“ и глава XXII, о финансахъ.

[2]) Пол. Собр. Зак., т. XIX, №№ 13894, 13998—26-го октября 1772, 14-го февраля 1773; т. XXI, № 15407, 26-го мая 1782.

значеніе имѣлъ тарифъ для портовъ Чернаго моря, изданный въ 1775 г.; ставки его были ниже назначенныхъ прежде приблизительно на 25%; онъ и имѣлъ цѣлью содѣйствовать развитію тутъ торговли, но практическое значеніе его было очень невелико, потому что торговля развивалась очень плохо; въ 1777 г. изданъ новый тарифъ для таможень азіатскихъ [1]).

Въ управленіи таможнями и таможенными сборами тоже произошли нѣкоторыя перемѣны. По „Учрежденію о губерніяхъ" таможни переходили въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ; указомъ 24-го октября 1780 г. упразднена канцелярія надъ таможенными сборами, существовавшая съ 1763 г., а таможни и таможенные сборы тамъ, гдѣ не были еще введены новыя губернскія учрежденія, переданы въ непосредственное завѣдываніе губернаторовъ или генералъ-губернаторовъ [2]).

При утвержденіи тарифа 1766 г. императрица повелѣла каждыя пять лѣтъ пересматривать его въ коммерцъ-коллегіи, чтобы „перемѣщать" въ случаѣ надобности тотъ или другой товаръ „изъ правила въ правило"; но такихъ пересмотровъ или, во всякомъ случаѣ ихъ результатовъ—неизвѣстно [3]). Между тѣмъ оказалось, что пошлины были установлены въ 1766 г. все-таки слишкомъ высокія, что отразилось на постоянно усиливавшейся контрабандѣ, съ которою не находили средствъ успѣшно бороться; кромѣ того, упомянутыя выше привилегіи нѣкоторыхъ областей причиняли ощутительныя затрудненія во внутреннихъ сношеніяхъ. Начатое уже введеніемъ областныхъ учрежденій объединеніе администраціи ихъ съ общею русскою естественно было завершить и таможеннымъ объединеніемъ. Обсудить эти вопросы и пересмотрѣть тарифъ было поручено въ октябрѣ 1781 г. комиссіи о коммерціи. Работая такъ же, какъ въ 1763—1765 г., комиссія эта къ лѣту 1782 г. представила императрицѣ новый тарифъ, который и былъ утвержденъ 27-го сентября 1782 г. При составленіи

---

[1]) 4-го августа 1775 г.—Полн. Собр. Зак., т. XX, № 14385—18-го октября 1777 г., см. №№ 14473 и 15407;—книга тарифовъ—тарифы по азіатской торговлѣ—тамъ же № 14666; *Лодыженскій*, 136. У Чулкова, т. II, кн. I находятся свѣдѣнія о стараніяхъ развить русскую торговлю съ Турціей: была составлена вѣдомость товарамъ, которые могли быть вывозимы въ Турцію съ выгодой отъ 12 до 60%—стр. 485—486.

[2]) Пол. Собр. Зак., т. XX, № 15.071.

[3]) Въ протоколахъ совѣта лишь изрѣдка упоминаются доходившія до совѣта дѣла о пересмотрѣ совершенно второстепенныхъ статей тарифа,—см. *Архивъ Гос. Сов.* II, 673—675.

его въ общемъ руководствовались тѣми правилами, которыя были утверждены императрицею при выработкѣ предшествовавшаго; отступленія были сдѣланы совершенно несущественныя. Подъ вліяніемъ получавшихъ господство идей свободной торговли ставки были вообще понижены и тарифъ 1782 г. былъ очень умѣреннымъ. Много отпускныхъ товаровъ и нѣкоторые привозные, прежде обложенные пошлиною, были освобождены отъ нея; средній размѣръ обложенія привозныхъ товаровъ около 10% ad valorem; высокою пошлиною была признана пошлина въ 20% и въ 30%,—она была наложена на дорогіе товары и предметы роскоши, которые уже выдѣлывались въ Россіи; сырые продукты, ввозимые въ Россіи для обработки на русскихъ фабрикахъ, обложены всего 2% [1]). Для большинства товаровъ въ портахъ Чернаго моря сохранена пониженная на 25% пошлина. При составленіи тарифа была произведена очень тщательная расцѣнка товаровъ.

Наиболѣе существеннымъ отличіемъ порядка, введеннаго этимъ тарифомъ, было распространеніе его и на области, завоеванныя у Швеціи: въ возмѣщеніе убытковъ, которые должны были потерпѣть отъ этого разные города—такъ какъ прежде въ нихъ существовали спеціально городскіе сборы съ привозныхъ товаровъ—было постановлено отчислять ежегодно изъ таможенныхъ доходовъ сумму въ 133.000 р., которая должна была раздѣляться между 12-ю городами. Изъ этого числа Рига получала 102.000 р. въ годъ, Ревель—16.000 р., Выборгъ—3.500 р. и т. д.; меньше всѣхъ—50 р. въ годъ—получалъ Дерптъ [2]). Вмѣстѣ съ этимъ купцы всѣхъ этихъ городовъ получали по внутренней торговлѣ въ имперіи всѣ тѣ права, какими пользовались русскіе купцы; заставы, отдѣлявшія русскія губерніи отъ этихъ, были уничтожены, устройство пограничной стражи реорганизовано въ видахъ болѣе энергичной борьбы съ контрабандой [3]). Впрочемъ, борьба эта какъ была, такъ и осталась малоуспѣшной. Еще въ концѣ 60 годовъ

[1]) Пол. Собр. Зак., т. XXI, № 15.520; *Лодыженскій*, 137—140.

[2]) Эти цифры, указывая приблизительно, въ какомъ порядкѣ размѣщались эти города по ихъ торговымъ оборотамъ, не вполнѣ точно выражаютъ относительную величину ихъ; въ каждомъ изъ этихъ городовъ таможенные доходы различно дѣлились между казною и городомъ; такъ Ревель получалъ приблизительно 1/3 того, что получала казна, Нарва—приблизительно 1/5. Выборгъ получалъ по 1% со стоимости ввозимаго и по 1/2% со стоимости отпускныхъ товаровъ—*Чулковъ*, т. V, кн. I, 57; т. V, кн. II, 30, 117, 365.

[3]) Тамъ же, т. XXI. 678—685, №№ 15520. 15521, 15522, 27 сентября 1782 г.

возникалъ проектъ—въ видахъ пресѣченія тайнаго провоза товаровъ совершенно воспретить ихъ передвиженіе черезъ сухопутную нашу границу, и разрѣшить привозъ и отвозъ исключительно только черезъ морскіе порты, гдѣ средствъ къ наблюденію, конечно, значительно больше, но проектъ этотъ былъ тогда отвергнутъ. 26 іюня 1789 г. состоялось запрещеніе ввозить черезъ сухопутную нашу границу нѣкоторые товары. Въ указѣ сказано: „съ десятаго числа сентября мѣсяца нынѣ текущаго года запрещается всѣмъ и каждому привозить, ввозить и пропускать въ границы россійскія всякаго рода иностранные шелковые, шерстяные, бумажные и прочіе товары, такожъ напитки и вещи сухимъ путемъ чрезъ таможни въ намѣстничествахъ полоцкомъ, могилевскомъ, кіевскомъ и екатеринославскомъ учрежденныя, исключая статьи особо въ указѣ семъ поименованныя"; но этихъ статей оказывается далѣе очень много, и въ сущности сокращеніе ввоза является очень незначительнымъ, вывозъ же по прежнему разрѣшенъ безъ ограниченій, и намъ кажется, что распоряженіе это является не актомъ таможенной политики, а просто стоитъ въ связи съ начавшеюся Турецкою войною и направлено частью къ пресѣченію торговыхъ сношеній съ Турціею,—матеріи, особо и на первомъ мѣстѣ поименованныя, и составляли главнѣйшую статью ввоза изъ Турціи въ Россію—частью же приняты изъ предосторожности отъ заноса заразы, которая всегда развивалась на театрѣ военныхъ дѣйствій нашихъ съ Турціею [1]).

Этотъ тарифъ и оставался въ дѣйствіи до конца Екатерининскаго царствованія; 16 сентября 1796 г. утвержденъ былъ новый тарифъ, который долженъ былъ вступить въ дѣйствіе съ 1 января 1797 г., но до этого срока императрица не дожила, а ея преемникъ, указомъ 18 ноября 1796 г., остановилъ введеніе этого тарифа, и 12 октября 1797 г. былъ опубликованъ новый тарифъ, почти ничѣмъ, однако, не отличавшійся отъ дѣйствовавшаго тарифа 1782 г. [2]). Изъ таможенныхъ распоряженій, состоявшихся за послѣдніе годы царствованія Екатерины II, укажемъ только запрещеніе ввоза въ Россію французскихъ товаровъ, послѣдовавшее за прекращеніемъ дипломатическихъ сношеній съ Франціею и одновременно съ цѣлымъ рядомъ репрессалій противъ жившихъ въ Россіи французовъ послѣ казни короля Лю-

[1]) Пол. Соб. Зак., т. XXIII, 12—45, №№ 16781; *Лодыженскій*, 124—177, 141; *Ѳирсовъ*, 174—192.

[2]) Пол. Собр. Зак., т. XXIII, № 17511; т. XXIV, № 17563 и 18202. *Лодыженскій*, 156, 157.

довика XVI [1]). Это было первымъ въ нашей исторіи XVIII в. случаемъ, что политическія соображенія повліяли непосредственно на постановленія о заграничной торговлѣ—въ послѣдующее время такія вліянія сказывались непрерывно въ весьма значительной степени, но мы не будемъ уже слѣдить далѣе за перипетіями въ исторіи русскаго таможеннаго тарифа, отсылая читателей къ работѣ г. Лодыженскаго, которая именно въ этой своей части особенно интересна.

Доходъ казны отъ таможенныхъ сборовъ выражался слѣдующими цифрами,—мы отбрасываемъ числа ниже тысячи:

	Ожидалось.	Поступило дохода отъ таможенъ.	Дѣйствительно поступило.	Въ то же время поступило таможенныхъ сборовъ всего.
	Рублей.	Рублей.	Рублей.	Рублей.
Въ 1763 г. . . .	—	1.997.000	—	3.072.000
„ 1764 „ . . .	—	1.957.000	—	2.969.000
„ 1765 „ . . .	—	2.453.000	—	3.125.000
„ 1766 „ . . .	—	2.802.000	—	2.875.000
„ 1767 „ . . .	—	2.790.000	—	2.663.000
„ 1768 „ . . .	—	2.298.000	—	2.823.000
„ 1769 „ . . .	—	2.492.000 [2])	—	3.206.000
„ 1770 „ . . .	—	2.860.000	—	3.190.000
„ 1771 „ . . .	—	3.136.000	—	3.268.000
„ 1772 „ . . .	—	3.100.000	—	3.226.000
„ 1773 „ . . .	—	2.998.000	—	3.614.000
„ 1774 „ . .	—	свѣдѣній нѣтъ	—	3.539.000
„ 1775 „ . .	—		—	3.290.000
„ 1776 „ . . .	—	2,902.000	—	3.214.000
„ 1777 „ . . .	—	2.711.000	—	3.229.000

[1]) Указы 17 февраля, 8 апрѣля 1793 г., 6 февраля 1795 г.—Пол. Собр. Зак., т. XXIII, стр. 406, 414—417, 647, №№ 17103, 17111, 17303; см. еще №№ 17133, 17170, 17215, 17452.

[2]) Въ *Сборникѣ*, V, 230 (то же, что въ Сбор. мин. фин. 1866, III, 36) дана цифра 3.171.000, но въ Сб. мин. фин. 1867, I, 212, 356, гдѣ вѣдомость гораздо подробнѣе и гдѣ цифры за 1770 и 1771 г. совершенно сходны съ приведенными здѣсь нами, указано, что въ 1770 г. прибыло сравнительно съ 1769—368.000 р. Мы принимаемъ цифру, получаемую по этому расчету, какъ потому, что даетъ ее вѣдомость болѣе подробная, такъ и потому, что она лучше подходитъ къ цифрамъ за 1768 и 1770 г., и къ цифрамъ всего таможеннаго сбора за 1768 — 1770 гг., достовѣрность которыхъ подтверждается близостью ихъ по свѣдѣніямъ изъ двухъ разныхъ источниковъ.

	Ожидалось.	Поступило дохода отъ таможенъ.	Дѣйствительно поступило.	Въ то же время поступило таможенныхъ сборовъ всего.
	Рублей.	Рублей.	Рублей.	Рублей.
Въ 1778 г.	—	свѣдѣній нѣтъ	—	2.971.000
„ 1779 „	—		—	3.118.000
„ 1780 „	—		—	4.078.000
„ 1781 „	—	3.132.000	—	4.384.000
„ 1782 „	—	4.078.000	—	4.535.000
„ 1783 „	4.893.000	—	5.417.000	4.963.000
„ 1784 „	4.867.000	—	4.749.000	5.375.000
„ 1785 „	5.417.000	—	4.825.000	5.285.000
„ 1786 „	4.749.000	—	4.866.000	4.832.000
„ 1787 „	4.825.000	—	5.445.000	5.468.000
„ 1788 „	4.866.000	—	5.462.000	5.187.000
„ 1789 „	5.445.000	—	5.634.000	5.487.000
„ 1790 „	5.462.000	—	6.567.000	6.957.000
„ 1791 „	5.634.000	—	7.212.000(?)	6.525.000
„ 1792 „	6.567.000	—	—	7.228.000
„ 1793 „	7.212.000	—	—	5.017.000
„ 1794 „	5.474.000	—	—	5.294.000
„ 1795 „	5.462.000	—	—	5.409.000
„ 1796 „	4.776.000	—	—	6.470.000

Свѣдѣнія о доходѣ заимствованы нами изъ росписей, напечатанныхъ въ V и VI томахъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Тамъ цифры эти стоятъ прямо подъ рубрикою „таможеннаго дохода", а не вообще „таможенныхъ сборовъ"; кромѣ того, какъ мы и выше не разъ имѣли случай замѣтить, эти росписи указывали именно чистый доходъ. Въ росписи за 1785—1793 г. суммы включены съ отмѣткой, что онѣ опредѣлены по дѣйствительному поступленію позапрошлаго года, т. е. начиная съ 1783 по 1791 г.; какъ опредѣлены другія—не сказано; но это не представляетъ большой важности: дѣйствительныя поступленія за девятилѣтній періодъ 1783—1791 г. были 49.170.000, смѣтныя же предположенія за эти годы—46.150.000 р. Такимъ образомъ, разница дѣйствительныхъ поступленій отъ смѣтныхъ предположеній всего приблизительно на 5%, 6%, а съ такою неточностью неизбѣжно мириться, когда рѣчь идетъ о финансахъ XVIII в.

Цифры всей суммы таможенныхъ поступленій мы заимствуемъ у Шторха, откуда заимствовалъ данныя и г. Лодыженскій [1]); для 1763—1775 г. даетъ свѣдѣнія о всей суммѣ таможенныхъ сборовъ Чулковъ [2]); за 1769—1772 г. цифры ихъ совершенно совпадаютъ, за остальные годы расходятся, но очень незначительно, за исключеніемъ, однако, 1763 г., цифра сборовъ котораго у Шторха и Лодыженскаго подозрительно высока; исключивъ изъ сравненія этотъ годъ, найдемъ, что за остальныя 12 лѣтъ по даннымъ Чулкова таможенные сборы составляли всего 38.270.000, а по даннымъ Шторха и Лодыженскаго—37.590.000 р., т. е. разница менѣе 2%. Такая разница въ показаніяхъ для насъ драгоцѣннѣе, чѣмъ было бы полное совпаденіе: въ послѣднемъ случаѣ можно было бы предполагать заимствованіе цифръ обоими нашими источниками изъ одного, общаго имъ источника, степень достовѣрности или точности котораго составляла бы вопросъ,—теперь же, имѣя два показанія столь близкія, но не вполнѣ совпадающія, мы должны думать, что по двукратному, по крайней мѣрѣ, подсчетѣ современники получили цифры столь близкія — слѣдовательно цифры эти достаточно вѣрно отражаютъ дѣйствительность. Помимо прямого указанія, что намъ сообщаются тутъ цифры таможенныхъ „поступленій", а не чистаго дохода, мы можемъ замѣтить, что Шторхъ и въ другихъ случаяхъ сообщаетъ вообще цифры brutto-бюджета, т. е. цифры всей суммы поступленій. Мы слѣдуемъ цифрамъ Шторха, а не Чулкова только потому, что первыя обнимаютъ все царствованіе Екатерины, а послѣднія—оканчиваются 1775 годомъ.

Сравненіе цифръ дохода съ цифрами поступленій выясняетъ намъ издержки собиранія. При этомъ сравненіи мы встрѣчаемъ нѣсколько разъ небольшія недоразумѣнія, разъяснить которыя, быть можетъ, удалось бы при ближайшемъ изученіи всей техники и всего хозяйства тогдашнихъ таможенныхъ сборовъ, т. е. послѣ такой работы, которая никакъ не совмѣстима съ общимъ изученіемъ финансовой исторіи Екатерининскаго царствованія, а можетъ быть и она не повела бы къ желаемому результату: мы имѣемъ въ виду то, что за годы 1767, 1783, 1786, 1788, 1789 и 1791 находящіяся въ нашемъ распоряженіи

---

[1]) *Storch*, Supplementband zum fünften, sechsten u. siebenten Theil des historisch statistischen Gemälde des Russischen Reichs, Leipzig. 1803. 3—4. Отсюда заимствуетъ свои цифры и г. Лодыженскій, который, однако, почему-то не приводитъ данныхъ о суммахъ таможенныхъ поступленій за 1793 и слѣд. годы, и кромѣ того на стр. 144 въ цифрахъ у него нѣсколько досадныхъ опечатокъ.

[2]) *Чулковъ*, т. VII, кн. I. таблица 1 и 4, стр. 932 и 946.

свѣдѣнія показываютъ сумму поступленій ниже суммы дохода, чего, очевидно, не могло быть безъ какихъ нибудь совершенно особыхъ обстоятельствъ: можно предполагать или, что за счетъ доходовъ извѣстнаго года нѣкоторыя суммы вступали послѣ, или послѣ какія нибудь взысканія пополняли доходъ даннаго года—но разъяснить этого мы совершенно не можемъ; быть можетъ, наконецъ, что мы имѣемъ дѣло просто съ опечаткою. Впрочемъ 1791 г. мы можемъ исключить: цифру дѣйствительнаго поступленія его мы опредѣляемъ изъ того, что на 1793 г. было предположено поступленій 7.212.000 руб. какъ среднее за 1791 и 1792 г., но цифры поступленій въ каждомъ изъ этихъ двухъ лѣтъ въ отдѣльности мы не знаемъ. Если теперь мы возьмемъ доходъ отъ таможенъ и поступленія всѣхъ сборовъ отдѣльно за вышеуказанные 1767, 1783, 1786, 1788 и 1789 года и затѣмъ за всѣ тѣ остальныя 18 лѣтъ, за которыя мы имѣемъ и тѣ и другія свѣдѣнія, то получимъ, что

за 5 лѣтъ поступило сборовъ 23.129(?) т. р., а доходу 24.169(?) т. р.
„ 18 „ „ „ 66.124 „ „ „ „ 58.555 „ „

Если мы возьмемъ свѣдѣнія за тѣ 18 лѣтъ, данныя о которыхъ не содержатъ необъяснимыхъ странностей, то расходъ по собиранію опредѣляется въ 11—12%; если же мы возьмемъ свѣдѣнія за всѣ годы, то тогда эти издержки опредѣлятся въ 10% съ небольшимъ; но очевидно, что первое опредѣленіе во всякомъ случаѣ ближе къ истинѣ—и нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ его достаточной, вообще говоря, точности—мы имѣли, вѣдь, въ своемъ распоряженіи свѣдѣнія почти за двадцать лѣтъ.

Соображая данныя о таможенномъ доходѣ съ вышеизложенными свѣдѣніями о таможенныхъ тарифахъ, мы не замѣчаемъ никакихъ рѣзкихъ, крупныхъ перемѣнъ въ размѣрахъ поступленій; разные тарифы, конечно, отражались на суммѣ сборовъ, но не такъ рѣзко, какъ отличались одинъ отъ другого самые тарифы; въ общемъ съ 1763 г. по 1790 г. сумма таможеннаго дохода почти утроилась, но это въ значительной степени стоитъ въ соотвѣтствіи съ ростомъ населенія и возвышеніемъ цѣнъ на всѣ продукты, которое естественно вело за собою и повышеніе таможенныхъ ставокъ, при опредѣленіи ихъ ad valorem. Наиболѣе крупное повышеніе—съ 3.132.000 въ 1781 г. и съ 4.078.000 въ 1782 г. до 5.417.000 въ 1783 г.—приходится именно на годъ, когда былъ введенъ новый тарифъ и внимательно пересмотрѣны цѣны товаровъ. Впрочемъ, вообще болѣе умѣренный тарифъ

1782 г. вызвалъ большій приростъ таможенныхъ доходовъ, чѣмъ гораздо болѣе высокій тарифъ 1766 г.: сравнительно съ 1764 и 1765 г. въ 1766 и 1767 г. было собрано на 11% больше, а въ 1783 и 1784, сравнительно съ двумя предшествовавшими—на 15% съ лишкомъ. Размѣры таможенныхъ доходовъ возрасли еще послѣ 1786 г.; за четырехлѣтіе до него, уже послѣ введенія новаго тарифа, собрано 19.850.000, а въ 1787, 1788, 1789 г. и 1790—23.100.000. Это объясняется, вѣроятно, искусственнымъ оживленіемъ денежнаго обращенія, — оживленіе это было создано большимъ выпускомъ ассигнацій въ 1786 г. и впослѣдствіи принесло весьма печальные плоды [1]). Денежныя затрудненія, подвигшія правительство на эту мѣру, отразились, повидимому, и въ томъ, что въ 1786 г. таможенныхъ сборовъ вступило меньше, чѣмъ вступало въ среднемъ въ годъ за предшествовавшія пять лѣтъ. Сравнительно низкій доходъ за 1763 г. и 1764 г. объясняется, до извѣстной степени, вѣроятно, слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ 1761 г. въ Петербургѣ былъ необычайно сильный пожаръ, истребившій товарные склады, и въ 1762 г. состоялось Высочайшее повелѣніе зачесть всѣмъ купцамъ ту сумму, на какую у нихъ погорѣло, за таможенныя пошлины въ теченіи пяти лѣтъ [2]). За послѣдніе четыре года, съ 1793 по 1796 г., таможенные сборы замѣтно понизились—они дали едва 22 милліона, противъ 26-и милліоновъ, собранныхъ въ предшествовавшіе четыре года 1789—1799,—въ этомъ отражается экономическій и финансовый кризисъ послѣднихъ лѣтъ Екатерининскаго царствованія.

Экономическое значеніе таможенной политики Екатерининскаго царствованія можетъ быть правильно раскрыто только тогда, когда будетъ изучена исторія фабрично-заводской производительности Россіи, ея сельскаго хозяйства и торговли [3]); теперь же мы позволимъ себѣ ограничиться однимъ указаніемъ. Таможенные доходы Россіи и русская фабрично-заводская производительность находились тогда въ положеніи прямо противоположномъ тому, въ какомъ находятся они нынѣ: въ послѣдніе годы XIX ст. стоимость ежегодной производитель-

---

[1]) Подробнѣе мы будемъ говорить объ этой операціи въ заключительномъ очеркѣ; кое что указано уже нами въ статьѣ „Выпускъ первыхъ ста милліоновъ ассигнацій", напечатанной въ редактированномъ А. Н. Маркевичемъ „Южно-русскомъ Альманахѣ" за 1902 г., Одесса.

[2]) Пол. Собр. Зак. т. XVI, № 11.657, стр. 62—63, 26 августа 1762 г.

[3]) Общія замѣчанія имѣются въ книгѣ *М. Туганъ-Барановскаго*, Русская фабрика, т. I.

ности русскихъ фабрикъ и заводовъ опредѣлялась въ два милліарда 700 милліоновъ рублей, таможенныя же пошлины давали тогда немногимъ менѣе 200 милл. рублей, или почти въ пятнадцать разъ менѣе; въ XVIII же вѣкѣ, въ теченіи всей второй его половины, таможенный доходъ превышалъ стоимость всѣхъ продуктовъ мануфактурной производительности или только что ей равнялся: цѣнность издѣлій, выработанныхъ въ 1765 г., опредѣлялась въ 2.853.000 р., въ 1773 г.—2.941.700 р. [1]), а таможенный доходъ въ 1765 г. былъ 2.800.000, а въ 1775 около 2.990.000 р. Не можетъ быть сомнѣнія, что не въ массѣ населенія распространялись привозные товары, чрезвычайно дорогіе тогда, въ силу какъ высокихъ пошлинъ, такъ и дороговизны и медленности перевозки; стоитъ только взглянуть на табель главнѣйшихъ статей привоза, чтобы убѣдиться, что привозъ удовлетворялъ почти исключительно потребностямъ высшаго, или болѣе обезпеченнаго слоя населенія [2]). Мы думаемъ—не ошибемся, если скажемъ, что привозные и мѣстные продукты имѣли два довольно опредѣленно различавшіеся круга потребителей; и для этого времени были въ значительной степени справедливы слова: потребности русскаго общества того времени, даже высшихъ его слоевъ, были очень не велики, да и тѣ удовлетворялись почти повсюду, такъ сказать, своими средствами—у высшихъ слоевъ руками крѣпостныхъ дворовыхъ, въ низшихъ слояхъ своими собственными [3]). Таможенный доходъ былъ въ русской финансовой системѣ единственною значительною статьею бюджета доходовъ, по которой поступленія собирались не непосредственно съ низшихъ, податныхъ классовъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что въ то время, какъ въ періодъ съ 1765 по 1795 г. сумма

[1]) Свѣдѣнія о цѣнности фабричной производительности и о таможенныхъ сборахъ въ XIX в. заимствованы изъ статьи „Россія", въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Эфрона, стр. 200, 283; свѣдѣнія о производительности въ XVIII в.—у *Чулкова*, VI, кн. III, Вѣдомости мануфактуръ-коллегіи; *Лодыженскій*, 145.

[2]) Свѣдѣнія эти напечатаны у *Лодыженскаго*, 147. За 1790—1793 г. ввезено было всего товаровъ на 32 милл.; въ томъ числѣ—сукна и шерстяныхъ издѣлій на 3.670.000; сахару на 5.588.000—ежегодное производство его у насъ было едва на 10.000 р.; бумажныхъ тканей и шелковыхъ—на 4.550.000 р.; золотыхъ и серебряныхъ издѣлій и драгоцѣнныхъ камней на 3.800,000 р., винъ, кофе, шеколаду и т. п.—на 2.500.000 и т. д.; картинъ, мебели, музыкальныхъ инструментовъ на 380.000 р., гастрономическихъ товаровъ на 1.300.000 и т. д.—только перечисленныя здѣсь нами статьи покрываютъ до 22 милл. р.

[3]) *Дитятинъ*, Устройство и управленіе городовъ Россіи, I, 128—мы измѣнили два три слова и примѣнили къ XVIII в. слова, сказанныя о XVII в.

подушныхъ сборовъ и питейныхъ возрасла съ 14.600.000 р. до 50.000.000, т. е. въ почти въ три съ половиной раза (на 242%), таможенные сборы за то же время немного болѣе чѣмъ удвоились (возрасли на 138%).

VI.

Горные доходы.

Подъ именемъ горныхъ или бергъ-коллежскихъ доходовъ вносились въ финансовыя росписи екатерининскаго царствованія тѣ суммы, которыя поступали въ распоряженіе казны отъ обращенія въ монету металловъ и разные сборы съ заводовъ металлургическихъ [1]).

Наши свѣдѣнія объ этой статьѣ бюджета доходовъ не за всѣ годы царствованія Екатерины II довольно полны и опредѣленны. Достаточно мы знаемъ о нихъ за 17 лѣтъ (за 1773 г. и за время отъ 1781 по 1796, особенно за 1781—1784 гг.), можемъ опредѣлить довольно точно ихъ цифру для двухъ годовъ 1776 и 1777 гг., за всѣ же остальныя 15 лѣтъ Екатерининскаго царствованія можемъ опредѣлять ее только очень приблизительно. Раскрыть всѣ подробности государственнаго хозяйства въ этой отрасли можно развѣ только въ спеціальномъ изслѣдованіи, да и то не навѣрно достигнуть будетъ вполнѣ удовлетворительный результатъ. Вообще говоря, трудность историческаго изученія той или другой статьи дохода находится обыкновенно въ обратномъ отношеніи къ ея абсолютному значенію въ государственномъ бюджетѣ: чѣмъ незначительнѣе сумма, тѣмъ труднѣе точно и полно прослѣдить разные вопросы, съ нею связанные. Горный доходъ только за два года (1783 и 1784) Екатерининскаго царствованія превысилъ 5% всего годового бюджета, а за послѣднія 8 лѣтъ не достигалъ и 3%—и свѣдѣнія наши о немъ несравненно бѣднѣе свѣдѣній о доходахъ подушныхъ или питейномъ; при томъ же все, что касалось монеты и цѣнныхъ металловъ, особенно старательно покрывалось въ прошлые вѣка канцелярскою тайною. Принимая во вниманіе мѣсто и значеніе горныхъ доходовъ въ тогдашнемъ бюджетѣ, мы въ данномъ случаѣ особенно разсчитываемъ на снисходительность читателей.

Изъ какихъ суммъ составлялся этотъ доходъ—мы узнаемъ изъ рубрикъ, по какимъ онъ вносился въ финансовыя росписи.

---

[1]) Ср. *А. Штофъ*, Сравнительный очеркъ горнаго законодательства въ Россіи и Западной Европѣ, С.-Пб. 1882 г.; авторъ большое вниманіе посвящаетъ выясненію значенія разныхъ мѣропріятій для народнаго хозяйства; финансовой стороны этой отрасли государственнаго хозяйства авторъ не касается.

Въ росписяхъ за 1781—1784 гг. рубрики эти слѣдующія:

„Бергъ-коллежскія прибыльныя съ Гороблагодатскихъ и Нерчинскихъ заводовъ“.

„Бергъ-коллежскія десятинныя съ мѣди и (съ) чугуна четырехкопѣечныя“.

„Монетнаго департамента прибыль отъ серебра“.

„Мѣдный (Екатеринбургскій) передѣлъ“.

Въ росписяхъ 1785, 1786 и 1787 гг. первыя двѣ рубрики слиты вмѣстѣ и обозначены такъ: „Съ горныхъ заводовъ казенныхъ и партикулярныхъ“, рубрики третья и четвертая сохранены.

Въ росписяхъ за 1788, 1789 и 1790 гг. доходъ внесенъ уже только по двумъ рубрикамъ:

„Горные доходы съ партикулярныхъ заводовъ“.

„Мѣдный Екатеринбургскій передѣлъ“.

Въ росписяхъ за 1791—1793 гг. и за 1794—1796 гг. горные доходы показаны уже въ одной рубрикѣ—именно за первые три года въ рубрикѣ:

„Горные съ казенныхъ и партикулярныхъ заводовъ, за исключеніемъ опредѣленнаго заводчикамъ за поставленное въ Херсонъ желѣзо изъ десятины зачета“.

Наконецъ за послѣдніе три года, подъ рубрикою:

„Горные съ казенныхъ и партикулярныхъ заводовъ, въ томъ числѣ мѣднаго Екатеринбургскаго передѣла и по золотымъ промысламъ“ [1]).

За время до 1781 г. мы можемъ опредѣлять суммы горнаго дохода лишь приблизительно.

За время отъ 1764—1773 гг. мы знаемъ только слѣдующія цифры, относящіяся къ горному доходу:

Десятинныя съ мѣди и чугуна поступали въ слѣдующемъ размѣрѣ:

въ 1764 г.	158.000 р.	въ 1769 г.	255.000 р.
„ 1765 „	218.000 „	„ 1770 „	325.000 „
„ 1766 „	218.000 „	„ 1771 „	253,000 „
„ 1767 „	255.000 „	„ 1772 „	307.000 „ [2])
„ 1768 „	255.000 „	„ 1773 „	292.000 „

[1]) По росписямъ за указанные годы, напечатаннымъ въ V и VI томахъ *Сборника*.

[2]) Свѣдѣнія за 1767, 1768 и 1769 гг. — среднія за три года — *Сборникъ*, т. X, 369; за остальные годы—*Сборникъ* V, 224—225.

На основаніи приведенныхъ цифръ мы можемъ замѣтить, что десятинныя деньги постепенно возрастали,—онѣ давали по 200.000 р. ежегодно въ первые три года, по 255.000 р.—во вторые три года и почти по 300.000 ежегодно за послѣдніе четыре года; но для какихъ либо дальнѣйшихъ наблюденій надъ горнымъ доходомъ за эти годы данныхъ недостаточно.

Дохода отъ передѣлки серебра въ монету получено въ 1769 году— 54.000 руб.

Въ 1773 г. горный доходъ составлялся изъ слѣдующихъ поступленій:

Съ партикулярныхъ заводовъ за выплавляемые мѣдь и чугунъ — 292.000 р., съ передѣлки мѣди въ монету—668.000 р., прибыли отъ передѣлки серебра въ монету—154.000 р., всего 1.110.000 рублей.

За 1776 и 1777 гг. мы знаемъ прибыль отъ передѣлки мѣди въ монету — именно 779.000 р. въ первомъ году и 739.000 р. во второмъ, и отъ передѣлки въ монету серебра — 164.000 р. въ первомъ и 137.000 во второмъ; поступленіе десятины можемъ опредѣлить приблизительно, но довольно точно: въ 1773 г. поступило ся 292.000 р., въ 1778 г. этихъ же денегъ поступило 377.000 руб., въ 1781 г. — 357.000 р.; есть достаточныя основанія предполагать для 1776 и 1777 гг. поступленія въ суммѣ между 290.000 и 370.000 р. — принимая приблизительно 325.000 р., получимъ для 1776 г. сумму горнаго дохода около 1.270.000 р. и для 1777 г.—около 1.200.000 р. [1]).

Наконецъ вотъ цифры доходовъ, поступившихъ по перечисленнымъ выше рубрикамъ за 1781—1796 гг.—за это время мы знаемъ уже полную цифру горныхъ доходовъ. (См. табл. на стр. 63).

Нужно замѣтить, что пропускъ въ росписяхъ за 1788 — 1790 гг. упоминанія о доходахъ съ казенныхъ заводовъ представляется отличіемъ въ канцелярскомъ изложеніи бумаги, а не знаменуетъ собою фактическаго измѣненія. Во-первыхъ, никакого измѣненія въ управленіи казенными горными заводами за это время не произошло, — по крайней мѣрѣ въ Полномъ Собраніи Законовъ нѣтъ никакихъ указовъ, которые бы говорили объ этомъ ни тогда, когда въ росписяхъ исчезаетъ упоминаніе казенныхъ доходовъ, ни тогда, когда, съ 1791 г., по этой статьѣ снова является доходъ и съ казенныхъ заводовъ. Съ 1788 г., правда, одновременно съ пропускомъ упоминанія казенныхъ

---

[1]) *Сборникъ*, V, 225, 230; свѣдѣнія о десятинѣ за 1778—1781 гг. *Сборникъ*, V, 234, 241, 242, 248.

ГОДА.	Съ заводовъ казенныхъ, десятины и 4-хъ копѣечныхъ.	Отъ мѣднаго передѣла.	Отъ серебрянаго передѣла.	Всего.
1781	377.000+280.000	500.000	33.000	1.190.000
1782	357.000+280.000	1.015.000	33.000	1.685.000
1783	519.000+275.000	1.000.000	86.000	1.880.000
1784	515.000+274.000	1.000.000	301.000	2.090.000
1785	893.000	1.000.000	62.000	1.955.000
1786	923.000	1.000.000	102.000	2.025.000
1787	958.000	1.000.000	67.000	2.025.000
1788	258.000	1.000.000	—	1.258.000
1789	271.000	1.000.000	—	1.271.000
1790	274.000	1.434.000	—	1.708.000
1791	1.361.000	—	—	1.361.000
1792	1.054.000	—	—	1.054.000
1793	1.186.000	—	—	1.186.000
1794	1.002.000	—	—	1.002.000
1795	1.220.000	—	—	1.220.000
1796	1.325.000	—	—	1.325.000

заводовъ, доходъ горный вообще понизился (съ 2.025.000 р. до 1.258.000 р.), но точно такъ же онъ понизился въ 1791 г. сравнительно съ 1790 г., хотя въ 1790 г. не указанъ въ этой суммѣ доходъ съ казенныхъ заводовъ, а въ 1791 г. указанъ. Это уменьшеніе дохода объясняется, отчасти, общимъ финансовымъ и экономическимъ разстройствомъ послѣдняго десятилѣтія Екатерининскаго царствованія, отчасти, можетъ быть, какими нибудь особо неблагопріятными фактами спеціально въ горномъ дѣлѣ въ эти годы.

Доходъ отъ серебра составлялъ незначительную часть всей суммы горныхъ доходовъ: за тѣ 10 лѣтъ, для которыхъ свѣдѣнія наши достаточно полны, онъ далъ едва 1.140.000 р. при общей суммѣ горнаго дохода за эти годы въ 16.420.000 р., т. е. составилъ немногимъ менѣе 7%. Этотъ доходъ есть прибыль казны отъ обращенія въ монету серебра, добытаго въ ея рудникахъ—частной добычи драгоцѣнныхъ металловъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ еще не было. Серебряные рудники Россіи никогда не давали серебра много: съ 1703 г. по 1762 г. въ нихъ было добыто всего 2.003 пуд. серебра, или въ среднемъ 33 пуда въ годъ, съ 1763 г. по 1773 г., при усиленной и особенно удачной разработкѣ нерчинскихъ рудниковъ, начальникомъ которыхъ былъ въ это время генералъ В. И. Суворовъ, отецъ знаменитаго полководца, добыто было 4.353 пуда—въ среднемъ 394 п. за годъ; далѣе добыча серебра опять значительно пала [1]). Серебро стоило тогда около 750 руб. за пудъ [2]) — слѣдовательно 6.356 п., добытые по 1773 г., представляли собою рыночную цѣнность въ 4.748.932 р., или въ годъ до 1763 г. среднимъ числомъ получалось серебра на 25.000 р., а въ 1763—1773 гг. на 300.000 р. [3]). Между тѣмъ, серебряной монеты выпущено было за Екатерининское царствованіе на 66 мил. рублей, т.-е. немногимъ менѣе, чѣмъ по 2.000.000 р. въ годъ [4]); большую часть необходимаго серебра казна получала изъ таможенныхъ сборовъ, въ опредѣленныхъ случаяхъ обязательно уплачивавшихся иностраннымъ серебромъ (ефимками), отъ перечеканки котораго правительство получало свою выгоду, такъ какъ иностранное серебро принималось

---

[1]) *Чулковъ*, т. VI, кн. II, 618—620.

[2]) По указамъ 1732, 1741, 1745 и 1767 гг.—Пол. Соб. Зак. №№ 91871 и 2914—цѣна серебра опредѣлена въ 19—19½ к. за золотникъ, т.-е. 18 р. 24 к. и 18 р. 72 к. за фунтъ или 729 р. 60 к.—748 р. 80 к. за пудъ.

[3]) За 1770 и 1771 гг. прибыльныя за золото и серебро деньги составляли 225.000 р. и 187.000 р. Сбор. мин. финансовъ. 1867 г., I, 216 и 357.

[4]) *Шторхъ*. Матеріалы, 781.

по оцѣнкѣ почти вдвое ниже его настоящей стоимости. Но, очевидно, не этотъ доходъ отъ перечеканки ефимковъ почти на 2.000.000 р. въ годъ, видимъ мы въ той рубрикѣ, по которой казна получала среднимъ по 120.000 р. въ годъ; доходъ отъ ефимковъ учитывали какъ таможенный доходъ, здѣсь же мы имѣемъ, конечно, доходъ отъ русскихъ рудниковъ.

Несравненно больше казна получала отъ мѣди—и эту часть горныхъ доходовъ мы, къ счастью, можемъ прослѣдить значительно полнѣе.

Мѣдь поступала въ распоряженіе казны прежде всего съ ея собственныхъ мѣдныхъ рудниковъ, на которыхъ добыча пуда мѣди обходилась въ началѣ 60-хъ годовъ не выше 2 р. за пудъ [1]), впослѣдствіи нѣсколько дороже; но казна сама добывала мѣдь въ недостаточномъ количествѣ, а значительно бо́льшую часть потребнаго ей количества металла получала по закону съ частныхъ заводовъ, которые обязаны были: 1) безплатно вносить въ казну десятую часть добытой ими мѣди, и 2) изъ остальнаго количества опредѣленную часть отдавать въ казну за установленную закономъ плату. Обязанность поставлять безвозмездно въ казну десятую часть добытой мѣди распространена на всѣ заводы указомъ 16-го января 1720 г., ранѣе этому обязательству были подвергнуты не всѣ заводы—напримѣръ, въ 1715 г. Демидовъ былъ избавленъ отъ этой „десятины“, за то, что „цѣну положилъ низкую“ за покупаемыя у него казной мѣдь и желѣзо [2]). Одно время при Петрѣ Великомъ всю добываемую заводчиками мѣдь брала у нихъ казна за установленную плату; въ 1741 г. разрѣшена вольная продажа мѣди; 25-го января 1755 г. въ вольную продажу разрѣшено выпускать только ¼ всей добытой мѣди, а ¾ обязательно было передавать въ казну, съ уплатою заводчикамъ по 5 р. за пудъ; 8-го апрѣля 1757 г. плата поднята до 6 р. за пудъ [3]), наконецъ, 17-го іюня 1764 г. установлена плата въ 5 р. 50 к. за пудъ; цѣна эта и держалась все Екатерининское царствованіе [4]). 28-го іюня 1780 г. сдѣлано облегченіе заводчикамъ: по цѣнѣ въ 5 р. 50 к. они обязаны были поставлять въ казну не ¾, а половину добываемаго ими количества, а манифестомъ объ учрежденіи государ-

[1]) *Чулковъ*, т. VI, кн. II, 547—617.
[2]) Пол. Собр. Зак., т. V, № 2904, стр. 155; т. VI, № 3487, стр. 117.
[3]) Пол. Собр. Зак., т. XI, № 8371; т. XIV, №№ 10499, 10717.
[4]) Пол. Собр. Зак., т. XVII № 12188.

ственнаго заемнаго банка, 28-го іюня 1786 г., все то количество, на какое заводчики впредь увеличать выплавку мѣди, противъ выплавки ея въ 1785 г., избавлено отъ обязательной уступки въ казну. Такъ какъ въ это время рыночная цѣна мѣди поднялась уже до 9 р. за пудъ — а къ 1795 г. достигла 11 р. 30 к. [1])—то это было довольно существенною льготою; но казна, въ свою очередь, почувствовала затрудненіе отъ необходимости пріобрѣтать мѣдь по высшей цѣнѣ. 23-го іюня 1794 г. въ виду затруднительности финансоваго положенія казны, десятина съ мѣди удвоена, т.-е. заводчики обязаны были поставлять безплатно уже не $^1/_{10}$, а $^1/_5$ выплавляемой ими мѣди [2]).

Въ теченіе Екатерининскаго царствованія было выпущено мѣдной монеты на 65.000.000 р., при чемъ монета чеканилась постоянно по 16 р. изъ пуда [3]) — слѣдовательно, обращено было мѣди въ монету 4.250.000 пуд. Казна получала бо́льшую часть мѣди по 5 р. 50 к. за пудъ, слѣдовательно, отъ пуда имѣла около 10 р. прибыли, а отъ всего обращеннаго въ монету количества получила до 43.350.000 р. прибыли, что въ годъ даетъ въ среднемъ 1.250.000 р., т.-е. почти ту самую сумму, въ какую опредѣлялся доходъ отъ мѣди за цѣлый рядъ годовъ; нѣкоторыя же колебанія тутъ совершенно неизбѣжны, въ зависимости какъ отъ количества выпускавшейся монеты, такъ и отъ стоимости ея выработки, которая колебалась тогда очень сильно, потому особенно, что работы велись не паромъ, а водою, и успѣшность и стоимость ихъ вполнѣ зависѣли отъ количества воды въ прудахъ уральскихъ заводовъ, количества, далеко не постояннаго.

Имѣющіяся у насъ данныя о количествѣ выплавлявшейся мѣди вполнѣ согласуются съ цифрами дохода, полученнаго по этой статьѣ. Въ 1767 г. выплавлено было мѣди 187.888 пудовъ [4])—десятины казна

---

[1]) *Шторхъ*, Матеріалы, 788.

[2]) Полн. Собр. Зак., т. XX, № 15025; т. XXII, № 16407, п. 28, стр. 624; т. XXIII, № 17225, стр. 532. Шторхъ, 789, ошибочно говоритъ, что въ 1794 г. вмѣсто 10% взимать 15%: взималось 20%.

[3]) *Шторхъ*, 784. Количество выпускавшейся по годамъ монеты довольно равномѣрно: менѣе 1 милл. было выпущено только въ 1796 г. — всего 352.000 р. и въ 1774 г.—739.000 р.—въ послѣднемъ случаѣ это объясняется пугачевщиной. За остальное время отъ 1 милл. до $1^1/_2$ было выпущено въ теченіе 6-и лѣтъ (1766, 1768, 1787, 1791, 1794, 1795), отъ $1^1/_2$ милл. за 2—въ теченіе 11 лѣтъ (1763, 1764, 1767, 1775, 1777, 1779, 1783, 1786, 1789, 1892), въ остальные годы выпускалось около $2^1/_3$ милл. Максимальные выпуски были въ 1771 и 1788 гг.—2.917.000 и 2.624.000 р. *Шторхъ*, 790—791.

[4]) *Сборникъ*, т. X, 369.

получила 18.788 п.—это безвозмездно — и половину остального количества — 85.000 п. по 5 р. 50 к., слѣдовательно, за 512.000 р. казна имѣла мѣди 103.000 пуд. — что въ монетѣ составляло болѣе 1.600.000 р., такъ что, не считая издержекъ обработки, казна получила бы по мѣди 1.100.000 р. дохода — монеты было выбито въ 1767 г. на 1.900.000 р. [1])—для остального количества казна воспользовалась своими запасами мѣди или пріобрѣла металлъ покупкою. Въ 1774 г. выплавка мѣди понизилась: десятинной мѣди казна получила на 112.900 р., т.-е. отъ 29.200 до 32.400 п. [2]), но въ это время шла война и собирались съ заводчиковъ не $^1/_{10}$, а $^2/_{10}$ всего добытаго количества мѣди; изъ остального половину, т.-е. отъ 107 до 115.000 п. казна получила по 5 р. 50 к. — слѣдовательно, за 590—630 т. р. имѣла отъ 136.000 до 147.000 п. мѣди, которые по обращенію въ монету стоили бы до 2.200.000,—слѣдовательно казна получила бы дохода, не считая стоимости работы до 1.600.000 р.— но въ 1774 г., конечно, вслѣдствіе безпорядковъ на Уралѣ, выбито мѣдной монеты всего на 740.000 р. [3]). Наконецъ, въ 1794 г. десятинной мѣди казна получала приблизительно на 218.000—это видно изъ того, что на такую сумму увеличился доходъ, когда была взята не $^1/_{10}$, а $^2/_{10}$ добытой мѣди — отсюда видно, что общее количество добытой въ этомъ году мѣди оцѣнивалось приблизительно въ 2.000.000 рублей; но за этотъ годъ разсчетъ казенной прибыли сложнѣе, потому что мы не знаемъ, какъ велика была добыча мѣди въ 1785 г., и слѣдовательно, не можемъ опредѣлить, сколько казна получила по установленной цѣнѣ въ 5 р. 50 к. за пудъ и сколько по вольной, значительно болѣе высокой. Выбито мѣдной монеты въ 1794 г. было на 1.260.000 р. [4]). Что рыночная стоимость мѣди чрезвычайно возрасла, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшилось доставлявшееся ранѣе въ казну вольными промышленниками ея количество — объ этомъ мы узнаемъ изъ протоколовъ совѣта, въ которомъ было заявлено между прочимъ, что „покуда не вздорожали въ государствѣ всѣ вещи", мѣдь поставлялась въ количествѣ до 33.000 п. въ годъ, а въ 1791 г. — едва въ количествѣ 10.000 п.; „рудопромышленники объявили, что

---

[1]) *Шторхъ*, 790.

[2]) *Сборникъ*, XXVIII, 217; та или другая цифра получается въ зависимости отъ того, какъ оцѣнить десятинную мѣдь—по 5 р. 50 к. за пудъ, какъ остальную, или по 5 р. за пудъ, какъ иногда ее цѣнили—*Сборникъ*. т. X. 369.

[3]) *Шторхъ*, 790.

[4]) *Шторхъ*, 791.

по той цѣнѣ, по которой нынѣ платитъ имъ казна, производить поставки никакъ не могутъ; казна же, не получая нужнаго ей большого количества мѣди, лишается прибытка, приносимаго ей отъ передѣла сего металла въ монету" [1]). Но Совѣтъ въ данномъ случаѣ, замѣтивъ одно неудобство, не замѣчалъ, что онъ, такъ сказать, шелъ на встрѣчу другому неудобству. Вздорожаніе мѣди было обусловлено тѣми же общими причинами, которыя вызывали общее вздорожаніе вещей или, что то же, паденіе стоимости денегъ. Мѣдный рубль слѣдовалъ въ своемъ курсѣ бумажному и въ эти годы стоилъ уже не цѣлковый, а значительно менѣе, такъ что въ 1795 г. выпускъ мѣдной монеты являлся уже прямо убыточнымъ для казны: въ этомъ году рыночная стоимость мѣди была 11 р. 30 к. сер. за пудъ; вычеканивъ изъ пуда мѣди 16 р. монеты, казна выпускала деньги, внутренняя стоимость рубля которыхъ была 70,7 коп. сер., но мѣдный рубль, цѣнимый наравнѣ съ ассигнаціоннымъ, стоилъ въ это время въ народномъ обращеніи уже только 68,33 коп. сер., такъ что казна выпускала монету за стоимость низшую ея дѣйствительной стоимости на 2,5%—и въ 1794 г. понесла по этой операціи убытку 26.161 р. [2]).

Нѣкоторую часть горныхъ доходовъ составляли деньги, которыя собирались въ казну съ металлическихъ заводовъ по 100 р. съ каждой домны и по 5 р. съ мѣдиплавильной печи; эти сборы давали—первый отъ 7.900 до 8.900 въ годъ, второй — отъ 1.550 до 19.500 въ 1767—1775 годахъ [3]), и наконецъ—сборъ по 4 к. съ пуда выплавленнаго чугуна—за 1765, 1766 и 1767 гг. въ среднемъ этотъ сборъ составилъ 152.000; въ 1775 г. онъ достигалъ 172.000 р. — слѣдовательно, выплавлялось въ годъ отъ 3.800.000 п. до 4.300.000 п. чугуна [4]). Сколько выплавлялось въ дальнѣйшіе годы—не имѣемъ свѣдѣній. Но несомнѣнно одно: желѣзное производство не могло развиваться при общемъ финансовомъ и экономическомъ кризисѣ; какъ ни мало потребляется желѣза у насъ въ крестьянскомъ быту до сихъ поръ. все-таки именно потребленіе его крестьянами, благодаря численности этого класса потребителей, обусловливаетъ количество продаваемаго желѣза. Неоспоримо и въ XVIII вѣкѣ производство желѣза

[1]) *Архивъ Государственнаго Совѣта*, т. I, ч. 2, 579 — 981.

[2]) *Шторхъ*, 788—789.

[3]) *Сборникъ*, X, 369 и XXVIII, 217.

[4]) Тамъ же.

не могло развиваться, когда ухудшалось экономическое положеніе массы населенія; а это печальное явленіе несомнѣнно имѣло мѣсто въ послѣднія 10 лѣтъ Екатерининскаго царствованія.

Итакъ, вотъ какія—приблизительно—суммы поступали въ казну какъ горный доходъ:

Прибыли отъ передѣлки мѣди въ монету	около	1.250.000	р.	въ годъ
Сборовъ съ выплавляемаго чугуна . . .	„	150.000	„	„ „
Прибыли отъ передѣлки въ монету серебра	„	100.000	„	„ „
Сборовъ съ металлургическихъ заводовъ .	„	10.000	„	„ „
Всего слѣд. до	около	1.500.000	р.	въ годъ

Въ среднемъ это нѣсколько больше, чѣмъ тотъ средній доходъ, который мы можемъ опредѣлить за 1773, 1776, 1777 и 1781—1796 г. и который равняется 1.350.000 въ годъ; за все царствованіе нужно и еще его понизить—за время до 1781 г. горные доходы, вѣроятно, лишь постепенно дошли до 1.000.000 руб. и перешли его. Но именно эта разница еще болѣе подтверждаетъ достаточную правильность нашихъ разсчетовъ: въ росписи, какъ мы знаемъ, вносился чистый доходъ; слѣдовательно, валовой и долженъ былъ быть болѣе, мы же опредѣляли валовой доходъ для наибольшей части горнаго дохода—для дохода отъ мѣди. И если мы прибавимъ, что за 1769—1772 г. расходы на дѣланіе монеты высчитаны были въ 968.000—т. е. почти въ 250.000 ежегодно [1]), то, за исключеніемъ изъ цифры валоваго дохода расходовъ по производству, горный доходъ опредѣляется въ 1.250.000 ежегодно въ среднемъ—или чрезвычайно близко къ тому, въ какой цифрѣ выражается онъ въ финансовыхъ росписяхъ Екатерининскаго царствованія; бóльшей точности въ опредѣленіи цифръ государственнаго бюджета по статьѣ такой сложности и такой, вмѣстѣ съ тѣмъ, небольшой значительности по отношенію ко всему бюджету мы не можемъ достигнуть, да и не находимъ нужнымъ добиваться, въ соотвѣтствіи съ общими задачами нашего изслѣдованія.

Доходъ отъ обращенія мѣди въ монету въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онъ получался при Екатеринѣ, не имѣетъ ничего общаго съ прибылью отъ порчи монеты, къ чему прибѣгали часто въ XVIII в. и у насъ и въ другихъ государствахъ въ періоды финансовыхъ затрудненій казначейства. При Екатеринѣ весьма удачно было установлено отношеніе нарицательной стоимости мѣдной монеты къ истин-

[1]) *Сборникъ*, V, 229.

ной цѣнѣ металла въ ней: нарицательная стоимость была для первыхъ двадцати лѣтъ ея царствованія ровно вдвое выше истинной, для послѣднихъ же 10—15 лѣтъ отношеніе той и другой цѣнности еще сблизилось. Удобство этого отношенія доказано было самою жизнью: пока курсъ мѣдной монеты по отношенію къ серебряной опредѣлялся самостоятельно, а не въ зависимости отъ бумажнаго рубля, мѣдная монета, сравнительно съ серебряною, только разъ—въ тяжелый 1772 г.—упала на 3%, въ 1771 и 1773 она была ниже всего на 2%, въ 1774—даже равна цѣнности серебряной, а всѣ остальные годы до 1784 г.—ниже серебряной всего на 1% [1]); финансовыя затрудненія съ мѣдною монетою начинались при несравненно большемъ ухудшеніи внутренняго ея содержанія: у насъ при Алексѣѣ Михайловичѣ они возникли, когда пущена была въ обращеніе мѣдная монета съ отношеніемъ дѣйствительной стоимости къ нарицательной какъ 1 : 62; въ Швеціи въ годы финансовыхъ кризисовъ мѣдная монета была по стоимости металла почти въ 200 разъ ниже нарицательной стоимости, Фридрихъ II выпускалъ монету въ 300 разъ худшую ея нарицательной цѣны.

Можно думать даже, что правительство Екатерины II дѣлало ошибку,—или, по крайней мѣрѣ, принимало на себя ущербъ, котораго вполнѣ могло избѣжать—не понижая содержанія металла въ мѣдной монетѣ и продолжая чеканить все 16 руб. изъ пуда и тогда, когда пудъ мѣди стоилъ уже 10, а затѣмъ почти 12 руб. Правда, неопровержимо доказать правильность такого заключенія, пожалуй, нельзя—настоящее доказательство можно было бы извлечь только изъ данныхъ уже невозможнаго опыта; но, кажется, довольно вѣскія соображенія говорятъ въ пользу нашей мысли. Въ самомъ дѣлѣ: мѣдная монета обнаружила несомнѣнную и явную тенденцію слѣдовать въ своемъ биржевомъ значеніи за бумажнымъ рублемъ: съ 1787 г. несмотря на то, что содержаніе мѣдной монеты осталось прежнее, и рыночная истинная цѣна ея все повышалась,—она начала быстро падать по курсу на серебро, и притомъ падать соотвѣтственно паденію ассигнацій. Вотъ таблица, показывающая это:

	Курсъ ассигнацій:	Курсъ мѣдной монеты:
1786	98.	98.
1787	97.	97.
1788	92,6.	92,6.

[1]) *Шторхъ*, 790—791.

Курсъ ассигнацій:		Курсъ мѣдной монеты:
1789	91,7.	91,7.
1790	87.	87.
1791	81.	81,3.
1792	79.	79,3.
1793	74.	74.
1794	70,9.	71.
1795	69,3.	68,5.
1796	70,8.	70,5 [1]).

Мы видимъ полное совпаденіе, видимъ, что мѣдныя деньги послѣдовали въ своемъ паденіи за ассигнаціями даже тогда, когда рыночная стоимость ихъ оказалась выше курсовой. И это довольно естественно, хотя бы уже по одному тому, что ассигнацій въ теченіе 1786—1796 г. было выпущено на 112.000.000 руб., а мѣдной монеты—всего на 18.500.000 руб. И, намъ кажется, нѣтъ оснований сомнѣваться, что мѣдныя деньги совершенно также слѣдовали бы въ своемъ паденіи ассигнаціямъ и въ томъ случаѣ, если бы внутренняя стоимость ихъ нѣсколько понизилась: почему бы могли онѣ потерять сколько нибудь въ довѣріи—сравнительно съ фактически ничего не стоящими ассигнаціями—если бы сохранилось *прежнее* отношеніе въ данихъ металла къ нарицательной ихъ цѣнѣ? А такое сохраненіе давало бы возможность чеканить изъ пуда не 16 руб., а 20 по крайней мѣрѣ, строго же говоря—и 22 и даже 23. На 18.500.000 руб. мѣдной монеты по 16 руб. изъ пуда ушло 1.500.000 пудовъ мѣди—изъ нихъ правительство могло бы вычеканить не менѣе 23.000.000 руб. и слѣдовательно получить въ подкрѣпленіе казначейства до 5.000.000 руб. Весьма возможно, конечно, что сумма, полученная такимъ путемъ, была бы израсходована такъ же непроизводительно, какъ расходовались и другія, бо́льшія суммы, и сама по себѣ она не особенно значительна въ тогдашнемъ бюджетѣ. Но любопытно и характерно для тогдашнихъ дѣятелей, во всякомъ случаѣ, что вопросъ о возможности такого измѣненія цѣнности монеты даже не поднимался, а напротивъ—совѣтъ повидимому желалъ усиленной чеканки мѣдной монеты, все еще считая, что отъ нея казна получаетъ прибыль, въ то время какъ въ дѣйствительности эта операція уже стала прямо убыточною.

---

[1]) *Шторхъ*, 791 и 822.

VII.

Канцелярскіе сборы.

Всѣ остальные доходы, сверхъ разсмотрѣнныхъ нами, показывались въ финансовыхъ вѣдомостяхъ Екатерининскаго царствованія подъ названіемъ „неокладныхъ", или „неокладныхъ и оброчныхъ", или, наконецъ, „неокладныхъ временно вступающихъ", а на языкѣ офиціальныхъ актовъ того времени назывались вообще „канцелярскими". Первыя наименованія обозначаютъ эти сборы по способу поступленія ихъ въ доходы казны: неокладные просто—это такіе доходы—какъ напримѣръ почтовые, актовые, или сборы за повышеніе въ чинахъ,—которые непремѣнно должны были въ теченіе всякаго года вступать и сумму которыхъ приблизительно умѣли опредѣлить, неокладные временно вступающіе—это доходы болѣе случайные, какъ напримѣръ различные штрафные, которые могли по той или другой статьѣ и вовсе не поступать, или, во всякомъ случаѣ, поступали въ суммахъ неопредѣлимыхъ заранѣе. Наименованіе этихъ сборовъ канцелярскими объясняется обстоятельствами установленія большинства изъ нихъ. Въ 1704—1705 г.г., въ моментъ сильной нужды въ деньгахъ, Петръ Великій издалъ цѣлый рядъ указовъ, которыми повышены были существовавшіе и установлены вновь многочисленные сборы — съ бань торговыхъ и для домашняго обихода, съ лавокъ, амбаровъ, лавочныхъ мѣстъ, рыбныхъ ловель, мостовъ, перевозовъ, постоялыхъ дворовъ, съ заключенія разныхъ договоровъ и условій; угодья, даже составлявшія частную собственность, были обложены высокими поборами; всѣ рыбныя ловли и торговыя мѣста взяты повсюду на государя [1])—не всегда даже съ уплатою за нихъ по оцѣнкѣ—и сдавались въ пользованіе съ торговъ; если окрестные жители не хотѣли брать ихъ на оброкъ за сильно повышенную плату, это признаваемо было за дѣйствіе по сговору, на не взятыя мельницы и бани все-таки налагался высокій оброкъ, который и обязаны были мѣстные жители платить. Часть этихъ сборовъ была сразу передана въ вѣдѣніе Ижерской канцеляріи Меньшикова, другая—въ Семеновскую приказную палату, которая вскорѣ переименована была въ Ингерманландскую канцелярію.

---

[1]) Рыбныя ловли признаны снова собственностью частныхъ лицъ уже въ 1727 г., но только по манифесту 17 марта 1775 г. окончательно сложенъ съ нихъ оброкъ. Полн. Собр. Зак., т. XX, стр. 85, № 14275.

По имени этихъ двухъ учрежденій и назывались эти вновь установленные и существовавшіе ранѣе подобные имъ сборы [1]).

Этотъ источникъ доставлялъ нѣкоторый доходъ уже и въ московскомъ государствѣ; Петромъ Великимъ, въ годы тяжелой финансовой нужды, онъ былъ использованъ неблагоразумно сильно, а въ дальнѣйшее время пользованіе имъ было ближе всего къ тому, какъ пользовался имъ Петръ Великій. Въ группѣ канцелярскихъ сборовъ заключалось великое множество самыхъ различныхъ поборовъ. Въ Екатерининское время сенатъ признавался, что онъ не вѣдаетъ званія всѣхъ сборовъ; и мы не возьмемся представить полнаго ихъ перечисленія: въ ряду другихъ, несравненно болѣе важныхъ задачъ, чрезмѣрное вниманіе къ такому частному вопросу—до извѣстной степени объясняемое странностью, курьезностью нѣкоторыхъ изъ этихъ сборовъ—намъ казалось бы не столько дѣломъ ученой любознательности, сколько проявленіемъ своего рода научнаго любопытства; мы ограничимся сравнительно немногими замѣчаніями, достаточными, какъ намъ кажется, по мѣрѣ научнаго значенія практикуемаго теперь вопроса [2]).

Въ росписяхъ за 1769, 1773, 1776 и 1777 г. эти сборы показаны отдѣльно по 6 пунктамъ, затѣмъ—суммарно по 69 наименованіямъ, и еще не менѣе какъ по 11 статьямъ среди суммарнаго перечисленія другихъ сборовъ—тутъ, слѣд., имѣлось въ виду до 86 статей канцелярскихъ сборовъ; въ другихъ росписяхъ за 1763—1773 г.г. эти сборы указаны: въ двухъ пунктахъ суммарно по 24 и 29 наименованіямъ, отдѣльно—по 5 наименованіямъ, и еще въ пяти пунктахъ, изъ которыхъ въ одномъ не менѣе, чѣмъ по пяти статьямъ, въ другихъ—безъ всякаго указанія на ихъ число, но все же и тутъ имѣется въ виду не менѣе 73 наименованій [3]). Въ „вѣдомости о государственныхъ доходахъ за 1769 г." перечислены: неокладные сборы по 24 статьямъ—въ томъ числѣ соляные и таможенные,—неокладные временно вступающіе — по 54 ст., кромѣ того питейные откупщики собирали разныхъ сборовъ до 76 наименованій, въ числѣ коихъ зна-

[1]) Рядъ указовъ—за время 7 января 1704 г. по 17 мая 1704 и далѣе, по февраль 1705—Полн. Собр. Зак., т. IV, №№ 1954, 1956, 1959, 1965, 1966, 1968, 1969, 1972, 1977, 1981, 1983, 1994, 1995, 1998, 2006, 2007, 2011, 2035 и др.; ср. *Милюковъ*, Государственное хозяйство, 206—210.

[2]) П. Н. Милюковъ тоже долженъ былъ отказаться отъ задачи „прослѣдить финансовую дѣятельность Ижерской канцеляріи съ той отчетливостью, съ какой мы можемъ это сдѣлать относительно другихъ приказовъ"—Государственое хозяйство, 210.

[3]) *Сборникъ*, т. V, 221—233.

чительное количество тоже канцелярскихъ—тутъ, слѣдовательно, число ихъ превышаетъ 150 [1]).

Сборы эти измѣнялись чаще всѣхъ другихъ: уже Петръ нѣсколько ослабилъ первоначальную строгость своихъ распоряженій; при уничтоженіи внутреннихъ таможень въ царствованіе императрицы Елизаветы было отрѣшено 17 мелочныхъ сборовъ, связанныхъ съ внутреннею торговлею; создавались иногда и новые сборы этого рода, но значительно рѣже, а чаще уничтожались какіе нибудь изъ прежде существовавшихъ. При Екатеринѣ если не считать сборовъ, установленныхъ спеціально на время первой турецкой войны и уничтоженныхъ по заключеніи мира, только по манифесту о назначеніи жалованья всѣмъ штатнымъ установлены были—сверхъ повышенія нѣкоторыхъ прежнихъ сборовъ—четыре новыхъ сбора изъ числа канцелярскихъ, а затѣмъ, если не ошибаемся, происходили лишь повышенія нѣкоторыхъ сборовъ [2]). А когда правительство желало сдѣлать какое нибудь облегченіе финансовой тяготы подданныхъ, оно обыкновенно уменьшало или слагало какіе нибудь изъ канцелярскихъ сборовъ. Такъ, разные виды ихъ были уничтожены манифестомъ 17-го марта 1775 г. — по случаю празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, 28-го іюня 1777 г., 28-го іюня 1780 г. и 28-го іюня 1787 г.—въ годовщины восшествія Екатерины II на престолъ [3]). Всего болѣе сложено было сборовъ въ 1775 г.—именно по 24 статьямъ, на сумму до 165.000 руб. въ годъ; остальными упомянутыми манифестами уничтожены сборы менѣе значительные, по преимуществу—взимавшіеся не повсемѣстно; были и случайныя, отдѣльныя уничтоженія подобныхъ сборовъ—такъ въ 1792 г. уничтоженъ уцѣлѣвшій еще почему-то въ Архангельскѣ сборъ на нужды давно упраздненнаго военнаго приказа [4]). За всѣми этими сокращеніями къ 1782 г., когда было издано „Наставленіе уѣзднымъ казначеямъ", сохранились свыше 60-ти видовъ [5])

---

[1]) Государственный архивъ, XIX, № 15, изъ дѣлъ Козьмина № 9; ср. *Сборникъ Министерства Финансовъ*, 1867, I, 212—218.

[2]) Полн. Собр. Зак., т. XVI, № 11998, 15 декабря 1763 г. Установлены: сборъ съ герберговъ (гостиницъ для пріѣзжающихъ), *8%-й* сборъ съ протестованныхъ векселей—онъ вскорѣ отмѣненъ,—сборъ съ нѣкоторыхъ явочныхъ челобитенъ и сборъ съ купчихъ пропорціонально покупной суммѣ.

[3]) Полн. Собр. Зак., №№ 14277. 14625, 14649, 15024; 28 іюня 1782 г. былъ изданъ манифестъ, распространявшій права собственности владѣльцевъ земли на ея нѣдра.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 17.100, 7 февр. 1732.

[5]) Точнѣе говоря — считались канцелярскіе сборы по 60-ти статьямъ, въ нѣкоторыхъ же статьяхъ, быть можетъ, соединены по два или по три сбора.

повсемѣстно собиравшихся неокладныхъ доходовъ казной. Въ числѣ ихъ мы видимъ: 1) актовыя пошлины—17 наименованій [1]); 2) гербовыя пошлины [2]); 3) налоги, такъ сказать, промысловые—9 наименованій [3]); 4) доходы съ казенныхъ имуществъ и предпріятій—11 наименованій—тутъ почтовый доходъ и доходъ отъ продажи пороха и селитры, и отъ казенныхъ садовъ, и доходъ отъ продажи казенныхъ земель [4]); 5) разные узаконенные вычеты изъ жалованія служащихъ—4 наименованія [5]); 6) штрафныя деньги—по 11 разнымъ наименованіямъ [6])—и наконецъ 7) разные случайные доходы по 8 наименованіямъ [7]).

---

[1]) „Наставленіе"—Полн. Собр. Зак., т. XXI, стр. 506—567, № 15.405, 26 мая 1782 г. Перечисленіе неокладныхъ сборовъ въ § 7. Въ этомъ § всего 63 статьи—далѣе мы ихъ и приводимъ, указывая въ скобкахъ номеръ, подъ которымъ та или другая статья указана въ „Наставленіи"; ст. 3 и 4—сборы таможенные и отъ соляной продажи.

Актовые сборы: съ купчихъ, съ закладныхъ, съ выводныхъ, съ явочныхъ челобитень, съ исковыхъ челобитень, съ апелляціонныхъ челобитень (п.п. 5—10), печатныя пошлины (11), за печати „вѣсовыя" висячія (12), пошлинныя съ дѣлъ деньги (24), съ патентовъ, съ жалованныхъ грамотъ на деревни и дворы, съ дипломовъ, съ плановъ, выдаваемыхъ владѣльцамъ (28—31), съ вотчинныхъ дѣлъ на пергаментъ по полукопейкѣ съ четверти земли (33), за повышеніе чиновъ находящихся не у дѣлъ (45), съ покормежныхъ печатныхъ паспортовъ (49), за раздаваемыя старшинамъ печати (62).

[2]) За гербовую бумагу (50).

[3]) Съ герберговъ (25), съ русскихъ вейновыхъ водокъ (47), съ топорныхъ барокъ, съ пропуска въ Боровицкихъ порогахъ на судахъ клади, за Потерпѣльскихъ лоцмановъ, съ барокъ посаженныя, съ выгрузныхъ лодокъ (58—57), на содержаніе петербургской и московской дорогъ, съ извощиковъ по Эльтонскому тракту, на содержаніе мостовъ (60, 61).

[4]) За помолъ хлѣба на казенныхъ мельницахъ; съ рыбныхъ ловель, на вѣрѣ состоящихъ (1, 2), за проданныя и утраченныя разныя казенныя вещи, за проданныя съ казенныхъ садовъ овощи, за проданные приводные съ воровскими людьми и по воровскимъ дѣламъ пожитки, за проданныя конфискованныя имѣнія, за проданный приводный и пригульный скотъ, за проданныя земли, за проданные казенный порохъ и селитру, за проданныя книги и узаконенія (ст. 14—21); съ писемъ вѣсовыя (13).

[5]) Вычетныя на госпиталь, вычетныя на медикаментъ (51, 52); вычетныя за отпуски въ домы, вычетныя съ находящихся у дѣлъ за повышеніе чиновъ (58, 59).

[6]) Штрафныя по разнымъ дѣламъ (34), по корчемнымъ виннымъ (35), по корчемнымъ солянымъ, за держаніе воровъ и бѣглыхъ, за небытіе на исповѣди, за поднятыя на земляхъ мертвыя тѣла (36—39), за неплатежъ въ окладъ, удержаніе на рукахъ и съ выдачи напередъ казенныхъ денегъ процентныя (40), за потаенное вѣнчаніе съ раскольниковъ, за свозъ палаго скота, за непоставку въ срокъ рекрутъ, за завладѣніе государевой примѣрной землей (41—44).

[7]) Конфискованныя деньги, найденныя на дорогѣ деньги (22, 23), съ клейменія

За происхожденіемъ и развитіемъ всѣхъ этихъ сборовъ мы не будемъ слѣдить, а къ сказанному уже выше объ установленіи многихъ изъ нихъ прибавимъ лишь нѣсколько замѣчаній.

О происхожденіи многихъ изъ этихъ сборовъ и о размѣрахъ нѣ-

серебра, за пробу рудъ (26, 27), съ выпускаемыхъ изъ государства наслѣдствъ (32), за препровожденіе бѣглыхъ (46), рекрутскія складочныя (48), поклонныя съ ясашныхъ деньгами и звѣремъ (63).

Къ числу канцелярскихъ сборовъ должны быть относимы еще слѣдующіе сборы, отданные частью на оброкъ, частью на откупъ: съ казенныхъ мельницъ, съ рыбныхъ ловель, съ земель, съ торговыхъ бань, съ лавокъ, амбаровъ; кузницъ и другихъ казенныхъ строеній, съ клейменія извощичьихъ хомутовъ въ Петербургѣ и Кронштадтѣ и за содержаніе лодокъ на Ладожскомъ озерѣ—они перечислены въ „Наставленіи", § 6, п.п. 39—45, 51, 52.

По манифесту 17 марта 1775 г. сложены по 22 статьямъ 32 сбора, перечисленные въ *Сборникѣ*, XXVIII, стр. 217—118; изъ предложенныхъ къ сложенію *не* сложены только: за повышеніе въ чины (36)—онъ давалъ около 1775 г. со штатскихъ чиновъ 9.200 руб. — и сборы: (9 и 10)—за поднимаемыя мертвыя тѣла, давшій въ 1774—75 г. 206 руб., за площадное письмо, давшій 3 руб. 40 коп.; за то уничтоженъ мѣстами сохранившійся сборъ за разрѣшеніе вѣнчаться и дано общее право заводить повсюду кузницы. Въ финансовыхъ росписяхъ въ V т. *Сборника* встрѣчаемъ нѣкоторыя изъ уничтоженныхъ въ 1775 г. сборовъ и нѣсколько наименованій канцелярскихъ сборовъ, повидимому неточно выраженныхъ, ибо ихъ не встрѣчаемъ ни въ спискѣ уничтоженныхъ сборовъ, ни въ спискѣ сохранившихся—таковы, „съ морскихъ судовъ", „съ отпуска судовъ" и нѣкоторыя другія; сборъ съ клеймленія картъ, упоминаемый въ нѣкоторыхъ вѣдомостяхъ, затѣмъ исчезаетъ изъ нихъ—онъ предоставленъ былъ цѣликомъ Воспитательному дому.

Въ Сборникѣ Мин. Фин. 1866, III, 32—38 напечатана подробная вѣдомость о государственныхъ доходахъ. Слишкомъ длинно было бы приводить изъ этой любопытной вѣдомости всѣ свѣдѣнія, которыя она даетъ; замѣтимъ, что въ ней можно насчитать не менѣе 184 статей, по которымъ собирались канцелярскіе сборы, именно статьи: 25—31, 36—131, 136—217. Наиболѣе крупный доходъ давали сборы: конскихъ пошлинъ—36.000 руб., изъ нихъ 2.400 были въ недоимкѣ, съ мельницъ партикулярныхъ—57.280, изъ нихъ 21.300 въ недоимкѣ, съ рыбныхъ ловель—48.500, изъ нихъ въ недоимкѣ 13.250; съ лавокъ казенныхъ—44.280 и съ лавокъ владѣльческихъ—13.590 — въ недоимкѣ по обоимъ сборамъ—2.830 руб. всего; съ оброчныхъ земель—37.980, съ пустошей и пожень — 12.580, въ недоимкѣ по обоимъ сборамъ 16.500; съ домовыхъ бань—21.925, изъ нихъ въ недоимкѣ 13.061 руб.; съ купчихъ—353.000 руб., съ паспортовъ—31.000 руб., съ договоровъ — 22.400; вообще актовые сборы, по 25 статьямъ, съ 136 по 160, давали до 590.000 руб. Есть тутъ сборы въ 1 руб. 10 коп., 42½ коп., 10 коп., 70 коп., 50 коп. (ст. 41, 52, 67, 123, 162); есть тутъ сборы: „съ осмотра битыхъ"—17 руб. 53 коп. (ст. 178), „за прошеніе милостыни" 4 руб. 35 коп. (ст. 186), „за недосидѣніе въ присутствіи указанныхъ часовъ" — 11 руб. 90 коп. (ст. 189). „за недоловную про дворцовый обиходъ рыбу"— 144 руб. 21 коп. (ст. 205) и др.

которыхъ имѣемъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія. Въ проектѣ какого-то указа (около 1774 г.) отъ имени императрицы [1]) говорится: „открылось, что нѣкоторые государственные доходы установлены еще во времена царя Іоанна Васильевича и налагаемы были по мѣстамъ бывшими тогда частными правителями и разными присутственными мѣстами, имѣющими по удѣлу своему тѣ доходы въ своемъ вѣдомствѣ... Указъ же сената нашего, 1754 г. генваря 23-го состоявшійся, коимъ, въ силу имяннаго указа, отрѣшены внутреннія пошлины, привелъ оные въ большее еще замѣшательство, ибо, хотя упомянуты въ ономъ главныя статьи, къ сложенію опредѣленныя, но оныя заключали въ себѣ по мѣстамъ частью разныя названія, отчего и вышло то, что каждый не только губернаторъ, но воевода, сложилъ тѣ названія, которыя у него подъ тѣми статьями числились и которыя ему на тотъ случай пристойными показались, не давъ знать сенату какъ о сложенныхъ, такъ и о оставшихся названіяхъ. По соображенію же всѣхъ вышеписанныхъ извѣстій открылось, что по однимъ городамъ тѣ названія осталися въ числѣ государственнаго дохода, которыя по другимъ, подъ именемъ внутренней пошлины, сложены". Въ 1774—1775 г. Сенатъ обратилъ вниманіе, что мѣстами сбираются деньги и за право имѣть въ бортевыхъ лѣсахъ пчельный промыселъ—„но особливаго узаконенія на то нѣтъ, а собирается оный на основаніи камеръ-коллежскаго регламента пункта 16-го"—пунктомъ этимъ предписывалось камеръ-коллегіи изыскивать новые источники доходовъ; сборъ этотъ давалъ всего около 40 р. въ годъ; мѣстами производился до 1775 г. сборъ съ квасныхъ кадей, дававшій всего 18 р. въ годъ, на основаніи одного частнаго узаконенія 1712 г.; только въ двухъ мѣстахъ Тобольской губерніи сохранился сборъ съ „площаднаго письма", давалъ онъ въ годъ 3 р. 40 к. и собирался съ крестьянъ того мѣста, гдѣ были пищики, хотя давно уже никакого письма тамъ не было; сохранился до 80-хъ годовъ сборъ за поднятыя на землѣ мертвыя тѣла, по 4 р. $30^1/_2$ к. за каждое тѣло; сенатъ находилъ, что онъ производится по новоуказнымъ статьямъ 1668 г., и предлагалъ его сложить въ 1775 г.; но онъ былъ сохраненъ; мы не нашли въ Полномъ Собраніи Законовъ подъ 1668 г. такого указа, который бы можно было примѣнить къ нашему случаю; нашли лишь подтвержденное при Алексѣѣ Михайловичѣ повелѣніе временъ Годунова, чтобы взыскивать по 4 р. за мертвыя тѣла убитыхъ людей, за случайно же по-

[1]) Госуд. Архивъ, XIX, 15—особый листокъ.

гибшихъ или покончившихъ съ собою—не брать ничего. Въ гор. Вагѣ собирались еще въ 1774 г. „полоняничныя деньги" —*11 копѣекъ* въ годъ, въ Верхотурьи съ серебряной кузни получалось *20 к.* въ годъ, въ Илимскѣ съ брусяного точила—*40 к.* въ годъ [1]).

Изъ отдѣльныхъ видовъ канцелярскихъ сборовъ заслуживаютъ наибольшаго вниманія гербовые и актовые. Гербовыя пошлины были введены указомъ 23-го января 1699 г.; онѣ собирались въ видѣ платы за гербовую бумагу, употребленіе которой было сдѣлано обязательнымъ для нѣкоторыхъ опредѣленныхъ актовъ; въ 1699-же году дважды повышена была цѣна гербовой бумаги, въ 1700 и 1702 г. обязательное употребленіе гербовой бумаги распространено на нѣкоторые новые виды актовъ. Въ теченіе всего XVIII в., да и далѣе, шло постоянно повышеніе гербовыхъ сборовъ, которое достигалось частію включеніемъ новыхъ видовъ актовъ въ подлежащіе совершенію на гербовой бумагѣ, частію перечисленіемъ извѣстныхъ актовъ въ высшіе гербовые разряды или увеличеніемъ цѣны гербовой бумаги. При установленіи гербовой бумаги она была выпущена стоимостью въ 1 к., 2 к., 20 к., 50 к. и 1 р.; въ 1723 г. цѣна на всѣ сорта была удвоена; 15-го декабря 1763 г. -снова удвоена—бумага была съ этого времени въ 4 к., 8 к., 80 к., 2 р. и 4 р.; 3-го мая 1783 г. цѣна опредѣлена въ 10 к., 20 к., 2 р., 5 р. и 10 р., т. е. увеличена въ два съ половиною раза, а 23-го іюня 1793 г. опять цѣна всѣхъ сортовъ удвоена [2]) — такимъ образомъ въ теченіе царствованія Екатерины она удесятерилась.

Увеличеніе стоимости одного изъ гербовыхъ сборовъ вызвало у насъ возникновеніе налога на право передвиженія, или по крайней мѣрѣ появленіе его связано съ этимъ увеличеніемъ. Въ 1726 г. установлено было писать „покормежные пашпорты" на гербовой бумагѣ цѣною въ 1 коп.; въ такомъ незначительномъ размѣрѣ сборъ этотъ держался до 15-го декабря 1763 г. и вполнѣ оправдывался какъ простое возмѣщеніе расходовъ казны по выдачѣ этихъ документовъ. По манифесту 15-го декабря 1763 г. въ числѣ вновь установленныхъ на жалованье сборовъ встрѣчаемъ и усиленный сборъ съ покормежныхъ паспортовъ: теперь онъ явился уже не въ смыслѣ

---

[1]) *Сборникъ*, т. XXVIII, 213—218.

[2]) *Новицкій*, Историческое обозрѣніе законодательствъ о гербовомъ сборѣ въ Россіи—въ VI томѣ Трудовъ комиссіи, Высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборовъ. С.-Пб. 1863.

возмѣщенія расхода казны, а налогомъ на право пользоваться свободою передвиженія въ теченіе большаго или меньшаго промежутка времени: именно паспортъ на годъ стоитъ 10 к., на два года — 50 коп. и на три—1 рубль. Это былъ первый шагъ по тому пути, котораго потомъ такъ долго и съ такимъ вредомъ для народной экономической дѣятельности придерживалось правительство [1]).

Разнаго рода акты сопровождались пошлинами у насъ, какъ всюду, еще съ древнѣйшаго времени; но съ начала XVIII в., подъ давленіемъ острой нужды въ деньгахъ, все большее и большее число актовъ привлекается къ денежной оплатѣ ихъ въ пользу государства, причемъ единственная цѣль, преслѣдуемая въ этомъ случаѣ правительствомъ, было полученіе извѣстной суммы денегъ, хотя бы тѣмъ самымъ затрудняемы были акты весьма важные для населенія. Не вдаваясь въ подробности, которыя тутъ, можно сказать, безконечны, укажемъ слѣдующее: 7-го августа 1717 г. положено было брать по 3 к. съ четверти земли, достававшейся кому бы то ни было по наслѣдству. Уже само по себѣ это было условіе крайне неудобное, потому что большинство помѣщиковъ не знало точно количества принадлежащей имъ земли, между тѣмъ за утайку земли, слѣдующей къ оплатѣ, грозили штрафы. Но дѣло было запутано почти до крайности однимъ постановленіемъ межевой инструкціи, по которому владѣлецъ, не имѣвшій надлежащаго документа на землю, долженъ былъ заплатить по 3 к. съ десятины и не одинъ разъ, а столько разъ, сколько разъ земля эта перемѣнила владѣльцевъ, переходя по наслѣдству или завѣщанію [2]). По такому разсчету владѣлецъ, только что унаслѣдовавшій землю, которая была пожалована его прадѣду, долженъ былъ бы заплатить по 12 коп. съ десятины, между тѣмъ какъ тогда казенныя земли продавались по 1 р. за десятину—легко себѣ представить, возможно ли было для владѣльцевъ оплатить свои земли прямо одною восьмою ихъ стоимости [3])!

Столь же неразумно высоки были и другіе актовые сборы; такъ, съ купчихъ крѣпостей взимали сборъ въ 12% цѣны продаваемаго и только 17-го марта 1775 г. онъ пониженъ до 6%, а 28-го іюня 1785 г. — еще на 1%, до 5% [4]); существовалъ до 1775 г. крайне

---

[1]) *Новицкій*, Труды, VI, 12.

[2]) Межевая инструкція—Полн. Собр. Зак., т. XVII, № 12659, 25-го мая 1761 г. сл. гл. IX, п. 15—т. XVII, стр. 748.

[3]) Объ актовыхъ сборахъ—т. VI „Трудовъ“, вторая часть.

[4]) Полн. Собр. Зак., т. XX, стр. 87, № 14276.

стѣснительный сборъ съ завѣщаній, по 6 коп. съ десятины, а иногда—съ 1707 г. по 1719—брали и по 20 коп. съ десятины, хотя это было уже не по точному смыслу закона [1]). По указу 15-го декабря 1763 г. съ протестованныхъ векселей велѣно было брать въ казну 8%—это чрезвычайно стѣснительное условіе было, впрочемъ, отмѣнено черезъ 5 лѣтъ, потому что оно „усмотрѣно отяготительнымъ и въ коммерціи дѣлаетъ помѣшательство“ [2]). Упомянутый выше „четвертной“ сборъ съ земли отрѣшенъ 20-го іюня 1780 г., но съ обязательствомъ въ 4 года выправить узаконенные акты на владѣніе, подъ опасеніемъ, иначе, уплаты тѣхъ же сборовъ—и манифестами 1787 и 1797 гг. слагались недоимки по этой статьѣ—слѣдовательно сборы по ней числились,—окончательно они отрѣшены лишь при коронованіи Александра I [3]). Естественно, что нерѣдко дѣйствительная невозможность исполнить всѣ требованія закона вела ко всевозможнымъ уклоненіямъ отъ уплаты гербовыхъ и актовыхъ сборовъ, такъ что дѣло шло къ совершенно тому же результату, къ какому и во Франціи приводило подобное же неустройство актовыхъ пошлинъ—къ уменьшенію законно-оформленныхъ сдѣлокъ, со всѣми невыгодными послѣдствіями этого, къ чрезмѣрному отягощенію тѣхъ, кто не успѣвалъ или не умѣлъ уклониться отъ сборовъ, и къ вовсе незначительному доходу казны, при большомъ отягощеніи плательщиковъ...

Оригинальнымъ является сборъ съ топорныхъ барокъ. Въ древнее время „тесъ“, изъ котораго дѣлались суда, былъ въ полномъ смыслѣ слова „тесомъ“, ибо доски вытесывались изъ цѣлаго бревна, такъ что изъ каждаго выходила одна или самое большое двѣ очень толстыя доски. Суда оказывались поэтому слишкомъ тяжелыми, мало поднимали грузу, и вмѣстѣ съ тѣмъ истреблялось на нихъ слишкомъ много лѣсу. Петръ Великій обратилъ вниманіе и на это и старался вводить въ употребленіе пильныя доски. Но лѣсопильныя мельницы заводились очень медленно; въ 1748 г. были повторены напоминанія — заводить лѣсопильни и барки дѣлать не изъ топорнаго тесу; 3-го декабря 1762 г. изданъ былъ указъ о томъ, что 1-го января 1766 г. поставлено послѣднимъ срокомъ, послѣ котораго топорныхъ барокъ уже не будетъ разрѣшено дѣлать. Но это распоряженіе — въ Рыбинскѣ, по крайней

[1]) Полн. Собр. Зак., т. V, № 3099, 7-го августа 1719 г.

[2]) Полн. Собр. Зак., т. XVI, № 11988, п. 5; т. XVIII, № 13 197—15-го ноября 1768 г.

[3]) Труды комиссіи. т. VI, ч. II, 23—24.

мѣрѣ—вызвало такое упорное сопротивленіе, такъ обострило отношеніе между купечествомъ и лицами, которыя, полагаясь на упомянутое распоряженіе Сената, завели пильныя мельницы, что потребовалась мѣра, по тому времени, рѣдкая и чрезвычайная: отправленъ былъ въ 1764 г. въ Рыбинскъ флигель-адъютантъ, который не безъ труда утишилъ волненіе. Оказалось, что благодаря дешевизнѣ лѣса и дорогому и плохому устройству лѣсопилокъ, топорная барка обходилась почти на 50% дешевле барки изъ пильнаго тесу; суда, сдѣланныя изъ этого послѣдняго, правда, были легче на ходу, но отличались большею непрочностью: деревянные гвозди и разныя заклепки въ тонкомъ и неровномъ тесѣ плохо держались, онъ гнулся, суда расползались по швамъ. Купечество грозило прекращеніемъ торговли, если не ослаблена будетъ сила сенатскаго распоряженія, и было признано необходимымъ уступить; борьбу противъ топорныхъ барокъ, борьбу, разумѣется полезную въ сущности, продолжали установленіемъ особаго сбора съ барокъ топорнаго дѣла, благодаря которому онѣ становились не дешевле пильныхъ; кромѣ того было издано распоряженіе, что къ заграничному отпуску разрѣшался хлѣбъ, перевозимый только на баркѣ не изъ топорнаго тесу; но еще въ 80-хъ годахъ приходилось заботиться объ устройствѣ лѣсопилокъ и объ искорененіи топорнаго тесу [1]).

Вычеты за повышеніе чинами, иначе вычеты на медикаментъ или лазаретныя деньги, производились съ 1713 г.: этотъ сборъ постепенно тоже повышался и опредѣлился — въ 1716 и 1726 г. — въ размѣрѣ мѣсячнаго жалованья. Этотъ сборъ постоянно сохранялъ свое спеціальное назначеніе, оставаясь источникомъ средствъ для леченія недостаточныхъ служащихъ; вычетныя на медикаменты деньги и расходовались только на служащихъ того вѣдомства, въ какомъ деньги эти были собраны [2]).

Что касается поступленія въ казну канцелярскихъ сборовъ, то тутъ царила полная неясность и неопредѣленность, которая открывала широкій просторъ всевозможнымъ злоупотребленіямъ, какъ въ смыслѣ уклоненій отъ законами установленныхъ уплатъ, такъ и въ

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XII, № 9514—24-го октября 1718 г.; № 11719; № 11906 — 27-го августа 1763; № 12265, 15-го октября 1764 г.; № 15176, 25-го іюня 1781 г.; Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, Дѣла Правит. Сената по Камеръ-Коллегіи, № част. 10, общ. 3581.

[2]) *Ольхинъ*, С. А., Пошлины за повышеніе въ чинъ — Труды комиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ, т. XVII, С.-Пб. 1869.

смыслѣ произвольныхъ незаконныхъ поборовъ. Мы не будемъ и здѣсь стремиться къ полнотѣ, которая съ одной стороны едва ли достижима, съ другой навѣрно перевела бы насъ изъ области историко-экономическихъ наблюденій прямо въ область криминальную; мы опять ограничимся нѣсколькими примѣрами, достаточно краснорѣчивыми на нашъ взглядъ.

Канцелярскіе сборы поступали въ казну самыми различными путями: гербовые, актовые, вычетныя, доходы отъ казенныхъ имуществъ—получались въ соотвѣтственныхъ присутственныхъ мѣстахъ и ими пересылались въ камеръ-коллегію; нѣкоторые виды актовыхъ и оброчныхъ были сданы на откупъ виннымъ откупщикамъ; другіе оброчные вѣдались мѣстными воеводами, а затѣмъ казенными палатами. Правительство само сознавало, что нѣтъ никакихъ основаній къ сдачѣ на откупъ ни одного изъ канцелярскихъ сборовъ и что, напротивъ, „всемѣрно порядокъ требовалъ бы, чтобы они, яко подать, а не отъ казеннаго торга получаемая прибыль, особо собираемы были". „Но—говорится далѣе—понеже новыхъ сборщиковъ опредѣлить и вновь учрежденія и дѣла заводить надобно было бы, то на сей разъ оставляемъ оные съ питейными сборами, повелѣвая притомъ камеръ-коллегіи, чтобы во время сего 4-хлѣтняго откупа она о сихъ сборахъ точное расчисленіе учинила, разобравъ оные порознь, сколько съ каждаго поименно канцелярскаго сбора въ годъ казеннаго дохода, чтобы потомъ съ лучшею извѣстностью распоряженія о сихъ сборахъ сдѣлать было возможно" [1]). Уже одинъ фактъ передачи этихъ сборовъ въ руки откупщиковъ не предвѣщалъ ничего добраго ни для казны, ни для населенія; откупщики, разумѣется, не преслѣдовали ничего, кромѣ своихъ выгодъ; но сравненіе суммъ, поступавшихъ въ разные годы по этой статьѣ, свидѣтельствуетъ убѣдительно, что сколько нибудь замѣтнаго улучшенія не произошло и тогда, когда завѣдываніе перешло отъ откупщиковъ къ провинціальнымъ канцеляріямъ, а затѣмъ къ новымъ присутственнымъ мѣстамъ. На это есть довольно и прямыхъ и косвенныхъ указаній; вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1782 г. Сенатъ затребовалъ отъ малороссійской коллегіи вѣдомости, сколько нужно какихъ сортовъ гербовой бумаги для малороссійскихъ губерній—и въ отвѣтъ услышалъ, что съ 1750 г. по всей Малороссіи гербовая бумага выведена изъ употребленія по слѣдующему ордеру бывшаго тогда гетманомъ гр. К. Г. Разумовскаго:

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XVII. № 12414, манифестъ 1-го августа 1765 г.

„какъ при прежде бывшихъ гетманахъ во всѣхъ малороссійскихъ судебныхъ мѣстахъ гербовой бумаги не было, то, по издержаніи наличной гербовой бумаги, впредь присылки оной ни откуда не требовать, прошенія же принимать и дѣла производить по всей Малороссіи по прежнему обыкновенію на простой бумагѣ“. Сенатъ предписалъ ввести въ Малороссіи употребленіе гербовой бумаги, утверждая, что это не дѣлаетъ ни малѣйшаго предосужденія привилегіямъ области, и выражалъ даже надежду, что челобитчики „не сочтутъ въ тягость этотъ малый доходъ платить“, пользуясь судебными мѣстами, которыя всѣ учреждены на общегосударственныя средства. Такими разсужденіями Сенатъ ограничился; самый же фактъ, что 32 года цѣлая обширная область не несетъ извѣстнаго налога, законно утвержденнаго для всей страны, не вызвалъ ни порицанія, ни даже, кажется, удивленія Сената. Онъ, конечно, зналъ дѣло ближе, чѣмъ мы; до него, конечно, доходило многое, что до насъ не дошло—и потому, вѣроятно, *такой* безпорядокъ его не удивлялъ: въ 1821 г. гр. Гурьевъ свидѣтельствовалъ, предъ Государственнымъ Совѣтомъ, что „въ разныхъ губерніяхъ установился различный порядокъ въ исполненіи законовъ о гербовыхъ сборахъ и что даже въ разныхъ уѣздахъ одной и той же губерніи эти сборы производятся различнымъ образомъ“... [1]). Если могло оставаться 32 года незамѣченнымъ отсутствіе гербоваго сбора по тремъ губерніямъ, то можно ли сомнѣваться, что исчезали незамѣченными части его и въ другихъ случаяхъ.

Не лучше обстояло дѣло и со сборами съ оброчныхъ статей. Оброчныя статьи давали всего 600—700 тысячъ уже въ концѣ 80-хъ годовъ, послѣ многихъ указовъ о переоброчкѣ ихъ. Какова была эта переоброчка—выразительно свидѣтельствуютъ гр. Н. И. Панинъ и кн. А. А. Вяземскій. Гр. Панинъ въ 1765 г. писалъ, что многіе оброчные сборы состоятъ „въ удивительныхъ и совсѣмъ государственному доходу недостойныхъ окладахъ“, переоброчки же ихъ, произведенныя не смотря на указы далеко не вездѣ, сдѣланы „съ такимъ же удивленіемъ и недоинствомъ казеннаго сбора какъ и прежде... ибо нѣкоторыя мельницы, кладовыя, амбары, кузницы и прочее тому подобное по одной или нѣсколько больше копеекъ въ цѣлый годъ“. Кн. Вяземскій, въ 1785 г. писалъ, что въ Рязанской губерніи *48.292 десятины* сѣнныхъ покосовъ въ 1782 г. сданы были на два года по *15* р.

¹) Полн. Собр. Зак., т. XXI, № 15385, 493 — 495, 22 апрѣля 1782. *Новицкій*, Историч. обозрѣніе, стр. 15, 16, 23.

въ годъ, а въ 1784 г., при переоброчкѣ—на четыре года по 17 р. въ годъ... [1]). И такъ — съ одной стороны мы видимъ почти неимовѣрно низкую оброчную плату и весьма невысокую сумму всѣхъ доходовъ съ оброчныхъ статей; въ самомъ дѣлѣ: 600 — 700 тысячъ, собираемыхъ къ тому же за пользованіе доходными статьями, что значила эта сумма сравнительно съ 20 слишкомъ милліонами, которые собирались въ видѣ подушныхъ и оброчныхъ денегъ? Между тѣмъ мы имѣемъ множество самыхъ настоятельныхъ жалобъ на тяжесть всякихъ сборовъ, связанныхъ съ пользованіемъ оброчными статьями; наказы 1766 г. не только крестьянскіе, купеческіе, но и дворянскіе переполнены ими; постоянно слышимъ жалобы, что оброчныя статьи, давно уже запустѣвшія, все числятся въ окладѣ, что сдаются оброчныя статьи на оброкъ за слишкомъ высокую плату — одинъ наказъ утверждаетъ, что крестьяне, берущіе на оброкъ иныя мельницы, платятъ впятеро больше того, что получаетъ казна [2])—провѣрить точность этого указанія мы, конечно, не можемъ, но въ виду всего, что знаемъ мы о канцелярскихъ сборахъ, это не представляется маловѣроятнымъ. Неясность въ порядкахъ опредѣленія и взиманія этихъ сборовъ была такова, что въ Свіяжской провинціи собирался оброкъ за бани *не по рублю съ бани*, какъ бы слѣдовало, а по рублю *съ души*—какъ ни мало вѣроятенъ такой фактъ, выраженія наказа не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ существовалъ... [3]). Не мало жалобъ на злоупотребленія сборщиковъ конскихъ пошлинъ, т. е. пошлинъ, связанныхъ съ покупкою и продажею лошадей; онѣ опредѣлялись въ 5 коп. съ каждаго рубля цѣны лошади и еще 5 к. съ каждой лошади; сборщики не могли брать ни больше, чтобы не вредить населенію, ни меньше, чтобы не вредить другимъ сборщикамъ. Сборъ конскихъ пошлинъ былъ на откупу у винныхъ откупщиковъ; такъ какъ эти послѣдніе не имѣли надобности часто ѣздить по уѣзду, то покупка и продажа лошадей была запрещена гдѣ либо кромѣ нѣсколькихъ опредѣленныхъ торговыхъ селеній; до полученія квитанціи отъ сборщиковъ въ уплатѣ конскихъ пошлинъ покупщикъ не имѣлъ права пользоваться купленною лошадью. Легко себѣ представить, сколькимъ злоупотребленіямъ открывалъ путь такой порядокъ; конечно, не обходилось и безъ умышленныхъ притѣсненій и приди-

[1]) *Сборникъ*, т. XXVIII, стр. 110, 260.

[2]) *Сборникъ*, т. CXV, 242.

[3]) *Сборникъ*, т. CXV, 214; см. еще 226, 236, 242, 246, 407, 415, 438 и др.

рокъ; жалобы на стѣснительность этого сбора очень многочисленны [1]). Онъ давалъ до 100.000 въ годъ; Сенатъ отлично зналъ всѣ связанныя съ нимъ неудобства и думалъ объ отмѣнѣ его въ 1775 г.—но въ виду сравнительно большой его цифры не рѣшился этого предложить; сборъ былъ отмѣненъ 28-го іюня 1777 г.

Какъ собирались и расходовались разные мелкіе сборы въ провинціальныхъ канцеляріяхъ—объ этомъ можно составить представленіе, припомнивъ то, что выше сказано было нами о трудностяхъ, съ какими сопряжено было даже для сената добываніе какихъ либо отчетовъ и свѣдѣній о расходахъ. Повторимъ уже приведенный нами одинъ разъ примѣръ: въ 1764 г. кокшайскій воевода представилъ въ камеръ-коллегію отчетъ о сборѣ „гривенныхъ по указу 1742 г. денегъ на строеніе таможенъ и кабаковъ"—отчетъ не за треть, какъ это требовалось, и не за годъ даже, а за пять лѣтъ сразу. Собрано было 221 р.; воевода представилъ изъ нихъ въ разное время въ Свіяжскую провинціальную канцелярію 35 р., у себя на рукахъ имѣлъ 28 р., остальные 157 р. были употреблены въ дѣло по его личному усмотрѣнію, и при томъ 147—на строеніе кабаковъ, а 10—на содержаніе перевоза; нечего и говорить, что какихъ либо оправдательныхъ документовъ не было представлено... [2]).

Само собою разумѣется, что суммы, поступавшія въ казну отъ всѣхъ этихъ сборовъ, мы можемъ опредѣлить лишь очень приблизительно. Въ самыхъ вѣдомостяхъ показаны то суммарно нѣсколько канцелярскихъ сборовъ, то нѣкоторые изъ нихъ при какомъ нибудь другомъ. Тѣмъ не менѣе мы можемъ установить съ нѣкоторою вѣроятностью суммы, поступавшія въ казну—не надо, конечно, забывать, что по этимъ именно сборамъ особенно значительно различались суммы, платимыя населеніемъ, отъ суммъ, доходившихъ до казны, не въ силу какихъ либо неизбѣжныхъ затратъ казны на собираніе этихъ доходовъ, а въ силу крайняго ихъ неблагоустройства; говорить объ „издержкахъ собиранія" этого дохода въ томъ смыслѣ, какъ объ издержкахъ собиранія питейнаго, соляного дохода, конечно, нельзя; казна спеціально для ихъ полученія не затрачивала почти ничего; но тѣмъ не менѣе разница между тѣмъ, что платило населеніе по этому сбору, и тѣмъ, что доходило до казны, была особенно велика; мы думаемъ—не преувеличимъ, если скажемъ, что по крайней мѣрѣ

[1]) Тамъ же, стр. 103, 345, 396, 416, 436 и др.

[2]) Моск. Архивъ Мин. Юст., дѣла Сената по камеръ-коллегіи, вязка 259, № 7.

пятьдесятъ процентовъ того, что доходило до казны, оставалось въ карманахъ чиновниковъ.

Увѣренность, что наши опредѣленія дохода казны отъ канцелярскихъ сборовъ приблизительно вѣрны, мы основываемъ на томъ фактѣ, что по всѣмъ, хотя и отрывочнымъ, неполнымъ свѣдѣніямъ, мы наблюдаемъ постепенное и довольно равномѣрное повышеніе, повышенія же чрезмѣрныя или пониженія всегда могутъ быть объяснены.

Въ вѣдомостяхъ за 1764—1768 и 1770—1773 гг. [1]) мы за каждый годъ имѣемъ цифры дохода по слѣдующимъ рубрикамъ: „разныхъ сборовъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ"; „канцелярскіе 24-хъ наименованій", „съ топорныхъ барокъ",—въ суммѣ эти сборы доставили, въ тысячахъ рублей

въ 1764	675	въ 1770	1.270
„ 1765	990	„ 1771	1.350
„ 1766	1.100	„ 1772	1.375
„ 1767	1.300	„ 1773	1.500
„ 1768	1.468		

Сравнительно большое повышеніе въ 1765 г.—на 215.000, или почти на 30% противъ 1764 г.,—объясняется введеніемъ по указу 15-го декабря 1763 г. нѣсколькихъ новыхъ сборовъ и повышеніемъ многихъ прежнихъ,—указъ вступилъ не повсемѣстно въ силу сразу же, и потому сборы 1764 г. значительно ниже сборовъ 1765 г. Далѣе повышеніе идетъ въ размѣрахъ 12%, 18%, 16%. Въ 1770 г. сборы, сравнительно съ 1768 г. понизились,—конечно, въ зависимости отъ войны; далѣе они опять медленно повышаются, а въ 1773 г. снова падаютъ, безъ сомнѣнія въ зависимости отъ разыгравшихся въ предшествующіе годы внутреннихъ волненій.

Въ вѣдомостяхъ за 1769, 1773, 1776 и 1777 гг. мы находимъ свѣдѣнія о доходахъ „съ купчихъ", „отъ продажи земель", „за проданныя казенныя вещи" и „штрафныхъ за неплатежъ и удержаніе казенныхъ денегъ"—со всѣхъ этихъ статей получено въ тысячахъ

въ 1769	870	въ 1776	800
„ 1773	900	„ 1777	1.130

Тутъ тоже мы видимъ постепенное, небольшое повышеніе сборовъ; пониженіе въ 1776 г. объясняется, вѣроятно, льготами и про-

[1]) *Сборникъ*, т. V, 224—227.

щеніями въ силу манифеста 17-го марта 1775 г.; мы упоминали уже, что былъ пониженъ % съ купчихъ; и дѣйствительно, сборы съ нихъ, давшіе въ 1769 г. 353 т. и въ 1773—450 т., въ 1776 г. дали только 328 т. [1]).

За 1782—1795 г. мы имѣемъ уже болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о суммахъ канцелярскихъ сборовъ. За всѣ четырнадцать указанныхъ лѣтъ мы знаемъ доходы: почтовые, за пропускъ барокъ въ Боровицкихъ портахъ, за проданные порохъ и селитру и вычетные за медикаменты; вмѣстѣ они доставляли слѣдующія суммы, въ тысячахъ рублей:

въ 1782	365
„ 1783	551
„ 1784	539
„ 1785	571
„ 1786	663
„ 1787	784
„ 1788	951
„ 1789	908
„ 1790	1.064
„ 1791	1.424
„ 1792	1.458
„ 1793	1.275
„ 1794	1.638
„ 1795	1.442

По всѣмъ же канцелярскимъ сборамъ было получено, въ тысячахъ:

въ 1785	2.800	
„ 1786	3.000	(болѣе предш. на 7%)
„ 1787	3.400	(„ „ „ 13%)
„ 1788	3.750	(„ „ „ 11%)
„ 1789	4.000	(„ „ „ 8%)
„ 1790	4.550	(„ „ „ 13%)
„ 1791	4.476	(менѣе „ „ 2%)
„ 1792	4.500	(болѣе „ „ 1/4%)
„ 1793	4.250	(менѣе „ „ 5%)
„ 1794	4.900	(болѣе „ „ 15%)
„ 1795	5.700	(„ „ „ 16%)

[1]) *Сборникъ*, т. V, 230—233.

И такъ, въ общемъ мы видимъ постоянное, довольно равномѣрное возрастаніе этихъ сборовъ; это обстоятельство и заставляетъ насъ думать, что мы знаемъ довольно вѣрно суммы, поступившія отъ этихъ доходныхъ статей въ казну—или, точнѣе, что мы знаемъ приблизительно одинаковую часть ихъ. Замѣтимъ еще, что въ бюджетѣ эти доходы сохраняли мѣсто не рѣзко отличающееся въ разные годы: въ 1764 г. они доставляли около 700.000 р. при бюджетѣ въ 17½ милл. или около 3¼%; въ 1795 г. они составляли 5,7 милл. при бюджетѣ въ 71 милл.—это уже не менѣе 10%; но въ это время почтовый доходъ, въ 1769 г. дававшій едва 82.000 р., достигъ суммы 1.270.000 р., и за вычетомъ его, всѣ остальные канцелярскіе сборы, сохранившіе приблизительно такое же значеніе, какое имѣли они ранѣе, давали 4,5 милл.—т. е. около 6% [1]).

[1]) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ *Сборника*, тт. V и VI. Приводимъ здѣсь болѣе детально цифры этихъ сборовъ.

Почтовые доходы дали слѣдующія суммы въ 1769—82 т., 1773—105 т., 1776—159 т., 1777—164 т., 1782—181 т., 1783—182 т., 1784—218 т., 1785—226 т., 1786—275 т., 1787—405 т., 1788—499 т., 1789—577 т., 1790—709 т., 1791—875 т., 1792—971 т., 1793—796 т. (первый разъ пониженіе), 1794—1.188 т., 1795—1.069 т. (опять пониженіе); сборы на содержаніе почтъ—въ 1782—1784 давали отъ 91 до 93 т., въ 1784—126, 1785—168, 1786—151, 1787—155, отъ 1788 по 1792—отъ 171 до 176 т., 1793—189, въ 1794 и 1795—по 206 т. Сборы на устройство дорогъ давали: въ 1782—11 т., 1783—18 т., 1784—16 т., съ 1785 по 1795—по 20 т. р. За пропускъ съ барокъ въ Боровицкихъ порогахъ получалось въ 1781—1783 по 32 т., съ 1784 по 1795—отъ 41 т. до 71 т. За проданные порохъ и селитру получено было: въ 1790—8 т., въ 1789—16 т., въ 1784, 1785, 1793—1795—отъ 20 до 29 т.; въ 1782, 1786, 1791 и 1792—отъ 32 до 36 т.; въ 1781—44 т., 1787—58 т., въ 1788—69 т., въ 1783—97 т. За медикаменты показано въ 1781 и 1782 г.—8 т. и 4 т.; затѣмъ въ 1783—1786—отъ 106 до 129 т., въ 1787 и 1788—185 и 149 т., въ 1789 и 1790—82 и 91 т., въ 1791—253 т., въ 1792—1794—отъ 164 до 197 т. и въ 1795—74 т. Проценты, съ суммъ, занятыхъ въ банкѣ, отдѣльно показаны только за 1781—1786 гг. въ такихъ суммахъ: 126 т., 99 т., 51 т., 77 т., 110 т. и 99 т.; далѣе они показываются вмѣстѣ съ неокладными. Съ 1785 по 1795 г. самую крупную сумму въ этихъ доходахъ доставляютъ: неокладные и съ оброчныхъ статей, которые до 1790 г. показываются въ одной общей суммѣ, а съ 1791—отдѣльно. „Неокладные“ дали: въ 1791—2.043 т., 1792—2.015, 1793—1.838, 1794—2.271, 1795—3.326, 1796—3.216; оброчныя статьи за тѣ же годы дали: 607, 699, 705, 734, 775, 733 т., сравнительно съ неокладными они давали: 29%, 22%, 38%, 32%, 23% и 23%; за два послѣдніе года процентное пониженіе объясняется тѣмъ, что многіе неокладные сборы, особенно гербовые, были сильно повышены въ 1793 г., можно сказать, что оброчныя статьи давали приблизительно около трети того, что давали неокладные сборы. За 1785—1790 г. неокладные сборы и оброчныя статьи дали вмѣстѣ: 2.116 т., 2.227, 2.503, 2.506, 2.890, 3.181.—Сумма возрастаетъ чрезвычайно равно-

Значеніе всѣхъ этихъ сборовъ для населенія было ясно: они чрезвычайно тяготили плательщиковъ; объ этомъ свидѣтельствовали и депутатскіе наказы въ комиссіи 1767 г., и Мельгуновъ, говорившій въ своемъ докладѣ, что одна изъ ближайшихъ задачъ камеръ-коллегіи—уничтожить всѣ мелочные доходы, „которые наибольшее затрудненіе наносятъ", и обратить ихъ въ надежные, присоединивъ къ какимъ нибудь крупнымъ. Но ничего существеннаго въ этомъ направленіи сдѣлано не было и канцелярскіе доходы казны болѣе чѣмъ всѣ остальные, за исключеніемъ подушнаго, сохранили свой чисто фискальный характеръ; они служили только источникомъ дохода для казны, безъ всякаго соотвѣтствія съ тѣмъ, насколько существенны были для плательщиковъ тѣ выгоды, которыя ими оплачивались.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли было признавать сколько нибудь справедливою уплату казнѣ 8% съ цѣны протестованнаго векселя? Такой размѣръ платы почти граничилъ со штрафомъ, между тѣмъ онъ касался сдѣлки законной, а протестъ векселя еще не являлся вѣдь взысканіемъ долга; заимодавецъ могъ ничего не получить и послѣ протеста. Не менѣе несправедливо и вредно отдаленными своими послѣдствіями было взысканіе чувствительныхъ штрафовъ за владѣніе землею безъ законныхъ документовъ. Не надо доказывать, что даже при полномъ желаніи землевладѣльца снабдить себя точными планами

мѣрно, особенно если принять во вниманіе, что за 1785—1786 г. банковые проценты — въ суммѣ 110 и 99 т.—показаны отдѣльно, а съ 1787 г.—они включены уже въ общую сумму неокладныхъ доходовъ. Принявъ указанный нами выше приблизительно разсчетъ неокладныхъ сборовъ и оброчныхъ денегъ, мы получимъ, что неокладныхъ сборовъ получалось: въ 1785—1.700 (приблиз.), въ 1786—1.750 (приблиз.), въ 1787—2.000 (приблиз.), въ 1788—2.000 (приблиз.), 1789—2.250 (приблиз.), въ 1790—2.500 (приблиз.); дальнѣйшія цифры приведены выше. Относительно состава этой суммы мы знаемъ всего менѣе. Лишь нѣкоторыя случайныя указанія опредѣляютъ намъ приблизительно размѣры поступленій по разнымъ статьямъ. Такъ, крѣпостныя пошлины въ 1769, 1773, 1776 и 1777 гг. давали 353 т., 450 т., 328 т. и 351 т. (*Сборникъ*, V, 230, 231); гербовый доходъ около 1780 г. составлялъ до 50.000 р. въ годъ (*Новицкій*, Труды комиссіи, т. V, 97)—затѣмъ цѣна бумаги была увеличена въ два съ половиною раза и доходъ этотъ не могъ не повыситься почти пропорціонально. Штрафныя деньги, не по всѣмъ статьямъ, за четыре выше названные года дали въ суммѣ почти 500.000 р., по годамъ приблизительно равномѣрно. Такимъ образомъ мы можемъ считать приблизительно: около 400.000 р. въ годъ крѣпостныхъ пошлинъ, около 100.000 — гербовыхъ и около 125—150.000 штрафныхъ— по этимъ статьямъ слѣдовательно получалось не менѣе 600.000 р.; - остальные 1.000.000—1.300.000 р. получались по всѣмъ другимъ перечисленнымъ выше, приблизительно 50-ти, статьямъ.

и другими надлежащими документами, это не всегда удавалось. Вся исторія генеральнаго межеванія свидѣтельствуетъ, насколько еще недостаточны были средства, какими располагало тогда русское общество для такого предпріятія, какъ точное обмежеваніе и измѣреніе земель. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если у насъ въ народѣ всегда мало было стремленія къ узаконеннымъ, оформленнымъ актамъ на поземельныя владѣнія, если еще за какія нибудь сто лѣтъ до разсматриваемаго періода чуть не единственнымъ способомъ опредѣленія границъ земельныхъ угодій были выраженія „куда соха, топоръ и борона ходили“, то стѣснительныя узаконенія о пошлинахъ, связанныхъ съ укрѣпленіемъ за собою земли, могли только поддерживать эту привычку и, безъ сомнѣнія, до извѣстной степени способствовали тому, что у насъ и доселѣ еще сравнительно такъ слабо развито уваженіе къ недвижимой собственности; тягость же ихъ увеличивалась еще тѣмъ, что большимъ сборомъ обложены были и завѣщанія, такъ что полное и окончательное утвержденіе за собою какого либо владѣнія обходилось въ сумму весьма чувствительную. И безъ сомнѣнія это было одною изъ причинъ тѣхъ многочисленныхъ ссоръ изъ-за наслѣдства, которыя бросаются въ глаза при изученіи быта русскаго общества XVIII в. и которыя иногда подавляли собою, можно сказать, всѣ другіе умственные интересы спорившихъ. Состояніе канцелярскихъ доходовъ казны въ Россіи XVIII в. представляетъ много сходнаго съ положеніемъ актовыхъ сборовъ во Франціи и притомъ именно съ худыми сторонами французскихъ порядковъ. И тутъ и тамъ нельзя не видѣть полной неспособности или, по крайней мѣрѣ, полнаго нежеланія правившихъ сферъ ввести сколько нибудь существенныя улучшенія. Конечно, улучшенія были тутъ не легки; нелегко замѣнить какой нибудь небольшой доходъ казны, тѣмъ болѣе, доходъ взимавшійся не повсемѣстно. Очень часто единственнымъ способомъ достигнуть улучшенія является въ подобномъ случаѣ просто отказъ отъ полученія этого дохода; обыкновенно казна не остается въ такомъ случаѣ въ убыткѣ, ибо тѣ же деньги поступаютъ часто по прежнему въ распоряженіе казны же, только путемъ, какой для себя находитъ наиболѣе удобнымъ плательщикъ, но путемъ, котораго заранѣе предвидѣть не удается, такъ что казна не проигрываетъ, но выигрываетъ плательщикъ; на этотъ способъ, однако, не рѣшались; достаточно ясный примѣръ съ торговлею солью для тогдашнихъ людей не былъ убѣдителенъ. Скажемъ въ защиту имъ, что и послѣ правительства очень рѣдко и съ трудомъ рѣшаются на пониженіе какихъ

либо получаемыхъ ими сборовъ, а несравненно чаще повышаютъ ихъ, хотя повышеніе налога нерѣдко ведетъ къ уменьшенію получаемаго дохода, а пониженіе—очень часто къ повышенію [1]); у насъ въ концѣ XIX в. блестящій, такъ сказать, двояко убѣдительный примѣръ въ этомъ родѣ былъ сдѣланъ въ желѣзнодорожномъ тарифѣ: наложеніе казеннаго сбора въ 15 и 20%—понизило доходъ казны, значительное удешевленіе тарифа—повысило этотъ доходъ. Но если подобные факты могутъ служить нѣкоторымъ оправданіемъ, то ничего нельзя сказать въ оправданіе того, что для упорядоченія этой отрасли дохода, когда всѣ ея недостатки сознавались, было сдѣлано такъ мало, что можно сказать—ничего не было сдѣлано...

VIII.

Бюджетъ обыкновенныхъ доходовъ въ царствованіе Екатерины II.

Теперь, на основаніи всего вышеизложеннаго, мы представимъ цифры и *валового и чистаго бюджета доходовъ* за каждый годъ екатерининскаго царствованія, т. е. укажемъ суммы, какія ежегодно вносились населеніемъ на государственныя потребности и на издержки собиранія, а затѣмъ—и *чистый* доходъ казны, т. е. тѣ суммы, какія оставались въ распоряженіи правительства. Степень точности цифръ, которыя мы теперь приведемъ, зависитъ, конечно, отъ точности тѣхъ цифръ, которыя мы извлекли изъ документовъ, и отъ вѣрности нашихъ исчисленій въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не находили цифръ въ своихъ источникахъ и опредѣляли ихъ приблизительно. Все, что мы могли привести въ объясненіе нашихъ разсчетовъ, сказано нами выше; читатель самъ рѣшитъ, насколько можетъ онъ на нихъ полагаться; здѣсь мы только въ самыхъ общихъ чертахъ напомнимъ, что и какъ нами использовано.

Прежде всего напомнимъ, что росписи доходовъ говорятъ вообще только о доходахъ чистыхъ; затѣмъ, что не по всѣмъ статьямъ и даже не за всѣ годы находимъ мы данныя въ извѣстныхъ документахъ; но несомнѣнно мы знаемъ всѣ важнѣйшія цифры и имѣемъ въ нихъ надежную точку опоры.

Сумму подушныхъ сборовъ, которые составляли постоянно не ме-

---

[1]) Примѣры. см. еще *Янжулъ*, Основныя начала финансовой науки, изданіе 3-е, 363—364.

нѣе 33% бюджета доходовъ, мы не знаемъ только за 6 годовъ—1774, 1775, 1776, 1778, 1779 и 1780—для опредѣленія ея въ каждый изъ этихъ годовъ мы поровну распредѣляли между 1774, 1775 и 1776 гг. тотъ приростъ въ суммѣ сборовъ, который наблюдается при сравненіи данныхъ за 1773 и 1777 г., такъ же опредѣлили сумму подушныхъ сборовъ и въ 1778, 1779 и 1780 г., на основаніи цифры ихъ въ 1777 и 1781 гг. Нѣтъ причины опасаться сколько либо крупной ошибки въ данномъ случаѣ: подушные сборы по самому своему существу не могли рѣзко измѣняться изъ года въ годъ, да и на дѣлѣ, за исключеніемъ лѣтъ, когда повышаемы были размѣры сборовъ, они не колебались болѣе чѣмъ на 3—4%.

Питейные сборы, которые доставляли приблизительно 25% бюджета доходовъ, неизвѣстны намъ лишь за одинъ годъ—1771; это—первый годъ второго откупного срока и, конечно, питейный доходъ въ немъ весьма близокъ къ доходу трехъ остальныхъ годовъ этого срока; такъ какъ за эти три года въ росписи внесена одна и та же сумма питейнаго сбора, то мы принимаемъ—и конечно, безъ опасности впасть въ крупную ошибку—ту же сумму и для 1771 г.

Сумму соляного сбора, который давалъ отъ 7 до 10% всего бюджета, мы знаемъ за 29 лѣтъ и—какъ видно изъ сказаннаго въ отдѣлѣ, посвященномъ солянымъ доходамъ — можемъ довольно точно опредѣлить поступленіе этого сбора и за тѣ года, за которые наши документы не сообщаютъ намъ его.—Таможенные доходы давали рѣдко менѣе 10% бюджета и цифры ихъ извѣстны намъ за всѣ года.

Итакъ—свѣдѣнія наши вполнѣ достаточны относительно тѣхъ статей, по которымъ получалось свыше 80% всего бюджета доходовъ; относительно статей бюджета, дававшихъ остальные 15—20%—свѣдѣнія наши уже далеко не такъ полны: цифры горныхъ доходовъ мы не знаемъ за 15 лѣтъ, цифры канцелярскихъ—за 14; кромѣ того, вообще наши свѣдѣнія объ этихъ сборахъ не настолько обстоятельны и точны, чтобы не допускать нѣкоторыхъ невѣрностей даже за тѣ годы, относительно которыхъ мы имѣемъ ихъ цифры; возможно, что какія-нибудь части этихъ доходовъ отъ насъ укрылись и что ихъ сумма въ дѣйствительности была больше, чѣмъ мы ее опредѣлили; мы не рѣшились бы утверждать, что не ошибаемся тутъ даже процентовъ на двадцать—не надо, конечно, забывать, что въ отношеніи къ общей суммѣ бюджета это всего 3—4%. Но мы, по крайней мѣрѣ, не можемъ сдѣлать ничего, чтобы уменьшить здѣсь вѣроятность ошибки, и успокаиваемъ свою совѣсть тѣмъ, что относительное значеніе этихъ

статей въ бюджетѣ не велико и что обыкновенно чѣмъ незначительнѣе статья дохода, тѣмъ труднѣе опредѣлить ее съ точностію.

Издержки собиранія, въ большинствѣ случаевъ, намъ пришлось высчитывать приблизительно; точно, изъ документовъ мы знаемъ издержки собиранія для питейныхъ сборовъ за 13 лѣтъ, для соляныхъ за 16, для таможенныхъ—за 23 года; за остальные опредѣляемъ предположительно, равно какъ предположительно опредѣляемъ издержки собиранія горныхъ и канцелярскихъ доходовъ. Мы не имѣемъ ничего прибавить къ изложенному выше въ своихъ мѣстахъ въ объясненіе того, какъ вычисляемъ мы издержки собиранія; здѣсь мы исходимъ изъ тѣхъ положеній, которыя старались обосновать тамъ; въ тѣхъ случаяхъ, когда на пространствѣ нѣсколькихъ лѣтъ наблюдается повышеніе процентнаго отношенія издержекъ собиранія сравнительно съ чистымъ доходомъ, мы принимали это повышеніе за постепенное, и соотвѣтственно этому опредѣляли сумму издержекъ за отдѣльные промежуточные годы; безспорно—это способъ не непремѣнно вѣрный въ каждомъ данномъ случаѣ, но въ общемъ онъ даетъ цифры, повидимому, близкія къ истиннымъ.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ въ виду того, что наши опредѣленія до извѣстной степени предположительны, мы ограничиваемся цифрами круглыми; звѣздочкой отмѣчены тѣ годы, за которые мы не имѣемъ точной цифры горныхъ доходовъ, почему она принята нами приблизительно; чтобы не загромождать текста излишнимъ количествомъ цифръ, большія подробности отнесены въ примѣчаніе.

Поступило путемъ податей и сборовъ:

	Всего дохода.	Въ томъ же году—*чистаго:*
въ 1763	18.550.000 р. (*)	14.535.000 р.
„ 1764	21.900.000 „ (*)	17.745.000 „
„ 1765	23.000.000 „ (*)	19.030.000 „
„ 1766	23.400.000 „ (*)	20.146.000 „
„ 1767	25.240.000 „ (*)	21.240.000 „
„ 1768	25.400.000 „ (*)	20.860.000 „
„ 1769	24.700.000 „ (*)	20.257.000 „
„ 1770	29.800.000 „ (*)	24.709.000 „
„ 1771	30.800.000 „	26.395.000 „
„ 1772	30.000.000 „ (*)	25.730.000 „
„ 1773	30.700.000 „ (*)	25.653.000 „
„ 1774	31.150.000 „ (*)	25.652.000 „

	Всего дохода.	Въ томъ же году—*чистаго:*
въ 1775	31.830.000 р. (*)	25.835.000 р.
„ 1776	32.100.000 „	26.189.000 „
„ 1777	32.600.000 „	26.186.000 „
„ 1778	36.100.000 „	28.120.000 „
„ 1779	36.900.000 „	28.382.000 „
„ 1780	38.400.000 „	27.442.000 „
„ 1781	40.160.000 „	28.745.000 „
„ 1782	41.600.000 „	31.619.000 „
„ 1783	42.700.000 „	31.583.000 „
„ 1784	51.100.000 „	40.524.000 „
„ 1785	49.720.000 „	40.082.000 „
„ 1786	51.300.000 „	41.261.000 „
„ 1787	54.900.000 „	44.716.000 „
„ 1788	54.050.000 „	43.666.000 „
„ 1789	55.300.000 „	44.328.000 „
„ 1790	59.000.000 „	45.704.000 „
„ 1791	59.400.000 „	44.406.000 „
„ 1792	58.700.000 „	43.125.000 „
„ 1793	57.940.000 „	41.330.000 „
„ 1794	59.200.000 „	42.698.000 „
„ 1795	71.960.000 „	55.115.000 „
„ 1796	73.110.000 „	55.406.000 „

На этомъ мы и закончимъ свое изученіе государственныхъ доходовъ въ царствованіе Екатерины II. Финансовое положеніе государства и, отчасти, экономическое положеніе страны выступитъ предъ нами рельефнѣе послѣ того, какъ мы разсмотримъ государственные расходы и образованіе внутренняго и внѣшняго долга, явившагося результатомъ превышенія расходовъ надъ доходами въ послѣднія 15 лѣтъ Екатерининскаго царствованія. Здѣсь повторимъ, что явные признаки чрезмѣрнаго отягощенія страны видны уже въ постоянномъ возрастаніи процентнаго отношенія издержекъ собиранія къ чистому доходу казны: въ первое десятилѣтіе издержки собиранія составляли приблизительно 15—17%, въ послѣднее же—почти 25% всей суммы, которую платило населеніе; иначе говоря—въ первое десятилѣтіе сумма чистаго дохода была *въ пять разъ* больше того, чего стоило ея полученіе, въ послѣднее же — лишь *втрое*; это, во всякомъ случаѣ — много; правда, во Франціи, предъ революціею, издержки взиманія

превзошли половину всѣхъ сборовъ съ населенія; но, конечно, это нимало не можетъ служить ни утѣшеніемъ, ни оправданіемъ. Несмотря на большую отяготительность этихъ затратъ для населенія и на полную безполезность ихъ для казны, не было принято никакихъ мѣръ къ лучшей организаціи этой важной стороны финансоваго управленія. Не можетъ быть признана сколько-нибудь удовлетворительною и вся система тогдашнихъ нашихъ государственныхъ доходовъ, преслѣдовавшая цѣли исключительно фискальныя и не содержащая ни малѣйшаго признака какихъ-либо попытокъ способствовать развитію народнаго богатства. Въ XVIII в. можно сказать только еще начиналась разработка вопросовъ политической экономіи и финансоваго права, во всякомъ случаѣ—разработка этихъ отраслей знанія только что пролагала себѣ путь въ сознаніе правящихъ классовъ и начинала отражаться въ законодательствѣ; потому едва ли не во всѣхъ европейскихъ государствахъ финансовая система опиралась на начала, которыя теперь признаны и наукою и практикою за неудовлетворительныя. Съ чего бы ни брать, только бы брать — это было лозунгомъ, девизомъ финансовой системы XVIII вѣка. И лозунгъ этотъ въ полной мѣрѣ примѣнялся въ Россіи. Можно сказать, что въ тогдашней нашей финансовой системѣ мы видимъ существованіе всѣхъ тѣхъ условій, которыя теперь признаются наукою нежелательными и вредными для государственнаго и для народнаго хозяйства. Ученіе о податяхъ, обезпечивающихъ государственные доходы, говоритъ, что раціональнымъ будетъ ихъ устройство только тогда, когда подати будутъ общими, равномѣрными, если ужъ не прогрессивными, когда онѣ будутъ падать на опредѣленный реальный объектъ. Мы видѣли, что въ Россіи XVIII вѣка подати были не общими, что наиболѣе крупная подать—подушная—не падала ни на какой реальный объектъ, что податное бремя не только не было распредѣлено равномѣрно, но падало непропорціонально тяжело именно на классы неимущіе.

Затѣмъ, предъ нами съ особенною яркостью выдвигается фактъ чрезвычайно медленнаго экономическаго развитія страны. Признаніе такого явленія, конечно, не новость въ изслѣдованіи по исторіи Россіи XVIII вѣка; но въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемъ неоспоримое подтвержденіе его. Всѣ сколько нибудь крупные факты въ экономической жизни страны непремѣнно отражаются въ устройствѣ податей; если не происходятъ въ нихъ какія либо измѣненія, то, по крайней мрѣрѣ, возникаетъ борьба за тѣ или другіе способы

обложенія; либо правительство само спѣшитъ воспользоваться вновь открывающимися источниками, изъ которыхъ можетъ оно извлечь доходы, либо его принуждаетъ обратить вниманіе на новые источники изсякновеніе старыхъ. Ничего подобнаго передѣлкѣ системы податей и повинностей въ Россіи съ самаго царствованія Петра Великаго мы не видимъ — и отсюда заключаемъ, что на пространствѣ почти столѣтія страна не развила сколько нибудь замѣтно своей экономической дѣятельности. Это было явленіе опасное, почти грозное. Возникали все новые и новые вопросы и задачи и во внутренней и во внѣшней политикѣ; для рѣшенія ихъ необходимы были средства, и объ этихъ средствахъ необходимо было заботиться. Конечно, все важное въ этой области связано было съ общими условіями тогдашняго нашего государственнаго быта и измѣненіе финансовой системы было немыслимо безъ важнѣйшихъ перемѣнъ вообще въ государственномъ нашемъ строѣ. Внимательное отношеніе къ финансовымъ и экономическимъ явленіямъ не могло бы не выдвигать и этого важнаго вопроса. Въ области финансовой мы всего менѣе видимъ энергической работы и у императрицы и у ея ближайшихъ и лучшихъ помощниковъ, и крупные недостатки тогдашняго внутренняго строя Россіи остались не исправленными, до нѣкоторой степени, конечно, въ зависимости отъ малаго вниманія къ вопросамъ финансовымъ [1]).

Н. Чечулинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Въ нижеслѣдующей таблицѣ приводимъ подробныя цифры бюджета доходовъ по разнымъ его статьямъ. Верхняя цифра показываетъ чистый доходъ казны по каждой статьѣ, нижняя—издержки собиранія; цифры, не заимствованныя непосредственно изъ какого-либо источника, а опредѣленныя нами, напечатаны курсивомъ. Цифра чистаго дохода за 1763 г. взята прямо изъ *Сборника*, т. XXVIII; въ число неокладныхъ доходовъ за 1796 г. включены 3.318.000 доходовъ по вновь присоединеннымъ провинціямъ. Тамъ, гдѣ мы только приблизительно знаемъ всю сумму сборовъ—тамъ мы распредѣляли ее на чистый доходъ и на издержки собиранія примѣнительно къ стоимости этихъ послѣднихъ за тѣ года, когда мы имѣемъ объ этомъ болѣе точныя свѣдѣнія.

ГОДА.	Подушныхъ.	Винныхъ.	Соляныхъ.	Таможенныхъ.	Горныхъ.	Канцелярскихъ.	Всего.
1763	5.667	4.376	1.510	1.997	*1.000*	*600*	14.535
		932	1.098	1.075		*300*	4.020
1764	9.119	4.016	1.576	1.957	*1.000*	675	17.745
		964	1.244	1.012		*330*	4.150
1765	9.376	4.198	1.605	2.453	*1.000*	990	19.030
		1.001	1.255	672		*500*	4.020
1766	9.580	4.339	1.725	2.802	*1.000*	1.100	20.146
		1.001	1.303	73		*500*	3.377
1767	9.770	5.081	1.698	2.790	*1.200*	1.300	21.240
		1.210	1.255	*290*		*650*	4.005
1768	9.712	5.081	1.700	2.298	*1.200*	1.468	20.860
		1.416	1.255	525		*750*	4.545
1769	9.375	5.081	1.439	2.492	1.200	1.270	20.257
		1.416	*1.080*	714		*650*	4.460
1770	12.168	5.923	1.900	2.860	1.200	1.350	24.709
		1.988	1.395	330		*700*	5.010
1771	12.238	*6.641*	1.905	1.110	1.375	3.136	26.395
		1.252	1.725	*550*	*750*	132	4.409
1772	12.219	6.641	1.570	*1.600*	1.150	3.150	25.730
		1.252	1.714		*600*	76	4.244
1773	12.180	6.641	1.586	*1.700*	*1.250*	2.998	25.653
		1.252	1.870		*600*	616	5.040

ГОДА.	Подушныхъ.	Винныхъ.	Соляныхъ.	Таможенныхъ.	Горныхъ.	Канцелярскихъ.	Всего.
1774	*12.220*	6.641	*3.400*	*1.800*	*1.400*	3.539	25.652
		1.452			*700*		5.500
1775	*12.275*	6.920	*3.400*	*1.900*	*2.300*	3.290	25.835
		1.750					6.000
1776	*12.325*	6.920	995	1.270	*2.500*	2.902	26.189
		1.900	*2.405*	*650*		222	5.900
1777	12.375	6.982	1.115	1.200	*2.700*	2.711	26.186
		2.100	*2.285*	*600*		518	6.400
1778	*12.625*	9.419	*3.500*	*1.800*	*3.000*	2.976	28.120
		2.800					8.000
1779	*12.885*	9.419	*3.600*	*1.800*	*3.150*	3.128	28.382
		2.900					8.500
1780	*13.045*	9.419	*3.700*	*1.800*	*3.400*	4.078	27.442
		3.000					9.000
1781	13.419	9.419	1.115	1.190	*3.650*	3.132	28.745
		3.100	*2.685*	*600*		1.252	11.421
1782	13.525	9.435	996	1.685	*3.900*	4.078	31.619
		3.200	*2.904*	*900*		457	9.261
1783	13.310	9.517	1.114	1.880	*4.050*	5.417	31.583
		3.250	*2.886*	*1.000*		*600*	11.241
1784	21.691	9.228	1.271	2.090	*4.050*	4.749	40.524
		3.570	*2.829*	*1.000*		626	10.590

ГОДА.	Подушныхъ.	Винныхъ.	Соляныхъ.	Таможенныхъ.	Горныхъ.	Канцелярскихъ.	Всего.
1785	20.184	9.051	1.267	4.825	1.955	2.800	40.082
		3.850	*2.933*	460	*1.000*	*1.400*	9.643
1786	20.261	9.228	1.271	4.866	2.625	3.000	41.261
		4.050	*3.029*	*540*	*1.000*	*1.500*	10.119
1787	22.366	9.613	1.267	5.445	2.625	3.400	44.716
		4.350	*3.133*	23	*1.000*	*1.700*	10.206
1788	22.767	9.419	1.010	5.462	1.258	3.750	43.666
		4.700	*3.490*	*600*	*800*	*1.800*	10.390
1789	22.789	9.613	1.021	5.634	1.271	4.000	44.328
		5.100	*3.430*	*620*	*800*	*2.000*	10.950
1790	22.702	9,419	758	6.567	1.708	4.550	45.704
		5.000	*4.040*	391	*1.000*	*2.200*	13.231
1791	22.749	8.608		7.212	1.361	4.476	44.406
		6.200	*5.000*	*800*	*800*	*2.200*	15.000
1792	22.745	8.598		7.228	1.054	4.500	43.125
		6.943	5.470		*800*	*2.200*	15.613
1793	23.164	8.713		5.017	1.186	4.250	41.330
		6.933	5.774		*800*	*2.100*	16.607
1794	23.392	9.110		5.294	1.002	4.900	42.698
		6.908	5.287		*1.000*	*2.400*	16.595
1795	26.021	17.765		5.409	1.220	5.700	55.115
		6.611	5.435		*1.000*	*2.800*	16.846
1796	24.721	15.000		6.470	1.325	9.360	55.406
		7.000	5.236		*1.000*	*4.470*	17.706

ДРЕВНЯЯ ПЕРЕДѢЛКА НАЧАЛЬНОЙ ЛѢТОПИСИ.

I.

Такъ называемая 1-я Новгородская лѣтопись по спискамъ XV и XVI вѣковъ (второй редакціи) и нѣкоторые изъ позднихъ лѣтописныхъ сводовъ, пользовавшихся этою лѣтописью (Воскресенскій, Тверской), имѣютъ небольшое предисловіе, составленное въ началѣ XIII вѣка. Оно оканчивается словами: „мы же отъ начала Русвы земля до сего лѣта (=до настоящаго года) и все по ряду извѣстно да скажемъ, отъ Михаила царя до Александра и Исакія“ [1]). Здѣсь, очевидно, послѣдняя фраза поясняетъ первую, т. е. выраженіе „отъ начала Русвы земля“ толкуется выраженіемъ: „отъ Михаила царя“, а слова „до сего лѣта“—словами „до Александра и Исакія“. Только что названныя лица—какъ думаютъ, кажется, всѣ наши историки—не кто иные, какъ Алексѣй и Исаакій Ангелы, царствовавшіе вмѣстѣ въ Константинополѣ въ 1203 — 1204 годахъ, при занятіи Константинополя латинами, Исаакій, слѣпой, — какъ титулярный императоръ, Алексѣй, его сынъ,—какъ императоръ дѣйствительный. Значитъ, авторъ предисловія подъ „симъ лѣтомъ“ разумѣлъ 1203 или скорѣе 1204 годъ по нашему счету.

Гдѣ написано это предисловіе?

Всѣ наши историки отвѣчаютъ: въ Новгородѣ. Только одинъ г. Янишъ [2]) говоритъ, что оно „не вяжется“ съ Новгородскою лѣтописью.

---

[1]) Мы пользуемся текстомъ 1-й Новгородской лѣтописи въ изданіи Археографической коммиссіи, С.-Пб. 1888 г.

[2]) Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, М. 1874, стр. 30.

И дѣйствительно, предисловіе не имѣетъ никакого отношенія къ Новгороду.

Его заглавіе: „Временникъ, еже (есть) нарицается лѣтописаніе князей земля Руския, и како избра Богъ страну нашу на послѣднее время, и грады почаша бывати по мѣстомъ, преже Новгородская волость и потомъ Кыевская, и о поставленіи Кыева, како во имя назвася Кыевъ“.

Изъ словъ заглавія видно, что авторъ интересуется болѣе всего Кіевомъ; о Новгородской волости онъ упоминаетъ мелькомъ, какъ-бы лишь въ силу необходимости.

Начальныя слова предисловія говорятъ именно о Кіевѣ: „Якоже древле царь Римъ назвася и во имя его городъ Римъ; и паки Антіохъ: и бысть Антиохія великая; и паки Селевкій: и бысть Селевкія... Тако же и въ нашей странѣ (про)званъ бысть градъ великимъ княземъ (=для великихъ князей) во имя Кія“.

Далѣе въ предисловіи рѣчь идетъ исключительно о Кіевѣ XII—XIII вѣковъ: „куда же древле поганіи жряху бѣсомъ на горахъ, нынѣ паки туды святыя церкви златоверхія [1]) каменозданныя стоятъ, и монастыреве велици поставлени быша, и черноризецъ въ нихъ исполнено бысть“.

Слѣдующее за этими словами наставленіе, обращенное къ „стаду Христову“ и къ „братіи возлюбленной“, имѣетъ въ виду князей и ихъ дружину. Слова: „за наше несытство наведе Богъ на ны поганыя, а и скоты наши и села наша и имѣнія за тѣми суть“, находятъ себѣ наилучшее объясненіе въ разсказѣ Кіевской лѣтописи о взятіи и разграбленіи Кіева Рюрикомъ Ростиславичемъ при помощи половцевъ въ январѣ 1204 г. [2]).

Итакъ, предисловіе написано въ Кіевѣ, подъ вліяніемъ событій начала XIII в., и никакого отношенія къ Новгороду не имѣетъ.

II.

Начало лѣтописнаго разсказа въ 1-й Новгородской лѣтописи (второй редакціи) самымъ тѣснымъ образомъ связано съ предисловіемъ.

Оно сообщаетъ объ основаніи Кіева и наименованіи его по имени основателя. Объ этомъ говоритъ, какъ мы видѣли, и предисловіе.

---

[1]) Срв. въ Начальной лѣтописи подъ 1108 г.: „заложена бысть церкы святаго Михаила золотоверхая“ (Лаврент. списокъ).

[2]) Редакторъ послѣдняго изданія Лаврентьевскаго списка ставитъ здѣсь цифру года 1203, забывая о мартовскомъ счетѣ годовъ.

Затѣмъ, черезъ нѣсколько строкъ, въ немъ упомянутъ „царь Михаилъ". Предисловіе оканчивается словами: „отъ Михаила царя до Александра и Исакія".

Дальнѣйшее повѣствованіе 1-й Новгородской лѣтописи (съ 854 по 943 г.) посвящено князьямъ, ихъ дѣяніямъ, главнымъ образомъ въ связи съ Кіевомъ. Предисловіе говоритъ о „лѣтописаніи князей земля Руськія", о лѣтописномъ трудѣ, имѣющемъ въ виду прежде всего именно князей.

Слѣдовательно, начало 1-й Новгородской лѣтописи (до 943 г.) есть начало той лѣтописи, къ которой относится предисловіе и которая можетъ быть названа всего удобнѣе „Лѣтописью кіевскихъ князей" [1]).

Далѣе въ 1-й Новгородской лѣтописи находятся извлеченія изъ Начальной (Несторовой) лѣтописи [2]), и нѣтъ ничего, что бы намъ указывало на пользованіе Лѣтописью кіевскихъ князей, за однимъ исключеніемъ: разсказъ о битвѣ Ярослава съ Святополкомъ подъ 1016 г., повидимому, взятъ изъ послѣдней [3]).

Это заставляетъ предполагать, что Лѣтопись кіевскихъ князей была относительно коротка и суха, вообще (сравнительно съ Начальною лѣтописью) мало интересна, и жившій въ XIII вѣкѣ составитель первообраза 1-й Новгородской лѣтописи, компилируя разсказъ отъ начала Руси до бывшихъ ему извѣстными новгородскихъ событій XII вѣка, нашелъ возможнымъ заимствовать изъ нея только приступъ, ту часть, которая для него была болѣе подходяща, чѣмъ соотвѣтствующее длинное и разнообразное по содержанію повѣствованіе Начальной лѣтописи.

III.

Какъ относится Лѣтопись кіевскихъ князей къ Начальной лѣтописи?

Возьмемъ первыя строки первой: „живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ и странахъ, владѣюще кождо родомъ сво-

---

[1]) Между данными языка въ началѣ 1-й Новгородской лѣтописи по позднимъ спискамъ, подъ 922 г., можно отмѣтить цѣнный архаизмъ: имемся своихъ толстинахъ (мѣстн. п. безъ предлога; списки Начальной лѣтописи: своимъ толстинамъ, дат. п.).

[2]) Съ кое-какими вставками изъ новгородскихъ преданій и записей (о первомъ епископѣ новгородскомъ Іоакимѣ, объ сокрушеніи Перуна и т. п.).

[3]) Онъ находится также въ 1-й Новгородской лѣтописи по Синодальному списку (первой редакціи).

имъ". Здѣсь нѣтъ подлежащаго; если бы далѣе не было словъ: „и быша три братія, единому имя Кій...", мы бы пожалуй и не догадались, что рѣчь идетъ о кіевлянахъ-полянахъ. Сличеніе одного этого мѣста съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ Начальной лѣтописи не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что авторъ Лѣтописи кіевскихъ князей пользуется какъ источникомъ—Начальною лѣтописью. При своихъ претензіяхъ на изящество слога, онъ не всегда умѣетъ выражаться ясно. Вотъ простой, нескладный разсказъ Начальной лѣтописи: „Полямъ живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху поляне, и живяху кождо"...

Нѣсколько ниже въ Лѣтописи кіевскихъ князей читается опять нѣчто странное: „по сихъ лѣтѣхъ братія сія изгибоша, и быша обидими древляны и инѣми окольними". И здѣсь помогаетъ Начальная лѣтопись: „по сихъ лѣтѣхъ, по смерти братья сея, и быша обидими древлями и инѣми окольними". Слово „изгибоша" въ примѣненіи къ Кію съ братьями, находится въ Начальной лѣтописи далѣе, въ разсказѣ объ прибытіи въ Кіевъ Аскольда и Дира.

Еще ниже мы натыкаемся въ Лѣтописи кіевскихъ князей на неловкій оборотъ: „несоша козаре къ князю своему и старѣйшинамъ своимъ; князь же созва старѣйшины свои и рече имъ: се налѣзохомъ дань нову". И здѣсь Начальная лѣтопись даетъ нѣчто болѣе простое и логичное: „несоша козаре ко князю своему и къ старѣйшинамъ своимъ, и рѣша имъ: се налѣзохомъ дань нову". Какъ-будто авторъ Лѣтописи кіевскихъ князей считалъ необходимымъ возвысить роль князя.

Послѣ разсказа объ убіеніи Аскольда и Дира въ Лѣтописи кіевскихъ князей сообщается, что Игорь уставилъ дань давать варягамъ, „а отъ Новагорода 300 гривенъ на лѣто мира дѣля, еже не даютъ". Начальная лѣтопись (подъ 882 г.) приписываетъ установленіе дани Олегу: „отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше (Новгородъ) варягомъ". Авторъ Лѣтописи кіевскихъ князей не только возвысилъ роль Игоря за счетъ Олега (такъ какъ видѣлъ въ Олегѣ не болѣе какъ воеводу Игорева), но и сдѣлалъ очень неудачное сокращеніе конца приведенной нами фразы Нестора [1]).

[1]) Въ Никоновскомъ сводѣ это „еже не даютъ" превратилось въ „еже и нынѣ даютъ", откуда наши историки заключили объ составленіи первой лѣтописи (до-Несторовской) до 1054 г. *Ключевскій*, Курсъ русской исторіи, часть I, стр. 89.

Если ко всему этому мы прибавимъ сказанное въ предисловіи о Кіи: „егоже нарицаютъ тако перевозника бывша, инии же ловы дѣявша около города", основанное на двухъ извѣстныхъ мѣстахъ Начальной лѣтописи, то придемъ къ полному убѣжденію, что Лѣтопись кіевскихъ князей въ извѣстной намъ части ея представляетъ передѣлку Начальной лѣтописи.

Но авторъ Лѣтописи кіевскихъ князей не всегда повторяетъ Начальную лѣтопись. Онъ даетъ свою собственную хронологію, нѣсколько болѣе осторожную, чѣмъ хронологія Начальной лѣтописи. Онъ знаетъ кіевскія преданія въ иныхъ версіяхъ, чѣмъ авторъ Начальной лѣтописи. Кіевляне язычники представляются ему „жруще озеромъ и кладяземъ и рощеніемъ, якоже прочіи поганіи". Олегъ въ его разсказѣ—то воевода Игоря, то князь; онъ и Игорь называютъ себя Аскольду и Диру „подугорскими гостями"; Ольга происходитъ родомъ изъ Пльскова; Свѣнделдъ, воевода Игоря, беретъ городъ угличей Пересѣченъ [1]); Игорь даетъ древлянскую дань Свѣнделду; Ярославъ побѣждаетъ Святополка при помощи святополкова „мужа". Благодаря этому Лѣтопись кіевскихъ князей имѣетъ для насъ нѣкоторое значеніе.

IV.

Мы не знаемъ, въ какомъ видѣ составитель 1-й Новгородской лѣтописи ввелъ въ ея текстъ отрывки изъ Лѣтописи кіевскихъ князей. Если онъ болѣе или менѣе сократилъ эту послѣднюю, подобно тому какъ сократилъ Начальную лѣтопись, выпустивъ тѣ или другія менѣе важныя на его взглядъ свѣдѣнія, то мы имѣемъ право связать съ нею тѣ отрывочныя лѣтописныя извѣстія, которыя сохранились въ позднихъ сводахъ, между прочимъ въ Никоновскомъ, и которыя говорятъ о событіяхъ русской исторіи X—XII вѣковъ.

Срезневскій въ „Чтеніяхъ о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ" (стр. 26—31) и Сениговъ въ „Историко-критическихъ изслѣдованіяхъ о новгородскихъ лѣтописяхъ" (стр. 131—146) собрали вмѣстѣ эти раз-

---

[1]) Находящійся здѣсь разсказъ о переселеніи угличей отъ Днѣпра въ мѣста „межи Богъ и Днѣстръ" основанъ на разногласіи двухъ редакцій Начальной лѣтописи. По одной улучичи (въ спискахъ Начальной лѣтописи искаженныя названія: улучи, уличи, угличи и т. п.) вмѣстѣ съ тиверцами жили по Днѣстру, „присѣдя" къ Дунаю; по другой они находились по Днѣпру и Бугу. Объ пониманіи этого мѣста—см. въ нашей статьѣ въ „Чтеніяхъ" Историч. Общества Нестора-лѣтописца, кн. V.

сѣянныя по лѣтописнымъ сводамъ данныя. Большая часть ихъ— кіевскаго происхожденія.

Вотъ нѣсколько изъ нихъ, приходящихся на пустые года 1-й Новгородской лѣтописи.

Подъ 915 г. Придоша печенѣзи первое на Рускую землю и сотворивше миръ съ Игоремъ идоша къ Дунаю [1]).

Подъ 920 г. Игорь воеваше на печенѣгы.

Подъ 978 г. Побѣди Ярополкъ печенѣгы и возложи на нихъ дань.

Подъ 1018 г. А еже ихъ руками яша, то расточи Болеславъ по ляхомъ. А самъ вниде въ Кіевъ съ Святополкомъ и сѣде на столѣ Володимери. И тогда Болеславъ заложи себѣ на ложи Предславу, дщерь Володимерову, сестру Ярославлю.

Подъ 1043 г. Подробности о походѣ Владимира Ярославича съ Вышатою на грековъ.

А. Соболевскій.

---

[1]) Движеніе печенѣговъ къ Дунаю не могло быть выдумано позднѣйшими компиляторами. Оно, какъ извѣстно, соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности.

ГЕРБЕРТЪ СПЕНСЕРЪ, КАКЪ МЕТАФИЗИКЪ[1]).

Мм. Гг.! Оцѣнка дѣятельности нашихъ современниковъ подчиняется законамъ до извѣстной степени сходнымъ съ тѣми, которымъ подчинено зрительное созерцаніе близкихъ предметовъ. Извѣстно, что близкіе предметы нашего видѣнія кажутся намъ болѣе предметовъ отдаленныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ поле нашего зрѣнія охватываетъ меньшее количество предметовъ, то-есть, въ нашъ кругозоръ не входятъ многіе изъ тѣхъ, которые вошли бы въ него при большемъ отдаленіи. Точно также, оцѣняя близкихъ намъ по времени дѣятелей, мы склонны съ одной стороны преувеличивать ихъ значеніе, а съ другой—вовсе не замѣчать многихъ изъ нихъ, которые становятся, однако, замѣтными на большемъ историческомъ разстояніи. Оставляя теперь въ сторонѣ вторую изъ этихъ ошибокъ, мы можемъ относительно первой провести еще далѣе установленную нами аналогію. Мы способны возстановлять истинное отношеніе величинъ близкихъ и отдаленныхъ предметовъ чрезъ приложеніе къ нимъ, въ одинаковыхъ условіяхъ, одной и той же единицы измѣренія. Такую же одинаковую единицу измѣренія стараемся мы прилагать и для исправленія ошибокъ исторической перспективы; и эту единицу, хотя конечно менѣе точную, чѣмъ единица пространственнаго измѣренія, доставляетъ намъ сама исторія. Въ историческихъ событіяхъ есть въ извѣстной степени однозначущіе элементы, та или иная совокупность которыхъ создастъ нѣкоторую *величину*, служащую для измѣренія какъ самыхъ этихъ событій, такъ и участвовавшихъ въ нихъ личностей. Въ процессѣ развитія фило-

[1]) Рѣчь, читанная въ публичномъ собраніи Философскаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ 14-го декабря 1904 г.

софіи такими элементами являются оригинальныя, то-есть самобытныя, не заимствованныя, мысли. Правда, ихъ нельзя сосчитать также точно, какъ считаемъ мы дюймы или аршины. Но приблизительная ихъ совокупность позволяетъ намъ приблизительно же опредѣлять степень оригинальности разновременно жившихъ мыслителей и стало быть производить ихъ относительную оцѣнку независимо отъ вліянія ихъ близости или отдаленности отъ насъ по времени.

Тотъ мыслитель, память котораго, между прочимъ, какъ своего почетнаго члена, чествуетъ нынѣ Философское общество, особенно нуждается въ такой здравой и безпристрастной оцѣнкѣ своей дѣятельности; мы слышимъ голоса, ставящіе Герберта Спенсера въ рядъ величайшихъ мыслителей человѣчества; случается читать отзывы, приравнивающіе его къ Аристотелю. Но если это такъ, то воздадимъ же ему столь великую честь не по бѣглому, непровѣренному впечатлѣнію, не по сужденію популярной печати, а по строгой оцѣнкѣ исторической критики. Если же это не такъ, если историческая критика укажетъ ему въ философскомъ пантеонѣ болѣе скромное положеніе, то не лучше ли ему занять такое положеніе по праву, чѣмъ сыграть въ этомъ пантеонѣ роль самозванца? Наше уваженіе къ почившему мыслителю должно побудить насъ постараться воздвигнуть ему прочный и достойный его памятникъ въ нашемъ воспоминаніи. Постараемся же, чтобы на этомъ памятникѣ было ясными чертами изображено все то, чего онъ заслужилъ своимъ долговременнымъ и, прибавимъ, искреннимъ и добросовѣстнымъ служеніемъ дѣлу философіи. И если этотъ памятникъ окажется ниже по размѣрамъ нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ, то пусть это зависитъ отъ того, что есть голосъ болѣе сильный и справедливый, чѣмъ голосъ даже величайшихъ философовъ—голосъ исторической истины.

Для перенесенія оцѣнки ученія Герберта Спенсера на историческую почву имѣется, кромѣ того, особое частное основаніе. Нужно сказать, что англійская философія вошла въ наше сознаніе въ гораздо болѣе отрывочномъ видѣ, чѣмъ философія нѣмецкая. Долгое время ближайшее знакомство съ англійскою философіею и ограничивалось у насъ Джономъ Стюартомъ Миллемъ и Гербертомъ Спенсеромъ, вслѣдствіе чего оба названныхъ писателя заняли въ русской мысли положеніе первенствующихъ дѣятелей этой философіи. Между тѣмъ послѣдняя имѣетъ длинную исторію, въ которой и Милль, и Спенсеръ въ моментъ нашего ближайшаго ознакомленія съ ними представляли собою лишь послѣдніе этапы. Если обратиться къ основамъ

англійской философіи, къ тому, что можно назвать ея *метафизикою*, то окажется, что эти основы совершенно отчетливо положены въ ней гораздо ранѣе Милля и Спенсера, такъ что послѣдніе къ нимъ почти ничего не прибавили. Какъ *метафизикъ*, Дж. Ст. Милль повторяетъ основоположенія Юма, а Гербертъ Спенсеръ—основоположенія Рида и Гамильтона; но съ Юмомъ мы только недавно стали знакомиться ближе, а Рида и Гамильтона и теперь еще почти не знаемъ. Поэтому понятно, что оцѣнка метафизической оригинальности и Милля и Спенсера оказывается въ нашихъ сужденіяхъ крайне преувеличенною. Этому преувеличенію способствуетъ еще и то обстоятельство, что и Милль и Спенсеръ нашли себѣ опору въ мощномъ союзникѣ, котораго не хватало ихъ болѣе оригинальнымъ предшественникамъ. Оба они связали судьбу своей философіи съ тѣмъ, что казалось, а многимъ кажется и теперь, интересами опытной науки. Главнымъ средствомъ этой связи Милль избралъ дополненный и популяризованный имъ французскій позитивизмъ, а Гербертъ Спенсеръ—тотъ видъ эволюціонизма, наиболѣе рельефною представительницею котораго явилась теорія Дарвина. Получилось такое впечатлѣніе, что вотъ теперь, впервые, развертывается передъ нами истинно-научная философія, такая философія, которая не враждебна опытной наукѣ и не отрицается ею, какъ безплодное скитаніе ума въ заоблачныхъ сферахъ, но привѣтствуется ею, какъ ея союзница и завершительница. Но очевидно, что такой союзъ съ наукою самъ по себѣ еще не создаетъ новаго философскаго начала, а открываетъ лишь возможность болѣе широкаго пользованія началомъ, ранѣе установленнымъ.

Намѣреваясь сегодня характеризовать Герберта Спенсера, какъ метафизика, я имѣю въ виду изобразить вкратцѣ историческій генезисъ его „основныхъ началъ“ съ цѣлью выясненія какъ вообще внутренней цѣнности его метафизики, такъ и того, что внесено имъ самимъ въ эту область сравнительно съ трудами его предшественниковъ. Метафизика, какъ основная часть философіи, излагаетъ первыя начала бытія и познанія, то-есть включаетъ въ себя *онтологію* и *гносеологію*, ученіе о сущемъ и ученіе о познаніи. Съ сущимъ мы можемъ сноситься лишь чрезъ *познаніе*, а съ другой стороны возможность познанія, какъ существующаго, какъ факта, должна быть объяснена изъ свойствъ сущаго. Такимъ образомъ и онтологическая, и гносеологическая задачи равно не устранимы для метафизики, хотя въ разныхъ философскихъ ученіяхъ взаимоотношеніе этихъ задачъ весьма различно. Въ англійской философіи гносеологія является во-

обще не только исходнымъ пунктомъ, но и рѣшительно преобладающею частью метафизики, такъ что развитіе англійской метафизики опредѣляется почти исключительно рѣшеніемъ вопроса не о свойствахъ сущаго, а о его *познаваемости*. Это преобладаніе въ такой мѣрѣ типично для англійской философіи, что историческое значеніе даже тѣхъ изъ ея дѣятелей, которые приходили къ опредѣленному взгляду на свойства сущаго, оцѣнивается главнымъ образомъ не по ихъ онтологіи, а по ихъ теоріи познанія. Такъ, напримѣръ, положительная сторона онтологіи Беркли, его ученіе о томъ, что всякая субстанція и причина есть духъ, вообще говоря, мало интересуетъ историка; въ глазахъ послѣдняго главное значеніе Беркли есть значеніе переходной ступени отъ недовершеннаго эмпиризма Локка къ скептицизму Юма, то-есть значеніе гносеологическое. Этой общей тенденціи англійской метафизики вполнѣ соотвѣтствуетъ и метафизика Герберта Спенсера. Ея онтологическое содержаніе крайне немногосложно. Оно сводится къ тому, что явленія *имѣютъ безусловную или абсолютную первооснову, бытіе которой несомнѣнно, но свойства которой, какъ таковой, непознаваемы*. За симъ главною задачею Спенсера, какъ метафизика, и является доказательство того, что этотъ онтологическій тезисъ оправдывается теоріею познанія.

Въ исторіи англійской философіи этотъ тезисъ не новъ. Онъ составляетъ принадлежность того направленія, которое можетъ быть названо *умѣреннымъ эмпиризмомъ*. Основатель эмпиризма Локкъ училъ, что предметы опыта имѣютъ независимое отъ воспріятія субстанціальное существованіе, но что мы не въ состояніи отвѣтить на вопросъ— что такое субстанція. За симъ Беркли отвергъ существованіе внѣшней матеріальной субстанціи, а Юмъ распространилъ это отрицаніе на всякую субстанцію, чѣмъ вызвалъ защиту умѣреннаго эмпиризма со стороны Рида въ XVIII ст. и Гамильтона въ XIX ст. Гербертъ Спенсеръ самъ сближаетъ себя съ послѣдними двумя мыслителями, особенно съ Гамильтономъ, доказательствами котораго противъ познаваемости безусловнаго обильно пользуется въ своихъ „Основныхъ началахъ". Рида мало у насъ знаютъ и то, что знаютъ о немъ, не внушаетъ къ нему особеннаго уваженія. Его философію „здраваго смысла" считаютъ обыкновенно не болѣе какъ защитницею популярныхъ предразсудковъ и преданій, неуспѣшно пытавшеюся остановить побѣдное шествіе истиннаго, крайняго эмпиризма. Между тѣмъ въ философіи Рида есть одинъ пунктъ, имѣющій большую цѣнность въ развитіи теоріи познанія. Анализъ Юма, представляющій собою завершеніе на-

чалъ Локка и Беркли, свелъ все содержаніе познанія къ рядамъ и группамъ ощущеній, то-есть установилъ, что наше познаніе совершенно ограничено субъективными состояніями, что причинность и субстанціальность суть понятія мнимыя, и что слѣдовательно о сущемъ, какъ таковомъ, какъ независимой отъ насъ основѣ опыта, не можетъ быть и рѣчи. Это основоположеніе Юма и служитъ предметомъ критики Рида. И Локкъ, и Беркли исходятъ изъ того положенія, что предметами нашего познанія служатъ состоянія нашего сознанія, т. е. *идеи*. Юмъ нѣсколько измѣняетъ эту терминологію, сохраняя названіе „идей" для состояній воспроизводимыхъ, а ощущенія именуя „впечатлѣніями фактовъ". Но сущность дѣла остается и для него та же самая. Поэтому, употребляя слово „идея" въ его широчайшемъ смыслѣ, то-есть подразумѣвая подъ нимъ по примѣру Локка и ощущенія, Ридъ не измѣняетъ внутренняго смысла ученія Юма. Ридъ находитъ, что юмовскій скептицизмъ дѣйствительно не опровержимъ, если мы согласимся признать, что мы познаемъ въ концѣ концовъ только *идеи*, то-есть наши собственныя состоянія; потому что въ такомъ случаѣ познаніе *вещей* намъ совершенно недоступно. Но кто же уполномочилъ насъ *такъ* опредѣлять предметъ познанія? Испоконъ вѣка люди думали, что они познаютъ вещи; но является философъ и объявляетъ имъ, что этихъ вещей нѣтъ, а есть только идеи. *Что такое* эти „идеи", философъ не объясняетъ, такъ какъ онѣ объявляются данными элементарными, не подчиняющимися дальнѣйшему анализу. *Гдѣ* ихъ мѣстопребываніе, также остается неизвѣстнымъ; но ясно, что онѣ не находятся ни въ тѣлѣ и ни въ душѣ, такъ какъ и тѣло и душа въ концѣ концовъ также разлагаются на идеи. Равнымъ образомъ, совершенно невѣдомъ и *источникъ* идей; а между тѣмъ ихъ относительный, зависимый характеръ явно показываетъ, что онѣ не могутъ быть первоначальнымъ сущимъ. И вотъ, исходя отъ этого неизвѣстнаго *нѣчто*, неизвѣстно *гдѣ* находящагося и неизвѣстно *откуда* происходящаго, философъ отвергаетъ истину вѣковѣчныхъ убѣжденій человѣчества, убѣжденій въ бытіи внѣшняго міра и души, Бога, вообще всякой субстанціальности и причинности. Само собою разумѣется, что прежде, чѣмъ присоединиться къ такому выводу, мы должны тщательно провѣрить его посылки, то-есть разсмотрѣть, дѣйствительно ли мы въ правѣ согласиться съ тѣмъ, что всякій предметъ познанія есть не болѣе, какъ наша *идея*. Первичное, исходное дѣйствіе познанія есть *воспріятіе*. Стало быть, и первый вопросъ гносеологіи таковъ: *что составляетъ предметъ воспріятія?*

Скептикъ смѣло и рѣшительно отвѣчаетъ: предметъ воспріятія есть ощущеніе, то-есть наша идея. Но на чемъ основывается такой его отвѣтъ—на опытѣ ли или на какомъ нибудь предвзятомъ мнѣніи? Опытъ не можетъ дать такого отвѣта, такъ какъ по всеобщему опыту мы *воспринимаемъ вещи*, къ *которымъ относимъ наши ощущенія;* и если скептикъ скажетъ, что это убѣжденіе невѣрно, то онъ обязанъ указать такой еще болѣе первоначальный опытъ, который обнаружилъ бы, что *вещей въ дѣйствительности нѣтъ*, то-есть такой опытъ, который вопреки скептическому началу вывелъ бы насъ за предѣлы сознанія. На предвзятое же мнѣніе, не подкрѣпленное свидѣтельствомъ опыта, всего менѣе можетъ ссылаться такая философія, которая заявляетъ, что она опирается исключительно на опытъ. Такимъ образомъ ошибка юмовскаго скептицизма состоитъ, по мнѣнію Рида, въ неправильномъ анализѣ элементарнаго акта познанія. Юмъ полагалъ, что воспринимать значитъ не что иное, какъ имѣть ощущенія, которыя слѣдовательно и составляютъ исключительный предметъ воспріятія. Ридъ же указываетъ на то, что воспринимать значитъ имѣть предметомъ *вещь*, для которой ощущенія служатъ лишь средствами характеристики. Эта характеристика несомнѣнно субъективна, такъ какъ ощущенія суть состоянія нашей чувственности; но характеризуемый ими предметъ, то-есть воспринимаемая вещь, имѣетъ по всеобщему не искоренимому никакимъ скептицизмомъ убѣжденію объективное существованіе.

Ридъ не провелъ далѣе анализа понятія „вещи". Онъ считалъ это понятіе первичнымъ, и самый вопросъ о томъ, какимъ образомъ воспріятіе овладѣваетъ вещью или сносится съ нею,—не разрѣшимымъ. Но хотя его гносеологія является такимъ образомъ какъ бы недодѣланною, то, что имъ *сдѣлано*, составляетъ весьма существенный моментъ въ развитіи теоріи познанія. Въ какой степени этотъ моментъ существенъ, видно изъ того, что онъ, собственно говоря, составляетъ главное отличіе и въ ученіи Канта отъ ученія Юма. Отвѣчая на вопросъ, какъ возможно естествовѣдѣніе, т. е. познаніе природы, Кантъ очевидно интересуется не нашими ощущеніями, а *вещами* природы, ея *объективнымъ* строемъ, возникающимъ по законамъ чувственности и разсудка. Такимъ образомъ для Канта, какъ и для Рида, внѣшній опытъ есть не познаніе нашихъ *ощущеній*, а познаніе *вещей*, съ тѣмъ однако различіемъ, что Ридъ останавливается на понятіи вещи, какъ на неразложимомъ, а Кантъ находитъ возможнымъ построить понятіе вещи по апріорнымъ законамъ ума. Изъ сказаннаго видно, что введя

первый въ теорію опыта категорію *вещи*, которая ускользала отъ крайняго эмпиризма Юма, Ридъ ввелъ въ развитіе философіи весьма цѣнный моментъ, оставленный имъ, однако, безъ дальнѣйшей разработки.

Не наше дѣло въ настоящее время излагать и оправдывать то дальнѣйшее, послѣ Канта, развитіе нѣмецкой философіи, посредствомъ котораго понятіе объективной реальности природы, какъ образованной по апріорнымъ законамъ ума, вслѣдствіе освобожденія самыхъ этихъ законовъ отъ ограниченія сознаніемъ единичнаго недѣлимаго, привело Шеллинга, Гегеля и напослѣдокъ Гартмана къ возстановленію реализма уже на новомъ, трансцендентальномъ основаніи. Какъ бы мы ни относились къ послѣ-кантовской философіи, какъ къ прогрессу или какъ къ регрессу сравнительно съ ученіемъ Канта, это теперь для насъ безразлично, такъ какъ этой философіи Гербертъ Спенсеръ остался совершенно чуждъ. Онъ стоитъ въ данномъ вопросѣ на точкѣ зрѣнія Рида, твердо защищая то положеніе послѣдняго, что мы *воспринимаемъ не идеи, а вещи*. Но признавая Рида правымъ по существу, Спенсеръ находитъ его доказательства сказаннаго положенія неудовлетворительными. Спенсеръ говоритъ: „Какъ бы ни былъ Ридъ правъ въ своемъ убѣжденіи, нельзя про него сказать, чтобы онъ доказалъ свою правоту. Его *Изслѣдованіе человѣческаго ума* содержитъ не опроверженіе скептицизма, но лишь немногимъ болѣе чѣмъ выработанный протестъ противъ него. Въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи, *Опытахъ объ умственныхъ силахъ человѣка*, онъ продолжаетъ принимать за посылки то, что скептики отрицаютъ, какъ выводы“.

Эту оцѣнку Рида со стороны Герберта Спенсера нельзя признать справедливою. Если вникнуть въ тѣ доводы, которые Спенсеръ приводитъ въ защиту реализма въ VII части своихъ *Началъ психологіи*, то, оставляя въ сторонѣ преимущества, доставляемыя ему передъ Ридомъ воспослѣдовавшими въ промежутокъ времени между ними успѣхами опытныхъ наукъ, мы найдемъ, что собственно въ философской аргументаціи Спенсеръ не только не ушелъ впередъ сравнительно съ Ридомъ, но скорѣе ослабилъ силу этой аргументаціи. Прежде всего Спенсеръ почему то нашелъ нужнымъ предпослать своей защитѣ реализма полемику противъ той категоріи мыслителей, которыхъ онъ именуетъ *метафизиками*. Общее свойство этихъ „метафизиковъ“ состоитъ по его заявленію въ томъ, что они авторитетъ разума превозносятъ надъ авторитетомъ воспріятія. Эта довольно неопредѣлен-

ная характеристика не указываетъ ясно на то, какую именно категорію людей имѣетъ въ виду Спенсеръ. Есть вопросы, которые не только въ философіи, но и въ опытной наукѣ рѣшаютъ мышленіемъ, а не воспріятіемъ, и слѣдовательно такое рѣшеніе, по терминологіи Спенсера оказывается метафизическимъ. Правда, конечную повѣрку своихъ теорій опытная наука находитъ въ опытѣ; но едва ли можно найти и такую метафизику, которая умышленно отрицала бы право опыта служить конечною инстанціею для провѣрки результатовъ умозрѣнія, т. е. считала бы за истину то, что завѣдомо противорѣчитъ опыту. Если такое противорѣчіе возникаетъ, то или по незнанію, или по ошибкѣ. Но нельзя же сказать, что существуетъ категорія мыслителей, умышленно возводящая незнаніе и ошибку въ правило. Поэтому, для опредѣленія того, кого именно Спенсеръ называетъ „метафизиками", приходится обращаться къ частностямъ его полемики. Поступивъ такъ, мы съ удивленіемъ находимъ, что спеціально подъ наименованіемъ „метафизиковъ" Спенсеръ разумѣетъ Беркли и Юма. Такой пріемъ полемики едва ли можетъ быть одобренъ; потому что хотя быть метафизикомъ въ истинномъ и точномъ значеніи этого слова, т. е. изслѣдовать основоначала познанія и бытія, нисколько не предосудительно, но въ словоупотребленіи Спенсера этотъ терминъ служитъ для обозначенія чего-то ненаучнаго, неточнаго, произвольнаго въ пріемахъ мышленія и потому заранѣе ставитъ его философскихъ противниковъ въ неблагопріятное предъ читателями освѣщеніе. Не такъ поступалъ Ридъ, который высоко цѣнилъ философскую заслугу и Беркли и Юма именно по той причинѣ, что путемъ вполнѣ послѣдовательнаго развитія своего начала они побудили умы къ критикѣ этого начала и тѣмъ создали условіе для дальнѣйшаго прогресса философіи. Прибавимъ къ тому, что, относясь столь отрицательно къ этимъ „метафизикамъ", Спенсеръ повторяетъ въ своей гносеологіи существенныя части ихъ ученій. Беркли утверждалъ, что конечнымъ критеріемъ истины служитъ непреодолимое непосредственное свидѣтельство сознанія; то же говоритъ и Спенсеръ. Юмъ исходитъ отъ раздѣленія состояній сознанія на первоначальныя и воспроизведенныя; также поступаетъ и Спенсеръ. Не усматривая поэтому, чтобы нападки Спенсера на такъ названныхъ имъ „метафизиковъ" служили къ усиленію его возраженій въ защиту реализма, посмотримъ на самыя эти возраженія.

Въ пользу реализма, по мнѣнію Спенсера, можно прежде всего привести рядъ предварительныхъ доводовъ. Во-первыхъ, онъ есть убѣ-

жденіе *первоначальное*. Обычный постулатъ идеализма состоитъ въ томъ, что мы первоначально сознаемъ только ощущенія, а къ ихъ внѣшней причинѣ лишь умозаключаемъ. Но это не вѣрно. Какъ въ исторіи человѣка, такъ и въ исторіи человѣчества первоначальное убѣжденіе состоитъ въ томъ, что есть вещи, а понятіе о томъ состояніи души, которое именуется ощущеніемъ, возникаетъ лишь впослѣдствіи. Далѣе, реализмъ *проще* идеализма, такъ какъ первый предполагаетъ менѣе сложное свидѣтельство сознанія. За симъ преимущество реализма состоитъ въ большей *отчетливости*, такъ какъ онъ основывается на состояніяхъ воспринимаемыхъ, а идеализмъ на состояніяхъ воспроизводимыхъ, которыя болѣе смутны, чѣмъ состоянія воспринимаемыя. Всѣ эти доводы, только въ другихъ выраженіяхъ и комбинаціяхъ, можно найти и у Рида. Но эти предварительные доводы только *склоняютъ* насъ въ пользу реализма, а не доказываютъ окончательно его истины.

Если реализмъ долженъ быть доказанъ, то, по мнѣнію Спенсера, онъ долженъ основываться на нѣкоторой самоочевидной, уже недоказуемой далѣе посылкѣ. Критеріемъ истины такой посылки служитъ немыслимость ея отрицанія, т. е. совершенная невозможность разъединить въ ней подлежащее отъ сказуемаго. Если есть непроизводныя или первоначальныя сужденія, въ которыхъ такое раздѣленіе не можетъ быть осуществлено никакимъ усиліемъ мысли, то эти сужденія должны быть признаваемы нами за истинныя, безъ всякаго дальнѣйшаго доказательства. Это начало Спенсеръ именуетъ *всеобщимъ постулатомъ* и на немъ основываетъ доказательство реализма. Приведемъ его собственныя слова: „Какъ ни таинственнымъ кажется сознаніе чего-то, что внѣ сознанія, но изслѣдователь находитъ, что онъ утверждаетъ реальность этого чего-то въ силу верховнаго закона—онъ долженъ ее мыслить. Есть нерасторжимая связь между каждымъ изъ тѣхъ живыхъ и опредѣленныхъ состояній сознанія, которыя извѣстны, какъ ощущенія, и неопредѣленнымъ сознаніемъ, означающимъ родъ бытія внѣ ощущенія и отдѣльный отъ изслѣдователя. Если послѣдній схватываетъ свою вилку и суетъ себѣ въ ротъ пищу, то онъ совершенно не способенъ изгнать изъ своего ума понятіе чего-то, что сопротивляется употребляемой имъ силѣ; и онъ не можетъ уничтожить зарождающуюся мысль о независимомъ существованіи, отдѣльномъ отъ его языка и неба и сообщающемъ ему то вкусовое ощущеніе, которое онъ неспособенъ породить въ сознаніи своею собственною дѣятельностью. Хотя самокритика показываетъ ему, что онъ не мо-

жетъ знать, что такое это лежащее внѣ его, и хотя онъ можетъ придти къ тому выводу, что такъ какъ онъ неспособенъ сказать, что это такое, то оно есть фикція; но онъ открываетъ, что такая самокритика совершенно безсильна уничтожить сознаніе этого нѣчто, какъ реальности. Такимъ образомъ если бы даже не могъ быть данъ генезисъ этого сознанія, оно все же сохранило бы свою обязательность. Невозможно даже вообразить себѣ его ошибочность, не воображая себѣ отсутствія того начала сцѣпленія, которымъ связывается сознаніе" (Нач. психол. § 448).

Оба положенія, на которыхъ основываетъ Спенсеръ доказательство реализма, не новы въ философіи. Что всякое доказательство должно въ концѣ концовъ опираться на истины недоказуемыя,—это на множество ладовъ повторялось издавна мыслителями самыхъ разнообразныхъ направленій, и въ частности повторяется и Ридомъ. Я зашелъ бы слишкомъ далеко за предѣлы моей сегодняшней темы, если бы сталъ теперь разбирать вопросъ, на сколько это положеніе истинно. Но во всякомъ случаѣ, истинно оно или ложно, высказывая его, Спенсеръ не высказываетъ ничего новаго или оригинальнаго. Что же касается того, что такія первоначальныя, недоказуемыя истины основываются на непреодолимомъ свидѣтельствѣ сознанія, то съ особенною настойчивостью это положеніе защищается именно тѣмъ философомъ, противъ котораго Спенсеръ направляетъ главныя свои возраженія, именно Беркли. Но по Спенсеру выходитъ, что непреодолимое свидѣтельство сознанія удостовѣряетъ насъ въ бытіи независимой отъ насъ реальности, а по Беркли,—что оно удостовѣряетъ насъ въ ея отсутствіи. Уже такое рѣшительное противорѣчіе въ результатахъ примѣненія одного и того же критерія указываетъ намъ на его шаткость. И если мы съ другой стороны примемъ во вниманіе, какъ много занимались философы вопросомъ о независимой отъ сознанія реальности внѣшняго міра, и въ какомъ до сихъ поръ нерѣшенномъ положеніи этотъ вопросъ находится, то намъ уже заранѣе представится страннымъ утвержденіе Спенсера, будто для рѣшенія этой стародавней философской задачи достаточно сунуть въ ротъ кусокъ пищи.

Не находя теперь возможнымъ вдаваться во всю глубину вопроса о критеріи истины, я укажу лишь на тотъ источникъ, изъ котораго возникло у Спенсера, какъ ранѣе у Беркли, убѣжденіе въ самоочевидной достовѣрности непреодолимаго свидѣтельства сознанія, и на тѣ явныя несообразности, къ которымъ приводитъ приложеніе этого критерія, не будемъ уже говорить въ метафизикѣ, а даже въ точной на-

укѣ. Намъ говорятъ, что мы должны считать достовѣрными такія сужденія, въ которыхъ никакое наше усиліе не можетъ разъединить подлежащее отъ сказуемаго. Дабы не усложнять дѣла, оставимъ въ сторонѣ неопредѣленный характеръ этого „усилія", т. е. неясность для насъ, въ чемъ именно это „усиліе" должно состоять, въ мышечномъ ли напряженіи или собственно въ психическомъ актѣ и въ послѣднемъ случаѣ, въ какомъ именно. Нельзя однако не замѣтить, что самъ Спенсеръ былъ бы обязанъ поточнѣе выяснить этотъ вопросъ. Усиліе предполагаетъ нѣчто ему сопротивляющееся; а Спенсеръ неоднократно заявляетъ, что съ сопротивленіемъ неразрывно связана протяженность. Но неужели же тѣ сужденія, которыя сопротивляются всякому усилію расторгнуть ихъ, также протяженны? А если они не протяженны, то какія же свойства принадлежатъ оказываемому ими сопротивленію? Оставляя, какъ я сказалъ, въ сторонѣ этотъ неясный пунктъ, я ограничусь лишь разсмотрѣніемъ вопроса,— *что такое* представляютъ собой тѣ части сужденія, надъ разъединеніемъ которыхъ намъ предлагаютъ дѣлать усиліе. Вопросъ этотъ сводится къ тому разногласію, которое издавна раздѣляетъ умы въ области логики и теоріи познанія. Есть ли сужденіе въ концѣ концовъ, въ элементарномъ своемъ видѣ, лишь *сцѣпленіе* чувственныхъ составныхъ частей, т. е. ощущеній, или же оно есть единство *логическое?* А этотъ вопросъ сводится къ вопросу, суть ли термины сужденія образованія чисто чувственныя, или же они суть *понятія*, т. е. состоянія оформленныя умомъ. Послѣднее же возможно лишь при томъ условіи, если мы вообще допустимъ существованіе *понятій*, т. е. возвысимся надъ эмпиризмомъ и номинализмомъ. Мы видимъ, стало быть, что прежде, чѣмъ присоединиться къ критерію Беркли и Спенсера, намъ нужно рѣшить давнишній споръ между ученіями, отрицающими существованіе понятій, и ученіями, признающими ихъ. Спенсеръ отрицаетъ понятія, т. е. сверхчувственные элементы познанія, необходимость соединенія и раздѣленія которыхъ явствуетъ изъ логическихъ законовъ, а не изъ возможности или невозможности достигнуть его какимъ-то „усиліемъ" сознанія. Поэтому его критерій истины есть собственно критерій чувственной *непредставимости* въ сознаніи, сохраняющій силу лишь при томъ предположеніи, что наше познаніе и мышленіе не могутъ превзойти силу чувственной представимости. Но это предположеніе должно быть доказано, и пока такого доказательства нѣтъ, критерій непреодолимаго свидѣтельства сознанія есть нѣчто неопредѣленное и произвольное. Послѣдствія приложенія

этого критерія къ точной наукѣ даютъ несогласные съ ея выводами результаты. Такъ Беркли отрицалъ высшій анализъ и молекулярную физику, потому что они трактуютъ о непредставимомъ. Въ поясненіе приложенія своего критерія Спенсеръ часто приводитъ истины геометріи. Но кажется ясно, что никакимъ усиліемъ сознанія не можемъ мы *представить себѣ* такое пространство, относительно котораго не имѣла бы силы наша обычная геометрія. Между тѣмъ ученые мыслятъ и изслѣдуютъ *непредставимые* нами виды пространства, къ которымъ эта геометрія не приложима. Если бы совершенное единообразіе опыта приводило, какъ полагаетъ Спенсеръ, къ невозможности расторгнуть мыслію его данныя, то этого рода изслѣдованія не были бы возможны. *Гельмгольцъ* говоритъ: „Подъ весьма злоупотребляемымъ выраженіемъ „представлять себѣ"…. я понимаю—и я не вижу, что иное можно подъ нимъ понимать, не утрачивая всякаго смысла выраженія,—что возможно начертать себѣ рядъ чувственныхъ впечатлѣній, которыя имѣли бы мѣсто, если бы нѣчто такое происходило въ отдѣльномъ случаѣ. Но если вовсе не извѣстно чувственное впечатлѣніе, которое относилось бы къ такому никогда не наблюдавшемуся явленію, каково, напримѣръ, для насъ движеніе въ четвертомъ измѣреніи…. то невозможно и такое „представленіе". Эти слова великаго ученаго ясно выражаютъ ту истину, что для науки „непредставимое" вовсе еще не есть „немыслимое".

Для того, чтобы выяснить, насколько шатко приложеніе установленнаго Спенсеромъ критерія истины, обратимся теперь отъ его „Началъ психологіи" къ тому, что онъ говоритъ въ своихъ „Основныхъ началахъ". Доказательство того положенія, что первооснова явленій или, выражаясь общепринятымъ терминомъ, вещь въ себѣ, хотя не познаваема, но имѣетъ несомнѣнное бытіе, ведется тамъ инымъ путемъ. Если въ своей „Психологіи" Спенсеръ стоитъ на почвѣ, приготовленной Ридомъ, то въ „Основныхъ началахъ" онъ слѣдуетъ преимущественно руководству Гамильтона. Главное отличіе Гамильтона отъ Рида состоитъ въ томъ, что Гамильтонъ воспринялъ вліяніе Канта, въ особенности же той части его ученія, которая трактуетъ объ умозрительной космологіи. Гамильтонъ всецѣло присоединяется къ тому положенію Канта, что, восходя въ ученіи о мірѣ къ безусловному, мы запутываемся въ неразрѣшимыя противорѣчія. Поэтому Гамильтонъ полагаетъ, что *познаніе* наше ограничено лишь областью условнаго или опытнаго, безусловное же, которое онъ отожествляетъ съ Богомъ, составляетъ лишь предметъ *вѣры*.

Спенсеръ совершенно раздѣляетъ мнѣніе Гамильтона о непознаваемости безусловнаго, но отличается отъ него конечнымъ выводомъ; исходный же пунктъ своихъ разсужденій онъ излагаетъ въ „Основныхъ началахъ" особенно характернымъ для своей теоріи познанія способомъ. Отожествляя мыслимость съ чувственною представимостью, Спенсеръ различаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ представленія *полныя* и *неполныя*; первыя совершенно исчерпываютъ свои аттрибуты, вторыя же по сложности и размѣру своимъ не сопровождаются воспроизведеніемъ въ сознаніи всего своего содержанія, но бо́льшую его часть даютъ намъ символически, не адекватно. Такой символизмъ представленій полезенъ и необходимъ, поскольку мы въ состояніи удостовѣриться прямо или косвенно, что символически представляемое содержаніе соотвѣтствуетъ реальности; но если намъ не возможно обнаружить такого соотвѣтствія, то символическія представленія должны быть признаны ошибочными. Къ такой категоріи, какъ старается затѣмъ доказать Спенсеръ, относятся всѣ наши представленія о безусловномъ.

По поводу сказаннаго позволительно прежде всего спросить: существуетъ ли такая вещь, какъ *полное* представленіе, т. е. представленіе, вполнѣ исчерпывающее свои аттрибуты? На практикѣ, конечно, человѣку кажется, что его представленіе о данной вещи полно. Покупатель, требующій фунтъ чаю, полагаетъ, что онъ *вполнѣ* знаетъ, что ему нужно. Но онъ полагаетъ такъ по той причинѣ, что въ виду данной практической цѣли самъ ограничиваетъ свое представленіе о фунтѣ чаю минимальными предѣлами. Но попробуемъ составить *полное* представленіе о фунтѣ чаю. Фунтъ есть мѣра вѣса, а отдать себѣ отчетъ въ томъ, что такое вѣсъ, можно лишь на основаніи закона тяготѣнія. Мѣра вѣса предполагаетъ *взвѣшиваніе*, для полнаго представленія о которомъ требуется знаніе теоріи вѣсовъ и свойствъ всѣхъ тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ они дѣлаются. Чай получается изъ растенія путемъ извѣстнаго процесса производства. Изъ него приготовляется напитокъ путемъ образованія раствора въ извѣстныхъ приборахъ. Онъ оказываетъ такое-то физіологическое дѣйствіе. Пусть попробуетъ кто нибудь воспроизвести дѣйствительно *всѣ* астрономическіе, физическіе, ботаническіе, техническіе, хозяйственные, физіологическіе аттрибуты этого представленія со всѣми обуславливающими ихъ предыдущими, и ему навѣрное не хватитъ для того всей жизни. Такимъ образомъ то, что Спенсеръ называетъ *полнымъ* представленіемъ, есть для науки нѣчто несуществующее, но *всякое* представленіе при попыткѣ придать ему полноту приводитъ къ

символизму. Далѣе, гдѣ точное различіе того, что Спенсеръ считаетъ законнымъ и незаконнымъ символизмомъ? Законный символизмъ по его мнѣнію получается тогда, когда данный аттрибутъ, представляемый нами символически, соотвѣтствуетъ реальности. Но что же такое реальность? Есть ли она категорія ума или же предметъ опыта? Спенсеръ удостовѣряетъ второе. Но что же получается при такомъ его отвѣтѣ? Требуется доказать, что безусловное, т. е. превышающее предѣлы опыта, не познаваемо. А доказывается это тѣмъ, что безусловное не дано на опытѣ, т. е. заранѣе признается, что все превышающее предѣлы опыта не познаваемо. Такимъ образомъ заключеніе доказательства уже предлагается намъ въ его посылкѣ. Казалось бы, что если заранѣе признается за аксіому, что реальность познается лишь на опытѣ, то всѣ продолжительныя разсужденія Спенсера о непознаваемости безусловнаго совершенно излишни.

Что касается до конечнаго вывода Спенсера изъ положенія о непознаваемости безусловнаго, то этотъ выводъ и обусловливаетъ, собственно говоря, существенное различіе въ общей тенденціи метафизики Спенсера сравнительно съ его шотландскими предшественниками. Главный интересъ и Рида и Гамильтона состоитъ въ защитѣ противъ скептицизма религіозно-нравственныхъ убѣжденій человѣчества, убѣжденій въ бытіи Бога и свободѣ воли. Относя безусловное къ области непознаваемаго, Гамильтонъ дѣлаетъ его предметомъ вѣры. Философская позиція Герберта Спенсера совсѣмъ другая. Правда, онъ признаетъ извѣстную цѣну за религіознымъ убѣжденіемъ и стремится, какъ онъ утверждаетъ, къ примиренію религіи и науки. Истина религіи заключается по его мнѣнію въ томъ, что религія постоянно поддерживала въ человѣчествѣ убѣжденіе въ бытіи непознаваемаго сущаго, лежащаго въ основѣ феноменальнаго міра. Но истина этого убѣжденія опирается по его взгляду не на вѣру, а на указанное выше непреодолимое свидѣтельство сознанія. При томъ, если такимъ образомъ и достигается примиреніе науки и религіи, то нельзя не признать, что религіи оно достается довольно дорогою цѣною. Главное значеніе религіи состоитъ конечно въ томъ, что она служитъ основаніемъ *нравственнаго* міровоззрѣнія человѣка. Богъ нуженъ людямъ не только какъ источникъ физическаго строя природы, но какъ начало и конецъ ея нравственнаго процесса, какъ такое сущее, въ которомъ человѣкъ находитъ цѣль и смыслъ всего природнаго существованія. Поэтому превратить Бога въ блѣдное и ничего не говорящее нашему сердцу непознаваемое значитъ не поддержать, а убить

религію. Намъ скажутъ, можетъ быть: что же дѣлать? Какъ ни печаленъ такой выводъ, но съ нимъ приходится примириться, коль скоро онъ есть истина. Но сущность всего сказаннаго мною сегодня именно и заключалась въ доказательствѣ того, что тѣмъ гносеологическимъ началамъ, на которыхъ основывается агностицизмъ Спенсера, многаго не хватаетъ для того, чтобы быть признанными за истину. Въ существенной своей части они представляютъ собою воспроизведеніе ученій, уже пережитыхъ философіею, и имѣющихъ нынѣ только историческое значеніе—ученій шотландской философіи здраваго смысла; а то, что прибавилъ къ этимъ ученіямъ самъ Спенсеръ, мало увеличиваетъ ихъ метафизическую цѣнность.

Въ отличіе отъ тѣхъ защитниковъ реализма, съ которыми Спенсеръ наиболѣе въ родствѣ по своимъ метафизическимъ основамъ, онъ одушевленъ защитою не столько религіозныхъ интересовъ, сколько научныхъ интересовъ въ области *познаваемаго*.

Та часть его философіи, которая трактуетъ о познаваемомъ, и составляетъ поэтому главную его силу.

Его формула развитія, какъ бы мы ни оцѣняли ее по существу, во всякомъ случаѣ даетъ ему возможность строить рядъ гипотезъ, заслуживающихъ критики спеціалистовъ. Его попытка примиренія эмпиризма и апріоризма черезъ признаніе унаслѣдованныхъ формъ или склонностей мышленія несомнѣнно можетъ имѣть значеніе для психологіи; хотя она мало касается главнаго вопроса теоріи познанія—отношенія сознанія къ независимой отъ него реальности, такъ какъ постепенное, совершающееся въ ряду поколѣній приспособленіе сознанія къ постоянству дѣйствительности уже предполагаетъ эту дѣйствительность, какъ находящуюся внѣ сознанія. Вообще феноменологія Спенсера уже по количеству собранныхъ въ ней фактовъ и по несомнѣнному остроумію автора имѣетъ цѣну даже и при несогласіи съ ея метафизическими основами. И это соображеніе даетъ мнѣ поводъ закончить все сказанное мною сегодня слѣдующими замѣчаніями.

Предпринявъ оцѣнку Герберта Спенсера, какъ метафизика, я взялъ на себя задачу довольно неблагодарную, такъ какъ ея исполненіе привело насъ повидимому къ результатамъ скорѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ. Но я не желалъ бы оставить моихъ слушателей подъ впечатлѣніемъ этихъ отрицательныхъ результатовъ. Метафизика, ученіе о первыхъ основахъ знанія и бытія, есть по моему убѣжденію важнѣйшая часть философіи, и ею опредѣляется положеніе даннаго мыслителя среди первостепенныхъ дѣятелей философіи. Та-

кимъ первостепеннымъ дѣятелемъ Гербертъ Спенсеръ не былъ, и съ этимъ, казалось бы, приходится примириться. Но кромѣ такихъ первостепенныхъ дѣятелей, кромѣ Платоновъ и Аристотелей, Декартовъ и Лейбницевъ, Юмовъ, Кантовъ и Гегелей, есть въ исторіи философіи выдающіеся дѣятели, не оставившіе замѣтнаго слѣда въ разработкѣ основныхъ метафизическихъ вопросовъ, но оказавшіе услугу развитію философіи или защитою ранѣе возникшихъ метафизическихъ ученій, или трудами въ прикладныхъ областяхъ философіи—въ этикѣ, психологіи, научной методологіи. Заслугу перваго рода никакъ нельзя отрицать у Спенсера. Споръ между реализмомъ и идеализмомъ есть во всякомъ случаѣ споръ еще не рѣшенный и, обративъ силу своей мысли и учености на защиту реализма, Спенсеръ конечно внесъ въ современное мышленіе цѣнный элементъ, какъ бы мы ни смотрѣли на положительную силу его доказательствъ. Религія непознаваемаго блѣдна и не достаточна; но все же она лучше голаго атеизма. И самъ Спенсеръ, по мѣрѣ приближенія къ порогу своей жизни, постепенно смягчалъ эмоціональными прибавками рѣзкія очертанія своего религіознаго интеллектуализма. Онъ говоритъ въ своей „Автобіографіи“: „на религіозныя вѣрованія, тѣмъ или другимъ путемъ занимающія область, которую старается занять, но безуспѣшно, раціональное пониманіе..... я пришелъ напослѣдокъ къ симпатическому взгляду, основанному на общности стремленія,—чувствуя, что несогласіе съ ними зависитъ отъ неспособности принять предлагаемыя рѣшенія, соединенной съ желаніемъ, чтобы это рѣшеніе могло быть найдено“. Что же касается второй заслуги, то для оцѣнки ея значенія довольно напомнить въ древности о стоицизмѣ и эпикуреизмѣ, или въ новое время о такихъ мыслителяхъ, какъ Гоббсъ, Адамъ Смитъ, Іеремія Бентамъ, наконецъ, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію многихъ, столь популярный нынѣ Нитцше. Въ числѣ такихъ дѣятелей, занимавшихся разработкою вторичныхъ, производныхъ вопросовъ философіи, Спенсеръ безъ сомнѣнія занимаетъ почетное мѣсто. Въ психологіи, этикѣ, соціологіи его труды конечно много способствовали проясненію и прогрессу философской мысли. Въ біологіи онъ былъ дѣятельнымъ и виднымъ сотрудникомъ того движенія, которое, каковы бы ни были его положительные результаты, оставило въ наукѣ великій преобразующій ее слѣдъ. Упомянувъ объ этихъ заслугахъ почившаго мыслителя, я считаю вполнѣ умѣстнымъ теперь, когда мы собрались почтить его память, напомнить о немъ нѣчто въ извѣстномъ смыслѣ еще болѣе важное. Рецензентъ „Автобіографіи“ Спенсера въ англійскомъ

журналѣ „Духъ", говоритъ, что друзья Спенсера найдутъ въ ней подтвержденіе тѣхъ нравственныхъ его качествъ, „которыя быть можетъ сдѣлали болѣе для его прославленія, чѣмъ качества интеллектуальныя; они могутъ найти въ ней обильныя доказательства его непреклонной прямоты и неизмѣннаго постоянства, его рѣзкой независимости и доходившаго даже до извѣстной степени самоволія чувства долга; они прослѣдятъ въ ней потокъ мысли, который постепенно становился все глубже и могучѣе въ своемъ первоначально узкомъ руслѣ". Какихъ результатовъ на поприщѣ философіи, какъ и на всякомъ другомъ поприщѣ, можетъ достигнуть человѣкъ, зависитъ отъ данныхъ ему свыше дарованій. И вотъ, какъ бы мы ни оцѣняли результаты философской дѣятельности Спенсера, мы должны признать, что своего таланта онъ не зарылъ въ землю. Вся его продолжительная жизнь была посвящена одной цѣли, неуклонному стремленію къ которой не могли помѣшать ему ни испытанныя имъ въ началѣ его дѣятельности матеріальныя лишенія, ни въ послѣднія 20 лѣтъ этой дѣятельности тяжелые тѣлесные недуги. Отъ открытаго исповѣданія того, что онъ считалъ истиною, никогда не отвращали его ни корысть, ни честолюбіе, ни приманки популярности. Въ этомъ смыслѣ, какъ искренній и безкорыстный искатель и проповѣдникъ истины, онъ былъ истиннымъ философомъ, вполнѣ достойнымъ служить для насъ предметомъ подражанія и благодарной памяти.

Н. Г. Дебольскій.

ГДѢ НАЧИНАЕТСЯ ТЕРРИТОРІЯ СЛАВЯНЪ ПО ІОРДАНУ?

(Посвящается В. И. Ламанскому къ 50-лѣтію его ученой дѣятельности).

I.

Въ V-ой главѣ „Исторіи готовъ“ Іордана два раза повторено одно географическое опредѣленіе, которое нерѣдко было предметомъ толкованій, такъ какъ въ немъ дано указаніе на юго-западный предѣлъ занятой въ ту пору славянами территоріи. Разумѣемъ слѣдующія два мѣста въ текстѣ V-ой главы: 1) Scythia si quidem Germaniae terre confines eo tenus, ubi Ister oritur amnis vel stagnus dilatatur Morsianus, tendens usque ad flumina Tyras... (§ 30). 2) Slaveni a civitate Novietunense et laco qui appellatur Mursiano usque ad Danastrum et in boream Viscla tenus commorantur (§ 35).—Такъ читаются эти тексты въ классическомъ изданіи Іордана, принадлежащемъ Моммзену (Berolini. 1882). Моммзенъ счелъ правильнымъ удержать въ текстѣ различіе въ написаніи Morsianus—въ первомъ мѣстѣ и Mursiano—во второмъ, приводя въ критическихъ примѣчаніяхъ написанія всѣхъ рукописей, бывшихъ въ его распоряженіи. Своеобразіе орѳографіи Іордана и нерѣдкія у него колебанія въ написаніи однихъ и тѣхъ же собственныхъ именъ дѣлаютъ вполнѣ понятнымъ такое отношеніе издателя къ установленію текста. Что же касается до чтенія: a civitate Novietunense, то считаемъ не лишнимъ привести, по Моммзену, варіанты: *novieluense*, *novietanense*, *novi et slavinorum unnense*. Не можетъ быть сомнѣнія, что въ основѣ всѣхъ этихъ чтеній лежитъ имя города Noviodunum, искаженное въ живомъ простонародномъ произношеніи того времени. Приведенное на послѣднемъ мѣстѣ чтеніе рукописей O (Ottobonianus)—B (Breslaviensis) заключаетъ въ себѣ, оче-

видно, вошедшую въ текстъ глоссу (*Sclavinorum*), имѣвшую цѣлью осмыслить непонятое и искаженное раздвоеніемъ въ рукописномъ преданіи имя города.

Изъ контекста ясно, что Іорданъ хочетъ указать на опредѣленный географическій пунктъ. Если имя города Noviodunum намъ хорошо извѣстно, то имя озера или болота „Morsianus" или „Mursianus" не встрѣчается ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ источниковъ нашего знанія о древнемъ мірѣ, а потому и топографическое опредѣленіе указанной у Іордана мѣстности представляетъ существенную трудность. Въ своихъ объясненіяхъ къ тексту Іордана Моммзенъ не далъ окончательнаго разъясненія этого вопроса. Въ географическомъ указателѣ подъ словомъ: Noviodunum, читаемъ (стр. 163): „Novietunum 63, 1. Videtur intellegi Noviodunum Moesiae inferioris prope Isaktscham... Verum est ad id parum convenire lacum Mursianum ei postpositum; at vix licebit cogitare de Nevioduno oppido ignobili Pannoniae inferioris (C. I. L. III, p. 498)",—и подъ словомъ: Mursianus lacus, (стр. 162): „Morsianus stagnus 61, 13. Palus intelligitur infra Mursam proxime a Cibalis apud antiquos dicta Hiulca (Victor Caes. 41, 5; cf. Dio 55, 32: πρὸς τοῖς Οὐολκαίοις ἕλεσι et C. I. L. III, p. 422)".—Итакъ, Моммзенъ полагаетъ, что подъ civitas Noviotunensis Іордана слѣдуетъ разумѣть извѣстный городъ Noviodunum на нижнемъ теченіи Дуная неподалеку отъ устья, на мѣстѣ котораго нынѣ находится городъ Исакча. Имя lacus Mursianus (Morsianus) Моммзенъ пріурочиваетъ къ болотной мѣстности между нижнимъ теченіемъ Дравы и Савой къ югу отъ древняго города нижней Панноніи, Mursa, нынѣ Эссегъ. Древніе историки сохранили намъ два имени этой мѣстности: Hiulca и Οὐολκαία (sc. ἕλη). Моммзенъ предполагаетъ, что существовало и третье имя, lacus Mursianus, отъ имени города Мурзы, который впрочемъ только на географической картѣ оказывается въ близкомъ оттуда разстояніи.

Много раньше Моммзена Рёслеръ, въ своемъ изслѣдованіи: *Ueber den Zeitpunkt der slavischen Ansiedlung an der unteren Donau* (Wien. 1873, стр. 14), сдѣлалъ такое же пріуроченіе, и чувствуя, очевидно, неудобство производить прилаг. Mursianus отъ слова Mursa, отмѣтилъ, что у Птолемея (3, 16, 8; 8, 7, 6) городъ этотъ называется Μουρσία, что облегчаетъ этимологическое затрудненіе. Что касается до Новіодуна, то Рёслеръ, за отсутствіемъ въ ту пору критическаго изданія Іордана, полагался на свѣдѣніе, будто „въ лучшей рукописи" читается „Nova или Novae", и такъ какъ городъ Novae, ле-

жавшій къ востоку отъ нынѣшняго Систова, достаточно извѣстенъ, какъ важный военный пунктъ на Дунаѣ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, то на немъ онъ и останавливался.—Такимъ образомъ, Рёслеръ видѣлъ въ словахъ Іордана указаніе не на опредѣленный пунктъ, а на линію, протяженіемъ въ нѣсколько десятковъ миль. У Моммзена эта линія оказывается еще протяженнѣе, такъ какъ въ его опредѣленіяхъ слова Іордана указываютъ на все теченіе Дуная отъ впаденія въ него Дравы и до устья. Неудобство такого истолкованія свидѣтельства Іордана Моммзенъ, повидимому, чувствовалъ и самъ, а поэтому помянулъ незначительный городъ верхней Панноніи, который въ нашихъ географическихъ источникахъ носитъ также имя Noviodunum, а въ надписяхъ зовется Neviodunum. Онъ лежалъ на Дравѣ почти на полпути между древней Эмоной (нынѣ Лайбахъ) и Мурзой (нынѣ Эссегъ). Но въ виду незначительности этого города, Моммзенъ не рѣшился отказаться отъ Новіодуна на нижнемъ теченіи Дуная и предпочелъ истолковать указаніе Іордана въ смыслѣ весьма протяженной линіи, 12 градусовъ по параллели нашей карты. Въ противоположность Моммзену, который въ своихъ замѣчаніяхъ оставилъ слѣды своихъ сомнѣній, Мюлленгоффъ принималъ какъ точно установленный фактъ, что Іорданъ далъ намъ не географическій пунктъ, а протяженную линію отъ Новіодуна до низовьевъ Дравы [1]).

Въ самое недавнее время съ новой теоріей выступилъ г. Вестбергъ въ своемъ изслѣдованіи: *Zur Wanderung der Langobarden* (Зап. И. Акад. Наукъ, VIII сер., т. 6, № 5. 1904), гдѣ этому вопросу посвящена третья глава подъ заглавіемъ: *Die Anten* (стр. 10 — 14). Г. Вестбергъ съ большой увѣренностью, что ему удалось открыть истину, предлагаетъ такую гипотезу: lacus Mursianus есть Нейзидлерское озеро, а Noviodunum — городокъ близъ озера, *Neusiedl am See*. Такимъ образомъ, г. Вестбергъ признаетъ у Іордана указаніе на опредѣленный пунктъ, который съ устья Дуная перенесенъ у него въ сѣверо-западный уголъ верхней Панноніи, къ югу отъ древняго города Карнунта и нынѣшняго Пресбурга. Его нисколько не смущаетъ то обстоятельство, что въ Нейзидлѣ никто не открывалъ никакихъ слѣдовъ древняго города римскаго времени; самое имя Noviodunum, „т. е. Neuburg, Neustadt, Neudorf“ представляется ему слишкомъ простымъ и распространеннымъ (gab und giebt es viele), чтобы не затрудняться предположить его и въ этой мѣстности.

[1]) Deutsche Alterthumskunde II (1887), стр. 94—95.

Свою аргументацію г. Вестбергъ основываетъ на толкованіи смысла слова *oritur*, употребленнаго Іорданомъ. Нѣмецкій переводчикъ Іордана, Мартенсъ (Geschichtsschreiber der deutschen Vorzeit. 2 Aufl. B. V, Iordans Gothengeschichte, 1883, стр. 10) понялъ слова Іордана: Ister oritur amnis—такъ: „Der Fluss Ister entspringt". Но такъ какъ Іорданъ упоминаетъ, что Дунай беретъ свое начало въ землѣ аламанновъ (§ 75), то, очевидно, такое пониманіе слова oritur неправильно. Моммзенъ признаетъ въ словѣ oritur указаніе на устье, какъ отмѣчено въ „Географическомъ указателѣ" его изданія (стр. 194). Но если вести отъ устьевъ Дуная границу Скиѳіи къ Вислѣ, то въ такомъ случаѣ окажется, что вся древняя Дакія перемѣстится въ Германію, между тѣмъ какъ Іорданъ въ той же главѣ называетъ територію гепидовъ первой западной областью Скиѳіи, и опредѣляетъ ее какъ бывшую римскую Дакію, которая „окружена словно вѣнцомъ крутыми Альпами" (§ 34 ср. § 74). Не соглашаясь на этомъ основаніи съ Моммзеномъ [1]), г. Вестбергъ обращается къ поправкѣ текста Іордана въ этомъ мѣстѣ, которую предложилъ Клоссъ въ своемъ изданіи Іордана (Stuttgart, 1866, стр. 22), а именно: *orditur* вмѣсто *oritur*. Клоссъ полагалъ, что Іорданъ хотѣлъ указать на мѣсто, съ котораго рѣка Дунай получаетъ имя Ister. Къ этой конъектурѣ отнесся съ одобреніемъ Мюлленгофъ [2]). Конъектура Клосса нравится г. Вестбергу; но ему извѣстно, что Іорданъ употребляетъ оба имени для обозначенія всей рѣки Дуная, отъ устья и до истока, хотя и знаетъ, что Истромъ звали Дунай бессы [3]). Отказываясь поэтому и отъ такого объясненія слова oritur, г. Вестбергъ обращается къ локализаціи Мурсіанскаго озера. Пріуроченіе этого имени къ болотной мѣстности южнѣе Мурсы, какъ дѣлаютъ Моммзенъ, Рёслеръ, Мюлленгофъ, считаетъ г. Вестбергъ неправильнымъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ оказалось бы, что Іорданъ отводитъ „склавенамъ" не только низовья Дуная, но и все его нижнее теченіе, т. е. помѣщаетъ ихъ въ предѣлахъ Дакіи, между тѣмъ какъ онъ опредѣленно отводитъ Дакію гепидамъ и только за горами, окружающими Дакію, признаетъ славянскую територію. По мнѣнію г. Вестберга, „достаточно одного

[1]) Г. Вестбергъ игнорируетъ въ этой связи то, что Моммзенъ принятой имъ локализаціей Мурсіанскаго озера отступаетъ отъ устьевъ Дуная, растягивая указанную у Іордана мѣстность на 12 градусовъ по параллели.

[2]) Deutsche Alterthumskunde. II, 94. Anm. 2.

[3]) § 31. Ister qui dicitur Danubius ab ostea sua usque ad fontem; Histrum qui et Danubius dicitur.

взгляда на карту", чтобы убѣдиться, что для локализаціи Мурсіанскаго озера приходится сдѣлать выборъ между Платенскимъ и Нейзидлерскимъ озерами. Такъ какъ древнее имя перваго намъ хорошо извѣстно: Pelso или Pelsois, то остается только второе. Подтвержденіе своей гипотезы г. Вестбергъ находитъ въ томъ, что славяне зовутъ это озеро—Nesiederske, а также Mošonske iezero. Названіе „Mošonske" онъ производитъ отъ слова—мохъ и сближаетъ это имя съ географическими названіями на территоріи Россіи: Замошье, озеро Мошное. Г. Вестбергъ готовъ предположить, что имена Morsianus—Mursianus въ текстѣ Іордана подлежатъ исправленію: Mosianus (Mossianus) и Musianus (Mussianus). Убѣдивъ себя въ правильности такой локализаціи lacus Mursianus, г. Вестбергъ безъ дальнѣйшихъ околичностей устраняетъ отожествленіе Новіодуна съ извѣстнымъ городомъ этого имени на низовьяхъ Дуная и находитъ для него мѣсто въ нынѣшнемъ Neusiedl am See.

Устанавливая такую локализацію Мурсіанскаго озера и Новіодуна, г. Вестбергъ получаетъ объясненіе для словъ: ubi Ister oritur omnis, что будто бы значитъ: гдѣ Дунай выходитъ изъ Германскихъ горъ. Г. Вестбергу кажется, что онъ сдѣлалъ „открытіе", а именно: констатировалъ въ текстѣ Іордана новое историческое свидѣтельство, „которое бросаетъ неожиданный свѣтъ на мѣстожительство славянъ въ первой половинѣ VI вѣка" (стр. 14), т. е. будто, по Іордану, славянская территорія начиналась на среднемъ Дунаѣ, въ мѣстности Малыхъ Карпатъ.

Позволяемъ себѣ думать, что „открытіе" г. Вестберга есть не болѣе какъ недоразумѣніе, и что текстъ Іордана, при правильномъ его пониманіи въ цѣломъ и деталяхъ, даетъ самое положительное опроверженіе какъ его локализаціи названныхъ у Іордана географическихъ именъ, такъ и полученнаго отсюда историческаго вывода.

II.

Укажемъ прежде всего на то, что Іорданъ съ полной опредѣленностью помѣщаетъ славянъ *за* горами, которыя окружаютъ Дакію: introrsus illis (sc. fluminibus) Dacia est, ad coronae speciem arduis Alpibus emunita. Iuxta quorum sinistrum latus, qui in aquilone vergit, ab ortu Vistulae fluminis per immensa spacia Venetharum natio populosa consedit (§ 34). Если на основаніи Іордана нельзя отводить славянамъ нижняго теченія Дуная низменности нынѣшней Валахіи, то

тѣмъ менѣе возможно приближать ихъ къ среднему Дунаю въ область Малыхъ Карпатъ. Поступать такъ, какъ дѣлаетъ г. Вестбергъ, значитъ насиловать ясный смыслъ источника.

Г. Вестбергъ полагаетъ, что если въ словахъ Іордана: ubi Ister oritur amnis видѣть низовье Дуная, то придется приписать ему противорѣчіе, такъ какъ граница между Скиѳіей и Германіей, направляющаяся къ Вислѣ, не включитъ въ предѣлы Скиѳіи, занятой по его свидѣтельству гепидами, Дакіи, которую однако онъ тутъ же называетъ первой съ запада областью Скиѳіи. Это противорѣчіе онъ и пытается устранить своей теоріей. Мы полагаемъ, что у Іордана нѣтъ никакого противорѣчія, и если ему таковое приписывается, то это лишь результатъ того, что, читая древняго автора, мы смотримъ на нашу современную географическую карту, представляющую взаимоотношеніе странъ и пространствъ въ полной точности на основѣ астрономическихъ данныхъ и при томъ съ непремѣннымъ условіемъ обращенія сѣвера кверху. Наличность географической карты у Іордана видна изъ многихъ мѣстъ его изложенія и нагляднѣе всего видна она именно въ этой V главѣ его „Исторіи готовъ". Достаточно обратить вниманіе—на сравненіе Скиѳіи съ грибомъ (in modum fungi primum tenuis, post haec latissima et rotunda forma), „крутыхъ Альпъ", окружающихъ Дакію,—съ вѣнцомъ (ad coronae speciem),—на выраженія: qua Ponticum mare curvatur и iuxtra quorum sinistrum latus. Іорданъ несомнѣнно имѣлъ предъ глазами карту [1]). Но какую? Можно было бы подумать о Птолемеѣ, котораго онъ цитуетъ въ II главѣ, и свѣдѣнія котораго, несомнѣнно, лежатъ въ основѣ сообщеній о Скандинавіи, хотя Іордану (или быть можетъ его источнику, Кассіодорію) извѣстно было о Скандинавіи гораздо больше, чѣмъ сколько зналъ Птолемей. Но мы съ увѣренностью можемъ сказать, что карта, которой пользовался Іорданъ, не была картой, вычерченной на основаніи данныхъ Птолемея. То была карта другого происхожденія и другого характера, карта римская, представлявшая рѣзкія отличія отъ греческихъ.

У Птолемея, какъ и вообще на греческихъ географическихъ картахъ, на верху приходился сѣверъ. Римскіе географы и историки, писавшіе по латыни, знаютъ только карту безъ градусной сѣтки и

[1]) Къ картѣ возводитъ Моммзенъ цѣлый рядъ данныхъ Іордана, см. предисловіе къ его изданію, стр. XXXI—XXXIII.

вычерченную такъ, что на верху приходится востокъ [1]). Такую именно карту имѣлъ предъ глазами и Іорданъ. Приведенное выше выраженіе: iuxtra quorum sinistrum latus, понятно только при условіи карты, у которой на верху востокъ, а не сѣверъ. Если, читая Іордана, держать предъ собою современную нашу карту, повернувъ ее соотвѣтственно римскому расположенію на картѣ странъ свѣта, то описаніе Скиѳіи будетъ гораздо понятнѣе и яснѣе, чѣмъ если держать ее такъ, какъ мы то привыкли дѣлать. Нельзя забывать и того обстоятельства, что, при отсутствіи градусной сѣтки, взаимоотношенія странъ и территорій не могли представать съ той отчетливостью и ясностью, безъ которыхъ мы теперь себѣ и не представляемъ географической карты. Не говоримъ уже о множествѣ самыхъ разнообразныхъ погрѣшностей вслѣдствіе отсутствія или малочисленности точныхъ астрономическихъ данныхъ. Не мало крупныхъ недочетовъ и искаженій было даже на картѣ Птолемея съ ея градусной сѣткой и яснымъ сознаніемъ астрономической основы географической карты [2]). Тѣмъ въ большемъ числѣ должны были оказываться эти недочеты и искаженія на римскихъ картахъ. Исполненныя безъ градусной сѣтки, онѣ имѣли, повидимому, склонность къ внесенію живописнаго элемента, который представленъ, напримѣръ, такъ обильно на мозаичной картѣ, открытой сравнительно недавно въ Мадебѣ въ Палестинѣ [3]). Живописный элементъ въ достаточной силѣ является и на извѣстной Tabula Peutingeriana [4]). Развиваясь въ дальнѣйшіе вѣка, жившіе наслѣдіемъ Рима, онъ представленъ въ богатомъ видѣ на такихъ картахъ, какъ Герефордская и Эрбсдорфская [5]). — Итакъ, карта, какую могъ имѣть предъ собою Іорданъ, была безконечно далека отъ совершенства нашей современной, и это обстоятельство необходимо принимать въ соображеніе, читая его географическіе обзоры.

Обращаясь послѣ этихъ общихъ замѣчаній къ тексту Іордана, позволяемъ себѣ высказать съ полной увѣренностью, что когда онъ отмѣчалъ „начало“ Скиѳіи, являющееся также началомъ территоріи

---

[1]) Положеніе это обстоятельно доказано Конрадомъ Миллеромъ на основаніи всего наличнаго матеріала данныхъ: *Die ältesten Weltkarten*, Heft VI. Stuttgart 1898, стр. 143—147.

[2]) Позволю себѣ сослаться на свое изслѣдованіе о картѣ Птолемея: „*Карта Европейской Сарматіи по Птолемею*“. Кіевъ 1899, стр. 10—13.

[3]) *Konrad Miller*, о. l. VI, стр. 148—154.

[4]) *Konrad Miller*, Weltkarte des Castorius. Ravensburg 1888.

[5]) Id. Die ältesten Weltkarten, Heft IV, Heft V.

„склавеновъ", то разумѣлъ низовье и устье Дуная. Употребленное имъ выраженіе ubi Ister oritur amnis, относится именно къ устью, а не къ истоку, а тѣмъ менѣе къ выходу Дуная изъ предѣловъ Германіи, какъ предполагаетъ г. Вестбергъ. Мы въ настоящее время, показывая рѣку на картѣ, ведемъ ее отъ истока къ устью; но вѣдь это вполнѣ условная наша современная привычка, и мы не имѣемъ ни малѣйшихъ основаній полагать, что ее имѣли также древніе. Напротивъ, Іорданъ въ предѣлахъ все той же V главы доказываетъ, что онъ привыкъ дѣлать это наоборотъ. О томъ же Дунаѣ онъ выражается такъ: alveo Istri, qui dicitur Danubius *ab ostea sua usque ad fontem* (§ 32).

Разглядывая Скиѳію на своей, обращенной востокомъ кверху, картѣ, Іорданъ видѣлъ слѣва—море и противъ трехъ устьевъ Вислы „островъ Скандію", справа внизу — нижнее теченіе Дуная, далѣе кверху—берегъ Чернаго моря съ загибомъ внутрь суши, берегъ Крыма, вдающійся влѣво изломъ Азовскаго моря (вѣроятно въ круглой формѣ), проливъ, далѣе—Кавказъ, Каспійское море, Персію, наконецъ, — широко выступавшую налѣво границу Китая, являвшагося уже восточной, т. е. выше, надъ Скиѳіей лежащей, страной. Внизу подъ Скиѳіей онъ видѣлъ „Германію".

Въ своемъ не вполнѣ складномъ изложеніи—не даромъ онъ себя называетъ agramatus,—Іорданъ даетъ точный отчетъ о томъ, что онъ видитъ на своей картѣ. Онъ начинаетъ справа снизу и даетъ намъ не просто линію, а отмѣчаетъ и то, что видитъ налѣво отъ границы. Таково непосредственное впечатлѣніе его словъ. — Scythia si quidem Germaniae terre confines eo tenus, ubi Ister oritur amnis vel stagnus dilatatur Morsianus, tendens usque ad flumen Tyram, Danastrum et Vagosolam, magnumque illu Danaprum Taurumque montem, non illum Asiae, sed proprium, id est Scythicum, per omnem Meotidis aditum, ultraque Mestida per angustias Bosfori usque ad Caucasum montem amnemque Araxem ac deinde in sinistram partem reflexa post mare Caspium, quae in extremis Asiae finibus ab Oceano eoroboro in modum fungi primum tenuis. post hac latissima et rotunda forma exoritur, vergens ad Hunnus, Albanos et Seres usque digreditur.

Дойдя до верху своей карты и окинувъ общимъ взглядомъ фигуру какъ бы гриба, который представляетъ Скиѳія, Іорданъ называетъ ея границы по странамъ свѣта, при чемъ сначала смотритъ на верхъ карты, а потомъ на низъ.

Haec, inquam, patria, id est Scythia, longe se tendens lateque ape-

riens, habet ab oriente Seres, in ipso sui principio litus Caspii maris commanentes; ab occidente Germanos et flumen Vistulae; ab arctu, id est septentrionali, circumdatur oceano, a meridie Persida, Albania, Hiberia. Ponto atque extremo alveo Istri, qui dicitur Danubius ab ostea sua usque ad fontem [1]).

Вглядываясь послѣ этого опять въ берегъ Понта, Іорданъ называетъ рядъ городовъ, начиная снизу и даетъ при этомъ общее историческое замѣчаніе.

In eo vero latere, qua Ponticum litus attingit, oppidis haut obscuris involvitur, Boristhenide, Olbia, Callipolida, Chersona, Theodosia, Careon, Mirmicion et Trapezunte, quas indomiti Scytharum nationes Graecis permiserunt condere, sibimet commercia praestaturos.

Перечисленныя имена свидѣтельствуютъ о томъ, что на картѣ Іордана были искаженія и данныя не вполнѣ соотвѣтствовали исторической дѣйствительности того времени. Имена: *Boristhenide* и *Olbia* относятся къ одному и тому же городу, который притомъ въ ту пору уже не существовалъ, какъ не существовала тогда и Ѳеодосія. Города Каллиполиды—никогда не было, и самое имя является лишь искаженіемъ имени народа каллипидовъ, которое увѣковѣчилъ занесеніемъ его въ свое описаніе Скиѳіи отецъ исторіи Геродотъ. Въ имени *Careon*, очевидно, слѣдуетъ признать нынѣшнюю Керчь, Корчевъ тмутараканской надписи, городъ, несомнѣнно существовавшій и тогда, и позднѣе подъ именемъ Боспора [2]). Что касается до послѣдняго города, *Trapezunta*, то городъ этотъ былъ въ ту пору живымъ центромъ, черезъ который шли сношенія имперіи съ дальнимъ востокомъ; но въ предѣлы Скиѳіи онъ никогда и никѣмъ не былъ включаемъ; а то обстоятельство, что онъ попалъ сюда у Іордана, можетъ служить поводомъ предположить на его картѣ большое искаженіе очертаній берега Понта, который на градусной сѣткѣ Птолемея имѣетъ видъ приближающійся къ истинѣ (и искаженъ до неузнаваемости на „Певтингеровой таблицѣ").

Покончивъ съ обозрѣніемъ границъ Скиѳіи, Іорданъ вглядывается

[1]) Такая послѣдовательность странъ свѣта при общемъ обзорѣ страны не случайна у Іордана, а повсюду выдержана послѣдовательно: Дакія—XXII, § 74; Испанія—XLIV, § 230; Паннонія—L, § 264; территорія вандаловъ—XXII, § 114; земля свевовъ—LV, § 280.

[2]) Вопросъ о городахъ черноморскаго побережья на картѣ Іордана имѣли мы случай разбирать въ статьѣ: „Къ вопросу объ имени города Керчи", помѣщенной въ сборникѣ: Χαριστήρια (въ честь проф. Ѳ. Е. Корша). Москва 1896, стр. 185—201.

въ середину своей карты и называетъ намъ то, что привлекаетъ его вниманіе.

In cuius Scythiae medium est locus, qui Asiam Europamque ab alterutro dividit, Riphaei scilicet montes, qui Tanaim vastissimum fundunt intrantem Meotida cuius paludis circuitus passuum mil. CXLIII, nusquam octo ulnis altius subsidentis [1]).

Покончивъ съ обозрѣніемъ географическихъ данныхъ карты, Іорданъ начинаетъ этническій обзоръ страны и идетъ снизу вверхъ по картѣ. Сначала названы гепиды, Дакія, затѣмъ венеты въ своихъ двухъ главныхъ вѣтвяхъ, склавеновъ и антовъ, у моря, на устьяхъ Вислы—видиваріи, а „за ними" (post quos)—эсты (Aesti); къ югу отъ нихъ (in austrum)—акациры, а „далѣе за ними" (ultra quos) „надъ Понтійскимъ моремъ" (supra mare Ponticum)—булгары. „Отсюда уже" (hinc iam) гунны, раздробленные на два племени: альціагиры по близости отъ Херсона и савиры (мѣстожительство которыхъ Іорданъ не указываетъ) [2]). Какъ бы отдѣльно отъ гунновъ Іорданъ называетъ гунугуровъ, отмѣчая, что съ ними ведется торговля мѣхами. Мѣстожительство ихъ Іорданъ отмѣчаетъ неопредѣленнымъ словомъ *hinc*. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ что гунугуры, или уннугуры, оно-

---

[1]) Приведенныя здѣсь данныя своей карты дополняетъ Іорданъ съ прибавкой свѣдѣній, почерпнутыхъ у Мелы (вѣроятно Кассіодоріемъ) въ дальнѣйшемъ текстѣ той же главы въ разсужденіи о территоріи амазонокъ.—Thanaim vero hunc dico, qui ex Ripheis montibus deiectus adeo praeceps ruit, ut, cum vicina flumina sive Meotis et Bosforus gelu solidentur, solus amnium confragosis montibus vaporatus, nunquam Scythico durescit algore (ср. *Mela* 1, 19, 115). Hic Asiae Europaeque terminus famosus habetur. Nam alter est ille, qui montibus Chrinnorum oriens, in Caspium mare dilabitur. Danaper autem ortus grande palude, quasi ex matre profunditur (у Мелы это свѣдѣніе дано относительно Гипаниса—2. 1, 7). Hic usque ad medium sui dulcis est et potabilis piscesque nimii saporis gignit, ossa carentibus chartellagine tantum habentes in corporis continentiam. Sed ubi fit Ponto vicinior, parvum fontem suscipit, cui Exampheo cognomen est, adeo amarum, ut, cum sit quadraginta dierum itinere navigabilis, huius aquis exiguis immutetur, infectusque ac dissimilis sui inter graeca oppida Callipidas et Hypannis in mare defluat, ad cuius ostia insula est in fronte, Achillis nomine. inter hos terra vastissima, silvis consita, paludibus dubia (§§ 45—46).—На ряду съ матеріаломъ, восходящимъ главнымъ образомъ къ космографіи Мелы, здѣсь чувствуется присутствіе предъ глазами Іордана карты, на которой онъ принялъ имя *Hypannis* какъ и *Callipidas* за названія городовъ. Въ послѣднемъ замѣчаніи о лѣсахъ и болотахъ виденъ слѣдъ пребыванія готовъ въ южно-русскихъ степяхъ и на черноморскомъ побережьѣ.

[2]) Но мы изъ другихъ источниковъ знаемъ, что ихъ кочевья были въ сторону Волги и восточнаго Кавказа.

гуры, а также утигуры, утургуры, занимали степныя пространства за Дономъ и Азовскимъ моремъ, къ переднему Кавказу и состояли въ ближайшемъ племенномъ родствѣ съ кочевымъ населеніемъ мѣстностей къ западу отъ Танаиса и Меотиды, включая сюда и булгаръ.—На гунугурахъ Іорданъ заканчиваетъ свое этнографическое обозрѣніе Скиѳіи и возвращается къ главному предмету своего изложенія, исторіи готовъ.

Представленная въ предшествующемъ этническая карта Іордана, при всѣхъ ея недочетахъ, является однако ясной и въ общемъ соотвѣтствовавшей условіямъ того времени, когда онъ писалъ (изданіе въ свѣтъ его сочиненія относится, какъ извѣстно, къ 551 году). Карта Іордана по сравненію съ той, какой располагалъ для тѣхъ же странъ историкъ Амміанъ Марцеллинъ, представляетъ значительный шагъ впередъ: она населена живыми народами, тогда какъ у Амміана Марцеллина ее занимаютъ этническія имена, заполнявшія карту Скиѳіи по старой традиціи, имѣвшей въ своей основѣ данныя Геродота [1]. Но что касается до общихъ очертаній территоріи, то мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что они имѣли схематическій характеръ, и весьма вѣроятно, что линія отъ устьевъ Дуная къ Вислѣ представлялась на ней въ видѣ болѣе или менѣе прямой линіи, съ полнымъ искаженіемъ фактическихъ отношеній. Даже на картахъ, какія вычерчивались по Птолемею въ древности, Скиѳія имѣла видъ четырехугольника. Если это было такъ относительно картъ съ градусной сѣткой, то тѣмъ болѣе схематизма мы должны допустить на живописныхъ картахъ, какія обращались въ римскомъ мірѣ у историковъ и географовъ. Схематизмъ и живописный характеръ карты Іордана съ очевидностью доказываютъ сдѣланныя имъ замѣчанія относительно общаго вида бассейна Дуная и Кавказскаго горнаго хребта. Первый онъ сравниваетъ съ позвоночникомъ и прикрѣпленными къ нему ребрами: nam hic (sc. Danubius) in Alamannis arvis exoriens sexaginta a fonte suo usque ad ostia in Ponto mergentia per mille ducentorum passuum milia hinc inde suscipiens flumina *in modum spinae, quem costas ut cratem intexunt*, omnino amplissimus est (§ 75). Очевидно, Дунай на картѣ Іордана имѣлъ далеко не тотъ приближающійся къ истинѣ видъ, каковъ онъ на картѣ Птолемея. У Іордана теченіе рѣки пред-

[1]) Вопроса о картѣ Скиѳіи Амміана Марцеллина мы имѣли случай касаться въ нашей работѣ: „Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей“. Кіевъ 1899, стр. 19—23.

ставляло болѣе или менѣе прямую линію, отъ которой въ обѣ стороны шли линіи его шестидесяти притоковъ. На счетъ общаго вида Кавказскаго хребта Іорданъ счелъ нужнымъ вставить въ свое изложеніе пространное разъясненіе такого рода: Cuius montis (sc. Caucasi) quia facta iterum mentio est, non ab re arbitror eius tractum situmque describere, quando maximam partem orbis noscitur circuire iugo continuo. Is namque ab Indico mare surgens, qua meridiem respicit, sole vaporatus ardescit; qua septentrione patet, rigentibus ventis est obnoxius et pruinis. Mox in Syriam curvato angulo reflexus, licet amnium plurimos emittat... tunc in boream revertens Scythicas terras iugus antefatus magnis flexibus pervagatur atque ibidem opinatissima flumina in Caspium mare profundens Araxem, Cysum et Cambysen continuatoque iugo ad Ripheos usque in montes extenditur. Indeque Scythicis gentibus dorso suo terminum praebens ad Pontum usque discendit, consertisque collibus Histri quoque fluenta contingit, quo amne scissus dehiscens Scythia quoque Taurus vocatur... hunc enim Lammum, mox Propanissimum Indus appellat, Parthus primum Castram, post Nifaten edicit; Syrus et Armenus Taurum, Scytha Cauchasum ac Rifeum, iterumque in fine Taurum cognominat (§§ 53—55).—Изъ этого описанія слѣдуетъ заключить, что Іорданъ видѣлъ на своей картѣ изображеніе горнаго хребта, который шелъ непрерывной цѣпью отъ Индійскаго океана черезъ Персію, Сирію, Арменію къ Черному морю, связывался затѣмъ съ „Рифейскими горами“ въ предѣлахъ Скиѳіи и подходилъ къ Дунаю. Не яснымъ остается, почему Іорданъ называетъ всю цѣпь въ указанныхъ выше предѣлахъ Кавказомъ, хотя ему извѣстно, что это имя принадлежало въ частности только небольшому отдѣлу этой цѣпи. Не совсѣмъ ясно и то, гдѣ искать горъ „Тавра“ въ Скиѳіи. Повидимому, подъ этимъ именемъ слѣдуетъ разумѣть горы Таврическаго полуострова. Не понятно, какъ эта цѣпь связывалась съ „Рифейскими“ горами, изъ которыхъ бралъ свое начало Танаидъ, а также и то, гдѣ и какимъ образомъ эта цѣпь подходила къ Дунаю. Но ясно одно: горныя цѣпи не имѣли на картѣ Іордана вида прямыхъ линій между двумя точками, какъ на картѣ Птолемея, а представлялись въ видѣ извилистой полосы, которая шла непрерывно черезъ цѣлый рядъ странъ и переходила изъ одной части свѣта въ другую. Это обстоятельство уже само по себѣ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о схематическомъ характерѣ карты Іордана, при которомъ очертанія отдѣльныхъ странъ, по необходимости, являлись въ приблизительномъ и искаженномъ видѣ.

Когда Іорданъ называлъ по своей картѣ устье Дуная и Новіодунъ, то имѣлъ въ виду югозападный уголъ Скиѳіи. Разъ названо устье Дуная, то помянутый вмѣстѣ съ нимъ Новіодунъ не могъ быть никакимъ инымъ городомъ, кромѣ того, который находился на мѣстѣ нынѣшней Исакчи. Это обстоятельство рѣшаетъ также и вопросъ о локализаціи Мурсіанскаго озера. Его нельзя искать въ далекомъ разстояніи отъ Новіодуна въ мѣстности къ югу отъ города Мурзы на Дравѣ, какъ дѣлаютъ Рёслеръ и Моммзенъ; ни тѣмъ менѣе признавать его въ Нейзидлерскомъ озерѣ, какъ настаиваетъ г. Вестбергъ: его необходимо искать по близости отъ Новіодуна. Противъ Новіодуна на лѣвомъ берегу Дуная расположена цѣлая система озеръ и болотъ, три изъ нихъ носятъ слѣдующія имена: Ялтухъ и къ западу отъ него Кагулъ и Кагурларъ. На картѣ Птолемея мѣстности этихъ водныхъ бассейновъ соотвѣтствуетъ одно географическое названіе: озеро Ѳіагола. Римскихъ именъ для нихъ мы не имѣемъ въ нашихъ источникахъ. Но не сохранилъ ли намъ Іорданъ въ своемъ stagnus Morsianus или lacus qui appellatur Mursiano—подлинное имя, обозначающее главный изъ этихъ бассейновъ или общее имя ихъ всѣхъ? Намъ думается, что таково будетъ единственно правильное рѣшеніе вопроса о локализаціи этого географическаго имени. Іорданъ могъ найти его на своей картѣ; но возможно предположить, что онъ взялъ его изъ живой дѣйствительности. Іорданъ былъ непосредственно знакомъ съ передней частью нынѣшняго Балканскаго полуострова. Нынѣшняя Добруджа и восточная Болгарія являлись той территоріей, на которой, послѣ разрушенія державы Аттилы, поселилась часть племени аланъ, къ которому онъ принадлежалъ по крови. Дѣдъ Іордана, Паріи, былъ секретаремъ царя Кандака, съ которымъ перешли аланы въ предѣлы имперіи. Самъ Іорданъ состоялъ въ той же должности при племянникѣ Кандака, Гунтрикѣ, который удостоился уже сана магистра римскихъ военныхъ силъ и въ частности, по всему вѣроятію, именно во Ѳракіи, т. е. былъ magister militum per Thracias [1]). Самое колебаніе въ написаніи имени: Morsianus и Mursianus можетъ быть истолковано въ томъ смыслѣ, что оно было для Іордана живымъ словомъ, а не просто географическимъ терминомъ, почерпнутымъ только

---

[1]) Get. § 266.—Предположеніе на счетъ того, что Гунтрикъ былъ магистромъ Ѳракійской арміи, сдѣлано Моммзеномъ на основаніи очевиднаго болѣе близкаго знакомства Іордана съ этой частью имперіи. См. praefatio, стр. X—XIII.

съ карты, подобно тому какъ рѣка Висла называется у Іордана то Vistula по ученому, то Viscla по простому.

Возстановляя истинное значеніе географическаго опредѣленія начала Скиѳіи у Іордана и въ то же время территоріи „склавеновъ“ въ указанномъ выше смыслѣ, мы тѣмъ самымъ должны констатировать и недочетъ его свѣдѣній о славянахъ. На самомъ дѣлѣ, въ ту пору славяне проникли по Дунаю далеко выше Новіодуна и окружающихъ его болотъ и водяныхъ бассейновъ. Іорданъ этого не знаетъ. Въ объясненіе этого невѣдѣнія для человѣка, проживавшаго притомъ въ столицѣ имперіи, Византіи, слѣдуетъ сказать, что поступательное движеніе славянъ закрывали въ глазахъ византійцевъ гуннскія орды. Грозный набѣгъ въ предѣлы имперіи Забергана въ 558 году, въ полчищахъ котораго несомнѣнно были славяне, описанъ пережившимъ это событіе Агаѳіей, какъ нашествіе гунновъ. Славяне не интересовали Іордана, не о нихъ онъ хотѣлъ писать: его цѣль—изложеніе судебъ готовъ, закончившихъ въ ту пору свою исторію въ Италіи, и факты, касающіеся жизни другихъ народовъ, помимо готовъ, находили себѣ мѣсто въ его изложеніи лишь попутно съ повѣствованіемъ о готахъ. Но онъ зналъ Скиѳію не по старой картѣ, заполненной традиціонными мертвыми именами, какъ это было съ Амміаномъ Марцеллиномъ: она была для него живой страной, заселенной живыми народами, въ числѣ которыхъ наши предки славяне занимали широкое пространство отъ Карпатскихъ горъ и низовьевъ Дуная въ сторону Вислы и большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море.

Ю. Кулаковскій.

14-го октября 1904 г. Кіевъ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ЛИТОВСКО-РУССКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVI ВѢКА.

(Посвящается профессору М. Ф. Владимірскому-Буданову).

Великій князь Литовскій владѣлъ очень обширными доменіальными землями. „Дòбра" господарскія и земскія еще въ началѣ второй половины XVI вѣка составляли въ общей сложности обширную территорію: только въ трехъ западныхъ повѣтахъ (Троцкомъ, Виленскомъ и землѣ Жмудской) онѣ составляли болѣе милліона десятинъ, но къ нимъ надо присоединить обширную территорію восточныхъ или русскихъ волостей и замковъ (Подвинье и верхнее Поднѣпровье), замковыя территоріи Волыни и южной Украйны и, наконецъ, земли королевы Боны, вошедшія въ составъ государственныхъ и составившіяся частью изъ пожалованныхъ ей мужемъ имѣній изъ состава государственныхъ же земель, частью же изъ числа ею прикупленныхъ. Вся эта земельная территорія доставляла скарбу значительную часть дохода, при томъ регулярнаго; на этой же территоріи были расположены и города, въ которыхъ взимались косвенные налоги, главнымъ образомъ таможенные и акцизные сборы. Многочисленное крестьянство, жившее на территоріи господарскихъ староствъ, тивунствъ, державъ и волостей, находилось въ положеніи, аналогичномъ съ тѣмъ, въ какомъ было крестьянство частныхъ владѣній, и въ половинѣ XVI вѣка правительство Сигизмунда-Августа разсматриваетъ крестьянскую землю въ качествѣ собственности скарба, и крестьянамъ стремится закрыть выходъ.

Поэтому по отношенію къ территоріи господарскихъ „добръ" у правительства сливались интересы частнаго землевладѣнія съ интересами государственнаго управленія. Въ этомъ направленіи весьма за-

мѣчателенъ рядъ реформъ, предпринятыхъ правительствомъ Сигизмунда-Августа въ половинѣ XVI вѣка. Эти реформы находились въ зависимости, какъ отъ роста государственныхъ расходовъ, удовлетвореніе которыхъ предвидѣлось какъ слѣдствіе реформъ, такъ и отъ общаго перелома въ хозяйственной и соціальной жизни страны. Суть этого перелома выразилась въ общихъ чертахъ слѣдующимъ образомъ.

Въ половинѣ XVI вѣка изстаринный общественный и экономическій строй западной Руси претерпѣваетъ значительныя перемѣны: выработанныя вѣками формы его претворяются въ новыя. Сущность этой переработки бытовыхъ условій заключалась въ слѣдующемъ. Разнообразные разряды населенія объединяются въ строго сословныя группы шляхетство, мѣщанство и крестьянство. Новая соціальная группировка совпадаетъ съ коренными измѣненіями въ экономическомъ быту: охотничьи промыслы постепенно уступаютъ свое первенствующее мѣсто земледѣлію и скотоводству, что совершается подъ вліяніемъ новыхъ потребностей западно-европейскаго рынка. На помощь новымъ условіямъ экономическимъ появляются новыя научныя теоріи и въ сельскомъ хозяйствѣ и въ государственномъ хозяйствѣ. Если мы примемъ въ разсчетъ только что сказанныя измѣненія и ихъ причины, то для насъ станетъ яснымъ слѣдующее общее положеніе: изстаринныя формы государственнаго хозяйства теряютъ свое значеніе и спѣшатъ замѣниться новыми. Старинная система его совершенно обветшала и ставила скарбъ очень часто въ весьма затруднительное положеніе. Разныя условія жизни выдвинули не столько вопросъ о новыхъ налогахъ, сколько вопросъ *о способахъ ихъ взиманія*, т. е. на первый планъ поставили измѣненіе въ организаціи раскладки и взиманіи податей и повинностей. А раскладка и взиманіе податей основывается на кадастрѣ платежныхъ единицъ, и чѣмъ онъ совершеннѣе, тѣмъ эластичнѣе можетъ быть и вся податная система. Разнообразное значеніе кадастра прекрасно понималось финансовыми дѣятелями Литовско-русскаго государства данной эпохи. По ихъ представленіямъ, кадастръ долженъ былъ обслуживать слѣдующія стороны финансоваго хозяйства страны: 1) регистрацію государственныхъ доменовъ и находящагося въ нихъ движимаго имущества; 2) регистрацію доменіальныхъ правъ и вообще источниковъ доходовъ; 3) точную регистрацію врядничьихъ доходовъ для избавленія населенія отъ вымогательствъ; 4) такую же точную регистрацію податей и повинностей податныхъ классовъ,—соотвѣтствующею размѣрамъ земли

(въ селеніяхъ) и размѣрамъ правъ и земли (въ городахъ) жителей; 5) введеніе единообразнаго и строго опредѣленнаго административнаго устройства.

Таковы требованія, предъявленныя къ кадастру, и съ этими цѣлями правительство Сигизмунда-Августа приступило къ составленію описаній господарскихъ староствъ.

По условіямъ хозяйства и государственному своему значенію господарскія державы дѣлились на двѣ группы: на такъ называемыя русскія волости, лежавшія въ Поднѣпровьи и Подвиньи, и на державы литовскія (Подляхія, Литва, Жмудь и сосѣднія русскія земли). Въ первыхъ, т. е. въ русскихъ волостяхъ, къ половинѣ XVI вѣка хотя хозяйство уже было земледѣльческое, но охотничьи промыслы играли огромную роль; въ западныхъ—сельское хозяйство уже давно сдѣлалось преобладающимъ. Въ виду такого различія въ экономическомъ быту обѣихъ группъ волостей и кадастръ ихъ, т. е. описанія, произведенъ на различныхъ основаніяхъ. Въ литовскихъ областяхъ всѣ земли были размѣрены на *волоки*, при чемъ коренньмъ образомъ былъ измѣненъ весь хозяйственный строй этихъ волостей; въ русскихъ волостяхъ на первое время подверглись регистраціи старинныя русскія службы и точно опредѣлены повинностныя отношенія „подданыхъ“ и только города подверглись переходу на волочную систему.

Итакъ, кадастръ былъ произведенъ по двумъ системамъ, хотя и съ одинаковыми цѣлями.

Изъ сказаннаго ясно то важное значеніе, какое имѣли въ исторіи Литовско-русскаго государства названныя реформы. Значеніе ихъ весьма разностороннее. Финансовая сторона реформъ и отчасти экономическая, въ связи съ общимъ развитіемъ управленія и эксплуатаціи господарскихъ земель, уже подверглась изслѣдованію [1]). Настоящая работа имѣетъ другую цѣль: выяснить техническую сторону реформы и укладъ новой администраціи по управленію дóбрами; такимъ образомъ пока останется въ сторонѣ еще одна цѣль реформъ, по крайней мѣрѣ касавшаяся восточныхъ и южныхъ волостей,—военная. Чтобы понять значеніе для историка технической стороны ревизіи, надо вспомнить, что ревизіи господарскихъ староствъ являются въ то же время важнѣйшими источниками, рисующими соціальный и экономическій строй

---

[1]) *М. Довнаръ-Запольскій*, Государственное хозяйство вел. кн. Литовскаго при Ягеллонахъ, I, 169 сл.

страны: взвѣсить достоинство и достовѣрность этого источника представляеть насущную нужду нашей науки. Мало того, система ревизіи и значеніе дошедшихъ до насъ памятниковъ съ большею рельефностью выясняется при сопоставленіи ихъ съ болѣе древними попытками регистраціи населенія и его повинностей. Съ этого обзора мы и начнемъ, затѣмъ въ отдѣльности выяснимъ работу господарскаго скарба въ восточныхъ и западныхъ волостяхъ.

I.

Хорошо извѣстно, что переписи на Руси, выполнявшіяся съ цѣлями административно-финансовыми, весьма древняго происхожденія. Но памятники ихъ, относящіеся къ западно-русской территоріи, довольно поздняго происхожденія,—отъ второй половины XV в. Поэтому очень трудно судить о томъ, носятъ ли на себѣ древнѣйшіе западно-русскіе *инвентари* традицію древне-русскихъ переписей, или на форму и технику ихъ повліяло какое нибудь заимствованіе. Первое предположеніе какъ будто и поддерживается крайней примитивностью пріемовъ составленія инвентаря, а также и отличіемъ ихъ отъ древнѣйшихъ писцовыхъ книгъ: послѣднія представляютъ собою, сравнительно съ инвентарями, работу, стоящую неизмѣримо выше послѣднихъ. Связь писцовыхъ книгъ съ византійской техникой межеванія не опровергаетъ, но подтверждаетъ сказанное предположеніе: очевидно, уже для конца XV вѣка пріемы древней Руси были недостаточны. Трудно также установить связь техники древнѣйшихъ инвентарей съ польскими образцами; точекъ соприкосновенія тутъ, повидимому, мало.

Древнѣйшимъ дошедшимъ до насъ описаніемъ замковъ является люстрація Кіевской земли 1471 года. Мы не знаемъ документально, когда и по какому поводу она была составлена, однако соображенія, уже приведенныя проф. Владимірскимъ-Будановымъ, неоспоримо доказываютъ, что это описаніе Кіевской земли было составлено сейчасъ послѣ смерти Симеона Олельковича, когда земля эта была обращена въ намѣстничество, слѣдовательно въ 1471 году, или въ ближайшіе къ нему годы. Объ Олельковичѣ говорится почти какъ о современникѣ, приводятся его распоряженія и проч. [1]). Само по себѣ древнѣйшее описаніе Кіевской земли не имѣетъ начала (надписаніе

---

[1]) Населеніе юго-зап. Россія отъ второй половины XV вѣка до Люблинской унія, р. 93. Описаніе помѣщено во второй части 7 т. Архива Ю. З. Р.

„На Руси", которымъ оно озаглавлено въ Метрикѣ, относится, очевидно, только къ одной части „пописа", вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія), ни конца, гдѣ разъясняются обычно въ позднѣйшихъ описаніяхъ цѣль ихъ составленія и время; такимъ образомъ это только отрывокъ не дошедшей до насъ цѣликомъ описи. Дѣйствительно, въ этомъ отрывкѣ и описано не все бывшее Кіевское княжество, въ немъ нѣтъ, напримѣръ, описанія самого Кіева. Цѣль составленія разбираемаго описанія можно легко предположить. Когда княжество превращалось въ воеводство, то правительство составило описаніе его при передачѣ вновь назначенному воеводѣ въ управленіе. Это была обычная, какъ сейчасъ увидимъ, причина составленія древнѣйшихъ пописовъ. Попись 1471 года представляетъ собою весьма любопытныя данныя для обозрѣнія тогдашняго господарскаго хозяйства, такъ какъ онъ даетъ описаніе господарскихъ дворовъ и перечень повинностей зависимыхъ отъ замка людей. Затѣмъ онъ содержитъ въ себѣ перечень селъ, при чемъ относительно каждаго изъ нихъ имѣется извѣстіе о количествѣ и разрядахъ населенія села, равно какъ и о лежащихъ на немъ повинностяхъ. Относительно описанія городовъ, нашъ источникъ не обладаетъ свѣдѣніями. Прежде всего города описаны въ отрывкѣ не всѣ—только Житоміръ, Чудновъ, да бѣглыя замѣтки о Винницѣ. Въ городѣ люстратора интересовало прежде всего количество орудій на замкѣ, дворъ замковый, количество въ немъ челяди, скота, размѣры пашни; наконецъ, встрѣчаемъ указаніе на число корчемъ (такъ какъ съ нихъ шелъ доходъ на замокъ) и зависимое отъ замка населеніе (слугъ тяглыхъ). Объ остальномъ населеніи города, мѣщанахъ, не обложенныхъ податями, попись упоминаетъ только вскользь, въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ (въ Чудновѣ: „а на мѣсте людей полно"). Изъ того видно, что при составленіи описи преслѣдовались только фискально-военные интересы воеводства; такъ въ селахъ тщательно отмѣчено и количество слугъ, обязанныхъ ходить на войну. О частномъ землевладѣніи, свѣтскомъ и церковномъ, нѣтъ никакихъ указаній.

Разсматриваемая люстрація ничего не говоритъ о способѣ ея составленія, нѣтъ также другихъ аналогичныхъ описаній за это время, такъ что было бы безнадежно дѣлать попытку критической провѣрки даннаго документа, опредѣленія его значенія, какъ статистическаго матеріала. Въ этомъ отношеніи нашъ документъ не отвѣчаетъ на многіе запросы. Мы ужъ видѣли, какъ поверхностно писцы относились къ количеству городского населенія. При описаніи селъ они

даютъ только общую цифру слугъ, гольтяевъ въ селѣ и др. разрядовъ населенія, названіе платимыхъ податей и отбываемыхъ повинностей, но количество повинностей не указано, о размѣрахъ земельныхъ надѣловъ и рѣчи нѣтъ. Несмотря на эти недостатки, древность источника и заключающіяся въ немъ данныя все же представляютъ цѣнный матеріалъ [1]).

Рядомъ съ разобраннымъ описаніемъ надо поставить люстрацію Смоленской земли начала XVI вѣка, отрывки которой дошли до насъ. Она еще короче предыдущей [2]). Въ теченіе послѣдующаго періода мы имѣемъ одно только коротенькое извѣстіе о производившемся пописѣ жмудскихъ тивунствъ. Это описаніе производилось передъ 1527 г. писаремъ господарскимъ Контемъ Васильевичемъ, Станиславомъ Скономъ и дворяниномъ Андреемъ Мацковичемъ. Цѣль описанія—регистрація людей тяглыхъ, путныхъ, куничныхъ, и земель пустовскихъ, всѣхъ платовъ и доходовъ, которые приходили на прежнихъ старостъ и ихъ врядниковъ и на тивуновъ; описаніе дѣлалось какъ въ тѣхъ волостяхъ, которыя господарь оставилъ за собою, такъ и въ тѣхъ, которыя онъ выдѣлилъ старостѣ [3]). Такимъ образомъ и само описаніе волостей вызвано раздѣломъ волостей. Къ сожалѣнію, до насъ не дошла эта перепись. Гораздо важнѣе была перепись господарскихъ дворовъ 1528 г. Она стоитъ въ тѣсной связи съ постановленіемъ сейма того же года, рѣшеніемъ котораго должны быть переписаны всѣ имѣнія шляхты для опредѣленія, сколько каждый служилый человѣкъ долженъ поставить на войну всадниковъ. Писари (Станиславъ Скопъ и дворянинъ Янъ Орвидовичъ), которые описывали людей шляхты, должны были переписать и службы господарскихъ людей въ Жомойтской землѣ. Ихъ переписи подлежали бояре посѣдные, слуги путные, мѣщане, тяглые люди и куничники. На обязанности составителей описи лежало записать: „всихъ людей нашихъ службами и колко въ которой службе дымовъ, и ихъ сохи воловыи и кони, и маемость кождого чоловека и земли пустовскія“; равнымъ образомъ всѣ земли, отданныя шляхтѣ королемъ Александромъ или самимъ Сигизмундомъ I, также: „и колко тежъ, у которомъ тивунстве вы, тивунове нашы, людей будете на насъ присадили, або гдѣ што людей будеть убыло *послѣ попису* писарей нашыхъ“ (который производился

---

[1]) *М. Довнаръ-Запольскій*, Государственное хозяйство, I, р. 197 сл.
[2]) Напеч. въ прил. у Любавскаго, Обл. дѣл. и мѣстное управленіе.
[3]) А. З. Р., II, 182.

до 1527 г.). Такимъ образомъ новая перепись преслѣдовала широкія задачи регистраціи не только службъ и сохъ, а также и „маемости" каждаго тяглеца; она также должна была служить для цѣли провѣрки хозяйственной дѣятельности тивуновъ. Порядокъ описи опредѣлялся такой: составители ея должны были собрать необходимыя свѣдѣнія отъ тивунскихъ намѣстниковъ и волостныхъ врядниковъ; собраніе свѣдѣній производилось паномъ Скопомъ отъ этихъ лицъ подъ присягою въ томъ, что они „справедливе въ каждый кусъ пописали а нечого не втаили" [1]).

Предписаніе, содержаніе котораго мы только что привели, относится къ жмудскимъ волостямъ; но весьма вѣроятно, что описаніе производилось тогда же и въ другихъ господарскихъ волостяхъ, по крайней мѣрѣ въ дворахъ Троцкаго и Виленскаго повѣтовъ [2]). Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что перепись была связана съ общею для всего государства мѣрою—переписью всего государства. Мы только что видѣли, что кромѣ тяглецовъ должны быть пописаны и королевскіе бояре и путные слуги. Дѣйствительно, въ извѣстной переписи 1528 г. (Кн. Переп. Лит. I) мы въ концѣ перечня шляхты каждаго повѣта встрѣчаемъ слугъ путныхъ и бояръ господарскихъ,— значитъ, они были переписаны по всему государству. Кромѣ того, до насъ могъ дойти только одинъ листъ на Жмудь о переписи потому, что въ господарской канцеляріи, когда разсылались листы по всему государству, по обыкновенію въ книги записывался только одинъ листъ „тымъ обычаемъ",—образецъ, по которому писались листы по всѣмъ повѣтамъ или староствамъ, а затѣмъ только прилагался списокъ мѣстъ и лицъ, куда посылались листы. При этомъ, если листы разсылались по державамъ, то листъ „тымъ обычаемъ" всегда писался на имя жмудскихъ тивуновъ. Правда, при разсматриваемой господарской грамотѣ нѣтъ надписанія, что это листъ „тѣмъ обычаемъ", нѣтъ

---

[1]) У Любавскаго, Обл. дѣл., прил., № 44.

[2]) Подтвержденіемъ можетъ служить листъ великаго князя писарю дворовъ Троцкаго и Виленскаго повѣтовъ (1530 г.) Б. Мацковичу, въ которомъ говорится: „Што перво сего будучи намъ у вотчинѣ воликомъ княжестве Литовскомъ, поспол съ паны родами нашими намовивши постановили есмо по всимъ дворомъ нашымъ вставу новую и с тою уставою нашою на реестра выписавши по всимъ замкомъ и дворомъ нашымъ тебе есмо послали, винъ и всихъ доходовъ нашихъ смотрети казали". Далѣе видно, что Б. Мацковичъ производилъ опись въ Дорогицкомъ пов. Кн. Зап. Лит. XVII, лл. 46 об.—17 об. Источники еще свидѣтельствуютъ, что тотъ же Б. Мацковичъ описывалъ Волковыскій повѣтъ. Кн. Зап. Лит., XXVIII, л. 76.

списка державъ, куда онъ посылался, но мы встрѣчаемъ ее въ скопированной въ концѣ XVI в. книгѣ, почему неудивительно, если только что изложенныя особенности листовъ и не были отмѣчены переписчикомъ (что часто случалось). Такимъ образомъ думается, что въ 1528 г. была произведена перепись господарскихъ дворовъ всего государства. Къ сожалѣнію, она до насъ не дошла. Можно однако думать, что мы имѣемъ отъ нея одинъ небольшой отрывокъ—„реестръ двора Волковыского" въ VII книгѣ записей Литовскихъ [1]). Въ отрывкѣ, правда, нѣтъ даты, но онъ находится въ книгѣ временъ Сигизмунда I, составленной изъ актовъ разныхъ годовъ его правленія. По своему составу онъ подходитъ къ программѣ, намѣченной въ господарскомъ листѣ, заключая въ себѣ перечень службъ, пустовщинъ, податей и повинностей. Приходится пожалѣть, что до насъ не дошла опись 1528 г. [2]). Между тѣмъ она долгое время имѣла офиціальное значеніе.

Выше было сгруппировано нѣсколько извѣстій о переписяхъ, касавшихся или всего государства, или по крайней мѣрѣ крупныхъ частей его. Это такъ называемые „пописы" земель, терминъ, который имъ большей частью дается самими документами. Но кромѣ этихъ болѣе или менѣе общихъ пописовъ, до насъ дошло небольшое количество, такъ называемыхъ инвентарей—описаній отдѣльныхъ замковъ или великокняжескихъ державъ. Инвентари составлялись обыкновенно при переходѣ державы или замка отъ одного старосты къ другому, или по смерти старосты, когда вводился въ администрацію державы его преемникъ. Такого рода инвентари извѣстны уже съ конца XV вѣка,

---

1) Напечатанъ у Любавскаго, ор. с., прил. № 8.

2) Быть можетъ, тогда же было предположеніе собрать свѣдѣнія о частновладѣльческихъ земляхъ, т. е. провѣрить ихъ данины и твердости. Въ Кн. Зап. Лит. XV на л. 236-мъ встрѣчаемъ замѣтку: „Листы, которыи писаны до пановъ радъ и до всеи земли о покладанье листовъ, данинъ и привилеевъ". Далѣе идетъ списокъ, куда и кому посланы листы, но копіи листовъ нѣтъ и подобнаго содержанія листовъ нигдѣ не встрѣчается. Замѣтка безъ даты, но по времени она можетъ относиться къ концу двадцатыхъ годовъ или тридцатому году. Требованіе листовъ—данинъ могло имѣть смыслъ или при пописѣ господарскихъ дворовъ, или при пописѣ шляхты 1528 г. Но при военныхъ пописахъ данины никогда не предъявлялось, и въ самомъ пописѣ нѣтъ наисковъ на предъявленіе листовъ. Слѣдовательно, замѣтка можетъ относиться только къ попису дворовъ господарскихъ, гдѣ установленіе захватовъ изъ господарскихъ земель имѣло важное значеніе. Но, очевидно, попытка истребовать листы оказалась неудачной. Пописъ бояръ былъ еще въ 1534 г., Акты Вил., XXIV, 89.

напримѣръ: „инвентарь поданья Кременца" [1]). Коротенькое описаніе господарскаго двора въ Смоленскѣ, составленное по смерти воеводы Юрія Глѣбовича при переходѣ города къ Миколаю Ильиничу [2]), инвентарь Берштанъ, составленный при переходѣ ихъ къ королевѣ Еленѣ [3]); инвентарь Витебскаго замка съ тивунствами, составленный при вводѣ Ивана Сапеги въ завѣдываніе воеводствомъ, инвентарь Житомира [4]) и нѣкоторые другіе. Все это очень коротенькіе перечни, преслѣдующіе цѣли зарегистрованія господарскаго имущества. Въ нихъ большое вниманіе обращается на наличность запасовъ въ замкѣ—пороху, свинцу, пуль, ядеръ, орудій; во дворахъ—хлѣба, скота, челяди. О податныхъ классахъ населенія говорится вскользь въ самыхъ общихъ чертахъ, въ родѣ: „подъ волостнымъ приставомъ Петромъ осмдесятъ службъ", или: „тивунъ Селицкій Костечко поведалъ подъ собой людей тяглыхъ 15 человѣковъ а челяди неволное" и т. д. О размѣрахъ земельныхъ надѣловъ, о повинностяхъ тяглецовъ, о составѣ ихъ семьи, имущества нѣтъ и помину. Зато эти инвентари могутъ служить хорошимъ источникомъ для выясненія характера господарскаго хозяйства.

Итакъ, древнѣйшіе инвентари весьма кратки. Но составленные при Сигизмундѣ I и особенно при его сынѣ отличаются большими подробностями, такъ что могутъ служить не только для цѣлей изученія характера и способовъ хозяйства, но и для извлеченія изъ нихъ статистическихъ данныхъ о населеніи. Такъ напримѣръ, въ 1534 году былъ составленъ инвентарь мѣстечка Ганусишекъ при передачѣ его въ державу Лепунскую А. Мацковичу, по смерти ганусишскаго державцы Якова Кунцовича. Тутъ мы уже встрѣчаемъ поименной перечень людей, ихъ тяглыхъ обязанностей, ихъ занятій (напримѣръ, ремесленниковъ) [5]). Инвентарь Мядельской волости 1545 г. уже содержитъ въ себѣ не только перечень людей и ихъ службъ, но также число взрослыхъ хозяевъ на каждой службѣ (сыновей, братьевъ, потужниковъ), размѣръ земли съ раздѣленіемъ ея на унавоженную и не унавоженную, сѣножатную, количество скота каждой земли и размѣръ платимой съ него дани и отбываемой службы [6]). Инвентарь Оршанскаго замка и всего старовства, составленный въ 1560 году по

---

[1]) Зап. Лит., IV, л. 107—108 (Любавскій, прил. № 1).
[2]) Зап. Лит. VI, л. 279, 280 (Любавскій, № 3).
[3]) Зап. Лит. VI, л. 217 (Люб., № 4).
[4]) Зап. Лит. VI, л. 261 (Ibid., № 5). Арх. Ю. З. Р., ч. VI, т. I.
[5]) Документы Моск. Арх. Мин. Юст., I, p. 70 (изданные мною).
[6]) Ibidem, p. 75.

случаю „поданья" его новому старостѣ князю А. С. Одинцовичу по смерти П. Д. Корсака, произведенъ съ такими подробностями, которыя способны удовлетворить, во многихъ отношеніяхъ, и современнаго историка. Послѣ подробнаго описанія замковыхъ укрѣпленій и орудій, находящихся въ немъ, слѣдуетъ описаніе дворовъ въ замкѣ, тоже съ большими подробностями — описаніе въ отдѣльности каждой постройки, крыши, и ея состоянія, число оконъ, печей, дверей, мебели и проч. Далѣе слѣдуетъ перечень челяди невольной, корчемъ, озеръ, бобровыхъ гоновъ. Населеніе мужского пола посчитано поименно, съ указаніемъ числа домовъ и повинностей; конечно, отмѣчены тяглые разряды, ремесленники. Перечень сельскаго населенія заключаетъ въ себѣ перечень домохозяевъ, домовъ и службъ, повинностей и платежей; размѣры земельнаго владѣнія помѣчены службами, что, конечно, не даетъ вполнѣ опредѣленнаго понятія о размѣрахъ земельнаго надѣла [1]).

Къ причинамъ, которыя вызывали составленіе инвентарей отдѣльныхъ державъ или селъ, надо прибавить еще и такія, когда, напримѣръ, имѣніе переходило къ королю какъ вымороченное (такъ напримѣръ, до насъ дошло нѣсколько описаній Гаштольтовскихъ имѣній [2]), или при обмѣнѣ королевскихъ земель на частновладѣльческія [3]).

Названные инвентари служили для державцевъ и скарба документомъ, на основаніи котораго мѣстная администрація собирала подати и требовала выполненія повинностей отъ тяглаго населенія, а скарбъ могъ провѣрять и наличность имущества въ державѣ и количество слѣдуемыхъ къ поступленію изъ нея податей и повинностей. Списки съ инвентарей находились какъ въ скарбѣ, такъ и въ рукахъ державцевъ. Разбираемаго типа документы должны были быть весьма многочисленны, но сохранились они въ весьма небольшомъ количествѣ. Это объясняется тѣмъ, что съ точки зрѣнія скарба и мѣстной администраціи они имѣли временный, преходящій характеръ; каждый вновь составленный инвентарь дѣлалъ для скарба безполезнымъ прежній, а когда была выполнена волостная помѣра и ревизія русскихъ волостей, то всѣ инвентари, составленные до нея, потеряли для скарба всякій интересъ. Вотъ почему до насъ дошло такъ немного этихъ интересныхъ документовъ.

---

[1]) Ibidem, p. 123 слѣд.

[2]) Трабы, въ А. Вил. Ком. т. XIV; Радошковичи, — Документы М. А. М. Ю., I, p. 90.

[3]) Документы М. А. М. Ю., I.

II.

Но только что разсмотрѣнныя описанія не могли удовлетворить разнообразнымъ интересамъ военно-финансоваго характера. Одни изъ описаній составлялись случайно и неодновременно, разными лицами (для „увязанья" старостъ и составленія инвентаря посылался каждый разъ особый дворянинъ); центральное правительство въ сущности не могло провѣрить точность описанія. Относительно пописа 1528 года можно сказать уже и то, что онъ устарѣлъ къ половинѣ столѣтія. Новыя государственныя потребности и новыя теоріи ставили на первое мѣсто прежде всего необходимость самыхъ точныхъ статистическихъ свѣдѣній о государственномъ имуществѣ, при чемъ это послѣднее интересовало скарбъ уже не въ смыслѣ одного перечня службъ, людей и повинностей. Все это приводило къ тому, что правительство молодого Сигизмунда Августа, съ перваго же года его княженія, выдвинуло весьма важную задачу полнаго и всесторонняго статистическаго описанія государства. Страна покрывается скарбовыми агентами, которые въ разныхъ мѣстностяхъ то приводятъ въ наличность государственное имущество, то устанавливаютъ повинности и пр.

Описанія земель съ цѣлями военно-финансовыми велись въ теченіе всего княженія Сигизмунда Августа. По цѣлямъ, которыя преслѣдовались этими ревизіями (терминъ, установившійся за описаніями временъ этого государя), ихъ можно раздѣлить на два отдѣла—на ревизіи чисто хозяйственнаго назначенія (описаніе господарскихъ имуществъ въ собственномъ смыслѣ—дворовъ, волостей и лѣсовъ) и на ревизіи, преслѣдовавшія цѣли государственной обороны на ряду съ финансовыми. По методамъ составленія, описанія разбиваются на три группы въ зависимости отъ мѣстныхъ географическихъ и хозяйственныхъ условій и отчасти отъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Такъ, къ первой группѣ можно отнести описаніе окраинныхъ замковъ 1545—1552 гг., въ которыхъ проведена регистрація не только господарскихъ замковъ и дворовъ со всѣми ихъ принадлежностями, но и частновладѣльческихъ имѣній (для цѣлей обороны). Ко второй группѣ слѣдуетъ отнести ревизіи Поднѣпровскихъ волостей, въ которыхъ не зарегистровано частныхъ владѣній (кромѣ недавно выдѣленныхъ изъ господарскихъ). Наконецъ, къ третьей—ревизіи господарскихъ дворовъ на волочной помѣрѣ. Мы сейчасъ увидимъ, въ чемъ заключается различіе всѣхъ этихъ видовъ описаній, но прибавимъ, что наши ре-

визіи, по своимъ пріемамъ составленія, отчасти и по задачамъ находятся въ извѣстной хронологической послѣдовательности, съ точки зрѣнія которой мы сейчасъ и будемъ ихъ разсматривать.

Начнемъ съ ревизіи 1545 г. Ревизія началась въ 1545 г. съ замковъ волынскихъ и частію южныхъ украинныхъ. Нужно замѣтить, что еще Сигизмундъ I мечталъ о производствѣ ревизіи правъ землевладѣнія на Волыни, но попытка его разбилась о сопротивленіи шляхты [1]). На послѣднемъ, въ присутствіи этого государя, литовскомъ сеймѣ 1544 г., очевидно, состоялось постановленіе о новой ревизіи замковъ волынскихъ и украинскихъ. Оно санкціонировано было правительствомъ молодого Сигизмунда Августа. Первыя же страницы ревизіи разсказываютъ намъ, что молодой король, по совѣту съ радой, назначилъ для производства ревизіи волынскихъ замковъ бискупа луцкаго Юрія Фальчевскаго и дьяка Льва Патсевича Тышкевича. Цѣль осмотра замковъ—разузнать объ ихъ устройствѣ и недостаткахъ и сдѣлать надлежащее постановленіе объ ихъ нуждахъ. Если ревизоры не рѣшатся по какому нибудь вопросу сдѣлать постановленіе, то они обязаны представить свои соображенія на усмотрѣніе государя. Ревизорамъ былъ назначенъ опредѣленный срокъ для описанія замковъ Владимірскаго и Луцкаго,—срокъ весьма короткій, если вспомнить, что въ первомъ городѣ они обязаны были быть 4 іюня, а во второмъ уже 11 числа того же мѣсяца. Дѣло въ томъ, что описаніе предполагалось произвести путемъ осмотра замка (очевидно, бѣглаго) и опроса мѣстныхъ земянъ объ ихъ повинностяхъ. Таковы въ общихъ чертахъ цѣли этой ревизіи. Къ этому надо прибавить, что постановленіе о ней обоихъ королей и рады состоялось на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года, на которомъ много вниманія удѣлено вопросамъ объ оборонѣ земской, на что намекаетъ одно мѣсто ревизіи [2]); это видно и изъ только что указаннаго предисловія ревизоровъ (король могъ совѣщаться съ радой какъ разъ въ Брестѣ, но сеймовая уфала 1544 г. не говоритъ о производствѣ ревизіи).

Мы видѣли, что постановленіе объ описаніи замковъ относилось ко всему великому княжеству; въ сеймовой уфалѣ 1551 г. есть и указаніе на то, что королю доставляли описаніе замковъ, при томъ не только украинныхъ, но и расположенныхъ внутри государства [3]). Тѣмъ не ме-

---

[1]) Памятники Кіев. Арх. Ком., IV. ревизія, р. 18.

[2]) Памятники, р. 53.

[3]) А. З. Р., III, 41.

нѣе до насъ дошли описанія только слѣдующихъ замковъ 1545 г.: Житоміра, Володиміра, Луцка, Кременца, Овруча, Винницы и Брасавля, Овруча [1]); слѣдовъ описанія замковъ въ другихъ мѣстностяхъ, тѣмъ болѣе самихъ документовъ, не сохранилось. Впрочемъ, надо замѣтить, что указаніе короля на сеймѣ 1551 года носитъ столь общій характеръ, что трудно съ достовѣрностью сказать, дѣйствительно ли было произведено описаніе и не волынскихъ замковъ,—могли бы остаться хоть какіе нибудь обрывки его. Къ этому присоединяется и то соображеніе, что опозиція, встрѣченная королевскими комиссарами на Волыни, едва ли могла побудить правительство настаивать на своемъ предпріятіи.

Дѣйствительно, ревизія волынскихъ замковъ дала молодому правительству неутѣшительные результаты двоякаго рода: замки были весьма плохи, замковыя повинности окрестной шляхтой и господарскими врядниками не выполнялись, а съ другой стороны земянство шумно протестовало противъ всякой регистраціи своихъ обязанностей по отношенію къ государству и перенесло свой протестъ на ближайшіе сеймы.

На томъ, въ какой мѣрѣ замки соотвѣтствовали цѣлямъ обороны страны, и на томъ, какія повинности лежали на подданныхъ и земянствѣ, мы останавливаться не будемъ. Здѣсь насъ интересуютъ два обстоятельства, связанныя съ ревизіей: во-первыхъ, внѣшній ходъ самой ревизіи и дѣятельность правительственныхъ комиссаровъ, какъ должностныхъ лицъ; во-вторыхъ, выясненіе значенія памятниковъ ревизіи, какъ историко-статистическаго источника. Одно съ другимъ тѣсно связано: когда мы знаемъ, какъ составляется статистическій документъ, мы предвидимъ и цѣнность сообщаемыхъ имъ данныхъ.

Вполнѣ благія начинанія правительства встрѣтились съ упорнымъ нежеланіемъ шляхты подчиняться его требованіямъ. Первоначально на ревизію былъ посланъ королемъ одинъ Л. Тышкевичъ, но земяне не пожелали предъявить ему листовъ. Тогда король посылаетъ Юр. Фальчевскаго, человѣка мѣстнаго, высшее духовное лицо на Волыни, для ревизіи, а Тышкевичъ при немъ играетъ уже только роль секретаря, хотя епископъ хворалъ во время ревизіи и, конечно, вся тяжесть и заслуга ея пала на дьяка. Однако и пріемъ Фальчевскому со стороны шляхты не отличался особенною любезностью. Пріѣхавъ во

---

[1]) Напечатаны дважды: Яблоновскимъ въ Źródła dz., т. VI, и въ Памятникахъ Кіев. Ком., т. IV; Описаніе Овруча въ Арх. Юг. Зап. Р., ч. IV, т. I.

Владиміръ. комиссары два дня ждали полнаго съѣзда князей, пановъ и земянъ; но далеко не всѣ пожелали явиться для ревизіи, прибыло около 50 особъ, другіе не пожелали къ нимъ явиться. Правда, среди прибывшихъ были владыка Геннадій, князь Ѳ. А. Сангушко и другіе. Тогда только на третій день ревизоры начали свою дѣятельность, ограничившись тѣмъ количествомъ шляхетской братіи, какое было налицо. Ревизоры прочли сй королевскіе листы о ревизіи. Между прочимъ одинъ изъ этихъ листовъ опредѣляетъ цѣль ихъ миссіи: обревизовать грамоты помѣщиковъ на имѣнія для опредѣленія размѣровъ земскихъ повинностей (замковой, мостовой, дорожной, стацій) и особенно правъ ихъ на мытные сборы въ частныхъ имѣніяхъ. Выслушавъ господарскіе листы, земяне заявили, что они не отказываются отъ постройки и ремонта замковыхъ городенъ, что̀ на кого приходится, но рѣшительно возстали противъ предъявленія своихъ крѣпостей на имѣнія: въ Луцкѣ, объясняли они, собирается для той же цѣли на сеймъ „старшая братія наша", въ Луцкѣ хранится привилей Волынской землѣ: тамъ володимерскіе земяне обѣщаютъ предъявить, посовѣтовавшись съ своей старшей братіей, свои крѣпости на имѣнія и дать свѣдѣнія о повинностяхъ для содержанія замка. Самъ староста володимірскій обѣщалъ предъявить свои привилеи въ Луцкѣ и тѣмъ показать примѣръ повиновенія; такъ, онъ показалъ въ „своемъ покоѣ" (кабинетѣ) ревизорамъ нѣкоторые свои листы. Комиссарамъ ничего не оставалось, какъ согласиться съ такимъ рѣшеніемъ земянства и заняться описаніемъ самого замка. Они описали замокъ, отмѣтивъ всѣ городни и башни, ихъ порядокъ, состояніе и требуемый для каждой ремонтъ, объясняя при каждой, какое село,—господарское или землевладѣльческое сдѣлало данную городню и что̀ еще обязано сдѣлать; описаны также замковые мосты, мельницы, военные припасы, сообщено кое что и о замковыхъ повинностяхъ. Затѣмъ слѣдуетъ въ такомъ же порядкѣ описаніе города Володиміра, записаны и привилеи и жалобы мѣщанъ.

Въ назначенный срокъ королевскіе комиссары уже были въ Луцкѣ въ ожиданіи общаго сейма волынскихъ земянъ. Они прождали здѣсь одинъ и другой день, но земяне не являлись. Впрочемъ на второй день они встрѣтили въ замкѣ нѣсколькихъ видныхъ представителей частнаго землевладѣнія, обоихъ епископовъ волынскихъ, князей Чарторыйскихъ и другихъ лицъ. Ревизоры предъявили имъ свои грамоты. Выслушавъ съ почтительностью послѣднія, земяне просили дать ихъ имъ на руки для разсмотрѣнія, прося не торопить ихъ, и обѣщали

дать отвѣтъ. Ревизоры ожидали собранія земянъ до третьяго дня; земяне не являлись; при томъ отъ ревизоровъ не укрылось то обстоятельство, что „меншіе“ получають наставленія отъ „старшихъ“, а между тѣмъ сейма не начинаютъ. Тогда Фальчевскій и Тышкевичъ прибѣгли къ хитрости: они стали объявлять каждому земянину лично о цѣли своего пріѣзда и заносили имена ихъ въ реестръ. Всего записано было такимъ путемъ 112 особъ. Эта уловка со стороны ревизоровъ заставила шляхту выступить, наконецъ, со своимъ отвѣтомъ: каждый въ отдѣльности не рисковалъ оказать сопротивленіе королевской власти. Впрочемъ отъ ревизоровъ не могло укрыться то обстоятельство, что многіе видные паны совсѣмъ не явились въ Луцкъ: В. К. Острожскій въ началѣ сейма былъ подъ Луцкомъ въ своемъ имѣніи Крупой, но уѣхалъ; княгиня Ильиная Острожская не пріѣхала, отговариваясь болѣзнью дочери; не было многихъ изъ Вишневецкихъ, Корецкихъ, Салтановичей, вдовы Богуша Боговтиновича и многихъ другихъ знатныхъ особъ, не говоря о мелкой шляхтѣ, имена коей остались неизвѣстны ревизорамъ. Наконецъ, послѣ настоятельныхъ напоминаній со стороны ревизоровъ, волынскіе земяне дали имъ черезъ своего хоружаго М. Сербина и Михаила Еловича письменный отвѣтъ. Отвѣтъ составленъ въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ: земяне протестуютъ противъ подачи своихъ привилеевъ, такъ какъ нѣтъ весьма многихъ изъ пановъ, указываютъ на то, что другія земли великаго княжества избавлены отъ пописа, что они сами и ихъ продки не „украли“ королевскихъ земель—„старосты зъ горла въ насъ то выдрали“, если бы что нибудь было прихвачено изъ господарскаго; о переписи людей земяне заявляютъ, что ее произвести невозможно: подданные пользуются большими вольностями и часто расходятся; кромѣ того, они находятъ несправедливымъ сопоставленіе при переписи волынскихъ дворищъ съ литовскими службами—послѣднія больше; наконецъ указываютъ на свои тяготы и обѣщаютъ поднять вопросъ на сеймѣ, почему они впали у короля въ такую немилость. Въ свою очередь Ю. Фальчевскій составилъ шляхтѣ укоризненный отвѣтъ, упрекая ее въ неповиновеніи королю и сеймовому рѣшенію. Ревизоры обратились къ крупнымъ панамъ съ запросомъ, солидарны ли они съ отвѣтомъ земянъ, но имъ дали уклончивое объясненіе. Видимо, и сами земяне сознали рѣзкость своего отвѣта, или между ними произошелъ расколъ: только они просили ревизоровъ возвратить имъ ихъ прежнюю записку, предлагая дать иную, болѣе мягкаго содержанія. Вторая записка содержитъ въ себѣ жалобы земянъ на то, что у мно-

гихъ изъ нихъ грамоты сгорѣли, снова указываетъ на отсутствіе многихъ пановъ; не отказываясь впрочемъ предоставить свои крѣпости на вальномъ сеймѣ, земяне указывали на неустойчивость крестьянскаго населенія, такъ какъ оно разбѣгается, выставляютъ свои заслуги въ борьбѣ съ татарами, тяготу этой борьбы, не отказываясь въ общемъ отъ извѣстнаго участія въ замковой работѣ. Изъ всѣхъ этихъ переговоровъ такъ-таки ничего и не вышло, такъ какъ даже и оба старосты уклонились отъ предъявленія своихъ грамотъ.

И опять ревизорамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ заняться описаніемъ замковыхъ и городскихъ укрѣпленій и выслушиваніемъ жалобъ мѣщанъ на беззаконные сборы на частновладѣльческихъ мытахъ. Эту внѣшнюю работу комиссары исполняли съ прежнею тщательностью. Впрочемъ, окончивъ описаніе Луцкаго замка, ревизоры успѣли раздобыть „отъ стариковъ и отъ другихъ людей" весьма поверхностныя свѣдѣнія о селахъ, приписанныхъ къ ключу и замку Луцкому: въ селахъ зарегистровано общее число дворищъ и повинностей крестьянъ, о разныхъ мелкихъ доходахъ на старосту (въ родѣ кащщины и проч.). Староста такъ и не подалъ своего реестра. Однако володимірскій староста князь Ѳед. Андр. Сангушковичъ представилъ реестръ своихъ старостинскихъ доходовъ, но весьма неполный. Ключникъ луцкій представилъ реестръ доходовъ своего двора. Неизвѣстно, какимъ путемъ раздобыли ревизоры списокъ (только названія) селъ, розданныхъ великими князьями отъ Владимірскаго замка волынской шляхтѣ. Списокъ неполный уже по одному своему объему и недостаточный по содержанію. Зато князь Коширскій, староста луцкій, самъ представилъ списокъ селъ, отданныхъ отъ Луцкаго и Володимірскаго замковъ—тоже одни названія селеній и ихъ владѣльцевъ. Посредствомъ развѣдокъ, распросовъ, ревизоры увеличили еще свой списокъ выслуженныхъ земянами селъ, а также монастырскихъ владѣній.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ составлено было описаніе двухъ важнѣйшихъ волынскихъ замковъ.

Ничего новаго въ отношеніяхъ къ себѣ со стороны шляхты не встрѣтили ревизоры и въ Кременцѣ: здѣсь не только земянство, несмотря на двукратные пригласительные листы, не собиралось, но отсутствовалъ даже мѣстный городничій. Такимъ образомъ даже описаніе замка ревизорамъ пришлось писать по распросамъ. При такихъ же условіяхъ составлено описаніе замковыхъ селъ.

Съ Волыни въ украинные замки (Винницу, Брославль и Жито-

міръ) отправился уже одинъ Л. Тышкевичъ [1]). Здѣсь ему пришлось столкнуться съ нѣсколько иной обстановкой: не „млечный путь“ князей, не вельможные паны владѣли на украйнѣ землями: въ Винницѣ ревизоръ встрѣтилъ старосту винницкаго „съ иными ротмистрами и наемными людьми“. Это мѣстное общество, среди котораго было немало разнаго вольнаго люда, именовавшаго себя земянами, но отъ которыхъ открещивалась родовитая шляхта,—было, конечно, попроще: отъ него трудно было ожидать такого открытаго и рѣзкаго сопротивленія, какое сказалось на Волыни. Сопротивленія и не было. Мы не знаемъ содержанія инструкціи, данной господарскому дьяку, но пріемы описанія южныхъ замковъ были употреблены съ его стороны иные. О „покладаніи листовъ“ нѣтъ и помину. Дѣло ведется попрежнему,—на замкѣ въ присутствіи собравшихся земянъ и мѣщанъ. Вѣроятно, они сами съѣхались. Ревизія производилась исключительно путемъ опроса [2]). Одно мѣсто даже прямо указываетъ, что листовъ не предъявляли: ревизоръ совѣтуетъ королю произвести разслѣдованіе, на какихъ правахъ здѣшніе земяне держатъ селища, и высказываетъ весьма правдоподобно, предположеніе, что у многихъ „твердостей жадныхъ“ не окажется [3]). Мы не знаемъ, почему на украйнѣ правительство прибѣгло къ нѣсколько иной системѣ регистраціи государственнаго имущества и повинностей (конечно, система была указана правительствомъ: едва ли дьякъ отступилъ отъ своихъ инструкцій), но легко себѣ представить причину такой перемѣны. Правительство не могло не знать о томъ, какими путями захватывались земли на окраинѣ, но ими оно само дорожило мало, да къ тому же воинственное населеніе Украйны представляло передовой пунктъ государства на опасной татарской границѣ, было слишкомъ полезнымъ элементомъ, чтобы разгонять его придирчивымъ требованіемъ „твердостей“; да и не безопасно было бы спорить съ тамошнимъ казакующимъ земянствомъ.

Такимъ образомъ путемъ опроса Тышкевичъ описалъ внѣшнее положеніе замковъ, т. е. состояніе его укрѣпленій и военныхъ припасовъ, замковыя повинности, старостинскіе доходы; при этомъ онъ даетъ общее число домовъ мѣщанскихъ въ городахъ, списокъ частновладѣльческихъ селъ съ ихъ замковыми повинностями. Но эти распросы были довольно поверхностнаго свойства. Ревизоръ самъ при-

---

[1]) Это видно изъ вступленія и изъ заключенія описаній.

[2]) Źr. dz., VI, стр. 108 сл.

[3]) Ibidem, p. 126.

знался, что относительно земель—„не знати где господарское, а где земянское есть: вси селища и пожитки за земяны и мѣщаны и за козаки суть, нижли закрыты; и хотя бы невемъ какой пожитокъ с того собе брали, однакъ то поведають—„ничого не маемъ", и повинности замковыхъ не хочуть тягнути, и все впусте менують, а предся мовять: „тамъ наше, а тамъ брата нашого" [1]).

Въ Браславлѣ ревизоръ досталъ списокъ земянскихъ селъ отъ мѣщанъ [2]), въ Житомирѣ онъ „выискавши" распросилъ объ имѣніяхъ тѣхъ земянъ, которые не пожелали дать справки о своихъ селахъ [3]) и т. д.

Собирая свѣдѣнія о томъ, что слышалъ и видѣлъ, и старательно занося ихъ въ свое описаніе, Тышкевичъ далъ цѣлый рядъ весьма дѣльныхъ собственныхъ замѣчаній относительно необходимыхъ улучшеній на Украйнѣ. При описаніи волынскихъ замковъ ревизоры болѣе или менѣе объективно заносили все ими слышанное, видѣнное, свои замѣчанія они дѣлали преимущественно относительно военнаго дѣла и состоянія укрѣпленій. Но поѣздка на Украйну дала Тышкевичу возможность мимоходомъ начертать цѣлую программу правительственной дѣятельности въ этой мѣстности, и—что весьма важно—надо имѣть въ виду, что черезъ полъ-десятка лѣтъ правительственная дѣятельность на южной границѣ во многомъ соотвѣтствовала совѣтамъ составителя разсматриваемаго описанія; сюда относятся, напримѣръ, перестройка Браславскаго замка, посылка Волчковича и нѣкоторыя другія мѣры. Такъ, Тышкевичъ предлагаетъ проектъ перенесенія замка Винницы на другое, болѣе удобное мѣсто, тщательно изслѣдуетъ для этой цѣли вмѣстѣ съ ротмистрами мѣстность [4]), опредѣляетъ размѣры ремонта Браславскаго замка [5]). Онъ заботился и о достаточномъ обезпеченіи замковъ пушкарями: отмѣтивъ недостаточность числа ихъ въ Винницѣ, онъ спѣшитъ прибавить указаніе на кандидатовъ въ пушкари—сыновей теперешнихъ, но тутъ же замѣчаетъ, что не худо бы пригласить на замокъ „навченого" пушкаря изъ ляховъ или чеховъ [6]). Записавъ просьбу винницкихъ жителей о расквартированіи здѣсь постояннаго гарнизона изъ наемнаго войска и о возстановленіи Звени-

[1]) Ib., стр. 123.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem, p. 132.
[4]) Ibid., стр. 111.
[5]) Ib., стр. 120.
[6]) Ibid., стр. 121.

городскаго замка, Тышкевичъ съ своей стороны исчисляетъ выгоды отъ такихъ мѣръ: осядутъ села, казаки станутъ сдержаннѣе въ своихъ нападеніяхъ, конечно, и татары устрашатся [1]).

Съ другой стороны Тышкевичъ приводилъ рядъ соображеній и замѣчаній хозяйственнаго характера, обличающихъ въ немъ хорошее знакомство съ мѣстными условіями. На мѣстные рессурсы онъ смотритъ глазами государственнаго человѣка того времени: ихъ надо привлечь къ государственной службѣ, и въ особенности заставить осѣсть и платить повинности мѣстное крестьянство. Онъ подсчитываетъ имѣнія винницкихъ земянъ, указывая при томъ, что цѣль таковогo его иеречня—служить матеріаломъ для ихъ обложенія замковыми повинностями [2]); но при этомъ съ большой неприязнью онъ говоритъ о вольностяхъ мѣстныхъ крестьянъ, совѣтуя принять суровыя мѣры противъ ихъ перехода [3]), при чемъ тщательно разузнаетъ о повинностяхъ въ сосѣдней Польской Подоліи, ставя ее въ образецъ литовскимъ порядкамъ [4]). Такъ какъ земяне и мѣщане уклоняются отъ службы, то Тышкевичъ совѣтуетъ разслѣдовать объ ихъ повинностяхъ и „то установивши, коли бы мели по старому служить“ [5]). Совѣтуя правительству не стѣсняться въ установленіи здѣсь опредѣленнаго податного порядка, ревизоръ указываетъ на богатство украинской природы [6]). Всѣ свои замѣчанія онъ обычно скромно оговариваетъ, что это его „вбогое баченье“, но на все нужны „воля“ и „ласка“ короля.

Такъ велось дѣло описанія волынскихъ и украинскихъ замковъ. Если мы теперь соберемъ отдѣльныя черты, которыя могли бы свидѣтельствовать о точности данныхъ, собранныхъ въ этомъ, во всякомъ случаѣ весьма интересномъ, памятникѣ государственной дѣятельности, то не трудно придти къ слѣдующему заключенію. Выборъ агентовъ былъ сдѣланъ весьма удачно, почему мы можемъ питать полное довѣріе къ наблюдательности и знаніямъ этихъ лицъ; несомнѣнно также они были добросовѣстными посланцами государя. Но мы видѣли, съ какими препятствіями они столкнулись. При тѣхъ условіяхъ, при какихъ собирали свои свѣдѣнія Ю. Фальчевскій и Л. Тышкевичъ, на-

[1]) Ibid., стр. 122.
[2]) Ib., стр. 114.
[3]) Ib., стр. 116.
[4]) Ib., стр. 127.
[5]) Ib., стр. 129.
[6]) Ib., стр. 124.

вѣрнее можно думать, что статистическія данныя, собранныя ими, не заслуживаютъ особеннаго вниманія: онѣ не только не полны, случайны и общи, но и недостаточны, пользоваться этими данными совершенно безполезно, въ крайнемъ случаѣ онѣ даютъ minimum поселеній, населенія и повинностей его. Другое дѣло тѣ свѣдѣнія, которыя могли быть провѣрены ревизорами. Ихъ знаніямъ и добросовѣстности можно, конечно, вполнѣ вѣрить; сюда относится все то, что касается описанія замковыхъ укрѣпленій; замковыя повинности мѣщанъ, господарскихъ подданныхъ и отчасти земянскихъ они могли узнать вполнѣ точно, даже и размѣры ихъ. Наконецъ, замѣчанія ревизоровъ объ экономическихъ и сословныхъ отношеніяхъ того времени, записанныя ими жалобы и просьбы мѣстныхъ жителей представляютъ собою драгоцѣнный источникъ. Та система ревизіи, „покладанья“ листовъ, которая была примѣняема на Волыни, могла показаться современникамъ чѣмъ-то весьма сроднымъ съ экзекуціей правъ: провѣрка „твердостей“ могла выяснить не только повинности, давно неисполняемыя шляхтой, но и гораздо большее—отсутствіе у многихъ земянъ всякихъ правъ на владѣніе, если вспомнить практиковавшуюся систему захвата шляхтою государственныхъ земель. Конечно, это не могло совпадать съ желаніемъ шляхты. Мы видѣли, что волынцы собирались перенести дѣло на сеймъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не найдено „просьбъ“ Волынской земли на сеймѣ 1547 года: онѣ разъяснили бы намъ, дѣйствительно ли волынцы обращались къ королю съ запросами и просьбами по поводу ревизіи. Можно однако думать, что переговоры на этомъ сеймѣ съ королемъ о ревизіи были, причемъ вопросъ былъ поднятъ, хотя и очень осторожно, послами всего княжества: второй артикулъ общей сеймовой уфалы какъ разъ содержитъ въ себѣ просьбу шляхты двоякаго рода: о подтвержденіи особымъ привилеемъ статутоваго артикула: „хто за короля Казимера спокойнѣ што держалъ, а за короля Александра нихто ся то не вспоминалъ, абы то вже было вѣчно держано“, съ присовокупленіемъ такого же подтвержденія для купленныхъ и выслуженныхъ имѣній при Сигизмундѣ I и при самомъ Сигизмундѣ Августѣ; вторая часть просьбы заключала въ себѣ опять домогательство особаго привилея, которымъ бы былъ уничтоженъ статутовый законъ, по которому „его королевская милость давности не маеть“ (относительно поземельнаго владѣнія). Король отказалъ шляхтѣ въ выдачѣ просимыхъ привилеевъ [1]). Но нельзя сомнѣваться, что эти

[1]) А. З. Р., III, стр. 4—5.

просьбы имѣли въ виду закрѣпить за шляхтою „якимъ кольвекъ обычаемъ набытые“ имѣнія, то-есть попросту захваты, и что шляхта всполошилась подъ вліяніемъ волынской ревизіи. Однако правительство твердо рѣшилось добиться отъ шляхты выполненія земскихъ повинностей [1]) и на слѣдующемъ сеймѣ 1551 г. получило отъ нея торжественное согласіе на нихъ [2]). Послѣ этого оставалось только произвести регистрацію повинностей замковыхъ и установить на прочныхъ основаніяхъ отбываніе подводной.

Съ этою цѣлью тогда же предоставлено было королю право „обрати и намѣнити колко особъ, людей зацныхъ, вѣры годныхъ и пожитокъ речи посполитоѣ милуючихъ“ для ежегоднаго объѣзда пограничныхъ и внутреннихъ замковъ; на ихъ обязанности лежало „всѣхъ потребъ и недостатковъ“ замковыхъ досматривать и доносить обо всемъ господарю съ радой. На воеводъ и старостъ возложена обязанность наблюденія за точнымъ выполненіемъ шляхтою земскихъ повинностей [3]). Въ постановленіяхъ сейма 1551 г. нельзя не видѣть извѣстной сдѣлки шляхетства съ великокняжеской властью: оказавъ сильнѣйшее сопротивленіе приказаніямъ господаря и радѣ въ вопросѣ о предъявленіи привилеевъ на земли, сеймъ однако добровольно самъ примирился съ мыслью о регистраціи и исполненіи земскихъ повинностей. Постановленіе 1551 г. положило начало люстраціямъ замковъ на новыхъ основаніяхъ. Правительство спѣшило съ приведеніемъ въ извѣстность и порядокъ оборонительныхъ средствъ страны, и въ слѣдующемъ 1552 г. оно получило отъ своихъ агентовъ описаніе пограничныхъ замковъ, составленное по совершенно тожественной схемѣ. Изъ описанныхъ въ 1552 г. замковъ и староствъ до насъ дошли слѣдующіе: ревизія замковъ Полоцкаго [4]), Чернобыскаго, Остерскаго, Любецкаго, Мозырскаго, Луцкаго, Кременецкаго, Кіевскаго, Житомірскаго, Черкасскаго, Каневскаго, Винницкаго, Браславскаго [5]). Очень возможно, что тогда же были описаны и другіе замки, но документы эти пока не найдены. Описаніе замковъ 1552 г. составлено по совершенно однообразной системѣ,

---

[1]) Ib., стр. 11.

[2]) Ib., стр. 44—45.

[3]) Ib., стр. 45.

[4]) Начало этого любопытнаго памятника помѣщено въ Scriptores rerum polonicarum, t. V, по списку XVIII в. Повидимому, отсюда было перепечатано въ „Витеб. Губ. Вѣдом.“ 1903 г. Списокъ ревизіи XVI в. хранится въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба.

[5]) Архивъ Ю. З. Р., ч. VII, т. I и II.

только примѣненной къ мѣстнымъ условіямъ. Мы не знаемъ инструкціи, которую получили ревизоры, отправляясь для описанія замковъ; такая инструкція могла быть дана устно. Но общая цѣль описанія ясна—это регистрація замковъ и повинностей прилегающаго къ нимъ населенія съ военно-финансовыми цѣлями. По ревизіямъ трудно опредѣлить источники, коими пользовались ревизоры. Можно однако предполагать, что главнымъ матеріаломъ для нихъ служилъ опросъ населенія, „сознанья" шляхты и старостъ. При добромъ согласіи между правительствомъ и мѣстнымъ врядомъ такія свѣдѣнія не трудно было добыть съ большою точностью. Другой вопросъ—разъѣзжали ли ревизоры по староству и лично осматривали господарскіе дворы, земянскія села и наводили о нихъ справки на мѣстѣ, или же, по примѣру Тышкевича, собирали нужныя имъ данныя по опросу, сидя въ замкѣ. Точное знаніе порядка собиранія свѣдѣній было бы весьма важно для рѣшенія вопроса о значеніи сообщаемыхъ документами статистическихъ данныхъ, но къ сожалѣнію наши памятники не даютъ намъ отвѣта на этотъ счетъ. Однако надо помнить, что для ревизіи въ разныя мѣстности были посланы разныя лица, далѣе, что по нѣкоторымъ указаніямъ можно видѣть, что староства описывались на этотъ разъ не въ два-три дня, какъ въ 1545 г., а должны были занять довольно продолжительное время. На это указываетъ прежде всего детальность описанія, которая требовала болѣе или менѣе продолжительнаго времени.

Въ самомъ дѣлѣ, схема описанія замковъ состояла въ слѣдующемъ. Ревизоръ прежде всего описываетъ внѣшнее состояніе замка, число городень, вежъ, мосты, рвы, отмѣчая притомъ, гдѣ и какой нуженъ ремонтъ. Далѣе слѣдуетъ описаніе „повиноватства" подданныхъ. Для собранія справокъ по этому поводу прибѣгали къ опросу, подъ присягой „тыбульцовъ старшихъ", въ числѣ которыхъ были мѣщане, войты, волостные старцы [1]). Нельзя не замѣтить, что опросъ мѣщанъ и крестьянъ можно признать наилучшимъ средствомъ, по тому времени, получить свѣдѣнія. На этихъ элементахъ лежала замковая работа, имъ нечѣмъ было отъ нея защититься и нельзя было избѣжать работы; наконецъ, они были слишкомъ безсильны предъ королевскимъ ревизоромъ, чтобы не отвѣчать на его вопросы. Но съ другой стороны, мѣщанство и крестьянство замковое имѣло прямую выгоду не прикрывать „заложившихся" за старостъ людей, съ цѣлью избѣжать

[1]) См. напр.: Арх. Ю. З. Р., ч. VI, т. I, р. 587, 594, 615.

выполненія общихъ повинностей, или же тѣхъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ, которые, надѣясь на вліяніе своихъ владѣльцевъ, не желали помогать въ работахъ господарскимъ подданнымъ. Если при этомъ принять во вниманіе, что эти элементы нельзя заподозрить въ незнаніи „старины", пошлины, то станетъ вполнѣ понятнымъ, что къ ихъ показаніямъ слѣдуетъ отнестись съ большимъ довѣріемъ. Дѣйствительно, описаніе повинностей вездѣ проведено съ полнотой, едва-ли заставляющей желать большей тщательности: описаны всѣ повинности съ указаніемъ, что когда и кѣмъ (селами или отдѣльными лицами) выполняется. Съ неменьшей точностью записаны доходы и оброчныя статьи старостинскихъ доходовъ: капщина, вины, мыта, ловы, езы, озера и пр., съ указаніемъ количества доходовъ, а также обязанностей, по отношенію къ оброчнымъ статьямъ, подданныхъ: тутъ записывается всякая мелочь. Напримѣръ, чтобы опредѣлить доходъ чернобыльскаго старосты отъ пашни, сдаваемой за „куницы", ревизоръ обозначаетъ размѣръ куницы, а о ежегодномъ доходѣ говоритъ, что его бываетъ отъ 10 до 14 копъ грошей литов., „бо не завжды ровно пашниковъ бываетъ". Не легко опредѣлить количество ежегоднаго звѣринаго улова, но ревизоръ приводитъ число убитыхъ бобровъ за текущій годъ [1]). Когда ревизоръ сообщаетъ о доходахъ съ корчемъ, онъ не всегда довольствуется цифрой аренды за одинъ годъ, но приводитъ свѣдѣнія за нѣсколько лѣтъ [2]).

Описавъ замокъ и повинности, ревизоръ приводитъ поименной списокъ мѣщанъ, бояръ и земянскихъ домовъ, затѣмъ дань съ каждаго домохозяина, мѣщанина. Относительно земянскихъ домовъ люстраторъ добывалъ свѣдѣнія, отъ кого они пріобрѣтены: если отъ мѣщанъ, то указывалъ, какое раньше, при сидѣвшемъ на мѣстѣ тяглецѣ, на замокъ „повиноватство шло на замковые пожитки и работы, на подводы и на станцію, и на езовый, и на уѣздный и иншие всякие подачки" [3]). Если тяглецы-мѣщане заложатся за старосту, снова встрѣчаемъ точное указаніе [4]); конечно, встрѣчаемъ и списокъ людей боярскихъ и поповскихъ, „которые въ месте живутъ на земляхъ местскихъ тяглыхъ и города не робятъ и тяглы з мещаны не даютъ" [5]). Описавъ замокъ и городъ, ревизоръ переходилъ

[1]) Ib., стр. 589—590.
[2]) Ib., стр. 595.
[3]) Ib., стр. 624—5.
[4]) Ib., стр. 627.
[5]) Ib., стр. 628.

къ старостѣ. На первомъ планѣ стоятъ замковыя села. Въ нихъ „люди имяны описаны"—записаны домохозяева каждаго села съ точнымъ обозначеніемъ денежныхъ и натуральныхъ подачекъ на господаря и на всѣхъ врядниковъ, причемъ отмѣчены люди прихожіе [1]) и вообще находящіеся на особыхъ условіяхъ [2]). За господарскими селами слѣдуетъ перечень земянскихъ. Цѣль послѣднихъ свѣдѣній та, чтобы установить, какое количество повинностей на замокъ должно нести каждое земянское селеніе. Здѣсь отмѣчены, слѣдовательно, частновладѣльческіе люди, отданные помѣщикамъ безъ освобожденія отъ общегосударственныхъ повинностей,—то-есть выслуги. Описаніе ихъ довольно кратко: при названіи села встрѣчаемъ общее число дымовъ съ обозначеніемъ повинностей всего села на замокъ, иногда и количество подачекъ въ пользу помѣщика. И вездѣ встрѣчаемъ отмѣтку, съ какого времени село отдано, какъ выслуга (общее: „отъ 30 лѣтъ" и т. д.) [3]), и исполняютъ ли помѣщичьи крестьяне лежащія на нихъ повинности, и если не исполняютъ, то съ какого времени. („Село Оточиловичъ, 5 человѣкъ, Ратомского выслуга отъ 10 лѣтъ, отъ того жъ часу стацей и подводъ и города робити перестали" и т. п.). Такимъ образомъ свѣдѣнія о частновладѣльческихъ селахъ кратки. Они собирались по опросу господарскихъ крестьянъ,—тѣхъ же присяглыхъ людей [4]), и едва ли ревизоры обращались къ самимъ помѣщикамъ. Нужно еще отмѣтить, что, провѣряя повинности, люстрація служила также и для провѣрки дѣятельности самихъ старостъ, такъ какъ встрѣчаемъ не мало замѣчаній о захватахъ послѣдними людей въ свой присудъ и проч. [5]).

Указанныя черты характеризуютъ дошедшія до насъ описанія 1552 г. южныхъ и волынскихъ замковъ. Только въ далекой Полоччинѣ ревизоры описывали съ нѣсколько большими подробностями. Планъ описанія Полоцкаго воеводства, въ общемъ, сходенъ съ предыдущими. И здѣсь они при описаніи частновладѣльческихъ имѣній пользуются большей частью распросами, однако не только господарскихъ людей [6]), но и самихъ помѣщиковъ [7]); иногда они ссылаются

---

[1]) Ib., стр. 637, 643.
[2]) Ib., стр. 609.
[3]) Ib., стр. 675 и др.
[4]) Ib., стр. 645.
[5]) Ib., p. 179, 181 и др.
[6]) Script. rer. pol., VI, p. 210. 201.
[7]) Ib., стр. 210—211, 199.

и на господарскіе листы, предъявляемые по крайней мѣрѣ низшими разрядами служилыхъ людей, напримѣръ: слугами [1]) путными, казаками [2]). Изъ земянскихъ и мѣщанскихъ имѣній описаны не только тѣ, которыя составляютъ выслугу, но и отчизныя и купленныя. При этомъ вездѣ обозначено число дымовъ и повинностныя отношенія къ помѣщику. Однимъ словомъ, подробностей здѣсь мы встрѣчаемъ гораздо больше. Судя по тому, что ревизоры приводятъ описаніе строенія и количество скота въ разныхъ дворахъ господарскихъ, а также по тому, что они ссылаются не на выборныхъ изъ крестьянъ, а вообще на людей разныхъ селъ воеводства, мы въ правѣ заключить, что они ѣздили для личнаго опроса.

Такимъ образомъ, ревизія окраинныхъ замковъ 1552 г., поставивъ себѣ менѣе широкія задачи, чѣмъ волынская ревизія 1545 г., выполнена была вполнѣ удачно въ сферѣ изслѣдованія государственныхъ имуществъ, но по отношенію къ частнымъ владѣніямъ сообщаемыя ею данныя не могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными. Однако, нельзя забывать, что цѣль ревизіи 1552 г.— выбрать военно-финансовое описаніе средствъ государственной обороны на окраинахъ. Поэтому она охватывала не всѣ стороны хозяйства. Правительство Сигизмунда-Августа одновременно готовило широкій планъ хозяйственно-статистическаго описанія всѣхъ государственныхъ имуществъ и въ томъ числѣ и столовыхъ добръ. Только описаніе господарскихъ дворовъ и волостей было поставлено въ связь съ грандіозной хозяйственной реформой, съ коренной перестройкой отношеній крестьянъ къ господарю, установленіемъ администраціи столовыхъ имѣній по новому плану, наконецъ съ преобразованіемъ всего хозяйственнаго строя. Неудивительно поэтому, что ревизія добръ господарскихъ происходила медленно и совершена была иными людьми и по иному плану, сравнительно съ ревизіей южныхъ замковъ. Для установленія „пожитковъ“ господарскихъ потребовалась предварительно сложная и кропотливая работа межеванія, проведенія границъ и пр.

III.

Въ тогдашнемъ офиціальномъ языкѣ не легко найти терминъ для обозначенія всей реформы; едва ли не единственное подходящее на-

[1]) Ib., 199, 198.
[2]) Ib., стр. 197—8.

званіе, взятое изъ языка того времени, будетъ „постановенье и вынайденье пожитковъ въ добрахъ господарскихъ“. По системѣ своего выполненія „постановенье пожитковъ“ разбивается на двѣ части въ зависимости отъ географическихъ и экономическихъ условій западной и восточной частей государства. Такъ, въ западныхъ и центральныхъ (отчасти) частяхъ государственныя земли были размѣрены на волоки, тутъ проведена волочная *помѣра* (такъ называли самый процессъ измѣренія и разбивки участковъ) и введенъ новый административный механизмъ, основанный на волочной уставѣ. Въ восточныхъ областяхъ переходъ къ волочной системѣ (въ селахъ) признанъ былъ несвоевременнымъ и здѣсь были установлены господарскіе пожитки на новыхъ началахъ, причемъ въ основу земельнаго крестьянскаго надѣла положена была по прежнему старинная „служба“. Въ виду этого пріемы описанія и хозяйственно-статистическіе результаты ревизіи волостей, размѣренныхъ на волоки и не размѣренныхъ, представляютъ существенное различіе. Къ тому же между обоими видами ревизій есть различіе и хронологическое: описаніе восточныхъ волостей началось почти десятилѣтіемъ позже, чѣмъ западныхъ. Въ виду всего сказаннаго намъ придется отдѣльно разсматривать ходъ и пріемы волочной помѣры отъ „постановенья пожитковъ“ въ восточныхъ областяхъ, гдѣ не было помѣры. Начнемъ съ обзора волочной помѣры.

Первыя извѣстія о волочной помѣрѣ относятся къ 1549 г.; въ этомъ году она производилась въ Ковенскомъ староствѣ [1]); впрочемъ изъ сеймоваго рецесса 1547 г. можно вывести заключеніе, что тогда уже шляхта была обезпокоена разъѣздами для „пописовъ“ по королевскимъ имѣніямъ правительственныхъ агентовъ, не принадлежащихъ къ литовскому земянству (значитъ, это не были прежніе господарскіе писари), и просила о посылкѣ съ подобными цѣлями только уроженцевъ Литовско-русскаго государства [2]). Сеймъ 1551 г. вызвалъ уже оживленные переговоры становъ съ господаремъ [3])—значитъ работа шла во многихъ мѣстностяхъ.

Что касается продолжительности работы по проведенію волочной помѣры въ отдѣльныхъ староствахъ, то объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ. Такъ, напр., помѣра въ Берестейскомъ староствѣ производилась въ 1550 г. [4]), но закончена (по провѣркѣ) въ

[1]) Акты Вил., XXIV, 18.
[2]) А. З. Р., III, р. 13.
[3]) Ibid. 31. Ср. Государ. Хоз., I, 296.
[4]) Кн. Зап. Лит, XVIII, л. 44—45.

1565 г. Начало измѣреній на Жмуди относится къ 1553 г. [1]), между тѣмъ дошедшія до насъ описанія нѣкоторыхъ тивунствъ относятся къ 1563—4 гг. [2]). Въ отношеніи территоріи можно съ увѣренностью сказать, что къ концу 60-хъ годовъ вся Жмудь, повѣты Троцкій, Виленскій и Подляхія подверглись измѣренію и были описаны ревизорами: это видно по переписи господарскихъ державъ этого времени [3]). Но дошли до насъ далеко не всѣ описанія, изданы лишь немногія [4]).

На южной украйнѣ (въ Кіевскомъ воеводствѣ) волочная помѣра не производилась, такъ какъ здѣсь уже и не было земель, эксплуатируемыхъ скарбомъ. На Волыни, повидимому, была сдѣлана попытка волочнаго измѣренія [5]), но почему-то не приведена въ исполненіе. Сюда не относится измѣреніе Кременецкаго староства, такъ какъ оно было переведено на волоки королевой Боной. Неприложимость правительственныхъ начинаній по отношенію къ Волыни можетъ быть объяснена крайне незначительнымъ количествомъ селъ, остававшихся еще въ распоряженіи Луцкаго ключа, спутанностью границъ и трудностью бороться съ мѣстными магнатами въ дѣлѣ поисковъ за „пожитками господарскими“; относительно городовъ реформа не могла быть проведена, потому что они имѣли господарскія привилегіи и силы жителей были направлены на удовлетвореніе военныхъ нуждъ.

Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію самаго хода помѣры и ревизіи.

Фактическимъ руководителемъ всей волочной помѣры избранъ былъ одинъ изъ дѣятелей при королевѣ Бонѣ, Петръ Фальчевскій, староста кнышинскій и забѣльскій, подкоморій калишскій [6]). Самъ Фальчевскій былъ опытнымъ хозяиномъ и типичнымъ представителемъ сельско-хозяйственныхъ идей того времени. Въ своемъ маленькомъ

---

[1]) Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 53—54.

[2]) Въ А. Вил. Ком., XXV.

[3]) Варш. Ар. Каз. Пал., кн. 14 В. (печатается мною). Ср. *мое* Госуд. Хоз., I, р. 342 сл.

[4]) Напомнимъ изданныя: Гродненской экономіи, Брянскаго старосты, Пинскаго староствы, Кобринскаго (изданы Вилен. Ар. К.), Упитской волости (Арх. Сб. Вил., VIII), другія жмудскія тивунства (Акты Вил., XXV), Берестейское староство (издано мною въ Докум. Моск. Арх. Мин. Юст., I), Кнышинское староство (Biblioteka Ordyn. Krasinskich), ср. еще Акты Вил., т. XIV.

[5]) Городничій володимірскій Михаилъ Козинскій имѣлъ порученіе измѣрить на волоки гор. Володиміръ. Кн. Зап. Лит., XLI, л. 332 об.

[6]) Зап. Лит., XXXIX, л. 542.

Кнышинскомъ староствѣ онъ успѣлъ въ короткое время осадить 16 селъ [1]), прекрасно устроилъ рыбное хозяйство [2]); не безъ причины, конечно, его кнышинское хозяйство считалось въ то время образцовымъ [3]). Наконецъ, „волочная устава", составленіе которой несомнѣнно принадлежитъ ему, какъ творцу всей системы, представляетъ собою, по вѣрному заключенію Чацкаго [4]), не только административныя правила, но и весьма основательный, въ духѣ времени, экономическій трактатъ. Въ годы помѣры Фальчевскій носитъ офиціальное званіе „справцы замковъ и дворовъ господарскихъ во всемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ" и съ такимъ званіемъ выступаетъ въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ [5]).

Мы нигдѣ не находимъ инструкціи, которой бы опредѣлялся кругъ дѣятельности справцы дворовъ. Поэтому объ обязанностяхъ его можно судить преимущественно по отдѣльнымъ фактамъ его дѣятельности. Наиболѣе цѣнныя указанія на обязанности, лежавшія на Фальчевскомъ, находятся въ волочной уставѣ. Она въ одномъ мѣстѣ прямо говоритъ, что ему поручены королемъ всѣ „справы", касающіяся увеличенія господарскихъ пожитковъ и порядка при помѣрѣ земель: онъ обязанъ—„гдѣ бы въ которомъ имѣніи нашомъ потреба указывала, абы онъ з нашого росказанья догледалъ и доѣзджалъ яко около помѣры, такъ и въ иныхъ речахъ господарству належачихъ, становячи все то къ пожитку скарбному подле воли нашое господарское" [6]). Затѣмъ въ одномъ изъ добавленій къ уставѣ господарь заявляетъ, что всѣ разсылаемые имъ для помѣры волочной ревизоры и мѣрники, во время отсутствія его изъ государства, должны съѣзжаться для совѣщаній съ Фальчевскимъ, какъ передъ отправленіемъ на ревизію или помѣру, такъ и по исполненіи ими возложенныхъ на нихъ порученій; послѣдній обязанъ „около порядку того господарства зъ ними намовляти"; онъ будетъ давать подвѣдомственнымъ органамъ „раду и науку" во всемъ, что касается производства самой помѣры, направленія хозяйства и „пожитковъ" королевскихъ. Однако и самъ Фальчевскій—„въ чемъ потреба докладатися будетъ" маршалку земскому и канцлеру п. Мик. Радивилу; королевское порученіе этому

---

[1]) Ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, р. 33—34.

[2]) Bibl. Ordyn. Kras., т. III, стр. 259.

[3]) А. З. Р., III, 91.

[4]) Czacki, Dzieła, II.

[5]) А. З. Р., III, 89.

[6]) Напр. 1553 г., З. Л., XXXVII, л. 64.

могущественному вельможѣ состояло въ томъ, что всѣ исполнители волочной помѣры и самъ Фальчевскій „способлялись" отъ него „наукою" (инструкціями), и „помочью", и „обороною" [1]); послѣднее было далеко не безполезно, потому что шляхта весьма непріязненно встрѣтила волочное измѣреніе королевскихъ имѣній; справцы помѣры были только служебниками, а не врядниками, да и большею частью иностранцы—поляки. Но въ общемъ надо замѣтить, что наши документы очень рѣдко и весьма недостаточно говорятъ о справцѣ господарскихъ пожитковъ въ государствѣ.

Во всякомъ случаѣ Фальчевскій, какъ справца, стоялъ во главѣ администраціи, производившей помѣру. Ревизорамъ онъ давалъ „власное росказанье" по тѣмъ или инымъ вопросамъ [2]). Волочная устава обязываетъ всѣхъ ревизоровъ съѣзжаться въ опредѣленное время въ скарбъ въ Вильну; ревизоры представляютъ свои отчеты самому подскарбію земскому, но непремѣнно въ присутствіи Фальчевскаго; они обязаны во всемъ „порозумевати", т. е. совѣтоваться, со справцою для достиженія однородности въ веденіи всего дѣла [3]). Отъ него же зависѣло и большинство низшей волочной администраціи—мѣрники, хотя послѣдніе могли быть назначаемы и самими ревизорами. Такъ Фальчевскій даетъ земли мѣрникамъ на „мѣрництво" [4]), по его представленію вел. князь утверждаетъ мѣрниковъ въ должности и пр. [5]). Дѣйствительно, въ руки Фальчевскаго поступали всѣ результаты помѣры,—конечно, ихъ онъ провѣрялъ и разрѣшалъ встрѣчавшіяся недоразумѣнія. Такъ у него были особыя книги, въ которыя заносились всѣ привилеи на земли, данныя въ доживотье изъ великокняжескихъ имѣній [6]). Въ его рукахъ были и всѣ „реестры" волочной помѣры [7]), такъ что если господарю приходилось разрѣшать какой нибудь поземельный споръ, возникшій на почвѣ помѣры, онъ вызывалъ самого справцу дворовъ съ его реестрами [8]). Не трудно догадаться, что вел. князь самъ за-глаза не могъ рѣшить поземельнаго спора, и Фальчевскій привозилъ къ господарю не только свои книги, но и давалъ

---

[1]) Ibidem, p. 94.
[2]) А. Вил., XXIV, 162.
[3]) А. З. Г., III, 91.
[4]) Писцовыя книги Гродненской экономіи, II. 493.
[5]) Ibid., 161.
[6]) Ревизія пущъ, p. 211.
[7]) А. Вил., XXIV, 9, 184.
[8]) Ib., 188.

совѣты. Всѣ реестры сдавались Фальчевскому зависимыми отъ него ревизорами и только отъ него уже поступали въ скарбовую канцелярію [1]).

Такимъ образомъ сущность обязанностей справци сводилась къ руководству помѣрою и къ контролю ея органовъ. Но мы нерѣдко встрѣчаемъ его и въ державахъ разрѣшающимъ на мѣстѣ тѣ или иные вопросы. Такъ напр., онъ нерѣдко разсматриваетъ споры о принадлежности къ боярству лица, земли котораго уже заняты въ волоки [2]), или, напр., ему поручался разборъ дѣлъ по „выламованію" подданныхъ изъ повиновенія своимъ помѣщикамъ—боярамъ [3]); онъ иногда, по спеціальному порученію господаря, пересматриваетъ вопросъ объ „отмѣнѣ" земель и т. д. [4]). Въ Гродненскомъ староствѣ мы встрѣчаемъ Фальчевскаго вмѣстѣ съ Пильховскимъ: тутъ они назначаютъ „волю" новоселамъ [5]), опредѣляютъ размѣры повинностей въ тѣхъ случаяхъ, когда нормальное ихъ отбываніе для крестьянъ представлялось затруднительнымъ [6]), даютъ отмѣны и т. д. [7]). Правда, должность Фальчевскаго сравнительно рѣдко проявляется въ актахъ. Но это и понятно: по самому существу ея, Фальчевскому рѣдко приходилось выдавать офиціальныя грамоты—это дѣлалось ревизорами. Если же мы встрѣчаемъ въ извѣстныхъ случаяхъ появленіе самого Фальчевскаго въ исполненіи тѣхъ самыхъ обязанностей, которыя лежали на ревизорѣ (въ родѣ дачи отмѣны и т. п.), то нетрудно предвидѣть, что ему приходилось разрѣшать наиболѣе важные случаи. Что касается Гродненскаго староства, то здѣсь Фальчевскій, вмѣстѣ съ Пильховскимъ, исполнялъ обязанности ревизора староства. Въ такихъ чертахъ представляется дѣятельность справцы дворовъ господарскихъ.

Вообще же его дѣятельность обрисована актами не во всѣхъ подробностяхъ. Это объясняется тѣмъ, что книги самого Фальчевскаго до насъ не дошли; особой писанной инструкціи ему тоже не было дано. Онъ получалъ изустныя „росказанья", т. е. инструкціи самого господаря; иногда эти инструкціи имѣли важное значеніе, такъ, напр., инструкція о выкупѣ войтовствъ въ Кнышинскомъ старо-

---

[1]) А. З. Р., III, 91.
[2]) Акты Вил., XXIV, 155.
[3]) Ib., 182—3.
[4]) Зап. Лит., XXXVIII, л.
[5]) Писцовая книга Гродненской экономіи, I, 95, 120.
[6]) Ib., 334—5.
[7]) Ib., стр. 4.

ствѣ [1]). Такъ какъ ближайшее наблюденіе надъ волочной помѣрой имѣлъ маршалокъ земскій панъ Миколай Радивиллъ, то, быть можетъ, и черезъ него были передаваемы Фальчевскому инструкціи. Впрочемъ изъ одного инцидента видно, что Фальчевскій иногда пытался отказывать Миколаю Радивилу въ предъявленіи реестровъ помѣры, чѣмъ однажды даже навлекъ на себя неудовольствіе Сигизмунда Августа [2]). Еще труднѣе опредѣлить зависимость справцы отъ подскарбія земскаго. Такъ какъ вся реформа началась въ подскарбство пана Оникія Горностая, человѣка очень свѣдущаго, и продолжалась паномъ Остафіемъ Воловичемъ, тоже очень выдающимся финансистомъ, съ которымъ король не разъ имѣлъ совѣщанія о помѣрѣ [3]), то надо думать, что участіе обоихъ подскарбіевъ въ этомъ дѣлѣ весьма немаловажное: руководство дѣломъ составляло вѣдь и часть подскарбской должности. Остафій Воловичъ еще въ бытность свою писаремъ господарскимъ и маршалкомъ дворнымъ имѣлъ въ своихъ рукахъ реестры волочной помѣры [4]). Если существуютъ нѣкоторыя неясности въ опредѣленіи мѣры вліянія подскарбія земскаго на главнаго руководителя помѣрою, то совершенно ясенъ тотъ фактъ, что по смерти Фальчевскаго (онъ не жилъ уже въ 1566 г.) [5]) подскарбій земскій является полнымъ хозяиномъ продолженія и окончанія помѣры, а также и дѣломъ періодическихъ ревизій. Должность же справцы была временною.

Теперь перейдемъ къ выясненію функцій другихъ низшихъ агентовъ реформы.

Фактическими дѣятелями волочной помѣры въ разныхъ староствахъ были помѣрчіи [6]), мѣрчіи, или „догледавцы на помѣреніе волокъ земель господарскихъ“ [7]), справцы волочной помѣры [8]); рядомъ съ этими агентами стоитъ ревизоръ.

Ревизоръ назначался на цѣлое староство, напр., на Жмуди были такими ревизорами Як. Лашковскій, Дявилтовскій и др. Онъ пред-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XXXVIII. О значеніи ея см. въ кн. Государ. хоз., I.

[2]) Lachowicz, L. Pamiętniki do dz. Polski, Wilno, 1842, p. 96—97.

[3]) Ibid., p. 113.

[4]) Ibid.

[5]) Кн. Зап. Лит., LI, л. 33.

[6]) А. Вил., XXIV, 27.

[7]) Сапуновъ, Мат. по ист. и геогр. Дисн. и Вил. уу., 21.

[8]) Иногда они называли себя такъ: „будучи мнѣ на помѣрѣ волочной“. Ак. Вил., XXIV, 164.

ставлялъ собою высшую инстанцію по отношенію къ помѣрчимъ. Послѣдніе получали въ свое вѣдѣніе обыкновенно нѣсколько волостей или державъ [1]). И ревизоръ и помѣрчій были представителями въ староствѣ королевской власти и фактически устанавливали пожитки и производили помѣру. Но они дѣйствовали не одни, а только какъ члены комиссіи: рядомъ съ ними стоитъ представитель старосты, или самъ державца, или тивунъ. Поэтому, въ документахъ обычно и господарскій агентъ и мѣстный называются ревизорами. Напр., на Жмуди господарскій дворянинъ Я. Лашковскій былъ „отъ двора господарскаго" и дѣйствовалъ „з росказанья господарскаго", тогда какъ Я. Градовскій или Ив. Ильговскій были „за злеценьемъ" старосты жомойтскаго пана А. Ходкевича [2]). Въ Кобринскомъ староствѣ Дмитрій Сапега мѣрилъ на волоки тоже „з росказанья господарскаго", а Станиславъ Вильбора—отъ старосты [3]). Въ Берестейскомъ староствѣ тотъ же Сапега стоитъ рядомъ съ „писаремъ староства Берестейскаго пожитковъ скарбовыхъ" отъ М. Радивила Кр. Граевскимъ [4]). Конечно, работа ревизіи и помѣры падала на господарскаго агента, представитель же старосты былъ блюстителемъ интересовъ его уряда или мѣстной шляхты. По отношенію къ помѣрѣ различіе между помѣрчимъ и ревизоромъ носитъ только іерархическій характеръ. Можно даже думать, что въ первые года помѣры дѣйствовали тольки одни помѣрчіи, но впослѣдствіи появились еще и ревизоры. Іерархическое различіе между обѣими агентурами видно еще и изъ перевода ихъ званія: помѣрчій—это—super-intendant [5]), ревизоръ—referendarz [6]). Помѣрчій съ мѣрниками производилъ помѣру. Онъ же давалъ отмѣны за забранныя въ волоки земли—одинъ [7]), или съ тивуномъ [8]), или въ присутствіи мѣрниковъ [9]), отводилъ земли на церковь [10]) и пр. Ревизоръ же въ извѣстныхъ случаяхъ провѣряетъ дѣятельность помѣрчаго, напр., утверждаетъ выданный послѣднимъ квитъ на отмѣну

---

[1]) Ib., 128.
[2]) Ib., 9, 173.
[3]) Ib., 260 стр. 2, 5—6.
[4]) А. Вил., V, 3—4.
[5]) А. Вил., XXIV, 1—6.
[6]) З. Л., XXXVII.
[7]) А. Вил., XXIV, и 128.
[8]) Ibid, 145.
[9]) Ibid., 118, 131.
[10]) Ак. Вил.. XI, 34.

земли [1]), производить новое разслѣдованіе объ отводѣ отмѣны [2]), отмѣнять замѣны, произведенныя помѣрчимъ [3]), наконецъ и самъ выдаетъ листы на отмѣны [4]). Въ особо важныхъ случаяхъ ревизоры присутствуютъ вмѣстѣ со старостой при разбирательствѣ дѣла, возникшаго на почвѣ помѣры, напр., при жалобахъ на помѣрчаго [5]). Коренное однако различіе между ревизоромъ и помѣрчимъ сводится къ тому, что установленіе „пожитковъ" всецѣло входитъ въ компетенцію перваго [6]). Мы нигдѣ не встрѣчали помѣрчаго въ роли лица, устанавливающаго платы и повинности, изыскивающаго новые источники доходовъ и пр.; въ такой роли встрѣчаются только ревизоры. Въ этомъ отношеніи функціи ихъ въ годы волочной помѣры ничѣмъ не отличались отъ того времени, когда, по производствѣ помѣры, они явились только контрольными агентами, такъ что подробное изложеніе ихъ обязанностей намъ слѣдуетъ отнести въ другое мѣсто. Когда закончена была помѣра, то съ нею исчезла и должность помѣрчаго: ревизоръ принялъ на себя и обязанности по провѣркѣ и окончаніи помѣры.

Низшую ступень при помѣрѣ занималъ мѣрникъ. Онъ назначался ревизоромъ на одинъ или нѣсколько дворовъ и за свое „мерництво" получалъ особую плату и нѣсколько волокъ земли, свободныхъ отъ податей [7]). На его долю приходилась вся землемѣрная работа.

Въ мѣрники выбирались люди „добре вмелые и досветчоныя въ помере волочной" [8]). Это требованіе часто сходилось съ практикой, такъ какъ бывали мѣрники, работавшіе по многу лѣтъ въ разныхъ староствахъ и пріобрѣвшіе опытность. По введеніи волочной уставы, въ каждой волости полагался мѣрникъ для провѣрки границъ крестьянскихъ участковъ, а также на случай захватовъ со стороны сосѣдней шляхты, возобновленія граничныхъ знаковъ; интересно, что за ошибки въ своемъ дѣлѣ мѣрникъ отвѣчалъ „душнымъ затраченьемъ и горломъ" [9]).

---

[1]) А. Вил., XXIV, 305.
[2]) Ib., 299, 318.
[3]) Ib., 326.
[4]) Ib., 218.
[5]) Ib., 89.
[6]) Ср. напр. отличіе помѣрчаго и ревизора въ этомъ отношеніи, А. Вил., XIII, p. 279.
[7]) А. З. Р., III, 83.
[8]) Кн. Зап. Лит., XXII, л. 67.
[9]) Кн. Зап. Лит., XXXIX, лл. 542-й—546.

Теперь перехожу къ вопросу о пріемахъ ревизіи и о томъ, что заносилось въ нее. Большое количество межевыхъ агентовъ указываетъ на то, что вся работа волочной помѣры производилась вполнѣ достаточными силами. Мало того: она производилась при этомъ не спѣшно, что давало полную возможность работавшимъ внимательно относиться къ своему дѣлу. Достаточно, напримѣръ, указать на то, что межеваніе Берестейскаго староства производилось уже въ 1552 году [1]), а закончено было только въ 1565 г. [2]). Ревизія Ретовской волости на Жмуди начата въ 1563 г. и окончена въ 1585 г. [3]); но это уже исключительный случай. При этомъ вотъ что интересно: многія державы (а можетъ быть и всѣ) подвергались межеванію дважды [4]). Надо сознаться, что съ помощью извѣстныхъ до сихъ поръ документовъ нельзя найти вполнѣ удовлетворительнаго разъясненія, какая причина была вторичной помѣры и чѣмъ обѣ онѣ отличались другъ отъ друга. Дошедшія до насъ ревизіи относятся ко вторичной помѣрѣ, за исключеніемъ, можетъ быть, ревизіи Упитской державы 1554 г. Ничего нѣтъ однако невозможнаго въ предположеніи, что вторичная ревизія была предпринята съ цѣлью провѣрки первой, была уже такимъ образомъ прототипомъ ревизорскихъ люстрацій, вошедшихъ въ обычай уже по окончаніи волочной помѣры. При этомъ вторичная помѣра дала не мало фактическихъ поправокъ, о чемъ иногда упоминаютъ наши источники [5]). При изложенныхъ условіяхъ мы, конечно, можемъ съ полнымъ довѣріемъ отнестись къ результатамъ кропотливой работы скарбовыхъ агентовъ, не смотря на всю сложность возложенной на нихъ работы [6]). Дѣйствительно, задача членовъ ревизіонной комиссіи, т. е. ревизоровъ, помѣрчаго и мѣрниковъ,

---

[1]) Зап. Лит., XXVVII, л. 39.

[2]) Докум. Моск. Арх. М. Ю., I, р. 205.

[3]) Акты Вил. XXV, р. 382.

[4]) А. Вил., XXIV, р. 367.

[5]) Берест. ревизія, р. 264. (Док. Моск. Арх. М. Юст., I).

[6]) Нужно замѣтить, что межевое дѣло не было неизвѣстнымъ въ Литовской Руси и въ болѣе древнее время. Такъ, уже въ XIV вѣкѣ мы встрѣчаемъ намѣстника новгородскаго Петра Монтигердовича, который по приказанію Витовта „розъѣзжалъ“ земли Лаврашовскаго монастыря (А. Вил., XI, р. 1). Такіе же „розъѣзды“ упоминаются и въ послѣдующее время (напримѣръ, А. Ю. З. Р. I, 9, Грамоты вел. кн. литовскихъ, изд. Антоновича и Козловскаго, р. 7). Извѣстны были и „ободницы“ (т.-е. грамота съ описаніемъ обводныхъ границъ) и „мѣрничіе“ (А. Ю. З. Р., I, № 42) и система граничныхъ знаковъ (напримѣръ, „Ревизія пущъ“ р. 131, Грамоты, изд. Антоновича, 7 и мн. др.).

была довольно сложна. Она заключалась прежде всего въ точномъ опредѣленіи принадлежности данной земли къ составу скарбныхъ, въ опредѣленіи границъ селеній и пущъ,—что было не легко при чрезвычайной черезполосицѣ владѣній, отсутствіи граничныхъ знаковъ, безконечныхъ спорахъ о правахъ владѣнія, или пользованія, основанныхъ большею частью на „старинѣ“ и пр. Въ разныхъ староствахъ эта задача была то легче, то труднѣе. Такъ въ Пинскомъ, Гродненскомъ и Кобринскомъ староствахъ дѣло ревизоровъ было облегчено производившейся здѣсь ревизіей лѣсныхъ пущъ, при которой были списаны привилеи, или показанія частныхъ владѣльцевъ объ ихъ владѣніяхъ; границы частныхъ владѣній такимъ образомъ были установлены. На Жмуди, вѣроятно, черезполосность не была особенно велика, такъ какъ ревизоры нигдѣ не разсказываютъ о своихъ затрудненіяхъ при опредѣленіи границъ. Въ Берестейскомъ же старостѣ ревизоры нерѣдко оговариваются о встрѣченныхъ ими затрудненіяхъ, которыя заключались то въ отсутствіи граничныхъ знаковъ, то земля оказывалась спорной съ землею коронныхъ подданныхъ [1]) и пр. Во всякомъ случаѣ ревизоры съ большой точностью отмѣчаютъ спорные участки [2]) и наличность пограничныхъ знаковъ [3]). Кромѣ заявленій владѣльцевъ, ревизоры при опредѣленіи старыхъ границъ пользуются и показаніями крестьянъ [4]). Всѣ подобныя оговорки ревизоровъ для насъ имѣютъ ту цѣну, что даютъ полную возможность установить точность ихъ измѣренія въ каждомъ данномъ случаѣ. Однако весьма важно и то, что спорныя земли, особенно не обмежеванныя, не касались надѣльной пахатной земли, но только угодій. Слѣдовательно, количество пахатныхъ волокъ всегда точно опредѣляется.

Установивъ „старую“ границу селенія, ревизоры должны были ее „спростовать“, т.-е. уничтожить черезполосность и достигнуть того, чтобы все селеніе лежало въ одномъ участкѣ, по крайней мѣрѣ его пахатныя поля. Мало того, такъ какъ правительство избѣгало разбивки малыхъ селеній и къ тому же стремилось группировать ихъ по войтовствамъ по возможности въ одномъ участкѣ, то задача землемѣровъ оказывалась не изъ легкихъ. Приходилось, иногда для

---

[1]) Док. М. А. М. Ю., I, 387, 321.
[2]) Ib., 335.
[3]) Ib., 257.
[4]) Ib., 264, 387.

каждаго селенія, производить „отмѣны“, въ десяткахъ мѣстъ, т.-е. отчуждать частновладѣльческія земли, присоединяя ихъ къ господарскимъ селамъ, и отводить помѣщикамъ участки изъ государственныхъ земель [1]).

Послѣ этой работы помѣрчіе и мѣрники переходили къ опредѣленію границъ. Граница въ натурѣ намѣчалась посредствомъ копцовъ [2]), отмѣткой на деревьяхъ („клейна“) [3]), камняхъ [4]) и т. п.; конечно, указывалось, и чьи земли примыкаютъ къ границамъ селенія. Если позволяли условія мѣстности, то земли каждаго села получали видъ четырехугольника („четыре стѣны“); такъ напримѣръ, разбито почти все Пинское староство. Если мѣсто не позволяло, то во всякомъ случаѣ каждое поле старались отмежевать въ одномъ участкѣ. Волоки каждаго села разбивались на *три поля*. Волочная устава предписываетъ заботиться, чтобы волоки выходили „прогоняные“, т.-е. участки каждаго поля должны быть равны нормальной величинѣ [5]). Дѣйствительно, каждое поле разбивалось на такое число участниковъ, сколько волокъ имѣло все село: отдѣльный домохозяинъ, держатель волоки, получалъ въ каждомъ полѣ третью часть своего участка (это „рѣзъ“). Если мѣстность не позволяла разбить волоки

---

[1]) Работа по производству отмѣнъ, т.-е. по уничтоженію чересполосности и округленію имѣній, весьма замѣчательна не только по своему хозяйственному значенію, но и по громадности выполненной работы. Отмѣна часто производилась цѣлыми громадными имѣніями (напримѣръ, сдѣлка съ О. Воловичемъ, Кн. Пуб. Д. Л. X, л. 7). Работа агентовъ при отмѣнахъ выражалась слѣдующимъ образомъ. Листъ или *квитъ* на отмѣну давало то лицо, которое производило помѣру, обычно мѣрникъ, иногда мѣрчій (напримѣръ, С. Д. Лит. LVII, л. 9 об.—10 об., А. Вил. XXIV, 175, 203, 253 и др.). Въ болѣе важныхъ случаяхъ отмѣну производили, или подтверждали ревизоры, или справца волокъ Фальчевскій (З. Л., L, л. 248; Описаніе рукописей Вил. Публ. Библ., III. 74—75); эти листы впослѣдствіи подтверждались королемъ (А. Вил., VI, р. 3—5). Вообще король былъ высшей инстанціей по всѣмъ спорамъ о замѣнахъ (Арх. Сб. Вил. III, 19, А. Вил. XIII, 280, Ак. Вил. XXIV, 9 — 10, 11, и мн. др.). При отмѣнѣ производилась точная помѣра, опредѣленіе границы и хозяйственное описаніе (инвентарь) отдаваемаго имѣнія (А. Вил. VI, р. 3 — 5). При замѣнахъ правительство не скупилось на наддачи (напримѣръ, А. Вил. II, 132, XXIV, 175). Изданные въ послѣднее время документы (въ XXIV т. Актовъ Вил., документы объ отмѣнахъ) свидѣтельствуютъ о точности и громадности работы.

[2]) А. Вил. I, 112, З. Л. XXXVI, л. 46 об.: „ижъ бы есте водлугъ его (листа) копцы усыпали и границы новые удѣлали“. Док. М. А. М. Ю., I, 321 и др.

[3]) А. Вил. XIII, 292.

[4]) А. Вил. I, 112.

[5]) А. З. Р. III. 83.

указаннымъ способомъ, то придавали участки („наддавки") къ недостающимъ частямъ волокъ въ другомъ мѣстѣ. Если, наоборотъ, при разбивкѣ рѣзовъ получались отрѣзки полей, превышавшіе норму трети надѣла, такъ называемые „злишки", „лишки", то съ ними поступали различно: или отдавали „на особную плату" желающимъ, или придавали въ качествѣ наддавковъ къ неполнымъ участкамъ [1]), или наконецъ ихъ прямо причитывали къ волокамъ „для подлости, преподлости грунту". Но при всемъ томъ оставались и еще участки удобной для пахоты земли—въ лѣсу, среди земель, отведенныхъ въ качествѣ угодій, среди частновладѣльческихъ; это „жеребьи", „обрубы", „клины", „острова", „застѣнки", разбиравшіеся крестьянами на особой платѣ. Но при этомъ вообще старались не дѣлать излишнихъ застѣнковъ [2]). Въ общемъ, по крайней мѣрѣ волочные участки имѣли форму четырехугольника („квадрата" по выраженію землемѣровъ тогдашнихъ), или трехугольника („клина"): опытные землемѣры не совѣтовали разбивать земельныхъ участковъ въ форму круга, такъ какъ не считали возможнымъ высчитать его площадь въ квадратныхъ единицахъ [3]). При всемъ стремленіи къ нормальной величинѣ рѣзовъ, этого не всегда можно было достигнуть. Напримѣръ, въ Пинскомъ староствѣ рѣзы вообще имѣли одинаковую величину (треть волоки), но иногда встрѣчаются селенія съ самой разнообразной величиной рѣзовъ [4]). Въ весьма хорошо размежеванномъ Корневскомъ тивунствѣ встрѣчаемъ и такіе случаи, когда отдѣльная рѣза разбросана въ двухъ — трехъ мѣстахъ [5]). Въ Берестейскомъ и Кобринскомъ староствахъ вообще выдержаны нормальныя системы рѣзъ, только длина и ширина поля весьма различны. Въ Кременецкомъ староствѣ рѣзы получали видъ узенькихъ полосокъ, напримѣръ, по $6^1/_2$ прутовъ въ ширину и по 55 шнуровъ въ длину. Что касается сельско-хозяйственныхъ угодій (выгону, сѣнокосу, лѣсу), то они не разбивались на правильные участки: они или „морговались", т.-е. опредѣлялось количество морговъ и прутовъ каждаго участка,—если участки сдавались на особой платѣ—или прямо опредѣлялся размѣръ всѣхъ угодій, когда они сдавались въ пользованіе всего села; при

---

[1]) Ib., 261.
[2]) Писц. кн. Пинскаго стар., I, 178.
[3]) Вер. ревизія 417 (Док. М. А. М. Ю., I), А. Вил. XXV, 1.
[4]) Писц. кн. Пин. стар., I, 125.
[5]) А. Вил., XIV, р. 15.

этомъ угодья размѣрялись въ тѣхъ границахъ, какія приходились въ натурѣ, такъ что тутъ допускалась и нѣкоторая черезполосность.

Что касается до пріемовъ разбивки, волокъ, то участки измѣрялись лыкомъ (веревки считались для этого непригоднымъ матеріаломъ, такъ какъ легко подвергались усушкѣ), имѣвшимъ опредѣленную длину („шнуръ") [1], и затѣмъ „разгонялись" сохою [2]) для опредѣленія межи. Въ подготовленномъ такимъ образомъ для селенія участкѣ происходила разбивка села. Административно-полицейскія соображенія побуждали правительство устраивать большія села [3]), чего не знала дореформенная деревня. При этомъ заботились и объ однообразіи внѣшняго ея вида. Село обычно разбивалось въ одну линію избъ, въ одну „полать". Насупротивъ избъ помѣщались гумна для безопасности отъ пожаровъ [4]). Такъ разбиты почти всѣ села (слѣды этой формы селеній сохранились въ Полѣсьѣ и по настоящее время), изрѣдка только село располагалось улицей въ „двѣ полати" [5]). Селеніе разбивалось въ одномъ изъ трехъ полей, которое по счету называлось „третьимъ" полемъ, но лежало въ срединѣ двухъ первыхъ. За рѣдкими исключеніями [6]), подъ усадьбы не отводилось особыхъ участковъ [7]). Такимъ образомъ селенія получали однообразный видъ.

Къ однообразію направлялась и хозяйственная дѣятельность ихъ жителей. Раздѣленная на три поля пахатная земля вводила новую трехпольную систему: одно изъ полей предназначалось для общаго выгона, другое для озимыхъ, третье для яровыхъ посѣвовъ [8]). Весьма понятно, что разъ селеніе должно было измѣнить свою форму, изъ маленькаго поселка крестьянъ нужно было свести въ большое, для всего этого приходилось „взрушать" селенія и располагать ихъ по новому плану. Волочная устава настойчиво совѣтуетъ заставлять крестьянъ селиться въ назначенномъ порядкѣ [9]). Это часто и практико-

---

[1]) А. Вил., XXV, 11.

[2]) Кн. Пуб. Д. Л., X, л. 39.

[3]) А. З. Р., III, р.

[4]) Зап. Лит. XXXVII, л. 438.

[5]) Напримѣръ, А. Вил., XXV (Коршево). Писц. кн. Гродн. Экон., I, р. 179 и др.

[6]) Берест. ревизія, 318.

[7]) Ib., 259.

[8]) А. Вил., XXV, Ревизоръ Коршевскаго тивунства прямо назначаетъ, въ какомъ году для чего предназначается каждое поле.

[9]) А. З. Р., III, 83.

валось [1]), на это прямо указываетъ искусственная форма селеній. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ староствахъ, напримѣръ въ Берестейскомъ, ревизоры по разнымъ причинамъ рѣдко прибѣгали къ переселенію съ „старыхъ садибъ" [2]).

Рядомъ съ межевыми работами шло и „постановенье пожитковъ". Такъ какъ основнымъ элементомъ обложенія была земля, то размѣръ обложенія зависѣлъ отъ качества почвы [3]). Тогдашніе ревизоры дѣлили качества почвы на слѣдующія рубрики: *добрую*, *среднюю*, *подлую*, *пкеподлую*, *подлую-на-поль съ преподлой* или *надеръ — подлую*. Но кромѣ этихъ офиціальныхъ дѣленій, ревизіи часто упоминаютъ и другія опредѣленія, характеризующія въ томъ или другомъ отношеніи качества почвы, въ родѣ: *болота*, *багна*, *багни никчемные*, *мѣстца никчемные*, *гаи*, *сырой корень*, *проробки*, *сѣножати болотніе и неболотніе*, *заросли*, *кустовье* и т. п.

Всѣ эти названія, занесенныя въ ревизіи, указываютъ на ту тщательность, съ которой производилась оцѣнка земель съ сельско-хозяйственной стороны: этими эпитетами характеризуется каждый клочекъ земли, если онъ отличается отъ остальной. Но безконечное дробленіе размѣровъ обложенія въ зависимости отъ качества почвы тогдашнее правительство не считало вполнѣ удобнымъ. Это вносило бы извѣстную путаницу и при взносѣ платежей и при контролѣ. Кромѣ того при большомъ дробленіи едва ли бы представлялась возможность слишкомъ субъективной, со стороны ревизоровъ, оцѣнки качества земли, и слѣдуемыхъ съ нея повинностей. Волочная устава предвидитъ всего три нормальныхъ расцѣнки земли (съ добраго, средняго и подлаго грунта) и только въ качествѣ нѣкоторой уступки—четвертую,

---

[1]) А. Вил., XII, 196.

[2]) Напротивъ нѣкоторыя мѣста этой ревизіи свидѣтельствуютъ о томъ, что ревизоры старались оставлять села на прежнемъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ревизоры оставляютъ крестьянскія усадьбы на старыхъ дворищахъ: волочные рѣзы отмѣривались въ сторонѣ отъ усадебъ (р. 318). Но мы знаемъ кромѣ того, что волочныя осады начались очень давно въ Берестейскомъ староствѣ, такъ что ревизія 1565 г. во многихъ случаяхъ только провѣряла прежнюю раздачу земель, приводила въ порядокъ (265, 417 и др.). Весьма понятно, что это обстоятельство удерживало ревизоровъ отъ перенесенія селъ, хотя прежняя раздача волокъ и не вполнѣ соотвѣтствовала требованіямъ новой ревизіи: крестьяне, не ожидая скораго „взрушенья", успѣли разработать свои волоки одни лучше, другіе—хуже, и принуждать ихъ къ замѣнѣ было бы несправедливо (417). Съ другой стороны, болотистость мѣстности препятствовала иногда правильному расположенію и раздачѣ волокъ (261).

[3]) А. З. Р., III, 75.

съ грунта подлаго песковатаго или болотистаго [1]). И эти четыре нормальныя дѣленія казались недостаточными. Для болѣе точнаго уравненія платежныхъ силъ каждаго волочнаго участка ревизоры прибѣгали еще къ сдабриванію волокъ, такъ что къ волокѣ прибавлялись еще небольшіе отрѣзки „для подлости“ грунту, или же даже и нормальная величина волоки подвергалась колебаніямъ. Волочная устава устанавливаетъ величину волоки въ 33 морга [2]). Въ дѣйствительности же величина волоки колеблется между 30 и 36 моргами. Такъ на Жмуди (вѣроятно, повсемѣстно) волока отмежевывались въ 30 морговъ [3]); здѣсь земля отмѣчается почти повсемѣстно *доброй*, рѣже средней. Но въ Подляшскихъ староствахъ нормальная волока вездѣ принимается въ 33 морга [4]); то же въ Берестейскомъ староствѣ; здѣсь земля рѣдко отмѣчается доброй,—большой процентъ худой [5]). Мало того, въ Подляшскихъ староствахъ допускался и еще одинъ, довольно неопредѣленный видъ сдабриванія: прибавленіе небольшихъ отрѣзковъ къ волокамъ, величина же отрѣзковъ бывала весьма различна,—отъ 3 до 10 прутовъ, въ зависимости каждый разъ отъ величины отрѣзка, съ одной стороны, и отъ качества каждой данной волоки съ другой [6]). Трудно понять только одинъ частный случай—примѣненія въ Кременцѣ 36 морговой волоки: можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что это староство принадлежало лично Сигизмунду Августу [7]). Между тѣмъ размѣръ волоки городской и застѣнковой сѣножатной, выгонной земли считается въ 30 морговъ.

При такихъ условіяхъ очевидно, что волока имѣла наряду съ поземельной мѣрой фискальное значеніе,—какъ извѣстная единица обложенія. Въ извѣстныхъ случаяхъ она представляла собою фактическую величину. Но это обстоятельство нисколько не говоритъ за то, что указываемые волочной помѣрой размѣры староствъ не могутъ быть высчитаны и представлены въ видѣ величины реальной—въ квадратныхъ единицахъ. Высчитать размѣры староствъ можно съ большой точностью, но не легко, конечно. Дѣло въ томъ, что, хоро-

---

[1]) А. З. Р., III, 75.

[2]) Ibid. p. 83. Ср. кн. Зап. Лит. XLVIII, л. 293 об.

[3]) А. Вил., XXV, p. 15 (Коршевское тивунство) и особенно см. А. З. Р., III 55.

[4]) Писцовая кн. Пинскаго стар., I, 157.

[5]) Ср. мою статью Берестейское староство въ XVI в., Кіев. Ун. Изв.

[6]) Для прим. см. Писц. кн. Пин. стр., I, 121, 135, 157 и др., Градненской экономіи, II, 65 и др.

[7]) Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. II, p. 60 и др.: здѣсь рѣза считается въ 12 морговъ.

шенько присмотрѣвшись къ ревизіи староства, легко замѣтить и провѣрить только что указанныя общія особенности межевыхъ пріемовъ; индивидуальныя особенности тоже не трудно отыскать, благодаря многочисленнымъ замѣчаніямъ авторовъ ревизій. При этомъ надо помнить, что всякое отступленіе отъ нормальнаго размѣра волоки, принятаго въ староствѣ, тщательно не только отмѣчается ревизорами, но и каждый разъ указывается, сколько именно прутовъ придано къ волокѣ,—за весьма рѣдкими исключеніями [1]); остается сдѣлать разсчетъ, правда весьма скрупулезный [2]).

Установивъ волочные участки, наддавки, застѣнки, ревизоры отмѣривали для селенія лѣсъ, выгоны, сѣнокосы и другія угодія. Въ этомъ отношеніи ревизорамъ предоставлялась большая самостоятельность, такъ что, напримѣръ, жмудскіе ревизоры выдѣляли много выгону и лѣсу селамъ, на Подляшьѣ же весьма скупо [3]).

Межевая работа—только одна сторона ревизій старостъ. За нею слѣдовала статистика сельскаго населенія и опредѣленіе его повинностныхъ отношеній. Въ ревизіи заносились, въ порядкѣ раздаваемыхъ волокъ, имена всѣхъ держателей; при этомъ пересчитывались только держатели; если волоку брали нѣсколько человѣкъ (сябры), или семья держателя состояла изъ нѣсколькихъ мужчинъ (вѣроятно, уже женатыхъ), напримѣръ, изъ отца съ взрослыми сыновьями, или изъ взрослыхъ братьевъ, родственниковъ, то всѣхъ ихъ имена записывались при данной волокѣ [4]). Правда, нѣкоторыя ревизіи, напримѣръ пинская, прямо даютъ число сыновей держателя. Такимъ образомъ статистика населенія въ нашихъ памятникахъ страдаетъ весьма существенными недостатками; мы узнаемъ только число представителей семействъ, но нѣтъ и намека на данныя о возрастѣ, дѣленіи по полу и т. п.

Статистическія данныя о профессіяхъ также отсутствуютъ; правда, разряды населенія указаны (бояре, путные слуги, бобровники, осочники, духовенство и т. п.), но количества сельскихъ ремесленниковъ

---

[1]) Ср., напр., замѣчаніе на стр. 329 Берестейской ревизіи.

[2]) О размѣрахъ волоки на соврем. мѣры мы здѣсь не говоримъ потому, что считаемъ это выходящимъ за предѣлы работы. Впрочемъ, размѣръ волочнаго участка былъ выясненъ Чацкимъ, Dzieła, I, 243 (изд. 1843 г.), и, думается, это изслѣдованіе до настоящаго времени не утратило своего значенія.

[3]) Ак. Вил., XV, л. 14.

[4]) Что перечислялись только взрослые члены семьи держателя, см. мою статью Берестейское староство, р. 9.

нельзя установить. Правда, изрѣдка встрѣчаемъ при именахъ держателей волокъ названія, указывающія на ремесло ихъ (въ родѣ бондарь, чоботарь и т. п.), но и эти указанія отличаются спорадичностью, да кромѣ того не всегда ясно: имѣемъ ли мы дѣло съ простымъ прозвищемъ, фамиліей, или дѣйствительно съ ремесленникомъ. Относительно статистики по національностямъ и религіи наши ревизіи также не даютъ свѣдѣній. Впрочемъ, по присутствію церкви или костела можно судить о преобладающей религіи населенія; кое-какое подспорье можно бы имѣть и въ именахъ (католическія и православныя), но все это и не точныя и шаткія данныя, на которыхъ нѣтъ возможности основывать какія бы то ни было выводы.

Къ сожалѣнію, не всѣ ревизіи представляютъ данныя о зажиточности населенія. Простѣйшій способъ для сужденія о ней—количество по крайней мѣрѣ рабочаго скота—въ большинствѣ памятниковъ отсутствуетъ. Въ ревизіяхъ Упитской вол., Пинскаго и Гродненскаго староствъ указано число воловъ и лошадей у каждаго крестьянина, но другіе памятники не приводятъ такихъ данныхъ.

Описаніе городовъ составлялось по схемѣ, весьма сходной съ описаніемъ селеній. Городскія усадьбы измѣрялись, конечно, въ прутахъ. Описаніе города всегда начиналось съ перечня домовъ на рынкѣ и прилежащихъ къ нему улицахъ, затѣмъ описывалось предмѣстье. Подгородніе сѣножати, огороды и волоки тоже записывались. Статистика городского населенія страдаетъ такими же недостатками, какъ и сельскаго. Если въ городѣ былъ замокъ, то въ немъ самымъ подробнымъ образомъ описывалось замковое строеніе, служба замковыхъ ремесленниковъ, наконецъ, внѣшній видъ замка съ военной точки зрѣнія. Описаніе городскихъ повинностей и платовъ отличается обычными подробностями, указывается и содержаніе городского привилея, вольности города.

Описаніе господарскихъ дворовъ не представляетъ любопытныхъ сторонъ: оно производилось съ большою точностью. Описывались постройки двора, размѣры пашни, огородовъ, пущъ,—вообще всѣ доходныя статьи (мельницы, борти), а также дѣлались указанія на такія статьи хозяйства, эксплуатація которыхъ при мѣстныхъ условіяхъ могла бы быть полезною.

Таковъ былъ ходъ и выполненіе волочной помѣры господарскихъ земель.

Статистика землевладѣнія и населенія—только одна сторона работы при проведеніи реформы. Другой важной стороной ея являлось

установленіе платежей и службъ населенія и вообще всѣхъ господарскихъ пожитковъ. Эта часть реформы потребовала большого умѣнья и напряженія силъ со стороны лицъ, ее производившихъ. Она выпала на долю тѣхъ первыхъ ревизоровъ, которые провѣряли первую разбивку на волоки, или же сами доканчивали ревизію староствъ.

Для округленія господарскихъ имѣній, уничтоженія черезполосности владѣній не только господарскихъ крестьянъ, но особенно для уничтоженія черезполосныхъ владѣній съ частными землевладѣльцами, а также для уничтоженія разнаго рода сложныхъ видовъ сервитутнаго владѣнія требовалась не одна межевая работа. Для уничтоженія черезполосности владѣній ревизорамъ приходилось выяснять права на землю сосѣдней шляхты и такимъ образомъ производить регистрацію частнаго землевладѣнія, что и было выполнено ими. Правда, шляхта оказала сильное противодѣйствіе, не желая представлять своихъ „твердостей" на земли. Тѣмъ не менѣе ревизорамъ пришлось рѣшить множество вопросовъ объ обмѣнѣ землями и сервитутами. Регулируя поземельное отношеніе сосѣдней шляхты къ господарскимъ землямъ, ревизоры должны были привести въ порядокъ и права на владѣніе землями низшихъ слоевъ служилаго класса, т. е. бояръ и слугъ путныхъ. Въ этомъ отношеніи ревизорамъ приходилось вникать не только въ вопросы, касающіеся правъ на владѣніе землею, но также и въ вопросы, относящіеся къ выясненію сословныхъ правъ боярства, т. е. принадлежности его къ шляхетскому классу. Эта работа ревизоровъ имѣла немаловажное значеніе въ процессѣ дифференціаціи сословій: одни изъ бояръ были признаны „повѣтниками" и перешли въ ряды полноправной шляхты, другіе же попали въ ряды господарскаго боярства, т. е. въ ряды военно-служилаго крестьянства и подъ присудъ державцевъ и старостъ [1]). Кромѣ поземельнаго устройства, т. е. округленія имѣній и уничтоженія черезполосицы и сервитутовъ, въ задачу ревизоровъ входило и переустройство господарскаго хозяйства, которое при этомъ получало форму крупныхъ сельско-хозяйственныхъ экономій, въ которыхъ важное значеніе отводилось господской запашкѣ а также развитію подспорныхъ отраслей хозяйства— скотоводства, рыбоводства, особенно лѣсного хозяйства и проч. Разумѣется, эта перестройка хозяйственныхъ отношеній требовала отъ

[1]) *Довнаръ-Запольскій*, Государственное хозяйство вел. кн. Лит., I, р. 296 сл. О значеніи ревизій въ исторіи сословій см. еще *М. К. Любавскаго*, Литовско-Русскій сеймъ, р. 448—451.

ревизоровъ большихъ познаній въ сельскомъ хозяйствѣ и большого вниманія къ дѣлу. Но рядомъ съ перестройкою господарскаго хозяйства шла и распланировка крестьянскаго хозяйства. Вообще по отношенію къ послѣднему проводники реформы давали ревизорамъ извѣстнаго рода схемы для устройства хозяйства. Эти схемы состояли, во-первыхъ, въ опредѣленіи величины крестьянскаго участка, во-вторыхъ, въ опредѣленіи службъ, податей и повинностей съ этихъ участковъ.

Но общія схемы, данныя волочной уставой, далеко не были достаточны при приложеніи ихъ къ дѣйствительности. Ревизорамъ приходилось отмѣчать въ своихъ ревизіяхъ массу самыхъ разнообразныхъ подробностей, касающихся поземельнаго обложенія. Такъ, они отмѣчаютъ не снятыя крестьянами волоки, сданныя на условіяхъ извѣстнаго количества льготныхъ отъ платежа податей лѣтъ. Кромѣ волокъ крестьянамъ отводились выгоны и лѣса. Особенно много заботъ доставляли ревизорамъ разнаго рода отрѣзки земли въ родѣ застѣнковъ и пр.: качество каждаго такого клочка тщательно отмѣчается въ ревизіяхъ, равнымъ образомъ и тѣ условія, на которыхъ онъ сдается держателю. Выходили также изъ предположенныхъ нормъ и передавались на усмотрѣніе ревизоровъ такіе случаи, какъ устройство особыхъ спеціальныхъ службъ, напримѣръ, конной боярской, отмежеваніе земли церквамъ и проч. [1]). По сверхъ установленія платовъ, ревизоръ былъ занятъ еще и „вынайденьемъ пожитковъ". Это конечно самая сложная часть работы, предоставленная цѣликомъ способностямъ и знаніямъ ревизоровъ. Усмотрѣвъ возможность найти ту или иную доходную статью, ревизоръ докладываетъ о томъ самому господарю или въ скарбъ. Очень интересно, что монополія спиртныхъ напитковъ вводилась въ концѣ 50 годовъ, повидимому, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ ревизорскихъ докладовъ [2]).

Вообще на мѣстѣ ревизоры встрѣчались съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ, выяснить которые имъ бывало необходимо. Вотъ, напримѣръ, господарскій листъ ревизору Слонимскаго староства дворянину Андрею Ильговскому въ отвѣтъ на его докладъ (1558 г.) о встрѣченныхъ имъ при ревизіи затрудненіяхъ. Ильговскій прежде всего нашелъ, что произведенная въ староствѣ помѣра сдѣлана неправильно: волоки

---

[1]) Зап. Лит. XLI, л. 71 об., Пер. Лит. 9, л. 81. Зап. Лит. LIII, лл. 10—1; А. Вил. III, p. 196.

[2]) Напримѣръ, вопросъ объ установленіи солодовень въ Гроднѣ, Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 218.

не вездѣ разбиты въ поля такъ, какъ это требуется волочной уставой. На это онъ получилъ распоряженіе великаго князя исправить волоки, не двигая однако съ мѣстъ крестьянскихъ селеній. Ильговскому показалось также весьма выгоднымъ заложить новое мѣстечко въ Любишичахъ, недалеко отъ Слонима, на что онъ получилъ согласіе великаго князя. Поземельныя отношенія въ Слонимскомъ староствѣ оказались перепутанными, иногда съ нарушеніемъ великокняжескихъ правъ. Такъ, земли господарскихъ крестьянъ оказались расположенными черезполосно съ землями крестьянъ пана Яроша Корицкаго. Дворянинъ Левъ Образцовъ держитъ въ залогѣ доживотное имѣніе нѣкоего Некраша, на что не имѣлъ права, такъ какъ доживотныя имѣнія не могутъ быть отдаваемы въ залогъ. Замокъ Слонимскій оказался въ упадкѣ, замковыя строенія и паркань сгнили, между тѣмъ мѣстные земяне не желаютъ поправлять. Мельницы подъ замкомъ, а также въ селахъ тоже пришли въ упадокъ, такъ что требовалось специальное королевское предписаніе мѣстному старостѣ объ исправленіи этихъ мельницъ. Кромѣ того мельницы не были сданы въ аренду, что пришлось также сдѣлать ревизору вмѣстѣ со старостой. Мѣщане Слонимскіе обратились къ ревизору съ просьбой объ увеличеніи отведенныхъ имъ надѣльныхъ волокъ, на что господарь далъ свое согласіе. Наконецъ, Ильговскому пришлось столкнуться и съ очень обычными фактами ревизорской практики, именно съ заявленіями многихъ путныхъ бояръ о своемъ шляхствѣ и съ захватомъ сосѣднею шляхтою господарскихъ земель [1]).

Мы нарочно привели содержаніе великокняжескаго отвѣта Ильговскому для того, чтобы показать, какъ много въ практикѣ каждаго ревизора возникало вопросовъ хозяйственнаго характера; не надо только забывать, что по вопросамъ болѣе мелкаго свойства ревизоръ самъ издавалъ постановленія. Любая изъ дошедшихъ до насъ ревизій половины 60 годовъ свидѣтельствуетъ о колоссальномъ трудѣ и энергіи, затраченныхъ ея составителями. Но памятники ревизіи представляютъ собою только бѣловую часть работы, скрывая предварительную сложную черновую работу.

IV.

Уже было упомянуто, что волочному измѣренію подверглась только извѣстная часть господарскихъ дворовъ. Переходъ къ волочному зе-

---

[1]) Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 191—193, об. (12 ноября 1558 г.).

млепользованію въ такъ называемыхъ „русскихъ" волостяхъ совершенъ былъ гораздо позднѣе—въ нѣкоторыхъ только въ концѣ XVI вѣка [1]), а въ другихъ въ началѣ XVII вѣка [2]). Но при Сигизмундѣ Августѣ реформа въ этихъ волостяхъ была произведена только наполовину: города были размѣрены ревизорами на волоки, получивъ „уставы", сходные съ уставами другихъ полуземледѣльческихъ городовъ на волочной помѣрѣ [3]).

Дѣйствительно, восточныя волости подверглись въ 60-хъ годахъ ревизіи на особыхъ началахъ. Такъ, у насъ имѣются свѣдѣнія, что такая ревизія была произведена въ нѣкоторыхъ Полоцкихъ волостяхъ [4]), въ Мстиславскомъ староствѣ [5]), въ Могилевской [6]) и Бобруйской волости [7]), въ Дубровенской [8]), Гомельскомъ староствѣ [9]). Скуминъ Тишковичъ и Михаилъ Нарушевичъ въ 1558 г. производили ревизію въ Мстиславлѣ, Кричевѣ, Чичерскѣ, Пропойскѣ, Бобруйскѣ, Гомелѣ, Рѣчицѣ, Мозырѣ, Свислочи [10]). Григорій Виловичъ и тотъ же М. Нарушевичъ производили ревизію въ Любецкомъ староствѣ въ 1561 г. [11]). Ревизія этихъ областей производилась одновременно съ помѣрою на волоки городовъ въ 1560—1561 гг. тѣми же ревизорами, т. е. Гр. Воловичемъ и Мих. Нарушевичемъ. Такимъ образомъ „русскіе" города были размѣрены на волоки, а волости оставлены по прежнему на „службахъ", только эти службы были зарегистрованы, описаны, и каждая изъ нихъ обложена податями и повинностями. Къ сожалѣнію, памятники ревизій и городовъ и волостей почти

---

[1]) А. Ю. З. Р. I, 251 (Орша).

[2]) А. Вил. XXV, 115, Бобруйскъ; Могилевское стар. помѣрено въ 1604 г. Ср. Арх. Сб. I, 186.

[3]) О производившейся въ поднѣпровскихъ городахъ волочной помѣрѣ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя уставы и позднѣйшіе памятники. Въ уставѣ города Рѣчицы упоминаются пруты и морги (А. З. Р. IV, 128). Здѣсь ревизорами были въ 1561 г. Гр. Воловичъ и М. Нарушевичъ. Они же помѣрили на волоки Бобруйскъ въ 1560 г. (А. Вил. XXV, 140). Относительно Могилева см. напр. А. З. Р. VIII, 110, Зап. Лит. XLI, л. 126. Въ ревизіи 1604 г. часто встрѣчаются ссылки на волочную помѣру города въ 1561 г. Варш. Гл. Арх. Суд. Пал.

[4]) А. Ю. З. Р., I, 226.

[5]) Кн. Пуб. Д. Лит., X, л. 6 об., Кн. Зап. Лит. XLI, л. 156 об.

[6]) Гл. Вар. Арх.

[7]) А. Вил., XXV, р. 329, ср. р. 245.

[8]) Вил. Арх. Сб., III.

[9]) А. Вил., XIII, л. 343.

[10]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 155, XLII, л. 45 об.—46, XLI, л. 155 об.

[11]) Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. II, 194.

исчезли, или до сихъ поръ не разысканы. Напримѣръ, нѣтъ ни одного волочнаго описанія города отъ 1560 г., изъ обревизованныхъ волостей извѣстны только обрывки (Гомельской и Дубровенской); исчезновеніе этихъ описаній вполнѣ понятно, потому что они потеряли значеніе для скарба, когда были составлены описанія на волокахъ [1]). До насъ дошли только уставы нѣкоторымъ волостямъ и городамъ, но онѣ даютъ указанія на повинностныя отношенія жителей и ничего не говорятъ о цѣляхъ и пріемахъ ревизіи. Вотъ почему приходится ограничиться лишь самыми общими замѣчаніями по вопросу о пріемахъ ревизіи русскихъ волостей.

Ревизія русскихъ волостей состояла въ точной регистраціи службъ. Ревизоръ описывалъ каждую службу въ отдѣльности, занося въ описаніе: число „дымовъ", находящихся на службѣ, имена крестьянъ, держателей службы, но только домохозяевъ, такъ какъ число дымовъ всегда соотвѣтствуетъ числу ихъ; далѣе заносилось количество коней и воловъ каждой службы. Размѣры пахотной земли опредѣляются службой. Затѣмъ слѣдуетъ указаніе на размѣры сѣнокосныхъ угодій, опредѣляемыхъ количествомъ возовъ сѣна; наконецъ, записываются „пустовщины", опредѣляемыя количествомъ бочекъ посѣва; пустовщины отдавались „на вроцѣ" обыкновенно кому либо изъ держателей службъ даннаго села, или постороннимъ лицамъ, при чемъ ревизоръ записываетъ размѣры урока. Дальнѣйшая часть описанія каждаго села заключается въ регистраціи идущихъ съ каждой службы и всего села даней (звѣриныя, рыбныя, бобровыя, гоны); далѣе—доходы на державцу (а въ Дубровнѣ и на скарбовый уѣздъ). Наконецъ, слѣдуетъ точное описаніе границъ села; границы опредѣляются рѣчками, лѣсомъ и т. п., искусственные межевые знаки иногда рѣдки (Гомель), а иногда отличаются большими подробностями (Дубровна).

Такимъ образомъ ревизія русскихъ волостей даетъ наиболѣе подробныя показанія о размѣрахъ тягла. Кромѣ описанія повинностей съ тяглыхъ службъ и пустовщинъ, мы встрѣчаемъ еще и опредѣленіе повинностей съ боярскихъ земель: послѣднія, отданныя боярамъ „до воли господарской", теперь впервые облагаются данями. Наконецъ, ревизоры производятъ провѣрку листовъ—данинъ на эти боярскія

[1]) Волочное измѣреніе русскихъ волостей производено въ разные годы начала XVII в. Напр., измѣреніе Полоцкаго воеводства было въ 1610 г. (Кн. Суд. Д. Лит. LXXV, л. 229 об. 231), Гомельской вол. въ 1608 г. (ibid., л. 355), города Минска въ 1600 г. (ibid., л. 7), Бобруйской вол. въ 1611 г. (А. Вил. XXV), Могилевскаго стар. въ 1604 г. (Гл. Варш. Арх.) и пр.

земли, а также на церковныя, отмѣчають и села, недавно отданныя господаремъ въ частновладѣльческія руки. Если при этомъ вспомнить, что настоящая ревизія даетъ общее число рабочаго скота каждой службы, что подробное описаніе статей скарбоваго дохода прекрасно свидѣтельствуетъ о направленіи хозяйственной дѣятельности населенія, то не трудно видѣть, что наши памятники даютъ весьма основательный матеріалъ для сужденія не только о родахъ и размѣрахъ скарбовыхъ доходовъ, но также данныя для представленія объ экономическомъ бытѣ населенія. Къ этому надо прибавить, что ревизіи отмѣчаютъ и качество земли (добрую, среднюю, худую). Точность отмѣченныхъ данныхъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Ревизоры, такъ подробно описывавшіе границы службъ и пустовщинъ, дѣйствовали, конечно, на мѣстѣ и не торопясь. Конечно, для статистики населенія ревизіи русскихъ волостей даютъ такъ же мало, какъ и ревизіи волочной помѣры,—даже меньше, такъ какъ сообщаютъ только имена держателей службъ и число дымовъ тогда какъ, здѣсь легко могла уживаться цѣлая семейная община. Это большой недостатокъ нашего источника.

Но въ нашихъ ревизіяхъ русскихъ волостей есть и еще одинъ недостатокъ: при описаніи по службамъ рѣшительно исчезаютъ размѣры поземельной собственности. Опредѣленіе размѣровъ надѣла терминомъ „служба" не можетъ служить для статистическаго подсчета, такъ какъ размѣръ ея весьма неодинаковъ. Съ другой стороны служба обозначаетъ извѣстное тягло,—общее количество податей и повинностей, лежащихъ на такомъ неопредѣленномъ по размѣрамъ комплексѣ земельныхъ угодій. Разнообразіе въ количествѣ населенія (дымовъ), его зажиточности, въ количествѣ земли пахатной и угодій, составлявшихъ службу такъ велико, что, казалось бы, безнадежно дѣлать попытку найти для нея среднюю величину. Напримѣръ, на одной службѣ мы встрѣчаемъ отъ одного и даже до десяти дымовъ, несомнѣнное разнообразное количество земли (когда она измѣряется) и пр. При всемъ томъ служба далеко не всегда служитъ показателемъ одинаковаго размѣра тягла: подъ однообразный терминъ службы подводится весьма пестрое разнообразіе повинностей [1]). Впрочемъ нѣкоторыя дани налагались на все село, слѣдовательно развертывались уже плательщиками на службы.

Такъ, ревизія вводила однообразную плату съ службы и земли (чиншъ и дякло), при томъ, очевидно, однообразіе касалось только

[1]) *Довнаръ-Запольскій*, Государственное хозяйство вел. кн. Лит., т. I. 216.

пахатныхъ полей; сѣнокосъ высчитывается возами по четыре гроша отъ воза. Дань медовая и езовщина считаются отъ каждой службы, налагаются на все село. Слѣдовательно, неравномѣрность ея можетъ быть смягчена раскладкой. Ловы—оплачиваются только тамъ, гдѣ они существуютъ, и при томъ размѣры ихъ весьма различны—въ зависимости, очевидно, отъ качества и количества угодій. Далѣе, всѣ пустовщины обложены соразмѣрно количеству бочекъ земли.

Общій характеръ ревизій русскихъ волостей состоялъ въ регистраціи уже существующихъ податей и повинностей и въ расписаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ по надѣльнымъ крестьянскимъ участкамъ, службами. Послѣднее—представляетъ новость для этихъ волостей, такъ какъ здѣсь господствовала общинная раскладка. Но и расписаніе податей по службамъ, очевидно, совершено было такъ, что не нарушало старины, т. е. можетъ быть ревизоры воспользовались существующей крестьянской раскладкой и фиксировали ее. Что реформа проходила съ точки зрѣнія крестьянъ благопріятно для нихъ, можно заключить изъ того, что она не вызывала протестовъ, такъ какъ русскія волости были настойчивы въ сохраненіи своей старины. Если и раздавались очень рѣдкіе протесты на постановленія ревизоровъ, то они немедленно удовлетворялись скарбомъ въ смыслѣ сохраненія старины, что указываетъ опять-таки на консерватизмъ въ задачахъ ревизіи. Такъ, напримѣръ, волости Пропойская и Чичерская жаловались господарю въ 1561 г. на то, что ревизоры, устанавливая платы, написали въ своемъ уставѣ, что волощане обязаны ловить во всѣхъ озерахъ на старосту рыбу „по первому леду". Это противорѣчитъ старинѣ и дѣлаетъ „трудность" волощанамъ, почему и просили объ отмѣнѣ постановленія. Господарь согласился на просьбу волощанъ, потребовавъ отъ нихъволоченія только двухъ озеръ въ каждой волости [1]). Съ другой стороны, послѣ проведенія ревизіи въ русскихъ волостяхъ послѣдовало успокоеніе среди нихъ, прекратились тѣ безконечные и ожесточенные споры, которые волости вели со своими старостами во всю первую половину XVI вѣка. Споры велись на почвѣ нарушенія старостами старины. Слѣдовательно, успокоеніе волостей есть также показатель консервативнаго характера ревизій 60 годовъ.

Общій внѣшній видъ ревизіи, какъ произведенной на волочной помѣрѣ, такъ и по службамъ, былъ таковъ, что затруднялъ пользованіе ревизіею, какъ раскладочнымъ спискомъ. Итоги по войтовствамъ не

[1]) Кн. Зап. Лит., XLI, л. 155 об.

всегда подводились, часто не встрѣчается даже итоговъ по староствамъ; а если послѣдніе и встрѣчаются, то въ слишкомъ общей формѣ. Очевидно, такой громоздкій документъ, заключающій въ себѣ массу разнообразныхъ свѣдѣній, служащихъ объясненіемъ той или иной раскладки, не могъ служить, при пріемѣ въ скарбѣ платовъ, для быстрой провѣрки, правильно ли собраны державцею всѣ платежи со староства. Поэтому изъ ревизій дѣлались также особые эксцепты, въ формѣ таблицъ, при посредствѣ которыхъ легко было сразу обозрѣть доходность каждаго селенія, войтовства, всего староства и отдѣльныхъ статей хозяйства. Эти таблицы и извлеченія изъ ревизій и служили скарбу для ближайшихъ практическихъ цѣлей. Но тѣмъ не менѣе и самые подлинники ревизій хранились въ скарбѣ. Послѣднее подтверждается не только самою сущностью дѣла, но также и записями ревизоровъ на подлинникахъ ревизій, указывающихъ на сдачу документовъ въ скарбъ, а также и другими свидѣтельствами.

Такъ, лицамъ, которымъ отдавалась держава въ залогъ, выдавался изъ скарба „реестръ" платы и доходовъ, на основаніи ревизіи [1]); держава отдавалась, какъ „въ границахъ своихъ есть положена и черезъ ревизоровъ нашихъ постановлена и до реестровъ скарбныхъ описана" [2]). Если въ скарбѣ нужно было навести какую нибудь справку относительно землевладѣнія, или повинностей жителей, то обращались къ ревизіямъ, напримѣръ при пожалованіи новому лицу земли на службу [3]), при жалобахъ на неправильное опредѣленіе при ревизіи повинностей земли [4]) и т. п.

Мало того. Ревизіи должны были служить основною раскладочною росписью не только для скарбовыхъ чиновниковъ, но также для мѣстныхъ державцевъ, для чего одинъ экземпляръ вручался державцѣ [5]). Съ другой стороны, для населенія та же ревизія служила раскладочнымъ документомъ, а также документомъ на землевладѣніе, такъ какъ заключала въ себѣ описаніе границъ; для населенія было важно знать, сколько должно вносить съ каждой волоки или морга, чтобы не переплатить лишняго при извѣстномъ аппетитѣ державцевъ, потому каждое войтовство или городъ, въ лицѣ мѣстнаго войта, получали

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XX, LXIV, л. 20.

[2]) Кн. Судн. Д. Лит., LIII, л. 96, листъ князю Масальскому на волость Обельскую.

[3]) Напр., Кн. Зап. Лит., XXXIX, л. 530.

[4]) Напр., Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 427.

[5]) Акты Вил. Ком., XXV, 93.

удостовѣренный ревизоромъ списокъ ревизіи даннаго города или войтовства. При этомъ ревизоры иногда вкратцѣ вставляли въ послѣсловіе ревизіи статьи изъ волочной уставы объ обязанностяхъ войтовъ, лавниковъ и крестьянъ [1]). Такимъ образомъ заинтересованныя стороны получали возможность контролировать другъ друга.

Кромѣ списковъ ревизій, существовали еще, вѣроятно, и планы старостъ; къ сожалѣнію, они до насъ отъ древнѣйшаго времени не дошли; можетъ быть, Варшевицкій показывалъ такую карту въ Варшавѣ на Мазовецкомъ сеймикѣ 1587 г. [2]). Карты, конечно, составлялись въ XVI в., такъ какъ до насъ дошли прекрасные образцы ихъ, но отъ XVII и XVIII в.в. [3]).

М. Довнаръ-Запольскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) См. послѣсловіе къ ревизіи Коршевскаго Живизитства, Акты Вил. Ком., XXV.

[2]) Czacki, Dzieła, I, 245.

[3]) Что картографія для правительственныхъ цѣлей была извѣстна въ Литвѣ и въ XVI в., подтверждается замѣткой въ описи Литовской Метрики XVI в. Въ Метрикѣ былъ документъ: Wymalowanie granic W. X. Lith. y Inflanth. Litera I. (Кн. Зап. Лит., II, л. 4).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. А. Шахматовъ. О такъ называемой Ростовской лѣтописи. (Чтенія въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1904 г. Книга первая).

Настоящая лѣтопись находится въ сборникѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, писанномъ почеркомъ, повидимому, первой половины XVIII в. На первомъ, не нумерованномъ листѣ находится надпись, сдѣланная другою, новою рукою „Лѣтописецъ Ростовскій". Хотя это названіе и утвердилось въ русской исторической литературѣ, но оно не отвѣчаетъ содержанію, такъ какъ собственно ростовскаго въ лѣтописи ничего нѣтъ; на самомъ же дѣлѣ по содержанію она скорѣе подходитъ подъ разрядъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ въ родѣ, напримѣръ, Воскресенскаго съ дополненіями изъ новгородскихъ лѣтописей. Изданная лѣтопись замѣчательна въ томъ отношеніи, что ея первоисточникъ служилъ источникомъ и для многихъ позднѣйшихъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, какъ, напр., для Никоновскаго и Воскресенскаго. Въ первомъ сводѣ, напр., подъ 1317 г. находится извѣстіе о томъ, что Михаилъ Ярославичъ Тверской, разгромивъ татаръ при Бортневѣ, не приказалъ убивать ихъ; такъ какъ этого извѣстія въ другихъ московскихъ сводахъ нѣтъ, а читаемъ мы его только въ Ростовской лѣтописи, то мы въ правѣ заключить, что въ Никоновскій сводъ оно попало изъ того же источника, какъ и въ Ростовскую лѣтопись [1]). Подъ 1378 г. только въ Никоновскомъ сводѣ и въ Ростовской лѣтописи мы читаемъ о нападеніи татаръ на Нижній

---

[1]) Ник. лѣт. П. С. Р. Л. X, 181. Рост. л. 23 стр.

Новгородъ [1]). Значить извѣстіе въ Никоновскомъ сводѣ восходитъ къ тому же источнику, какъ и въ Ростовской лѣтописи. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что она давно, начиная съ Карамзина, обращала на себя вниманіе ученыхъ и наконецъ остановила на себѣ вниманіе и такого знатока русскихъ лѣтописей, какимъ является академикъ А. А. Шахматовъ.

Все изданіе состоитъ изъ трехъ частей: предисловія, текста рукописи начиная съ 1480 г. и дополнительныхъ примѣчаній. Наибольшій интересъ имѣетъ предисловіе, являющееся собственно изслѣдованіемъ о Ростовской лѣтописи. Оно состоитъ изъ четырехъ главъ. Въ первой изслѣдователь даетъ краткое содержаніе сборника. Во второй главѣ опредѣляетъ отношеніе Ростовской лѣтописи къ ея оригиналу, общему какъ для нея, такъ и для Воскресенскаго свода въ первой части до 1480 г., и къ оригиналу общему для нея и для отрывка Новгородской 4 лѣтописи по Воскресенскому ново-іерусалимскому списку во второй, т. е. съ 1480 г.

Главныя отличія Ростовской лѣтописи отъ Воскресенскаго свода въ первой части (т. е. до 1480 г.) опредѣляются обильными заимствованіями изъ новгородской лѣтописи, сходной съ такъ называемой 4 Новгородской лѣтописью. Начиная съ перваго десятилѣтія XII в. и кончая вторымъ десятилѣтіемъ XV в. почти подъ каждымъ годомъ мы можемъ найти въ Ростовской лѣтописи новгородскія извѣстія, сходныя съ извѣстіями Новгородской 4 лѣтописи и отсутствующія въ Воскресенскомъ сводѣ. Но кромѣ новгородскихъ извѣстій въ ней есть извѣстія, заимствованныя изъ литовскихъ лѣтописей и родословія литовскихъ и московскихъ князей. Къ заимствованіямъ изъ родословія литовскихъ князей изслѣдователь между прочимъ относитъ извѣстіе о женитьбѣ Ольгерда на тверской княжнѣ Іуліаніи, „изложенное“, по его словамъ, „въ Ростовской подробнѣе, чѣмъ въ Воскресенской“. Мы позволимъ себѣ не согласиться въ этомъ пунктѣ съ почтеннымъ изслѣдователемъ. Прежде всего какъ въ Воскресенскомъ сводѣ, такъ и въ Ростовской лѣтописи это извѣстіе читается почти буквально одинаково, а именно: „Тогда же и Олгердъ приславъ къ великому князю Семену послы своя, прося за себя свести его, дщери (великого князя

[1]) Ник. лѣт. П. С. Р. Л. XI, 42. Рост. л. 24 стр. Къ этому же источнику восходятъ извѣстія Ник. л. (X, 227) о томъ, что въ 1354 г. муромцы съ княземъ Юріемъ отправились въ орду спустя недѣлю послѣ князя Ѳеодора (Рост. 24) и о женитьбѣ князя Василія Костромского (Ник. X, 145. Рост. 23 стр.).

Ростов. лѣт.) княжо Александровы Михаиловича Тверьскаго княжны Уліаны; князь же великій (Симеонъ Ростовск. лѣт.), доложа Ѳеогнаста митрополита (всеа Россіи Ростов. лѣт.), дасть ю за Олгерда" (даде за него свою благовѣрную княжну Іуліанію, сестру великаго князя Міхаила Александровича Тверскаго Ростов. лѣт.) [1]). Затѣмъ на основаніи такихъ почтительныхъ выраженій, какъ: „приславъ", „прося", „доложа", „даде" мы склонны думать, что это извѣстіе скорѣе принадлежитъ автору-москвичу, чѣмъ западнорусу.

Въ третьей главѣ авторъ на основаніи сравненія Ростовской лѣтописи съ Воскресенскимъ сводомъ опредѣляетъ составъ первоначальнаго источника, легшаго въ основу обоихъ сводовъ, и находитъ, что такимъ источникомъ былъ московскій сводъ въ редакціи 1472 г. съ ея продолженіемъ до 1479 г.; сводъ этотъ около этого времени и составленъ.

Такъ какъ Ростовская лѣтопись оканчивается 1539 г. и съ 1480 г. сходна съ отрывкомъ 4 Новгородской лѣтописи по Воскресенскому новоіерусалимскому списку [2]), то четвертая глава и посвящена авторомъ изслѣдованію состава новгородскаго свода 1539 г. Этотъ сводъ въ свою очередь принялъ въ себя новгородскій сводъ 1491 г., сохранившійся въ хронографическомъ спискѣ 4 Новгородской лѣтописи. Но какъ первая часть Ростовской лѣтописи до 1480 г. заключаетъ въ себѣ новгородскія извѣстія, такъ и вторая ея часть среди новгородскихъ извѣстій имѣетъ массу извѣстій, очевидно заимствованныхъ изъ какой-либо московской лѣтописи. Авторъ ихъ перечисляетъ, хотя и не всѣ; московскихъ извѣстій гораздо больше [3]) и только съ 1526 г.

---

[1]) Рост. лѣт. 13. Воскр. VII, 215. Также и въ Ник. св. X, 221.

[2]) П. С. Р. Л. IV, 152—165.

[3]) Таковы хоть, напр., извѣстія подъ 1485 и слѣдующими годами. Не можемъ согласиться съ авторомъ на счетъ того, что извѣстіе о землетрясеніи въ Константинополѣ, записанное подъ 1510 г. (93—94 стр.), московскаго происхожденія. По нашему мнѣнію, оно скорѣе имѣетъ своимъ источникомъ Западную Русь. Полагаемъ это прежде всего: 1) на основаніи нѣкоторыхъ выраженій, несвойственныхъ сѣверовосточнымъ лѣтописцамъ и болѣе напоминающихъ западнорусскую лѣтопись: „повѣдалъ господрю *его милсти* королю Полскому". Выраженіе: „в тые дни великое знаменіе сталося" напоминаетъ выраженіе западнорусской лѣтописи: „учинилося великое знаменіе" (У. З. А. Н. 29). 2) Въ виду употребленія нѣкоторыхъ полонизмовъ, а именно: муры, мурованныхъ, смуровано, лечбы; полонизмы: мурованый, помуровать, оумоуровать, смуровать, личбы—тоже встрѣчаются въ западнорусскихъ лѣтописяхъ (З. Ак. Н. 51. 44. Гук. Кр. 29, 34, 37); 3) наконецъ употребленіе наст. и буд. вр. вм. пр. вр., попадающееся въ этомъ извѣстіи, тоже часто встрѣчается въ западнорусскихъ

новгородскія извѣстія совершенно вытѣсняютъ московскія; даже когда говорится о московскихъ событіяхъ, то извѣстія сообщаются въ такомъ видѣ, что становится несомнѣннымъ, что они записаны не въ Москвѣ, а въ Новгородѣ; такъ напр., подъ 1534 г., говоря о постройкѣ въ Москвѣ стѣнъ около посада, лѣтописецъ выражается такъ: „поставиша град около всего посада, идѣже *у нихъ* вси торговые мѣста“ [1]). Съ 1526 г. разсказъ сосредоточивается около новгородскаго архіепископа Макарія, назначеннаго въ этомъ году на новгородскую каѳедру, и всѣ извѣстія писаны, вѣроятно, однимъ лицомъ, какъ это можно заключить изъ нѣкоторыхъ совершенно тожественныхъ выраженій [2]), а также изъ выраженія: „якоже рѣхомъ прежде пяти лѣтъ сего попущенія“ [3]).

Изысканія автора въ области генезиса лѣтописныхъ сводовъ, выясненіе, какъ развились и обработывались одни своды подъ вліяніемъ другихъ—самая трудная и самая блестящая часть изслѣдованія. Обширная эрудиція автора, его умѣнье вникать и разбираться въ такимъ запутанныхъ вопросахъ, каковы взаимныя отношенія разныхъ лѣтописныхъ сводовъ,—вопросахъ, какіе и могутъ представить только русскія лѣтописи—и побѣдоносно выдти изъ лабиринта путаницъ—проявлены авторомъ блестящимъ образомъ. Не всѣ, можетъ быть, заключенія почтеннаго изслѣдователя удержатся въ наукѣ: кое-что, неясное теперь, выяснится впослѣдствіи; то или другое положеніе считающееся, твердо обоснованнымъ теперь, можетъ быть, падетъ подъ вліяніемъ послѣдующихъ изысканій и изданій новыхъ матеріаловъ, какъ это отчасти видимъ и на настоящей работѣ автора, принужденнаго подъ вліяніемъ знакомства съ сборникомъ Дубровскаго, заключающимъ въ рукописи

лѣтописяхъ; „уже не можетъ ни единъ чякъ вонъ выти“; „не дочитаются в тѣ поры“. Ср. „тогды князь Скиргайло въсхочетъ ѣхати“... „прийдетъ“... „подастъся“... „дастъ“, „пойдетъ“ и др. Что эта статья представляетъ изъ себя вставку, доказывается тѣмъ, что въ Новг. 4 по Ак. сп., представляющему дословное сходство въ остальномъ съ Ростовскою лѣтописью, этого извѣстія нѣтъ. Въ сокращенномъ видѣ оно находится въ Рус. Временникѣ. Послѣднее обстоятельство и послужило автору поводомъ къ предположенію о его московскомъ происхожденіи. (О Рост. лѣт. 57).

[1]) Рост. лѣт. 143 стр.

[2]) Напр., подъ 1529 г.: „А и прежде в томъ храмѣ была служба на земли, и улитане тое церкви по мостъ церковныи воздынули, и устроили пристол и службу во версѣ“ (109 стр.). Тоже подъ 1534 г. (139 стр.). Въ первомъ случаѣ сказано о церкви св. евангелиста Луки на Лубяницѣ, а во второмъ о церкви св. равноапостольныхъ Константина и Елены.

[3]) Тамъ же, 109 стр,

послѣдней половины XVI в. вторую часть Ростовской лѣтописи, отказаться отъ нѣкоторыхъ своихъ—и довольно важныхъ—выводовъ. Но во всякомъ случаѣ новая работа почтеннаго автора въ области изслѣдованія русской лѣтописи—работа цѣнная, потребовавшая отъ него не мало труда, да требующая и отъ читателя значительнаго напряженія мысли при необходимости слѣдить за домыслами и заключеніями автора въ распутываніи лѣтописнаго клубка.

Въ заключеніе нельзя не пожалѣть, что издателю не удалось воспользоваться при своемъ изданіи спискомъ Дубровскаго, какъ болѣе древнимъ [1]), и остается пожелать, чтобы и первая часть Ростовской лѣтописи нашла себѣ такого же ученаго изслѣдователя и издателя, какъ ея послѣдняя половина.

Ив. Тихомировъ.

Н. Каринскій. Хрестоматія по древне-церковно-славянскому и русскому языкамъ. Пособіе при преподаваніи русскаго языка въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Часть первая. Древнѣйшіе памятники. Съ приложеніемъ словаря и четырехъ фототипическихъ снимковъ съ древне-русскихъ нотныхъ книгъ. (VIII+218) С.-пб. Типогр. Импер. Акад. Наукъ. 1904 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Хрестоматія Н. М. Каринскаго восполняетъ давно всѣми ощущаемый недостатокъ пособія при изученіи и преподаваніи древняго церковно-славянскаго и русскаго языковъ. До сихъ поръ у насъ было только три хрестоматіи: Историческая хрестоматія Буслаева (М. 1861 г.), Славянская хрестоматія Воскресенскаго (М. 1882 г.) и Образцы языка церковно-славянскаго—Ягича (С.-Пб. 1882). Но изданіе Буслаева имѣетъ въ виду собственно русскую литературу, а не языкъ, и для языка собственно церковно-славянскаго, т. е. не подвергшагося вліянію русскаго или другихъ изводовъ, тамъ можно воспользоваться только отрывками изъ Супрасльской рукописи. Книга Воскресенскаго, довольно послужившая для своего времени, теперь уже устарѣла, такъ какъ послѣ нея вышелъ въ свѣтъ рядъ новыхъ изданій памятниковъ (для церковно-славянскаго отдѣла у него дано

---

[1]) Тѣмъ болѣе, что изданный списокъ хотя и отличается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе древнею передачею своего первоисточника, но нерѣдко представляетъ чтенія невѣрныя и прямо таки грубыя ошибки; напр. угодницы вм. усобицы (70 стр.), о дружинѣ вм. о дружбѣ (76 стр.), с великимъ княземъ вм. с великимъ срамомъ (89), поганыхъ вм. поиманыхъ (90). Рімъ и Римскій вм. Крымъ и Крымскій (73) и мн. др.

16 образцовъ, но многіе тексты взяты изъ печатныхъ, часто очень неисправныхъ изданій, да и нѣтъ порядка въ расположеніи самыхъ текстовъ церковно-славянской части: Туровское евангеліе стоитъ на второмъ мѣстѣ, а Зографское—на седьмомъ) и стало библіографическою рѣдкостью. Представляющая во многихъ отношеніяхъ научную цѣнность хрестоматія Ягича также рѣдка. Къ сожалѣнію, отсутствіе введенія лишаетъ насъ возможности войти въ сужденіе о нѣкоторыхъ сторонахъ этого изданія, напримѣръ, о его источникахъ. Но это изданіе представляетъ то неудобство въ учебномъ отношеніи, что всѣ глаголическіе памятники напечатаны глаголицей. Всего дано въ этомъ изданіи 20 образцовъ; для церковно-славянскаго текста въ собственномъ смыслѣ—12, для текстовъ съ русскимъ правописаніемъ—5 и сербскимъ—3. Къ книгѣ приложенъ словарь славянскихъ словъ съ указаніемъ ихъ значенія на греческомъ и латинскомъ языкахъ. Существующая еще у насъ хрестоматія А. Смирнова (Варшава. 1882 г.) имѣетъ въ виду только собственно русскій языкъ. Недавно вышла третьимъ изданіемъ сербская хрестоматія Новаковича (Београд. 1904 г. 2 изд. 1889 и 1-е 1877 г.). Но, богатая памятниками сербскаго языка и литературы, она не имѣетъ ни болгарскаго извода, ни русскаго (кромѣ Остр. Ев.), не такъ полна она и въ собственно церковно-славянской части, а главное тексты послѣдней опять изданы не по рукописямъ.

Хрестоматія г. Карскаго представляетъ намъ 30 памятниковъ. Изъ этого числа образцы 4-хъ памятниковъ взяты изъ печатныхъ изданій, всѣ же прочіе или непосредственно изъ рукописей (17 пам.), или по снимкамъ (9 пам.).

Обращаясь къ разсмотрѣнію плана, характера и исполненія изданія, мы должны высказать сожалѣніе, что составитель оказался такъ скупъ на объясненія своего изданія, что намъ теперь приходится въ большинствѣ случаевъ дѣлать лишь догадки. На первомъ планѣ поставлены образцы церковно-славянскихъ памятниковъ, начиная съ евангельскихъ текстовъ, кромѣ, впрочемъ, надписи Самуила, которая выдѣлена и поставлена первой, очевидно какъ самый древній датированный текстъ. Начиная съ Клоцова сборника и кончая Остромировымъ евангеліемъ, идутъ памятники съ нѣкоторою примѣсью (въ Клоц. сб. есть сербизмы). Затѣмъ идетъ параллельный евангельскій текстъ по двумъ собственно церковно-славянскимъ памятникамъ (Зограф. и Сав.) и двумъ съ примѣсью (серб.—Маріин. и рус.—Остром.). Далѣе идутъ церковно-славянскія стихотворенія: списки ихъ хотя и

русскіе, но они важны по вопросамъ церковно-славянской фонетики и ударенія. Важны для фонетики церковно-славянскаго языка и помѣщенные далѣе образцы нотныхъ книгъ: всего 4, изъ нихъ 3 (Нижегородскій нотный Кондакарь XII вѣка, листокъ нотнаго Стихираря XII вѣка, нотный Стихирарь XIV вѣка) печатаются впервые. Затѣмъ, начиная съ Туровскаго евангелія и кончая служебными минеями, идутъ памятники уже сильно обрусѣвшіе. За исключеніемъ трехъ нотныхъ книгъ и одного стихотворенія, всѣ прочіе изъ указанныхъ памятниковъ—XI вѣка. Далѣе идутъ два памятника XII вѣка сербскаго извода: Евангеліе Вълканово и Мирославово; два памятника XII же вѣка болгарскаго извода: Слѣпченскій Апостолъ и Погод. псалтырь и, наконецъ, два памятника, касающіеся исторіи возникновенія письменности у славянъ: О письменехъ, черноризца Храбра, и Житіе Меѳодія.

Какъ видимъ, изданіе исполнено по вполнѣ опредѣленному и продуманному плану. Намъ кажется, не мѣшало бы при второмъ изданіи внести еще образцы глаголицы и латинницы, присоединивъ въ началѣ книги и соотвѣтствующій параллельный алфавитъ, подобный, напримѣръ, тому, какой находится въ грамматикѣ Лескина (4—5 стр. 3-го изд. Weimar. 1898).

Переходимъ теперь къ изданію текстовъ. Всѣ они предварены особыми введеніями, гдѣ указаны общія данныя о памятникѣ и исторіи рукописи и важнѣйшія изданія. Общихъ характеристикъ памятниковъ со стороны языка, подобно тѣмъ, какія встрѣчаемъ въ хрестоматіяхъ Буслаева и (иногда) Воскресенскаго, составитель не далъ. Очевидно, онъ считаетъ это излишнимъ (а можетъ быть и нежелательнымъ?) въ виду того, что теперь уже есть курсы церковно-славянскаго и русскаго языка. Мы смотримъ на это дѣло иначе и думаемъ, что такія характеристики далеко не лишни. Курсомъ пользоваться легко только тому, кто его уже изучилъ, а для начинающихъ, да еще въ примѣненіи къ отдѣльнымъ памятникамъ, это и вовсе трудно. Къ тому же нужно считаться съ порядкомъ не идеальнымъ, а фактическимъ, а фактическое положеніе большинства изучающихъ таково, что имъ обычно очень мало приходится пользоваться живымъ руководствомъ преподавателя. Что касается еще возможной педагогической точки зрѣнія, то—присутствіе этихъ характеристикъ конечно уже не повредитъ лицамъ, рѣшившимъ посвятить себя языкознанію, для всѣхъ же прочихъ отсутствіе этихъ характеристикъ только лишаетъ ихъ облегченія въ скорѣйшемъ оріентированіи въ памятникѣ.

О цѣлесообразности избранныхъ текстовъ теперь могутъ судить

лишь люди, прошедшіе школу практическаго преподаванія языка, мы же позволимъ себѣ высказать только одно замѣчаніе по поводу выбора текста изъ Погодинской толковой псалтири. Издатель привелъ только въ одномъ мѣстѣ и самыя толкованія, въ другихъ же мѣстахъ онъ выбиралъ лишь одинъ псалтирный текстъ: намъ кажется, что 1) толкованій не слѣдовало бы пропускать и вообще, 2) для единственнаго примѣра ихъ нужно было бы выбрать такое мѣсто, гдѣ этихъ толкованій больше (такія мѣста есть въ рукописи) и 3) не мѣшало бы, подобно какъ въ рукописи, и въ печатномъ изданіи выдѣлить толкованія отъ текста, хотя бы мѣстомъ начала каждой первой строки.

Что касается изданія самихъ текстовъ, то, насколько намъ показала наша провѣрка, оно исполнено въ высшей степени добросовѣстно. Нами провѣрено 9 текстовъ: два (Супрасл. рукоп. и Погод. толк. псалт.) по рукописи, одно (Туровск. Еванг.) по снимкамъ и 6 (Зографск. Ев., Сав. кн., Мар. Ев., Кіев. глаг. отр., Паралл. тексты и Похвала Сим.) по печатнымъ изданіямъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, частію указанныхъ и самимъ составителемъ въ разрядѣ опечатокъ, да нѣкоторыхъ неимѣющихъ значенія недосмотровъ въ надстрочныхъ значкахъ, все прочее найдено нами совершенно точнымъ. Сравнительно съ предшествующими изданіями здѣсь мы нашли кое-какія поправки: хотя эти поправки, за небольшими исключеніями, и не имѣютъ существеннаго значенія, но они показываютъ всю тщательность работы издателя. Эти свои поправки онъ обозначалъ постановкой рядомъ знака sic. Но тѣмъ же знакомъ помѣчены у него особенности или описки самихъ подлинниковъ (см. Введеніе стр. IV): намъ кажется, что при второмъ изданіи слѣдовало бы раздѣлить эти обозначенія или уничтожить первыя, такъ какъ мѣстами читателю долго придется разбираться, что означаетъ данный sic. Постановка sic во второмъ случаѣ непослѣдовательна: нѣтъ, напримѣръ, этого знака при словахъ: „ѿтаймник“ (136, 5 св.), „стрѧна“ (138, 16 св.) и др. Можетъ быть, издатель имѣлъ тутъ въ виду то, что онъ помѣстилъ эти слова въ словарѣ: но тогда мы предлагаемъ обратить вниманіе еще на слѣдующія мѣста: „именеми симь“ (вм. именемь? 161, 18 св.), „вышаго“ (вм. бывшаго? 161, 20 св.), „прѣлы“ (вм. предѣлы? 163, 5 св.), „не бесвѣдѣтелства: себе остави...“ [176, 2 св.; ср. Дѣян. 14 гл. 17 ст.: „не несвидѣтельствована себѣ остави...“ и „мрьтвмрьтвыхъ“ (176, 11 сн.)]. Этихъ словъ мы не нашли ни въ словарѣ, ни въ опечаткахъ. Если которыя изъ нихъ не есть результатъ

недосмотра издателя, то слѣдуетъ при второмъ изданіи поставить при нихъ знакъ sic.

Очень цѣнными являются въ изданіи г. Каринскаго приведенные мѣстами параллельные греческіе (Хиланд. листки, Супрасл. рук., Клоц.—сборн., XIII сл. Григ. Богосл. Изборн. Свят. 1073 и 1076 г.) и латинскій (Кіев. глаг. отр.) тексты: они помогутъ разбираться въ славянскомъ текстѣ, который часто представляетъ грубый или и прямо ошибочный переводъ подлинника. Напр., на 135 стран. 15 стр. сверху мы читаемъ непонятную фразу: „єтоѹ оѹмоѹ готово єлови єа глаєх“. Буслаевъ, также напечатавшій въ своей хрестоматіи этотъ текстъ (стр. 269), отказался отъ объясненія этого мѣста, просто сказавъ, что оно „испорчено“. Приведенный же въ хрестоматіи г. Каринскаго греческій текстъ вполнѣ объясняетъ эту порчу, что и отмѣчено составителемъ въ своемъ мѣстѣ въ словарѣ (подъ словомъ „словити“). Но нужно было бы обратить вниманіе въ этомъ отношеніи и на параллельные славянскіе тексты. Издатель, правда, въ одномъ мѣстѣ даетъ намъ такой сводный текстъ (№ 14), но мы считаемъ этого недостаточнымъ. Намъ кажется, было бы очень полезнымъ для другихъ текстовъ подвести варіанты и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Варіанты даютъ богатый матеріалъ для упражненій при изученіи языка. Въ этомъ отношеніи мы считаемъ особенно цѣнной хрестоматію Ягича, гдѣ для семи памятниковъ подведены варіанты, а для пяти данъ цѣльный параллельный текстъ. Интересны тамъ и сочетанія послѣднихъ: Клоцовъ сборникъ—Супрасльская рукопись, Супрасльская рукопись—текстъ по древне-русскому списку (есть и въ хрестоматіи Буслаева, стр. 317), Русскій сборникъ XII вѣка—текстъ по сербской редакціи, тотъ же русскій текстъ—Супрасльская рукопись, сербскій текстъ—русскій списокъ. Несомнѣнно, тутъ можно бы было выработать другой болѣе цѣлесообразный планъ.

Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ даны издателемъ замѣтки главнымъ образомъ палеографическаго характера. Сравнивъ ихъ съ подобными же замѣтками предшествующихъ изданій, мы нашли отношеніе къ нимъ издателя вполнѣ самостоятельнымъ. Съ своей стороны мы можемъ только указать на тѣ опущенныя издателемъ замѣтки, какія мы нашли въ текстѣ Савиной книги по изданію Щепкина: къ слову „їє“ (стр. 12, 10 стр. св.): „є переправлено повидимому изъ і“; то же примѣчаніе къ словамъ „єкрѣте“, „євиноє“ (13, 6 и 20 св.) и „єхлазитх“ (14, 12 св.); къ слову „наѹчите“ (15, 4 св.): „є изъ і“; къ слову „вхздрадоваша“ (16, 8 св.): „О изъ чего-то переправлено“; къ слову „влагословль“

(98, 5 св): „г самъ писецъ переправилъ изъ і“; къ слову „мои“ (100, 16 св.): „между мо и и разура въ 2—3 буквы“; къ слову „очи“ (102, 13 св.): „о изъ і“. Кромѣ того предлагаемъ внести при второмъ изданiи слѣдующiя примѣчанiя изъ хрестоматiи Буслаева (стр. 262): къ слову „птолемѣй“ (106, 4 сн.): „Въ предисловiи птоломѣй“; къ слову „мнoчьстьнихъ“ (106, 2 св.): „Въ предисловiи многочьстьнихъ“ (или въ текстѣ поставить знакъ sic); къ слову „и свой полатхі испѣлахь“ (107, 1 св.): „Въ предисловiи и свой клѣти испѣлань“.

Вслѣдъ за текстомъ въ хрестоматiи приложенъ словарь. Дать должную оцѣнку этому отдѣлу можетъ, конечно, только будущее, но достаточно и поверхностнаго взгляда, чтобы сказать, что на его составленiе положено много тщательнаго труда. Всего приведено болѣе 600 словъ. Характеръ словаря объяснительный (изъ прежнихъ хрестоматiй только хрестоматiя Буслаева имѣетъ небольшой подобный словарь (въ концѣ каждой статьи); словарь Ягича даетъ лишь греческiя и латинскiя соотвѣтствiя). Объясненiя даются не только на основанiи словарей, но и на основанiи текстовъ, при чемъ часто принимался въ расчетъ греческiй текстъ. Мы только вообще противъ того, чтобы въ словарный матерiалъ мѣшать объясненiя описокъ. Впрочемъ, можетъ быть здѣсь имѣлась въ виду педагогическая цѣль?

При разсмотрѣнiи нѣкоторыхъ словъ въ частности, намъ иногда нѣкоторыя объясненiя казались излишними, а, съ другой стороны, въ текстѣ мы иногда встрѣчали слова повидимому болѣе непонятныя, но оставленныя безъ объясненiя. Конечно, наши наблюденiя случайныя, но можетъ быть они и пригодятся для другого изданiя. Таково, напримѣръ, слово „изрядьнъ“, ἐξαίρετος, изъ ряду вонъ выходящiй, особенный, хорошiй; „въздѣти“, воздѣвать, протягивать, αἴρειν; „сътворити, дѣлать, работать, трудиться“ и т. п., но нѣтъ словъ: „издрадик“ (стр. 137), ἐπανάληψις; „вьздаиик“ (стр. 138), ἀνταπόδοσις; „сътворение“ (стр. 135) и др. Вообще слѣдовало бы обратить особое вниманiе на слова этихъ указываемыхъ страницъ, гдѣ идетъ статья „о образѣхъ“ Георгiя Хоуровьскаго (Изборн. Свят. 1073): эта статья отличается крайней темнотой. Таковы, напр., тамъ слова: напотрѣбие, (стр. 133), прѣстоупное, съпришитие (стр. 134), иматворение, въименимѣстьство (стр. 135), въспатьсловие, събратословие, несгатъкъ (стр. 136), поречение (стр. 137) и др. Эти слова и представляютъ собою какъ разъ такiя, „точный переводъ которыхъ можетъ затруднять учащихся“ (Введенiе, стр. IV). А удовлетворить это для составителя было тѣмъ болѣе легко, что всѣмъ этимъ словамъ дано уже объясненiе, и иногда прекрасное, въ

хрестоматіи Буслаева (стр. 282—287). Кстати, по сравненію съ объясненіями Буслаева, мы находимъ слишкомъ краткимъ объясненіе слова „сланьникъ“: слѣдовало бы, именно, прибавить, что греческое слово ἁλιεύς производятъ отъ ἅλς соль; слово „въздращение“, αὔξησις лучше бы перевести не „преувеличеніе“, что передается по гречески словомъ ὑπερβολή (въ славянскомъ же текстѣ „лихновьное“, стр. 137), а, какъ у Буслаева, „взращеніе, усугубленіе“; на случай объясненія слова „въспатьсловие“, кромѣ толкованія Буслаева (стр. 285), укажемъ еще на другое объясненіе, данное этому слову Ягичемъ (Разсужденіе старины о церковно-славянскомъ языкѣ. I т. Изслѣдованіе по русскому языку. Изд. Акад. Наукъ, стр. 1042).

Мы бы съ удовольствіемъ посвятили и большее вниманіе словарю, но къ сожалѣнію составитель не нашелъ нужнымъ дать при каждомъ словѣ указанія его мѣста въ текстѣ, почему намъ и пришлось обратиться хотя бы къ сравненію съ словаремъ Буслаева. Обращаемъ особое вниманіе на это указываемое нами упущеніе: мы и вообще не богаты словарями, а съ другой стороны въ хрестоматіи Каринскаго мы находимъ новые тексты, почему его словарь можетъ и будетъ имѣть и научный интересъ. Поэтому для второго изданія мы считаемъ необходимымъ сдѣлать указанное дополненіе.

Къ слѣдующимъ далѣе въ хрестоматіи опечаткамъ мы можемъ прибавить немногое и больше все несущественное (а тамъ, гдѣ мы дѣлали сравненіе по печатнымъ изданіямъ, можетъ быть и сомнительное): стран. 14, 12 стр. сверху: и—вмѣсто (изд. Щепкина)—й; 99, 5 снизу: галилеи вмѣсто (изд. Ягича) галилей; 106, 11 сверху, Великии вмѣсто (изд. Буслаева) Великый; 118, 5 сверху, прѣ вмѣсто прѣ (снимокъ); 146, 15 сверху Мъножьство вмѣсто (очевидно) Мъножьство; 171, 8 сверху гла вмѣсто (рукопись) написанія юса въ видѣ треугольника съ поперечной палочкой; 176, 8 сверху греухомъ вмѣсто (рукопись) грѣхомъ. Кромѣ того, можетъ быть въ опечатки придется внести нѣкоторыя изъ тѣхъ словъ, которыя мы указывали, когда говорили о знакѣ sic. И наконецъ указываемъ замѣченную нами опечатку въ самихъ опечаткахъ: въ столбцѣ „слѣдуетъ читать“, 8 стр. сверху вмѣсто „г̃“ должно стоять „г̃“.

Въ концѣ книги приложены издателемъ 4 фототипическихъ снимка съ древне-русскихъ нотныхъ книгъ. Для насъ они интересны какъ новинка и они несомнѣнно увеличиваютъ научный интересъ книги, но собственно для хрестоматіи, какъ учебной книги, они—роскошь. Исполненіе снимковъ превосходное. Слѣдовало бы только ихъ перенумеро-

вать, а еще лучше сдѣлать бы на нихъ и соотвѣтствующія надписи.

Наконецъ, намъ остается сказать о цѣнѣ книги. Не входя въ расчеты, мы можемъ сказать, что назначенная цѣна явно значительно ниже настоящей стоимости книги, что, конечно, мы должны отнести къ чести и самого составителя и историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета, помогшаго ему издать такъ эту книгу.

Тотъ, кто знаетъ, что значитъ добросовѣстно издать тексты вообще, а тѣмъ болѣе тексты, предназначаемые для изученія языка, тотъ согласится съ нами, что трудъ г. Каринскаго заслуживаетъ полной благодарности. Исполненная вполнѣ добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла, эта книга войдетъ несомнѣнно въ разрядъ не только учебныхъ, но и научныхъ пособій. Составитель обѣщаетъ въ будущемъ дать еще вторую часть съ текстами собственно русскаго языка. Теперь, когда повидимому вводится мало по малу знакомство съ исторіей отечественнаго языка и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, эта вторая часть станетъ еще нужнѣе. Но мы высказали бы пожеланіе, чтобы впослѣдствіи г. Каринскій взялъ на себя и третій подобный трудъ—составленіе хрестоматіи и прочихъ славянскихъ нарѣчій. Настоящій его опытъ показываетъ, что онъ и здѣсь явился бы, конечно, въ курсѣ дѣла.

С. Розановъ.

Ch. B. Gulick. THE LIFE OF THE ANCIENT GREEKS WITH SPECIAL REFERENCE TO ATHENS. Illustrated. New York. 1903. p.p. 373.

Частная и общественная жизнь древнихъ грековъ не разъ уже служила темою большихъ объединяющихъ трудовъ. Это не значитъ, чтобы каждое новое сочиненіе въ этой области было излишнимъ въ научной литературѣ. Послѣдніе годы приносятъ такъ много новыхъ литературныхъ, художественныхъ и эпиграфическихъ памятниковъ древняго міра, такъ дружно работаютъ ученые всѣхъ образованныхъ странъ для всесторонняго его изученія, и такъ широко и разнообразно шагнули впередъ археологическія штудіи, что періодическія переработки стараго и новаго матеріала по греческимъ древностямъ оказываются существенно необходимыми. Книгу американскаго автора можно привѣтствовать, какъ живой и обстоятельный трудъ, въ которомъ равно приняты въ соображеніе и вновь открытые матеріалы по гре-

ческимъ древностямъ, и новыя частичныя ихъ обработки. Библіографія автора заботливо доведена до самыхъ послѣднихъ лѣтъ [1]) и въ то же время содержитъ указанія на такіе далекіе спеціальные сборники, какъ, напримѣръ, Zeitschrift des Vereines deutscher Ingenieure 1895 г. [2]).

Изящная книга объ изящной жизни, такъ можно формулировать свои впечатлѣнія отъ настоящаго труда. Въ самомъ дѣлѣ, близость къ природѣ, къ солнцу, къ божеству составляетъ самую существенную и выразительную черту той далекой жизни, и черту эту необходимо содержать въ памяти, чтобы правильно толковать многія явленія древне-греческой жизни. Напримѣръ: улицы древнихъ Аѳинъ, указываетъ нашъ авторъ (стр. 15), были тѣсны, кривы, не мощены, не освѣщены по ночамъ. Онѣ мало чѣмъ отличались отъ тѣсной и грязной улицы современнаго Востока. Но на этихъ бѣлыхъ стѣнахъ, бѣжавшихъ вдоль топкаго болота, грекъ любилъ рисовать (стр. 16) Аполлона, бога солнца и здоровья. И аѳинянину было того довольно. Ему не надо было ночью видѣть бога, чтобы знать, что онъ здѣсь, что на завтра онъ снова пошлетъ изъ-за моря, какъ мощное благословеніе, длинный золотой лучъ. То, что можетъ показаться дикимъ суевѣріемъ на современный взглядъ, было естественно въ этой странѣ солнца и красоты. Еще примѣръ: дороги, сбѣгавшіяся со всѣхъ сторонъ Греціи къ Аѳинамъ, по удобству далеко уступали знаменитымъ римскимъ мощенымъ путямъ (стр. 8). Заботливо охранялись и рачительно поддерживались только священныя дороги, дороги торжественныхъ шествій и праздничной толпы (стр. 9). И мужикъ изъ окрестностей Аѳинъ, гнавшій на утренній рынокъ свою пару овецъ, вступая послѣ утомительныхъ скалъ и избоинъ на гладкій просторъ святого пути, такъ же молитвенно праздновалъ богу, какъ и участникъ избранныхъ теорій Елевсина [3]).

Что касается, въ частности, отношеній древняго грека къ окружавшей его природѣ, то авторъ правъ, какъ мы полагаемъ, устраняясь совершенно отъ господствовавшаго недавно мнѣнія о равноду-

---

[1]) Трудъ 1902 года, стр. 316.

[2]) Статья Ueber attische Trieren, p. 318.

[3]) Это обще-культурное значеніе греческой религіи напоминаетъ и культурныя вліянія нашихъ монастырей (хотя бы по проложенію удобныхъ дорогъ), и такіе монашескіе ордена Запада, какъ, напримѣръ, мостовыхъ братьевъ, учрежденныхъ въ XII в. и занимавшихся постройкой каменныхъ мостовъ. *Korzon*, Historya wieków średnich. Kraków, 1893, str. 258.

шіи древняго грека къ этой царственной красотѣ. О равнодушіи нельзя заключать изъ сравнительнаго молчанія греческихъ писателей о красотахъ природы (стр. 222). Вѣдь также молчатъ они, или проговариваются очень рѣдко, объ окружавшей ихъ красотѣ архитектурныхъ линій, но это не значитъ, что они были къ нимъ равнодушны, а только привычны. Да намъ думается, и не совсѣмъ молчали греки о красотахъ природы, какъ утверждаетъ американскій авторъ. Стоитъ вспомнить многіе постоянные эпитеты древняго Гомеровскаго эпоса, заимствованные изъ жизни природы и растеній и своей метрической приложимостью и привычностью свидѣтельствующіе о давнихъ, пристальныхъ и любовныхъ наблюденіяхъ природы [1]).

Какъ видимъ изъ предисловія къ книгѣ, американскій авторъ задается цѣлью дать удобо-читаемое пособіе по греческимъ древностямъ для школы и образованнаго общества. Съ нѣкоторыми оговорками, авторъ совершенно достигъ предположенной цѣли. Онъ практично избираетъ для своего изображенія одинъ небольшой періодъ греческой, въ частности аѳинской жизни, періодъ, литературнымъ представителемъ котораго является столь усердно читаемая въ современной школѣ греческая книга, какъ „Анабазисъ" Ксенофонта [2]). Этому основному принципу нашего автора можно только сочувствовать. Прослѣживать развитіе разнообразныхъ формъ греческой жизни черезъ все теченіе ихъ исторіи, какъ то часто дѣлается въ трудахъ по греческимъ древностямъ, значитъ разбрасывать вниманіе читателя по многимъ, и часто далеко отстоящимъ одинъ отъ другого во всѣхъ отношеніяхъ періодамъ, значитъ давать читателю историческій очеркъ развитія греческой общественности, а не цѣльную, живую картину народнаго быта. Нашъ изслѣдователь напротивъ, ограничиваясь однимъ, сравнительно небольшимъ періодомъ, тѣмъ полнѣе и всестороннѣе рисуетъ бытъ и нравы вѣка. Съ точки зрѣнія полноты и основательности изображенія, это методъ несомнѣнно предпочтительный.

Съ большой похвалой надо отозваться и о прекрасномъ подборѣ рисунковъ, иллюстрирующихъ и оживляющихъ изложеніе. Представляя удобное пособіе по греческимъ древностямъ, книга американскаго автора является въ то же время возбуждающимъ альбомомъ греческой

[1]) Πόντος ἰοειδής море фіалковидное Odyss. V, 56; μηλέαι ἀγλαόκαρποι свѣтлоплодныя Od. VII, 115 и пр.

[2]) Съ особой охотой избираютъ Анабазисъ для предъ-экзаменныхъ занятій и наши студенты—не классики, въ виду прозрачной легкости слога.

природы и искусства. Пейзажъ современной Греціи и остатковъ греческой старины заимствованъ почти цѣликомъ съ современныхъ фотографическихъ воспроизведеній, а иногда и съ оригинальныхъ рисунковъ. Разнообразный и прекрасный греческій жанръ обязанъ происхожденіемъ подлиннымъ памятникамъ, особенно рисункамъ вазъ. И то, и другое отмѣчено въ Нью-Іоркскомъ изданіи выдающимся изяществомъ воспроизведенія.

Отмѣтимъ однако два-три промаха въ художественной части книги. Говоря о мужскомъ типѣ аѳинской красоты, едва ли удобно подкрѣплять свои положенія портретнымъ бюстомъ историка Ѳукидида, какъ то дѣлаетъ нашъ авторъ на стр. 171. Правда, бюстъ представляетъ черты литературнаго дѣятеля изъ ближайшаго къ Анабазису поколѣнія. Правда и то, что, какъ указываетъ авторъ стр. 176, это характерное произведеніе античнаго ваянія должно быть отнесено въ своемъ подлинникѣ (сохранились копіи) къ современной историку художественной работѣ. Но нельзя не припомнить замѣчанія академика Криста, опирающагося на мнѣніе такого знатока искусства, какъ Михаэлисъ, чтобы оттѣнить „строгое, обличающее чужеземное происхожденіе, выраженіе чертъ лица“ въ этомъ именно бюстѣ Ѳукидида [1]). Если такъ, то Ѳукидидъ не можетъ, строго говоря, являться представителемъ исконнаго аѳинскаго типа. Далѣе, какъ представитель аѳинскаго (или обще-греческаго?) женскаго типа, на стр. 172 данъ выразительный женскій портретъ изъ знаменитыхъ файюмскихъ открытій проф. Petrie. Но самая выразительность портрета громко свидѣтельствуетъ о его позднемъ, сравнительно, происхожденіи [2]), а египетская родина заставляетъ заподозрить подлинную аттичность воспроизводимаго типа, въ которомъ легко предположить семитическія, напримѣръ, вліянія, столь распространенныя и въ литературѣ эллинистическаго времени [3]).

Если отъ этихъ отдѣльныхъ промаховъ перейти къ болѣе общаго характера погрѣшностямъ, то мы пожелали бы прежде всего въ книгѣ по греческимъ древностямъ бо̀льшаго вниманія къ художественному

---

[1]) W. *Christ*, Geschichte der griech. Litteratur, 337, Anm. 2.

[2]) *P. Girard*, La peinture antique, откуда и нашъ авторъ заимствуетъ портретъ, сравниваетъ нѣкоторые экземпляры коллекціи, по общему модернистическому впечатлѣнію, ими производимому, съ искусствомъ Ренессанса, и даже съ Грезомъ.

[3]) Еще маленькое замѣчаніе. Планъ дома стр. 26 имѣетъ одно небольшое помѣщеніе, обозначенное литерой С, между тѣмъ какъ въ объясненіяхъ на планъ ни одна часть дома подъ такой литерой не упоминается.

слову древнихъ грековъ, большей степени приближенія къ литературнымъ собственно свидѣтельствамъ. Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ въ концѣ концовъ греческія древности, какъ не дисциплину только второстепенную, только вспомогательную къ существенному центру греческой филологіи, къ всестороннему изученію художниковъ греческаго слова, ихъ индивидуальной значительности и ихъ историко-литературныхъ соотношеній. Избирая темой изображеніе жизни древнихъ грековъ въ вѣкъ Ксенофонта, давая своей книгой какъ бы одушевленный commentarius perpetuus къ Анабазису, авторъ нашъ въ идеѣ совершенно основательно опредѣляетъ относительную значительность литературы и древностей въ цѣлостномъ зданіи греческой филологіи. На дѣлѣ, однако, среди детальнаго повѣствованія онъ не разъ какъ будто теряетъ эту Аріаднину нить своего лабиринта. Такъ, когда говоритъ онъ объ аѳинскихъ цирюльняхъ, какъ популярныхъ клубахъ новостей и вѣстовщиковъ (стр. 175), читатель ждетъ и не находитъ хотя бы двухъ словъ упоминанія о значеніи этого народнаго клуба для аѳинской комедіи, чему интересныя параллели найдутся и въ ближайшихъ къ нашему времени литературахъ [1]). Или въ томъ мѣстѣ, гдѣ американскій ученый распространяется объ отсутствіи романтическихъ элементовъ въ греческомъ бракѣ (стр. 121),— простая ссылка на греческую лирику способна была бы остеречь автора отъ излишней рѣшительности въ утвержденіяхъ. Спрашивается: откуда же лирики брали и пылъ, и краски для яркихъ изліяній чувства, когда бы въ самой жизни древняго грека, какъ и въ жизни современнаго человѣка, религіозному и юридическому акту брака не предшествовали болѣе или менѣе длительные процессы въ области личнаго чувства? И если послѣ брака древній грекъ молчалъ о семейномъ счастіи, либо отзывался о немъ довольно пренебрежительно, то еще вопросъ: не дѣлалъ ли онъ это изъ того же бережнаго отдѣленія узкой личной жизни отъ высшихъ общественныхъ интересовъ, съ какимъ изъ своего простого, не пріукрашеннаго дома [2]), онъ ежедневно переходилъ въ великолѣпные храмы боговъ, въ великолѣпные

[1]) H. Ibsen przez Jerz. *Lencora*, tłómaczyła A. Kordzikowska. Warsz. 1904, str. 34: аптекарь въ Гримштадтѣ былъ тѣмъ же для Ибсена, чѣмъ нѣкогда *цирюльникъ* Жели для Мольера. Напомнимъ также „Севильскаго цирюльника" Бомарше, литературное произведеніе, всецѣло построенное на такихъ наблюденіяхъ народной жизни.

[2]) Сравнительно неукрашеннаго, прекраснаго въ своей простотѣ, или прекраснаго въ своей цѣлесообразности, по знаменитому аѳинскому опредѣленію красоты въ рѣчи Перикла (φιλοκαλοῦμεν μετ' εὐτελείας. Thucyd. II, 40).

общественные портики? Вліянія той же руководящей идеи древне-греческой жизни возможно прослѣдить и въ наличности романтическихъ элементовъ въ домашнихъ,—напримѣръ, застольныхъ драматическихъ представленіяхъ, на которыхъ присутствовали и женщины, въ противность полному отсутствію и женщинъ-зрительницъ, и романтики на сценѣ при религіозно-государственныхъ представленіяхъ Діонисова театра (стр. 186). Такъ же точно частныя погребенія не допускали первоначально надгробныхъ рѣчей (стр. 299),—въ классическую пору удѣлъ только покойниковъ, заслуженныхъ передъ страною, чему блестящій примѣръ даетъ Ѳукидидова рѣчь Перикла надъ павшими воинами. Все это, намъ думается, явленія одного порядка.

Обращаясь къ гомеровскому прошлому, авторъ, какъ намъ кажется, чрезмѣрно склоненъ принимать показанія поэта за удостовѣренные историческіе факты (ошибка не одного Gulick'a). По нашему мнѣнію, это значитъ умалять права поэта на свободное отношеніе къ своему сюжету. Гомеровское прошлое, въ глазахъ нашего автора, идиллическое прошлое греческой жизни, когда цари работали наравнѣ со слугами, и царскія дочери не гнушались ходить по воду или стирать бѣлье совмѣстно со своими рабынями. Здѣсь однако возникаетъ вопросъ, какая доля реальной исторической правды легла въ подобныхъ изображеніяхъ поэта,—не представляетъ ли онъ въ данныхъ картинахъ скорѣе идеализаціи старины, идеализаціи столь понятной въ пѣвцѣ старыхъ національныхъ подвиговъ? Не выступало ли здѣсь въ значительной мѣрѣ такое же желаніе представить и прославить золотой вѣкъ старины, какое есть въ образѣ бога—пастыря стадъ въ началѣ Еврипидовой „Алкестиды", какое неоднократно и послѣ повторялось въ разныхъ выраженіяхъ и въ греческой, и въ другихъ литературахъ [1])?

Предыдущее указаніе на драму Еврипида, громко оглашавшую съ популярныхъ подмостковъ освященіе простого ежедневнаго труда, это указаніе можетъ свидѣтельствовать, какъ неправъ нашъ авторъ, упоминая ниже Сократа (с. 188), какъ единственнаго въ Аѳинахъ человѣка, славившаго достоинства простой работы. Если такъ, то какой ничтожный отголосокъ находили высокія ученія мыслителя въ окружающемъ обществѣ. Но это, конечно, невѣрно, и пока Сократъ *теоретически* утверждалъ достоинства простого труда, поэты проводили

[1]) *K. Hirzel*, Ἄγραφος νόμος. Leipzig 1900. Такой же смыслъ имѣетъ, напримѣръ, χρονικὴ ἱστορία римской легенды (*Плутархъ*, Нума).

ту же идею, но только *своими*, художественными средствами. Такъ дѣлалъ не только Еврипидъ, но и Аристофанъ, напримѣръ, въ своихъ „Женщинахъ на вѣчѣ". То же возглашали, и также художественными средствами, и рисунки вазъ, на которыхъ ремесленники изображались въ моментъ поднесенія законченной работы небесной покровительницѣ ремесла, Аѳинѣ,—и цѣлый величественный храмъ, воздвигнутый во славу Гефеста (с. 48), покровителя простыхъ горшечниковъ (правда, аѳинскихъ горшечниковъ, то есть, въ значительной мѣрѣ, артистовъ). Все говоритъ за то, что утвержденіе нашего автора о полномъ пренебреженіи аѳинянъ V вѣка простой работой, утвержденіе это возможно принять только съ значительными оговорками. Наконецъ, не за американскаго изслѣдователя, а скорѣе противъ него говоритъ и литературное свидѣтельство въ классическомъ мѣстѣ Геродота, гдѣ отецъ исторіи указываетъ родину такого презрѣнія къ простому труду на неподвижномъ востокѣ, и въ самой Греціи видитъ особенную склонность къ такой теоріи не у аѳинянъ прежде всего, но наиболѣе у лакедемонянъ, въ силу исключительно-военнаго строя ихъ государства [1]). Нашъ же авторъ въ указанномъ воззрѣніи напрасно послѣдователенъ до такой степени, что даже сказанія древности о дружбѣ выдающихся государственныхъ людей Аѳинъ съ такимъ высокимъ художникомъ, какъ Фидій,—признаетъ во многомъ сказками.

Указанныя мѣста книги говорятъ по моему о недостаточной иногда внимательности автора къ своимъ литературнымъ источникамъ. Измѣну педагогическому и общеобразовательному назначенію книги представляетъ, на нашъ взглядъ, такая, напримѣръ, глава, какъ XI о пищѣ древнихъ грековъ. Здѣсь излишняя детальность изложенія, этотъ сухой перечень извѣстныхъ и неизвѣстныхъ греку съѣдобностей производитъ самое докучливое впечатлѣніе, отнюдь не отвѣчающее назначенію книги.

Частныя погрѣшности эти не умаляютъ крупныхъ достоинствъ книги въ ея цѣломъ. Съ особеннымъ интересомъ встрѣтитъ читатель постоянныя параллели къ современной жизни, очень оживляющія изложеніе. Напримѣръ, какъ въ Аѳинскомъ государствѣ государственные рабы назывались Πευσίνιοι по имени введшаго ихъ въ употребленіе Певсина, такъ лондонскій народъ звалъ полицейскихъ Peelers по

---

[1]) Herod. Histor. II, 167. Ср. о томъ обширный экскурсъ *J. Classen'a* Thukydides, VI Band. 2-e Auflage 1881, S. S. 20 6—7.

имени устроившаго этотъ институтъ государственнаго дѣятеля Роб. Пиля (с. 20). Аѳинской пословицѣ „сову въ Аѳины" (γλαῦκ' ἐς 'Αθήνας) отвѣчаетъ подобнаго смысла англійская „coals (уголь) to Newcastle" (с. 24), сапоги, названные по имени аѳинскихъ щеголей Алкивіада, Ификрата, напоминаютъ новѣйшіе Bluchers въ честь извѣстнаго генерала (с. 165) и проч. Все это любопытные примѣры того, какъ одинаковыя явленія жизни отражаются одинаковыми явленіями народной рѣчи, произведеніями народнаго творчества (клички, пословицы) въ разныхъ вѣкахъ и народахъ. Примѣры вѣковой прочности народнаго обычая: купанье новорожденнаго въ древнихъ Аѳинахъ въ смѣси воды и масла,—и значеніе масла въ современномъ греческомъ (и вообще православномъ) крещеніи (с. 72), обнесеніе новорожденнаго нянькой вокругъ домашняго очага, и обнесеніе вокругъ купели въ греческомъ церковномъ обрядѣ крещенія (с. 73). Добавимъ здѣсь еще одну любопытную параллель, которой не могъ знать авторъ, только разъ упоминающій о Россіи (именины важнѣе рожденія, с. 73) и совсѣмъ незнакомый со славянствомъ [1]). Въ дни школьныхъ праздниковъ, указываетъ онъ (с. 282), греческіе школьники пользовались широкой и несдержанной свободой, въ противность обычному строгому контролю, тяготѣвшему надъ ними даже и въ ихъ играхъ (с. 80). Такъ точно въ польскомъ средневѣковьѣ въ день поминовенія избіенныхъ Иродомъ младенцевъ (S. S. Innocentium) старый обычай разрѣшалъ ученикамъ временное освобожденіе изъ подъ монастырской и школьной ферулы. Они избирали себѣ изъ своей среды епископа и ректора, и начинался праздникъ, попойка, веселыя процессіи по улицамъ. Торжество часто заканчивалось нападеніемъ

[1]) Замѣтимъ, невѣдѣніе славянскаго міра—грѣхъ не одной западной науки классической филологіи, но что удивительнѣе, и русской. Между тѣмъ какъ бы, казалось, русской наукѣ классической филологіи не отнестись съ особеннымъ вниманіемъ къ родственной ей близко польской или чешской наукѣ, имѣющей продолжительное культурное прошлое, въ своемъ родѣ не менѣе значительное, чѣмъ многовѣковое развитіе филологической науки на западѣ. Въ романѣ французскаго писателя М. Барреса „Безпочвенники" (Déracinés) представлена вѣрная дѣйствительности картина вредныхъ вліяній на молодежь провинціальнаго лицея—популярнаго профессора древней философіи, преподававшаго свою науку не съ французской точки зрѣнія. Такимъ именно путемъ не въ одной Франціи образуются съ молодыхъ лѣтъ тѣ лишенные связей съ родной почвой космополиты, дальнѣйшая самостоятельная дѣятельность которыхъ можетъ быть только вредна для правильнаго и здороваго роста общественной и политической жизни роднаго края.

на монастырь и школу и взиманіемъ изрядной контрибуціи съ наставниковъ [1]).

Пожелаемъ въ заключеніе, чтобы живое, систематическое и полное пособіе Gulick'а усвоено было въ переводѣ и русской школѣ, которой далеко еще до такихъ учебныхъ книгъ.

Д. Шестаковъ.

SLOVANSKÉ STAROŽITNOSTI проф. д-ра *Л. Нидерле* въ русскомъ переводѣ.

Тѣ, кому дороги судьбы славянской исторической науки, должны были съ особымъ интересомъ отнестись къ выходящей съ 1902 года въ Прагѣ (предисловіе датировано августомъ 1901 года) книгѣ проф. Любора Нидерле, носящей то же заглавіе, что безсмертный трудъ П. І. Шафарика — Slovanské Starožitnosti. Цѣлью проф. Нидерле при составленіи этой книги было, какъ гласитъ печатный проспектъ, вновь собрать все, въ чемъ со временъ Шафарика подвинулась впередъ наука въ области древнѣйшей исторіи, этнографіи и культуры славянъ, въ одно новое, большое, всеисчерпывающее цѣлое. Пока мы имѣемъ предъ собою только первый томъ „Славянскихъ Древностей“. Каковы бы ни были достоинства и недостатки этого монументальнаго труда, о которыхъ мы судить не беремся [2]), онъ во всякомъ случаѣ долженъ быть переведенъ на русскій языкъ; стыдно было бы за нашу науку, если бы примѣръ Бодянскаго, переведшаго „Slovanské Starožitnosti“ Шафарика, не нашелъ себѣ подражателя въ наше время, при появленіи аналогичнаго труда проф. Л. Нидерле. Было бы весьма желательно, чтобы переводчикъ не ограничился передачей чешскаго текста, а сообщилъ—конечно въ особомъ введеніи — данныя о значеніи „Славянскихъ Древностей“ Шафарика, по статьѣ того же проф. Нидерле [3]),

---

[1]) Характерныя о томъ подробности въ живой книжкѣ *G. Dolinski*, Jak u nas chowano dzieci. Zarys dziejów pedagogii polskiej. Warszawa. 1899.

[2]) Ср., напр., разборы: перваго и второго выпусковъ І-го тома въ журналѣ „Památky archaeologické a místopisné“ XIX, 584—589 (проф. д-ра І. Л. Píče), или перваго полутома — проф. Т. Д. Флоринскаго (Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ и изданій по славяновѣдѣнію, IX, 1—10) и акад. А. И. Соболевскаго (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1902, № 6, стр. 388—393) или второго полутома—того же ученаго (ibid., 1904, № 6, стр. 458—464).

[3]) „Pavla I. Šafaříka Slovanské Starožitnosti“—въ сборникѣ „Na památku stoletých narozenin P. J. Šafaříka“ (отд. отт. изъ Českého Časopisu Historického). Praha. 1895, стр. 7—30, или, въ новой обработкѣ, болѣе краткой, въ книгѣ „Literatura česká devatenáctého století“. Praha. 1903, II, 584—600.

и объ отличіи новаго труда отъ прежняго одноименнаго — хотя бы по упоминавшемуся выше печатному проспекту, и внесъ въ переводъ „Древностей“ нѣкоторыя подробности изъ другого труда того же автора „Starověké zprávy o zeměpisu východní Evropy“ (Praha. 1899), такъ какъ послѣдняя книга едва ли дождется полнаго перевода на русскій языкъ. Медленность выхода въ свѣтъ подлинника должна быть для переводчика до извѣстной степени поощреніемъ къ труду, такъ какъ, благодаря ей, переводъ можетъ появляться почти одновременно съ оригиналомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что русскіе ученые и—хотѣлось бы думать—образованные люди съ удовольствіемъ узнаютъ, что „Slovanské Starožitnosti“ проф. Нидерле уже переводятся на нашъ языкъ и печатаются въ приложеніи къ журналу „Археологическая Лѣтопись Южной Россіи“; пока появилось (при 1 — 3 выпускахъ „Лѣтописи“ за 1904 г.) XX+60 страницъ подъ заглавіемъ: „Проф. Любор Нидерле: Славянскія древности. Перевод с чешскаго Антонины Скриленко. Перевод просмотрѣн и дополнен авторомъ. Томъ I. Происхожденіе и начало славянскаго народа. Часть I. Изданіе редакціи журнала «Археологическая Лѣтопись Южной Россіи». Кіев. 1904“. Въ составъ изданія, кромѣ авторскаго предисловія, вошла и краткая біографія проф. Нидерле (стр. V—VI).

Русскій читатель, не знающій чешскаго языка, съ удовольствіемъ познакомится съ трудомъ пражскаго ученаго по только что названному переводу; слѣдуетъ отдать полную справедливость г-жѣ Скриленко въ умѣніи переводить гладкимъ и хорошимъ литературнымъ языкомъ, которое не слишкомъ часто встрѣчается у нашихъ переводчиковъ серьезныхъ книгъ. Но этимъ и исчерпываются всѣ достоинства разбираемаго перевода. Внѣшній видъ книги непріятно поражаетъ своими орѳографическими особенностями; если съ отсутствіемъ твердаго знака и можно помириться (въ случаяхъ необходимости онъ замѣняется апострофомъ: об'единяющая VII, об'ему VIII, раз'ясненіе IX, и т. п.), то нельзя того же сказать объ изгнаніи ѳиты: такія написанія, какъ мифъ (стр. 6, 11), мифическій (37), рифма (6[1]), рифмованный (6[1]), оскорбляютъ глазъ сторонника этимологической орѳографіи, а присутствіе въ книгѣ по древностямъ, въ значительной мѣрѣ освѣщаемымъ именно этимологіей, названій: Фракія съ производными (3, 13, 22, 28, 46) или скиф съ производными (14. 40, 44, 46, 48, 56), Фадесы (Thadesi—15[1]) не можетъ быть оправдано ни съ какой точки зрѣнія.

Что касается необходимой въ переводѣ подобныхъ книгъ точности, то и это условіе въ работѣ г-жи Скриленко не соблюдено. Къ нашему удивленію, здѣсь встрѣчаемъ не мало ошибокъ даже въ переводѣ отдѣльныхъ словъ; такъ, реченіе *právě* весьма неудачно передается словомъ *почти*, напримѣръ: pravě v nejstarším pramenu (8[1]) — „именно въ древнѣйшемъ источникѣ" — у г-жи Скриленко передано: „почти в самом древнем источникѣ" (7, сноска) или: psaná historie... zastala jej (славянскій народъ) právě v době intensivního šíření (12)—„писаная исторія... застала его какъ разъ въ періодѣ интенсивнаго распространенія"—переведено: „письменная исторія....... застала его почти въ эпоху интенсивнаго распространенія" (12); v Uhrách (6), т. е. въ Угріи, передано: „в Уграх" (5); слово úsvit, *разсвѣтъ*, переводчица отожествляетъ съ понятіемъ *свѣтъ* и потому фразу: *směry* a východiska, z jakých se na úsvitě historie... (13), т. е. „*направленія* и исходные пункты, изъ которыхъ на зарѣ исторіи..." передаетъ: „*пути* и мѣста, откуда при свѣтѣ исторіи" (13); se odtud vyvíjela (24) — „оттуда развивалась" — переведено: „откуда появилась" (25); дворянскій титулъ — rytíř (31[4]) — переданъ словомъ „рыцарь" (32[4]): výborně — „прекрасно"—почему-то переведено словомъ *особенно*: „С «Nestor» - ром полемизировал особенно уже *Тунманн* [1])" (26, сноска); zaručené („гарантированной") tradice lidové (35) переведено: „ходячаго народнаго преданія" (37); слово kněz, т. е. *священникъ, пресвитеръ*, переводчица смѣшиваетъ съ kníže (*князь*) и потому сообщаетъ, что „при царѣ Симеонѣ князь Григорій" сдѣлалъ переводъ хроники Малалы (39, ср. въ оригиналѣ 37); představa почему-то передано терминомъ *изложеніе*, вмѣсто *представленіе*, и въ переводѣ появилась странная фраза: „тѣ, которые в своих изложеніях о пути слѣдованія части потомков Іафета в Европу"... (43, въ подлинникѣ 40); vydání basilejské (47[3]) переведено: „базиліанское (вм. *базельское*) изданіе" (50[3]); slovenský, т. е. словацкій, grammatikář (49) въ переводѣ превращается въ „славянскаго грамматика" (52); velmi působil (51[9]), т. е. „сильно вліялъ", передано: „много помог" (54[11]); líčení (57[3])—*изображеніе, представленіе* — переведено: „перечисленія" (60[4]). Если таковы ошибки даже въ передачѣ отдѣльныхъ словъ, то трудно ожидать особой точности въ переводѣ фразъ подлинника, зачастую довольно длинныхъ; приведемъ два - три при-

[1]) Кстати замѣтимъ, что изъ этой фразы каждый читатель заключитъ, что Тунманнъ въ 1772 г., какъ видно изъ дальнѣйшей цитаты, возражалъ противъ упомянутой передъ тѣмъ книги Шлецера „Несторъ", начавшей выходить 30 лѣтъ спустя; въ подлинникѣ сказано: Výborně s Nestorem polemisoval už *Thunmann* (25, сноска).

мѣра тѣхъ искаженій, которымъ подвергается мысль чешскаго ученаго въ русской передачѣ: „několik... změn stavu původního" (26), т. е. „нѣсколько... перемѣнъ первоначальнаго состоянія", переведено: „нѣсколько... преобразованій народа" (27); Zejména je důležit pro historický vývoj této otázky Filip Cluver (50) передано: „Особенно извѣстен историческим развитіем (вмѣсто: особенно важенъ для историческаго развитія) этого вопроса Филипп Клювер" (53); dílo, které vskutku... provedlo... (57) переведено: „труд, который имѣлъ послѣдствіем"... (60), вм.: „который дѣйствительно произвелъ"... и т. п.

Не упоминая далѣе о многихъ отдѣльныхъ неточностяхъ, крайне нежелательныхъ въ переводѣ такой книги, сдѣлаемъ еще общее замѣчаніе о чрезвычайной корректурной неисправности изданія [1]). Особенно много ошибокъ въ собственныхъ именахъ, при передачѣ ихъ на русскій языкъ; такъ Jan Matyáš ze Sudetů, т. е. a Sudetis, изъ Судетовъ, называется въ переводѣ и „Ян Матіаш из Судета" (51) и „Матвѣй из Судета" (52[1], ср. 55[1]); если чешскій авторъ называетъ Ивана Луцича (51) и Іоганна Тунманна (55) Янами, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы ихъ можно было такъ именовать и въ русскомъ переводѣ (54 и 59); Aug. Bielowski совершенно напрасно называется въ переводѣ (6; 8, сноска; 12, сноска; 42, 42[2], 44[2,3]) Бѣловскимъ вмѣсто общепринятой транскрипціи Бѣлёвскій; Fr. Rački, неизвѣстно почему, превратился въ Рачка (8, сноска; 26, сноска), Бандури въ Бандуру (54); въ томъ именно случаѣ, когда желательна скрупулёзная педантическая точность—при передачѣ именъ народовъ по рукописнымъ источникамъ, находимъ такое чудовищное написаніе, какъ Зеруяне (14—15) при Zeruiani подлинника (15, изъ извѣстія баварскаго анонима); весьма большія и ничѣмъ не оправдываемыя вольности позволяетъ себѣ переводчица и при транскрипціи другихъ названій народовъ изъ того же источника (и въ подлинникѣ и въ переводѣ 15[1]), напримѣръ, Osterabtrezi — Остробреги, Busani — Бусане, Neriuani — Неруяне, Uelunzani—Юлунзане. Извѣстный грамматистъ Роса (въ оригиналѣ 52[1]) превратился подъ перомъ г-жи Скриленко въ Розу (55[1]); о такихъ ошибкахъ-опечаткахъ, какъ Блотенское озеро (21) или Врончичъ вмѣсто Врачичъ (54 bis), равно какъ и о промахахъ въ родѣ Кадлубека (44 bis) вмѣсто Кадлубка можно и не упоминать.

Кстати замѣтимъ, что для русскихъ читателей слѣдовало бы при

---

[1]) Хотѣлось бы вѣрить, что „интерпеляцію" (42) есть только опечатка, вмѣсто *интерполяцію*, а не *интерпелляцію*.

упоминанія *сербскаго* перевода евангелія Френцелемъ (46*) объяснить, что здѣсь подразумѣваются *сербы лужицкіе*.

Въ заключеніе намъ остается выразить пожеланіе, чтобы слѣдующіе выпуски этого перевода, сдѣланнаго хорошимъ литературнымъ языкомъ, ранѣе выхода въ свѣтъ были просмотрѣны кѣмъ либо изъ русскихъ ученыхъ, свѣдущихъ и въ чешскомъ языкѣ, и въ вопросахъ славянской древности.

П. Петровскій.

Вселенная и человѣчество. Исторія изслѣдованія природы и приложенія ея силъ на службу человѣчеству. Подъ общей редакціей *Ганса Крэмера*, и при сотрудничествѣ проф. Л. Бейсгаузена, проф. К. Вейле, Г. Вислиценуса, проф. Г. Клаача, д-ра Лепмана, прив. доц. А. Маркузе, проф. Маршалля, д-ра А. Нейбургера, проф. Г. Потоніе, проф. К. Саппера, проф. В. Ферстера, М. фонъ Эйта и др. Переводъ подъ общей редакціей проф. А. С. Догеля, при участіи профессоровъ П. И. Броунова, В. И. Палладина, В. М. Шимкевича, М. А. Шателена, Б. К. Полѣнова. Томъ первый. Общее введеніе. — Изслѣдованіе земной коры. — Земная кора и ея отношеніе къ человѣчеству. — Геофизика. — С.-Пб. 1904. Изд. Товарищества „Просвѣщеніе." XII + 516 стр.

Читателя, который вовсе не знакомъ съ естествознаніемъ и расчитываетъ найти энциклопедію его въ этомъ сочиненіи, ожидаетъ нѣкоторое разочарованіе. Отдѣльныя главы окажутся даже, можетъ быть, недоступными слишкомъ широкому кругу читающей русской публики. Этого нельзя никоимъ образомъ ставить въ вину авторамъ, которые имѣли въ виду другую аудиторію. Въ Германіи, какъ и вообще на Западѣ, знакомство съ элементами естествознанія распространено гораздо больше, чѣмъ у насъ. Задача популяризаторовъ тамъ поэтому должна быть нѣсколько иная. Они должны предлагать читающей публикѣ не столько основные элементы знанія, сколько очерки его успѣховъ. Образованные читатели тамъ тоже требуютъ „послѣдняго слова" науки, и этому спросу отчасти отвѣчаетъ изданіе.

Судя по вышедшему въ свѣтъ первому тому, авторы не имѣли намѣренія систематически излагать всѣ основныя данныя естествознанія. Они даютъ очерки развитія теоретическихъ воззрѣній въ той или другой области, подробнѣе останавливаясь на новѣйшихъ завоеваніяхъ и наблюденіяхъ послѣдняго времени, которыя интересны уже по самой новизнѣ своей. Программа изданія, изложенная въ

общемъ введеніи Крэмера, выставляетъ главной его темой человѣка и его духовный и матеріальный прогрессъ. Сообразно съ этимъ, больше всего мѣста должно быть отведено тѣмъ отраслямъ естествознанія, которыя касаются происхожденія человѣка, его положенія въ мірѣ организмовъ, его зависимости отъ окружающей природы, его воззрѣній на мірозданіе. Рядомъ съ этимъ излагается исторія матеріальной культуры или, точнѣе, тѣхъ научныхъ завоеваній, на которыхъ основаны успѣхи техники. Эта задача заставляетъ включить въ программу изданія большинство крупныхъ отраслей естествознанія.

Первый изъ трехъ отдѣловъ перваго тома—„Изслѣдованіе земной коры" проф. К. Саппера—самый обширный и занимаетъ больше половины книги. Содержаніемъ его является главнымъ образомъ динамическая геологія и ея историческое развитіе. За введеніемъ (стр. 17—37) и краткимъ общимъ историческимъ очеркомъ развитія геологіи (стр. 38—41) слѣдуетъ глава о „возникновеніи и строеніи земли" (стр. 42—69), въ которой излагаются различныя космогоническія теоріи отъ древности до нашихъ дней, кончая воззрѣніями А. Штюбеля и С. Арреніуса. Дальше подробно разсматриваются вулканическія явленія и исторія ихъ изслѣдованія („Вулканизмъ и образованіе горъ", стр. 70—150). Въ качествѣ примѣровъ приведены наиболѣе крупныя явленія послѣднихъ годовъ, напр., изверженіе на островѣ Мартиникѣ (1902 г.) и землетрясеніе въ Шемахѣ (1902 г.). Много мѣста отведено изложенію новѣйшей теоріи Штюбеля. Небольшая глава объ „окаменѣлостяхъ и исторіи земли" (стр. 151—184) представляетъ очень сжатый очеркъ происхожденія окаменѣлостей и горныхъ породъ. Исторической геологіи посвящено здѣсь всего 10 страницъ (174 — 184). Очень подробно и обстоятельно разсмотрѣна геологическая дѣятельность воды и вѣтра (глава IV, стр. 185 — 272). Краткій очеркъ развитія горнаго дѣла касается сущности пріемовъ добычи и обработки полезныхъ ископаемыхъ, не вдаваясь въ утомительныя техническія подробности (гл. V, стр. 273—299).

Отдѣлъ, озаглавленный „Земная кора и ея отношенія къ человѣчеству", принадлежитъ тому же автору и состоитъ изъ трехъ главъ. Изъ нихъ только первая („Земная кора и человѣчество", стр. 300 — 384) обработана съ достаточной полнотой. Здѣсь разсматривается зависимость человѣка отъ характера окружающей его природы, поскольку этотъ послѣдній прямо или косвенно связанъ съ устройствомъ поверхности земной коры и ея физическими и химическими свойствами. Съ интересомъ и легко читаются соображенія о вліяніи

рельефа мѣстности на климатъ и между прочимъ на распредѣленіе влаги, о значеніи климатическихъ факторовъ преимущественно для растительнаго міра, о происхожденіи категорій почвъ въ зависимости отъ физическихъ и химическихъ свойствъ поверхностнаго слоя земной коры и климатическихъ условій. Авторъ даетъ характеристику мелкихъ чертъ устройства земной поверхности, т. е. ея скульптуры, описываетъ различные ландшафты, останавливается на значеніи скульптуры страны для возникновенія крупныхъ населенныхъ центровъ и развитія средствъ сообщенія. Къ сожалѣнію, обратное вліяніе человѣка и его культуры на окружающую природу указано только вскользь. Такія важныя явленія, какъ истребленіе лѣсовъ, обмелѣніе рѣкъ, истощеніе почвъ и т. п., заслуживали бы обстоятельной обработки.

Остальныя двѣ главы этого отдѣла: „Минеральныя богатства и человѣчество" (стр. 385—392) и „Геологическое изслѣдованіе и человѣчество" (стр. 393 — 396) слишкомъ кратки для затрогиваемыхъ вопросовъ и слишкомъ растянуты для заключительнаго послѣсловія.

Въ отдѣлѣ геофизики (стр. 399 — 516) вслѣдъ за историческимъ введеніемъ разсматриваются явленія земного магнитизма и электричества, приливы и отливы и, наиболѣе подробно (стр. 452—516), воздушная оболочка земли. Этотъ отдѣлъ нѣсколько уступаетъ первымъ двумъ по изложенію и по самому замыслу. Описаніе приборовъ едва ли представитъ интересъ для читателя. Нужно, однако, признать, что автору его, А. Маркузе, выпала на долю менѣе благодарная задача. Трудно изложить кратко и въ общедоступной формѣ сложныя явленія магнитизма и т. п.

Къ числу крупныхъ достоинствъ книги нужно отнести массу умѣло подобранныхъ иллюстрацій: ихъ около 300 въ текстѣ и сверхъ того около 40 отпечатанныхъ красками на отдѣльныхъ листахъ. Среди нихъ найдется немало такихъ, которыя представятъ интересъ даже для спеціалиста. Таковы, напримѣръ, многочисленныя оригинальныя фотографіи, сдѣланныя въ Центральной Америкѣ авторомъ обоихъ геологическихъ отдѣловъ, проф. К. Сапперомъ, а также нѣсколько снимковъ проф. К. Футтерера и проф. Іоганеса Вальтера. Не менѣе интересны иллюстраціи, заимствованныя изъ различныхъ сочиненій древности и среднихъ вѣковъ. Разумѣется, не всѣ рисунки хорошо выполнены, и это прежде всего относится къ иллюстраціямъ въ краскахъ. Въ общемъ онѣ грубоваты, и хорошая цинкографія во многихъ случаяхъ была бы предпочтительнѣе. Гдѣ сущность картины заключается въ общемъ колоритѣ пейзажа, тамъ и при указанномъ недо-

статкѣ иллюстрація достигаетъ своей цѣли. Зато размазанныя краски иногда совершенно затемняютъ самый рисунокъ; такова, напримѣръ, иллюстрація, изображающая конечный моментъ изверженія сѣрнаго озера въ кратерѣ вулкана Поасъ, въ Костарикѣ (стр. 128). Можно только пожалѣть о неумѣстной экономіи издателя, такъ какъ оригиналъ писанъ художникомъ В. Кранцомъ по фотографіямъ и указаніямъ проф. Сашера и снимки съ него, можетъ быть, впервые появляются въ печати. Очень удачны, по своей наглядности, нѣкоторыя изъ приложенныхъ иллюстрацій; таковы „Происхожденіе фазъ луны“ (стр. 436), „Происхожденіе грозы“ (стр. 452), изображающія рядъ послѣдовательныхъ моментовъ явленія и снабженныя особымъ пояснительнымъ текстомъ, „Изверженіе гейзера“—складной рисунокъ гейзера и и его разрѣзовъ въ различные моменты его дѣятельности—тоже съ пояснительнымъ текстомъ.

Издатель обѣщаетъ дать дополненія къ тѣмъ отдѣламъ, „въ которыхъ окажутся пробѣлы, въ особенности по отношенію къ Россіи“. Едва ли представится въ нихъ надобность, въ виду указаннаго выше характера изданія. Замѣна метеорологическаго бюллетеня Берлинской обсерваторіи, приведеннаго только въ качествѣ примѣра, русскимъ бюллетенемъ главной физической обсерваторіи и нѣсколько мелочныхъ редакторскихъ примѣчаній не вносятъ ничего существеннаго, но имѣютъ очень серьезное преимущество передъ слишкомъ пространными дополненіями. Слишкомъ усердные редакторы, исправляя и дополняя не менѣе компетентнаго автора, нерѣдко совершенно измѣняютъ первоначальный характеръ книги, между тѣмъ какъ отвѣтственность за него остается на авторѣ.

Переводъ популярныхъ книгъ всегда наталкивается на затрудненія, которыхъ легче избѣжать въ сочиненіяхъ, предназначенныхъ для узкаго круга спеціалистовъ. Такія затрудненія создаетъ невыработанность русской терминологіи. Спеціалистъ, конечно, предпочтетъ встрѣтить въ книгѣ давно знакомые ему термины, какъ денудація, эрозія, дислокація, эрратическій и т. п., чѣмъ болѣе или менѣе произвольные ихъ переводы. Съ этими терминами связаны строго опредѣленныя понятія, почти какъ съ математической формулой. Но неподготовленнаго читателя они отпугиваютъ, не говоря о томъ, что, повторяясь черезъ каждыя нѣсколько строкъ, они превращаютъ языкъ въ какой-то жаргонъ и рѣжутъ непривычное ухо. Желательно поэтому по возможности переводить такія выраженія, по примѣру нашихъ западныхъ сосѣдей, которые создали богатую научную терминологію на своемъ

родномъ языкѣ. Попытки въ этомъ направленіи вреда не принесутъ. Неудачный терминъ не привьется, и только исключительно счастливое выраженіе можетъ расчитывать проникнуть современемъ въ спеціальную литературу. Такого рода попытка сдѣлана въ переводѣ разсматриваемаго изданія по отношенію къ термину „денудація" и его производнымъ, какъ, „денудаціонныя явленія", „денудирующая дѣятельность воды" и т. п. Выраженія „изнашиваніе земной поверхности", „изнашивающая дѣятельность воды, вѣтра" и т. п. не хуже передаютъ сущность процесса, чѣмъ соотвѣтствующія нѣмецкія: „Abtragung der Erdoberfläche", „die abtragende Thätigkeit des Wassers".

По внѣшности русское изданіе вполнѣ воспроизводитъ нѣмецкое. Оно не оставляетъ желать ничего лучшаго, если не считать указанныхъ выше недостатковъ раскрашенныхъ рисунковъ и нѣкоторыхъ, вообще немногочисленныхъ, но иногда довольно грубыхъ опечатокъ.

Нельзя не пожалѣть, что цѣна русскаго изданія (40 коп. выпускъ) значительно повышена по сравненію съ нѣмецкимъ (60 пфениговъ, т. е. 28 коп. выпускъ).

Д. Д. Педашенко.

Книжныя новости.

Н. Ѳ. Сумцовъ. **Двадцатипятилѣтіе историко-филологическаго общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Харьковъ. 1904. (Отдѣльный оттискъ изъ „Сборника харьковскаго историко-филологическаго общества", т. XIV).**

Въ настоящей исторической запискѣ проф. Сумцовъ, какъ нынѣшній предсѣдатель историко-филологическаго общества при Харьковскомъ университетѣ, даетъ общую характеристику научной дѣятельности этого общества за первую четверть вѣка его существованія, отмѣчая попутно „наиболѣе крупныя явленія въ его внутренней жизни".

„Харьковскому историко-филологическому обществу,—говоритъ уважаемый авторъ,—выпала трудная задача совмѣстить въ своей дѣятельности разные научные интересы, выдвинутые современнымъ быстрымъ прогрессомъ историко-филологическихъ изученій, позаботиться о собираніи архивныхъ матеріаловъ, описи ихъ, изданіи и разработкѣ, позаботиться о собираніи этнографическихъ матеріаловъ, о развитіи въ обществѣ научныхъ и педагогическихъ интересовъ, о сохраненіи памятниковъ старины, о чествованіи памяти славныхъ дѣятелей науки и литературы. Въ обществѣ находили выходы спеціальные научные интересы въ сферѣ исторіи языка и словесности, исторіи развитія правовыхъ отношеній и институтовъ, исторія церкви, исторіи искусства, по археологіи и этнографіи".

За 25 лѣтъ своего существованія харьковское историко-филологическое общество развилось „въ крупное и сложное учрежденіе", положившее основаніе многимъ просвѣтительнымъ начинаніямъ. Въ настоящее время при обществѣ состоятъ: историческій архивъ (съ 1880 г.), педагогическій отдѣлъ (съ 1892 г.) и двѣ библіотеки; имъ же положено начало этнографическому музею. Заслуги общества въ дѣлѣ распространенія образованія выражаются устройствомъ (въ 1895 г.) женскихъ курсовъ, общедоступныхъ публичныхъ научныхъ чтеній съ туманными картинами и постояннымъ стремленіемъ къ распространенію и популяризаціи научныхъ знаній путемъ публичныхъ лекцій, научныхъ курсовъ, публичныхъ засѣданій по поводу литературныхъ юбилеевъ (Жуковскаго, Пушкина, Гоголя и др.) и т. д.

Научно-литературными вкладами общества являются двѣнадцать томовъ „Сборника" изслѣдованій и матеріаловъ по археологіи и этнографіи, семь выпусковъ „Трудовъ" членовъ педагогическаго отдѣла и нѣкоторыя другія отдѣльныя изданія общества (какъ, напримѣръ, „Собраніе сочиненій Г. С. Сковороды"). При обществѣ учреждена премія имени покойнаго проф. А. А. Потебни, бывшаго талантливаго руководителя общества, за лучшее студенческое сочиненіе по исторіи русскаго языка и литературы.

Въ заключеніе нельзя не согласиться съ авторомъ, что, „какъ ни разнообразна была дѣятельность общества, на ней лежитъ одинъ общій и объединяющій отпечатокъ стремленія къ исторической истинѣ и къ прогрессу въ широкомъ значеніи развитія всѣхъ гуманитарныхъ знаній и любовнаго приложенія ихъ къ дѣйствительной жизни" (стр. 9).

Р. Штаммлеръ. Задачи по римскому праву. Переводъ со второго нѣмецкаго изданія, подъ редакціей проф. *М. Я. Пергамента*. Одесса. 1904. XIV+262 стр.

Сборники задачъ для практическихъ упражненій по римскому и гражданскому праву, составленные Р. Штаммлеромъ (проф. въ Галле), пользуются вполнѣ заслуженною извѣстностью. Въ русскомъ переводѣ вышелъ теперь тотъ, который разсчитанъ на начинающихъ юристовъ. По мысли Штаммлера, практическія упражненія должны сопутствовать теоретическимъ лекціямъ съ самаго же начала изученія гражданскаго права, должны представлять параллельный курсъ, въ которомъ изучающему открывается возможность размышлять надъ тѣми вопросами, которые затрагивались на лекціяхъ, но могли тогда ускользнуть отъ вниманія слушателя. Въ сборникѣ приведены задачи трехъ родовъ: въ I части собраны казусы, для разрѣшенія по римскому праву; во II—указаны темы для болѣе легкихъ экзегетическихъ работъ по источникамъ, болѣе сложныя отнесены къ III части, гдѣ приведены трудные, иногда слишкомъ даже трудные фрагменты изъ Юстиніанова законодательства. Фрагменты приведены цѣликомъ. Казусы подобраны очень удачно и могутъ заинтересовать начинающаго юриста. Рѣшеніе ихъ облегчается тѣмъ, что они расположены по отдѣламъ, и въ заглавіяхъ названы матеріи права, имѣющія ближайшее отношеніе къ казусамъ—пріемъ весьма цѣлесообразный, такъ какъ иначе начинающій можетъ легко потеряться и очутиться передъ непосильной для него задачей. Переводъ сдѣланъ очень хорошо; редакторъ потрудился не

только надъ отдѣлкой слога, но снабдилъ изданіе ссылками на параллельныя постановленія русскаго законодательства. Съ внѣшней стороны книга издана также очень хорошо. Въ предисловіи Штаммлера (на нѣмецкомъ языкѣ) авторъ высказываетъ свои мысли по поводу желательнаго метода и порядка юридическаго преподаванія.

Проф. *Е. В. Васьковскій.* Сборникъ задачъ по русскому гражданскому праву. Пособіе для практическихъ занятій. Одесса. 1904. IV+82 стр.

Своеобразныя постановленія нашего дѣйствующаго права затрудняютъ пользованіе иностранными пособіями при практическихъ занятіяхъ. Поэтому слѣдуетъ особенно привѣтствовать появленіе сборника проф. Васьковскаго, который составленъ имъ по указаніямъ опыта многолѣтней практики. Задачи, собранныя имъ, распадаются на двѣ категоріи. Къ первой онъ относитъ упражненія методологическаго характера, гдѣ учащемуся приходится имѣть дѣло съ методами толкованія и примѣненія законовъ. Помимо прямого результата—усвоенія нормъ дѣйствующаго права, достигается при этомъ еще и навыкъ и умѣнье научно и точно оперировать съ юридическими понятіями. Такъ, напримѣръ, предлагается установить точное значеніе разныхъ словъ, встрѣчающихся въ статьяхъ X тома, или устранить противорѣчивыя постановленія, или догматически разработать нѣкоторые мелкіе отдѣлы гражданскаго права, провѣрить легальныя опредѣленія и т. д. Къ другой категоріи отнесены вопросы и казусы по различнымъ отдѣламъ I части X тома Свода законовъ. Они расположены по рубрикамъ, такъ что для новичка и проф. Васьковскій старается облегчить задачу. Казуистическій матеріалъ заимствованъ изъ иностранныхъ сборниковъ и изъ судебной практики, особенно сенатской. Казусы подобраны очень удачно, подчеркнуты особенности отдѣльныхъ институтовъ и выдвинута характерная черта ихъ. При разрѣшеніи этихъ казусовъ учащемуся приходится примѣнять тѣ методы, съ которыми онъ ознакомился въ первой части сборника. Обращается вниманіе и на юридическія поговорки и пословицы — въ упражненіяхъ предлагается разобрать степень соотвѣтствія ихъ дѣйствующимъ законамъ. Къ сборнику приложенъ алфавитный указатель. Въ небольшой по объему книгѣ собранъ огромный трудъ, тѣмъ болѣе цѣнный, что такихъ самостоятельныхъ сборниковъ въ нашей юридической литературѣ очень немного. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что сборникъ проф. Васьковскаго сослужитъ большую службу всѣмъ интересующимся практическимъ изученіемъ нашего права и ляжетъ въ основу будущихъ сочиненій этого характера.

Ἡ ῥωσσικὴ γλῶσσα ἐν τῇ λογοτεχνίᾳ αὐτῆς. Δοκίμιον ὑπό Ν. Εὐσταθίου, ἐκδιδόμενον δαπάνῃ τῶν Κ. Κ. Δ. Βακούλη καὶ Κ. Ἀμπαρζάκη. Ἐν Ἀθήναις 1904, in 8°, стр. VIII+202. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ книгѣ г. Н. Евстаѳія предлагается „опытъ“ исторіи русскаго литературнаго языка, начиная съ изобрѣтенія славянской азбуки и кончая исходомъ XVIII вѣка. Авторъ не имѣетъ въ виду дать болѣе или менѣе полной исторіи русскаго языка: онъ останавливается лишь на ея главныхъ и наиболѣе ха-

рактерныхъ моментахъ. Въ первыхъ двухъ главахъ излагается біографія св. Кирилла и Меѳодія и разбирается вопросъ о кириллицѣ и глаголицѣ. Третья глава посвящена исторіи перваго перевода священныхъ книгъ на славянскій языкъ. Четвертая глава трактуетъ о распространеніи христіанства въ Россіи и о вліяніи на древнѣйшій русскій языкъ византійской письменности. Въ пятой главѣ авторъ переходитъ къ вопросу объ исправленіи церковныхъ книгъ при Максимѣ Грекѣ и попутно говоритъ о дѣятельности Юрія Крижанича. Глава шестая—„схоластика въ Россіи". Въ главѣ седьмой идетъ рѣчь о преобразованіяхъ въ исторіи языка, сдѣланныхъ при Петрѣ Великомъ (Третьяковскій), въ главѣ восьмой о псевдоклассицизмѣ и Ломоносовѣ, наконецъ въ главѣ девятой изслѣдуется языкъ Екатерининской эпохи въ лицѣ ея главныхъ представителей: самой императрицы, Сумарокова, Державина, Фонвизина, Хераскова, митрополита Платона и Анастасія, епископа Астраханскаго.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Вып. XII. Изд. подъ ред. *Дубровина*. С.-Пб. 1903.

XII выпускъ „Сборника", какъ и предшествовавшій, въ началѣ содержитъ собственноручныя записки Императора Николая Павловича статсъ-секретарю А. С. Танѣеву съ 4-го января 1844 г. по 14-е декабря 1849 г. Изъ отдѣльныхъ распоряженій Императора нѣкоторыя касаются движенія по службѣ, порядка веденія дѣлъ въ отсутствіи Императора, ремонта столицы, свѣдѣній о ненаселенныхъ помѣстьяхъ въ Россіи, призрѣнія осиротѣвшихъ отъ холеры и семействъ безсрочно отпускныхъ, образованія Константиновскаго Межевого института на военную ногу и уничтоженія Московскаго дворянскаго института и другихъ отдѣльныхъ вопросовъ. Всѣ записки снабжены помѣтами статсъ-секретаря, когда и откуда они получены. Изъ другихъ матеріаловъ отчеты министровъ за 1801 — 1802 гг. представляютъ интересные источники для картины общаго состоянія государства въ это время. Они препровождены Государю при всеподданнѣйшихъ докладахъ Сената. При отчетѣ министра коммерціи приложены вѣдомость приходовъ и расходовъ, всѣхъ таможенъ и купеческихъ судовъ; при отчетѣ министра народнаго просвѣщенія приложена вѣдомость о всѣхъ школахъ и приходо-расходныя вѣдомости Академій и университета. Остальная часть книги заключаетъ матеріалы для исторіи Библейскаго общества въ Россіи. Здѣсь приведены письма министра народнаго просвѣщенія адмирала А. С. Шишкова Императору Александру I съ отзывомъ о Библейскомъ обществѣ, мнѣніе митрополита новгородскаго Серафима, бывшаго президентомъ общества, и кіевскаго митрополита Евгенія и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ списокъ членамъ комитетовъ этого общества и его отдѣленій. Сборникъ заканчивается собраніемъ писемъ князя А. Н. Голицына къ попечителямъ округовъ 1822—1823 гг., матеріалами о медаляхъ 12-го года графа Ѳ. Толстого и перепиской о вызовѣ проф. Фесслера въ С.-Петербургъ.

Къ выпуску приложенъ алфавитный указатель собственныхъ именъ, упомянутыхъ въ текстѣ XII выпуска и оглавленіе первыхъ XI выпусковъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ теченіе января и февраля мѣсяцевъ 1905 г.

— *Цѣтаевъ, Дм.* Россія и Западная Европа въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Къ исторіи царствованія Императора Александра III. Варшава 1904. 20 стр. Цѣна 20 коп.

— *Багалѣй, Д. И.* Опытъ исторіи Харьковскаго Университета (по неизданнымъ матеріаламъ). Съ приложеніемъ портретовъ и плановъ. Томъ 2-й (съ 1815 по 1835 годъ). Харьковъ 1905. VI + 1136 стр. Цѣна 6 руб.

— *Северьяновъ, Сергѣй.* Супрасльская рукопись. Томъ I. Съ приложеніемъ трехъ фототипическихъ снимковъ. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности при Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1904. VI+570 стр. Цѣна 2 руб. (Памятники старославянскаго языка. Томъ II, вып. I-й).

— *Липпсъ, Т.* Основные вопросы этики. Переводъ съ нѣмец. М. А. Лихарева подъ редакціей П. Струве и Н. О. Лосскаго. Издательство О. Н. Поповой. С.-Пб. 1905. 392 стр. Цѣна 1 руб. (Образовательная библіотека. Серія V. №№ 5 и 6).

— *Клоссовскій, А.* Матеріалы къ вопросу о постановкѣ средняго образованія въ Россіи. Одесса 1904. 52 стр. (На правахъ рукописи).

— *Его же.* Каѳедра географіи и ея представители въ русскихъ университетахъ. I. Новороссійскій университетъ. Одесса 1905. 22 стр.

— *Мюллеръ, Фр.,* проф. Болѣзни органовъ дыханія. Переработано и дополнено П. Орловымъ. С.-Пб. 1905. 14 стр. (Безплатное приложеніе журнала „Здоровье").

— *Ефименко, Александра.* Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки. Изданіе общества имени Т. Г. Шевченко для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ Южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, въ пользу фонда на устройство общежитія и столовой. Томъ I. С.-Пб. 1905. 439 стр. Цѣна 2 руб.

— *Вейнбергъ, Б. П.* Вліяніе среды на электрически-магнитныя взаимодѣйствія. Одесса 1904. 173 стр.

— *Фишеръ, Куно.* Исторія новой философіи. Томъ III. Лейбницъ, его жизнь, сочиненія и ученіе. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Н. Полилова. Съ портретомъ Лейбница. С.-Пб. 1905. Изданіе Д. Е. Жуковскаго. С.-Пб. XV + 735 стр. Цѣна 4 руб.

— *Первовъ, П. Д.* Изъ исторіи Геродота. Персы. Египтяне. Скиѳія. Чтеніе для юношества и для самообразованія. Москва 1905. 166 стр. Цѣна 60 коп.

— Восемнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый по бумагамъ фамильнаго архива почетнымъ членомъ археологическаго института княземъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Куракинымъ подъ редакціей В. Н. Смольянинова. Томъ второй. Москва 1905. IX+538 стр. Цѣна 4 руб.

— *Шумаковъ, Сергѣй.* Сотницы (1554—1572 гг.). Грамоты и записи (1628—1701 гг.). Выпускъ третій. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Москва 1904. 214 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— *Фрейдъ, Сигм.* д-ръ О сновидѣніяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. Л. С.-Пб. 1904. 50 стр. 5-е приложеніе къ журналу „Вѣстникъ психологіи, криминальной антропологіи и гипнотизма за 1904 г." [Вопросы психо-неврологіи въ общедоступныхъ очеркахъ, выходящихъ подъ редакціей д-ра Л. Левенфельда (въ Мюнхенѣ) и д-ра мед. Г. Курелла (въ Бреславлѣ)].

— Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1904. Тома IX-го книжка 4-ая. С.-Пб. 1904. V + 379 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— Труды Ярославскаго областного съѣзда (съѣзда изслѣдователей исторіи и древностей ростово-суздальской области). Иждивеніемъ И. А. Вахрамѣева. Москва 1902. LIV + 177 стр.

— *Залѣсскій, Ан.* Поѣздка въ Петербургъ. 1901. Петроковъ 1904. 29 стр.

— *Пѣтуховъ, Е. В.* Матеріалы и замѣтки изъ исторіи древней русской письменности. Выпускъ второй: IV—IX. С.-Пб. 1905. 32 стр.

— *Его же.* Нѣсколько словъ о наукѣ и университетѣ. (Изъ газеты „Рижскій Вѣстникъ"). 1904. № 214. Рига 15 стр.

— *Кимменталь, Викторъ.* Какъ слѣдуетъ учиться? Для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, начинающихъ студентовъ и лицъ, стремящихся къ образованію. 2-е изданіе, переработанное и дополненное. С.-Пб. 1905. 63 стр. Цѣна 50 коп.

— Творенія Платона. Федръ. (О значеніи философіи). Переводъ съ введеніемъ и примѣчаніями Н. Мурашова. Москва 1904. VIII+67. Цѣна 75 коп.

— Памятная книжка Константиновскаго Межевого Института за 1903—1904 годъ. (7-й годъ изданія). Москва 1905. 255 стр.

— Отчетъ Императорскаго Московскаго Университета и рѣчь къ 12-му января 1905 года. Москва 1905. IV+34+39+541 стр.

— Извѣстія Таврической ученой архивной коммиссіи (годъ восемнадцатый). Подъ редакціей правителя дѣлъ Арсенія Маркевича. Симферополь 1904. № 36. 98 стр., № 37 260+III стр.

— Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго учебнаго округа. Томъ четырнадцатый. Вильна 1904. LXI+229 стр.

— Записки общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ. Выпускъ 3. Варшава 1904. 149 + 77 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— *Woronin, M.* dr. Beitrag zur Kenntnis der Monoblepharideen. Mit 3 Tafeln. С.-Пб. 1904. 24 стр. Цѣна 1 руб. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XVI, № 4).

— *Handlirsch, Anton.* Ueber einige Insektenreste aus der Permformation Russlands. Mit einer Tafel. С.-Пб. 1904. 7 стр. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XV, № 5).

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ ВЪ РОССІИ [1]).

По положеніямъ 1864—1874 гг. дѣло народнаго просвѣщенія было сосредоточено въ вѣдомствѣ одного министерства народнаго просвѣщенія и училищнымъ его совѣтамъ подвѣдомы были, наряду съ другими школами, и церковныя школы. Въ восьмидесятыхъ годахъ эти школы выдѣляются въ самостоятельное цѣлое, независимое отъ министерства. Въ Бозѣ почившему Императору Александру III благоугодно было указать духовенству на его призваніе въ области народнаго просвѣщенія и Высочайше утвержденнымъ 12-го января 1882 г. мнѣніемъ комитета министровъ духовному вѣдомству предоставлено было войти въ разсмотрѣніе вопроса объ обезпеченіи за православнымъ духовенствомъ надлежащаго вліянія на народное образованіе и объ изысканіи источниковъ для оказанія духовенству необходимой для того поддержки. Духовное вѣдомство, обсудивъ этотъ вопросъ, признало необходимымъ предоставленіе православному духовенству самостоятельности по устройству и завѣдыванію церковно-приходскими школами и выработало проектъ „Правилъ для церковно-приходскихъ школъ“, который удостоился Высочайшаго утвержденія 13-го іюня 1884 г. Семь лѣтъ спустя, 4-го мая 1891 г., Высочайше утверждены правила о школахъ грамоты. Наконецъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго, 26-го февраля 1896 г., мнѣнія государственнаго совѣта, издано положеніе о порядкѣ управленія учебными заведеніями обоихъ ука-

[1]) *Окончаніе.* См. февральскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1905 годъ.

занныхъ выше разрядовъ. Всѣ эти мѣропріятія, въ связи съ крупными ассигнованіями изъ государственнаго казначейства на церковно-учебныя нужды и постоянно возрастающимъ притокомъ частныхъ на этотъ предметъ пожертвованій, способствовали быстрому распространенію церковнаго школьнаго обученія.

Помимо приходскихъ школъ и школъ грамоты, въ вѣдѣніи православнаго духовенства возникли школы воскресныя, а также второклассныя и учительскія, предназначенныя для подготовленія собственно народныхъ учителей. Быстрый ростъ начальныхъ школъ православнаго вѣдомства, не отличающихся отъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія ни по своей задачѣ, ни по учебному курсу и внутреннему распорядку, естественно выдвинулъ вопросъ: въ какомъ вѣдомствѣ должно сосредоточиться завѣдываніе народными училищами? Высочайше утвержденнымъ 12-го мая 1887 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта министру народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурору святѣйшаго синода поручено было войти въ ближайшее соображеніе означеннаго предмета. Въ виду этого возникшая въ томъ году въ министерствѣ народнаго просвѣщенія мысль объ изданіи наказа училищнымъ совѣтамъ не встрѣтила сочувствія со стороны духовнаго вѣдомства, и выработанному министерствомъ проекту такого наказа не было дано дальнѣйшаго движенія. Взамѣнъ изданія наказа оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода предлагалъ составить совѣщаніе изъ лицъ отъ учебнаго и духовнаго вѣдомства и отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, для пересмотра дѣйствующаго положенія въ связи съ нѣкоторыми предположеніями по усиленію вліянія православнаго духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія и по установленію единенія въ семъ дѣлѣ между учебнымъ и духовнымъ вѣдомствами. За несостоявшимся по сему предмету соглашеніемъ заинтересованныхъ вѣдомствъ, возбужденные вопросы остались открытыми. Высочайше утвержденнымъ, 8-го іюля 1893 г., мнѣніемъ государственнаго совѣта было подтверждено возложенное въ 1887 г. на министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора святѣйшаго синода порученіе по вопросу о сосредоточеніи дѣла начальнаго образованія въ одномъ вѣдомствѣ. Поэтому, когда по инниціативѣ С.-Петербургскаго дворянства въ 1893 г. вновь возникъ вопросъ объ изданіи наказа, то министерство народнаго просвѣщенія и на сей разъ не могло дать дѣлу дальнѣйшаго движенія въ виду отзыва оберъ-прокурора святѣйшаго синода о неблаговременности издавать означенный наказъ до разрѣшенія общаго вопроса о порядкѣ завѣдыванія народнымъ образованіемъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1895 г. государственный совѣтъ вновь обратилъ вниманіе на необходимость разрѣшенія вопроса о томъ, въ какомъ вѣдомствѣ должно сосредоточиться завѣдываніе народными училищами. Но въ 1897 г., при обсужденіи ходатайства оберъ-прокурора святѣйшаго синода о дополнительномъ ассигнованіи средствъ на устройство и содержаніе церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, законодательная власть признала, что дѣло начальнаго народнаго образованія представляетъ такія обширныя и важныя задачи, достиженіе которыхъ не можетъ быть посильно для одного какого либо сословія, учрежденія и вѣдомства. Посему, признавъ полезнымъ не сосредоточивать въ одномъ вѣдомствѣ завѣдываніе дѣломъ народнаго образованія, государственный совѣтъ далъ министру народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурору святѣйшаго синода, взамѣнъ вышеобъясненнаго порученія, новое—принять зависящія мѣры къ охраненію въ дѣлѣ начальнаго образованія единства направленія, на основаніяхъ, установленныхъ Высочайшимъ повелѣніемъ 18-го января 1862 г.

Такое разрѣшеніе общаго вопроса о порядкѣ завѣдыванія начальными школами дало возможность министерству вновь выдвинуть вопросъ о наказѣ. Когда въ 1897 г. за необходимость изданія наказа высказались губернскіе предводители дворянства, принимавшіе участіе въ совѣщаніи о нуждахъ дворянства, министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйшимъ докладомъ отъ 28-го мая того же года, изложивъ ходъ дѣла объ изданіи наказа, испросилъ Высочайшее соизволеніе на направленіе дѣла въ установленномъ порядкѣ. Проектъ наказа, выработанный въ 1887 г., былъ вновь пересмотрѣнъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и въ 1900 г. переданъ на заключеніе учебно-окружныхъ управленій, директоровъ народныхъ училищъ и губернскихъ училищныхъ совѣтовъ. Послѣ онъ сдѣлался достояніемъ и предметомъ публичнаго обсужденія также многихъ земскихъ собраній и печати. При этомъ и земскія учрежденія и печать отнеслись къ нему отрицательно, усматривая въ немъ нарушеніе основныхъ началъ положенія 1874 г., въ ущербъ правамъ учредителей. Не встрѣтилъ этотъ проектъ защитниковъ ни со стороны училищныхъ совѣтовъ, ни представителей учебнаго вѣдомства. Училищные совѣты въ общемъ остались недовольны проектомъ потому, что онъ, расширяя ихъ права за счетъ содержателей школъ, въ то же время сократилъ права, кои они по той или другой причинѣ присвоили себѣ по завѣдыванію учебною стороною дѣла. Не удовлетворилъ проектъ наказа и инспекцію:

послѣдняя видѣла, что не въ интересахъ дѣла было расширеніе правъ училищнаго совѣта за счетъ содержателей школъ.

Не входя въ разборъ проекта наказа, нельзя не отмѣтить, съ одной стороны, что онъ, дѣйствительно, измѣняетъ основныя начала положенія 1874 г., и съ другой то, что онъ не вноситъ въ дѣло управленія начальными училищами желательнаго порядка, простоты, ясности. Положеніе 1874 г. привлекло къ завѣдыванію хозяйственной стороной школьнаго дѣла содержателей училищъ. Проектъ наказа предполагаетъ функціи содержателей передать училищнымъ совѣтамъ. Такое устраненіе отъ непосредственнаго завѣдыванія школьнымъ хозяйствомъ содержателей училищъ являются не только несправедливымъ по отношенію къ нимъ, но и не естественнымъ, если имѣть въ виду, что расходы по содержанію училищъ—дѣло добровольное. На практикѣ оно имѣло бы своимъ естественнымъ послѣдствіемъ сокращеніе до возможнаго минимума ассигнованій на народное образованіе со стороны содержателей училищъ. Училищные же совѣты, не имѣя въ своемъ распоряженіи денежныхъ средствъ, были бы безсильны исполнить возложенную на нихъ задачу. Развивая основныя начала положенія 1874 г., наказъ, казалось бы, долженъ оставить безъ измѣненія за содержателями училищъ ихъ права по завѣдыванію хозяйствомъ школъ, за правительственною инспекціею ея права по завѣдыванію учебною стороною школьнаго дѣла, за духовнымъ вѣдомствомъ наблюденіе за религіознымъ образованіемъ въ школахъ и за предводителями дворянства общее наблюденіе за нравственнымъ направленіемъ народнаго обученія. Въ его задачу должно было войти болѣе точное разграниченіе сферъ вліянія вышеперечисленныхъ органовъ управленія, а равно указаніе того, когда и какіе, именно, вопросы школьной жизни восходятъ на разрѣшеніе училищнаго совѣта.

Громадныя затрудненія, сказавшіяся при выработкѣ проекта наказа, съ достаточною ясностью показали министерству на необходимость не изданія наказа, а пересмотра дѣйствующаго закона о начальномъ образованіи. Къ этому побуждаетъ министерство и то обстоятельство, что въ настоящее время уже не представляется достаточныхъ основаній къ тому, чтобы на окраинахъ имперіи дѣйствовали особые уставы и положенія по начальному образованію, получившіе свое начало тогда, когда жизненныя условія этихъ мѣстностей значительно разнились отъ таковыхъ же условій центра. Доселѣ общій законъ о начальномъ образованіи не распространяется на западныя губерніи, на Прибалтійскій край, на Кавказъ, на мѣстности съ ино-

родческимъ населеніемъ, на неземскія губерніи и области. Исторія организаціи начальнаго образованія въ означенныхъ мѣстностяхъ такова:

Въ западныхъ губерніяхъ. Недостатки закона 8-го декабря 1828 г. объ организаціи начальнаго образованія, вызвавшія для земскихъ губерній положеніе 14-го іюля 1864 года, законъ 29-го мая 1869 г. (объ учрежденіи правительственной инспекціи) и наконецъ положеніе 25-го мая 1874 г., съ особою силою сказались въ западныхъ губерніяхъ. Изданныя для юго-западнаго края правила для приходскихъ училищъ 8-го ноября 1845 г. нисколько не улучшили дѣла, такъ какъ внесли несущественныя измѣненія въ уставъ 1828 г., удержавъ главные его недостатки: отсутствіе надлежащаго контроля и руководства народнымъ образованіемъ со стороны учебнаго вѣдомства, неопредѣленность и случайность источниковъ содержанія начальныхъ училищъ. Если благопопечительность помѣщика и ближайшій надзоръ приходскаго священника не обезпечивали правильнаго развитія народнаго образованія въ центральныхъ губерніяхъ имперіи, то тѣмъ болѣе они не могли этого сдѣлать въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ участіе этихъ лицъ въ дѣлѣ народнаго образованія не всегда и вездѣ было даже желательно. Изъ помѣщиковъ значительная часть была поляки-католики, или ополячившіеся русскіе, отъ которыхъ немыслимо было и ожидать, чтобы они содѣйствовали правильному, въ духѣ православной вѣры, образованію русскаго и православнаго народа. И дѣйствительно, сначала эти лица совершенно не заботились объ образованіи своихъ крестьянъ, а послѣ, въ 60-хъ годахъ, они усиленно стали открывать школы, и пользовались ими какъ средствомъ противоправительственной и противоправославной пропаганды. При правѣ помѣщика на избраніе учителя и надзоръ за школой, при отсутствіи надлежащаго правительственнаго контроля надъ школьнымъ дѣломъ, школы въ рукахъ помѣщиковъ являлись вѣрнымъ средствомъ къ полонизаціи и окатоличенію края. Въ этомъ же духѣ дѣйствовало, конечно, и католическое духовенство. Обученіе въ такихъ школахъ происходило только на польскомъ языкѣ и велось въ духѣ распространенія польскихъ идей и преданій, возбужденія любви къ польской исторіи и памятникамъ Польши. Въ нѣкоторыхъ школахъ ученики православнаго исповѣданія слушали даже уроки Закона Божія у ксендза вмѣстѣ съ товарищами католиками. Школы наводнялись польскими книгами, католическими молитвенниками. Для русскаго населенія издавались буквари, въ коихъ русскія слова печатались ла-

тинскими буквами. Что же касается до православнаго духовенства, то оно, въ большинствѣ своихъ представителей, не могло стоять на стражѣ истинно русскаго образованія народа, какъ въ виду своей къ тому малой подготовленности, такъ особенно въ виду матеріальной необезпеченности, а часто и зависимости отъ мѣстныхъ помѣщиковъ, а также и въ виду сложности своихъ прямыхъ приходскихъ обязанностей.

Такое положеніе дѣла народнаго образованія на западной окраинѣ грозило опасными послѣдствіями для имперіи. Требовались неотложныя и рѣшительныя мѣры по изъятію начальнаго образованія изъ рукъ частныхъ лицъ. Начиная съ 1857 г. генералъ-губернаторы западныхъ губерній постоянно указывали на необходимость принятія мѣръ къ усиленію народнаго образованія въ этихъ губерніяхъ посредствомъ учрежденія отъ правительства народныхъ училищъ. Вопросъ объ этомъ неоднократно обсуждался въ комитетѣ министровъ и доходилъ до Высочайшаго свѣдѣнія. Но осуществленіе необходимыхъ въ этомъ отношеніи мѣропріятій задерживалось неимѣніемъ денежныхъ средствъ и подготовленныхъ школьныхъ учителей. Поэтому 22-го апрѣля 1860 года испрошено было Высочайшее повелѣніе приступить немедля къ обученію сельскаго населенія грамотѣ чрезъ посредство сельскихъ православныхъ священниковъ, отложивъ окончательно устройство школьныхъ дѣлъ до разрѣшенія вопроса объ устройствѣ крестьянскаго населенія.

Благодаря воздѣйствію высшей епархіальной власти, православнымъ духовенствомъ открыты были училища почти въ каждомъ приходѣ. Но эти училища или влачили жалкое существованіе, или, что было чаще, значились только на бумагѣ. Во всякомъ случаѣ церковно-приходскія училища не могли дать краю того начальнаго образованія, которое нужно ему было для выхода изъ поголовнаго умственнаго невѣжества и для борьбы съ чуждыми вліяніями. Поэтому 18-го января 1862 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе предоставить министерству народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, принять мѣры къ неотложному устройству народныхъ училищъ въ западныхъ губерніяхъ, не ожидая окончательнаго составленія проекта положенія о народныхъ училищахъ имперіи. Во исполненіе сей Высочайшей воли съ 1862 года начали открываться министерствомъ народнаго просвѣщенія за счетъ пособій отъ казны народныя училища въ западныхъ губерніяхъ.

Для успѣха школьнаго дѣла необходимо было организовать за

ними надлежащій контроль учебнаго вѣдомства. Особыя политическія условія края требовали и соотвѣтствующей организаціи управленія школами. Въ то время какъ для центра имперіи въ дѣлѣ развитія народнаго образованія признавалось необходимымъ совокупное участіе и одновременное дѣйствіе обществъ, частныхъ лицъ, духовенства и разныхъ правительственныхъ вѣдомствъ, а потому и управленіе народными школами могло быть ввѣрено училищному совѣту положенія 1864 г., таковая организація управленія народными школами невозможна была для западныхъ губерній. Здѣсь необходимо было предоставить въ дѣлѣ народнаго образованія наивозможно бо́льшую роль правительству и православному духовенству и наивозможно меньшую помѣщикамъ и латинскому духовенству. Но устраняя католическое духовенство отъ доминирующаго вліянія на школы для католическаго населенія, правительство, чтобы быть послѣдовательнымъ съ точки зрѣнія вѣротерпимости, не должно было допускать большого вліянія и на школы православныя со стороны православнаго духовенства. Управленіе школами въ западныхъ губерніяхъ, естественно, должно было сосредоточиться въ рукахъ правительственныхъ органовъ. И дѣйствительно, „Временныя правила для народныхъ школъ въ губерніяхъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской“ (Выс. утв. 23-го марта 1863 г.) ввѣряютъ завѣдываніе всѣми народными школами въ названныхъ губерніяхъ учрежденнымъ для сей цѣли дирекціямъ народныхъ школъ (§ 1). При этомъ каждая такая дирекція находится подъ управленіемъ училищнаго совѣта (§ 2), который состоитъ изъ предсѣдателя, съ званіемъ директора народныхъ училищъ, членовъ отъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и мѣстнаго епархіальнаго вѣдомства православнаго исповѣданія и изъ инспекторовъ народныхъ училищъ, число коихъ опредѣляется сообразно мѣстнымъ потребностямъ, но, по возможности, въ такомъ размѣрѣ, чтобы на каждаго приходилось не болѣе 50-ти училищъ. Представитель духовнаго вѣдомства римско-католическаго исповѣданія, по избранію римско-католическаго епископа, приглашается въ совѣтъ предсѣдателемъ, только въ случаѣ надобности, по дѣламъ училищъ, учрежденныхъ для католическаго населенія (§ 3). На обязанности училищнаго совѣта лежитъ: 1) наблюденіе за преподаваніемъ во всѣхъ вообще народныхъ училищахъ дирекціи посредствомъ, по возможности, частаго обозрѣнія оныхъ инспекторами, которые о результатѣ осмотра доносятъ совѣту; 2) попеченіе объ открытіи новыхъ училищъ и отдѣленій оныхъ и объ улуч-

шеніи существующихъ; 3) разрѣшеніе на открытіе новыхъ училищъ обществами городскими и сельскими; 4) снабженіе училищъ учебными пособіями; 5) назначеніе учителей и учительницъ въ народныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ и утвержденіе лицъ, избираемыхъ въ эти должности для своихъ училищъ обществами городскими и сельскими; 6) представленіе попечителю учебнаго округа о назначеніи изъ училищныхъ суммъ наградъ и пособій учителямъ, заслуживающимъ поощренія, и немедленное удаленіе тѣхъ, кои будутъ признаны почему либо неблагонадежными; 7) представленіе попечителю и подлежащему начальству о закрытіи училища въ нужныхъ случаяхъ; 8) сообщеніе своихъ распоряженій училищамъ посредствомъ циркуляровъ и представленіе оныхъ попечителю учебнаго округа, генералъ-губернатору, губернатору, мѣстному архіерею и управляющему палатою государственныхъ имуществъ; 9) представленіе тѣмъ же лицамъ ежегоднаго отчета о состояніи народныхъ училищъ дирекціи, и 10) сношеніе, въ нужныхъ случаяхъ, по дѣламъ учебнымъ со всѣми вѣдомствами и лицами (§ 5). При исполненіи этихъ обязанностей, совѣтъ руководствуется инструкціею 13-го января 1879 года, утвержденною, на основаніи временныхъ правилъ, министромъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами. Въ училищахъ, учрежденныхъ для населенія православнаго исповѣданія, приходскому священнику предоставлено право наблюденія вообще за религіознымъ и нравственнымъ направленіемъ въ училищѣ, въ случаѣ надобности, сообщенія своихъ замѣчаній учащимъ и донесенія о томъ училищному совѣту (§ 15). На основаніи упомянутой инструкціи училищный совѣтъ не только вѣдаетъ учебную и административную стороны школьнаго дѣла, но касается и хозяйственной ея стороны, провѣряя и направляя школьную жизнь во всѣхъ ея отношеніяхъ. Численный перевѣсъ въ составѣ училищнаго совѣта представителей министерства народнаго просвѣщенія и ихъ активная роль въ управленіи школьнымъ дѣломъ даетъ этому министерству полную возможность имѣть, дѣйствительно, руководящее вліяніе на дѣло народнаго образованія въ этомъ краѣ. По организаціи учебно-воспитательнаго строя народныя школы сѣверо-западнаго края не отличаются отъ таковыхъ же школъ внутреннихъ губерній имперіи.

Для управленія народными училищами юго-западнаго края учреждены были 26-го мая 1869 года должности инспекторовъ народныхъ училищъ при управленіи Кіевскаго учебнаго округа и издано поло-

женіе о народныхъ училищахъ въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской и Волынской (Высоч. утв. 26-го мая 1869 года). По этому положенію всѣ народныя училища юго-западнаго края, одноклассныя въ селахъ и двухклассныя въ городахъ (на правахъ уѣздныхъ), состоятъ въ вѣдѣніи попечителя Кіевскаго учебнаго округа и подъ ближайшимъ надзоромъ инспекціи народныхъ училищъ этого округа (§§ 1 и 2).

Важнѣйшія дѣла по управленію народными училищами рѣшаются въ совѣтѣ инспекціи подъ предсѣдательствомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа или его помощника (§ 4). Менѣе важныя дѣла рѣшаются инспекторами училищъ. Обязанности ихъ заключаются въ личномъ осмотрѣ училищъ, удостовѣреніи въ ихъ положеніи и недостаткахъ, указаніи на мѣстѣ возможныхъ исправленій, и затѣмъ, въ изысканіи и представленіи попечителю округа о тѣхъ мѣрахъ, кои могутъ служить къ улучшенію и упроченію училищъ (§ 3).

Ближайшій надзоръ за школами ввѣряется законоучителямъ, которые, состоя вмѣстѣ съ тѣмъ блюстителями училищъ, обязаны имѣть надзоръ за ходомъ обученія и, въ особенности, за религіознымъ и нравственнымъ направленіемъ ученія (§ 8). Изданныя на основаніи этого положенія (§§ 3 и 4) и въ развитіе его инструкція совѣту инспекціи и инструкція инспекторамъ (утв. 6-го марта 1876 года) точно опредѣляютъ кругъ и объемъ дѣйствій совѣта инспекціи и обязанности инспекторовъ.

По инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской, надзору сихъ лицъ подлежатъ слѣдующія учебныя заведенія: 1) двухклассныя училища городскія, какъ мужскія (на правахъ уѣздныхъ), такъ и женскія; 2) приготовительные классы и смѣны для обученія дѣвочекъ при означенныхъ двухклассныхъ училищахъ; 3) двухклассныя и одноклассныя сельскія училища министерства народнаго просвѣщенія; 4) классы для взрослыхъ; 5) приходскія училища (фундушевыя, волостныя), церковно-приходскія школы и другія училища для первоначальнаго обученія подъ разными наименованіями, содержимыя на счетъ казны или на счетъ мѣстныхъ источниковъ и бывшія до закона 26-го мая 1869 года въ вѣдѣніи губернскихъ директоровъ училищъ; 6) еврейскія училища и частныя учебныя заведенія на степени уѣздныхъ училищъ (§ 1).

Наблюденіе инспекторовъ касается слѣдующихъ предметовъ: 1) личнаго состава училищъ; 2) учебной и воспитательной части училищъ; 3) учебныхъ руководствъ и пособій; 4) внѣшняго и внутренняго благоустройства училищъ, равно матеріальнаго обезпеченія какъ ихъ, такъ

и учителей, и 5) открытія новыхъ, или улучшенія существующихъ училищъ, перевода таковыхъ, въ случаѣ надобности, изъ одной мѣстности въ другую, или совершеннаго закрытія (§ 5).

О результатахъ наблюденія и свои соображенія по школьному дѣлу инспекторъ сообщаетъ попечителю округа, чрезъ коего ведется вся текущая переписка по дѣламъ, касающимся народныхъ училищъ. Лишь по тѣмъ дѣламъ народныхъ училищъ, кои требуютъ немедленнаго распоряженія и содѣйствія, инспекторамъ представляется право входить въ непосредственное сношеніе со всѣми губернскими и уѣздными учрежденіями и частными лицами и принимать непосредственно надлежащія мѣры, подъ личною отвѣтственностью и съ немедленнымъ донесеніемъ о томъ попечителю округа (§§ 9 и 51).

По инструкціи совѣту сей послѣдній состоитъ подъ предсѣдательствомъ попечителя учебнаго округа или его помощника, изъ всѣхъ наличныхъ инспекторовъ народныхъ училищъ губерній: Кіевской, Волынской и Подольской. Въ засѣданіяхъ совѣта инспекціи, по приглашенію попечителя, могутъ участвовать, съ правомъ голоса, и директоры существующихъ въ округѣ семинарій для образованія учителей народныхъ училищъ, если они во время засѣданія совѣта будутъ находиться въ Кіевѣ. Для составленія совѣта инспекціи, инспекторы два раза въ году, въ началѣ августа и въ началѣ января, съѣзжаются въ Кіевъ, какъ въ городъ, въ которомъ имѣетъ пребываніе попечитель учебнаго округа. Въ экстренныхъ, однако, случаяхъ совѣтъ инспекціи, по распоряженію попечителя учебнаго округа, можетъ быть собранъ и во всякое другое время. По приглашенію попечителя, инспекторы народныхъ училищъ участвуютъ съ правомъ голоса и въ засѣданіяхъ попечительскаго совѣта по дѣламъ, касающимся народныхъ училищъ. Разсмотрѣнію и рѣшенію совѣта инспекціи народныхъ училищъ подлежатъ всѣ важнѣйшія дѣла по завѣдыванію и управленію сими училищами, именно: а) разсмотрѣніе вѣдомостей, ежегодно представляемыхъ смотрителями двухклассныхъ городскихъ училищъ о предстоящихъ въ теченіе года расходахъ изъ суммъ, положенныхъ по штату на содержаніе училищъ; б) разсмотрѣніе ежегодно представляемыхъ тѣми же смотрителями расписаній учебныхъ часовъ и распредѣленія времени испытаній; в) разсмотрѣніе правилъ учебнаго и дисциплинарнаго порядка какъ въ двухклассныхъ городскихъ, такъ и во всѣхъ другихъ начальныхъ народныхъ училищахъ, подчиненныхъ вѣдѣнію инспекціи; г) выборъ учебныхъ руководствъ изъ числа одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ

вѣдомствомъ, по принадлежности, и опредѣленіе, какія изъ нихъ съ большею пользою могутъ быть употребляемы въ училищахъ, подчиненныхъ вѣдѣнію инспекціи; д) составленіе списковъ книгъ, учебныхъ пособій и классныхъ принадлежностей, согласно общимъ спискамъ, ежегодно печатаемымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, для руководства училищамъ, при снабженіи сими предметами учебно-воспитательныхъ учрежденій училищъ, состоящихъ въ вѣдѣніи инспекціи; е) обсужденіе вообще предположеній и указаніе мѣръ, до улучшенія учебно-воспитательной части въ народныхъ училищахъ относящихся; ж) разсмотрѣніе представленій отдѣльныхъ инспекторовъ о размѣрѣ постоянныхъ и единовременныхъ пособій, назначаемыхъ начальнымъ народнымъ училищамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи инспекціи и порученныхъ ея надзору, изъ суммъ, ассигнованныхъ на этотъ предметъ въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія; з) разсмотрѣніе представленій инспекторовъ о выдачѣ учителямъ начальныхъ народныхъ училищъ денежныхъ пособій; и) разсмотрѣніе представленій инспекторовъ о размѣрѣ вознагражденія учителей за ихъ особые труды въ курсахъ для взрослыхъ; і) разсмотрѣніе представленій инспекторовъ о закрытіи училищъ, признаваемыхъ вредными; к) разсмотрѣніе годичныхъ отчетовъ, представляемыхъ инспекторами; при чемъ обсуждается и общее состояніе и направленіе народнаго образованія въ губерніяхъ; л) изысканіе и обсужденіе способовъ для открытія новыхъ начальныхъ училищъ въ краѣ, согласно съ дѣйствительно обнаружившеюся въ нихъ потребностью, и для улучшенія состоянія существующихъ уже училищъ; м) разсмотрѣніе вопросовъ и недоумѣній, возникающихъ въ дѣятельности инспекторовъ по народнымъ училищамъ; н) наконецъ обсужденіе и рѣшеніе всѣхъ вообще дѣлъ по народнымъ училищамъ губерній Кіевской, Волынской и Подольской, вносимыхъ въ совѣтъ инспекціи по назначенію попечителя Кіевскаго учебнаго округа. Рѣшенія совѣта инспекціи приводятся въ исполненіе не иначе, какъ по воспослѣдованіи на то согласія предсѣдателя совѣта (§§ 3—6 и 8).

Итакъ законъ 26-го мая 1869 г., поставляя всѣ, существующія въ юго-западномъ краѣ, низшія учебныя заведенія и школы для первоначальнаго обученія, въ непосредственное вѣдѣніе попечителя Кіевскаго учебнаго округа, съ предоставленіемъ по отношенію къ народнымъ училищамъ власти его совѣту инспекціи, въ существѣ дѣла возложилъ на попечителя тѣ обязанности, кои послѣ закономъ 25-го мая 1874 г. въ другихъ частяхъ имперіи возложены были на дирек-

торовъ народныхъ училищъ и училищные совѣты. Такая организація завѣдыванія и руководства начальнымъ народнымъ образованіемъ въ указанныхъ губерніяхъ, возможная и вполнѣ естественная при началѣ дѣла, когда начальныя школы въ округѣ считались единицами и когда по организаціи ихъ не было никакого опыта, представляла большія и существенныя неудобства чрезъ 20—30 лѣтъ. Попечитель округа оказался не только непосильно обремененнымъ массою работы по начальному образованію, часто мелочной работой, но не имѣющимъ почти возможности исполнять самую важную въ данномъ случаѣ обязанность—провѣрять путемъ личнаго осмотра сельскихъ училищъ дѣятельность инспекторовъ народныхъ училищъ, а равно и руководить ими на основаніи личнаго знакомства съ тѣми или другими мѣстными особенностями. А вслѣдствіе этого трудно было достигнуть и того, чтобы инспекторы народныхъ училищъ одной и той же губерніи дѣйствовали вполнѣ солидарно и единодушно. Такое положеніе дѣла естественно привело къ учрежденію въ юго-западномъ краѣ должностей директоровъ народныхъ училищъ на основаніяхъ закона 25-го мая 1874 г., что и послѣдовало 24-го мая 1900 г. Въ то же время, съ учрежденіемъ сихъ должностей, совѣтъ инспекціи, какъ излишній, былъ упраздненъ, и инспекторы народныхъ училищъ въ губерніяхъ: Кіевской, Волынской и Подольской закономъ 24-го мая 1900 г. были подчинены мѣстнымъ директорамъ народныхъ училищъ на общемъ основаніи.

Такимъ образомъ дѣйствующее и нынѣ положеніе о народныхъ училищахъ въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской и Волынской (Выс. утв. 26-го мая 1869 г.) закономъ 24-го мая 1900 г. измѣнено въ томъ смыслѣ, что въ каждой губерніи юго-западнаго края всѣ, существующія въ нихъ, низшія учебныя заведенія и школы для первоначальнаго обученія находятся въ непосредственномъ вѣдѣніи мѣстнаго директора народныхъ училищъ, который завѣдываетъ и управляетъ ими при посредствѣ своихъ помощниковъ, инспекторовъ народныхъ училищъ.

На Кавказѣ и въ Закавказьѣ, какъ окраинѣ имперіи, согласно предначертанію комитета объ устройствѣ учебныхъ заведеній (14-го декабря 1826 г.), должны были дѣйствовать особые уставы, хотя и согласованные съ общими уставами имперіи. Само собою разумѣется, что на практикѣ выработка таковыхъ уставовъ для устройства учебныхъ заведеній на окраинахъ сводилась къ примѣненію дѣйствующаго въ имперіи законоположенія къ мѣстнымъ условіямъ. Поэтому и на

Кавказѣ и въ Закавказьѣ всѣ мѣропріятія по организаціи учебнаго дѣла сводились къ возможному примѣненію тамъ сначала устава 8-го декабря 1828 г., а послѣ положенія о народныхъ училищахъ 14-го іюля 1864 г., устáва гимназій и прогимназій 19-го ноября того же года и наконецъ положенія 25-го мая 1874 г. Основныя начала устава 1828 г. были удержаны: тѣ же типы учебныхъ заведеній среднихъ и низшихъ: гимназіи, уѣздныя училища и приходскія, тотъ же общій строй ихъ; то же взаимоотношеніе ихъ. Какъ и въ имперіи, всѣ эти учебныя заведенія сначала сгруппированы были въ дирекціи, управляемыя директорами губернскихъ гимназій. „Положеніе о Закавказскихъ училищахъ", Высочайше утвержденное 2-го августа 1829 г., прямо предписывало во всѣхъ случаяхъ, не означенныхъ въ положеніи, руководствоваться уставомъ 8-го декабря 1828 г. Послѣдовавшія затѣмъ законоположенія 18-го декабря 1848 г. и 29-го октября 1853 г. имѣли своею цѣлію „постепенно ввести на Кавказѣ и за Кавказомъ ту же систему народнаго просвѣщенія, которая существуетъ въ прочихъ частяхъ государства". Не внесли въ этомъ отношеніи существеннаго измѣненія и положеніе объ управленіи учебною частью на Кавказѣ 2-го іюля 1860 г. и дѣйствующее нынѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями, положеніе объ учебной части на Кавказѣ и за Кавказомъ, утвержденное намѣстникомъ Кавказа 25-го іюня 1867 г. Послѣднее, на основаніи Высочайше утвержденнаго 15-го мая 1867 г. мнѣнія государственнаго совѣта, составлено въ главныхъ началахъ примѣнительно къ Высочайше утвержденнымъ 14-го іюля и 19-го ноября 1864 г. положенію о народныхъ училищахъ и уставу гимназій и прогимназій, съ нѣкоторыми изъятіями, вызываемыми особыми мѣстными условіями.

Существенное отличіе всѣхъ упомянутыхъ законоположеній объ учебной части на Кавказѣ отъ общеимперскихъ заключалось въ организаціи высшаго управленія учебнымъ дѣломъ на Кавказѣ. Это управленіе до 1881 г. подчинено было не министру народнаго просвѣщенія, а высшей мѣстной административной власти. При этомъ для ближайшаго завѣдыванія учебнымъ дѣломъ то учреждались особыя должности (главнаго инспектора или попечителя), то упразднялись, а функціи сихъ учрежденій переносились на начальниковъ областей, военныхъ и гражданскихъ губернаторовъ.

Переходя засимъ къ организаціи въ Кавказскомъ краѣ собственно начальнаго образованія, надлежитъ отмѣтить, что начало таковой дано положеніемъ 1848 г. На основаніи сего послѣдняго приходскія

училища учреждаются по мѣрѣ надобности для одного только христіанскаго населенія и всякій разъ не иначе, какъ съ разрѣшенія намѣстника Кавказа. Приходскія училища содержатся на средства мѣстныхъ обществъ, въ землѣ войска черноморскаго—на мѣстныя войсковыя суммы, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ видѣ исключенія, на счетъ казны. По учебнымъ планамъ приходскія училища раздѣляются на общія, дающія общее элементарное образованіе, и спеціальныя, сообщающія первоначальныя сельско-хозяйственныя и коммерческія знанія. Разрѣшены также къ открытію на общихъ основаніяхъ частные пансіоны и школы грамоты. Внѣ общей системы учебныхъ заведеній Кавказскаго округа остались два мусульманскихъ училища при мечетяхъ Аліева и Омарова ученія, основанныя въ 1847 г. и 1848 г. Въ этихъ училищахъ, съ трехгодичнымъ курсомъ, преподавались мѣстные и русскій языки, сокращенная географія и исторія, ариѳметика, начало русскаго законовѣдѣнія и судопроизводства, чистописаніе. Оба училища подчинены главному начальству намѣстника кавказскаго, назначающаго для нихъ попечителя изъ русскихъ чиновниковъ, и находятся въ непосредственномъ вѣдѣніи мѣстнаго мусульманскаго духовенства. Этотъ первый опытъ устройства особыхъ низшихъ мусульманскихъ училищъ, поставленныхъ подъ контроль правительства, былъ удаченъ: населеніе, по религіознымъ побужденіямъ не посылавшее своихъ дѣтей въ приходскія училища, отнеслось къ нимъ съ довѣріемъ, и въ 1850 г. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Кавказскаго комитета намѣстнику предоставлено было дать дальнѣйшее распространеніе этимъ училищамъ.

По дѣйствующему нынѣ положенію 1867 г., начальныя училища для дѣтей обоего пола должны быть открываемы и содержимы на счетъ городскихъ и сельскихъ обществъ, для коихъ они предназначаются. По ходатайству обществъ и въ случаѣ ихъ бѣдности, правительство приходитъ имъ на помощь единовременными или постоянными пособіями на содержаніе училищъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, во вниманіе къ общественнымъ нуждамъ края, начальныя училища содержатся всецѣло за счетъ казны. Начальныя училища бываютъ одноклассныя и двухклассныя. При послѣднихъ дозволяется, съ разрѣшенія учебнаго начальства, учреждать дополнительные курсы. При тѣхъ или другихъ можетъ быть вводимо обученіе простымъ мастерствамъ за счетъ мѣстныхъ средствъ. Совмѣстное обученіе въ начальныхъ училищахъ дѣтей обоего пола не допускается. Въ составъ учебнаго курса одноклассныхъ училищъ входятъ слѣдующіе предметы:

1) Законъ Божій того исповѣданія, къ которому принадлежитъ большинство жителей города, мѣстечка или селенія, гдѣ училище учреждено. Для христіанъ это обученіе ограничивается знаніемъ молитвъ и заповѣдей съ объясненіемъ и бесѣдами о жизни и ученіи Христа Спасителя; 2) чтеніе и письмо на русскомъ языкѣ и бесѣды для упражненія въ разговорѣ; 3) чтеніе и письмо на мѣстномъ языкѣ, которому обучаютъ грузинъ—православный законоучитель, армянъ—армяно-грегоріанскій, а татаръ—мусульманскій; 4) счисленіе, употребленіе счетовъ и первыя четыре дѣйствія ариѳметики. Въ двухклассныхъ училищахъ, кромѣ того, преподаются: краткая Священная исторія, преимущественно Новаго Завѣта, и краткія понятія о символѣ вѣры, молитвѣ Господней и таинствахъ; практическое знакомство съ русской грамматикой; изъ ариѳметики о дробяхъ съ упражненіями въ умственномъ счисленіи, и краткій очеркъ географіи Россіи.

Учебный персоналъ въ одноклассныхъ начальныхъ училищахъ составляютъ: 1) учитель, онъ же смотритель; 2) законоучителя, они же учители мѣстныхъ языковъ—одинъ или два, смотря по мѣстности, какъ означено въ штатѣ; въ двухклассныхъ же училищахъ при учителѣ полагается еще помощникъ.

Смотрителямъ, законоучителямъ и учителямъ начальныхъ училищъ предоставлены всѣ права и преимущества, присвоенныя училищнымъ чиновникамъ Кавказскаго и Закавказскаго края. Они получаютъ пенсіи и добавочное жалованье изъ казны въ размѣрѣ, опредѣляемомъ сообразно съ ихъ окладами. Въ послѣднее время впрочемъ министерство финансовъ оспариваетъ права всѣхъ учащихъ въ начальныхъ училищахъ, открытыхъ на основаніи положенія 1867 г., на пенсію изъ государственнаго казначейства, утверждая, что это право принадлежитъ изъ поименованныхъ должностныхъ лицъ лишь служащимъ въ училищахъ, коихъ штатъ былъ утвержденъ намѣстникомъ Кавказа.

Положеніе 25-го іюня 1867 г., подчинивъ начальныя училища Кавказа главному инспектору училищъ, управленіе ими ввѣрило, примѣнительно къ дѣйствовавшему тогда закону въ имперіи, губернскимъ директорамъ училищъ и штатнымъ смотрителямъ училищъ. Но такъ какъ эти должностныя лица, обремененныя обязанностями по гимназіямъ и уѣзднымъ училищамъ, съ развитіемъ начальнаго образованія на Кавказѣ не имѣли возможности удѣлять ему надлежащаго вниманія, то здѣсь, какъ и въ центральныхъ губерніяхъ имперіи, явилась потребность въ организаціи особыхъ учебныхъ органовъ на началахъ

законоположеній 29-го мая 1869 г. и 25-го мая 1874 г. Посему Высочайше утвержденнымъ 22-го ноября 1873 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта объ устройствѣ учебной части на Кавказѣ и за Кавказомъ для завѣдыванія всѣми казенными, уѣздными и начальными училищами, а также и общественными и частными учебными заведеніями, равно какъ и для наблюденія за церковно-приходскими школами иновѣрныхъ исповѣданій учреждена въ Тифлисской губерніи особая дирекція народныхъ училищъ, состоящая изъ директора народныхъ училищъ, его помощника и писца, а въ прочихъ губерніяхъ и областяхъ Кавказскаго и Закавказскаго края завѣдываніе вышеупомянутыми учебными заведеніями возложено на инспекторовъ народныхъ училищъ. Высочайшимъ повелѣніемъ 27-го января 1876 г. съ 1-го іюля того года существовавшія въ губерніяхъ и областяхъ Кавказскаго и Закавказскаго края должности инспекторовъ народныхъ училищъ упразднены, а взамѣнъ ихъ учреждены шесть дирекцій, каждая въ составѣ директора народныхъ училищъ и его помощника. Наконецъ Высочайшимъ повелѣніемъ 16-го декабря 1880 г. должности помощниковъ директоровъ народныхъ училищъ были упразднены и взамѣнъ ихъ учреждены должности инспекторовъ народныхъ училищъ на основаніяхъ закона 25-го мая 1874 года. Этимъ законодательнымъ актомъ организація школьнаго надзора въ Кавказскомъ учебномъ округѣ приближена до возможной степени къ дѣйствующей въ центральныхъ частяхъ имперіи. Исходя изъ той же тенденціи ввести въ этомъ округѣ ту же систему народнаго образованія, какая принята въ прочихъ частяхъ имперіи, положеніе объ учебной части на Кавказѣ и за Кавказомъ 1867 г. допускаетъ возможность руководствоваться въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ этимъ положеніемъ, общими правилами, постановленными для начальныхъ училищъ во внутреннихъ губерніяхъ имперіи. Въ виду этого существующія въ Кавказскомъ учебномъ округѣ начальныя училища разныхъ наименованій организованы и управляются на основаніи какъ вышеупомянутаго положенія 1867 г., такъ и законоположеній и распоряженій министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствующихъ въ имперіи и принятыхъ къ руководству въ Кавказскомъ учебномъ округѣ съ разрѣшенія главнаго Кавказскаго начальства, съ изъятіями, вызываемыми мѣстными особенностями. Поэтому здѣсь, рядомъ съ училищами, открытыми по положенію 1867 г., есть училища одноклассныя и двухклассныя, открытыя на основаніи инструкціи для двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, из-

данной 4-го іюня 1875 г. Есть училища, открытыя на основаніи и другихъ законоположеній.

Въ Прибалтійскомъ краѣ населеніе принадлежитъ къ тремъ исповѣданіямъ: православному, римско-католическому и лютеранскому: къ послѣднему—большинство. Въ зависимости отъ этого возникли отдѣльныя школы для православнаго населенія, римско-католическаго и лютеранскаго. На распространеніе образованія въ средѣ православнаго населенія Прибалтійскихъ губерній было обращено вниманіе правительства въ самомъ началѣ водворенія православія въ этомъ краѣ. При нѣкоторомъ содѣйствіи правительства, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія учреждены были православныя школы, а 1-го мая 1850 г. изданы Высочайше утвержденныя правила для народныхъ школъ въ Лифляндской губерніи. На основаніи этихъ правилъ народныя училища подраздѣлялись на *приходскія* при церквахъ и *вспомогательныя* въ отдаленныхъ отъ церквей мѣстахъ. Успѣхъ этихъ школъ находился въ зависимости отъ энергіи православнаго духовенства. Послѣднее въ этой своей дѣятельности предоставлено было исключительно самому себѣ. Мѣстное дворянство, иновѣрное, мѣстныя власти, такія же, не оказывали православному духовенству ни нравственной, ни матеріальной поддержки. Не могли дать этой поддержки и крестьяне, какъ въ виду своей бѣдности, такъ равно и зависимости отъ помѣщиковъ. Требовалось содѣйствіе правительства. Таковое и послѣдовало на основаніи Высочайшаго повелѣнія 2-го марта 1870 г. о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ распространенію начальнаго народнаго образованія въ губерніяхъ Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. На развитіе народнаго образованія въ средѣ православнаго населенія назначена къ ежегодному отпуску особая сумма отъ казны. Организовано завѣдываніе и управленіе православными училищами. А именно: главный надзоръ за народными школами, устраиваемыми для сельскаго православнаго населенія въ упомянутыхъ губерніяхъ, возлагается на совѣтъ по дѣламъ православныхъ сельскихъ народныхъ училищъ Прибалтійскихъ губерній, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго генералъ-губернатора, изъ епархіальнаго архіерея, ректора Рижской духовной семинаріи, попечителя, а во время ненахожденія его въ Ригѣ—помощника попечителя Дерптскаго (нынѣ Рижскаго) учебнаго округа, и директора Александровской Рижской гимназіи; ближайшее же наблюденіе за означенными училищами поручается приходскимъ попечительствамъ, избираемымъ изъ самихъ крестьянъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго приходскаго священника.

Для незначительнаго по своему численному составу населенія римско-католическаго исповѣданія въ губерніи Курляндской существуютъ особыя сельскія школы, кои, до изданія временныхъ правилъ 17-го мая 1887 г., подлежали, по Высочайше утвержденному 25-го августа 1817 г. положенію о крестьянахъ Курляндской губерніи, завѣдыванію существовавшей въ сей губерніи комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, состоявшей частью изъ лицъ правительственныхъ, частью изъ выборныхъ отъ дворянства. Кромѣ того, въ завѣдываніи означенными школами принимали участіе мѣстные крестьянскіе уѣздные суды и волостные сходы выборныхъ, а также мѣстное римско-католическое духовенство. По организаціи этихъ школъ никакихъ спеціальныхъ законоположеній не было издаваемо; законоположенія же, касавшіяся народнаго образованія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, изданныя до 1887 г., не распространялись на нихъ. *Евангелическо-лютеранская* сельская начальная школа появилась сначала для удовлетворенія церковныхъ потребностей, именно, въ цѣляхъ подготовленія къ конфирмаціи. Поэтому по лифляндскому положенію 1819 г. все обученіе въ ней ограничивалось чтеніемъ, катехизисомъ и пѣніемъ употребительнѣйшихъ молитвъ. Съ 1875 г. она теряетъ свой строго-конфессіонный характеръ и становится общеобразовательнымъ учебнымъ заведеніемъ; курсъ ея расширяется введеніемъ родного и русскаго языковъ, ариѳметики, географіи и исторіи. Но при такомъ измѣненіи характера народной школы, она по прежнему оставалась подъ ближайшимъ вліяніемъ лютеранскаго духовенства, при завѣдываніи мѣстнаго дворянства. На обязанности послѣдняго лежало главнымъ образомъ обезпеченіе школы содержаніемъ. Завѣдываніе и управленіе дѣлами сельскихъ евангелическо-лютеранскихъ училищъ принадлежатъ слѣдующимъ учрежденіямъ:

I. Въ Лифляндской губерніи по Высочайше утвержденному 13-го ноября 1860 г. положенію о крестьянахъ—приходскимъ правленіямъ школъ, по одному въ каждомъ приходѣ; уѣзднымъ комитетамъ земскихъ школъ, по одному въ каждыхъ двухъ уѣздахъ (Риго-Вольмарскій, Венденъ-Валкскій, Юрьево-Верроскій и Перново-Феллинскій) и верховному комитету земскихъ школъ.

Приходское школьное правленіе (ст. 596 полож. 1860 г.) состоитъ, подъ предсѣдательствомъ назначаемаго отъ прихода церковнаго попечителя (обыкновенно изъ дворянъ прихода), изъ мѣстнаго пастора, учителя приходской школы и одного приходскаго школьнаго старшины, избираемаго всѣми церковными старшинами и школьными старшинами

подлежащаго прихода. Ему принадлежатъ непосредственное наблюденіе за евангелическо-лютеранскими школами и улучшеніе ихъ. Надзоръ же за домашнимъ обученіемъ и обученіемъ въ волостныхъ школахъ поручается церковному попечителю и мѣстному пастору при помощи церковно-служителей, церковныхъ старостъ и школьныхъ старшинъ. Инструкціей же лифляндскаго верховнаго комитета (§§ 50 и 55) означенный кругъ вѣдомства приходскаго правленія значительно расширенъ: ему предоставлены, кромѣ того, право ревизіи школъ, руководство учителями, а также предварительное назначеніе и увольненіе послѣднихъ, сборъ штрафныхъ денегъ за пропущенные дѣтьми безъ уважительныхъ причинъ учебные дни и наблюденіе за исправнымъ полученіемъ жалованья учителями; тою же инструкціей опредѣляется и число очередныхъ засѣданій—дважды въ годъ, до начала ученья въ школахъ и по его окончаніи, а равно и неочередныхъ, по мѣрѣ надобности.

Уѣздный комитетъ земскихъ школъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ главнаго церковнаго попечителя, изъ двухъ членовъ ревизоровъ, избранныхъ дворянствомъ, двухъ же членовъ ревизоровъ духовнаго званія, избранныхъ лифляндской евангелическо-лютеранской консисторіей и двухъ же членовъ изъ крестьянскаго сословія, избранныхъ приходскими школьными старшинами изъ своей среды (Высочайше утв. 18-го окт. 1871 г. мн. госуд. сов.). Ему принадлежитъ ревизія и осмотръ школъ своего округа, съ правомъ налагать, по своему усмотрѣнію, денежные штрафы въ размѣрѣ до 25 р. (ст. 595 полож. 1860 г.). Инструкціей же лифляндскаго верховнаго комитета (§ 65), кромѣ того, предоставлено: опредѣленіе размѣра штрафныхъ денегъ за неисправное посѣщеніе школъ, утвержденіе учебныхъ плановъ для вновь открываемыхъ школъ, закрытіе школъ и переводъ ихъ изъ одной мѣстности въ другую, увольненіе учителей, общій надзоръ надъ школами, представленіе ежегоднаго отчета о ихъ состояніи верховному комитету и рѣшеніе всѣхъ относящихся до школы дѣлъ во второй инстанціи. Инструкція назначаетъ два засѣданія уѣзднаго комитета въ теченіе года.

Верховный комитетъ земскихъ школъ состоитъ изъ 4-хъ главныхъ церковныхъ попечителей, лифляндскаго генералъ-суперъинтендента и одного совѣтника, избраннаго лифляндскимъ дворянствомъ. Съ согласія дворянства, верховный комитетъ распоряжается учрежденіемъ, ревизіей и улучшеніемъ подвѣдомственныхъ ему школъ, испытаніемъ, опредѣленіемъ учителей и производствомъ содержанія симъ послѣд-

нимъ; онъ озабочивается правильнымъ движеніемъ дѣлъ въ подчиненныхъ ему школьныхъ управленіяхъ, вводитъ въ употребленіе, по соглашенію съ Лифляндской консисторіей, учебники, окончательно рѣшаетъ вопросы и жалобы, возникающіе по дѣламъ подчиненныхъ ему мѣстъ, и обращается съ представленіями объ учрежденіи новыхъ школъ, по мѣрѣ признанной имъ надобности, къ дворянскому ландтагу (полож. 1860 г. ст. 593 и 594). Число и сроки засѣданій верховнаго комитета, а также и порядокъ дѣлопроизводства въ ономъ закономъ не опредѣлены, а потому на практикѣ нѣкоторыя дѣла рѣшаются единолично предсѣдателемъ.

II. Въ Курляндской и Эстляндской губерніяхъ завѣдываніе сельскими евангелическо-лютеранскими школами по Высочайше утвержденнымъ 25-го апрѣля 1875 г. правиламъ принадлежитъ: мѣстному управленію школъ, по одному на приходъ въ Эстляндской губерніи и по нѣскольку—въ Курляндской; училищному совѣту—по одному на уѣздъ въ Эстляндской губерніи и по одному на приходъ въ Курляндской, и высшей комиссіи сельскихъ школъ, по одной въ каждой изъ сихъ губерній.

Мѣстное управленіе школъ состоитъ въ Эстляндской губерніи, подъ предсѣдательствомъ избираемаго приходскимъ конвентомъ изъ своихъ членовъ инспектора, изъ одного мѣстнаго церковнаго попечителя, приходскаго проповѣдника и одного волостного старшины, избираемаго волостными старшинами прихода; въ Курляндской же губерніи—подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго церковнаго попечителя, изъ мѣстнаго проповѣдника и волостного старшины, а также изъ помѣщика, если онъ принимаетъ участіе въ содержаніи школы.

Мѣстное управленіе школъ имѣетъ наблюденіе за исправнымъ посѣщеніемъ школъ крестьянскими дѣтьми, опредѣляетъ дисциплинарный порядокъ въ школахъ, завѣдываетъ школьной кассой, имѣетъ надзоръ за обученіемъ дѣтей на дому и представляетъ въ половинѣ апрѣля и къ 1-му октября училищному совѣту подробный отчетъ о состояніи школъ, о дѣятельности и поведеніи учителей (прав. 25-го апрѣля 1875 года, ст. 16).

Училищный совѣтъ завѣдываетъ въ Эстляндской губерніи школами всего уѣзда, въ Курляндской же—школами прихода и состоитъ, подъ предсѣдательствомъ инспектора, избираемаго высшей комиссіей, изъ двухъ церковныхъ попечителей, пастора и (въ Эстляндской губерніи) двухъ засѣдателей приходскихъ судовъ, въ Курлянской же—

двухъ предсѣдателей или засѣдателей волостныхъ судовъ (прав. 25-го апрѣля 1875 года, ст. 14).

Училищный совѣтъ наблюдаетъ за состояніемъ учебной части въ сельскихъ школахъ подвѣдомственнаго ему округа посредствомъ срочныхъ и чрезвычайныхъ ревизій школъ чрезъ своихъ членовъ, изыскиваетъ средства и принимаетъ мѣры къ учрежденію новыхъ школъ и улучшенію существующихъ, исполняетъ распоряженія высшей комиссіи школъ, представляетъ ей ежегодно въ маѣ и ноябрѣ подробные отчеты о состояніи учебной части, допускаетъ временно къ должности и устраняетъ отъ оной учителей, разрѣшаетъ жалобы на нихъ и дѣла, поступающія изъ мѣстныхъ управленій, и снабжаетъ эти управленія надлежащими инструкціями относительно внутренняго порядка и управленія школами. Училищный совѣтъ собирается два раза въ годъ; для текущихъ занятій засѣданія назначаются по мѣрѣ надобности (прав. 25-го апрѣля 1875 г., ст. 17).

Высшая комиссія сельскихъ школъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, въ Эстляндской губерніи: изъ четырехъ главныхъ церковныхъ попечителей, свѣтскихъ засѣдателей главныхъ церковныхъ попечительствъ, эстляндскаго генералъ-суперъинтендента и предсѣдателя попечительства учительскихъ семинарій, а въ Курляндской губерніи: изъ суперъинтендента, одного резидирующаго уѣзднаго предводителя дворянства, одного совѣтника, одного главнаго церковнаго попечителя и попечителя учительской семинаріи. Въ высшую комиссію назначается министромъ внутреннихъ дѣлъ членъ отъ правительства (прав. 25-го апрѣля 1875 года, ст. 15).

Высшая комиссія, собирающаяся въ полномъ составѣ два раза въ годъ, а для разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ по мѣрѣ надобности, имѣетъ въ своемъ завѣдываніи и наблюденіи какъ приходскія, такъ и волостныя школы; снабжаетъ подвѣдомственныя ей установленія надлежащими инструкціями въ предѣлахъ правилъ 25-го апрѣля 1875 г., утверждаетъ и увольняетъ окончательно учителей, вводитъ въ употребленіе потребныя школьныя книги, разрѣшаетъ всѣ поступающія къ ней школьныя дѣла и ежегодно представляетъ министерству народнаго просвѣщенія отчетъ о состояніи подвѣдомственныхъ ей школъ (правил. 25-го апрѣля 1875 года, ст. 18).

Вопросъ о подчиненіи Прибалтійскихъ сельскихъ лютеранскихъ школъ вѣдѣнію общаго и для прочихъ губерній Россіи училищнаго начальства, возникавшій съ 1837 г. неоднократно, до 1895 г. раз-

рѣшался всякій разъ отрицательно. Въ Высочайше утвержденномъ 5-го мая 1856 г. журналѣ засѣданія комитета остзейскихъ дѣлъ было прямо указано, что сельскія евангелическо-лютеранскія школы поручаются высшему надзору комиссіи школъ, составленной изъ дворянства и духовенства, „безъ всякаго участія правительства". Результаты такого положенія дѣла были печальны. Школа въ рукахъ прибалтійскаго духовенства и дворянства сдѣлалась средствомъ германизаціи сельскаго населенія и противоправительственной среди онаго пропаганды. А это побудило правительство принять надлежащія мѣры для установленія правительственнаго контроля за народной школой въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Важнѣйшими мѣрами въ этомъ направленіи были: подчиненіе приходскихъ и волостныхъ школъ края министерству народнаго просвѣщенія (19-го февраля 1886 г.), учрежденіе должностей директора и четырехъ инспекторовъ народныхъ училищъ (26-го января 1887 г.), въ особенности же изданіе Высочайше утвержденныхъ 17-го мая 1887 года временныхъ дополнительныхъ правилъ объ управленіи начальными училищами въ губерніяхъ: Лифляндской, Эстляндской и Курляндской, имѣвшихъ цѣлью организацію правительственнаго надзора за сельскими евангелическо-лютеранскими народными школами Рижскаго учебнаго округа и опредѣленіе отношеній органовъ таковаго надзора, въ лицѣ директора и инспекторовъ народныхъ училищъ, къ существовавшимъ уже въ Прибалтійскихъ губерніяхъ вышепоименованнымъ учрежденіямъ, завѣдывавшимъ сими школами.

Для достиженія этой цѣли: а) директоръ народныхъ училищъ назначенъ членомъ какъ верховнаго комитета земскихъ школъ Лифляндской губерніи, такъ и высшихъ комиссій сельскихъ школъ губерній Эстляндской и Курляндской; инспекторы же народныхъ училищъ—членами училищныхъ совѣтовъ и уѣздныхъ комитетовъ, существующихъ въ районахъ ихъ инспекцій; сверхъ сего, въ каждое изъ означенныхъ учрежденій назначенъ одинъ членъ отъ учебнаго вѣдомства, по выбору попечителя Рижскаго учебнаго округа (§ 5); б) директору и инспекторамъ народныхъ училищъ, а за ихъ отсутствіемъ, другимъ членамъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, въ случаѣ ихъ несогласія съ рѣшеніями подлежащихъ комитетовъ и комиссій по дѣламъ начальныхъ училищъ, относящимся до учебной части, а также опредѣленія, перемѣщенія и увольненія преподавателей, предоставлено право переносить дѣло на рѣшеніе указанныхъ въ законѣ подлежащихъ высшихъ инстанцій (§ 7); в) рѣшенія вер-

ховнаго комитета признаны подлежащими обжалованію тѣмъ же порядкомъ, какой установленъ правилами 25-го апрѣля 1875 г. для рѣшеній высшихъ комиссій (§ 8); г) изданіе программъ, опредѣляющихъ объемъ преподаванія въ низшихъ училищахъ, предоставлено министерству народнаго просвѣщенія; ему же предоставлено утвержденіе инструкцій, правилъ и наставленій, издаваемыхъ верховнымъ комитетомъ и высшими комиссіями по прочимъ частямъ устройства сельскихъ школъ (§ 12); д) одобреніе учебныхъ книгъ, руководствъ и пособій для низшихъ учебныхъ заведеній предоставлено министерству народнаго просвѣщенія и духовному начальству, по принадлежности (§ 12); е) предварительное назначеніе преподавателей на должности и устраненіе отъ оныхъ въ сельскихъ евангелическо-лютеранскихъ школахъ предоставлено инспекторамъ народныхъ училищъ (§ 13); ж) директору и инспекторамъ народныхъ училищъ поручено наблюденіе за состояніемъ и дѣятельностью подчиненныхъ имъ учебныхъ заведеній и ближайшее руководство преподавателями въ оныхъ (§ 14).

Вмѣстѣ съ симъ временными правилами 17-го мая 1887 г. установлены двѣ въ высшей степени важныя мѣры: введеніе въ сельскихъ народныхъ школахъ преподаванія всѣхъ предметовъ, кромѣ Закона Божія и церковнаго пѣнія, на русскомъ языкѣ и разрѣшеніе преобразованія волостныхъ и приходскихъ евангелическо-лютеранскихъ и римско-католическихъ сельскихъ училищъ, по ходатайствамъ о томъ обществъ и лицъ, участвующихъ въ содержаніи сихъ училищъ, въ двухклассныя и одноклассныя сельскія народныя училища министерства народнаго просвѣщенія по инструкціи 4-го іюня 1875 г. (§§ 9, II).

Въ то же время законъ 17-го мая 1887 г., дополнивъ составъ мѣстныхъ учрежденій, завѣдывающихъ евангелическо-лютеранской сельской школой, членами отъ правительства и поставивъ послѣднихъ въ близкія отношенія къ этой школѣ, въ смыслѣ надзора за нею, сохранилъ всѣ означенныя учрежденія, не измѣнивъ ни въ чемъ существенномъ предоставленныхъ имъ предшествующими законоположеніями правъ. Въ § 2 временныхъ правилъ сказано, что сельскія евангелическо-лютеранскія школы подлежатъ вѣдѣнію директора и инспекторовъ народныхъ училищъ „совмѣстно съ сими учрежденіями, на основаніи дѣйствующихъ о нихъ узаконеній и настоящихъ (временныхъ) правилъ", а § 16 вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ вообще учрежденіямъ, завѣдывающимъ дѣлами сельскихъ начальныхъ школъ

въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, „зависящими отъ нихъ способами оказывать директору и инспекторамъ народныхъ училищъ надлежащее содѣйствіе къ выполненію сими лицами ихъ обязанностей по управленію подчиненными имъ училищами“. Такимъ образомъ закономъ 17-го мая 1887 г. установлена совмѣстная дѣятельность новыхъ правительственныхъ органовъ по завѣдыванію народной сельской школой въ Прибалтійскихъ губерніяхъ съ мѣстными земскими учрежденіями, вѣдающими сію школу.

Согласно § 2 временныхъ правилъ прочія начальныя училища какъ въ городахъ, такъ и внѣ городовъ, подлежатъ исключительному вѣдѣнію директора и инспекторовъ народныхъ училищъ, на основаніи существующихъ по учебному вѣдомству постановленій, съ сохраненіемъ участія въ завѣдываніи дѣлами училищъ въ городскихъ мѣстностяхъ за училищными коллегіями въ предѣлахъ, указанныхъ поименованными правилами. На основаніи устава учебныхъ заведеній Дерптскаго учебнаго округа 4-го іюня 1820 г. училищныя коллегіи, по одной въ каждомъ городѣ, учреждаются для завѣдыванія хозяйственною стороною училищъ, содержимыхъ городами. Въ составъ ихъ входятъ два члена отъ города, два отъ учебнаго вѣдомства и одинъ насторъ, которые предсѣдательствуютъ въ коллегіи попеременно. Въ дѣйствительности по нѣкоторымъ городамъ частію на основаніи особыхъ постановленій, частію безъ надлежащихъ законныхъ основаній возникли и дѣйствуютъ въ одномъ городѣ по нѣскольку училищныхъ коллегій и въ составѣ, отличномъ отъ упомянутаго.

Введеніе въ дѣйствіе правилъ 17-го мая 1887 года сказалось очень благотворными послѣдствіями. Начальная школа Прибалтійскаго края, поставленная подъ надлежащій контроль и руководство учебнаго вѣдомства, служа въ большей степени, чѣмъ прежде, просвѣтительнымъ цѣлямъ, въ то же время служитъ и задачѣ сближенія мѣстнаго населенія съ кореннымъ населеніемъ имперіи, знакомя его съ исторіею и языкомъ русскаго народа. Русская школа становится для крестьянскаго населенія края все болѣе и болѣе желательною и число училищъ, преобразуемыхъ въ министерскія, и открываемыхъ вновь на основаніи инструкціи 4-го іюня 1875 года, изъ года въ годъ возрастаетъ.

Въ Привислинскомъ краѣ. Просвѣщеніе и школа въ губерніяхъ Царства Польскаго появились вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства и находились первое время исключительно въ рукахъ духовенства. Имѣя спеціальною своею задачею подготовленіе молодежи къ служенію церкви,

школы эти предназначались не для распространенія просвѣщенія среди простого народа. Начало собственно народному образованію положено было въ послѣдней четверти 18-го столѣтія. На первыхъ порахъ школьное дѣло поставлено было въ зависимость отъ частной благотворительности; но затѣмъ содержаніе школъ было отнесено за счетъ школьнаго общества. Бывшая эдукаціонная палата, призванная къ жизни въ 1807 году, издала постановленіе объ устройствѣ начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ (12-го января 1808 года). Въ немъ она опредѣлила, что ни одинъ городъ, мѣстечко и деревня не могутъ оставаться безъ необходимаго для нихъ училища (§ 1). Всѣ жители города и деревни, безъ различія сословій и исповѣданій, составляютъ училищное общество (§§ 6 и 14). Деревня, не имѣя средствъ къ содержанію отдѣльнаго для себя училища, пользуется ближайшимъ къ нему и удобнымъ по мѣстоположенію училищемъ, входя въ составъ того училищнаго общества, или училищнаго прихода (§ 2). Содержаніе училища лежитъ на обязанности училищнаго общества, которое для сей цѣли производитъ особый училищный сборъ (складку) со всѣхъ хозяевъ и жителей, занимающихся торговлей и ремеслами, или владѣющихъ участкомъ земли (§§ 14—19). Доступъ въ училище открытъ для всѣхъ дѣтей, безъ различія вѣроисповѣданій (§ 5). Всѣ члены училищнаго общества обязаны посылать своихъ дѣтей въ училище, если только послѣднія не обучаются въ высшихъ заведеніяхъ (§ 27). Завѣдываніе училищами организовано было на началахъ коллегіальнаго управленія. Во главѣ каждаго училища стоялъ совѣтъ подлежащаго общества, подъ именемъ школьнаго дозора; въ составъ его входили: владѣлецъ или его уполномоченный, приходскій священникъ, евангелическій пасторъ, гдѣ таковой имѣется, бургомистръ или войтъ и одинъ или два мѣстныхъ хозяина. Училищами всего уѣзда завѣдывалъ дозоръ уѣздный, состоящій изъ 4 лицъ, занимающихъ служебное положеніе, и 3—4 гражданъ, желающихъ посвятить свои труды училищному дѣлу. Высшее управленіе школьнымъ дѣломъ принадлежало дозору департаментскому, состоявшему изъ 4-хъ высшихъ представителей духовной и свѣтской власти и 3-хъ частныхъ лицъ. Въ школьное дѣло должно было входить: чтеніе и письмо, счисленіе, Законъ Божій, наука о сохраненіи здоровья, леченіе домашнихъ животныхъ и свѣдѣнія по домашнему хозяйству (травосѣяніе, пчеловодство и пр.), простое землемѣріе, знаніе мѣръ, вѣсовъ и монетъ и, наконецъ, знаніе общихъ гражданскихъ правъ (§ 13). Преподаваніе должно носить воспитывающій характеръ (§ 36).

При дѣйствіи сего законоположенія, народное образованіе стало дѣлать значительные успѣхи, кои были пріостановлены событіями 1812 года. Высочайшимъ указомъ 5-го октября 1816 года заботы о народномъ образованіи въ Царствѣ Польскомъ возложены были на правительственную комиссію духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Эта послѣдняя признала необходимымъ, по случаю обѣднѣнія народа, не приводить со всей строгостью въ исполненіе постановленіе эдукаціонной палаты объ обязательности училищной складки; она ставитъ открытіе и содержаніе училищъ больше въ зависимость отъ частной благотворительности. Руководство школьнымъ дѣломъ возложено было на духовенство. Въ періодъ съ 1831 по 1861 г. вліяніе католическаго духовенства на школы еще болѣе усилилось. По уставу 1833 года начальныя училища состоятъ подъ непосредственнымъ надзоромъ приходскихъ священниковъ или викаріевъ; установленный этимъ уставомъ надзоръ за начальными училищами со стороны инспекторовъ обводовыхъ училищъ, которые въ свою очередь были подчинены директорамъ гимназій, былъ на практикѣ фиктивный: лица эти, обремененныя своими прямыми обязанностями по находящимся въ ихъ завѣдываніи училищамъ и гимназіямъ, не могли ни осуществлять надзора за начальными училищами, ни интересоваться развитіемъ дѣла народнаго образованія. Образовательный уровень начальныхъ училищъ значительно понизился: обученіе въ нихъ сводилось къ преподаванію Закона Божія, чтенія, чистописанія, четырехъ правилъ ариѳметики. Обученіе же разнаго рода практическимъ знаніямъ, требовавшееся постановленіемъ эдукаціонной палаты отъ 12-го января 1808 года, отошло на задній планъ. Высочайшимъ указомъ 8-го марта 1851 года отмѣнена была обязательность училищной складки, что имѣло своимъ послѣдствіемъ паденіе элементарнаго обученія въ губерніяхъ Царства Польскаго. Въ 1861 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ изъятіи учебныхъ заведеній Царства Польскаго изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія и о возстановленіи въ царствѣ правительственной комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Крупнымъ плодомъ дѣятельности правительственной комиссіи является Высочайше утвержденный 8-го (20) мая 1862 года уставъ объ общественномъ воспитаніи въ Царствѣ Польскомъ (дневн. зак. т. 60). Первая и главная цѣль этого устава заключалась въ томъ, чтобы устранить всякій правительственный контроль надъ школою и передать ее въ полное распоряженіе польскаго духовенства и мѣстной шляхты. Поэтому высшій надзоръ за начальными училищами изъ-

смлется отъ директоровъ гимназій и ввѣряется визитаторамъ учебныхъ заведеній, въ числѣ двухъ лицъ на все Царство Польское, на которыхъ возлагается, сверхъ того, разсмотрѣніе и обработка дѣлъ для совѣта народнаго просвѣщенія. Непосредственное попеченіе о начальныхъ училищахъ предоставлено мѣстному училищному дозору, состоящему изъ войта гмины, приходскаго католическаго священника (пасторы не поименованы) и двухъ членовъ, избираемыхъ владѣльцами недвижимыхъ имуществъ въ гминѣ. Предсѣдательствующимъ въ училищномъ дозорѣ назначается приходскій священникъ. Мѣстные училищные дозоры подчиняются уѣзднымъ совѣтамъ, а эти послѣдніе губернскимъ правленіямъ, за которыми сохранено право, въ случаѣ надобности, командировать чиновниковъ для ревизіи элементарныхъ училищъ (ст. 20 устава 1862 года). Польскій языкъ признанъ исключительнымъ языкомъ преподаванія во всѣхъ начальныхъ училищахъ Царства Польскаго. Обученіе другимъ языкамъ (славянскому, нѣмецкому и еврейскому) въ училищахъ не католическаго исповѣданія допущено въ качествѣ дополнительныхъ предметовъ. Школьная программа была расширена введеніемъ въ двухклассныя элементарныя училища преподаванія свѣдѣній сельскохозяйственныхъ. Содержаніе училищъ проектировано было отнести за счетъ особаго постояннаго сбора съ жителей.

По практическому осуществленію устава 28-го мая 1862 года помѣшали событія 1863 года. Послѣ усмиренія мятежа 1863 года, въ державныхъ заботахъ о благосостояніи польскаго народа, въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ II, по устройствѣ быта крестьянъ на началахъ указа 19-го февраля 1864 года, Высочайшимъ указомъ 30-го августа того же года положилъ краеугольный камень для развитія просвѣщенія сельскаго населенія въ краѣ на новыхъ, справедливыхъ и гуманныхъ, основаніяхъ. Призванное къ жизни сельское и гминное самоуправленіе является и хозяиномъ школы; надзоръ за нею передается въ надежныя руки правительства, съ устраненіемъ навсегда отъ руководительства дѣломъ бывшихъ „опекуновъ“ и „дозоровъ“, т. е. духовенства и шляхты. Гминнымъ и сельскимъ сходамъ ввѣряется мѣстное ближайшее попеченіе о школѣ, какъ равно и забота объ открытіи новыхъ училищъ (ст. I указа). Надзоръ за начальными училищами поручается вновь образованнымъ правительственнымъ органамъ—начальникамъ учебныхъ дирекцій (ст. 2). Начальныя училища раздѣляются на гминныя, содержимыя на средства всей гмины по раскладкѣ между жителями, съ привлеченіемъ къ платежу на школу въ такомъ случаѣ и мѣстныхъ

помѣщиковъ, и сельскія, содержимыя на средства одной деревни (ст. 3 и 4). При открытіи училища сходъ самъ опредѣляетъ для училища штатъ, утверждаемый начальникомъ учебной дирекціи, но лишать училище и учителей тѣхъ денежныхъ средствъ или угодій, которыми они пользуются, гминные и сельскіе сходы не имѣютъ права (ст. 10). Ст. 23 устава гласитъ: „Всѣ взимаемые въ настоящее время на содержаніе начальныхъ училищъ гминныхъ, сельскихъ и городскихъ, сборы, или такъ называемыя складки, сохраняются и впредь до тѣхъ поръ, пока не будутъ замѣнены другимъ, болѣе уравнительнымъ на сей предметъ сборомъ". Ст. 24: „учредительному въ царствѣ комитету, обще съ совѣтомъ управленія, поручается издать правила [1]) для замѣны взимаемыхъ въ настоящее время училищныхъ складокъ общественнымъ сборомъ, распредѣленнымъ съ большею правильностью и соразмѣрностью между жителями. Отпускаемыя изъ казны и другихъ источниковъ суммы на содержаніе начальныхъ училищъ должны быть производимы и впредь съ присоединеніемъ къ училищному сбору. Жителямъ городскихъ и сельскихъ гминъ, которые отличаются отъ общаго населенія по своему языку (какъ то: русскимъ, нѣмцамъ, литовцамъ и т. д., или по вѣроисповѣданію (какъ то: православнымъ, протестантамъ, евреямъ и проч.), предоставляется учреждать отдѣльныя училища на общемъ основаніи (ст. 29—31), при чемъ указъ тщательно охраняетъ эти училища отъ полонизаціи (ст. 36). Статьи 38—45 посвящены вопросамъ объ учительскомъ персоналѣ, который назначается и увольняется начальниками учебныхъ дирекцій, но въ выборѣ кандидатовъ могутъ участвовать училищныя общества. По учебному курсу училища раздѣляются на одноклассныя и двухклассныя и приближаются къ общеимперскимъ. Допускаются въ начальныхъ училищахъ къ преподаванію дополнительные предметы, сообщеніе сельскохозяйственныхъ свѣдѣній. Языкъ преподаванія оставленъ природный, и только по желанію обществъ въ польскихъ или нѣмецкихъ училищахъ можетъ преподаваться русскій языкъ. Ксендзъ, по усмотрѣнію общества и съ разрѣшенія начальника учебной дирекціи, можетъ быть допущенъ къ преподаванію Закона Божія; въ противномъ случаѣ этотъ предметъ преподаетъ мѣстный учитель (ст. 54).

Таково въ общихъ чертахъ созданное въ 1864 году зданіе школьной реформы въ губерніяхъ Царства Польскаго, вѣнцомъ для котораго явилось упраздненіе правительственной комиссіи духовныхъ дѣлъ

---

[1]) Таковыхъ правилъ не издано.

и народнаго просвѣщенія и возстановленіе Варшавскаго учебнаго округа съ попечителемъ во главѣ (Высочайше утвержденное 15-го мая 1867 года положеніе о Варшавскомъ учебномъ округѣ). Въ это законоположеніе, дѣйствующее и нынѣ, введены были затѣмъ измѣненія и дополненія по вопросамъ о порядкѣ назначенія учителей и учительницъ въ начальныя училища губерній Царства Польскаго и объ языкѣ преподаванія въ сихъ заведеніяхъ. Въ виду того, что гминныя и сельскія общества не пользовались предоставленнымъ имъ правомъ выбора кандидатовъ на учительскія должности, и уже съ 1869 года установился на практикѣ порядокъ назначенія въ гминныя и сельскія училища учащихъ непосредственно учебнымъ начальствомъ, и во избѣжаніе возможныхъ въ будущемъ недоразумѣній на этой почвѣ, признано было необходимымъ узаконить сложившійся на практикѣ порядокъ назначенія учителей. Одновременно возникъ и вопросъ объ обученіи въ поименованныхъ училищахъ русскому языку. Высочайше утвержденнымъ 2-го декабря 1871 года положеніемъ комитета по дѣламъ Царства Польскаго постановлено, что въ начальныхъ училищахъ обученіе чтенію и письму по русски обязательно. Затѣмъ тотъ же комитетъ Высочайше утвержденнымъ 10-го февраля 1881 года положеніемъ своимъ поручилъ министру народнаго просвѣщенія представить на Высочайшее одобреніе проектъ закона о признаніи русскаго языка языкомъ преподаванія въ начальныхъ училищахъ царства всѣхъ предметовъ, кромѣ польскаго языка (гдѣ онъ будетъ введенъ) и Закона Божія римско-католическаго исповѣданія. Оба вышепоименованные вопроса разсмотрѣны были засимъ въ государственномъ совѣтѣ и Высочайше утвержденнымъ, 5-го марта 1885 г., мнѣніемъ его, въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей Высочайшаго указа 30-го августа 1864 года, постановлено: 1) учителя начальныхъ городскихъ, гминныхъ и сельскихъ училищъ назначаются непосредственно начальниками учебныхъ дирекцій, преимущественно изъ числа лицъ, окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ, а за недостаткомъ такихъ кандидатовъ—изъ лицъ, имѣющихъ свидѣтельство на званіе учителя начальнаго училища; учительницы упомянутыхъ училищъ назначаются тѣмъ же порядкомъ, по преимуществу изъ лицъ, имѣющихъ свидѣтельство на званіе учительницы начальнаго училища. 2) Во всѣхъ указанныхъ училищахъ преподаваніе ведется на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ Закона Божія иностранныхъ исповѣданій и природнаго языка учащихся, которые могутъ быть преподаваемы также и на семъ послѣднемъ языкѣ. Возникающія

на практикѣ сомнѣнія относительно того, какой, именно, языкъ долженъ быть признанъ языкомъ преподаванія двухъ означенныхъ предметовъ, разрѣшаются попечителемъ учебнаго округа по соглашенію съ Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ.

Хозяйственная сторона школьнаго дѣла остается безъ измѣненія доселѣ. Обязанности населенія по содержанію начальныхъ училищъ ограничиваются въ настоящее время несеніемъ тѣхъ повинностей, которыя лежали на мѣстномъ населеніи до изданія указа 30-го августа 1864 г., а также тѣхъ расходовъ, кои впослѣдствіи были назначены самими гминными и сельскими сходами по приговорамъ объ учрежденіи новыхъ училищъ. Такая зависимость школьнаго дѣла отъ доброй воли гминныхъ и сельскихъ обществъ имѣетъ крайне печальныя послѣдствія, изъ коихъ самыми существенными надо признать недостатокъ школъ и неравномѣрность въ территоріальномъ распредѣленіи ихъ. Первое время послѣ изданія указа 30-го августа 1864 г. ознаменовалось быстрымъ ростомъ школьнаго дѣла, но затѣмъ, открытіе школъ почти пріостановилось какъ по экономическимъ соображеніямъ (нежеланіе увеличивать обложеніе земли гминными и сельскими сборами), такъ и подъ вліяніемъ противорусскихъ тенденцій нѣкоторой части мѣстнаго общества. Число существующихъ нынѣ школъ является крайне недостаточнымъ и не можетъ быть признано отвѣчающимъ государственной потребности въ просвѣщеніи народа: болѣе 80% общаго числа дѣтей школьнаго возраста не имѣютъ доступа въ школы. Насколько неравномѣрно распредѣлены въ территоріальномъ отношеніи существующія школы, можно судить изъ того, что есть значительное число гминъ, въ коихъ не учреждено ни одного училища. Неравномѣрность существующей сѣти училищъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ и неравномѣрное распредѣленіе училищнаго сбора: нѣкоторыя селенія вынуждены платить на содержаніе такихъ школъ, коими не могутъ пользоваться за дальностью ихъ нахожденія, другія же селенія не несутъ никакихъ расходовъ на содержаніе школы. А такое положеніе дѣла привело къ тому, что въ большинствѣ случаевъ сельскія и гминныя общества отказываются устанавливать новые школьные сборы для удовлетворенія даже такихъ насущныхъ потребностей училищъ, какъ ремонтъ школьнаго зданія, или расширеніе его въ виду увеличенія числа учащихся. Увеличеніе же постоянныхъ расходовъ по содержанію существующихъ училищъ является въ данное время почти невозможнымъ. Между тѣмъ установленныя 40—20 лѣтъ тому назадъ штатныя ассигнованія на училища, съ постоянно

возрастающей дороговизной предметовъ первой необходимости, оказываются недостаточными; матеріальное положеніе училищъ ухудшается, подборъ личнаго состава учителей затрудняется. Всѣ эти обстоятельства, взятыя вмѣстѣ, приводятъ къ мысли о необходимости поставить народное образованіе въ Привислинскомъ краѣ на болѣе твердую почву, обусловивъ развитіе его дѣйствительными потребностями населенія, а равно постоянными, достаточными и правильными источниками содержанія. За невозможностью принять содержаніе начальныхъ училищъ края всецѣло на счетъ государственнаго казначейства, представляется цѣлесообразнымъ, взамѣнъ школьныхъ складокъ, неравномѣрно падающихъ на населеніе и недостаточныхъ для обезпеченія народнаго образованія, установить въ Привислинскомъ краѣ на содержаніе народныхъ училищъ особый государственный сборъ съ земли, строеній, фабрикъ и заводовъ и всякаго рода вообще торгово-промышленныхъ заведеній, съ пріуроченіемъ таковаго сбора къ существующимъ сборамъ и налогамъ путемъ увеличенія ихъ въ извѣстномъ процентномъ отношеніи. Въ случаѣ введенія въ краѣ земскихъ учрежденій, таковыя могли бы также быть привлечены къ добровольному участію своими средствами въ дѣлѣ развитія народнаго образованія. Тогда, предоставивъ гминнымъ и сельскимъ обществамъ право открывать училища за счетъ своихъ особыхъ суммъ, можно бы имѣть три разряда училищъ: а) гминныя и сельскія начальныя училища, содержимыя на средства гминныхъ и сельскихъ обществъ, б) начальныя земскія училища, открываемыя и содержимыя на средства, ассигнуемыя земско-хозяйственными учрежденіями, и в) министерскія училища, содержимыя на суммы государственнаго сбора и ассигнованія изъ государственнаго казначейства. При такомъ рѣшеніи вопроса, можно надѣяться, что дѣло народнаго образованія въ привислинскихъ губерніяхъ будетъ поставлено въ благопріятныя условія для своего развитія.

Въ Сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ, по Туркестанскому краю, по неземскимъ губерніямъ и областямъ Европейской Россіи, не входящимъ въ составъ вышепоименованныхъ окраинъ имперіи, не издавалось особыхъ положеній и уставовъ по народному образованію. Училища открывались и открываются тамъ на общемъ основаніи.

Не составляютъ въ этомъ случаѣ исключенія и русско-туземныя училища, открываемыя на основаніи Высочайше утвержденнаго 20-го іюня 1886 г. мнѣнія государственнаго совѣта о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ начальнаго народнаго образованія въ Турке-

станскомъ краѣ. Училища эти организованы на началахъ устава 8-го декабря 1828 г.

Управленіе начальными училищами въ упомянутыхъ мѣстностяхъ сначала сосредоточено было въ рукахъ директоровъ губернскихъ гимназій и смотрителей уѣздныхъ училищъ, на основаніи устава 8-го декабря 1828 г., а послѣ, по изданіи законовъ 26-го мая 1869 г. и 25-го мая 1874 г., постепенно вводится здѣсь институтъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ. Кромѣ того, для завѣдыванія училищами учреждены, примѣнительно къ закону 25-го мая 1874 г., училищные совѣты, въ области войска Донского, областные и окружные, Высочайшимъ повелѣніемъ 10-го мая 1877 г., а въ губерніяхъ Томской и Тобольской—губернскіе и уѣздные, Высочайшимъ повелѣніемъ 1904 года.

Въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ русское начальное образованіе появилось уже въ первыя десятилѣтія по присоединеніи сего края къ Россійской Имперіи, для удовлетворенія образовательныхъ нуждъ поселенцевъ изъ Россіи. Училища возникали по частной иниціативѣ и представляли собою простыя школы безъ опредѣленной регламентаціи. Въ 1862 г. возникла правильно организованная русская начальная школа въ Выборгѣ, въ 1864 г. въ Гельсингфорсѣ, въ 1866 г. въ Або. Школы разрѣшены были къ открытію Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, при чемъ послѣдняя—на основаніи Высочайшаго соизволенія. Содержаніе ихъ производилось сначала за счетъ частныхъ средствъ, а послѣ за счетъ государственнаго казначейства. Когда число школъ возрасло до 15, явилась необходимость въ учрежденіи особыхъ органовъ для управленія ими. Въ виду этого въ 1875 г. Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ учреждена была особая должность „директора русскихъ народныхъ училищъ въ Финляндіи“. Высочайше утвержденнымъ 21-го мая 1879 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта содержаніе сего должностнаго лица принято на счетъ государственнаго казначейства. Въ 1883 г., одновременно съ переходомъ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія и учрежденіемъ особаго при генералъ-губернаторѣ совѣщательнаго комитета по дѣламъ русскихъ учебныхъ заведеній, возникъ вопросъ о подчиненіи всѣхъ низшихъ русскихъ училищъ надзору управленія С.-Петербургскаго учебнаго округа. Министерствомъ по соглашенію съ Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ составлена и введена въ дѣйствіе въ 1884 г. инструкція о порядкѣ завѣдыванія русскими начальными училищами

въ Финляндіи управленіемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа. Но въ 1893 г. финляндскій сенатъ съ своей стороны возбудилъ вопросъ о порядкѣ завѣдыванія русскими начальными училищами, утверждая, что эти училища должны подчиняться не совѣщательному комитету и управленію С.-Петербургскаго учебнаго округа, а финляндскому главному управленію училищъ на основаніи закона 11-го мая 1866 года объ организаціи народно-училищнаго дѣла въ Финляндіи. Вопросъ этотъ получилъ окончательное разрѣшеніе въ Высочайшемъ повелѣніи 29-го января 1899 г. На основаніи сего законоположенія всѣ имѣющіяся нынѣ въ краѣ русскія низшія учебныя заведенія, содержимыя на средства министерства народнаго просвѣщенія, или получающія пособія изъ сихъ средствъ, подлежатъ вѣдѣнію сего министерства. Училища эти предназначаются главнымъ образомъ для дѣтей проживающихъ въ краѣ русскихъ уроженцевъ и прочихъ русскихъ обывателей. Обученіе въ нихъ дѣтей финляндскихъ гражданъ допускается. Вновь таковыя училища могутъ быть учреждаемы министерствомъ народнаго просвѣщенія по соглашенію съ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ; финляндскому сенату о семъ сообщается для свѣдѣнія.

Русскія учебныя заведенія, содержимыя на средства частныхъ лицъ, находятся также въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, которое, по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ, разрѣшаетъ учрежденіе такихъ училищъ и устанавливаетъ надлежащій надзоръ за ними.

Низшія училища, съ преподавательскимъ русскимъ языкомъ, учреждаемыя и содержимыя городскими и сельскими гражданскими общинами и сельскими православными приходами, подчиняются дѣйствію правилъ, изложенныхъ въ Высочайшихъ постановленіяхъ, отъ 11-го мая 1866 г. объ организаціи народно-училищнаго дѣла въ Финляндіи, 30-го ноября 1871 г. касательно языка преподаванія въ классическихъ, реальныхъ и народныхъ училищахъ Финляндіи, и 5-го марта 1883 г. объ обученіи дѣтей въ православныхъ сельскихъ приходахъ Финляндіи, съ относящимися сюда другими законами и постановленіями.

Сильный ростъ русскихъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи вызвалъ потребность въ организаціи надзора за сими учебными заведеніями на иныхъ, болѣе твердыхъ основаніяхъ. Высочайше утвержденнымъ 11-го мая 1904 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта, взамѣнъ существовавшей должности директора русскихъ народныхъ училищъ Финляндіи, учреждена въ составѣ С.-Петербургскаго учебнаго округа должность директора русскихъ учебныхъ заведеній Великаго Княже-

ства Финляндскаго. На сего директора возлагается завѣдываніе всѣми русскими учебными заведеніями Финляндіи, средними, низшими и начальными, независимо отъ источниковъ ихъ содержанія. Права и обязанности директора по отношенію къ учебнымъ заведеніямъ ближайшимъ образомъ опредѣляются особой инструкціей, утверждаемой министерствомъ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Директоръ русскихъ учебныхъ заведеній Великаго Княжества Финляндскаго входитъ въ составъ состоящаго при финляндскомъ генералъ-губернаторѣ совѣщательнаго комитета по дѣламъ русскихъ учебныхъ заведеній, въ качествѣ непремѣннаго члена. Для завѣдыванія канцеляріей сего директора учреждена особая штатная должность дѣлопроизводителя. Симъ послѣднимъ законодательнымъ актомъ полагается прочное основаніе къ успѣшному развитію дѣла русскаго образованія въ Финляндіи.

Мѣры къ образованію инородцевъ, населяющихъ Россію (губерніи, входящія въ составъ Казанскаго, Оренбургскаго и Одесскаго учебнаго округовъ).

Внѣ общей системы начальнаго образованія стоитъ образованіе инородцевъ. Школы для сихъ послѣднихъ учреждаются на началахъ, Высочайше одобренныхъ 26-го марта 1870 г. На основаніи сего закона инородцы, по отношенію къ системѣ образованія, раздѣлены на двѣ группы: инородцы—христіане и татары—магометане. Цѣлью начальныхъ школъ для первыхъ ставится религіозно-нравственное ихъ образованіе и утвержденіе въ православной вѣрѣ и ознакомленіе съ русскимъ языкомъ. Для тѣхъ изъ нихъ, кои достаточно обрусѣли, живутъ смѣшанно съ русскими, учреждаются начальныя народныя училища на общихъ для русскихъ училищъ основаніяхъ. Для инородцевъ мало или совсѣмъ не обрусѣлыхъ открываются особыя школы. При этомъ въ мѣстностяхъ съ населеніемъ, смѣшаннымъ изъ природныхъ русскихъ и инородцевъ, учреждаются общія для тѣхъ и другихъ начальныя училища, въ которыхъ все обученіе ведется на русскомъ языкѣ, съ допущеніемъ языка инородческаго, въ качествѣ вспомогательнаго средства, при устныхъ объясненіяхъ. Въ случаѣ надобности организуются въ такихъ школахъ и особыя отдѣленія для дѣтей инородцевъ съ цѣлью подготовленія ихъ къ обученію на русскомъ языкѣ въ общихъ училищахъ. Для дѣтей же инородцевъ, весьма мало обрусѣлыхъ и почти незнающихъ русскаго языка, учреждаются особыя школы, въ которыхъ первоначально языкомъ обученія является родной языкъ обучающихся и преподаваніе совершается

по учебникамъ на соотвѣтствующихъ инородческихъ нарѣчіяхъ, а послѣ, къ концу учебнаго курса, преподаваніе происходитъ на русскомъ языкѣ и по русскимъ учебнымъ книгамъ. Ближайшее завѣдываніе училищами двухъ послѣднихъ категорій поручается законоучителю школы, если онъ обладаетъ знаніемъ мѣстнаго инородческаго нарѣчія и пожелаетъ принять на себя такое завѣдываніе, въ противномъ случаѣ учителю. Если мѣстный священникъ не знаетъ инородческаго языка, то преподаваніе Закона Божія поручается свѣтскому лицу. Надзоръ за инородческими училищами возлагается на инспекторовъ народныхъ училищъ.

Цѣлью образованія татаръ-магометанъ поставляется распространеніе между ними русскаго языка и русской культуры. Въ этихъ видахъ для татаръ-магометанъ открываются, за счетъ казны, начальныя сельскія и городскія училища, въ коихъ обученіе производится примѣнительно къ порядку, установленному въ школахъ для инородцевъ-христіанъ мало обрусѣлыхъ. Преподаваніе магометанскаго вѣроученія допускается за счетъ мѣстнаго татарскаго общества. При общихъ училищахъ, уѣздныхъ и гимназіяхъ, въ случаѣ надобности и возможности, разрѣшается открытіе подготовительныхъ классовъ для изученія русскаго языка. При исповѣдныхъ училищахъ мектебѐ и медресѐ открываются за счетъ татарскихъ обществъ классы русскаго языка, въ коихъ должно происходить обученіе этому языку и началамъ ариѳметики, сначала на татарскомъ языкѣ, а затѣмъ, при нѣкоторомъ практическомъ усвоеніи русскаго языка, на этомъ послѣднемъ. Главный надзоръ какъ за отдѣльными училищами для татаръ-магометанъ, такъ и за русскими классами при мектебе и медресе возложенъ на мѣстныхъ инспекторовъ народныхъ училищъ.

Для нуждъ кочевого населенія Имперіи въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія возникъ особый типъ училищъ—аульная школа. Такія школы для распространенія грамотности среди киргизъ возникли сначала въ Тургайской области, а послѣ въ Семипалатинской и Акмолинской. Въ 1901 г., 11-го октября, министерствомъ народнаго просвѣщенія утверждены были „Правила для аульныхъ русско-киргизскихъ школъ Акмолинской и Семипалатинской областей“. По этимъ правиламъ, аульныя школы имѣютъ своею цѣлію наиболѣе широкое распространеніе образованія среди киргизъ. Онѣ существуютъ въ видѣ отдѣленій при волостныхъ или двухклассныхъ русско-киргизскихъ школахъ и находятся подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ завѣдывающихъ сими послѣдними школами, которое состоитъ въ слѣдующемъ: а) завѣдующіе расходуютъ

суммы, ассигнуемыя на содержаніе той или другой аульной школы, выдаютъ помѣсячно жалованіе учителю аульной школы, сторожу, платятъ за квартирное помѣщеніе для этой школы, снабжаютъ учебными книгами, пособіями и письменными принадлежностями и пр., б) контролируютъ ходъ учебно-воспитательнаго дѣла въ аульной школѣ, по особому всякій разъ на то полномочію инспектора школъ, и в) представляютъ законную отчетность расходуемыхъ ими на содержаніе аульныхъ школъ суммъ. Аульныя школы по внутренней своей обстановкѣ, по возможности, должны отвѣчать условіямъ быта киргизъ, школьныя принадлежности не должны быть громоздки, а удобны для перевозки (складная классная доска, 4 низенькихъ для письма столика, торговые счеты, кошма и сундукъ для храненія учебныхъ книгъ и письменныхъ принадлежностей). Учебный годъ продолжается, за исключеніемъ 2-хъ каникулярныхъ мѣсяцевъ—апрѣля и сентября,— круглый годъ: съ октября до апрѣля въ наемныхъ землянкахъ, съ мая до сентября въ наемныхъ же кибиткахъ. Курсъ и программа предметовъ аульныхъ школъ должны соотвѣтствовать I и II отдѣленіямъ волостной одноклассной школы. Учитель аульной школы обязанъ разъ въ годъ, по усмотрѣнію инспектора школъ, доставить своихъ учениковъ на испытаніе особой коммиссіи при волостной школѣ, въ районѣ которой находится аульная школа, и въ случаѣ удовлетворительнаго отзыва этой коммиссіи объ успѣхахъ учениковъ аульной школы, учитель ея имѣетъ право на полученіе особаго единовременнаго вознагражденія, размѣръ коего опредѣляется всякій разъ г. попечителемъ учебнаго округа. Аульныя школы содержатся на мѣстныя средства, а за неимѣніемъ или недостаткомъ таковыхъ пользуются и пособіемъ отъ казны изъ суммъ, отпускаемыхъ на нужды народнаго образованія въ этихъ областяхъ. Ежегодный расходъ по содержанію каждой изъ аульныхъ школъ исчисляется въ 540 руб., а именно: а) на жалованье учителю—360 руб., б) на наемъ школьной квартиры (зимою землянка, лѣтомъ юрта) съ помѣщеніемъ для учителя, отопленіемъ и сторожемъ—120 руб., в) на книги и учебныя пособія 20 руб., г) на расходы по передвиженію школы лѣтомъ и ремонтъ классной мебели 40 рублей. На такихъ же основаніяхъ и при такой организаціи существуютъ аульныя школы и въ Тургайской области. Временныя правила о нихъ установлены попечителемъ Оренбургскаго учебнаго округа, при первоначальной организаціи ихъ.

Вышепоименованныя законоположенія по низшему образованію на окраинахъ Имперіи, несмотря на измѣненія, постепенно, по указанію

опыта, вносившіяся въ нихъ въ теченіе продолжительнаго дѣйствія ихъ, страдаютъ немалыми дефектами. Одни изъ нихъ отличаются неполнотою, другія не соотвѣтствуютъ потребностямъ времени, а нѣкоторыя, мало чѣмъ отличаясь одно отъ другого, съ пользою для дѣла могли быть объединены и даже замѣнены основными законоположеніями. Эти соображенія, въ связи съ исторіею вопроса объ изданіи наказа училищнымъ совѣтамъ, привели министерство народнаго просвѣщенія къ мысли пересмотрѣть дѣйствующія законоположенія по низшему образованію. Подготовительныя работы по сему предмету начаты были министерствомъ тотчасъ же, когда опредѣлились затрудненія составить вышеупомянутый наказъ. Выработаны были „Основныя положенія устройства низшей общеобразовательной школы", которыя послѣ и легли въ основу работъ особой коммиссіи, составленной въ началѣ 1902 года министромъ народнаго просвѣщенія, съ Высочайшаго соизволенія, изъ компетентныхъ лицъ учебнаго и духовнаго вѣдомствъ для выработки проекта общаго положенія о низшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Работы этой коммиссіи не были доведены до конца, за оставленіемъ генералъ-адъютантомъ Ванновскимъ поста министра народнаго просвѣщенія. Но начатое дѣло не заглохло: работа по настоящему предмету продолжается въ центральномъ управленіи министерства. За послѣднее время и въ обществѣ, и въ печати, и въ руководящихъ сферахъ все сильнѣе и чаще раздаются голоса за единую школу въ Имперіи. Установленіе таковой для народа на началахъ, обезпечивающихъ ея правильное развитіе, дѣло нелегкое. Задача осложняется еще тѣмъ, что въ ближайшемъ будущемъ эта школа должна удовлетворить требованіямъ если не обязательнаго обученія, то общедоступнаго. Само собою разумѣется, что такой важности вопросъ требуетъ самаго тщательнаго разсмотрѣнія и обсужденія. Исторія нашего законодательства по этому предмету представляетъ собою довольно богатый поучительный матеріалъ. Широкое использованіе этого матеріала должно лечь въ основу работъ по составленію новаго положенія о низшемъ образованіи: оно предохранитъ отъ повторенія старыхъ ошибокъ и отъ производства опытовъ, уже бывшихъ у насъ и имѣвшихъ печальныя послѣдствія въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

Н. Назарьевскій.

КЪ ВОПРОСУ О ВВЕДЕНІИ ОБЩЕДОСТУПНАГО ОБУЧЕНІЯ ВЪ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Начальное народное образованіе губерніи сосредоточено въ двухъ вѣдомствахъ,—вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и духовномъ. Мѣстные органы перваго составляютъ: директоръ народныхъ училищъ, три инспектора народныхъ училищъ, губернскій училищный совѣтъ и восемь уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ; управленіе второго составляютъ: епархіальный училищный совѣтъ (въ Тобольскѣ и Омскѣ) и десять уѣздныхъ отдѣленій совѣта, епархіальный наблюдатель и уѣздные наблюдатели по числу отдѣленій.

Въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія состоитъ всего 431 училище, не считая воскресныхъ школъ и частныхъ училищъ, въ томъ числѣ: а) начальныхъ одноклассныхъ: городскихъ 38 и сельскихъ 360; б) начальныхъ двухклассныхъ: городскихъ 1 и сельскихъ 26. Общее число учащихся въ сихъ училищахъ составляетъ 14.087 мальчиковъ и 4698 дѣвочекъ. Въ среднемъ выводѣ на одно училище приходится учащихся въ двухклассныхъ училищахъ 87, а въ одноклассныхъ—41.

Въ вѣдомствѣ духовно-училищномъ находится всего 489 училищъ, въ томъ числѣ:

а) Начальныхъ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ—городскихъ 15, сельскихъ 255.

б) Начальныхъ двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ—городскихъ 5, сельскихъ 3.

в) Школъ грамоты городскихъ и сельскихъ 208.

Кромѣ того имѣется до 20 школъ разныхъ наименованій (второклассныхъ, миссіонерскихъ, воскресныхъ и другихъ), имѣющихъ частію спеціальное назначеніе.

Общее число учащихся въ сихъ школахъ было 11.154 мальчика и 4596 дѣвочекъ. Въ среднемъ выводѣ на одно училище въ двухклассныхъ школахъ приходится 78 учащихся, въ одноклассныхъ—39 и въ школахъ грамоты — 21.

Общій итогъ училищъ всѣхъ наименованій, преслѣдующихъ цѣли начальнаго народнаго образованія, достигаетъ 920, съ 34.535 учащимися обоего пола. На долю же собственно сельскаго населенія изъ этого числа приходится 860 училищъ. Собственно говоря, изъ этого числа слѣдовало бы исключить школы грамоты, какъ школы низшаго типа, не могущія выполнять задачи начальнаго народнаго образованія. И если ихъ мы считаемъ въ общей суммѣ начальныхъ училищъ, то лишь въ томъ предположеніи, что съ теченіемъ времени эти школы, съ изысканіемъ мѣстныхъ источниковъ содержанія, будутъ преобразованы въ церковно-приходскія школы. Вообще же слѣдовало бы пожалѣть объ установленіи этого типа школъ, дающихъ въ настоящемъ полуграмотность, а въ ближайшемъ будущемъ — рецидивъ безграмотности. Отъ этихъ школъ, если онѣ будутъ насаждаться чаще и шире въ средѣ населенія, нужно опасаться отрицательныхъ результатовъ и въ томъ отношеніи, что онѣ неминуемо будутъ задерживать возникновеніе и ростъ народныхъ училищъ, а равно постепенно понизятъ уровень образовательныхъ потребностей народа, могущаго привыкнуть довольствоваться тѣмъ немногимъ, что дастъ сама школа грамоты.

Средства на содержаніе существующихъ заведеній, служащихъ цѣлямъ начальнаго образованія, къ 1-му января 1904 г. исчислялись въ общей суммѣ 351.502 р. 88 коп.

По источникамъ содержанія, въ отношеніи училищъ министерства народнаго просвѣщенія, училищныя средства распредѣляются слѣдующимъ образомъ: изъ государственнаго казначейства — 33%, изъ губернскаго земскаго сбора — 39%, отъ городскихъ и сельскихъ обществъ — 25%, изъ другихъ источниковъ (главнымъ образомъ изъ спеціальныхъ средствъ городскихъ приходскихъ училищъ) 2,4%. Такимъ образомъ наибольшая доля участія въ содержаніи существующихъ начальныхъ училищъ въ настоящее время приходится на суммы губернскаго земскаго сбора и на государственное казначейство.

Городскія общества въ содержаніи своихъ городскихъ приходскихъ училищъ участвуютъ въ размѣрѣ 53%. Дальнѣйшее увеличеніе доли участія представляется затруднительнымъ въ виду ограни-

ченности и неустойчивости бюджета большей части городскихъ управленій. Впрочемъ, нужно замѣтить, что существующими въ городахъ начальными училищами вообще въ достаточной степени удовлетворяется потребность городского населенія въ начальномъ образованіи.

Что касается сельскихъ обществъ, то ихъ участіе въ содержаніи своихъ училищъ выражается почти исключительно въ отбываніи извѣстныхъ повинностей натурою, какъ то: постройкѣ и ремонтѣ зданій, отопленіи, прислугѣ и т. п. Къ денежнымъ же ассигнованіямъ общества обращаются лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, главнымъ образомъ для замѣны нѣкоторыхъ изъ указанныхъ натуральныхъ повинностей. Вообще, на денежныя пособія отъ мѣстныхъ сельскихъ обществъ и впредь не представляется возможнымъ разсчитывать.

О другихъ источникахъ содержанія училищъ, каковы пожертвованія, взносы попечителей и проч., можно сказать лишь то, что имѣя значеніе для отдѣльныхъ двухъ—трехъ училищъ, они въ общей суммѣ бюджета народнаго образованія составляютъ столь незначительный процентъ (2,4%), что не могутъ быть принимаемы въ основаніе какихъ бы то ни было предположеній.

Въ заключеніе замѣчаній о наличныхъ рессурсахъ начальнаго народнаго образованія въ Тобольской губерніи не излишне будетъ сказать нѣсколько словъ объ учебно-педагогическихъ учрежденіяхъ, подготовляющихъ персоналъ учащихъ въ начальныхъ училищахъ. Къ таковымъ учрежденіямъ относятся: Омская учительская семинарія, постоянные педагогическіе курсы при Тобольскомъ 4-хъ классномъ городскомъ училищѣ и Тарской женской прогимназіи; кромѣ того, имѣется въ губерніи пять второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, подготовляющихъ учителей въ школы грамоты.

Омская учительская семинарія имѣетъ нѣсколько стипендіатовъ Тобольской губерніи, которые и поступаютъ сюда по окончаніи курса. Въ среднемъ, изъ нея поступаютъ 3—4 учителя въ годъ, главнымъ образомъ въ двухклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія.

Педагогическіе курсы при Тобольскомъ городскомъ училищѣ и Тарской женской прогимназіи существуютъ съ 1902 г. и имѣли два выпуска учителей (7) и учительницъ (15). Въ будущемъ есть надежда, что съ развитіемъ дѣла и основательнымъ снабженіемъ курсовъ учебно-воспитательными средствами и силами, курсы будутъ давать до 20—30 учителей и учительницъ, обладающихъ въ достаточной мѣрѣ педагогической подготовкой.

Наконецъ, что касается второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, то онѣ не даютъ оканчивающимъ въ нихъ курсъ молодымъ людямъ права на преподаваніе въ начальныхъ народныхъ училищахъ, а потому и не могутъ быть относимы къ числу педагогическихъ учебныхъ заведеній, служащихъ цѣлямъ народнаго образованія. Средній выпускъ сихъ школъ отъ 40 до 50 молодыхъ людей, получающихъ право преподавать въ школахъ грамоты.

Первою и главнѣйшею потребностью народнаго образованія въ губерніи является открытіе новыхъ училищъ. Потребность эта выясняется изъ сопоставленія числа населенія губерніи и количества населенныхъ мѣстъ съ числомъ существующихъ училищъ и учащихся въ нихъ дѣтей.

Количество сельскаго населенія Тобольской губерніи, по даннымъ 1903 г., достигаетъ 1.449.160, въ томъ числѣ мужскаго пола 724.654 и женскаго пола 724.446. По этой цифрѣ опредѣляя число училищъ и считая по 1 училищу на 500 душъ населенія, получаемъ 2.900 училищъ.

Далѣе, отчисляя изъ числа всего населенія 8% на школьный возрастъ, получаемъ 116.000 дѣтей обоего пола, что составитъ полный комплектъ на 2.900 училищъ, считая по 40 дѣтей на училище. Средняя численность въ существующихъ училищахъ такова: въ двухклассныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія—87 учениковъ, въ одноклассныхъ того же вѣдомства — 41 учащійся, въ церковно-приходскихъ двухклассныхъ 78, въ церковно-приходскихъ одноклассныхъ—39 и въ школахъ грамоты—21 учащійся.

Наконецъ, обращаясь къ числу населенныхъ мѣстъ губерніи, находимъ слѣдующее: общее число населенныхъ мѣстъ губерніи (не считая городовъ) 4.753. По количеству населенія обоего пола эти мѣста распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Имѣютъ	жителей:	свыше 1.000			205	селеній
„	„	отъ 900	до	1.000	65	„
„	„	„ 800	„	900	84	„
„	„	„ 700	„	800	125	„
„	„	„ 600	„	700	193	„
„	„	„ 500	„	600	251	„
„	„	„ 400	„	500	366	„
„	„	„ 300	„	400	452	„
„	„	„ 200	„	300	649	„

„ „	„ 100 „ 200	841	„
„ „	Менѣе 100 жителей	1.522	„
	Всего	4.753	селеній

Отбрасывая изъ этого числа селенія послѣдней категоріи, какъ не имѣющія потребнаго для открытія училищъ числа дѣтей школьнаго возраста, получаемъ всего до 2.390 селеній, имѣющихъ свыше 200 жителей, и въ числѣ ихъ 270 селеній насчитываютъ жителей отъ 900 до 1000 и даже 3000 жителей.

Полагая на эти послѣднія селенія среднимъ числомъ по три училища (одно на 500 жителей), а на всѣ остальныя по одному, получимъ 2922 училища, — то же самое число, которое получено при разсчетѣ по количеству населенія и числу дѣтей школьнаго возраста.

Такимъ образомъ, съ достаточною достовѣрностью, потребность начальнаго образованія для Тобольской губерніи для настоящаго времени опредѣляется въ 2900 училищъ, т.-е. при этомъ числѣ училищъ начальное образованіе могло бы быть нынѣ доступно, по возможности, для всего населенія.

Для удовлетворенія этой потребности имѣемъ:

а) сельскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія	50
б) училищъ земскихъ	336
в) училищъ церковно-приходскихъ	258
Всего . .	644

Если къ этому числу присоединить еще 208 школъ грамоты духовнаго вѣдомства, то получимъ 852 училища, — и этимъ числомъ исчерпываются всѣ наличныя для начальнаго образованія Тобольской губерніи средства. Слѣдовательно, для того, чтобы начальное образованіе въ настоящее время сдѣлалось доступнымъ всему населенію, необходимо вновь открыть до 2050 училищъ.

Но приведенное число 2050 училищъ есть лишь недоимка училищъ, накопившаяся отъ прежнихъ лѣтъ. Въ цѣляхъ общедоступности образованія къ ней необходимо присоединить потребность въ училищахъ, наростающую ежегодно въ зависимости отъ естественнаго прироста населенія.

Приростъ населенія по всеподданнѣйшему отчету г. тобольскаго губернатора за 1902 г. исчисленъ въ 0,93% или въ 15.000 населенія обоего пола, при чемъ констатировано уменьшеніе этого прироста сравнительно съ 1901 г. На основаніи сего, и принимая во вниманіе особыя условія настоящаго времени (призывъ запасныхъ и ратниковъ, сокращеніе браковъ, уменьшеніе числа переселенцевъ), осторожнѣе будетъ на ближайшіе будущіе годы этотъ процентъ прироста еще понизить, напримѣръ до 0,75%. Исчисливъ приростъ будущаго населенія въ этомъ размѣрѣ, получимъ увеличенія на 10.000 въ годъ. Этотъ ежегодный приростъ потребуетъ соотвѣтственнаго увеличенія числа училищъ, именно, считая по одному училищу на 500 жителей, всего до 20 училищъ въ годъ.

Теперь вопросъ сводится къ слѣдующему: если мы будемъ открывать впредь по 20 училищъ ежегодно, то начальное образованіе сельскаго населенія будетъ оставаться на томъ же весьма низкомъ (23% учащихся дѣтей) уровнѣ, какъ и нынѣ, и уровень этотъ еще будетъ постепенно понижаться съ естественнымъ увеличеніемъ прироста населенія; слѣдовательно, для развитія дѣла народнаго образованія и въ цѣляхъ достиженія общедоступности училищъ необходимо ежегодно открывать болѣе 20 училищъ, и отъ величины этой прибавки сверхъ двадцати будетъ зависѣть продолжительность періода осуществленія общедоступности начальнаго образованія.

Второю потребностью народнаго образованія въ губерніи является открытіе учебныхъ заведеній, имѣющихъ цѣлью подготовку лицъ, желающихъ посвятить себя учительской дѣятельности въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

На первую очередь желательно учрежденіе въ скорѣйшемъ времени женской учительской семинаріи, по слѣдующимъ соображеніямъ.

По отчету за 1903 г. въ городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищахъ губерніи, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, было преподающихъ лицъ: учителей 110 и учительницъ 415. Въ числѣ учительницъ лица, получившія хотя какую нибудь педагогическую подготовку (въ 8-классныхъ женскихъ гимназіяхъ и въ епархіальныхъ училищахъ), составляютъ рѣдкія исключенія; большинство же ихъ окончили курсъ въ мѣстной Маріинской школѣ или женскихъ прогимназіяхъ. Тѣ и другія, поступая въ должность неподготовленными, въ лучшемъ случаѣ должны пройти тяжелый курсъ практическаго опыта, чтобы достигнуть болѣе или менѣе удовлетворительныхъ навыковъ въ своемъ дѣлѣ; а многія, не будучи въ состо-

яніи сколько нибудь сознательно отнестись къ своему дѣлу, ведутъ его кое-какъ, безъ системы и порядка, къ ущербу школьнаго дѣла.

Отсюда слѣдуетъ, что если главный контингентъ учащихъ въ сельскихъ начальныхъ училищахъ составляютъ учительницы, и если для предварительной подготовки лицъ женскаго пола къ педагогической дѣятельности нѣтъ въ губерніи соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеній (а между тѣмъ доказано, что безъ надлежащей подготовки учащаго персонала не можетъ успѣшно идти въ училищахъ учебно-воспитательное дѣло), то, несомнѣнно, учрежденіе женской учительской семинаріи является вопросомъ первой необходимости.

Вопросъ объ открытіи женской учительской семинаріи въ Тобольской губерніи уже не новый. Во внесенномъ по Высочайшему повелѣнію въ комитетъ министровъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ тобольскаго губернатора о состояніи сей губерніи за 1897 г., по поводу замѣчанія о желательности открытія въ этой губерніи женской учительской семинаріи, послѣдовала Высочайшая отмѣтка: „къ министру народнаго просвѣщенія".

По возникшему вслѣдствіе сего дѣлу былъ выработанъ проектъ объ открытіи женской учительской семинаріи въ селѣ Абатскомъ, Ишимскаго уѣзда. Проектъ этотъ однако не получилъ осуществленія.

Въ 1903 г., пользуясь тѣмъ, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія былъ обсуждаемъ вопросъ объ учрежденіи на казенный счетъ женскихъ учительскихъ семинарій, былъ вновь возбужденъ вопросъ объ открытіи въ Тобольской губерніи женской учительской семинаріи, на казенный счетъ. Къ сожалѣнію, и на сей разъ ходатайство было признано преждевременнымъ, впредь до разрѣшенія общаго вопроса объ учрежденіи въ Имперіи женскихъ учительскихъ семинарій.

Такимъ образомъ Тобольская губернія, хотя старѣйшая, многолюднѣйшая и обширнѣйшая изъ всѣхъ губерній и областей Сибири, остается до настоящаго времени безъ учительской семинаріи и принуждена ежегодную убыль учителей и учительницъ (до 50 человѣкъ) пополнять по большей части малоподготовленными и малообразованными кандидатами изъ женскихъ прогимназій или случайными лицами.

Но открытіе женской учительской семинаріи есть нужда, такъ сказать, первой очереди, для удовлетворенія существующей уже потребности въ надлежаще подготовленномъ персоналѣ учащихъ. Съ раз-

витіемъ же дѣла, съ постепеннымъ открытіемъ новыхъ и новыхъ училищъ, потребуется впослѣдствіи соотвѣтственное увеличеніе и педагогическихъ вспомогательныхъ заведеній и учрежденій.

Наконецъ, съ постепеннымъ ростомъ числа открываемыхъ училищъ, впослѣдствіи предстоитъ соразмѣрное увеличеніе силъ училищной администраціи, такъ какъ при нынѣшнемъ составѣ ея сдѣлалось бы непосильнымъ не только исполненіе административно-хозяйственныхъ дѣлъ, но даже и одно учебно-педагогическое руководство училищами.

Приступая къ изложенію плана послѣдовательнаго развитія средствъ начальнаго образованія въ Тобольской губерніи до полнаго достиженія общедоступности его, мы предполагаемъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

1. Какія училища должно открывать и кто долженъ завѣдывать этимъ дѣломъ?

2. Сколько училищъ и въ какой періодъ должно быть открыто?

3. Какія дополнительныя учрежденія и расходы потребуются въ связи съ вопросомъ объ общедоступности начальнаго образованія?

4. На какія средства должно производиться открытіе училищъ?

1. Въ виду того, что принятіе того или другого типа имѣетъ большое значеніе въ дѣлѣ общедоступности образованія, какъ въ отношеніи матеріальномъ, такъ и въ цѣляхъ основательности обученія, необходимо прежде всего рѣшить вопросъ о томъ, какой типъ училищъ наиболѣе примѣнимъ въ цѣляхъ общедоступности образованія.

Существующія въ губерніи народныя училища подходятъ подъ три типа: а) двухклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія и церковно-приходскія школы; б) одноклассныя училища министерскія и церковно-приходскія; в) школы грамоты духовнаго вѣдомства.

Двухклассныя училища министерства народнаго просвѣщенія, двухклассныя церковно-приходскія школы, съ пятью отдѣленіями и пятилѣтнимъ курсомъ ученія, представляются слишкомъ дорогими и громоздкими для народнаго обихода. Кромѣ того при отсутствіи учительской семинаріи, подборъ учителей въ эти училища весьма затруднителенъ, и иногда приходится принимать преподавателями въ эти училища лицъ или незаслуживающихъ того по своимъ нравственнымъ качествамъ, или же малообразованныхъ и не могущихъ успѣшно вести преподаваніе въ старшихъ отдѣленіяхъ. Наконецъ, само населеніе, повидимому, еще не стоитъ на той высотѣ умственнаго и экономическаго развитія, при которой появляется потребность въ болѣе широкомъ и болѣе продолжительномъ начальномъ курсѣ обученія.

Это видно, между прочимъ, изъ того, что число учащихся во второмъ классѣ обыкновенно бываетъ не велико и гораздо меньше, чѣмъ могло бы быть при иныхъ условіяхъ.

Точно также неподходящимъ типомъ является и школа грамоты. По поводу этихъ школъ уже было сдѣлано выше замѣчаніе, въ смыслѣ вообще непригодности и даже вреда ихъ для народнаго образованія. Въ сущности эти школы должны только выполнять роль семьи, когда она неграмотна, давая дѣтямъ ту элементарную выучку, какая въ грамотныхъ семьяхъ предшествуетъ опредѣленію дѣтей въ общественныя училища. Для того же, чтобы удовлетворять задачамъ начальнаго народнаго образованія, школы грамоты не имѣютъ ни достаточнаго времени (два года), ни соотвѣтствующей программы, ни достаточныхъ средствъ, каковыя обыкновенно бываютъ изъ мѣстныхъ источниковъ.

Такимъ образомъ наиболѣе подходящимъ типомъ училища для цѣлей общедоступности начальнаго образованія является одноклассное училище съ тремя отдѣленіями и трехлѣтнимъ курсомъ. Въ программѣ этого училища слѣдовало бы лишь сдѣлать соотвѣтствующія дополненія, въ развитіе слишкомъ неясно и обще выраженной цѣли „распространять первоначальныя полезныя знанія", какая поставлена положеніемъ 1874 г.

Что касается вѣдомства, которому должно быть предоставлено осуществленіе общедоступности начальнаго образованія, то, принимая во вниманіе существующую двойственность въ завѣдываніи начальнымъ народнымъ образованіемъ, конечно, не представляется, повидимому, возможнымъ сосредоточить открытіе новыхъ училищъ исключительно въ рукахъ одного вѣдомства. Но съ другой стороны нельзя не указать на то, что духовнымъ вѣдомствомъ въ сущности уже исполнена почти вся сѣть церковно-приходскихъ школъ, пріуроченныхъ къ существующимъ церквамъ и приходамъ, и дальнѣйшее открытіе школъ этого вѣдомства въ селеніяхъ, не имѣющихъ церкви и духовенства, представляется уже излишнимъ расширеніемъ сферы дѣятельности церковно-училищнаго вѣдомства, не оправдываемымъ пользою для дѣла. Такимъ образомъ представляется совершенно естественнымъ по ходу дѣла и желательнымъ въ интересахъ народнаго просвѣщенія, чтобы осуществленіе общедоступной сѣти училищъ было возложено на вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія.

2. Вопросъ о продолжительности операціоннаго періода для достиженія общедоступности населенію начальныхъ училищъ стоитъ въ

зависимости отъ изысканія потребныхъ на то средствъ, при чемъ предполагается, что не будетъ допущено рѣзкихъ скачковъ въ наростаніи расходовъ какъ государственныхъ, такъ и изъ земскихъ сборовъ. На семъ основаніи, а также принимая во вниманіе ограниченность состава училищной администраціи и отсутствіе учебныхъ заведеній, подготовляющихъ кандидатовъ на должности учителей и учительницъ, можно было бы установить продолжительность операціоннаго періода въ 30 лѣтъ, съ постепеннымъ возрастаніемъ числа открываемыхъ училищъ по пятилѣтіямъ: въ первое пятилѣтіе по 60 училищъ въ годъ, во второе—по 70, въ третье—по 80, въ четвертое—по 90 и въ послѣднія два по 100 училищъ въ годъ.

3. При существующемъ числѣ училищъ преподавательскій составъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія достигаетъ 500 учителей и учительницъ; слѣдовательно, съ открытіемъ новыхъ 2.500 училищъ это число должно достигнуть не менѣе 3000. Полагая среднюю продолжительность учительской службы въ 15 лѣтъ (нынѣ средняя продолжительность не превышаетъ 10 лѣтъ), ежегодно потребуется пополнять убыль до 200 учителей и учительницъ. Принимая за основаніе эту цифру, можно сдѣлать такой разсчетъ: а) существующіе постоянные педагогическіе курсы (2) могутъ давать впослѣдствіи, при развитіи дѣла, до 30 учителей и учительницъ; б) двѣ женскія гимназіи (въ Курганѣ и Тюмени) съ открытіемъ въ нихъ педагогическаго класса дадутъ до 30 учительницъ; в) Тобольская Маріинская школа до 10 учительницъ; если къ этому числу прибавить вновь: г) три учительскія семинаріи, могущія дѣлать выпуски по 25 кандидатовъ и д) новые педагогическіе курсы при двухъ городскихъ училищахъ и двухъ прогимназіяхъ, съ ожидаемымъ выпускомъ до 60 кандидатовъ,—то при наличности исчисленныхъ педагогическихъ средствъ ежегодное пополненіе убыли учителей и учительницъ можно бы считать вполнѣ обезпеченнымъ.

Открытіе сихъ заведеній предположено сообразно съ постепеннымъ увеличеніемъ числа училищъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первый годъ—женская учительская семинарія, на пятый годъ — педагогическіе курсы при двухъ городскихъ училищахъ, на десятый или одиннадцатый годъ—такіе же курсы при двухъ женскихъ прогимназіяхъ, на пятнадцатый годъ — вторая учительская семинарія, на двадцатый годъ—третья учительская семинарія.

Что касается средствъ единовременныхъ и постоянныхъ на содержаніе сихъ заведеній, то они исчислены въ слѣдующемъ размѣрѣ: на

содержаніе учительскихъ семинарій—по 16.000 рублей въ годъ и единовременно по 90 тысячъ на постройку и оборудованіе; на содержаніе педагогическихъ курсовъ—по 1.000 рублей въ годъ.

Управленіе училищами вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, какъ было уже сказано, состоитъ изъ губернскаго и восьми уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, директора народныхъ училищъ и трехъ инспекторовъ народныхъ училищъ. Число инспекторовъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія 23-го февраля 1904 г. увеличено двумя. Въ такомъ составѣ административныхъ силъ управленіе училищами можетъ производиться безъ особаго затрудненія въ теченіе ближайшихъ лѣтъ. Впослѣдствіи же, по мѣрѣ увеличенія числа училищъ, какъ подчиненныхъ непосредственно дирекціи, такъ и состоящихъ въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, потребуется увеличеніе штата собственно дирекціи. Именно, на десятый годъ операціоннаго періода необходимо увеличить составъ инспекторовъ добавленіемъ новыхъ трехъ должностей, чтобы на каждый уѣздъ приходился особый инспекторъ. Далѣе, такъ какъ управленіе училищами будетъ дѣлаться болѣе и болѣе сложнымъ и труднымъ по мѣрѣ увеличенія числа училищъ, въ ущербъ учебно-педагогической роли инспекторовъ, то окажется необходимымъ, приблизительно на двадцатый годъ періода, придать инспекторамъ помощниковъ собственно для веденія канцеляріи, а равно увеличить ассигнованіе инспекторамъ и на канцелярскіе расходы какъ личные, такъ и по училищнымъ совѣтамъ. Наконецъ и дѣлопроизводство директора народныхъ училищъ тоже неминуемо должно расшириться, по мѣрѣ возрастанія числа училищъ; поэтому его канцелярію тоже придется увеличить хотя бы однимъ штатнымъ чиновникомъ и вольнонаемнымъ писцомъ.

На усиленіе администраціи потребуются слѣдующіе расходы:

а) три новыя должности инспекторовъ (по 2.000 р.)	6.000	руб.
б) восемь помощниковъ инспекторовъ (по 900 р.) .	7.200	„
в) второму дѣлопроизводителю дирекціи	600	„
г) на канцеляріи инспекторовъ (по 250 р.)	2.000	„
д) на писцовъ и канцелярскіе расходы	600	„
Всего на усиленіе администраціи. . .	16.400	руб.

4. Финансовая сторона вопроса распадается на двѣ части: а) собственно о средствахъ, потребныхъ на осуществленіе общедоступности начальнаго образованія и б) объ источникѣ сихъ средствъ.

Содержаніе вновь открываемыхъ училищъ предположено въ слѣдующемъ размѣрѣ: жалованье учителю 300 руб., законоучителю 60 руб., на библіотеку и учебныя пособія и принадлежности 80 руб., на ремонтъ классной мебели и мелкіе расходы 60 руб., а всего 500 руб. въ годъ, при готовомъ отъ общества помѣщеніи, отопленіи, освѣщеніи и прислугѣ.

Общій разсчетъ средствъ, потребныхъ на осуществленіе общедоступности образованія, представляется въ нижеслѣдующемъ видѣ: ежегодная прибавка къ бюджету будетъ составлять: въ первое пятилѣтіе 8,7%, во второе пятилѣтіе—6,8%, въ третье пятилѣтіе—6%, въ четвертое пятилѣтіе—5,2%, въ пятое пятилѣтіе—4,5% и наконецъ въ шестое пятилѣтіе, въ первый годъ составитъ 3,7%, противъ предыдущаго, а въ послѣдній годъ всего 3% прибавки. Для наглядности, выражая это постепенное наростаніе бюджета въ малыхъ цифрахъ, увидимъ, что если бы мы въ настоящее время расходовали на училища 100 руб. въ годъ, то, приступивъ къ осуществленію настоящаго проекта, въ первый годъ израсходуемъ 108 руб., а во второй годъ 116 р., и т. д. Такимъ образомъ хотя ростъ школьнаго бюджета и представляется необычайнымъ, если сравнить начало періода съ послѣднимъ годомъ его, но нужно имѣть въ виду, что онъ будетъ совершаться въ строгой постепенности, безъ замѣтныхъ скачковъ вверхъ, годъ отъ года, понижаясь и приближаясь къ нормальному, и въ конецъ періода подойдетъ къ общепринятой нормѣ ежегоднаго увеличенія бюджета вообще (3%).

Расходъ на содержаніе училищъ долженъ быть распредѣленъ по тремъ источникамъ: изъ государственнаго казначейства 60%, изъ суммъ губернскаго земскаго сбора—40%, и отъ мѣстныхъ обществъ—натуральная повинность по доставкѣ помѣщеній, отопленія, освѣщенія и прислуги. Распредѣленіе денежныхъ расходовъ мѣняетъ нѣсколько существующее отношеніе между пособіемъ изъ государственнаго казначейства (33%) и средствами изъ мѣстныхъ источниковъ, въ сторону увеличенія расходовъ казны. Допустить это необходимо по слѣдующимъ соображеніямъ.

Хотя нынѣ Тобольская губернія совершенно чиста отъ долговъ и недоимокъ и въ смыслѣ платежеспособности находится въ прекрасномъ состояніи, допускающемъ значительное возвышеніе земскихъ сборовъ, но несомнѣнно эта платежеспособность имѣетъ свои границы, дальше которыхъ увеличеніе налоговъ будетъ обременительно для населенія. Кромѣ того, у населенія есть и другія суще-

ственныя потребности (въ особенности въ отношеніи народнаго здравія), удовлетвореніе которыхъ также безотлагательно нужно. Наконецъ, нужно имѣть въ виду и то, что народное просвѣщеніе имѣетъ не только мѣстное значеніе, но и въ высокой степени общегосударственное, и съ этой точки зрѣнія государство обязано оказывать всемѣрно населенію свою помощь и поддержку.

Расходы на содержаніе вспомогательныхъ педагогическихъ учебныхъ заведеній и расширеніе училищной администраціи отнесены всецѣло на средства казны, такъ какъ расходы этого рода и теперь относятся вообще на средства казны.

Въ заключеніе плана расширенія сѣти начальныхъ училищъ губерніи слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ еще объ одной потребности, которая и въ настоящее время является значительнымъ тормазомъ при открытіи новыхъ училищъ, а въ будущемъ обѣщаетъ трудно преоборимыя затрудненія. Этотъ вопросъ—о постройкѣ училищныхъ зданій.

Хотя нынѣ постройка училищныхъ зданій въ значительной мѣрѣ облегчена закономъ 12-го мая 1887 г. о безплатномъ отпускѣ казеннаго лѣса на постройку и ремонтъ сихъ зданій, но и затѣмъ денежные расходы по постройкѣ бываютъ обычно непосильны для сельскихъ обществъ. Правда, при открытіи училищъ министерства народнаго просвѣщенія возможно испрашивать для нихъ пособіе въ размѣрѣ 500 руб. для одноклассныхъ и 1.000 для двухклассныхъ училищъ; но испрашивать это пособіе возможно было при маломъ числѣ открываемыхъ училищъ, въ виду же открытія сразу большого числа училищъ, это было бы обременительно и для государственнаго казначейства.

Въ виду сего было бы болѣе цѣлесообразно при открытіи училищъ давать мѣстнымъ обществамъ не пособія, а ссуды на постройку зданій, съ погашеніемъ ея въ теченіе опредѣленнаго срока. Размѣръ ссуды останется существующій — 500 руб., а срокъ погашенія лучше всего опредѣлить десятилѣтній, безъ взиманія процентовъ.

Нѣкоторыя сельскія общества, открывая у себя училища и не имѣя средствъ на постройку зданій, доставляютъ наемныя помѣщенія, съ платою отъ 50 до 120 руб. въ годъ.

Нѣтъ сомнѣнія, для нихъ гораздо выгоднѣе взять ссуду и, погасивъ ее въ теченіе десяти лѣтъ, имѣть собственное зданіе, чѣмъ еже-

годно уплачивать аренду даже въ большемъ противъ погашенія размѣрѣ, и все-таки оставаться безъ собственнаго зданія.

Что касается практической стороны дѣла, то всѣ операціи по ссудамъ и возврату ихъ можно бы сосредоточить, въ зависимости отъ источника средствъ, или при дирекціи училищъ, если пособія будутъ отпущены отъ казны, или при губернскомъ управленіи, если они будутъ изъ губернскаго земскаго сбора.

Въ послѣднемъ случаѣ совершенно обезпеченнымъ фондомъ могъ бы служить губернскій страховой капиталъ, который въ настоящее время достигъ огромнаго размѣра, свыше 1.000.000 руб.

Такимъ образомъ всеобщее обученіе въ Тобольской губерніи безъ большихъ затрудненій и безъ чрезмѣрнаго обремененія средствъ государственнаго казначейства можетъ быть введено постепенно въ теченіе 30-ти лѣтъ. Подробный разсчетъ всѣхъ потребныхъ для сего суммъ для каждаго года въ отдѣльности ясно показываетъ, что введеніе всеобщаго обученія—дѣло совсѣмъ не такъ трудное, какъ оно можетъ показаться съ перваго раза.

* * *

ПО ПОВОДУ УЧРЕЖДЕНІЯ УЧИЛИЩНЫХЪ СОВѢТОВЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

(Въ Тобольской и Томской губерніяхъ).

Вопросъ о введеніи единства между органами губернской администраціи и учебнаго вѣдомства въ дѣлѣ завѣдыванія начальными училищами министерства внутреннихъ дѣлъ западной Сибири (Томской и Тобольской губерній) требовалъ все время настоятельно своего разрѣшенія, такъ какъ завѣдываніе это, кромѣ общихъ своихъ неудобствъ и трудностей, не имѣло и точныхъ, опредѣленно формулированныхъ правилъ и указаній, сложилось временемъ, традиціонно и крайне неблагопріятно отражалось на жизни начальной школы вообще.

Начальныя училища министерства внутреннихъ дѣлъ западной Сибири существовали все время, собственно говоря, на основаніи устава 1828 г., но не по точному смыслу этого устава, такъ какъ въ 1828 г. сельскихъ начальныхъ народныхъ училищъ по особой программѣ не было, а были „Училища первоначальныя или приходскія“, которыя открывались помѣщиками въ своихъ имѣніяхъ, а въ городахъ и селеніяхъ, принадлежащихъ казнѣ или сельскимъ хлѣбопашцамъ,— градскими и сельскими обществами. (Св. Зак. т. XI ст. 3429 изд. 1893 г.).

Эти приходскія училища по уставу 1828 г. открывались преимущественно въ городахъ и пользовались и пользуются извѣстными преимуществами по служебнымъ правамъ учащихъ, изложенными въ ст. 3458 Св. Зак. т. XI и ст. 411—421 устава о пенс. изд. 1896 г.

Сельскія же училища въ Сибири, хотя и возникали на основаніи того же устава, почему-то правами приходскихъ училищъ не пользовались и, за отсутствіемъ въ Сибири дворянства, помѣщиковъ и

затѣмъ земства, открывались правительственными учрежденіями и органами: управленіемъ государственныхъ имуществъ, горнымъ вѣдомствомъ и наконецъ губернскимъ управленіемъ,

При существованіи генералъ-губернаторства назначеніе, перемѣщеніе и увольненіе всѣхъ служащихъ, а въ томъ числѣ сельскихъ министерства внутреннихъ дѣлъ училищъ исходило отъ генералъ-губернатора, т.-е. вся административная и хозяйственная часть находилась въ вѣдѣніи мѣстной губернской власти.

По упраздненіи генералъ-губернаторства обязанности назначенія и увольненія служащихъ въ сельскихъ училищахъ перешли на губернатора и, благодаря отсутствію опредѣленнаго закона, оставались за нимъ до самаго послѣдняго времени.

Съ постепеннымъ увеличеніемъ числа сельскихъ министерства внутреннихъ дѣлъ училищъ потребовались и мѣры къ улучшенію училищной части въ селеніяхъ западной Сибири.

Высочайше утвержденнымъ 30-го апрѣля 1874 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта по Томской губерніи опредѣлены слѣдующія мѣры:

1. При Омской учительской семинаріи учреждено десять стипендій Томской губерніи.

2. На содержаніе учащихъ въ каждомъ сельскомъ училищѣ опредѣлено 260 р. въ годъ.

3. На учебныя пособія для каждаго училища 50 рублей ежегодно.

4. Наемъ, отводъ помѣщенія для училищъ и учителей, а также ремонтъ, отопленіе, освѣщеніе сихъ помѣщеній, а также наемъ училищной прислуги—возложены на мѣстныя общества.

Аналогичныя же мѣропріятія были сдѣланы въ отношеніи улучшенія училищной части въ селеніяхъ Тобольской губерніи и Алтайскаго горнаго округа въ силу Высочайше утвержденнаго 22-го апрѣля 1877 г. и 30-го октября 1878 г. мнѣнія государственнаго совѣта.

Всѣ эти мѣры, хотя онѣ назывались временными, оставались безъ измѣненія до сихъ поръ.

Что касается учебно-воспитательной части, то она подлежала надзору директора училищъ и штатныхъ смотрителей на основаніи того же устава 1828 г. Уставомъ же, какъ сказано выше, разумѣлись „училища первоначальныя или приходскія“, единицами открывавшіяся преимущественно въ городахъ и посадахъ. Надзоръ за ними перво-

начально дѣйствительно былъ возможенъ со стороны штатныхъ смотрителей и директора.

Впослѣдствіи же, съ преобразованіемъ гимназій, отвѣтственными начальниками которыхъ были директора, и уѣздныхъ училищъ, начальниками коихъ были штатные смотрители, и съ усиленнымъ открытіемъ сельскихъ училищъ, иногда въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ захолустьяхъ, штатные смотрители и директора не могли фактически вести правильное наблюденіе за учебно-воспитательною частью сельскихъ начальныхъ училищъ и по неволѣ ограничивались надзоромъ преимущественно за непосредственно подчиненными и ближе стоящими къ нимъ учебными заведеніями, гимназіями, уѣздными училищами и, частью, приходскими городскими училищами. Завѣдываніе же сельскими начальными училищами министерства внутреннихъ дѣлъ отошло почти всецѣло въ руки губернской администраціи. Роль органовъ учебнаго вѣдомства снизошла до простого и рѣдкаго посѣщенія сихъ училищъ и представленія краткихъ отчетовъ о ревизіи училищъ.

При такомъ положеніи дѣла въ 1900 г. были введены дирекціи и инспектора народныхъ училищъ, при чемъ однако не было введено въ западной Сибири Положеніе о начальныхъ училищахъ 1874 г.; въ результатѣ оказался пробѣлъ именно въ томъ, что учрежденіе, составляющее одно изъ звеньевъ учебнаго дѣла по означенному положенію, было приставлено такъ сказать къ организаціи, ничего общаго съ означенной организаціей по уставу 1828 г. не имѣющей. По положенію 1874 г. директоръ и инспектора народныхъ училищъ суть члены училищныхъ совѣтовъ, и положеніемъ ихъ въ сихъ учрежденіяхъ опредѣляется ихъ роль и значеніе. Но именно училищныхъ совѣтовъ не было учреждено въ западной Сибири; такимъ образомъ вновь учрежденнымъ органамъ учебнаго вѣдомства пришлось избрать себѣ тотъ или иной путь: или стать въ положеніе прежнихъ директоровъ училищъ и штатныхъ смотрителей, или проложить себѣ новый путь, болѣе соотвѣтствующій положенію и задачамъ дирекцій и инспекторовъ народныхъ училищъ. Но стать въ прежнее положеніе значило отказаться отъ значительной доли вліянія на дѣло начальнаго обученія и осудить себя на пассивную роль наблюдателей; прокладывать же новые пути своей дѣятельности было не легко, такъ какъ существующая въ западной Сибири организація дѣла начальнаго обученія сложилась годами, окрѣпла и стала дѣломъ привычнымъ.

Какъ бы то ни было, но на первыхъ же порахъ съ учрежденіемъ дирекцій и инспекторовъ возникла масса вопросовъ и недоразумѣній,

которые необходимо было такъ или иначе устранить. Сразу же былъ поднятъ вопросъ о введеніи училищныхъ совѣтовъ въ Томской и Тобольской губерніяхъ, о примѣненіи положенія 25-го мая 1874 г. и инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ 1871 г. и проч. Объ этомъ трактовалось на съѣздахъ инспекторовъ народныхъ училищъ въ той и другой губерніи, возбуждались о томъ же ходатайства со стороны начальниковъ губерній, общихъ губернскихъ присутствій и, наконецъ, со стороны учебнаго округа. Между тѣмъ необходимость заставляла прибѣгать къ компромиссамъ.

Компромиссы создались сами собой и отчасти потому, что новые органы министерства народнаго просвѣщенія были положительно завалены серіозными и отвѣтственными дѣлами по усиленному открытію новыхъ приходскихъ училищъ и особенно одноклассныхъ и двухклассныхъ сельскихъ министерства народнаго просвѣщенія училищъ, типа школъ, дотолѣ неизвѣстнаго въ Сибири. Проведеніе въ жизнь этого послѣдняго типа школъ, переписка и отчетность по нимъ, отнимали все время у дирекцій и инспекторовъ народныхъ училищъ; училища же министерства внутреннихъ дѣлъ само собою должны были по необходимости отойти на второй планъ и остаться большею частью при прежнихъ порядкахъ.

Въ общемъ создалось слѣдующее положеніе: въ Тобольской губерніи важнѣйшія функціи власти и дѣятельности директора и инспекторовъ народныхъ училищъ по сельскимъ училищамъ министерства внутреннихъ дѣлъ были сохранены—выборъ кандидатовъ на учительскія мѣста, перемѣщеніе и назначеніе учащихъ, выборъ учебниковъ и руководствъ, руководство учебною частью, отчетность и проч.—все шло чрезъ инспекторовъ народныхъ училищъ, хотя большая часть вопросовъ окончательно утверждалась и разрѣшалась Тобольскимъ губернаторомъ.

Въ Томской же губерніи старый порядокъ вещей сохранился почти всецѣло—директоръ народныхъ училищъ и инспектора оставались на положеніи директора гимназій и штатныхъ смотрителей, а потому директоръ народныхъ училищъ и инспектора, при малочисленности послѣднихъ (всего двое), поставлены были въ болѣе трудныя условія, чѣмъ въ Тобольской губерніи, и лишены были всякой возможности осуществлять сколько нибудь правильно свои прямыя задачи.

Самый типъ сибирской школы министерства внутреннихъ дѣлъ оставался по прежнему не урегулированнымъ, неопредѣленнымъ по программамъ, по методамъ преподаванія, по учебному періоду, по

внутренней организаціи, по зависимости отъ мѣстныхъ сельскихъ властей и сельскихъ обществъ и проч.—словомъ типъ сибирской школы мало имѣлъ общаго съ земской начальной школой Европейской Россіи.

Интересно, что типъ этотъ, сложившійся временемъ, неблагопріятно вліяетъ и на вновь открытыя министерства народнаго просвѣщенія училища, хотя эти послѣднія имѣютъ свою опредѣленную инструкцію и составляютъ предметъ неустанныхъ и сложныхъ заботъ дирекціи и инспекторовъ.

Нельзя сказать, что съ учрежденіемъ училищныхъ совѣтовъ всѣ недостатки въ жизни школы министерства внутреннихъ дѣлъ будутъ сразу устранены.

Нѣтъ, этого можно будетъ достигнуть постепенно. Важно то, что съ учрежденіемъ училищныхъ совѣтовъ вводятся дирекціи и инспекціи народныхъ училищъ во всемъ объемѣ и болѣе правильно и законно обосновываются функціи этихъ органовъ на основаніи инструкціи инспекторамъ 1871 г. и положенія о начальныхъ училищахъ 1874 г.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и сельская начальная школа министерства внутреннихъ дѣлъ окончательно приравнивается къ земской начальной школѣ Европейской Россіи; въ жизни и дѣятельности школы министерства внутреннихъ дѣлъ будутъ уже принимать участіе мѣстные представители разныхъ вѣдомствъ, въ качествѣ членовъ училищныхъ совѣтовъ; они будутъ слѣдовательно непосредственно знакомиться со школою, ея жизнью и обстановкою и зависящими мѣрами облегчать трудную и отвѣтственную работу школы.

* * *

ОБЗОРЪ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ ЗА 1903 ГОДЪ.

„Русскій Начальный Учитель“.

Въ началѣ первой книги за 1903 годъ отъ редакціи сказано: „за все время мы высказывались въ одномъ и томъ же направленіи, заботясь объ успѣхѣ школъ и умноженіи ихъ, объ улучшеніи положенія и успѣхахъ учащихъ. Наша литературная работа всегда была тѣсно связана съ практическою дѣятельностью“. Это вполнѣ вѣрно характеризуетъ общій тонъ журнала.

Журналъ рѣзко дѣлится на двѣ части: къ первой — относятся статьи разнаго содержанія и рецензіи; ко второй части—статьи и сообщенія учащихъ въ начальныхъ училищахъ. Въ приложеніяхъ помѣщены два сочиненія, изъ которыхъ одно можетъ быть отнесено къ первой части, а другое ко второй.

Въ первой части журнала говорится, главнымъ образомъ, объ улучшеніи самаго дѣла народнаго образованія. Сюда прежде всего относится статья редактора: „Разработка вопроса о введеніи всеобщаго обученія въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ“ (№ 8—9). Вопросъ очень интересуетъ всѣхъ. „Послѣ бѣдствій неурожая 1891 г., говоритъ авторъ, особенно сильно стало развиваться сознаніе необходимости образованія для всей народной массы, сознаніе, что развитіе и достиженіе возможности пріобрѣтать знанія, при возростаніи соперничества всѣхъ странъ и усложненія жизни, становятся безусловно необходимыми, что неразвитость массы населенія угрожаетъ даже благополучію государствъ“ (315) и „сдѣлать обученіе доступнымъ для всѣхъ—вотъ что необходимо“... (319). Статья основана на официальныхъ данныхъ, изъ которыхъ видно, что потребуется открытіе, въ деревняхъ и горо-

дахъ округа, болѣе 3000 школъ съ увеличеніемъ расхода до 2½ мил. рублей. Для сравненія съ существующимъ положеніемъ дѣла В. А. Латышевъ дастъ: „Статистическія свѣдѣнія о числѣ школъ и учащихся въ дирекціяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа“ (427—432), полученныя изъ дирекцій и относящихся къ 1-му январю 1903 г.

Другой очень существенный вопросъ разсматривается въ статьѣ: „Недостаточность лѣтъ обученія въ начальной народной школѣ“. (Записка учащихъ въ С.-Петербургскихъ городскихъ начальныхъ училищахъ; № 2). Для упроченія полученныхъ знаній и большаго развитія,—цѣли обученія,—необходимо удлиненіе курса ученія еще на одинъ годъ; такое же желаніе высказываютъ и начальные учителя на многихъ педагогическихъ съѣздахъ и курсахъ. „Пробывши лишній годъ въ школѣ“, говорится въ статьѣ,—эти лица (учащіеся) и болѣе бы дисциплинировались, болѣе утвердились бы въ нравственныхъ началахъ, а по выходѣ изъ школы скорѣе бы пристроились къ работѣ“ (69). Для болѣе скораго исполненія удлиненія предлагается не совсѣмъ желательный компромиссъ, чтобы каждая школа дѣлала пріемъ черезъ годъ и имѣла учениковъ 1-го и 3-го года обученія, а сосѣдняя 2-го и 4-го года, „но при переполненности школъ настоитъ нужда прибавить еще учащихъ, и тогда дѣло народнаго образованія станетъ на болѣе твердую почву“.

Заслуживаетъ вниманіе статья „Задачи начальной школы“. Давно уже идетъ осужденіе школы, что вся ея дѣятельность далека отъ жизни и не вводитъ постепенно въ нее, а напротивъ, удаляетъ все болѣе и болѣе; все преподаваніе отвлеченно. Давно этотъ недостатокъ былъ сознаваемъ выдающимися писателями-педагогами, старавшимися уменьшить его введеніемъ *наглядности* и развитіемъ самодѣятельности учащихся. Но наглядность, превратившаяся только въ наблюденіе или созерцаніе, и самодѣятельность, ограничивающаяся простыми умственными упражненіями и выводами изъ данныхъ словесныхъ, частныхъ и общихъ понятій, не могли внести въ школьное преподаваніе много жизненности, ограничиваясь словами и словами. Даже при обученіи грамотѣ такіе способы иногда имѣли результатомъ рецидивъ неграмотности—„зла, быть можетъ, болѣе страшнаго, чѣмъ сама неграмотность“.

Въ послѣднее время болѣе выясняется новый методъ обученія, гораздо ближе стоящій и подготовляющій къ жизни, при которомъ обученіе, можно сказать, становится частью жизни;—методъ практическій, основанный на принципѣ наглядности и душевной и тѣлесной

самодѣятельности учащихся. Въ этотъ методъ входятъ: игры, наблюденія, экскурсіи, образованіе коллекцій и музеевъ, ручной трудъ разныхъ видовъ, принимаемый какъ общеобразовательный предметъ, практическое обученіе искусствамъ и др.;—вообще практически-самодѣятельный экспериментальный методъ—въ широкомъ смыслѣ этого слова... Этотъ же методъ можетъ имѣть громадное благотворное вліяніе на развитіе нравственнаго чувства и чувства общественности".

Разъясненію и указанію способовъ примѣненія практическаго экспериментальнаго метода при обученіи въ начальныхъ школахъ посвящено много статей въ журналѣ.

Въ статьѣ: „По поводу брошюры С. Г. Акбройта" (Пропедевтика всѣхъ выдающихся ремеслъ, какъ необходимый элементъ въ начальной школѣ. 2-е изд. цѣна 15 коп. Одесса. 1902 г.) Н. Рудольфъ, разсматривая книжку, подробно говоритъ „о цѣляхъ и средствахъ развитія ручныхъ занятій въ общеобразовательныхъ школахъ" и дѣлаетъ выводъ въ одиннадцати положеніяхъ. Изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующія: а) народная школа должна давать общее развитіе умственныхъ и физическихъ силъ ребенка, основанное на прочномъ фундаментѣ общей и графической грамотности въ связи съ ручными занятіями; б) конечная цѣль этихъ послѣднихъ занятій, связующихъ классное преподаваніе съ жизнью, должна состоять лишь въ развитіи глаза, рукъ и вкуса, а не въ достиженіи навыковъ, не въ спеціализаціи учениковъ и не въ исполненіи ряда пріемовъ обработки безъ внутренней связи; в) работы учениковъ, выбираемыя для этого рода занятій, должны соотвѣтствовать: возрасту учащихся, ихъ силамъ, индивидуальнымъ способностямъ и представлять изъ себя предметы годные къ употребленію; г) родъ занятій долженъ соотвѣтствовать условіямъ мѣстной жизни и являться типичнымъ школьнымъ трудомъ, отвѣчающимъ всѣмъ требованіямъ педагогическихъ и воспитательныхъ началъ и быть въ связи съ остальными предметами преподаванія въ школѣ (165—166).

Другая статья того же автора „Спеціальные курсы 1902 г. для учителей и учительницъ народныхъ училищъ Одесскаго учебнаго округа" составляетъ извлеченіе изъ отчетовъ о курсахъ ручного труда по обработкѣ дерева и металла и производству плетеныхъ издѣлій, бывшихъ въ городахъ Тираснолѣ, Аккерманѣ, Херсонѣ, Измаилѣ и Екатеринославлѣ.

Статья „Сельское хозяйство и народная школа" И. Езерскаго (№№ 11 и 12) разъясняетъ возможность ввести въ народную школу

благотворное жизненное вліяніе на сельское хозяйство — не путемъ спеціализаціи школы или введенія въ нее ремесленности, а путемъ сближенія школьнаго преподаванія и жизни на основаніи „строго и послѣдовательно проведенной наглядности", которой „недостаетъ нашей школѣ" (470).

Для пополненія общаго образованія и для самообразованія учащихъ въ журналѣ помѣщено нѣсколько статей, каковы: „Бесѣды по химіи проф. Яковкина—на курсахъ народныхъ учителей и учительницъ въ гор. Павловскѣ", П. К. Кульмана, „Чтенія на курсахъ въ гор. Павловскѣ по русской литературѣ".

Свѣдѣнія о состояніи начальнаго обученія даютъ статьи: „Состояніе народнаго образованія въ Тимскомъ уѣздѣ Курской губ." А. Синдѣева; „О школахъ Сольвычегодскаго уѣзда Вологодской губ."; статьи А. Волковой, подъ общимъ заглавіемъ: „Сообщеніе о заграничныхъ школахъ".

Выдающеюся особенностью, и особенностью благотворною, является вторая часть этого журнала: „Статьи и сообщенія учащихъ въ начальныхъ училищахъ". Вообще эти сообщенія и запросы, составляя „голосъ жизни", представляютъ не единичные запросы личнаго „я", а конкретныя явленія дѣла начальнаго обученія, отмѣчая и ростъ личности педагогическаго персонала.

Во всѣхъ вообще статьяхъ этого рода проявляется отголосокъ практической жизни изъ сферы, очень рѣдко имѣющей возможность выразить свои мнѣнія самостоятельно въ литературѣ; а по выраженію редакціи: „въ одинаковой степени нуженъ и для руководителей и для руководимыхъ обмѣнъ идей и мнѣній, чтобы дѣло интересовало его участниковъ, всегда было живо и развивалось. Необходимо постоянное наблюденіе за ходомъ жизни, чтобы эта жизнь могла развиваться правильно".

„Воспитаніе и Обученіе".

Воспитаніе вообще и должно имѣть въ виду при начальномъ обученіи, и здѣсь оно необходимо и труднѣе, чѣмъ въ послѣдующіе періоды; кромѣ того, примыкая непосредственно къ семьѣ, начальное обученіе должно исходить и основываться именно на домашнемъ воспитаніи, и учитель долженъ знать среду и положеніе въ семьѣ ввѣренныхъ ему дѣтей, чтобы болѣе благотворно дѣйствовать на учащихся, принимая во вниманіе ихъ индивидуальность — въ ея психической и физіологической организаціи.

Журналъ и представляетъ много матеріала въ этомъ отношеніи; кромѣ того даетъ руководящія статьи, имѣющія въ виду непосредственно учителя и воспитателя.

Изъ такихъ статей отмѣтимъ: „Идеальная школа на началахъ новой науки, такъ называемой „пайдологіи", Л. Е. Оболенскаго.

„Педологія", „пайдологія" или „пейдологія" по различнымъ произношеніямъ—также педагогика. По опредѣленію г. Оболенскаго, „разница ея отъ прежней педагогики состоитъ въ томъ, что изобрѣтатели новой науки рѣшили обрабатывать всѣ педагогическіе вопросы исключительно точными методами, употребляемыми въ такъ называемыхъ положительныхъ наукахъ. При этомъ особенное вниманіе обращено на изученіе ребенка тѣми-же научными методами. На первомъ планѣ стоитъ при этомъ методъ психо-физіологическій, но не менѣе важную роль играетъ и статистическій методъ"... „Всѣ факты изъ дѣтской жизни тщательно замѣчаются, точно записываются... въ результатѣ получается драгоцѣнный матеріалъ для опытнаго изученія природы ребенка точнымъ, статистическимъ методомъ".

Далѣе излагается содержаніе статьи Стэнли Голла о такой школѣ, и въ заключеніе приводятся выводы: чтобы „воспитаніе и образованіе не насиловали, не тянули искусственно впередъ способности ребенка, не стремились опередить тотъ періодъ развитія, въ какомъ находится ребенокъ"...; а потому „необходимо приложить гораздо больше вниманія и труда, чѣмъ мы это дѣлаемъ теперь, къ изученію натуры ребенка, какъ со стороны тѣлесной, такъ и духовной"; „важной задачей, какую ставитъ новая наука, является изученіе индивидуальности каждаго ребенка".

Эти положенія давно уже поставлены въ основаніе педагогики и прежними методами; методъ педологіи только строго научнымъ путемъ подтверждаетъ ихъ. Въ разсматриваемой статьѣ важно указаніе на способы ихъ примѣненія въ воспитаніи и обученіи дѣтей, при чемъ возрастъ учащихся дѣлится на 4 періода, указываются особенности каждаго періода, физическія и психическія, и вытекающія изъ этого мѣры къ лучшему воздѣйствію на питомцевъ. „Необходимо, говорится въ статьѣ, чтобы каждый періодъ исчерпалъ себя насколько возможно больше и развилъ до наивозможной полноты тѣ силы и способности, которыя ему свойственны".

Статья „О вліяніи взрослыхъ на дѣтей" Н. О. Фесенко излагаетъ кратко рефератъ академика Ив. Янжула (Статистическая оцѣнка добрыхъ и дурныхъ учительскихъ вліяній въ стѣнахъ школы. Харь-

ковъ. 1902 г.), при чемъ послѣднему служило основаніемъ изслѣдованіе профессора университета въ Массачузетсѣ С. Белля, произведенное путемъ опроса, тоже методомъ статистическимъ. Это изслѣдованіе опредѣляетъ положенія, что „*для дѣвочекъ* сильный подъемъ чувствительности къ *благимъ вліяніямъ* начинается съ *11-ти лѣтъ* и быстро достигаетъ въ *14 лѣтъ* максимума, т. е. того момента, когда каждая изъ дѣвочекъ является наиболѣе воспріимчивой къ добру. *Для мальчиковъ* тотъ же періодъ начинается годомъ позднѣе—*12 лѣтъ* и достигаетъ своего *максимума* въ *16 лѣтъ*". „Подъемъ чувствительности къ воспріятію дурныхъ вліяній, какъ для дѣвочекъ, такъ и для мальчиковъ начинается съ *пятилѣтняго возраста*, возрастаетъ все болѣе и болѣе и достигаетъ своего максимума *въ двѣнадцать лѣтъ*, послѣ чего быстро падаетъ".

Вліянія, на основаніи полученныхъ опытовъ, объединены въ 4 группы: „1) моральное или нравственное вліяніе; 2) интеллектуальное или умственное; 3) развитіе въ характерахъ дѣтей мягкости, нѣжности, интереса, симпатій и тому под.; 4) развитіе самопомощи".

Далѣе слѣдуетъ указаніе свойствъ и особенностей въ отношеніяхъ учителя и учительницы къ дѣтямъ, отъ которыхъ зависятъ добрыя вліянія, при чемъ упоминаются кратко и дурныя вліянія, — по даннымъ рубрикамъ. Изъ статьи ясно видно, какое громадное вліяніе имѣютъ „учителя и воспитатели на духовное развитіе своихъ питомцевъ и на формированіе ихъ характеровъ"; а чтобы достойно исполнить свою задачу учитель „не только долженъ любить дѣтей, быть ихъ другомъ, радоваться и страдать ихъ счастьемъ и ихъ горемъ и не только долженъ возбуждать въ нихъ чувства любви къ труду, къ порядку, правдѣ, но быть прежде всего образцомъ, достойнымъ подражанія".

Методы педологіи расчленяютъ психическую жизнь человѣка, изучая каждое свойство отдѣльно; художественное изображеніе беретъ душу въ цѣломъ и представляетъ синтезъ: чѣмъ талантливѣе художникъ, тѣмъ большее впечатлѣніе производитъ общая картина, имъ изображенная, а слѣдовательно и болѣе богата послѣдствіями. На такое художественное изображеніе указываетъ статья: „Дѣти и воспитаніе по разсказамъ Короленко" Ю. Марковой.

Статья „Прогулки и экскурсіи маленькихъ школьниковъ" И. Литвинскаго въ теоретической части говоритъ вообще объ устройствѣ экскурсій, а въ практической объ ихъ устройствѣ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. Интересъ статьи усиливается тѣмъ еще, что

она послужила докладомъ въ засѣданіи „Родительскаго кружка“ и была предметомъ обсужденія, при чемъ высказаны очень цѣнныя замѣчанія вообще о прогулкахъ и экскурсіяхъ. Эти замѣчанія приведены въ статьѣ: „Отчетъ о засѣданіи Родительскаго кружка“. Отчеты о такихъ засѣданіяхъ помѣщены и въ другихъ номерахъ, по другимъ уже докладамъ (№№ 4, 5, 6 и 9), изъ которыхъ иные печатаются въ журналѣ.

Нѣсколько статей посвящено дефектамъ нашего семейнаго воспитанія, при чемъ имѣлись въ виду семьи болѣе состоятельныя, а отъ того и недостатки въ воспитаніи обусловливаются не нуждою, а или недоразумѣніями или прямо невниманіемъ и непониманіемъ родителями душевныхъ движеній своихъ дѣтей. Къ такимъ статьямъ относятся: „Курортныя дѣти“, „Воспоминанія одинокой дѣвочки“—В. Поворинской, „Изъ ошибокъ воспитанія“ А. В., „Рознь между родителями“ М. Безобразовой и др. Всѣ статьи написаны очень популярно и могутъ разсчитывать на прочтеніе и пониманіе широкою публикой.

„Начальное Обученіе“.

Въ своемъ официальномъ отдѣлѣ этотъ журналъ, издающійся при Казанскомъ учительскомъ институтѣ въ видѣ приложенія къ циркулярамъ по Казанскому учебному округу, приводитъ Высочайшія повелѣнія, распоряженія министерства народнаго просвѣщенія и другія предписанія начальства, касающіяся непосредственно дѣятельности народнаго учителя въ области школьнаго и внѣшкольнаго образованія, при чемъ бо́льшее мѣсто отводится опредѣленіямъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія относительно допущенія книгъ. Приводятся вновь издаваемыя распоряженія, напр.: „Объ учрежденіи при учебныхъ заведеніяхъ уроковъ для взрослыхъ, съ цѣлью распространенія общаго и профессіональнаго образованія“ (№ 2). „Правила о народныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ при учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія“ (№ 3). „О постановкѣ преподаванія ручнаго труда и ремеслъ въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ“ (№ 4) и другія. Много говорится о пенсіонной кассѣ народныхъ учителей и учительницъ. Всѣ такія свѣдѣнія необходимы для сельскаго учителя какъ главнаго и часто одинокаго въ мѣстности дѣятеля по школьному и внѣшкольному образованію; тѣмъ болѣе, что ближайшее начальство при всякомъ ходатайствѣ или представленіи (хотя бы по поводу выписки

книгъ) требуетъ точнаго указанія на разрѣшенія въ офиціальныхъ изданіяхъ. „Начальное Обученіе" въ своемъ первомъ отдѣлѣ, давая много офиціальныхъ свѣдѣній, представляетъ весьма полезную руководящую нить для сельскаго учителя и вмѣстѣ съ тѣмъ основаніе, на которое можно опереться при дѣловыхъ ходатайствахъ.

Въ отдѣлѣ неофиціальномъ помѣщаются общія педагогическія статьи, преимущественно методическаго характера, и въ 1903 году большинство указаній касается преподаванія русскаго языка: „Изъ бесѣдъ по методикѣ выразительнаго чтенія" Н. А. А—ва (№№ 1, 2 и 3). „Урокъ письменнаго изложенія по картинѣ стараго учителя" (№ 2). „Родной языкъ, какъ основа школьнаго обученія" А. З. Рождествина (№№ 3, 4). „Замѣтки о школьномъ и внѣшкольномъ чтеніи" Н. И. К—ва (№№ 3, 4). „О чтеніи поэтическихъ произведеній въ начальныхъ народныхъ училищахъ" Г. А. Соколова (№№ 6, 7, 8). „Стилистическія письменныя упражненія въ начальной школѣ" Д. М. Попова (№ 10), съ указаніемъ лучшихъ пособій по предмету и съ подробной программой „стилистическихъ упражненій для одноклассныхъ и двухклассныхъ начальныхъ училищъ".—Статьи написаны очень жизненно и могутъ служить цѣннымъ руководствомъ при преподаваніи русскаго языка, какъ главнаго предмета.

Методическія указанія касаются и другихъ предметовъ обученія въ начальной школѣ: „Уроки закона Божія" свящ. В. П. Сокольскаго (№№ 2, 3, 4, 5, 7 и 9). „Проектъ распредѣленія занятій по закону Божію и задачи преподаванія ветхозавѣтной исторіи" свящ. В. П. Сокольскаго (№ 6). „О способахъ рѣшенія ариѳметическихъ задачъ" Г. М. Вишневскаго (№№ 1, 2). „Ручной трудъ, какъ предметъ начальнаго школьнаго обученія" А. И. Анастасьева (№ 7).

Статей по общей педагогикѣ немного, и онѣ имѣютъ въ виду главнымъ образомъ начальнаго учителя. Таковы статьи: „Симпатическія чувства" В. Гр. Зимницкаго (№№ 5, 6), гдѣ авторъ разъясняетъ сначала сущность ихъ и потомъ указываетъ способы ихъ развитія, при чемъ находитъ, что „наилучшимъ средствомъ въ дѣтяхъ *симпатическихъ чувствъ* служитъ то, чтобы сами воспитатели въ надлежащей мѣрѣ проникнуты были тѣми чувствами, которыя желательно имъ возбудить въ ихъ питомцахъ"; „Природосообразность въ дѣлѣ воспитанія и обученія" А. П. Покровскаго (№№ 7, 8).

Какъ голосъ жизни и практики очень цѣнны статьи, помѣщаемыя подъ общимъ заглавіемъ: „Изъ сообщеній начальныхъ учителей". Таковы: „Школьныя библіотеки и ихъ организація" М. Агѣева (№ 2).

„Школьныя библіотеки—лучшій помощникъ учителя въ заботахъ его о преуспѣяніи школы“. „Законъ Божій въ инородческой школѣ“ П. Яковлева и „Нѣсколько словъ по поводу урока по ариѳметикѣ Лазарева“ Гнѣздалло (№ 5). „Волшебный фонарь въ народной школѣ“ М. Агѣева (№ 6). „Почему ученики неаккуратно посѣщаютъ школу“ М. П. Агѣева (№ 9), гдѣ авторъ заканчиваетъ гуманною мыслью: „И во многихъ другихъ случаяхъ школьной жизни мы, учителя, часто негодуемъ только потому, что недостаточно хорошо бываемъ освѣдомлены съ сопровождающими данное явленіе обстоятельствами и потому не знаемъ истинной причины взволновавшаго насъ случая. И только возможно лучшее освѣщеніе отрицательныхъ явленій школьной жизни, которыя служатъ препятствіемъ къ болѣе успѣшному теченію дѣла, гораздо правильнѣе поставить учителя по отношенію ко всѣмъ такимъ явленіямъ и тѣмъ остановитъ его во многихъ случаяхъ отъ безплодныхъ затратъ труда и времени. Помогутъ въ данномъ случаѣ учителю съѣзды, курсы и обмѣнъ мнѣній при посредничествѣ печати“.

Библіографія — не обширна: даны отзывы всего о 14 книгахъ и одномъ наглядномъ пособіи, при чемъ обращено большее вниманіе на провинціальныя изданія. Всѣми признается значительный ростъ провинціи въ умственномъ отношеніи; появляются провинціальныя изданія, имѣющія значеніе; но многія изъ нихъ, не представляющія выдающагося интереса или новой яркой мысли, не обращаютъ на себя вниманія столичной общей печати и по своему исполненію и распространенію, въ силу тѣхъ или другихъ условій, имѣютъ значеніе въ провинціи, и потому о такихъ изданіяхъ, особенно касающихся народнаго образованія, надо сказать вѣское сужденіе, что и дѣлаетъ журналъ „Начальное Обученіе“; всѣ отзывы его носятъ печать полной компетентности въ дѣлѣ. Вообще въ неофиціальной части журнала среди общихъ статей, относящихся къ народному образованію, плодотворно проявляются мѣстные элементы, къ жизни и голосу которыхъ должны чутко прислушиваться народные учителя, чтобы избѣжать всенивеллирующаго шаблона, такъ вредно отзывающагося въ практикѣ начальной школы.

„Народное Образованіе“.

Этотъ ежемѣсячный журналъ издается училищнымъ совѣтомъ при святѣйшемъ синодѣ. Офиціальный отдѣлъ помѣщается въ отдѣльныхъ книжкахъ приложеній.

Въ первой статьѣ журнала за 1903 г. „Знаменательное двадцатилѣтіе“ В. Ш. (№ 1) говорится кратко о развитіи дѣятельности церковно-приходской школы. Она имѣетъ цѣлью „*воспитать русскаго православнаго человѣка*“. „Начавъ свою школьную дѣятельность въ 1884—85 учебномъ году съ капиталомъ въ 55.500 руб. на всѣ школы россійской имперіи, духовное вѣдомство въ 1901—02 учебномъ году, черезъ 18 лѣтъ, расходовало на свои школы уже 18 милліоновъ рублей“; „за 18 лѣтъ дѣятельности православнаго приходскаго духовенства открыто до 25 тысячъ церковно-приходскихъ школъ и болѣе 20 тысячъ школъ грамоты“. Далѣе идетъ рѣчь о внутренней и внѣшней организаціи школъ (программы, учебники и т. п.). „Съ полнымъ упованіемъ на мирную и плодотворную работу совмѣстно съ министерствомъ просвѣщенія и земствомъ встрѣчаетъ православное духовенство наступающій 1903 г.—Только въ тѣсномъ взаимномъ союзѣ духовенство, министерство и земство могутъ дѣйствительно *создать* русскую народную школу, основаніе которой заложено трудами такихъ дѣятелей-педагоговъ, какъ Ушинскій, Ильминскій и Рачинскій“. Относительно послѣдняго пожеланія въ томъ же номерѣ, въ отдѣлѣ: „Извѣстія, сообщенія и замѣтки“, приведена „рѣчь г. министра народнаго просвѣщенія о предовращеніи неумѣстныхъ взаимныхъ пререканій между школами министерскими и духовнаго вѣдомства“, сказанная въ г. Житомірѣ въ ноябрѣ 1902 года. „Надлежитъ избѣгать“, заканчивается рѣчь, „даже всякаго подобія розни въ такомъ дѣлѣ, которое должно объединить усилія всѣхъ истинныхъ ревнителей народнаго просвѣщенія“.

По участію въ журналѣ объединяются многія выдающіяся педагогическія силы: К. П. Побѣдоносцевъ, В. М. Шемякинъ, К. В. Ельницкій, С. И. Шохоръ-Троцкій, д-ръ А. С. Виреніусъ, Е. П. Ковалевскій, П. Н. Лушновъ, а также „многіе мѣстные школьные дѣятели“. Обширное участіе „мѣстныхъ“ дѣятелей составляетъ одну изъ плодотворныхъ особенностей журнала; выражается оно и въ особыхъ статьяхъ, часто имѣющихъ полубеллетристическое изложеніе, что придаетъ имъ много живости. Къ такимъ статьямъ относятся, напримѣръ: „Въ захолустной школѣ среди раскольниковъ“ (Очерки и впечатлѣнія учителя П. Попова, № 1). „Почему мы устроили школьное общество трезвости“ Т. Мечева (№ 1). „Каникулы воспитанниковъ учительской школы“ свящ. В. Ильинскаго (№ 2). „Въ тюремной школѣ“—изъ записокъ учителя Д. В—ка (№ 3). „Угасшая свѣча“—изъ воспоминаній сельскаго учителя Е. К. (№ 4). „Изъ школьныхъ

воспоминаній“ Т. (№ 5—6). „Свѣтлыя минуты“ учительницы Е. Н—ой (№ 5—6). „Среди дѣтей“—изъ записокъ учителя Николая Реморова (№ 7—8). „На Божьемъ пути“ изъ дневника сельскаго учителя С. Ковзубовскаго (№ 9) и другія. Касаясь дѣятельности церковно-приходской школы, почти всѣ статьи по своему содержанію стремятся внести ободреніе и воодушевленіе въ душу учителя.

По общему характеру съ этими статьями близко соприкасаются статьи отдѣла: „Извѣстія, сообщенія и замѣтки о школахъ и о дѣятельности мѣстныхъ органовъ церковно-школьнаго образованія“, составляющаго хронику. Отдѣлъ этотъ, заключая сообщенія многихъ мѣстныхъ дѣятелей о выдающихся событіяхъ и фактахъ изъ жизни церковно-приходской школы, очень обширенъ, охватывая районъ всей Россіи: въ немъ помѣщены сообщенія изъ 36 епархій. Большая часть изъ нихъ, описывая особенности въ постановкѣ дѣла въ лучшихъ своихъ проявленіяхъ, даютъ хорошіе образцы и примѣры для его развитія; таковы извѣстія объ устройствѣ школьныхъ братствъ, открытіи обществъ взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ церковныхъ школахъ, школьныхъ музеевъ, устройствѣ школьныхъ елокъ, учительскихъ курсовъ и др. Появленіе въ печати такого рода сообщеній сильно дѣйствуетъ на мѣстное общество, изъ области котораго оно появилось, вызывая вниманіе и участіе; вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ указаніе и другимъ дѣятелямъ, что можетъ быть примѣнимо въ практикѣ для улучшенія дѣла.

Много статей дидактическаго и методическаго содержанія. „География, какъ учебный предметъ“ (Бесѣды въ учительской школѣ) Я. Руднева (№№ 1, 2, 7—8, 9). „Къ любителямъ природы“ Н. (№ 2). „Воспитательное значеніе церковно-славянскаго языка“ свящ. В. Бибикова (№ 4). „Чтеніе евангелія въ школѣ“ (№ 4). „Школьные уроки на лонѣ природы“ А. Карасева (№ 7—8). „Письменныя работы“ Н. Виноградова (№№ 9, 10, 12). „Психологія дѣтскаго чтенія“ д-ра Г. Трошина (№№ 9, 10, 11). „Значеніе музыки и пѣнія въ дѣлѣ воспитанія“ Н. Соловьева (№ 12) и др. Въ статьяхъ ярко проявляется взглядъ, поставляющій въ дѣлѣ обученія главнымъ пунктомъ воспитательное значеніе предмета, — особенно важное въ начальной школѣ,—и вниманіе къ личности учителя и его самостоятельности. Какъ примѣръ, приведемъ статью „Воспитательное значеніе церковно-славянскаго языка“ (№ 4). Авторъ, излагая разные пріемы преподаванія и „теченіе уроковъ церковно-славянскаго языка въ обычной классной обстановкѣ“, указываетъ на воспитательное значеніе его,

потомъ приводитъ нѣсколько пріемовъ веденія урока и говоритъ: „мы на основаніи своего учебнаго опыта только скажемъ, что учитель, прежде чѣмъ избрать для примѣненія тѣ или другіе пріемы нравственнаго воздѣйствія на дѣтей, долженъ заглянуть въ свою душу и предпочесть пріемы, ему симпатичные, т. е. сродные его душѣ,— пріемы для него естественные, искренніе, а не дѣланные“; „безъ способности къ воодушевленію не можетъ быть художника учителя, а можетъ быть только ремесленникъ учитель“. Далѣе упоминается и о „настроеніи“ учениковъ, которое тоже должно быть принято во вниманіе при обученіи. Въ подобныхъ случаяхъ часто погрѣшаютъ методики, а еще чаще наблюдающіе за преподаваніемъ, требуя буквальнаго слѣдованія своимъ указаніямъ излюбленныхъ частныхъ пріемовъ преподаванія какого-либо предмета, не принимая во вниманіе особенностей ни личности учителя, ни мѣстныхъ условій, ни развитія и знаній учащихся даннаго класса и ихъ „настроеній“ и др.; такъ что и хорошій пріемъ обезцвѣчивается, теряется воспитательное и образовательное значеніе урока и является просто „учеба“. Конечно, такое предоставленіе свободы выбора обязываетъ учителя къ болѣе обширному знакомству съ методами и пріемами обученія предмету, съ свойствами и особенностями учащихся, а главное къ сознательно-любовному отношенію къ дѣлу, чтобъ быть „художникомъ учителемъ, а не ремесленникомъ... „Ремесленникъ-учитель“, говорится далѣе въ той же статьѣ, „не затрогивая души, не затронетъ и воспитанія, развѣ умертвитъ въ ребенкѣ своимъ мертвящимъ вліяніемъ самую потребность въ совершенствованіи, его инстинктивное стремленіе быть прекраснымъ“.

Дидактическія статьи и указанія веденія дѣла, носящія болѣе частный характеръ, выдѣлены въ журналѣ въ особый отдѣлъ подъ общимъ заглавіемъ: „Изъ школьной практики“, гдѣ помѣщены и указанія по училищеведенію, необходимыя для всякаго начинающаго учителя.

Въ числѣ общихъ статей даются свѣдѣнія о выдающихся дѣятеляхъ на педагогическомъ поприщѣ и обрисовывается ихъ дѣятельность. „Памяти высокопреосвященнѣйшаго Өеогноста митрополита Кіевскаго“ В. Георгіевскаго (№ 3); „Николай Ивановичъ Пироговъ“ К. Ельницкаго (№ 7—8); „Изъ воспоминаній о школѣ Сергѣя Александровича Рачинскаго“ Г. М. (№ 7—8); „Николай Александровичъ Корфъ и его педагогическая дѣятельность“ К. Ельницкаго (№ 11).

Нѣсколько статей посвящено описанію народной школы въ иностранныхъ государствахъ, при чемъ отмѣчаются выдающіяся отличія

отъ русской школы. „Народная школа южныхъ славянъ“ И. Ковалевской-Стрекаловой (№ 1); „Постановка нравственнаго воспитанія во французской народной школѣ“ И. Ковалевской-Стрекаловой (№ 10). Гораздо болѣе сообщеній объ иностранныхъ школахъ помѣщено въ отдѣлѣ „Книжное и журнальное обозрѣніе“, подъ рубрикою „Изъ иностранной педагогической литературы“ И. Тичера. Здѣсь дается изложеніе статей, появившихся въ иностранныхъ журналахъ, имѣющихъ цѣлью указаніе практическихъ мѣръ для лучшаго веденія дѣла.

Особенностью же этого журнала служатъ „отвѣты“ на личные запросы. Ихъ немного,—всего 3; но такіе отвѣты могутъ благотворно дѣйствовать и поднять духъ начальнаго учителя, часто живущаго въ глуши, представляя ему возможность въ крайне затруднительныхъ случаяхъ, даже чисто личнаго характера, обратиться за указаніями къ вполнѣ компетентнымъ лицамъ.

Кромѣ того журналъ даетъ много безплатныхъ приложеній: въ 1903 году онъ далъ 17 книжекъ для школьной библіотеки, нѣсколько листковъ для класснаго чтенія и школьнаго пѣнія и школьный календарь на 1903—1904 учебный годъ. Изъ книжекъ выдѣляются книга 9-я: „Узаконенія и распоряженія правительства и высшаго церковно-школьнаго управленія по дѣламъ церковныхъ школъ“. Вып. I-й (за 1902 и начало 1903 года), и книга 11-я: „Книжный справочникъ“ вып. I-й: I) книги, одобренныя и допущенныя св. синодомъ и училищнымъ совѣтомъ при св. синодѣ для употребленія въ церковныхъ школахъ (съ 17 ноября 1901 г. по 30 іюня 1903 г.) и II) книги, допущенныя ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и особымъ отдѣломъ комитета для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ (съ 1 января по 30 іюня 1903 г.). Такое отдѣльное совокупное изданіе правительственныхъ распоряженій въ очень значительной степени облегчаетъ возможность руководствоваться ими въ соотвѣтственныхъ случаяхъ.

Другія книжки, очень пригодныя для класснаго чтенія и для чтенія учениками на дому, съ теченіемъ времени, могутъ составить очень содержательную библіотеку.

Х. И.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

*Тайны и чудеса Божьяго міра. Земля и небо. Разсказы о разныхъ странахъ, о земномъ шарѣ, о звѣздахъ и планетахъ. Составилъ *Е. Тижовъ*. Со многими рисунками. Изданіе третье. Изданіе *Посредника*. Москва. — 1902 г. 270 стр. Цѣна 50 коп.

Разсматриваемая книга составлена преимущественно для народнаго чтенія; на это указываетъ и слогъ, и характеръ изложенія. Поэтому мы имѣемъ право требовать отъ автора спокойнаго и вполнѣ объективнаго отношенія къ предмету, тѣмъ болѣе, что среда, для которой книга предназначается, относится къ печатному слову съ особеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ.

Основная идея сочиненія съ опредѣленностью выражается въ его заключительныхъ словахъ: „Звѣзды и планеты всё движутся съ тѣхъ поръ, какъ онѣ начали двигаться. Онѣ будутъ двигаться вѣчно, безъ конца, потому что движеніе вѣчно: оно не начинается само собою и не прекращается само собою.“ (Стр. 270).

Движеніе, которое, по словамъ автора, хотя и вѣчно, но, однако, и начинается, и оканчивается, то есть, какъ будто бы и не вѣчно вмѣстѣ съ тѣмъ, должно вызвать нѣкоторое недоразумѣніе у внимательнаго читателя, о чемъ авторъ, повидимому, и не подумалъ.

Въ другихъ мѣстахъ книги авторъ уклоняется въ сторону отъ исполненія прямой задачи, описанія „тайнъ и чудесъ Божьяго міра“ — и преимущественно въ одну сторону. Въ началѣ книги авторъ говоритъ „о птичьихъ перелетахъ“, „отчего въ Египтѣ не бываетъ зимы“,

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

„откуда свѣтитъ къ намъ солнце", „какъ высоко солнце", „какія есть страны вокругъ насъ", затѣмъ „о Сибири".

Оказывается, что Ермакъ рѣшилъ... „помириться съ грознымъ царемъ"—выраженіе „помириться" довольно странное, если сопоставить между собою общественное положеніе Ермака и „грознаго царя". На слѣдующей страницѣ, 32-й, подробно разсказано, какъ воевода Чулковъ вѣроломно захватилъ въ плѣнъ татарскаго князя — дѣлали ли что либо подобное татары по отношенію къ русскимъ, авторъ ничего не говоритъ: нужно думать, что не дѣлали... „При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ стали переселяться въ Сибирь старовѣры". Далѣе (стр. 36) разсказывается, между прочимъ, о томъ, что „всѣхъ, кто хотѣлъ креститься двумя перстами, прокляли"... „Народъ не повѣрилъ патріарху и митрополитамъ"... „Начальство разыскало непокорныхъ, подозрѣваемыхъ вѣшали за руки и били кнутомъ" и проч. „При императорѣ Петрѣ убѣжало въ Сибирь едвали не больше народа, чѣмъ при патріархѣ Никонѣ." „Чтобъ положить конецъ такому бѣгству крестьянъ и не оставить казны безъ податей, Петръ велѣлъ приписать крестьянъ къ землѣ... Такъ окончательно утвердилось въ Россіи крѣпостное право..." „Въ это время въ Сибири поселяли только преступниковъ. Тамъ, на свободѣ, многіе изъ нихъ зажили гораздо лучше, чѣмъ имъ жилось дома и сдѣлались почтенными людьми". Какое отношеніе имѣютъ эти тенденціозно подобранныя свѣдѣнія, передаваемыя въ особенной окраскѣ, къ „тайнамъ и чудесамъ Божьяго міра", вѣроятно не объяснитъ и самъ авторъ.

Мнѣ кажется, что общій характеръ книжки достаточно выяснился изъ того, что сказано о ней выше, и не трудно представить себѣ, какъ авторъ использовалъ благодарный, съ извѣстной точки зрѣнія, матеріалъ, разсказывая, напримѣръ, о Галилеѣ. Оказывается, что... „папы... расцѣнили всѣ грѣхи и заготовляли отпускныя грамоты на грѣхи всѣхъ сортовъ; монахи разносили эти грамоты по селамъ и торговали ими, какъ офени ситцами." (Стр. 228)... „Папа только вздыхалъ насчетъ слабости человѣческой да раздумывалъ, что безъ денегъ вѣдь нельзя поддерживать благолѣпіе храмовъ Божіихъ — и получалъ на свою долю больше всѣхъ"... и проч., и проч. Невольно, и еще разъ спросимъ: да при чемъ же тутъ „тайны и чудеса Божьяго міра", какъ напечатано крупными буквами на первой страницѣ книжки?

Я думаю, что на этомъ можно остановиться. Искуственный слогъ, которымъ книжка написана, отобьетъ охоту у всякаго, желающаго

познакомиться съ ея содержаніемъ, послѣ первыхъ страницъ, къ дальнѣйшему чтенію. Такой слогъ считается многими почему-то необходимымъ для народныхъ книгъ: народъ ихъ читаетъ, какъ читаетъ все печатное, для него сколько нибудь понятное. Очевидно, для людей съ болѣе образованнымъ литературнымъ вкусомъ, книги написанныя подобнымъ искусственно народнымъ языкомъ, не могутъ считаться подходящими, обыкновенно онѣ только утомляютъ читателя, который отыскиваетъ мысль автора среди своеобразно витіеватыхъ фразъ и выраженій.

С. Глинка.

***Образъ жизни рыбъ.** Брошюра составляетъ вторую главу перваго отдѣла курса рыбопромышленности, получившаго „Благодарственный дипломъ" на международной рыбопромышленной выставкѣ въ С.-Петербургѣ въ 1902 году. Астрахань. 1904.

Анонимный авторъ брошюры, повидимому, не принадлежитъ къ числу зоологовъ. Это видно и по всѣмъ пріемамъ изложенія, и по существу статьи. Такъ, перечисляя ядовитыхъ рыбъ, авторъ то даетъ латинскія названія, написанныя русскими буквами, то даетъ японскія названія, но вовсе не даетъ русскихъ или даетъ неупотребительныя. Правда, далеко не для всѣхъ формъ русскія названія имѣются, но все же они есть. Такъ, напримѣръ, вмѣсто „тетродонъ оцеллатусъ" (стр. 7), принято говорить „четырехзубъ глазчатый". Cestracion называется „кузовкомъ", а не „ящикомъ" (стр. 9). Конечно, читателю ровно ничего не говоритъ перечисленіе японскихъ названій: „юваси, бури, хирассу и т. п.", даваемыхъ по большей части безъ всякаго объясненія. Въ одномъ мѣстѣ авторъ впадаетъ въ просакъ по своей зоологической неопытности: на стр. 7 читатель находитъ рыбу „тетродонъ сцелератусъ форстеръ". Дѣло идетъ объ одномъ изъ четырехзубовъ (Tetrodon scelleratus), но въ зоологіи принято около видоваго названія ставить имя автора вида. Такимъ авторомъ въ данномъ случаѣ является небезъизвѣстный зоологъ Форстеръ, имя котораго составитель брошюры и принялъ за составную часть наименованія рыбы.

Затѣмъ изложеніе тоже страдаетъ неясностью, зависящей, повидимому, отъ неясности представленій автора.

Читая страницу 7-ю, можно составить себѣ такое представленіе, что такъ называемый рыбный ядъ и ядъ ядовитыхъ рыбъ одно и то же. Читая стр. 8-ю, можно подумать, что „птомаинъ"—только одинъ и есть на свѣтѣ.

Не думаю, чтобы читатель составилъ себѣ ясное представленіе о

физiологiи бактерiй, прочитавъ начало страницы 12-ой. Встрѣчаются и неточности.

Напрасно авторъ выдаетъ свѣченiе слизи моллюсковъ за бактерiальное (стр. 12), а равно напрасно утверждаетъ, что асцидiи достигаютъ роста человѣка (стр. 13).

Не менѣе напрасно авторъ передѣлываетъ извѣстное каждому образованному натуралисту имя Пфлюгера въ „Пфлейгера".

Конечно, вреда отъ прочтенiя этой брошюры не будетъ, и даже кое что можно изъ нея извлечь, но во всякомъ случаѣ желательно, чтобы подобныя статьи составлялись людьми, знающими зоологiю.

В. Шимкевичъ.

*Первые уроки естествовѣдѣнiя. I часть. Воздухъ, вода и земля. Составилъ *М. В. Усковъ*. С.-Пб. 1904. Складъ изданiя у автора. 102 стр. Цѣна 50 коп.

Въ разсматриваемой книгѣ, изъ 102 страницъ текста, посвящено 35 страницъ описанiю почвы, горныхъ породъ, минераловъ, нѣкоторыхъ явленiй, происходящихъ въ земной корѣ (стр. 67 — 102). Въ этомъ отдѣлѣ мы должны отмѣтить слѣдующiя неточности: на стр. 76, въ описанiи песчаника, сказано, что глина или известь „какъ цементъ способствовали скрѣпленiю песчинокъ въ плотную каменную породу"; изъ дальнѣйшаго мы видимъ, однако, что изъ песчаника „приготовляютъ.... жернова, точильные камни" и внимательный ученикъ можетъ спросить: какъ же это камень, состоящiй изъ песка, скрѣпленнаго известью или глиною, можетъ быть матерiаломъ для жерновов? очевидно, тутъ что-то не такъ. Пещеры тянутся на нѣсколько верстъ, „мѣстами съужаясь" (стр. 81). Вода Балтiйскаго моря отличается „малосольностью" (стр. 85). Кварцъ не „хорошо рѣжетъ стекло", какъ сказано на стр. 94, а лишь царапаетъ стекло. Не вѣрно, что „полевой шпатъ въ отдѣльности не встрѣчается", а входитъ только, какъ составная часть, въ горныя породы (стр. 96). Не вѣрно, что самородокъ золота въ 6 пудовъ вѣсомъ стоитъ 80 тысячъ рублей (стр. 101), золото дороже. Не вѣрно, что сплавъ 56 золотниковъ золота съ 40 золотниками серебра „мало отличается отъ чистаго" золота по цвѣту (стр. 102). Въ другихъ отдѣлахъ книги мы остановились на слѣдующихъ неточностяхъ: на стр. 39 сказано, что „изъ трехъ воздухоплавателей, поднимавшихся въ 1862 году на высоту 10 верстъ, только одинъ остался живъ" и проч. Здѣсь, очевидно, смѣшаны два случая — воздушное поднятiе Глешера и Коксвелля, въ 1862 году, при чемъ оба воздухоплавателя вернулись благополучно, и поднятiе Кроче-Спинелли, Сивеля и Тиссандье въ

1875 году,—высота поднятія въ этомъ случаѣ осталась въ точности неизвѣстна, вслѣдствіе порчи приборовъ. На стр. 47 сказано, что „въ обыденной жизни"... „пользуются каменнымъ фильтромъ".... „изъ песчаника" для очистки мутной воды—обыкновенно, для такой цѣли служитъ пористый известковый камень. На стр. 54 и 55 не точно и, въ подробностяхъ, не вѣрно объяснено образованіе инея и ледяныхъ рисунковъ на оконныхъ стеклахъ.

Въ первой части находится поразительная научная ошибка. Авторъ пишетъ на стр. 26: „При такихъ морозахъ ртутный термометръ лопается, такъ какъ ртуть при этомъ замерзаетъ и при замерзаніи расширяется". Откуда авторъ, преподаватель физики одной изъ петербургскихъ гимназій, взялъ, что ртуть при замерзаніи расширяется? Ужъ не считаетъ ли онъ такое расширеніе за общее свойство всѣхъ веществъ? Вѣдь во всякомъ большомъ учебникѣ физики авторъ можетъ найти указаніе, на сколько ртуть *сжимается* при затвердѣваніи. По изслѣдованіямъ Vicentini и Omodei (1887 г.) сжатіе составляетъ 3,67% всего объема; почти то же самое число (3,7%) нашелъ еще раньше (1877) Mallet. Новѣйшія же изслѣдованія Grunmach'a (Physikalische Zeitschrift. Томъ 3, стр. 134, 1902 г.) показали, что сжатіе составляетъ 5%.

На той же 26-ой стр. читаемъ, что спиртъ ни при какихъ морозахъ не замерзаетъ. Если подъ „морозомъ" подразумѣвать низкія температуры, наблюдаемыя въ нашей атмосферѣ, то это, конечно, вѣрно. Но читатель можетъ понять въ томъ смыслѣ, что спиртъ вообще ни при какихъ температурахъ не затвердѣваетъ, что невѣрно (затвердѣваетъ около—130°).

Отмѣтимъ нѣкоторыя мелочи.

Стр. 7. Желѣзная проволока, удерживающая одинъ пудъ (рис. 1), не такъ тонка, какъ „*нитка*"; ея діаметръ долженъ быть больше 0,7 мм.

Стр. 20. „Взявъ на руку кусокъ дерева и кусокъ камня, мы ясно ощущаемъ, что камень тяжелѣе дерева". Надо бы сказать „одинаковые по величинѣ куски".

Стр. 23. „При обыкновенномъ наблюденіи очень трудно замѣтить какое нибудь измѣненіе въ величинѣ окружающихъ насъ предметовъ и т. д." Хотя изъ дальнѣйшаго читатель и сообразитъ, что рѣчь идетъ о тепловомъ расширеніи, однако, сперва эта фраза непремѣнно поставитъ его втупикъ.

Стр. 35. „На горахъ выше 3—4 верстъ настолько холодно, что

тамъ лежитъ вѣчный снѣгъ“. Однако, эта высота зависитъ отъ географической широты!

Стр. 38. Опытъ слѣдовало вести такъ, чтобы сосудъ А можно было погрузить въ глубокій сосудъ В до уровня воды внутри самаго А.

Стр 45. Указывая на причины вѣтровъ, авторъ пропустилъ главную: неодинаковое нагрѣваніе около экватора и далеко отъ него.

С. Глинка и Ф. Хвольсонъ.

**В. И. Голиковъ.* Природа. Уроки и бесѣды по естествовѣдѣнію. Методическое учебное руководство и хрестоматія съ приложеніемъ задачника и вопросника по естествовѣдѣнію. Курсъ 2-го года обученія. Москва. 1904 г. Изданіе *К. Тихомирова,* стр. V + 220. Цѣна 65 коп.

Произведеніе г. Голикова носитъ особый характеръ: оно составлено по чужимъ книгамъ. Правда, составитель этого не скрываетъ и вполнѣ откровенно обозначаетъ: „составлено по такому-то автору“. Когда читаешь подобную фразу, то, конечно, думаешь, что составитель прочелъ какой нибудь очеркъ, касающійся того, о чемъ онъ собирается повѣствовать, его мѣстами сократилъ, мѣстами пояснилъ, вообще переработалъ и такимъ образомъ внесъ кое-что своего. На дѣлѣ же выходитъ вотъ что. У г. Голикова читаемъ: „Стрекоза (по М. Мензбиру и Ганнке)“ (стр. 33). Профессоръ Мензбиръ весьма извѣстный орнитологъ, но о стрекозѣ онъ не писалъ ничего, кромѣ того, что значится въ его учебникѣ для средней школы. Выходитъ, что г. Голиковъ пользуется для своихъ статеекъ просто учебниками. Бываетъ и иначе. На стр. 60 читаемъ: „Черный папоротникъ (по Н. П. Вагнеру и др.)“; на стр. 65—„Грибы (по Вл. Львову и Кайгородову)“, Н. П. Вагнеръ — почтенный зоологъ, а Вас. (не Вл.) Н. Львовъ—молодой эмбріологъ, но оба они не ботаники и о папоротникѣ и грибахъ могли писать только популярные очерки. Выходитъ, что г. Голиковъ пользуется для своихъ статей, кромѣ учебниковъ для средней школы, еще популярными статьями. Его собственная работа сводится къ умѣлому пользованію ножницами и пишущей машиной. Конечно, онъ не буквально переписываетъ, но и своего влагаетъ очень мало. Можетъ быть, это и лучше, такъ какъ изложеніе г. Голикова не лишено курьезовъ. „Если возьмете каплю морской воды, то и тамъ (какъ и въ каплѣ прѣсной воды, о чемъ рѣчь была выше) найдемъ самый разнообразный міръ микроскопическихъ существъ“ (стр. 197). Боимся, что авторъ никогда не бралъ никакой капли: ни прѣсной, ни морской воды. Иначе онъ узналъ бы, что далеко не каждая капля

населена микроскопическимъ, да еще разнообразнымъ міромъ. Корнеположекъ онъ разсматриваетъ въ „тоненькой пластинкѣ“ мѣла (стр. 147); полипъ у него „пьетъ соленую воду“ (стр. 195) и т. п. Откуда взялъ авторъ, что, если гидрѣ отрѣзать заднюю часть, то „она ѣстъ безъ конца, такъ какъ пища не идетъ въ прокъ животному?“ Пищевареніе гидры внутриклѣточное, обрѣзанный конецъ обыкновенно стягивается и недостающая часть выростаетъ вновь. Нѣчто подобное описываемому г. Голиковымъ наблюдается на присосавшейся піявкѣ, если ей прорѣзать стѣнку тѣла вплоть до кишечника: кровь будетъ вытекать, а піявка продолжать сосать безъ конца. Но физіологическія условія въ томъ и другомъ случаѣ совершенно иныя. Подобныя обмолвки и неудачныя выраженія, обнаруживающія, однако, не совсѣмъ ясныя представленія автора, встрѣчаются почти въ каждой статьѣ. Неудобно говорить, напримѣръ, „жующій ротъ“ или „сосущій ротъ“ (по отношенію къ насѣкомымъ) (стр. 123). Неудобно говорить, что у паука „придатки головы спускаются на лобъ“ (стр. 177) и т. д.

Мѣстами г. Голиковъ не лишенъ нѣкотораго жеманства: почему-то онъ стѣсняется сказать, что трутни самцы, а деликатно называетъ ихъ „воздушной свитой матки-царицы улья“. Авторъ, видимо, не опасается, что дѣти современемъ, узнавъ значеніе трутней, будутъ слишкомъ превратнаго мнѣнія о свитахъ вообще.

Совсѣмъ напрасно г. Голиковъ называетъ свою книжку „методическимъ учебнымъ руководствомъ“. Ни по способу и пріемамъ изложенія, ни по принятому порядку нельзя уловить методичности.

„Вопросникъ и задачникъ“, какъ выражается составитель, представляетъ не совсѣмъ понятное сочетаніе весьма разнородныхъ вопросовъ и задачъ.

Рядомъ съ вопросами, на которые ученикъ могъ бы отвѣтить на основаніи прочитаннаго, напримѣръ, какъ двигаются челюсти у хищныхъ звѣрей, встрѣчаются такіе: „прослѣди превращеніе лягушки“ или „при вскрытіи рыбы познакомься съ видомъ плавательнаго пузыря“. Какъ будто вскрытіе рыбы такая легкая вещь, что о немъ и говорить не стоитъ, а вотъ, чтобы увидать пузырь, при этомъ надо быть особенно внимательнымъ. Отчего бы не написать: проѣздомъ черезъ Африку, обрати вниманіе на ноги жирафы? Это уже наводитъ на мысль о Прутковѣ.

Ботаническая часть въ общемъ составлена удовлетворительно. Промаховъ и неточныхъ мѣстъ немного. Напримѣръ, неточна характеристика голосѣменныхъ (стр. 41).

Листъ папоротника называется *вай* на 60 страницѣ и *вая* на 62-ой. Невѣрно спорангій названъ плодникомъ (63 стр.).

Есть рисунки, необъясненные въ текстѣ. Таковы рисунки антеридія и аркегонія (стр. 63); о нѣкоторыхъ нѣтъ ни слова въ текстѣ.

Совершенно невѣрно, что тѣльце водоросли *налито* зеленою краской (стр. 200).

Въ общемъ книжка можетъ быть прочитана не безъ пользы. Будемъ надѣяться, что авторъ улучшитъ ее при послѣдующихъ изданіяхъ.

В. Шимкевичъ и В. Палладинъ.

***Курсъ элементарной геометріи** *А. Боса* и *А. Ребьера*. **Переводъ** *Н. де-Жоржъ*. **Изданіе 3-е, исправ. и измѣненное. С.-Пб. 1904. Складъ въ книжныхъ маг.** *В. Березовскаго, А. Ильина, Н. Карбасникова*. **Стр. VII+391. Цѣна 1 р. 50 к.**

Въ новомъ изданіи переводчикомъ сдѣланы слѣдующія измѣненія:

1) Опущены статьи: о вычисленіи π по способу изопериметровъ, о пополнительныхъ трехгранныхъ углахъ, объ измѣреніи понтона, объ измѣреніи многогранника, заключеннаго между двумя многоугольниками, лежащими въ параллельныхъ плоскостяхъ, о полярномъ сферическомъ треугольникѣ; а также сокращена статья о тѣлахъ вращенія.

2) Дополнено руководство статьей о предѣлахъ. Эта статья совершенно отсутствовала въ предыдущихъ изданіяхъ.

Кромѣ того сдѣланы нѣкоторыя поясненія и дополненія въ частныхъ вопросахъ, напримѣръ, введено доказательство несоизмѣримости діагонали квадрата съ его стороною.

Всѣ сокращенія, сдѣланныя переводчикомъ, относятся къ вопросамъ, не входящимъ въ курсъ геометріи нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Поэтому ихъ нужно признать вполнѣ цѣлесообразными, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе сдѣланныхъ сокращеній цѣна книги могла быть понижена съ 1 р. 65 к. до 1 р. 50 к.

Что же касается до дополненій, сдѣланныхъ переводчикомъ, то одно изъ нихъ нужно признать неудачнымъ, а именно, введеніе статьи о предѣлахъ. Въ этой статьѣ переводчикъ излагаетъ весьма подробно ходячую теорію о предѣлахъ *величинъ*, начиная ее съ опредѣленія постоянныхъ и перемѣнныхъ величинъ, а также безконечно малыхъ величинъ.

Затѣмъ идутъ теоремы: о суммѣ безконечно малыхъ величинъ, объ ихъ произведеніи и частномъ. Послѣ этого доказывается 7 теоремъ о предѣлахъ.

Вся эта статья предшествуетъ статьѣ объ измѣреніи прямыхъ и угловъ, а потому г. де-Жоржъ, очевидно, предполагаетъ, что она по силамъ ученикамъ 4-го класса реальныхъ училищъ и ученикамъ 5-го класса гимназій. Съ этимъ мнѣніемъ г. де-Жоржа едва ли согласится какой либо опытный преподаватель математики. Но если даже предположить, что теорія предѣловъ умѣстна въ курсѣ 4-го класса реальнаго училища и въ курсѣ 5-го класса гимназіи, то едва ли она можетъ быть усвоена учениками въ изложеніи переводчика книги Боса и Ребьера.

Дѣйствительно, статья о предѣлахъ начинается съ опредѣленія постоянныхъ и перемѣнныхъ величинъ, а опредѣленія *величины* авторъ не даетъ. Это опредѣленіе было бы однако необходимо, хотя бы для того, чтобы ученикъ, привыкшій производить умноженіе и возвышеніе въ степень надъ числами, могъ бы понять, что онъ долженъ понимать подъ произведеніемъ или степенью величинъ. Авторъ этого не выясняетъ. Онъ заявляетъ только на страницѣ 64-ой въ статьѣ объ измѣреніи величинъ, слѣдующей за статьей о предѣлахъ, что для измѣренія величины „опредѣляютъ, сколько разъ единица и сколько ея частей содержатся въ измѣряемой величинѣ".

Изъ этого ученикъ можетъ вывести, что въ предыдущей статьѣ авторъ имѣлъ въ виду неизмѣренныя величины, которыя имъ почему то перемножаются, возвышаются въ степень и подвергаются извлеченію корня.

Если уже г. де-Жоржъ считаетъ свою статью о предѣлахъ необходимой въ курсѣ элементарной геометріи, то было бы лучше ее помѣстить въ концѣ книги, въ видѣ прибавленія, или же перенести въ статью о круглыхъ тѣлахъ, проходимую въ 6-мъ классѣ. Но во всякомъ случаѣ она требуетъ нѣкоторой переработки.

Вообще разсматриваемая книга производитъ хорошее впечатлѣніе: изложеніе въ ней хорошее, издана она хорошо и цѣна невысокая.

К. Фохтъ.

**В. Θ. Гарцъ.* Ариѳметика. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній и для самостоятельнаго изученія. Изданіе второе, исправленное. С.-Пб. 1904. стр. 1 нен.+II+240. Цѣна 80 коп.

Книга несвободна отъ промаховъ; укажу на нѣкоторые изъ нихъ.

Стр. 2. „Чтобы наглядно видѣть, какія существуютъ цѣлыя числа, возьмемъ, напримѣръ, корзину орѣховъ. Одинъ орѣхъ положимъ отдѣльно отъ прочихъ: это будетъ первое цѣлое число (единица)".

Положенный отдѣльно орѣхъ будетъ, конечно, не число, а просто орѣхъ.

На *стр. 7.* „Числа, слѣдующія за тысячею, строго говоря, названій не имѣютъ: они произносятся по классамъ, т. е. разсматриваются какъ совокупность единицъ, тысячъ, милліоновъ, при чемъ съ помощію названій чиселъ, меньшихъ тысячи, говорятъ по порядку, начиная съ единицъ старшаго класса, сколько въ каждомъ классѣ имѣется единицъ".

Это разсужденіе, изложенное въ такой неудобной для пониманія учениковъ 1-го класса формѣ, слѣдовало бы отнести и къ числамъ болѣе десяти, такъ какъ и эти числа съ точки зрѣнія автора, строго говоря, названій не имѣютъ.

На *стр. 25* авторъ начинаетъ выясненіе четырехъ дѣйствій съ цѣлыми числами слѣдующими словами:

„Вопросъ, заключающій въ себѣ числа, отъ которыхъ зависитъ предполагаемое въ отвѣтѣ число (или нѣсколько чиселъ), называется задачею. Числа, которыя заключаются въ вопросѣ, называются данными, а предполагаемое въ отвѣтѣ число—искомымъ. Рѣшить задачу значитъ найти искомое, произведя надъ данными надлежащее дѣйствіе. Дѣйствія съ числами бываютъ весьма различны; одни изъ нихъ представляются простыми, другія же, наоборотъ, сложными".

Къ чему это разсужденіе? Въ немъ мы не находимъ опредѣленія простого ариѳметическаго дѣйствія, а для ученика 1-го класса все разсужденіе будетъ мало понятно.

На *стр. 14* авторъ выясняетъ ученику 1-го класса слѣдующій пріемъ для сложенія чиселъ 5 и 4.

„Для этого отнимаемъ единицу отъ меньшаго числа и прибавляемъ ее къ большему; получимъ 6 и 3; потомъ отъ 3-хъ отнимаемъ единицу и прибавляемъ ее къ 6-и, получимъ, вмѣсто 6 и 3, числа 7 и 2; далѣе вмѣсто 7 и 2 говоримъ 8 и 1; и, наконецъ, произносимъ 9". На той же страницѣ находимъ и слѣдующее наставленіе:

„Мы увидимъ, что на сложеніи однозначныхъ чиселъ основано сложеніе всякихъ чиселъ; поэтому надо знать на память, сколько составитъ въ суммѣ 5 и 4, 8 и 6 и т. п. Обыкновенно для этого упражняются въ сложеніи однозначныхъ чиселъ до тѣхъ поръ, пока сразу не будутъ говорить суммы каждой пары такихъ чиселъ. Въ противномъ случаѣ берутъ таблицу, въ которой перечисляются отвѣты на всѣ случаи сложенія двухъ однозначныхъ чиселъ, и выучиваютъ эту

таблицу такъ, чтобы можно было на предложенные вопросы отвѣчать въ разбивку".

Для кого всѣ эти разсужденія? Ученикъ 1 класса, изучающій систематическій курсъ цѣлыхъ чиселъ, не нуждается въ нихъ, такъ какъ отлично знаетъ какъ необходимость знанія таблицы сложенія, такъ и самую таблицу. Человѣкъ же, самостоятельно желающій изучить ариѳметику по книгѣ г. Гартца, если въ немъ предположить полное незнаніе ариѳметики, едва ли доберется до 14-ой страницы книги, такъ какъ онъ на первыхъ 13-и страницахъ встрѣтитъ уже непреодолимыя препятствія.

На стр. 19 говорится:

„Несмотря на то, что вычитаніе и сложеніе только обратныя дѣйствія, мы встрѣчаемъ въ вычитаніи нѣчто новое, а именно: нельзя отнять большаго числа отъ меньшаго".

Почему же и не встрѣтить ничего новаго въ обратномъ дѣйствіи? Очевидно, слова „несмотря на то" неумѣстны.

На *стр. 62* объясняется употребленіе двойныхъ и тройныхъ скобокъ, при чемъ въ примѣрѣ

$$(34+51):17\times[175-(89-61)]$$

скобки объясняются такъ:

$(34+51):17$ требуется помножить на $[175-(89-61)]$

Также и въ примѣрѣ

$$30-17\times3-40:5\times4-42\times2:7$$

$40:5\times4$ принимаемые равнымъ $\frac{40}{5}\times4$.

Но $a:bc$ не есть $(a:b)c$

На *стр. 64* разсматриваются выраженія, состоящія изъ 2-хъ, 3-хъ и 4-хъ чиселъ.

Выписавъ слѣдующія три выраженія

$$170:5-30:6$$
$$24:3+13\times4$$
$$56:7+11\times2,$$

авторъ говоритъ: „Сравнивая ихъ между собою, видимъ соотвѣтствіе: каждое выраженіе состоитъ изъ четырехъ чиселъ связанныхъ между собою безъ скобокъ одними и тѣми же дѣйствіями, если *не считать разницы* между сложеніемъ и вычитаніемъ и между умноженіемъ и дѣленіемъ".

Это заявленіе можетъ поставить читателя втупикъ.

На стр. 72 авторъ говоритъ:

„Поверхность плоская, ограниченная со всѣхъ сторонъ, обыкновенно называется *«площадью»*" и

„Квадратъ есть *площадь*, ограниченная четырьмя равными прямыми линіями, образующими равные углы".

Часть плоской поверхности, ограниченная со всѣхъ сторонъ, обыкновенно называется фигурой, а не площадью. Названіе автора, слѣдовательно, скорѣе *необыкновенно*. Подобный этому промахъ мы находимъ на стр. 74 при опредѣленіи куба.

„Кубъ представляетъ такой *объемъ*, который и т. д."

На *стр. 99-ой* авторъ хочетъ доказать, что послѣдовательнымъ дѣленіемъ можетъ быть найденъ общій наибольшій дѣлитель двухъ чиселъ. Для этого онъ беретъ числа 1064 и 868, производитъ надъ ними послѣдовательное дѣленіе и получаетъ, наконецъ, дѣленіе числа 84 на 28 безъ остатка. Доказывая затѣмъ, что общій наибольшій дѣлитель 84 и 28 есть въ то же время общій дѣлитель 1064 и 868, онъ не заканчиваетъ доказательства указаніемъ на то, что, наоборотъ, общій наибольшій дѣлитель 1064 и 868 есть въ то же время общій дѣлитель 84 и 28.

На *стр. 131* дается ходячее опредѣленіе умноженія на дробь. Но, помимо этого, дается и такъ называемое общее опредѣленіе, т. е.:

„Число умножить на число значитъ изъ множимаго такъ составить новое число, какъ множитель составленъ изъ единицы". Пора бы разстаться въ учебникахъ ариѳметики съ этимъ опредѣленіемъ, или по крайней мѣрѣ выяснить, что при дробномъ, напр. множителѣ $\frac{3}{4}$, не слѣдуетъ составлять его изъ единицъ такъ: $\frac{1+1+1}{1+1+1+1}$.

На стр. 281-ой дается своеобразное опредѣленіе понятія о количествѣ, а именно: „Количествомъ называется величина въ общемъ смыслѣ, т. е. безъ какого-либо опредѣленнаго наименованія, или, что то же—величина отвлеченная". Это своеобразное опредѣленіе количества, впрочемъ, оказывается совершенно ненужнымъ, такъ какъ авторъ употребляетъ дальше только терминъ „величина". Только въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ (стр. 192): „Величины или количества между собою прямо пропорціональныя".

Всѣмъ сказаннымъ еще не исчерпаны всѣ недостатки книги г. Гартца.

К. Фохтъ.

***Изъ бесѣдъ по счисленію (для учащихъ въ начальныхъ школахъ).** *В. Р.* **Нижній-Новгородъ. 1904 г. Стр. 63. Цѣна 30 коп.**

Маленькая брошюрка эта если и представляетъ интересъ, то развѣ потому, что изъ нея можно узнать, какъ и о чемъ иногда бесѣдуютъ такъ называемые „руководители" на временныхъ курсахъ для учащихъ.

Разсматриваемыя „бесѣды были произнесены на церковно-учительскихъ курсахъ, бывшихъ въ іюнѣ 1901 г. въ гор. Нижнемъ-Новгородѣ, и въ іюнѣ 1902 г. въ г. Арзамасѣ, Нижегородской губерніи" (стр. 1). Въ началѣ ихъ авторъ откровенно сознается въ недостаточной своей компетентности по данному вопросу: „Мы не будемъ претендовать", говоритъ онъ, „на открытіе новыхъ [1]) путей и способовъ обученія, а только кратко укажемъ на то, что лучшаго добыто по методикѣ счисленія, расчитывая при этомъ *исканіи* лучшаго на ваше содѣйствіе, потому что *ваши мнѣнія, какъ мнѣнія практиковъ дѣла, будутъ особенно цѣнны въ нашей совмѣстной работѣ*" (стр. 8). И вотъ къ какимъ результатамъ привели эти совмѣстныя исканія лучшаго: „За краткостью времени, *мы не могли коснуться всѣхъ отдѣловъ программы; не могли даже подробно обозрѣть всѣ пріемы* обученія счисленію въ намѣченныхъ нами предѣлахъ. За болѣе подробными свѣдѣніями по этой части можно обратиться къ *извѣстнымъ мастерамъ—методистамъ* по обученію счисленію, изъ которыхъ кромѣ *Гольденберга*, могу указать *Вишневскаго*, *Арженникова* (К. Арженпкова?) и *Шохоръ-Троцкаго*: въ нихъ руководствахъ вы найдете много полезнаго и нужнаго для вашей работы" (стр. 61).

Слушатели, кромѣ того, усвоили нѣсколько новыхъ словъ и выраженій, каковы, напримѣръ, „*присчетъ*" и „*отсчетъ*" (стр. 22 и далѣе), „*спрятать дѣйствіе въ скобки*" (стр. 49) и т. п.; узнали новые термины, какъ-то: „смѣшанныя" цѣлыя числа (стр. 20—21), дѣленіе „*безъ остатка въ частномъ*" и „*съ остаткомъ въ частномъ*" и т. п.

Сообщено имъ было между прочимъ слѣдующее: „Другое, часто *эксплоатируемое* свойство числа, свойство сочетательности, состоитъ въ томъ, что дѣйствія надъ числомъ или надъ цѣлой группой чиселъ можно производить надъ составляющими число частями, а въ груп-

---

[1]) Въ брошюру впрочемъ вложено печатное объявленіе: „Вышло изъ печати *новое методическое руководство* по ариѳметикѣ для начальныхъ училищъ „Изъ бесѣдъ по счисленію", цѣна 30 коп."

нахъ надъ отдѣльными числами, или надъ составленными изъ нихъ группами. Напримѣръ...

$215 \times 75 = 215.70.5 = 215.10.7.5$" (стр. 11).

Сдѣлано было не менѣе важное открытіе и въ другой области, имѣющей мало общаго съ ариѳметикой, а именно: *„Чуть-ли не національная это наша черта хвастаться разнаго рода самоучками, доморощенными изобрѣтателями*"... „На самомъ-же дѣлѣ—больно видѣть такого самоучку, и какъ то стыдно становится!" (стр. 61). Съ послѣдней фразой, впрочемъ, можно согласиться.

Свои бесѣды авторъ цѣнитъ слишкомъ дорого: 30 коп. за 63 стр. въ $\frac{1}{16}$ долю листа, считая въ томъ числѣ и 6 стр. (стр. 55—60), перепечатанныхъ изъ „Дневника" В. Бѣллюстина (Беллюстина?) и страницы двѣ (стр. 3—6) изъ книжки С. А. Рачинскаго.

В. Соллертинскій.

А. Босъ, бывшій инспекторъ Парижской академіи, профессоръ математическихъ наукъ. Элементарная алгебра. Перевелъ и дополнилъ *Н. де-Жоржъ*, преподаватель математики 8-й С.-Петербургской гимназіи и реальнаго училища Н. Богинскаго. Издалъ *В. Березовскій*. Стр. IX+510. Цѣна 2 руб. 50 коп. С.-Пб. 1904.

Книга г. Боса представляется далеко не однородной по своему достоинству въ различныхъ своихъ частяхъ. Есть отдѣлы, которые изложены несомнѣнно хорошо и дѣйствительно могутъ принести пользу ученикамъ, но есть и другіе, противъ которыхъ можно выставить серьезныя возраженія.

Къ хорошимъ сторонамъ книги слѣдуетъ отнести, по нашему мнѣнію, всѣ тѣ части, которыя трактуютъ о формальной сторонѣ алгебры, т. е. о правилахъ и способахъ выполненія дѣйствія. Все это изложено точно и обстоятельно. Кромѣ того, къ достоинствамъ разбираемой книги слѣдуетъ отнести множество подробно рѣшенныхъ и обстоятельно изслѣдованныхъ задачъ, изученіе которыхъ конечно будетъ полезно и поучительно для учениковъ.

Главнѣйшій же недостатокъ книги г. Боса мы видимъ въ весьма слабой разработкѣ понятія о числѣ. Книга производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто всѣ новѣйшія работы математиковъ относительно установленія строгаго понятія о числѣ остались безъ вліянія на автора и—хотя и въ меньшей степени—на переводчика. Въ этомъ отношеніи книга г. Боса не можетъ идти въ сравненіе не только съ такимъ трактатомъ, какъ Encyklopädie der Elementar Mathematik, H. Weber'a, но и со многими русскими руководствами.

Авторъ смотритъ на отрицательныя числа, какъ на „чистые символы". Мы не совсѣмъ понимаемъ, что это значитъ, и очень опасаемся, что ученики не будутъ раздѣлять этого взгляда, когда увидятъ (книга II, гл. VI), какъ просто и естественно истолковываются отрицательныя числа. Можно было бы оспаривать и самый этотъ принципъ, указавъ на то, что вычитаніе большаго числа изъ меньшаго есть дѣйствіе, ничуть не болѣе „невозможное", чѣмъ дѣленіе меньшаго числа на большее, а между тѣмъ дроби всегда относятся къ области элементарной ариѳметики. Если ужъ считать отрицательныя числа „чистыми символами", то надо и дроби считать такими же символами и разсматривать ихъ съ точки зрѣнія такъ называемой Mengenlehre.

Объ этомъ можно спорить и имѣть разные взгляды. Гораздо хуже другое обстоятельство, которое по нашему мнѣнію ниспровергаетъ всю систему автора. Оно заключается въ слѣдующемъ.

Разсматривая отрицательныя числа, какъ чистые символы, авторъ конечно вынужденъ въ трехъ первыхъ главахъ поставить ограниченіе, чтобы каждое дѣйствіе было выполнимо въ положительныхъ числахъ, что онъ и дѣлаетъ въ замѣчаніи на стр. 19. Между тѣмъ, на той же стр. 19 (первая строка) авторъ безъ всякой оговорки говоритъ, что можно переставлять члены многочлена, не замѣчая, что при его ограниченіи это не всегда возможно. Еще хуже это вліяетъ на объясненіе умноженія (стр. 29). Авторъ не замѣчаетъ, что отдѣльныя дѣйствія могутъ быть выполнимыми въ указанномъ порядкѣ въ множителяхъ, но не быть выполнимыми въ произведеніи. Напримѣръ, если производить умноженіе $P = 101 - 100$ на $Q = 3 + 1 - 1$, то по правилу, данному авторомъ (стр. 29), получимъ

$$\begin{aligned} P\ Q = {} & 303 - 300 \\ & + 101 - 100 \\ & - 303 + 300 \end{aligned}$$

при чемъ въ началѣ третьей строки ученикъ наткнется на „невозможное", по утвержденію автора, вычитаніе 303 изъ 4.

Еще слабѣе изложена статья о радикалахъ.

Полвѣка тому назадъ можно было говорить безъ всякихъ разъясненій, что (стр. 87) „если a положительное и m—четное, то всегда существуетъ положительное число и только одно, которое, будучи возвышено въ m-ую степень, дастъ a", при нынѣшнемъ же развитіи математической мысли это не представляется возможнымъ. Перевод-

чикъ конечно пытался это исправить, помѣстивъ въ концѣ книги добавленіе о предѣлахъ и ирраціональныхъ числахъ, но нужно было помѣстить эту статью на своемъ мѣстѣ и совершенно передѣлать изложеніе автора. Не хорошо также, что переводчикъ говоритъ о теоріи предѣловъ *раньше* теоріи ирраціональныхъ чиселъ.

Кромѣ этихъ принципіальныхъ возраженій, считаемъ нелишнимъ сдѣлать еще нѣсколько болѣе частныхъ замѣчаній.

Стр. 4. „При этомъ послѣднія буквы алфавита служатъ обыкновенно для обозначенія искомыхъ въ задачѣ чиселъ. Въ слѣдующихъ примѣрахъ мы увидимъ, какую выгоду дастъ послѣднее условіе“ (??).

Стр. 11. Нехорошо сказано: „d—напряженіе силы тяжести“.

Стр. 27. Правило умноженія многочлена на одночленъ выведено только для случая, когда множитель положительный, а оговорки объ этомъ не сдѣлано.

Стр. 29. Въ противорѣчіи со всѣмъ духомъ изслѣдованія говорится объ умноженіи на *отрицательный* множитель.

Стр. 37. „Упражненіе 1. Найти произведеніе трехъ многочленовъ (??) $2a^4bx^2$, $6ab^3cy^2$, $9a^3c^3z^2$“.

Стр. 61. Авторъ напрасно говоритъ, что „нѣтъ ни одного общаго способа, посредствомъ котораго можно было бы узнать (a priori), раздѣлится ли данный многочленъ А на другой данный многочленъ В“? А если корни многочлена В извѣстны?

Стр. 87. Безъ всякой оговорки утверждается, какъ очевидное, что при m четномъ $\sqrt[m]{a}$ имѣетъ только два вещественныхъ значенія. А если какой нибудь ученикъ въ этомъ усомнится, то какъ же авторъ докажетъ ему справедливость своего утвержденія?

Стр. 183. Авторъ объясняетъ появленіе отрицательныхъ рѣшеній такъ, что получается впечатлѣніе, какъ будто они появляются только вслѣдствіе какой нибудь ошибки.

На стр. 189 насъ очень поразило заявленіе, что правило знаковъ допускаетъ много исключеній. Прежде всего намъ не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ можетъ допускать исключенія такое правило, которое является извѣстнаго рода соглашеніемъ. Если, напримѣръ, мы приняли правило, что каждая десятичная цифра справа на лѣво выражаетъ единицы все высшаго и высшаго разряда, то какое же исключеніе можетъ быть изъ этого правила? Заинтересовавшись этимъ вопросомъ, мы стали искать примѣръ, гдѣ правило Декарта непримѣнимо, и нашли таковой на стр. 200—202. Какъ мы и ожидали, авторъ

напрасно говоритъ, что правило Декарта здѣсь непримѣнимо. Отрицательное значеніе для x указываетъ, сколько часовъ тому назадъ резервуаръ былъ полонъ, если съ тѣхъ поръ всѣ краны были открыты и дѣйствовали, какъ сказано въ задачѣ.

Стр. 237. Неловкій переводъ „въ которомъ *и слишкомъ* мало". Надо было сказать „весьма мало".

Стр. 294. Неправильно сказано: „Такимъ образомъ, при непрерывномъ возрастаніи x, трехчленъ непрерывно возрастаетъ". Надо было сказать: „при непрерывномъ измѣненіи x трехчленъ непрерывно измѣняется".

Стр. 337. Неловкое выраженіе: „Смотря потому, *когда* разность положительная или отрицательная, прогрессія бываетъ возрастающая или убывающая". Также на стр. 363 „Постараемся *возстановить* это послѣднее ограниченіе". Не „возстановить", а „уничтожить" или „снять".

Стр. 369. Непрерывность логариѳма принимается, какъ нѣчто очевидное.

Стр. 405 и слѣд. Въ статьѣ о процентахъ слѣдовало бы замѣнить франки рублями.

Стр. 447. Въ статьѣ о неопредѣленныхъ уравненіяхъ не объяснено, почему возможно производить указанныя упрощенія.

Стр. 483. Говорится о безконечной непрерывной дроби безъ всякаго упоминанія о томъ, что надо еще опредѣлить, что понимать подъ этимъ терминомъ и имѣетъ ли онъ смыслъ.

Не можемъ одобрить добавленія, сдѣланнаго переводчикомъ. Понятіе о предѣлѣ изложено не хорошо, ибо въ немъ встрѣчаются термины, ранѣе не опредѣленные. Сущность способа предѣловъ также опредѣлена неудачно. На стр. 497 теорема о произведеніи безконечно малой величины на конечную доказана только для цѣлаго множителя, а въ формулировкѣ теоремы этого условія нѣтъ. Слѣдующая теорема содержитъ излишнее ограниченіе (ибо число множителей можетъ и рости). На стр. 500 въ теоремѣ о предѣлѣ частнаго пропущено условіе, что предѣлъ дѣлителя не нуль. На стр. 505 авторъ говоритъ о несоизмѣримыхъ отношеніяхъ, не опредѣляя, что это такое.

В. Кояловичъ.

***Ариѳметика.** Составили *А. Малининъ* и *К. Буренинъ*. Изданіе двадцать третье (съ измѣненіями). Изд. *В. В. Думнова*. М. 1904. Стр. 247. Цѣна 75 коп.

Изданіе двадцать второе этой книги разсматривалось въ 1903 г. ученымъ комитетомъ и было допущено въ качествѣ руководства для

учебныхъ заведеній министерства съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была тщательно пересмотрѣна и совершенно переработана по указаніямъ ученаго комитета. Несмотря на это постановленіе ученаго комитета, редакторъ новаго изданія не только не переработалъ книги, но не обратилъ даже вниманія на нѣкоторые указанные ему недостатки, устраненіе которыхъ было бы нетрудно. Такъ, напримѣръ, длиннѣйшія формулированія правилъ дѣйствій надъ цѣлыми числами, обременяющія дѣтей безъ всякой пользы, остались и въ новомъ изданіи.

Неправильныя записи: кв. миля содержитъ $7 \cdot 7 = 49$ кв. верст. и

440244 сек. | 60
7337 мин. | 60
122 часа | 24
5 сутокъ

перешли безъ измѣненія въ новое изданіе.

Данные на стр. 159 и 164-ой мелкимъ шрифтомъ невѣрные выводы умноженія и дѣленія дробей остались на тѣхъ же страницахъ новаго изданія.

К. Фохтъ.

******Н. А. Извольскій.* **Ариѳметика.** Часть I. Курсъ 1-го класса. М. 1903. Стр. 1 нен.+78. Ц. 35 к. Часть II. Курсъ II и III классовъ. М. 1904. Стр. 194. Ц. 60 к. Складъ изданія у автора.

Вторая часть ариѳметики г. Извольскаго, содержащая въ себѣ курсъ 2-го и 3-го классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, составлена очень толково. Изложеніе въ ней простое и вообще вѣрное, издана книга хорошо.

Необходимо однако указать на нѣкоторые промахи, которые не мѣшало бы устранить въ слѣдующемъ изданіи книгъ.

На страницѣ 18 признакъ дѣлимости на сложныя числа данъ невѣрный. Не указано, что множители должны быть относительно—простые для того, чтобы данное число дѣлилось на ихъ произведеніе.

На страницѣ 50 дается извѣстное общее для цѣлыхъ и дробныхъ чиселъ опредѣленіе умноженія.

Изъ этого общаго опредѣленія выводятся правила умноженія дробей, а затѣмъ уже выясняется, что умноженіе на дробь есть нахожденіе части множимаго. Полагаю, что было бы лучше начать съ этого болѣе простого опредѣленія умноженія на дробь, а затѣмъ уже перейти къ общему опредѣленію умноженія цѣлыхъ и дробныхъ чиселъ, если его авторъ считаетъ вообще необходимымъ.

На страницѣ 70 находимъ слѣдующую запись:

54 арш. $\times \frac{7}{12} = \frac{54.7}{12} = \frac{9.7}{2} = \frac{36}{2} = 31\frac{1}{2}$ арш., очевидно недопустимую.

На страницѣ 115 выводятся признаки обращенія обыкновенной дроби въ періодическую чистую и смѣшанную.

Признакъ обращенія въ смѣшанную періодическую дробь объясняется тѣмъ, что смѣшанная дробь обращается въ обыкновенную дробь со знаменателемъ, оканчивающимся нулями.

Это объясненіе недостаточно. Надо еще показать, что полученная обыкновенная дробь не можетъ быть сокращена одновременно на 2 и на 5, т. е. что ея числитель не можетъ имѣть на концѣ нуль.

К. Фохтъ.

*Приложенiе алгебры къ геометріи. Составилъ *П. М. Анощенко*, преподаватель Воронежскаго реальнаго училища. Кіевъ. 1905. Стр. 157+II+16 стр. чертежей. Цѣна 1 руб. 20 коп.

По своему содержанію книга г. Анощенко нѣсколько шире, нежели требуется по нынѣшнимъ программамъ, но это конечно не представило бы существеннаго недостатка, если бы изложенное въ книгѣ было изложено хорошо. Къ сожалѣнію, этого сказать нельзя. Изложеніе г. Анощенко весьма несовершенно, оно отрывисто и весьма необработано. Встрѣчаются и погрѣшности по существу дѣла.

Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ промахи и недостатки книги г. Анощенко.

Ограничимся указаніемъ нѣкоторыхъ (далеко не всѣхъ).

1) Недостатки изложенія.

Стр. 5: Измѣрить значеніе величины значитъ найти отношеніе къ другому значенію, *вслѣдствіе этого* (?) принимаемому за единицу, *согласно опредѣленію отношенія* (?)

Стр. 6: Разъ установивъ (что?) мы можемъ на нашу совершенно произвольную единицу *не обращать никакого вниманія.*

Ibid. „линія, какъ имѣющая одно измѣреніе—длину, выражается одной буквой, и обратно—одна буква представляетъ линію". Нѣсколько же ниже оказывается, что одна буква можетъ выражать и поверхность и объемъ, только надо это оговорить.

Стр. 8 § 3: безъ всякаго объясненія говорится, что при счетѣ измѣреній не надо обращать вниманія на тригонометрическія величины.

Ibid. § 4. „Число измѣреній многочлена равно числу измѣреній

каждаго члена отдѣльно". Надо было сказать: „однороднаго многочлена".

Стр. 9: Плохо изложено понятіе объ однородной функціи.

Стр. 10: Говорится о трансцендентныхъ (авторъ упорно пишетъ „трансцедентныхъ") выраженіяхъ безъ малѣйшаго объясненія, что это такое.

Стр. 12: Если однородность нарушена, то это служитъ признакомъ ошибки (?)

Стр. 16: Итакъ, пусть функція b', c', т. е. f(b', c',)=o—уравненіе, которое получимъ, если возьмемъ за единицу какую нибудь линію A.

Ibid. „Измѣнивъ сантиметръ на миллиметръ, всѣ числа измѣнятся въ 10 разъ".

Стр. 28: Формулу какого угодно измѣренія прежде всего приводятъ къ виду одночлена и затѣмъ *смотрятъ* (!!)

Стр. 29: Въ *нѣкоторыхъ случаяхъ*, напримѣръ, *квадратныхъ*, можно строить корни, не рѣшая ур—нія.

Ibid. „Зная построенія формулъ вообще, легко строить и корни уравненія. Для этого надо рѣшить уравненіе и формулу корня построить". Очень просто, жаль только, что неизвѣстно, какъ это сдѣлать.

Стр. 129: Построеніе геометрическихъ мѣстъ или, вообще, кривыхъ по точкамъ на основаніи ихъ уравненія очевидно (!?) *неопредѣленный* геометрическій вопросъ.

Стр. 24: Фактическое опредѣленіе отвлеченнаго числа, равнаго отношенію $\frac{m}{n}$, выполняется по правиламъ геометріи (и бываетъ соизмѣримое и несоизмѣримое) (!!)

2) Недостатки по существу.

На стр. 8 авторъ говоритъ: „Иногда встрѣчаются отношенія двухъ значеній одной и той же величины. Такія отношенія называются количествами нулевого измѣренія". Если сопоставить это съ понятіемъ объ измѣреніяхъ на стр. 5, то выходитъ, что всякая величина будетъ нулевого измѣренія.

На стр. 12 авторъ увѣряетъ, что дѣйствія надъ однородными количествами приводятъ къ однороднымъ результатамъ. А, напримѣръ, сложеніе?

Весь отдѣлъ о нарушеніи и возстановленіи однородности содержитъ разсужденія, которыя по нашему мнѣнію могутъ только запутать уче-

ника, чему также могущественно содѣйствуютъ и задачи въ родѣ помѣщенной на стр. 18, опредѣлить единицу, при которой площадь и периметръ квадрата выражаются однимъ числомъ (при чемъ еще эта единица оказывается равной „четыремъ принятымъ", то-есть произвольной)?!

На стр. 41 и слѣдующихъ авторъ говоритъ о построеніяхъ съ помощью послѣдовательныхъ приближеній и ни единаго слова не говоритъ о сходимости этихъ приближеній. Сверхъ того мы должны рѣшительно осудить постоянныя ссылки на книжку „Элементарный пріемъ рѣшенія численныхъ уравненій". Знакомство съ этой книгой не можетъ считаться обязательнымъ для учениковъ.

Говоря о выраженіи линій уравненіями, авторъ совершенно умалчиваетъ о случаѣ, когда уравненіе удовлетворяется только мнимыми значеніями перемѣнныхъ, на стр. 127 даетъ совершенно непонятное для учениковъ построеніе кривыхъ, на стр. 128 говоритъ о построеніи мнимыхъ кривыхъ (ордината оказывается мнимою).

Повторяемъ, что сдѣланныя нами замѣчанія далеко не исчерпываютъ всѣхъ недостатковъ книги г. Апошенко. Умалчиваемъ также объ огромномъ количествѣ опечатокъ, недопустимомъ въ учебникѣ. Опечатки встрѣчаются даже въ указателѣ опечатокъ.

Б. Кояловичъ.

*Новая геометрія треугольника. *Д. Ефремовъ.* Изданіе „Вѣстника опытной физики и элементарной математики". Одесса. 1903. Стр. 334+X+III+III. Ц. не обозначена.

Книжка г. Ефремова составилась изъ статей, которыя онъ печаталъ въ „Вѣстникѣ опытной физики и элементарной математики". Предметъ ея далеко выходитъ за предѣлы гимназическаго курса и состоитъ главнымъ образомъ въ изложеніи многочисленныхъ теоремъ о разныхъ линіяхъ и точкахъ въ треугольникѣ. За послѣднюю четверть истекшаго вѣка нѣкоторые математики положили много труда на разсмотрѣніе всевозможныхъ прямыхъ точекъ и окружностей, такъ или иначе связанныхъ съ треугольникомъ. Поводомъ къ такому изслѣдованію служило конечно желаніе найти новыя теоремы, аналогичныя извѣстнымъ теоремамъ о томъ, что высоты, медіаны или биссектрисы треугольника пересѣкаются въ одной точкѣ.

Г. Ефремовъ съ величайшею добросовѣстностью собралъ, кажется, все, что было сдѣлано въ этой области, распредѣливъ весь матеріалъ частью въ текстъ, частью въ упражненія. При каждой теоремѣ, каждой точкѣ прямой или окружности онъ заботливо указываетъ имя ав-

тора. Напрасно только г. Ефремовъ приписываетъ (стр. 5) правило знаковъ Möbius'у. Вѣроятно, онъ просто забылъ о Декартѣ.

Наряду съ обиліемъ именъ поражаетъ обиліе терминовъ. Мы встрѣчаемъ, напримѣръ, точки дополнительныя, антидополнительныя, изогональныя, изотомическія, изотомически-сопряженныя, изоциклическія, конциклическія, триполярно-связанныя, циклотомическія и т. д., треугольники—автополярные, антидополнительные, антиподарные, и т. д. Это множество терминовъ дѣлаетъ то, что иногда книга г. Ефремова кажется написанной на какомъ-то особомъ языкѣ, напримѣръ, стр. 163: „Поляра точки Лемуана относительно первой окружности Лемуана есть прямая Паскаля шестиугольника Лемуана", или стр. 297: „Окружность Адамса треугольника ABC гомотетична съ первою окружностью Лемуана треугольника Жергона $\alpha\beta\gamma$ относительно точки Жергона T въ отношеніи 2 къ 1".

Что касается до оцѣнки содержанія книги г. Ефремова, то мы конечно не можемъ согласиться съ мнѣніемъ нѣкоего г. Vigarié, поставленнымъ передъ предисловіемъ какъ эпиграфъ: „La géométrie du triangle est le progrès le plus remarquable qu'aient fait les mathématiques élémentaires en ces derniers temps". Наиболѣе важными и интересными мѣстами „Новой геометріи треугольника" мы считаемъ тѣ, въ которыхъ менѣе всего говорится о треугольникѣ, именно гл. II (ангармонія, гомологія, гомографія, инволюція), гл. III (поляры), гл. IV (преобразованіе взаимными радіусами векторами). Остальное есть собраніе теоремъ, большею частью малозначительныхъ.

Полезныя стороны книги г. Ефремова заключаются, во-первыхъ, въ только что указанныхъ главахъ, а во-вторыхъ, въ томъ, что содержащіяся въ ней теоремы могутъ служить хорошими упражненіями въ элементарной геометріи, хотя бы ихъ научное значеніе и было невелико.

Грубыхъ ошибокъ и промаховъ въ изложеніи мы не нашли, хотя изложеніе вообще должно быть признано довольно тяжелымъ, между прочимъ, благодаря указанному выше обилію терминовъ.

Б. Кояловичъ.

*Дополнительныя статьи алгебры съ предшествующею имъ статьею „приложеніе алгебры къ геометріи". Курсъ VII (дополнительнаго) класса реальныхъ училищъ. 8-ое исправленное и нѣсколько дополненное изданіе. Составилъ *Я. Блюмбергъ.* Ц. 1 р. Митава, 1904 г. Стр. VI + 98.

Прежде всего надо отмѣтить, что заглавіе настоящей книги не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію. Въ заглавіи говорится о „пред-

шествующей статьѣ", именно „приложеніе алгебры къ геометріи", приложено и оглавленіе этой статьи, а самой статьи не имѣется. Недоумѣваемъ, почему это случилось?

Г. Блюмбергъ конечно исправилъ кое-что въ своей книжкѣ, новое изданіе удовлетворительнѣе прежнихъ, но все же осталось еще много недостатковъ и притомъ весьма существенныхъ. Особенно слабы у г. Блюмберга опредѣленія. Опредѣленіе перемѣнной величины изложено такъ (стр. 1), что, напримѣръ, величину, которая можетъ принимать 200.000 различныхъ значеній, придется наименовать постоянною. Опредѣленія алгебраическихъ и трансцендентныхъ функцій невѣрны, ибо изъ нихъ выходитъ, что, напримѣръ, корень уравненія $y^5 + 4y - x = o$ есть трансцендентная функція. Въ зависимости отъ этого невѣрно и опредѣленіе алгебраическихъ и трансцендентныхъ уравненій.

Совершенно неудовлетворительны опредѣленія раціональныхъ и цѣлыхъ функцій. Изъ нихъ выходитъ, что, напримѣръ, $\mathrm{Sin}x$ или $\log x$ есть цѣлая раціональная функція. Опредѣленіе непрерывной перемѣнной также неправильно (стр. 4): слова „такъ что" неумѣстны, ибо второе условіе вовсе не равносильно первому. О непрерывности функціи авторъ говоритъ, какъ о чемъ-то понятномъ само по себѣ.

Авторъ опять проводитъ свою точку зрѣнія, по которой теорія несоизмѣримыхъ чиселъ помѣщается *послѣ* теоріи предѣловъ. Мы не можемъ согласиться съ этимъ взглядомъ: если о несоизмѣримыхъ числахъ говорить послѣ предѣловъ, то ясно, что въ теоріи предѣловъ придется разсуждать о понятіяхъ, которыя еще не опредѣлены. Равнымъ образомъ не можемъ помириться съ тѣмъ, что авторъ старается *доказать* положеніе: если $a + bi = c + di$, то $a=b$, $c = d$. Вѣроятно, г. Блюмбергъ не совсѣмъ понимаетъ, въ чемъ тутъ дѣло.

Можно указать еще много промаховъ и погрѣшностей.

На стр. 1 выраженіе $2d(n-2)$ (d прямой уголъ) „надо считать перемѣнною величиною, способною принимать всѣ *цѣлыя* значенія отъ o до ∞".

На стр. 2 функція опредѣляется только какъ „результатъ дѣйствій надъ перемѣнными".

На стр. 5 „функція... переходя отъ значенія $+\infty$ къ значенію $-\infty$, но минуя всѣ промежуточныя значенія". Какія же именно?

Ibid. „Способъ нахожденія предѣла перемѣнной называется способомъ предѣловъ". Методъ предѣловъ вовсе не состоитъ *только* въ нахожденіи предѣловъ.

Стр. 7 въ теоремѣ 2-ой не сказано, что $\alpha > o$.

Стр. 10, теорема 11. Не сказано, что предѣлъ знаменателя долженъ быть отличнымъ отъ нуля. Иначе теорема можетъ потерять смыслъ.

Стр. 12. Авторъ пользуется свойствомъ показательной функціи $\left(N^{\frac{1}{p+1}} < N^{\alpha} < N^{\frac{1}{p}}\right)$, которое доказывается только на стр. 71.

На стр. 14 находимъ явно невѣрное утвержденіе, что всякая функція непрерывна.

На стр. 16 говорится объ отношеніи несоизмѣримыхъ чиселъ, какъ о чемъ-то ясномъ само по себѣ.

На стр. 22 утверждается, что будто мнимыя числа „лишены всѣхъ признаковъ величинъ“.

Стр. 30. Авторъ говоритъ, что при помощи „формулъ (1) и (2) предыдущаго можно опредѣлить корень всякой четной степени изъ (—1)“ и забываетъ, что это можно сдѣлать только тогда, когда уже извѣстно извлеченіе корней какой угодно степени изъ $+1$.

Стр. 35. Авторъ говоритъ объ извлеченіи корней *изъ комплексныхъ* чиселъ и даетъ только одно значеніе корня, даже не упоминая объ остальныхъ.

Стр. 43. Редакція теоремы 1-ой неправильна грамматически.

Стр. 55. Авторъ доказываетъ, что уравненіе $z^n = 1$, имѣетъ только одинъ вещественный корень, потому что „при всякомъ другомъ вещественномъ z, z^n не можетъ равняться единицѣ“. Да вѣдь это же и надо доказать!

Стр. 58. Авторъ ошибочно утверждаетъ, будто всѣ корни двучленнаго уравненія заключаютъ въ ряду α, α^2. α^3—α^ne, если α есть его *мнимый* корень. Предлагаемъ автору попробовать получить такимъ образомъ всѣ корни уравненія $x^8 = 1$ изъ его *мнимаго* корня $x = i$. Авторъ, очевидно, слыхалъ о первообразныхъ корняхъ, но не вполнѣ разъяснилъ себѣ суть дѣла.

Б. Коялович.

*Разложеніе алгебраическихъ количествъ на первоначальныхъ множителей и собраніе примѣровъ по П. Брассеру. Составилъ *Ю. Я. Леоке*. С.-Пб. Изданіе книжнаго склада, книгоиздательства и типо-литографіи А. Е. Винеке. 1904. Стр. 48. Цѣна 60 коп.

Г. Леоке напрасно приписываетъ себѣ „составленіе“ этой книжки: она представляетъ собою, насколько мы могли провѣрить, дословный переводъ одноименной французской статьи г. P. Brasseur.

Содержаніе книжки составляютъ всевозможныя правила для умноженія, дѣленія и разложенія на множители разныхъ алгебраическихъ выраженій. Затѣмъ слѣдуетъ собраніе примѣровъ, въ которомъ г. Леоке сдѣлалъ нѣкоторыя добавленія къ французскому оригиналу.

Мы принципіально не можемъ одобрить такого раздуванія отдѣльнаго и притомъ не весьма важнаго вопроса въ цѣлую книгу, какъ это сдѣлано гг. Brasseur'омъ и Леоке. Конечно, можно всякій вопросъ алгебры растянуть въ цѣлый трактатъ—намъ припоминается одна нѣмецкая книга, авторъ которой написалъ (если не ошибаемся) тридцать девять случаевъ при рѣшеніи уравненій первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ. Но такое раздуваніе нарушаетъ всякую стройность изложенія предмета, да и невозможно заставлять учениковъ пріобрѣтать особую книжку для каждаго вопроса. Придавать разложенію на множители какое-то особое значеніе, какъ дѣлаетъ переводчикъ въ предисловіи, мы не можемъ. Равнымъ образомъ не можемъ согласиться и съ тѣмъ, что „безупречное разложеніе на множителей служитъ какъ бы краеугольнымъ камнемъ въ математикѣ для воспитанниковъ не только среднихъ, но часто и старшихъ классовъ“. Авторъ, плохо владѣющій русскимъ языкомъ, вѣроятно хотѣлъ сказать „камнемъ преткновенія“, но и этотъ аргументъ не представляется убѣдительнымъ, ибо задача средняго образованія вовсе не состоитъ въ томъ, чтобы вырабатывать въ ученикахъ виртуозность въ рѣшеніи вопросовъ, которые по своему существу собственно говоря и не относятся къ курсу средней школы.

Обращаясь къ содержанію разбираемой книги, мы должны прежде всего обратить вниманіе на недостатки французскаго оригинала. По нашему мнѣнію, книжка г. Brasseur'а настолько плоха, что можно только удивляться, какимъ образомъ она была „autorisé dans les écoles normales“ и рекомендована военнымъ министромъ для полковыхъ школъ (Неужели въ полковыхъ школахъ такъ подробно проходится алгебра или тамъ вся алгебра только и состоитъ изъ разложенія на множители?). Въ Россіи такая книжка не получила бы никакого одобренія.

Всѣ недостатки и ошибки французскаго оригинала сохранены г. Леоке въ полной неприкосновенности. Приведемъ примѣры.

Стр. 1 безъ всякой оговорки утверждается, что квадратъ одночлена всегда положителенъ.

Стр. 3 и 8 авторъ любезно предупреждаетъ учениковъ, что „неправильно дать слѣдующія равенства $a^2+b^2=(a+b)^2$, $(a-b)^2=a^2-b^2$,

$a^3 + b^3 - (a+b)^3$ и т. д.". Такихъ неравенствъ можно было прибавить еще очень много, напр. $(a+b)^{100} = a c^2$, $b^2 = c^2 - a^2$ $a^7 = 800a$ и т. д. Да и не худо было бы выяснить, что такія равенства могутъ въ частныхъ случаяхъ и оказаться правильными.

Стр. 6. „Коэффиціентъ при $3x^2$ не есть точный квадратъ". Неужели? Вѣдь этотъ коэффиціентъ есть 1. И авторъ и переводчикъ не видятъ, что они говорятъ не о коэффиціентѣ при $3x^2$, а о коэффиціентѣ при x^2.

Стр. 10. Невѣрное опредѣленіе цѣлаго многочлена. Подъ это опредѣленіе подойдетъ и такое выраженіе $2^x + 3^2x$.

Стр. 13. Невѣрное опредѣленіе полнаго многочлена. Г. Brasseur сейчасъ бы увидѣлъ свою ошибку, если бы подумалъ о такихъ примѣрахъ дѣленія какъ $(4x^4 - 3x^2 - 1) : (x - 1)$.

Стр. 32. Совершенно невѣрное разсужденіе: изъ того, что степени x'а постепенно убываютъ на единицу, авторъ заключаетъ, что двучленный дѣлитель долженъ быть первой степени. А напримѣръ: $x^4 - ax^3 + 3x^2 + ax + 2$ дѣлится на $x^2 + 1$.

Къ этимъ ошибкамъ оригинала г. Леоке присоединилъ немалое количество своихъ собственныхъ. Вотъ примѣры.

Стр. 2. „Примѣчаніе. Обыкновенно подъ буквами a и b можно подразумѣвать какія угодно количества". Не обыкновенно, а всегда. Г. Леоке просто не понялъ соотвѣтствующей французской фразы. То же самое на стр. 9.

Стр. 14. § 19. Авторъ рекомендуетъ извѣстное расположеніе дѣйствій. Г. Леоке передаетъ это мѣсто въ совершенно искаженномъ видѣ, уничтожая всякую цѣну рекомендуемаго пріема.

Стр. 20. § 31. „Итакъ, данный двучленъ есть разность двухъ квадратовъ: *ибо* извѣстно, что разность двухъ квадратовъ равна произведенію суммы на разность". Не „ибо", а „но". Переводчикъ не понялъ французскаго „or".

Стр. 21. § 32, п. b. Г. Леоке опять не понялъ своего оригинала. Надо было сказать: „Три члена составляютъ полный квадратъ *и при этомъ* получается разность двухъ квадратовъ". Второе условіе не есть слѣдствіе перваго.

Стр. 29. § 41. Грубая ошибка въ переводѣ правила. Надо было сказать „смотря по тому, будетъ ли *третій членъ* положителенъ или отрицателенъ". Невольно возникаетъ вопросъ, понимаетъ ли самъ г. Леоке то, о чемъ онъ пишетъ.

Стр. 32. § 46. Авторъ говоритъ, что старшіе и младшіе члены

не могутъ (при умноженіи) сократиться съ другими, а г. Леоке переводитъ такъ: „крайніе члены ничѣмъ не связаны съ другими—средними“.

Русскимъ языкомъ г. Леоке владѣетъ очень плохо.

Напримѣръ:

Стр. 4. „Разсмотримъ подобнаго рода многочлены, какъ сумму и разность двухъ количествъ“.

Стр. 7. „Недостающійся членъ“.

Стр. 8. „Одночленъ представляетъ собою точный кубъ, когда: вопервыхъ, коэффиціэнтъ его *этимъ уже есть*“.

Стр. 12. „Показатели... уменьшаются послѣдовательно на единицу *между каждыми членами*“.

Стр. 20. „Всякій двучленъ *разлагаемъ*, если онъ“ и т. д.

Стр. 24. „Здѣсь имѣютъ мѣсто наиболѣе чаще слѣдующіе случаи“.

Стр. 27. „Если данный... трехчленъ... есть разлагаемъ“.

Б. Кояловичъ.

**Ф. Индриксонъ.* Нѣсколько работъ по физикѣ для учениковъ средней школы. С.-Пб. 1905. 108+II стр. Цѣна 70 коп.

Нельзя не привѣтствовать появленія этой книги и не поздравить автора, давшаго самостоятельный трудъ, а не столь излюбленный у насъ переводъ труда иностраннаго.

Заграницей вопросъ о практическихъ упражненіяхъ учениковъ средней школы имѣетъ уже довольно обширную литературу; точныхъ же свѣдѣній о томъ, въ какой мѣрѣ эти упражненія дѣйствительно ведутся, пока не имѣется. У насъ въ Россіи попытки устроить такія упражненія дѣлались неоднократно, и, повидимому, всегда съ большимъ успѣхомъ. Извѣстно, напримѣръ, что въ Маріупольской гимназіи практическія упражненія по физикѣ поставлены весьма серьезно и даже обязательны для всѣхъ учащихся.

Г. Индриксонъ уже нѣсколько лѣтъ ведетъ такія упражненія въ частной гимназіи К. И. Мая въ С.-Петербургѣ. Въ своемъ трудѣ онъ даетъ весьма полезное пособіе какъ для учащихся, такъ и для учителей, намѣревающихся послѣдовать его благому примѣру и устроить, хотя бы и необязательныя упражненія по физикѣ.

Авторъ подробно разсматриваетъ пятьдесятъ задачъ, относящихся ко всѣмъ отдѣламъ физики. Общую форму изложенія задачъ можно назвать образцовой для подобнаго рода пособій. Даны всѣ необходимыя указанія на законы, или формулы, на которыхъ основано данное упражненіе; приведенъ списокъ приборовъ, матеріаловъ и т. д., которыми приходится пользоваться; указаны предосторожности, которыя

слѣдуетъ имѣть въ виду и т. д. Вопросъ объ опредѣленіи степени точности добытыхъ результатовъ разсмотрѣнъ съ достаточною подробностью и вполнѣ ясно.

Въ концѣ разбора многихъ задачъ авторъ кратко указываетъ на возможныя ихъ улучшенія, или вообще видоизмѣненія, предоставляя ученикамъ *самимъ* обдумать способъ рѣшенія измѣненной задачи, что, несомнѣнно, можетъ принести большую пользу учащимся, развивая въ нихъ нѣкоторую долю самостоятельности.

Укажемъ на немногочисленные мелкіе промахи:

Неудачно формулированы законъ Архимеда (стр. 18), опредѣленіе плотности газовъ (стр. 34) и законъ равнаго освѣщенія поверхности двумя источниками свѣта (стр. 75).

Стр. 71: „и числомъ колебаній въ 1 сек. n“ вмѣсто „и числомъ n колебаній въ 1 сек.“

Стр. 94: слова „и опредѣливъ въ ней потенціалъ“ не нужны и могутъ вызвать недоразумѣніе.

Знакъ вычитанія и тирэ не всегда можно отличить другъ отъ друга; то же самое относится къ цифрѣ нуль и къ буквѣ О. Поэтому трудно сразу правильно прочесть, напримѣръ, первыя двѣ строки объясненія задачи 36-й на стр. 77.

Важную формулу $\delta = \delta_1, \delta_2$ (стр. 24) слѣдовало бы помѣстить въ отдѣльную строку.

Замѣна словъ „первый“, „второй“, „первымъ“, „вторымъ“ и т. д. *посреди текста* римскими цифрами I и II затрудняетъ чтеніе; см. напр. строки 8-ую и 9-ую сверху на стр. 52.

На стр. 15 два раза помѣщенъ знакъ вычитанія вмѣсто ряда точекъ. На той же страницѣ напечатано 221.2 вмѣсто 221,2 и 100,2 вмѣсто 100.2.

На стр. 94 напечатано V b B вмѣсто A b B.

Въ концѣ книгѣ помѣщены XII таблицъ численныхъ значеній различныхъ физическихъ величинъ.

Разсмотрѣнная книга представляетъ полезное и отрадное явленіе въ нашей учебной литературѣ по физикѣ.

О. Хвольсонъ.

*Проф. *Ф. Содди*. Радіоактивность. Элементарное изложеніе съ точки зрѣнія теоріи распада атомовъ. Съ 38 рисунками. Переводъ съ англійскаго *Ф. Н. Индриксона*. С.-Пб. 1905. XI+243 стр. Цѣна 2 руб.

Поразительное открытіе радіоактивности вызвало появленіе большого числа книгъ, авторы которыхъ старались дать по возможности

полную картину всего того, что къ данному моменту сдѣлано въ новой, быстро развивающейся области радіоактивныхъ явленій. Одна изъ лучшихъ, относящихся по этому предмету книгъ принадлежитъ перу англійскаго ученаго Soddy, одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ Rutherford'а, который, какъ извѣстно, послѣ Curie чуть ли не болѣе всѣхъ и съ наибольшимъ успѣхомъ работалъ надъ выясненіемъ свойствъ радіоактивныхъ веществъ. Книга Soddy отличается между прочимъ тѣмъ, что авторъ ея не пользуется высшею математикою, такъ что она по содержанію несравненно болѣе общедоступна, чѣмъ большинство другихъ, сколько нибудь обширныхъ книгъ, трактующихъ о радіоактивности.

Переводъ г. Индриксона, который и самъ съ успѣхомъ работалъ въ области радіоактивныхъ явленій (онъ одинъ изъ первыхъ подтвердилъ образованіе гелія изъ радія), никакихъ замѣчаній не вызываетъ. Весьма желательно, чтобы эта интересная книга получила самое широкое распространеніе.

Ѳ. Хвольсонъ.

**Н. Маракуевъ.* Руководство къ рѣшенію задачъ по физикѣ. Курсъ средней школы. 956 задачъ съ отвѣтами и рѣшеніями и съ 284 фигурами въ текстѣ. Москва 1905. VIII+650 стр. Цѣна 3 руб.

Наконецъ-то и на нашей улицѣ праздникъ! могутъ воскликнуть русскіе любители физики. Еще не за горами время, когда у насъ имѣлись всего нѣсколько „толстыхъ" учебниковъ физики, половину содержанія которыхъ не могла одолѣть наша средняя школа, а задачниковъ по физикѣ не было ни одного. Теперь мы имѣемъ три хорошихъ учебника физики надлежащихъ размѣровъ и цѣлый рядъ оригинальныхъ и переводныхъ задачниковъ.

Когда удовлетворены насущныя потребности, можно подумать и о роскоши. Такою роскошью является „руководство къ рѣшенію задачъ по физикѣ" Н. Маракуева.

Въ этой книгѣ помѣщены 956 задачъ по всѣмъ отдѣламъ физики, при чемъ почти для всѣхъ задачъ дано и разъяснено подробное рѣшеніе. Изъ предисловія видно, что авторъ разсматриваетъ свою книгу, какъ пособіе къ курсу физики, которое можетъ начинающимъ помочь пріобрѣсти надлежащій навыкъ рѣшать физическія задачи, обращаться съ C. G. S. системою единицъ и т. д.

Просмотрѣнныя нами задачи почти никакихъ замѣчаній не вызываютъ. Можно развѣ указать, что нѣкоторыя задачи слишкомъ трудны (напр. зад. 208 и 593).

Неправильно рѣшена зад. 569; при 6950° свинецъ, конечно, испарился, а потому необходимо учесть скрытую теплоту испаренія.

Совершенно неясно формулирована зад. 897; здѣсь перепутаны понятія объ электродвижущей силѣ и о разности потенціаловъ, такъ что нельзя понять, что дано и что требуется найти.

Выраженіе „Ее питаетъ распредѣленіе въ 110 вольтъ" (зад. 932) не принято.

Чертежы сдѣланы довольно аляповато, отъ руки, и вслѣдствіе этого иногда неправильно. Весьма плохъ напр. черт. 116 стр. 406. Черточки, которыя должны быть на равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ, разставлены какъ попало, вслѣдствіе чего чертежъ противорѣчитъ тексту: у k_1 верхняя черточка не совпадаетъ съ нижней.

Не ясно, для какихъ практическихъ цѣлей авторъ назначилъ свою книгу. Она превосходна для самостоятельно работающихъ, серьезно желающихъ изучить основы физики. Но для классного употребленія она, очевидно, не годится, такъ какъ въ ней нѣтъ задачъ, которыя учитель могъ бы задать учащимся, если въ рукахъ послѣднихъ будетъ находиться эта книга. Можетъ быть, было бы лучше, если бы авторъ значительно сократилъ число рѣшенныхъ задачъ, но за то прибавилъ бы большее число нерѣшенныхъ задачъ для упражненія.

Ѳ. Хвольсонъ.

***Начальный курсъ физики и механики.** Любавское Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. Составилъ инженеръ *Л. П. Бѣлявинъ.* С.-Пб. 1904. 247 стр. Цѣна 1 руб.

Много мнѣ приходилось въ жизни перечитывать и просматривать различныхъ учебниковъ физики, но книги, подобной учебнику Л. Бѣлявина, я ни разу не встрѣчалъ.

Книги бываютъ хорошія, посредственныя, плохія и никуда не годныя. Читая книги первой категоріи, убѣждаешься, что авторъ основательно знакомъ съ предметомъ, правильно понимаетъ научный матеріалъ, умѣетъ его расположить и изложить въ ясной, удобопонятной формѣ, правильнымъ языкомъ и т. п. Если попадаются промахи, то мелкіе и не важные. Въ посредственныхъ книгахъ встрѣчаются уже и крупные промахи, хотя въ умѣренномъ количествѣ. Въ плохихъ учебникахъ такихъ крупныхъ промаховъ великое количество; пользоваться такими книгами уже невозможно. Наконецъ учебники послѣдней категоріи обыкновенно характеризуются тѣмъ, что они испещрены плодами собственной фантазіи автора, полагающаго, что удобнѣе и проще при-

думать свою науку, чѣмъ утруждать себя изученіемъ того, что было сдѣлано другими.

Книга г. Бѣлявина представляетъ невиданную комбинацію учебника первой съ учебникомъ послѣдней категоріи, хотя, окончательно, ее и приходится помѣстить именно въ эту послѣднюю категорію, согласно съ извѣстною поговоркою о ложкѣ дегтя, прибавленной къ бочкѣ меда. А у г. Бѣлявина такихъ ложекъ *три*, да и самыя ложки обладаютъ необыкновенно большими размѣрами.

Оставляя пока въ сторонѣ отрицательныя стороны учебника, мы должны сказать, что при чтеніи „всего остальнаго", составляющаго *не менѣе 97%, всей книги*, мы испытывали истинное наслажденіе. Полное знакомство автора съ предметомъ, рѣдко встрѣчающееся умѣнье давать точныя и ясныя опредѣленія, удобопонятность изложенія, ясность и правильность языка могли бы изъ этой книги сдѣлать прекрасный учебникъ для тѣхъ школъ, къ программамъ и задачамъ которыхъ она подходитъ по своему содержанію.

Мелкіе промахи немногочисленны, легко исправимы и почти вовсе не умаляютъ свойствъ учебника.

Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ:

На стр. 131 читаемъ, что болиды въ атмосферѣ „загораются яркимъ пламенемъ". Горѣніе и пламя, очевидно, представляютъ явленіе рѣдкое и второстепенное.

Стр. 143: „Всѣ намъ извѣстные природные (?) газы уже превращены въ жидкости". Гелій въ жидкость не превращенъ.

Стр. 166. Авторъ невѣрно утверждаетъ, что стеклянная палочка теряетъ свою электризацію, если ея коснуться металлическимъ шарикомъ, взятымъ въ руку.

Стр. 227. Читатель можетъ подумать, что изображеніе предмета на сѣтчатой оболочкѣ получается только благодаря присутствію въ глазу чечевицы.

Стр. 230. Неправильно то, что авторъ говоритъ по вопросу о хроматической аберраціи въ двояковыпуклыхъ стеклахъ.

Вотъ, кажется, и все; это мелочи!

Теперь обращаемся къ тѣмъ тремъ „ложкамъ дегтя", изъ за которыхъ приходится перевести книгу изъ первой изъ указанныхъ выше категорій—въ послѣднюю.

I. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что авторъ не признаетъ современнаго ученія о теплотѣ. Онъ считаетъ теплоту за нѣчто, существующее внѣ частицъ матеріи, дѣйствующее на эти частицы, стре-

мящееся удалить ихъ другъ отъ друга. Легко выписать изъ книги огромное число мѣстъ, доказывающихъ справедливость только что сказаннаго.

Приведемъ нѣкоторыя изъ такихъ мѣстъ.

Стр. 8: „.... теплоты, которая отталкиваетъ частицы одну отъ другой".

Стр. 9. „Мы знакомы...... съ *силой теплоты*, которая отталкиваетъ частицы одну отъ другой".

Стр. 130: „.... другая (сила).... стремится раздѣлить частицы, удалить ихъ одну отъ другой; эта сила называется *теплотой*"; то же на стр. 134, 233 и др.

Стр. 145. Рѣчь идетъ объ упругости нагрѣтыхъ паровъ и газовъ. „Заключенная въ немъ (въ парѣ) теплота стремится еще болѣе раздвинуть частицы". „Теплота раздвигаетъ частицы тѣла и удаляетъ ихъ одну отъ другой. Чѣмъ болѣе нагрѣто тѣло, тѣмъ значитъ болѣе въ немъ силы теплоты и тѣмъ сильнѣе частицы раздвигаются и *давятъ на стѣнки*". Этотъ примѣръ особенно ясенъ! Увеличеніе давленія газа или пара на стѣнки сосуда, при повышеніи температуры, объясняется тѣмъ, что теплота „сильнѣе раздвигаетъ частицы"!

Еще лучше стр. 235: „Сила теплоты, своей энергіей (!!) раздвигающая частицы матеріи".

Однако, чтобы не оставить никакого сомнѣнія въ томъ, что авторъ не признаетъ современнаго ученія о теплотѣ, онъ ясно и отчетливо высказываетъ свою собственную теорію. На стр. 238 мы узнаемъ, что „дрожаніе или колебаніе эфира производитъ (!) энергію, дѣйствія которой мы наблюдаемъ......; при одной величинѣ или скорости колебанія, *энергія явится въ видѣ теплоты*" и т. д. При бóльшей скорости колебаній имѣемъ свѣтъ, при еще большей химическую энергію (!!) и, наконецъ, лучи Рентгена (см. стр. 232).

Все это представляется загадкой, отгадать которую трудно! Вѣдь немыслимо допустить, чтобы авторъ не зналъ, что тепловая энергія есть энергія *движенія* частицъ, что возростаніе давленія газа при повышеніи температуры объясняется увеличеніемъ *скорости движенія* частицъ, ударяющихся въ стѣнку сосуда. Вѣдь все это укоренилось въ наукѣ 50 лѣтъ тому назадъ и давно сдѣлалось достояніемъ чуть ли не всѣхъ умѣющихъ читать.

Непостижимо!

II. Авторъ посвятилъ двѣ страницы (231 и 232) вопросу о спектрахъ. Это нѣчто чудовищное! „Если пристально разсматривать спектръ

(не сказано, какой), то увидимъ, что въ немъ поперегъ его.... проходятъ тонкія *темныя* полоски. Оказалось, что эти полоски происходятъ отъ присутствія въ свѣтящемся тѣлѣ (!!) тѣхъ или другихъ химическихъ элементовъ или простыхъ тѣлъ. Напримѣръ, если въ свѣтящемся тѣлѣ есть водородъ, то въ спектрѣ всегда будетъ въ опредѣленномъ мѣстѣ полоска; если ея нѣтъ, значитъ и въ тѣлѣ нѣтъ водорода. Если въ тѣлѣ есть натрій—опять въ спектрѣ будетъ въ другомъ мѣстѣ своя полоска"..... „наблюдая спектръ, можно по полоскамъ узнать, изъ какихъ простыхъ тѣлъ состоитъ свѣтящееся тѣло". „Если мы получимъ спектръ и онъ будетъ цвѣтной съ темными полосками—это значитъ, что свѣтящееся тѣло или твердое или жидкое". „Красные лучи несутъ съ собою главнымъ образомъ тепло, остальные менѣе теплы, фіолетовые почти не имѣютъ тепла".

Ну, не загадка ли все это? Какъ это могло случиться? Какъ это объяснить? Неужели авторъ не знаетъ, что всѣ твердыя и жидкія тѣла даютъ сплошные спектры безъ всякихъ полосъ? что спектры съ темными линіями и полосами суть спектры *поглощенья*? Неужели онъ не слыхалъ о происхожденіи фраунгоферовыхъ линій? и неужели онъ серьезно полагаетъ, что есть лучи, носящіе съ собою теплоту, и другіе, лишенные этого удовольствія?

Непостижимо!

III. Послѣдняя глава, „Энергія, ея виды", по характеру содержанія мало уступаетъ тому, что было указано въ пунктахъ I и II. Кажется нѣтъ отдѣла физики, который былъ бы въ такой степени разработанъ *дидактически*, какъ ученіе объ энергіи. Въ сотняхъ популярныхъ статей этотъ вопросъ пережевывался и разъяснялся. Ничего нѣтъ легче, какъ написать маленькую, толковую статью объ энергіи для какого угодно уровня читателей, до маленькихъ дѣтей включительно.

Изложеніе автора—это какой-то хаосъ! Не дано даже опредѣленія термина „энергія", ни слова о томъ, что энергія бываетъ кинетическая и потенціальная, не выясненъ принципъ сохраненія энергіи и нѣтъ намека на принципъ Карно, о которомъ слѣдовало бы сказать въ книгѣ, назначенной для техниковъ и содержащей большую главу о паровой машинѣ.

Авторъ постоянно говоритъ объ энергіи той или другой силы! При ударѣ молота о наковальню часть энергіи удара (!) перешла въ тепловую, „а частью осталась механической, но дѣйствующей невидимымъ для насъ образомъ между частицами орудій".

Мы уже привели чудную теорію автора, по которой всѣ формы энергіи производятся дрожаніемъ эфира, въ зависимости только отъ скорости дрожанія.

Непостижимо!

О. Хвольсонъ.

**П. Вольногорскій.* По бѣлу свѣту. Великій путь. Съ картою Сибирской желѣзной дороги и 79 рисунками въ текстѣ. Москва. 1904. Стр. 240. Цѣна 1 рубль.

Въ предисловіи авторъ, между прочимъ, говоритъ: „Въ настоящей книжкѣ мы не ставили себѣ задачей выяснить значеніе Великаго Сибирскаго пути, мы хотѣли лишь отвѣтить назрѣвшей потребности дать подростающему поколѣнію отчетливое представленіе объ этомъ грандіозномъ сооруженіи, приходящемъ нынѣ къ благополучному окончанію“ (стр. 8). Эта задача выполнена при помощи сочиненій, путешествій, касающихся разныхъ частей Сибири, великаго Сибирскаго пути, а равно Манчжуріи и Квантунской области. Вездѣ, гдѣ представлялось возможнымъ, говорится въ предисловіи (стр. 8), „мы старались говорить подлинными словами авторовъ — очевидцевъ“.

Весь матеріалъ въ книгѣ подраздѣляется на слѣдующіе отдѣлы: 1) Пермь-Тюменская желѣзная дорога, 2) Самаро-Златоустовская желѣзная дорога, 3) Западно-Сибирская желѣзная дорога, 4) Средне-Сибирская желѣзная дорога, 5) Забайкальская желѣзная дорога, 6) Амуръ, 7) Уссурійская желѣзная дорога и 8) Восточно-Китайская желѣзная дорога.

При каждомъ очеркѣ авторъ останавливается на техническихъ трудностяхъ проведенія желѣзной дороги въ зависимости отъ физическихъ условій края и касается перемѣнъ, происшедшихъ въ занятіяхъ жителей съ проведеніемъ желѣзной дороги. Сообщаются разныя историческія, хозяйственныя и техническія подробности о заводахъ по Уралу, а равно разныя достопримѣчательности о лежащихъ по желѣзнымъ дорогамъ городахъ, деревняхъ и станціяхъ. Всѣ такого рода подробности нѣсколько ослабѣваютъ по отношенію къ Восточно-Китайской желѣзной дорогѣ, но зато дается много мѣста описанію Дальняго и Портъ-Артура.

Въ общемъ, эта книжка содержитъ въ себѣ много хорошаго и сконцентрированнаго матеріала; но въ силу розпообразія содержанія она можетъ сосредоточить на себѣ вниманіе только читателя болѣе серьезнаго или спеціально интересующагося описываемымъ предметомъ.

Приложенные къ путеводителю рисунки такъ же разнообразны,

какъ содержаніе книги, такъ какъ тутъ читатель найдетъ нѣкоторые пейзажи изъ природы, виды городовъ или улицъ, заводовъ, мостовъ, памятниковъ, судовъ-ледоколовъ, сцены изъ быта туземцевъ и т. п. Всѣ рисунки въ общемъ можно считать удовлетворяющими своей цѣли.

Карта, приложенная къ книгѣ, въ техническомъ отношеніи не изящна, но достаточно наглядна и можетъ удовлетворить нетребовательнаго читателя. Нельзя не пожалѣть только, что ея содержаніе не всюду соотвѣтствуетъ тексту. Такъ, опущены многія названія, хотя мѣсто для нихъ есть, напримѣръ: Тюмень, станціи Сохондо и Яблоновая, между которыми находится перевалъ черезъ Яблоновый хребетъ, станція Маккавеево, Китайскій разъѣздъ, отъ котораго отдѣляется вѣтвь на соединеніе съ Восточно-Китайской желѣзной дорогой, станціи Ага и Маціевская или Сибирь.

Въ самомъ текстѣ встрѣчаются нѣкоторыя неточности, въ родѣ слѣдующихъ:

На стр. 7 утверждается, будто союзъ Франціи съ Россіею заключенъ, какъ противовѣсъ союза Англіи съ Японіею.

На стр. 12 въ селѣ Мотовилихѣ показано 16.000 жителей, а на стр. 14-ой—12.000.

На стр. 24 читаемъ: „Гора Благодать названа такъ въ честь императрицы Анны Іоанновны, имя которой по европейски (?) значитъ — Благодать".

На стр. 26 сообщается, что въ 1728 году Никита Демидовъ представилъ Петру I (?) образчикъ полотна изъ асбеста.

Страннымъ кажется также, что авторъ только между нѣкоторыми желѣзно-дорожными пунктами обозначилъ число верстъ, такъ что читатель остается въ неизвѣстности, на сколько верстъ тянется Великій Сибирскій путь.

И. Беллярминовъ.

*Р. *Крикмейеръ*. Учебникъ географіи. I. Общая часть. Рига. 1904. Стр. X+143. Цѣна въ переплетѣ 80 коп.

Названный учебникъ производитъ пріятное впечатлѣніе по своей внѣшности. Напечатанъ онъ хорошимъ, крупнымъ, четкимъ шрифтомъ на прекрасной бумагѣ, снабженъ большимъ числомъ рисунковъ, которые, хотя и напечатаны не всегда хорошо, но выбраны весьма удачно.

Въ довольно длинномъ предисловіи составитель высказываетъ общія соображенія относительно задачъ преподаванія географіи въ среднихъ

учебныхъ заведеніяхъ. Изъ этихъ соображеній прежде всего обращаетъ на себя вниманіе нижеслѣдующее: „слѣдуетъ предъявлять къ ученикамъ возможно меньше требованій, за то возможно болѣе давать имъ и, прежде всего, возбудить въ нихъ интересъ, любовь къ предмету“ (стр. VIII). Въ высказанномъ мнѣніи безспорно только одно положеніе, что нужно возбудить интересъ и любовь къ предмету; но мнѣніе, что на низшей ступени обученія нужно давать ученикамъ какъ можно больше, а требовать отъ нихъ возможно меньше, абсолютно не вѣрно, какъ съ педагогической точки зрѣнія, такъ, въ частности, и съ методической. На всѣхъ ступеняхъ обученія и особенно на низшей необходимо давать ученикамъ столько матеріала, сколько они могутъ воспринять и переработать, и, на сколько возможно, требовать во всемъ отчета. Увлеченіе вышеупомянутымъ неправильнымъ мнѣніемъ, очевидно, и было причиною, что составитель довелъ свой начальный курсъ до черезчуръ большихъ размѣровъ: если исключить изъ книги рисунки и чертежи, а равно описаніе опытовъ, то въ ней останется приблизительно до 75 страницъ такого матеріала, который долженъ быть не только выученъ, но и продуманъ, такъ какъ въ книгѣ ничего нѣтъ для прочтенія. Та же причина, очевидно, вызвала внесеніе въ книгу большого числа примѣчаній, такъ что на нѣкоторыхъ страницахъ встрѣчается по 3—4 замѣчанія, при чемъ замѣчанія эти въ большинствѣ случаевъ назначаются для учениковъ; если содержаніе примѣчаній необходимо, *то имъ мѣсто въ текстѣ, если же не необходимо*, то они не должны имѣть мѣста или, по крайней мѣрѣ, въ самомъ ограниченномъ количествѣ.

Видимо, что та же причина породила еще слѣдующій болѣе важный недостатокъ, именно внесеніе въ начальный учебникъ свѣдѣній, завѣдомо ненужныхъ или преждевременныхъ. Примѣровъ этого много, но я ограничусь только наиболѣе важными изъ нихъ въ порядкѣ страницъ:

На стр. 6—7, въ § 4-мъ, говорится о пятнахъ на солнцѣ и при этомъ даже представляется чертежъ кажущагося измѣненія солнечныхъ пятенъ.

На стр. 11—13 говорится о проекціяхъ черченія картъ, при чемъ представляется градусная сѣть по проекціи Меркатора; но при этомъ, кстати замѣтимъ, что на своемъ мѣстѣ не показано различія между картою и планомъ.

На стр. 26 дѣлается упоминаніе о вѣкахъ мѣдномъ и каменномъ, а на стр. 65 представляется маленькая экскурсія въ ледниковый періодъ.

На стр. 27—28 въ утвердительномъ смыслѣ говорится объ огненно-жидкомъ состояніи внутренности земли, и представляется даже чертежъ такого гадательнаго явленія.

На стр. 29 сообщаются свѣдѣнія о сбросахъ земной коры, на стр. 127—о приспособленіи животныхъ къ условіямъ жизни и на стр. 134 о плодоперемѣнной системѣ обработки земли.

Указанныя и подобныя имъ свѣдѣнія, хотя сами по себѣ не трудны для усвоенія, но въ начальномъ курсѣ они неудобны потому, что мѣшаютъ сосредоточенію вниманія учениковъ на главномъ предметѣ курса, предвосхищаютъ интересъ предмета въ старшихъ классахъ, а главное такого рода свѣдѣнія портятъ нравъ учениковъ, ставя ихъ какъ бы на ходули, и, во всякомъ случаѣ, въ элементарныхъ учебникахъ географіи, хорошо продуманныхъ какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ, по крайней мѣрѣ нѣмецкихъ, нельзя встрѣтить такихъ свѣдѣній. Къ этому надо прибавить, что, внося матеріалъ сомнительной важности, составитель, между прочимъ, опускаетъ въ своей книгѣ то, что требуется прямо офиціальною программою, именно: физическое обозрѣніе земного шара по глобусу или по полушаріямъ и краткое политическое обозрѣніе Россіи.

Свое предисловіе составитель начинаетъ цитатою изъ физической географіи Зупана: „Генетическая точка зрѣнія въ морфологіи отличаетъ главнымъ образомъ новое направленіе географіи отъ господствовавшаго прежде. Это тотъ же процессъ преобразованія, чрезъ который прошли и другія естественныя науки“. Раздѣляя такое мнѣніе, составитель придерживается болѣе или менѣе генезиса во всѣхъ пяти отдѣлахъ учебника, именно: о сушѣ, о морѣ, о воздушной оболочкѣ, о водахъ суши и объ органическомъ мірѣ; но не можетъ не показаться страннымъ, что, цитируя спеціальное сочиненіе Зупана, онъ не обратилъ вниманія на учебникъ географіи того же автора, который въ Германіи, на-ряду съ учебникомъ Кирхгофа, считается однимъ изъ наиболѣе научныхъ. Изъ него авторъ усмотрѣлъ бы, что генетическимъ способомъ можно излагать географическій матеріалъ только на высшей ступени обученія географіи, гдѣ ученики обладаютъ достаточнымъ запасомъ словъ, понятій, свѣдѣній и достаточно пріучились уже къ логическому мышленію. Не имѣя всего этого въ виду, составитель впалъ въ ошибку, которая сдѣлала учебникъ въ поименованныхъ частяхъ крайне труднымъ для учениковъ низшаго класса. Трудность, конечно, не во всѣхъ отдѣлахъ одинакова. Такъ, при описаніи животныхъ и растеній съ причинностью и связью явленій ученики такъ

или иначе могутъ справиться, но вопросы о горообразованіи, о внутреннемъ ледниковомъ покровѣ, о моренахъ съ тѣми подробностями, какія предлагаются въ учебникѣ, даже ученикамъ средняго возраста могутъ быть выяснены только при помощи хорошаго минералогическаго кабинета и такихъ наглядныхъ картинъ, какъ Симони.

Впрочемъ, самъ авторъ, судя по предисловію, смотритъ на эти отдѣлы, какъ на естественно-историческіе и, по моему мнѣнію, большая часть матеріала, хотя бы и въ упрощенномъ видѣ могла бы составить особый отдѣлъ природовѣдѣнія, который долженъ бы предшествовать начальной географіи. Въ такомъ случаѣ глобусъ или плоскошарія при обученіи заняли бы надлежащее мѣсто; теперь же эти пособія какъ бы въ сторонѣ, такъ какъ топографическіе факты въ учебникѣ являются только подтвержденіемъ тѣхъ или другихъ свѣдѣній изъ геологіи, физики, минералогіи и ботаники. Такимъ образомъ эти факты представляются въ разбросанномъ видѣ и, кромѣ того, въ недостаточномъ количествѣ. Напримѣръ:

Моря: Красное, Берингово, Охотское, Японское упоминаются въ § „Землетрясенія и сбросы" (стр. 31), въ главѣ же собственно о морѣ упоминаются только моря Азовское и Балтійское (стр. 45).

Въ § „Рѣки и озера" упоминаются рѣки: Миссиссипи, Миссури, Иртышъ, Обь, Нилъ, Эбро, Ріонъ, Индъ, Брамапутра, Нарова (стр. 71); въ § „Дѣйствіе вѣтра. Движеніе морской воды",—упоминаются рѣки: Гоанго, Темза и Эльба (стр. 88); въ § „Растительный міръ" упоминается рѣка Ла-Плата (стр. 100). Другія важныя рѣки опущены, и Волга, напримѣръ, упоминается мелькомъ въ мелкомъ шрифтѣ, въ § „Распространеніе землетрясеній и вулкановъ", а рѣка Рейнъ—въ примѣчаніи къ вопросу о цвѣтѣ воды (стр. 49). Случается также, что опредѣленіе географическихъ терминовъ одной группы надо искать въ разныхъ статьяхъ, напримѣръ, опредѣленія степи, пустыни и саваннъ впервые встрѣчаются только въ § „Растительный міръ" (стр. 103). Положимъ, изученіе географическихъ данныхъ по глобусу и плоскошаріямъ можетъ быть иногда предоставлено самимъ ученикамъ, но такая работа ихъ должна быть провѣрена въ классѣ, а для этого требуется время, котораго можетъ и недостать у преподавателя, пользующагося разсматриваемымъ учебникомъ.

Изложенъ учебникъ вообще удовлетворительно, но встрѣчаются излишнія слова и ряды выраженій, умѣстныхъ развѣ только въ книгахъ для чтенія и при томъ для старшаго возраста. Представляю примѣры:

Стр. 33. „Твердыя части земной коры могутъ цѣликомъ опускаться надъ пустотою только въ томъ случаѣ, если онѣ въ состояніи отодвинуть въ сторону прилегающія части и тѣмъ создать себѣ достаточно мѣста. Для этого необходимо, чтобы эти смежныя части были болѣе слабы; тогда, подъ напоромъ опускающихся глыбъ, онѣ собираются въ складки".

Стр. 94 вотъ какъ опредѣляется климатъ: „Мы уже познакомились съ тѣмъ, что воздухъ нагрѣвается лучами солнца, что онъ въ постоянномъ движеніи, что вѣтры разносятъ всюду водяной паръ съ океановъ на сушу, что водяной паръ, всегда содержащійся въ воздухѣ, иногда частью выдѣляется въ видѣ атмосферныхъ осадковъ. Всѣ эти явленія, въ совокупности, происходящія въ воздушной оболочкѣ извѣстной страны, называются климатомъ".

Стр. 116: „Нѣкоторыя растенія, приносящія особенную пользу человѣку, распространены имъ гораздо дальше границъ ихъ первоначальной родины на громадныя области. Кромѣ того, они значительно измѣнили свой первоначальный видъ, вслѣдствіе постояннаго старанія человѣка улучшить въ нихъ тѣ качества, которыя являлись для него цѣнными. Эти растенія называются культурными".

Мелкія неточности и опущенія встрѣчаются.

Для примѣра:

Стр. 3: „Если мы желаемъ обозначить на чертежѣ только относительное мѣстоположеніе предметовъ, то это лучше всего удается, если мы смотримъ на нихъ сверху. Такъ предметы представляются птицамъ(?), потому такой чертежъ называется чертежомъ „съ птичьяго полета".

Стр. 4. Планы, „изображающіе большія области, называются картами".

Стр. 26: „При плавленіи мѣди, покрытой мѣдною рудою, послѣдняя отъ дѣйствія топлива превращается въ металлъ".

Стр. 62: „Ледники, падая при внезапномъ пониженіи дна съ нѣкоторой высоты, раздробляются въ море обломковъ".

Стр. 143. Деспотія встрѣчается „только у монгольскихъ и негрскихъ народовъ".

Стр. 141: „Гамитское племя", „Семитское племя".

Въ книгѣ много чертежей и карточекъ, мѣсто для которыхъ только въ высшихъ курсахъ, а можетъ быть даже и въ спеціальныхъ; такъ, напримѣръ, фиг. 70 на стр. 65, представляющая старую морену, морену 1815 г., морену 1856 г., край ледника въ 1874 г. и въ 1882 г.;

или на фиг. 49 (стр. 43) карта распредѣленія юныхъ (!?) складчатыхъ горъ. Но общей карты для полушарій въ учебникѣ нѣтъ.

И. Беллярминовъ.

*Императрица Екатерина II. Сборникъ историческихъ статей. Изданъ по распоряженію г. попечителя Виленскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника В. А. Попова, подъ редакціей преподавателя Виленской I гимназіи *А. Турцевича* Вильна. 1904. Стр. VI+471. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ ознаменованіе постановки и открытія въ г. Вильнѣ памятника императрицѣ Екатеринѣ II Виленскимъ учебнымъ округомъ былъ изданъ сначала „Сборникъ документовъ, касающихся административнаго устройства сѣверо-западнаго края при императрицѣ Екатеринѣ II“ въ 2-хъ томахъ. Затѣмъ, съ цѣлью дать ко дню открытія въ Вильнѣ памятника императрицы Екатерины II всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ книгу, которая заключала бы рядъ популярныхъ статей, касающихся жизни и дѣяній императрицы, управленіе Виленскаго округа выпустило въ свѣтъ особый сборникъ статей. Послѣдній открывается обширной статьей г. Кудринскаго, содержащей біографію императрицы Екатерины II. Обстоятельно и живо написаны первыя 8 главъ этой статьи, излагающія біографію Екатерины II до вступленія на престолъ, т. е. тотъ періодъ ея жизни, который прекрасно разработанъ въ извѣстномъ трудѣ профессора Бильбасова. Для послѣдующаго періода, при изложеніи личной жизни императрицы въ связи съ ея государственной дѣятельностью, г. Кудринскій не имѣлъ уже такой надежной опоры, вслѣдствіе чего послѣднія 6 главъ его статьи представляются уже болѣе слабыми. Наименѣе удачна XII-я глава—общій характеръ внѣшней и внутренней политики Екатерины II. Въ этомъ краткомъ и блѣдномъ очеркѣ автору не удалось представить цѣльной характеристики политическаго міровоззрѣнія императрицы. Можно отмѣтить въ статьѣ г. Кудринскаго и нѣсколько неточныхъ и неясныхъ частныхъ сужденій. Такъ, по его мнѣнію, сущность теоріи просвѣщеннаго абсолютизма заключается „въ возведеніи центральной власти на степень разумнаго абсолютизма, освобожденія отъ стѣснительныхъ придатковъ“ (стр. 72). Это очень неясно. На стр. 86-й авторъ говоритъ, что Пугачевскій бунтъ обнаружилъ, между прочимъ, „двоедушный характеръ многихъ русскихъ правительственныхъ учрежденій, предававшихся самозванцу“. Едва ли можно приписывать *двоедушный характеръ* самимъ правительственнымъ учрежденіямъ. На стр. 97-й авторъ впадаетъ въ нѣкоторое преувеличеніе, утверждая, что стремленіе Россіи достигнуть естественныхъ границъ на югѣ и

утвердиться на берегахъ Чернаго моря было „вопросомъ *чисто экономическаго* характера".

Вторая статья, принадлежащая перу г. Глѣбова, посвящена обзору „административно-сословныхъ и финансово-экономическихъ преобразованій". Несмотря на сложность темы и важность отдѣльныхъ, входящихъ въ нее вопросовъ, статья г. Глѣбова одна изъ самыхъ короткихъ. Авторъ источниковъ своихъ не указываетъ, но, повидимому, онъ очень широко пользовался литографированными лекціями профессора Ключевскаго и печатнымъ курсомъ профессора Платонова. Хотя въ статьѣ г. Глѣбова коротко охарактеризована и финансовая политика императрицы Екатерины II, тѣмъ не менѣе этому вопросу отведена въ сборникѣ особая статья г. Вруцевича, трактующая, главнымъ образомъ, о системѣ финансоваго управленія, хотя по заявленію на стр. 158-й можно было ожидать, что авторъ дастъ очеркъ *экономической* политики царствованія Екатерины II. Сопоставляя статьи г. Глѣбова и г. Вруцевича, можно замѣтить, что въ общемъ планѣ изображенія внутренней политики Екатерины II политика финансовая выдвинута на первый планъ въ ущербъ другимъ, не менѣе важнымъ сторонамъ этой политики, реформамъ административнымъ и сословнымъ.

Двѣ слѣдующія статьи, г. Правосудовича—„Восточная политика императрицы Екатерины II" и г. Кудринскаго—„Раздѣлы Польши", представляютъ весьма обстоятельные, съ фактической стороны, очерки разрѣшенія двухъ важнѣйшихъ вопросовъ внѣшней политики Россіи въ XVIII вѣкѣ— турецкаго и польскаго. Но характеристики внѣшней политики Екатерины II въ ея цѣломъ сборникъ не даетъ. Совсѣмъ оставлены безъ вниманія война со Швеціей, актъ о вооруженномъ нейтралитетѣ, отношенія къ французской революціи.

Литературная дѣятельность императрицы разсматривается въ статьяхъ г. Соколова и г. Дадыкина, подробно излагающихъ содержаніе Наказа, драматическихъ, историческихъ и сатирическихъ произведеній Екатерины II.

Послѣднія двѣ статьи сборника, написанныя г. Миловидовымъ и г. Бѣлецкимъ, выгодно отличаются отъ всѣхъ предшествующихъ компилятивныхъ очерковъ тѣмъ, что составлены по источникамъ. Въ статьѣ г. Миловидова представлена сжатая, но выразительная характеристика вліянія педагогическихъ воззрѣній императрицы на реформу духовной школы. Г. Бѣлецкій далъ подробный очеркъ заимствованной изъ Австріи системы народныхъ училищъ и показалъ примѣненіе этой системы въ сѣверо-западномъ краѣ, отнятомъ отъ Польши.

Въ общемъ сборникъ оставляетъ благопріятное впечатлѣніе серьезнымъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ авторовъ къ избраннымъ ими темамъ. Недостатки сборника присущи болѣе или менѣе всѣмъ подобнаго рода коллективнымъ изданіямъ. Такими недостатками слѣдуетъ признать недостатокъ стройности, равномѣрности въ общемъ планѣ изданія и компилятивный характеръ отдѣльныхъ статей. Внѣшнимъ недостаткомъ является довольно значительное количество опечатокъ.

С. Рождественскій.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ теченіе января и февраля мѣсяцевъ 1905 г.

— Современный календарь А. Д. Ступина, на 1905 г. 72 стр. Москва 1904. Цѣна 15 коп.

— *Мещерскій, И. И.* Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ? Съ приложеніемъ школьныхъ пасѣкъ, шелководенъ, показательныхъ полей и древонасажденій. Изданіе шестое. С.-Пб. 1904. 60 стр. Цѣна 30 коп.

— *Флеровъ, А. Е.* Указатель книгъ для дѣтскаго чтенія (въ возрастѣ 7—14 лѣтъ). Опытъ критическаго обзора дѣтскихъ книгъ и систематическаго расположенія ихъ концентрами примѣнительно къ расположенію учебнаго матеріала, проходимаго на урокахъ объяснительнаго чтенія въ начальной школѣ. Руководство для родителей, воспитателей, учителей и учительницъ начальныхъ и городскихъ училищъ, и для общественныхъ учрежденій, вѣдающихъ дѣло народнаго образованія. Москва 1905. Изданіе книжнаго магазина *К. И. Тихомирова.* XLVII+523 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— *Чебышева-Дмитріева, Е. А.* Вопросы начальной школы и педагогическіе очерки. С.-Пб. 1905. Изданіе „Петербургскаго учебнаго магазина". 251 стр. Цѣна 1 руб.

— Отчетъ Харьковской общественной библіотеки за восемнадцатый годъ ея существованія (съ 1-го октября 1903 г. по 1-е октября 1904 г.) и ея филіальнаго отдѣленія за четвертый годъ его существованія (съ 1-го октября 1903 г. по 1-е октября 1904 г.) Харьковъ 1904. 106+XXXIV стр.

— *Татьевъ-Рустамъ-Бекъ, Борисъ.* Черезъ Алай и Памиръ. Очерки путешествія по Памиру. Со многими рисунками. Изданіе редакціи журналовъ „Дѣтское Чтеніе" и „Педагогическій Листокъ". Москва 1905. 42 стр. Цѣна 15 коп. (Библіотека для семьи и школы).

— *Пшибышевскій, Станиславъ.* Сыны земли. Романъ въ трехъ частяхъ. Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ Е. Троповскаго. Москва. Книгоиздательство „Скорпіонъ". 1905. 147 стр. Цѣна 50 коп.

— *Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Былинки. Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунками художниковъ В. В. Спасскаго, А. А. Кучеренко и др. Изданіе ре-

дакціи журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. Москва 1905. 56 стр. Цѣна 40 коп. (Библіотека для семьи и школы).

— *Его же.* Сударь-Пантелей-свѣтъ Ивановичъ. Новгородское преданіе. Изданіе редакціи журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. Москва 1905. 23 стр. Цѣна 7 коп. (Библіотека для семьи и школы).

— *Алтаевъ, А.* Разсказы о животныхъ. (Маленькимъ дѣтямъ). Съ рисунками Бемъ, Богданова-Бѣльскаго и другихъ художниковъ. Изданіе редакціи журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. Москва 1905. 62 стр. Цѣна 30 коп. (Библіотека для семьи и школы).

— *Сѣверцовъ-Полиловъ.* Княжой отрокъ. Историческая повѣсть изъ преданій XIII вѣка. Изданіе редакціи журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. Москва 1905. 191 стр. Цѣна 50 коп. (Библіотека для семьи и школы).

— *Лавровъ, В. М.* Дѣти артисты и другіе разсказы. (Яна Ланы, Винцента Косякевича, Габріеллы Запольской и Антони Антецкаго). Съ польскаго. Съ рисунками. Изданіе редакціи журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. Москва 1905. 64 стр. Цѣна 20 коп.

— *Его же.* Что краситъ жизнь. Разсказы Виктора Гомулицкаго и Яна Лады. Съ польскаго. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе редакціи журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. Москва 1905. 86 стр. Цѣна 30 коп. (Библіотека для семьи и школы).

— *Ожешкова, Элиза.* Юльянка. Городская картинка. Переводъ съ польскаго В. М. Лаврова. Изданіе редакціи журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. Москва 1905. 94 стр. Цѣна 15 коп.

— *Россіевъ, П. А.* Гнѣздо орловъ. Путевыя впечатлѣнія въ Черногоріи съ рисунками. Изданіе редакціи журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. Москва 1905. 68 стр. Цѣна 25 коп. (Библіотека для семьи и школы).

— *Рождественская, А. Н.* Тито. Исторія луговой волчицы. Э. Сэтонъ-Томсона. Съ англійскаго. Съ рисунками. Изданіе редакціи журналовъ „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. Москва 1905. 71 стр. Цѣна 25 коп. (Библіотека для семьи и школы).

— *Дружининъ, Н. П.* Волостной сходъ. Разсказъ о томъ, какъ устроены и дѣйствуютъ, по закону, волостныя крестьянскія установленія. Продолженіе разсказовъ: „Новое сельское общество“, „Сельскій староста“, „Волостное правленіе и волостной старшина“. Москва 1905. 92 + IV стр. Цѣна 25 коп.

— О безплатныхъ народныхъ библіотекахъ и читальняхъ. Правила 15-го мая 1890 г. Указы Правительствующаго Сената. Циркулярныя распоряженія министерства народнаго просвѣщенія. Съ приложеніемъ: 1) Списка книгъ и періодическихъ изданій, разрѣшенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія во вторую половину 1904 г. 2) Примѣрныхъ формъ прошеній о разсмотрѣніи книгъ ученымъ комитетомъ и 3) Списка книгъ, допущенныхъ по особому ходатайству въ Нижегородскую „Пушкинскую“ народную читальню. Москва 1905. 80 стр. Цѣна 20 коп. (Изданіе П. Д. Путиловой. Редакція П. М. Шестакова).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Декабрь 1904 г.

Осенній сезонъ въ Парижѣ знаменуется возобновленіемъ умственныхъ интересовъ, болѣе или менѣе заглухающихъ во время каникулъ. Но это возобновленіе наступаетъ здѣсь позднѣе, чѣмъ въ Россіи. На словесномъ и естественномъ факультетахъ Сорбонны курсы начинаются только около 15-го ноября. Правда, профессора заняты съ октября, но это незамѣтный и неблагодарный экзаменаціонный трудъ. Академіи не пользуются каникулами, и ихъ еженедѣльныя засѣданія имѣютъ мѣсто даже въ жаркіе августовскіе дни; но они непродолжительны и малолюдны. Офиціально жизнь аристократіи ума начинается 25-го октября годичнымъ засѣданіемъ пяти академій. Это день основанія Institut de France національнымъ конвентомъ. Каждая изъ академій по очереди управляетъ всѣмъ институтомъ въ продолженіе цѣлаго года. Въ настоящее время институтъ состоитъ изъ 260 членовъ, не считая членовъ корреспондентовъ французскихъ и иностранныхъ, а именно: французская академія — 40 членовъ, академія надписей — 40 дѣйствительныхъ (titulaire) членовъ, 10 сверхштатныхъ (libre) членовъ, 8 иностранныхъ сочленовъ (associés étrangers); академія наукъ — 66 дѣйствительныхъ членовъ, 10 сверхштатныхъ членовъ, 8 иностранныхъ сочленовъ; академія искусствъ — 40 дѣйствительныхъ членовъ, 10 сверхштатныхъ членовъ, 10 иностранныхъ сочленовъ; академія нравственныхъ и политическихъ наукъ —

40 дѣйствительныхъ членовъ, 10 сверхштатныхъ членовъ, 8 иностранныхъ сочленовъ.

Дѣйствительные члены образуютъ настоящее ядро каждой изъ академій; имъ принадлежитъ право избранія членовъ бюро, т. е. президента, вице-президента и секретаря; они же могутъ быть выбраны на эти должности; они подаютъ голоса при избраніи новыхъ членовъ; они получаютъ жалованье (100 фр. въ мѣсяцъ) и плату за присутствіе на засѣданіи (по 4 фр. за засѣданіе); плата отсутствовавшихъ членовъ распредѣляется между присутствовавшими. Сверхштатные члены не имѣютъ голоса при выборѣ дѣйствительныхъ членовъ и получаютъ только плату за засѣданіе. Первоначально эти сверхштатные члены выбирались изъ любителей науки, а не изъ настоящихъ ученыхъ, изъ меценатовъ, которыхъ, въ награду за ихъ рвеніе къ наукѣ, допускали на засѣданія. Такіе меценаты встрѣчаются еще и теперь среди членовъ академіи искусствъ и академіи наукъ, однако въ настоящее время большинство сверхштатныхъ членовъ суть профессора и профессіональные ученые, не попавшіе въ дѣйствительные члены вслѣдствіе избытка кандидатовъ. Въ академіи искусствъ сверхштатные члены представляютъ иную категорію людей, это критики и историки искусствъ, изучающіе искусства, но не занимающіеся ими. Наконецъ сочлены суть иностранцы, бывшіе первоначально корреспондентами, затѣмъ они повышаются въ члены академіи, что даетъ имъ право носить извѣстный академическій мундиръ, форма котораго была нѣкогда начертана Давидомъ, съ вышивками въ видѣ оливковыхъ листьевъ, мундиръ, являющійся для многихъ предметомъ зависти. Въ нашемъ академическомъ мірѣ извѣстна болѣзнь, называющаяся зеленой лихорадкой и охватывающая кандидатовъ. Я зналъ нѣсколькихъ ученыхъ, умершихъ отъ нея послѣ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ неудачъ. Дѣйствительные члены обязаны жить въ Парижѣ, для сверхштатныхъ членовъ это не обязательно. Благодаря этому академіи могутъ вознаграждать заслуги провинціальныхъ ученыхъ, которые иначе могли бы быть только членами корреспондентами.

„Институтъ", писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ его знаменитѣйшихъ членовъ—Ренанъ, „есть одно изъ славнѣйшихъ созданій революціи, нѣчто свойственное только Франціи. Многія страны имѣютъ академіи, могущія соперничать съ нашими своими знаменитыми членами и ихъ важными трудами; но въ одной только Франціи имѣется институтъ, который связываетъ во едино всѣ усилія человѣческаго ума, благодаря которому поэтъ, философъ, историкъ, фи-

лологъ, критикъ, математикъ, физикъ, скульпторъ, художникъ, музыкантъ, естествоиспытатель, политико-экономъ, астрономъ, юрисконсультъ могутъ называться членами единаго братства".

Institut de France помѣщается въ настоящее время въ зданіи учрежденія, основаннаго кардиналомъ Мазарини въ XVII вѣкѣ; оно называлось коллежемъ четырехъ націй, такъ какъ предназначалось для образованія молодыхъ людей, уроженцевъ четырехъ провинцій, завоеванныхъ въ это время Франціей: Эльзаса, Пиньероля (Пьемонтъ), Фландріи и Руссильона. Кардиналъ Мазарини похороненъ въ капеллѣ коллежа; во время революціи надгробный памятникъ, работы Куазево, былъ снятъ; въ настоящее время онъ находится въ Версальскомъ музеѣ. Бывшая капелла служитъ теперь залой для публичныхъ засѣданій академіи. Капелла имѣетъ куполъ, откуда произошло извѣстное выраженіе: siéger sous la coupole, это значитъ быть членомъ академіи.

Кромѣ обычныхъ засѣданій отдѣльныхъ академій ежегодно происходитъ нѣсколько засѣданій „подъ куполомъ". Первое имѣетъ мѣсто 25-го октября; предсѣдательствуетъ на немъ президентъ той академіи, которая стоитъ на текущій годъ во главѣ института. Каждая академія назначаетъ на это засѣданіе лектора, такъ что происходящія чтенія могутъ удовлетворить всѣ вкусы. Въ этомъ году делегатомъ отъ французской академіи былъ поэтъ Коппе, прочитавшій прекрасные стихи въ честь героевъ Портъ-Артура; г. Коппе не только поэтъ, онъ и отличный декламаторъ, и его чтеніе пользуется всегда большимъ успѣхомъ; на этотъ разъ этотъ успѣхъ былъ усиленъ симпатіей къ Россіи, проявленной избранной аудиторіей.

Вечеромъ этого знаменательнаго дня члены всѣхъ академій собираются на банкетѣ въ честь годовщины основанія этого знаменитаго учрежденія.

За этимъ общимъ собраніемъ слѣдуютъ годовыя засѣданія каждой академіи. Программа ихъ не одинакова для различныхъ академій. Въ академіи надписей, академіи физико-математическихъ наукъ и академіи нравственныхъ наукъ президентъ даетъ краткій обзоръ событій за истекшій годъ и объявляетъ преміи, присужденныя академіей; затѣмъ кто нибудь изъ членовъ академіи прочитываетъ работу по предмету, составляющему спеціальность данной академіи. Французская академія и академія искусствъ слѣдуютъ иной программѣ. Во французской академіи непремѣнный секретарь прочитываетъ отчетъ о премированныхъ трудахъ, а президентъ читаетъ отчетъ о монтіоновской

преміи, выдаваемой не за литературныя заслуги, а за добродѣтель. Очень пикантно слышать похвалу добродѣтели изъ устъ романиста или драматическаго писателя, произведенія котораго не всегда поучають добродѣтели. Поэтому годовое засѣданіе французской академіи привлекаетъ великосвѣтскую публику.

Программа засѣданія академіи искусствъ еще привлекательнѣе. Академики: художники, скульпторы, музыканты, награждають публично своихъ учениковъ такъ называемыми les prix de Rome, т. е. молодыхъ людей отправляютъ на счетъ государства въ Римъ для усовершенствованія въ своемъ искусствѣ. Двѣ изъ этихъ премій предназначаются за музыкальныя произведенія: за симфонію и за лирическую сцену. Эти премированныя произведенія исполняются передъ публикой, для чего консерваторія и опера даютъ оркестръ и пѣвцовъ. Этотъ артистическій праздникъ привлекаетъ еще больше публики, чѣмъ засѣданіе французской академіи.

И такъ начало академическаго года знаменуется шестью торжественными засѣданіями. Эти торжественныя засѣданія „подъ куполомъ" являются настоящими праздниками для ума. Билеты на нихъ берутъ на расхватъ; великосвѣтскіе салоны заинтересованы въ нихъ еще и потому, что своимъ успѣхомъ новые академики не мало обязаны обѣдамъ, пріемамъ, любезности прекрасныхъ дамъ. Многое измѣнилось въ Парижѣ за этотъ вѣкъ, одни академическія учрежденія не измѣнились. Перечтите письмо К. Н. Батюшкова отъ 25-го апрѣля 1814, въ которомъ онъ описываетъ годичное собраніе французской академіи, и если вамъ затѣмъ удастся попасть на такое же засѣданіе въ XX вѣкѣ, вы убѣдитесь, что измѣнились только имена.

Первое годовое засѣданіе Faculté des lettres, безъ сомнѣнія, менѣе интересно, чѣмъ засѣданіе пяти академій; тѣмъ не менѣе на немъ стоитъ остановиться. На немъ председательствовалъ деканъ Круазе (извѣстный эллинистъ), прочитавшій отчетъ о современномъ положеніи факультета. Въ 1903 — 1904 году на немъ было 2.067 студентовъ, на 237 больше, чѣмъ въ предыдущемъ году. Изъ нихъ 400 иностранцевъ (135 русскихъ, изъ которыхъ большая часть евреи). Персоналъ этого факультета увеличился на персоналъ, преподававшій въ école normale, а ученики этой послѣдней сдѣлались студентами этого факультета, но продолжаютъ въ école normale практическія занятія, характеръ которыхъ не вполнѣ еще установился.

Въ этомъ году обычную рѣчь произнесъ г. Шарль Диль, профессоръ византійской исторіи на faculté des lettres. Предметомъ своей

рѣчи г. Диль выбралъ успѣхи науки, въ которой онъ самъ съ такимъ успѣхомъ подвизается, и высказалъ при этомъ нѣкоторыя соображенія, поразившія студентовъ. Слово „византійскій“, сказалъ онъ, непріятно звучитъ для нашего современнаго уха; благодаря журналистамъ, употребляющимъ его зря, оно вызываетъ въ насъ рядъ непріятныхъ идей. Многіе современные люди, мыслящіе себя свободными и передовыми умами, были бы очень удивлены, еслибъ узнали, что ихъ презрѣніе къ Византіи есть не что иное, какъ смутное и безсознательное воспоминаніе о старыхъ недоброжелательствахъ еще со временъ крестовыхъ походовъ, о теологическихъ распряхъ, воспламенявшихъ нѣкогда папскій Римъ противъ схизматическаго Константинополя.

За послѣдніе годы, какъ я вамъ неоднократно уже сообщалъ, образовались тѣсныя сношенія между французскими учрежденіями вѣдомства народнаго просвѣщенія и такими же учрежденіями въ Англіи и Германіи. Иностранцы приглашаются въ качествѣ помощниковъ въ низшія нормальныя школы и въ среднія учебныя заведенія, а французы посылаются для тѣхъ же цѣлей за границу. Въ виду этого министръ народнаго просвѣщенія счелъ нужнымъ учредить контрольную контору, въ которой сосредоточиваются всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ этому обмѣну, и въ которую должны будутъ обращаться директора какъ французскихъ учебныхъ заведеній, такъ и иностранныхъ. Вся относящаяся къ этому корреспонденція должна быть направляема по слѣдующему адресу: Direction du Musée pédagogique. Office d'information et d'études, rue Gay Lussac, № 41, Парижъ.

Это указаніе можетъ быть полезно и для вашихъ учебныхъ заведеній въ случаѣ, если имъ понадобятся учителя. Конторѣ справокъ, очевидно, суждено играть важную роль въ интернаціональныхъ педагогическихъ сношеніяхъ.

Нашимъ студентамъ пришлось испытать нѣкоторое разочарованіе. По совѣту нѣкоторыхъ изъ своихъ учителей, сторонниковъ соціалистическихъ теорій и проповѣдниковъ коопераціи, они года три тому назадъ основали кооперативный ресторанъ. Для образованія капитала были выпущены акціи по 25 фр., которыя можно было выплачивать по 2 фр. 50 сант. ежемѣсячно; члены-потребители участвовали въ прибыли. Среди акціонеровъ было нѣсколько профессоровъ, заходившихъ иногда въ ресторанъ обѣдать. Ресторанъ былъ открытъ съ большою торжественностью; кушанье въ немъ было здоровое, „на чаи“ совсѣмъ не полагались; помѣщеніе же, по правдѣ сказать, было не очень комфортабельно.

Въ первый годъ успѣхъ предпріятія былъ довольно значителенъ, ресторанъ выдалъ 120.000 порцій, и акціонеры получили дивидендъ; на второй годъ энтузіазмъ уменьшился; порцій было выдано 80.000, на третій годъ всего 40.000. Главный подрывъ предпріятію дѣлали каникулы, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ ресторанъ почти пустовалъ, а общіе расходы продолжались. И вотъ, просуществовавъ три года, бѣдный ресторанъ принужденъ ликвидировать свои дѣла; общественный капиталъ весь поглощенъ, и ресторанъ закрытъ. Этотъ печальный опытъ доказалъ нашимъ студентамъ и экономистамъ, что легче возбуждать соціальные вопросы, чѣмъ ихъ разрѣшать.

Въ этомъ письмѣ я уже вскользь сообщилъ вамъ о довольно важномъ событіи въ нашей университетской жизни: объ уничтоженіи école normale, какъ автономнаго учрежденія, и о сліяніи ея съ парижскимъ университетомъ. Директоръ школы, г. Перро, извѣстный археологъ, получилъ отставку. Общій совѣтъ парижскаго университета собрался 31-го октября для выбора его преемника, при чемъ былъ выбранъ г. Эрнстъ Лависсъ, членъ французской академіи, профессоръ исторіи въ Сорбоннѣ и одинъ изъ редакторовъ Revue de Paris. Общество заинтересовано вопросомъ, что г. Лависсъ станетъ дѣлать въ этой новой гавани. Въ настоящее время école normale представляетъ изъ себя только кеновію, отель, въ которомъ живутъ и кормятся стипендіаты парижскаго университета. Общество думаетъ, что подобное учрежденіе нуждается только въ казначеѣ, и не зачѣмъ было ему давать такого значительнаго игумена. Г. Лависсъ отвѣтилъ отчасти на вопросы общества въ рѣчи, произнесенной 23 ноября по случаю посѣщенія министра; онъ объяснилъ, почему полезно, по его мнѣнію, сліяніе студентовъ Сорбонны съ учениками нормальной школы и введеніе нѣкоторой дисциплины нормальной школы въ свободу Сорбонны, и какимъ образомъ школа превратится прежде всего въ семинарію, въ которой будутъ вестись педагогическія занятія, и какъ онъ расчитываетъ установить болѣе тѣсную связь между научнымъ и словеснымъ отдѣленіями школы. Однако онъ сознается, что новая организація, о которой онъ мечтаетъ, можетъ осуществиться только постепенно.

Городъ Булонь праздновалъ 5/18 декабря столѣтній юбилей знаменитаго критика Сентъ-Бева. Подобныя же празднованія состоялись въ этотъ день въ Льежѣ, гдѣ Сентъ-Бевъ былъ профессоромъ и гдѣ онъ написалъ свою книгу о Шатобріанѣ, и въ Лозаннѣ, гдѣ онъ тоже читалъ лекціи и гдѣ написалъ свою книгу о Поръ-Роялѣ. Въ Парижѣ была открыта въ Journal des Débats подписка на памятникъ

Сентъ-Беву. Были произнесены рѣчи: г. Брюнетьеромъ отъ имени французской академіи, г. Шюке отъ имени Collège de France и отъ общества исторіи французской литературы, булонскими земляками Сентъ-Бева; Коклэнъ младшій изъ Comédie française, тоже уроженецъ Булони, прочелъ стихи Сентъ-Бева. По случаю этого юбилея Journal des Débats издалъ золотую книгу Сентъ-Бева. Въ этой книгѣ, кромѣ рѣчи г. Брюнетьера, находятся статьи: г. Гастона Буассье о Сентъ-Бевѣ латинистѣ, г. Поль Бурже — о Сентъ-Бевѣ поэтѣ, различные отрывки изъ Жюля Леметра, Бурдо, Абеля Лефрана, Андре Габлэ, Труба (бывшій секретарь Сентъ-Бева), Гами, Морриса Турнё и др. Эта прекрасная книга издана Journal des Débats (Paris, rue des prêtres Saint Germain), который кромѣ того заказалъ медаль въ память знаменитаго критика. Сентъ-Бевъ, какъ критикъ, до сихъ поръ не нашелъ себѣ замѣстителя (ум. въ 1867 г.). Въ нашей литературѣ онъ остается единственнымъ и неподражаемымъ.

Ни одинъ изъ великихъ писателей первой половины XIX вѣка не былъ такъ превознесенъ и такъ раскритикованъ, какъ Шатобріанъ. Сначала его считали главой школы, обновителемъ французской прозы, затѣмъ онъ былъ строго осужденъ Сентъ-Бевомъ въ сочиненіи, имѣвшемъ нѣсколько изданій, „Châteaubriand et son groupe littéraire sous l'empire“, а также въ его „Causeries de lundi“; послѣ нападокъ Сентъ-Бева Шатобріану уже не удалось снова занять прежнее высокое положеніе. Однако за послѣднее время замѣтна реакція въ его пользу. Вышло новое изданіе его Mémoires d'outre tombe; снова принялись за изученіе біографіи и произведеній автора „Génie du Christianisme“. Особенное рвеніе въ этомъ направленіи проявляетъ г. Викторъ Жиро, профессоръ новой французской литературы Фрейбургскаго (Швейцарія) университета. Г. Жиро добросовѣстный изслѣдователь, лауреатъ французской академіи, авторъ прекрасныхъ и полезныхъ трудовъ о Паскалѣ, Тэнѣ, Сентъ-Бевѣ. Онъ предпринялъ пересмотръ трудовъ о Шатобріанѣ своихъ предшественниковъ, чтобы дать этому послѣднему окончательную оцѣнку. Это будетъ продолжительный трудъ; въ изданной имъ въ настоящее время книгѣ г. Жиро разбираетъ les Mémoires d'outre tombe, le Génie du Christianisme, les Martyrs, вліяніе на Шатобріана Виктора Гюго. Эта книга представляетъ прекрасныя изслѣдованія критическія и по сравнительной литературѣ. Она весьма кстати теперь, когда литературная традиція Шатобріана возобновлена нѣкоторыми писателями, какъ, напримѣръ, г. де Вогюэ. Надѣемся, что г. Викторъ Жиро будетъ въ состояніи продолжать ихъ

и дасть намъ полный образъ писателя, являющагося, вѣроятно, самымъ геніальнымъ представителемъ романтическаго періода—по крайней мѣрѣ въ своихъ прозаическихъ произведеніяхъ.

Вышла еще книга о Шатобріанѣ, въ которой находятся довольно интересныя свѣдѣнія о характерѣ и литературныхъ пріемахъ Шатобріана. Въ путешествіи на востокъ, предпринятомъ Шатобріаномъ въ 1806 году и описанномъ имъ въ Itinéraire de Paris à Jérusalem, Шатобріана сопровождалъ его слуга, по имени Жульенъ, ведшій съ своей стороны записки. Шатобріанъ говоритъ, что пользовался ими; однако никто не зналъ, что съ ними сталось. Недавно эта рукопись была найдена и издана подъ заглавіемъ „Itinéraire de Paris à Jérusalem par Julien domestique de M. de Châteaubriand" (Парижъ, фирма Шампіонъ).

Интересно сравнить наивныя замѣтки Жюльена съ высокопарнымъ и поэтическимъ разсказомъ автора Martyrs. Изъ сравненія этихъ двухъ текстовъ видно, что многія подробности были изукрашены или даже цѣликомъ сочинены Шатобріаномъ. Это сравненіе еще разъ доказываетъ извѣстную поговорку: Il n'y a pas de grand homme pour son valet de chambre.

Издатель Itinéraire de Julien позаботился выставить всѣ отклоненія и противорѣчія, существующія между разсказами Шатобріана и его слуги. Ихъ много, и они часто очень забавны. Приведу только одинъ примѣръ.

„Переходъ изъ Константинополя въ Яффу, говоритъ Жюльенъ, мнѣ показался очень долгимъ вслѣдствіе безпорядка и грязи, царившихъ на суднѣ, особенно тѣ нѣсколько дней, когда была плохая погода, вслѣдствіе чего женщины и дѣти хворали, ихъ рвало: такъ что мы были принуждены покинуть каюты и лечь на палубѣ". Это проза Жюльена; а вотъ поэтическое описаніе Шатобріана.

„На суднѣ насъ было около 200 пилигримовъ... Со всѣхъ сторонъ слышались звуки мандолинъ, скрипокъ и лиръ. Пѣли, танцовали, смѣялись. Всѣ радовались. Мнѣ говорили, указывая на югъ: „Іерусалимъ!" Я отвѣчалъ: „Іерусалимъ".

Фирма Плонъ, издавшая уже многіе историческіе мемуары, выпустила новую книгу „Mémoires du duc Choiseul". Всѣмъ, занимающимся политической исторіей восемнадцатаго вѣка, извѣстно, какую роль игралъ этотъ герцогъ въ качествѣ посланника въ Римѣ и въ Вѣнѣ и въ качествѣ перваго министра съ 1761 по 1770 годъ. Подлинная рукопись этихъ мемуаровъ была разыскана извѣстнымъ продавцомъ автографовъ, покойнымъ Этьеномъ Шараво, начитаннымъ и опытнымъ

ученымъ. Г. Шаравэ поручилъ редакторство мемуаровъ одному изъ нашихъ лучшихъ знатоковъ политической исторіи царствованія Людовика XV—Жюлю Фламмермону, профессору лилльскаго словеснаго факультета. Къ несчастью, Шаравэ и Фламмермонъ умерли вскорѣ одинъ за другимъ, не закончивши изданія мемуаровъ. Фирма Плонъ поручила изданіе ихъ другому архиваріусу, г. Фердинанду Кальмету. Мемуары Шуазеля охватываютъ періодъ съ 1738 по 1770 г. Они написаны въ формѣ писемъ къ другу; стиль ихъ простъ и непритязателенъ. Въ этихъ мемуарахъ Шуазель представляется какъ частное лицо, подобно большинству своихъ современниковъ, человѣкомъ съ довольно растяжимой моралью; но какъ общественный дѣятель онъ оказывается одареннымъ весьма тонкимъ проницательнымъ умомъ, богатымъ мыслями, внимательнымъ къ своимъ обязанностямъ, стремящимся къ славѣ, успѣхамъ и величію Франціи. Къ сожалѣнію, въ его управленіи внѣшними дѣлами ему часто мѣшало вмѣшательство короля, вліяніе фаворитки, плохое состояніе финансовъ и неспособность генераловъ. Въ общемъ эти мемуары кое что прибавляютъ къ нашимъ свѣдѣніямъ о восемнадцатомъ вѣкѣ и изображаютъ Шуазеля заслуженнымъ государственнымъ дѣятелемъ.

На ряду съ мемуарами герцога де Шуазель, ваши читатели, интересующіеся исторіей восемнадцатаго вѣка, прочтутъ не безъ пользы послѣднюю книгу герцога де ла Тремуйль, члена института, „Mon grand père à la cour de Louis XV et à celle de Louis XVI“ (Парижъ, Шампіонъ). Родъ герцога де ла Тремуйль игралъ значительную роль при старой монархіи; онъ обладаетъ богатымъ архивомъ, изъ котораго настоящій герцогъ извлекаетъ богатый матеріалъ для своихъ книгъ, за которыя онъ удостоился чести избранія въ члены академіи надписей. Недавно онъ издалъ нѣсколько томовъ переписки madame des Ursins (фирма Шампіонъ), принадлежавшей къ фамиліи де ла Тремуйль и игравшей значительную роль во французской дипломатіи въ царствованіе Людовика XIV и Людовика XV. Послѣдняя его книга содержитъ переписку графа Вальшъ, его дѣда. Вальши были ирландцы, эмигрировавшіе во Францію въ одно время съ королемъ Іаковомъ. Эта переписка обнимаетъ время съ 1777 по 1789 г.; она содержитъ массу подробностей изъ политической и соціальной исторіи, изъ которыхъ нѣкоторыя заслуживаютъ вниманія. Переписка, не имѣвшая въ виду вниманія потомства, вообще правдивѣе, чѣмъ мемуары. Жаль, что книга не снабжена алфавитнымъ указателемъ.

Les souvenirs de la Baronne du Montet (фирма Плонъ) не могутъ

претендовать на большое значеніе въ качествѣ матеріала для политической исторіи. Но они представляютъ большой интересъ для исторіи французской эмиграціи въ Австрію, для исторіи вѣнскаго общества, вѣнскаго конгресса и вѣнскаго космополитическаго общества въ первую четверть девятнадцатаго вѣка. Ваши читатели найдутъ въ нихъ пикантные анекдоты о Разумовскомъ, о Растопчинѣ, о Нессельроде, объ императорѣ Александрѣ I и императорѣ Николаѣ. Баронесса дю Монте, рожденная де ла Бултьеръ, принадлежала къ вандейской фамиліи, эмигрировавшей въ Вѣну, гдѣ она получила воспитаніе, и гдѣ вышла въ 1810 году замужъ за эмигранта же, барона дю Монте, камергера австрійскаго императора; баронесса, съ своей стороны, была фрейлиной императрицы. Въ 1824 г. она покинула Вѣну и переселилась въ Нанси, гдѣ умерла въ 1866 г.; послѣдніе годы своей жизни она посвятила обработкѣ своихъ воспоминаній, которыя дѣйствительно весьма интересны. Въ нихъ читатель не найдетъ тайнъ большой политики, но они представляютъ неисчерпаемый источникъ данныхъ объ эмигрировавшихъ представителяхъ знати, о вѣнскомъ дворѣ, о Наполеонѣ, о Маріи Луизѣ, Францѣ II, о реставраціи, объ орлеанскомъ домѣ. Эти анекдоты написаны безъ претензіи, но въ очень пріятномъ стилѣ, и нѣкоторые изъ нихъ весьма романичны.

Г. Альбертъ Сорель, членъ французской академіи, докончилъ восьмой и послѣдній томъ своего обширнаго труда l'Europe et la révolution française (фирма Плонъ). Онъ былъ начатъ болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Г. Сорель представляетъ изъ себя не только кабинетнаго ученаго, онъ рожденъ rebus agendis, и ему слѣдовало бы играть въ политикѣ подобную же роль, какая выпала когда-то на долю знаменитыхъ историковъ, какъ Тьеръ и Гизо. Обстоятельства не позволили этого; онъ былъ аташе при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, секретаремъ сената, но онъ никогда не занималъ выдающагося поста. Какъ преподаватель, онъ не пошелъ дальше положенія профессора въ école des sciences politiques, гдѣ онъ впрочемъ пользуется значительнымъ авторитетомъ. Года два или три тому назадъ онъ отказался отъ занимаемаго имъ мѣста секретаря сената, такъ какъ желалъ всецѣло посвятить себя историческимъ изслѣдованіямъ. Ему удалось, подобно Тьеру и Тэну, закончить великій трудъ всей своей жизни, о важности котораго я вамъ неоднократно сообщалъ. Послѣдній томъ обнимаетъ періодъ съ 1812 по 1815 г. Въ немъ изложены переговоры 1813 г., оба вторженія, обѣ реставраціи, вѣнскіе конгрессы. Г. Сорель особенно останавливается на дипломатическихъ переговорахъ, онъ вы-

тается, болѣе чѣмъ кто-либо до него, хорошенько освѣтить намѣренія и поступки союзниковъ; онъ изображаетъ ихъ съ новой стороны, и его трудъ носитъ характеръ настоящей новизны, не смотря на то, что предметъ его многими уже трактовался. Онъ оканчивается краснорѣчивымъ заключеніемъ, въ которомъ авторъ отдаетъ дань нашимъ предкамъ и заявляетъ о своей непоколебимой вѣрѣ въ судьбу Франціи. Онъ готовъ примѣнить къ ней извѣстный девизъ Парижа: Fluctuat nec mergitur!

Среди вашихъ читателей навѣрное есть такіе, которые особенно интересуются вопросами средняго образованія (наши лицеи и коллежи), относящимися къ нему законами, правами, которыми пользуются профессора. Документы, относящіеся къ этому вопросу, напечатаны въ спеціальномъ сборникѣ Bulletin administratif du ministère de l'Instruction publique. Это дѣло поставлено у насъ иначе, чѣмъ за границей. Многіе изъ французскихъ профессоровъ даже мало освѣдомлены о касающихся ихъ законахъ. Фирма Делапланъ заполнила этотъ пробѣлъ, издавъ небольшую книжку въ 60 страницъ, Code du Professeur de l'Enseignement secondaire, въ которой авторъ собралъ все, касающееся матеріальнаго положенія профессоровъ, ихъ положенія относительно общества и администраціи, ихъ обязанностей въ лицеяхъ, ассоціацій профессоровъ, совѣтовъ профессоровъ, существующихъ при лицеяхъ, ихъ положенія по отношенію къ совѣту учебнаго округа и высшему совѣту министерства народнаго просвѣщенія. Онъ также разсматриваетъ, какія могутъ быть сдѣланы улучшенія въ положеніи профессоровъ.

Та же фирма предприняла изданіе новой серіи, озаглавленной Composition française, редакція которой поручена профессору ліонскаго лицея г. Рустану. Въ книжкахъ этой серіи, цѣна которыхъ не превышаетъ одного франка, послѣдовательно разбирается способъ выполненія французскихъ письменныхъ работъ, задаваемыхъ нашимъ лицеистамъ старшихъ классовъ: 1) описаніе и портреты; 2) разсказъ, 3) діалогъ, 4) письмо и рѣчь, 5) диссертація по литературѣ, 6) диссертація по этикѣ. Пока вышелъ только еще первый томъ серіи. Авторъ не только даетъ правила и приводитъ образцы, заимствованные изъ классическихъ писателей, онъ даетъ еще нѣсколько лучшихъ сочиненій, написанныхъ учениками. Эти сочиненія обнаруживаютъ утонченное литературное образованіе учениковъ и дѣлаютъ честь ліонскому лицею.

Академія des Inscriptions et belles lettres кромѣ изданія своихъ

отчетовъ и мемуаровъ занята еще изданіемъ нѣсколькихъ книгъ. Изъ нихъ самое важное изданіе сборника, носящаго названіе своего основателя Евгенія Піо. Этотъ Піо—богатый меценатъ, завѣщавшій академіи порядочную сумму на изданіе документовъ по искусству и археологіи. Упомянутый сборникъ озаглавленъ Monuments et mémoires publiés par l'Académie des Inscriptions et belles lettres sous la direction de M. M. Georges Perrot et Robert de Lasteyrie. Имена Жоржъ Перро и Робертъ де Ластейри хорошо извѣстны въ археологическомъ мірѣ. Особенно интересенъ для нашихъ читателей только что появившійся XI томъ (in 4°, фирма Эрнестъ Леру). Въ немъ находится монографія г. Соломона Рейнака о манускриптѣ изъ библіотеки Филиппа Добраго, герцога Бургундскаго; этотъ манускриптъ находится въ настоящее время въ Императорской публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. При своемъ посѣщеніи этой библіотеки въ 1901 г. Соломонъ Рейнакъ былъ пораженъ красотою находящихся въ этомъ манускриптѣ миніатюръ. Онъ заказалъ съ нихъ фотографіи и, вернувшись въ Парижъ, показалъ ихъ своихъ коллегамъ по академіи, которые нашли ихъ чрезвычайно замѣчательными. Академія рѣшила переснять всѣ миніатюры и издать ихъ на счетъ фонда Піо; г. Рейнаку было поручено написать замѣтку объ этомъ замѣчательномъ манускриптѣ. Эта замѣтка и появилась въ XI томѣ Сборника. Г. Соломонъ Рейнакъ археологъ чрезвычайно умный и искусный. Упомянутыя миніатюры онъ приписываетъ очень талантливому художнику, отъ котораго сохранились и другія еще произведенія и который назывался Симонъ Маріонъ. Манускриптъ написанъ около 1457. Въ доказательство своего предположенія г. Рейнакъ воспроизводитъ нѣсколько вещей, сохранившихся въ Вѣнѣ, Брюсселѣ, Сентъ-Омерѣ и Лондонѣ. Затѣмъ идутъ 41 гравюры, изображающія миніатюры С.-Петербургскаго манускрипта. Клише для нихъ были приготовлены, конечно, въ С.-Петербургѣ, но отпечатаны въ Парижѣ извѣстной фирмой Дежарденъ, являющейся по отношенію къ фототипіямъ первымъ учрежденіемъ въ мірѣ и исполнившей нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстное нашимъ читателямъ полихромное факсимиле знаменитаго Реймскаго евангелія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ академія надписей лишилась одного изъ своихъ извѣстнѣйшихъ членовъ Вильяма Анри Ваддингтона, который былъ выдающимся депутатомъ, министромъ, посланникомъ, археологомъ и нумизматикомъ. Г. Ваддингтонъ особенно занимался археологіей и нумизматикой Малой Азіи и составилъ прекрасную коллекцію

медалей. Передъ своею смертью онъ предпринялъ изданіе общаго сборника греческихъ монетъ Малой Азіи. Академія рѣшила напечатать этотъ трудъ и поручила продолженіе его гг. Бабелону и Теодору Рейнаху. Г. Бабелонъ, старшій хранитель въ кабинетѣ медалей въ національной библіотекѣ, является въ настоящее время, несомнѣнно, нашимъ первымъ нумизматомъ. Г. Теодоръ Рейнахъ извѣстенъ очень хорошими работами по греческой нумизматикѣ. Ихъ имена гарантируютъ достоинства этого прекраснаго изданія (in 4°, фирма Леру). Книга снабжена 28 гравюрами.

Академія des Inscriptions et belles lettres лишилась своего непремѣннаго секретаря г. Анри Валлонъ. Г. Валлонъ родился въ 1812 г. и былъ старѣйшимъ по лѣтамъ академикомъ. Онъ 54 года былъ членомъ академіи. Онъ долгое время былъ профессоромъ Парижскаго словеснаго факультета и его деканомъ. А. Валлонъ оставилъ значительные труды по исторіи, а именно: Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, Histoire de Jeanne d'Arc, Histoire de Saint Louis, труды по исторіи революціи и др. Г. Валлонъ сыгралъ и значительную политическую роль, такъ какъ былъ главнымъ авторомъ республиканской конституціи, существующей по настоящее время. Въ качествѣ члена сената онъ до послѣднихъ своихъ дней выступалъ защитникомъ идей терпимости и свободы. Съ нимъ исчезла одна изъ благороднѣйшихъ фигуръ XIX вѣка. Г-на Валлона замѣстилъ въ качествѣ непремѣннаго секретаря г. Жоржъ Перро.

Л. Л—ръ.

КЪ АМФИКТІОНОВСКИМЪ НАДПИСЯМЪ ЭТОЛІЙСКАГО ВРЕМЕНИ.

„Изученіе и объясненіе надписей, изученіе исторіи и древностей, изученіе языка и древней литературы — одна и та же наука... Въ дѣлѣ эпиграфики, конечно, важнѣй всего знакомство съ изданіями надписей... Въ изданныхъ уже надписяхъ кроется еще много такого, чѣмъ ученые недостаточно воспользовались, торопясь изданіемъ... Нужно упражниться въ копированіи надписей, выбирая особенно такія, которыя читаются съ трудомъ, и свѣряя свои копіи съ напечатанными“...

Ѳ. Ѳ. Соколовъ.

Возвращаясь послѣ нѣкотораго перерыва къ дельфійскимъ надписямъ, я предполагалъ прежде всего остановиться на далеко еще не использованныхъ большихъ спискахъ артистовъ, участвовавшихъ на дельфійскомъ праздникѣ Сотиріи (2563—2566) [1]), и въ частности извлечь оттуда нѣкоторыя указанія по исторіи „третьяго столѣтія до Р. Х.“, мимоходомъ отчасти намѣченныя уже тѣмъ, кому мы обязаны многими открытіями въ области названнаго столѣтія. Оказалось, однако, невозможнымъ сосредоточиться на указанныхъ спискахъ

[1]) Для сокращенія ссылокъ я въ этой статьѣ простыми цифрами, именно крупными (начиная съ 1331), обозначаю надписи по изданію въ *Collitz*, Griechische Dialekt-Inschriften, большею частью дельфійскія, переизданныя тамъ, какъ извѣстно, Баунакомъ, надписи же изъ *Bulletin de correspondance hellénique* привожу по томамъ (римскими цифрами) и страницамъ этого журнала, не указывая его названія. Берлинскіе корпусы цитую по старой системѣ.

безъ привлеченія къ изслѣдованію того и стараго и новаго матеріала, который имѣетъ къ нимъ прямое или косвенное отношеніе. Между тѣмъ даже старый матеріалъ, несмотря на огромный и весьма цѣнный трудъ, посвященный ему Помтовымъ (главнымъ образомъ въ *N. Jahrbb.* 1894 и 1897 гг.), и несмотря на изслѣдованія Белоха (сначала въ *Beiträge zur alten Geschichte* Лемана, потомъ въ Griechische Geschichte, т. III, ч. 2-я), нуждается еще въ нѣкоторой переработкѣ. Что же касается новыхъ надписей, появившихся пока только въ первомъ изданіи членовъ аѳинской Французской школы, больше всего въ статьѣ г. Jardé, Actes amphictyoniques de la domination étolienne (XXVI, 246—286), то, разумѣется, отъ первой публикаціи нельзя было бы и требовать такой обработки, которая позволяла бы намъ оперировать съ ними такъ рѣшительно, какъ это дѣлаетъ Белохъ. Въ виду этого я рѣшилъ сначала опубликовать ту въ сущности подготовительную и черновую работу, которая мною сдѣлана для установленія текста указанныхъ надписей, по возможности не предвосхищая вытекающихъ оттуда выводовъ и лишь по мѣстамъ намѣчая возникающіе вопросы. Въ частности здѣсь я остановлюсь только на группѣ надписей, напечатанныхъ упомянутымъ молодымъ членомъ Французской школы г. Жарде.

Вслѣдствіе любезности бывшаго директора школы г. Омолля, которому приношу здѣсь глубокую благодарность, я лѣтомъ 1903 года имѣлъ возможность, во время пребыванія, въ Дельфахъ провѣрять тѣ надписи, которыя до того времени уже были изданы. Трудъ разыскиванія ихъ я не могъ бы назвать легкимъ, не говоря, конечно, о тѣхъ, которыя оставались in situ, т. е. на стѣнахъ, напримѣръ, театра или сокровищницъ, на большихъ базахъ и т. п. Дѣло въ томъ, что въ то время былъ приведенъ, до извѣстной степени, въ порядокъ только скульптурный отдѣлъ музея, въ которомъ были выставлены лишь очень немногія болѣе интересныя надписи, въ родѣ законовъ фратріи Лавіадовъ, гимновъ съ музыкальными знаками. Тамъ же высились, между прочимъ, реставрированные уже постаменты, покрытые множествомъ надписей: треугольный мессинско-навпактскій, для котораго много сдѣлалъ еще Помтовъ (*N. Jahrbb.* 1896), съ надписями большею частью изданными (2618—2641), и четыреугольный отъ памятника побѣды при Пиднѣ, не уступающій первому по высотѣ (около 9 метровъ, см. XXI, 621 сл.), съ надписями почти сплошь неизданными. Провѣрка текстовъ, находящихся иногда на огромной высотѣ, тутъ, безъ особыхъ приспособленій, почти невозможна. Вообще же для надписей

только предполагалось еще построить особое зданіе. Большое количество ихъ, особенно камни и обломки покрупнѣе, находилось на разныхъ мѣстахъ всей огромной площади раскопокъ, оставаясь, вѣроятно, вблизи тѣхъ пунктовъ, гдѣ были найдены. Плиты и обломки меньшихъ размѣровъ въ небольшомъ количествѣ были сложены для предварительнаго храненія, какъ пришлось, въ нижнихъ помѣщеніяхъ скульптурнаго музея, главная же масса ихъ находилась, безъ всякаго прикрытія и ограды, подъ открытымъ небомъ, подлѣ музея, справа отъ него, на одномъ изъ уступовъ горы, и на двухъ террасахъ позади музея. Камни въ свое время, при находкѣ, были записаны въ инвентарь и обозначены его нумерами,—какъ извѣстно, эти №№ инвентаря сообщаются въ большинствѣ случаевъ и при публикаціи надписей и другихъ вещей. Всѣхъ №№ около 4½ тысячъ (часть ихъ занята камнями, извѣстными уже отъ прежнихъ раскопокъ и случайныхъ находокъ, внесенными въ общій счетъ). При такомъ положеніи дѣла мнѣ пришлось уже на мѣстѣ раздѣлить одну изъ записныхъ книжекъ на 4500 №№ и по взятымъ со мной изданіямъ отмѣтить противъ изданныхъ №№ мѣсто ихъ изданія, чтобы потомъ дѣлать провѣрку текстовъ не въ томъ или другомъ порядкѣ ихъ изданія, а по мѣрѣ встрѣчи съ изданными, переходя отъ камня къ камню въ порядкѣ или, говоря точно, въ безпорядкѣ ихъ расположенія. Однако и этого оказалось мало. Не особенно яркая и не особенно прочная краска, которой были нанесены цифры на камни большею частью сѣраго и темнаго цвѣта, во многихъ случаяхъ успѣла уже за нѣсколько лѣтъ совершенно сойти или вылинять отъ дождей или покрыться слоемъ пыли до невозможности различать цифры. Тутъ, чтобы убѣдиться, съ какой надписью имѣешь дѣло, нужно было предварительно по тексту ея, читающемуся нерѣдко съ трудомъ, опредѣлять ея разрядъ, затѣмъ искать въ ней того или другого отличительнаго признака, который, при большомъ количествѣ однообразныхъ текстовъ, позволилъ бы опредѣлить, издана ли она или нѣтъ (напр., именъ архонта или награжденнаго лица въ городскихъ постановленіяхъ, отпустителя или раба или свидѣтелей въ манумиссіяхъ, іеромнимоновъ въ амфиктіоновскихъ актахъ и т. п.). Эту работу—мытья камней, отыскиванія цифръ, опредѣленія изданія—которую приходилось производить на пескѣ и въ пыли, подъ палящими іюльскими лучами солнца, то сидя на камняхъ, то лежа, то согнувшись надъ ними, я, конечно, не поставилъ бы себѣ въ трудъ, если бы мнѣ предстояла возможность воспользоваться всѣми камнями, потребовавшими

тѣхъ или другихъ усилій. Я говорю о ней прежде всего потому, что она отнимала у меня много времени непроизводительно, такъ какъ, убѣдившись, послѣ нѣкотораго ознакомленія, въ неопубликованности надписи, приходилось, конечно, переходить отъ нея къ слѣдующей. Такая трата времени была для меня тѣмъ непріятнѣе, что въ Дельфы я пріѣхалъ почти больнымъ, такъ что, хотя я и умудрялся работать все время, пока свѣтло, съ неизбѣжнымъ, конечно, перерывомъ на время крайняго зноя (отъ 12 до 3—4 часовъ) [1]), хотѣлось дорожить каждымъ часомъ. Потраченное на поиски время можно было бы съ пользой употребить на повторныя сличенія. Наконецъ, что для меня не менѣе досадно, весьма возможно, что, побившись иногда минутъ 10—15 надъ опредѣленіемъ надписи и не убѣдившись въ томъ, что она издана, я оставлялъ ее въ качествѣ новой безъ необходимаго изслѣдованія. Этимъ отчасти я объясняю то, что о нѣкоторыхъ опубликованныхъ уже надписяхъ у меня не оказалось никакихъ данныхъ. Закончивъ осмотръ, провѣрку и прочее, я, конечно, уже убѣдился въ той или другой недостачѣ, но предпринять еще разъ новые поиски у меня уже не было времени и силы. Возможно, конечно, также, что нѣкоторые камни или случайно были обойдены мною или просто не попадались на глаза. Въ послѣднемъ случаѣ я имѣю въ виду тѣ камни, которые остались на мѣстѣ раскопокъ, иногда въ пунктахъ совсѣмъ невидныхъ, т. е. лежащихъ за стѣнами или фундаментами, или же въ такихъ, куда доступъ сопряженъ съ затрудненіями въ видѣ рискованныхъ прыжковъ и т. п. Хотѣлось бы вѣрить, что до сихъ поръ ни одинъ изъ обломковъ не утраченъ, не затерянъ окончательно, хотя и эта возможность, пожалуй, не исключена. Я самъ, вѣроятно, больше, чѣмъ кто-либо другой, недо-

---

[1]) Я впрочемъ долженъ поблагодарить Дельфы и въ отношеніи здоровья. Въ дельфійскіе дни (какъ и въ епидаврійскіе) я все-таки чувствовалъ себя лучше, чѣмъ въ Аѳинахъ. Вѣроятно, тутъ отражалось и увлеченіе работой, и мѣстный климатъ, позволявшій, по крайней мѣрѣ, ночью не обливаться потомъ, и вода изъ Кастальскаго источника, и смѣнившій аѳинскую кухню („греческія кухмистерскія“) простой, хотя и по прежнему грязноватый, столъ бывшаго φύλακος τῶν ἀρχαιοτήτων, знакомаго всѣмъ посѣщавшимъ Дельфы одноглазаго Василья Параскевы, который теперь уже втройнѣ домовладѣлецъ, монополизировалъ въ свои рукахъ пріемъ иностранцевъ и состоитъ πάρεδρος Νέων Δελφῶν, т. е. перенесенной на новое мѣсто деревни Кастри. Когда-нибудь не безинтересно будетъ сообщить нѣкоторыя изъ записей, которыя внесены посѣтителями Дельфъ въ тетради, заведенныя еще отцомъ этого дельфійца. Русскихъ тамъ было мало, и изъ нихъ теперь—увы—нѣкоторыхъ уже нѣтъ въ живыхъ: В. К. Ернштедта и А. Н. Щукарева.

воленъ оказавшимися у меня пробѣлами, но прошу не ставить ихъ мнѣ въ большую вину. Сами производившіе раскопки въ Дельфахъ, не исключая и директора, иногда заявляли, что не могли провѣрить сдѣланныхъ сразу по открытіи копій „la pierre ayant été égarée“ (XX, 620) или la pierre a échappé à mes recherches (XXV, 344,— и тотъ и другой камни мнѣ удалось найти, но второй безъ его верхней части, хотя издатель не говоритъ, что надпись была на разныхъ обломкахъ, ср. XXIII, 565, гдѣ надпись публикуется съ сохраненіемъ въ копіи тѣхъ буквъ, которыя „были въ моментъ открытія et qui ont aujourd'hui disparu“). Нѣкоторымъ вознагражденіемъ за потраченный безъ результатовъ трудъ поисковъ служитъ для меня лично, конечно, общее ознакомленіе съ итогомъ дельфійской добычи,—ознакомленіе, разумѣется, поверхностное, меньше, такъ сказать, чѣмъ съ птичьяго полета (хотя кое-что мимоходомъ и осталось въ памяти). Оно очень легко можетъ быть поэтому ошибочнымъ, т. е. среди мелькомъ осмотрѣнныхъ надписей могутъ оказаться въ достаточномъ количествѣ и новые тексты огромной важности, но у меня оно свелось къ впечатлѣнію, которое я выразилъ бы словами: большаго ожидалъ.

Мое уже до сихъ поръ длинное предисловіе позволю себѣ продолжить, нѣкоторыми еще болѣе длинными замѣтками изъ моей эпиграфической практики и наблюденій 1903 года. Приведенными выше въ видѣ эпиграфа словами болѣе двадцати лѣтъ назадъ Ѳ. Ѳ. Соколовъ напутствовалъ одного начинающаго (даже еще меньше) эпиграфиста, посланнаго въ Грецію учиться и въ то же время продолжать „начатое его предшественниками съ честью для русской науки дѣло будущаго русскаго института въ Аѳинахъ“. Этотъ эпиграфистъ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, долго сомнѣвался въ возможности найти что-нибудь лишнее, новое или иное на камняхъ, которые побывали уже въ опытныхъ рукахъ, особенно нѣмецкихъ, и этимъ въ значительной степени объясняется, что сдѣлалъ онъ въ Греціи меньше, чѣмъ слѣдовало бы ожидать. Между тѣмъ все преподанное ему въ видѣ совѣтовъ можно буквально повторять и теперь, не исключая и дѣла объ институтѣ, которое все еще остается „будущимъ“. Дѣло въ томъ, что эти совѣты нужно исполнять въ полной совокупности, и тогда возможно, и безъ содѣйствія своего института и безъ собственныхъ раскопокъ и безъ погони за новинками, прибавить къ изученію надписей нѣкоторый plus, не лишенный того или другого значенія.

Дѣйствительно, если браться сразу за одно копированіе уже изслѣдованныхъ, даже не особенно трудныхъ для чтенія, надписей, не изучая въ то же время соотвѣтствующихъ и аналогичныхъ текстовъ и изслѣдованій, то легко, пожалуй, и отчаяться въ собственныхъ силахъ, такъ какъ при такомъ отношеніи къ дѣлу копія новичка почти всегда дастъ результаты, уступающіе изданнымъ и по объему и по качеству, и польза для него получится только личная, въ видѣ палеографическаго навыка. Возможенъ, к нечно, иногда успѣхъ и здѣсь, если, напримѣръ, удастся читать камень послѣ болѣе тщательной очистки его отъ вѣковой пыли и разныхъ наслоеній или при болѣе удобномъ и разнообразномъ освѣщеніи. Суть, однако, тутъ не въ одной остротѣ зрѣнія. Смотря на камни, такъ сказать, голыми глазами, можно исправлять и восполнять копіи только неопытныхъ или небрежныхъ эпиграфистовъ, чаще всего греческихъ, нерѣдко французскихъ (въ Дельфахъ наилучшія копіи, какъ мнѣ кажется, принадлежатъ Бургэ); изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ съ предвзятой мыслью о неисправности можно, какъ недавно оказалось, приступать къ копіямъ умершаго въ 1903 г. Френкеля, который, напримѣръ, иногда въ одной и той же небольшой надписи, кромѣ другихъ ошибокъ, *трижды* вычитывалъ или дополнялъ „. παρ' ἱαρομναμόνων", хотя во всѣхъ трехъ мѣстахъ стояло: οἷς γράφει Δαμοφῶν (къ его массовымъ ошибкамъ я еще вернусь въ другой разъ). Вообще же разсчитывать у другихъ на недосмотры, доступные на ощупь, можно лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія. Человѣку, правда, свойственно ошибаться, и отъ такихъ исключеній не застрахованы и свѣтила эпиграфики, въ родѣ У. Кёлера[1]), однако относительная рѣдкость ихъ едва ли можетъ служить достаточнымъ стимуломъ для переизслѣдованія изданныхъ текстовъ. Плодотворность этого переизслѣдованія зависитъ не отъ одной всесторонней точности копированія. Въ послѣдніе годы, кажется, никто въ такой степени не обогащаетъ насъ новыми поправками, дополненіями и чтеніями извѣстныхъ надписей, какъ А. Вильгельмъ,—я думаю вообще, что никто другой болѣе са-

[1]) Напримѣръ, въ извѣстномъ древнѣйшемъ (можетъ быть, солоновскаго времени) аѳинскомъ постановленіи о Саламинѣ (послѣ всѣхъ напечатано въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1903, сентябрь, 409, *Ѳ. Ѳ. Соколовымъ*). Кёлеръ далъ въ копіи ΑΔΕ · ΟΠΙΑ (то же потомъ и Фукаръ по эстампажу). Отсюда появились дополненія: τ[ὰ δὲ [ῥ]ώπια или πρόβατ]α δ' ἐ[κτ]όπια, пока не доглядѣли, наконецъ, что предпослѣдняя буква здѣсь не полная iota, а часть аттической lambda и что ея боковой придатокъ еще сохранился какъ разъ на линіи излома камня, т.-е. τ[ὰ δὲ [h]όπλα (въ моей копіи еще до изданія Кёлера стояло λ).

моотверженно и съ большей пользой для эпиграфики не проводить время въ Греціи. Достаточно, оставляя въ сторонѣ его многочисленныя статьи, упомянуть хотя бы о его рецензіяхъ на сборникъ Мишеля или на 2-ое изданіе Sylloge Диттенбергера: новое о старомъ тамъ сыплется, какъ изъ рога изобилія. Конечно, Вильгельмъ имѣетъ во всей Греціи и отчасти въ Малой Азіи обширныя связи, которыя позволяютъ ему почти для каждой интересующей его надписи добывать эстампажи, новыя копіи и справки, и аѳинскаго эпиграфическаго музея лучше его не знаетъ никто ни изъ грековъ, ни изъ иностранцевъ. Но этого мало. Онъ видитъ на камнѣ больше другихъ потому, что подходитъ къ нему и десятки разъ, и вооруженный огромной начитанностью въ греческихъ надписяхъ всѣхъ видовъ и въ греческой литературѣ и въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ. На его примѣрѣ можно видѣть, какъ по отношенію къ почти безнадежно испорченнымъ (стертымъ) текстамъ при новомъ и, послѣ кабинетной работы, опять новомъ и неоднократномъ обращеніи къ камнямъ удается вернуть то, что казалось окончательно утраченнымъ. Иногда поверхность камня кажется совершенно сглаженной, кое-гдѣ лишь видны слабые и сомнительные штрихи и точки, а Вильгельмъ говоритъ, что текстъ еще можно *прочитать* цѣликомъ. Можно именно прочитать, убѣдиться въ правильности чтенія, хотя иногда было бы крайне трудно и даже невозможно скопировать. Имѣя передъ собой изданный даже съ кёлеровской тщательностью текстъ плохо сохранившейся надписи, прежде всего мы изучаемъ его отдѣльно, затѣмъ въ связи съ однородными, далѣе стараемся использовать его и въ свою очередь извлечь для него пользу по всѣмъ радіусамъ соприкосновенія его содержанія, причемъ каждое отдѣльное мѣсто начинаетъ выясняться иногда лишь послѣ спеціальнаго экскурса въ соотвѣтствующую область грамматики, діалектологіи, древностей, исторіи, метрологіи и т. п. Обращаясь затѣмъ къ оригиналу, мы иногда уже съ перваго раза усматриваемъ нѣчто новое сравнительно съ изданіемъ. При повторной работѣ то надъ оригиналомъ, то надъ копіей или надъ эстампажемъ и при постоянномъ, сравнительномъ и систематическомъ, изученіи текста количество усматриваемыхъ plus'овъ увеличивается и вмѣстѣ опредѣляются ближайшія возможности чтенія. Если мы здѣсь достаточно широко предусматриваемъ возможности, то при новомъ обращеніи къ камню нерѣдко можемъ окончательно убѣдиться въ примѣнимости только одной изъ этихъ возможностей и съ полной убѣдительностью для другихъ показать на камнѣ, какъ едва замѣтныя точки и черточки свя-

зываются въ цѣлыя буквы и связный текстъ. Вильгельмъ иногда даже съ второй и третьей корректурой своихъ статей отправляется въ музей для новой повѣрки по оригиналамъ. Въ этомъ, пожалуй, главная польза и привлекательность работы по оригиналамъ. Когда я въ письмѣ Вильгельму указалъ на опредѣленныя возможности въ двухъ мѣстахъ тризинской копіи переизслѣдованнаго мною по изданіямъ договора (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1902, октябрь, и 1903, мартъ), онъ, хотя и не безъ труда, убѣдился въ существованіи соотвѣтствующихъ слѣдовъ на камнѣ. Лѣтомъ 1903 года мнѣ удавалось неразъ находить при безнадежной, повидимому, порчѣ камня связный или поддающійся возстановленію текстъ, если только возможности были предусмотрѣны заблаговременно или было время предусмотрѣть ихъ до отъѣзда изъ Греціи, въ частности изъ мѣста нахожденія камней. По отношенію къ текстамъ Жарде, которые составляютъ предметъ предстоящей статьи, мое положеніе было невполнѣ благопріятно, такъ какъ соотвѣтствующій выпускъ журнала я получилъ лишь въ Аѳинахъ за нѣсколько дней до поѣздки въ Дельфы, когда при аѳинской лѣтней духотѣ не было почти никакой физической возможности усиленнаго труда (бумага мокла подъ рукой). Я увѣренъ, что всякій, кто поѣдетъ работать по камнямъ, намѣтивши для себя рядъ спеціальныхъ справокъ и подобравъ соотвѣтствующій матеріалъ возможностей и комбинацій, достигнетъ даже въ краткое время тѣхъ или другихъ положительныхъ результатовъ. Чѣмъ больше мы изучаемъ надписи, чѣмъ больше у насъ становится надписей и чѣмъ больше увеличиваются наши знанія въ области греческой древности во всемъ ея объемѣ, тѣмъ больше и больше мы видимъ и увидимъ на старыхъ камняхъ, если только верхній слой ихъ не исчезъ окончательно. По мѣрѣ общаго прогресса изученія является возможность все болѣе и болѣе усматривать, фиксировать и связывать утраченными штрихами тѣ едва замѣтныя тѣни и тѣ конечныя точки буквъ, которыя раньше казались или случайными поврежденіями поверхности или не допускающими отличія отъ случайныхъ,—слова оживаютъ.

Въ этомъ именно отношеніи, не говоря о другихъ, можно констатировать въ трудахъ отдѣльныхъ эпиграфистовъ-практиковъ за послѣднія два десятилѣтія прогрессъ эпиграфики, какъ спеціальной дисциплины. Удается спасти то, что̀, казалось, было уничтожено всепожирающимъ временемъ. Не находится ли, однако, этотъ прогрессъ въ противорѣчіи съ классическими словами У. Кёлера отъ 1883 года? Слова его изъ предисловія къ 2-й части II т. CIA. повторяются неодно-

кратно; недавно они переведены и по-русски С. А. Жебелевымъ въ некрологѣ У. Кёлера (въ *Зап. Класс. отд. Русск. Археол. Общества*, III, 87), но съ сокращеніемъ какъ разъ того пункта, который я имѣю въ виду. Повторить эти слова всегда нелишне. Считая первой обязанностью издателя надписей точную передачу того, что̀ дѣйствительно можетъ быть усмотрѣно на камняхъ, Кёлеръ предупреждаетъ, что не всякій можетъ списывать надписи. Novi iuvenes sollertissimos qui inscriptionem plene et recte transcribere nunquam didicerunt; *novi homines doctissimos, qui, quum diligentissimi esse vellent, sicubi de lectione dubitari poterat, quae scripta fuisse animo sibi finxerant, ea miro quodam aciei lusu in lapidibus oculis occupare sibi videbantur*. Titulum ut accurate exscribas, non tantum usu, diligentia, doctrina opus est: opus est imprimis insita quadam ut iudicii ita aciei rectitudine et praesentia, quae nec vestigiis dubiis immoretur nec specie fallatur, sed vera a falsis sponte discernat. Кёлеръ говоритъ о точномъ копированіи надписей и, конечно, совершенно справедливо возстаетъ противъ введенія въ копіи только воображаемыхъ слѣдовъ текста. Искать на камнѣ остатковъ текста путемъ исчерпывающаго подбора возможностей онъ, разумѣется, не воспрещаетъ, да и самъ онъ лично прочитывалъ больше другихъ нерѣдко потому, что считался съ возможностями. Подчеркнутыя слова направлены лишь противъ тѣхъ ученыхъ эпиграфистовъ (между прочимъ они пригодны противъ упомянутаго Френкеля), которые, при отсутствіи прирожденной rectitudo et praesentia aciei et iudicii, оказываются не въ состояніи отличить дѣйствительныхъ слѣдовъ текста отъ воображаемыхъ. Противъ отсутствія этихъ качествъ едва ли найдется средство. Я же имѣю въ виду тѣ, по моему разсчету, часто возможные случаи, когда мы, благодаря росту матеріала, прогрессу изученія его и совершенствованію въ языкѣ располагая все бо̀льшимъ выборомъ возможностей, и сами до очевидности убѣждаемся въ наличности на камнѣ одной только изъ послѣднихъ и другихъ можемъ заставить убѣдиться въ томъ же (за отсутствіемъ подходящихъ экспертовъ я въ подобныхъ случаяхъ иногда привлекалъ къ дѣлу и не особенно грамотныхъ φύλακες τῶν ἀρχαιοτήτων).

Работать въ Греціи по надписямъ съ значительнымъ успѣхомъ можно, такимъ образомъ, и безъ погони за неизданными надписями, и при всестороннемъ усердіи и выдержкѣ возможно въ частностяхъ достигнуть новыхъ результатовъ даже послѣ предшествовшей обработки старыхъ надписей лучшими эпиграфистами. Новыя надписи, которыя намъ, при отсутствіи собственныхъ раскопокъ, попадаются

лишь въ видѣ счастливаго исключенія, важны, пожалуй, только въ качествѣ перваго импульса: начинающій невольно увлекается обработкой ихъ, стремится использовать ихъ до крайнихъ предѣловъ, хватая иногда, пожалуй, и черезъ край, а если уже появилось это увлеченіе, то дорога для работы оказывается открытой и безъ новыхъ матеріаловъ. Откровенно говоря, лѣтомъ 1903 года въ Греціи я мало завидовалъ иностранцамъ, располагающимъ новыми матеріалами, — работать было нужно буквально больше, чѣмъ я могъ успѣть. Я скорѣе удивлялся—и не безъ нѣкотораго возмущенія—какому-то спорту или погонѣ археологическихъ школъ за новыми и новыми открытіями при замѣтномъ пренебреженіи къ добытому раньше и, можетъ быть, даже при спѣшности самого производства раскопокъ, которое можетъ сопровождаться при случаѣ и печальными послѣдствіями [1]). Приходится вѣдь иногда видѣть надписи, написанныя такъ мелко и убористо, что текстъ тамъ занимаетъ мѣста немного больше, чѣмъ требуется у насъ въ печати при передачѣ заглавнымъ шрифтомъ, т. е. обломочекъ величиной въ ладонь можетъ оказаться и значительнымъ по количеству написаннаго и первостепеннымъ по важности содержанія. А кто поручится, что такіе обломки, при открытіи обыкновенно покрытые толстымъ слоемъ вѣковой грязи, а иногда и едва-едва отдѣлимой корой наслоеній, не могутъ при спѣшныхъ раскопкахъ попадать въ груды выбрасываемаго мусора, образующія цѣлыя горы? Мусорныхъ-то горъ, я думаю, никто уже не станетъ раскапывать. Между тѣмъ добываемыхъ и добытыхъ открытій въ Греціи накопляется то тамъ, то сямъ такая масса, что для обработки ихъ, пожалуй, прямо не хватаетъ наличныхъ, не только мѣстныхъ, но и иностранныхъ, силъ, дѣйствительно научно работающихъ надъ памятниками. Заваленный офиціальными трудами въ качествѣ генеральнаго инспектора древностей, почтенный П. Каввадіасъ болѣе двадцати лѣтъ копалъ въ епидаврійскомъ святилищѣ Асклипія и можетъ копать тамъ еще столько же; когда я тамъ былъ, тамъ шли незначительныя расчистки въ его отсутствіе подъ наблюденіемъ простого

---

[1]) Написавъ эти строки, чрезъ два дня читаю въ одномъ изъ послѣднихъ №№ *Berl. Phil. Wochenschr.* (1904, 1527) въ замѣткѣ Гиллера фонъ Гертрингена о „Fouilles et inscriptions de Ténos“ H. Demoulin'a (Louvain 1904. — послѣдній копалъ на Тиносѣ какъ разъ и лѣтомъ 1903 г., въ качествѣ бельгійскаго иностраннаго члена французской школы) напоминаніе относительно „die zeitgemässe Forderung: *Immer weniger, aber immer besser ausgraben*“. Очевидно, мое впечатлѣніе не изъ единичныхъ.

десятника; множество неизданнаго матеріала лежитъ тамъ и подъ замкомъ въ музеѣ и прямо на раскопкахъ или у музеевъ; огромныя плиты (метра въ 2 высоты и соотвѣтствующей ширины), занятыя письмомъ не только съ передней и задней стороны, съ лица и съ тыла, но и съ боковыхъ (съ висковъ—κρόταφοι, какъ тамъ говорили), содержатъ много сотенъ, прямо тысячи строкъ текста, который десятки лѣтъ не дождется публикаціи; многое издалъ кромѣ того Френкель, но завѣдомо плохо. Кавваdiасу не хватаетъ времени не только для обработки и использованія найденнаго, но даже на первое изданіе, а ему все-таки мало: онъ ѣдетъ копать на Самосъ. И не его тутъ вина: тутъ просто отраженіе модной погони за открытіями (пожалуй, въ частности здѣсь примѣшивается и иная цѣль—подготовленіе почвы къ присоединенію in spe острова къ греческому королевству). Предстоящій весной сего года международный археологическій конгрессъ могъ также играть роль подстрекателя: всѣмъ хочется себя показать, торопятся реставрировать то то, то другое древнее сооруженіе и т. п. (о нѣкоторыхъ изъ этихъ реставрацій я намѣренъ когда-нибудь высказаться отдѣльно). Матеріалъ иногда прямо..., я хотѣлъ сказать, гніетъ, но къ камнямъ и мрамору это не подходитъ, происходитъ, однако, порча въ томъ же родѣ: огромныя плиты, брошенныя подъ открытымъ небомъ, если не страдаютъ отъ дождей и пр., то служатъ цѣлью для бросанья камнями мальчуганамъ, а то и взрослымъ, на нихъ и сидятъ, по нимъ и ходятъ, дѣти съ нихъ катаются, если они лежатъ наклонно. Что помелче, иногда безъ призора снова затаптывается въ песокъ и ломается. Все это, конечно, исключенія и, надѣюсь, рѣдкія, но все-таки бываетъ. Уже нѣсколько десятилѣтій ждемъ мы изданія множества дилосскаго матеріала. Въ Дельфахъ у французовъ огромная масса матеріала, не только не напечатаннаго, но, пожалуй, вполнѣ и не скопированнаго, а на мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, въ тѣ недѣли, когда я тамъ былъ, не было ни одного ни эпиграфиста, ни археолога. Всѣ члены французской школы въ это время или вели новыя раскопки — на Дилосѣ, въ Віотіи, въ Аргосѣ, на Тиносѣ — или работали въ Аѳинахъ. Иностранцы иные пріѣзжаютъ за тысячи верстъ, чтобы изслѣдовать изданные уже памятники по оригиналамъ, а многіе живущіе въ Греціи обрабатываютъ и впервые издаютъ тексты по чужимъ копіямъ, не видѣвъ или не постаравшись разыскать оригиналовъ. Утѣшительно во всемъ это развѣ только одно: матеріала становится все больше, и для всякаго желающаго работа найдется. Лично я, расхворавшись въ Греціи лѣ-

томъ 1903 г., былъ недоволенъ только тѣмъ, что не пришлось всего времени отдать работѣ, но и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ мнѣ удалось привезти достаточный запасъ. Конечно, кабинетная обработка вызываетъ новыя сомнѣнія, новые вопросы, снова нужно было бы идти къ камнямъ, любезнымъ посредничествомъ τῶν ἐν Ἀθήναις παρεπιδημούντων ξένων не обойдешься, да и возможно оно, разумѣется, лишь до извѣстныхъ предѣловъ, а поѣду ли самъ я еще разъ въ Грецію, это уже вопросъ. Нужно дѣлиться тѣмъ, что есть въ распоряженіи. Если мнѣ, какъ я думаю, удалось здѣсь или удастся въ будущихъ работахъ дать тѣ или другіе тексты въ улучшенномъ или болѣе полномъ видѣ, то это въ значительной степени объясняется и только что отмѣченной поспѣшной работой предшественниковъ. Я былъ бы вполнѣ удовлетворенъ, если моя обработка текстовъ, которую я считаю вовсе не окончательной, а прямо только подготовительной, поможетъ такъ или иначе другимъ при новомъ изслѣдованіи оригиналовъ. Поэтому я вдаюсь иногда въ детали, которыя могутъ показаться излишними, или намѣчаю возможности довольно рискованныя, а многое оставляю подъ вопросомъ. Боюсь какъ бы по той же причинѣ статья, къ которой уже пора перейти, не показалась скучной у насъ даже для того, кому res epigraphicae semper gratae iucundaeque sunt, такъ что мое ΤΑΣΑΑΠΟΤΩΝΣΩΝ окажется неудачнымъ.

Г. Жарде даетъ амфиктіоновскіе тексты по копіямъ, сдѣланнымъ другими членами французской школы во время раскопокъ, заявляя, что „почти" всѣ копіи провѣрялъ самъ по оригиналамъ, но умалчивая, какія именно. Если онъ дѣйствительно провѣрялъ, то, во всякомъ случаѣ, недостаточно внимательно. Я буду разсматривать и переиздавать, и цитовать его надписи въ порядкѣ его же нумераціи въ *BCH.* XXVI.

№№ 1—2.

На стр. 247 онъ даетъ подъ № 1 два обломка (*a* въ копіи Ардальона, *b* въ копіи Кува) первыхъ двухъ строкъ амфиктіоновскаго документа отъ года архонта Еммениса, т. е. отъ того же года, которому принадлежитъ и второй большой списокъ участниковъ Сотирій (2564). На той же страницѣ подъ № 2 онъ издаетъ (по копіи Бургэ) амфиктіоновскую надпись того же года, какъ видно изъ сохранившейся части перечня іеромнимоновъ, и дополняетъ не дошедшія двѣ первыхъ строки по 2564. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что двѣ строки № 1 являются первыми строками № 2, т. е. мы имѣемъ дѣло

съ тремя обломками одной и той же надписи. Это можно было сообразить даже не видя ни камней, ни эстампажей. Толщина № 1а указана у Жарде 0,05, № 1b и № 2—0,06; вышина буквъ № 1а и b—0,008, № 2—0,007, разстояніе строкъ вездѣ 0,01,—ничтожныя неточности измѣренія, вполнѣ понятныя (въ дѣйствительности 10 строкъ занимаютъ немного меньше 0,16, т. е. на строку съ междустрочіемъ приходится почти 0,016). Въ № 1 выше первой строки высѣченъ вѣнокъ, въ № 2 идетъ рѣчь объ увѣнчаніи. Я констатирую тожество сверхъ того при помощи эстампажей (матеріалъ—„marbre blanc“ для № 1 и „marbre“ для № 2—указанъ у Жарде,—слѣдовало прибавить blanc и во второмъ случаѣ).

'Επὶ 'Εμμενίδα ἄρχοντο[ς ἐν] Δελφοῖς ἱερομνη—
μονούντων Αἰτωλῶν Εὐπολέμ[ου, Σιν]νέα, Εὐρυδάμ[ου,
[Διοκλέα, 'Αριστί]ππου, 'Αλέξ[ωνος], Εὐμηλ[ίδα, Δ]ίωνο[ς,
[Νι]κάνδρου, Δελφῶν Κλευδάμου, Αἰσχριώνδα, 'Ιστιαι-
έων 'Αντιφῶντος· ἐπειδὴ Μενάλκης ὁ κιθαρωιδὸς
παραγενόμενος εἰς Δελφοὺς εἰς τὰ Σωτήρια
τόν τε ἄλλον ἀγῶνα καλῶς καὶ φιλοτίμως ἠγωνί-
σατο καὶ προσεπέδωκε τῶι θεῶι καὶ τοῖς ἀμφικ[τύ-
οσι τὸν ἀγῶνα [12—14 erasae]· ἀγαθῆι τύχηι· δε[δό-
χθαι τοῖς ἱερομνήμοσι ἐπαινέσαι τε Μενάλκη [Σπεύ-
σωνος 'Αθηναῖον ἀρετῆς ἕνεκεν καὶ εὐνοίας [τῆς εἰς
τὸν θεὸν καὶ τοὺς ἀμφικτύονας καὶ στεφα[νῶσαι αὐ-
τ]ὸν δάφνης στεφάνωι τῆς παρὰ τοῦ θ[εοῦ καὶ ἀνα-
κη]ρῦξαι τὸν στέφανον τοῖς Σ[ωτηρίοις . . . .
. . . . От этой строки сохранился слѣдъ одной буквы (О?), ниже камень обломанъ.

Въ сравненіи съ перечнемъ іеромнимоновъ въ 2564 замѣчается только одна перестановка: въ 2564 Διοκλέα стоитъ передъ Σιννέα. Чтобы ктонибудь не упрекнулъ меня въ нарушеніи экономіи мѣста въ началѣ 3 строки (тамъ у Жарде дополнено: μου, 'Αριστι=9, у меня: Διοκλέα, 'Αριστί=13), отмѣчу, что мѣсту моего дополненія соотвѣтствуетъ въ слѣдующей строкѣ Νικάνδρου Δελ=12 буквъ. У Жарде неточность въ распредѣленіи эпиграфическаго текста и здѣсь и въ другихъ мѣстахъ (въ правой сторонѣ строкъ). Какое слово подверглось разурѣ въ стрк. 9, установить по эстампажу не удается: разура произведена радикально. Жарде по формѣ du martelage полагаетъ, что первой буквой въ разурѣ была Υ. Я признаю здѣсь чисто случайное сходство.

Жарде призналъ, что Меналкъ этой надписи одно и то же лицо съ упоминаемымъ въ 2564 (въ стрк. 35 и 82), и полагаетъ, что при помощи только новой надписи можно въ 2564 возстановить его имя. Я рѣшительно утверждаю, что оно могло быть возстановлено въ 2564 и безъ нея, и мнѣ давнымъ давно извѣстно въ той и въ другой строкѣ, что нужно было только больше вниманія къ полигональной стѣнѣ, на которой находится 2564, а Жарде, кажется, даже не поинтересовался посмотрѣть, что тамъ даетъ камень. Характерна замѣтка объ отцѣ Меналка: „le nom de son père reste *douteux; sans doute* Σπ[εύ]σωνος“. Случается, правда, что иной филологъ сомнительное путемъ длинныхъ разсужденій о вѣроятностяхъ превращаетъ въ несомнѣнное (для него одного). Но здѣсь рядомъ одно съ другимъ звучитъ черезчуръ странно. Ужъ не прибавилъ ли это sans doute Омолль? Обыкновенно онъ ставилъ такія поправки къ статьямъ своихъ сотрудниковъ въ скобкахъ и съ помѣтой: Т. Н. Отмѣтивъ, что по 2564,35 Меналкъ участвовалъ въ χοροὶ ἀνδρῶν, Жарде продолжаетъ: „en cette qualité, il prit part aux Sotéria (τόν τε ἄλλον ἀγῶνα), puis offrit en outre au dieu (προσεπέδωκε), comme citharède, un morceau supplémentaire: cette exécution additionnelle est également mentionné, dans des termes analogues (προσαυλῆσαι) à la ligne 83 [=82] de l'inscription citée, ligne qui reste cependant difficile à expliquer“. Аналогія очень сомнительная: изъ декрета Жарде выводитъ заключеніе непремѣнно о *кивародическомъ* исполненіи сверхъ программы, а въ 2564,82 говорится объ игрѣ на *флейтѣ*. Остается признать сходство только въ предлогѣ πρός: προσεπέδωκε и προσαυλῆσαι. Далѣе я заявляю, что уже до открытія настоящаго декрета строку 82 въ 2564 можно было и прочитать и истолковать, не лѣнясь только возвращаться къ камнямъ со старыми надписями, хотя она и осталась у Баунака безъ транскрипціи (уже одно это должно было заставить Жарде подойти къ полигональной стѣнѣ). Тамъ нужно читать: Βοΐσκος Μενάλκαι προσαυλῆσαι, и я, отожествивъ уже давно Меналка этой строки съ Меналкомъ, *первымъ* въ рубрикѣ χοροὶ ἀνδρῶν (стрк. 35), полагалъ, что Воискъ былъ спеціальнымъ флейтистомъ для того хора, „вожакомъ“ котораго былъ Меналкъ. Сомнѣніе въ толкованіи 2564 можетъ возникнуть только теперь, при совершенно естественномъ желаніи сопоставить указаніе новаго декрета съ приведенной необычной помѣтой старой надписи. Дѣло въ томъ, что разъ онъ въ новомъ декретѣ называется съ эпитетомъ ὁ κιθαρῳδός, мы и въ спискѣ артистовъ 2564 ожидали бы встрѣтить его не въ рубрикѣ χοροὶ ἀνδρῶν, а среди

κιθαρῳδοί, и это подходило бы къ выраженію „объ его участіи въ агонѣ вообще"—τόν τε ἄλλον ἀγῶνα κτέ. Но тамъ названы два другихъ киѳарода, а Меналка нѣтъ. Слѣдовательно, необходимо иное объясненіе. Я постараюсь дать его въ обѣщанной статьѣ о большихъ спискахъ участниковъ Сотирій въ связи съ разсужденіями о составѣ и организаціи артистическихъ труппъ и о программахъ агоновъ, требующими переизданія самихъ списковъ. Возможно, что нашего Меналка имѣетъ въ виду и дилосскій почетный декретъ XXVIII, 280.

№ 3.

Подъ № 3 на стр. 249 Жарде даетъ копію Кува безъ транскрипціи, дополняя лишь имя Αἰσχριών[δα] и замѣчая въ то же время, что встрѣчающіяся „имена" неизвѣстны. Я пробовалъ слѣдующее, почти фантастическое возстановленіе обломка.

Ἄρχοντος ἐν Δελφοῖς Ἀρ?[ισταγόρα??, πυλαίας ἠρινῆς],
ἱερομνημονούντων Αἰτωλ[ῶν ...., ..., ...-
.., ...εστράτου, Σκορπίων[ος, ..., ..., ..., ..-
....., Δελφῶν] Αἰσχριών[δα, Κλεοδάμου? Βοιωτῶν? ....,
......, Ἱστιαιέων?] Ἀντ[ιφῶντος ...

Вторая буква имени архонта и мнѣ, какъ и Куву, казалась Р, но прочелъ только отвѣсный штрихъ, а придатокъ можетъ быть случайной порчей. Нужно еще разъ провѣрить по камню. Въ 3 стрк. у Кува было ΣΚΟΡΓΙΩΝ, и Жарде могъ говорить о неизвѣстномъ имени, хотя нетрудно было узнать здѣсь Скорпіона: въ П перекладина часто выступаетъ вправо и влѣво или только вправо, такъ что смѣшать П съ ГГ и наоборотъ легко. На дѣлѣ здѣсь ясно π [1]). Имя Скорпіонъ, повидимому, одно изъ специфическихъ этолійскихъ, ср. Σ. Βούττιος CIGSept. III 381 и 383, Σ. Φιστυός ibid. 418. Объ Эсхріондѣ не слѣдовало говорить, какъ о неизвѣстномъ имени. Мы имѣемъ, пожалуй, право отожествить даже личность. Эсхріонда IV вѣка (2502, строки 159 и 197, около 325 года) сюда едва ли годится. Но извѣстенъ эпонимъ этого имени для III вѣка (2789 и 2814); онъ же, вѣроятно, былъ и совѣтникомъ при Евдокѣ (2781—

[1]) Указанной палеографической примѣтой не слѣдуетъ пользоваться при чтеніи необычнаго имени Λυκωτίου XXIII, 529, № 13: тамъ и слѣпой, по глубокому и сохранному письму, убѣдится въ правильности даннаго чтенія и въ невозможности чтенія Λυκώπου.

2784, 2786) и при Калликлѣ (2668 и 2776). Послѣднія надписи приближають его къ 260—270 годамъ: 2668—въ честь Киллона изъ Илиды, въ которомъ Помтовъ призналъ убійцу илидскаго тиранна Аристотима, а 2776—въ честь того Епирата изъ Мегалополя, объ участіи котораго въ Сотиріяхъ года Еммениды говоритъ упомянутый мною уже нѣсколько разъ второй большой списокъ (строка 22). Мало того, въ заголовкѣ какъ этого списка, такъ и современнаго ему амфиктіоновскаго акта о Меналкѣ, изданнаго подъ № 2 самимъ Жарде, но не соединеннаго, какъ мы видѣли, съ № 1, въ перечнѣ іеромнимоновъ мы видимъ дельфійцевъ Клеодама и Эсхріонду. Рядомъ съ ними тамъ же стоитъ еввійскій іеромнимонъ изъ Истіеи Ἀντιφῶν: не онъ ли кроется и въ ANT послѣдней строки нашей надписи? Прибавлю, наконецъ, что предшествующій, т. е. первый большой списокъ (2563) датированъ архонтомъ Аристагоромъ: не онъ ли кроется и въ AP нашей надписи? Вотъ почему нужно еще разъ убѣдиться въ послѣдней буквѣ. Разумѣется, противъ моей гипотезы сейчасъ же готово сильное, по господствующему взгляду о смѣнѣ іеромнимоновъ, даже неопровержимое возраженіе: въ перечняхъ этолійскихъ іеромнимоновъ какъ при Аристагорѣ, такъ и при Еммениде нѣтъ нашихъ ни —сстрата, ни Скорпіона. Однако хорошо ли намъ извѣстенъ порядокъ смѣны іеромнимоновъ? Имѣть въ виду мою гипотезу не мѣшаетъ при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Во всякомъ случаѣ, нашу надпись возможно и естественно ставить довольно близко по времени къ большимъ спискамъ. Во всѣхъ четырехъ спискахъ послѣдовательно называется по девяти этолійскихъ іеромнимоновъ и по два дельфійскихъ; кромѣ того въ первомъ и второмъ есть по одному истіейскому, а въ третьемъ два віотійскихъ. Ближе всего думать, что и въ нашей надписи было девять этолійцевъ. Полные перечни девяти іеромнимоновъ чаще всего занимаютъ 72—73 мѣста (пять случаевъ), minimum 65—66 (два случая), maximum 85 (одинъ случай), однажды еще 77. У насъ оба сохранившихся этолійскихъ имени не изъ короткихъ (10 мѣстъ), стало быть минимальныя лакуны менѣе вѣроятны. У меня дано девяти этолійцамъ 75 мѣстъ, и при этомъ, несмотря на длинное имя архонта Аристагора, первая строка представляется короче другихъ (σκωριν῀ης невозможно, потому что тогда перечень совпадалъ бы, конечно, съ первымъ большимъ спискомъ). Само собою понятно, что я самъ меньше, чѣмъ кто-либо другой, сталъ бы защищать предположенное возстановленіе,—оно лишь одна изъ возможностей.

№ 4 и 14.

№ 4 (стр. 249), небольшіе остатки восьми строкъ, и № 14 (стр. 263), подобные же остатки шести строкъ, мною не найдены, между тѣмъ, при всей незначительности этихъ обломковъ, они не лишены были бы нѣкотораго значенія, если бы, какъ мнѣ думалось, ихъ можно было соединить вмѣстѣ. Къ сожалѣнію, даже данныя при изданіи описанія не говорятъ ничего ни за, ни противъ такого соединенія. О № 4 (копія Бургэ) сказано только, что это обломанная со всѣхъ сторонъ plaque de marbre. О № 14 (копіи Колэна и Омолля): обломанная со всѣхъ сторонъ, кромѣ верхней, stèle de marbre blanc moulurée au sommet, и приведены измѣренія обломка и буквъ, безполезныя для насъ при отсутствіи подобныхъ для № 4. Мысль о соединеніи № 4 и 14 являлась у меня въ виду того, что по сохранившемуся тексту строки 1, 2 и 3 № 4-го можно поставить почти вплотную предъ стрк. 2, 3 и 4-й № 14-го. Именно, поставивъ ихъ рядомъ, мы получили бы:

	№ 4.	? № 14.
1.	['Επὶ ...... ἄρχοντος]	[ἐ]ν Δελφοῖς πυλαίας ὀ[πω]-
2.	[ρινῆς], ἱερομναμονοῦ	[ν]των Αἰτωλῶν Συάγρου [τοῦ]
3.	.....ΟΔΙΟΥ, Ἱππάρχου	τοῦ Ἀγχεμάχου Τριχονέ[ως],
4.	ΙΑ, ἈγήμΩνος [τ]	οὗ Εὐρυδάμου Πυρρ[αίου,. .
5.	ΕΤΙΕ . ΩΣ..	..ΠΟΥΛ .. ΑΙΟΥΕΥΡΓ......
6.	ΩΝΟΣ.	Λ ΛΙ
7.	ΕΤΥΜΩ.	
8.	ΙΟΜΟΙ..	
9,	Π . . . Ι Ν Α Μ	

Въ копіи ошибки кое-гдѣ, несомнѣнно, есть, напримѣръ, 4 Ἀγήμ Ωνος. Слѣдовательно въ ΟΔΙΟΥ легко можно было бы усмотрѣть димотикъ, конечно, не Ῥοδίου, а напримѣръ [Β]οαίου, и оставалось бы мѣсто для краткаго имени отца. Разумѣется, не видя камней или эстампажей, нельзя рѣшить вопроса, такъ какъ и размѣры буквъ и разстоянія строкъ могутъ оказаться совершенно различными. Но въ чемъ же было бы значеніе сложенія этихъ обломковъ? Если бы оно оправдалось, то обнаружилось бы, конечно, что въ 4-й строкѣ предъ Ἀγήμονος стоитъ не ΙΑ, а Ν, то-есть иначе говоря тамъ пришлось бы найти genit. pluralis, напримѣръ Ἀχαιῶν, Θεσσαλῶν и т. п., такъ какъ

ясно, что въ крошечной лакунѣ не умѣстились бы имя, отчество и димотикъ. А если такъ, то получился бы совершенно своеобразный перечень іеромнимоновъ—*съ двумя только этолійцами на первомъ мѣстѣ*. Да и отчества при именахъ іеромнимоновъ—рѣдкость,—мы знаемъ ихъ только отъ 178/7 г. (2536). Повторяю однако, все это пока остается однимъ предположеніемъ, которое, можетъ быть, опровергнуто будетъ однимъ взглядомъ на камни.

№ 5.

Подъ № 5 на стр. 249 сл. Жарде довольно точно напечаталъ хорошую копію (чью, неизвѣстно) амфиктіоновскаго акта отъ весны года Архіада и правильно возстановилъ перечень іеромнимоновъ, очевидно, совпадающій съ давно извѣстнымъ 2515 и потому не представляющій интереса. Я ограничусь приведеніемъ остатковъ текста самого декрета, начиная съ имени послѣдняго іеромнимона, которое Жарде пишетъ Σωσικλέο[υς], хотя въ копіи послѣ O стоитъ слѣдъ не Υ, а Σ. Въ транскрипціи у него пробѣлы обозначены точками болѣе или менѣе произвольно.

6. Σωσικλέο[ς· ἔδω-
[καν οἱ ἱερομνάμονες 4—5]σίωι Ἡρακλειώτ[αι . . .
[c. 20 κ]αὶ προδικίαν αὐτ[ῶι καὶ
[ἐκγόνοις καὶ τἆλλα πάν]τα ὅσα καὶ τοῖς[c. 6—7
10. [c. 17 ἱερο]μνά[μ]οσι [c. 9—10
[c. 24]τὸ δ[όγμα? c. 6—7

Въ послѣдней строкѣ видны отъ τοδ только верхушки. Жарде видитъ въ нихъ остатокъ отъ Αἰ]τωλ..., но, кажется, въ кругловатомъ остаткѣ скорѣе нужно признать ο, а не ω. Въ стрк. 7-ой σιωι, то-есть dativus, не подлежитъ сомнѣнію.

По поводу имени награжденнаго Жарде вспоминаетъ о двухъ Діонисіяхъ ираклейцахъ, извѣстныхъ изъ большихъ сотирійскихъ списковъ: Δ. Διονυσοδώρου ἱματιομίσθης (2563, 77) и Δ. Σίμου κωμωιδός (2563, 53 и 2566, 66,—оба раза вторымъ въ труппѣ). Дополнять Ἡρακλειώτ[α] въ genitivus, какъ имя отца, я не рѣшаюсь, такъ какъ такое личное имя, кажется, не встрѣчалось (оно было бы, впрочемъ, возможно, разъ были имена Θессалъ, Аѳиней, Аргій и т. п.), и такимъ образомъ признаю здѣсь довольно рѣдкій случай обозначенія награжденнаго посредствомъ одного личнаго имени, безъ отчества. Ср. 2514:

Μενεκράτει καὶ Μελανθίωι Λαμιέοις, 2520: Ἀχαιίωνα καὶ τὸν ὑὸν Ἀνταγόραν ὑπηρέτας εἶμεν τοῖς ἱερομνήμοσιν. Можетъ быть, и здѣсь рѣчь была о слугѣ іеромнимоновъ. При перечисленіи амфиктіоновскихъ привилегій на первыхъ двухъ мѣстахъ всегда ставятся или προδικίαν и ἀσφάλειαν или ἀσφάλειαν и προδικίαν; прочія (ἀσυλία, ἀτέλεια, προεδρία, ἐπιτιμά) всегда на дальнѣйшихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ въ 7—8 можно было бы дополнить τῶι | ὑπηρετέοντι ἀσφάλειαν, а въ 9—10: ἄλλοις | ὑπηρετεόντοις τοῖς. Разумѣется, это лишь примѣрное дополненіе. Во всякомъ случаѣ, кажется, послѣ димотика было какое-то ближайшее обозначеніе [Діони]сія, такъ какъ трудно допустить тамъ одну изъ указанныхъ выше второстепенныхъ привилегій. Дополненіе χωμωιδῶι, даже въ ошибочной орѳографіи χωιμωιδῶι, слишкомъ кратко, да и едва ли могла быть здѣсь рѣчь о комическомъ девтерагонистѣ. По объему ἱματιομίσθηι годилось бы вполнѣ.

№ 6.

№ 6, стр. 250 сл., копія Бургэ, провѣренная мною по эстампажу.

Πλειστωνος ἄρχοντος ἐν Δελ-
φοῖς, ἱερομνημονούντων Αἰτω-
λῶν Μάχωνος, Ξεννία, Οἰκιάδα,
Στρατάγ[ο]υ, Ἀλεξιμάχου, Εὐνί-
κου, Βοιωτῶν Ἐνδίου, Εὐροφάον-
τος, Φωκέων Χηρία, Δαφναίου,
Δημητρίου, Ἀθηναίων Εὐθυδά-
μου, Ἱστιαιέων Καλλιχάριδος,
Δελφῶν Ἰασιμάχου, Ἐπιχαρί-
δου, [γραμματεύον]τος ΚΑΛ
sive [ἐπειδὴ . . . . .]τος ΚΑΛ

Въ концѣ 5, можетъ быть, Εὐθυδή?—Въ 10, послѣ слѣдовъ δου, у Бургэ указаны слѣды годные и для γρ и для ἐπ,—на эстампажѣ они неясны.

Въ давно извѣстномъ актѣ того же года и той же осенней пилеи не было полнаго перечня іеромнимоновъ, 2514: Πλείστωνος ἄρχοντος, πυλαίας ὀπωρινῆς, ἱερομνημονούντων τῶν περὶ Μάχωνα, Ξεννίαν, Οἰκιάδαν, Στράταγον. Только теперь сталъ извѣстенъ весь составъ.

Жарде привелъ полныя сопоставленія одноименныхъ лицъ въ предѣлахъ *дельфійскаго* матеріала; я дополняю ихъ отчасти присоединеніемъ иногородняго.

Μάχων—іеромнимонъ въ слѣдующемъ полугодіи, № 7—Ξεννίας—агоноѳетъ 2568.—Στράταγος—іеромнимонъ при Никодамѣ 2507, 2565 и при Никаидѣ 2509, прибавлю еще изъ Ипаты 1432.—Εὔνικος—іеромнимонъ при Аристагорѣ 2563.—Ἰασίμαχος—совѣтникъ при Ахэменѣ 2615 и при Ираклидѣ 2825.—Ἐπιχαρίδας—совѣтникъ при Никодамѣ 2653.—Ἀλεξίμαχος—Αἰνιαρχέων въ упомянутой надписи изъ Ипаты 1432.—Ἔνδιος—платеецъ CIGSept. I 4261.—Εὐρυφάων—орхоменецъ ibid. 21.

Дельфійскія даты параллелей падаютъ, по хронологіи Помтова, отъ 282 до 259 г., кромѣ того далеко не вездѣ вѣроятно тожество лицъ. Далѣе, путаница, приключившаяся съ Хіями (см. ниже къ № 15), заставляетъ осторожно относиться ко всѣмъ уклоненіямъ въ перечняхъ іеромнимоновъ. Здѣсь мы видимъ *трехъ* фокейскихъ: Φωκέων Χηρία, Δαφναίου, Δημητρίου. Нельзя ли думать объ *одномъ* фокейскомъ—Χηρία, а Δημητρίου считать *дафнейскимъ*, изъ того Δαφνοῦς въ восточной Локридѣ, „область котораго долго была во власти фокейцевъ и раздѣляла опунтскую Локриду отъ епикнимидской"? [1]) Стефанъ Византійскій, правда, говоритъ только о двухъ димотикахъ: Δαφνοούντιος и Δαφνούσιος, но его грамматическая мудрость далеко невсегда покрывала все дѣйствительное разнообразіе географическихъ обозначеній, такъ что еще нельзя утверждать, что въ данномъ случаѣ формы Δαφναῖος не было. Ср. Ἐχιναῖος къ Ἐχῖνος или Ἐχινεός или Ἐχινοῦς.

№ 7.

№ 7 на стр. 251, копія Колэна, безъ транскрипціи и дополненій, дополненная мною по эстампажу.

1. Θ ε ο ί.
2. Ἐπὶ ἄρχοντος ἐν Δελφοῖς Πλειστωνος, ἱερομνημονούντων Αἰ-
3. τωλῶν Μενέστα, Μάχωνος, Πετραί[ου, ...]ολάου, Νικάνορος, Τ[α-
4. [ραν]τίνου, Βοιωτῶν Εὐώνδα, Ποιμε[ν 22—25
5. [8]οφῶντος, Δελφῶν Α — — —

Въ стрк. 2-й въ Πετραί[ου] я вижу несомнѣнное Ρ и дальше, послѣ верхушки Λ, еще часть Ι, такъ что дополненіе стоитъ прочно (ср. Πετραῖος, повидимому, изъ Вутта CIGSept. III 382 и *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1884, декабрь, 50). Въ концѣ строки виденъ не простой

[1]) *Lolling*, Hellenische Landeskunde, 133. *Bursian*, Geogr. I, 165 и 190. *Girard*, De Locris Opuntiis, 48.

остатокъ отвѣсной черты, но прямо слѣдъ буквы Т, такъ что едва ли можно сомнѣваться въ дополненіи Τ[αραν]τίνου, за которое стоитъ и конецъ имени и размѣръ лакуны. Имя перваго віотійца читается вполнѣ ясно. Въ имени второго я не вполнѣ убѣжденъ въ остаткѣ Е послѣ Ποιμ, данномъ въ французской копіи: Ποιμενίδα? Ποιμενάνδρου? Ποιμενίου? Ни одно изъ этихъ именъ, впрочемъ, въ віотійскомъ корпусѣ не встрѣчается (ср. Ποίμανδρος, основатель Танагры), если не кроется въ фрагментарныхъ Πο.... Нѣтъ также и имени Εὐώνδας, развѣ только въ CIGSept. I 2825 Δάμωνο[ς | Ε]ὐώνδαο (изъ Іитта), ср. Εὐωνυμίδας, өиванецъ ibid. 2429. При самомъ длинномъ имени Ποιμε[νάνδρου] до Δελφῶν остается промежутокъ отъ 31 до 34 мѣстъ, т. е. совершенно достаточный для дополненія по аналогіи съ предшествующей надписью: Φωκέων съ тремя именами или въ томъ же родѣ. Имя перваго дельфійскаго іеромнимона по копіи Колэна начинается съ А'. Первая буква и для меня вѣроятна; остатка второй я не вижу. Между Δελφῶν и А не было ничего. За дельфійцами могъ слѣдовать истіеецъ. Такимъ образомъ составъ этой, очевидно, весенней пилеи года Плистона, по всей вѣроятности, представляетъ полную или весьма близкую аналогію составу предшествующей осенней пилеи того же года Плистона, т. е. 6 этолійцевъ, 2 віотійца, [3 фокейца], 2 дельфійца и [1 истіеецъ]. По господствующему мнѣнію, въ осенней и весенней пилеяхъ одного и того же дельфійскаго года дельфійцы оставались одни и тѣже, также и аониане, если участвовали, такъ какъ аоинскій годъ совпадалъ съ дельфійскимъ; наоборотъ, этолійцы, годъ которыхъ начинался послѣ осенней пилеи (съ 3-го дельфійскаго мѣсяца), должны были весной появляться уже другіе, оставаясь и на осеннюю пилею слѣдующаго дельфійскаго года, также и віотійцы и фокейцы и еввійцы. Если такимъ образомъ у насъ осенью и весной года Плистона появляются *не* одни и тѣ же этолійцы (кромѣ одного Махона и здѣсь и тамъ), віотійцы и фокейцы, то это вполнѣ соотвѣтствуетъ указанному мнѣнію. Но дельфійцевъ мы ожидали бы прежнихъ, осеннихъ: Ἰασίμαχος и Ἐπιχαρίδας, а у насъ имя перваго дельфійца начинается съ А, предъ которымъ, повторяю, стояло N отъ слова Δελφῶν, такъ что *нѣтъ* возможности превратить это А въ [Ἰ]α[σιμάχου]. Жарде правъ, говоря, что, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ двухъ дельфійскихъ іеромнимоновъ здѣсь, весной, былъ не изъ тѣхъ, которые были осенью. Но правъ ли онъ, объясняя это такъ: mais des causes accidentelles pouvaient amener la substitution d'un hieromnémon à un autre? Не въ правѣ ли скорѣе мы повторить вопросъ, уже высказанный по поводу

№ 3: да хорошо ли намъ извѣстенъ порядокъ смѣны іеромнимоновъ?

№№ 10, 9 и 8.

Надписи подъ №№ 8—10, всѣ три фрагментарныя, цѣлесообразнѣе разобрать въ обратномъ порядкѣ, такъ какъ въ отношеніи состава іеромнимононовъ онѣ тѣсно связаны одна съ другой, а лучше другихъ сохранилась послѣдняя, отъ которой и нужно исходить. Предпослать же всему разбору необходимо давно уже (съ Вешера) извѣстный актъ отъ года архонта Дамосѳена, 2519, съ тѣми добавленіями, которыя, какъ въ концѣ концовъ, по моему мнѣнію, окажется, придется внести въ него. Сопоставленіе всѣхъ четырехъ надписей сдѣлано, конечно, уже и у Жарде, который замѣтилъ въ нихъ тожество, полное или частичное, состава іеромнимоновъ, но онъ остановился на половинѣ дороги и, по моему мнѣнію, совершенно безъ нужды заподозрилъ точность копіи Бурге.

Collitz 2519.

Такъ какъ строки этой надписи настолько длинны, что не умѣстились бы и поперекъ страницы, то приходится дѣлить каждую на три части, при чемъ концы намѣренно выдвинуты вправо, чтобы соединяющими черточками обозначить буквы, стоящія тамъ одна подъ другой.

1. Ἐπι Δαμοσθένους ἄρχοντος, πυλαίας ὀπωρινῆς,
ἱερομνημονούντων Αἰτωλῶν Νικάνο-
ρος, Φιλοξένου, Εὐρύα, Θευδώρου, [Πεταλία,
2. Νικοφῶντος, Δελφῶν Ἁγνία, Δαμαρμένου, Φωκέων
Βουθήρου, Εὐδαμίδα, Τιμώνδα, Βοιωτῶν
Εὐσύτου, Ἱπποκρίτου, Ἀθηναίω[ν Χαιρεστράτου,
3. Ἱστιαιέων Κλεομέδοντος, γραμματεύοντος Λαμ-
πρίωνος Αἰτωλοῦ, ἔδοξε τοῖς ἱερομνή-
μοσι· Ἀριστάρχωι Σιλην[οῦ Σικελιώτηι
4. Καμαριναίωι εἶναι προδικίαν καὶ ἀσφάλειαν καὶ
ἀσυλίαν ἀπὸ πάντων αὐτῶι καὶ
ἐκγόνοις εὐνοίας ἕνεκα καὶ [φιλοτιμίας
5. τῆς εἰς τὸ συνέδριον τῶν Ἀμφικτυόνων.

Прекрасная копія надписи дана у Помтова (*N. Jahrbb.* 1894, Taf. I, Fig. II). Онъ полагалъ (ibid. 524), что строки заканчивались

и въ древности приблизительно такъ же, какъ мы ихъ видимъ теперь, т. е. 1-я словомъ Θευδώρου, 2-я — Ἀθηναίων, 3-я — Σιλτηνοῦ, 4-я — εὐνοίας, такъ какъ камень дальше вправо уже въ древности началъ-де портиться и потому рѣзчикъ не могъ удлинять строки. Онъ отрицалъ даже, что на камнѣ было καὶ послѣ εὐνοίας, данное въ свое время въ копіи Вешера: καὶ [φιλοτιμίας], замѣчая, что самъ этого καί не видѣлъ, и оговариваясь, однако, о бѣгломъ изслѣдованіи камня. Хотя, говоритъ онъ, въ 4-й строкѣ могло быть καὶ φιλοτιμίας, хотя въ 1-й можно предположить еще шестого этолійца, хотя, наконецъ, въ 2-й послѣ Ἀθηναίων ожидалось бы имя аѳинянина, однако рѣшающей является строка 3-я: въ ней послѣ Σιλτηνοῦ (предъ Καμαριναίωι) не могло стоять ничего, слѣдовательно и въ прочихъ не было ничего указаннаго. Отсюда онъ заключалъ о „несомнѣнно доказуемой ошибкѣ составителя текста или рѣзчика", и полагалъ, что Βοιωτῶν должно было бы, на самомъ дѣлѣ, стоять предъ Τιμώνδα, а Ἀθηναίων—предъ Ἱπποκρίτου,— тогда оказалось бы *два* фокейца (вмѣсто „невозможныхъ трехъ") и нашелся бы искомый аѳинянинъ. Спустя три года (*N. Jahrbb.* 1897), убѣдившись въ томъ, что временно часть восточной Локриды принадлежала къ Віотіи и что встрѣчающееся число *трехъ віотійскихъ* іеромнимоновъ объяснимо присоединеніемъ восточно-локридскаго голоса, Помтовъ и три фокидскихъ не считаетъ уже „невозможными", а объясняетъ ихъ тѣмъ, что временно эпикнимидскіе локрійцы примыкали къ Фокидѣ. Онъ прибавляетъ при этомъ, что Ἱππόκριτος, котораго онъ раньше изъ віотійца дѣлалъ аѳиняниномъ, въ Аттикѣ не встрѣчается вовсе, а попадается неоднократно въ Віотіи, и наоборотъ Τιμώνδας, котораго онъ изъ фокейцевъ переводилъ въ віотійцы, вовсе не извѣстенъ для Віотіи [1]). Тутъ уже онъ допускаетъ, что имя аѳинянина или выпало или исчезло на своемъ мѣстѣ, послѣ Ἀθηναίων, отъ порчи камня, besonders, wenn es sehr kurz war (ук. м. 833, ср. 794 сл.). Такимъ образомъ онъ все-таки настаиваетъ на укороченныхъ строкахъ и остается при пяти этолійцахъ. Это перешло и въ изданіе Коллица. И въ Delphische Chronologie (стр. 106 = Pauly-Wissowa, R. E. IV, 2688) указано *пять* этолійцевъ и [пропавшій] аѳинянинъ. Я при осмотрѣ камня помѣтилъ въ моемъ экземплярѣ Коллица: „если пропало имя аѳинянина, то и въ первой строкѣ было еще одно имя этолійца, 03". Помѣта „03" указываетъ на замѣтки 1903 года. Въ концѣ 4-й

[1]) Прежнія его разсужденія были такъ убѣдительны, что Иппокритъ изъ дельфійской надписи попалъ въ Prosopographia Attica *Кирхнера*.

строки у меня прибавлено „καὶ.......“, но безъ пометы 03, такъ что я не увѣренъ, дѣйствительно ли съ камня у меня взято это καί или когда-нибудь раньше приписано изъ Вешера. Но я думаю, что ничто намъ не даетъ право отрицать это καί, хотя бы оно было указано однимъ Вешеромъ. Я думаю, наоборотъ, что указанный выше рѣшающій для Помтова признакъ краткости 3-й строки на дѣлѣ вовсе не рѣшающій: послѣ Σιλην[οῦ] тамъ могло стоять еще [Σικελιώτης], за которымъ уже слѣдовало Καμαριναίοι. Подобныя двойныя обозначенія въ Дельфахъ не рѣдкость, ср. напр. Ἀρκάδι Μεγαλοπολίται (XXIII, 376). Тогда, стало быть, имя аѳинянина могло быть во 2-й стрк. не только „очень короткое“, а даже очень длинное. Новыя надписи, изданныя Жарде, позволяютъ, я думаю, шестымъ этолійцемъ поставить Πεταλία, а аѳиняниномъ Χαιρεστράτου. Опровергая помтовскихъ пять этолійцевъ, онѣ даютъ въ то же время превосходное подтвержденіе его объясненію третьяго фокейскаго голоса. См. ниже.

№ 10.

№ 10 на стр. 253 сл. данъ въ копіи Бургэ. Жарде сообщаетъ, что буквы почти совершенно стерты и что, не найдя камня вслѣдствіе переустройства музея, онъ не могъ провѣрить сомнительныхъ для него пунктовъ, напр. въ стрк. 5, 22 и 23. Къ сожалѣнію, и мнѣ не удалось видѣть этой надписи. Но судя по тому, что копія даетъ текстъ почти безъ малѣйшихъ пробѣловъ, я не вѣрю сообщенію о плохой сохранности камня. Камень, очевидно, цѣлъ *справа* (здѣсь не указанъ ни родъ камня, ни размѣры, ни характеръ или величина буквъ). Имя Бургэ ручается за надежность копіи. Линія излома съ *лѣвой* стороны обыкновенно въ печатныхъ копіяхъ выражается точнѣе, т. е. ближе къ рукописной копіи: вѣроятно, и наборщикъ здѣсь внимательнѣе смотритъ, съ какого мѣста нужно начать строку, и издатель тщательнѣе слѣдитъ за корректурой, тогда какъ правому концу строки часто предоставляютъ падать тамъ, куда онъ придется самъ при наборѣ. При дополненіи такихъ надписей я подсчитываю количество пропавшаго текста не по длинѣ всей строки, т. е. въ данномъ случаѣ считаю не отъ приблизительно отвѣсной линіи правой стороны надписи, потому что при значительной длинѣ строкъ тутъ легко допустима значительная неточность, мѣстъ въ 5 и больше. Я провожу произвольную отвѣсную линію по возможности ближе къ лѣвой линіи излома и дополненія разсчитываю уже примѣнительно къ этой отвѣс-

ной. Въ данномъ случаѣ она падаетъ на тѣ буквы или промежутки, подъ которыми въ моей транскрипціи поставлены черточки, т. е. въ среднемъ, какъ оказывается въ концѣ концовъ, на разстояніи 25—26 мѣстъ отъ исчезнувшей лѣвой границы. Работая по оригиналамъ или эстампажамъ, такимъ путемъ можно достичь почти полной точности разсчета. При печатной копіи, конечно, возможна небольшая неточность. (См. греческій текстъ на стр. 126 и 127).

Мой текстъ расходится съ печатной копіей въ ничтожныхъ пунктахъ. 5 стрк. τ<ι>μηθήσονται: въ печатной копіи iota нѣтъ и лакуна не указана: она, можетъ быть, была у Бургэ отмѣчена незначительнымъ пробѣломъ? У Жарде тоже было сомнѣніе относительно 5-й стрк., какъ я уже указывалъ. См. ниже.

6 стрк. Въ началѣ ΗΜΑΤΩΙ, исправленное въ —ημάτω[ν] уже у Жарде.

14 стрк. Въ началѣ въ [ὅπως δ']ἄν, какъ дополнилъ и Жарде, предъ AN копія даетъ нижній конецъ отвѣснаго штриха: не наклонный ли у Бургэ? Или здѣсь было δὲ безъ элизіи. — Въ концѣ παντΟΙ, причемъ О отмѣчено какъ сомнительное; πάντ[ων?] написалъ уже Жарде.

Строки 2—7 у Жарде были въ такомъ видѣ: [— — ἐπειδὴ — οἱ — ἱ]ερομνή||[μονες πᾶσαν σπουδὴν ποιούμενοι τῆς Εἰς τ]οὺς θεοὺς εὐσεβεί||[ας καὶ δικαίως ....τὰς δί]κας τοῖς Ἕλλησι κρίνο||ντες ....]ότι τιμηθήσονται (?) καὶ κομι||[σθήσονται ....]ημάτω[ν], ἐπαινέσαι τοὺς ἱερομνή||[μονας τοὺς ἐπὶ ....ἄρχοντ]ος καὶ τὸν γραμματέα κτἑ. Самъ онъ объ этой части документа ничего не говоритъ, но Омолль присоединилъ къ статьѣ его большое примѣчаніе, посвященное главнымъ образомъ стрк. 26 и слл. Въ стрк. 27-й копія даетъ ε[μ]άτων (отъ μ только половина), въ 30-й ημάτων съ остаткомъ закругленія предъ η, т. е. или ο или θ или ρ. Изъ двухъ дополненій: ἀναθεμάτων или χρημάτων Омолль остановился на послѣднемъ, предполагая, что тамъ рѣчь о какихъ-либо похищеніяхъ изъ священной казны или вообще матеріальныхъ ущербахъ и т. п. Соотвѣтственно этому онъ въ —ημάτων 6-й строки увидѣлъ связующее звено между первой большей (1—25) и второй частью (26 слл.) надписи. Это повело дальше: κομίζω, говоритъ онъ, употребляется о взносѣ денегъ, такъ что въ 5—6 могла быть рѣчь объ уплатѣ штрафа, но такъ какъ здѣсь κομι[σθήσονται] стоитъ рядомъ съ τμηθήσονται, а τομή и κομιδή (рубка и доставка) часто упоминаются по поводу доставки матеріаловъ, il s'agirait donc d'un différend relatif à une construction, d'une mauvaise fourniture, ou d'une malfaçon, et d'une condamnation imposée aux entrepreneurs, ou bien de travaux, destinés à

[Прескриптъ, ἔδοξεν τοῖς Ἀμφικτύοσιν· ἐπειδὴ οἱ ἱερομνήμονες κτλ.]
[ ]ΔΙ
[12—15, ὅπως ἂν οὖν φιλοτιμῶνται καὶ οἱ ἄλλοι ἱ]ερομνή-
[μονες οἱ αεὶ ἱερομνημονοῦντες τῆς τε εἰς τ]οὺς θεοὺς εὐσεβε[ί-
[ας πᾶσαν σπουδὴν ποιούμενοι καὶ τὴς δί]κας τοῖς Ἕλλησι κρίνο[ν-
[τες δικαίως κατὰ τοὺς νόμους, εἰδότες], ὅτι τ⟨ι⟩μηθήσονται καὶ κομι-
[οῦνται χάριτας ἀξίας τῶν εὐεργετ]ημάτω[ν], ἐπαινέσαι τοὺς ἱερομνή-
[μονας τοὺς ἐπὶ Δαμαίου ἄρχοντ]ος καὶ τὸν γραμματέα τῶν ἱερομνη-
[μόνων ἀρετῆς ἕνεκεν καὶ εὐσεβ]είας καὶ στεφανῶσαι ἕκαστον αὐ-
[τῶν δάφνης στεφάνωι καὶ ἀνει]πεῖν τὸν στέφανον τοῦτον τῶι ἀγῶνι
[τῶν Πυθίων· εἶναι δὲ αὐτοῖς κ]αὶ τοῖς ἐκγόνοις αὐτῶν ἀσφάλειαν ἐν
[πάσαις πόλεσι ταῖς ἀμφικτ]υονευομέναις καὶ ἀσυλίαν καὶ πολέ-
[μου καὶ εἰρήνης καὶ προεδρ]ίαν ἐν τοῖς ἀγῶσιν, ἐν οἷς ἂν οἱ ἀμφικτύο-
[νες νομίζωσιν· εἶναι δὲ αὐ]τοῖς καὶ τἆλλα πάντα ὅσα δίδοται τοῖς τὸν θ[ε-
[ὸν εὐεργετοῦσιν· ὅπως δ'] ἂν αὐτοῖς καὶ ὑπόμνημα τούτων ἁπάντ]ων
[τὸν ἅπαντα χρόνον δια]μένηι, τὸν ἀρχιτέκτονα καὶ τὸν γραμματέα τῶν
[ἱερομνημόνων πορίσα]ι καὶ παρασκευάσαι στήλην λιθίνην καὶ ἀναγρά-
[ψαι εἰς αὐτὴν τά τε ὀν]όματα καὶ τὰς πόλεις αὐτῶν καὶ ἀναθεῖναι τὴ[ν
[στήλην ἔμπροσθεν το]ῦ ναοῦ τοῦ Ἀπόλλωνος τοῦ Πυθίου· ἀνενεγκεῖν
[δὲ τοὺς ἱερομνήμον]ας, ὅθεν ἕκαστος αὐτῶν ἐστίν, ἐπὶ τὰς
[πόλεις αὐτῶν πάντα τὰ δ]εδογμένα τοῖς Ἀμφικτύοσιν ἱερομνημ[ο-
[νούντων Αἰτωλῶν Νικάν]ορος, Φιλοξένου, Νικοφῶντος, Εὐρύα, Θεο-
[δώρου, Πεταλία, Ἀθηναί]ων Χαιρεστράτου, Βοιωτῶν Ἱπποκρίτου, Εὐσ[ύ-
[του, Φωκέων Εὐδαμίδα, Βου]θήρα, Ἱστιαιέων Κλεομέδοντος, Δελφῶν
s. Τιμώνδα
[Ἁγνία, Δαμαρμένου?, Σκα]ρφέων Ἀρμένου, γραμματεύοντος Λα-
[— Αἰτωλοῦ]. Дальше большей частью по Омоллю:
[c. 23]Ε κατάδικοι γεγένηνται πρότερον ἐν τοῖ[ς
[Ἀμφικτύοσιν s. ἱερομνήμοσιν c. 14]ΕΝ άτων ἢ εἴ τινές κα [c. 15 erasae]

[c. 25 ε]ῖμεν ἀγωγίμους ἐκ τᾶν πόλιων τοῦ
[c. 28]εῖσθαι κατὰ τὸν νόμον τ[ῶ]ν ἀμ[φικ-
30. [τυόνων? c. 22 χ]ρημάτων κατάδικοι γένωντ[αι
[c. 32 πα]νταχόθεν [ἀ]γωγ[ίμους
32. Ε ΜΕ ΙΣΚ

la réfection des offrandes endommagées. Излагаю это толкованіе потому, что оно, исходя отъ Омолля, могло бы загородить дорогу самому естественному пониманію первыхъ строкъ надписи. Связующимъ звеномъ такое окончаніе, какъ ημάτων, служить не можетъ (ср. еще ἐγκλημάτων и множество подобныхъ словъ). Почти невозможно допустить, чтобы на пространствѣ 4-хъ строкъ была рѣчь и о благочестіи къ богамъ (3—4) и о судебныхъ разбирательствахъ между греками (4—5) и о рубкѣ и доставкѣ матеріаловъ (5—6) и о священныхъ деньгахъ или штрафахъ или приношеніяхъ (средина 6-й). Наоборотъ, все вполнѣ легко укладывается въ формы обычныхъ рекапитулятивныхъ выраженій, слѣдующихъ за мотивировочной частью и предшествующихъ самому почетному постановленію. Я не стою за *дословную* точность моей реконструкціи 2—6, но увѣренъ въ точности смысла. Ср. частичныя болѣе или менѣе близкія параллели изъ аттическихъ надписей Dittenberger, Syll. 192 (69 слл.), 650 (33 слл.), 727 (29 слл.), гдѣ найдется и φιλοτιμῶνται и οἱ ἀεὶ καθιστάμενοι и τιμηθήσονται и κομιοῦνται и χάριτας ἀξίας и ὧν ἂν εὐεργετήσωσιν и пр. Остальное носитъ характеръ мѣстный дельфійскій, религіозно-амфиктіоновскій. Кажется, нѣтъ нужды искать еще болѣе близкихъ параллелей, хотя онѣ, пожалуй, и найдутся.

Въ стрк. 7 возстановленіе Жарде я считаю вообще удачнымъ, но на имя архонта онъ отвелъ только четыре буквы неправильно. Мой 25-мѣстный отвѣсъ падаетъ на второе ο въ ἄρχοντος, такъ что на имя архонта остается *семь* мѣстъ или отъ 6 до 8. Если выбирать между Δαμαίου и Δαμοσθένους, то ясно, на которомъ нужно остановиться: первое вполнѣ подходитъ,—семь мѣстъ, второе же, т.-е. 11 буквъ, не войдетъ.

Дальше до 19 стрк. я сохраняю въ общемъ дополненія Жарде, незначительно измѣняя одно и заполняя два оставленныхъ имъ пробѣла. Въ 10-й я оставилъ Πυθίων, какъ и у Жарде, потому что при Σωτηρίων получилось бы 28 буквъ до отвѣса.—Въ 13 стрк. я предлагаю νομίζωσιν,—смыслъ оно передаетъ (ср. νόμιμον, ἔννομον). Въ 14 стрк.

у Жарде εὐεργετηκόσιν.—Въ 16 стрк. я предпочелъ бы скорѣе [προνο-ῆσα]ι (ср. также activum въ Inschr. v. Magnes. 101, стрк. 57, 60, 70), т.-е. глаголъ, такъ сказать, объединяющій обязанности и архитектора и секретаря, причемъ дальнѣе παρασκευάσαι относилось бы спеціально къ первому, а ἀναγράψαι—ко второму. Но получается 25 буквъ, и въ текстѣ я поставилъ съ сомнѣніемъ πορίσαι, хотя оно менѣе подходитъ (еще меньше ποιῆσαι, при παρασκευάσαι).

Для стрк. 18—20 Жарде даетъ: ἀνενεγκεῖν | [δὲ πάσας τὰς (у него τᾶς) πόλ]ιας ὅθεν ἕκαστος αὐτῶν ἐστιν ἐπὶ τὰς | [......κατὰ τὰ δ]εδογμένα τοῖς Ἀμφικτύοσιν. Что онъ разумѣлъ въ качествѣ подлежащаго при ἀνενεγκεῖν? Если онъ разумѣлъ архитектора и секретаря („постановлено, чтобы они донесли") или понималъ въ смыслѣ „постановлено донести", то пришлось бы уже сказать εἰς τὰς πόλιας и ниже тогда возможно было бы ἐπὶ τὰς ἀρχὰς или ἐπιτάσσοντας ποιεῖν, а дальше все-таки πάντα τὰ или τάδε τά, а не κατὰ τά, такъ какъ безъ дополненія не обойтись. Если онъ разумѣетъ подлежащимъ [τὰς πόλ]ιας (нельзя же допустить, что онъ „τᾶς πόλιας" считаетъ за genitivus), то дѣйствительно неизвѣстно, какъ дополнить ἐπὶ τάς, потому что ἀρχάς уже не годилось бы. Далѣе, уже Омолль замѣтилъ, что все постановленіе (верхнее, до 26 стрк.) написано на κοινή, такъ что діалектическое πόλιας было бы уже исключеніемъ. Сверхъ того, ἕκαστος αὐτῶν, кажется, все-таки требуетъ, чтобы въ ближайшемъ сосѣдствѣ было указано, о комъ именно рѣчь (хотя бы и нельзя было смѣшать этихъ „ихъ" съ архитекторомъ и секретаремъ: послѣдніе могли быть тоже изъ разныхъ городовъ, но стояло бы ἑκάτερος). Наконецъ, есть близкая параллель, которая легко осталась незамѣченной, потому что амфиктіоновскій декретъ о святилищѣ Аполлона Птойскаго въ сборникъ Коллица не вошелъ (CIGSept. I 4135), хотя и приведенъ у Помтова (*N. Jahrbb.* 1894, 667): ἀνενεγκεῖν δὲ τὸ δόγμα τοὺς ἱερομνάμονας ἐπὶ τὰς πόλεις καὶ τὰ ἔθνη τὰ ἴδια, ὅπως εἰδῶσι πάντες τὰ δεδογμένα τοῖς Ἀμφικτίοσιν. Можетъ быть, изъ этой параллели возможно и еще что-либо прибавить къ моему тексту, но безъ точной копіи трудно сказать: въ строкѣ 19 (впрочемъ въ правую сторону отъ моего отвѣса) печатная копія почему-то разгонистѣе, и вся строка даетъ лишь 45 буквъ, т.-е. по крайней мѣрѣ на 5—8 меньше, чѣмъ ожидалось бы.

Наконецъ, стрк. 21—25 Жарде оставляетъ въ такомъ видѣ.

21. |ονούντων Αἰτωλῶν Νικάν]ορος, Φιλοξένου, Νικοφῶντος, Εὐρύα, Θεο-
22. [δώρου, ...]ν Χαιρεστράτου, Βοιωτῶν Ἱπποκρίτου, Εὐσ-
23. |ύτου, Φωκέων...Βουθ]ήρα, Ἱστιαιέων Κλεομέδοντος, Δελφῶν

24. [. . . . .]αρμένου, γραμματεύοντος Λα-
25. [μπρίωνος Αἰτωλοῦ]

Насколько можно судить, надпись придерживается правильнаго слогодѣленія, такъ что переносы 20—21, 22—23 и 24—25 сомнительны.

Въ 22-й до ν указано 14 мѣстъ вмѣсто 20 или 19—21. Передъ ν въ копіи ясна половина Ω. Въ объясненіяхъ Жарде готовъ Херестрата признать аѳинаниномъ, а дополнить [Ἀθηναί]ων не рѣшается. Остается еще мѣсто для 8 или 7—9 буквъ. Жарде дошелъ до мысли о *шести* этолійскихъ іеромнимонахъ и готовъ признать въ ΠΕΤΑΛΙΑΝ № 8 „Πεταλιαν[οῦ]“, имя шестого. Въ крайнемъ случаѣ и оно умѣстилось бы (10 буквъ), а еще лучше Πεταλία = 7 буквъ.

Въ 23-й до ηρα (предъ нимъ въ копіи O=Θ) по разсчету приходится 20 (или 19—21) мѣстъ, слѣдовательно между Φωκέων и Βουθήρα нужно ожидать не четыре, а шесть, а при отнесеніи перваго υ въ 22 строку семь или восемь буквъ. [Βου]θήρα несомнѣнно. Изъ года Дамосѳена (2519, см. выше) остаются на выборъ другіе два фокейца: Εὐδαμίδα = 8 или Τιμώνδα = 7,—по объему подходитъ и тотъ и другой. За Евдамида говоритъ отчасти то, что въ спискѣ Дамосѳена онъ стоитъ рядомъ съ несомнѣннымъ фокейцемъ Вуѳиромъ, а Тимонда—дальше. Съ другой стороны имя Евдамида, однако, засвидѣтельствовано неразъ, по крайней мѣрѣ, для западной Локриды (для Халея 1908, для Амфиссы напр. 1998, 2000, 2025 и др., также для Пелея 2135,—положеніе послѣдняго неизвѣстно, и я лишь предполагаю его въ Локридѣ, см. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1900, октябрь, 7). Впрочемъ, именъ фокидскихъ и восточно-локридскихъ мы знаемъ очень мало. Въ дельфійскихъ надписяхъ Τιμώνδας попадается, кажется, только у еввійскаго іеромнимона IV вѣка (2504, стрк. 27).

Въ 24-й лакуна до ΑΡΜΕΝΟΥ указана точно въ 25 мѣстъ. Жарде естественно готовъ видѣть здѣсь имя дельфійца отъ года Дамосѳена: [Δαμ]αρμένου, но на мѣстѣ Δαμ стоитъ въ копіи ΡΦΕΩΝ (ρ не полное), и онъ „не знаетъ, что дѣлать“ съ этими буквами, и кромѣ того на имя второго дельфійца остается 22 мѣста: лакуна дѣйствительно „trop longue pour un seul nom, surtout celui d' Ἀγνία“ Среди дельфійскихъ именъ такого въ 22 буквы навѣрно не найдется, а вѣдь намъ именно эти имена настолько хорошо извѣстны, что Помтовъ рѣшался сомнѣваться въ точности копій тамъ, гдѣ встрѣчалось какое-нибудь ἅπαξ, и неразъ подозрѣніе оправдывалось. Да не найдется такого имени, пожалуй, и вообще у грековъ, за исключеніемъ развѣ

только Νεφελοκοκκυγιεῖς. Далѣе, фокейцевъ при Дамосѳенѣ Жарде призналъ трехъ, здѣсь же ясно трехъ не могло быть,—у Жарде при четырехъ точкахъ и второму-то было бы тѣсно. Куда же дѣвался третій? Чтеніе ρφέων авторъ копіи Бургэ, очевидно, не ставилъ подъ сомнѣніемъ. Такъ естественно здѣсь увидѣть [Σκα]ρφέων! Скарфея—городъ эпикнимидской Локриды, недалеко отъ Ѳермопилъ, τὰ ἐπέκεινα Ἐλατείας въ направленіи отъ Фокиды къ морю (Str. IX, 426. Paus. X, 1, 2. Bursian, I, 189). Дельфійскіе проксены въ Скарфеѣ, см. 2597, 2742 и въ географ. спискѣ 2580, 39 (А III 14). У самого Жарде въ № 19 (стр. 269 сл., см. ниже) одинъ скарфеецъ выступаетъ въ ряду *этолійскихъ* іеромнимоновъ,—тамъ Жарде упоминаетъ о мѣстѣ г. Скарфеи. Ср. Σκαρφεῖς и Θρονιεῖς въ числѣ этолійскихъ городовъ въ subscriptio Inschr. v. Magn. 28. Имя Ἄρμενος, кромѣ того ѳессалійца изъ ѳессалійскаго мѣстечка Ἀρμένιον, отъ котораго будто бы получила имя Арменія (Str. XI, 430, 403, 431), встрѣчается въ озольской Локридѣ (въ Амфиссѣ 1998), также въ Эгосѳенахъ (CIGSept. I 216, 229), въ Додонѣ (? Collitz 1354).

Въ стрк. 24 при [Σκα]ρφέων остается еще 17 мѣстъ, т.-е. для дельфійцевъ Ἁγνία, Δαμαρμένου (= 15) даже болѣе, чѣмъ достаточно. Только этотъ *просторъ*, хотя и незначительный, заставляетъ меня слегка сомнѣваться, дѣйствительно ли какъ разъ къ данному уголку нашей надписи относится тотъ небольшой неизданный еще обломокъ (цѣлый *слѣва*), на которомъ въ одной изъ первыхъ строкъ я видѣлъ имя Агнія и часть имени Дамармена, такъ что подъ впечатлѣніемъ прочитанной за нѣсколько дней статьи Жарде принялъ было его за № 8, какъ по справкѣ сейчасъ же оказалось, ошибочно (№ 8, по Жарде, цѣлъ *справа*). Во всякомъ случаѣ, если несомнѣнно, что въ данномъ перечнѣ іеромнимоновъ фокейцы являются не въ томъ составѣ, какъ въ осеннюю пилею Дамосѳена, если, я думаю, нельзя сомнѣваться въ наличности здѣсь скарфейца отъ восточной Локриды, становится яснымъ, что мы имѣемъ дѣло не съ той же самой пилеей. Былъ ли и на этой пилеѣ тотъ же секретарь Лампріонъ, еще пока нельзя сказать (именъ этолійцевъ съ Λα— извѣстно нѣсколько), и, во всякомъ случаѣ, я ожидалъ бы уже Λα[μ|πρίωνος], а не Λα|[μπρίωνος].

Слѣдующій ниже текстъ, можетъ быть, часть упомянутыхъ выше τὰ δεδογμένα, при своеобразности содержанія и значительности лакунъ приходится пока оставить безъ дополненій,—я далъ его выше по Омоллю, предложивъ только въ стрк. 27 подлѣ Ἀμφικτύοσιν мое ἱερο-

μνήμοσιν (судятъ обыкновенно *іеромнимоны*) и тамъ же, вмѣсто εἴ τινες κα[τάδικοι?], предположивъ εἴ τινές κα (ниже встрѣчается coniunctivus, хотя и далеко, 30).

Выше я старался разсчетомъ мѣста показать, что амфиктіоны настоящимъ постановленіемъ награждаютъ іеромнимоновъ τοὺς ἐπὶ Δαμαίου, а не τοὺς ἐπὶ Δαμοσθένεος. Подъ конецъ мы убѣдились, что и названный въ заключеніи составъ іеромнимоновъ не совпадаетъ, по крайней мѣрѣ, съ осеннимъ составомъ года Дамосеена, слѣдовательно отчасти и отсюда можно заключить о Дамеѣ,—этого Дамея мы узнаемъ изъ № 9. Возникаетъ, однако, еще нѣсколько вопросовъ. Имѣемъ ли мы право отожествлять τοὺς ἐπὶ Δαμαίου съ перечисленными въ концѣ? Обозначаетъ ли названное въ стрк. 20 сл. „τὰ δεδογμένα τοῖς Ἀμφικτύοσιν при такомъ-то составѣ“ содержаніе изложеннаго выше постановленія или всѣ тѣ рѣшенія, за которыя іеромнимоны получаютъ почести? Когда эти іеромнимоны получаютъ почести: во время отправленія своихъ обязанностей или по окончаніи ихъ? Иначе говоря, когда состоялось данное постановленіе? Слѣдуетъ ли рѣзко различать постановленія іеромнимоновъ и постановленія амфиктіоновъ? Что, наконецъ, слѣдуетъ изъ обозначенія іеромнимоновъ въ видѣ οἱ ἐπὶ τοῦ δεῖνος ἄρχοντος? А въ связи съ этимъ опять старый вопросъ: хорошо ли намъ извѣстенъ порядокъ смѣны состава іеромнимоновъ? Рядомъ этихъ вопросовъ отчасти намѣчается рѣшеніе того или другого изъ нихъ. А вообще говорить о нихъ удобнѣе будетъ не по поводу установленія текста отдѣльныхъ надписей. Теперь на очереди посмотрѣть, подтверждается ли моя реконструкція № 10 реконструкціею близкихъ къ нему № 9 и 8 и наоборотъ.

№ 9.

Для № 9 (стр. 253) копія Колэна довольно точна, но въ печати правая сторона текста распредѣлена неточно. У меня отвѣсная черта проходитъ чрезъ буквы съ черточками. Въ концѣ 3-й я добавилъ къ Колэну Θ послѣ Βοι. Въ 4-й послѣ ΛΑ я, какъ и Колэнъ, вижу только отвѣсный штрихъ, который въ этой надписи можетъ быть частью и Μ и Ν и пр. Въ 5-й въ концѣ послѣ Α несомнѣнно Υ. Въ 8-й между Δ и похожимъ на Δ остаткомъ несомнѣнны слѣды буквъ ΥΟ.

Жарде возстановилъ такъ:

Ἐπὶ Δαμαίου ἄρχοντο[ς, ἱερομνημονούντων Αἰτωλῶν Νικάνορος, Φιλοξένου], Εὐρύα, Θεοδώρου, Νικοφ[ῶντος, Δελφῶν 10, Βοιωτῶν Εὐδότου],

Ἱπποκρίτου, Φωκέων Βου[θήρου, 7, Ἱστιαιέων Κλεομέδοντος],
γραμματεύοντος Λαμ[πρίωνος Αἰτωλοῦ . . . .

Точки у него наудачу: при 59 буквахъ 1-й строки для 2-й указано 53, для 3-й—52. Исчезъ аѳинянинъ, не принятъ во вниманіе третій фокеецъ, этолійцевъ оставлено пять, и въ то же время черезчуръ смѣло Λαμ[πρίωνος], какъ будто бы μ несомнѣнно.

Строки были, несомнѣнно, гораздо длиннѣе. Я читаю такъ:

1. Ἐπὶ Δαμαίου ἄρχοντο|ς ἐν Δελφοῖς, ἱερομνημονούντων Αἰτωλῶν
| Νικάνορος, Φιλοξένου, Πεταλία],
2. Εὐρύα, Θευδώρου, Νικοφ[ῶντος, Ἀθηναίων Χαιρεστράτου, Σκαρ-
| φέων Ἀρμένου, Βοιωτῶν Εὐσύτου],
3. Ἱπποκρίτου, Φωκέων Βουθ[ήρου, Τιμώνδα?, Δελφῶν Ἁγνία, Δα-
| μαρμένου, Ἱστιαιέων Κλεομέδοντος],
4. γραμματεύοντος Λα[5—8 Αἰτωλοῦ· ἔδοξε τοῖς ἱερομνήμοσιν
| ἐπειδὴ c. 13 τὰς δί]-
5. κας, ἃς ἐδεδίκαστο αὐ[τ c. 53 τῶν]
πτερυγίων τῶν ποτὶ τ[
δεκάπεδα τέσσαρ[α
ς ἴκατι δύο [λ?
ἡμιμναι[
10. λετο[

Тутъ, конечно, аѳинянина (20 мѣстъ) можно перемѣстить въ 3-ю стрк. на мѣсто или дельфійцевъ (21) или истіейца (21), и послѣднихъ можно помѣнять мѣстами, но стоитъ только уничтожить скарфейца и прибавить третьяго фокейца, и реконструкція станетъ невозможной. Мѣсто вѣдь для фокейца здѣсь точно опредѣлено, слѣдовательно придется третьимъ именемъ несоразмѣрно удлинить 3-ю строку; соотвѣтственно укоротить ее перенесеніемъ во 2-ю дельфійцевъ или истіейца нельзя, потому что тогда, наоборотъ, 2-я окажется непомѣрно длинной, а 3-я короткой. Не удастся исправить дѣла, если въ 1-й строкѣ прибавить къ ἐν Δελφοῖς или вмѣсто него поставить πυλαίας ἠρινῆς, а Πεταλία перенести во 2-ю или если даже двухъ этолійцевъ отнести ко 2-й. Между тѣмъ въ предложенномъ видѣ соразмѣрность строкъ (75 — 72 — 73) вполнѣ нормальна. По поводу № 10-го мы видѣли, что тамъ естественно признать составъ года Дамея. Здѣсь у насъ несомнѣнный Дамей. Отожествить оба состава естественно. Тамъ рѣчь о какихъ-то большихъ заслугахъ іеромнимоновъ, между прочимъ

о судебныхъ разбирательствахъ. Здѣсь въ стрк. 4—5, несомнѣнно, говорилось о судѣ, т. е. иначе говоря, здѣсь мы, вѣроятно, имѣемъ декретъ іеромнимоновъ объ одномъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ той ихъ дѣятельности, за которую ихъ почтили амфиктіоны въ № 10.

Разумѣется, опредѣлить содержаніе ближе, когда въ строкѣ въ 72—75 буквъ остается на лицо только отъ 4 до 17, едва ли удастся, если среди находокъ не имѣется другого куска къ № 9. Жарде, повидимому, правильно отмѣтилъ, что говорилось о постройкахъ, указывая на πτερύγια τὰ ποτί..... За то же говорятъ и δεκάπεδα: въ Епидаврѣ это слово постоянно употреблялось при обозначеніи квадратныхъ размѣровъ той или другой работы, сдаваемой подрядчику. Дальше идутъ указанія какихъ-то суммъ или цѣнъ. Въ 8-ой строкѣ нѣсколько странно перенесеніе одной sigma изъ 7-ой; буква ясна, принять за Е нельзя, и передъ ней ничего не было, а равно и послѣ нея нѣтъ двоеточія, которое ставилось, если Σ=στατήρ (ср. XXIII, 565). Дѣлить иначе, т. е. напримѣръ σι κατ.., думаю, нельзя, потому что при моихъ ΥΟ чтеніе ἴχατι δύο стоитъ прочно.

№ 8.

№ 8 (стр. 252) данъ по копіи Бургэ; я не видѣлъ.

ΙΝΗΣΙΕΡ ΝΗΜΟΝΟΥΝ
Α ΟΥΠΕΤΑΛΙΑΝ
ΤΟ ΕΥΣΥΤΟΥΦΩΚ
ΜΑΡΜΕ
ΙΑΙΕΩΝΚΛΕΟΜΕΔ
Ε
ΔΕΛΦ

Отъ 8-й строки не указано ничего, отъ 9-й ᛌΚΙΠ, отъ 10-й ΟΣΕΠ, отъ 11-й ΨΑ.Ξ.Α, отъ 12-й ΙΑΟ. Сказано, что камень цѣлъ только справа, но не указано, сохранился ли конецъ какой-либо изъ строкъ. Изъ транскрипціи Жарде этого также не видно.

[πυλαίας . . . .]ινῆς ἱερ[ομ]νημονούν-
[των Αἰτωλῶν] α ου, Πεταλιαν[οῦ
[Βοιωτῶν Ἱπποκρί]το[υ], Εὐσύτου, Φωκ[έων
[Δελφῶν Δα]μαρμέ[νου
[Ἱστ]ιαιέων Κλεομέδ[οντος

По копіи наиболѣе выступаетъ вправо 2-я строка. Ее Жарде, однако, дополняетъ въ концѣ, а конецъ первой оставляетъ безъ добавленій. Повидимому, онъ не отдавалъ себѣ отчета относительно праваго края. Этимъ затрудняется реконструкція, не особенно надежная и вообще въ виду возможности сомнѣнія въ нѣкоторыхъ буквахъ: прочно ли, напримѣръ, отдѣльно стоящее Α въ 2-й строкѣ или первое Μ въ 4-й?

Не знаю, откуда Жарде взялъ имя Πεταλιανός: онъ пишетъ такъ увѣренно, что забываетъ даже дополнительную скобку. Я сомнѣваюсь въ существованіи этого имени, по крайней мѣрѣ, для древняго времени. Наоборотъ встрѣчалось имя Πεταλίας, именно въ извѣстномъ спискѣ новопожалованныхъ гражданъ Ларисы (Collitz 345, стрк. 60 и 70, ср. и патронимикъ Πεταλίαιος ibid. стрк. 60, 77, 90 и 91, еще № 355). Ср. Πέταλος въ Ларисѣ же, ibid. 358, и въ Каллиполѣ 2279, 1765, въ озольскомъ Халеѣ 2146. Тогда во 2-й строкѣ можно признать, кромѣ одного полнаго имени, *еще части* именъ *трехъ* этолійцевъ годовъ Дамея и Дамососа: [Εὐρύ]α, [Θεοδώρ]ου, Πεταλία, Ν[ικοφῶντος] или Ν[ικάνορος], причемъ Θεοδωρ какъ разъ соотвѣтствуетъ лакунѣ копіи.

Допустимъ, что 2-я строка начиналась съ —των Αἰτωλῶν и что перечень іеромнимоновъ (безъ секретаря) кончался съ концомъ 5-й строки (Κλεομέδ[οντος]), помѣщаясь въ четырехъ строкахъ. Болѣе длинный перечень, т. е. со скарфейцемъ (№ 10), занимаетъ 177 мѣстъ, а вмѣстѣ съ —των 180, т. е. на одну строку пришлось бы у насъ 45. Отсюда слѣдуетъ, что 2-я строка въ видѣ: | των Αἰτωλῶν Νικάνορος (или Νικοφῶντος), Φιλοξένου, Εὐρύα, Θεοδώρου, Πεταλία Νι | =50 (51) неособенно вѣроятна, а такъ какъ при этомъ для уравненія 3-й пришлось бы дать ее въ видѣ: | κοφῶντος (или κάνορος) Σκαρφέων Ἀρμένου, Βοιωτῶν Ἱπποκρίτου, Εὐσύτου, Φωκέ | =51 (50), а на 4-ю и 5-ю оставалось бы только вмѣстѣ 79 буквъ, то взятая максимальная длина строкъ, очевидно, невозможна. Наоборотъ, если мы, считая Εὐρύα, Θεοδώρου и, конечно, Πεταλία, Νι| привязанными къ 2-й строкѣ, Νικάνορος (или Νικοφῶντος) и Φιλοξένου = 9 + 9 перенесемъ въ 3-ю строку, то получится невозможная минимальная длина 2-й строки—32 буквы (32 × 4=128), между тѣмъ какъ предъ несомнѣнными для 3-й 28 буквами (отъ |Βοι до Φωκέ|) прибавится еще 26 (κοφῶντος, Νικάνορος, Φιλοξένου), т. е. всего тамъ оказалось бы 54! Остается среднее: изъ именъ Νικάνορος (или Νικοφῶντος) и Φιλοξένου одно оставить за 2-й,

другое за 3-й строкой. Съ датой Дамея, предположенной для перечной со скарфейцемъ, получимъ:

1. [Ἐπὶ Δαμαίου ἄρχοντος, πυλαίας ἠ]ρινῆς ἱερ[ομ]νημονούν- 44
2. [των Αἰτωλῶν Φιλοξένου, Εὐρύ]α, [Θεοδώρ]ου, Πεταλία, Ν[ι- 41
(s. Νικοφῶντος s. Ν[ικά- 44)
3. [κάνορος, Νικοφῶντος, Βοιωτῶν Ἱπποκρί]το[υ], Εὐσύτου, Φωκ[έ- 45
(s. νορος, Φιλοξένου s. Φωκ[έων 44)
4. [ων Βουθήρα, Εὐδαμίδα, Σκαρφέων Ἀρμένου, Δελφῶν Δα]μαρμέ[νου, 48
(s. [Βουθήρα, Τιμώνδα, Σκαρφέων κτλ. 45)
5. [Ἁγνία, Ἀθηναίων Χαιρεστράτου, Ἱστ]ιαιέων Κλεομέδ[οντος, 46
6. [γραμματεύοντος Λα—— Αἰτωλοῦ] — — — —

Дополненія въ круглыхъ скобкахъ даютъ болѣе равномѣрныя строки, главнымъ образомъ потому, что при нихъ предположена во 2-й и 3-й строкахъ въ концѣ потеря по три буквы вмѣсто одной (см. выше о правомъ краѣ).

Я производилъ разсчетъ при условіи окончанія перечня въ концѣ 5-й строки. А если скарфеецъ или аѳинянинъ былъ названъ дальше, въ 6-й? При исключеніи аѳинянина изъ 5-й строки получится невозможная строка: 46—20=26. При исключеніи скарфейца (15 мѣстъ) изъ 4-й и перенесеніи туда Ἁγνία изъ 5-й будетъ маловѣроятная 4-я строка: 48—15+5=38 (или 45—15+5=35).

Если мы возьмемъ составъ безъ скарфейца, но съ прибавленіемъ третьяго фокейца (Τιμώνδα или Εὐδαμίδα), то намъ потребуется размѣстить 180—15+7 или 8=172 или 173 буквы. Тутъ строка 6-я, очевидно, была бы совсѣмъ ненужна. Остались бы безъ измѣненій 2-я=41 (44), 3-я=45 (44), въ 4-й получилось бы, съ присоединеніемъ Ἁγνία, 48—15+7+5=45 (43), въ 5-й, безъ Ἁγνία, 41, т. е. въ общемъ весьма равномѣрныя строки. Не слѣдуетъ ли отдать предпочтеніе этому составу? Тогда пришлось бы взять дату Дамосѳена и, согласно съ давно извѣстной надписью 2519, для первой строки мы получили бы: [Ἐπὶ Δαμοσθένους ἄρχοντος, πυλαίας ὀπω]ρινῆς, ἱερ[ομ]νημονούν = 50 буквъ, т. е. размѣръ маловѣроятный. Для уравненія пришлось бы предположить отсутствіе ἐπί (бываетъ, но рѣдко) и дополнять ἠρινῆς, т. е. признать, что и въ весеннюю и въ осеннюю пилею Дамосѳена весь составъ оставался одинъ и тотъ же. Можетъ быть, такъ и бывало, но до новыхъ открытій опасно строить на этомъ предположеніи. Мнѣ пока дата Дамея представляется болѣе вѣроятной.

Я надѣюсь, что, имѣя предъ собой предложенныя комбинаціи, изслѣдователь увидитъ на камнѣ нѣсколько больше слѣдовъ. Въ сущности для окончательнаго рѣшенія нужно только убѣдиться, что стояло передъ [Δα]μαρμένου: если стояло Δελφῶν, то былъ скарфеецъ, если Ἁγνία, то было три фокейца. Даже безъ новыхъ слѣдовъ, но при точной копіи и замѣткѣ о правомъ краѣ можно было бы утверждать рѣшительнѣе. Возможно ли предположеніе небольшой неточности копіи въ ΜΑΡΜΕ, т. е. иначе говоря, допустимо ли здѣсь [Σκαρφέω]ν Ἀρμέ[νου]? Не думаю, потому что тогда предъ Σκαρφέων оказался бы пробѣлъ, не подходящій ни для аѳинянина (нужно 20 мѣстъ), ни для дельфійцевъ (21); при внесеніи въ пробѣлъ 20—21 буквъ строка 4-я дала бы 52—53 (или 49—50) буквъ.

Относительно архонтства рѣшать вопросъ нужно было только для № 8 и 10, потому что въ № 9 имя Дамея сохранилось. Жарде рѣшалъ этотъ вопросъ въ пользу Дамосѳена для № 8, въ виду сохранившейся части имени Дамармена, и оставлялъ открытымъ для № 10. Я, наоборотъ, нахожу, что вопросъ рѣшается положительно для № 10 въ пользу Дамея, а сомнѣніе можетъ быть только о № 8, хотя, по моему, и тутъ скорѣе годъ Дамея.

№ 11.

Подъ № 11 (на стр. 259) дана правая половина того дельфійскаго городского постановленія въ честь іеромнимоновъ, лѣвую часть котораго тщательнѣйше изслѣдовалъ Помтовъ (*N. Jahrbb.* 1894, Taf. II, Fig. IV и стр. 546 сл., 698—704 и 1897, стр. 837). Я новаго обломка не видѣлъ.

1. Ἐπὶ Ἀθάμβου ἄρχοντος, βου[λευόντω]ν Ἀρισταγόρα, Δάμωνος, Πλείστωνος, Κλε[ο-
2. ξένου, Νικοδάμου· ἔδοξε τᾶι [πόλει τῶν Δελ]φῶν ἐν ἀγορᾶι τελείωι· ἐπειδὴ τοὶ ἱερο-
3. μνάμονες εὐεργέται ἐγένο[ντο τοῦ τε ἱε]ροῦ καὶ τᾶς πόλιος τὰ νόμιμα καὶ τὰ δί-
4. καια πράσσοντες, δεδόσθα[ι αὐτοῖς κα]ὶ ἐκγόνοις προξενίαν, προμαντείαν,
5. ἀσυλίαν, ἐπιτιμὰν καθάπερ Δ[ελφοῖς, π]ροεδρίαν ἐν πάντεσσι τοῖς ἀγώνεσσι, οὓς
6. ἁ πόλις ἄγει καὶ τἆλλα πάντ[α, ὅσα] καὶ τοῖς ἄλλοις εὐεργέταις καὶ προξένοις.

7. Ἦν δὲ ἱερομνάμονες τοίδε· Α[ἰτ]ωλῶν Σάτυρος, Κυδρίων, Ματτυ..δας-Στρατόλα-
8. ος, Κόνων, Ἀντίμαχος, Φωκέ[ων] Λάμπρων, Πολύξενος, Βοιωτῶν Πολύκριτος, Διδύ-
9. μων, Μαλιέων Λαχράτης [Λα]μιεύς, Λοκρῶν Ἐπικναμιδίων Μυανεύς, Ἀθ[η]ναί-
10. ων Ἱερώνυμος, Δωριέων τῶν | ἐκ Πελοποννάσου Λύανδρος Αἰγινάτας.

Сравненіе обработки Помтова съ полнымъ текстомъ поучительно: можно съ точностью, до мелочей, возстановить утраченныя формулы, опредѣлить размѣры утраты, но въ области дѣйствительнаго содержанія дѣло обстоитъ иначе. Это своего рода memento и по адресу моихъ реконструкцій. Точно узналъ Помтовъ, что здѣсь названо было пять дельфійскихъ совѣтниковъ (не 3 или 4). Во 2-й строкѣ ошибся лишь въ οἱ вмѣсто τοί; въ 3-й далъ διὰ παντός вмѣсто τὰ νόμιμα καί, зато въ 4-й, 5-й и 6-й совпалъ во всемъ до порядка словъ и діалектическихъ формъ. Во второй части онъ узналъ въ Іеронимѣ (10) аоинянина. Этолійцевъ онъ предполагалъ сначала 5, потомъ не меньше семи: ихъ оказалось 6. Видя, что этолійцы названы безъ димотиковъ, онъ предполагалъ тоже и для всѣхъ другихъ и сначала допускалъ въ 8-й стрк. ахейцевъ-фоіотовъ, въ 9-й—магнитовъ (или эніановъ или *локрійца епикнимидскаго*) и эввійца (1894, 547), замѣчая, что іеромнимоны *дельфійцевъ*, вѣроятно, *не были названы*, такъ какъ отъ своего же города они не могли получить проксенію (стр. 702). Позднѣе (1897, 837) онъ, однако, предпочелъ ввести дельфійцевъ, взамѣнъ ахейцевъ, а магнитовъ замѣнилъ *віотійцами* и оставилъ эввійца. Оказалось теперь, что віотійцы дѣйствительно есть, а дельфійцевъ, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ, какъ раньше допускалъ Помтовъ, и изъ прочихъ на лицо локріецъ епикнимидскій, носящій смущающее съ перваго взгляда имя Μυανεύς (оно, какъ димотикъ, значитъ житель Міаніи, въ озольской Локридѣ). Въ общемъ выборъ возможностей у него былъ предположенъ достаточный, а что онъ не вездѣ остановился на надлежащихъ, неудивительно: когда онъ писалъ, документовъ было все-таки меньше и между прочимъ ни одного съ несомнѣнными *шестью* этолійцами. Оссулье относилъ этотъ декретъ года Аоамва даже къ началу II вѣка, Помтовъ—правильно къ III-му. Ліандръ эгинскій 10-й строки, котораго Помтовъ не зналъ, получилъ дельфійскую проксенію, вмѣстѣ съ братомъ Онимакломъ, еще при архонтѣ Евклѣ (2591),

котораго Помтовъ отнесъ къ 237/6 году. Адамъ у него отнесенъ къ 233/2 г. Тожество Ліандровъ обѣихъ надписей весьма вѣроятно, слѣдовательно вѣроятна и близость обоихъ архонтатовъ. Появленіе Эгинца, какъ іеромнимона дорійцевъ пелопоннисскихъ, пожалуй, не лишено значенія.—Изъ именъ странно Ματτω..δας. Была ли лакуна? Надпись не на мраморѣ, а на такъ называемомъ камнѣ св. Иліи, и возможно, что просто была обойдена рѣзчикомъ уже существовавшая ямка камня. Имя Λάμπρων (не Λαμπρίων) встрѣчается неразъ въ Фокидѣ (Амвриссѣ 2147, Тиѳорѣ 1555 a, b); Поликсены попадаются слишкомъ часто (въ Лилеѣ, Давліи, Тиѳорѣ, Тиѳронѣ). Изъ віотійскихъ именъ Πολύκριτος довольно распространенное въ Віотіи, а имя Διδύμων совсѣмъ не встрѣчается. Однажды только мы видимъ тамъ это имя съ двойнымъ μ, да и то не у настоящаго віотійца: въ Оронѣ въ архонтство Харопина Διδύμμων 'Επαρμόσστω 'Οποέντιος ἐπεψάφιδδε (CIGSept. I 393). Это, между прочимъ, одно изъ немногихъ указаній относительно временной принадлежности опунтскихъ локровъ къ Віотіи (см. объ этомъ у Помтова *N. Jahrbb.* 1897, 794, гдѣ указаны и предшественники). Интересно было бы убѣдиться, нѣтъ ли еще μ и въ концѣ 8-й строки новаго обломка. Жарде опунтско-віотійскаго Дидиммона, повидимому, совсѣмъ не знаетъ, хотя Помтова по мѣстамъ цитуетъ. Съ возможностью отожествленія, пожалуй, нелишнимъ будетъ все-таки посчитаться и здѣсь.

№№ 12, 13 и 14.

Ни одной изъ этихъ трехъ надписей мнѣ не пришлось видѣть. Къ первой изъ нихъ я, можетъ быть, вернусь въ другой разъ. Здѣсь укажу только, что въ стрк. 9, безъ всякаго основанія, дано въ качествѣ несомнѣннаго безпримѣрное дополненіе: τὴν [πα]ρὰ τῶν 'Αμφικτυόνων δεδομένην αὐ[τῶι προξενίαν], а между тѣмъ въ числѣ прочихъ сохранившихся и дополненныхъ амфиктіоновскихъ привилегій не оказывается на лицо προδικίαν. Подъ № 13 дается жалкій остатокъ: въ одной строкѣ, вѣроятно, [νο]μογρά[φους καταχωρίξαι ἐν τοὺς νόμους], т. е. конецъ одного декрета, скорѣе всего этолійскаго; въ другой строкѣ одна буква ι отъ [θεο]ί; наконецъ, въ третьей [ἐν Δελφοῖ]ς ἱερομναμονού[ντων], причемъ sigma могла принадлежать, конечно, и слову ὀπωρινῆς и т. п. Публикуя такой жалкій остатокъ, Жарде въ другихъ случаяхъ по какому-то или печальному недоразумѣнію или капризу оставляетъ неопубликованными амфиктіоновскіе тексты, сохранившіеся

цѣликомъ (см. ниже къ № 17). О № 14 см. высказанное по поводу № 4 предположеніе.

№ 15.

Въ XX, 627 Омолль напечаталъ безъ транскрипціи обломокъ *верхней правой* части амфиктіоновскаго декрета объ одномъ хіосскомъ іеромнимонѣ, высказавъ при этомъ догадку, что въ стоящемъ предъ дельфійскими іеромнимонами имени ...οκρίτου можно признать имя почтеннаго хіосскаго іеромнимона. Баунакъ счелъ излишнимъ издавать этотъ обломокъ въ сборникѣ Коллица. Въ XXVI, 264, № 15, Жарде издаетъ обломокъ *верхней лѣвой* части амфиктіоновскаго декрета объ іеромнимонѣ Тимократѣ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что это обломки одной и той же надписи. Въ этомъ можно было бы убѣдиться, не видя ни камней, ни эстампажей. Правда, толщина обломковъ показана нѣсколько различная: у Омолля (по Куву) 0,065, у Жарде (по Колэну) 0,08; но, во-1-хъ, описаніе ихъ совпадаетъ: stèle à fronton, en marbre blanc, brisée en bas et à gauche у Омолля и stèle de marbre blanc, à fronton, brisée à droite et en bas у Жарде; во-2-хъ, конецъ каждой строки Омолля встрѣчаетъ прямое продолженіе въ слѣдующей строкѣ Жарде (за исключеніемъ двухъ мелочей въ стрк. 5); въ-3-хъ, на карнизѣ сохранилось отъ слова θεοί у Жарде Θ, у Омолля Ο. Эстампажъ убѣждаетъ въ тожествѣ письма и разстоянія строкъ. Не признано тожество, вѣроятно, подъ вліяніемъ догадки Омолля объ имени іеромнимона; тамъ-де ...όκριτος, здѣсь Τιμοκράτης. Отразилось при этомъ, можетъ быть, и отсутствіе транскрипціи и перепечатки у Коллица, а также и отсутствіе охоты возвращаться къ изданнымъ уже камнямъ.

(См. греческій текстъ на стр. 140).

2 стрк. У Омолля ἱερομναμονούντων, т. е. съ α. Я вижу скорѣе слѣдъ η. Въ стрк. 5, 6 и 9 несомнѣнно η. Послѣднее само по себѣ еще не говоритъ за η для 2-й, потому что какъ разъ въ этомъ словѣ колебаніе α—η встрѣчается иногда въ одной и той же надписи.

4 стрк. У Жарде послѣ Λαν остатокъ буквы въ родѣ γ, ε, π; я вижу только отвѣсную черту на изломѣ. Имя Λάνικος, кажется, единственно подходящее. Λανίδας вмѣсто Λεωνίδας, повидимому, не встрѣчается.

5 стрк. Въ началѣ у Жарде λου вмѣсто δου. Въ концѣ у Омолля послѣ ἐπ еще отвѣсная черта. Ея нѣтъ на эстампажѣ и, какъ видимъ, не должно быть (правильнаго слогодѣленія въ надписи нѣтъ, ср.

Jardé XXVI, № 15. **Homolle XX, 627.**

Θ [ε] ο [ί].
Ἄρχοντος ἐν Δελφοῖς [10—11 , πυλαίας ὀ]πωρινῆς, ἱερομν[η]μονούντων Αἰ-
τωλῶν Ἀριστολάου, Α[19—20 ο]υ, Φαλάκρου, Ἀλεξαμενοῦ, Πολυστρ-
άτου, Κλεάνδρου, Λαν(?)[κου, 16—17]υκρίτου, Δελφῶν Ἀρχίππου, Ἡρακλεί-
δου, Βοιωτῶν Λυσάν[δρου? 6—7 Χίων Τιμοκρά]τους· ἔδοξε τοῖς ἱερομνήμοσιν· ἐπ-
ειδὴ Τιμοκράτης Τ[ίμωνος? Χῖος, ἀποσταλεὶς ἱ]ερομνήμων ὑπὸ τᾶς πόλιος τᾶς Χίων,
τά τε κατὰ τὰς θυ[σίας συνετέλεσεν λαμπρῶς καὶ] φιλοτίμως πλείσταν ἐπιμέλει-
αν ποιούμενος τ[ᾶς εἰς τὸ δαιμόνιον εὐσεβείας, τά]ς τε δίκας μετὰ τῶν συνιερο-
μνημόνων τὰς μ[ὲν διέλυσε, τὰς δὲ διέκρινε δικαί]ως καὶ κατὰ τοὺς νόμους, τῶν τε
ἀγώνων συνε[πεμελήθη τοῖς συνιερομνήμοσιν κατὰ] τὸ δόγμα τῶν ἀμφικτυόν-
[ων] ἀξ[ί]ως τᾶ[ς τε πόλιος τᾶς Χίων καὶ τῶν Αἰτωλῶν, καὶ διε]τέλει χρείας παρεχό-
[μενος πάντοις τοῖς ἀφικνουμένοις εἰς τὰμ πόλιν, ἀπόδειξιν ποιοῦ]μενος τᾶς εὐνοί-
[ας, ἂν ἔχει ποτὶ τὸ ἔθνος τῶν Αἰτωλῶν καὶ τοὺς ἄλλους ἀμφικτύονας κτλ.]

стрк. 3—4, 10—11). — Въ Λυσάν[δρου] сохраняю дополненіе Жардс, отказываясь отъ Λυσαν[ία]: при косомъ изломѣ камня на уцѣлѣвшей частичкѣ послѣ ν отъ iota, вѣроятно, сохранилась бы верхушка, delta же должна была пропасть вполнѣ.

6 стрк. Послѣ Τιμοκράτης у Жардс не указанъ несомнѣнный остатокъ буквы Т, лѣвая половина перекладины. Дополнено Τ[ίμωνος], конечно, только для примѣра: по разсчету на все отчество приходится около 7 буквъ.

11 стрк. Отмѣченныя у Жардс верхушки буквъ дѣйствительно годятся для словъ ἀξίως τᾶς.

Я думаю, никто не станетъ спорить противъ помѣщенія хіосскаго іеромнимона въ 5-й строкѣ. Если бы мы помѣстили Χίων Τιμοκράτους = 15 мѣстъ (безъ ς 14) въ 4-й строкѣ, то —όκριτος остался бы, такъ сказать, никому не принадлежащимъ, — *второго* хіосца, извѣстно, никогда не бываетъ. Также не можетъ быть рѣчи и о 3-й строкѣ, гдѣ идетъ серія этолійцевъ.

Въ 5-й же строкѣ было имя и второго віотійца. Оба дельфійца сохранились. Сомнительно количество этолійцевъ. Въ лакунѣ 3-й строки или пропали конецъ одного имени (къ Λ) и начало другого (къ υ), или въ промежуткѣ между ними было еще одно имя, такъ что, если этолійцы оканчивались Ланикомъ, ихъ оказалось бы 8 или 9. Послѣ Ланика въ 4 могло быть *или* [Φωκέων τοῦ δεῖνος, Πολυ]κρίτου (имя для примѣра), т. е. два фокейца, *или* [τοῦ δεῖνος, Φωκέων Πολυ]κρίτου, т. е. еще одинъ этоліецъ и одинъ всего фокеецъ, *или* [τοῦ δεῖνος, τοῦ δεῖνος, Πολυ]κρίτου, т. е. всѣ трое этолійцы. Такимъ образомъ получились бы комбинаціи:

этолійцевъ . . .	или	8(9)	или	9(10)	или	11(12)
фокейцевъ . . .	„	2	„	1	„	0
дельфійцевъ . .	„	2	„	2	„	2
віотійцевъ . . .	„	2	„	2	„	2
хіосецъ	„	1	„	1	„	1

Хіосецъ при двухъ фокейцахъ (первая комбинація) до сихъ поръ не встрѣчался. Изъ другихъ двухъ комбинацій больше параллелей для второй (9 этолійцевъ, 1 фокеецъ, 2 віотійца, 2 дельфійца и 1 хіосецъ), чѣмъ для третьей. Къ тому же образцы третьей являются уже въ перечняхъ съ димотиками при именахъ (тогда же и кефаллинцы и магнисійцы). Такимъ образомъ ближе всего было бы

остановиться на средней изъ указанныхъ возможностей (съ другими я здѣсь не считаюсь).

Имя дельфійскаго эпонима, къ сожалѣнію, все-таки пропало между обоими обломками. Оно, во всякомъ случаѣ, было одно изъ длинныхъ: 10—11 мѣстъ. Архонтовъ дельфійскихъ съ такими именами въ III-мъ вѣкѣ не особенно много. Можетъ быть, найдется еще обломокъ нашей надписи или дельфійскаго городского декрета о нашемъ Тимократѣ и поможетъ точнѣе опредѣлить и время надписи и составъ іеромнимоновъ. Расчитывать на дополненіе хіосскаго матеріала возможно. Хотя уже въ XX, 617—633 Омолль хотѣлъ подобрать всѣ данныя новыхъ раскопокъ о хіосцахъ, однако оказались новыя и у Жарде. Другія могутъ заговорить о хіосцахъ послѣ надлежащаго соединенія обломковъ.

Хіосскимъ іеромнимонамъ за послѣднее время посчастливилось не меньше, чѣмъ за время участія Хіоса въ амфиктіоніи. Въ перечняхъ іеромнимоновъ, дающихъ ΧΙΟΥ или ΕΚΧΙΟΥ, цѣлые десятки лѣтъ ученые предпочитали видѣть этолійцевъ, съ именами Хія или Екхія, чуждаясь мысли объ іеромнимонахъ Хіоса или изъ Хіоса. Правильное толкованіе Л. Росса было основательно забыто всѣми (Alte lokrische Inschrift, Leipzig 1856, 21, примѣч.). Вернулъ хіосцевъ въ надлежащее положеніе Ѳ. Ѳ. Соколовъ („Третье столѣтіе". *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1886, іюль, 12 отд. отт.). Потомъ я сообщилъ его толкованіе въ *Ath. Mitth.* (XIX, 194 сля.), и одновременно къ однородному толкованію пришелъ Помтовъ (*N. Jahrbb.* 1894, 513 сля.), и уже послѣ этого напомнилъ о Россѣ Э. Прейнеръ (ibid. 834 сля.). Затѣмъ о томъ же говорилъ Кувъ (XVIII, 242 сля.) и полтора десятка страницъ посвятилъ хіосцамъ Омолль, заговоривъ о сооруженномъ ими въ Дельфахъ „великомъ жертвенникѣ" (ук. м.). Теперь же приходится съ Омоллемъ (стр. 628) говорить, что среди дошедшихъ почетныхъ амфиктіоновскихъ надписей нѣтъ ни одной группы, которая бы по количеству равнялась группѣ въ честь хіосскихъ іеромнимоновъ. Участіе Хіоса въ амфиктіоніи объясняется богатствомъ и значеніемъ города для этолійцевъ во второй половинѣ III вѣка и въ началѣ II-го. Ему былъ предоставленъ, конечно, тотъ изъ двухъ іонійскихъ голосовъ, который обычно принадлежалъ еввійцамъ. До сихъ поръ нѣтъ ни одного перечня іеромнимоновъ, въ которомъ подлѣ хіосца стоялъ бы представитель Еввіи; аѳинянинъ, какъ представитель другого іонійскаго голоса, попадается и рядомъ съ хіосцемъ. Однако отъ мысли, которую я допускалъ раньше (указ. статья, 201), что между Еввіей и Хіосомъ

было то или другое чередованіе въ замѣщеніи одного іонійскаго голоса, вѣроятно, нужно отказаться. Хіосъ, повидимому, былъ допущенъ къ участію въ амфиктіоніи только этолійцами, и за время этого участія чередованія съ Еввіей не было: послѣдняя, по политическимъ соображеніямъ этолійцевъ, была за это время устранена отъ участія. Омолль (ук. м. 619), готовъ датировать начало *дружбы* хіосцевъ съ этолійцами (не допущенія еще въ амфиктіонію) уже со времени учрежденія Сотирій, указывая, съ какой готовностью хіосцы отвѣтили на этолійское приглашеніе участвовать въ Сотиріяхъ (Dittenberger, Syll. 206). Я этому отвѣту не придаю такого значенія. Аѳиняне подобнымъ же образомъ отвѣчали на приглашеніе (ibid. 205). Недавно опубликовано найденное на Косѣ привѣтствіе этолійцамъ, посланное отъ Коса по поводу отраженія галловъ (*Comptes rendus de l'Acad. des Inscr.* 1904, 165). Вѣроятно и многіе другіе города, подобно Хіосу, отвѣчали этолійцамъ, только дельфійскія надписи съ этими отвѣтами не найдены или не опубликованы. Изъ дошедшихъ надписей Магнисіи на Меандрѣ (Kern, Inschr. v. Magn.) видно, что на призывъ признать магнисійскій праздникъ въ честь Артемиды Левкофріины откликнулось болѣе 150 городовъ. Аналогія вполнѣ допустима и для дельфійскихъ Сотирій. Отвѣтить на подобное приглашеніе, по всей вѣроятности, считалось дѣломъ и εὐσεβείας и политической вѣжливости. Можетъ быть, не слѣдуетъ особенно настаивать и на многочисленности амфиктіоновскихъ декретовъ въ честь хіосцевъ. Соотвѣтствующіе камни, какъ, съ большой вѣроятностью, указалъ Омолль, выставлялись вблизи великаго жертвенника, на одномъ изъ особенно ἐπιφανέστατοι τόποι. Возможно, что именно мѣсту, гдѣ они стояли, мы и обязаны тѣмъ, что обломки ихъ дошли до насъ въ большемъ количествѣ.

№ 16.

(См. греческій текстъ на стр. 144).

Выше 1-й стрк. этой надписи, повидимому, есть слѣды послѣднихъ строкъ другой (тамъ, гдѣ у меня точки).

Въ началѣ 1-й стрк. виденъ предъ δα остатокъ, пригодный для Λ; словомъ ἐκ строка, я думаю, кончалась. Въ началѣ 2-ой предъ 'Αγ я также вижу неясный остатокъ наклонной скорѣе отъ Α, чѣмъ отъ Δ (такъ что вѣроятнѣе—α, 'Αγωνίππου, чѣмъ—δα, τωνίππου); признать тутъ остатокъ Ν (отъ Αἰτωλῶν) я не рѣшаюсь. Предъ Σιχυω у Жарде нѣтъ запятой: ужъ не намекъ ли на возможность димотика

№ 16.

Авторъ копіи № 16 (стр. 265) не указанъ. Я по эстампажу исправляю и примѣрно дополняю такъ:

......

..

1. [Ἀγωνοθετοῦντος c.13(11) τοῦ c.9(7) ά]δα Αἰτωλοῦ [ἐ]κ
2. [c.5—10(8), ἱερομνημονούντων Αἰτωλῶν c.9(7)—4 α], Ἀγωνίππου, Σικύω-
3. [νος?, c.33(29)]ρου, Ἀλεξάνδρου, Ἀρίστω-
4. [νύμου?, c.29(25)]λάου, Ἀσκλαπιάδα, Δεινα-
5. [γόρα?, Δελφῶν c.11, Χίων c.5]χου, Βοιωτῶν Ἀσωπίχου, Ἐπιτέ-
6. [λεος· οἵδε ἐνίκων τὰ Σωτήρια· ῥαψωιδὸ]ς Εὐρύβιος Λυκίσκου Μεγαλοπ[ο-
7. [λίτης, κιθαριστὰς c.14 Ἐ]φέσιος, κιθαρωιδὸς Ζηνόδοτ[ος
8. [c.24(20), αὐλητὰς τοὺ]ς παῖδας Πηλεὺς Ἀντίπ-
9. [που? c.11—15, χορευτὰς τοὺς παῖδας c.6—2] νικος Εὐάνδρου Αἰτω-
10. [λός, c.35]νος Βοιώτιος.

Σιχυωνίου?! Въ концѣ 3-й у Жарде ошибочно Αἰσχ вмѣсто Ἀριστω,— сомнѣніе возможно только объ остаткѣ Ω (въ крайнемъ случаѣ здѣсь α, вмѣсто ω). Въ 4-й пропущено Δ предъ ΕΙΝΑ, а въ транскрипціи ошибочно Ἀσχλη вмѣсто Ἀσχλα. 5-я, я думаю, кончалась Ἐπιτε. Въ 6-й вижу одной буквой больше въ началѣ и двумя въ концѣ. Въ 10-й у Жарде ошибочно Βοιωτός.

При возстановленіи нужно исходить отъ 6-й стрк., сравнивая ее съ другими. Дополненное тамъ Ἐπιτέ||[λεος] (или λους или λου) я считаю надежнымъ: это имя не разъ встрѣчается въ Віотіи, а другое подходящее Ἐπιτέρπης и вообще рѣдкое и для Віотіи неизвѣстно, да и получился бы неправильный переносъ при наличности мѣста для ρ послѣ Ἐπιτε. До отвѣсной линіи, проходящей чрезъ буквы съ черточками, у меня здѣсь получается 39 мѣстъ. Если выкинуть τὰ Σωτήρια, т. е. 9 мѣстъ, окажутся невозможными и 2-я стрк. и 7-я. Если, наоборотъ, дополнять τὸν ἀγῶνα τῶν Σωτηρίων = 19, то окажется невозможно длинной 1-я строка. Первая строка и вообще при 39 мѣстахъ до отвѣса представляется длинноватой, т. е. заставляетъ допустить очень длинныя имена агоноѳета и его отца напр. Ἀμεινοκράτες, Ἀνδροσθενίδα, Ἀντιγενείδα, Ἀριστοκράτεος, Διονυσοδώρου, Θρασυβουλίδα, Λεοντομένεος и т. п., — всѣ есть у этолійцевъ). Нужно, однако, имѣть въ виду, что въ 1—4 строкахъ буквы стоятъ менѣе сплоченно, чѣмъ въ 5—7 и 9—10 (на 0,10 приходится до 10½, а въ другихъ до 11½ буквъ), такъ что можно принимать для нихъ до 35 мѣстъ вмѣсто 39. Этотъ уменьшенный разсчетъ мною показанъ въ круглыхъ скобкахъ.

Между рапсодомъ (6) и киѳародомъ (7) можно ожидать только киѳариста. Въ 8-й τούς могло и не быть. Флейтистъ мальчиковъ, Пилей, сынъ Антип[па], былъ, можетъ быть, Λακεδαιμόνιος, т.-е. съ длиннымъ димотикомъ (имена съ ἵππος очень распространены въ Спартѣ, можетъ быть, въ связи съ нѣкоторыми культами). Въ 9-й, кромѣ димотика къ Пилею, не могли, конечно, умѣститься родъ состязанія, имя, отчество и димотикъ побѣдителя, другой родъ состязанія и начало имени побѣдителя, такъ что нужно остановиться на предложенномъ χορευτὰς (или ἡγεμὼν) τοὺς παῖδας: разъ была побѣда флейтиста мальчиковъ, то ожидается и побѣда хориста изъ мальчиковъ. Параллельно идутъ обыкновенно побѣды ἀνδρῶν. Въ 10-й, конечно, могло умѣститься только или αὐλητάς или χορευτάς съ τοὺς ἄνδρας N. P., но появленіе одного только изъ нихъ мало вѣроятно. Едва ли также умѣстились бы τραγωιδὸς N. P. D., κωμωιδὸς N. P., такъ что остается выбрать или τραγωιδὸς или κωμωιδὸς съ длинными именами

побѣдителя и отца его, въ родѣ, напримѣръ, Διονυσόδωρος Ἀριστογείτονος и т. п. Списокъ, очевидно, неполонъ или потому, что онъ не законченъ, или потому, что въ данныя Сотиріи не было полнаго круга состязаній, и послѣднее, на мой взглядъ, вѣроятнѣе.

Въ виду изложеннаго едва ли можно сомнѣваться относительно размѣровъ лакунъ, а теперь возможно отчасти опредѣлить и составъ іеромнимоновъ. Въ концѣ 4-й строки, я думаю, продолжается еще перечень этолійцевъ: три личныхъ имени подрядъ, причемъ въ трехъ лицахъ едва ли возможно признать фокейцевъ, такъ какъ ихъ бываетъ по три при *шести* этолійцахъ, здѣсь же раньше названо не меньше *восьми* (имя Ἀσκλαπιάδας см. напр. у эніарха въ ИпатѢ 1432). Въ лакунахъ 3-й и 4-й строкъ, кромѣ дополненныхъ съ вопросами концовъ именъ, могло помѣститься въ каждой по три или по два полныхъ имени съ началомъ еще одного. Допустимъ $3^1/_2$ имени для 3-й и $2^1/_2$ для 4-й, и у насъ окажется по Δεινα[γόρα?] 14 этолійцевъ. Два дельфійца въ 11 буквъ ср. напр. въ документахъ года архонта Каллія 2524 и агоноѳета Хариксена (цитируется въ XX, 628): „Νικία, Ὀρέστα"; тамъ же изъ хіосцевъ: „Διδυμάρχου" (ср. еще хіосца Ἔμμαρχος 2528). И весь составъ нашего перечня въ такомъ случаѣ количественно будетъ вполнѣ соотвѣтствовать составу года Каллія: 14 этолійцевъ, 2 дельфійца, 2 віотійца и 1 хіосецъ.

№ 17a.

№ 17a и b на стр. 266, копіи Бургэ. Заканчивая рѣчь о „спискѣ побѣдителей" № 16, Жарде замѣчаетъ, что способъ редакціи его приближаетъ его „къ спискамъ, *опубликованнымъ* у Collitz 2567 и 2568 и къ слѣдующимъ" у Жарде, т. е. № 17a и b. Переходя къ послѣднимъ, онъ указываетъ, что № 17a находится на боковой, а № 17b на задней сторонѣ того же cippe rectangulaire, передняя сторона котораго „носитъ архаическую дедикацію Аполлону и два списка побѣдителей на Сотиріяхъ, qui ont été *publiées* par M. Homolle, BCH. XX p. 628 = Collitz 2567, 2568". Повидимому, молодой членъ французской школы, пользуясь удобнымъ Коллицемъ, полѣнился заглянуть даже въ Bulletin. Въ указанномъ мѣстѣ Омолль описываетъ переднюю сторону камня такъ: „вверху архаическая посвятительная надпись приношенія тирринцевъ; ниже ея списки побѣдителей въ дельфійскихъ музыкальныхъ состязаніяхъ: a) списокъ, датированный агоноѳесіей Χαρίξεν'а, этолійца изъ Трихонія, соотвѣтствующей по перечню іеромнимоновъ архонтству Каллія (Collitz 2524),—хіосскій іеромнимонъ—

Дидимархъ, b) списокъ, датированный агонооесіей Ξεννίας'а", и дальше *публикуется только этотъ одинъ послѣдній списокъ.* Онъ же повторенъ Баунакомъ и у Коллица подъ № 2568, а подъ № 2567 *отведено мѣсто для неопубликованнаго* съ помѣтой: „списокъ побѣдителей и пр., время: ἀγωνοθετοῦντος Χαριξένου Αἰτωλοῦ ἐκ Τριχονείου; перечень іеромнимоновъ соотвѣтствуетъ вполнѣ перечню года Каллія". Вотъ эта-то помѣта, въ которой, кстати сказать, Баунакъ произвольно перевелъ на греческій указанную Омоллемъ дату, у Жарде называется публикаціей текста! Приходится пожалѣть, что по такой оплошности списокъ пока остался неопубликованнымъ. Мало того, нужно было провѣрить даже напечатанный Омоллемъ списокъ агоноеета Ксенніа и ради имени артистовъ и въ виду сомнѣній относительно перечня іеромнимовъ (см. Pomtow, *N. Jahrbb.* 1897, 840—842, Baunack къ 2568). Я буду говорить о немъ въ слѣдующей серіи замѣтокъ.

Помимо того, что верхніе углы задней стороны обломаны (и такимъ образомъ утраченъ верхній правый уголъ 17a), самая поверхность сторонъ съ 17a и 17b весьма пострадала отъ непогодъ: многія буквы или совершенно выѣдены или разъѣдены, значительно измѣнили очертанія, такъ что читать нелегко, особенно подъ открытымъ небомъ и при невозможности поставить каждую сторону въ надлежащее освѣщеніе. Неудивительны нѣкоторыя неточности Бургэ. Найти этотъ камень Жарде, конечно, могъ „между храмомъ и постаментомъ Гелона". Кое-что и у меня при двухъ эстампажахъ остается подъ сомнѣніемъ. (См. № 17a греческій текстъ на стр. 148).

Необходимости первой строки, теперь утраченной, Жарде не отмѣчаетъ и начинаетъ прямо съ Ἱερομνημονούντων. Въ началѣ 3-й я и первыя три буквы ставлю безъ скобокъ. Въ 4-й у Жарде Φαδίκου. Въ 5-й предъ ων у Жарде четыре точки, а мѣста тамъ на 1½ буквы, если камень былъ на углѣ цѣлъ во время вырѣзки надписи. Возможно, что угловая полоска была обломана уже раньше, и тогда въ началѣ 5—8 строкъ лакуны нужно уменьшить буквы на двѣ, перенеся, напримѣръ, ρα изъ 7-й на конецъ 6-й. Въ 5-й послѣ ων у Жарде только Αρ....ου, и лакуна неточно. Въ 8 и 10 Σώπραις Ἰουμηνίου съ догадкой, не Νουμηνίου ли. Мое чтеніе не подлежитъ сомнѣнію. Въ 10-й вижу не Βοιωτός, а Βοιώτιος, хотя iota стоитъ черезчуръ близко къ О. Въ 11-й я не увѣренъ въ Μεναλχεος Бургэ: слѣды отчасти подходятъ, но кажутся ненадежными.

Къ орѳографіи Жарде: 7 Ἄργειος, 8 Σμύρναιος, 9 Ἀγαθόκλης, 11 Χάρινος, 12 κωμωιδός безъ замѣтки о возможности ошибки копіи, хотя

№ 17a я читаю такъ:

1. [᾿Αγωνοθετοῦντος τοῦ Αἰτωλοῦ ἐκ],
2. ἱερομνημο[νούντων Αἰτωλῶν [c. 29],
3. ᾿Αριστοβούλου, Γόργου, ᾿Αρισ[τ c. 31]-
4. [· ο]υ, Λαείχου, Λύκου, ᾿Αγελόχου, [c. 30],
5. Χί?]ων ᾿Αργείου, Βοιωτῶν Ἡρακλείτο[υ, c. 9, Δελφῶν c. 12]-
6. [2—3?] ένευς, Κεφαλλάνων Δράκοντος· οἵδε [ἐνίκων τὰ Σωτήρια]·
7. [ῥαψ]ωιδὸς Φιλοκράτης Λυσίππου ᾿Αργεῖος, κιθα[ρ..... c. 12]
8. [..?] Σμυρναῖος, αὐλητὰς τοὺς παῖδας Σώπολις Ν[ουμηνίου Σ c. 9],
9. ἡγεμὼν τοὺς παῖδας ᾿Αγαθοκλῆς Προξένου Ο[c. 18],
10. αὐλητὰς τοὺς ἄνδρας Σώπολις Νουμηνίου Σ[c. 9, ἡγεμὼν τοὺς]
11. ἄνδρας Χαρῖνος Μεναλκεος(?) Βοιώτιος, τραγωι[δὸς c. 16]
12. δου Συρακόσιος, κωμωιδὸς ᾿Αρτέμων Διοδώρου [c. 18].

рядомъ исправляется ΔΙΟΔΩΤΟΥ въ Διοδότου или Διοδώρου (на камнѣ, какъ у меня).

Въ спискѣ отсутствуетъ или киѳаристъ или киѳародъ, такъ что неизвѣстно, было ли въ 7-й κιθα[ριστάς] или κιθα[ρωιδός]. Дальше я даю около 12 мѣстъ для имени этого артиста и большей части (или полнаго?) имени его отца, очевидно, немного. При такомъ разсчетѣ на имя и большую часть отчества трагика въ 11-й придется около 16 мѣстъ, а димотикъ Сополія въ 8 уже окажется достаточно длиннымъ, въ родѣ Συρακόσιος, Σικυώνιος и т. п., а въ 9-й для димотика остается даже черезчуръ много мѣста, такъ что даже ᾿Ολβιοπολίτης недостаточно великъ. Строка 6-я, пожалуй, была не заполнена до конца, чтобы начать списокъ съ новой (впрочемъ см. выше). Итакъ, размѣры строкъ, надѣюсь, не преувеличены. Во 2-й строкѣ пропало не меньше трехъ этолійцевъ, затѣмъ четвертый, пятый и начало шестого на лицо, затѣмъ въ лакунѣ 3-й стрк. конецъ шестого, еще, *по крайней мѣрѣ, два полныхъ*, и начало девятаго: если бы мы взяли очень длинныя имена и для 6-го, напримѣръ ᾿Αρισ[τοκράτεος], и для 8-го, напримѣръ, [Διονυσοδώρ]ου, все-таки въ лакунѣ оставалось бы мѣстъ 14, такъ что

трудно думать о пропажѣ одного лишь полнаго. Къ девяти есть еще три на лицо въ 4-й. Такимъ образомъ, этолійцевъ здѣсь, кажется, minimum двѣнадцать. Віотійцевъ было, конечно, два, дельфійцевъ также два (можетъ быть, въ 4-й, а не въ 5-й стрк.), вѣроятно, еще хіосецъ, еще, можетъ быть, по одному изъ аѳинянъ и аѳамановъ или магнисійцевъ, но рѣшить пока трудно.

А. Никитскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

HERCULES FURENS ВЪ МЮНХЕНСКОЙ ГЛИПТОТЕКѢ.

По какому-то непонятному недоразумѣнію мраморный рельефъ Мюнхенской Глиптотеки № 133 (по каталогу Brunn'a) до сихъ поръ считается изображеніемъ Полифема [1]). Между тѣмъ рельефъ, безъ сомнѣнія, изображаетъ безумнаго Геракла. Весьма возможно, что тему для рельефа дали стихи Еврипида:

ὃ δ' ἀγριωπὸν ὄμμα Γοργόνος στρέφων,
ὡς ἐντὸς ἔστη παῖς λυγροῦ τοξεύματος,
μυδροκτύπον μίμημ' ὑπὲρ κάρα βαλὼν
ξύλον καθῆκε παιδὸς εἰς ξανθὸν κάρα,
ἔρρηξε δ' ὀστᾶ.

(Herc. Fur. vv.: 990—994 ed. Nauck).

П. Соколовъ.

---

[1]) *Furtwängler*, Ein Hundert Tafeln nach d. Bildw. d. Glyptothek, № 260. *Schreiber*, Die Hellenistischen Reliefbilder, Taf. XVIII. *O. Waser*, Das hellenistische Reliefbild. *N. Jahrb. f. d. Kl. Alt.* XV, XVI, 2. S. 128.

Современная лѣтопись.

Отдѣлъ классической филологіи.

Редакторъ **Э. Л. Радловъ.**

(Вышла 1-го марта).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ **исключительно** въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки **12 р.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **12 р. 75 к.**, съ пересылкой въ другіе города **14 р. 25 к.**, за границу — **16 р.** Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую, съ пересылкою въ другіе города. **Полные экземпляры** имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902, 1903 и 1904 годы.

При „**Журналѣ**“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5 — 6 листовъ „**Извѣстія по народному образованію**“ съ приложеніемъ „**Справочной книги по низшему образованію**“. „**Извѣстія**“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „**Журнала**“, но „**Справочная книга**“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „**Журнала**“ изданіе. Цѣна „**Извѣстій**“ на 1904 г. съ доставкою **2 р. 50 к.** Съ 1905 г. годовая цѣна „**Извѣстій**“ составляетъ **3 р.** съ пересылкой и доставкой.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

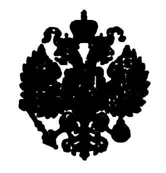
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCLVIII.

1905.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ по народному образованію.

См. 3-ю стр. обложки.

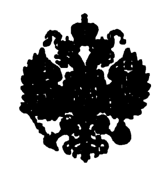
ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCLVIII.

1905.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1905.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

16. (6-го декабря 1904 года). *Объ учрежденіи при Семипалатинской учительской семинаріи должности преподавателя киргизскаго языка.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Семипалатинской учительской семинаріи должности преподавателя киргизскаго языка, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій.*

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи, и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Семипалатинской учительской семинаріи должности преподавателя киргизскаго языка, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Учредить, при Семипалатинской учительской семинаріи, съ 1-го іюля 1905 года, должность преподавателя киргизскаго языка, присвоивъ ей окладъ содержанія въ *семьсотъ пятьдесятъ рублей* въ годъ (при квартирѣ въ натурѣ), VIII классъ по чинопроизводству и право на пенсію по учебной службѣ изъ оклада въ *шестьсотъ* рублей.

II. Вызываемый означенною въ отдѣлѣ I мѣрою расходъ относить

на средства государственнаго казначейства, съ обращеніемъ его въ 1905 году на общіе остатки по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на тотъ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдательствовавшими и членами.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 8-го марта 1905 г., № 39, ст. 272).

17. (6-го декабря 1904 года). *О допущеніи лицъ женскаго пола на должности преподавателей общеобразовательныхъ и спеціальныхъ предметовъ въ Московскомъ женскомъ городскомъ ремесленномъ училищѣ имени Григорія Шелапутина.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о допущеніи лицъ женскаго пола на должности преподавателей общеобразовательныхъ и спеціальныхъ предметовъ въ Московскомъ женскомъ городскомъ ремесленномъ училищѣ имени Григорія Шелапутина, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи, и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о допущеніи лицъ женскаго пола на должности преподавателей общеобразовательныхъ и спеціальныхъ предметовъ въ Московскомъ женскомъ городскомъ ремесленномъ училищѣ имени Григорія Шелапутина, *мнѣніемъ положилъ*:

Въ измѣненіе и дополненіе Высочайше утвержденныхъ, 26-го ноября 1901 года, положенія и штата Московскаго женскаго городского ремесленнаго училища имени Григорія Шелапутина (Собр. узак. 1902 г., ст. 109), постановить:

„На должности преподавателей общеобразовательныхъ и спеціальныхъ предметовъ въ Московскомъ женскомъ городскомъ ремесленномъ училищѣ имени Григорія Шелапутина могутъ быть опредѣляемы лица женскаго пола, имѣющія званіе домашней наставницы и учительницы. Лицамъ этимъ предоставляются всѣ права и преимущества, присвоенныя учительницамъ рукодѣлія въ названномъ училищѣ, причемъ пенсіи назначаются имъ изъ оклада въ *триста* рублей“.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдательствовавшими и членами.

(*Собр. узак. и распор. прав.*, 15-го февраля 1905 г., № 27, ст. 228).

18. (6-го декабря 1904 года). *Объ учрежденіи при дирекціи народныхъ училищъ Бессарабской губерніи должности бухгалтера.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при дирекціи народныхъ училищъ Бессарабской губерніи должности бухгалтера, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при дирекціи народныхъ училищъ Бессарабской губерніи должности бухгалтера, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Для счетоводства и отчетности по хозяйственному завѣдыванію народными школами, устраиваемыми и содержимыми въ преклоненныхъ святымъ мѣстамъ на Востокѣ Бессарабскихъ имѣніяхъ на счетъ доходовъ съ этихъ имѣній, учредить при дирекціи народныхъ училищъ Бессарабской губерніи должность бухгалтера, присвоивъ сей должности окладъ содержанія въ *пятьсотъ* рублей въ годъ, X классъ по чинопроизводству и VIII разрядъ по пенсіи.

II. Вызываемые означенною въ отдѣлѣ I мѣрою расходы относить на счетъ суммъ, поступающихъ въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія изъ доходовъ отъ упомянутыхъ въ томъ же отдѣлѣ имѣній.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдательствовавшими и членами.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 18-го февраля 1905 г., № 29, ст. 235).

19. (6-го декабря 1904 года). *О предоставленіи мастерамъ-техникамъ низшихъ ремесленныхъ школъ права на полученіе при опредѣленіи къ должностямъ прогонныхъ денегъ и третнаго не въ зачетъ жалованья.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о предоставленіи мастерамъ-

техникамъ низшихъ ремесленныхъ школъ права на полученіе при опредѣленіи къ должностямъ прогонныхъ денегъ и третнаго не въ зачетъ жалованья, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія, о предоставленіи мастерамъ-техникамъ низшихъ ремесленныхъ школъ права на полученіе при опредѣленіи къ должностямъ прогонныхъ денегъ и третнаго не въ зачетъ жалованья, *мнѣніемъ положилъ*:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановить: „Лицамъ, опредѣляемымъ на должности мастеровъ-техниковъ низшихъ ремесленныхъ школъ, предоставляется право на полученіе прогонныхъ денегъ и третнаго не въ зачетъ жалованья на основаніяхъ, указанныхъ въ статьяхъ 224 и 231 устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства (Св. зак., т. III, изд. 1896 г.)".

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдательствовавшими и членами.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 11-го февраля 1905 г., № 26, ст. 225).

20. (6-го декабря 1904 года). *Объ учрежденіи класса ручного труда при Томскомъ учительскомъ институтѣ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи класса ручного труда при Томскомъ учительскомъ институтѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и государственной экономіи, и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи класса ручного труда при Томскомъ учительскомъ институтѣ, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Учредить, съ 1-го іюля 1905 г., въ Томскомъ учительскомъ институтѣ должности преподавателя и помощника преподавателя ручного труда, съ присвоеніемъ имъ всѣхъ служебныхъ правъ и преимуществъ, кои предоставлены тѣмъ же должностямъ въ С.-Петербургскомъ и Московскомъ учительскихъ институтахъ.

II. Ассигновать изъ государственнаго казначейства на содержаніе означенныхъ въ отдѣлѣ I должностей и на хозяйственные расходы класса ручного труда при Томскомъ учительскомъ институтѣ: въ 1905 г.—*одну тысячу семьсотъ двадцать пять* рублей, а начиная съ 1906 г.—на тѣ же потребности, а также на устройство и веденіе краткосрочныхъ курсовъ ручного труда для учителей городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ,—по *четыре тысячи четыреста пятьдесятъ* рублей ежегодно.

III. Отпустить въ 1905 году изъ государственнаго казначейства на первоначальное обзаведеніе и оборудованіе мастерскихъ означеннаго въ отдѣлѣ II класса *двѣ тысячи четыреста* рублей съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ общаго кредита, подлежащаго ассигнованію министерству народнаго просвѣщенія въ томъ году на строительныя его надобности.

IV. Потребный въ 1905 году на означенную въ отдѣлѣ II надобность расходъ обратить на счетъ кредита, внесеннаго на этотъ предметъ къ условному отпуску въ ст. 1 § 11 смѣты министерства народнаго просвѣщенія на тотъ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдательствовавшими и членами.

(Тамъ же, № 26, ст. 226).

21. (22-го декабря 1904 года). *О предоставленіи всѣмъ оканчивающимъ курсъ въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ званія инженера по соотвѣтствующей спеціальности, а въ Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства и въ сельско-хозяйственномъ отдѣленіи Рижскаго политехническаго института—званія ученаго агронома и ученаго лѣсовода I и II разрядовъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта о предоставленіи всѣмъ оканчивающимъ курсъ въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ званія инженера по соотвѣтствующей спеціальности, а въ Ново-Але-

ксандрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства и въ сельско-хозяйственномъ отдѣленіи Рижскаго политехническаго института—званія ученаго агронома и ученаго лѣсовода I и II разрядовъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о предоставленіи всѣмъ оканчивающимъ курсъ въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ званія инженера по соотвѣтствующей спеціальности, а въ Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства и въ сельско-хозяйственномъ отдѣленіи Рижскаго политехническаго института — званія ученаго агронома и ученаго лѣсовода I и II разрядовъ, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Студенты, успѣшно окончившіе полный курсъ наукъ въ С.-Петербургскомъ и Харьковскомъ технологическомъ институтахъ, удостоиваются званія инженеръ-технолога.

2) Студенты, успѣшно окончившіе полный курсъ наукъ въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ, удостоиваются званія инженеръ-механика или инженеръ-технолога.

3) Студенты, успѣшно окончившіе полный курсъ наукъ въ Ново-Александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, удостоиваются: отличнѣйшіе—званія ученаго агронома или ученаго лѣсовода перваго разряда, всѣ же остальные—званія ученаго агронома или ученаго лѣсовода второго разряда.

4) Студенты, успѣшно окончившіе полный курсъ наукъ въ Рижскомъ политехническомъ институтѣ, удостоиваются: а) по строительному отдѣленію—званія инженеръ-архитектора, б) по инженерному отдѣленію—званія инженеръ-строителя, в) по механическому и химическому отдѣленіямъ—званія инженеръ-технолога и г) по сельско-хозяйственному отдѣленію: отличнѣйшіе—званія ученаго агронома перваго разряда, всѣ же остальные—званія ученаго агронома второго разряда.

II. Лицамъ, окончившимъ съ отличіемъ курсъ упомянутыхъ въ отдѣлѣ I учебныхъ заведеній и удостоеннымъ званія инженеръ-технолога, инженеръ-механика, инженеръ-строителя, инженеръ-архитектора, ученаго агронома и ученаго лѣсовода перваго разряда, предоставить тѣ права, какія присвоены нынѣ означеннымъ инженерамъ и агрономамъ и лѣсоводамъ перваго разряда; лицамъ же, окончившимъ курсъ означенныхъ заведеній съ тѣми же званіями инженеровъ, но безъ отличія, а равно удостоеннымъ званія ученаго агронома и лѣсовода второго разряда, предоставить тѣ права, какія присвоены нынѣ технологамъ, механикамъ, строителямъ, архитекторамъ и агрономамъ и лѣсоводамъ второго разряда.

III. Дѣйствіе настоящаго узаконенія распространить на лицъ, окончившихъ курсъ упомянутыхъ въ отдѣлѣ I учебныхъ заведеній до изданія сего узаконенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдательствовавшими и членами.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 22-го февраля 1905 г., № 32, ст. 248).

22. (3-го января 1905 года). *О кредитѣ на постройку и оборудованіе зданія для Пятигорской низшей ремесленной школы.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о кредитѣ на постройку и оборудованіе зданія для Пятигорской низшей ремесленной школы, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: за предсѣдателя государственнаго совѣта графъ *Сольскій*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о кредитѣ на постройку и оборудованіе зданія для Пятигорской низшей ремесленной школы, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Отпустить изъ государственнаго казначейства, въ дополненіе къ мѣстнымъ средствамъ, *пятьдесятъ тысячъ* рублей на постройку и оборудованіе зданія для Пятигорской низшей ремесленной школы.

II. Означенный въ отдѣлѣ I расходъ отнести на кредиты, ассигнуемые въ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія на строительныя его надобности.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдательствовавшими и членами.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 4-го марта 1905 г., № 37, ст. 263).

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(12-го февраля 1905 года, № 9). *Назначаются:* въ званіи камергера Высочайшаго Двора, надворный совѣтникъ графъ *Толстой* — вновь почетнымъ попечителемъ Одесской Ришельевской гимназіи, на три года, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи; преподаватель Калишской гимназіи, надворный совѣтникъ *Александровскій* — директоромъ той же гимназіи; ассистентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ зоологіи, титулярный совѣтникъ *Тарнани*—адъюнктъ-профессоромъ сего института, по общей и прикладной зоологіи, съ 1-го января.

Утверждаются: надворный совѣтникъ *Максимовичъ* и дворянинъ *Кефала*—почетными попечителями прогимназій: первый — Глазовской Императора Николая Александровича, а второй — Александрійской, оба согласно избранію, на три года.

Перемѣщается директоръ Калишской гимназіи, статскій совѣтникъ *Анисимовъ*—директоромъ Варшавской третьей гимназіи.

(18-го февраля 1905 года, № 11). *Назначаются*: приватъ-доценты Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго: магистръ чистой математики *Пшеборскій* и магистръ зоологіи *Бѣлоусовъ* и Новороссійскаго, магистръ славянской филологіи *Кульбакинъ*—исправляющими должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, по каѳедрамъ: первый — чистой математики, второй — зоологіи, сравнительной анатоміи и физіологіи и послѣдній—славянской филологіи, изъ нихъ Пшеборскій и Бѣлоусовъ съ 15-го января, а Кульбакинъ—съ 1-го января.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія главный ботаникъ Императорскаго ботаническаго сада, магистръ ботаники, надворный совѣтникъ *Танфильевъ*—исправляющимъ должность ординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета, по каѳедрѣ географіи.

По Императорской Академіи Наукъ. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*,

библіотекарь I отдѣленія библіотеки академіи *Вольтеръ* — съ 15-го октября 1904 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: младшій письмоводитель канцеляріи конференціи академіи *Модзалевскій*—съ 12-го октября 1904 года; наблюдатель Николаевской главной физической обсерваторіи *Траге* — съ 1-го ноября 1904 года; адъюнктъ той же обсерваторіи по отдѣленію ежедневнаго метеорологическаго бюллетеня *Мультановскій* съ 1-го января 1905 года и сверхштатные помощники директора той же обсерваторіи: *Надъинъ*—съ 1-го сентября 1904 года и *Прощинъ* — съ 1-го октября 1904 года; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: журналистъ и архиваріусъ канцеляріи правленія академіи Николай *Приходко*—съ 1-го января 1905 года; лаборантъ особой зоологической лабораторіи *Метальниковъ*—съ 19-го ноября 1904 г.; старшій препараторъ зоологическаго музея Сергѣй *Приходко* и смотритель Николаевской главной физической обсерваторіи *Перинъ*, оба—съ 1-го января 1905 г. и журналистъ канцеляріи той же обсерваторіи *Изюмовъ*—съ 1-го октября 1904 г.

По Императорской Публичной библіотекѣ. *Производится*, за выслугу лѣтъ, изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*, со старшинствомъ, помощникъ завѣдывающаго читальной залою библіотеки *Балтромайтисъ*—съ 1-го января 1904 г.

(19-го февраля 1905 года, № 12). *Объявляются*: за безпорядки, происшедшіе въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 7-го февраля, попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества, дѣйствительному статскому совѣтнику *Извольскому*—Высочайшее замѣчаніе, ректору и ординарному профессору означеннаго университета, доктору астрономіи, дѣйствительному статскому совѣтнику *Жданову* — Высочайшій выговоръ, и инспектору студентовъ того же университета, дѣйствительному статскому совѣтнику *Лысцову* — Высочайшій строгій выговоръ.

(25-го февраля 1905 года, № 13). *Назначаются*: профессоръ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, докторъ химіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пономаревъ* — директоромъ означеннаго института; заслуженный экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ государственнаго права, статскій совѣтникъ *Блокъ* и экстраординарные профессоры того же университета, доктора медицины: коллежскій совѣтникъ *Незнамовъ* и надворный совѣтникъ *Кузнецовъ*—въ назван-

ный университетъ: первый — исправляющимъ должность ординарнаго профессора, по каѳедрѣ государственнаго права, а послѣдніе двое — ординарными профессорами, по каѳедрамъ: Незнамовъ—офтальмологіи съ клиникою, а Кузнецовъ — факультетской хирургической клиники, всѣ трое съ 1-го января; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Екатеринбургскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Гавриловъ*—директоромъ того же училища; помощникъ прозектора и приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Пенскій* — экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ оперативной хирургіи съ топографическою анатоміею и съ упражненіями въ операціяхъ на трупахъ.

Утверждаются: въ званіи камергера Высочайшаго Двора, статскій совѣтникъ *Михалковъ* и состоящій по главному горному управленію, горный инженеръ, надворный совѣтникъ *Ивановъ 5-й* — почетными попечителями: первый — вновь Ярославской гимназіи, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи, а второй — Екатеринбургскаго реальнаго училища, съ оставленіемъ его состоящимъ по названному управленію, оба, согласно избранію, на три года.

По Харьковскому учебному округу. *Производятся*: за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: учителя гимназій: Харьковской 2-ой, *Краевскій* — съ 14-го августа 1904 г. и *Маляренко*—съ 19-го декабря 1903 г., Харьковской 4-ой, *Сребрянскій* — съ 7-го января 1902 г., Новочеркасской, *Маляровъ* — съ 21-го октября 1904 г., Ростовской-на-Дону: *Ивановъ*—съ 21-го мая 1904 г. и *Панчишка* — съ 30-го сентября 1904 г., Маріинской Донской женской, *Воиновъ* — съ 7-го октября 1904 г.; реальныхъ училищъ: Харьковскаго, *Пряджинъ* —съ 20-го октября 1904 г. и Воронежскаго, *Соловьевъ* — съ 5-го октября 1904 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учителя реальныхъ училищъ: Воронежскаго, *Дядьковъ*—съ 11-го сентября 1904 г., Новочеркасскаго, *Афанасьевъ* и *Ежтовъ*, оба—съ 27-го августа 1904 г. и *Эйнбергъ* — съ 1-го сентября 1904 г.; наставникъ Воронежской учительской семинаріи, *Боровиковъ*—съ 1-го сентября 1904 г. и врачъ Моршанскаго реальнаго училища, *Успенскій*—съ 6-го ноября 1903 г.; изъ коллежскихъ ассесоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя: Ростовской-на-Дону гимназіи, *Томи*—съ 5-го іюля 1903 г., Рыльской Шелеховской прогимназіи, *Никаноровъ*—съ 28-го января 1904 г., Нахичеванской-на-Дону Екатерининской женской гимназіи, *Гусиковъ*—съ 25-го іюня 1901 г., Кур-

скаго реальнаго училища: *Данилевичъ*—со 2-го ноября 1900 г., *Соколовъ*—съ 23-го іюля 1902 г., *Ладинскій*—съ 10-го сентября 1902 г., *Сабювъ*—съ 1-го сентября 1899 г. и *Якименко-Забуга*—съ 16-го марта 1903 г., Пензенской учительской семинаріи, *Давыдовъ*—съ 5-го сентября 1902 г.; учителя-инспекторы: Толмачевскаго городского, въ городѣ Тамбовѣ трехклассная училища, *Григоровъ* — съ 1-го августа 1904 г., Шацкаго городского трехкласснаго училища, Тамбовской губерніи, *Окороковъ* (исправляющій должность)—съ 27-го мая 1904 г.; учитель-техникъ Задонской школы ремесленныхъ учениковъ Воронежской губерніи, *Пивоваровъ* — съ 31-го октября 1904 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Воронежской 1-й гимназіи, *Абрамовъ* — съ 1-го сентября 1904 г.; Курскаго реальнаго училища, *Амелинъ* — съ 15-го августа 1903 г. и учитель Богодуховскаго городского училища, Харьковской губерніи, *Клоковъ*—съ 29-го сентября 1904 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры*: помощники классныхъ наставниковъ реальныхъ училищъ: Моршанскаго, *Харламовъ*—со 2-го ноября 1904 г. и Усть-Медвѣдицкаго, *Поповъ*—съ 10-го іюля 1904 г.; учителя городскихъ училищъ: Харьковской губерніи: Чугуевскаго, *Навальневъ*—съ 23-го августа 1904 г., Ахтырскаго, *Овчаренко* — съ 10-го августа 1904 г., Богодуховскаго, *Моисеенко* — съ 6-го октября 1904 г., Воронежскаго четырехкласснаго, *Максимовъ* (сверхштатный)— съ 23-го августа 1904 г., Толмачевскаго трехкласснаго, въ городѣ Тамбовѣ, *Воротынцевъ* — съ 10-го августа 1904 г., Таганрогскаго четырехкласснаго, Донской области, *Чухновъ*—съ 7-го декабря 1902 г. и учитель Воронежской женской гимназіи Е. А. Нечаевой *Магалифъ*— со 2-го сентября 1903 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: наблюдатель Новочеркасскаго атаманскаго техническаго училища, *Абуховъ*—съ 1-го ноября 1904 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Курской гимназіи, *Мальцевъ*—съ 10-го ноября 1890 г., Ростовскаго-на-Дону Петровскаго реальнаго училища: *Васильевъ*—съ 11-го сентября 1902 года и *Тимошевскій*—съ 1-го января 1902 г. и учитель Острогожскаго городского трехкласснаго училища, Воронежской губерніи, *Кобозевъ*—съ 22-го сентября 1904 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учителя: Хоперскаго городского четырехкласснаго училища, Донской области, *Маракуевъ* (исправляющій должность)—съ 13-го ноября 1902 г. и приготовительнаго класса Воронежской 2-й гимназіи, *Пискуновъ* — съ 17-го января 1901 года; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари:* учителя приходскихъ училищъ Донской области: Грушевскаго, *Булгаковъ* — съ

28-го августа 1903 г., Слащевскаго, *Безсчетновъ*, Кременскаго, *Гребенниковъ*, оба—съ 1-го сентября 1904 г., Арчадинскаго, *Ефремовъ*—съ 1-го марта 1904 г., Дурновскаго, *Елисѣевъ*—съ 6-го апрѣля 1904 г., Липовскаго, *Кузнецовъ*—съ 1-го февраля 1903 г., Аннинскаго, *Морозовъ*—съ 1-го сентября 1904 г., 2-го Новочеркасскаго, *Обуховъ* — съ 13-го іюля 1904 г., Мокрологовскаго, *Пашутинъ*, Усть-Бузулуцкаго, *Черкесовъ* и учитель двухкласснаго желѣзнодорожнаго при станціи „Арчада" училища, *Ѳоминъ*, всѣ трое—съ 1-го сентября 1904 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учителя приходскихъ училищъ: Городищенскаго Пензенской губерніи, *Фокинъ*—съ 25-го апрѣля 1904 г., Донской области: Денисовскаго, *Акимовъ*, Яменскаго, *Авсеневъ*, оба — съ 1-го сентября 1904 г., Чернышовскаго, *Бабкинъ* — съ 1-го августа 1904 г., Вертичевскаго, *Басовъ* — съ 1-го сентября 1903 года, Калининскаго, *Бѣлоусовъ* — съ 1-го сентября 1896 г., Галушкинскаго, *Евфимьевъ*—съ 1-го октября 1902 г., Нижне-Чирскаго 2-го, *Зеленскій*—съ 21-го августа 1902 г., Старогригорьевскаго, *Крымцевъ*, 2-го Каменскаго, *Нагольновъ*, Сорокинскаго, *Ильшаковъ*, всѣ трое—съ 1-го сентября 1904 г., Вешенскаго двухкласснаго, *Синельниковъ*—съ 1-го сентября 1898 г., Сулипово-Кундрюческаго, *Смирновъ*—съ 17-го октября 1903 г., Павловскаго, *Якушовъ* — съ 4-го ноября 1898 г. и Атаманскаго двухкласснаго, *Шевыревъ*—съ 1-го сентября 1904 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*: инспекторы народныхъ училищъ: Харьковской губерніи, коллежскій секретарь *Виноградовъ*—съ 15-го декабря 1900 г. и Донской области, коллежскій ассессоръ *Первухинъ*—съ 10-го октября 1900 года; *коллежскаго ассессора*: учителя реальныхъ училищъ: Харьковскаго, *Пыпѣевъ*—съ 26-го октября 1900 г., Изюмскаго, *Лавуайе* — съ 23-го іюня 1899 г., Моршанскаго, *Соломаха*—съ 1-го августа 1900 г.; *титулярнаго совѣтника*: помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета, *Соколовъ*—съ 1-го октября 1891 г., по степени лекаря; *коллежскаго секретаря*: помощникъ классныхъ наставниковъ Харьковской 4-й гимназіи, *Поповъ* — съ 1-го августа 1900 г.; учителя: Харьковской женской гимназіи Е. Н. Драшковской, *Ильинъ* — съ 20-го января 1901 г. и городского при Бѣлгородскомъ учительскомъ институтѣ училища, *Пановъ*—съ 1-го августа 1900 года; *губернскаго секретаря*: почетный смотритель Ахтырскаго городского училища, Харьковской губерніи, *Куриловъ*—съ 28-го октября 1903 г., по диплому 2-й степени Императорскаго университета; бывшій учитель уѣзднаго училища, нынѣ учитель-инспекторъ Зміевскаго город-

ского трехклассного училища, Харьковской губерніи, *Красовскій*—съ 22-го сентября 1898 г.; бывшіе учителя уѣздныхъ училищъ, нынѣ учителя городскихъ училищъ: Харьковскаго, *Птахинъ* и Ахтырскаго, Харьковской губерніи, *Кравченко*, оба—съ 1-го сентября 1899 г.

(4-го марта 1905 года, № 15). *Назначаются:* статскій совѣтникъ *Поповъ* и коллежскій секретарь *Григорьевъ*—почетными попечителями: первый—вновь Виленскаго учительскаго института, а второй—Императорской Казанской первой гимназіи, оба на три года.

Утверждаются: гофмейстеръ Высочайшаго Двора *Тютчевъ*, надворный совѣтникъ *Ребиндеръ* и въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго Двора, коллежскій секретарь графъ *Уваровъ*—почетными попечителями гимназій: Тютчевъ—Московской седьмой въ память Императора Александра III, Ребиндеръ—вновь Корочанской Александровской и графъ Уваровъ—вновь Бѣльской, всѣ трое, согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ Тютчева гофмейстеромъ, а графа Уварова въ придворномъ званіи.

Увольняется отъ службы директоръ Либавской Николаевской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Вольгемутъ*, съ 16-го февраля, за выслугою срока, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

III. УЧРЕЖДЕНІЕ СТИПЕНДІЙ.

13-го февраля 1905 г. разрѣшено учредить, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го февраля 1905 года, при Ставропольскомъ, Самарской губерніи, городскомъ трехклассномъ училищѣ десять стипендій Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, въ ознаменованіе дня рожденія Его Высочества.

IV. ОТЪ УПРАВЛЕНІЯ ПЕНСІОННОЙ КАССЫ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

Къ 1-му января 1905 года по отдѣлу XXX спеціальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія, „капиталъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ“, состояло на лицо суммъ, поступившихъ по квитанціямъ главнаго казначейства:

Наличными деньгами	9.648 р. 82 к.
Процентными бумагами	2.510.200 „ — „

Изъ нихъ:

4% свид. государственной ренты	94.200 руб.
$3^{6}/_{10}$% конверсіонныя облигаціи	108.300 „
$4^{1}/_{2}$% облигаціи Московск. гор. кред. общества. .	207.000 „
„ „ С.-Петербургск. гор. кред. общ. .	229.700 „
„ закл. лист. Московскаго земельнаго банка. .	191.000 „
„ „ „ Бессар.-Таврическаго „ . .	202.700 „
„ „ „ Донскаго „ . .	235.400 „
„ „ „ Полтавскаго „ . .	201.400 „
„ „ „ Кіевскаго „ . .	213.800 „
„ „ „ Яросл.-Костромскаго „ . .	197.900 „
„ „ „ Виленскаго „ . .	203.200 „
„ „ „ Нижег.-Самарскаго „ . .	203.000 „
„ „ „ Земск. банка Херсонской губ. .	207.600 „
5% „ „ Тифлисскаго двор. зем. банка . .	15.000 „
Итого . . .	2.510.200 руб.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Бончковскій, Л.* Руководство для изученія Закона Божія. Кіевъ 1904. Часть приготовительная. Краткая св. исторія ветхаго и новаго завѣта. Стр. 78 + 2 карты. Цѣна 80 коп.—Часть 1-я. Пространная св. исторія ветхаго завѣта и краткій катехизисъ. Стр. 101 + 3 + 52. Цѣна 1 р.—Краткій догматическо-нравоучительный катехизисъ римско-католической церкви. (Отдѣльно). Стр. 52. Цѣна 30 коп.—Часть 2-я. Пространная св. исторія новаго завѣта и краткій катехизисъ. Стр. VIII + 81 + 2 карты + 52. Цѣна 1 р. — Часть 4-я. Средній догматическо-нравоучительный катехизисъ римско-католической церкви. Стр. VIII + 104 + 2. Цѣна 80 коп.—Часть 4-я. Литургика или изложеніе обрядовъ римско-католической церкви. Стр. VIII + 204. Цѣна 1 р. 20 коп. — Часть 6-я. Пространный догматическій катехизисъ римско-католической церкви. Стр. IV + 178. Цѣна 1 р."

— „*Бронъ-фонъ-Бреннеръ, И. Я.* Курсъ коммерческой ариѳметики. Изданіе 3-е, испр. и доп. Тифлисъ. 1904. Стр. 382 + VI. Цѣна 1 р. 75 коп." (для коммерческихъ отдѣленій реальныхъ училищъ).

— „*Васильевъ, В. И.* 1) Ариѳметика цѣлыхъ чиселъ. Изданіе 7-е. Стр. 80.—2) Ариѳметика дробныхъ чиселъ. Изданіе 6-е. Стр. 79 + 1.—3) Ариѳметика. Отношенія, пропорціи и способы рѣшенія задачъ на правила: тройныя, процентовъ, учета векселей и пр. Изданіе 5-е. Стр. 79. (Всѣ 3 — изданія А. Д. Ступина. М. 1904). Цѣна каждой книжки 25 коп."

— „*Ельницкій, К.* 1) Курсъ дидактики. 14-е изданіе, Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1904. Стр. 143. Цѣна 75 коп.—2) Очерки по исторіи педагогики. 6-е изданіе, Д. Д. Полубояринова. С.-Пб. 1904. Стр. 157. Цѣна 75 коп." (для VIII класса женскихъ гимназій и для

учительскихъ институтовъ и семинарій, а равно въ ученическія библіотеки названныхъ учебныхъ заведеній и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Кругеръ, А., С. Григорьевъ, А. Барковъ* и *С. Чефрановъ*. Начальный курсъ географіи. Изданіе 2-е, испр. и дополн. М. 1904. Стр. 152. Цѣна 75 коп."

— „*Мечъ, Сергѣй*. Россія. 17-е изданіе. М. 1904. Стр. 159 + 1. Цѣна 50 коп."

— „*Ивсецкій, Л. Я.* Учебникъ ариѳметики. Кронштадтъ. 1904. Часть 1-я. Стр. 62.—Часть 2-я. Стр. 65.—Часть 3-я. Стр. 77 + 1.— Часть 4-я. Стр. 38 + 1. Цѣна каждой части 25 коп."

— „*Тихомировъ, Е. Н.* Начальная алгебра. 3-е, испр. изданіе, В. В. Думнова. М. 1905. Стр. 408. Цѣна 1 р. 25 коп."

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Буслаевъ, Ѳедоръ*. Русская хрестоматія. Памятники древней русской литературы и народной словесности. Изданіе 9-е, просм. и испр. *А. И. Соболевскимъ*. М. 1904. Стр. IV + 480. Цѣна 1 р. 75 коп."

— „*Кёрнеръ, Теодоръ*. Зрини. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Обработалъ *Эмилій Неймейстеръ*. 2-ое, испр. и доп. изданіе. М. 1903. Стр. 170.—Приложеніе. Стр. 32. Цѣна 60 коп."

— „*Кузнецовъ, Ст.* Программы для записи конспектовъ слушанныхъ уроковъ по русскому языку. Юрьевъ. 1903. Стр. 16. Цѣна 10 коп." (для VIII класса женскихъ гимназій, а также для учительскихъ семинарій и институтовъ).

— „*Магалифъ, Б.* Систематическій сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе. Планиметрія. Изданіе 2-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. VII + 106. Цѣна 40 коп."

— „*Тихомировъ, Е. Н.* Примѣры и задачи по начальной алгебрѣ. 5-е изданіе, испр., В. В. Думнова. М. 1905. Стр. VIII + 406. Цѣна 1 р. 25 коп."

— „*Thomson, G.* Die Jungfrau. Die Schlüsselblume. Die Prinzessin aus dem Luftschloss. II. M. 1904. Стр. 47. Цѣна 12 коп."

— „*Schölzel, K.* 1) Deutsche Fibel für Elementarschulen in Russland. 7. und 8. Auflage. Verlag von Emil Berndt. Odessa. 1904. Стр. 64. Цѣна въ перепл. 30 коп.—2) Deutsches Lesebuch für Elementar-

schulen in Russland. Odessa. Verlag von Emil Berndt. I. Teil. (2 Schuljahr). 4. Auflage. 1905. Стр. 95. Цѣна въ переплетѣ 40 коп.—II. Teil 3. Auflage. 1904. Ausgabe A: für evangeliche Schulen. Стр. VII + 206. Цѣна въ переплетѣ 70 коп.—Ausgabe B: für katholische Schulen. Стр. VII + 206. Цѣна въ перепл. 70 коп." (для тѣхъ нѣмецкихъ школъ, въ коихъ преподаваніе ведется на томъ же языкѣ).

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній [1]):

⊙ „*Васюковъ, С. И.* Крымъ и горные татары. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. 121. Цѣна 80 коп., въ папкѣ 1 р." (для средняго возраста).

— „*Вёрманъ, Карлъ.* Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ. Томъ I. Искусство до-христіанскихъ и нехристіанскихъ народовъ. Переводъ съ нѣм. подъ ред. *А. И. Сомова.* Изданіе т-ва «Просвѣщеніе». С.-Пб. 1903. Стр. XXI + 827. 20 выпусковъ по 40 коп." (для старшаго возраста).

⊙ „Вольга. Былины. Изданіе И. П. Билибина. Петроградъ. 1904. Стр. 16. Цѣна 1 р. 50 коп." (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

— „Вселенная и человѣчество. Исторія изслѣдованія природы и приложенія ея силъ на службу человѣчеству, подъ общей ред. *Ганса Крэмера.* Томъ I. Переводъ съ нѣм. подъ общей ред. *А. С. Догеля.* Изд. т-ва „Просвѣщеніе". С.-Пб. 1904. Стр. XII + 516. 20 выпусковъ по 40 коп." (для старшаго возраста, а равно и для выдачи ученикамъ въ видѣ награды).

— „*Гермогенъ,* епископъ. О святыхъ таинствахъ православной церкви. Изданіе 2-е, И. Л. Тузова. С.-Пб. 1904. Стр. 179 + IV. Цѣна 40 коп."

— „*Гофманъ* и *Гриммъ.* Міръ волшебныхъ сказокъ. Перевела *Н. В. Владимірова.* Изданіе В. П. Губинскаго. С.-Пб. 1902. Стр. 286. Цѣна въ папкѣ 1 р." (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

⊙ „*Додэ, Альфонсъ.* Избранные разсказы и сказки. Переводъ *А. Н. Нетловой.* Изданіе В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1904. Стр. 252. Цѣна въ папкѣ 1 р." (для средняго и старшаго возрастовъ).

---

[1]) Книги, отмѣченныя знакомъ ⊙, допущены также въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

⊙ „*Золотницкій, Н. Ѳ.* Акваріумъ любителя. Изданіе 3-е, соверш. передѣл., А. А. Карцева. М. 1904. Стр. 688. Цѣна 3 р. 50 коп.“ (также для выдачи ученикамъ въ видѣ награды).

⊙ „*Козловъ, В. Д.* Въ тылу у японцевъ. (Набѣгъ партизановъ въ Корею). Очерки. С.-Пб. 1904. Стр. 172 + I карта. Цѣна 1 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

⊙ „*Конанъ-Дойль, А.* Торговый домъ „Гёрдльстонъ и К°“. Романъ. Переводъ съ англ. *Л. Соколовой*. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 643. Цѣна 1 р. 75 коп.“ (для средняго возраста).

— „*Покровскій, В. И.* 1) Аполлонъ Николаевичъ Майковъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1904. Стр. 180. Цѣна 30 коп.—2) Алексѣй Константиновичъ Толстой. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1904. Стр. 156. Цѣна 30 коп.—3) Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1904. Стр. 59. Цѣна 15 коп.“ (для старшаго возраста).

⊙ „*Поспѣловъ, С. А.* Въ снѣгахъ Восточной Сибири. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. Стр. III + 203. Цѣна 90 коп., въ папкѣ 1 р. 15 коп.“ (для средняго возраста).

⊙ „*Пушкинъ, А. С.* Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. *Пл. Н. Краснова*. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1904. Стр. XXXII + 804 + VII + VIII. Цѣна 1 р. 50 коп., въ тисн. коленк. перепл. 2 р.“ (для средняго и старшаго возрастовъ).

— „*Сёлли, Джемсъ.* Основы общедоступной психологіи и ея примѣненія къ воспитанію. (The Teacher's Handbook of Psychology). Переводъ съ англ. *М. Ш.* подъ ред. *Л. Е. Оболенскаго*. 3-е изданіе, В. П. Губинскаго. С.-Пб. 1902. Стр. 364 + IV. Цѣна 1 р. 35 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Черевкова, А. А.*, и *В. Д. Черевковъ.* Курсъ гигіены. С.-Пб. 1905. Стр. IV + 213. Цѣна 1 р.“ (для старшаго возраста).

— „*Шевченко, Н.* О преподаваніи логики въ средней общеобразовательной школѣ. М. 1901. Стр. 53. Цѣна 25 коп.“ (въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки мужскихъ гимназій и учительскихъ институтовъ).

⊙ „*Якобсонъ, Г. Г.*, и *В. Л. Біанки.* Прямокрылыя и ложносѣтчатокрылыя Россійской Имперіи и сопредѣльныхъ странъ. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1905. Стр. XI + 952. Цѣна 16 р. 50 коп.“ (также для выдачи ученикамъ въ видѣ награды).

⊙ „*Өирсовъ, Н. Н.* Петръ Великій, какъ хозяинъ. Казань. 1903. Стр. 22.“ (для старшаго возраста).

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Закусевъ, С.* Руководство анатоміи и физіологіи человѣка. Изданіе Ф. А. Іогансонъ. С.-Пб. Кіевъ. Харьковъ. 1905. Стр. 189. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для реальныхъ училищъ и для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также въ учительскія библіотеки начальныхъ и городскихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Наумовъ, Я.* Краткій учебникъ анатоміи и физіологіи человѣка. 6-е изданіе (дополн.). С.-Пб. 1904. Стр. VIII + 136. Цѣна 90 коп.“ (для реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ, а также въ ученическія библіотеки женскихъ гимназій и учительскихъ семинарій, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

б) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

⊙ „Исторія знаменитаго Донъ-Кихота Ламанчскаго. Переведена подъ ред. *М. Чистякова.* Изданіе 4-е, В. И. Губинскаго. С.-Пб. 1903. Стр. 320. Цѣна 1 р.“ (для средняго возраста, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Бичеръ-Стоу, Гарріетъ.* Хижина дяди Тома или „Жизнь среди униженныхъ“. Переводъ съ англ., съ сокращеніями, *Е. Тарасовой.* Изданіе А. С. Панафидиной. М. 1904. Стр. 514. Цѣна въ папкѣ 1 р. 40 коп.“ — допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

— Брошюру: „*Бокъ, К.* Гимнастика мозга. Изданіе т-ва М. О.

Вольфъ. (Книжки педагогическаго листка «Задушевнаго слова»). С.-Пб. и М. 1899. Стр. 15. Цѣна 15 коп."—допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Изданія: „*Васильевъ, В. И.* 1) Классное пособіе при прохожденіи тригонометріи. Таблица натуральныхъ тригонометрическихъ величинъ. Изданіе А. Д. Ступина. М. 1904. Цѣна 20 коп.—2) Пособіе для учащихся при прохожденіи тригонометріи. Таблица натуральныхъ тригонометрическихъ величинъ. Изданіе А. Д. Ступина. М. 1905. Цѣна 10 коп."—допустить къ классному употребленію въ низшихъ техническихъ училищахъ.

— Брошюру: „*Гринъ, Марія.* Первые уроки домашней гимнастики. Упражненія съ шестомъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. (Книжки педагогическаго листка «Задушевнаго слова»). С.-Пб. и М. 1900. Стр. 16. Цѣна 15 коп."—допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Изданіе: „20 стѣнныхъ раскрашенныхъ картинъ по естественной исторіи. Изданіе магаз. «Сотрудникъ школъ». М. 1904. Цѣна 2 р. 50 коп., отдѣльно каждый листъ по 15 коп." — допустить въ видѣ класснаго пособія для низшихъ училищъ.

— Книгу: „*Разинъ, А.* Самборъ. Историческій разсказъ для юношества. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1904. Стр. 220. Цѣна 1 р. 25 коп., въ перепл. 2 р."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Каблуковъ, Н.* Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Изданіе маг. «Книжное дѣло». М. 1899. Стр. VIII + 309. Цѣна 1 р. 75 коп."—допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюру: „*Пру* и *Ж. Балле.* Слабонервныя дѣти и ихъ воспитаніе. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1900. Стр. 16. Цѣна 15 коп."—допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „*Фостеръ.* Физіологія. Переводъ *Д. Кашкарова* подъ ред. *Н. К. Кольцова.* (Серія начальныхъ курсовъ). М. 1903. Стр. 118 + VII. Цѣна 30 коп."—допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюру: „*Выдорчикъ, Н. А.* О болотной лихорадкѣ. Изданіе комиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ. № 7. М. 1904. Стр. 64. Цѣна 8 коп."—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, а равно и для публичныхъ народныхъ чтеній.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Евсѣевъ, И. Е.* Русскія прописи. Изд. 4-е, В. В. Думнова. М. 1905. 36 таблицъ. Цѣна 15 коп.“ (также для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Мюльманъ, Р.* Азбука и первая послѣ азбуки книжка для чтенія. 2-е изд., Б. Серенсена и К°. Рига. 1903. Стр. 61+IV. Цѣна 20 коп.“ (для инородческихъ училищъ).

— „*Персональный, С. К.* Учебникъ начальной географіи. М. 1904. Стр. 126. Цѣна 50 коп.“ (для городскихъ, по Положенію 1872 г., училищъ, а также для женскихъ гимназій).

— „*Плетеневъ, И.* Учебникъ грамматики русскаго языка. 2-е испр. изд. С.-Пб. 1904. Стр. 187. Цѣна 60 коп.“ (для городскихъ училищъ, а также для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Пономаревъ, Н.* Родная земля. Книга для чтенія. Годъ 2-й. 5-е изд. С.-Пб. 1904. Стр. 156 + II. Цѣна 40 коп.“

— „Прописи для народныхъ школъ. Образцы рисованія по клѣткамъ по системѣ Фребеля. 26-е изд. «Сотрудникъ школъ». № 281. М. 1900. Стр. 12.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Сиротовъ, В. Н.* Краткій курсъ русской грамматики. Изд. 2-е, К. Тихомирова. М. 1904. Вып. 1. 1-й и 2-й годъ обученія. Стр. 74 + II. Цѣна 8 коп. — Вып. 2. 3-й годъ обученія. Стр. 51. Цѣна 6 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Свирѣлинъ, Александръ.* Наставленіе въ Законѣ Божіемъ. Изд. 11-е, В. В. Думнова. М. 1903. Стр. 192. Цѣна 30 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніямъ училищнаго совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ).

— „*Турцевичъ, Ар.* Русская исторія (въ связи съ исторіей великаго княжества литовскаго). 8-е изд. Вильна. 1905. Стр. VI + 153. Цѣна 55 коп.“ (для городскихъ, по Положенію 1872 г., училищъ, а также для женскихъ гимназій).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Евсѣевъ, И. Е.* Методика обученія чистописанію. Изд. 2-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. IV+152+37. Цѣна 70 коп.“ (также въ качествѣ пособія въ учительскіе институты и семинаріи и въ педагогическіе классы женскихъ гимназій).

— „*Мюльманъ, Р.* Практическое руководство для первоначальнаго обученія русскому языку въ инородческихъ училищахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ руководство къ азбукѣ того же автора. 2-е изд., Б. Серенсенъ и К°. Рига. 1904. Стр. 61 + II. Цѣна 30 коп.“ (для инородческихъ училищъ).

— „*Тихомировъ, Д. И.* Азбука правописанія. Часть 1-я. 21-е изд. М. 1904. Стр. XXVI+101. Цѣна 30 коп.“ (также въ библіотеки учительскихъ семинарій).

— „*Чебышева-Дмитріева, Е. А.* Вопросы начальной школы и педагогическіе очерки. Изд. «Петербургскаго учебнаго магазина». С.-Пб. 1905. Стр. 250. Цѣна 1 р.“ (также въ ученическія библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній [1]):

— „*Алтаевъ, А.* Маленькимъ дѣтямъ. Разсказы о животныхъ. Изд. ред. журн. «Дѣтское чтеніе» (Библіотека для семьи и школы). М. 1905. Стр. 62. Цѣна 30 коп.“

— „*Архангельская, А.* Дѣтство и приключенія Давида Копперфильда младшаго. Составлено по Диккенсу для дѣтей средняго возраста. Изд. 3-е, маг. «Сотрудникъ школъ». М. 1903. Стр. 186.“

---

[1]) Сочиненія, допущенныя въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, считаются допущенными также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*Веберъ, К. К.* По немногу обо всемъ изъ трехъ царствъ природы. Разсказы для дѣтей. Изд. 7-е, маг. «Сотрудникъ школъ». М. 1900. Стр. VI + 158.“

— „*Гофманъ.* Лазутчикъ. Разсказъ. Переводъ съ нѣм. *Е. Юношевой.* Изд. 4-е, маг. «Сотрудникъ школъ». М. 1903. Стр. 162.“

— „*Диккенсъ, Ч.* Домби и сынъ. Передѣлано для дѣтей средняго возраста *А. В. Архангельской.* Изд. 4-е, маг. «Сотрудникъ школъ». М. 1902. Стр. 147. Цѣна 50 коп.“

— „*Диккенсъ.* Оливеръ Твистъ. Переводъ съ сокращ. *А. Архангельской.* 5-е изд., маг. «Сотрудникъ школъ». М. 1903. Стр. 192. Цѣна 50 коп.“

— „*Елачичъ, Евгеній.* Какъ животныя защищаются отъ своихъ враговъ. Изд. Подвижного музея учебныхъ пособій. С.-Пб. 1905. Стр. 71. Цѣна 20 коп.“

— „*Коровинъ, В.* Двѣ капельки. (Метаморфозы воды). Разсказъ для дѣтей. Изд. 4-е, маг. «Сотрудникъ школъ». М. 1902. Стр. 144. Цѣна 75 коп., въ папкѣ 1 р.“

— „*Кругловъ, А. В.* За сестру. Разсказъ. Изд. В. С. Спиридонова. М. 1905. Стр. 32. Цѣна 15 коп.“

— „*Кругловъ, А. В.* Старцы Филимоны. Разсказъ. Изд. В. С. Спиридонова. М. 1905. Стр. 35. Цѣна 15 коп.“

— „*Лукашевичъ, Клавдія.* Славная Севастопольская оборона. (Очерки). Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1905. Стр. 117. Цѣна 30 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Былинки. Разсказы для маленькихъ дѣтей. Изд. ред. журн. «Дѣтское чтеніе». (Библіотека для семьи и школы). М. 1905. Стр. 56. Цѣна 40 коп.“

— „Молитвы въ стихахъ. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. Собралъ *М. Васильевъ.* Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 48. Цѣна 10 коп.“

— „Русскимъ дѣтямъ“. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. (Школьная библіотека). М. 1905. Стр. 55. Цѣна 15 коп.“

— „Русскія дѣтскія сказки, собранныя *А. Н. Аѳанасьевымъ.* Изд. 10-е, магаз. «Сотрудникъ школъ». М. 1903. Стр. 304. Цѣна 1 р. 75 коп.“

— „*Сысоевъ, В. М.* Дѣдушка Мироннчъ. Разсказъ. Изд. М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1905. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Сѣверцевъ (Полиловъ), Г. Т.* I. Заспалъ. II. Попугай. Два историческихъ разсказа для дѣтей. С.-Пб. 1904. Стр. 32. Цѣна 25 коп.“

— „*Твенъ, Маркъ.* Принцъ и нищій. Переводъ съ англ. *А. Рѣпиной* подъ ред. *М. Васильева*. Изд. 2-е, М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 251. Цѣна 75 коп.“

— „*Толычева, Т.* Бабушкино благословеніе. Повѣсть. Изд. 2-е. М. 1899. Стр. 87. Цѣна 50 коп.“

— „*Толычева, Т.* Благовѣщеніе. Повѣсть. Изд. 3-е. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 15 коп.“

— „*Толычева, Т.* Избраніе въ цари Михаила Өеодоровича Романова. Народная повѣсть. Изд. 2-е. М. 1904. Стр. 64. Цѣна 15 коп.“

— „*Толычева, Т.* Крестъ патріарха Филарета. Изд. 2-е. М. 1902. Стр. 77. Цѣна 30 коп.“

— „*Толычева, Т.* О славной Бѣлозерской обители и ея основателѣ препод. Кириллѣ. Изд. 2-е. М. 1903. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“

— „*Толычева, Т.* Пріемышъ. Повѣсть изъ того времени, какъ французы брали Москву. Изд. 4-е. М. 1899. Стр. 40. Цѣна 10 коп.“

— „*Толычева, Т.* Разсказъ старушки о двѣнадцатомъ годѣ. Изд. 8-е. М. 1903. Стр. 72. Цѣна 30 коп.“

— „*Толычева, Т.* Разсказы старушки объ осадѣ Севастополя. Изд. 8-е. М. 1904. Стр. 87. Цѣна 40 коп.“

— „*Толычева, Т.* Село Коссино. Посвящается памяти К. С. Аксакова. Изд. 4-е. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Толычева, Т.* Спасо-Бородинскій монастырь и его основательница. Изд. 5-е. М. 1902. Стр. 79. Цѣна 40 коп.“

— „*Толычева, Т.* Троице-Сергіева Лавра. Историческій очеркъ. Изд. 5-е. М. 1902. Стр. 48. Цѣна 10 коп.“

— „*Черскій, Л.* Англичанка Кэтъ Марсденъ. Другъ прокаженныхъ. Біографическій очеркъ. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Черскій, Л.* Өедоръ Петровичъ Гаазъ. Другъ несчастныхъ. Біографическій очеркъ. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Шапошниковъ, Н.* Дѣдушка Ермилъ и внучекъ его Петя. Изд. 2-е, маг. „Сотрудникъ школъ“. М. 1904. Стр. 32. Цѣна 20 коп.“

г) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки [1]):

— „*Буссенаръ, Луи.* Герои Малахова кургана. Переводъ съ франц. *В. Карпинской.* Изд. П. П. Сойкина. (Библіотека романовъ. Приключенія на сушѣ и на морѣ). С.-Пб. 1904. Стр. 208.“

— „*Васильевъ, М.* Исторія одного волченка. Разсказъ. Изд. М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1905. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Вернъ, Жюль.* Юные путешественники. Переводъ съ франц. *К. Гумбертъ.* Изд. П. П. Сойкина. (Библіотека романовъ. Приключенія на сушѣ и на морѣ). С.-Пб. 1904. Стр. 240.“

— „*Горбуновъ, И. Ф.* Полное собраніе сочиненій. С.-Пб. 1904. (Сборникъ «Нивы»).“

— „*Диккенсъ, Ч.* Николай Никльби. Романъ. Сокр. переводъ *А. В. Архангельской.* Изд. 2-е, маг. «Сотрудникъ школъ». М. 1903. Стр. 192. Цѣна 50 коп.“

— „*Дружининъ, Н. П.* Волостной сходъ. Разсказъ о томъ, какъ устроены и дѣйствуютъ, по закону, волостныя крестьянскія установленія. (Учительская библіотека). М. 1905. Стр. 92 + V. Цѣна 25 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Ивановъ, П.* Столярное ремесло. Необходимое руководство для начинающихъ столяровъ и любителей. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1904. Стр. IV + 102. Цѣна 20 коп.“

— „*д'Ивуа, Поль.* Вулканъ и динамитъ. Неуловимый врагъ. Переводъ съ франц. *М. Альбовой.* Изд. П. П. Сойкина. (Библіотека романовъ. Приключенія на сушѣ и на морѣ). С.-Пб. 1903. Стр. 198.“

— „*д'Ивуа, Поль.* Пилія. Переводъ съ франц. *А. Петровой.* Изд. П. П. Сойкина. (Библіотека романовъ. Приключенія на сушѣ и на морѣ). С.-Пб. 1903. Стр. 198.“

— „*Каразинъ, Н. Н.* Погоня за наживой. Романъ. Изд. 2-е, П. П. Сойкина. С.-Пб. 1904. Стр. 524. Цѣна 2 р.“

— „*Киплингъ, Рудіаръ.* Отважные. Переводъ съ англ. *К. Гумбертъ.* Изд. П. П. Сойкина. (Библіотека романовъ. Приключенія на сушѣ и на морѣ). С.-Пб. 1904. Стр. 141.“

---

[1]) Книги, допущенныя въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, считаются допущенными также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*Кичуновъ, Н. И.* Культура розы въ открытомъ грунту и подъ стекломъ. Изд. 3-е, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. VII+176. Цѣна 75 коп."

— „*Козловъ, А. Н.* Проекты плановъ и фасадовъ для построекъ сельскихъ, церковно-приходскихъ, земскихъ и городскихъ школъ. 2-е доп. изд., А. Д. Ступина. М. 1900. Стр. 101. Цѣна 1 р. 50 коп."

— „*Конанъ-Дойль.* Трагедія съ «Короско». Переводъ съ англ. *А. А. Энквистъ.* Изд. П. П. Сойкина. (Библіотека романовъ. Приключенія на сушѣ и на морѣ). С.-Пб. 1904. Стр. 144."

— „*Кругловъ, А. В.* Нищіе-богачи. Разсказы. Изд. В. С. Спиридонова. М. 1904. Стр. 143. Цѣна 50 коп."

— „*Лори, Андрэ.* Лазурный гигантъ. Переводъ съ франц. *К. Гумбертъ.* Изд. П. П. Сойкина. (Библіотека романовъ. Приключенія на сушѣ и на морѣ). С.-Пб. 1904. Стр. 188."

— „*Любичъ-Кошуровъ, І.* Дѣти Исаака. (По библейскимъ сказаніямъ). Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 16. Цѣна 5 коп."

— „*Маевскій, Борисъ.* Плѣнники. Разсказъ по Гюи-де-Мопассану. Полковое знамя. Разсказъ по эскизу Мезруа. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1905. Стр. 32. Цѣна 5 коп."

— „*Максимовъ, В. А.* Какъ устраивать обыкновенные колодцы. Изд. П. П. Сойкина. (Сельско-хозяйственная библіотека). С.-Пб. 1904. Стр. 32. Цѣна 30 коп."

— „*Маркмондъ, Артуръ.* Западня любви. Переводъ съ англ. *А. Энквистъ.* Изд. П. П. Сойкина. (Библіотека романовъ. Приключенія на сушѣ и на морѣ). С.-Пб. 1904. Стр. 221."

— „*Митропольскій, Ив. Ив.* Звѣзда. Разсказъ севастопольца. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 16. Цѣна 3 коп."

— „*Ожешкова, Элиза.* Юльянка. Переводъ съ польскаго *В. М. Лаврова.* Изд. ред. журн. «Дѣтское чтеніе». (Библіотека для семьи и школы). М. 1905. Стр. 94. Цѣна 15 коп."

— „*Пембертонъ, Максъ.* Кровавое утро. Переводъ съ англ. *А. А. Энквистъ.* Изд. П. П. Сойкина. (Библіотека романовъ. Приключенія на сушѣ и на морѣ). С.-Пб. 1904. Стр. 184."

— „*Пембертонъ, Максъ.* Подводное жилище. Переводъ съ англ. *Е. Шабельской.* Изд. П. П. Сойкина. (Библіотека романовъ. Приключенія на сушѣ и на морѣ). С.-Пб. 1904. Стр. 224."

— „*Петровъ, П. П.* О скотномъ дворѣ для молочныхъ коровъ. Изд. К. И. Тихомирова. (Сельско-хозяйственная библіотека. Отдѣлъ животноводства и птицеводства). М. 1904. Стр. 15. Цѣна 4 коп."

— „*Поль, А. С.* Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Біографическій очеркъ. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 24. Цѣна 5 коп.“

— „*Поль, А. С.* Рыцарь Ла-Валеттъ. Очеркъ. Изд. Д. П. Ефимова. М. 1905. Стр. 40. Цѣна 8 коп.“

— „Портреты: Н. В. Гоголя, Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, А. А. Потѣхина, барона А. А. Дельвига, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова, В. А. Жуковскаго, Я. П. Полонскаго и К. Д. Ушинскаго. Изд. ред. журн. «Дѣтское чтеніе».

— „Промышленность и техника. Томъ VII. Обработка камней и земель. Технологія химическихъ производствъ. Составили *М. Гари, Г. Гехтъ, Э. Крамеръ* и *Лассаръ-Конъ.* Полный переводъ съ нѣм. подъ ред. *В. В. Эвальда, А. А. Байкова* и *Н. К. Ремпена.* Изд. т-ва «Просвѣщеніе». С.-Пб. 1903. Стр. XIV + 576. 10 вып. по 50 коп., въ роск. полукож. перепл. 6 р.“

— „Ручной трудъ (для самообученія). Ежемѣсячный популярный журналъ кустарно-ремесленной и сельско-хозяйственной промышленности и торговли. Редакторъ-издатель *С. Архангельскій.* С.-Пб. Подписн. цѣна на годъ 3 р.“ (по предварительной подпискѣ).

— „*Селивановскій, И. П.* Руководство какъ устраивать крестьянскія зерносушилки. Изд. Вятскаго губернск. земства. Вятка. 1903. Стр. II + 40.“

— „*Селивановскій, И. П.* Руководство къ устройству прудовъ водопойныхъ, хозяйственныхъ, оросительныхъ, вододѣйствующихъ, рыбоводныхъ и противопожарныхъ. Изд. Вятскаго губ. земства. М. 1904. Стр. V + 132.“

— „Снѣгъ или Роковое желаніе. (Съ франц.). Переводъ *А. В. Архангельской.* Изд. Общ. распр. полезныхъ книгъ. № 669. М. 1895. Стр. 35. Цѣна 5 коп.“ (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Толычева, Т.* Почему сооруженъ въ Москвѣ храмъ Христа Спасителя. Изд. 2-е. М. 1903. Стр. 31.“

— „*Топъ, А.* Царственный плѣнникъ. Переводъ съ англ. *М. А. Гудимъ-Левковичъ.* Изд. П. П. Сойкина. (Библіотека романовъ. Приключенія на сушѣ и на морѣ). С.-Пб. 1903. Стр. 175.“

— „*Уоллесъ.* Во дни оны. (Бенъ-Гуръ). Повѣсть изъ первыхъ лѣтъ христіанства. Передѣлано съ англ. *Е. Бекетовой.* Изд. 2-е, маг. «Сотрудникъ школъ». М. 1902. Стр. 281. Цѣна 50 коп.“

— „*Уэльсъ.* Островъ доктора Моро. Переводъ *Е. Быковой.* Изд.

П. П. Сойкина. (Библіотека романовъ. Приключенія на сушѣ и на морѣ). С.-Пб. 1904. Стр. 144."

— „*Федоровъ, П. А.* Малярь-любитель. Изд. 2-е, испр. и знач. доп., А. Ф. Суховой. (Общедоступная ремесленная библіотека). С.-Пб. 1903. Стр. 63. Цѣна 30 коп."

— „*Федоровъ, П. А.* Переплетчикъ-любитель. Изд. 2-е, испр. и знач. доп., А. Суховой. (Общедоступная ремесленная библіотека). С.-Пб. 1903. Стр. 80. Цѣна 30 коп."

— „*Флеровъ, А. Е.* Указатель книгъ для дѣтскаго чтенія (въ возрастѣ 7—14 лѣтъ). Изд. К. И. Тихомирова. М. 1905. Стр. XLVII+523. Цѣна 1 руб. 50 коп."

— „*Черскій, Л.* Луи Пастеръ. Біографическій очеркъ. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 16. Цѣна 5 коп." (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Черскій, Л.* Эдвардъ Дженнеръ. Основатель оспопрививанія. Біографическій очеркъ. Изд. М. В. Клюкина. М. 1905. Стр. 16. Цѣна 5 коп." (также для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Чирвинскій, Н. П.* Учебникъ скотоводства и скотоврачеванія. Изд. А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1902. Вып. I. Введеніе (основныя свѣдѣнія изъ физіологіи и анатоміи животныхъ) и общее скотоводство. Стр. XI+193. Цѣна 65 коп.—Вып. II. Частное скотоводство и скотоврачеваніе. Стр. VIII+298. Цѣна 1 руб."

2. Допустить *условно* слѣдующую книгу:

въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

— „*Тихомировъ, Д. И.* Изъ исторіи родной земли. Изд. 8-е. М. 1904. Часть 1-я. Древняя Россія. Стр. VI+226. Цѣна 40 коп.— Часть 2-я. Новая Россія. Стр. 189. Цѣна 35 коп." (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. министромъ, постановлено:

— Газету: „Биржевыя вѣдомости", въ обоихъ изданіяхъ, исклю-

чить изъ списка періодическихъ изданій, разрѣшенныхъ къ выпискѣ въ безплатныя народныя читальни.

— Газеты: „Петербургская газета“ и „Петербургскій листокъ“ допустить къ выпискѣ въ безплатныя народныя читальни.

— Изданіе: „*Некрасовъ, Н. А.* Полное собраніе стихотвореній. Изд. 8-е. С.-Пб. 1902. Томъ I. Стр. XXIX + 608. — Томъ II. Стр. 566. Цѣна 5 руб.“ — допустить въ безплатныя народныя читальни.

Опредѣленіемъ отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе: „*Николаевъ, Н. Н.* Великая страда. Иллюстрированная исторія обороны Севастополя. Подъ ред. и съ примѣч. *А. С. Трачевскаго.* (Безплатное прилож. къ журн. «Воскресенье» за 1904 г.). С.-Пб. 1904. Вып. I—XII.“—**не допускать** въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Опредѣленіемъ отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено (въ послѣдствіе опредѣленія отъ 9-го апрѣля мин. г., напечатаннаго въ VIII-й книжкѣ „*Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*“): всѣ изданныя въ 1904 году приложенія и преміи къ допущеннымъ въ безплатныя народныя читальни и библіотеки журналамъ: „Вокругъ Свѣта“, „Дѣтскій Отдыхъ“, „Дѣтское Чтеніе“, „Нива“, „Новый Міръ“, „Природа и Люди“, „Путеводный Огонекъ“, „Родина“, „Русскій Паломникъ“, разрѣшить нынѣ къ обращенію въ вышеозначенныхъ библіотекахъ и читальняхъ, за исключеніемъ слѣдующихъ: „*Е. Карновичъ.* Пагуба“, „*А. Ниманъ.* Всемірная Война“, „*Е. Вольцогенъ.* Третій Полъ“ и „Царь Іоаннъ Грозный“ (прилож. къ ж. „Новый Міръ“), „*В. Немировичъ-Данченко.* Кулисы“ (прилож. къ ж. „Природа и Люди“), „*Г. Гейне.* Полное Собраніе Сочиненій“, а также „*Шеллеръ-Михайловъ.* Полное Собраніе Сочиненій“ (прилож къ ж. „Нива“), рѣшеніе о допущеніи коего въ читальни отложено до выхода въ свѣтъ остальныхъ томовъ этого собранія.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными его превосходительствомъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу *М. В. Кечеджи-Шаповалова*: „Руководство для коммерческой корреспонденціи, приспособленное для коммерческихъ училищъ, торговыхъ школъ, счетоводныхъ курсовъ и для самообразованія. 1904 г. Цѣна 1 р.“—одобрить въ качествѣ руководства при преподаваніи коммерческой корреспонденціи, для тѣхъ промышленныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, въ курсъ коихъ входитъ означенный предметъ.

— Книгу *Д. Арбатскаго*: „Краткое руководство коммерческой ариѳметики и двойной бухгалтеріи для среднихъ техническихъ училищъ. Москва. 1904 г. Цѣна 60 коп.“—допустить въ библіотеки тѣхъ промышленныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, въ коихъ преподается бухгалтерія.

— Книгу *М. Критскаго*, подъ заглавіемъ: „Сущность и основаніе безпроволочнаго (радіо-) телеграфа и безпроволочнаго телефонированія. С.-Пб. 1904 г. Цѣна 65 коп.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для техническихъ и ремесленныхъ училищъ, въ курсъ коихъ входитъ преподаваніе электротехники. Вмѣстѣ съ симъ отдѣлъ ученаго комитета призналъ желательнымъ, чтобы цѣна книги, для пріобрѣтенія ея учебными заведеніями, была понижена примѣрно на 1/3 настоящей ея стоимости.

— Брошюру поручика *В. М. Михайлова*: „Устройство и ремонтъ электрическихъ звонковъ. Съ 21 рисункомъ. Цѣна 20 к. С.-Пб. 1902 г.“—допустить въ ученическія библіотеки ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

— Книгу *С. Дмитріева*: „Курсъ русскаго языка для техническихъ и ремесленныхъ училищъ. Ч. I. Этимологія. С.-Пб. 1904 г. Цѣна 45 к.“—допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго руководства въ техническихъ и ремесленныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Представленный *В. Д. Юшмановымъ* приборъ для графленія и линованія, подъ названіемъ: „Линейка параллель" — допустить къ употребленію въ ремесленныхъ и профессіональныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Три брошюры *Е. Чижова*, подъ общимъ заглавіемъ: „Великіе люди изъ простого званія". 1) „Уаттъ, изобрѣтатель паровыхъ машинъ", 2) „Стефенсонъ, изобрѣтатель желѣзныхъ дорогъ", и 3) „Фультонъ, изобрѣтатель пароходовъ" — допустить въ ученическія библіотеки техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ заведеній.

— Книгу *В. Оствальда*, въ переводѣ *Е. И. Кентмана*, подъ заглавіемъ: „Школа химіи. I-я, общая часть, 1904 г." — одобрить въ качествѣ учебнаго пособія, для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ техническихъ училищъ.

— Брошюру технолога *П. А. Өедорова*: „Часовщикъ любитель. Второе изданіе, съ 24 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1904 г. Цѣна 30 коп." — допустить въ учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу *Л. Вигрё*: „Проектъ снабженія водою промышленнаго города въ 20.000 жителей. Переводъ *Н. И. Бѣляева* и *А. Саткевича*. Съ атласомъ чертежей. С.-Пб. 1902 г. Цѣна 1 р. 25 коп." — одобрить какъ учебное пособіе для ученическихъ и фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ.

— Брошюру технолога *П. А. Өедорова*: „Выдѣлка роговыхъ и костяныхъ издѣлій. Съ 25 рис. С.-Пб. 1903 г. Цѣна 30 коп." — допустить въ ученическія библіотеки ремесленныхъ учебныхъ заведеній, но лишь подъ условіемъ пониженія цѣны брошюры до 15 к.

О ПРІЕМѢ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЖЕНСКІЙ МЕДИЦИНСКІЙ ИНСТИТУТЪ.

Согласно ст. 33-ей Высочайше утвержденнаго 10-го мая 1904 года мнѣнія государственнаго совѣта о преобразованіи С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, къ поступленію въ институтъ допускаются лица, окончившія курсъ женскихъ гимназій или другихъ равныхъ имъ по правамъ учебныхъ заведеній и выдержавшія, сверхъ того, дополнительное испытаніе изъ нѣкоторыхъ предметовъ учебнаго курса мужскихъ гимназій. Предметы эти, а также программа и порядокъ производства означенныхъ испытаній опредѣляются ми-

нистромъ народнаго просвѣщенія. Въ число указанныхъ предметовъ греческій языкъ не включается.

Во исполненіе сего закона, министромъ народнаго просвѣщенія установлены и всеподданнѣйше доложены Государю Императору изложенныя ниже требованія при пріемѣ въ С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ.

Принимая, однако, во вниманіе, что желающія поступить въ будущемъ 1905—1906 академическомъ году въ С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ, за краткостью остающагося до весны времени лишены будутъ возможности подготовиться къ указаннымъ ниже испытаніямъ, министромъ народнаго просвѣщенія было испрошено Высочайшее соизволеніе, воспослѣдовавшее 22-го января сего года, на сохраненіе въ 1905—1906 году для лицъ, желающихъ поступить въ институтъ, требованій объ образовательномъ цензѣ, установленныхъ положеніемъ 1-го іюня 1895 г. о названномъ институтѣ.

Требованія, объявляемыя нынѣ, и вступающія въ силу съ начала 1906—1907 учебнаго года таковы:

1) Въ слушательницы института принимаются лица, окончившія курсъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, гимназій и институтовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и епархіальныхъ училищъ съ дополнительнымъ испытаніемъ по предметамъ: русскаго языка (сочиненіе на заданную тему), математики, физики, латинскаго языка и одного изъ новыхъ языковъ, въ объемѣ курса мужскихъ гимназій.

2) Отъ испытанія по одному изъ новыхъ языковъ освобождаются окончившія курсъ гимназій и институтовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

3) Независимо отъ сего въ слушательницы института принимаются также лица, окончившія курсъ высшихъ женскихъ курсовъ съ сокращеннымъ испытаніемъ, а именно: окончившія курсъ по историко-филологическому отдѣленію—сдаютъ таковые экзамены по математикѣ и физикѣ, окончившія курсъ по физико-математическому отдѣленію—сдаютъ сокращенный экзаменъ по русскому языку (сочиненіе на заданную тему) и латинскому языку, въ объемѣ курса мужскихъ гимназій. Означенные дополнительные экзамены производятся при мужскихъ гимназіяхъ весною каждаго года.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ЛИТОВСКО-РУССКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ ВЪ ПОЛОВИНѢ XVI ВѢКА [1]).

V.

Теперь, когда мы познакомились съ общимъ ходомъ волочной помѣры и ревизіи въ русскихъ областяхъ, не безполезно разсмотрѣть дошедшіе до насъ памятники ихъ съ точки зрѣнія достовѣрности представляемаго ими матеріала, выяснить ихъ достоинства и недостатки. Въ этомъ отношеніи мы можемъ приложить къ нимъ теоретическія требованія, предъявляемыя къ статистическому матеріалу современной наукой. Такая оцѣнка данныхъ ревизій вполнѣ справедлива, такъ какъ онѣ составлялись съ тѣми же административно-финансовыми цѣлями, какъ и данныя современнаго правительственнаго кадастра,— при чемъ, для выясненія общихъ результатовъ кадастра XVI столѣтія, приходится подойти къ источникамъ его съ пріемами современной статистики.

Правда, современные теоретики—статистики не всегда предъявляютъ исчерпывающее количество требованій къ статистическому матеріалу и особенно такихъ, отвѣтъ на которыя характеризовалъ бы достоинство матерьяла, составляющаго уже достояніе исторіи. Такъ, напримѣръ, проф. Фортунатовъ ставитъ слѣдующіе четыре признака, удовлетворяющихъ, по его мнѣнію, доброкачественности статистическихъ данныхъ: 1) точность отдѣльнаго наблюденія, 2) полнота наблюденія, 3) вѣрность счетныхъ операцій, 4) возможность заключать о

[1]) *Окончаніе.* См. мартовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1905 годъ.

причинной связи явленій [1]). Однако эти требованія не вполнѣ исчерпываютъ всѣ вопросы, связанные съ критикой статистическаго матеріала. Для критики не все равно, производить-ли собираніе свѣдѣній земскій статистикъ, или волостной писарь, собираются-ли данныя разными лицами съ примѣненіемъ различныхъ способовъ или же по одной строго выработанной программѣ. Однимъ словомъ, весьма важно также знакомство съ планомъ произведеннаго изслѣдованія; въ этотъ планъ должно входить: избраніе наиболѣе подходящаго способа наблюденія, сосредоточеніе работъ въ одномъ учрежденіи,—чтобы работы достигали единства, устройство надлежащаго контроля надъ низшими органами статистическаго изслѣдованія [2]). Но хорошій планъ самъ по себѣ еще недостаточенъ, если не найдетъ въ должной мѣрѣ подготовленнаго субъекта наблюденія, а также и объекта его. Наконецъ, необходимо принять въ разсчетъ, при массовомъ наблюденіи, и еще одно обстоятельство: непрерывность его въ пространствѣ и во времени [3]). При критикѣ историко-статистическаго матеріала наука должна разсматривать его именно съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, имѣя въ виду, что этотъ матеріалъ часто является единственнымъ и не можетъ быть провѣренъ другими данными. Думается, что на первомъ мѣстѣ здѣсь должно стоять разсмотрѣніе плана наблюденія.

Если съ внѣшней даже стороны присмотрѣться къ памятникамъ западно-русскихъ ревизій, то здѣсь мы встрѣтимъ величайшее однообразіе въ схемѣ исполненія и это однообразіе очень велико. Уже это одно указываетъ на строгое единство плана. Но единство это поддерживалось и опредѣленностью той достойной цѣли, которую ставили себѣ ревизоры. Однако надо помнить и то, что единство плана описанія нисколько не уничтожало отмѣтокъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ, встрѣчавшихся при работѣ; примѣры такихъ указаній его особенностей мы уже не разъ видѣли и отмѣтки о нихъ весьма важны для общей оцѣнки данныхъ. Далѣе, вся организація ревизій состояла изъ вполнѣ достаточнаго числа органовъ отъ низшихъ до высшихъ (мѣрники, помѣрчіе, ревизоры, справца); органы эти находятся въ послѣдовательной связи между собою и въ порядкѣ подчи-

---

[1]) *Фортунатовъ*, Сельско-хозяйственная статистика европейской Россіи, М. 1893, стр. 19.

[2]) *Ходскій*, Основанія теоріи и техники статистики, С.-Пб. 1896, стр. 50.

[3]) *Янсонъ*, Теорія статистики, изд. 1887, стр. 49, 61.

ненія, чѣмъ вполнѣ и обезпечивается контроль надъ правильностью наблюденія.

Органы ревизіи не только дѣйствуютъ по общему плану, но они находятся въ постоянномъ живомъ общеніи другъ съ другомъ и съ главнымъ руководителемъ дѣла П. Фальчевскимъ; это общеніе пріобрѣтается періодическими съѣздами ревизоровъ. Съ точки зрѣнія систематичности описанія наши ревизіи могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными.

Но въ способахъ наблюденія наши ревизіи обладаютъ особенностями, весьма выгодно отличающими ихъ даже отъ способовъ собиранія свѣдѣній по поземельной статистикѣ нашего времени: всѣ наблюденія производятся не только посредствомъ личнаго *осмотра* наблюдателей, но и измѣренія изслѣдуемой площади; опросъ, къ которому прибѣгаетъ современная даже земская статистика, не имѣлъ мѣста при собираніи свѣдѣній ревизорами XVI вѣка, такъ какъ землемѣрныя работы соединены съ сельско-хозяйственной статистикой.

Не менѣе благопріятны наши свѣдѣнія о подготовкѣ субъектовъ наблюденія, если вспомнить то, что выше было сказано о подготовленности къ изслѣдованію ревизоровъ. Если при этомъ мы также вспомнимъ, что ревизоры и мѣрники завѣдывали сравнительно небольшими площадями наблюденій (ревизоръ староствомъ, мѣрникъ однимъ-двумя войтовствами) и производили свою работу въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и притомъ производили ее осторожно, то можно съ большимъ довѣріемъ отнестись къ произведенной ими работѣ. Дѣйствительно, статистики XVI вѣка положили прекрасное начало: ихъ послѣдователи, ревизоры XVII и особенно XVIII столѣтій дошли до замѣчательной точности монографическаго (для каждаго хозяйства) описанія; статистика XVIII вѣка даетъ столько данныхъ и такъ прекрасно составленныхъ, что о нихъ не можетъ пока и мечтать современная намъ статистика.

Что касается еще одного требованія современной статистики— подготовки объекта наблюденія, то это требованіе для того времени не могло имѣть существеннаго значенія: во-первыхъ, статистики XVI вѣка все видѣли своими собственными глазами, а во-вторыхъ, они не собирали никакихъ щекотливыхъ свѣдѣній, которыя населенію имѣло бы поводъ скрывать; количество же воловъ, лошадей, или взрослыхъ сыновей легко можно было провѣрить.

Другой вопросъ о соблюденіи единства времени и пространства. Если брать для изученія каждое староство въ отдѣльности, или

если приняться за изученіе всѣхъ господарскихъ староствъ, тогда выполненіе условій пространства, можетъ-быть, вполнѣ удовлетворитъ изслѣдователя. Но наши описанія не охватываютъ ни какой-нибудь части государства въ его цѣломъ, ни всего этого государства, такъ какъ частновладѣльческія земли не входили въ описаніе. Такимъ образомъ нашъ матеріалъ представляетъ собою источникъ для изученія только одной стороны государственнаго хозяйства—господарское хозяйство. Это, конечно, недостатокъ нашего матеріала. Не совсѣмъ удовлетворительна и постановка вопроса о единствѣ времени описанія. Но тутъ необходимо установить условія, при которыхъ единство времени имѣетъ большее или меньшее значеніе для окончательнаго статистическаго вывода. Такъ, есть явленія, которыя измѣняются столь быстро, что для правильной ихъ оцѣнки, съ точки зрѣнія теоретической, необходима одновременная регистрація всѣхъ явленій на всемъ обслѣдуемомъ пространствѣ. Таковы, напримѣръ, данныя о населеніи: если перепись населенія производится въ данномъ районѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, то полученныя данныя весьма много теряютъ, или по крайней мѣрѣ потребуютъ переработки и поправки при посредствѣ данныхъ о рождаемости и смертности.

То же самое надо сказать и относительно переписи живого инвентаря, статистики цѣнъ на нѣкоторые продукты и пр. Но есть данныя, точность которыхъ или совсѣмъ не страдаетъ отъ отсутствія одновременности въ регистраціи, или можетъ пострадать въ весьма незначительной степени. Таковы, напримѣръ, данныя поземельной статистики вообще и въ частности та сторона ея, которая имѣетъ въ виду сельско-хозяйственныя цѣли. Здѣсь годъ—другой, даже пятилѣтіе не отражаются особенно существенно на общемъ статистическомъ итогѣ, такъ какъ мобилизація землевладѣнія была затруднена для крестьянъ. Районы культуръ, сельско-хозяйственныя постройки, въ обыкновенное время не подвергаются быстрымъ колебаніямъ: ни общіе итоги, ни коэффиціенты различныхъ соотношеній не подвергнутся существеннымъ измѣненіямъ.

Если съ указанной точки зрѣнія обратиться къ ревизіямъ, то въ ихъ данныхъ придется рѣзко разграничить двѣ стороны: статистику населенія и рабочаго скота отъ статистики поземельной. Ревизіи производились по нѣскольку лѣтъ въ каждомъ староствѣ и мы лишены всякой возможности установить, когда зарегистровано населеніе.

Во всякомъ случаѣ объ одновременности регистраціи и рѣчи быть не могло. Для фискальнаго агента важно было записать хозяина во-

локи, къ которому участокъ земли попадалъ въ данный моментъ; тогда же агентъ записывалъ членовъ его семьи (взрослыхъ мужчинъ), количество рабочаго скота. Перемѣны въ составѣ семьи держателя не имѣли фискальнаго значенія, разъ волока оставалась въ пользованіи этой семьи. Далѣе, судя по общему ходу ревизіи, имена держателей записывались въ тотъ моментъ, когда имъ передавался земельный участокъ. Такъ какъ нѣкоторыя переписи производились въ разныхъ мѣстностяхъ одного и того же староства и даже въ районѣ отдѣльной волости въ различное время, въ зависимости отъ обмежевыванія участковъ, то и записи производились неодновременно. Такимъ образомъ къ моменту окончанія описанія каждаго даннаго староства могли произойти измѣненія въ составѣ зарегистрованнаго въ немъ населенія.

Между тѣмъ въ общемъ ревизіи нѣкоторыхъ староствъ производились иногда въ теченіи пяти лѣтъ (точнаго числа лѣтъ работы каждаго отдѣльнаго староства мы установить не можемъ). Такимъ образомъ итогъ населенія по нашимъ ревизіямъ долженъ отличаться большою неточностью. Нѣкоторой поправкой такой неточности можетъ служить то обстоятельство, что въ описаніе записывалось не все населеніе, а только лица мужскаго пола и, по всей вѣроятности, взрослые, главы семьи. Такимъ образомъ въ описаніе попала та часть населенія, процентъ смертности которой какъ разъ меньше. Затѣмъ, быть можетъ, ревизоры при окончательномъ осмотрѣ староствъ провѣряли и держателей волокъ; это очень возможно, хотя и нѣтъ никакихъ указаній въ данномъ отношеніи.

Другое дѣло—статистика поземельной собственности. Количество угодій, разработка лѣса и пр. не могли быстро измѣняться; измѣреніе провѣрялось дважды, такъ что эти данныя нисколько не теряютъ своего значенія отъ нѣкоторой разновременности въ ихъ регистраціи.

Покончивъ съ вопросомъ объ общемъ планѣ статистическаго обслѣдованіи староствъ, его достоинствахъ и недостаткахъ, перейдемъ теперь къ частнымъ условіямъ его выполненія. Такими условіями, какъ мы сказали, служатъ два обстоятельства: точность и полнота описанія каждаго отдѣльнаго явленія.

Идеалъ полноты статистическаго наблюденія долженъ состоять въ томъ, чтобы въ основу наблюденія было положено наименьшее явленіе, по возможности отдѣльное, и чтобы объ этомъ явленіи были бы собраны всевозможныя свѣдѣнія. Понятно, что и современныя стати-

стическія данныя весьма далеки отъ этого послѣдняго и статистика часто довольствуется весьма грубыми объектами наблюденія. Ревизіи XVI вѣка оставляютъ желать многаго въ отношеніи полноты наблюденія. Въ нихъ надо строго различать поземельную статистику отъ народонаселенія. Населеніе зарегистровано въ нихъ весьма грубыми штрихами; основнымъ явленіемъ признана даже и семья и часто семейная община, въ этихъ послѣднихъ обозначено только мужское населеніе. О возрастныхъ данныхъ нѣтъ и помину, о статистикѣ по занятіямъ свѣдѣнія неполны и не внушаютъ довѣрія. Нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя могли бы удостовѣрить насъ въ точности этой весьма неполной регистраціи. Относительно хозяйственнаго инвентаря, мы встрѣчаемся съ той же неполнотой: лишь въ ревизіи Пинскаго староства, да въ ревизіи русскихъ державъ есть указаніе на количество лошадей и воловъ (вѣроятно, въ рабочемъ возрастѣ), въ остальныхъ и этого нѣтъ. О другихъ сторонахъ хозяйственнаго инвентаря нѣтъ и помину. Но всѣ эти неблагопріятныя для изслѣдователя данныя характеризуютъ лишь ревизіи половины XVI в., въ ревизіяхъ же начала XVII и особенно XVIII в. и данныя о населеніи отличаются полнотой.

Другое дѣло данныя поземельной статистики. Тутъ ревизоры высчитывали, обмѣривали (и по нѣскольку разъ) всякій клочекъ земли, описывали его сельско-хозяйственное значеніе и пр. Зарегистровано не только качество и количество земли, но и ея сельско-хозяйственное назначеніе. Въ этомъ отношеніи полнота и точность не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Но надо при этомъ помнить и то, что̀ было сказано о различіи данныхъ поземельной статистики въ ревизіяхъ староствъ, построенныхъ по волочной системѣ, и въ ревизіяхъ староствъ по службамъ. Точность описанія достигнута въ обоихъ планахъ описанія, но современная наука можетъ воспользоваться данными только волочной помѣры, такъ какъ волоку мы можемъ перевести на наши земельныя единицы, чего невозможно достигнуть съ описаніемъ службъ земли.

Чтобы покончить съ критикою ревизій, надо указать еще два требованія, предъявляемыя къ матеріалу современной статистикой и названныя нами уже выше—именно вѣрность счетныхъ операцій и возможность заключать о причинной связи явленій. Въ сущности оба требованія обусловливаются уже предшествующими. При точности наблюденій можно предположить, что наблюдатели сдѣлали и вѣрную

сводку итоговъ. Дѣйствительно, итоги, приведенные ревизіями, въ общемъ все-таки довольно вѣрны, хотя ошибки и встрѣчаются.

Важнѣе то, что итоги не полны, потому что въ нихъ обыкновенно мы встрѣчаемъ только число волокъ и общій итогъ повинностей, но въ число волокъ не входятъ всѣ наддавки, застѣнки и пр., въ итогахъ находится только число отдѣльныхъ податныхъ единицъ. Но неточность итоговъ можетъ быть восполнена разработкой матеріала и итоги могутъ быть такимъ же путемъ провѣрены. Такимъ образомъ этотъ недостатокъ можетъ быть исправленъ, хотя онъ и потребуетъ большого труда. Относительно же возможности дѣлать выводы о причинной связи изучаемыхъ явленій, нѣтъ нужды распространяться: эта возможность находится въ прямой связи съ нашимъ знаніемъ всего хода статистической операціи, такъ какъ это знаніе даетъ намъ возможность отнестись къ выводамъ съ большей или меньшей долей довѣрія.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ общій планъ и пріемы ревизій, мы можемъ повторить въ заключеніе, что онѣ, съ точки зрѣнія общаго плана, представляютъ собою замѣчательные памятники, къ даннымъ которыхъ мы можемъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ. Такимъ довѣріемъ должны прежде всего пользоваться всѣ данныя поземельной статистики староствъ на волочной помѣрѣ, менѣе полезны для насъ ревизіи русскихъ волостей. Статистика же населенія для XVI в. страдала немаловажными недостатками. Но въ оправданіе ея надо помнить, что перепись населенія, какъ таковая, не входила въ задачи фискальной статистики XVI вѣка.

Нечего и говорить, что ревизіи, какъ источникъ для изученія размѣровъ обложенія, представляли первостепенный матеріалъ. Въ сферѣ государственнаго хозяйства выполненіе ревизій было крупнымъ шагомъ на пути податного благоустройства.

VI.

Господарское хозяйство благодаря реформамъ Сигизмунда Августа пріобрѣло большую сложность. Легко предвидѣть, что управленіе имъ и особенно контроль надъ управленіемъ представили собою серьезную задачу для скарба. Послѣдній не могъ довольствоваться одними отчетами старостъ, державцевъ. Естественно возникала мысль объ учрежденіи, которое способно было бы контролировать мѣстную администрацію и главнымъ образомъ направлять ея дѣятельность въ духѣ

тѣхъ общихъ началъ, которыя преподаны были волочною уставою и наказомъ старостамъ. Отсюда ясно, что для скарба являлось необходимымъ имѣть такихъ агентовъ, которые могли бы на мѣстѣ произвести контроль и преподать необходимое наставленіе; наконецъ, такой агентъ центральнаго правительства былъ необходимъ потому еще, что державцы и старосты далеко не пользовались широкими полномочіями и, слѣдовательно, возникалъ цѣлый рядъ дѣлъ, требовавшій разрѣшенія со стороны болѣе полномочнаго органа.

Такими агентами и явились скарбовые ревизоры. Эта должность имѣла свои прецеденты. Въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка для урегулированія мѣстныхъ отношеній, для сбора недоимокъ, или для обслѣдованія жалобъ, приносимыхъ крестьянами, посылались спеціальные чиновники въ лицѣ господарскихъ писарей. Въ годы производства самой реформы уже разъѣзжаютъ по староствамъ не писари, но скарбовые ревизоры, съ дѣятельностью которыхъ мы уже отчасти знакомы. Первые ревизоры были отправлены въ староства для провѣрки работъ, произведенныхъ помѣрчими, и для окончательнаго выполненія поставленныхъ реформою задачъ. Это тѣ самые ревизоры, которые составили прекрасныя описанія староствъ. Эти ревизоры посылались каждый въ назначенное ему староство, или тивунство для продолжительной работы на мѣстѣ.

Но съ этого времени посылка ревизоровъ укоренилась и пріобрѣла *систематическій* характеръ. Первые ревизоры, посланные самимъ Петромъ Фальчевскимъ, кажется, не имѣли одной общей инструкціи; ихъ задачей было двигать реформу. Съ конца 60-хъ годовъ устанавливается новое обыкновеніе—одновременно посылать скарбовыхъ ревизоровъ во всѣ господарскія державы для производства контроля. Къ тому времени реформа и ревизія уже были выполнены во всемъ государствѣ. Слѣдовательно, скарбу нужно было убѣдиться въ томъ, насколько цѣлесообразно движется заведенная имъ хозяйственная машина. Повидимому, впервые такіе ревизоры, получившіе общую однообразную инструкцію, были посланы скарбомъ въ 1569 г.

Ознакомимся ближе съ задачами дѣятельности скарбовыхъ ревизоровъ.

Уже волочная устава видитъ въ ревизорахъ постоянный органъ финансовой администраціи. Она опредѣляетъ и качества ревизоровъ, которые должны быть „присяглые, люди добрые, сумнѣнья побожного, осѣлые, а не голоты, въ номѣрѣ волочной и въ господарствѣ добрѣ умѣлые, абы умѣли всего достаточнѣ и справедливо вывѣдати и ука-

зати пожитокъ нашъ врядови, въ чомъ ся можетъ причинити". На обязанности ревизоровъ лежитъ наблюденіе, чтобы сосѣдніе шляхтичи или крестьяне не чинили „проробковъ" на господарскихъ земляхъ; ревизоры производятъ отмѣны при проведеніи волочной помѣры. На ихъ обязанности лежитъ округленіе господарскихъ дворовъ и вообще разузнаваніе обо всякихъ „втаеныхъ грунтахъ". Такимъ образомъ на ревизора падаютъ важнѣйшія стороны по охранѣ казеннаго землевладѣнія и урегулированіи его. Ревизоръ также наблюдаетъ надъ работою мѣрниковъ, назначаетъ ихъ, доводитъ до конца волочную помѣру тамъ, гдѣ она не закончена, и провѣряетъ уже произведенное межеваніе. Затѣмъ ревизоръ является контролеромъ мѣстнаго вряда, доводя о его неисправностяхъ до свѣдѣнія господаря. Такъ, ревизоръ обязанъ удостовѣряться въ томъ, что мѣстные врядники засѣваютъ всю дворную пашню, провѣряетъ розданные врядомъ волоки на условіяхъ льготныхъ лѣтъ. Наконецъ, волочная устава дѣлаетъ спеціальное предписаніе относительно ревизоровъ на Жмуди: здѣсь они обязаны съ особой „пильностью" изслѣдовать вопросъ относительно такъ называемыхъ „вкупныхъ" бояръ, т. е. такихъ, которые при посредствѣ подкупа получили листы на боярство [1]).

Но въ волочной уставѣ находимъ лишь общіе контуры обязанностей скарбоваго ревизора. Болѣе подробно ихъ функціи обозначались спеціальными инструкціями, даваемыми скарбомъ при отправкѣ ревизоровъ во всѣ дворы. Какъ кажется, впервые такая одновременная общая посылка ревизоровъ была сдѣлана въ 1569 г., когда въ руководство имъ и были даны спеціальныя инструкціи [2]).

Инструкція 1569 г. вообще требуетъ, чтобы ревизоры самымъ точнымъ образомъ разузнали обо всѣхъ „пожиткахъ" дворовыхъ,— какъ о тѣхъ, которые мугутъ быть „вынайдены", такъ и о тѣхъ, которые прибыли, убыли, равно какъ и о состояніи дворовъ. Очень

---

[1]) А. З. Р. III, р. 77, 83, 84, 85, 88, 89.

[2]) Что это была разсылка ревизоровъ по всему великому княжеству, видно изъ списка ревизоровъ съ указаніемъ державъ, куда они были посланы. Этотъ списокъ помѣщенъ въ Вил. Арх. Сб. т. III, пред. р. 9, находится въ Кн. Зап. Лит. LII л. 94. Ревизорамъ даны были тожественныя инструкціи, въ спеціальныхъ листахъ къ мѣстнымъ державцамъ тоже разъяснены обязанности ревизоровъ; только жмудскіе ревизоры получили инструкціи спеціально для нихъ написанныя, хотя въ томъ же духѣ, какъ и общая инструкція остальнымъ ревизорамъ. Инструкціи ревизорамъ, которыми мы пользуемся ниже, издаются нами въ особомъ собраніи актовъ (Суди. Д. Л. LIII, л. 216 об. 218, 291—294; Зап. Л. LX, л. 41—45; LIII, л. 93; LII, л. 81 об.).

понятно, что задача ревизоровъ оказывается весьма сложною. Такъ, во-первыхъ, они должны указать новыя доходныя статьи, напримѣръ, указать, гдѣ должны быть построены новыя мельницы, рыбные садки, фольварки; они должны разъяснить мѣстному вряду, „пожитокъ съ чого быти можеть". Кромѣ этого указанія, они должны и сами озаботиться увеличеніемъ доходныхъ статей, они должны взвѣсить, гдѣ слѣдовало бы завести табуны лошадей; они должны осадить на чиншѣ ремесленниковъ, которые не нужны для дворныхъ работъ.

Сюда же относится и обязанность ихъ разузнавать о земляхъ, годныхъ для разбивки на волоки и для заселенія. Но больше всего предписаній содержитъ инструкція по вопросамъ, касающимся контроля мѣстной администраціи. Это, конечно, была ближайшая задача поѣздки ревизоровъ. Такъ, ревизоръ долженъ записать въ особый реестръ увеличеніе, или уменьшеніе доходовъ по всѣмъ отраслямъ хозяйства. Онъ долженъ записать въ свой реестръ количество хлѣбнаго зерна, найденнаго имъ во дворѣ, а также провѣрить мѣстный урожай. Равнымъ образомъ въ реестръ заносятся количество дворового скота и распоряженія ревизора объ увеличеніи числа его, если это понадобится, количество крестьянскихъ пчелъ и количество получаемаго съ нихъ дохода, число рыболововъ и мѣста рыбныхъ ловель, бобровыхъ гоновъ, доходъ отъ гребельнаго и мостового мытовъ; наконецъ, ревизоры заносятъ въ свой реестръ отчетъ о судебныхъ пошлинахъ, взысканныхъ державцами съ крестьянъ. Ревизоры слѣдятъ за тѣмъ, чтобы лѣсъ на волокахъ, разбитыхъ подъ селенія, былъ переработанъ въ лѣсные товары на господарскій „пожитокъ". Разумѣется, ревизору предоставляются инструкціею широкія полномочія по охранѣ и урегулированію великокняжескаго землевладѣнія. Такъ, ревизоры обязаны вмѣстѣ съ мѣстными державцами разсматривать споры о границахъ съ сосѣдними владѣльцами и „боронить" господарскія земли; они должны убѣждать сосѣднюю шляхту, имѣнія коей черезполосно лежали съ господарскими, принимать отмѣны, наконецъ, должны провѣрять, не сдѣланы ли прежнія отмѣны со „шкодою" для господарскихъ земель. Равнымъ образомъ ревизоры должны описать земли костеловъ и церквей и идущіе съ нихъ въ пользу причта пожитки.

Что касается населенія господарскихъ земель, то по отношенію къ нему роль скарбовыхъ ревизоровъ была весьма значительна. Ревизоры должны привести въ извѣстность поземельныя владѣнія господарскихъ бояръ, составить реестры бояръ путныхъ и „привернуть" ихъ къ пожитку дворовъ.

По отношенію къ крестьянамъ ревизоры должны, во-первыхъ, провѣрить, точно ли исполняется волочный порядокъ и предписанія предшествующихъ ревизоровъ, т. е. обрабатываютъ ли крестьяне отведенныя имъ поля, равно выполняются ли предписанія ревизоровъ о порядкѣ засѣва полей. Если крестьянскіе врядники проявляютъ усердіе при исполненіи своихъ обязанностей, то ревизоръ долженъ ихъ „похвалить"; въ противномъ случаѣ разъяснить имъ, какъ то или другое надо исправить. Ревизоръ долженъ былъ освидѣтельствовать мосты и переѣзды и распорядиться о ремонтѣ неисправныхъ. Ревизоръ также долженъ былъ принимать жалобы подданныхъ на своихъ врядниковъ: крестьяне приносили свои жалобы на державцевъ, старостъ и ихъ слугъ ревизорамъ и ревизоры немедленно приступали къ разбору дѣла. Одна инструкція (жмудская) разсказываетъ даже о процедурѣ, которая при этомъ происходила. Къ ревизорамъ являлись всѣ сельскіе войты и лавники, а также и крестьяне; ревизоры провѣряли ихъ по реестру и тутъ же дѣлали опросъ: не поступаютъ ли мѣстныя власти съ ними противъ господарской уставы; всѣ жалобы должны быть занесены въ особый реестръ, и затѣмъ слѣдовало дознаніе. Вообще инструкція проводитъ тотъ взглядъ на отношенія вряда къ подданнымъ, что врядъ долженъ относиться къ крестьянамъ „безъ обтежливости", въ чемъ ревизоры должны давать „науку" державцамъ.

Такова инструкція ревизорамъ 1569. Она носитъ исключительно хозяйственный характеръ и относится только къ западнымъ державамъ; послѣднее можно заключить изъ того, что инструкція не содержитъ въ себѣ ни одной черты, которая относилась бы къ восточнымъ замкамъ и волостямъ. Въ восточныхъ областяхъ скарбъ долженъ былъ заботиться не только о пожиткахъ и о платахъ съ подданныхъ, но особенно объ оборонѣ восточныхъ границъ. Дѣйствительно, для восточныхъ замковъ и волостей былъ даже особый писарь замковъ пограничныхъ, каковымъ въ концѣ 60-хъ г. былъ маршалокъ и писарь господарскій панъ Иванъ Воловичъ. Предпринимаемая имъ ревизія замковъ не всегда бывала успѣшна: замкомъ на югѣ и на востокѣ командовалъ обыкновенно сильный панъ, совсѣмъ не похожій на державцу западныхъ староствъ. Это былъ начальникъ мѣстныхъ военныхъ силъ, вовсе не расположенный подчиняться мелочнымъ предписаніямъ скарба, или высланнаго имъ ревизора. Такъ, дошедшій до насъ королевскій универсалъ, обращенный ко всѣмъ украиннымъ волынскимъ и поднѣпровскимъ старостамъ, а равно и къ тамошнимъ

ротмистрамъ, говоритъ о миссіи Воловича въ этихъ замкахъ и о томъ, что ему оказано было старостами и ихъ намѣстниками неповиновеніе. Задачей Воловича было разузнать „о всякой справѣ и порядкѣ" на замкахъ, а именно: обревизовать постройку замковъ, состояніе оборонительныхъ средствъ, осмотрѣть наемные гарнизоны, провѣрить жалобы крестьянъ и мѣщанъ на мѣстный врядъ и ротмистровъ и учинить по этимъ жалобамъ „отправу". Между тѣмъ, пріѣхавъ въ замки, Воловичъ не засталъ старостъ, а старостинскіе намѣстники и ихъ слуги не пожелали, закрываясь своими панами, ни дать свѣдѣній о замкахъ, ни явиться на судъ по жалобамъ подданныхъ. Въ 1567 г. господарь вторично послалъ Ивана Воловича для ревизіи украинныхъ замковъ, съ грознымъ приказаніемъ мѣстнымъ старостамъ и ихъ намѣстникамъ подчиниться суду Воловича по жалобамъ на нихъ подданныхъ и не запрещать послѣднимъ приносить ревизору жалобы [1]).

Впослѣдствіи скарбовой канцеляріей издавались инструкціи общаго характера, т. е. такія, которыя были примѣнимы какъ въ восточныхъ волостяхъ, такъ и въ западныхъ державахъ. Такова, напримѣръ, инструкція ревизорамъ 1576 г. Эта инструкція особенное вниманіе обращаетъ на вопросы землевладѣнія, т. е. на захватъ королевскихъ имѣній сосѣдями и т. п.; разумѣется, она требуетъ отъ ревизоровъ изысканія новыхъ пожитковъ, напримѣръ, интересуется лѣсонасажденіемъ, интересуется тѣми доходами, которые по нерадѣнію старостъ уже не собираются, особенно недоимками. Вообще по отношенію къ доходности хозяйствъ инструкція стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что доходъ должно поднимать не только умноженіемъ сборовъ съ крестьянъ, но главнымъ образомъ развитіемъ хозяйства, напримѣръ, развитіемъ лѣсныхъ заводовъ, стеклянныхъ, желѣзныхъ. Ревизоры должны изслѣдовать „кривды", причиненныя крестьянамъ старостами и ихъ слугами. Наконецъ, инструкція очень занята вопросами обороны. Ревизоры должны осаживать пушкарей на земляхъ и требовать, чтобы пушкари за получаемое вознагражденіе давали достаточное количество пороху. Ревизоры должны позаботиться объ исправленіи замковыхъ укрѣпленій, а также озаботиться о способахъ постояннаго снабженія замковъ провіантомъ.

Изъ обзора содержанія инструкцій видно, что свои наблюденія надъ состояніемъ державы ревизоры должны были заносить въ особый реестръ; этотъ реестръ получилъ названіе люстраціи, которая уже

[1]) Государ. хоз. В.-К. Лит. I, р. 261.

въ концѣ XVI в. употреблялась чаще чѣмъ ревизія. Ревизорскія люстраціи однородны съ ревизіями, но имѣютъ отъ нихъ немаловажное отличіе. Люстрація гораздо короче ревизіи. Она мало интересуется поземельными владѣніями, границами всего имѣнія, или отдѣльныхъ держателей, и если эти свѣдѣнія заноситъ на свои страницы, то въ весьма сокращенномъ видѣ. Главная цѣль люстраціи—прежде всего хозяйственное описаніе имѣнія, равно какъ и описаніе тѣхъ измѣненій, которыя произошли въ его составѣ. Люстрація такимъ образомъ имѣетъ главнѣйшею цѣлью удовлетворить текущій интересъ скарба, тогда какъ ревизія должна была служить основнымъ матеріаломъ.

Для того чтобы дать болѣе конкретное представленіе о характерѣ замѣчаній, дѣлаемыхъ люстраторами, отмѣтимъ ихъ по люстраціи Кнышинскаго староства, составленной въ 1561 г. Адамомъ Пильховскимъ, однимъ изъ видныхъ дѣятелей періода волочной помѣры. Дошедшее до насъ описаніе Кнышинскаго староства хотя и относится къ 1561 г., однако представляетъ собою не первоначальную помѣру на волоки, но люстрацію въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Очевидно, скарбовая канцелярія имѣла нужду въ такомъ описаніи,—можетъ быть по случаю перехода староства отъ старосты Петра Фальчевскаго въ залогъ къ Яр. Корицкому.

Схема описанія Кнышинскаго староства сводится къ слѣдующему. Ревизоръ даетъ коротенькія свѣдѣнія о селахъ, по войтовствамъ: въ каждомъ войтовствѣ перечислены села съ показаніемъ числа отмежеванныхъ въ нихъ волокъ; впрочемъ, въ селахъ самой Кнышинской волости обозначены имена владѣльцевъ волокъ и даже количество имѣющагося у нихъ скота. Зато люстрація въ подробности заноситъ количество засѣяннаго, сжатаго и вымолоченнаго хлѣба, количество скота, равно и количество хлѣба, потребнаго для посѣва. Люстраторъ очень внимательно слѣдитъ за всѣми доходами со староства и недоплатами: объяснены причины всякой мелкой недоплаты въ скарбъ какого-нибудь дохода. Среди причинъ есть и такія, какъ бѣгство крестьянъ, переходъ селъ въ сосѣднее Тыкотинское староство, но зарегистрованы и случаи, показывающіе отношеніе скарба къ крестьянамъ. Такъ, былъ рядъ причинъ, освобождавшихъ отъ уплаты чинша, напримѣръ: пожаръ, повѣтріе, крайняя бѣдность, градобитіе. Ревизоръ имѣлъ также цѣлью провѣрять нѣкоторые расходы по староству; такъ, напримѣръ, его очень интересовалъ дѣйствительный расходъ на прокормъ 300 воловъ, присланныхъ въ Кнышинъ. Такія статьи дохода, какъ мельницы, рудни, лѣсопильни, рыбные пруды—

подверглись тщательному изученію со стороны ревизора. Наконецъ, онъ дѣлаетъ рядъ постановленій относительно порядка и размѣра уплаты крестьянами чинша и исполненія повинностей. Есть и предположенія, клонящіяся къ увеличенію доходности староства.

Таковъ составъ не только Кнышинской люстраціи, но и другихъ составлявшихся съ XVI вѣка и въ XVII и въ XVIII вѣкахъ. Остановимся еще на другомъ образцѣ ревизорской люстраціи, на ревизіи Кобринскаго староства 1597 г. Туда было послано подскарбіемъ земскимъ три ревизора, Мальхеръ Ройскій, Даніилъ Домарацкій и Ярошъ Звѣръ въ качествѣ скарбоваго писаря. Они составили свой отчетъ на основаніи „старой ревизіи" (т. е. ревизіи 1563 г.), показаній мѣстнаго вряда, войтовъ и личнаго осмотра [1]). Въ городахъ ревизоры зарегистровывали количество усадебъ въ каждой улицѣ, слѣдуемый съ нихъ въ господарскій скарбъ чиншъ, затѣмъ особенно внимательно отнеслись къ городскимъ доходамъ и мѣщанскимъ повинностямъ. Въ фольваркахъ ревизоры описывали количество находящагося въ гумнахъ хлѣба и дѣлали пробные умолоты для опредѣленія средняго урожая фольварковыхъ полей. Съ большимъ вниманіемъ ревизоры отнеслись къ вопросу о томъ, насколько цѣлесообразно затрачивается крестьянскій тяглый трудъ на обработку дворовой пашни, и сдѣлали въ этомъ направленіи рядъ новыхъ распоряженій. У нихъ была инструкція подскарбія земскаго, предписывающая увеличить размѣръ дворовой пашни при нѣкоторыхъ фольваркахъ. Но, напримѣръ, въ Кобринскомъ дворѣ ревизоры совсѣмъ не нашли нужнымъ удерживать дворовое хозяйство: свободныхъ годныхъ земель къ этому двору не было; староста обрабатывалъ тяглымъ крестьянскимъ трудомъ три волоки; но ревизоры нашли, что, во-первыхъ, доходность этого фольварка вовсе не соотвѣтствуетъ той потерѣ для скарба осаднаго плата, который должны будутъ платить крестьяне, если не будутъ отбывать тяглой работы; во-вторыхъ, что эти три волоки предшествующими ревизорами отведены „на выхованье" старосты. Поэтому, ревизоры совсѣмъ отмѣнили тяглую работу на Кобринскомъ фольваркѣ [2]). Относительно нѣкоторыхъ другихъ фольварковъ (напримѣръ, Череватицкаго, Вижецкаго) [3]) ревизоры постановили такъ: они перевели приписанныхъ къ нимъ тяглыхъ крестьянъ на осаду, т. е. постановили объ уплатѣ ими „осаднаго плата" (осадный платъ взимался по 30 гр.

---

[1]) Акты Вил. Ком., XIV, p. 551.

[2]) Ibidem, p. 565.

[3]) Ibidem, p. 569, 577.

съ волоки, за 12 толокъ въ году платили 12 гр. и за бочку дякольнаго жита по 24 гр., такъ что съ волоки, при переходѣ ея на тягло, убывало 66 гр.), но приписали къ двору бо́льшее число крестьянскихъ волокъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы вся фольварковая работа могла быть выполнена толоками (тогда уже плата за толоки не взималась). Разсчетъ заключался въ слѣдующемъ: на Череватицкій фольварокъ полагалось 210 тяглыхъ волокъ, съ которыхъ осаднаго плату и за толоки взималось бы 231 копа грошей. Ревизоры перевели эти волоки на осаду, но къ двору приписали всѣхъ 362 осадныхъ волоки, освободивъ ихъ отъ уплаты за толоки по 12 гр., т. е. всего на 72 копы 24 гроша. Но при этомъ потребовали отбыванія въ годъ не 12 толокъ, но 18. Для крестьянъ такой порядокъ, несомнѣнно, былъ отяготителенъ, такъ какъ толоки отбывались всѣми рабочими силами семьи и притомъ въ самую горячую пору. Вообще, отношеніе ревизоровъ къ крестьянамъ—узко-эгоистическое: несмотря на ясный смыслъ волочной уставы (которая признавалась дѣйствующей), они увеличиваютъ размѣры крестьянскихъ платежей и повинностей. Ревизорамъ, напримѣръ, очень понравилось распоряженіе ихъ предшественника Адама Патея, ревизора 1580 г., относительно Пружанскаго фольварка: Патей роздалъ фольварковую землю крестьянамъ, прикинувъ на волоку ко всѣмъ платамъ по 20 гр., на каждую тяглую волоку, ранѣе приписанную ко двору, что составило какъ разъ тотъ доходъ, который скарбъ могъ получить при хозяйственной обработкѣ фольварка, и кромѣ того съ тѣхъ же крестьянъ получался осадный платъ, за толоки и пр. [1]). Ревизоры 1597 г., зарегистровывая сельскіе платы и повинности, въ свою очередь увеличиваютъ кое-гдѣ платежи и повинности [2]).

Описанная дѣятельность кобринскихъ ревизоровъ, давая понятіе о составѣ послѣдующихъ люстрацій и о характерѣ ревизій, вскрываетъ и различіе во взглядахъ скарбовыхъ агентовъ половины XVI вѣка и конца его: если первому поколѣнію ревизоровъ нельзя отказать въ болѣе или менѣе гуманномъ отношеніи къ крестьянамъ, ослабляемымъ впрочемъ стремленіемъ къ опекѣ надъ крестьяниномъ, то узкій эгоизмъ послѣдующихъ поколѣній сталъ сказываться во всей его наготѣ, и благосостояніе крестьянъ быстро разрушалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ понижалось и юридическое положеніе личности крестьянина.

[1]) Ibidem, 583—584.
[2]) Ibidem, p. 587.

Вообще, намъ представляется дѣло такимъ образомъ: при проведеніи волочной номѣры въ каждомъ данномъ староствѣ составлялось описаніе его, имѣвшее преимущественную цѣль приведеніе въ порядокъ поземельныхъ отношеній. Эти ревизіи для западныхъ староствъ составлялись въ половинѣ 50-хъ годовъ до половины 60-хъ годовъ, для восточныхъ (такъ называемыхъ русскихъ) волостей они составлялись въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка. Эти первоначальныя ревизіи всегда служили для скарба основнымъ документомъ въ отношеніи землевладѣнія, платежей, повинностей и пр. Но сверхъ этихъ ревизій, описаній господарскихъ имѣній, до насъ дошли и ревизорскія люстраціи, составлявшіяся или по какому-нибудь случайному поводу (напримѣръ, при переходѣ староства отъ одного лица къ другому), или же въ періодъ общихъ командировокъ скарбовыхъ ревизоровъ для ревизіи. Люстраціи отличаются отъ ревизій своею краткостью въ вопросахъ землевладѣнія, но обращаютъ особенное вниманіе на хозяйственную дѣятельность вряда, дѣйствительную доходность державы и т. п. На сколько намъ извѣстно, къ детальнымъ описаніямъ королевскихъ староствъ было приступлено вторично лишь въ половинѣ XVIII вѣка.

VII.

Нельзя закончить вопросы о ревизіяхъ и ревизорахъ, какъ проявленіяхъ реформаторской дѣятельности правительства Сигизмунда Августа, не остановившись еще на одной сторонѣ дѣла,—именно на описаніи лѣсныхъ пущъ и устройства управленія ими.

Лѣсничество по характеру управленія было такою же державою какъ и другія, а лѣсничій имѣлъ права и хозяйственныя обязанности державцы, управляя осочниками, бобровниками, ловцами [1]); бли-

[1]) Одинъ вырокъ Сигизмунда I въ справѣ лѣсничаго городенскаго Я. Кунцевича съ старостою городенскимъ Станиславомъ Петровичемъ очень подробно опредѣляетъ отношенія обоихъ врядовъ. Лѣсничій жаловался на старосту въ томъ, что тотъ „вступовался въ его врядъ лесничое городенское". Тогда былъ спрошенъ панъ Войтехъ Яновичъ о томъ, какъ раздѣлялись обѣ должности при отцѣ и братѣ великаго князя. Тотъ показалъ, что при Казимирѣ, когда старостою городенскимъ былъ Станко Судивоевичъ, а лѣсничимъ Зубъ Негоевичъ, то „обычай былъ таковъ": если кто либо дѣлалъ „шкоду" въ лѣсу, то лѣсничій такого ставилъ передъ старостою; послѣдній казнилъ виновнаго „виною господарскою", а лѣсничій получалъ „повинное полтина". Тяжбы между осочниками о землѣ, „бои, домовыи речы" и т. п. судъ производилъ на замкѣ; но если осочникъ находился въ лѣсу по приказанію лѣсничаго и ему кто

жайшимъ помощникомъ лѣсничаго были гаевники [1]).

Въ русскихъ княжествахъ были особые ловчіе (очевидно, остатки древнихъ княжескихъ должностей), которые имѣли здѣсь такое же значеніе, какое въ великокняжескихъ областяхъ имѣли лѣсничіе, а частью исполняли и обязанности великокняжескаго ловчаго. Однако до реформъ Сигизмунда Августа управленіе лѣсничествами большею частью находилось въ завѣдываніи старость и державцевъ такъ, что самостоятельныхъ лѣсничествъ было весьма немного. Уже при Сигизмундѣ I замѣтно стремленіе выдѣлять пущи въ особое управленіе лѣсничихъ. Реформы же Сигизмунда Августа въ широкой мѣрѣ коснулись и лѣсного хозяйства. Лѣса тогда получаютъ особую цѣнность въ виду развитія торговли лѣсными матеріалами и древесными продуктами [2]). При немъ прежде всего была произведена обширная и подробная ревизія лѣсовъ и звѣриныхъ переходовъ. Эта ревизія была составлена въ 1559 г. Григоріемъ Богдановичемъ Воловичемъ, игравшимъ въ то время вообще весьма видную роль въ средѣ дѣятелей господарскаго скарба. Ея цѣлью было описаніе границъ всѣхъ лѣсовъ, зарегистрованіе тѣхъ сервитутныхъ правъ, которыя имѣли въ господарскихъ лѣсахъ сосѣдніе частные землевладѣльцы, наконецъ составленіе карты лѣсовъ. Къ сожалѣнію, карта до насъ не дошла, да и ревизія Воловича въ дошедшемъ до насъ экземплярѣ не полна [3]). Въ ней охвачена полоса, начинающаяся на юго-востокѣ отъ Бѣлой Церкви и кончающаяся на сѣверо-востокѣ Ковной. Слѣдовательно, Поднѣпровье, Подвинье и частью центръ, всплошную покрытые лѣсами, не были описаны. Свѣдѣнія, которыя заключаются въ ревизіи, далеко не достаточны: это суммарное описаніе границъ съ перечнемъ входовъ и уступовъ, лѣсныхъ островов и т. п.

Если это описаніе, съ точки зрѣнія статистической, насъ теперь не удовлетворяетъ, то за то въ ревизіи встрѣчается богатый матеріалъ для исторіи землевладѣнія: ревизоръ тщательно заносилъ

нибудь наносъ обиду, то это дѣло судилъ староста при лѣсничемъ, вина шла на господаря, а повинное лѣсничему. Лѣсничій давалъ господарскимъ подданнымъ лѣсъ на ихъ домашнія нужды; но если кто въѣзжалъ въ пущу безъ разрѣшенія и производилъ здѣсь работы, то такихъ лѣсничій забиралъ, представлялъ на замокъ, а себѣ бралъ сермягу и топоръ. Сигизмундъ утвердилъ старину. (Кн. Суд. Дѣлъ Лит. II, л. 131 об.—132).

[1]) А. З. Р. II, 80.

[2]) *Довнаръ-Запольскій*, Гос. Хоз., I, 319 сл.

[3]) Напечатана Виленскою Археографическою коммисіею.

всѣ показанія жителей о правахъ ихъ на владѣніе и, кромѣ того, онъ собралъ обширный „реестръ“ привилегій на земли, представленныхъ ему земянами во время ревизіи.

Только что сказанное уже даетъ нѣкоторое представленіе о томъ, что лѣсное хозяйство при послѣднемъ Ягеллонѣ пріобрѣтаетъ важное значеніе въ скарбовой политикѣ и получаетъ новую организацію. Реорганизовано было и лѣсное управленіе: каждая пуща теперь получила особаго лѣсничаго. Было установлено и особое центральное управленіе лѣсами. Въ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ г. такимъ завѣдывающимъ всѣми лѣсами былъ очень близкій къ великому князю человѣкъ [1]) Станиславъ Станиславовичъ Довойно, воевода полоцкій; неизвѣстно, носилъ ли онъ званіе ловчаго господарскаго [2]). Во всякомъ случаѣ изъ волочной уставы видно, что Довойнѣ предоставлены въ завѣдываніе всѣ осады, т. е. раздача волокъ стрѣльцамъ, затѣмъ судъ надъ стрѣльцами [3]). Изъ отдѣльныхъ документовъ видно, что всякаго рода вопросы, касавшіеся отвода лѣсовъ, даже спеціальными королевскими коммисарами, отсылались на усмотрѣніе Довойнѣ [4]). Съ 1569 г. ловчимъ великаго княжества литовскаго назначенъ панъ Григорій Воловичъ, которому и поручены „вси нюхи и иные сви мысливцы у справе. моцы и владности своей маючи“ [5]). Дѣятельность ловчаго выражалась, напримѣръ, въ отводѣ мѣстъ для лѣсныхъ работъ [6]), назначеніи лѣсничихъ и т. п. [7]).

Кромѣ ловчаго, скарбъ провѣрялъ дѣятельность низшихъ органовъ лѣсного управленія еще и при помощи ревизоровъ. Уже волочная устава опредѣляетъ нѣкоторыя черты дѣятельности ревизоровъ. Такъ, напримѣръ, ревизоръ вмѣстѣ съ лѣсничимъ избираетъ осочниковъ [8]).

---

[1]) Baliński, Pamiętniki po królowej Barbarze, I, стр. 39.

[2]) По Вольфу (Senatorowie i dygnitarze) должность ловчаго не была занята въ промежутокъ между 1549 (а можетъ быть и въ 1542) до 1569 г., т. е. до назначенія на этотъ врядъ пана Григорія Воловича. Между тѣмъ управленіе лѣсами въ этотъ періодъ находится въ вѣдѣніи Довойны, хотя и намъ не встрѣчалось за этотъ періодъ документовъ, называющихъ его ловчимъ. Можетъ быть, должность воеводы Полоцкаго, которую занималъ Довойна, была по традиціи несовмѣстима съ врядомъ ловчаго господарскаго.

[3]) А. З. Р., III. стр. 94.

[4]) Кн. Суд. Лит., XLIV, л. 102 об., 1564 г.

[5]) Кн. Суд. Дѣлъ Лит., LII, л. 84 об.

[6]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 223.

[7]) Кн. Зап. Лит., LXV, л. 13 об.

[8]) А. З. Р., III, p. 73.

Она же возлагаетъ на ревизоровъ обязанность изслѣдовать вопросы, касающіеся „спольнаго" владѣнія господарскихъ подданныхъ съ сосѣдними крестьянами. Лѣсничіе обязаны давать свѣдѣнія ревизорамъ о лѣсныхъ сѣножатяхъ: таковые ревизоръ или присоединяетъ къ дворамъ, или же отдаетъ на чиншѣ. Ревизоръ ведетъ вмѣстѣ съ лѣсничимъ записи „лововъ" и „оступовъ", также распредѣляетъ повинности крестьянъ по участію ихъ въ охотѣ [1]). По всей вѣроятности, ревизоры, о которыхъ говоритъ устава, тѣ же самые, которые посылались скарбомъ для ревизіи державъ. Но сверхъ того, въ экстраординарныхъ случаяхъ посылались спеціальные ревизоры, напримѣръ, для изслѣдованія о хищеніяхъ лѣсничихъ и т. п. [2]). Въ 50-хъ и въ 60-хъ гг. при скарбѣ были два писаря, которые обыкновенно получали командировки по вопросамъ лѣсного хозяйства; ими были Лавринъ Война и Григорій Воловичъ до своего назначенія на должность ловчаго. Спѣшимъ однако сдѣлать оговорку, что по имѣющимся даннымъ далеко не ясно соотношеніе ловчаго великаго княжества литовскаго и господарскаго скарба съ его писарями и ревизорами. Во всякомъ случаѣ, центральное управленіе находилось въ рукахъ скарба.

Органомъ мѣстнаго управленія являлся лѣсничій. Функціи лѣсни-

---

[1]) Ibidem, p. 85.

[2]) Такъ, въ 1567 г. были посланы спеціальные ревизоры Г. Воловичъ и Л. Война въ пущи Крынскую, Одельскую, Кузницкую, Новодворскую, Перштунскую, Озерскую, Мильковскую и Карашевскую для слѣдствія о незаконныхъ поступкахъ тамошнихъ лѣсничихъ Ивана Собакина и Бартоша Шторца. Оба они брали съ населенія взятки при отводѣ земель и опустошали лѣса, производя въ нихъ недозволенную рубку. Приводимъ выдержку изъ господарскаго листа къ мѣстнымъ подданнымъ, рисующую порядокъ ревизіи. Король приказалъ: „васъ всихъ з моцы и владности оныхъ лесничыхъ винявшы, а в моцъ и справу свою взявшы, о всихъ речахъ, которые бы ся ку шкоде нашою господарской въ тыхъ пущахъ деяли, выведати и таковыхъ шкодъ на лесничыхъ нашыхъ смотрети. К тому тежъ што многие з васъ и иншихъ подданыхъ нашыхъ частокроть набегали зъ жалобами до насъ, господаря, о розныхъ кривдахъ своихъ, которие отъ лесничихъ, верху намененыхъ, быти есте меновали, ино мы, господаръ, и в тыхъ кривдахъ вашыхъ с тыми лесничыми и слугами ихъ, кому до которого дела будеть, справедливость слушную тымъ же посланцомъ нашымъ чынити если росказали. Вы бы о всякихъ кривдахъ, долеглостяхъ и шкодахъ своихъ передъ паномъ Григоремъ Воловичемъ а паномъ Лавриномъ Войною справедливости собе доводнян а, ку тымъ посланцамъ нашымъ всякое послушенство чынячы, о шкодахъ пущъ нашыхъ певную и достаточную справу имъ давали, яко бы они за послушеньствомъ вашымъ в тыхъ пущахъ и на воляхъ, подъ пущами заселыхъ, достаточное постановенье уделати могли конечно". (Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 123).

чаго выясняются какъ изъ отдѣльныхъ привилеевъ на лѣсничество, такъ особенно лѣсною уставою.

Лѣсничій завѣдывалъ порученнымъ ему лѣсомъ, управлялъ сидѣвшими среди пущи людьми, какъ тѣми, у которыхъ были тяглыя волоки, такъ и тѣми, которые несли спеціальныя службы, т. е. осочниками, бобровниками, стрѣльцами; затѣмъ онъ раздавалъ новыя волоки, назначалъ льготные годы, собиралъ съ населенія подати, слѣдилъ за выполненіемъ ими повинностей, наконецъ имѣлъ главное наблюденіе надъ лѣсными работами, производимыми откупщиками, или же самъ велъ работы по порученію скарба [1]).

[1]) Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ господарскихъ листовъ на лѣсничества, характеризующихъ сферу дѣятельности лѣсничихъ и ихъ компетенцію. Такъ, въ листѣ князю Ивану Полубенскому на лѣсничество слонимское великій князь пишетъ, что лѣсничество дается „зо всими стрельцами и осочниками, селы и людми осочники и бобровники, полазники держати и всее пущы границъ старовечныхъ, абы въ своей власности зоставали доглядати... и перестерегаючы пожитковъ нашихъ господарскихъ яко въ зверу, такъ тежъ въ бортяхъ, въ озерахъ, въ сеножатехъ, въ бобровыхъ гонахъ, а зваща въ лесныхъ роботахъ, если быхмо коли робити въ тыхъ пущахъ нашихъ казали, якобы ниякая шкода намъ, господару, и скарбу нашому не была“ (1567 г. Кн. Зап. Лит. LVI, л. 45).—Въ листѣ Трояновскому на лѣсничество бѣльское говорится, что онъ долженъ „верне служачи и перестерегаючи въ той пущи нашой на воляхъ, въ сеножатехъ и застенкахъ, къ нимъ прислухаючихъ, и въ дереве бортномъ съ пилностью всякихъ шкодъ; а пожитки, яко набольшіе быти могутъ, за ведомостью нашою, примножати и прибавляти, справуючися во всемъ потому, яко ему на инструкцыи нашой особливая наука на писме меновите есть дана и ознаймена, чого маетъ быти пиленъ и што на немъ будетъ належало, зваща около догляданья стадъ нашихъ, если до того леснитцтва перегнати отколь кажемъ, кгды сена лацно способити съ пущъ нашихъ могутъ. А што се дотычетъ доходовъ на леснитцтво прислухаючихъ, тыхъ маетъ уживати верне, безъ шкоды нашое, а подле росказанья на инструкцыи нашой описаного“ (1567 г. Кн. Зап. Лит. LI, л. 53 об. Ср. Кн. Зап. Лит. LII, л. 84). Ср. еще напримѣръ, Кн. Зап. Лит. LVI, л. 52; (1576 г., Гродзинскому на лѣсничество Переломское); Кн. Зап. Лит. LIII, л. 18 (1569 г., Махвичу на Бѣловѣжское и Каменецкое лѣсничество); Кн. Зап. Лит. LII, л. 126. (Лиссовскому на лѣсничество пущъ Езерской, Салацкой, Перевальской, Перстунской); Кн. Суд. Дѣлъ Лит. LIII, л. 86 (1567 г., Чехалевскому на лл. Мерецкое Симненское, Лоздейское); ibidem, л. 101 об. (1567 г. Жижемскому на л. Кобринское); Кн. Зап. Лит. LVI, л. 76 об. (1574 г., Станькевичу на лл. Вилькейское, Юрборское, Скерстомонское); Кн. Зап. Лит. LII, л. 10. (1569 г., Мацвежу на л. Бѣловѣжское и Каменецкое). — О дѣятельности лѣсничихъ по раздачѣ новоосаженыхъ волокъ см. Кн. Зап. Лит. LII л. 38, Кн. Зап. Лит. LXV, л. 13 об.—14. Лѣсничему поручается отвести изъ своего лѣсничества земли мѣстному костелу, Кн. Зап. Лит. LIII, л. 52. О наблюденіи лѣсничими за откупщиками лѣсныхъ работъ см. Кн. Зап. Лит. LV, л. 21 об.—25. л. 37 об.—28; Кн. Зап. Лит. LIII, л. 10—10 об. Отпускъ лѣсного товара

Но наиболѣе подробно тѣми же вопросами занятъ специальный лѣсной уставъ, изданный 27-го февраля 1567 г.

По „лѣсной уставѣ" 1567 г. на лѣсничихъ возлагаются прежде всего обязанности по охранѣ лѣса и лѣсныхъ угодій, меліорація лѣсного хозяйства и завѣдываніе низшими слугами.

Устава весьма подробно регламентируетъ обязанности лѣсничихъ по охранѣ ввѣреннаго имъ имущества. Такъ, лѣсничій, вступивъ въ свою должность, обязанъ вмѣстѣ съ назначенными къ данному лѣсничеству осочниками объѣхать по границамъ пущъ своего лѣсничества, осмотрѣть уступы и имѣть о нихъ точныя свѣдѣнія; онъ также долженъ знать всѣ мѣста, отведенныя для осады на „воляхъ". И впослѣдствіи лѣсничему предписывается совершать неоднократные объѣзды своей пущи для наблюденія за тѣмъ, чтобы не было никакой „шкоды" въ звѣрѣ, бортномъ или иномъ деревѣ. Лѣсничій не имѣетъ права никому отпускать дерево, годное на постройки или для работъ: такое дерево отпускается изъ пущъ каждый разъ только по особому королевскому листу съ собственноручной подписью господаря; однако сухое дерево и валежникъ разрѣшается собирать на нужды господарскаго двора и забирать господарскимъ, но не частновладѣльческимъ подданнымъ. Если получится господарскій указъ о вывозѣ дерева изъ пущи, на обязанности лѣсничаго лежитъ точное наблюденіе за тѣмъ, чтобы вывозилось только то, что обозначено въ этомъ указѣ. Точно также лѣсничій наблюдаетъ, чтобы справцы работъ лѣсныхъ, эксплоатирующіе лѣсъ за листомъ господарскимъ, работали бы именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя имъ отведены, и чтобы будники не портили и не брали дерево тамъ, гдѣ имъ не разрѣшено. Только въ крайнемъ случаѣ лѣсничій можетъ отпустить лѣсной матеріалъ самостоятельно безъ предписанія, именно въ томъ случаѣ, если онъ нуженъ для гребель, мельницъ, для исправленія построекъ на королевскомъ дворѣ, въ случаѣ пожара крестьянскихъ построекъ, вслѣдствіе чего могла бы безъ построекъ опустѣть волока—въ такихъ случаяхъ лѣсничій можетъ отпустить лѣсъ на листъ и квитъ соотвѣтственнаго врядника, да и то тогда, когда отъ короля не можетъ быть получено своевременное разрѣшеніе; отпущенному при такихъ условіяхъ лѣсному ма-

---

изъ лѣсничества производился лѣсничимъ же по господарскимъ листамъ (Кн. Зап. Лит. LII, л. 29 об.). О дѣятельности лѣсничихъ по сбору податей см. Кн. Зап. Лит. LVI, л. 21, л. 91 об. (По сбору государственныхъ податей). По сбору доходовъ съ оброчныхъ статей см. Кн. Зап. Лит. LII, л. 21.

теріалу ведется строгая отчетность. Лѣсничимъ строго воспрещается охота на звѣря для себя: охота разрѣшается только на основаніи господарскаго листа съ собственноручной подписью. Особенно зорко предписывается слѣдить за сохранностью лѣса въ пущахъ, пограничныхъ съ Мазовіею и Пруссами; пойманныхъ въ лѣсу „шкодниковъ" предписывается сажать подъ арестъ и содержать ихъ до „науки" господарской. Наконецъ, лѣсничимъ воспрещаются какія бы то ни было лѣсныя работы въ собственную пользу. Они должны слѣдить также, чтобы по пущамъ не пролагались лѣсныя дороги. Лѣсныя угодья тоже находятся въ завѣдываніи лѣсничихъ. Такъ, они наблюдаютъ за сѣножатями; однако для эксплоатаціи послѣднихъ лѣсничимъ обѣщана особая устава. Предвидится только, что извѣстная часть сѣнокоса будетъ роздана подданнымъ на платѣ, — въ такомъ случаѣ лѣсничіе собираютъ оброчную плату для сдачи въ скарбъ королевскій; сѣнокосы, предназначенные для косьбы къ „пожитку" господарскому, должны быть выкошены подъ наблюденіемъ лѣсничихъ. При этомъ на лѣсничихъ возлагается не только наблюденіе, но и эксплоатація угодій. Такъ, они должны стремиться къ тому, чтобы увеличивать ежегодно въ лѣсахъ количество бортнаго дерева и собираемаго меду; однако продажа собраннаго меду разрѣшается только господарскими листами.

Кромѣ того они должны заботиться объ увеличеніи „полезивого" плата, т. е. отъ полазниковъ. Для эксплоатаціи бортей, лѣсничіе имѣютъ въ своемъ завѣдываніи полазниковъ.

Лѣсничіе обязаны имѣть точныя свѣдѣнія о бобровыхъ зеремянахъ и заботиться о ловлѣ бобровъ. Относительно рыбнаго хозяйства устава воспрещаетъ дѣлать езы на рѣкахъ, которыя идутъ отъ озера къ озеру (вѣроятно, въ предѣлахъ пущъ); но если рѣчки впадаютъ въ большія рѣки, то лѣсничіе должны устраивать езы и ловить въ нихъ рыбу на „пожитокъ" королевскаго скарба; впрочемъ, мѣста для езовъ опредѣляются королевскими ревизорами.

Лѣсничіе завѣдуютъ также и людьми, поселившимися около пущъ на „воляхъ": они собираютъ съ нихъ чиншъ, согласно реестрамъ.

Для окрестныхъ подданныхъ господарскихъ устава даетъ нѣкоторыя льготы въ пользованіи лѣсомъ: имъ разрѣшается собирать грибы, валежникъ.

Для исполненія своихъ обязанностей лѣсничій получаетъ въ свое вѣдѣніе полазниковъ, бобровниковъ и стрѣльцовъ. По отношенію къ нимъ, лѣсничіе являются административнымъ органомъ въ тогдашнемъ

его значеніи, т. е. собираютъ съ нихъ чиншъ и другіе поборы и отдаютъ въ скарбъ, судятъ и получаютъ пересудъ въ свою пользу, при чемъ, однако, лѣсничимъ многократно предписывается обходиться съ своими подчиненными „побожне", чтобы не вызвать гнѣва господаря: недостойные ихъ поступки будутъ открыты при ревизіи.

За исполненіе своей должности лѣсничіе получаютъ опредѣленное содержаніе. Каждый лѣсничій на лѣсничество получаетъ 9 волокъ, т. е. 3 волоки на фольваркъ и 6 осѣлыхъ волокъ для работъ на фольваркѣ. Кромѣ того лѣсничій получаетъ съ живущихъ на лѣсныхъ волокахъ подданныхъ по одной бочкѣ овса съ каждыхъ десяти волокъ и по 1 грошу въ годъ съ каждой волоки, пользующейся сухимъ деревомъ въ лѣсу.

VIII.

Предыдущія страницы посвящены выясненію хода крестьянской реформы и строя высшей администраціи, призванной руководить многочисленнымъ населеніемъ великокняжескихъ доменовъ. Чтобы закончить нашъ вопросъ во всей его полнотѣ, намъ необходимо еще разсмотрѣть двѣ его стороны—устройство крестьянъ, и частью городовъ на новыхъ началахъ и характеръ мѣстной администраціи по управленію ею господарскимъ хозяйствомъ. Въ обоихъ вопросахъ сказалось различіе волостей западныхъ и восточныхъ. Поэтому, и въ данномъ случаѣ приходится разсматривать ихъ отдѣльно.

Начнемъ съ западныхъ державъ, на устройствѣ которыхъ мысль реформаторовъ сказалась съ особенною рельефностью.

Чтобы понять сущность устройства крестьянскаго сословія на основаніи реформъ Сигизмунда Августа, надо прежде всего выяснить отношеніе реформаторовъ къ крестьянину, взглядъ ихъ на него. Эти взгляды великолѣпно отражаютъ наказъ, данный скарбомъ въ 1567 г. для руководства старостамъ и державцамъ, отчасти и волочная устава [1]).

---

[1]) Волочная устава напечатана въ А. З. Р., т. III. Наказъ нами издается. Намъ пришлось высказать мнѣніе, что наказъ данъ въ руководство всѣмъ старостамъ и державцамъ, безъ различія мѣстностей (Госуд. хоз., I т. 264). Ближе присмотрѣвшись къ наказу и другимъ аналогичнымъ памятникамъ, приходится отказаться отъ этого предположенія. Наказъ—исключительно посвященъ вопросамъ хозяйственнымъ, что было бы слишкомъ узко для инструкціи всѣмъ старостамъ въ виду военнаго значенія окраинныхъ замковъ. Если наказъ и говоритъ о необходимости содержать въ исправности замокъ, то не слѣдуетъ забывать, что и въ центральныхъ державахъ тоже были

На крестьянина наказъ смотритъ какъ на неразумную рабочую силу, которую надо щадить для того, чтобы извлечь изъ нея побольше дохода; но доходъ этотъ надо извлекать умѣючи. Такъ, наказъ разсуждаетъ, что на крестьянъ въ прежнее время мѣстами были наложены старинныя подати неравномѣрно, дякла, мезлевы, при чемъ не обращалось достаточно вниманія на зажиточность крестьянина; отъ этого много крестьянъ обнищало и разошлось прочь, чѣмъ господарю нанесенъ немалый убытокъ. Между тѣмъ разумъ каждаго человѣка можетъ сообразить, что крестьянинъ долженъ быть такъ обложенъ ежегодными податями, чтобы могъ ихъ вѣчно платить и быть достаточно зажиточнымъ для уплаты серебщинъ. Поэтому необходимо крестьянъ облагать соотвѣтственно качеству ихъ земли и количеству ея, не слѣдуетъ сравнивать песчаную или каменистую почву съ черноземомъ или съ хорошей землей. Кромѣ того, надо всячески оберегать налогоспособность крестьянина. Поэтому необходимо давать ему льготы въ голодные годы для того, чтобы крестьяне не разошлись; то же должно быть примѣняемо къ погорѣвшимъ или къ потерпѣвшимъ отъ скотскаго падежа. Даже вообще полезно милостиво относиться къ крестьянамъ, обнищавшимъ по какимъ бы то ни было причинамъ, для того, чтобы не разогнать ихъ, давать имъ подмогу; если трудно помочь, то такому крестьянину надо дать другой участокъ, пока онъ поправится. Такъ какъ расходится по причинѣ голода не мало людей, которые потомъ лѣтомъ возвращаются, особенно изъ такихъ, которые успѣли осенью засѣять свои поля, то необходимо, чтобы до Пасхи, или даже въ теченіе всего года не отдавать оставленной земли другимъ. Потомъ, если кто-нибудь изъ нихъ не возратится въ свой домъ, то тогда уже слѣдуетъ отдать другому оставленный участокъ, за порукою сосѣдей. Потому же необходимо, чтобы державцы не брали себѣ никакихъ „отумерщинъ“ и „отбѣгщинъ“: все имущество

замки. Устройство крестьянскаго сословія по наказу таково, что можетъ соотвѣтствовать только литовскимъ державамъ, и ни одного упоминанія объ особенностяхъ въ повинностномъ (хотя бы напр., о постройкѣ замковъ или о военной службѣ мѣщанъ или бояръ, столь многочисленныхъ въ восточныхъ староствахъ) и податномъ (наказъ не интересуется даже медовой данью и торговлею мѣхами) отношеніяхъ, ярко выступающихъ въ русскихъ волостяхъ; разумѣется въ наказѣ, имѣвшемъ цѣлью быть инструкціею для этихъ волостей, слѣдовало бы ожидать наставленій касательно городовъ или волостной общины. Наконецъ, и въ заглавіи наказа не случайно, очевидно, опущено, что онъ данъ и для волостей: Ustawa Zamkow, dzierżaw y dworow naczych Wielkiego xięstwa Litewskiego tak w Wilenskiem iako Trockim powiecicch y iako sie starostowie. dzierzawcy y urzędniki zachować maią.

ушедшаго крестьянина должно быть передано занявшему его мѣсто. чтобы онъ могъ лучше нести свои службы и давать подати. Если участокъ передается съ постройками и съ житомъ для посѣва, то новоселу не полагается никакой „воли". Крестьянина должно поставить въ особыя условія для усиленія его налогоспособности. Это достигается тѣмъ, что подати должны быть выбираемы сейчасъ послѣ жатвы и непремѣнно до Рождества. Взысканіе частныхъ долговъ съ крестьянъ не можетъ быть производимо въ періодъ уплаты податей. Съ этой цѣлью даже ограничиваются гражданскія права крестьянъ: евреи не могутъ давать имъ деньги подъ проценты безъ вѣдома администраціи. Другимъ способомъ является новоустанавливаемая практика, по которой державцы должны избѣгать наложенія на крестьянъ штрафовъ деньгами: рекомендуется предпочтительно прибѣгать къ бичу, къ тюрьмѣ, къ колодкамъ. Наказъ считаетъ, напримѣръ, весьма вреднымъ и отяготительнымъ для крестьянъ обычаемъ, по которому къ недоимщику посылаются децкіе: приходится платить убогому крестьянину одного децкованья едва ли не столько же, сколько и подати. Поэтому-то наказъ совѣтуетъ прибѣгать и по отношенію къ недоимщикамъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, или къ порукѣ. Если ужъ нечего взять, то лучше простить ему подать для того, чтобы онъ поправился къ слѣдующему году.

Державцы должны развивать работоспособность крестьянина.— Такъ, наказъ высказывается противъ развитія оброчныхъ земель. Ихъ не слѣдуетъ раздавать крестьянамъ на оброкъ, денежный, хлѣбный и медовый, къ чему очень склонны крестьяне. Если имъ не будутъ давать оброчныхъ земель, то они поневолѣ будутъ брать участки на обычной службѣ и нести всѣ причитающіеся повинности и платежи. Это постановленіе направлено къ тому, чтобы побудить крестьянъ къ раздѣленію семействъ, разъ потребности семьи не удовлетворяются наличнымъ участкомъ, а дополнить его оброчною землею негдѣ. Державцамъ рекомендуется внимательно отнестись къ распредѣленію и направленію крестьянскаго труда. Излишніе стрѣльцы, конюхи, дворовые господарскіе слуги (въ родѣ одверныхъ, кухарей, пекарей) должны быть посажены на тяглыя службы. Крестьяне, живущіе вдали отъ дворовъ, должны быть переводены на чистый оброкъ и освобождены отъ тяглой службы, потому что имъ далеко ходить на работы. Державца долженъ брать изъ крестьянскихъ дворовъ мальчиковъ и отдавать въ обученіе ремесламъ, что можетъ быть весьма полезнымъ для дворовыхъ службъ. Такою же практическою надобностью дворо-

ваго хозяйства проникнуты и тѣ предписанія волочной уставы и наказа, которыя касаются невольной челяди. Наказъ, напримѣръ, находитъ, что на челядь слишкомъ много выходитъ корму, и потому предписываетъ тщательно распредѣлять работы челяди, чтобы содержаніе ея окупалось работой. Паробки лѣтомъ должны работать на пашнѣ, а зимой исправлять орудія и смотрѣть за скотомъ. Невольницы зимой должны быть заняты пряжей и тканьемъ, при чемъ даже назначенъ и размѣръ работы. Державца долженъ отдавать точный отчетъ на особомъ реестрѣ въ томъ, что сдѣлала въ теченіе года при дворѣ невольная челядь.

Сказанное достаточно поясняетъ, что предписанія наказа, волочной уставы, ревизорскихъ инструкцій и другихъ актовъ, по которымъ державцамъ приказывается „побожне" относиться къ крестьянамъ, пріобрѣтаютъ особый смыслъ, точно также какъ и запрещеніе имъ пользоваться для своихъ нуждъ крестьянскимъ трудомъ. Характернымъ выраженіемъ взгляда на эксплоатацію крестьянскаго труда является то предписаніе наказа старостамъ, которое касается „отсопнаго хлѣба". Во дворѣ крестьянинъ могъ взять жита въ „отсопъ", то есть въ долгъ. Державца долженъ стараться, чтобы крестьяне ежегодно брали хлѣбъ въ „отсопъ". „А если гдѣ люди не пожелали бы брать жита въ отсопъ, то это дѣло поручается распорядительности врядниковъ".

Легко догадаться, что при такомъ отношеніи къ крестьянину не можетъ быть признана его собственностью та земля, на которой онъ сидитъ. Это, конечно, понятно, потому что вся реформа сопровождалась переводомъ крестьянъ съ участковъ, насиженныхъ ихъ праотцами, на волочные, съ которыми связаны были совершенно опредѣленныя вѣчно-арендныя отношенія. Но въ глазахъ крестьянъ ихъ прежнія дворища и службы были отчинами; таковыми по крайней мѣрѣ ихъ признавали сами крестьяне. Съ этимъ взглядомъ считалась и мѣстная администрація. Но реформа проводилась въ тотъ періодъ, когда былъ провозглашенъ принципъ, по которому кметъ и все его имущество принадлежитъ владѣльцу: „гдѣ помѣра пойдетъ, говоритъ устава, маютъ мѣрити всякій кгрунтъ, купленный и заставный, кгдыжъ кметъ и вся его маетность наша есть". Наказъ старостамъ представляетъ собою какъ чрезвычайно компетентное подтвержденіе взгляда крестьянъ на свои участки—отчины, такъ и проведеніе новаго принципа. Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ распространено повсемѣстно (говоритъ онъ) среди крестьянъ убѣжденіе, что земля ихъ является дедичной,

считается отчиной; бываетъ такъ, что иной хлопъ, избѣгая иногда платить подати, уходитъ въ сосѣднюю волость и тамъ живетъ нѣсколько лѣтъ. Его сосѣди, зная объ этомъ, не хотятъ брать его участка, потому что взявшаго сгонялъ врядъ и присуждалъ землю отчичу. Такой порядокъ долженъ быть оставленъ и не слѣдуетъ возвращать вернувшемуся отчичу его землю, отданную другимъ; возвратившемуся можно дать другую землю. Въ другомъ мѣстѣ наказъ внушаетъ державцамъ слѣдить за тѣмъ, чтобы крестьяне не продавали своихъ земель сосѣднимъ боярамъ, земянамъ или крестьянамъ же для того, чтобы участки однихъ не увеличивались, а другихъ не уменьшались. Здѣсь, очевидно, разумѣется продажа части надѣльной земли на такомъ же крестьянскомъ правѣ, на какомъ владѣетъ самъ съемщикъ, потому что въ собственность крестьянинъ совсѣмъ не могъ продавать. Волочная устава не возбраняетъ крестьянину продать свои постройки на волокѣ и „домовство“ другому; но требуется заявленіе вряду при войтѣ и лавникахъ; продавшему предлагается взять не снятый участокъ и только при неимѣніи таковаго, онъ можетъ уйти изъ волости. Названное правило волочной уставы дѣлаетъ крестьянина крѣпкимъ землѣ, потому что даетъ ему весьма проблематичное право выхода (при массѣ свободныхъ земель); это и понятно. Выше мы видѣли, что крестьянинъ получаетъ оставленный другими участокъ за порукою своихъ односельчанъ. Порука—явленіе новое въ правовыхъ понятіяхъ Литовской Руси. Съ другой стороны, всякій ушедшій безъ выполненія названнаго правила, то есть не посадившій вмѣсто себя тяглеца, считается бѣглымъ: такого державца долженъ искать, требовать судомъ и посадить на пустой волокѣ, за порукою. Волочная устава разрѣшаетъ только временный уходъ, въ голодные годы, при томъ по бѣдности. Но этотъ отходъ можетъ совершиться по заявленіи войту, при чемъ послѣдній долженъ удостовѣриться въ бѣдности уходящаго крестьянина (очевидно, и въ томъ, можно ли надѣяться на возвращеніе уходящаго).

Подати и повинности крестьянина подвергнуты строгой регламентаціи. Крестьяне раздѣлены на тяглыхъ, т. е. отбывающихъ барщину, и на осадныхъ, т. е. уплачивающихъ чиншъ взамѣнъ барщинныхъ работъ. Но переводъ съ тягла на осаду и обратно зависитъ отъ усмотрѣнія мѣстной или центральной администраціи, то есть находится въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ хозяйственныхъ соображеній. Подати разлагались на собственно осадный платъ и на уплату за дякла, то есть хлѣбную подать; но послѣдняя могла взиматься и

натурою, если это было нужно по хозяйственнымъ соображеніямъ. Крестьяне обязаны были давать и подводы для хозяйственныхъ надобностей, за что однако имъ уменьшались платежи, если подводы были взяты. Крестьяне были освобождены отъ старинной повинности по постройкѣ и ремонту замковъ въ Вильнѣ и Трокахъ. Даже когда крестьянъ требовали для постройки замковъ въ Литовскихъ державахъ, то эта работа засчитывалась имъ въ тяглую службу; такъ, напримѣръ, было при постройкѣ замка въ Тыкотинѣ. Самой важной повинностью была, разумѣется, барщина. Волочная устава очень подробно опредѣляетъ порядокъ барщинной работы. Порядокъ работъ объявлялся черезъ войта въ воскресный день. Если кто не выходилъ на работу въ первый и во второй разъ—платилъ штрафы, а въ третій разъ наказывался „битемъ на лавцѣ". Объ уважительной причинѣ неявки крестьянинъ могъ передать черезъ своего сосѣда или лавника, но пропущенный день долженъ отработать. Устава опредѣляетъ и часы работы: день начинается съ восходомъ солнца и оканчивается его заходомъ; на отдыхъ полагалось для конныхъ рабочихъ 3 часа, а для пѣшихъ полтора.

Понятно, что при такихъ условіяхъ крестьянское хозяйство и даже частная жизнь крестьянина подвергались точной регламентаціи. Офиціальныя уставы 60-хъ гг. мало касаются этой стороны дѣла, но практика, исходившая изъ ихъ основъ, пошла вскорѣ въ этомъ направленіи. Господарскія уставы дополнялись ревизорскими инструкціями, старостинской практикой, что усиливается къ концу XVI и началу XVII вѣковъ. Какъ на болѣе ранній образецъ такой регламентаціи, можно указать на лыбопытную инструкцію ревизора Якова Лашковскаго, составленную имъ при ревизіи Коршевскаго тивунства и занесенную въ эту ревизію для руководства мѣстной администраціи. Лашковскій—выдающійся дѣятель реформаціонной эпохи. Его взгляды на крестьянина проникнуты глубокимъ чувствомъ гуманности и чужды той эгоистической точки зрѣнія, которой проникались и современники его и послѣдующіе дѣятели. Но въ его представленіи крестьяне — это „заблудшія овцы". Онъ даетъ рядъ весьма раціональныхъ съ хозяйственной точки зрѣнія предписаній, напримѣръ, объ осушеніи селъ, лежащихъ въ низинахъ, по устройству и исправленію сельскихъ дорогъ, мостовъ, по обсадкѣ полей фруктовыми деревьями, по устройству скотныхъ сараевъ. Но въ то же время онъ требуетъ отъ сельской администраціи наблюдать, чтобы въ селахъ не было чаровницъ, чтобы крестьяне вѣрили въ одного Бога и не выдумывали бы себѣ

иныхъ боговъ, чтобы всѣ учились вѣрѣ, молитвамъ и свершали крещеніе надъ младенцами [1]).

Таковъ взглядъ на крестьянъ офиціальныхъ памятниковъ и лицъ, призванныхъ проводить ихъ въ жизнь. Если у послѣднихъ гуманные взгляды часто выступаютъ довольно рельефно, то не слѣдуетъ забывать, что они высказывались въ эпоху наибольшаго нравственно-религіознаго подъема въ обществѣ и въ то же время исходили изъ представленія, что крестьяне заблудшія овцы, жизнь коихъ должна быть строго регламентирована. Но офиціальныя уставы, имѣющія значеніе крестьянскаго законодательства, относятся къ этому сословію гораздо строже и эгоистичнѣе.

Подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ организовано было и несложное крестьянское управленіе.

Во главѣ села былъ поставленъ войтъ. Войтъ и войтовская власть не являются новостью для западной Руси, такъ какъ сельскія войтовства извѣстны еще съ XV вѣка. Но прежніе сельскіе войты имѣли судебно-аминистративное значеніе въ частныхъ владѣніяхъ [2]), что вполнѣ совпадало съ характеромъ и происхожденіемъ войтовской власти и съ ея прототипомъ въ нѣмецкомъ правѣ. Но войтовская власть по волочной уставѣ носитъ особый характеръ.

Войтъ является только приказчикомъ, дѣйствующимъ по предписаніямъ старостинской администраціи. По порученію вряда, онъ выгоняетъ людей на работу, или для платежа чинша и другихъ податей. Онъ представляетъ на судъ крестьянъ, замѣняя собою въ этомъ случаѣ древняго децкаго. При исполненіи крестьянами тяглыхъ работъ, онъ является въ качествѣ пристава при людяхъ своего войтовства. Съ ними же онъ отвозитъ хлѣбъ и сѣно, собираемые натурою. Онъ наблюдаетъ за исправностью межъ на незанятыхъ волокахъ и исправляетъ границы волочныхъ участковъ. Онъ наблюдаетъ за правильностью границъ и въ случаѣ ихъ нарушенія крестьянами

---

[1]) Акты Вил., XXV, т. 91—92.

[2]) Болѣе древнія грамоты на сельскія войтовства очень рѣдки. Одна изъ древнѣйшихъ—это грамота, выданная Якубомъ Посторовичемъ въ 1469 г. слугѣ своему Өедору на сельское войтовство въ с. Блунковичахъ Дорогицкаго пов. По этой грамотѣ, войтъ не только администраторъ, но и судья, какъ и городской войтъ: „Войтъ маеть судити немецкимъ правомъ майтборскимъ и маеть на себе брать вину, которая сказана будеть тымъ же правомъ майтборскимъ, третій пѣнязь, вымѣняючи нѣкоторыя члонки и суды, которыи суть захованы на право земское“. Записки наукового товариства імени Шевченки, 1896, кн. I, Miscelanea.

докладываетъ о томъ вряду. На старостинскомъ судѣ войтъ обязанъ быть и „справедливости поддáнымъ допомогати". У него долженъ быть счетъ штрафамъ, наложеннымъ судомъ на крестьянъ, и этотъ счетъ онъ представляетъ ревизорамъ; при этомъ онъ обязанъ наблюдать, чтобы старостинскій судъ не взималъ штрафовъ и пересудовъ свыше назначенныхъ уставою, а въ противномъ случаѣ долженъ объ этомъ докладывать ревизору. Однако самъ войтъ во всѣхъ отношеніяхъ подсуденъ тому же старостинскому суду; только староста не можетъ лишить войта его должности безъ согласія ревизора. Самъ войтъ и сельскіе лавники не имѣютъ права судить въ селѣ; имъ запрещается также брать подъ какимъ бы то ни было предлогомъ „подачки" отъ крестьянъ. Однако войтъ обязанъ о всякой „шкодѣ господарской" докладывать вряду или ревизору; онъ обязанъ также слѣдить за тѣмъ, чтобы врядъ не бралъ съ крестьянъ „окуповъ" за работы; а если возьметъ, то войтъ обязанъ доложить объ этомъ ревизору. За всякій проступокъ по службѣ войтъ подлежитъ наказанію штрафами и въ довольно значительномъ размѣрѣ (въ однихъ случаяхъ по рублю грошей, въ другихъ по конѣ); за самовольную же раздачу пустыхъ волокъ, или же за утайку о такой раздачѣ передъ ревизоромъ, если бы она была совершена державцею, войтъ наказывается „яко злодей горломъ". На каждое войтовство полагается 2—3 села, около ста волокъ. За свою службу войтъ имѣетъ одну волоку, свободную отъ податей, а другую на чиншѣ; впрочемъ въ тяглыхъ войтовствахъ, по позднѣйшему добавленію къ уставѣ, войтъ имѣлъ двѣ волоки свободныхъ отъ платежей.

Въ каждомъ селѣ были сельскіе лавники, по два и по три, иногда больше. На ихъ обязанности лежало ближайшее наблюденіе за ненарушимостью волочныхъ границъ, а въ остальныхъ случаяхъ лавникъ являлся ближайшимъ помощникомъ войта.

Такъ было устроено крестьянство въ литовскихъ державахъ.

Волочная устава даетъ также краткую схему для управленія городовъ, не имѣющихъ привилегій. Схема эта заключается въ опредѣленіи нормы чиншевыхъ платовъ съ городскихъ и пригородныхъ земель, въ освобожденіи отъ стацій и другихъ повинностей на врядъ; устава опредѣляетъ капщизный платъ съ корчемъ, оброкъ съ мясоторговцевъ, она налагаетъ также оброкъ и на мѣщанскихъ коморниковъ, т. е. квартиронанимателей. Въ городахъ обѣщано установленіе торговъ. Во главѣ города стоитъ городской войтъ, обязанный наблюдать за порядкомъ и за „примноженьемъ пожиткóвъ господарскихъ".

Но эти постановленія о городахъ не имѣли большого значенія; много большихъ и малыхъ городовъ имѣли тѣ или другія привилегіи, иные города получили ихъ вскорѣ послѣ изданія уставы. Къ концу шестидесятыхъ годовъ многіе привилеи мелкихъ городовъ были пересмотрѣны и вновь подтверждены: эти новыя подтвержденія, сохраняя широкія „вольности" даже за очень маленькими мѣстечками, стремились однако или удержать право „подаванья" войтовствъ въ рукахъ господаря, или же предоставить мѣстной администраціи право контроля надъ дѣятельностью городской общины.

Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ изученію аналогичныхъ явленій въ русскихъ волостяхъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ черты, сходныя съ описанными выше, но есть и существенное различіе, заключающееся въ сохраненіи многихъ остатковъ древней общинной организаціи.

Важнѣйшимъ слѣдствіемъ реформъ для восточныхъ волостей было выдѣленіе города изъ волости въ самостоятельную податную и административную единицу. Города получили особыя уставы въ 1561 г. Такихъ уставъ дошло до насъ нѣсколько (Оршѣ, Бобруйску, Рѣчицѣ, Могилеву); всѣ онѣ довольно однообразно составлены, за исключеніемъ Могилевской, такъ какъ этотъ городъ получилъ нѣсколько бо́льшія привилегіи и повинности его были болѣе сложны, чѣмъ въ другихъ городахъ.

Прежде всего уставы весьма внимательно опредѣляютъ подати, шедшія съ мѣщанъ въ господарскій скарбъ, и отбываемыя ими повинности. Территорія городовъ разбита по волочной системѣ; подати взимаются за усадебные участки (садибные пруты), огородные, сѣнокосные и „застѣнковые"; положенъ также и чиншъ съ полевой земли. Каждый родъ земель обложенъ особо и сверхъ того имѣетъ еще подраздѣленія; напримѣръ, огородныя земли въ Бобруйскѣ дѣлятся на овощные огороды и пашенные; повсемѣстно въ бо́льшемъ размѣрѣ взимается чиншъ съ усадебныхъ мѣстъ, выходящихъ на рынокъ, чѣмъ съ находящихся на улицахъ. Въ Могилевѣ, кромѣ того, мѣщане вносили особую плату съ волоки „за пригоны и иныя повинности старыя" (отмѣненныя съ введеніемъ уставы). Такой же платъ взимался и въ Оршѣ.

Второй стороной уставы было регулированіе земскихъ повинностей. Взамѣнъ подводъ натурою введенъ подводный налогъ, согласно сеймовому постановленію 1552 г. [1]). Мѣщане освобождены

[1]) Государ. хоз., I, т.

отъ одной очень старой и тягостной для нихъ повинности—постройки замковъ на южной украинѣ. Они отбываютъ замковую работу только на свой замокъ. Эта работа мѣщанъ выдѣлена изъ обще-волостной раскладки, при чемъ мѣщанамъ назначены или извѣстныя части замка для работы (въ Бобруйскѣ), или же опредѣлена извѣстная часть ихъ работъ (въ Могилевѣ мѣщане дѣлаютъ четвертую часть); вѣроятно, такое же распредѣленіе установлено было и въ другихъ городахъ, хотя иногда уставы и говорятъ объ общей работѣ волости и города (Рѣчица). Мѣщане обязаны также содержать сторджу замковую и полевую, для каковой цѣли иногда имъ предоставляются извѣстные доходы (напр. въ Могилевѣ). Если сторджа отбывается совмѣстно съ волостью, то также опредѣляется часть, приходящаяся на долю мѣщанъ. Въ другихъ случаяхъ сторожевая повинность перелагалась на деньги, съ точнымъ опредѣленіемъ размѣра сбора съ „дыма" (въ Бобруйскѣ). Сверхъ указанныхъ повинностей могилевскіе и оршанскіе мѣщане обязаны были еще и военною службою, въ случаѣ прихода на городъ непріятеля.

Такъ была устроена податная и повинностная сторона города. Въ ней видно очень обычное стремленіе всѣхъ реформъ того времени къ точному опредѣленію податей и повинностей.

За опредѣленіями городскихъ платежей и повинностей слѣдовало изложеніе городскихъ „вольностей". Объемъ послѣднихъ сообразовался съ значеніемъ города. Такъ, Бобруйскъ, повидимому, не получилъ никакихъ „вольностей" (впрочемъ дошедшій до насъ текстъ уставы, кажется, не совсѣмъ полонъ). Точность повинностныхъ отношеній уже указываетъ на ту общую „вольность", что мѣщане освобождались отъ разнообразныхъ „подачекъ" на мѣстный врядъ. Въ уставахъ обычно дается и полный перечень потяглей, отъ которыхъ избавлялось населеніе, напримѣръ, отъ стаціи на пословъ и гонцевъ господарскихъ, отъ работъ на мѣстнаго старосту, отдаванія ему жита, овса, сѣна, отъ волоченія на него неводовъ, забиванія езовъ, отъ подводъ для самаго державцы и его слугъ. Впрочемъ, въ немногихъ случаяхъ эти повинности сохранены; напримѣръ, въ Могилевѣ мѣщане должны выходить на „ратунокъ" замковой мельницы, если вода угрожаетъ разоренію запруды; оршанскіе мѣщане обязаны работою надъ запрудою для замковой мельницы. Но это все очень ничтожные остатки весьма тягостныхъ въ дореформенное время повинностей.

Къ числу важныхъ городскихъ вольностей относится опредѣленіе о торгахъ, городскихъ доходахъ, городскихъ выгонахъ и входахъ.

Уставы назначають городу извѣстный районъ, въ которомъ мѣщане могутъ брать лѣсъ на свои надобности, ловить рыбу, ставить „перевѣсы на звыклыхъ ловищахъ", бить езы. Только ловля бобровъ воспрещалась мѣщанамъ.

Тѣ же уставы разрѣшають устраивать въ городахъ въ извѣстные дни недѣли торгъ; на этотъ торгъ могутъ пріѣзжать волощане и иногородніе купцы и торговать въ розницу; но непроданный въ этотъ день товаръ можетъ быть проданъ въ слѣдующіе дни только оптомъ при томъ только мѣщанамъ же; если же они не пожелаютъ закупить оставшійся товаръ, то тогда торговцамъ разрѣшается продать его въ розницу. Мѣщанамъ же разрѣшается ѣздить по волости для скупки товаровъ. Нѣкоторыя изъ торговыхъ статей должны были давать доходы на „скрынку мѣстскую". Такими статьями въ Оршѣ былъ домъ гостинный, вага, воскобойня. Въ Могилевѣ сюда же шелъ оброкъ съ базарныхъ лавокъ краснаго товара, съ мясныхъ лавокъ, рыбныхъ и хлѣбныхъ. Остальные торговые сборы поступали на державцу. Мѣщанамъ обоихъ названныхъ городовъ разрѣшалось также изготовлять пиво и медъ на свои домашнія „потребы", а въ Могилевѣ—оставлены были старинные „склады" на нѣкоторые праздники.

Изъ только что изложеннаго выясняется, что финансовыя функціи городской общины были весьма незначительны. Устава разлагала изстаринную общинную организацію. Она выдѣляла городъ изъ волости, средоточіемъ коей онъ былъ до того времени. Она регламентировала податныя и повинностныя отношенія мѣщанъ къ скарбу и государству, устраняя такимъ образомъ для этихъ цѣлей необходимость общинныхъ „разрубовъ" и „разметовъ". Именно этого рода разрубы воспрещаютъ уставы, когда предписываютъ: „Мѣщане въ мѣстѣ маютъ вже отъ того часу перестати розрубовъ и розметовъ класти на мѣщанъ нашихъ: бо вже мѣщане отъ того вызволены и выняты суть". Оршанская грамота, повторяя приведенное выше запрещеніе, дѣлаетъ оговорку, что если въ случаѣ „пильной потребы" въ городѣ будетъ сдѣланъ разметъ, то онъ долженъ происходить съ вѣдома замкового вряда и отчетность въ немъ также должна быть сдана городскому обществу съ вѣдома того же вряда.

Уставы строго опредѣляютъ отношенія горожанъ къ представителямъ мѣстной администраціи, о чемъ рѣчь будетъ ниже, и вводятъ новую форму городского общиннаго управленія, которая является компромиссомъ между формами стараго самоуправленія и магдебургіи.

Во главѣ города стоялъ войтъ со своими помощниками—сотниками.

Уставы говорятъ о войтѣ, назначаемомъ администраціею. Но въ дѣйствительности войтомъ назначалось лицо, за которое ходатайствовало само городское общество. Въ господарскомъ листѣ 1562 года державцѣ Оршанскому князю А. С. Одинцевичу разсказывается, что оршанскіе мѣщане избрали себѣ войтомъ Мишку Мыльникова и били челомъ господарю объ утвержденіи его. Оказывается, что Мыльниковъ уже нѣсколько лѣтъ держитъ войтовство и теперь дѣло идетъ только объ утвержденіи за нимъ этой должности и о придачѣ ему на войтовство земли. Господарскій листъ въ короткихъ чертахъ объясняетъ и задачи войтовской должности: „абы во всемъ порядокъ въ местѣ заховалъ, а самъ кривды и втисковъ мѣщаномъ и подданымъ нашимъ тамошнимъ не мает чинити, одно пожитковъ на войта з уставы належачихъ уживати маетъ" [1]). Первые войты въ городахъ были утверждаемы самими ревизорами, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ уже впослѣдствіи получали господарское подтвержденіе. Такъ, въ 1561 году ревизоры Г. Воловичъ и М. Нарушевичъ установили на войтовствѣ въ Любечѣ Мануила Александровича, тамошняго боярина, „за которымъ и вси мещане любецкіе насъ просили", говоритъ листъ; въ 1580 году этотъ войтъ получилъ великокняжеское подтвержденіе. Ревизоры опредѣлили и характеръ войтовской должности. Она состояла въ наблюденіи „добраго порядку", въ стараніи о „пожиткахъ господарскаго скарба", то есть о томъ, чтобы всѣ платы и доходы исправно поступали бы въ скарбъ, въ присутствіи при отдачѣ податей мѣстному вряду; наконецъ, въ разсмотрѣніи спорныхъ вопросовъ о межахъ, бортяхъ и о потравахъ на поляхъ; послѣдняя судебная функція войта оплачивается соотвѣтственными штрафами, размѣръ коихъ установленъ былъ уставою [2]).

Присматриваясь къ дошедшимъ до насъ городскимъ уставамъ, мы встрѣчаемъ съ бо́льшими подробностями то же опредѣленіе войтовской должности, какое даютъ упомянутыя грамоты. На войта прежде всего возлагаются полицейскія обязанности по „доглядалью порядка въ городѣ"; онъ долженъ „слушнѣ а ряднѣ справовати" и „доносити" замковому вряду о городскихъ нуждахъ. На обязанности войта лежитъ забота объ умноженіи господарскихъ доходовъ, наблюденіе за аккуратной уплатой населеніемъ податей и судебныхъ штрафовъ; войтъ не самъ взимаетъ подати, но обязанъ присутствовать при ихъ

---

[1]) Кн. Зап. Лит. XLIV, л. 49.

[2]) Архивъ Ю.-З. Р., ч. VIII, т. III, р. 194 (издается мною).

отдачѣ, очевидно, для оказанія защиты жителямъ отъ поборовъ со стороны замкового вряда. Войту принадлежитъ очень незначительная часть судебныхъ дѣлъ, какъ мы уже видѣли. Войтъ также дѣлаетъ городскіе „порубы" и „разметы", собираетъ деньги „до скринки мѣстской"; но расходованіе городскихъ суммъ войтъ производитъ (въ Могилевѣ) „за вѣдомостью" сотниковъ и „головнѣйшихъ изъ мѣщанъ". Вѣроятно, предполагался и контроль со стороны администраціи, потому что Бобруйская грамота говоритъ, что по желанію мѣщанъ войтъ обязанъ дать отчетъ въ расходахъ мѣщанамъ въ присутствіи замкового вряда. Вообще городской общинѣ предоставлена нѣкоторая доля участія въ городскихъ дѣлахъ. Правда, объ этомъ говоритъ опредѣленно только устава Могилеву. Здѣсь вся дѣятельность войта происходитъ по соглашенію съ сотниками и мѣщанами: „войты никоторыхъ справъ мѣстскихъ, безъ сполноѣ намовы съ сотниками и иншими мѣщаны головнѣйшими, въ речи посполитой мѣста того становити и отправовати не маютъ". Каждый изъ четырехъ сотниковъ получалъ „подъ свою справу" „певную часть людей"; главнѣйшею обязанностью сотника было являться съ своею частью на замковыя работы и для обороны замка отъ непріятеля, т. е. онъ былъ военнымъ начальникомъ своихъ сотенъ [1]).

Нѣкоторые изъ городовъ недолго управлялись на основаніи ревизорскихъ уставъ и получили магдебурское право, напр., Могилевъ, получившій себѣ грамоту въ 1578 г. [2]). Другіе же города и въ XVII в. управлялись по уставѣ. Когда происходила помѣра этихъ волостей на волоки, то уставы городамъ были даны вновь ревизорами [3]), но онѣ почти дословно повторяли уставы 60-хъ г., съ тѣмъ различіемъ, что вносили нѣкоторыя стѣсненія для мѣщанъ, особенно въ томъ, что онѣ воспрещали мѣщанамъ разъѣзды по волости для скупки у крестьянъ ихъ товара и требовали, чтобы вся торговля сосредоточивалась въ городѣ, въ торговые дни.

---

[1]) Уставы городамъ напечатаны: Могилеву —въ А. З. Р., III, стр. 110, Рѣчицѣ—въ А. Ю. З. Р. IV, стр. 128, Бобруйску—въ Актахъ Вил. XXV, стр. 329, Оршѣ—въ А. Ю. З. Р. IV, стр. 251. Послѣдняя устава помѣчена 1594 и выдана королемъ Сигизмундомъ III; но по тексту она представляетъ собою несомнѣнно уставу 1561 г., только подтвержденную этимъ королемъ, при чемъ по какому либо случайному обстоятельству опущены обычныя формулы подтвержденій, или же до насъ просто дошелъ неисправный списокъ, при томъ плохо изданный.

[2]) Бѣлорусскій Архивъ, I, стр. 27.

[3]) Акты Вил., XXV, стр. 153.

Познакомившись съ устройствомъ управленія города, теперь уже выдѣленнаго изъ волости, мы перейдемъ къ устройству этой послѣдней. До сихъ поръ намъ не удалось найти текста волостной уставы 1560 г., хотя есть основаніе полагать, что такая устава, подробно регламентирующая волостныя порядки, была издана. До насъ дошло описаніе трехъ волостей, сдѣланное ревизорами въ этомъ году [Гомельской [1]), Дубровницкой [2]) и Горбовицкой [3])], и отрывокъ одной волости Полоцкаго пов. [4]); ни къ одной изъ нихъ не приложенъ текстъ уставы или извлеченія изъ нея, чего можно было бы ожидать, но въ источникахъ встрѣчаются намеки на какія-то общія постановленія, незанесенныя въ текстъ описанія этихъ волостей [5]).

При такихъ условіяхъ, за отсутствіемъ актовъ, рисующихъ дѣятельность администраціи въ русскихъ волостяхъ, мы были бы лишены возможности хотя бы въ общихъ чертахъ опредѣлить тѣ измѣненія въ волостномъ устройствѣ, которыя введены были реформами. Но этотъ недостатокъ въ извѣстной мѣрѣ искупается позднѣйшими данными. До насъ дошли двѣ уставы волостямъ уже по переходѣ ихъ на волоки, именно устава для Могилевской волости, изданная сначала въ 1594 г. [6]) и потомъ занесенная въ общую ревизію волости 1604 г. [7]), и устава Бобруйской волости; она была издана ревизорами Стефаномъ Рогозой и Адамомъ Шабловскимъ, оканчивавшими ревизію въ 1626 г. [8]). Эти уставы — уже вторичная ступень въ устройствѣ крестьянскаго управленія въ восточныхъ волостяхъ (послѣ 1560 г.). Но замѣчательно: несмотря на то, что волочная устава уже полвѣка дѣйствовала въ западныхъ областяхъ, правительство не сочло нужнымъ ввести ее въ русскихъ волостяхъ и дало здѣсь новыя уставы; онѣ отличаются отъ волочной уставы 1557 г. сохраненіемъ многихъ особенностей, составляющихъ специфическія изстаринныя черты мѣстной волостной организаціи. Многое изъ того, что намъ только по намекамъ извѣстно изъ актовъ первой половины XVI вѣка о здѣшней

---

[1]) Акты Вил., XIII.

[2]) Археогр. Сбор. Вил., III.

[3]) Метрика Литовская; кн. Пер. Лит. XI.

[4]) А. Ю. З. Р., I, 229.

[5]) Напр., Археогр. Сбор., III, р. 272, Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 4 об.—5 и др. данины на староства.

[6]) Вил. Археогр. Сбор., I, стр. 186.

[7]) Глав. Варш. Архивъ.

[8]) Акты Вил., XXV, стр. 323.

волостной общинѣ, разъясняется въ этихъ уставахъ нѣкоторыми подробностями. Не трудно поэтому вынести полное убѣжденіе, что нѣкоторыя черты этихъ уставъ сберегли намъ особенности древнѣйшаго строя. Правда, есть постановленія, источникъ которыхъ нетрудно видѣть въ вліяніи волочныхъ уставъ. Не менѣе замѣчательно и то обстоятельство, что дошедшія до насъ двѣ волостныя уставы во многомъ не однообразны: Бобруйская болѣе архаична, нежели Могилевская. По этой особенности Бобруйской уставы можно заключить, что она воспроизводитъ порядки, дѣйствовавшіе и въ 60 гг. Могилевская же находится подъ значительнымъ вліяніемъ волочной уставы 1557 г., сохранивъ лишь мѣстныя особенности, признанныя необходимыми. Такимъ образомъ получается возможность, на основаніи обѣихъ уставъ, опредѣлить какъ характеръ того устройства, которое оставалось дѣйствующимъ послѣ реформъ 60 гг. (разумѣется, далеко не въ полномъ видѣ), такъ и тотъ строй, который былъ введенъ окончательно съ переходомъ на волочную систему. Такъ какъ мы имѣемъ два типа уставъ, то естественно предположить, что эти уставы были дѣйствующими и въ другихъ волостяхъ. Можно сдѣлать также весьма вѣроятное предположеніе, что Бобруйская устава была болѣе распространенной, чѣмъ Могилевская; можетъ быть, даже послѣдняя стояла одиноко: Могилевская волость всегда шла впереди среди остальныхъ русскихъ волостей при измѣненіи въ нихъ изстаринныхъ порядковъ.

Послѣ сказаннаго мы можемъ обратиться къ вопросу объ устройствѣ крестьянъ въ восточныхъ волостяхъ, и начать слѣдуетъ съ того наиболѣе древняго пласта, который представляетъ собою Бобруйская устава.

Самая замѣчательная сторона Бобруйской уставы (и самая для насъ интересная)—это остатки волостнаго общиннаго самоуправленія. Въ этомъ отношеніи постановленія уставы дышатъ сѣдой стариной. „Издавна", объясняетъ она, Бобруйская волость дѣлилась на двѣ половины и въ каждой до послѣдняго времени былъ особый старецъ, а въ каждомъ селѣ особый заказникъ. Старецъ—представитель волости; описаніе его обязанностей по уставѣ сходится съ тѣмъ, что мы знаемъ о главѣ всей волости, общины дореформеннаго періода [1]). Прежде всего старецъ, при помощи заказниковъ, побуждаетъ крестьянъ своего старченства къ своевременной уплатѣ чиншовъ и самъ присутствуетъ

[1]) Ср. *мою* ст. „Западнорусская сельская община въ XVI в." *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1897, № 7.

при отдачѣ ихъ вряду (какъ представитель волости). Если крестьянинъ почему либо не въ состояніи уплатить подати, старецъ долженъ знать о причинѣ неуплаты. Старецъ наблюдаетъ за цѣлостью границъ какъ всей волости, такъ и участковъ, снятыхъ крестьянами, для чего онъ долженъ провѣрять межи и граничные знаки и исправлять ихъ въ случаѣ надобности вмѣстѣ съ волостнымъ мѣрникомъ. За исправленіе межъ, нарушенныхъ крестьянами, въ пользу старца взыскивается особый штрафъ съ виновнаго. Старецъ разбираетъ также дѣла по искамъ о бортныхъ деревьяхъ. Въ описаніи Дубровенской волости мы имѣемъ еще одну чрезычайно любопытную черту: „водле *уставы* его королевское милость старецъ таковыя пустовскіе земли осаживати маетъ“ [1]). Въ этихъ чертахъ старцевой должности нельзя не замѣтить сходства ея съ постановленіями волочной уставы о войтахъ, но есть и существенное различіе: старецъ является самостоятельнымъ судебнымъ органомъ по межевымъ и бортнымъ дѣламъ, тогда какъ войтъ несетъ только полицейскія обязанности по наблюденію за межевыми знаками, а судъ находится въ рукахъ замкового вряда. Войтъ также присутствуетъ при уплатѣ крестьянами чинша, но о недоимщикахъ врядъ самъ производитъ дознаніе, свидѣтельство же старца признается вполнѣ компетентнымъ.

Старецъ, далѣе, является во главѣ громады, когда она отбываетъ замковыя работы. На старцѣ лежитъ забота о пустыхъ волокахъ, онъ наблюдаетъ, чтобы на нихъ не было попорчено бортное дерево и не были бы нарушены межи. Сельскіе начальники, заказники, дѣйствуютъ по непосредственнымъ указаніямъ старца.

Всѣ перечисленныя функціи носятъ финансово-административный и частью судебный характеръ. Но въ рукахъ старца сосредоточиваются и сборы съ крестьянъ на общинныя нужды, именно волость дѣлаетъ для этихъ цѣлей въ своей средѣ „порубы“. Эти деньги расходуетъ старецъ и отдаетъ въ нихъ отчетъ волости, „когда волость захочетъ“,—въ присутствіи однако господарской администраціи или ревизора. Въ частности, старецъ собираетъ съ крестьянъ особый сборъ на наемъ и содержаніе замковой сторожи, нанимаетъ ее и передаетъ ее въ распоряженіе администраціи. Въ случаѣ, если волости приходится давать провіантъ жолнерамъ, то старецъ распоряжается раскладкой его по волости.

Устава не говоритъ, какъ совершались порубы, но едва ли можно

---

[1]) Археогр. Сборн., III, 272.

сомнѣваться въ томъ, что, согласно старинѣ, они производились самими мужами подъ руководствомъ старца. Вообще самый фактъ сохраненія волостныхъ порубовъ и руководительства ими со стороны старца является очень архаичной чертой. Старецъ является представителемъ общины и тогда, когда она входитъ въ соприкосновеніе съ администраціей. Въ случаѣ судебнаго спора волостного человѣка съ подданымъ частнаго землевладѣльца, или другой волости, дѣло ведетъ старецъ, при которомъ только долженъ быть урядовый слуга.

Для исполненія своихъ обязанностей старецъ „по старой ревизіи" (1560 г.) получалъ одну службу, освобожденную отъ податей и повинностей, а по введеніи волокъ—двѣ волоки на такомъ же условіи, и, „согласно старымъ обычаямъ", при отдачѣ осенью чинша — по 2 гроша съ дыма, мѣркѣ овса и по курицѣ.

Устава нигдѣ не объясняетъ важнаго обстоятельства: кто выбираетъ старца—община ли, на основаніи стараго обычая, или же это дѣло перешло въ руки администраціи. Возможно, судя по практикѣ относительно городовъ, что правительство утверждало старцевъ, о которыхъ ходатайствовала волость.

Представителемъ села былъ заказникъ, тоже очень древняя должность. По распоряженіямъ старца, заказники „выгоняютъ" крестьянъ на работы. Заказникъ напоминаетъ крестьянамъ о срокахъ уплаты податей, каковыя крестьяне отдаютъ при заказникѣ же; онъ же докладываетъ вряду о причинахъ, поведшихъ крестьянъ къ недоимкамъ. На заказникѣ лежатъ полицейскія обязанности: никто не можетъ держать у себя въ домѣ чужеволостца, или вообще бродягу, не доложивши объ этомъ заказнику, а заказникъ слѣдитъ, чтобы такіе люди болѣе трехъ дней не пребывали въ селѣ, и въ противномъ случаѣ представляетъ ихъ въ распоряженіе вряда. Вообще всякаго рода порядокъ въ селѣ лежитъ на заказникѣ. Между прочимъ онъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы крестьяне своевременно ставили ограды на поляхъ и для огражденія выгона отъ засѣянной площади. Заказнику принадлежитъ и часть судебныхъ функцій—по дѣламъ, касающимся потравъ на поляхъ, а также роль вижа „въ иныхъ случаяхъ", т.-е. вѣроятно тогда, когда требовалось „огледанье" должностного лица. За свой трудъ заказникъ имѣетъ волоку, свободную отъ податей и повинностей.

Такимъ образомъ заказникъ въ извѣстныхъ случаяхъ былъ низшею инстанціей по отношенію къ старцу, въ другихъ — несъ самостоятельныя функціи.

Изъ сказаннаго ясно, что на сельскихъ властяхъ съ одной сто-

роны лежали функціи административнаго характера, съ другой — они были общинными представителями и частью — судьями. Общинная жизнь, несмотря на административное переустройство, еще сохранила нѣкоторыя свои особенности. Вообще община была отдѣлена отъ господарской администраціи старцами и заказниками, и можно думать, что въ средѣ самой общины жизнь шла интенсивнѣе, чѣмъ на это указываетъ устава. Ни изъ чего не видно, чтобы общинныя власти находились въ большой зависимости отъ вряда, что даетъ право предположить значительную долю ихъ самостоятельности.

Прочность общинной изстаринной жизни подтверждается еще однимъ чрезвычайно важнымъ фактомъ — сохраненіемъ копнаго суда: вѣдѣнію этого суда подлежатъ „сельскія шкоды, совершенныя въ домахъ (domowe), на пашнѣ и въ лѣсахъ". Изъ этого ясно, что компетенціи копнаго суда подлежали гражданскіе иски (за исключеніемъ межевыхъ и бортныхъ въ районѣ волости), и согласно стариннымъ обычаямъ, и уголовныя преступленія, за исключеніемъ „рѣчей крвавыхъ и гвалтовныхъ", судимыхъ врядомъ. Копа, собравшись, должна была искать виновнаго, т.-е. производить судебное слѣдствіе, и найдя виновнаго не могла однако подвергнуть его наказанію безъ вѣдома администраціи; на копѣ обязательно присутствуетъ замковый вижъ. Копѣ подсудны не только крестьяне, но и всѣ держатели волостной земли, къ какому бы классу они ни принадлежали. Копный судъ и право волостныхъ порубовъ—остатки болѣе широкой компетенціи старинной общины. Иногда дѣятельность ея могла проявляться и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, иногда сельская община брала всю застѣнковую землю и дѣлила между собою: „если бы кто нибудь изъ крестьянъ снялъ застѣнокъ земли, или если бы все село разобрало всю застѣнковую землю и подѣлило между собою", то устава опредѣляетъ извѣстную плату съ этихъ полей. Такимъ образомъ предполагалась возможной совмѣстная аренда земли и передѣлъ ея между односельчанами. Дѣйствительно, при большей части селъ, какъ это видно изъ самаго текста ревизіи, доходъ съ застѣнковыхъ земель показанъ „огуломъ", и въ немъ отдѣльныхъ арендаторовъ нѣтъ,— значитъ снимало землю все село. Эти указанія сходятся съ тѣми, которыя занесены въ Гомельскую ревизію 1560 г.: здѣсь подда́ные цѣлаго села берутъ пустовщины на оброкъ и распредѣляютъ пользованіе ими уже между собою [1].

[1]) Акты Вил. XIII, 348, 352, 357.

Таковы важнѣйшія особенности разбираемой уставы, вскрывающія слѣды общинной организаціи.

Что касается другихъ сторонъ уставы, то достаточно для насъ отмѣтить ихъ въ нѣсколькихъ общихъ чертахъ. Общая задача уставы—опредѣлить точно повинности населенія и предѣлы власти старостинской администраціи. Подати и повинности разложены по волонамъ примѣнительно къ волочной уставѣ. Встрѣчаются и нѣкоторыя стѣсненія, обычныя въ то время, напримѣръ, запрещеніе крестьянамъ продавать свои продукты купцамъ въ селахъ, подъ предлогомъ охраненія крестьянъ отъ обмана скупщиковъ и для наблюденія за тѣмъ, чтобы не продавались мѣха, скупка которыхъ была монополіей вряда. Встрѣчаемъ и мельничную монополію. Все это — обычныя черты той регламентаціи, которою сопровождались реформы.

Могилевская устава является болѣе модернизованной. Во главѣ волости стоитъ войтъ, избираемый волощанами и утверждаемый ревизоромъ („на котораго со подданые зезволять"). Обязанности войта опредѣляются почти такъ же, какъ и волочной уставой. Онъ подсуденъ мѣстному вряду, но войтовство можетъ быть отнято отъ него только ревизоромъ. Подобно старцу, онъ является представителемъ своего войтовства передъ врядомъ и передъ сосѣдними владѣльцами въ случаѣ тяжбы волощанина съ ихъ людьми. У войта въ каждомъ селѣ имѣются помощники въ лицѣ сельскихъ лавниковъ. Войтъ Могилевской уставы, какъ и войтъ волочной уставы, дѣйствуетъ несамостоятельно, но каждый разъ „за розказаньемъ врядовымъ". Онъ только низшій агентъ старостинской администраціи, обязанный обо всемъ ей доносить: „гдѣ кольвекъ обачивши шкоду короля его милости, урядови и ревизорови оповѣдать, ничого не укрываючы". При условіи такой зависимости отъ вряда, нельзя предполагать въ войтовской должности самостоятельности; а между тѣмъ устава требуетъ, чтобы войтъ докладывалъ ревизору о противозаконныхъ дѣйствіяхъ старосты, напримѣръ, о взяткахъ: „и того стеречь, абы врадъ винъ и пересудовъ надъ уставу не бралъ; а естли бы за его мовеньемъ того врадъ не престалъ, маеть то войтъ ревизорови оповедать", подъ страхомъ наказанія. Не трудно предвидѣть, что такое предстательство на дѣлѣ было фиктивнымъ.

Правда, Могилевская устава признаетъ копный судъ въ томъ же объемѣ, какъ и Бобруйская. Она предоставляетъ общинной раскладкѣ уплату даней за рыбную ловлю, бобровые гоны и разверстку медовой дани по старымъ обычаямъ (въ тѣхъ случаяхъ, когда новое

распредѣленіе по волокамъ бортного дерева не совпадало съ прежнимъ). Но за то о волостныхъ порубахъ нѣтъ вовсе упоминанія. Такимъ образомъ общинная жизнь замираетъ съ введеніемъ новой уставы.

Что касается опредѣленія податей и повинностей, то въ этомъ отношеніи Могилевская устава совпадаетъ съ волочной, такъ какъ здѣсь были и осадныя волоки и тяглыя. Интересно и пока трудно объяснимо то обстоятельство, что относительно ухода изъ волости Могилевская устава вполнѣ повторяетъ постановленія волочной; между тѣмъ Бобруйская устава этого вопроса совсѣмъ не касается. Трудно сказать, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ случайнымъ пропускомъ, или же къ этой волости данниковъ не считалось тогда еще возможнымъ во всей полнотѣ примѣнить это постановленіе. Выяснивъ сущность крестьянскаго устройства и управленія, мы можемъ перейти теперь къ старостинской администраціи.

IX.

Вообще, крестьянскія реформы Сигизмунда Августа составляютъ цѣлую эпоху въ исторіи мѣстнаго управленія, стоя, конечно, въ связи съ обще-земскими реформами. Обѣ реформы придали извѣстную стройность и законченность мѣстному управленію, отличавшемуся дотолѣ рудиментарностью и отсутствіемъ строгихъ опредѣленій. Старое управленіе характеризовалось разнообразіемъ принциповъ, лежавшихъ въ его основаніи. Однѣ области были построены по типу древнерусскихъ княженій (Витебская, Полоцкая, Кіевская), въ другихъ этотъ принципъ является значительно видоизмѣненнымъ, съ болѣе сложнымъ управленіемъ (земля Волынская съ подольскими замками). На Жмуди встрѣчаемъ довольно строгую іерархію — тивуновъ, подчиненныхъ старостѣ. Рядъ окраинныхъ староствъ, начальниковъ мѣстныхъ военныхъ силъ, является самостоятельными правителями, непосредственно зависящими отъ великаго князя и его рады. Наибольшею неопредѣленностью отличалось іерархическое положеніе старостъ и державцевъ центральныхъ волостей и замковъ. Больше значенія имѣло соціальное положеніе этихъ старостъ, потому что тѣ изъ нихъ, которые принадлежали къ составу пановъ, вышедшихъ изъ повѣтовъ, выводили за собою и свои державы изъ-подъ власти воеводъ. Компетенція власти воеводъ, старостъ и державцевъ соединяла въ себѣ два принципа, различіе коихъ съ каждымъ десятилѣтіемъ ста-

новилось замѣтнѣе при развертывавшемся сословномъ строѣ. Державца былъ великокняжескимъ приказчикомъ по хозяйственной части и администраторомъ, власть котораго распространялась въ судебномъ, финансовомъ, военномъ и полицейскомъ отношеніяхъ на земянство, мѣщанство и крестьянъ, съ многоразличными подраздѣленіями этихъ классовъ. Уже уставы дворамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ 1514 и 1529 гг. и послѣдовавшее за ними назначеніе особыхъ писарей этихъ дворовъ (предшественниковъ ревизоровъ) и куничныхъ писарей съ особою силою выдвигали хозяйственныя задачи старостинской власти, наряду съ стремленіемъ поставить ее въ ближайшую зависимость отъ скарба и давать отсюда направленіе дѣятельности мѣстныхъ агентовъ. Эти уставы являлись такимъ образомъ этапными пунктами къ реформамъ Сигизмунда Августа.

Все это разнообразіе и неопредѣленность административныхъ отношеній были устранены крестьянской и земской реформами. Еще до офиціальнаго утвержденія закономъ шляхетскаго самоуправленія сдѣланъ былъ крупный шагъ къ обособленію крестьянскаго сословія подъ управленіемъ державцевъ и старостъ: въ 1554 г. было издано постановленіе господаря и его рады, которымъ подданные господарскіе были совершенно изъяты отъ подсудности мѣстнымъ воеводамъ [1]); почти одновременно въ нѣкоторыхъ повѣтахъ появились земскіе суды [2]). Земская реформа 1565 г. узаконила шляхетское земское самоуправленіе и новое дѣленіе по повѣтамъ. Небольшое число старостъ получили значеніе судовыхъ старостъ, т.-е. съ правомъ суда надъ шляхтою по нѣкоторымъ дѣламъ. Всѣ остальные старосты, державцы, тивуны превратились въ административно-финансовыхъ агентовъ господарскаго скарба, при чемъ хозяйственныя функціи ихъ были поставлены на первомъ планѣ. Подъ ихъ властью находились только подданные господарскіе селъ и городовъ, поскольку привилегіи этихъ послѣднихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ допускали вмѣшательство старостинской власти. Однако, между старостами сохранилось еще качественное различіе, независимо отъ того, было ли оно судовое, или нѣтъ. На практикѣ старосты украинскихъ замковъ были болѣе самостоятельны, чѣмъ скарбовые агенты центральныхъ державъ; украинскій староста восточной и южной украины былъ прежде всего комен-

[1]) *Малиновскій*, Сборникъ мат., относящихся къ исторіи пановъ рады вел. кн. Литовскаго, стр. 367.

[2]) Акты Вил., XVI, стр. 1.

дантомъ крѣпости и командиромъ военнослужилыхъ людей не шляхетскаго званія (бояръ и слугъ). Значеніе украинныхъ замковъ въ эпоху Ливонской войны было весьма значительно. Хозяйство на обѣихъ украинахъ отличалось еще большимъ консерватизмомъ, населеніе чутко относилось къ своей старинѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣло и утвержденныя господарями грамоты. Сообразно этому и характеръ старостинской власти на окраинахъ и въ центрѣ былъ неодинаковъ, сблизившись только въ эпоху повсемѣстнаго проведенія волочной помѣры. Это обстоятельство побуждаетъ и изслѣдователя разсматривать функціи старостинской власти отдѣльно въ восточной и западной областяхъ.

Задачи старостинской власти въ восточныхъ областяхъ опредѣляются въ общихъ чертахъ тѣми великокняжескими грамотами, на основаніи которыхъ жаловалась господаремъ держава. Грамоты эти довольно однообразны [1]). Такъ, напримѣръ, въ 1562 г. Сигизмундъ Августъ жалуетъ пану Станиславу Довойнѣ державу Свислоцкую. Указавъ на то, что ревизорами учинена устава повинностей и платежей для всѣхъ русскихъ волостей, въ томъ числѣ и для Свислоцкой, великокняжеская грамота передаетъ Довойнѣ державу на основаніи этой ревизорской уставы. Для того, чтобы новый староста могъ нести службу господарю и относиться „ку подданымъ безъ обтежливости", онъ будетъ получать изъ податей съ державы 200 копъ грошей и доходъ „пенежный" (очевидно, судебные штрафы, двѣ трети коихъ обычно взимались на господаря) и все жито, получаемое съ волости. За уступку этихъ доходныхъ статей Довойна обязанъ держать на замкѣ въ готовности 30 всадниковъ. Съ этимъ „почтомъ" или частью его староста обязанъ являться на службу господарскую, куда ему будетъ приказано. Въ число „почта" онъ не долженъ принимать мѣстныхъ бояръ и слугъ замковыхъ, равно сюда же не входитъ и „почотъ" съ личныхъ имѣній старосты. Въ случаѣ посполитаго рушенія, Довойна обязанъ и свой „почотъ" съ собственныхъ имѣній держать тоже на замкѣ, если не придетъ предписаніе двинуть его куда нибудь въ другое мѣсто. Это—одна сторона требованій отъ старостъ. Другая сторона касалась его отношеній къ населенію. Объ этомъ грамота говоритъ такъ: „тежъ хочемъ мети, абы того с пильностью стерегъ, яко бы подданымъ нашимъ надъ уставу никоторого обтеженья, онъ самъ, врадникъ и слуги его милости не чинили, але абы

[1]) Ссылки см. на стр. 255.

люди осаживали и пожитковъ нашихъ примножали подле набольшаго баченья своего, уставы нашое не отъступуючи. А где бы ся то показано, жебы чимъ подданыхъ обътеженья не ведле уставы заховался и чимъ з уставы и с постановенья нашого онъ самъ, або врадникъ его милости выступовалъ, а онъ бы того не дозрелъ, тогды за таковый выступъ маетъ зложонъ быти съ того вряду и, хотя бы листъ на доживотье мелъ, таковый листъ и право ку помочи ему быти не маеть, кгдыжъ не для обътеженья, але для обороны и въспокоенья подданыхъ и для дозренья пожитковъ нашихъ вряды даемъ и именья наши врядникомъ злецаемъ" [1]).

Дѣйствительно, уставы какъ городамъ, такъ и волостямъ состоятъ прежде всего изъ предписаній, опредѣляющихъ власть старосты и размѣры взимаемыхъ имъ въ свою пользу сборовъ. Такъ, уставы городамъ упоминаютъ о запрещеніи мѣстному вряду пользоваться сборами стаціи, овсовъ и проч., что практиковалось раньше. Точно опредѣлены размѣры канцелярскихъ сборовъ, какъ бирчого, писчого, записного. Во всѣхъ городахъ торговыя пошлины собираются на замокъ, а въ Могилевѣ кромѣ того сюда же идетъ „объстка" съ прибывающихъ иногородныхъ купцовъ; по позднѣйшей уставѣ 1639 года на старосту въ Бобруйскѣ идетъ сборъ съ мѣстныхъ мясниковъ. Для замковыхъ работъ, какъ это опредѣлено въ Могилевской уставѣ, староста совмѣстно съ войтами и сотниками вырабатываетъ извѣстную очередь. Иногда на старосту шелъ доходъ отъ перевоза черезъ рѣку, нѣкоторыхъ корчемъ, мельницы (въ Бобруйскѣ по уставѣ 1639 г.). Повидимому, въ XVII в. усилилась власть старосты въ вопросѣ о назначеніи городского войта, какъ объ этомъ можно судить по позднѣйшей уставѣ Бобруйску.

Таковы предписанія, касающіяся спеціально городовъ.

Главнѣйшія черты собственно сельскаго устава сводятся къ слѣдующему. По Могилевской уставѣ, на старосту возлагается разслѣдованіе причинъ, приведшихъ того или иного плательщика къ недоимкамъ, и наказаніе тѣхъ изъ нихъ, которые могли бы своевременно уплатить. Врядъ имѣетъ наблюденіе за сельской торговлей. По Бобруйской уставѣ ему предоставляется монопольное право скупки у крестьянъ бобровъ „безъ кривды" для продавцевъ, а мѣха нѣкоторыхъ другихъ звѣрей (напр. волка, куницы) даже таксированы. По Могилевской же уставѣ, крестьяне имѣютъ „вольность" продавать

[1]) Кн. Зап. Лит. XLIV, л. 4 об.—5.

мѣха на торгу. Уставы подробно опредѣляютъ всякаго рода сборы, взимаемые на врядъ и очень заботливо стараются охранить крестьянъ отъ излишнихъ поборовъ и повинностей: „А надъ тые повинности описанные, яко на короля его милости, такъ и на врядъ, подданые волостные прымушаны быть не маютъ“. Врядъ не долженъ брать винъ и пересудовъ „надъ уставу“, а также „окуповъ“: „ни якихъ винъ, зарукъ и пожитковъ вымышленныхъ врядъ и нихто на подданыхъ вытегать не мастъ“, отмѣняется также и старый обычай брать на врядъ „отумерщины“ и „сбѣгщины“, но все имущество послѣ крестьянина должно переходить къ его женѣ и дѣтямъ.

Бобруйская устава совсѣмъ не занята вопросами касательно двороваго хозяйства, очевидно потому, что оно тамъ не было заведено. Напротивъ, Могилевская устава содержитъ въ себѣ рядъ предписаній, опредѣляющихъ хозяйственную дѣятельность старосты; эти предписанія находятся подъ большимъ вліяніемъ волочной уставы, частью повторяя ее. Староста долженъ, согласно указаніямъ ревизоровъ, заботиться о постройкѣ мельницъ, и именно пользоваться для этой цѣли урочными днями крестьянской работы, чтобы наймомъ рабочихъ не сдѣлать большихъ расходовъ. Мельники находятся во всѣхъ отношеніяхъ подъ его ближайшимъ наблюденіемъ и въ юрисдикціи старостъ. Осада еще незанятыхъ волокъ лежитъ на заботливости старосты. Сѣнокосы, отмежеванные къ этимъ волокамъ, долженъ эксплоатировать староста и чинить съ дохода „личбу“ въ скарбѣ. Онъ оберегаетъ постройки на незанятыхъ волокахъ, ведетъ бортное хозяйство, если бортное дерево не разобрано крестьянами. Староста оберегаетъ всѣ „уходы“ и „уступы“ крестьянъ отъ захвата ихъ людьми сосѣднихъ владѣльцевъ, и вообще подъ его наблюденіемъ волощане пользуются своими угодьями. Уже выше говорилось, что волощане переуступаютъ свои участки съ вѣдома вряда. Таковы довольно детальныя указанія старостѣ по хозяйственной части.

Что касается другихъ сторонъ компетенціи старостинской власти болѣе общаго характера, относительно обоихъ слоевъ населенія, то на первомъ планѣ надо поставить его судебныя функціи. Подъ присудомъ старосты были всѣ лица, поселившіяся на грунтахъ староства, т. е. въ томъ числѣ и шляхта. Но судебная компетенція старосты обрисована источниками только съ внѣшней процессуальной стороны. Такъ, опредѣлены „платы“ „от приглѣданья присѣги“, то есть, „отъ роты“, „отъ выданья святости до присѣги“, размѣры пересуда, „памятного“, „децкованья“, „вижового“, штрафы отъ „вины битой“

(при искахъ объ оскорбленіи дѣйствіемъ), или въ случаѣ примиренія до суда. По Могилевской уставѣ еще и „иншая всякая вина отъ рубля десять грошей". Наконецъ опредѣлено „потуремное", „поколодное", „записное" отъ судовыхъ выписовъ, свадебныя куницы. Опредѣленіе только одной процессуальной стороны объясняется, конечно, тѣмъ, что старосты обязаны были руководствоваться Статутомъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ грамоты и ссылаются на Статутъ (напр. по Рѣчицкой грамотѣ навязка взимается по Статуту). Слѣдуетъ указать еще на одну подробность: судъ происходитъ въ праздничные дни, за исключеніемъ „прычины крвавое и кгвалтовное",—по Бобруйской грамотѣ. Это и есть судъ надъ „злочинцами и злодѣями", которыхъ наказывать Могилевская устава предписываетъ по Статуту, но безъ „вины злодѣйское", т. е. безъ штрафа изъ имущества осужденнаго, какъ это практиковалось раньше. Однако, всякаго рода наказаніе не по суду вряду строго воспрещается, напримѣръ, побоями.

Староста является судьей также и въ случаяхъ столкновенія подданныхъ съ его слугами, а также даетъ судъ и въ искахъ подданныхъ другихъ волостей, или лицъ къ управляемымъ имъ крестьянамъ, наконецъ, вчинаетъ иски отъ имени своихъ подданныхъ къ боярамъ, попамъ и ихъ подданнымъ; впрочемъ, по Бобруйской волостной уставѣ главная роль въ этомъ случаѣ принадлежитъ старцу.

Староста несетъ и полицейскія обязанности. Это вытекаетъ изъ общаго характера его должности, уставы же опредѣляютъ только нѣкоторыя стороны этой дѣятельности. Староста долженъ наблюдать, чтобы корчмы ставились только на назначенныхъ мѣстахъ, преимущественно на большихъ проѣзжихъ дорогахъ; онъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы въ волости не пролагались безъ нужды дороги, чтобы проѣзжіе не обижали подданныхъ, чтобы жолнеры и всякіе военные люди не грабили крестьянъ, чтобы казаки не ходили по волостямъ за „коледой", или „волочебнымъ"; если солдаты причинятъ грабежи, то староста обязанъ произвести разслѣдованіе и представить реестры въ скарбъ для уплаты изъ ихъ жалованья.

Обращаясь къ положенію старостъ и державцевъ центральныхъ державъ, прежде всего нельзя не отмѣтить весьма существеннаго отличія въ постановкѣ здѣсь старостинской власти сравнительно съ восточными державами. Здѣсь старосты, державцы, тивуны—почти исключительно являются прикащиками. Волочная устава и наказъ

старостамъ—цѣлые политико-экономическіе трактаты, облеченные въ форму правительственныхъ инструкцій.

Главное вниманіе обращено на дворовое хозяйство. Обѣ инструкціи опредѣляютъ каждый шагъ дѣятельности скарбоваго прикащика. Сжавъ хлѣбъ, державца долженъ приступить къ распредѣленію его. Сначала онъ выдѣляетъ часть, слѣдуемую для костельной десятины. Затѣмъ распредѣляетъ число копенъ, нужное на сѣмена, на „отсопъ" крестьянамъ, на мѣсячину для содержанія челяди, на выкормъ свиней; оставшійся озимый хлѣбъ распредѣляется на три части, двѣ идутъ въ господарское гумно, а третья—въ пользу державцы. Изъ яровыхъ хлѣбовъ державца получаетъ на содержаніе себя и своего двора четвертую часть, а остальныя три—идутъ „къ пожитку господарскому". Остающаяся часть хлѣбовъ поступаетъ въ продажу. Державца самъ транспортируетъ хлѣбъ въ Кенигсбергъ или Данцигъ, или же продаетъ на торгу, смотря по тому, что выгоднѣе для скарба. Если дворъ находится не вдалекѣ отъ портового города, то въ немъ рекомендуется устраивать хлѣбные склады. Впрочемъ, въ зависимости отъ скарбовыхъ нуждъ можетъ послѣдовать и иное распоряженіе относительно хлѣба. По хлѣбу державца долженъ вести строгую отчетность. Уставы высказываютъ также большую заботливость объ устройствѣ сушиленъ для хлѣба и гуменъ. При каждомъ гумнѣ, долженъ быть особый, заслуживающій довѣрія, гуменникъ изъ подданныхъ; онъ ведетъ точный счетъ поступающему и выбираемому хлѣбу и свои реестры представляетъ ревизору (очевидно, для контроля самого державцы). Хлѣбъ долженъ быть хорошо вымолачиваемъ.

Второй стороной двороваго хозяйства является забота о скотѣ. При каждомъ дворѣ полагается держать не менѣе двадцати коровъ и овцы. За скотомъ смотритъ особая служебница, рыкунья, въ помощь которой даются невольныя дѣвки. Скоту и приплоду ведутся особые реестры, провѣряемые ревизорами. Врядъ самъ продаетъ продукты скотоводства, но обязанъ ежегодно вносить въ скарбъ особую плату за каждую корову (по одному грошу) и за каждую овцу. Старый скотъ долженъ быть своевременно продаваемъ. Рекомендуется усиленно развивать скотное хозяйство, покупать коровъ. Гдѣ есть достатокъ въ сѣнѣ, совѣтуется держать воловъ на убой. Конскія стада находились въ спеціальномъ завѣдываніи конюшаго господарскаго, но лошади разсылались на кормъ по державамъ, почему державцамъ даются подробныя предписанія о способахъ „хованья" лошадей.

Не забыто и огородное хозяйство: вездѣ должны быть заведены

огороды, которые эксплоатируетъ самъ державца, но за то ежегодно платить въ скарбъ по 12 грошей за каждый моргъ.

Вообще волочная устава и ревизорскія инструкціи весьма усиленно рекомендуютъ развивать дворовое хозяйство, устраивать дворы, фольварки: при замкахъ и дворахъ подъ крестьянскіе участки совѣтуется оставлять только „неножиточные грунты".

Составители инструкцій очень хорошо понимали значеніе для хозяйства различныхъ прикладныхъ его сторонъ. Такъ, напримѣръ, была выражена большая заботливость о развитіи рыбныхъ ставовъ, мельницъ, совѣтывалось добывать желѣзную руду, гдѣ она встрѣчалась. По волочной уставѣ бортное дерево должно находиться непосредственно въ завѣдываніи вряда. Державцы также должны заниматься охотою, ловить бобровъ—все въ цѣляхъ увеличенія скарбового дохода. Хотя лѣса были въ завѣдываніи особыхъ лѣсничихъ, но лѣсные участки находились и въ другихъ державахъ. Кромѣ того когда волоки разбивались въ лѣсахъ, державцы обязаны были эксплоатировать эти лѣсныя пространства.

Кромѣ указанныхъ доходныхъ статей, на державцевъ возлагается и сборъ обычныхъ въ то время частновладѣльческихъ доходовъ, напримѣръ мыта гребельнаго, торговаго, наблюденіе за тѣмъ, чтобы солодъ приготовлялся только на господарскихъ мельницахъ.

Въ распредѣленіи земли на различныя хозяйственныя нужды вряду были даны самыя точныя предписанія, такъ что каждый клочекъ пахоти, сѣнокоса, лѣса былъ обмежеванъ и имѣлъ опредѣленное хозяйственное назначеніе; фольварки устраивались по назначенію ревизоровъ или скарба, по крайней мѣрѣ съ согласія послѣдняго. Крестьянскія земли были выдѣлены, но эксплоатація незанятыхъ участковъ была стѣснена воспрещеніемъ сдавать ихъ на оброкъ. Державца дореформеннаго періода довольно свободно распоряжался раздачей земель на службы „до воли господарской". Такую же привилегію сохраняютъ и теперь старосты окраинныхъ замковъ, широко раздававшіе боярамъ и шляхтѣ земли на боярской службѣ, что вызывалось военными соображеніями. Но наказъ, имѣя въ виду центральныя державы, строго воспрещаетъ тамошнимъ державцамъ раздачу свободныхъ земель „до воли господарской" земянамъ, своимъ слугамъ, или же господарскимъ подданнымъ не на установленныхъ платахъ и повинностяхъ: такія раздачи должны быть отмѣняемы, по разслѣдованію каждый разъ со стороны подскарбія земскаго. Волочная устава опредѣляетъ, въ цѣляхъ контроля, и правила объ отводѣ державцами

тѣхъ данинъ, которыя пожалованы великимъ княземъ: державца беретъ у имѣющаго пожалованіе „данный“ листъ, отводитъ ему землю, а листъ представляетъ для свѣрки съ Метрикой подскарбію земскому.

Наконецъ, мы уже видѣли, что хозяйственная дѣятельность державцы проявлялась въ устройствѣ челяди, тяглаго и осаднаго населенія, въ пользованіи трудомъ его для хозяйственныхъ цѣлей и въ управленіи подданными. По отношенію къ управляемому населенію, мы уже знаемъ, державцамъ воспрещались всякія насилія, пользованіе трудомъ крестьянъ для своей выгоды, предписывается при взысканіи штрафовъ „побожне“ относиться къ крестьянамъ и т. д.

Наказъ предписываетъ, чтобы никто изъ державцевъ не бралъ на подданныхъ излишнихъ винъ, зарукъ, наметовъ, и не посылалъ бы своихъ слугъ въ качествѣ „ложней“ въ домы подданныхъ. Староста является и представителемъ интересовъ крестьянъ при ихъ столкновеніяхъ съ сосѣдними владѣльцами, или съ подданными послѣднихъ. Онъ запрещаетъ шляхтѣ охотиться на крестьянскихъ поляхъ, пока не убранъ хлѣбъ, что обыкновенно дѣлаютъ шляхтичи, по словамъ уставы. Державцы добиваются „справедливости“, т. е. судебнаго разсмотрѣнія дѣла, когда искъ предъявляется его подданнымъ къ подданному другой державы или землевладѣльца. Наконецъ, державца удовлетворяетъ иски подданныхъ къ своимъ слугамъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ державца центральныхъ волостей находится въ такомъ же положеніи, какъ и его собратъ на восточной окраинѣ. Между прочимъ, волочная устава повторяетъ категорическое требованіе, чтобы воеводы Виленскій и Троцкій, а также староста Жомойтскій не судили бы старостинскихъ подданныхъ. Вообще, въ отношеніи старостинскаго суда предписанія волочной уставы совершенно аналогичны съ тѣми, которыя даны въ уставахъ восточнымъ волостямъ, почему нѣтъ нужды повторять ихъ.

Отношенія державцы къ скарбу точно опредѣлены. Онъ пользуется извѣстными доходами отъ хозяйства: ему идетъ „третій снопъ“ собраннаго озимаго хлѣба и четвертый ярового, полный денежный и хлѣбный платъ съ каждой десятой волоки, кромѣ овса и сѣна, изъ урожая дворового сѣна онъ получаетъ пятую часть, а отъ судебныхъ штрафовъ—третью.

По общему обычаю державца могъ замѣнять себя намѣстникомъ въ управленіи державою и имѣлъ своихъ слугъ, но за нихъ онъ является отвѣтственнымъ.

Къ числу обязанностей державцы принадлежитъ также и наблю-

деніе за замкомъ, если таковой имѣется въ его староствѣ. Староста долженъ наблюдать, чтобы орудія на замкѣ были въ исправности, чтобы былъ въ достаточномъ количествѣ матеріалъ, для изготовленія пороха и снарядовъ. Замковыя постройки также находятся въ его вѣдѣніи. Староста несетъ и военную службу. По общему правилу, всѣ врядники должны были нести земскую военную службу со своихъ врядовъ; количество ихъ „почота" опредѣлялось подскарбіемъ земскимъ; старостинскій урядовой „почотъ" состоялъ изъ мѣстныхъ бояръ.

Вообще въ проявленіи своей разносторонней дѣятельности державца подлежалъ самому строгому и скрупулезному отчету и контролю. Это мы уже видѣли при разсмотрѣніи вопроса о дѣятельности ревизоровъ. Этой стороной весьма заняты и наказъ и волочная устава. Державца обязанъ держать особые реестры, характеризующіе „маетность" каждаго подданнаго и доходъ, идущій съ него въ скарбъ. Онъ ведетъ судебныя книги съ точнымъ поименованіемъ налагаемыхъ штрафовъ и наказаній. По всѣмъ сколько нибудь сложнымъ дѣламъ державца долженъ руководствоваться указаніями ревизора или испрашивать разрѣшеніе у скарба. Съ подробными регистрами и счетами каждый державца ежегодно является въ скарбъ для взноса доходовъ и для провѣрки его отчетовъ. Для каждой державы былъ назначенъ особый день для принятія въ скарбѣ отчета (съ 1 января до конца мая). Неявившійся для отчета безъ законныхъ основаній немедленно подлежитъ взысканію: въ его имѣнія посылается господарскій дворянинъ для „увязанья" за скарбовый долгъ.

Таковы отношенія старостъ и державцевъ центральныхъ державъ къ сельскому населенію.

Что касается городовъ, то уже было упомянуто, что волочная устава даетъ нѣсколько указаній по управленію ими, исключительно со стороны податной. Но эта схема имѣла незначительное примѣненіе на практикѣ. Уже въ первые годы XVI вѣка вся Подляхія и западная окраина были усѣяны мѣстечками, получившими грамоты на осады на магдебургскомъ правѣ, съ обычными условіями и большею частью съ выборнымъ войтомъ. Эти грамоты для большинства городовъ были обновлены въ 60-хъ гг., при чемъ замѣтно стремленіе усилить контроль и старостинскую власть надъ городами. Возможность обновленія мѣстечковыхъ привилегій объясняется тѣмъ, что данныя Сигизмундомъ Первымъ грамоты были именно предварительными привилегіями на осаду, за которыми уже должны были быть выданы

жителямъ настоящія магдебургіи [1]). При выдачѣ послѣдней и оказалось возможнымъ ввести постановленія, усиливавшія власть администраціи. Это выражалось, напр., въ томъ, что мѣщане избирали себѣ войта съ согласія державцы [2]), или даже въ томъ, что войтовская власть присваивалась мѣстному старостѣ [3]). Городскіе общинные сборы ставились подъ контроль замкового вряда [4]). Важной стороной городской жизни была самостоятельность при собираніи господарскихъ и земскихъ налоговъ и въ распредѣленіи повинностей. Но полнота общинныхъ правъ въ этомъ отношеніи сводилась къ минимуму, потому что ревизія, согласно волочной уставѣ, облагала всѣ участки опредѣленными налогами. Въ грамотахъ мы обычно встрѣчаемъ постановленія, что или мѣстный врядъ, войтъ и лавники, сами собираютъ подати и сдаютъ ихъ державцѣ [5]), или же, что городской врядъ непосредственно вноситъ ихъ въ господарскій скарбъ, „какъ въ привилегированныхъ городахъ“ [6]); но въ дѣйствительности при городскихъ сборщикахъ бываютъ особые служебники державцы, для контроля [7]). Очень хорошо извѣстно, что съ конца XVI вѣка усиленіе административной власти надъ городомъ повело къ безконечнымъ спорамъ городскихъ общинъ съ администраціею.

Таково положеніе новой администраціи, какъ въ восточныхъ, такъ и въ западныхъ староствахъ. Уже достаточно выяснено какъ различіе старостинской власти обѣихъ частей государства, такъ и общій характеръ ихъ дѣятельности. Слѣдуетъ только пояснить, что постановленія господарскихъ уставъ не были теоретическими предписаніями. Факты текущей дѣятельности старостинской администраціи свидѣтельствуютъ, что господарскій скарбъ имѣлъ въ старостахъ гибкое орудіе, на которое онъ съ удобствомъ могъ опираться. Мы не будемъ слѣдить за разнообразными проявленіями этой дѣятельности, такъ какъ это значило бы въ значительной мѣрѣ повторить уже сказанное. Но сдѣлаемъ нѣсколько бѣглыхъ указаній для подтвержденія только что ска-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 318 об. (Грамота Пощаткѣ 1569 г.).

[2]) Кн. Зап. Лит., XXXIX, л. 601 об. (Грам. Переросло).

[3]) А. Ю. З. Р., I, 165.

[4]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 319 об. (Пещаткѣ).

[5]) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 363 (Грам. Меречу 1569 г.); Кн. Зап. Лит. XXXVII, л. 438; Кн. Пер. Лит., IX, л. 99.

[6]) Кн. Судн. Д. Лит., XLIV, л. 104 (Грам. Августову 1564 г.).

[7]) Кн. Судн. Д. Лит., LIII, л. 160 об.

заннаго. Такъ, старостинскій врядъ мы встрѣчаемъ въ качествѣ сборщика господарскихъ податей [1]). Изъ земскихъ податей державца собиралъ подводные пенези [2]), серебщину [3]); онъ же „осаживалъ до везенья“ недоимщиковъ земскихъ налоговъ [4]), черезъ него же идутъ всѣ извѣщенія жителей о срокахъ по уплатѣ податей или о льготахъ [5]). При развитіи монополій и косвенныхъ налоговъ, финансово-полицейская роль старость получаетъ особо важное значеніе. Староста запродаетъ солодовни [6]), корчмы [7]), завѣдуетъ перевозомъ [8]) и торговыми сборами, наблюдаетъ за правильными взносами арендатору „малыхъ поборовъ“ платежей, взимаемыхъ съ жителей [9]), контролируетъ проходящіе черезъ таможню товары, принадлежащіе шляхтѣ [10]), содѣйствуетъ поимкѣ контрабандистовъ [11]) и т. д. Въ военное время роль державцевъ была очень важна по снабженію войска провіантомъ. Господарскіе дворы были обширными складами припасовъ. Вмѣсто собиранія хлѣба въ гумна и продажи его, по приказанію господаря, державцы транспортируютъ жито и овесъ на театръ военныхъ дѣйствій [12]), или въ украинные замки [13]); такъ какъ по уставѣ предполагалось собирать съ жителей дани хлѣбомъ и живностями въ натурѣ или деньгами, то иногда приказывалось державцамъ собрать весь хлѣбъ дякольный, барановъ, сыры, куръ и отправить въ войско [14]); въ нѣкоторыхъ случаяхъ у крестьянъ брали хлѣбъ вмѣсто денежныхъ сборовъ съ тою же цѣлью [15]), замѣняя такимъ образомъ всѣ платежи хлѣбнымъ сборомъ [16]). Бывали случаи, когда вывозъ хлѣба

---

[1]) Акты Вил. XI, 35; Кн. Пер. Лит., VII, л. 42.
[2]) Кн. Пер. Лит., IX, л. 103.
[3]) Кн. Пер. Лит., VII, л. 51 об.—57 об. Впрочемъ, о порядкѣ сбора при Стефанѣ Баторіи см. А. З. Р., III, 193.
[4]) Кн. Зап. Лит., LII, л. 5—5 об.
[5]) Кн. Судн. Д. Лит., LIII, л. 100 об.
[6]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 381 об.
[7]) Ibidem, л. 128 об.
[8]) Ibidem, л. 28 об.—29 об.
[9]) *Бершадскій*, Документы и реестры, II, 191.
[10]) Ibidem, 212.
[11]) Ibidem, 215.
[12]) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 87; Кн. Пер. Лит. VII, л. 59—60; Кн. Судн. Д. Лит., LIII, л. 24 об.
[13]) Кн. Зап. Лит., XIX, л. 16; Кн. Зап. Лит., XLV, л. 63 об.
[14]) Кн. Пер. Лит., VII, л. 58, л. 181 об.
[15]) Ibidem, л. 58.
[16]) Ibidem, л. 48.

и живности за границу совсѣмъ воспрещался господарскимъ мѣщанамъ и крестьянамъ, съ цѣлью монопольной скупки его казной, или пониженія цѣнъ. Проводить эти мѣры, наблюдать за ихъ исполненіемъ должны были старосты [1]). Если для войскъ надобились возы, ремесленники, пекари, пивовары, даже торговцы, то нарядъ и отправленіе этихъ людей возлагался на старость [2]). Держава также была мѣстнымъ отдѣленіемъ скарба: изъ нея выдавались различнымъ лицамъ „юргельты", т. е. жалованье, денежное или хлѣбное [3]). Державца подыскивалъ въ своей державѣ земли, если кому либо предполагалось ихъ пожаловать [4]), или отводилъ уже пожалованныя [5]). Онъ же исполнялъ разнообразныя порученія скарба, господаря и его рады, по хозяйственной или административной части; ему, напр., поручалось ловить дезертировъ изъ наемныхъ ротъ [6]), производить разслѣдованія о степени разоренія мѣстныхъ жителей [7]), набирать охотниковъ для пушкарской службы на замкахъ [8]), устраивать осочниковъ [9]), готовить конюшни для господарскихъ лошадей [10]), стаціи при проѣздахъ господаря. Староста также заботился о духовныхъ нуждахъ жителей, устраивая, напримѣръ, церковные приходы [11]). На него же возлагаются также обычныя работы по устройству замка, снабженію его орудіями [12]), провіантомъ [13]), по ремонту укрѣпленій [14]).

Таковы многостороннія обязанности старосты. Какъ видимъ, онѣ проявляются главнымъ образомъ въ хозяйственномъ и административно-полицейскомъ отношеніяхъ. Это и понятно, такъ какъ вполнѣ соотвѣтствуетъ новой постановкѣ этой должности. Насколько это направленіе преобладало, видно и еще изъ одного важнаго обстоятель-

---

[1]) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 71; Кн. Пер. Лит., VII, л. 34—35.

[2]) Кн. Пер. Лит., IX, л. 126; Кн. Пер. VII, л. 77 об.—78 об.; Кн. Зап. Лит. XLV, л. 89—90.

[3]) Кн. Судн. Д. Лит., LII, л. 49; Кн. Судн. Д. Лит., LIII, л. 73.

[4]) Кн. Пер. Лит., X, л. 33 об.; Кн. Судн. Д. Лит., LII, л. 131 об., л. 144.

[5]) Кн. Пер. Лит., X, л. 6 об.; Кн. Судн. Д. Лит., LIII, л. 21, л. 167 об.

[6]) Кн. Зап. Лит., XLV, л. 46.

[7]) Ibidem, л. 63.

[8]) Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 92—93.

[9]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 119.

[10]) Кн. Пер. Лит. IX, л. 157 об.

[11]) Акты Вил., III, 196.

[12]) Докум. Моск. Арх. М. Ю., I, 149; Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 1—2 об.

[13]) Кн. Зап. Лит., XLIV, л. 49 об.

[14]) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 192.

ства. Въ тѣсной связи съ реформой старостинской власти находились еще мѣропріятія по выдѣленію изъ нея главнѣйшихъ обязанностей по постройкѣ и наблюденію за замками, а также по командованію крѣпостью въ военное время. Староста оставался высшимъ командиромъ крѣпости въ обоихъ отношеніяхъ, но получалъ помощниковъ въ лицѣ городничаго и войскаго. Городничій и войскій—очень старыя должности въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Но войскій въ прежнее время извѣстенъ только въ Подляхіи, а городничій бывалъ только въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ и то не всегда, преимущественно въ періодъ постройки укрѣпленій. Съ 60-хъ г. обѣ должности обновляются и вновь появляются при большинствѣ замковъ Троцкаго, Виленскаго и Волынскаго воеводствъ, частью на южной окраинѣ. Такъ, врядъ войскаго появляется или возобновляется послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго перерыва въ городахъ: Луцкѣ [1]), Ковнѣ [2]), Пинскѣ [3]), Мозырѣ [4]), Винницѣ [5]), на Жмуди [6]), въ Берестьи [7]), Новгородкѣ [8]), Витебскѣ [9]), Трокахъ [10]). Обязанность войскаго заключалась въ томъ, что онъ получалъ командованіе надъ крѣпостью въ военное время [11]). Войскій былъ земскимъ повѣтовымъ врядникомъ, городничій же—господарскимъ. Это—помощникъ старосты по дѣламъ крѣпости. Городничій наблюдаетъ за правильностью сторожи на замкѣ, за соблюденіемъ порядка въ запираніи и отворяніи замковыхъ воротъ, ремонтируетъ замокъ, заботится объ исправности замковыхъ орудій и снарядовъ [12]). На городничемъ лежала забота о замковыхъ „шпихлерахъ", т. е. о провіантскихъ магазинахъ [13]), иногда и

---

1) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 14, об., 1566 г. Войское здѣсь установлено „яко и в иншихъ некоторыхъ поветехъ панства нашого".
2) Кн. Зап. Лит., LXV, л. 142, 1582 г.
3) Кн. Зап. Лит., XXXVIII, л. 331, 1562 г.
4) Кн. Судн. Д. Лит., LIII, л. 275 об., 1570 г.
5) Кн. Судн. Д. Лит., LII, л. 109.
6) Ibidem, л. 8 об., 1566 г.
7) Кн. Зап. Лит., XLIX, л. 11, 1566 г.
8) Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 39 об., 1566 г.
9) Ibidem, л. 382 об.
10) Ibidem, л, 384 об.
11) Кн. Зап. Лит., XLVII, л. 54 об., Кн. Судн. Д. Лит., LIII, л. 275 об., Кн. Зап. Лит., XVII, л. 469 об.; Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 14 об.
12) Кн. Зап. Лит., XXXII, л. 28; Кн. Пер. Лит., VII, л. 126 об.; Кн. Судн. Д. Лит., LII, л. 359; Кн. Зап. Лит., XLVIII, л. 53.
13) Кн. Зап. Лит., XXXVII, л. 387.

нѣкоторыя частности городского хозяйства, напримѣръ, замковаго фольварка [1]), сборъ капщины [2]).

Такимъ образомъ въ лицѣ городничаго староста получалъ помощника по завѣдыванію крѣпостью, а войскій замѣнялъ его въ командованіи замкомъ въ военное время. На старостѣ же главнѣйшимъ образомъ оставались обязанности по хозяйству, суду и полиціи. Но среди полицейскихъ функцій преобладали тѣ, которыя были связаны съ финансовымъ строемъ государства, или же съ хозяйствомъ староства, а судъ былъ одною изъ частностей крѣпостнаго хозяйства. Только въ восточныхъ староствахъ и на южной украинѣ до уніи староство сохраняетъ свое военное значеніе. Новыя особенности въ положеніи старостинской власти отразились и на условіяхъ „шафованія" старбствами: они дробились на части, отдѣльные дворы и села, выдѣляемые или въ залогъ или въ управленіе, переходили отъ отца къ сыну по господарскому пожалованію, отдавались въ пожизненное управленіе и т. п.,—подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ хозяйственныхъ или служебныхъ соображеній.

Вышеизложенныя особенности старостинской власти не во всѣхъ отношеніяхъ были новы. И въ дореформенное время державцы занимались хозяйствомъ, извѣстны такіе факты, какъ пожалованіе дожиботій, залоги и т. п.; но нельзя не замѣтить и значительной разницы: всѣ указанные случаи передачи державъ въ дореформенное время имѣли исключительный характеръ, теперь становятся обычнымъ. Далѣе, въ дореформенное время держава была—врядъ, должность общегосударственнаго характера, теперь державца — только прикащикъ части обширнаго великокняжескаго доминіальнаго хозяйства.

Новое положеніе державцы отразилось и въ іерархическомъ отношеніи. Не совсѣмъ опредѣленная ихъ зависимость отъ воеводъ (въ военномъ, судебномъ и, кажется, въ полицейскомъ отношеніяхъ), отъ подскарбія земскаго (по хозяйству и сбору податей) и отъ маршалка земскаго (по контролю при сдачѣ платовъ), не имѣла уже мѣста. Только на Жмуди, подъ охраной старинныхъ привилегій этой земли и настойчиваго здѣшняго землянства, тивуны сохранили нѣкоторую іерархическую связь съ мѣстнымъ старостой. Въ случаѣ, если тивунъ или его врядники не исполняютъ господарской уставы, или не желаютъ удовлетворить жалобъ на „крывды" со стороны подданныхъ, то ревизоръ объ этомъ доводитъ до свѣдѣнія старосты, а

[1]) Кн. Пер. Лит., VII, л. 8 об.
[2]) Кн. Пер. Лит., IX, л. 126 об.

но скарба, какъ было по отношенію къ другимъ державцамъ, и староста уже дѣлаетъ распоряженіе объ исполненіи предписанія, въ присутствіи ревизора [1]).

Общее же положеніе было таково, что державца находился въ непосредственной зависимости отъ подскарбія земскаго и его скарбовой канцеляріи. Только дача державъ оставалась въ рукахъ господаря. Подскарбій земскій направлялъ дѣятельность старостъ, контролировалъ ее и взыскивалъ за неисправность. Впервые это положеніе державъ было санкціонировано господарскимъ листомъ, выданнымъ 11-го марта 1566 г. пану Миколаю Нарушевичу при назначеніи его на врядъ подскарбства земскаго; но въ этой грамотѣ санкціонировано лишь то, что уже къ этому времени было установлено практикой. Подскарбій земскій являлся полнымъ хозяиномъ во всемъ томъ, что могло вести къ расширенію пожитка господарскаго въ господарскихъ земляхъ, лѣсахъ, замкахъ, городахъ и волостяхъ; онъ устанавливаетъ здѣсь порядки, какіе сочтетъ нужнымъ, и посылаетъ ревизоровъ для контроля по ихъ примѣненію. Поэтому всѣ старосты, державцы, намѣстники, тивуны и ревизоры обязаны давать подскарбію „вѣдомость и справу“ и „послушенство ку нему мѣти“, подлежать его суду по скарбовымъ дѣламъ. Льготы жителямъ по платежу податей зависятъ отъ подскарбія, онъ распоряжается работами лѣсныхъ товаровъ. Однако по отношенію къ окраиннымъ замкамъ, по дѣламъ военнымъ, онъ даетъ распоряженія съ совѣта и согласія остальныхъ пановъ радъ. Подскарбій земскій принимаетъ всѣ доходы отъ старостъ, державцевъ, городничихъ, тивуновъ и контролируетъ ихъ [2]). Такимъ образомъ установлены были іерархическія отношенія между высшей администраціею и мѣстной.

Такъ была организована прочная администрація, завершившая собою все зданіе реформы. Не будемъ повторять частностей, вытекающихъ изъ предыдущаго изслѣдованія; онѣ достаточно подчеркнуты въ своемъ мѣстѣ. Отмѣтимъ только общее послѣдствіе: уничтоживъ изстаринный строй, создавъ скрупулезную опеку надъ крестьяниномъ, реформа подошла къ тому же, къ чему клонились и другія особенности тогдашней жизни,—къ закрѣпленію крестьянства.

М. Довнаръ-Запольскій.

---

[1]) Кн. Судн. Д. Лит., LIII, л. 29 об.
[2]) Кн. Зап. Лит., I. л. 2 5.

КЪ ВОПРОСУ О ПЕРЕЯСЛАВЛЬСКИХЪ ТОРКАХЪ.

Въ специальной монографіи проф. П. В. Голубовскаго,—Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ,—посвященной вопросу о взаимодѣйствіи кочевого міра и южно-русскаго окраиннаго, порубежнаго со степью, населенія, существуютъ нѣкотораго рода пробѣлы, касающіеся, однако, весьма важныхъ, существенныхъ сторонъ южно-русской исторической жизни. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и вопросъ о мѣстѣ поселенія инородческихъ, главнымъ образомъ, торческихъ поселеній,—вопросъ, чрезвычайно важный, такъ какъ правильное разрѣшеніе его даетъ возможность лучше уразумѣть основныя черты жизни южно-русскаго окраиннаго со степью населенія. Пополнить указанный пробѣлъ и рѣшился А. В. Стороженко, посвятившій данному вопросу отдѣльную главу въ своей книгѣ, касающейся главнымъ образомъ исторіи восточной, т. е. лѣвобережной Украины, и носящей заглавіе „Переяславльская Старина". Къ сожалѣнію, основанія, приводимыя авторомъ къ разрѣшенію поставленнаго вопроса, не отличаются ни достаточной полнотой, ни своей убѣдительностью. Послѣднее обстоятельство происходило главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что г. Стороженко свои выводы по данному вопросу строилъ на основаніи вышеупомянутаго труда проф. Голубовскаго. Между тѣмъ, трудъ послѣдняго, представляя въ своей основѣ весьма много положительныхъ качествъ, имѣетъ, однако, мѣстами нѣкоторые недостатки и даже ошибки, происходящія, главнымъ образомъ, по той причинѣ, что авторъ строилъ свои выводы на основаніи только однихъ письменныхъ источниковъ первой руки безъ достаточной критической провѣрки ихъ помощью предварительнаго подробнаго научнаго изученія какъ самой территоріи, на которой происходили трактуемыя авторомъ событія, такъ и

находящагося на немъ населенія, въ археологическомъ, антропологическомъ, этнографическомъ и общественно-бытовомъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, получаемые г. Стороженко выводы, построенные на основаніи не вполнѣ отвѣчающаго научнымъ требованіямъ источника, естественно страдаютъ многими недостатками, которыя мы попытаемся указать. Мы помѣщаемъ сначала критическій разборъ статьи г. Стороженко по указанному вопросу, а затѣмъ уже приводимъ и свои соображенія на этотъ счетъ.

Въ своихъ „Очеркахъ Переяславльской Старины" А. В. Стороженко сдѣлалъ попытку болѣе точнаго опредѣленія мѣстожительства переяславльскихъ торковъ и ихъ значенія въ исторіи южно-русской жизни. „Исторія торковъ, — говоритъ онъ, — прекрасно разработана проф. Голубовскимъ въ книгѣ: Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ (Кіевъ 1884 г.). Извлеченные изъ сочиненія проф. Голубовскаго выводы достаточно поясняютъ, какъ намъ кажется, общія судьбы торковъ" [1]).

Сдѣлавъ извлеченіе общихъ выводовъ изъ сочиненія г. Голубовскаго, г. Стороженко приступаетъ къ разрѣшенію вопроса о переяславльскихъ торкахъ. Къ сожалѣнію, авторъ не только не разъясняетъ поставленнаго имъ вопроса, а скорѣе запутываетъ его и даетъ ему неправильное освѣщеніе. Такъ, на первыхъ же страницахъ своего изслѣдованія г. Стороженко говоритъ: „извѣстіе о бунтѣ (1080 г.) переяславльскихъ торковъ, который удачно усмирилъ Владиміръ Мономахъ, даетъ намъ право утверждать, что *часть* торковъ послѣ 1060 г. поселилась въ *окрестностяхъ* г. Переяслава" [2]). Мы не знаемъ, на основаніи какихъ данныхъ г. Стороженко сдѣлалъ такой выводъ. Изъ лѣтописи этого вовсе не видно. Тамъ только и сказано, что „заратишася Торци Переяславстии на Русь" [3]); что же касается того, гдѣ жили торки, сколько ихъ было тамъ (т. е. часть ихъ или же всѣ), гдѣ они бунтовали, — на это въ лѣтописи нѣтъ никакихъ указаній.

Поселивъ торковъ въ окрестностяхъ г. Переяславля, г. Стороженко старается доказать это на основаніи соображенія о границахъ Переяславльской земли въ описываемый періодъ, т. е. во второй половинѣ XI столѣтія, и на основаніи лингвистическихъ данныхъ.

---

[1]) *А. В. Стороженко.* Очерки Переяславльской Старины, Кіевъ, 1900 г.

[2]) Ibidem. Курсивъ—нашъ.

[3]) Ипатск. лѣтопись, 143.

Предпославъ описаніе направленія находящихся къ востоку отъ Переяславля двухъ валовъ, г. Стороженко говоритъ, что „всѣ мелкія тюркскія племена (печенѣги, торки, берендѣи, ковуи, турпѣи и проч.) постепенно осѣдали по границамъ Руси... и не можетъ быть сомнѣнія, что переяславльскіе *торки*, иначе *кара-тули*, или черные-клобуки, жили именно тамъ, гдѣ теперь расположены селенія Малая и Великая Каратули и гдѣ протекаетъ рѣчка Каратулька". „Мы имѣемъ указанія (изъ лѣтописи),—говоритъ далѣе г. Стороженко,—и на другія мѣста тюркскихъ поселеній въ окрестностяхъ г. Переяслава" [1]). Эти другія мѣста, однако, согласно мнѣнію автора, расположены въ бассейнѣ р. Трубежа и не выходили за черту указанной рѣки: „Что касается Бронь-Княжа и прочихъ городковъ („*въ прочая грады*"), то нужно думать, что они были расположены вдоль праваго берега р. Трубежа между Барышевкой и Переяславомъ. Баручъ же, т. е. нынѣшнее с. Барышевка, былъ *послѣднимъ* на сѣверъ торскимъ городкомъ" [2]), утверждаетъ г. Стороженко. Такимъ образомъ, согласно мнѣнію послѣдняго, граница Переяславльской земли находилась въ очень близкомъ разстояніи отъ г. Переяславля; она, по его соображенію, не доходила даже до р. Студня, а ограничивалась линіей двухъ валовъ, находящихся къ с.-в. отъ г. Переяславля.

Мы не знаемъ, можно-ли признавать столь неправдоподобное заключеніе о размѣрахъ Переяславльской территоріи за серьезное разсужденіе. Очевидно подобная несообразность могла произойти только отъ не вполнѣ достаточнаго знакомства съ тѣми историческими условіями, въ которыхъ находилась вышесказанная страна въ XI и XII столѣтіяхъ. Въ началѣ XII столѣтія предѣлы Переяславльской земли, насколько извѣстно, заходили далеко на востокъ: они захватывали не только Посулье и Попселье, но даже касались р. Ворсклы, за которой собственно и начиналась уже дикая степь. Лѣтопись сохранила намъ не мало извѣстій о борьбѣ съ кочевниками на этой юго-восточной окраинѣ Руси. Вспомнимъ, сколькихъ трудовъ, заботъ и лишеній стоила переяславльскимъ князьямъ защита Посулья и близлежащихъ къ нему мѣстностей, и какъ упорно боролась Русь за свои юго-восточныя границы. О томъ, какъ далеко простирались предѣлы Переяславльской земли въ описываемый періодъ, говоритъ и приводимый г. Сторо-

[1]) *А. В. Стороженко.* Очерки Переяславльской Старины, с. 35 и 36.

[2]) Ibidem. сс. 40 и 41. Курсивъ—нашъ.

женкомъ авторитетъ—г. Голубовскій въ своемъ сочиненіи о „Печенѣгахъ, торкахъ и половцахъ до нашествія татаръ".

Такъ, на стр. 14-ой вышеназваннаго сочиненія мы читаемъ: „Переяславльское княжество упорно боролось за свои границы, и въ XII столѣтіи удержало небольшія поселенія даже по Ворсклѣ"... „Донецъ былъ крайнимъ пунктомъ русскихъ владѣній въ сторону степей въ XII вѣкѣ"—читаемъ мы на стр. 99-й; и далѣе, на стр. 103-й: „По нашему мнѣнію переяславльскія владѣнія крайнимъ своимъ предѣломъ на востокѣ имѣли Лтаву, т. е. р. Ворскла служила имъ границей, начиная съ поворота на югъ". Не приводя въ подтвержденіе вышесказаннаго лѣтописныхъ извѣстій, замѣтимъ, что разбираемый г. Стороженкомъ лѣтописный отрывокъ говоритъ о болѣе широкихъ предѣлахъ юго-восточной Руси, чѣмъ тѣ, какіе отвелъ имъ авторъ. Такъ, напримѣръ, здѣсь говорится, что половцы, потерпѣвъ неудачу, возвратились воевать на Посулье. Кто бы могъ воевать Посулье, если бы оно было пустыней?! Далѣе, является непонятнымъ, что бы это было за государство и какъ бы могло существовать столь незначительное по величинѣ и населенію Переяславльское княжество, подвергавшееся, какъ извѣстно, чуть не ежегоднымъ набѣгамъ кочевниковъ съ востока, если бы его граница проходила только на 10—15 верстъ отъ Переяславля?

Далѣе, указывая на названія селъ Великая и Малая Каратули, находящіяся неподалеку отъ г. Переяславля, къ востоку отъ послѣдняго, какъ подтвержденіе мнѣнія, что здѣсь, и только здѣсь, жили переяславльскіе торки, г. Стороженко говоритъ, что упоминаемые въ лѣтописи *Переяславльскіе торки* именно и жили тамъ, гдѣ теперь расположены селенія Великая и Малая Каратули и гдѣ протекаетъ рѣка Каратулька, и что „въ именахъ селъ Малая и Великая Каратуль точно сохранилось съ XII вѣка древнее названіе для торковъ и другихъ тюркскихъ племенъ: *кара-тули*" [1]). Г. Стороженко строитъ свои выводы о торкахъ главнымъ образомъ на основаніи лингвистическихъ данныхъ—сохраненія тюркскихъ корней въ названіи селеній Великая и Малая Каратули.

Мы считаемъ, что подобныхъ доказательствъ еще не вполнѣ достаточно для выясненія вопроса о мѣстожительствѣ торковъ.

Конечно, мы не станемъ отрицать, что торки и другіе соплеменные имъ кочевники могли обитать и близъ г. Переяславля, но считать

---

[1]) *А. В. Стороженко*. Очерки Переяславльской Старины, с. 36.

ихъ мѣстожительство *исключительно* только въ этихъ однихъ и при томъ весьма близкихъ къ Переяславлю мѣстахъ—врядъ-ли основательно. Для подтвержденія своихъ выводовъ г. Стороженко считаетъ необходимымъ заручиться, кромѣ лингвистики, и другими доказательствами, а именно—сличеніемъ лѣтописныхъ текстовъ, относящихся къ данному вопросу, и изученіемъ топографіи мѣстности, занятой черными клобуками.

Посмотримъ, какіе выводы сдѣланы авторомъ изъ сличенія лѣтописныхъ источниковъ. Приводя параллельно два текста—Лаврентьевскій и Ипатскій—при истолкованіи послѣдовательности событій, г. Стороженко передаетъ смыслъ лѣтописныхъ текстовъ въ совершенно извращенномъ видѣ. Такъ, онъ говоритъ, что „половцы, очевидно *въ небольшомъ числѣ*, прискакали къ Баручу и Бронь-Княжю, чтобы взять въ плѣнъ проживавшихъ тамъ торковъ, переманить ихъ на свою сторону и вмѣстѣ съ ними опустошать русскую землю“ [1]). Но въ лѣтописи нѣтъ совершенно извѣстій ни о томъ, въ какомъ числѣ—въ маломъ или большомъ—напали половцы на русскую землю, ни о томъ, пришли-ли они переманить торковъ на свою сторону, или же только ради одного грабежа; тамъ только и сказано, что „половцы присунушася вборзе и навороиша изгономъ къ Баручу и Бронь-Княжю“. Слѣдовательно, соображеніе автора о числѣ нападавшихъ половцевъ и объ ихъ скачкѣ изъ степей, какъ ни на чемъ не основанное, не можетъ считаться убѣдительнымъ. Далѣе, г. Стороженко говоритъ: „но Ярополкъ, *сидя* въ Переяславлѣ, раньше узналъ о приближающемся набѣгѣ половцевъ и въ ту же самую ночь перегналъ торковъ изъ Баруча и Бронь-Княжа въ Переяславъ“ [2]). Мы не знаемъ, откуда взялъ г. Стороженко, что Ярополкъ *сидѣлъ* въ Переяславлѣ: этого, вѣдь, въ лѣтописи нѣтъ. Быть можетъ, Ярополкъ былъ въ Переяславлѣ, но весьма возможно также, что онъ могъ находиться гдѣ либо и въ другомъ мѣстѣ своего княжества,—напримѣръ, на пограничьи, что было бы вполнѣ естественнымъ для князя, управлявшаго столь опасной въ боевомъ отношеніи землей, какъ Переяславльская. Въ лѣтописи нѣтъ также прямого указанія и на то, чтобы Ярополкъ перегналъ торковъ изъ Баруча и Бронь-Княжа въ Переяславль, какъ это утверждаетъ г. Стороженко: „Но Ярополкъ насильно перегналъ тор-

---

[1]) *А. В. Стороженко.* Очерки Переяславльской Старины, стр. 37—38. Курсивъ нашъ.

[2]) Ibidem.

ковъ изъ Баруча и Бронь-Княжа въ Переяславль"—говоритъ онъ [1]). Почему г. Стороженко лѣтописное выраженіе о вогнаніи торковъ въ *„города"* пріурочиваетъ къ одному только Переяславлю—непонятно. Въ лѣтописи, наоборотъ, сказано, что торки были вогнаны *не въ Переяславль*, а въ Баручъ и другіе города. Такъ, на страницѣ 208-й Ипатской лѣтописи сказано, что Ярополкъ „вогналъ торковъ въ Баручъ и прочая грады" [2]). Очевидно, толкуя лѣтописный отрывокъ, авторъ извратилъ его смыслъ.

Далѣе, излагая содержаніе событій по Ипатскому списку, г. Стороженко въ дальнѣйшемъ изложеніи опять невѣрно передаетъ смыслъ лѣтописнаго отрывка. Такъ, онъ говоритъ, что Ярополкъ, узнавъ заранѣе о предстоящемъ набѣгѣ половцевъ, усилилъ *гарнизоны* въ Баручѣ и иныхъ укрѣпленныхъ городкахъ *другими* торками и *мѣстными* русскими людьми [3]). Между тѣмъ, въ лѣтописи нѣтъ ни слова о томъ, чтобы Ярополкъ усиливалъ городки гарнизонами и мѣстными русскими людьми. Смыслъ лѣтописи весьма простъ и ясенъ: Ярополкъ распорядился вогнать жителей и торковъ въ города, очевидно съ цѣлью предохранить ихъ отъ захвата половцами, какъ это неоднократно практиковалось и въ послѣдующія времена. Слѣдовательно, здѣсь вовсе не говорится о *гарнизонахъ*; равнымъ образомъ, нѣтъ основанія утверждать, что въ города вгонялись какіе-то *другіе* торки. Кстати сказать, — мы не понимаемъ г. Стороженка, раздѣляющаго торковъ на двѣ категоріи. О томъ, какая разница между ними, и гдѣ жили одни, гдѣ—другіе, авторъ умалчиваетъ. Откуда взялъ все это г. Стороженко, мы не знаемъ: въ цитируемомъ авторомъ лѣтописномъ отрывкѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на такое раздѣленіе указанныхъ кочевниковъ.

Далѣе, по поводу сообщенія лѣтописи о томъ, что Ярополкъ, получивъ извѣстіе о готовящемся набѣгѣ половцевъ, вогналъ торковъ въ городъ въ ту же ночь, г. Стороженко дѣлаетъ выводъ, что городки Баручъ и Бронь-Княжъ были *невдалекѣ* отъ Переяславля, такъ какъ Ярополкъ могъ *въ одну ночь* перегнать торковъ въ Переяславъ.

Но, во 1-хъ, въ лѣтописи нѣтъ указаній на то, чтобы Ярополкъ *гналъ* торковъ въ Переяславль; напротивъ, въ лѣтописи прямо сказано, что онъ гналъ ихъ „въ Баручъ и прочая городы". Во 2-хъ,

---

[1]) *А. В. Стороженко.* Очерки Переяславльской Старины, стр. 38.

[2]) Ипат. л., стр. 288.

[3]) Ibidem.

считать Переяславльскую землю, столь важную въ стратегическомъ отношеніи, лишенной, на пограничьѣ со степями, всякой охраны — крайне ошибочно. Мы имѣемъ положительныя указанія на то, что въ Переяславльской землѣ была организована сторожевая служба, имѣвшая возможность быстро передавать извѣстія въ самыя отдаленныя части Переяславльской территоріи. Такъ, когда Глѣбъ Юрьевичъ нападалъ, въ 1147 году, на Переяславль, стража заранѣе дала знать въ городъ о приближеніи Глѣба, шедшаго изъ Остра [1]). Далѣе, въ лѣтописи же есть указанія о томъ, что половцы очень быстро получали свѣдѣнія о событіяхъ въ русской землѣ и пользовались ими для своихъ набѣговъ [2]). Кромѣ того, въ лѣтописи не сказано также, что торки были перегнаны *въ одну ночь* изъ городковъ Баруча и Бронь-Княжа въ Переяславль; наоборотъ, лѣтопись сообщаетъ, что торки и люди были вогнаны въ Баручь и прочая городы *„тое же ночи“*; очевидно, лѣтопись надо понимать такъ, что торковъ вогнали въ города не *въ одну ночь*, а отдали только приказъ о такой мѣрѣ въ ту ночь, какъ пришло извѣстіе объ этомъ — „тое же ночи“. Отожествляя древній Баручъ съ нынѣшнимъ мѣстечкомъ Барышевкой, г. Стороженко говоритъ, что 35 верстное разстояніе легко могли проѣхать въ одну ночь *конные торки*. Но въ лѣтописи сказано, что въ города вогнали не только торковъ, но и *„людей“*. Поэтому, если быть послѣдовательнымъ, то и тѣ люди, которыхъ гнали вмѣстѣ съ торками въ города, также должны были быть конными, а этого изъ лѣтописи не видно.

Кромѣ вышеприведенныхъ данныхъ, г. Стороженко приводитъ въ подтвержденіе своихъ положеній другіе доводы. Такъ, однимъ изъ доказательствъ черноклобуцкихъ поселеній въ окрестностяхъ Переяславля онъ считаетъ тѣ громадные валы, которые расположены къ сѣверо-востоку отъ Переяславля. По мнѣнію г. Стороженка, эти валы были насыпаны въ XI вѣкѣ для защиты страны отъ набѣговъ кочевниковъ съ востока. Мы позволимъ себѣ усумниться въ основательности заключенія г. Стороженка на этотъ счетъ и считаемъ, что вопросъ о такъ называемыхъ въ народѣ „зміевыхъ“ валахъ можетъ быть разрѣшенъ не общими соображеніями объ ихъ положеніи, а раскопками и детальными изслѣдованіями, какъ самыхъ валовъ, такъ и относящихся къ нимъ кургановъ.

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 253—4.

[2]) Ипат. лѣтоп., стр. 369 и друг.

Оставляя разрѣшеніе вопроса о загадочныхъ зміевыхъ валахъ будущему, мы замѣтимъ, съ своей стороны, что тѣ вещественныя находки, которыя были сдѣланы въ насыпи такихъ валовъ, даютъ возможность предполагать, что валы эти вовсе не столь раннихъ временъ, какъ это полагаетъ авторъ, что они выдвинуты задолго до указаннаго лѣтописью времени, и что строители ихъ остаются еще и до сихъ поръ неизвѣстными. Считать эти валы, какъ это дѣлаетъ г. Стороженко, сооруженіями XI вѣка — нѣтъ никакого основанія. Такихъ валовъ существуетъ множество какъ на правой, такъ и на лѣвой сторонахъ Днѣпра, и признавать построеніе ихъ одновременнымъ — невозможно. Далѣе, извѣстно, что способъ защиты помощью огромныхъ валовъ восходитъ къ очень отдаленному времени и практиковался не только въ Восточной Европѣ, но и въ Западной. Такъ, уже римляне, во II-мъ вѣкѣ, обратили вниманіе на огромныя земляныя сооруженія германцевъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Тацитъ: Proximi Oceano Cimbri tenent; parva nunc civitas, sed gloria ingens: veterisque famae *lata vestigia manent* utraque ripa, *castra* ac *spacia*, quorum ambitu nunc quoque metiaris molem manusque gentis et tam magni exercitus fidem (De situ et moribus Germanorum, XXXVII).

Прибавимъ къ этому, что огромные валы издавна были и у кельтовъ, и у этрусковъ, и римлянъ, и у хазаръ, и у персовъ, и у китайцевъ.

Не менѣе смѣлы утвержденія г. Стороженка и о городищахъ. О городищахъ, находящихся вдоль праваго берега р. Трубежа, г. Стороженко говоритъ, что они могутъ быть признаны *современными* вышеупомянутымъ большимъ валамъ близъ г. Переяславля. Почему авторъ дѣлаетъ такой выводъ — трудно рѣшить. До сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, ни городища, ни переяславльскіе валы не были научно изслѣдованы, и раскопокъ въ нихъ не производилось, такъ что дѣлать выводы о времени ихъ построенія—преждевременно.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о другихъ неправильныхъ, на нашъ взглядъ, толкованіяхъ, допускаемыхъ г. Стороженко въ своей статьѣ. Такъ, лѣтописный Полкостѣнъ, по мнѣнію автора, — это нынѣшнее с. Повстенъ, на р. Удаѣ. На основаніи какихъ данныхъ пришелъ авторъ къ такому выводу — неизвѣстно. Не менѣе произвольно, намъ кажется, и сближеніе названія нынѣшняго м. Барышевки съ древнимъ г. Баручемъ; равнымъ образомъ, и производство авторомъ корня слова Барышева отъ *Баръ*.мъ и *шевскій* врядъ ли

можетъ считаться правильнымъ, не говоря уже о томъ, что въ одной и той же статьѣ г. Стороженко даетъ два совершенно различныхъ объясненія слова *Баручъ*: на одной страницѣ Баручъ происходитъ отъ слова *барышъ*, а на другой—отъ слова *барычъ*, т.-е. торгъ, базаръ. Въ концѣ своей статьи г. Стороженко дѣлаетъ попытки опредѣлить, какъ произносили торки XII столѣтія слово „Баручъ". Мы считаемъ эту попытку напрасной, такъ какъ дѣлать выводы объ языкѣ того народа, который не оставилъ намъ для этого данныхъ, не имѣетъ смысла. Такимъ образомъ, на основаніи вышесказаннаго мы полагаемъ, что выводы г. Стороженка о переяславльскихъ торкахъ не могутъ считаться вполнѣ обоснованными. Конечно, если оставаться при тѣхъ аргументахъ, какими пользуется г. Стороженко, и не вникать во всю совокупность тѣхъ условій, въ какихъ жили наши предки на этой предстепной окраинѣ русской земли, то выводы г. Стороженка могутъ показаться убѣдительными. Но мы не можемъ согласиться съ этимъ; мы полагаемъ, что историческая наука требуетъ, чтобы обсужденіе какого либо историческаго факта или явленія происходило не иначе, какъ въ сравненіи и сопоставленіи его съ предшествующими и послѣдующими фактами (въ возможной полной ихъ обстановкѣ), общее уразумѣніе которыхъ, по нашему мнѣнію, только и можетъ служить болѣе или менѣе вѣрной гарантіей правдиваго возстановленія не вполнѣ ясныхъ чертъ народной жизни, скрывающихся отъ насъ въ туманной дали прошедшихъ временъ.

Чтобы опредѣлить мѣстоположеніе лѣтописныхъ торковъ, поселившихся въ предѣлахъ южной Руси, главнымъ образомъ на восточной сторонѣ Днѣпра, необходимо указать причины, приводившія этихъ инородцевъ въ указанную мѣстность, и на тѣ условія, среди которыхъ имъ приходилось находиться въ то время.

Какъ и печенѣги, бѣловѣжцы, турпѣи и другіе степняки, извѣстные подъ общимъ именемъ черныхъ клобуковъ, торки не по доброй волѣ явились въ предѣлы южной Руси. Тѣснимые съ востока новыми кочевыми народами, — половцами, торки двигались мало по малу на западъ, пока, наконецъ, не достигли предѣловъ южной Руси. Первое соприкосновеніе этихъ выходцевъ изъ степей съ Русью носило скорѣе мирный, чѣмъ воинственный характеръ; по крайней мѣрѣ, лѣтопись не говоритъ намъ ничего о враждебныхъ столкновеніяхъ между русской землей и торками. Напротивъ, мы видимъ здѣсь вначалѣ вполнѣ дружественныя отношенія. Такъ, во время похода кіевскаго князя

Владиміра на болгаръ въ этомъ походѣ принимаютъ участіе и торки [1]). Но гдѣ жили упоминаемые здѣсь торки—мы не знаемъ.

Далѣе, насколько можно судить по лѣтописнымъ даннымъ, торки по собственному почину начинаютъ приходить съ цѣлью поселенія въ русскіе предѣлы. Вначалѣ отношенія руси къ новымъ поселенцамъ носили вполнѣ мирный характеръ, но вскорѣ, съ увеличеніемъ торческихъ передвиженій, они мало по малу измѣняются. Такъ, въ 1055 г. торки появились возлѣ Воиня, и переяславльскій князь Всеволодъ вынужденъ былъ идти противъ нихъ войною [2]). Очевидно, подъ давленіемъ грозныхъ повелителей степей—половцевъ, торки подвинулись ближе къ предѣламъ переяславльской земли и даже сдѣлали попытку перейти границу ея возлѣ Воиня, чѣмъ и вызвали противъ себя скорый походъ русскаго князя [3]). Лѣтопись передаетъ намъ, что „Всеволодъ зимой ходилъ на торковъ къ Воиню и побѣдилъ ихъ“ [4]). Побѣда, однако, не была полной: она являлась только временнымъ отраженіемъ враговъ, ибо спустя пять лѣтъ, въ 1060 г., русскіе князья собрали большое войско и двинулись на торковъ, которые на этотъ разъ потерпѣли страшное пораженіе и отъ русскаго оружія, и отъ зимы, и отъ мора, голода и проч. [5]). Торки находились теперь въ затруднительномъ положеніи: ихъ усиленно тѣснили съ востока половцы, подъ давленіемъ которыхъ они и двигаются къ предѣламъ Переяславльской земли. Эти торческія передвиженія были преддверіемъ болѣе грозныхъ нашествій изъ степей, высылавшихъ все новыя и новыя волны кочевниковъ. Вскорѣ послѣ торковъ врываются въ предѣлы Переяславльской земли половцы и разбиваютъ переяславльскаго князя Всеволода Ярославича [6]).

---

[1]) „Въ лѣто 6493 иде Володимиръ на Болгары съ Добрынею, уемъ своимъ в лодьяхъ, а Торкы берегомъ приведе на конехъ“. Ипат. лѣт., стр. 56.

[2]) „Въ то же лѣто (1055) иде Всеволодъ на Торкы зимѣ къ Воіню, и побѣди Торкы“. Ипат. лѣт., стр. 114.

[3]) Это извѣстіе о движеніи торковъ подтверждаетъ, какъ нельзя лучше, наше мнѣніе о положеніи Воиня, разсматриваемаго нами, какъ пограничное укрѣпленіе на нижней Сулѣ. Слабо защищенный южный участокъ посульской линіи представлялъ собою какъ бы ворота, черезъ которыя было сравнительно легче и удобнѣе пройти, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Слѣдовательно, упоминаемый здѣсь Воинь находился на низовьяхъ р. Сулы.

[4]) Ипат. лѣт., стр. 114.

[5]) Ипат. лѣт., стр. 115—116.

[6]) Ibidem.

Въ концѣ XI столѣтія торки уже жили въ предѣлахъ Переяславльской земли, о чемъ сохранились ясныя свидѣтельства лѣтописи. Такъ, въ 1080 году Владиміръ Мономахъ ходилъ на „торковъ переяславльскихъ“, которые „заратились“, т. е. возстали войною на Русь [1]). По словамъ лѣтописи, Мономахъ скоро усмирилъ возставшихъ—„шедъ побивъ тороки“ [2]). Разбитые торки не были, однако, совершенно изгнаны изъ Переяславльской земли. Судя по всему, они входятъ въ это время въ какіе-то компромиссы съ переяславльскимъ княземъ и являются его вѣрными союзниками. Такъ, въ 1095 г. мы видимъ торковъ уже на службѣ у Владиміра Мономаха, которому они исполняютъ важныя секретныя порученія во время нападенія половцевъ на Переяславль [3]). По всей вѣроятности, около этого времени произошло переселеніе торковъ въ предѣлы юго-восточной Руси. Намекомъ на это обстоятельство можетъ служить сообщеніе Владиміра Мономаха въ его „Духовной“ о приходѣ къ нему изъ половецкой земли торковъ-читѣевичей, для встрѣчи которыхъ онъ долженъ былъ выходить на Сулу [4]).

Къ концу XI столѣтія торки все болѣе и болѣе начинаютъ устремляться въ южно-русскіе предѣлы съ цѣлью поселенія. Основавшись на новыхъ мѣстахъ, торки начинаютъ служить своему новому отечеству, то въ качествѣ вспомогательнаго коннаго войска, то въ качествѣ пограничной стражи, обязанной прикрывать слабозащищенныя опасныя его мѣста. Уходъ торковъ въ предѣлы Руси, естественно, вызывалъ крупное неудовольствіе половцевъ, которые, считая ихъ своими рабами, старались возвратить ихъ назадъ, въ степи, и подчинить своей власти. Отсюда—рядъ опустошительныхъ набѣговъ половцевъ на земли тѣхъ князей, которые давали у себя пріютъ торкамъ.

Чтобы пояснить это, мы должны припомнить, что половцы вскорѣ послѣ вокняженія Мономаха въ Переяславлѣ начинаютъ усиленно нападать на порубежныя земли Поднѣпровья какъ на правой, такъ

---

1) Ипат. лѣт., стр. 143.

2) Ibidem.

3) Когда половцы осадили Переяславль и вынудили у Владиміра Мономаха выдать имъ, въ качествѣ заложника, его сына Святослава, то „в ту нощь посла Володимерь Славяту с нѣколкимъ дружиною и с Торькы, межи вала; выкрадше первое Святослава, и потомъ убиша Китана и дружину его всю избиша“. Ипт. лѣт., стр. 158—159.

4) „Паки идохомъ другое съ Воронинѣ, тогда же и Торци придоша ко мнѣ исъ Половецъ Четѣевичи, идохомъ противу имъ на Сулу“. Своди. лѣт., стр. 331.

и на лѣвой сторонахъ Днѣпра. Такъ, въ 1095 году они подошли къ Переяславлю и осадили его [1]). Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ нападеній на окрестности Переяславля [2]). Князья стараются отразить половцевъ. Около 1096 г. Мономахъ ходилъ со Святополкомъ на хищнаго Боняка за Рось. Въ 1104 году опять походъ князей на того же Боняка, за Рось [3]). Годъ спустя, Бонякъ вновь нападаетъ на лежащія неподалеку отъ Переяславля мѣста: онъ подходитъ зимой къ Зарубу и побѣждаетъ находившихся близъ этого мѣста торковъ и берендѣевъ [4]). Въ 1107 г. опять нападеніе Боняка на окрестности Переяславля [5]). Встревоженные частыми нападеніями половцевъ, князья стараются предупредить такіе внезапные набѣги. Въ 1110 году былъ походъ князей противъ половцевъ на нижнюю Сулу къ Воиню, но неудачно: не дошедши Воиня, князья возвратились [6]). Между тѣмъ, въ томъ же году половцы вновь сдѣлали опустошительный набѣгъ на окрестности Переяславля, гдѣ разорили множество селъ [7]). Такое безцеремонное хозяйничанье вызвало негодованіе среди русскихъ князей, которые организуютъ въ 1111 г. крупный походъ въ степи на половцевъ [8]).

Такимъ образомъ, днѣпровское побережье, Поросье и смежныя съ нимъ земли на лѣвой сторонѣ Днѣпра подвергались сильнымъ опустошеніямъ половцевъ, и Мономаху приходилось много трудиться и зорко слѣдить, чтобы не допускать половцевъ прорываться черезъ Рось и Сулу. Половцы, однако, не унимались. Они, правда, прекратили на время свои нападенія на русскія земли, но, взамѣнъ этого, открываютъ страшную борьбу въ степяхъ. Раздраженные поведеніемъ торковъ, ускользавшихъ изъ подъ ихъ власти, половцы рѣшили вконецъ сокрушить своихъ непокорныхъ сородичей. Въ 1116 г. произошла отчаянная борьба торковъ съ половцами на берегахъ р. Дона [9]).

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 158—159.

[2]) Въ 1096 г. половецкіе ханы Куря и Тугорханъ воевали около Переяславля. Ипат. лѣт., стр. 161. Четыре года спустя половцы вновь появляются въ окрестностяхъ Переяславля, близъ Сакова, для заключенія съ князьями договорныхъ условій. Ипат. лѣт., стр. 181.

[3]) Своди. лѣт., стр. 331.

[4]) Ипат. лѣт., стр. 186.

[5]) Ипат. лѣт., стр. 187.

[6]) Ипат. лѣт., стр. 188.

[7]) Ипат. лѣт., стр. 188.

[8]) Ипат. лѣт., стр. 191—193.

[9]) Ипат. лѣт., стр. 204.

Потерпѣвъ пораженіе, торки, преслѣдуемые врагами, уходятъ въ предѣлы южной Руси, подъ защиту ея князей, которые отводятъ имъ земли для поселеній [1]). Съ этого времени часть торковъ уже постоянно находится въ союзѣ съ Русью, которая старается защитить ихъ отъ половцевъ. Судя по извѣстіямъ лѣтописей, торки были поселяемы на степныхъ, или же на низменныхъ, обильныхъ кормовыми травами, слабо защищенныхъ естественными условіями, мѣстахъ, которыя надо было оберегать, въ случаѣ опасности, отъ враговъ. Эта новая служба не особенно-то была по сердцу выходцамъ изъ степей, и они всячески наровятъ уклониться отъ нея. Такъ, еще при жизни Владиміра Мономаха вновь поселенные степняки вызвали противъ себя сильное неудовольствіе вышеназваннаго князя, который такъ круто расправился съ одними изъ нихъ—берендѣями, что пришедшія совмѣстно съ ними племена печенѣговъ и торковъ „сами бѣжаша" изъ предѣловъ Руси [2]). Въ послѣдующія затѣмъ времена эти выходцы изъ степей доставляли не мало хлопотъ порубежнымъ со степью княжествамъ, которыя изыскиваютъ мѣры для охраны своихъ новыхъ подданныхъ отъ покушеній со стороны ихъ прежнихъ притѣснителей—половцевъ. Такъ, въ 1125 г. торки были вогнаны, по приказу князя Ярополка, въ Баручъ и другіе города. Эта мѣра была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что половцы сдѣлали попытку пограбить русскую землю и вмѣстѣ съ тѣмъ возвратить подъ свою власть торковъ, ушедшихъ изъ степей [3]). Планъ половцевъ, однако, не удался, такъ какъ русскіе были своевременно извѣщены о готовящемся набѣгѣ изъ степей и успѣли во время не только укрыться подъ защиту своихъ укрѣпленій, но и помѣстить туда и торковъ [4]). Въ другой разъ, нѣсколько позже, переяславльскій князь долженъ былъ поспѣшно стянуть къ городу поселенныхъ на побережьяхъ Днѣпра кочевниковъ (турпѣевъ), опасаясь перехода ихъ подъ власть противниковъ [4]). Вообще, насколько можно

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 204—205.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 205.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 208.

[4]) Въ 1150 г. Изяславъ М—чъ послалъ въ Каневъ своего сына, Мстислава, веля ему оттуда добыть Переяславль. Мстиславъ выступилъ въ походъ, достигъ Канева и послалъ своихъ уполномоченныхъ дружинниковъ къ турпѣямъ, чтобы они перешли на его сторону. Этотъ маневръ, однако, не удался. Переяславльскій князь Ростиславъ, зорко наблюдавшій за всѣмъ, что творилось вокругъ него, едва провѣдалъ о вышесказанныхъ замыслахъ Мстислава, какъ тотчасъ же бросился къ Сакову, гдѣ жили въ то время турпѣи, согналъ ихъ къ Днѣпру, а оттуда привелъ къ Переяславлю. Ипат. лѣт., стр. 277.

судить по имѣющимся даннымъ, на первыхъ порахъ совмѣстной жизни этихъ выходцевъ изъ степей съ русскими замѣчается нѣсколько недовѣрчивое отношеніе русскаго населенія къ торкамъ. Съ теченіемъ времени устанавливаются уже болѣе прочныя, болѣе тѣсныя связи между торками и русскимъ населеніемъ, при чемъ мало по малу интересы ихъ такъ тѣсно сплетаются другъ съ другомъ, что торки за-одно съ русскимъ населеніемъ дѣйствуютъ и противъ внѣшнихъ, и противъ внутреннихъ враговъ послѣдняго.

Такимъ образомъ, роль и значеніе торковъ въ судьбахъ южнорусскихъ окраинъ выясняется вполнѣ отчетливо, опредѣленно. Остается только опредѣлить болѣе или менѣе точно, гдѣ были поселены вышедшіе изъ степей торки и другіе ихъ сородичи. Такъ какъ, принимая въ свои предѣлы выходцевъ изъ степей, русскіе имѣли при этомъ въ виду главнымъ образомъ охрану своихъ наиболѣе опасныхъ со стороны степи пунктовъ, то торческія поселенія, естественно, надо искать вблизи послѣднихъ; поэтому мы и должны, съ одной стороны, опредѣлить, гдѣ находились вышеупомянутые *боевые пункты*, черезъ которые прорывались степняки и защищать которые было крайне необходимо для южной Руси, съ другой—опредѣлить тѣ *торные пути*, по которымъ обыкновенно двигались кочевники изъ предѣловъ степей въ южную Русь. Чтобы опредѣлить тѣ пути, по которымъ обыкновенно проникали половцы въ русскія земли, необходимо выяснить способъ и пріемы этихъ степняковъ при нападеніи на Русь.

Представляя изъ себя легкое конное войско, имѣвшее своей основной задачей быстроту передвиженія, половцы, при нападеніяхъ на южнорусскіе предѣлы, естественно, должны были соблюдать два слѣдующихъ условія: съ одной стороны, они должны были двигаться по наиболѣе удобнымъ для переѣзда мѣстамъ, съ другой—нападать на наиболѣе населенные пункты, въ которыхъ было бы можно хорошо поживиться. Что касается перваго условія, т. е. направленія главныхъ путей Переяславльской земли, то, какъ мы знаемъ, въ предѣлахъ послѣдней находилось два такихъ пути, прорѣзывавшихъ край по двумъ линіямъ: съ сѣверо-востока на юго-западъ, и съ юго-востока на западъ или же сѣверо-западъ. Первый путь, на сѣверо-востокъ, существовалъ съ незапамятныхъ временъ и служилъ какъ для торговыхъ, такъ и для военныхъ цѣлей. Этимъ путемъ двигались и караваны купцовъ, и кочевники, нападавшіе на Русь, и, наконецъ, русскіе князья во время своихъ безконечныхъ споровъ. Онъ пролегалъ по тому водораздѣлу, который находится между Десной и Сеймомъ, съ одной стороны, и

лѣвыми притоками средняго теченія р. Днѣпра,—съ другой. На этомъ пути находились издревле населенные пункты, какъ то: Городокъ, Носово, Нѣжатинъ, Бахмачъ, Бѣлая-Вѣжа, Баручъ, Серебряный, Глѣбль и проч.

На этомъ пути, какъ извѣстно, были расположены мѣста, неоднократно подвергавшіяся разореніямъ какъ со стороны половцевъ, такъ и отъ русскихъ князей во время ихъ столкновеній другъ съ другомъ. Лѣтопись сохранила намъ перечень наиболѣе крупныхъ изъ такихъ разореній. Такъ, въ 1078 году половцы двигались этимъ путемъ противъ соединенныхъ силъ русскихъ князей, столкнувшихся съ степняками близъ Нѣжатиной нивы, гдѣ погибъ князь Изяславъ Ярославичъ [1]). Въ 1092 году половцы напали на три города: Переволокъ, Прилукъ и Посѣченъ [2]). Два года спустя половцы въ союзѣ съ Олегомъ Гориславичемъ подходили этимъ путемъ къ Чернигову [3]). Въ 1113 году половцы явились къ Вырю и повоевали страну вокругъ этого мѣста. Явившійся на выручку Владиміръ Мономахъ прогналъ половцевъ [4]). Въ 1139 году Всеволодъ Ольговичъ съ половцами нападалъ на Прилуки [5]). Послѣ убіенія Игоря Ольговича, въ 1147 г., въ Кіевѣ, на помощь сыновьямъ Юрія приходили къ Вырю половцы [6]). Въ 1160 году половцы неоднократно являлись къ Вырю, откуда они предпринимали движенія къ западу, къ Чернигову [7]). Въ 1174 году половцы воевали у Серебрянаго и Баруча, а десять лѣтъ спустя—у Дмитрова [8]). Кромѣ того, половецкіе набѣги неоднократно касались и Посемья, гдѣ отъ нихъ много страдалъ гор. Путивль [9]). Если мы за-

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 141.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 150.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 157.

[4]) Ипат лѣт., стр. 198.

[5]) Ипат. лѣт., стр. 216.

[6]) Ипат. лѣт., стр. 251.

[7]) „Томъ же лѣтѣ (1160) придоша Половци мнози къ Изяславу Давыдовичю къ Выреви, и пойде Изяславъ к Чернигову съ всею силою Половецьскою на Святослава на Олговича". Ипат. лѣт., стр. 316. „Святославъ, — говорится далѣе, — пришедъ ко Выреви и пожьже острогъ около города; в городѣ бо затворилъся бяше съ княгинею Иванъ Ростиславичъ, а самъ Изяславъ шель бяше в поле. И ту стоявше и шедше к Зарытому, и ту пожегше и много зла створивше, възвратишася усвояси". Ипат. лѣт., стр. 318.

[8]) Ипат. лѣт., стр. 387.

[9]) Въ 1152 г., когда Изяславъ и Вячеславъ собирались идти на противниковъ и отправились къ Воловосу, „половци поидоша отъ нихъ туда на Путивль в По-

тѣмъ обратимъ наше вниманіе на княжескіе походы въ эти земли, то окажется, что здѣсь была арена ихъ крупныхъ столкновеній другъ съ другомъ. Такъ, въ 1094 году этимъ путемъ шелъ Олегъ Гориславичъ съ половцами на Черниговъ [1]). Въ 1136 году Всеволодъ Ольговичъ съ союзниками поджидалъ на этомъ пути своего соперника Ярополка и разбилъ его близъ истоковъ р. Супоя [2]). Три года спустя онъ воюетъ съ половцами гор. Прилуки [3]). Въ 1147 году этимъ путемъ двигался Изяславъ Мстиславичъ [4]). Въ слѣдующемъ году Изяславъ Мстиславичъ съ союзниками шелъ на перерѣзъ Святославу Ольговичу, направляясь на Всеволожъ, Бѣловѣжу и Бахмачъ, которые при этомъ и пострадали [5]). Въ 1149 году Юрій Долгорукій, подходя изъ своихъ сѣверныхъ земель, остановился сначала у Ярышева, а затѣмъ направился къ Бѣлой-Вѣжѣ, гдѣ и простоялъ около мѣсяца въ ожиданіи прихода изъ степей половцевъ [6]). Въ 1160 году Георгій Ярославичъ воевалъ возлѣ Путивля, а затѣмъ — у Выря и его окрестностей [7]). Въ томъ же году здѣсь происходили опустошенія со стороны воевавшихъ между собою князей Святослава Ольговича и Изяслава Давидовича [8]) и т. д.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что край этотъ служилъ ареной безчисленныхъ столкновеній то князей другъ съ другомъ, то руси съ половцами. Естественно, что на этой торной и крайне опасной полосѣ, представлявшей удобный проѣздъ въ русскую страну, князья старались поселить выходцевъ изъ степей, вмѣнивъ имъ въ обязанность защищать эти опасные пункты русской земли. Здѣсь сначала были поселены бѣловежцы и хазары, а затѣмъ—торки и половцы,—племена, слившіяся затѣмъ въ одно цѣлое и получившія общее названіе черныхъ клобуковъ. Подтвержденіемъ существованія здѣсь бѣловежскихъ поселеній служитъ с. Бѣлая-Вѣжа, расположенная на верховьяхъ

ловци, и много волости ихъ разориша“ (Ипат. лѣт., стр. 316). Въ 1185 году половцы воевали около Путивля (Ипат. лѣт., с. 436) и проч.

[1]) Ипат. лѣт., стр. 157.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 214.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 216.

[4]) Ипат. лѣт., стр. 243.

[5]) „Ту пришедше ко Всеволожю полкы своими, и взяша Всеволожь градъ на щитъ... Слышавше инии гради, Уненѣжь, Бѣлавежа, Бохмачь, оже Всеволожь взятъ, и побѣгоша Чернигову, и инии гради мнози бѣжаша“. Ипат. лѣт., стр. 252.

[6]) Ипат. лѣт., стр. 264.

[7]) Ипат. лѣт., стр. 346.

[8]) Ипат. лѣт., стр. 346—348.

р. Остра, а торческихъ и хазарскихъ—сс. Туркеневка и Казары, находящіяся неподалеку отъ указанныхъ мѣстъ. Кромѣ того, въ лѣтописи находятся и другія подтвержденія той мысли, что указанныя мѣста были заселены выходцами изъ степей. Такъ, въ 1159 году, Святославъ Ольговичъ, жалуясь на скудность своего удѣла, говорилъ: „Господи! вижь мое смиреніе, колико на ся поступахъ, не хотя крови пролити хрестьянскии, отцины своея погубити, взяти Черниговъ съ 7-ю городъ пустыхъ, Моровийскъ, Любескъ, Оргощь, *Всеволожь*, а въ нихъ *сѣдять псареве же и половци*“ [1]). Здѣсь г. Всеволожь—это нынѣшнее с. Сиволожъ (Черн. губ.), расположенное къ западу отъ Бахмача. Слѣдовательно, на верховьяхъ р. Остра, Ромна и Удая, въ XII в. сидѣли псари-половцы, т. е. кочевники.

Кромѣ вышесказаннаго, необходимо также принять во вниманіе и то, какъ относились князья къ своимъ союзникамъ торкамъ, когда приходилось имѣть дѣло съ топографическими и стратегическими задачами. Оказывается, что во время военныхъ совѣщаній князья пользуются совѣтами мѣстныхъ жителей-степняковъ, которые, безспорно, знали лучше другихъ свою мѣстность и могли сообщить полезныя въ этомъ дѣлѣ указанія. Такъ, въ 1147 г., во время войны Мономаховичей съ Ольговичами, Изяславъ Мстиславичъ, находясь на пути къ Посемью и узнавъ, что противники должны были идти прямою дорогою отъ Сулы къ Чернигову, рѣшилъ пойти имъ наперерѣзъ, для чего и созвалъ военный совѣтъ, въ которомъ приняли участіе княжеская дружина и черные клобуки. Послѣдніе играли здѣсь, на совѣтѣ, главную роль: это они, зная хорошо мѣстность, посовѣтовали князьямъ идти наперерѣзъ врагамъ къ Всеволожу. „И то услышавша Изяславъ и Ростиславъ,—говоритъ лѣтопись, — оже ...пошли Чернигову, и почаста думати с мужи своими и с дружиною и с черными клобукы, куда бы имъ перекы поити к нимъ. И рекоша имъ черниии клобучи, дружина его: „туда ны переклы ко Всеволожю“ [2]).

Такимъ образомъ, указанная мѣстность, безъ всякаго сомнѣнія, заключала въ своихъ предѣлахъ выходцевъ изъ степей. Здѣсь же находились и болѣе или менѣе крѣпкіе стратегическіе пункты, крѣпости, на которыя можно было опереться въ случаѣ крайности. Въ виду того обстоятельства, что въ періодъ отъ крупнаго похода русскихъ князей въ степи, въ 1111 г., и до половины XII ст. половцы не нападаютъ

[1]) Ипат. лѣт., стр. 343. Курсивъ—нашъ.
[2]) Ипат. лѣт., стр. 252.

на южные и западные отдѣлы Переяславльской земли, а дѣйствуютъ преимущественно съ сѣверо-востока, отъ Выря и сосѣднихъ къ нему мѣстъ, и направляютъ свои набѣги по линіи вышеуказаннаго крупнаго пути на Посемье, мы полагаемъ, что и лѣтописный Баручъ, по тѣмъ же самымъ причинамъ, находился въ районѣ указанныхъ нами торческихъ поселеній на верховьяхъ рр. Остра и Удая.

Что касается второго пути, шедшаго отъ Переяславля на юго-востокъ, то онъ, какъ извѣстно, проходилъ параллельно Днѣпру, пролегая черезъ населенныя мѣста Приднѣпровья; онъ проходилъ по тому возвышенному, равнинному плато, которое простирается между рѣками Трубежемъ и Сулой, съ одной стороны, а затѣмъ—между нижнимъ теченіемъ Сулы, Ворсклы и Орели, съ другой. Эта вторая дорога Переяславльской земли была издревле извѣстна, какъ крупный торговый путь на югъ, къ черноморскому побережью, и какъ торная дорога кочевническихъ нападеній. Еще до недавняго времени она носила названіе *цареградской*, такъ какъ по ней обыкновенно путешествовали караваны купцовъ въ греческія земли [1]). Быть можетъ, этотъ путь носилъ и въ древнее время названіе „греческаго", по которому, по лѣтописи, восходилъ такъ называемый „*гречникъ*". По всей вѣроятности, онъ возникъ параллельно водному пути, Днѣпромъ, который былъ давней дорогой изъ южной Руси „въ Греки". Равнинность территоріи, по которой проходилъ этотъ путь, и слабыя внѣшнія преграды на протяженіи послѣдняго были причиной того, что этимъ путемъ обыкновенно направлялись половцы во время своихъ набѣговъ на Переяславль или же на сосѣднюю кіевскую территорію.

Съ незапамятныхъ временъ кочевники пользуются указаннымъ путемъ для своихъ набѣговъ на южно-русскія земли. Такъ, уже въ періодъ правленія Владиміра Св. они проникаютъ имъ въ окрестности Переяславля [2]). Въ половинѣ XI ст. степняки начинаютъ сильно напирать на низовья Сулы, чтобы оттуда имѣть возможность свободно двигаться къ Переяславлю и сосѣднему съ послѣднимъ району кіевской территоріи [3]). Къ концу XI столѣтія замѣчаются усиленныя на-

---

[1]) *Максимовичъ*, Собр. соч., т. I.

[2]) Въ 988 г., по словамъ лѣтописи, печенѣги нападаютъ на Посулье, а три года спустя, они „*отъ Сулы*" подступаютъ къ Переяславлю, гдѣ и вступаютъ въ бой съ русскими. Ипат. лѣт., стр. 83—5.

[3]) Въ 1055 г., вслѣдъ за походомъ Всеволода Ярославича къ низовьямъ Сулы (къ Воиню), на торковъ, приходили въ указанную мѣстность и половцы, которые заключили миръ съ переяславльскимъ княземъ (Ипат. лѣт., стр. 114). Въ 1060 г. по-

паденія половцевъ на Переяславль и его окрестности, при чемъ направленіе движенія совершается по тому же самому маршруту, что и прежде [1]). Усиленныя нападенія половцевъ, въ началѣ XII в., на днѣпровское побережье и сосѣднія съ нимъ мѣста вызвали активный отпоръ со стороны русскихъ князей, отпоръ, которымъ были задержаны на время наступательныя дѣйствія половцевъ въ указанную область [2]). Направленіе движенія русскихъ войскъ во время похода въ 1110 году было къ низовьямъ Сулы, къ Воиню, откуда имѣли обыкновеніе приходить половцы [3]).

Съ половины XII столѣтія половцы снова начинаютъ нападать на Переяславль и сосѣднія съ нимъ земли [4]). Съ этого времени прилегающая къ Днѣпру область Переяславльской земли сдѣлалась столь удобной и знакомой половцамъ, что они обыкновенно являются сюда для заключенія договоровъ съ русскими князьями. Такъ, въ 1140 г.

ловцы напали на предѣлы Переяславльской земли, повидимому въ томъ ея районѣ, гдѣ обитали торки, т. е. на нижней Сулѣ (Ипат. лѣт., стр. 115). Въ 1068 году половцы уже проникаютъ дальше въ указанной территоріи, нападаютъ на область р. Альты и сильно ее опустошаютъ (Ипат. лѣт., стр. 118). Десять лѣтъ спустя, двигаясь по знакомымъ уже путямъ въ Переяславльскую землю, половцы разбиваютъ на Сожицѣ (т. е. Оржицѣ) переяславльскаго кн. Всеволода (Ипат. лѣт., стр. 140).

[1]) Въ 1093 г. половцы напали на Треполь, Торческій и опустошили страну по обѣимъ сторонамъ Днѣпра (Ипат. лѣт., стр. 152—5). Въ 1095 г. набѣгъ половцевъ на Переяславль (Ипат. лѣт., стр. 158—9); въ 1096 г. половецкіе ханы Куря и Тугорханъ воевали около Переяславля (Ипат. лѣт., стр. 161).

[2]) Въ 1105 г. половецкій ханъ, Бонякъ, пришелъ зимой къ Зарубу и побѣдилъ торковъ и берендѣевъ (Ипат. лѣт., стр. 186). Два года спустя тотъ же самый Бонякъ опять нападаетъ на Переяславль. Въ 1110 году къ Воиню приходили половцы, которые бросились отсюда къ Переяславлю и на обратномъ пути въ степи разоряли множество селъ. „Того же лѣта, говоритъ лѣтопись,—пришедше половци, воеваша около Переяславля по селамъ“ Ипат. лѣт., стр. 188. Въ 1111 г. былъ большой походъ русскихъ князей на половцевъ, въ степи. Ипат. лѣт., стр. 191—193.

[3]) „Въ лѣто 1110. Идоша веснѣ на половцѣ Святополкъ, и Володимеръ, Давидъ; и дошедше Воиня, воротишася. Того же лѣта пришедше Половци Воинн, воротишася“. Ипат. лѣт., стр. 188.

[4]) Въ 1150 году половцы подошли на помощь Юрію Долгорукому и много зла сотворили около Переяславля (Ипат. лѣт., стр. 281). Въ слѣдующемъ году, во время войны Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ половцы находились въ союзѣ съ суздальскимъ княземъ; отъ Переяславля они побѣжали въ Половцы (Ипат. лѣт., стр. 304). Въ 1154 году половцы подступили къ Переяславлю, но не будучи въ состояніи бороться съ Ростиславомъ Мстиславичемъ и Святославомъ, отошли за Сулу (Ипат. лѣт., стр. 325). Въ слѣдующемъ году половцы явились въ большемъ количествѣ на низовьяхъ р. Супоя (Ипат. лѣт., стр. 331).

половцы сошлись съ русскими князьями—Всеволодомъ и Андреемъ—у низовьевъ Сулы, близъ Малотина, и заключили здѣсь миръ [1]). Далѣе, въ 1155 году половцы явились для переговоровъ съ Юріемъ Долгорукимъ къ Днѣпру и расположились близъ устьевъ р. Супоя [2]). Годъ спустя половцы проникаютъ уже выше и заключаютъ съ Юріемъ Долгорукимъ миръ у Заруба, расположеннаго напротивъ устьевъ р. Трубежа [3]). Къ концу третьей четверти XII столѣтія половцы опять являются въ указанныхъ предѣлахъ и грабятъ окрестности Песочна и Переяславля [4]). Что половцы двигались этой понаддиѣпровской дорогой, лучше всего можно видѣть изъ разсказа лѣтописи подъ 1174 годомъ. Когда въ указанномъ году половцы напали на Переяславль, русскіе князья, желая перехватить половцевъ во время ихъ отступленія въ степи, стали съ войсками близъ Лукомльскаго городища, на Сулѣ; но половцы прошли мимо: они успѣли бѣжать въ степи *„своею дорогою“* [5]).

Такимъ образомъ, нетрудно видѣть, куда собственно направлялись степняки во время своихъ набѣговъ на Русь, а отсюда уже легко опредѣлить и направленіе пути, какимъ они имѣли обыкновеніе проникать въ русскія земли.

Чтобы понять, почему кочевники избирали именно этотъ путь для своихъ вторженій въ предѣлы русской земли, необходимо разсмотрѣть, какъ была защищена со стороны степи юго-восточная окраина Руси, гдѣ находились ея наиболѣе сильные пункты и гдѣ—слабые; гдѣ пролегали наиболѣе удобныя для быстрыхъ передвиженій мѣста.

Извѣстно, что прочной, постоянной границей осѣдлости южно-русской земли съ юго-востока была р. Сула, составлявшая своими естественными условіями главную боевую линію со стороны степи. Неудивительно поэтому, что уже съ древнѣйшихъ временъ правители земли русской стали обращать свое особенное вниманіе на удобства

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 220. О положеніи Малотина близъ устьевъ р. Сулы см. нашу работу „Исторія Переяславльской земли“, К. 1903 г., стр. 158—159.

[2]) Ипат. лѣт., стр. 331.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 333.

[4]) „Сѣдящю же Глѣбови Юрьевичю въ Кыевѣ на столѣ отнѣ и дѣднѣ, в первое лѣто (1172) приде множьство Половѣць, раздѣлившеся на двое — одини пойдоша къ Переяславлю и сташа у Пѣсочна, а друзии пойдоша по оной сторонѣ Днѣпра Кыеву и сташа у Корсуня“. Ипат. лѣт., стр. 379. Въ 1174 г. Кобякъ и Кончакъ шли къ Переяславлю (Ипат. лѣт., стр. 387).

[5]) Ипат. лѣт., стр. 415. Курсивъ—нашъ.

р. Сулы въ стратегическомъ отношеніи, и потому, какъ сообщаетъ лѣтопись, уже въ X вѣкѣ по р. Сулѣ ставятся городки-крѣпости, населенные лучшими мужами, взятыми изъ чужихъ краевъ [1]). И въ послѣдующія затѣмъ времена мы видимъ рядъ заботъ князей объ огражденіи Посулья отъ враговъ. Князья не только ставятъ укрѣпленія въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ, но зачастую и сами являются съ войсками защищать этотъ край [2]).

Такимъ образомъ, область Сулы, или, лучше сказать, правый нагорный берегъ этой рѣки, въ древнее, отдаленное отъ насъ вѣками время, игралъ роль стратегической боевой линіи, защищавшей съ востока плодородныя и населенныя мѣстности Переяславльской земли. Это была крайне опасная область. Находясь на пограничьѣ со степью, жители Посулья были въ вѣчномъ ожиданіи какихъ-либо набѣговъ со стороны кочевниковъ, въ вѣчномъ страхѣ подвергнуться опустошительному грабежу, пожарамъ, неволѣ. Поэтому посульское населеніе должно было постоянно заботиться о томъ, чтобы какъ можно лучше, какъ можно цѣлесообразнѣе защититься отъ враговъ. Выбравъ р. Сулу своей оборонительной линіей, южно-русское населеніе прекрасно воспользовалось всѣми ея природными условіями, служившими болѣе или менѣе надежной защитой отъ враговъ: кромѣ рѣчныхъ водъ, широко разливавшихся въ посульской долинѣ, и въ значительной степени препятствовавшихъ свободному переходу черезъ рѣку, почти весь правый берегъ этой послѣдней, начиная отъ верховьевъ и до нижняго теченія ея, поднимался на довольно значительную, сравнительно, высоту и во многихъ мѣстахъ представлялъ прекрасныя условія для оборонительной цѣли. На этомъ-то возвышенномъ берегу р. Сулы и расположенъ цѣлый рядъ укрѣпленій, извѣстныхъ уже со временъ глубокой древности. Таковы: Ромны (Роменъ), Снятинъ (Коснятинъ), Лубны (Лубьно), Лукомье (Лукомль), Горошинъ, Буромка (Римовъ), Жовнинъ (Желни) и пр. Эти нагорныя укрѣпленія прекрасно выполняли свою тактическую роль, служа солиднымъ оплотомъ, о который неоднократно разбивались волны кочевыхъ народовъ. Эти посульскія укрѣпленія, какъ извѣстно, сильно мѣшали степнякамъ въ ихъ хищническихъ нападеніяхъ на южно-русскія земли, и мы видимъ цѣлый

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 83; Лавр. лѣт., стр. 119.

[2]) См. Ипат. лѣт., стр. 110, 186—188, 208, 320, 414, 415, 424, 425, 430; Лавр. лѣт., стр. 271—280, 328, 379; Сводн. лѣт., стр. 330—332; Никонов. лѣт., стр. 15, 203; Воскрес. лѣт., стр. 99 и пр.; Татищевъ, II, 231 и пр.

рядъ систематическихъ предпріятій кочевыхъ народовъ на Посулье, съ цѣлью разорить или ослабить его наиболѣе важные стратегическіе пункты [1]). Сознавая огромное значеніе этой линіи въ стратегическомъ отношеніи, русскіе князья не перестаютъ заботиться о поддержаніи ея въ надлежащемъ видѣ; они стараются укрѣпить ее, какъ можно лучше. Наиболѣе прочно защищенными отдѣлами Посулья были ея верхніе и средніе отдѣлы, наименѣе—нижніе или южные. Крайними, къ югу, укрѣпленными пунктами на Сулѣ были Горошинъ и Буромка, расположенные нѣсколько ниже впадавшей въ р. Сулу Оржицы. Пространство, заключенное между вышепоименованными укрѣпленными мѣстами и низовьями р. Сулы, представляло собой открытыя, удобныя для перехода мѣста, которыя и избирались обыкновенно кочевниками для своихъ набѣговъ. Возлѣ Горошина, расположеннаго на лѣвой сторонѣ р. Сулы, нѣсколько ниже впаденія въ послѣднюю Оржицы, происходила обыкновенно переправа половцевъ, а впослѣдствіи и татаръ, пробиравшихся этимъ путемъ для грабежа русскихъ земель [2]).

Такимъ образомъ, до нижняго теченія р. Сулы, берегъ послѣдней былъ сравнительно хорошо укрѣпленъ. Трудно, однако, допустить, чтобы все низовье р. Сулы, отъ Горошина и Буромки и до самаго устья, оставалось открытымъ, незащищеннымъ въ древнее время. По-

[1]) Въ Духовной Мономаха сохранились указанія на этотъ счетъ: „И Бонякъ приде со всѣми Половци къ Кснятиню, идохомъ за ня исъ Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихомъ, и князи изьимахомъ лѣпшии". Лавр. лѣт. стр. 241. Въ 1107 г. къ Лубнамъ пришелъ Бонякъ, для отраженія котораго князья должны были выступать къ этому городу (Ипат. лѣт., стр. 186); въ Духовной Мономаха по этому поводу сказано: „и потомъ паки на Боняка къ Лубьну. и Богъ ны поможе" Лавр. лѣт., с. 241. Далѣе: „И пакы по отни смерти и по Святополцѣ на Сулѣ бившеся съ Половци до вечера быхомъ у Халѣпа" (Лавр. лѣт., с. 240). Въ 1172 г. половцы прорвались черезъ Сулу, а въ 1185 г. они взяли всѣ города по Сулѣ. Ипат. лѣт., стр. 415 и 436. Лавр. лѣт., стр. 379.

[2]) Въ жалобѣ дочери гетм. Жолкѣвскаго Люблинскому трибуналу говорится, что *Горошинъ* и *Слѣпородъ* находятся на *шляху татарскомъ, при самой границѣ татарской*... „Это любопытное поясненіе,—говоритъ А. М. Лазаревскій,—указываетъ, что татары при набѣгахъ на лѣвобережную Украину перелѣзали Сулу гдѣ-то между Слѣпородомъ и Горошиномъ. См. Ист. очерки Лубенщина *А. М. Лазаревскаго.* Чт. Общ. Нестора Лѣт., кн. XI, 1896 г., стр. 98. Въ соотвѣтствіи съ вышесказаннымъ являются сообщенія лѣтописи о проникновеніи половцевъ этимъ именно путемъ. Такъ. Владиміръ Мономахъ въ своей Духовной говоритъ: „Томже лѣтѣ гонихомъ по Половцихъ за Хоромъ, иже Горошинъ взяша" и далѣе: „и паки Илтареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомъ". Лавр. лѣт., стр. 239—240.

ложимъ, расширенное русло рѣки и болота на нижнемъ теченіи ея служили не малой защитой для этихъ мѣстъ, но, конечно, такой защиты было недостаточно, и половцы зачастую прорывались черезъ вышеупомянутые участки посульскихъ земель. На эти-то слабыя мѣста и обращаютъ свое вниманіе южно-русскіе князья, стараясь подвинуть цѣпь посульскихъ укрѣпленій все дальше и дальше къ низовьямъ рѣки и населить ихъ плѣнными, выведенными изъ отдаленныхъ мѣстъ обширной русской равнины.

Такъ возникають на низовьяхъ р. Сулы гор. Желни (нынѣ Жовнинъ), построенный переяславльскимъ княземъ Ярополкомъ Владиміровичемъ, а нѣсколько выше—Деменескъ и Римовъ [1]). Близъ послѣдняго проходилъ давній, излюбленный кочевниками путь въ русскія земли, окрещенный именемъ *злодьйскаго* [2]). Такимъ образомъ, не только верхнее и среднее Посулье, но и низовья р. Сулы составляютъ предметъ заботъ для русскихъ князей, и послѣдніе стараются о построеніи здѣсь новыхъ укрѣпленій и возможно лучшемъ обезопасеніи этихъ земель отъ враговъ.

Безъ сомнѣнія, послѣдовательно проводя въ жизнь идею о защитѣ Посулья, русскіе князья должны были обезопасить, т. е. укрѣпить и самое устье р. Сулы, близъ котораго открывался широкій и болѣе или менѣе свободный доступъ въ южно-русскіе предѣлы, черезъ проходъ, заключенный между правобережными высотами р. Днѣпра и посульскимъ нагорьемъ, оканчивающимся у Жовнина крутымъ мысомъ въ днѣпровскую долину. Выполненію этой задачи, однако, мѣшали нѣкоторыя неблагопріятныя условія. Естественныя условія нижняго отдѣла р. Сулы не давали возможности привести въ исполненіе тотъ цѣлесообразный планъ защиты, какой примѣнялся на этой рѣкѣ нѣсколько выше. Низменное положеніе береговъ р. Сулы близъ впаденія послѣдней въ Днѣпръ исключало возможность строить здѣсь частыя

[1]) Насколько сильно мѣшали степнякамъ эти посульскія укрѣпленія, видно изъ неоднократныхъ попытокъ половцевъ разрушить ихъ. Нападая, однако, безъ опредѣленнаго плана на посульскія укрѣпленія, степняки не могли нанести крупнаго вреда имъ и тѣмъ давали возможность вскорѣ поправить ихъ, такъ что Посулье опять могло давать отпоръ во время набѣговъ. Раздраженные этимъ, половцы организуютъ планъ вконецъ разорить Посулье и, наконецъ, приводятъ его въ исполненіе: въ 1185 году они разоряютъ всѣ города по Сулѣ. Лавр. лѣт., стр. 379.

[2]) Въ описаніи границъ земель Требинскихъ близъ Оржицы, сказано: „А съ тихъ могилокъ на третую могилу, которая лежитъ по семъ боку шляху, идучою зъ Оржицѣ до Денисовки..., а оттудова, черезъ великій *злодьйскій* шляхъ, идучій съ Веремѣевки до Савинецъ“. Чт. въ Общ. Нестора лѣт., 1898 г., кн. XI, стр. 134.

укрѣпленія, которыя могли бы служить для задержанія враговъ. Это обстоятельство заставляло князей юго-восточной окраины Руси прибѣгать къ иному способу защиты этой мѣстности: мы замѣчаемъ активный отпоръ степнякамъ со стороны Руси—неоднократные военные походы въ эти мѣста съ цѣлью отраженія или же предупрежденія нападеній враговъ. Здѣсь, какъ мы знаемъ, часто велись войны, происходили стычки съ врагами, а потому вполнѣ естественно, если мѣстныя названія черпали свои имена отъ окружающихъ, постоянныхъ условій страны. Такъ, на нижнемъ теченіи Сулы находятся с. Воинская-Гребля и Воинское городище,—названія, несомнѣнно ведущія свое начало отъ лѣтописнаго Воиня и возникшія благодаря боевому характеру указанной территоріи. Конечно, кромѣ валовъ, разнаго рода окоповъ и городковъ или городищъ, охранявшихъ населеніе отъ враговъ, русскіе князья весьма часто пользуются для защиты своихъ земель еще и добровольными выходцами изъ степей, которыхъ они селили на порубежныхъ, наиболѣе опасныхъ мѣстахъ.

Вотъ здѣсь-то, близъ этихъ слабыхъ пунктовъ, по нашему мнѣнію, и находились поселенія торковъ, которые такимъ образомъ служили дополненіемъ, какъ бы связующимъ звеномъ, къ той цѣпи укрѣпленій, какія послѣдовательно, систематически воздвигались Русью на этихъ юго-восточныхъ предѣлахъ ея. Самый характеръ мѣстности, выбранной степняками для своихъ поселеній, представлялъ искомыя ими удобства: обширныя степныя пространства у низовьевъ Сулы и далѣе въ районѣ днѣпровской долины, обильныя прекрасными пастбищами для скота, вполнѣ отвѣчали обычнымъ условіямъ полукочевой жизни.

Мы полагаемъ отсюда, что торки осѣдали въ этомъ именно юго-восточномъ углу русской земли, занимая сначала мѣстность близъ низовьевъ р. Сулы, а затѣмъ, отодвигаясь отсюда все дальше и дальше вглубь страны, разселялись по низовьямъ рр. Сулы, Супоя, Трубежа и по обширнымъ равнинамъ днѣпровской долины, выбирая удобныя для полукочевой жизни мѣста, въ предѣлахъ отъ Воиня, что на нижней Сулѣ, до Заруба, расположеннаго на правой сторонѣ Днѣпра, противъ гор. Переяславля. Въ концѣ XI столѣтія мы видимъ уже торковъ и въ другихъ, отвѣчавшихъ вышеуказаннымъ условіямъ мѣстахъ Переяславльской земли, а именно—въ сѣверо-восточной пограничной степной полосѣ, на торной дорогѣ половецкихъ набѣговъ на Русь.

Что касается турпѣевъ, родственныхъ по крови торкамъ и входившихъ въ составъ переяславльскаго населенія, то, судя по лѣтописи, они обитали на побережьи Днѣпра, расположенномъ къ югу отъ Пе-

реяславля, какъ разъ напротивъ гор. Канева. Ихъ обязанности, безъ сомнѣнія, были такія же, какъ и торковъ: т. е., въ случаѣ опасности, помогать русскимъ и защищать занимаемый край отъ враговъ.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить, что населеніе, нынѣ обитающее въ указанныхъ нами мѣстахъ торческихъ поселеній лѣвой стороны Днѣпра, сохраняетъ въ себѣ кое-какія особенности въ этнографическомъ, антропологическомъ, лингвистическомъ и др. отношеніяхъ сравнительно съ окружающей его массой южно-русскаго населенія. Кромѣ того, недавнее историческое прошлое указанныхъ мѣстъ говоритъ также о прочно утвердившихся здѣсь особенностяхъ общественно-бытовой и политической жизни, ведущей свое начало со временъ глубокой древности и отражавшей въ себѣ основныя черты тѣхъ историко-бытовыхъ условій, въ какихъ находилась страна въ древнее время. Все это, конечно, можетъ служить подтвержденіемъ высказанныхъ нами положеній относительно мѣстопребыванія и роли торческихъ поселеній въ предѣлахъ Переяславльской земли.

В. Ляскоронскій.

БЫЛИНЫ О ПОТОКѢ И О СОРОКА КАЛИКАХЪ СО КАЛИКОЮ.

Въ „Этнографическомъ обозрѣніи“ кн. LXI, стр. 111—115 г. Марковъ разобралъ составъ былины о „Сорока каликахъ со каликою“. Указавъ на преданіе о хожденіи сорока новгородскихъ каликъ въ Іерусалимъ, извѣстное по записи XIV-го вѣка и, въ сущности, не имѣющее съ былиной ничего общаго, кромѣ мотива хожденія и заповѣднаго числа 40, авторъ допускаетъ возможность, что главное дѣйствующее лицо былины Михайло (Михайловичъ или Касьяновичъ, Романовичъ; иначе Касьянъ Михайловичъ, Ѳома и др.), равно какъ и ея тема сложились по житію Михаила Черноризца, жившаго въ монастырѣ св. Саввы (IX в.). Въ XII вѣкѣ игуменъ Даніилъ видѣлъ тамъ его мощи, легенду о немъ могли слышать на мѣстѣ наши Палестинскіе паломники. Въ житіи разсказывается, какъ царица Сеида (арабск. госпожа) склоняла Михаила ко грѣху, „яко егоуптяныни Іосифа“, и не успѣвъ соблазнить его, нажаловалась мужу, что онъ осмѣлился посягнуть на его честь. „Царь же испытавъ его и раздрѣши“, а мученія и усѣкновеніе Михаила являются уже слѣдствіемъ его отказа отречься отъ Христовой вѣры.

Въ былинѣ Апраксѣевна также соблазняетъ подъатамана Михайлу и также клеплетъ на него передъ Владимиромъ, но казнитъ его не онъ, а товарищи калики: они предаютъ его истязаніямъ, закапываютъ въ землю. Странной кажется не столько недѣятельность князя, сколько поводъ къ обвиненію со стороны Апраксѣевны; она винитъ Михайлу въ кражѣ чары, братины, которую сама велѣла подсунуть ему тайкомъ. Житіе Михаила Черноризца прямо указываетъ на мотивъ Пентефріевой жены, извѣстный въ цѣлой группѣ классическихъ и восточныхъ сказаній [1]), и представляется непонятнымъ, почему понадобилось

[1]) Укажу лишь на египетскую сказку о братьяхъ Анупу и Битью (сл. Wake въ

пѣвцу былины подмѣнять его другимъ, сосѣднимъ, изъ того же библейскаго разсказа объ Іосифѣ и чашѣ, подложенной, по его приказанію, Веніамину. Едва-ли такую замѣну можно объяснить тою подробностью житія, что Михаилъ пошелъ продавать въ Іерусалимъ свое рукодѣлье, „сосуды зѣло горазды", съ которыми онъ и явился къ царицѣ.

Въ замѣткахъ 1876 и 1887 годовъ, посвященныхъ научной дѣятельности Джузеппе Питрэ и лорренскимъ сказкамъ Коскена [1]), я обѣщалъ обратиться къ былинѣ о Потокѣ и сроднымъ съ нею сюжетамъ. Съ тѣхъ поръ мы значительно обогатились не столько новыми русскими записями, сколько явившимися со стороны матерьялами сравненія. Въ настоящей замѣткѣ я ограничусь повтореніемъ вопроса, поднятаго мною въ указанныхъ статьяхъ. Махалъ, пользовавшійся ими, обошелъ вопросъ [2]); Вс. Миллеръ коснулся генезиса былины о Сорока каликахъ со каликою, не привлекая къ сравненію былину о Потокѣ [3]); Поливка отнесся къ моей гипотезѣ съ сомнѣніемъ [4]); изслѣдованіе г. Маркова позволитъ мнѣ поставить ее нѣсколько опредѣленнѣе.

I.

Схема былины о Потокѣ и его женѣ—Авдотьѣ Лиховидьевнѣ старыхъ записей, Марьи Лебеди Бѣлой—сводится къ слѣдующему.

1) Потокъ увозитъ Авдотью—Марью, женится на ней,

Сдѣлалъ съ нею заповѣдь великую:
Кто изъ насъ да нунь попéреди,
Кто пойдетъ да во сыру̂ землю,
Дру̂гому итти да на три мѣсяца.

The journal of american Folk-Lore. v. XVII, № LXVII, стр. 255 слѣд.), въ Kathá Sarit Ságara, на разсказъ о томъ, какъ царица Asokavati соблазняла совѣтника своего мужа, добродѣтельнаго Gunasarman'a; на планъ „Семи мудрецовъ", на сказку 1001 ночи о двухъ женахъ султана Камаральзамана и ихъ пасынкахъ. Сл. Burton. The book of the thousand nights and a night, ночь 217 и слѣд.; Chauvin, Bibliographie des ouvrages arabes ou relatifs aux arabes, V, стр. 208: Amgad et As'ad.

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1876 г., январь, стр. 86 слѣд.; тамъ же 1887 г. апрѣль, стр. 297 слѣд.

[2]) Máchal, O bohatýrském epose slavanském. V Praze 1894, стр. 176.

[3]) Вс. Миллеръ, Къ былинѣ о Сорока каликахъ со каликою, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1899 г., августъ, стр. 464 слѣд.

[4]) Pólivka, Zu der Erzählung von der undankbaren Gattin, въ Zs. des Vereins für Volkskunde, 13 Jahrg (1903), стр. 399 слѣд.; сл. стр. 407—8.

Дѣлаетъ онъ эту заповѣдь потому, что „она то мнѣ-ка прилюбилася" (Гильф. № 6).

Жена умираетъ, Потокъ спускается съ нею въ могилу—скленъ; въ полночь являются гады змѣиные; Потокъ раздавилъ змѣеныша; отъ живой воды, принесенной большимъ змѣемъ, оживаетъ и змѣенышъ и покойница.

Я не коснусь здѣсь общаго вопроса, поскольку мотивъ заповѣди, если понять ее такъ, что она поставлена была именно Потокомъ, можетъ быть привязанъ, какъ варіантъ, къ мотиву, распространенному въ группѣ восточныхъ и европейскихъ сказаній о невѣрной женѣ: мужъ возвращаетъ къ жизни любимую жену, отдавъ ей часть удѣленной ему жизни, часть своей крови, а она платитъ ему неблагодарностью, отдаваясь другому, покидая мужа, посягая на него. Позднѣйшая разновидность этой схемы замѣняетъ жертву жизни чудомъ оживленія, совершающимся по просьбѣ мужа; онъ такъ любилъ жену, что не покидаетъ ее, уже умершую; аннамская сказка вводитъ насъ въ дѣйствіе клятвой, которую даютъ другъ другу мужъ и жена: кто изъ нихъ переживетъ другого, будетъ сторожить тѣло покойника до его оживленія [1]).

2) Въ отсутствіи Потока жена позволяетъ себя увезти королю (политовскому, ляхотскому и др.).

3) Потокъ ѣдетъ искать ее, переодѣтый. Она признаетъ его, подаетъ ему чару зелена вина съ соннымъ зельемъ, обращаетъ въ камень. У Гильфердинга № 52 она велитъ закопать его въ яму глубокую, лишь затѣмъ слѣдуетъ обращеніе въ бѣлъ горючъ камень. Илья и Добрыня (и Алеша), переодѣтые каликами, отправляются на поиски, къ нимъ присосѣживается калика незнаемый, который оказывается св. Николой, и совершается, чудомъ послѣдняго, оживленіе Потока.

4) Онъ снова идетъ за женой, которая узнала его подъ каличьей окрутой, опаиваетъ соннымъ зельемъ и, пригвоздивъ къ стѣнѣ четырьмя гвоздями, отправляется искать пятаго сердечнаго [2]). Въ это время

---

[1]) Сл. обстоятельное изслѣдованіе G. Paris'a, Die undankbare Gattin въ Zs. des Vereins für Volkskunde 13 Jahrg. (1903), стр. 1—24 и 129—150. Сл. стр. 18—9; на стр. 138 резюмированы и тѣ сказки, которыми я пользовался въ своихъ прежнихъ изслѣдованіяхъ.

[2]) Въ связи съ палестинской легендой о ковачѣ, слышанной архимандритомъ Гревеніемъ, я привелъ греческую пѣсню о цыганѣ, ковавшемъ гвозди. Что это ты дѣлаешь, спрашиваетъ его Богородица. „Будутъ одного человѣка распинать, такъ я

сжалилась надъ Потокомъ Настасья Королевична, обѣщаетъ освободить его, если онъ возметъ ее замужъ; подмѣнила его татариномъ, грѣшникомъ, увела и выходила втайнѣ. Потокъ срубилъ женѣ голову, а Настасью беретъ за себя.

Съ точки зрѣнія эпической поэтики повтореніе въ 4-мъ эпизодѣ мотива „исканія" не возбуждаетъ особыхъ сомнѣній; такихъ повтореній много въ чертѣ нашей былины (напр., наѣзды похитителя и т. п.). Сомнѣніе вызывается содержаніемъ эпизода. Къ чему было пригвождать Потока къ стѣнѣ? Мнѣ представляется вѣроятнымъ, что эта *ненужная* въ нашей былинѣ подробность перешла сюда изъ другого цикла сказаній, извѣстныхъ по Сомадевѣ, Семи Мудрецамъ, изъ повѣсти о Wislaus decorus, болгарской пѣснѣ у Дозона и др., гдѣ привязываніе къ дереву, къ стѣнѣ является издѣвкой со стороны измѣнницы жены надъ мужемъ, принужденнымъ видѣть, какъ она забавляется съ похитителемъ. Въ нашу былину эта черта могла свободно зайти, по сходству сюжета, изъ указаннаго выше цикла, къ которому принадлежитъ и былина объ Иванѣ Годиновичѣ и его невѣрной женѣ [1]). Вліяніе послѣдней былины на развязку пѣсни о Потокѣ, вполнѣ объяснимое, устраняетъ предположеніе г. Париса, будто по основному своему мотиву былина о Потокѣ принадлежитъ къ схемѣ Ивана Годановича и лишь ея начало (зарокъ, могила, оживленіе) внесено въ нее изъ сказаній того типа, къ которому я привязываю былину о Потокѣ [2]).

Какова была первоначально ея развязка до предположеннаго мною вліянія, сказать мудрено, но я считаю вѣроятнымъ слѣдующее возстановленіе ея § 3 на основаніи былины о Сорока каликахъ со каликою: Михайло шелъ на поиски не одинъ, а съ товарищемъ или товарищами, узнанъ женой, которая (опоивъ его зельемъ?) велитъ подложить ему царскую чару, чтобы найти поводъ къ обвиненію. Михайло закопанъ, но оживаетъ; въ былинѣ о Потокѣ это совершается чудомъ св. Николы, въ былинѣ-стихѣ о Сорока каликахъ со каликою являются ангелы, но есть и интересный варьянтъ: Михайло изувѣченъ, а райская птица поетъ ему:

кую для него гвозди, заказано только три, а кую я пять: два къ двумъ колѣнамъ, два къ двумъ рукамъ, а пятый, *ядовитый*, подъ самое подъ сердце". Сл. Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ. *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1885. май. стр. 181.

[1]) Такъ заключаетъ и Махалъ. l. c., стр. 172.

[2]) G. Paris, l. c., стр. 141 прим. 3.

Кто въ эту пору—времячко
Помоется росою съ этой шолковой травы,
Тотъ здравъ будетъ.

Умылся Михайло, „заростались его раночки кровавыя".

Я позволилъ себѣ такое возстановленіе плана былины на основаніи сициліанской сказки у Питрэ, сообщенной мною въ первой изъ упомянутыхъ мною замѣтокъ. Сынъ короля Сициліи беретъ за себя дочь одного принца; сыграли свадьбу; вернулся королевичъ изъ церкви и закручинился. На вопросъ молодой онъ объясняетъ, что у него явилось желаніе дать другъ другу зарокъ: если кто изъ нихъ умретъ, другому сойти въ могилу и три дня сторожить умершаго. Черезъ годъ скончалась жена королевича, и онъ опускается въ склепъ, вооруженный саблей и пистолетами; причетнику церкви онъ приказалъ по прошествіи трехъ дней прислушаться: если онъ постучитъ, пусть отопретъ ему, если нѣтъ, стало быть, онъ не вернется. На вторую ночь явился страшный змѣй съ змѣенышами и бросился на покойницу; королевичъ выстрѣлилъ и положилъ его на мѣстѣ, змѣеныши разбѣжались, но вскорѣ вернулись съ травой, которую приложили къ ранамъ убитаго; тотъ ожилъ и скрылся. По указанному имъ пути королевичъ выводитъ на свѣтъ Божій жену, которую оживилъ оставленной змѣями травою; по дорогѣ онъ нарвалъ ея цѣлый пучокъ. Они отправляются въ Парижъ; здѣсь, во время отъѣзда мужа, его жена приглянулась капитану неаполитанцу, который, спрятанный въ ящикъ, проникаетъ къ ней съ помощью какой-то старухи и ночью увозитъ ее на кораблѣ. Между тѣмъ вернулся мужъ; не найдя жены, онъ поѣхалъ въ Неаполь, гдѣ поступилъ въ солдаты и признанъ женою, которая показываетъ его своему любовнику капитану. Желая отдѣлаться отъ соперника, капитанъ приглашаетъ къ столу своихъ капраловъ и фурьеровъ; королевичу-фурьеру поваръ капитана кладетъ въ карманъ, по приказанію капитана, серебряный приборъ, который у него и найденъ; королевичъ осужденъ и разстрѣлянъ, но онъ упросилъ одного своего пріятеля-солдата положить ему, мертвому, въ ротъ и раны цѣлющей травы, вслѣдствіе чего онъ и оживаетъ.

Тема этой сказки поддерживается полностью, со включеніемъ черты о подсунутомъ „кувертѣ", лорренской сказкой у Коскена и слѣдующей, записанной въ Кѣлецкой губерніи [1]): молодые супруги дали другъ другу обѣтъ, что по смерти одного изъ нихъ другой будетъ три дня

---

[1]) Lud. XIX, 11, стр. 221—30, у Máchal'a. l. c., стр. 169.

оплакивать его у гроба. Умерла жена, и мужъ двѣ ночи простоялъ около нея на колѣнахъ. На третью явился призракъ, велитъ взять дубовый листъ, приложить къ челу умершей, другой къ груди, и покойница ожила. Продавъ все, они рѣшили пойти по свѣту; на пути мужъ хватился оставленныхъ дома документовъ и вернулся, а жена убѣжала съ офицеромъ. Мужъ обзавелся конемъ и военной формой и поѣхалъ за войскомъ; жена узнала его и при помощи любовника подсунула ему золотой перстень, за что онъ разстрѣлянъ, но оживаетъ, когда его пріятель, имъ предупрежденный, положилъ ему на голову и грудь дубовый листъ.

Поливка указалъ на рядъ славянскихъ сказокъ съ тою же темой, часто ослабленной и запутанной другими сказочными мотивами [1]).

Средство оживленія колеблется въ варьянтахъ сказки, знающихъ или нѣтъ эпизодъ „подлога". Въ лорренской „бѣлая дама" вручаетъ мужу снадобье, которымъ онъ долженъ помазать жену; въ одной бретонской средство оживленія—роза, которую подаетъ какой-то призракъ; въ каталонской змѣя ведетъ сторожащаго мужа къ алтарю, на которомъ лежитъ цѣлительная роза; нѣмецкая (у бр. Гриммовъ № 16) и абруцкая воспроизводятъ сцену съ змѣемъ и змѣенышами, извѣстную намъ по былинѣ: оживляетъ трава, найденная въ склепѣ или принесенная змѣей; въ одномъ абруцкомъ варьянтѣ вмѣсто змѣи—ящерица съ дѣтенышемъ, вмѣсто травы—роза. Въ бѣлорусской сказкѣ у Романова (III, № 88, стр. 353 слѣд.) „Дѣдъ и баба" даютъ другъ другу извѣстный намъ зарокъ; лежа въ могилѣ жены, дѣдъ видитъ змѣю, которая оживляетъ какой-то травой своихъ мертворожденныхъ дѣтенышей; ею онъ оживляетъ и бабу [2]).

Возвращаюсь къ сказкамъ. Онѣ кончаются наказаніемъ виновныхъ; герой исцѣляетъ травой (розой) какую-то царевну, а въ иныхъ версіяхъ женится на ней.

Географія сказокъ, общественныя отношенія, въ которыя поставлены дѣйствующія лица, иныя подробности — все это, несомнѣнно, подновлено. Мнѣ важна въ ихъ содержаніи послѣдовательность эпизодовъ: зарокъ, обмираніе и оживленіе жены, ея увозъ любовникомъ,

---

[1]) Polívka, l. c.

[2]) Другіе варьянты въ сферѣ нашей сказки сл. у Поливки, l. c., стр. 392 слѣд. Довольно распространено вѣрованіе, что животнымъ знакомы такія чудесныя зелья и отъ нихъ научаются пользоваться ими люди. См. еще кабильскую сказку у De Charancey, Le Folk-Lore dans les deux mondes, стр. 143 и др.

погоня за ней, ея попытка отдѣлаться отъ мужа, уличивъ его въ кражѣ; казнь мужа и его оживленіе.

II.

Кто признаетъ вѣроятнымъ мое возстановленіе былины о Михаилѣ Потокѣ, тотъ, быть можетъ, позволитъ себѣ сдѣлать и нѣсколько выводовъ. Сказочный мотивъ присталъ къ циклу Владимира чисто внѣшнимъ образомъ по схемѣ: богатыря посылаютъ взыскать дани—выходы, на тихія заводи, по невѣсту и т. п. Былина о Сорока каликахъ со каликою могла выдѣлиться изъ нея, уже приставшей къ Владимиру и типическому лицу Апраксѣевны; недаромъ за каликами чувствуются богатыри, если ихъ зычный голосъ, отъ котораго валятся терема, и богатырскія ухватки не принадлежатъ амплификаціи. Въ этомъ выдѣленномъ видѣ былина попала въ каличій репертуаръ, гдѣ Михайло оказался подъатаманомъ каликъ, связанныхъ заповѣдью:

Кто обворусть и кто облядусть,
Бить клюхами каличьими,
Тянуть языкъ со теменемъ
И копать очи ясныя косицами.

(Рыбн. II, № 12; то же, съ отличіями, въ другихъ варьянтахъ). На этой стадіи развитія вліяніе житія Михаила Черноризца могло выдвинуть въ „заповѣди" обѣтъ цѣломудрія, въ былинѣ — образъ просвѣтленнаго испытаніями калики. Но мотивъ о подсунутой чашѣ въ отместку за отвергнутую любовь могъ быть подсказанъ какой-нибудь другой благочестивой легендой, въ родѣ широко распространенной на западѣ повѣсти о паломникѣ къ св. Іакову въ Кампостельѣ: юнаго, цѣломудреннаго паломника искушаетъ дочь хозяина, у котораго онъ остановился на пути; не успѣвъ совратить его, она подсунула въ куколь чару и обвиняетъ его въ хищеніи; онъ повѣшенъ, но Богородица и св. Іаковъ поддерживаютъ его въ жизни. Къ этому мотиву обыкновенно пристраивается другой, знакомый и нашей старинной переводной повѣсти, но въ другой обстановкѣ: судьѣ доносятъ, что паломникъ живъ; онъ не вѣритъ тому, это было бы такимъ же чудомъ, какъ еслибъ ожили жареные пѣтухъ и курица, лежавшіе предъ нимъ на столѣ; а они оживаютъ [1]).

Хронологія предположеннаго мною выдѣленія былины о Сорока

[1]) Сл. R. Koehler, Kleinere Schriften, II, 223 слѣд.; III, 558.

каликахъ со каликою неопредѣлима, неопредѣлимо и зарожденіе типа Апраксѣевны, какъ похотливой жены по преимуществу. Попытка прислонить ее къ историческому лицу (сватовство Владимира въ былинахъ о Дунаѣ: Рогнѣда), равно какъ предложенное Вс. Миллеромъ объясненіе ея имени контаминаціей двухъ историческихъ XII—XIII в. (кн. рязанской Евпраксіи и св. Евфросиніи Полоцкой), не даютъ точки отправленія. Можетъ быть, мы имѣемъ дѣло съ общимъ эпическимъ мотивомъ, психологическое обоснованіе котораго интересно было бы услѣдить въ связи: вспомнимъ увозъ Соломоновой жены, легенду о невѣрной супругѣ Константина Великаго, Женевьеву при Артурѣ и т. д. Отмѣчу кстати, что на Апраксѣевну перенесла роль Пентефріевой жены не только былина о Сорока каликахъ со каликою, но и пѣсня о Чурилѣ въ эпизодѣ о томъ, какъ, заглядѣвшись на красавца, княгиня порѣзала себѣ руку, когда „рушала мясо лебединое“ [1]).

Я, разумѣется, не даю большаго значенія варіанту Сорока каликъ со каликою у Рыбн. I, 40, гдѣ Михайло названъ именно Потокомъ; тутъ можно говорить о смѣшеніи или обратномъ перенесеніи. Важенъ эпизодъ о подсунутой чашѣ, связь котораго съ былиной о Потокѣ поддерживается аналогіей сицильянской, лорренской и кѣлецкой сказокъ.

Возможно и другое объясненіе соотношенія между былиною о Сорока каликахъ со каликою и возстановленнымъ мною эпизодомъ былины о Потокѣ: сюжетъ первой, по существу, легендарный, могъ самостоятельно примкнуть къ обособившемуся уже въ извѣстномъ освѣщеніи образу Апраксѣевны, а сходный, хотя и иначе примѣненный мотивъ о чашѣ первоначальной былины о Потокѣ атрофировался въ ней, уступивъ мѣсто другому.

Нѣсколько словъ объ Авдотьѣ Лиховидьвнѣ=Марьѣ Лебеди Бѣлой. Она—невѣрная жена, встрѣтившаяся намъ въ группѣ сказокъ одной и той же схемы и нигдѣ не предполагающаяся чаровницей. Если таковымъ можетъ показаться ея типъ въ иныхъ версіяхъ былины, то это результатъ поэтическихъ смѣшеній и недоумѣній, разобраться въ которыхъ дочиста довольно трудно. Эпитетъ „Лебедь

[1]) Объ этой подробности, сохранившейся въ восточныхъ и дошедшихъ отъ нихъ пересказахъ, см. мои „Южно-Русскія былины“, № V, стр. 95 слѣд. Въ одномъ романѣ Круглаго Стола (Gliglois) сцена понята иначе: Gliglois прислуживаетъ за столомъ королевы, всѣ любуются имъ, а онъ такъ засмотрѣлся на Belté, что „рушаетъ“ (tailler) не по писанному, за что та его и стыдитъ.

Бѣлая", обращеніе лебеди въ красну дѣвицу—все это общія мѣста эпическаго стиля, не обязывающія ни дальнѣйшаго хода былины, ни типъ дѣйствующаго лица. Можно допустить, хотя съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, поводъ, по которому сказка о невѣрной женѣ Потока могла напомнить тему о дѣвѣ-лебеди, широко раскинутую въ области восточныхъ и европейскихъ повѣстей и повѣрій: герой овладѣваетъ дѣвой-лебедью насильно, похитивъ ея крылья, ея сорочку; она покидаетъ его, лишь только вновь завладѣла тѣмъ или другимъ. Замѣтимъ, что Потокъ увозитъ, похищаетъ свою жену, чего нѣтъ въ группѣ однородныхъ съ былиной сказокъ.

Марья обращаетъ Потока въ камень, что, быть можетъ, замѣнило закапываніе (сл. Гильф. № 52), и эта замѣна указываетъ на мотивъ превращеній Добрыни и на вліяніе типа Марины. Фантастика, окружившая жену Потока, наивно-сборная, налетная. Даже зарокъ сойти въ могилу съ тѣмъ, кто первый умретъ, явился подъ конецъ показаніемъ не столько коварства, сколько чаровничества:

Ко полуночи разболѣлася,
Ко утру и преставилася,
Мудрости искала надъ мужемъ своимъ (Кирша).

Когда Потокъ съ женой вышли изъ могилы, пошла слава по всей землѣ, что есть въ Кіевѣ Марья Лебедь бѣлая,

Лебедушка тамъ бѣлая, дочь царская,
А царская тамъ дочка *мудреная*,
Мудрёна она дочка безсмертная (Гильф. № 52).

У Рыбн. I № 36, въ пропускахъ, которые пѣвецъ припомнилъ и досказалъ, уже пропѣвъ „старину", „змѣя подземельная", приплывшая къ гробу Марьи, обернулась, когда Потокъ сталъ бить ее прутьями желѣзными,—самой Марьей, которая и даетъ заповѣдь „не дѣлать впредь таковыхъ пакостей".

Особенно сильное разложеніе обнаруживаетъ былина въ ея недавнихъ записяхъ. Въ варіантѣ у Ончукова (Печерскія былины № 57). Маринка предлагаетъ Потоку положить извѣстную намъ „заповѣдь тяжелую, нелеккую". На пути въ Кіевъ они видятъ — горитъ ракитовъ кустъ, вокругъ него извивается змѣя, молитъ Потока достать воды, залить огонь, спасти ея дѣтокъ.

Сотворю тебѣ добро великое,
Великое, хорошее.

Потокъ гаситъ пламя. Мы невольно ожидаемъ, что пѣвцу припомнился здѣсь мотивъ „благодарныхъ звѣрей", благодарной змѣи, знакомый сказкамъ, и что появленіе змѣи въ могилѣ и слѣдующее затѣмъ оживленіе Маринки будетъ отплатой за человѣчность Потока; но сцена въ склепѣ разыгрывается по обычному и змѣю бьютъ „прутомъ оловяннымъ". Тотъ же мотивъ горящаго змѣинаго гнѣзда встрѣчается и въ Бѣломорскихъ былинахъ Маркова (№ 100); искаженіе здѣсь еще характернѣе. Потокъ увозитъ Мареу Лебедь бѣлую; остановился съ нею на ночлегъ въ шатрѣ опочивъ держать; она разсердилась, обращаетъ Потока въ ворона, коня, горностая, въ камень. Вмѣсто Николы, какъ въ Сорока каликахъ со каликою, является Илья, онъ мечетъ камень, изъ котораго выскакиваетъ Потокъ, а Мареу стегаетъ, пока она не взмолилась: „Не буду я теперь то змѣя лютая, Я вѣдь буду теперича молода жена". Они ѣдутъ въ Кіевъ; на пути эпизодъ съ горящимъ змѣинымъ гнѣздомъ, далѣе обмираніе и сцена въ могилѣ, спутанная до неузнаваемости: сначала сама Мареа начинаетъ душить Потока, потомъ налетѣла змѣя лютая, палитъ его. Въ концѣ Мареа сожжена и ея пепелъ разсѣянъ.

Такія новыя записи, драгоцѣнныя для народно-эпической поэтики, не даютъ ничего для возстановленія древняго плана былины. Мотивъ „змѣинаго гнѣзда" несомнѣнно существовалъ въ какомъ-нибудь варіантѣ, предварившемъ экземпляры Ончукова и Маркова, но видимо и въ немъ онъ остался неразработаннымъ. Указанныя нами сказки не подтверждаютъ его исконности.

Слѣдующіе результаты моихъ сопоставленій я считаю болѣе или менѣе вѣроятными:

1) Былина о Потокѣ—сказка, примкнувшая, быть можетъ, къ имени и нѣкоторымъ положеніямъ (озеро, змѣй, дѣвица) повѣсти о Михаилѣ изъ Потуки [1]) и въ этомъ видѣ къ былинному циклу Владимира.

2) Одинъ изъ эпизодовъ былины утраченъ и выдѣлился въ былину о Сорока каликахъ со каликою; либо послѣдняя сложилась самостоятельно, тогда какъ сходный мотивъ первой былъ забытъ и былина досказана мотивами пѣсни объ Иванѣ Годиновичѣ.

3) Та и другая гипотеза одинаково допускаютъ вліяніе на былину о Сорока каликахъ со каликою житія Михаила Черноризца и какой-

[1]) См. мои Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ № IX.

нибудь легенды (версіи житія?), сходной съ повѣстью о паломникѣ къ св. Іакову Кампостельскому.

4) Образъ жены Потока сложился по образу Марины въ былинахъ о Добрынѣ. Не оттуда ли и замѣна имени Авдотьи Лиховидьевны, знакомаго старымъ записямъ, другимъ: Марья (Лебедь бѣлая), Маринка, Марѳа?

Александръ Веселовскій.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ИСТОРІИ ПРЕПОДАВАНІЯ МАТЕМАТИКИ.

Первичные методы рѣшенія вопросовъ изъ области науки чиселъ [1]).

Число можетъ быть разсматриваемо или въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ числамъ или въ самомъ себѣ, какъ существующій внѣ всякой зависимости отъ другихъ чиселъ членъ неопредѣленно-безконечнаго числового ряда, содержащаго всѣ существующія цѣлыя и дробныя числа расположенными въ порядкѣ ихъ относительной величины. Неопредѣленно-безконечнымъ этотъ рядъ можетъ быть названъ потому, что онъ является безконечнымъ не только въ своемъ продолженіи, но и во всякомъ промежуткѣ, заключающемся между двумя взятыми какъ угодно его членами. Можно сказать также, что во второмъ случаѣ число разсматривается въ своемъ индивидуальномъ бытіи, въ первомъ же—въ своей связи съ другими или въ болѣе тѣсномъ смыслѣ въ своемъ строеніи изъ нихъ. Въ соотвѣтствіи съ этими двумя воззрѣніями на число существуютъ и два способа или метода его нахожденія. Число можетъ быть отыскано или какъ результатъ

---

[1]) Краткое извлеченіе изъ этой статьи было напечатано въ 1894 году въ международномъ историко-математическомъ журналѣ *Енестрёма* Bibliotheca mathematica (2-me série, t. VIII; 8°, p. 55—60. Stockholm) подъ заглавіемъ „Sur les méthodes primitives qui ont servi à résoudre des questions arithmétiques“ и въ еще болѣе сжатомъ видѣ въ „Дневникѣ IX-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей“ (№ 7, стр. 20—21), какъ отчетъ о сообщеніи, сдѣланномъ авторомъ въ 5-мъ засѣданіи секціи математики, механики и астрономіи 9-го января 1894 г. Этими извлеченіями, да еще статьею того же автора „Безсознательный счетъ въ его современныхъ проявленіяхъ и въ историческомъ прошломъ“, напечатанною въ журналѣ „Физико-математическія науки въ ихъ настоящемъ и прошедшемъ“ (т. XI, 1892 г.), исчерпывается пока вся литература предмета.

своего выраженія въ другихъ (данныхъ) числахъ на основаніи признаковъ, связывающихъ его съ ними, или какъ членъ неопредѣленно-безконечнаго ряда чиселъ по признакамъ, отличающимъ его отъ всѣхъ другихъ. Такъ какъ, по сказанному, нахожденіе числа во второмъ случаѣ требуетъ только знанія признаковъ, отличающихъ его отъ другихъ чиселъ, то второй способъ можетъ быть названъ *методомъ различій*. Что же касается перваго способа, то онъ можетъ быть названъ *методомъ выраженія числа въ другихъ числахъ*.

При опредѣленіи числа по методу различій человѣкъ имѣетъ дѣло съ тѣми же отношеніями, какъ и при отысканіи всякаго предмета въ средѣ другихъ по его отличительнымъ признакамъ. Требующій опредѣленія числа вопросъ или задача становится такимъ образомъ въ близкое родство съ загадкою. Вслѣдствіе этого непосредственно представляющимся уму средствомъ употребленія метода различій въ практикѣ является *попытка*. Руководимый съ одной стороны указанными отличительными признаками требуемаго числа, а съ другой своимъ знакомствомъ съ нѣкоторыми числами, человѣкъ *пытается* найти требуемое число въ средѣ извѣстныхъ чиселъ, пользуясь для этого сравненіемъ отличительныхъ признаковъ тѣхъ изъ нихъ, на которыхъ останавливается его выборъ, съ такими же признаками требуемаго числа, то-есть другими словами, дѣлая повѣрку своей попытки (числа, на которомъ остановился его выборъ) условіями вопроса. Форма, сообщаемая употребленіемъ указаннаго средства методу различій, называется обыкновенно *методомъ попытокъ*. Не останавливаясь на вопросѣ, является ли она единственною возможною формою метода различій, или же могутъ существовать еще и другія, мы замѣтимъ только, что до сихъ поръ она была единственною употребляемою человѣчествомъ формою этого метода. Въ настоящее время почти совсѣмъ забытая наукою, она пользуется широкимъ распространеніемъ въ неполучившей школьнаго образованія части человѣчества, какъ это показываютъ прежде всего наблюденія надъ выходящими изъ этой части феноменальными счетчиками въ родѣ Иноди и Ивана Петрова [1]).

---

[1]) *Жакъ Иноди*—итальянецъ. Родился въ 1867 году въ мѣстечкѣ Онорато въ Піемонтѣ. Изъ изслѣдованій, которымъ онъ подвергался, какъ феноменальный счетчикъ, для цѣлей послѣдующаго изложенія достаточно назвать произведенное въ Парижской академіи наукъ въ засѣданіи 8-го февраля 1892 года. *Иванъ Петровъ*—крѣпостной крестьянинъ деревни Рагозино Кологривскаго уѣзда Костромской губерніи. Родился въ 1823 году. Въ возрастѣ 11 лѣтъ онъ, какъ феноменальный счетчикъ, былъ подвергнутъ изслѣдованію сперва совѣтомъ Костромской гимназіи, а потомъ

Еще болѣе значительное распространеніе имѣла она въ древности, когда не только употреблялась въ наукѣ, но и могущественно содѣйствовала ея развитію. Изученіе ея природы и свойствъ является вслѣдствіе этого для методологіи математики и въ особенности для ея исторіи настоятельно необходимымъ. Главнымъ и въ настоящее время едва-ли не единственнымъ матеріаломъ для этого изученія являются задачи и вопросы, предлагавшіеся феноменальнымъ счетчикамъ, вмѣстѣ со сдѣланными по поводу ихъ рѣшеній замѣчаніями въ протоколахъ сеансовъ.

Изъ задачъ, предложенныхъ Ивану Петрову проф. Перевощиковымъ, къ рѣшенію квадратнаго уравненія приводилась слѣдующая: „За 460 руб. куплено нѣсколько пудовъ сахару; если бы на тѣ же деньги куплено было тремя пудами больше, то каждый пудъ обошелся бы 3 рублями дешевле. Спрашивается сколько куплено сахару?". По поводу рѣшенія этой задачи Иваномъ Петровымъ проф. Перевощиковъ внесъ въ свой протоколъ слѣдующія замѣчанія: „Казалось, что вопросъ сей сначала затруднилъ мальчика; но покачавшись съ ноги на ногу и повертѣвъ головою, онъ остановился неподвижнымъ какъ статуя и вдругъ вскричалъ: 20 пудъ. Весь этотъ маневръ продолжался 17 минутъ. Удивленный столь точнымъ рѣшеніемъ задачи, требующей уравненія второй степени, я пожелалъ узнать способъ рѣшенія; хотя на вопросы мои объ этомъ мальчикъ отвѣчалъ весьма тупо, однако можно была догадаться, что онъ дошелъ до настоящаго числа, *перебравъ многія числа, которыя удовлетворяли бы условіямъ задачи*. И такъ, кромѣ соображенія, ариѳметистъ нашъ одаренъ еще чрезвычайною способностью удерживать многія числа въ памяти".

Ходъ рѣшенія этой задачи по указанному протоколомъ методу попытокъ могъ быть слѣдующій. Условіе задачи относительно уменьшенія цѣны пуда сахара на 3 рубля при указанномъ увеличеніи общаго его количества и неизмѣнности назначенной за него первоначально суммы показываетъ, что эта цѣна должна быть болѣе 3 рублей. Не будетъ ли она равна 4 рублямъ? Повѣряемъ заключающееся въ этомъ вопросѣ предположеніе условіями задачи. Количество купленнаго сахара или искомое неизвѣстное при этомъ предположеніи или попыткѣ

профессоромъ Московскаго университета Д. М. Перевощиковымъ. См. статьи: „Отрокъ—математикъ" (Ученыя Записки Императорскаго Московскаго Университета. 1834, іюнь. Стр. 608—610) и *Перевощикова* „Дополнительное извѣстіе объ отрокѣ—математикѣ" (тамъ-же: 1834, сентябрь; стр. 178—180).

равняется 115 пудамъ; цѣна же одного пуда въ случаѣ увеличенія всего количества за тѣ же деньги 3 пудами или при 118 пудахъ уменьшается менѣе, чѣмъ на рубль ($\frac{6}{59}$ рубля). Попытка, слѣдовательно, не удалась. Для новыхъ попытокъ изъ чиселъ, превосходящихъ 4, слѣдуетъ, понятно, *выбирать только тѣ, которыя для послѣдующей повѣрки представляютъ наименьшія затрудненія*. Таковыми въ настоящемъ случаѣ являются, очевидно, цѣлые дѣлители числа 460, то-есть числа 5, 10, 20, 23, и т. д. Если, можетъ быть, они и не окажутся въ состояніи прямо привести изслѣдователя къ искомому неизвѣстному, то во всякомъ случаѣ будутъ полезны тѣмъ, что укажутъ для дальнѣйшихъ попытокъ болѣе тѣсные предѣлы. Повѣрка условіями задачи попытокъ, представляемыхъ числами 5, 10 и 20, показываетъ, что онѣ неудачны, такъ какъ соотвѣтствующія имъ уменьшенія цѣны пуда сахара менѣе одного ($\frac{8}{19}$ р. и $\frac{30}{49}$ р.) и трехъ ($2\frac{4}{13}$ р.) рублей. За то слѣдующая попытка, представляемая числомъ 23, при повѣркѣ ея условіями задачи оказывается прямо приводящею къ искомому неизвѣстному числу—20 пудамъ, такъ какъ соотвѣтствующее ей уменьшеніе цѣны одного пуда сахара точно равняется требуемымъ задачею 3 рублямъ. Рѣшеніе задачи найдено такимъ образомъ послѣ пяти попытокъ. Не безполезно замѣтить однако же, что и это незначительное число послѣднихъ можетъ быть уменьшено и сведено только къ тремъ. Дѣйствительно, незначительность уменьшенія цѣны пуда сахара при первой попыткѣ или при числѣ 4 отнимаетъ всякую возможность думать, что такія близкія къ ней попытки, какъ третья и въ особенности вторая, или числа 10 и 5, могутъ привесть къ такому значительному сравнительно уменьшенію цѣны пуда сахара, какъ указываемые задачею 3 рубля.

Между задачами, рѣшенными Иваномъ Петровымъ, второе мѣсто послѣ разсмотрѣнной сейчасъ по интересу рѣшенія методомъ попытокъ принадлежитъ слѣдующей, предложенной ему совѣтомъ Костромской гимназіи и относящейся къ числу задачъ, рѣшаемыхъ обыкновенно помощью алгебраическаго ученія о неопредѣленныхъ уравненіяхъ 1-ой степени. „Сколько будетъ разныхъ способовъ для уплаты 78 руб., имѣя двухъ родовъ монеты: однѣ въ 5 руб., а другія въ 3 руб.?“ Протоколъ замѣчаетъ по поводу этой задачи, что она была рѣшена Иваномъ Петровымъ „всѣми шестью способами“. Условіе этой задачи объ уплатѣ 78 рублей исключительно 3-хъ и 5-ти рублевыми монетами прямо приводитъ къ мысли испытать возможность такой уплаты

какимъ-нибудь однимъ изъ этихъ двухъ родовъ монетъ въ отдѣльности. Повѣрка условіями задачи попытки уплаты 3-хъ рублевыми монетами или дѣленіе числа 78 на 3 обнаруживаетъ удачу этой попытки и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ искомыхъ способовъ рѣшенія задачи. Подобная же повѣрка попытки уплаты 5-рублевыми монетами или дѣленіе 78 на 5 даетъ другой изъ этихъ способовъ, обнаруживая въ то же время безуспѣшность попытки въ отношеніи своей прямой цѣли. Новый способъ вслѣдствіе этого имѣетъ смѣшанный характеръ, то-есть производитъ уплату обоими родами монетъ, именно 15 5-рублевыми и одною 3-рублевою монетами. Послѣ удачи—непосредственной въ первомъ случаѣ и посредственной во второмъ—первыхъ двухъ попытокъ въ дальнѣйшихъ уже не представляется надобности, такъ какъ другіе способы уплаты отыскиваются простою замѣною въ какомъ-нибудь изъ двухъ найденныхъ рѣшеній группы составляющихъ его монетъ равноцѣнною ей группою монетъ другого рода. Такихъ замѣнъ въ первомъ рѣшеніи или въ 26 3-рублевыхъ монетахъ можно сдѣлать пять, именно замѣнить 5, 10, 15, 20 и 25 3-рублевыхъ монетъ соотвѣтственно 3, 6, 9, 12 и 15 5-рублевыми. Всего получится, слѣдовательно, шесть разныхъ рѣшеній, такъ какъ полученное отъ послѣдней изъ сдѣланныхъ сейчасъ замѣнъ тожественно съ найденнымъ при второй попыткѣ. Найдутся тѣ же шесть рѣшеній, если, оставивъ безъ измѣненія полученное при первой попыткѣ, производить соотвѣтствующія замѣны въ рѣшеніи, найденномъ при второй, то-есть замѣнить 3, 6, 9 и 12 5-рублевыхъ монетъ соотвѣтственно 5, 10, 15 и 20 3-рублевыми.

Изъ многихъ, въ обыкновенномъ смыслѣ чисто-ариѳметическихъ, задачъ, предложенныхъ Ивану Петрову совѣтомъ Костромской гимназіи и проф. Перевощиковымъ, выдается по интересу и типическимъ особенностямъ ея рѣшенія по методу попытокъ только одна слѣдующая. „Изъ двухъ сортовъ чаю фунтъ одного стоитъ 7 руб. 50 коп., другого 11 рублей. Спрашивается: сколько надобно взять отъ каждаго сорта, чтобы составить 50 фунтовъ по 9 рублей?“ Предложенная проф. Перевощиковымъ, эта задача представляетъ одинъ изъ избитыхъ, во множествѣ встрѣчающихся въ ариѳметическихъ задачникахъ, примѣровъ типа задачъ на такъ называемое правило смѣшенія 2-го рода. По поводу ея рѣшенія Иваномъ Петровымъ профессоръ въ своемъ протоколѣ замѣтилъ: „Отвѣтъ черезъ 8 минутъ: хорошаго чаю 22 фунта, худшаго 28 фунтовъ. Неточность этого рѣшенія ничтожна: ибо настоящія числа должны быть $21\frac{15}{35}$ и $28\frac{20}{35}$“.

Подразумѣваемое въ этой задачѣ условіе о составленіи смѣси такъ, чтобы при продажѣ фунта ея по указанной цѣнѣ (9 руб.) не было ни убытка, ни прибыли, прямо исключаетъ изъ разсмотрѣнія попытку составленія смѣси изъ равныхъ по вѣсу количествъ обоихъ сортовъ чая, ясно указывая на необходимость взять для этого составленія болѣе дешеваго чая, чѣмъ дорогого. Попытки должны начаться, поэтому, по меньшей мѣрѣ съ предположенія о составѣ смѣси изъ 26 фунтовъ дешеваго чая и 24 дорогого. Повѣрка этого предположенія условіями задачи показываетъ однако же, что попытка неудачна, такъ какъ приводитъ къ убытку въ 9 рублей. Также неудачною при повѣркѣ условіями задачи оказывается и слѣдующая попытка, состоящая въ составленіи смѣси изъ 27 фунтовъ дешеваго и 23 дорогого чая, потому что даетъ убытокъ въ 5,5 рубл. Гораздо болѣе близкою къ истинѣ является третья попытка, пользующаяся предположеніемъ о составѣ смѣси изъ 28 ф. дешеваго чая и 22 дорогого и дающая убытокъ всего только въ 2 рубля. На этой попыткѣ, какъ показываетъ замѣчаніе протокола проф. Перевощикова, и остановился Иванъ Петровъ, можетъ быть невольно, вслѣдствіе сдѣланной ошибки, можетъ быть преднамѣренно во избѣжаніе могущихъ очень затянуться дальнѣйшихъ попытокъ. Поступить такъ умышленно ему было тѣмъ болѣе соблазнительно, что экзаменаторъ и присутствующіе, не понимая въ чемъ суть дѣла и находя „неточность рѣшенія ничтожною", вполнѣ имъ удовлетворялись. Чтобы составить себѣ ясное понятіе о тѣхъ неоднократно вызывавшихъ на губахъ иноди насмѣшливую улыбку отношеніяхъ, которыя должны были въ послѣднемъ случаѣ установиться между экзаменующею публикою и экзаменуемымъ, посмотримъ, что оставалось сдѣлать Ивану Петрову для полученія вполнѣ точнаго рѣшенія. Такъ какъ при предстоящихъ попыткахъ приходится имѣть дѣло съ дробями, то полезно замѣтить, что при выборѣ ихъ необходимо слѣдовать тому же *принципу предпочтенія болѣе удобныхъ чиселъ*, которымъ пользуются, какъ мы видѣли, въ случаѣ попытокъ съ цѣлыми числами. То же соображеніе, которое вызвало употребленіе этого принципа при цѣлыхъ числахъ, остается, очевидно, въ силѣ и при дробныхъ. Если болѣе удобныя дроби не будутъ въ состояніи дать искомое рѣшеніе, то онѣ во всякомъ случаѣ приведутъ къ сближенію предѣловъ дальнѣйшихъ попытокъ. Итакъ новыя попытки должны быть начаты съ простѣйшихъ между дробями, имѣющими числителемъ единицу. Первая попытка въ новой области будетъ, поэтому, состоять въ предположеніи состава смѣси изъ $28\frac{1}{2}$ ф. дешеваго чая и $21\frac{1}{2}$ дорогого. Повѣрка условіями

задачи показываетъ, что попытка приводитъ къ убытку въ 25 коп., и потому неудачна. Количество въ 28 ф. дешеваго чая должно быть увеличено болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{2}$ фунта. Увеличенія для слѣдующихъ попытокъ $\frac{1}{2}$ фунта на $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{7}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{9}$, $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{11}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{13}$ даютъ уже прибыли соотвѣтственно въ $91\frac{2}{3}$, $62\frac{1}{2}$, 45, $33\frac{1}{3}$, 25, $18\frac{3}{4}$, $13\frac{8}{9}$, 10, $6\frac{9}{11}$, $4\frac{1}{6}$, $1\frac{12}{13}$ копѣекъ. Только слѣдующая за этими попытка увеличенія $\frac{1}{2}$ фунта на $\frac{1}{14}$ или, что то же самое, составленія смѣси изъ $28\frac{4}{7}$ ф. дешеваго чая и $21\frac{3}{7}$ дорогого приводитъ при повѣркѣ условіями задачи къ равенству убытка и прибыли или къ совершенно точному рѣшенію. Понятно, что число разсмотрѣнныхъ попытокъ въ области дробей можетъ быть значительно сокращено, если въ виду значительности прибыли при увеличеніи $\frac{1}{2}$ ф. на $\frac{1}{8}$ ф. прямо перейти, напримѣръ, къ увеличенію на $\frac{1}{7}$, или даже на $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{12}$. Можно, впрочемъ, достигнуть еще болѣе значительной экономіи во времени и трудѣ, если тотчасъ же послѣ первой попытки въ области цѣлыхъ чиселъ замѣнить всѣ слѣдующія за нею въ обѣихъ областяхъ *постепеннымъ образованіемъ или составленіемъ искомыхъ неизвѣстныхъ чиселъ*, на основаніи условій задачи. Для этого, какъ и въ предыдущей задачѣ, нужно только производить послѣдовательныя замѣны частей подлежащей уменьшенію приближенной величины одного неизвѣстнаго равными имъ въ опредѣленномъ смыслѣ частями приближенной величины другого неизвѣстнаго, подлежащей увеличенію. Въ разсматриваемомъ случаѣ основаніемъ такихъ замѣнъ является соображеніе объ уменьшеніи убытка на 3,5 рубля при замѣщеніи фунта дорогого чая фунтомъ дешеваго. Изъ этого соображенія прямо слѣдуетъ, что убытокъ въ 9 рублей, данный первою попыткою, уменьшается на 8,75 р. при замѣнѣ $2\frac{1}{2}$ ф. дорогого чая такимъ же количествомъ дешеваго. Такимъ образомъ смѣсь изъ $28\frac{1}{2}$ ф. дешеваго чая и $21\frac{1}{2}$ дорогого даетъ убытокъ всего только въ 25 копѣекъ. Затѣмъ, замѣчая, что 25 копѣекъ составляютъ 14-ую часть 3,5 р., прямо находимъ, что дополненіе предыдущей замѣны замѣною $\frac{1}{14}$ ф. дорогого чая такимъ же количествомъ дешеваго уничтожаютъ убытокъ или, другими словами, не даютъ ни убытка, ни прибыли. Результатомъ этихъ двухъ замѣнъ получаемъ, слѣдовательно, совершенно точное рѣшеніе задачи, которое уже нашли выше.

Изъ многочисленныхъ задачъ, рѣшенныхъ Иноди, остановимся на

двухъ, предложенныхъ ему на сеансѣ въ Парижской академіи наукъ. „Кубъ какого числа, сложенный съ его квадратомъ, даетъ въ суммѣ 3.600?“ Кубическое уравненіе, представляемое этимъ вопросомъ, могло быть рѣшено Иноди слѣдующимъ образомъ. Условія вопроса показываютъ, что искомое неизвѣстное должно быть менѣе кубическаго корня изъ числа 3.600. Опредѣленіе этого корня можетъ дать, слѣдовательно, исходную точку для попытокъ, или въ разсматриваемомъ случаѣ ихъ высшій предѣлъ. Такъ какъ для Иноди не представляло затрудненія извлеченіе корней даже высшихъ степеней, то онъ, нисколько не затрудняясь, долженъ былъ найти, что кубичный корень изъ числа 3.600 заключается между 15 и 16. Первая попытка могла состоять, поэтому, въ предположеніи, что искомое неизвѣстное равно 15. Повѣрка этого предположенія условіями задачи, то-есть опредѣленіе суммы куба и квадрата 15, вполнѣ подтверждая справедливость предположенія, показываетъ, что рѣшеніе, доставленное первою попыткою, совершенно точно представляетъ истинное. Такимъ образомъ при выдающейся числовой памяти Иноди отвѣтъ на предложенный ему вопросъ, къ великому изумленію не понимающихъ въ чемъ дѣло присутствующихъ, долженъ былъ послѣдовать мгновенно, какъ это дѣйствительно и отмѣчаетъ протоколъ сеанса. Лучшую задачу по легкости рѣшенія и способности производить эффектъ было бы трудно придумать даже лицу, наиболѣе заинтересованному въ успѣхѣ Иноди.

Рѣшеніе разсмотрѣнной задачи въ виду совершающагося въ немъ извлеченія кубичнаго корня заставляетъ насъ остановиться на вопросѣ объ употребляемыхъ феноменальными счетчиками пріемахъ извлеченія корней. Нисколько не затрудняясь въ сообщеніи результатовъ этого дѣйствія при самыхъ разнообразныхъ показателяхъ корней, Иноди по вопросу о пріемахъ исполненія того же дѣйствія однако же оказывался въ состояніи дать только очень отрывочныя, поверхностныя и недостаточно опредѣленныя и ясныя свѣдѣнія. Изъ его словъ выходило, что при извлеченіи корней онъ не пользовался никакимъ опредѣленнымъ пріемомъ и не производилъ никакихъ правильныхъ вычисленій. Путемъ совершаемаго имъ съ невообразимою быстротою возвышенія представляющихся чиселъ въ соотвѣтствующія степени онъ доходилъ, наконецъ, до открытія между ними искомаго корня. Въ виду сказаннаго едва-ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что Иноди пользовался при извлеченіи корней методомъ попытокъ. Примѣненіе послѣдняго въ настоящемъ случаѣ должно было, конечно, начинаться съ опредѣленія предѣловъ, между которыми заключаются предстоящія попытки. Деся-

тичная система счисленія даетъ для этого опредѣленія очень цѣнныя первоначальныя указанія. Возьмемъ для примѣра число 1.048.576 и извлечемъ изъ него съ помощью метода попытокъ корень 5-ой степени. Возвышеніе въ эту степень чиселъ 10 и 20 даетъ соотвѣтственно 100.000 и 3.200.000. Такъ какъ данное число заключается между этими степенями, то онѣ являются предѣлами, содержащими между собою дальнѣйшія попытки. Если бы данное число было близко къ одной изъ нихъ, то послѣдняя представляла бы исходное число или, что то же самое, низшій или высшій предѣлъ, съ котораго должны начинаться попытки. Но въ разсматриваемомъ случаѣ данное число стоитъ далеко отъ каждой изъ найденныхъ степеней. Поэтому попытки должны начаться со средняго изъ чиселъ, заключающихся между ихъ корнями 5-ой степени, то-есть съ числа 15. Повѣрка этой попытки дѣйствительнымъ возвышеніемъ числа 15 въ 5-ю степень показываетъ, что она неудачна, такъ какъ результатомъ возвышенія является число 759.375. Несмотря на неудачу, эта попытка все-таки полезна, потому что сближаетъ предѣлы дальнѣйшихъ попытокъ. Давая, дѣйствительно, число, меньшее даннаго, она замѣняетъ прежній низшій предѣлъ гораздо болѣе близкимъ къ послѣднему новымъ. Слѣдующія попытки должны вестись поэтому въ силу принципа удобнѣйшихъ чиселъ съ ближайшаго къ 15 цѣлаго числа, то-есть съ 16. Повѣрка попытки, состоящей въ принятіи послѣдняго числа за искомый корень, дѣйствительнымъ возвышеніемъ его въ 5-ю степень вполнѣ подтверждаетъ справедливость допущенія и даетъ въ разсматриваемомъ случаѣ совершенно точное выраженіе искомаго корня.

Вторая изъ двухъ намѣченныхъ выше задачъ, предложенныхъ Инодн въ Парижской академіи наукъ, состояла въ слѣдующемъ: „Найти число, состоящее изъ четырехъ цифръ, сумма которыхъ равняется 25, при чемъ сумма тѣхъ изъ нихъ, которыя выражаютъ сотни и тысячи, равняется цифрѣ десятковъ, а сумма цифръ, представляющихъ десятки и тысячи, — цифрѣ единицъ. Кромѣ того при обратномъ расположеніи цифръ искомое число должно увеличиться на 8.082“. Рѣшаемая при помощи пріемовъ, обыкновенно употребляемыхъ въ наукѣ, эта задача приводитъ къ составленію и рѣшенію системы четырехъ уравненій 1-ой степени съ 4-мя неизвѣстными. Посмотримъ, какъ она можетъ быть рѣшена методомъ попытокъ. Ближайшимъ изъ чиселъ, удовлетворяющихъ первому условію задачи, будетъ, очевидно, четырехзначное число, изображеніе котораго состоитъ изъ трехъ цифръ 6 и одной цифры 7. Чтобы рѣшить, какое

мѣсто можетъ занимать послѣдняя, достаточно обратиться ко второму условію, показывающему, что цифра десятковъ вообще должна превосходить каждую изъ цифръ тысячъ и сотенъ въ отдѣльности. Итакъ числомъ, вполнѣ удовлетворяющимъ первому условію и только приблизительно второму будетъ 6.676. Его можно принять, поэтому, за составляющее первую попытку и тѣмъ найти исходный пунктъ для дальнѣйшихъ попытокъ или, что въ настоящемъ случаѣ несравненно удобнѣе, для постепеннаго образованія или составленія искомаго неизвѣстнаго на основаніи условій задачи. Средствомъ такого образованія или составленія должны быть производимыя согласно съ условіями измѣненія (замѣны въ предыдущихъ задачахъ) въ избранномъ для первой попытки исходномъ числѣ. Для еще болѣе значительнаго приближенія составляемаго числа къ удовлетворенію второго условія, цифры его тысячъ и сотенъ должны въ совокупности составлять не болѣе 9, при чемъ для окончательнаго достиженія этого удовлетворенія нужно, чтобы и сама цифра десятковъ равнялась 9. Уменьшая въ силу этихъ соображеній 12 или сумму цифръ тысячъ и сотенъ на 3 и присоединяя изъ этого послѣдняго числа 2 единицы къ числу десятковъ или 7 и единицу къ числу единицъ или 6, находятъ какое-нибудь изъ двухъ чиселъ 4.597 и 5.497, удовлетворяющихъ вполнѣ первымъ двумъ условіямъ. Третье условіе, подобно второму, требуетъ отъ составляемаго числа, чтобы сумма цифръ его тысячъ и десятковъ была менѣе 10 и равнялась цифрѣ единицъ. Первое изъ этихъ требованій исключаетъ изъ разсмотрѣнія второе изъ составленныхъ сейчасъ чиселъ, какъ имѣющее большую сумму цифръ тысячъ и десятковъ. Что же касается перваго числа, то въ немъ, по уменьшеніи цифръ тысячъ и десятковъ на 4, нужно распредѣлить это 4 между цифрами сотенъ и единицъ такъ, чтобы вполнѣ удовлетворить третьему условію, не нарушая второе. Для этого, какъ не трудно видѣть, нужно, уменьшивъ цифру тысячъ на 3 и цифру десятковъ на единицу, прибавить по 2 къ цифрамъ сотенъ и единицъ. Результатомъ этихъ измѣненій будетъ число 1.789, вполнѣ удовлетворяющее первымъ тремъ условіямъ задачи. Чтобы узнать, не будетъ ли это число искомымъ неизвѣстнымъ, или въ случаѣ неудачи этого предположенія опредѣлить отношенія того же числа къ четвертому условію, сдѣлаемъ попытку принять его дѣйствительно за искомое неизвѣстное. Повѣрка составляющаго эту попытку предположенія четвертымъ условіемъ задачи, или вычитаніе числа 1.789 изъ числа съ обратнымъ расположеніемъ цифръ 9.871 вполнѣ подтверждаетъ

справедливость предположенія и тѣмъ заканчиваетъ рѣшеніе задачи методомъ попытокъ. Продолжительность этого рѣшенія можетъ быть значительно сокращена, если вмѣсто постепеннаго пользованія условіями задачи въ послѣдовательномъ порядкѣ, какъ поступали мы въ видахъ ясности и опредѣленности изложенія, сразу принимать въ соображеніе по нѣскольку условій и даже всѣ первыя три вмѣстѣ. При свойственной Иноди замѣчательной числовой памяти и приписываемой ему быстротѣ схватыванія отношеній, существующихъ между данными задачи, можно въ виду послѣдняго замѣчанія даже удивляться, что разсмотрѣнная задача была рѣшена имъ не мгновенно, а въ продолженіе 2—3 минутъ. Удивленіе въ этомъ случаѣ является тѣмъ болѣе законнымъ, что при подчиненіи условій задачи законамъ индусской системы письменнаго счисленія, подчиненіи къ тому же вполнѣ необходимомъ при употребленіи метода попытокъ, четвертое условіе дѣлается совершенно излишнимъ. Справедливость этого послѣдняго замѣчанія можетъ быть легко обнаружена какъ методомъ попытокъ, такъ и методами, обычно употребляемыми въ наукѣ. Дѣйствительно, разсмотрѣніе числа 1.789 въ духѣ перваго метода показываетъ, что не существуетъ никакого другого числа, которое было бы способно удовлетворить всѣмъ первымъ тремъ условіямъ задачи въ совокупности. Точно также, если при употребленіи вторыхъ методовъ оставить безъ разсмотрѣнія четвертое условіе и къ неопредѣленной системѣ трехъ уравненій съ 4-мя неизвѣстными

$$x + y + z + u = 25$$
$$x + y = z$$
$$x + z = u,$$

получаемой изъ первыхъ трехъ условій задачи, присоединить выражающія требованія индусской системы письменнаго счисленія неравенства $x < 10$, $y < 10$, $z < 10$, $u < 10$, то исключатся всѣ рѣшенія неопредѣленной системы кромѣ одного, именно числа 1789.

Приведенныя сейчасъ наблюденія надъ методомъ попытокъ на его приложеніяхъ къ рѣшенію столь многихъ и разнообразныхъ вопросовъ даютъ намъ, какъ кажется, вполнѣ достаточный матеріалъ для представленія этого метода въ общемъ видѣ. Сущность метода, какъ съ достаточною ясностью выражено въ его названіи, состоитъ въ совершеніи ряда попытокъ, имѣющихъ цѣлью достигнуть вполнѣ точнаго рѣшенія вопроса или возможно болѣе къ нему приблизиться. Такъ какъ для успѣха дѣла число такихъ попытокъ должно быть

возможно болѣе ограниченнымъ, то прежде чѣмъ приступить къ нимъ необходимо опредѣлить ихъ *низшій или высшій предѣлъ или оба вмѣстѣ* на основаніи, конечно, условій вопроса. Затѣмъ для первой попытки, слѣдовательно въ качествѣ числа, представляющаго для всего ряда попытокъ точку исхода, или, короче, въ качествѣ *исходнаго числа* долженъ быть взятъ или одинъ изъ этихъ предѣловъ или число къ нему болѣе или менѣе близкое. Выборъ для дальнѣйшихъ попытокъ, въ случаѣ неудачи первой, чиселъ въ ряду слѣдующихъ за исходнымъ числомъ всегда слѣдуетъ *принципу удобнѣйшихъ* (для вычисленія главнымъ образомъ) *чиселъ*. Оцѣнка дѣлаемыхъ попытокъ въ ихъ отношеніяхъ къ своей главной цѣли, то есть по вопросамъ о томъ, доставляется ли ими искомое рѣшеніе вопроса, или въ противномъ случаѣ насколько онѣ приближаютъ къ этому рѣшенію, производится помощью ихъ *повѣрки условіями задачи*. Эта повѣрка такъ непосредственно и настоятельно требуется природою метода, что о ней приходится сказать болѣе, чѣмъ объ единственномъ, естественно вытекающемъ изъ условій метода и вполнѣ удовлетворительномъ средствѣ оцѣнки попытокъ, она представляетъ настолько необходимый и существенный элементъ метода, что безъ нея его употребленіе дѣлается совершенно немыслимымъ. Существенною характеристическою чертою метода попытокъ, рѣзко отличающею его отъ другихъ методовъ въ той же области, является его *универсальность*, выражающаяся въ примѣнимости къ рѣшенію самыхъ разнообразныхъ задачъ и вопросовъ какъ теоретическаго, такъ и практическаго характера. Этимъ важнымъ качествомъ онъ всецѣло обязанъ своей примитивности и обусловливаемому ею полному отсутствію всего искусственнаго въ происхожденіи, какъ вызванномъ непосредственно психическою природою человѣка безъ всякаго участія сознанія и появлющихся при немъ одностороннихъ теченій мысли. Необходимо замѣтить однако же въ ограниченіе сказаннаго, что говорить объ универсальности метода попытокъ можно только чисто теоретически. На практикѣ успѣшность приложенія этого метода очень нерѣдко бываетъ весьма сомнительною, а иногда оказывается и совсѣмъ недостижимою. Дѣло въ томъ, что вопросы сложные, содержащіе много условій или требующіе опредѣленія многихъ неизвѣстныхъ, такъ же, какъ и отысканія точныхъ рѣшеній, во многихъ случаяхъ требуютъ, вообще говоря, чрезвычайно и даже неопредѣленно большаго числа попытокъ. Придти къ удачной попыткѣ во множествѣ такихъ вопросовъ можно или благодаря случаю, или помощью настойчиваго преслѣдованія цѣли

въ теченіе болѣе или менѣе или даже очень значительнаго промежутка времени. Наконецъ, не трудно представить себѣ и немало такихъ случаевъ, когда не помогутъ ни случай, ни настойчивость. Другою характеристическою чертою метода попытокъ какъ въ древности, такъ и у стоящихъ на соотвѣтствующихъ ступеняхъ развитія людей позднѣйшихъ эпохъ, является *неспособность его процессовъ подниматься надъ порогомъ сознанія*, или, короче, *ихъ безсознательность*. Если бы, по достиженіи наукою болѣе развитаго состоянія, употребленіе метода попытокъ въ ней не прекратилось, разсматриваемое его качество, конечно, исчезло бы само собою. Методъ попытокъ можетъ быть *прямымъ*, когда попытки занимаются непосредственнымъ опредѣленіемъ искомаго числа, и не прямымъ, когда ими опредѣляется число, находящееся въ установленной условіями задачи связи съ искомымъ. Послѣднее въ этомъ случаѣ отыскивается посредственно, помощью именно его связи съ найденнымъ числомъ.

Частнымъ случаемъ метода попытокъ или особою его формою является *методъ постепеннаго образованія или составленія искомаго неизвѣстнаго на основаніи условій вопроса*. Въ этомъ методѣ всѣ попытки, кромѣ первой, или нѣкоторая часть ихъ, замѣняются рядомъ измѣненій, совершаемыхъ въ исходномъ числѣ или вообще въ числѣ, данномъ на основаніи условій задачи или вопроса послѣднею попыткою. Постепенное приближеніе этого числа къ искомому истинному рѣшенію вопроса составляетъ единственную цѣль этихъ измѣненій, которою главнымъ образомъ и должно руководиться при ихъ совершеніи. Такъ какъ приложеніе этого метода допускается далеко не всѣми вопросами, рѣшаемыми помощью метода попытокъ, то въ немъ и нельзя видѣть ничего болѣе какъ только частный случай послѣдняго, какъ это уже было замѣчено выше. Но этотъ частный случай представляетъ значительныя преимущества и стоитъ на гораздо высшей ступени развитія, чѣмъ общій методъ. Мы видѣли уже, какъ значительно сокращается его введеніемъ продолжительность рѣшенія задачи. Но этого мало. Онъ вноситъ въ процессы отыскиванія неизвѣстнаго по методу попытокъ гораздо большую опредѣленность, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ родѣ, напримѣръ, разсмотрѣнной выше задачи на правило смѣшенія, дѣлаетъ эти процессы даже вполнѣ опредѣленными. Наконецъ, требуя основательнаго пониманія задачи и вообще участія, говоря относительно, весьма зрѣлой и развитой мысли, онъ является высшею формою метода попытокъ, сознательное владѣніе и употребленіе которой могли быть доступными человѣчеству не ранѣе дости-

женія извѣстной и довольно высокой степени умственнаго развитія. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, онъ дѣлаетъ вполнѣ доступными для метода попытокъ многіе изъ вопросовъ, успѣхъ рѣшенія которыхъ, по сказанному выше, представляетъ значительныя затрудненія или даже совсѣмъ недостижимъ и случаенъ.

Изъ многочисленныхъ случаевъ употребленія метода попытокъ въ древней математической литературѣ остановимся на томъ изъ представляемыхъ папирусомъ Ринда [1]), который состоитъ въ одновременномъ приложеніи какъ самого метода попытокъ, такъ и его частной формы—метода постепеннаго образованія или составленія искомаго неизвѣстнаго на основаніи условій вопроса. Приведенный въ изданіи папируса Ринда проф. Эйзенлора подъ № 40, онъ представляетъ вторую задачу помѣщеннаго въ концѣ XIV таблицы отдѣла туну. Дополненное для ясности выраженіями, помѣщенными въ скобкахъ, изложеніе этой задачи вмѣстѣ съ ея рѣшеніемъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. „100 хлѣбовъ на 5 лицъ. $\frac{1}{7}$ доли трехъ первыхъ лицъ (равна цѣлой долѣ) двухъ послѣднихъ. Какова разность (туну)?

′ . 23
′ . $17\frac{1}{2}$
дѣлай какъ сдѣлается; разность $5\frac{1}{2}$ ′ . 12
′ . $6\frac{1}{2}$
′ . 1 вмѣстѣ 60
$\frac{2}{3}$′ 40

умножить число : $1\frac{2}{3}$ раза 23, это дастъ теперь $38\frac{1}{3}$
$17\frac{1}{2}$ $29\frac{1}{6}$
12 20
$6\frac{1}{2}$ $10\frac{2}{3}$ $\frac{1}{6}$
1 вмѣстѣ 60 $1\frac{2}{3}$ вмѣстѣ 100“.

[1]) Папирусъ Ринда—египетское математическое сочиненіе, найденное англійскимъ египтологомъ Риндомъ и написанное за 1700 лѣтъ до Р. Хр. писцомъ Агамезу. Въ настоящее время находится въ Британскомъ музеѣ. Его переводъ на нѣмецкій языкъ, комментарій къ нему и изданіе fac-simile составляютъ содержаніе сочиненія *August Eisenlohr*, Ein mathematisches Handbuch der alten Aegypter. (Erster Band. Commentar. 4°. Zweiter Band. Tafeln. In-fol.). Leipzig. 1877. Въ русской литературѣ свѣдѣнія о папирусѣ Ринда можно найти въ сочиненіи *В. В. Бобынина*, „Математика древнихъ Египтянъ“ (Москва, 1882) и въ статьѣ того же автора „Папирусы математическіе“ (Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, 44-й полутомъ, стр. 721).

Предметъ задачи—составленіе ариѳметической прогрессіи, содержащей 5 членовъ, общая сумма которыхъ 100, и сумма двухъ меньшихъ членовъ составляетъ $\frac{1}{7}$ суммы трехъ остальныхъ — выраженъ недостаточно ясно. Но слѣдующее за изложеніемъ предмета задачи ея рѣшеніе не оставляетъ по поводу его никакихъ недоразумѣній. Что же касается рѣшенія, то оно состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ употребленія въ папирусѣ Ринда метода попытокъ, безъ всякихъ объясненій и указаній, кромѣ развѣ неопредѣленнаго выраженія „дѣлай, какъ сдѣлается", дается требуемая разность прогрессіи ($5\frac{1}{2}$) вмѣстѣ съ самою этою прогрессіею, вполнѣ удовлетворяющею условію задачи объ отношеніи суммы двухъ меньшихъ членовъ къ суммѣ трехъ остальныхъ, но дающею въ общей суммѣ число 60, меньшее заданнаго числа 100. Это показываетъ, что при отысканіи упомянутой прогрессіи по методу попытокъ имѣлось въ виду только первое изъ двухъ названныхъ сейчасъ условій, второе же было оставлено на время въ сторонѣ.

Такъ какъ вслѣдствіе принципа удобнѣйшихъ чиселъ попытки начинались обыкновенно съ цѣлыхъ чиселъ, то исходною попыткою при отысканіи разсматриваемой первой части рѣшенія былъ по всей вѣроятности рядъ первыхъ пяти натуральныхъ чиселъ 1, 2, 3, 4, 5, какъ представляющій ариѳметическую прогрессію съ разностью 1. Повѣренная принимаемымъ во вниманіе условіемъ задачи, эта попытка оказывается однако неудачною, такъ какъ сумма двухъ первыхъ членовъ составляетъ $\frac{1}{4}$ суммы трехъ послѣднихъ. Также неудачными, хотя и постепенно приближающимися къ удовлетворенію этого условія, оказываются слѣдующія четыре попытки, представляемыя прогрессіями

$$\div\ 1\ .\ 3\ .\ 5\ .\ 7\ .\ 9$$
$$\div\ 1\ .\ 4\ .\ 7\ .\ 10\ .\ 13$$
$$\div\ 1\ .\ 5\ .\ 9\ .\ 13\ .\ 17$$
$$\div\ 1\ .\ 6\ .\ 11\ .\ 16\ .\ 21,$$

въ которыхъ отношенія суммы двухъ первыхъ членовъ къ суммѣ трехъ послѣднихъ выражаются соотвѣтственно дробями $\frac{4}{21}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{2}{13}$, $\frac{7}{48}$. Незначительность отклоненія $\left(\frac{1}{336}\right)$ послѣдняго изъ этихъ отношеній отъ заданнаго въ задачѣ заставляетъ для слѣдующей попытки выбрать въ согласіи съ принципомъ удобнѣйшихъ чиселъ прогрессію, разность которой при прежнемъ первомъ членѣ отличалась бы отъ

разности предшествующей прогрессіи не на единицу, какъ было до сихъ поръ, а только на половину, т. е. равнялась бы $5\frac{1}{2}$. Повѣрка прогрессіи, составленной по этой разности и по прежнему первому члену, то-есть ÷ 1 . $6\frac{1}{2}$. 12 . $17\frac{1}{2}$. 23, принимаемымъ во вниманіе условіемъ задачи показываетъ, что послѣднее вполнѣ удовлетворяется ею. Повѣренная же другимъ условіямъ задачи, эта прогрессія оказывается недостаточною, такъ какъ сумма ея членовъ вмѣсто 100 равняется только 60.

Опредѣленіемъ разности 40 между этою суммою и заданною въ задачѣ начинается вторая часть ея рѣшенія. Употребляемымъ въ ней методомъ является уже методъ постепеннаго образованія или составленія неизвѣстнаго по условіямъ вопроса, такъ какъ вмѣсто новыхъ попытокъ она занимается такимъ измѣненіемъ чиселъ, данныхъ послѣднею попыткою, которое, не нарушая требуемаго задачею отношенія между суммами двухъ первыхъ и трехъ послѣднихъ членовъ прогрессіи, вело бы къ полному удовлетворенію другого условія задачи. Прямо усматриваемымъ средствомъ для этого является такое увеличеніе каждой единицы, входящей въ члены полученной прогрессіи, результатомъ котораго было бы полное исчерпаніе числа 40. Произведенное съ цѣлью опредѣленія этого увеличенія дѣленіе 40 на 60 показываетъ, что искомое увеличеніе равняется $\frac{2}{3}$. Преслѣдуемая цѣль достигается, слѣдовательно, замѣною каждой содержащейся въ членахъ разсматриваемой прогрессіи единицы числомъ $1\frac{2}{3}$, или, что то же самое, умноженіемъ на это число каждаго изъ упомянутыхъ членовъ прогрессіи. И дѣйствительно это умноженіе заканчиваетъ собою рѣшеніе задачи.

Сравнивая обѣ части рѣшенія задачи въ отношеніи ихъ изложенія, нельзя не замѣтить между ними существенной разницы. Въ первой—какъ искомая разность прогрессіи, такъ и сама эта прогрессія, даны безъ всякихъ указаній на ихъ вычисленіе, какъ это было уже замѣчено выше. Во второй—весь ходъ вычисленія является подробно описаннымъ. Причиною этой разницы между обѣими частями можетъ быть только различіе въ отношеніяхъ къ нимъ сознанія. Сознательно, хотя можетъ быть только въ отношеніи веденія вычисленій, была рѣшена одна вторая часть. Въ первой же надъ порогомъ сознанія появился одинъ конечный результатъ рѣшенія; все же остальное осталось ниже этого порога. Такимъ образомъ въ Египтѣ временъ соста-

вленія папируса Ринда болѣе или менѣе яснымъ для сознанія образомъ совершались, какъ и у феноменальныхъ счетчиковъ нашего времени, только примѣненія метода постепеннаго образованія или составленія неизвѣстнаго по условіямъ вопроса. Употребленіе же метода попытокъ происходило безсознательно, что и не замедлило отразиться на самой формѣ изложенія доставленныхъ имъ рѣшеній задачъ. Эти рѣшенія, какъ можно видѣть и на разсматриваемомъ случаѣ, слѣдовали непосредственно за изложеніемъ задачи, не сопровождаемыя, кромѣ словъ „дѣлай, какъ сдѣлается", никакими объясненіями и указаніями. За рѣшеніемъ всегда помѣщалась повѣрка, подробность описанія которой находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ лаконизмомъ изложенія рѣшенія.

Самымъ яснымъ выраженіемъ метода постепеннаго образованія или составленія искомаго неизвѣстнаго на основаніи условій вопроса является въ древней математической литературѣ тотъ изъ частныхъ случаевъ его приложенія, который извѣстенъ подъ именемъ *правила одного ложнаго положенія* (regula falsi simplicis positionis). Въ Liber Abbaci [1]) Леонарда Пизанскаго встрѣчается, напр., слѣдующая задача, рѣшаемая по этому правилу: „Опредѣлить высоту дерева, часть котораго, находящаяся подъ землею и равная 21 пяди, составляетъ $\frac{1}{4}$ $\frac{1}{3}$ его высоты". Ближайшею попыткою, указываемою принципомъ удобнѣйшихъ чиселъ, является число 12, какъ дѣлящееся безъ остатка на 4 и на 3. Повѣрка этой попытки условіями задачи, приводящая къ длинѣ подземной части дерева въ 7 пядей $\left(\frac{1}{4}.12+\frac{1}{3}.12=7\right)$, и потому свидѣтельствующая объ ея неудачѣ, дастъ однако поводъ къ соображеніямъ, позволяющимъ образовать при посредствѣ той же попытки искомое неизвѣстное число. Такъ какъ длина подземной части дерева составляетъ опредѣленную въ задачѣ долю длины надземной части или, что то же самое, высоты дерева, то происшедшее черезъ испробованную попытку уменьшеніе въ 3 раза (21 : 7) длины подземной части могло произойти только отъ уменьшенія въ такое же число разъ высоты дерева. Послѣдняя должна равняться слѣдовательно 36 пядямъ.

---

[1]) Liber Abbaci—трактатъ ариѳметики, выпущенный авторомъ въ свѣтъ въ 1202 году. Въ изданномъ княземъ Бонкомпаньи собраніи сохранившихся до новѣйшаго времени сочиненій Леонарда Пизанскаго „Scritti di Leonardo Pisano matematico del secolo decimoterzo" (2 тома in-4°) этотъ трактатъ составляетъ первый томъ, имѣющій заглавіемъ „Il liber Abbaci" (Roma, 1857; 4 нен.+159 стр.).

Въ этой и ей подобныхъ задачахъ методъ постепеннаго образованія или составленія искомаго неизвѣстнаго на основаніи условій вопроса приводилъ счетчиковъ къ близкому ознакомленію съ *понятіемъ пропорціональности величинъ*. Ему, слѣдовательно, было обязано человѣчество поднятіемъ этого важнаго понятія надъ порогомъ сознанія. Когда это поднятіе совершилось, въ изложеніе рѣшенія задачъ по правилу одного ложнаго положенія стали по-немногу входить сначала указанія на существующую между величинами пропорціональность, а потомъ и прямое употребленіе пропорціи вмѣстѣ съ ея свойствами. Въ этомъ послѣднемъ видѣ именно и представляется изложеніе рѣшенія разсматриваемой задачи у самого Леонарда Пизанскаго. Онъ говоритъ въ немъ, дѣйствительно, и о пропорціи $7 : 21 = 12 : X$ и объ опредѣленіи изъ нея X или высоты дерева.

Употребленіе пропорціи въ задачахъ на правило одного ложнаго положенія понемногу прививало къ методу постепеннаго образованія или составленія искомаго неизвѣстнаго на основаніи условій вопроса чуждый его природѣ пріемъ выраженія числа въ другихъ числахъ. И дѣйствительно въ рѣшеніи разсматриваемой задачи, данномъ Леонардомъ Пизанскимъ, неизвѣстное представляется уже, хотя и не въ явномъ видѣ, формулою $\frac{21.12}{7}$.

Созданная ученіемъ о пропорціональности связь между методомъ попытокъ и методомъ выраженія числа въ другихъ числахъ сдѣлалась еще болѣе тѣсною въ одной изъ схемъ рѣшенія задачъ на *правило двухъ ложныхъ положеній*. Если послѣ рѣшенія методомъ попытокъ каждой изъ задачъ на это правило заняться сравненіемъ разностей между истинною величиною неизвѣстнаго и каждою изъ сдѣланныхъ попытокъ или, что то же самое, сравненіемъ ошибокъ попытокъ съ ошибками, обнаруженными повѣркою тѣхъ же попытокъ условіями задачи, то легко можно обнаружить существующую между ними пропорціональность. Если затѣмъ взять какія-нибудь двѣ изъ сдѣланныхъ попытокъ и составить при ихъ посредствѣ пропорцію между указанными сейчасъ величинами, то изъ этой пропорціи на основаніи извѣстныхъ ея свойствъ можно будетъ уже безъ особенныхъ сравнительно затрудненій вывести и разсматриваемую схему правила двухъ ложныхъ положеній, выражающую искомое неизвѣстное въ другихъ числахъ и именно въ обѣихъ взятыхъ попыткахъ и въ обнаруженныхъ при ихъ повѣркѣ условіями задачи ошибкахъ.

Чтобы пояснить на примѣрѣ изложенное сейчасъ въ общихъ выраженіяхъ развитіе разсматриваемой схемы правила двухъ ложныхъ положеній изъ метода попытокъ, достаточно разсмотрѣть слѣдующую изъ помѣщенныхъ въ русскихъ ариометическихъ рукописяхъ XVII вѣка задачъ на это правило [1]): „Найди ми то число, что язъ его умножалъ съ 14, да тотъ умножалный перечень дѣлилъ на $4\frac{2}{3}$: стало ми изъ дѣлу 18". Если на основаніи принципа удобнѣйшихъ чиселъ взять за первую попытку число 10, то указываемая повѣркою соотвѣтствующая ошибка выразится числомъ 12. Для слѣдующихъ попытокъ, представляемыхъ числами 9, 8, 7, 6, ошибки, указываемыя повѣркою, выразятся соотвѣтственно числами 9, 6, 3, 0. Искомымъ неизвѣстнымъ будетъ, слѣдовательно, число 6. Взявъ затѣмъ разности между этимъ числомъ и каждою изъ сдѣланныхъ попытокъ и сравнивъ ихъ съ соотвѣтствующими ошибками, указанными повѣркою. находятъ равныя отношенія $\frac{12}{4}=\frac{9}{3}=\frac{6}{2}=\frac{3}{1}$, откуда заключаютъ о пропорціональности разсматриваемыхъ разностей соотвѣтствующимъ имъ ошибкамъ. Если затѣмъ взять отдѣльно пропорцію, составляемую двумя послѣдними отношеніями, и, представивъ ее въ видѣ

$$\frac{6}{8-\boxed{6}}=\frac{3}{7-\boxed{6}},$$

опредѣлить изъ нея выражаемое числомъ $\boxed{6}$ искомое неизвѣстное, то получится найденная, повидимому, индусами и затѣмъ перешедшая отъ нихъ къ арабамъ и въ Европу схема рѣшенія задачъ на правило двухъ ложныхъ положеній

$$\boxed{6}=\frac{6.7-3.8}{6-3}$$

Приходя и во всѣхъ другихъ задачахъ того же рода къ той же схемѣ или формулѣ, выражающей искомое неизвѣстное въ другихъ числахъ, ее обобщили, распространивъ также и на задачи, непосредственно не разсмотрѣнныя. Въ общемъ видѣ при обозначеніи искомаго неизвѣстнаго черезъ x, двухъ попытокъ черезъ z_1 и z_2 и соотвѣтствующихъ имъ ошибокъ, указанныхъ повѣркою, черезъ φ_1 и φ_2 эта формула можетъ быть выведена слѣдующимъ образомъ:

$$\frac{\varphi_1}{x-z_1}=\frac{\varphi_2}{x-z_2},$$

[1]) *В. В. Бобынинъ*, Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи. Т. I. Вып. 1. Москва. 1886. Стр. 92.

а отсюда уже:

$$x = \frac{\varphi_1 z_2 - \varphi_2 z_1}{\varphi_1 - \varphi_2}.$$

Кромѣ этой, въ позднѣйшее время самой употребительной, формы правила двухъ ложныхъ положеній, существовала еще и другая, являющаяся подобно правилу одного ложнаго положенія прямымъ результатомъ приложенія метода постепеннаго образованія или составленія искомаго неизвѣстнаго на основаніи условій вопроса. Если въ каждой изъ задачъ на правило двухъ ложныхъ положеній измѣнять сдѣланную попытку послѣдовательно на единицу, то соотвѣтственно будетъ измѣняться на одно и то же число и ошибка, указываемая повѣркою попытки условіями вопроса. Этимъ однимъ и тѣмъ же или постояннымъ числомъ будетъ, какъ не трудно видѣть, коэффиціентъ неизвѣстнаго въ уравненіи, служащемъ для рѣшенія вопроса. Дѣйствительно, если, приведя это уравненіе къ простѣйшему виду

$$ax + b = 0,$$

замѣнить въ немъ x попыткою z_1 и обозначить соотвѣтственно черезъ φ_1 и φ_2 ошибки, указываемыя повѣркою какъ для самой попытки, такъ и для ея измѣненія на единицу, то изъ уравненій

$$az_1 + b = \varphi_1$$
$$a(z_1 \pm 1) + b = \varphi_2$$

получится $a = \varphi_1 - \varphi_2$. Изъ разсматриваемаго постоянства измѣненія ошибки при измѣненіи попытки на единицу прямо слѣдуетъ, что для опредѣленія числа единицъ, на которое должна быть измѣнена сдѣланная попытка для образованія искомаго числа, достаточно узнать сколько разъ въ ошибкѣ, указанной повѣркою, содержится постоянное число, представляющее измѣненіе той же ошибки при соотвѣтствующемъ измѣненіи попытки на единицу. Что касается этого постояннаго числа, то, независимо отъ уравненія, оно можетъ быть опредѣлено или непосредственно черезъ употребленіе попытки, отличающейся отъ сдѣланной на единицу, или посредственно черезъ употребленіе всякой другой попытки. Въ этомъ второмъ случаѣ искомое постоянное число получится, очевидно, какъ частное, отъ дѣленія разности ошибокъ, указываемыхъ повѣркою, на разность соотвѣтствующихъ попытокъ. Доказательство въ общемъ видѣ этого правила, хотя по своей очевидности и не особенно въ немъ нуждающагося, можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ:

$$z_1 - \frac{\varphi_1}{a} = x$$

$$z_2 - \frac{\varphi_2}{a} = x$$

$$x = \frac{az_1 - \varphi_1}{a}$$

$$x = \frac{az_2 - \varphi_2}{a}$$

$$az_1 - \varphi_1 = az_2 - \varphi_2$$

$$a(z_1 - z_2) = \varphi_1 - \varphi_2$$

$$a = \frac{\varphi_1 - \varphi_2}{z_1 - z_2}.$$

Примѣненіе этихъ обоихъ пріемовъ опредѣленія разсматриваемаго постояннаго числа къ приведенной выше задачѣ дастъ для попытокъ, разнящихся между собою на единицу, напримѣръ, для 10 и 9, какъ искомое постоянное число разность между соотвѣтствующими ошибками $12 - 9 = 3$, а для какихъ нибудь двухъ попытокъ, напримѣръ, для 10 и 7, дастъ тѣмъ же искомымъ постояннымъ числомъ частное отъ дѣленія разности ошибокъ, соотвѣтствующихъ взятымъ попыткамъ на разность самихъ попытокъ

$$\frac{12 - 3}{10 - 7} = 3.$$

Если послѣ этого опредѣленія постояннаго числа раздѣлить на него, напримѣръ, ошибку 12, соотвѣтствующую первой попыткѣ 10, то получится число $\frac{12}{3} = 4$, уменьшеніе на которое попытки 10 дастъ искомое число $10 - 4 = 6$. Эта форма правила двухъ ложныхъ положеній, какъ не требующая составленія и рѣшенія пропорцій, и потому не приводящая къ выраженію искомаго числа въ другихъ числахъ, была несомнѣнно значительно болѣе древнею, чѣмъ превзошедшая ее по распространенію въ позднѣйшее время другая форма того же правила.

Сдѣлавшееся привычнымъ, какъ черезъ правило одного ложнаго положенія, такъ и черезъ позднѣйшую форму правила двухъ ложныхъ положеній, употребленіе въ этихъ правилахъ пропорцій было въ сравнительно болѣе позднее время привито, хотя и совершенно искусственнымъ образомъ, также и къ древнѣйшей формѣ правила двухъ ложныхъ положеній. Если для представленія разсматриваемаго предмета въ общемъ видѣ обозначить черезъ z_1 и z_2 двѣ какія нибудь попытки и черезъ φ_1 и φ_2 соотвѣтствующія имъ ошибки, то число

v, на которое должна быть измѣнена, напримѣръ, первая попытка z_1 для образованія искомаго неизвѣстнаго, представится по схемѣ своего опредѣленія въ древнѣйшей формѣ правила двухъ ложныхъ положеній формулою

$$v = \varphi_1 : \frac{\varphi_1 - \varphi_2}{z_1 - z_2} = \frac{\varphi_1 (z_1 - z_2)}{\varphi_1 - \varphi_2},$$

которая можетъ быть выведена также и изъ пропорціи

$$(\varphi_1 - \varphi_2) : (z_1 - z_2) = \varphi_1 : v,$$

гдѣ v является четвертымъ пропорціональнымъ. Этою пропорціею и воспользовались какъ удобнымъ средствомъ введенія употребленія пропорцій въ рѣшеніе задачъ по древнѣйшей формѣ правила двухъ ложныхъ положеній. Не трудно видѣть однако же, что по отношенію къ вышеизложеннымъ разсужденіямъ, составляющимъ сущность содержанія этой формы, разсматриваемое средство является совершенно излишнимъ искусственнымъ пріемомъ, введеніе котораго въ практику рѣшенія задачъ могло состояться только въ видахъ достиженія какой нибудь посторонней цѣли. Никакой другой цѣли, кромѣ созданной стремленіемъ къ введенію также и въ настоящемъ случаѣ употребленія пропорцій, здѣсь подозрѣвать однако же невозможно.

Въ видѣ, сообщенномъ древнѣйшей формѣ правила двухъ ложныхъ положеній указаннымъ пріемомъ введенія въ нее пропорціи, эта форма обыкновенно и излагалась въ ариѳметическихъ учебникахъ XVII и XVIII вѣковъ. Такъ въ „Руководствѣ къ ариѳметикѣ для употребленія въ народныхъ училищахъ Россійской имперіи, изданномъ по Высочайшему повелѣнію“ въ первый разъ въ 1783—1784 году и въ десятый разъ въ 1822 году, она представлена въ слѣдующемъ изложеніи: „При правилѣ же двухъ положеній надлежитъ поступать такъ же, какъ и въ правилѣ одного положенія („надлежитъ избрать такое число, кое по видимому способствуетъ къ рѣшенію даннаго вопроса“). Естьли сумма положеній (что можетъ произойти случайнымъ образомъ) будетъ равна данной суммѣ, то по произволенію взятое число есть истинное; естьли же не равна, то меньшая вычитается изъ большей. Когда сумма по произволенію взятаго числа менѣе той, которая должна быть ей равна, то разность означается знакомъ — (минусъ), въ противномъ же случаѣ знакомъ + (плюсъ). Замѣтивъ сіе начинай рѣшеніе опять съ другаго, по произволенію взятаго числа, и продолжай такъ же, какъ выше показано. Ежели погрѣшности будутъ одинаки, то разность ихъ, а ежели разные, то сумму ихъ взять

за первый терминъ слѣдующаго тройнаго правила: какъ разность или сумма погрѣшностей къ разности положеній, такъ погрѣшность, которая ни есть къ четвертому пропорціональному числу. Найденное четвертое пропорціональное къ тому положенію, отъ коего произошла погрѣшность на третьемъ мѣстѣ поставленная, придать надлежитъ, ежели погрѣшность была въ недостаткѣ; вычесть, ежели она была въ избыткѣ. Напримѣръ, нѣкто имѣетъ извѣстную сумму денегъ; но естьлибъ онъ имѣлъ еще столько, да полстолько, еще $\frac{2}{3}$ и $\frac{3}{4}$ тѣхъ денегъ, кои имѣетъ, да еще сверьхъ того 15 рублей, то бы у него было 250 рублей. И такъ спрашивается, сколько у него было денегъ? Положимъ, что денегъ было 12 и 24, и такъ по силѣ вопроса будетъ:

1-е число взятое	12	другое	24
еще столько	12	„	24
полстолько	6	„	12
двѣ трети	8	„	16
три четверти	9	„	18
	15	„	15
	62		109
	250		250
	188		141
	141		
разность погрѣшности . . :	47		

$$47 : 12 = 188 : 48$$
$$47 : 12 = 141 : 36$$

придавъ 48 къ 12, а 36 къ 24, выйдетъ въ обѣихъ случаяхъ 60 истинное число, слѣдственно получимъ:

$$60 + 60 + 30 + 40 + 45 + 15 = 250“.$$

(По изд. 1804 года; стр. 132—134).

Переданныя въ Европу арабами правила одного и двухъ ложныхъ положеній въ примѣненіи ихъ къ задачамъ на уравненія не только 1-ой степени, но также 2-й и 3-й, получили здѣсь очень большое распространеніе, продолжавшееся въ теченіе не только среднихъ вѣковъ, но и всего новаго времени до самаго начала XIX вѣка. Изъ Западной Европы они перешли въ Россію сперва въ ариѳметическія рукописи XVII вѣка подъ названіемъ „статія цыѳірная болшая, еже

именуется вымышленная, или затѣйчивая, или збойливая высокаго и остропамятнаго разума", а потомъ подъ именемъ „правилъ фальшивыхъ или гадателныхъ" въ „Ариѳметику" Магницкаго и въ другіе печатные ариѳметическіе учебники XVIII и первой четверти XIX вѣка. Въ одномъ изъ этихъ послѣднихъ, именно въ напечатанной въ первый разъ въ 1794 году „Краткой ариѳметикѣ, служащей къ легчайшему обученію малолѣтнаго юношества" *Михаила Меморскаго*, они удерживаются въ учебной ариѳметической литературѣ еще и теперь, такъ какъ, благодаря пріобрѣтенному этою книгою прочному распространенію въ простомъ народѣ, ея новыя изданія и перепечатки не только появлялись постоянно въ теченіе всего XIX вѣка, но выходятъ еще и въ наши дни. Задачи, рѣшаемыя при посредствѣ правила двухъ ложныхъ положеній, въ русскихъ ариѳметическихъ рукописяхъ XVII вѣка относятся какъ къ одному уравненію 1-й степени съ однимъ неизвѣстнымъ, такъ и къ системамъ уравненій той же степени съ 2-мя, 3-мя и 4-мя неизвѣстными.

Насколько современные намъ прославленные дѣятели элементарно-учебной математической литературы далеки не только отъ знанія исторіи своего предмета, но и отъ пониманія нуждъ учениковъ низшей и въ особенности народной школы, всего лучше можно видѣть изъ произведеннаго ими по примѣру преподаванія ариѳметики въ средней школѣ совершеннаго исключенія правила ложныхъ положеній изъ курса элементарнаго преподаванія ариѳметики. Въ этомъ отношеніи упомянутые дѣятели должны быть поставлены значительно ниже извѣстнаго въ XVIII вѣкѣ автора математическихъ по преимуществу учебниковъ, Курганова, который въ своей „Ариѳметикѣ или Числовникѣ" говорилъ: „хотя по изобрѣтеніи алгебры почти никакой нужды не имѣемъ въ правилѣ положеній; однако оное здѣсь предложено болѣе для незнающихъ тоя науки, и нехотящихъ учиться тому, безъ чего въ житейскихъ нужныхъ выкладкахъ обойтися можно" [1]). Почти безпримѣрный у насъ въ Россіи успѣхъ вышеупомянутой книги Меморскаго, которымъ она, можетъ быть, и обязана статьѣ о правилѣ ложныхъ положеній и который далеко превосходитъ успѣхъ самыхъ распространенныхъ изъ произведеній упомянутыхъ современныхъ намъ литературныхъ дѣятелей, едва ли не является живымъ укоромъ усвоенной ими привычки къ игнорированію дѣйствительныхъ нуждъ ученика.

[1]) По изданію 1776 года (3-му), стр. 200.

Кромѣ ученія о пропорціональности, другимъ важнымъ пріобрѣтеніемъ, доставленнымъ наукѣ методомъ постепеннаго образованія или составленія искомаго неизвѣстнаго по условіямъ вопроса, былъ единственно употребляемый въ новой алгебрѣ способъ рѣшенія уравненій 1-й степени съ однимъ неизвѣстнымъ. Полную и ясную картину развитія этого способа, состоящаго въ дѣленіи извѣстнаго члена уравненія на коэффиціентъ при неизвѣстномъ, даетъ намъ папирусъ Ринда въ задачахъ исчисленія Хау. Изъ этихъ задачъ первыя четыре занимаются опредѣленіемъ неизвѣстнаго по данной суммѣ его самого и какой нибудь его части. Такъ какъ всѣ онѣ рѣшаются одинаково, то для примѣра возьмемъ первую изъ нихъ или 24-ю по изданію Эйзенлора. „Куча. Ея седьмая часть, ея цѣлое: это составляетъ 19.

* .	7	.	8	* $\frac{1}{4}$	2	* .	$2\ \frac{1}{4}\ \frac{1}{8}$
* $\frac{1}{7}$	1	* . .	16	* $\frac{1}{8}$	1	* . .	$4\ \frac{1}{2}\ \frac{1}{4}$
		$\frac{1}{2}$	4			* 4	$9\ \frac{1}{2}$
						$\frac{1}{7}$	$2\ \frac{1}{4}\ \frac{1}{8}$ вмѣстѣ 19.

Дѣлай, какъ сдѣлается; неизвѣстное (Хау): $16\ \frac{1}{2}\ \frac{1}{8}$“.

Первый изъ четырехъ столбцовъ, представляющихъ описаніе рѣшенія задачи, занятъ повѣркою ея условіями избранной по принципу удобнѣйшихъ чиселъ попытки выраженія искомаго неизвѣстнаго числомъ 7. Второй и третій посвящены дѣленію 19 на число 8, а четвертый умноженію найденнаго частнаго на число 7.

Обнаруженная повѣркою неудача попытки, какъ приводящей послѣ исполненія указанныхъ дѣйствій къ числу 8 вмѣсто числа 19, должна была навести египетскаго счетчика на разсужденія, подобныя тѣмъ, которыя имѣли мѣсто въ изложенной ранѣе задачѣ Леонарда Пизанскаго на правило одного ложнаго положенія. Такъ какъ данное въ задачѣ число 19 есть сумма неизвѣстнаго и его седьмой части, то уменьшеніе этого числа до 8, слѣдовательно въ число разъ, представляемое частнымъ $2\ \frac{1}{4}\ \frac{1}{8}$ отъ дѣленія 19 на 8, могло произойти только отъ уменьшенія въ такое же число разъ самого неизвѣстнаго. Неудачная попытка 7 есть, слѣдовательно, не болѣе какъ результатъ уменьшенія неизвѣстнаго въ $2\ \frac{1}{4}\ \frac{1}{8}$ раза. Поэтому, чтобы найти неизвѣстное, нужно только сдѣланную попытку 7 увеличить въ $2\ \frac{1}{4}\ \frac{1}{8}$ раза. Этимъ послѣднимъ заканчивающимъ рѣшеніе задачи дѣйствіемъ счетчикъ и занимается въ четвертомъ столбцѣ, при чемъ, впрочемъ,

съ очевидною цѣлью облегченія дѣйствія, онъ измѣняетъ порядокъ множителей, принимая $2\ \frac{1}{4}\ \frac{1}{8}$ за множимое и 7 за множитель.

Болѣе сложными задачами того же характера, какъ и разсмотрѣнная сейчасъ, являются въ отдѣлѣ исчисленія Хау задачи №№ 31—34 по изданію Эйзенлора. Въ нихъ неизвѣстное опредѣляется по данной суммѣ его самого и нѣсколькихъ опредѣленныхъ его частей. Для примѣра приведемъ задачу № 34, какъ наиболѣе кратко изложенную. „Куча. Ея $\frac{1}{2}$, ея $\frac{1}{4}$, ея цѣлое; все даетъ 10.

*	. $1\ \frac{1}{2}\ \frac{1}{4}$			$\frac{1}{4}\ \frac{1}{28}\ \frac{1}{2}$
	. . $3\ \frac{1}{2}$		*	$\frac{1}{2}\ \frac{1}{14}\ 1$
*	4 7			
*	$\frac{1}{7}\ \frac{1}{4}$ вмѣстѣ неизвѣстное (Хау) $5\ \frac{1}{2}\ \frac{1}{7}\ \frac{1}{14}$			

Начало повѣрки

*	.	5	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{7}$	$\frac{1}{14}$				
*	$\frac{1}{2}$	2	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{4}$	$\frac{1}{14}$	$\frac{1}{28}$			
*	$\frac{1}{4}$	1	$\frac{1}{4}$	$\frac{1}{8}$	$\frac{1}{28}$	$\frac{1}{56}$	вмѣстѣ $9\ \frac{1}{2}\ \frac{1}{8}$, остатокъ $\frac{1}{4}\ \frac{1}{8}$		
	$\frac{1}{7}$	$\frac{1}{14}$	$\frac{1}{14}$	$\frac{1}{28}$	$\frac{1}{28}$	$\frac{1}{56}$		$\frac{1}{4}$:	14
	8	4	4	2	2	1		$\frac{1}{8}$	7 вмѣстѣ 21“.

Изложеніе рѣшенія задачи, заключенное между ея текстомъ и повѣркою, является въ сравненіи съ предыдущею задачею значительно болѣе краткимъ. Составляющіе его два столбца заняты только однимъ дѣйствіемъ: дѣленіемъ 10 на $1\frac{1}{2}\ \frac{1}{4}$, результатъ котораго и является искомымъ неизвѣстнымъ. Слѣдующая затѣмъ повѣрка имѣетъ уже вслѣдствіе этого дѣло не съ попыткою, а съ самимъ рѣшеніемъ задачи. Что же касается попытки, то ею является единица и притомъ не только въ рзсматриваемой задачѣ, но и въ упомянутыхъ трехъ другихъ однородныхъ съ нею. На эту попытку мы должны, слѣдовательно, смотрѣть какъ на единственно употребляемую въ задачахъ разсматриваемаго рода, не исключая между ними и тѣхъ, въ которыхъ съ выгодою могли бы быть сдѣланы другія попытки. Въ разсматриваемой задачѣ, наприм., можно бы было въ согласіи съ принципомъ удобнѣйшихъ чиселъ взять за вполнѣ удобную попытку число 4. Употребленіе единицы въ значеніи постоянной попытки не должно

быть однако же разсматриваемо какъ нарушеніе принципа удобнѣйшихъ чиселъ. Какъ состоявшееся вслѣдствіе обнаруженія двухъ важныхъ выгодъ, доставляемыхъ принятіемъ за попытку единицы, это употребленіе являлось прямымъ приложеніемъ упомянутаго принципа. Что же касается обнаруживавшихся, по сказанному сейчасъ, выгодъ, то ими были, во-первыхъ, совершенное устраненіе дѣйствій, требуемыхъ повѣркою попытки условіями задачи, и, во-вторыхъ, сведеніе дѣйствій, ведущихъ къ опредѣленію неизвѣстнаго, только къ дѣленію даннаго въ задачѣ числа на соотвѣтствующее число, доставленное попыткою, или, выражаясь терминами новѣйшей науки, къ дѣленію извѣстнаго числа на коэффиціентъ при неизвѣстномъ. Дѣйствительно, для повѣрки попытки въ настоящемъ случаѣ приходилось только прибавлять къ единицѣ указанныя въ задачѣ ея части $\left(1+\frac{1}{2}+\frac{1}{4}\right)$, а заканчивающее опредѣленіе неизвѣстнаго умноженіе попытки на частное предыдущаго дѣленія совсѣмъ исчезало, такъ какъ попытка представлялась единицею. Насколько однако же были смутны для сознанія египетскихъ счетчиковъ указанныя сейчасъ выгоды употребленія единицы въ качествѣ попытки, а также и вызываемыя ими соображенія, или, другими словами, насколько они мало возвышались надъ порогомъ сознанія, можно видѣть изъ факта распространенія употребленія единицы на задачи, представляемыя второю изъ приведенныхъ сейчасъ, при одновременномъ удержаніи другихъ попытокъ въ однородныхъ съ ними задачахъ, представляемыхъ первою.

Явное употребленіе при опредѣленіи неизвѣстнаго въ задачахъ второй изъ расмотрѣнныхъ сейчасъ группъ дѣленія извѣстнаго члена на коэффиціентъ при неизвѣстномъ привело Эйзенлора и Кантора [1]) ко взгляду на исчисленіе Хау въ Папирусѣ Ринда какъ на собраніе задачъ на составленіе и рѣшеніе уравненій 1-ой степени съ однимъ неизвѣстнымъ въ формахъ, тожественныхъ съ употребляемыми въ новѣйшей наукѣ. Удержать ихъ отъ впаденія въ это заблужденіе не смогло даже явное употребленіе попытокъ въ задачахъ первой изъ разсмотрѣнныхъ сейчасъ группъ. При своемъ недостаточномъ знакомствѣ съ методомъ попытокъ и при совершенномъ незнаніи метода постепеннаго образованія или составленія неизвѣстнаго по условіямъ

[1]) Морицъ Канторъ—профессоръ Гейдельбергскаго университета. Одинъ изъ самыхъ выдающихся въ XIX столѣтіи историковъ математики. Важнѣйшее его сочиненіе „Vorlesungen über Geschichte der Mathematik“ (Leipzig. 1880—1898; 2-е изданіе. тамъ же. 1891) въ трехъ томахъ.

вопроса имъ было легко не замѣтить употребленія попытки, смѣшавъ его съ дѣйствіемъ приведенія къ общему знаменателю. Заблужденіе ихъ не прошло однако же незамѣченнымъ. Въ печати указалъ на него французскій оріенталистъ Леонъ Роде въ сочиненіи Les prétendus problèmes d'algèbre du manuel du calculateur égyptien (papyrus Rhind), появившемся первоначально въ 1882 году, въ парижскомъ Journal asiatique. Къ раскрытію заблужденія Эйзенлора и Кантора онъ былъ приведенъ по его собственнымъ словамъ (стр. 5) „глубокимъ изученіемъ цифръ и ихъ иногда сопровождающихъ объясненій". Это изученіе ясно показало ему, что въ исчисленіи Хау приходится имѣть дѣло не съ составленіемъ и рѣшеніемъ уравненій въ смыслѣ новѣйшей науки, а съ употребленіемъ „процесса ложнаго положенія".

Не будучи по своему происхожденію и сущности способомъ рѣшенія уравненій первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ въ смыслѣ новѣйшей науки, египетское рѣшеніе задачъ того же рода попыткою единица однако же, какъ не трудно видѣть, прямо приводило къ нему. Этимъ попутно достигаемымъ результатомъ оно было обязано главнымъ образомъ представленію неизвѣстнаго и указанныхъ въ задачѣ его частей въ видѣ соединенія единицы съ такими же точно ея частями. Такое представленіе неизвѣстнаго, являясь по существу дѣла результатомъ повѣрки сдѣланной попытки, выражало въ то же время его коэффиціентъ, а это только и было нужно для рѣшенія уравненія 1-й степени съ однимъ неизвѣстнымъ въ смыслѣ новѣйшей науки.

Открытіе значенія и выгодъ употребленія единицы въ качествѣ попытки изъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ древняго міра и болѣе позднихъ эпохъ было, повидимому, дѣломъ только однихъ египтянъ. Такъ, спустя слишкомъ два тысячелѣтія, мы находимъ въ индусскихъ математическихъ сочиненіяхъ при рѣшеніи задачъ, однородныхъ съ указанными выше въ папирусѣ Ринда, употребленіе въ значеніи попытокъ разныхъ чиселъ. Въ сочиненіи Siddhântaçiromani индусскаго ученаго XII вѣка христіанской эры, Баскары Ахаріи, находится, наприм., слѣдующая задача: Если нѣкоторое число умножить на 5 и затѣмъ послѣдовательно отнять $\frac{1}{3}$ произведенія, остатокъ раздѣлить на 10 и къ полученному частному придать $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ первоначальнаго числа, то получится число 68. Составляющее предметъ этой задачи опредѣленіе упоминаемаго въ ней числа достигается тѣмъ же путемъ, какъ и въ первой изъ двухъ приведенныхъ выше задачъ папируса

Ринда. Взявъ за попытку число 3 и опредѣливъ результатъ повѣрки попытки условіями задачи, индусскій авторъ находитъ искомое неизвѣстное или число 48 черезъ дѣленіе даннаго въ задачѣ числа 68 на результатъ повѣрки $\frac{17}{4}$ и черезъ слѣдующее затѣмъ умноженіе полученнаго частнаго 16 на попытку 3. Тѣмъ же путемъ шли и арабскіе математики во всѣхъ немногочисленныхъ случаяхъ, когда при рѣшеніи задачъ разсматриваемаго рода они не пользовались правиломъ двухъ ложныхъ положеній. Такъ въ составленномъ по арабскимъ источникамъ или прямо заимствованномъ изъ нихъ средневѣковомъ латинскомъ сочиненіи „Liber augmenti et diminutionis vocatus numeratio divinationis ex eo quod sapientes Indi posuerunt, quem Abraham compilavit et secundum librum qui Indorum dictus est composuit" находится слѣдующая задача, рѣшаемая въ немъ и при помощи правила двухъ ложныхъ положеній и разсматриваемымъ путемъ. „Нѣкоторое имущество, изъ котораго были взяты его треть и четверть, дало въ остаткѣ 8. Какъ велико имущество?" Для рѣшенія ея занимающимъ насъ путемъ авторъ даетъ слѣдующій рецептъ. „Возьми за неизвѣстное число 12, отнятіе отъ котораго его трети и четверти даетъ 5, и затѣмъ спроси, на что нужно умножить 5, чтобы получить 12? Это составитъ $2\frac{2}{5}$. А потому умножь $2\frac{2}{5}$ на 8, изъ чего выйдетъ $19\frac{1}{5}$". Отъ рѣшенія первой изъ приведенныхъ выше задачъ папируса Ринда рѣшеніе разсматриваемой теперь задачи отличается только перестановкою среднихъ членовъ въ представляющей ихъ пропорціи $a : b = c : x$, гдѣ a есть результатъ повѣрки попытки, b—данное въ задачѣ число и c — сама попытка. Ясно или смутно сознаваемое разсужденіе, которымъ въ настоящемъ случаѣ пользовался методъ постепеннаго образованія или составленія неизвѣстнаго по условіямъ вопроса, должно было основываться на слѣдующихъ соображеніяхъ. Всякое число должно быть въ одинаковое число разъ болѣе или менѣе числа, составленнаго изъ него по условіямъ задачи. Во сколько разъ, слѣдовательно, сдѣланная попытка 12 превосходитъ составленное изъ нея по условіямъ задачи число 5, во столько же разъ и искомое неизвѣстное должно превосходить составленное изъ него по тѣмъ же условіямъ число 8. Данное въ задачѣ число 8 нужно, поэтому, для полученія искомаго неизвѣстнаго умножить на частное $2\frac{2}{5}$, происшедшее отъ дѣленія 12 на 5.

Въ Западной Европѣ развитіе употребляемаго въ новѣйшей наукѣ способа рѣшенія уравненій 1-й степени съ однимъ неизвѣстнымъ изъ

метода попытокъ совершилось на томъ пути обобщеній, на который западно-европейскіе математики выступили почти съ самаго начала новаго времени. Заимствованный отъ арабовъ способъ употребленія разныхъ попытокъ въ задачахъ соотвѣтствующаго рода въ рукахъ западно-европейскихъ математиковъ XVI вѣка скоро долженъ былъ встрѣтиться съ мыслью о возможности замѣнить опредѣленныя частныя попытки неопредѣленнымъ выраженіемъ попытки вообще при посредствѣ символическихъ обозначеній разнаго рода. Послѣ произведеннаго Віетою расширенія области приложеній принциповъ идейнаго письма къ алгебраическому знакоположенію неопредѣленное символическое выраженіе попытки вообще закончило свое существованіе и развитіе сліяніемъ съ избраннымъ въ духѣ идейнаго письма символомъ неизвѣстнаго числа. Результатомъ этого сліянія и явились употребляемыя въ новѣйшей наукѣ формы способовъ составленія и рѣшенія уравненій 1-й степени съ однимъ неизвѣстнымъ, которыя повели затѣмъ къ созданію подобныхъ же формъ составленія и рѣшенія уравненій 1-й степени со многими неизвѣстными и уравненій второй и высшихъ степеней съ однимъ и многими неизвѣстными.

Дѣйствія, производимыя прежде надъ попытками, были распространены и на выражающій ихъ общій символъ. Въ элементарной алгебрѣ, какъ на проявленія этого распространенія, можно указать на исключеніе неизвѣстнаго по способамъ подстановокъ и сравненія неизвѣстныхъ и на найденный индусами и Баше Мезиріакомъ элементарный способъ рѣшенія неопредѣленныхъ уравненій 1-ой степени.

Если, какъ дѣлаютъ многіе, ограничивать область алгебры одною теоріею уравненій, то, на основаніи изложенной сейчасъ исторіи происхожденія употребляемыхъ въ новѣйшей наукѣ способовъ составленія и рѣшенія уравненія 1-й степени съ однимъ неизвѣстнымъ можно съ увѣренностью сказать, что вся алгебра развилась изъ метода попытокъ или въ болѣе тѣсномъ смыслѣ изъ метода постепеннаго образованія или составленія неизвѣстнаго по условіямъ вопроса.

Кромѣ указанныхъ результатовъ развитія метода попытокъ и его особой формы, въ новѣйшей наукѣ не отсутствуютъ также и теоріи, пользующіяся употребленіемъ этихъ двухъ методовъ въ непосредственномъ видѣ. Если это употребленіе и представляется въ настоящее время нѣсколько затемненнымъ, то только вслѣдствіе несоотвѣтствующихъ сущности дѣла формъ изложенія, въ которыя обыкновенно облекаются упомянутыя теоріи въ учебникахъ. Какъ на такія теоріи въ элементарной ариѳметикѣ и высшей алгебрѣ можно указать на *ди-*

леніе цѣлыхъ чиселъ, на *извлеченіе корней* и на *опредѣленіе численныхъ значеній корней уравненій.*

Какъ дѣйствіе, производное отъ дѣйствія вычитанія, дѣленіе цѣлыхъ чиселъ представилось первоначально человѣчеству въ формѣ вопроса: изъ сколькихъ частей, равныхъ меньшему изъ двухъ данныхъ чиселъ, состоитъ большее? Прямой путь, указываемый самимъ вопросомъ для своего рѣшенія, состоитъ въ послѣдовательномъ вычитаніи дѣлителя изъ дѣлимаго, продолжающемся до тѣхъ поръ, пока въ остаткѣ не получится нуль или число меньшее дѣлителя. Крайняя продолжительность этого процесса при сколько-нибудь значительномъ частномъ не могла не вызвать заботы объ его возможномъ сокращеніи. Ближайшее средство для этого указывалось мыслью о возможности замѣны нѣсколькихъ или всѣхъ вычитаній однимъ, именно вычитаніемъ изъ дѣлимаго произведенія дѣлителя на число вычитаній въ первомъ случаѣ и на число всѣхъ вычитаній или на частное во второмъ. Подъ вліяніемъ этой мысли вопросъ дѣленія представился въ новой формѣ: найти число, отъ умноженія котораго на дѣлителя получается число или равное дѣлимому или разнящееся отъ него на число меньшее дѣлителя? Къ этой формѣ вопроса приходилось уже примѣнить методъ попытокъ. Пусть разсматриваются, напримѣръ, слѣдующіе три случая дѣленія: 32647 : 324; 33758 : 324 и 78547 : 324. Опредѣленіе предѣловъ, между которыми должны заключаться попытки, даетъ 100 и 1000. Если за исходную попытку взять меньшій предѣлъ, то, по ея повѣркѣ условіями вопроса, она оказывается удачною для перваго случая и неудачною для двухъ другихъ

32647	33758	78547
32400	32400	32400
„„247	‚1358	46147
	1296	32400
	„„62	13747
		12960
		„„787
		324
		463
		324
		139

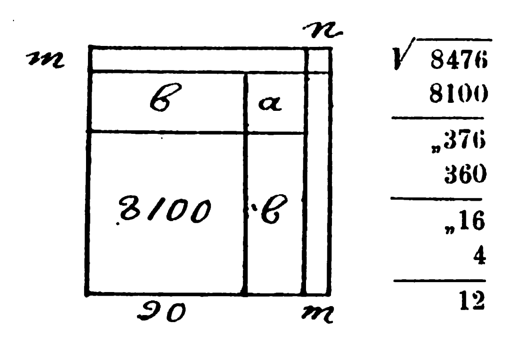
При этомъ доставляемая повѣркою разность во второмъ случаѣ менѣе произведенія попытки на дѣлителя, а въ третьемъ болѣе. Чтобы и въ третьемъ получить разность меньшую упомянутаго произведенія, нужно изъ доставленной повѣркою вычитать произведеніе попытки на дѣлителя столько разъ, сколько возможно, и именно не менѣе одного раза и не болѣе 9 разъ. По опредѣленію этого числа разъ или непосредственнымъ вычитаніемъ или попытками найти его прямо, въ немъ будетъ получено, какъ не трудно видѣть, число единицъ высшаго изъ порядковъ, составляющихъ искомое частное. Къ рѣшенію вопроса получаетъ такимъ образомъ доступъ методъ постепеннаго образованія или составленія неизвѣстнаго по условіямъ вопроса, причемъ средствомъ достиженія преслѣдуемой имъ цѣли является послѣдовательное опредѣленіе въ искомомъ частномъ чиселъ единицъ составляющихъ его порядковъ. Занимающимъ насъ теперь числомъ послѣдовательныхъ вычитаній въ третьемъ изъ разсматриваемыхъ случаевъ или, что то же самое, числомъ сотенъ, заключающихся въ искомомъ частномъ, будетъ 2. Такъ какъ полученная послѣ достиженія этого результата разность, какъ и во второмъ случаѣ, все-таки болѣе дѣлителя, то снова является вопросъ: на какое число долженъ быть умноженъ дѣлитель для того, чтобы полученное произведеніе или равнялось послѣдней разности или разнилось отъ нея на число меньшее дѣлителя. Предѣлами попытокъ, имѣющихъ цѣлью опредѣленіе этого числа, являются низшимъ 10 и высшимъ 100. Принимая опять низшій предѣлъ 10 за исходную попытку и убѣждаясь повѣркою условіями задачи въ ея неудачѣ, вступаютъ снова на путь, пройденный въ предыдущемъ, и въ результатѣ получаютъ въ частномъ 40 и въ остаткѣ 787. Такъ какъ этотъ остатокъ хотя и менѣе вычитаемаго 3240, но все же болѣе дѣлителя, то, поступая съ нимъ опять по предыдущему, находятъ при предѣлахъ попытокъ 1 и 10 числомъ единицъ искомаго частнаго число 2, а остаткомъ число 139, которымъ, какъ числомъ, меньшимъ дѣлителя дѣленіе оканчивается. Что же касается искомаго полнаго частнаго, то, по соединеніи найденныхъ его частей 200, 40 и 2, оно представится числомъ 242. Наконецъ, въ оставленномъ временно безъ окончанія второмъ изъ разсматриваемыхъ случаевъ дѣленія тотъ же путь приводитъ къ 4, какъ къ послѣдней части частнаго, и къ доставляемому ею и заканчивающему дѣленіе остатку 62. Полнымъ частнымъ, образуемымъ черезъ соединеніе найденныхъ его частей 100 и 4, будетъ слѣдовательно для втораго случая 104.

Схематизируя изложенный процессъ дѣленія цѣлыхъ чиселъ, можно сказать, что *для опредѣленія числа единицъ высшаго изъ порядковъ, составляющихъ частное, нужно число единицъ того же порядка въ дѣлимомъ раздѣлить на дѣлителя, точно также для опредѣленія чиселъ единицъ слѣдующихъ порядковъ частнаго нужно дѣлить на дѣлителя числа единицъ такихъ же порядковъ соотвѣтственно въ первомъ остаткѣ, во второмъ и т. д.* Какъ не трудно видѣть, эта схема есть не болѣе, какъ сокращенное изложеніе правила, обыкновенно приводимаго въ учебникахъ элементарной ариѳметики.

Вслѣдствіе совершившейся въ школьной наукѣ въ теченіе вѣковъ утраты знанія создавшихъ упомянутое правило дѣленія цѣлыхъ чиселъ простыхъ, естественныхъ и совершенно ясныхъ во всѣхъ своихъ частяхъ методовъ, это правило авторамъ ариѳметическихъ учебниковъ пришлось выводить при посредствѣ совершенно чуждыхъ ему искусственныхъ пріемовъ. Основанные на разсмотрѣніи нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, эти пріемы до такой степени усложнили предметъ и затруднили его пониманіе, что статья о дѣленіи сдѣлалась въ ариѳметикѣ цѣлыхъ чиселъ самою трудною для начинающихъ. Въ Traité d'arithmétique par *J. A. Serret*, принадлежащемъ къ лучшимъ между новѣйшими учебниками ариѳметики, для вывода правила дѣленія въ общемъ случаѣ разсматриваются предварительно на четырехъ страницахъ „опредѣленіе числа цифръ частнаго", „частный случай, въ которомъ частное имѣетъ только одну цифру" и „принципъ, на которомъ основывается дѣленіе при многозначномъ частномъ". Кромѣ того въ томъ же учебникѣ изложеніе самого „общаго случая дѣленія" занимаетъ три страницы, а слѣдующій за нимъ „частный случай, представляемый дѣлителемъ, оканчивающимся нулями", почти одну страницу.

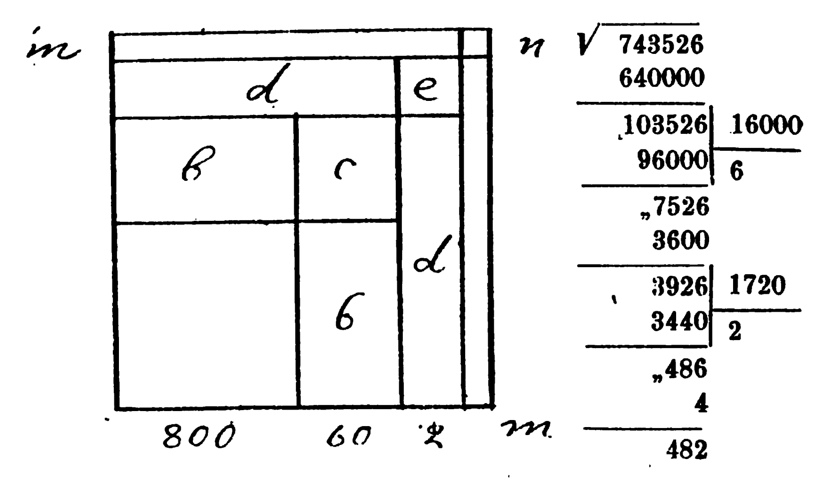
Послѣ совершившагося черезъ посредство пиѳагорейцевъ ознакомленія древнихъ грековъ съ квадратными числами на помощь указанному уже въ общихъ чертахъ въ предыдущемъ изложеніи способу извлеченія квадратнаго корня изъ цѣлыхъ чиселъ по методу попытокъ явилась таблица квадратныхъ чиселъ, какъ прямо доставлявшая съ точностью до 1 квадратный корень изъ всякаго даннаго цѣлаго числа. Что касается дробной части квадратнаго корня, то для ея опредѣленія греческій математикъ IV вѣка послѣ Р. Хр. Теонъ Александрійскій въ своемъ комментаріи къ I-й книгѣ Алмагеста Птолемея пользовался, какъ и самъ Птолемей, *способомъ гномона*. Въ виду широкаго распространенія между западноевропейскими математиками XVI и смежныхъ столѣтій упо-

требленія способа гномона можно съ увѣренностью сказать, что этотъ способъ былъ примѣненъ въ соединеніи съ методомъ попытокъ также и къ опредѣленію цѣлой части корня. Посмотримъ, въ какихъ формахъ долженъ былъ представиться при этомъ примѣненіи процессъ извлеченія квадратнаго корня изъ цѣлаго числа. Пусть, напримѣръ, требуется опредѣлить $\sqrt{8476}$. Такъ какъ данное число содержится между $10^2 = 100$ и $100^2 = 10000$, то предѣлами попытокъ будутъ 10 и 100. Принявъ въ виду близости даннаго числа къ высшему изъ предѣловъ за исходную попытку 90, находимъ ее вполнѣ удачною. Дѣйствительно, въ остаткѣ отъ вычитанія квадрата этого числа изъ даннаго получается число меньшее, чѣмъ вычитаемое. Такъ какъ

придаваемый къ $90^2 = 8100$ гномонъ bab состоитъ изъ квадрата a и двухъ равныхъ прямоугольниковъ b и b, имѣющихъ сторонами 90 и неизвѣстную сторону квадрата a, то для опредѣленія этой неизвѣстной стороны необходимо употребить попытку. Если же въ согласіи съ методомъ постепеннаго образованія или составленія неизвѣстнаго по условіямъ вопроса принять во вниманіе, что, послѣ состоявшагося уже опредѣленія числа десятковъ корня, сторона квадрата a должна представлять число его единицъ, то за предѣлы представляющихъ ее попытокъ придется принять 1 и 10. При попыткѣ 1 сумма площадей прямоугольниковъ b и b 180 и квадрата 1 составятъ 181, что недостаточно для исчерпанія въ возможно бо́льшей мѣрѣ полученной отъ вычитанія квадрата 8100 разности 376 или, другими словами, для полученія въ остаткѣ числа меньшаго, чѣмъ вычитаемое. Такъ какъ удачною оказывается слѣдующая попытка 2, то искомою стороною квадрата a или, что то же самое, числомъ единицъ будетъ число 2. Это же число можетъ быть усмотрѣно и непосредственно черезъ опредѣленіе отношенія разности 376 къ суммѣ площадей прямоугольниковъ

b и *b* при попыткѣ 1-ца, какъ къ бóльшей части гномона, то-есть, другими словами, черезъ дѣленіе разности 376 на упомянутую сумму. Слѣдующая затѣмъ повѣрка условіями вопроса покажетъ, будетъ ли найденное частное дѣйствительно искомою стороною квадрата или же оно должно быть уменьшено. Въ настоящемъ случаѣ частное 2 и есть искомое число единицъ корня. Искомый квадратный корень представляется такимъ образомъ числомъ 92. Приведемъ теперь другой болѣе сложный примѣръ. Пусть требуется опредѣлить $\sqrt{743526}$. Предѣлы попытокъ суть числа

100 и 1000, какъ имѣющія вторыми степенями соотвѣтственно числа 10000 и 1000000. Найдя при ихъ помощи тѣмъ же путемъ, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, число сотенъ (800) искомаго корня, для опредѣленія числъ порядковъ десятковъ и единицъ возьмемъ соотвѣтственно два гномона *b c b* и *d e d*, въ которыхъ сторона квадрата будетъ представлять въ первомъ число десятковъ, а во второмъ число единицъ. Попытки опредѣленія сторонъ этихъ квадратовъ въ первомъ случаѣ будутъ заключаться между 10 и 100, а во второмъ—между 1 и 10. Опредѣляя затѣмъ сторону квадрата *c* путями, указанными уже въ предыдущемъ примѣрѣ, то-есть или попытками или прямымъ опредѣленіемъ искомаго числа при посредствѣ дѣленія полученной ранѣе разности 103526 на сумму прямоугольниковъ b и b при попыткѣ 10, то-есть на число 16000, найдемъ для искомой стороны квадрата *c* число 60. Тѣми же путями для стороны квадрата *e* въ гномонѣ *d e d*, имѣющемъ одною изъ сторонъ его прямоугольниковъ число 860, найдемъ число 2. Соединяя затѣмъ найденныя части иско-

маго корня (800, 60 и 2), находимъ этотъ корень равнымъ 862. Остатки отъ извлеченія квадратнаго корня (12 и 482) въ обоихъ примѣрахъ выражаются гномонами *m* и *m*.

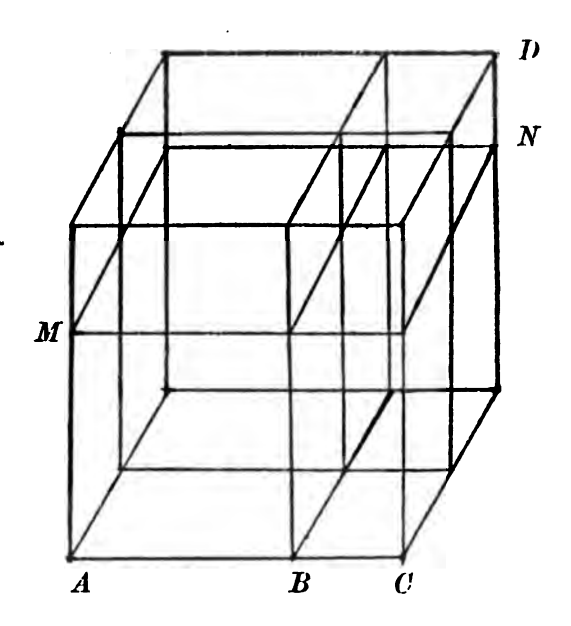
Выводимою изъ представленнаго изложенія процесса извлеченія квадратнаго корня его схемою является слѣдующее правило. *По опредѣленіи посредствомъ попытки числа единицъ высшаго изъ порядковъ корня, числа единицъ слѣдующихъ его порядковъ отыскиваются черезъ дѣленіе каждый разъ только что полученнаго остатка на удвоенное, представляемое въ соотвѣтствующемъ гномонѣ большею изъ сторонъ его прямоугольниковъ, число и черезъ слѣдующую затѣмъ повѣрку условіями вопроса найденнаго частнаго, какъ возможнаго числа единицъ разсматриваемаго порядка корня.*

Замѣна употребляемаго въ способѣ гномона геометрическаго выраженія квадрата двучлена его алгебраическимъ выраженіемъ вмѣстѣ съ утратою знанія метода попытокъ и его особой формы не только лишили процессъ извлеченія квадратнаго корня присущей ему прежде во всѣхъ его частяхъ ясности, но и въ такой степени усложнили какъ изложеніе схемы процесса или его правила, такъ и выводъ послѣдняго, что извлеченіе квадратнаго корня сдѣлалось въ настоящее время для начинающаго однимъ изъ труднѣйшихъ предметовъ изученія, обыкновенно очень скоро забываемымъ. Въ „Начальной алгебрѣ“ проф. Давидова это правило представляется, напримѣръ, въ слѣдующемъ изложеніи: „Данное число дѣлимъ на грани и опредѣляемъ число, квадратъ котораго наиболѣе подходитъ къ первой грани; это число есть первая цифра корня. Вычтя квадратъ его изъ первой грани и присоединивъ слѣдующую грань, получаемъ такъ называемый первый остатокъ. Отдѣливъ въ немъ послѣднюю цифру, дѣлимъ остальныя на удвоенную первую цифру корня; *частное есть вторая цифра корня*. Приписавъ ее справа къ дѣлителю, множимъ дѣлитель съ приписанною цифрою на *вторую цифру корня* и вычитаемъ произведеніе изъ перваго остатка; если же произведеніе окажется больше остатка, то уменьшаемъ вторую цифру корня на единицу. Къ полученному остатку присоединяемъ слѣдующую грань и находимъ такимъ образомъ такъ называемый второй остатокъ. Поступивъ съ нимъ какъ съ первымъ, *получимъ слѣдующую цифру корня* и т. д. Если послѣдній остатокъ будетъ нуль, то полученное число есть точный корень даннаго; въ противномъ же случаѣ данное число не имѣетъ точнаго корня“. Выводу этого правила вмѣстѣ съ изложеніемъ его самого посвящены девять страницъ, при чемъ предметами, доставляю-

щими этотъ выводъ, являются: предварительное опредѣленіе числа цифръ корня, извлеченіе квадратнаго корня въ случаѣ двузначнаго корня и извлеченіе того же корня въ случаѣ многозначнаго корня. Что касается приведеннаго изложенія правила, то, кромѣ своихъ основныхъ недостатковъ—длинноты и неясности, оно содержитъ въ подчеркнутыхъ нами мѣстахъ невѣрное съ общей точки зрѣнія утвержденіе, сейчасъ же опровергаемое дальнѣйшимъ изложеніемъ. Въ Traité d'arithmétique par *J. A. Serret* изложеніе разсматриваемаго правила, какъ занимающее цѣлую страницу, является еще болѣе длиннымъ, но за то въ немъ избѣгнуто указанное въ изложеніи проф. Давидова невѣрное утвержденіе и, что особенно замѣчательно, избѣгнуто прямымъ обращеніемъ къ истинной природѣ предмета, именно къ методу попытокъ. Дѣйствительно въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ своего изложенія г. Серре говоритъ: „снеся къ первому остатку вторую грань, отдѣляютъ отъ образовавшагося такимъ образомъ числа послѣднюю цифру справа и лѣвую часть дѣлятъ на удвоенную первую цифру корня. Цѣлое частное отъ этого дѣленія равно или болѣе второй цифры корня. Чтобы *испытать* эту цифру, ее приписываютъ справа къ удвоенной первой цифрѣ корня и результатъ умножаютъ на *испытуемую* цифру. Полученное произведеніе вычитаютъ изъ числа, составленнаго изъ перваго остатка и слѣдующей за нимъ второй грани; если вычитаніе можетъ быть сдѣлано, то *испытуемая* цифра точна; если же нѣтъ, то *испытываютъ* такимъ же образомъ цифру, меньшую на единицу и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока не найдется точная цифра“.

Путь, которому слѣдовали при выводѣ правила извлеченія квадратнаго корня изъ цѣлаго числа, привелъ также и къ познанію *правила извлеченія кубичныхъ корней изъ цѣлыхъ чиселъ*. Средствомъ, находившимся при этомъ въ распоряженіи метода попытокъ и его особой формы, былъ способъ, аналогичный способу гномона и состоявшій въ разложеніи куба, имѣющаго ребромъ сумму двухъ линій, на части, представляющія члены разложенія $(a+b)^3$. Дѣйствительно, если черезъ точки дѣленія реберъ куба AD на части $AB=a$ и $BC=b$ провесть плоскости перпендикулярныя къ этимъ ребрамъ, то онѣ раздѣлятъ весь кубъ на части, изъ которыхъ находящимися подъ плоскостью MN будутъ: 1) кубъ, построенный на ребрѣ AB, 2) два прямоугольные параллелепипеда, имѣющіе основаніями стороны куба a^2 и высотою $BC=b$ и 3) прямоугольный параллелепипедъ съ основаніемъ b^2 и высотою $AB=a$; находящимися же надъ плоскостью MN будутъ:

1) прямоугольный параллелепипедъ, имѣющій основаніемъ сторону куба a^2, а высотою b; 2) два прямоугольные параллелепипеда съ основаніями b^2 и высотою a и 3) кубъ, построенный на ребрѣ b.

Извѣстный въ настоящее время подъ именемъ *метода Ньютона* способъ опредѣленія численной величины корня уравненія всякой степени посредствомъ послѣдовательнаго вычисленія чиселъ единицъ составляющихъ его порядковъ былъ первоначально найденъ Віетою [1]), изложившимъ его въ своемъ сочиненіи „De numerosa potestatum purarum atque adfectarum ad exegesin resolutione“ [2]). Въ новѣйшей наукѣ онъ выводится обыкновенно слѣдующимъ образомъ. Пусть рѣшаемое уравненіе есть $f(x)=Q$, а найденное какимъ-нибудь путемъ, напримѣръ попытками, число единицъ высшаго изъ порядковъ, составляющихъ искомый корень, есть a. Тогда при обозначеніи остальной части корня чрезъ p получится

[1]) Франсуа Віета—знаменитый французскій математикъ, жившій въ 1540—1603 годахъ. Собраніе его сочиненій было издано въ 1646 году голландскимъ математикомъ Францискомъ фанъ-Шоотеномъ подъ заглавіемъ „Francisci Vietae opera mathematica in unum volumen congesta ac recognita, opera atque studio Francisci a Schooten“ (Lugduni Batavorum, in fol.).

[2]) Opera mathematica, p. 163—228.

$f(a \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 00 + p) = f(a \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 00) + p \,.\, f'(a \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 00) + {}^1/_2\, p^2 f''(a \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 00) + \,.\,.\,.\, = Q.$

Пренебрегая въ этомъ уравненіи всѣми членами низшихъ порядковъ, начиная съ $^1/_2\, p^2 f''(a \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 00)$, находятъ число b единицъ высшаго изъ порядковъ, составляющихъ остальную часть корня p, дѣленіемъ $Q - f(a \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 00)$ на $f'(a \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 00)$. Если теперь въ томъ же уравненіи замѣнить p черезъ $b \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 0 + q$, гдѣ q опять будетъ представлять остальную часть искомаго корня, то это уравненіе представится въ видѣ

$$f(a \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 00 + b \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 0 + q) = f(a \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 00 + b \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 0) + q f'(a \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 00 + b \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 0) + \tfrac{1}{2} q^2 f''(a \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 00 + b \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 0) + \,.\,.\,.\, = Q,$$

откуда число c единицъ высшаго изъ порядковъ, составляющихъ остальную часть искомаго корня, снова представится послѣ опущенія членовъ низшихъ порядковъ какъ частное

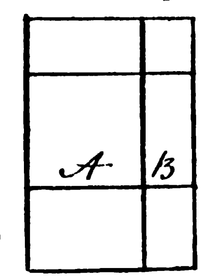
$$\frac{Q - f(a \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 00 + b \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 0)}{f'(a \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 00 + b \,.\, 10 \,.\,.\,.\, 0)}$$

и т. д.

Въ случаяхъ квадратныхъ уравненій Віета пришелъ къ своему методу посредствомъ изложеннаго имъ въ сочиненіи „Ad logisticen speciosam notae priores et posteriores“ [1]) распространенія способа гномона на выраженіе

$$(A + B)^2 + D(A + B).$$

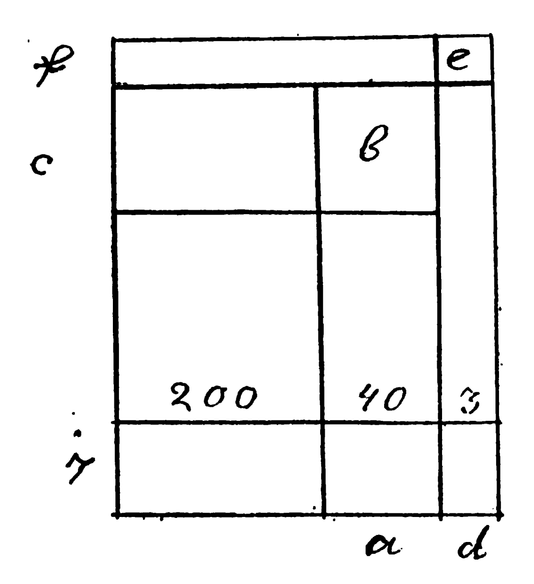
Это распространеніе достигалось черезъ увеличеніе квадрата, построеннаго на сторонѣ $A + B$, прямоугольникомъ, построеннымъ на той же сторонѣ и имѣющимъ другою стороною D. Для опредѣленія при помощи этого распространенія чиселъ единицъ послѣдовательныхъ порядковъ, составляющихъ корень одного изъ приводимыхъ Віетою уравненій

$$x^2 + 7\, x = 60750\ ^2),$$

можно поступать слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ приближенный квадратный корень изъ числа 60750 есть 246,

[1]) Opera mathematica. p. 13—41.
[2]) Ibidem. P. 174—175.

60750	
41400	
19350	4070
17880	4
1470	487
1470	3
—	

то число единицъ порядка сотенъ въ корнѣ разсматриваемаго уравненія, который долженъ быть менѣе 246, не можетъ превышать 2. Принимая это послѣднее число за попытку, находятъ, что она удачна, такъ какъ при повѣркѣ условіями вопроса получаемая разность между числомъ 60750 и двучленомъ $200^2 + 7.200 = 41400$ менѣе вычитаемаго. Сама по себѣ эта разность или число 19350 представляетъ, какъ не трудно видѣть, гномонъ adbecf. Отдѣляя отъ послѣдняго согласно съ указаніями метода постепеннаго образованія или составленія неизвѣстнаго числа по условіямъ вопроса гномонъ abc, въ которомъ стороною квадрата b было бы число десятковъ корня, находятъ, что попытки опредѣленія этого числа должны заключаться въ предѣлахъ 10 и 100. Если за исходную попытку принять низшій предѣлъ 10 и повѣрить ее условіями вопроса, т.-е. изъ числа 19350 вычесть число $2.200 \,.\, 10 + 100 + 70 = 4170$, доставляемое попыткою, то первое не окажется исчерпаннымъ до послѣдней степени возможности или, другими словами, въ остаткѣ (15180) не получится число меньшее вычитаемаго. Переходя къ слѣдующимъ попыткамъ 20, 30 и 40, находятъ, что условіе возможнаго исчерпанія числа 19350 осуществляется только при попыткѣ 40, какъ дающей въ остаткѣ отъ вычитанія $19350 - (2 \,.\, 200 \,.\, 40 + 1600 + 280)$ число 1470 меньшее вычитаемаго 17880. Сложный процессъ разсматриванія четырехъ послѣдовательныхъ попытокъ можетъ быть замѣненъ, какъ и при извлеченіи

квадратнаго корня, прямымъ опредѣленіемъ крайней или высшей изъ возможныхъ попытокъ посредствомъ дѣленія числа 19350 на сумму трехъ прямоугольниковъ гномона при попыткѣ 10, т.-е. на число 4070 или 407 . 10. Частное 4 отъ этого дѣленія и есть высшая возможная попытка опредѣленія числа десятковъ корня. Повѣренная условіями вопроса, она, по вышеизложенному, и дѣйствительно оказывается этимъ числомъ. По опредѣленіи стороны квадрата *b* въ гномонѣ *abc* или числа десятковъ корня, переходятъ къ опредѣленію числа единицъ послѣдняго или, другими словами, къ опредѣленію стороны квадрата *e* въ гномонѣ *def*, попытки опредѣленія которой будутъ заключаться, слѣдовательно, въ предѣлахъ 1 и 10. Слѣдуя тому же пути, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, находятъ искомое число или послѣдовательными попытками или дѣленіемъ послѣдняго остатка 1470, какъ представляющаго вполнѣ или большею своею частью гномонъ *def*, на сумму трехъ прямоугольниковъ этого гномона при попыткѣ единица, т.-е. на число $2 . 240 + 7 = 487$. Полученное частное 3, послѣ повѣрки условіями вопроса, оказывается дѣйствительно искомымъ числомъ, а происшедшее отъ соединенія сторонъ трехъ квадратовъ 200+40+3 число 243 точнымъ искомымъ корнемъ даннаго для рѣшенія квадратнаго уравненія.

Схематизируя изложенный процессъ, можно сказать, что, по опредѣленіи попытками цифры высшаго порядка корня [1]), каждая изъ слѣдующихъ его цифръ опредѣляется помощью двухъ операцій, изъ которыхъ первая представляется дѣленіемъ соотвѣтствующаго остатка на сумму площадей трехъ прямоугольниковъ разсматриваемаго гномона, вычисленныхъ при попыткѣ единица опредѣляемаго порядка, а вторая—слѣдующею затѣмъ повѣркою условіями вопроса полученнаго частнаго, какъ возможнаго числа единицъ разсматриваемаго порядка корня. Дѣлителемъ при дѣленіяхъ, составляющихъ первую операцію, является всегда, какъ не трудно видѣть, производная лѣвой части уравненія или f(x) при условіи замѣны въ ней *x* найденною его частью, взятою въ сопровожденіи столькихъ нулей, сколько содержится порядковъ въ ненайденной еще части корня.

Подобный же способъ вычисленія корня кубичнаго уравненія могъ быть найденъ Віетою или тѣмъ же путемъ, какъ и въ случаѣ квадратныхъ уравненій, т.-е. при помощи способа, аналогичнаго способу гномона, или алгебраически при помощи пріема, которымъ онъ поль-

[1]) Ея высшій предѣлъ указывается первою цифрою квадратнаго корня изъ извѣстнаго члена уравненія.

зовался въ случаяхъ уравненій 4-й, 5-й и 6-й степени. Этотъ пріемъ состоялъ въ замѣнѣ x въ разсматриваемомъ уравненіи суммою $x_1 + x_2 + x_3 + \ldots$, гдѣ $x_1, x_2, x_3, \ldots$ суть числа единицъ послѣдовательныхъ порядковъ корня. За замѣною слѣдовало согласованное съ нуждами обнаруженія искомаго правила расположеніе членовъ, полученныхъ въ результатѣ подстановки. Входить въ подробности этого пріема, какъ не имѣющаго непосредственнаго отношенія къ методу попытокъ, однако же нѣтъ цѣли.

На сколько математики новѣйшаго времени далеки отъ пониманія и знанія методовъ, употребленныхъ Віетою въ разсматриваемомъ случаѣ, можно видѣть, во-первыхъ, изъ относящихся къ соотвѣтствующему мѣсту рѣшенія вышеприведеннаго квадратнаго уравненія словъ М. Кантора, что отъ дѣленія 19350 на 407 получается $x_2 = 40$ [1]), и, во-вторыхъ, изъ отзыва Максимиліана Мари о сочиненіи Віеты, посвященномъ разсматриваемому предмету, „какъ о безплодной попыткѣ рѣшенія уравненія всякой степени съ численными коэффиціентами“ [2]).

Простыя задачи съ условіями, прямо указывающими, какія дѣйствія должны быть произведены надъ данными числами для опредѣленія неизвѣстнаго, приводятъ непосредственно *къ выраженію неизвѣстнаго въ данныхъ задачи при помощи указываемыхъ дѣйствій.* Методъ выраженія числа въ другихъ числахъ является, слѣдовательно, для такихъ задачъ естественнымъ методомъ ихъ рѣшенія, какъ доставляемаго имъ непосредственно. Въ виду этого обстоятельства даже мысль о возможности искусственнаго, а потому и неудобнаго, примѣненія метода попытокъ къ задачамъ разсматриваемаго рода едва ли можетъ зародиться въ умѣ обыкновеннаго дюжиннаго счетчика. Что же касается недюжиннаго, то, и придя къ мысли о возможности упомянутаго примѣненія метода попытокъ, онъ очень скоро убѣдится или путемъ умозрѣнія, или черезъ непосредственное испытаніе на практикѣ, въ неудобствахъ и порождающей ихъ искусственности подобнаго примѣненія.

Какъ на задачи разсматриваемаго рода изъ числа предложенныхъ Ивану Петрову совѣтомъ Костромской гимназіи можно указать на слѣдующія. „Черезъ 15 лѣтъ мнѣ будетъ столько же лѣтъ, сколько теперь брату моему. Который же ему годъ, если мнѣ 14 лѣтъ“? „Купецъ, продавши нѣкоторый товаръ за 4.548 рублей, имѣлъ отъ

[1]) Vorlesungen über Geschichte der Mathematik. II. S. 588.

[2]) Histoire des sciences mathématiques et physiques. III. P. 61.

продажи убытку 452 рубля. Сколько стоитъ товаръ"? „Найти число, къ которому надлежитъ прибавить 3456, чтобы получить 10000".

Условіе первой задачи, показывающее, что братъ говорящаго старше его на 15 лѣтъ, даетъ выраженіе неизвѣстнаго въ данныхъ задачею числахъ въ видѣ формулы 14 + 15. Условіе второй задачи, свидѣтельствующее о продажѣ товара на 452 рубля ниже его настоящей стоимости, представляетъ неизвѣстное формулою 4548 + 452. Наконецъ, условіе третьей задачи, показывающее, что искомое число должно быть на 3456 менѣе другого даннаго числа, приводитъ къ сообщенію выраженію неизвѣстнаго вида 10000—3456.

Такъ какъ рѣшаемыя непосредственно задачи должны были вслѣдствіе своей простоты представиться счетчикамъ отдаленныхъ эпохъ на много времени ранѣе задачъ, не рѣшаемыхъ непосредственно, то и начало употребленія метода выраженія числа въ другихъ числахъ должно быть отнесено къ несравненно болѣе раннему времени, чѣмъ начало употребленія метода попытокъ. Если же принять во вниманіе образованіе въ человѣчествѣ послѣдовательныхъ числовыхъ представленій, то древность введенія въ употребленіе метода выраженія числа въ другихъ числахъ придется отодвинуть еще далѣе назадъ къ первымъ временамъ развитія счисленія. Дѣйствительно, выдѣленіе всякаго новаго числового представленія изъ неопредѣленнаго представленія множества могло считаться состоявшимся только послѣ выясненія передъ человѣческимъ сознаніемъ процесса происхожденія этого представленія отъ предыдущаго черезъ прибавленіе къ выражаемому имъ числу единицы или, что то же самое, черезъ выраженіе новаго числа въ видѣ суммы предыдущаго и единицы.

Далеко превосходя такимъ образомъ методъ попытокъ по древности употребленія, методъ выраженія числа въ другихъ числахъ превосходилъ его также и въ обширности распространенія. Дѣйствительно, исключительно употребляемый вездѣ, гдѣ только представлялось возможнымъ не прибѣгать къ методу попытокъ, онъ постоянно сопровождалъ этотъ методъ, представляясь въ формѣ повѣрки попытокъ условіями вопроса. Результатомъ такой повѣрки всегда является, какъ не трудно видѣть, выраженіе числа, соотвѣтствующаго одному изъ данныхъ задачи, въ другихъ числахъ, и именно въ представляющихъ попытку и всѣ или нѣкоторыя изъ другихъ данныхъ задачи. Что же касается извѣстной намъ высшей формы метода попытокъ, то она не только очень часто пользовалась для своихъ цѣлей въ болѣе или менѣе обширныхъ размѣрахъ методомъ выраженія числа въ другихъ

числахъ, но иногда и прямо переходила въ него, какъ мы это уже имѣли случай наблюдать на позднѣйшей формѣ правила двухъ ложныхъ положеній. При такомъ широкомъ распространеніи метода выраженія числа въ другихъ числахъ его важное характеристическое преимущество надъ методомъ попытокъ, состоящее въ полной опредѣленности и строгой ограниченности процессовъ рѣшенія и въ доставляемой этимъ счетчику твердой увѣренности въ достиженіи цѣли, могло быть признано и оцѣнено весьма рано, хотя въ началѣ конечно и безсознательнымъ образомъ. Вмѣстѣ съ признаніемъ указаннаго преимущества должно было естественно развиваться и стремленіе къ возможному расширенію его приложеній, къ введенію въ область послѣднихъ возможно бóльшаго числа вопросовъ изъ рѣшаемыхъ обыкновенно методомъ попытокъ. Замѣчательно, что существовали цѣлые виды задачъ, въ которыхъ методъ попытокъ былъ поставленъ въ необходимость обнаруживать самымъ нагляднымъ образомъ превосходство надъ нимъ метода выраженія числа въ другихъ числахъ. Къ числу этихъ видовъ задачъ принадлежали, напримѣръ, задачи на тройныя правила. Для подтвержденія сказаннаго непосредственнымъ наблюденіемъ достаточно взять слѣдующую изъ задачъ этого рода, предложенную Ивану Петрову совѣтомъ Костромской гимназіи: „Въ извѣстное время 12 человѣкъ употребили на содержаніе свое 136 руб.; сколько издержатъ въ такое же время 69 человѣкъ“? Рѣшаемая по методу попытокъ, она требуетъ для повѣрки даннаго попыткою числа опредѣлить по этому числу через дѣленіе его на 69 количество денегъ, издерживаемыхъ однимъ человѣкомъ, а потомъ черезъ умноженіе этого количества денегъ на 12 найти число, соотвѣтствующее данному въ задачѣ числу 136 рублей. Подобнымъ же процессомъ опредѣленія при посредствѣ дѣленія 136 на 12 количества денегъ, издерживаемыхъ однимъ человѣкомъ, и слѣдующаго затѣмъ нахожденія искомаго числа черезъ умноженіе полученнаго количества денегъ на 69 рѣшается разсматриваемая задача и при употребленіи метода выраженія числа въ другихъ числахъ. Но какая значительная разница въ результатахъ. Въ то время какъ послѣдній методъ даетъ окончательное рѣшеніе задачи, методъ попытокъ, свидѣтельствуя о неудачѣ сдѣланной попытки, въ общемъ случаѣ только сближаетъ предѣлы слѣдующихъ попытокъ.

В. В. Бобынинъ.

РАЗНОГЛАСІЕ ВЪ ШКОЛѢ НОВАГО ЭМПИРИЗМА ПО ВОПРОСУ ОБЪ ИСТИНАХЪ САМООЧЕВИДНЫХЪ [1]).

Научное сознаніе въ своемъ отношеніи къ положеніямъ, которыя по эмпиризму должны считаться за результаты неразрывной ассоціаціи, фактически оказывается послѣдовательнѣе, чѣмъ это можно предположить съ перваго взгляда.

Если оно, встрѣчаясь съ недоумѣніемъ, касающимся того или другого изъ необходимо мыслимыхъ положеній, принуждено искать и фактически ищетъ разрѣшенія коллизіи въ методическомъ изслѣдованіи, то это еще не значитъ, что оно въ этомъ случаѣ обращается къ методическому изслѣдованію въ той его формѣ, въ какой это изслѣдованіе должно бы было примѣняться, когда бы обращались къ нему при каждомъ необходимо мыслимомъ положеніи, одинаково какъ не вызывающемъ никакихъ недоумѣній такъ и вызывающемъ ихъ. При возникновеніи въ сознаніи коллизіи непосредственною цѣлію изслѣдованія ставится разрѣшеніе самой этой коллизіи; а поэтому и положеніе, вызвавшее недоумѣніе, разсматривается въ связи съ возникшимъ недоумѣніемъ, въ своемъ отношеніи къ этому недоумѣнію. Конечно, всѣ относящіеся сюда частные процессы могутъ быть, съ точки зрѣнія эмпиризма, только процессами, имѣющими свое основаніе въ опытѣ, сводящимися къ фактамъ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы они представляли собою непремѣнно тотъ всесторонній, возможно полный пересмотръ огромнаго количества разнообразнѣйшихъ фактовъ, стоящихъ частію въ прямой, частію въ косвенной связи съ возбудив-

---

[1]) *Продолженіе.* См. декабрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1904 годъ.

шимъ сомнѣніе положеніемъ, какимъ они по необходимости должны бы были оказаться, когда было бы сочтено обязательнымъ методически доказывать всякое необходимо мыслимое положеніе безъ всякаго спеціальнаго повода, т. е. безъ всякаго указанія на его дѣйствительную или предполагаемую несостоятельность. Коллизія мысли, которая, какъ понятно само собою, возможна только подъ условіемъ того, что въ познавательные процессы вкралось какое либо ошибочное обобщеніе или ошибочное истолкованіе фактовъ, естественно должна вызывать для своего разрѣшенія предположенія о томъ, въ чемъ именно могла бы состоять и какимъ путемъ могла бы быть констатируема эта скрывающаяся отъ сознанія ошибка. И такъ какъ задача изслѣдованія при такихъ условіяхъ естественно сводится къ провѣркѣ этихъ возникающихъ въ мысли предположеній, то пересмотръ громадной массы изъ тѣхъ фактовъ, которые всѣ одинаково должны бы были претендовать на значеніе при изслѣдованіи, не имѣющемъ никакихъ спеціальныхъ поводовъ, дѣлается совершенно излишнимъ; именно сама собою отпадаетъ вся та масса ихъ, которая не представляется цѣнной для провѣрки того или другого предположенія относительно возможнаго разрѣшенія коллизіи. Мысль обращается исключительно къ фактамъ и результатамъ опыта, относящимся только къ тѣмъ сторонамъ изслѣдуемаго положенія, которыхъ касаются коллизія и предположеніе объ ея разрѣшеніи; и сообразуясь съ своею спеціальною задачей изслѣдователь можетъ оказаться вынужденнымъ и среди этихъ фактовъ и результатовъ опыта выдвигать на передній планъ то, что могло бы при отсутствіи возникшаго недоумѣнія вовсе не останавливать на себѣ его вниманія, и искать такихъ наблюденій, совершать такіе эксперименты, въ которыхъ могло бы не предвидѣться никакой нужды для твердой методической установки положенія, пока оно не возбуждало опредѣленнаго недоумѣнія.

Лобачевскій не ставилъ и не имѣлъ никакой нужды ставить для себя задачей пересмотръ безчисленныхъ фактовъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ аксіомѣ параллелей, когда значеніе этой аксіомы для нашего пространства возбудило его недоумѣніе; въ виду предположенія, которое, по изслѣдованіи свойствъ пространства, не подчиняющагося этой аксіомѣ, оказалось возможнымъ сдѣлать о затрудненіяхъ точно констатировать на обычныхъ наблюденіяхъ отношеніе аксіомы къ свойствамъ нашего пространства, онъ привлекъ къ разрѣшенію вопроса о значеніи ея для этого пространства большіе астрономическіе треугольники. Несогласіе результатовъ астрономиче-

скихъ наблюденій при точномъ опредѣленіи прохода звѣздъ черезъ меридіанъ не вызвало пересмотра безчисленныхъ и безконечно разнообразныхъ фактовъ, способныхъ оправдывать общее положеніе о соотвѣтствіи временнаго порядка ощущеній временному порядку раздраженій, производимыхъ внѣшними предметами въ органахъ нашихъ чувствъ, а повело къ экспериментамъ, задачей которыхъ было разъяснить вопросъ о затрудненіяхъ точно констатировать объективное время восприятія двухъ одновременно подѣйствовавшихъ на наши органы разнородныхъ впечатлѣній. То же, конечно mutandis mutatis, приложимо и ко всѣмъ другимъ случаямъ изслѣдованій, возбуждаемыхъ коллизіями мысли.

Такимъ образомъ оказывается, что въ практикѣ научнаго сознанія при недоумѣніяхъ, касающихся положеній, которыя, по послѣдовательно проведенному ученію эмпиризма о происхожденіи необходимой мыслимости, должны быть отнесены къ необходимо мыслимымъ положеніямъ, методическое изслѣдованіе примѣняется такое, которое по своему направленію и характеру прямо и сполна опредѣляется недоумѣніемъ и возникающей изъ него коллизіей мысли и которое, слѣдовательно, возможно исключительно только въ случаѣ возникновенія недоумѣнія.

Этотъ фактъ имѣетъ большую важность. Мы знаемъ, что примѣненіе методическаго изслѣдованія къ необходимо мыслимымъ положеніямъ при возникновеніи недоумѣній оказывалось въ практикѣ научнаго сознанія очень плодотворнымъ; именно соединенная съ этимъ изслѣдованіемъ возможность отыскивать путемъ активнаго наблюденія и экспериментаціи новые факты для провѣрки положеній оказывалась содѣйствующею болѣе точной установкѣ сужденія, чѣмъ какую получаетъ оно при посредствѣ ассоціативнаго процесса. Предположимъ же теперь, что методическое изслѣдованіе въ этихъ случаяхъ примѣнялось бы сознаніемъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ одинаково оно могло бы примѣняться къ этимъ необходимо мыслимымъ положеніямъ и до встрѣчи ихъ съ недоумѣніями. Въ такомъ случаѣ какимъ образомъ можно бы было оправдывать научное сознаніе въ томъ, что оно прибѣгаетъ къ болѣе строгой провѣркѣ необходимо мыслимыхъ положеній только будучи вынуждено къ тому возникшими недоумѣніями, а не старается съ помощію того же болѣе строгаго метода предупредить возможность случайной встрѣчи въ будущемъ съ этими недоумѣніями? Но если, какъ мы видимъ, то плодотворное методическое изслѣдованіе необходимо мыслимыхъ истинъ,

которое примѣняется научнымъ сознаніемъ къ нимъ при возникающихъ недоумѣніяхъ, оказывается сполна по своему характеру опредѣляемымъ самыми этими недоумѣніями, то во всякомъ случаѣ остается мѣсто вопросу: не зависитъ ли его плодотворность при фактическомъ примѣненіи къ необходимо мыслимымъ положеніямъ именно отъ того обстоятельства, что оно опредѣляется недоумѣніями?

Когда мы съ точки зрѣнія эмпиризма хотимъ разсуждать объ условіяхъ разрушенія вѣры въ тѣ или другія ранѣе возбуждавшія эту вѣру положенія, то, конечно, послѣднее условіе такого рода перемѣнъ во взглядахъ мы должны видѣть всецѣло въ расширеніи нашего опыта. Но разрушается наша вѣра въ то или другое положеніе вслѣдствіе расширенія нашего опыта не въ томъ только случаѣ, когда въ сферу этого опыта,—все равно при нашемъ активномъ содѣйствіи или безъ него,—входятъ такіе новые факты или результаты опыта, которые оказываются несовмѣстимыми съ этими положеніями съ точки зрѣнія несознательно подразумѣвающихся въ нашей познавательной дѣятельности предположеній о томъ, какія явленія пригодны для повѣрки этого положенія и при какихъ условіяхъ они должны быть признаны отрицательными противъ него инстанціями; она разрушается точно также и въ томъ случаѣ, когда подъ вліяніемъ также, конечно, новыхъ фактовъ или результатовъ опыта измѣняются самыя эти подразумѣвающіяся при нашихъ познавательныхъ процессахъ и руководящія ими предположенія. Вѣдь можетъ случиться и фактически, какъ увидимъ далѣе, бываетъ, что подъ вліяніемъ новыхъ свѣдѣній такія явленія, которыя ранѣе совсѣмъ не разсматривались нашимъ сознаніемъ какъ пригодныя къ обсужденію достовѣрности извѣстнаго положенія, оказываются пригодными для этой цѣли и превращаются въ отрицательныя инстанціи противъ него, или также явленія, привлекавшіяся нами для подтвержденія этого положенія, получая новое истолкованіе, оказываются непригодными для этой цѣли и даже могутъ быть признаны прямо стоящими въ антагонизмѣ съ этимъ положеніемъ. И во всѣхъ случаяхъ, гдѣ обнаруженіе несостоятельности извѣстнаго положенія зависитъ отъ пріобрѣтенія такого рода свѣдѣній, которыя или даютъ возможность привлечь къ обсужденію его явленія, ранѣе не казавшіяся пригодными для этой цѣли, или устанавливаютъ новое толкованіе явленія, уже привлекавшагося къ этому обсужденію,—во всѣхъ этихъ случаяхъ методическое изслѣдованіе этого положенія, предпринятое до пріобрѣтенія этихъ свѣдѣній, должно, конечно, оказаться совершенно безполезнымъ для обнаруженія его не-

состоятельности. Вѣдь требуя методическаго обоснованія положенія, мы требуемъ, если дѣло идетъ объ обоснованіи положенія на частныхъ фактахъ, во-первыхъ, активнаго вызова въ сознаніе возможно большаго количества разнообразнѣйшихъ явленій, на которыхъ прямо или косвенно могла бы обнаружиться его истинность или ложность, во-вторыхъ, разсмотрѣнія согласія или несогласія ихъ съ этимъ положеніемъ. Но если для преднамѣреннаго вызова въ сознаніе тѣхъ именно явленій, на которыхъ можетъ обнаружиться несостоятельность его, нужно предварительное существованіе въ нашемъ сознаніи тѣхъ опытныхъ свѣдѣній, которыя указываютъ на связь этихъ явленій съ положеніемъ, т. е. при которыхъ единственно они могутъ быть сочтены сознаніемъ пригодными для методическаго его изслѣдованія, то, очевидно, эти явленія не будутъ привлечены сознаніемъ къ этому изслѣдованію, если эти свѣдѣнія не пріобрѣтены уже до изслѣдованія. Точно также, если для правильнаго усмотрѣнія согласія или несогласія съ положеніемъ тѣхъ явленій, на которыхъ должна раскрыться его несостоятельность, нужно уже предварительное существованіе тѣхъ свѣдѣній, которыя нужны для правильнаго истолкованія этихъ явленій и безъ которыхъ сознаніе должно съ роковою необходимостью приписывать имъ при сопоставленіи ихъ съ положеніемъ не принадлежащее имъ значеніе, то, очевидно, безъ этихъ свѣдѣній они для сознанія при разсмотрѣніи этого положенія не получатъ дѣйствительно принадлежащаго имъ значенія отрицательныхъ въ отношеніи къ нему инстанцій.

Отсюда слѣдуетъ, что, если при методическомъ изслѣдованіи какого бы то ни было положенія никогда не исчезаетъ возможность ставить въ соотношеніе съ нимъ такія комбинаціи результатовъ предшествующаго опыта и такіе факты, которые въ предшествующемъ опытѣ или съ нимъ не сопоставлялись или вовсе не являлись передъ сознаніемъ, то плодотворность такой провѣрки претендующихъ на достовѣрность и тѣмъ не менѣе ошибочныхъ положеній, т. е. возможность обнаружить такимъ путемъ отрицательныя противъ нихъ инстанціи, не встрѣчающіяся въ обычномъ опытѣ, имѣетъ свою строго очерченную границу. Она распространяется лишь на тѣ случаи, гдѣ представляемый предшествующимъ уже пережитымъ опытомъ матеріалъ оказывается недостаточнымъ для критической провѣрки этихъ положеній съ точки зрѣнія укоренившихся въ сознаніи и руководящихъ изслѣдованіемъ предположеній, и никакъ не простирается на случаи, гдѣ этотъ матеріалъ оказался бы недостаточнымъ для

обнаруженія ограниченности или односторонности самыхъ этихъ предположеній.

Если отъ этихъ предварительныхъ общихъ разъясненій мы обратимся къ фактически происходившимъ въ исторіи научнаго сознанія случаямъ разрушенія вѣры въ такія положенія, которыя при послѣдовательномъ развитіи эмпиристическаго взгляда на происхожденіе необходимой мыслимости должны считаться имѣвшими въ свое время значеніе необходимо мыслимыхъ положеній, то не можемъ не замѣтить слѣдующаго факта. Отрицательныя инстанціи, впервые возбуждавшія мысль о несостоятельности этихъ положеній, относились обыкновенно къ такимъ явленіямъ, которыя требовали предварительныхъ особыхъ свѣдѣній или для того, чтобы сознаніе имѣло возможность привлечь ихъ къ изслѣдованію этихъ положеній, или для того, чтобы сознаніе оказалось способнымъ дать имъ наиболѣе правильное толкованіе, при которомъ они перестали бы имѣть придававшееся имъ ранѣе значеніе инстанцій положительныхъ или даже превратились бы прямо въ инстанціи отрицательныя.

Въ самомъ дѣлѣ до болѣе тщательнаго изученія неправильностей видимаго движенія планетъ по небосклону тѣ неправильности этого движенія, которыя легко бросаются въ глаза и замѣчались уже въ глубокой древности, не могли возбуждать мысли о значеніи наблюдаемыхъ особенностей въ движеніи планетъ для рѣшенія вопроса о геоцентрическомъ міровоззрѣніи, которое внушалось всею совокупностью постоянно существующихъ въ наблюденіи фактовъ. И только постепенно болѣе и болѣе точное ознакомленіе съ этими движеніями и притомъ лишь въ высокой степени проницательному уму могло внушить самое предположеніе о значеніи отчетливаго представленія о нихъ для рѣшенія вопроса о пространственномъ положеніи земли во вселенной, превращая ихъ въ то же время въ сильную отрицательную инстанцію противъ геоцентрической теоріи. Точно также постоянно наблюдаемые факты постепеннаго уменьшенія скорости всякаго движенія, отвнѣ сообщаемаго тѣламъ, до болѣе точнаго ознакомленія съ условіями этого уменьшенія скорости невольно должны были вызывать мысль о постепенномъ естественномъ расходованіи и истощеніи каждой отъ внѣ сообщенной тѣлу силы вслѣдствіе самаго продолженія ея дѣятельности. А безчисленное повтореніе подобнаго рода фактовъ, которые при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ какъ пассивно наблюдаются нами, такъ и производятся нашею самодѣятельностью, должно было давать этой мысли самую высокую степень ассо-

ціативной неразрывности, а слѣдовательно съ точки зрѣнія эмпиризма и необходимую мыслимость. И, конечно, нужно было предварительное, совершавшееся независимо отъ процессовъ, воспитывавшихъ убѣжденіе въ этой мысли, болѣе точное ознакомленіе съ условіями постепеннаго умаленія скорости движеній, отвнѣ сообщаемыхъ тѣламъ, для того, чтобы могло возникнуть самое предположеніе о возможности объяснять это умаленіе во всѣхъ случаяхъ исключительно препятствіями, которыя выведенное отвнѣ изъ своего покоя тѣло встрѣчаетъ на своемъ пути. А для того, чтобы была твердо высказана и принята аксіома инерціи въ той ея послѣдовательности, въ которой она противорѣчитъ этой ассоціаціи и не допускаетъ никакого измѣненія въ движеніи, отвнѣ сообщенномъ тѣлу, безъ особыхъ внѣшнихъ причинъ, слѣдовательно для того, чтобы безчисленные факты, которыми закрѣплялась ассоціація, рѣшительно превратились для сознанія изъ инстанцій положительныхъ въ инстанціи отрицательныя, нуженъ былъ особый чрезвычайный поводъ. Для этого нужно было, чтобы Галилеемъ съ различныхъ сторонъ поколеблена была динамика древнихъ и научное сознаніе съ усиліемъ искало какъ принципіальныхъ ошибокъ, отъ которыхъ зависѣли недостатки этой динамики, такъ и новыхъ общихъ началъ, къ которымъ могли бы быть сведены и изъ которыхъ могли бы быть разъяснены устанавливавшіяся теперь новыя положенія. Подобнымъ же образомъ при той постановкѣ цвѣтовъ, звуковъ и пр., какую получаютъ они въ нашемъ непосредственномъ сознаніи, отъ какихъ бы причинъ она ни происходила, несомнѣнно, что эти качественности созерцаются нами въ самомъ процессѣ воспріятія какъ внѣшнія сознанію свойства независимыхъ отъ сознанія предметовъ. И, конечно, до тѣхъ поръ, пока не скопились въ сознаніи факты, указывающіе на условность и относительность нашихъ воспріятій, для сознанія не можетъ существовать даже и вопроса о томъ, не имѣемъ ли мы въ этихъ качественностяхъ не свойства внѣшнихъ сознанію предметовъ, а наши ощущенія, и каждый актъ внѣшняго воспріятія по необходимости во все это время долженъ разсматриваться какъ прямое и непосредственное констатированіе внѣшняго бытія и притомъ внѣшняго бытія съ такими свойствами, съ какими дано оно въ человѣческомъ воспріятіи. Или возьмемъ еще одинъ примѣръ. Для общаго сознанія возникновеніе воспріятія какъ объективнаго акта всегда есть непосредственное послѣдующее соотвѣтствующаго объективнаго внѣшняго вліянія на органъ подъ условіемъ лишь вниманія. А поэтому моментъ одновременнаго воспріятія двухъ ка-

чественностей самъ собою неминуемо ставится какъ непосредственно слѣдующій за объективнымъ моментомъ органическихъ впечатлѣній, обусловливающихъ воспріятіе этихъ качественностей, и слѣдовательно какъ наиболѣе непосредственное указаніе на послѣдній, т. е. какъ такое свидѣтельство о немъ, которое должно лежать въ основаніи всякой нашей оцѣнки времени этихъ органическихъ впечатлѣній. И, конечно, только обнаружившееся несогласіе въ результатахъ астрономическихъ наблюденій, обыкновенно обставленныхъ условіями, особенно благопріятствующими ихъ наибольшей точности, могло заставить мысль обратить вниманіе на предположенія, подразумѣвавшіяся при такой оцѣнкѣ, и поставить вопросъ объ ихъ правильности.

Если тѣ факты или комбинаціи результатовъ расширяющагося опыта, которые, видоизмѣняя самыя наши руководящія методическими изслѣдованіями предположенія, вмѣстѣ съ тѣмъ открываютъ возможность устанавливать отрицательныя инстанціи противъ того или другого изъ необходимо мыслимыхъ положеній, не всегда являются въ сознаніи сразу въ такомъ видѣ, при которомъ они тотчасъ же могли бы явно, вслѣдствіе самой конституціи нашей познавательной способности, получить значеніе дѣйствительныхъ отрицательныхъ инстанцій, то это все же ничего не измѣняетъ въ нашемъ вопросѣ. Несомнѣнно, конечно, что этого рода факты и комбинаціи результатовъ опыта нерѣдко являются впервые въ такомъ видѣ, что способны только въ мысли болѣе проницательнаго изслѣдователя возбуждать и сначала даже только простое предположеніе о возможности при дальнѣйшемъ методическомъ изслѣдованіи установить съ ихъ помощью отрицательную инстанцію противъ извѣстнаго необходимо мыслимаго положенія; несомнѣнно также, что они въ такомъ случаѣ могутъ служить стимуломъ для такого подготовительнаго обслѣдованія ихъ самихъ въ опредѣленномъ направленіи, которое должно повести или къ признанію несостоятельности самого сдѣланнаго предположенія, или къ твердой установкѣ предвидимой отрицательной инстанціи. Но если этимъ подготовительнымъ обслѣдованіемъ руководитъ предваряющее и вызывающее его предположеніе о возможности при извѣстныхъ дополнительныхъ условіяхъ получить отрицательную инстанцію противъ опредѣленнаго необходимо мыслимаго положенія, то объ этомъ изслѣдованіи уже нельзя утверждать, что оно не предваряется недоумѣніемъ. Вѣдь самое это предположеніе о возможности при извѣстныхъ дополнительныхъ условіяхъ получить отрицательную инстанцію противъ опредѣленнаго необходимо мыслимаго положенія есть, конечно,

недоумѣніе, которое касается этого положенія. Отъ вполнѣ опредѣленной отрицательной инстанціи оно отличается лишь тѣмъ, что, пока оно съ помощью вызваннаго имъ познавательнаго процесса не получило видъ серьезно обоснованной отрицательной инстанціи, оно можетъ имѣть значеніе лишь для того или другого частнаго, а не для общаго научнаго сознанія, и если бы оказалось неспособнымъ получить это обоснованіе, то и закончило бы свое существованіе въ этомъ частномъ сознаніи, какъ это, можно думать, и не разъ случалось съ сложными, но неудачными реформаторскими концепціями людей въ области научнаго знанія. Съ другой стороны для возникновенія самого этого предположенія о возможномъ недоумѣніи противъ опредѣленнаго необходимо мыслимаго положенія, конечно, необходимо наличное существованіе въ сознаніи фактовъ или опредѣленныхъ комбинацій результатовъ опыта, способныхъ вызвать его въ мысли проницательнаго изслѣдователя. Но вѣдь у насъ рѣчь идетъ о такомъ предположеніи, которое, направляясь противъ подразумѣвающихся при методическомъ изслѣдованіи извѣстнаго необходимо мыслимаго положенія понятій, впервые открываетъ возможность для этихъ фактовъ или результатовъ опыта получить значеніе при критической повѣркѣ этого положенія; а поэтому въ образованіи его никакой методическій обзоръ матеріала, по необходимости совершающійся, до возникновенія этого предположенія, подъ руководствомъ этихъ самыхъ подразумѣвающихся понятій, очевидно, дѣлу не поможетъ. И все дѣло здѣсь зависитъ исключительно отъ той чрезвычайной проницательности мысли, которая дѣлаетъ изслѣдователя способнымъ при встрѣчѣ съ опредѣленными фактами или результатами опыта предощутить возможное при тѣхъ или другихъ дополнительныхъ условіяхъ значеніе ихъ для критической оцѣнки, повидимому, твердо и окончательно установившихся положеній. Подмѣченное несогласіе результатовъ наблюденій ассистента надъ временемъ прохожденія звѣздъ черезъ меридіанъ съ результатами другихъ наблюденій было для одного астронома лишь основаніемъ уволить этого ассистента за его неспособность къ точнымъ наблюденіямъ, а у другого оно возбудило вопросъ о возможности объяснить это несогласіе изъ такихъ основаній, которыя не лежали въ кругозорѣ обычныхъ понятій, и побудило его къ опытной провѣркѣ того, какъ часты и насколько случайны подобныя разногласія въ результатахъ астрономическихъ наблюденій; а въ послѣдствіи въ области психологіи это повело къ экспериментальнымъ изслѣдованіямъ по вопросу, который обычнымъ сознаніемъ ошибочно предрѣшался въ опредѣленномъ смыслѣ

подъ вліяніемъ безсознательно подразумѣвавшихся ошибочныхъ предположеній. Достаточно изученныя неправильности въ видимомъ движеніи планетъ по небосклону могли возбудить у другихъ астрономовъ только удивленіе и сознаніе трудности сдѣлать для науки понятными эти движенія; а въ умѣ Коперника онѣ возбудили предположеніе о возможной ошибочности того общаго міропредставленія, при которомъ онѣ оказываются необъяснимыми неправильностями, и поставили вопросъ о такомъ міропредставленіи, при которомъ они сдѣлались бы совершенно понятными, что и повело къ установленію геліоцентрическаго міровоззрѣнія.

Такимъ образомъ оказывается, что опытъ прошедшей жизни научнаго сознанія, который по эмпиризму и долженъ служить послѣднимъ основаніемъ постепеннаго возвышенія требованій отъ достовѣрнаго знанія, долженъ былъ воспитывать въ научномъ сознаніи, а съ точки зрѣнія эмпиризма и оправдывать убѣжденіе въ томъ, что задержка обнаруженія несостоятельности того или другого изъ достигающихъ необходимой мыслимости и все же ошибочныхъ положеній зависитъ не отъ недостатка такого матеріала для ихъ провѣрки, который могъ бы быть восполненъ методическимъ изслѣдованіемъ самыхъ этихъ положеній, а отъ недостатка такого матеріала, который, предупреждая это ихъ изслѣдованіе, обнаруживалъ бы скрытую для сознанія ограниченность или односторонность предположеній, невольно и незамѣтно для сознанія руководящихъ самымъ этимъ изслѣдованіемъ.

И это убѣжденіе во всякомъ случаѣ достаточно согласовалось бы и съ ученіемъ эмпиризма о происхожденіи необходимой мыслимости. Если изъ той мысли, что условіемъ для образованія необходимой мыслимости служатъ безконечно частыя и происходившія въ продолженіи долгихъ періодовъ встрѣчи сознанія при безконечно разнообразныхъ обстоятельствахъ съ явленіями, на которыхъ можетъ происходить повѣрка положенія, слишкомъ поспѣшно было бы выводить, что необходимо мыслимое положеніе совсѣмъ не можетъ оказаться ошибочнымъ, то все же это условіе образованія необходимой мыслимости даетъ основаніе предполагать, что возможная несостоятельность положенія, достигшаго необходимой мыслимости, должна съ наибольшею вѣроятностію зависѣть не отъ недостатка количества и разнообразія матеріала, на которомъ могло бы провѣряться это сужденіе съ точки зрѣнія укоренившихся въ сознаніи и руководящихъ при образованіи вѣры въ него предположеній, а отъ ограниченности или односторонности самихъ этихъ предположеній.

При такомъ разъясненіи неплодотворности методическаго изслѣдованія необходимо мыслимаго положенія въ томъ случаѣ, когда это положеніе не возбуждаетъ никакого недоумѣнія, никакъ не устраняется возможность понять фактическую плодотворность его въ томъ случаѣ, когда оно имѣетъ дѣло съ необходимо мыслимымъ положеніемъ, возбудившимъ серьезно мотивированныя недоумѣнія. Если эти недоумѣнія дѣйствительно видоизмѣняютъ или по крайней мѣрѣ грозятъ видоизмѣнить предположенія, которыя должны руководить сознаніемъ при познавательномъ процессѣ, направленномъ на эти положенія, то тѣмъ самымъ они должны давать сознанію поводъ въ вопросѣ, разрѣшаемомъ этимъ положеніемъ, открывать новыя стороны, которыя ранѣе оно усматривать не могло и для разъясненія которыхъ матеріалъ, представляемый обычною жизнію сознанія, не только можетъ, но и долженъ оказаться вовсе не даннымъ въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ онъ долженъ былъ представляться даннымъ, пока не измѣнялись руководящія предположенія; вѣдь въ противномъ случаѣ серьезной коллизіи для мысли и не могло бы возникнуть. Такимъ образомъ необходимо мыслимое сужденіе, встрѣтившееся съ серьезнымъ возраженіемъ, оказывается по какой либо сторонѣ своего содержанія въ томъ же самомъ положеніи, какое характеризуетъ всѣ сужденія, не имѣющія необходимой мыслимости и, слѣдовательно, совсѣмъ не предполагающія той чрезвычайной провѣрки своей достовѣрности, при которой должна признаваться излишней новая провѣрка ихъ путемъ методическаго изслѣдованія. Серьезныя недоумѣнія, съ которыми можетъ встрѣтиться то или другое необходимо мыслимое сужденіе, очевидно, съ точки зрѣнія послѣдовательно проведеннаго эмпиризма не только вопреки мнѣнію Спенсера должны законно считаться способными нарушать невозмутимый покой вѣры въ это сужденіе, но лишь они же впервые, вопреки мнѣнію Милля, должны открывать путь для плодотворнаго его методическаго изслѣдованія.

Но если только съ возникновеніемъ недоумѣнія для методическаго изслѣдованія необходимо мыслимаго положенія открывается возможность быть плодотворнымъ, то-есть способствовать обнаруженію возможной несостоятельности этого положенія, то это значитъ, что та полная и всесторонняя согласованность сужденія со всею совокупностію предшествующаго опыта, которая по послѣдовательно проведенному эмпиризму должна признаваться за необходимо мыслимымъ сужденіемъ, не вызывающимъ никакихъ недоумѣній, должна для этого эмпиризма имѣть значеніе наивысшей доступной человѣческому знанію

гарантіи достовѣрности, такъ какъ, очевидно, она предполагаетъ такую провѣрку сужденія опытомъ, къ которой ничего не можетъ прибавить никакое методическое изслѣдованіе этого положенія. Если эта достовѣрность, будучи не безусловной, можетъ при расширеніи опыта возбуждать сомнѣнія и если вновь добываемыя свѣдѣнія, способныя возбуждать эти сомнѣнія въ томъ или другомъ необходимо мыслимомъ положеніи, могутъ получаться даже и путемъ методическаго изслѣдованія (только не самаго этого положенія, а казавшихся не стоящими съ нимъ въ связи) различныхъ другихъ положеній [1]), то это нисколько не противорѣчитъ тому, что эта достовѣрность должна оставаться для знанія наивысшей доступной ему достовѣрностью. Эмпиризмъ, для котораго послѣднее основаніе всякаго положенія въ концѣ концовъ сводится къ фактамъ, абсолютно достовѣрныхъ положеній имѣть не можетъ: возможность встрѣтиться съ свѣдѣніями, способными стать въ антагонизмъ съ каждымъ положеніемъ, здѣсь всегда остается, какимъ бы путемъ оно ни было установлено; она можетъ исчезнуть только съ полнымъ, фактически никогда не выполнимымъ закончаніемъ опыта. Пріобрѣтаются ли эти свѣдѣнія случайно или путемъ методическаго изслѣдованія, обращеннаго на тѣ или другіе факты, это безразлично и доказываетъ только, что и необходимая мыслимость не обезпечиваетъ достовѣрности навсегда, т. е. въ отношеніи къ имѣющему послѣдовать въ будущемъ расширенію знанія. Но все это не касается вопроса о сравнительной достовѣрности того или другого способа убѣжденія для установки опредѣленной истины въ опредѣленный настоящій моментъ. Если эмпиристическая теорія знанія не хочетъ быть скептицизмомъ, а имѣетъ

---

[1]) Тѣ свѣдѣнія о движеніяхъ планетъ, напримѣръ, которыя, достигая большей и большей точности, установили такія неправильности въ этихъ движеніяхъ, которыя возбудили въ наукѣ мысль о несостоятельности укрѣпившагося въ сознаніи геоцентрическаго міровоззрѣнія, — эти свѣдѣнія, не нуждаясь ни въ какомъ сомнѣніи въ этомъ міровоззрѣніи, могли вестись какимъ угодно доступнымъ въ то время методическимъ путемъ изъ чистаго интереса точнѣйшаго ознакомленія съ самыми этими движеніями. Точно также и болѣе точное ознакомленіе съ препятствіями, которыя встрѣчаетъ на своемъ пути насильственно выведенное изъ покоя тѣло, равно какъ и поколебаніе нѣкоторыхъ изъ признававшихся ранѣе законовъ механики, подготовлявшія крушеніе вѣры въ естественную постепенную трату силы движенія, отвнѣ сообщеннаго тѣлу, вслѣдствіе самаго продолженія этого движенія, могли въ началѣ не имѣть никакого дѣла съ этой вѣрой; и это не исключало возможности, чтобы тѣ или другія изъ относящихся сюда свѣдѣній получались путемъ методическаго изслѣдованія, руководимаго простымъ стремленіемъ точнѣе ознакомиться съ различными фактами.

цѣлію оправдать существующее знаніе, она должна довольствоваться относительнымъ критеріемъ и принимать за критерій ту наивысшую гарантію достовѣрности, которой можетъ фактически пользоваться сознаніе въ каждый опредѣленный моментъ при оцѣнкѣ и установкѣ положеній. А въ такомъ случаѣ необходимая мыслимость положенія, не вызывающая никакихъ недоумѣній, какъ сказано, является наивысшей гарантіей, къ которой ничего не можетъ прибавить методическое его изслѣдованіе. Если же это такъ, то самому методическому изслѣдованію остается быть способомъ установки лишь такихъ положеній, которыя или по условіямъ общей жизни сознанія не могутъ достигнуть необходимой мыслимости или вслѣдствіе возникшихъ недоумѣній потеряли права опираться на пріобрѣтенную ими необходимую мыслимость какъ на свидѣтельство той полной и всесторонней согласованности своей со всею совокупностью прошедшаго опыта, которой она можетъ служить представительницей только при отсутствіи этихъ недоумѣній. А такъ какъ отличіе научныхъ истинъ отъ простыхъ мнѣній именно и состоитъ въ томъ, что первыя удовлетворяютъ требованіямъ наиболѣе строгой провѣрки, то доказательства, получаемыя съ помощью методическаго изслѣдованія, вмѣсто того, чтобы считаться опорою необходимо мыслимыхъ истинъ, должны сами получить значеніе средства ставить сужденія, которыя или не достигаютъ, по условіямъ общей познавательной жизни, необходимой мыслимости или вслѣдствіе недоумѣній потеряли право ссылаться на значеніе пріобрѣтенной ими необходимой мыслимости, въ условія, приближающія гарантію ихъ достовѣрности къ наивысшей гарантіи, представляемой необходимою мыслимостью сужденій, не вызывающихъ серьезныхъ недоумѣній. Въ фактическомъ знаніи методическое изслѣдованіе и играетъ именно эту роль. Оно обыкновенно стремится поставить доказываемое сужденіе въ неразрывную связь или прямо съ этого рода необходимо мыслимыми положеніями: съ аксіомами, общимъ закономъ причинности и пр. или съ положеніями, уже предварительно поставленными въ необходимую связь съ ними. Если это невозможно, то оно стремится создать для непосредственной вѣры въ него, на сколько, конечно, дозволяютъ тѣ средства, какими можетъ располагать знаніе, условія подобныя тѣмъ, при которыхъ образуется необходимая мыслимость, то-есть старается увеличить число и разнообразіе наблюдаемыхъ фактовъ, на которыхъ положеніе можетъ провѣряться. Но достигнуть сколько нибудь значительнаго сходства съ условіями, способными порождать необходимую мыслимость, конечно, невозможно; и въ этихъ случаяхъ обыкно-

венно дѣло идетъ только объ отдаленномъ сходствѣ въ важнѣйшемъ изъ этихъ условій, въ разнообразіи обстоятельствъ, при которыхъ наблюдаются эти факты; и на сколько сходство ограничивается лишь отдаленнымъ приближеніемъ къ образцу, на столько выводъ имѣетъ только вѣроятность, не считается за окончательное научное рѣшеніе вопроса.

Правда, для обоснованія изложеннаго взгляда мы привели лишь изъ исторіи знанія подтверждающіе его факты разрушенія вѣры въ положенія, которыя, по послѣдовательному развитію ученія эмпиризма объ образованіи необходимой мыслимости, должны были въ свое время претендовать на значеніе необходимо мыслимыхъ положеній; а эти факты нельзя счесть рѣшительнымъ доказательствомъ полнѣйшей, безусловной невозможности для какого-либо необходимо мыслимаго сужденія встрѣтиться въ будущемъ и съ такого рода серьезными недоумѣніями, которыя не заходили бы за предѣлы фактически несознательно руководящихъ методическими изслѣдованіями предположеній. Но если все же остается хотя бы и не имѣющая за себя фактическихъ основаній и чисто теоретически предполагаемая возможность встрѣтить и этого рода недоумѣніе, то, конечно, остается и возможность предупреждать его путемъ методическаго изслѣдованія необходимо мыслимаго положенія. А въ такомъ случаѣ можно спросить: почему во имя этой неустраненной и неустранимой возможности не могло бы быть предъявлено въ отношеніи къ каждому необходимо мыслимому положенію требованіе методическаго его изслѣдованія?

При отвѣтѣ на этотъ вопросъ прежде всего нужно замѣтить, что не опираясь ни на какое фактическое указаніе, которое доказывало бы возможность путемъ методическаго изслѣдованія необходимаго мыслимаго сужденія достигнуть болѣе твердой критической установки его, мысль лишена того существеннаго мотива къ осуществленію этого изслѣдованія, который заключается въ сознаніи его плодотворности для знанія; а безъ такого мотива изслѣдованіе теряетъ всякую цѣнность для мысли. Но здѣсь есть и другая очень важная сторона.

Для изслѣдованія необходимо мыслимаго положенія, вызваннаго чисто теоретическимъ предположеніемъ о возможности недоумѣній, способныхъ быть открытыми путемъ этого изслѣдованія, нельзя указать предѣла, при достиженіи котораго требованіе, вызвавшее его, могло бы быть признано выполненнымъ. Когда методическое изслѣдованіе разсматривается какъ средство съ помощью особыхъ

для этой цѣли сознательно приспособленныхъ познавательныхъ процессовъ возвысить гарантію достовѣрности сужденія до той степени, какую имѣютъ необходимо мыслимыя сужденія, не вызывающія недоумѣній, то въ достиженіи этой цѣли, которое оказывается выполнимымъ при постановкѣ доказываемаго сужденія, будетъ ли то въ прямую или косвенную, неразрывную связь съ подобными же необходимо мыслимыми сужденіями, познавательный процессъ находитъ свой естественный предѣлъ. Но простое требованіе методическаго изслѣдованія, которое сводилось бы къ изысканію и сличенію съ сужденіемъ все новыхъ и новыхъ данныхъ, способныхъ служить для него повѣркой, само въ себѣ не носило бы никакого указанія на предѣлъ, съ достиженіемъ котораго оно должно считаться законченнымъ. И совершенно то же самое по необходимости должно выходить и въ томъ случаѣ, если бы требованіе увеличенія числа и разнообразія фактовъ, пригодныхъ для критической провѣрки сужденія, сверхъ того безконечнаго числа и разнообразія ихъ, какія по эмпиризму предполагаются необходимою мыслимостью, стали выводить изъ чисто теоретически предполагаемой возможности среди новыхъ фактовъ встрѣтить отрицательную инстанцію. Такъ какъ эта чисто теоретически предполагаемая возможность будетъ оставаться послѣ всякаго увеличенія фактовъ, пока не совершилось никогда недостижимое полное завершеніе опыта, требующее исчерпанія всѣхъ фактовъ, то изслѣдованіе никогда не можетъ дойти до предѣла, гдѣ требованіе, его вызвавшее, не могло бы съ тѣмъ же самымъ правомъ быть предъявлено вновь: ни одно сужденіе въ такомъ случаѣ ни въ какой опредѣленный моментъ времени не можетъ оказаться имѣющимъ научную достовѣрность. Никакія такія требованія, которыя для своего выполненія предполагаютъ полное завершеніе опыта, никогда не могутъ входить въ качествѣ положительныхъ требованій въ критерій достовѣрности; всѣ они могутъ допускать свое соединеніе съ критеріемъ только въ смыслѣ ограничительнаго чисто отрицательнаго требованія—считать достовѣрность сужденія нарушенною, какъ скоро съ расширеніемъ опыта возникаютъ серьезныя отрицательныя инстанціи противъ него. Изъ всего этого слѣдуетъ, что возникающее серьезное недоумѣніе относительно того или другого необходимо мыслимаго сужденія не только, какъ было разъяснено выше, впервые даетъ возможность ожидать плодотворныхъ результатовъ отъ методическаго его изслѣдованія, на сколько впервые обнаруживаетъ въ немъ стороны, не подвергавшіяся доселѣ достаточно строгой провѣркѣ, но оно же впервые даетъ этому изслѣдованію

опредѣленную и достижимую цѣль — разрѣшенія этого недоумѣнія, то-есть восполненія той согласованности съ опытомъ, которая была нарушена возникшимъ недоумѣніемъ.

Такимъ образомъ и со стороны послѣдовательно проведеннаго эмпиризма должна быть признана вполнѣ понятной и совершенно законной практика научнаго сознанія, принимающаго тѣ положенія, которыя по эмпиризму должны считаться достигнувшими ассоціативнымъ путемъ необходимой мыслимости, за положенія, имѣющія наивысшую достовѣрность, пока они не возбуждаютъ никакихъ недоумѣній, но предъявляющаго къ нимъ требованіе методическаго изслѣдованія тотчасъ же, какъ скоро возникаютъ имѣющія научное значеніе недоумѣнія, и въ тѣхъ предѣлахъ, конечно, въ которыхъ это требуется для разрѣшенія коллизіи мысли, вызванной недоумѣніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно понятнымъ для эмпиризма долженъ быть признанъ и тотъ указанный нами выше фактъ, что всякая попытка оправдывать то или другое необходимо мыслимое положеніе, не вызывающее серьезныхъ недоумѣній, съ помощью всесторонняго методическаго изслѣдованія, оказывается неспособной быть фактически проведенной послѣдовательно и вызываетъ въ сознаніи неуничтожимое представленіе о своей безполезности и даже странности. Послѣдовательное проведеніе изслѣдованія, которое не обнаружило своей плодотворности въ исторіи знанія и которое должно представлять изъ себя невыполнимый по своей безконечности процессъ для того, чтобы удовлетворить требованію, которымъ можно бы было его оправдать, конечно не можетъ не представляться сознанію излишнимъ и страннымъ.

Можно поднять даже вопросъ, идущій далѣе. На тѣ случаи, когда при разъясненіи для себя достовѣрности какого-либо не вызывающаго недоумѣній необходимо мыслимаго положенія обращаются къ фактамъ, пригоднымъ для его методической провѣрки, слѣдуетъ ли даже смотрѣть какъ на фактическія, хотя и не законныя, а поэтому и не способныя быть послѣдовательно проведенными, попытки независимаго отъ необходимой мыслимости обоснованія этого положенія съ помощью методическаго изслѣдованія, какъ представляется это Миллю и его послѣдователямъ? Въ самомъ ли дѣлѣ эти случаи представляютъ пусть и незаконныя и непослѣдовательныя, но все же фактически существующія исключенія изъ общаго отношенія сознанія къ сужденіямъ необходимо мыслимымъ? Мнѣ кажется, утверждать даже и это было бы несправедливо.

Выше говоря о такого рода не проведенныхъ послѣдовательно по-

пыткахъ методическаго оправданія необходимо мыслимыхъ положеній мы уже замѣчали, что при нихъ тѣмъ фондомъ, на которомъ опирается довѣріе къ этимъ положеніямъ, вполнѣ явно ставится не ничтожная выступающая при этомъ въ сознаніи масса методически пересматриваемыхъ случаевъ, а вся безконечная масса когда либо проходившихъ черезъ сознаніе фактовъ, которая никогда даже и не можетъ быть провѣрена и согласіе которой съ положеніемъ можетъ свидѣтельствоваться лишь той необходимой мыслимостью, которая должна по эмпиризму считаться ея результатомъ. Если же это такъ, то дѣйствительный пересмотръ нѣсколькихъ болѣе или менѣе отчетливо воспоминаемыхъ или теперь воспринимаемыхъ фактовъ, который, какъ мы видѣли, при извѣстныхъ условіяхъ естественно происходитъ въ сознаніи при отчетливой постановкѣ вопроса объ основаніяхъ вѣры въ то или другое необходимо мыслимое положеніе, только иллюзорно можетъ играть роль полной замѣны ссылки на необходимую его мыслимость методическимъ его изслѣдованіемъ, а на дѣлѣ можетъ быть только отвѣтомъ на то или другое сомнѣніе, возбужденное этой ссылкой, и можетъ имѣть своею цѣлью только устраненіе этого сомнѣнія. И не трудно себѣ объяснить какъ тѣ сомнѣнія, которыя выступаютъ въ этомъ случаѣ при извѣстныхъ условіяхъ въ сознаніи и ищутъ своего разрѣшенія въ появляющихся методическихъ процессахъ, такъ и то, почему это разрѣшеніе иллюзорно принимаетъ въ сознаніи видъ полной замѣны одного способа убѣжденія другимъ.

Для эмпириста послѣднимъ основаніемъ достовѣрности сужденія во всякомъ случаѣ служатъ проходящіе чрезъ сознаніе согласные съ нимъ факты, а поэтому необходимая мыслимость въ концѣ концовъ можетъ играть роль только косвеннаго признака прошедшихъ черезъ сознаніе и подтверждающихъ положеніе фактовъ. Но пытаясь приписать этому признаку достовѣрность, онъ можетъ встрѣчать нѣкоторыя затрудненія. Правда, стремленіе эмпириста объяснить происхожденіе всякой необходимой мыслимости ассоціаціей ведетъ его къ такому ученію объ условіяхъ ея образованія, по которому она должна оказаться свидѣтельствомъ прохода черезъ сознаніе согласныхъ съ необходимо мыслимымъ положеніемъ фактовъ въ такомъ количествѣ и такомъ разнообразіи, какія съ его же точки зрѣнія должно считать самыми благопріятными для твердой установки сужденія. Но, во-первыхъ, онъ можетъ считать невозможнымъ отрицать тотъ фактъ, что сужденіе, продолжая сохранять ассоціативную необходимую мыслимость, можетъ оказаться въ разногласіи съ фактами развивающагося

опыта, способнаго обнаруживать ошибки болѣе раннихъ обобщеній и истолкованій фактовъ; и это обстоятельство въ его глазахъ должно, конечно, получить большую важность, если онъ не придаетъ надлежащаго значенія указываемому самой практикой научнаго сознанія выходу изъ этого затрудненія съ помощью соотвѣтствующаго дополненія этого критерія разъясненнымъ выше дополнительнымъ отрицательнымъ требованіемъ. Во-вторыхъ, передъ нимъ на лицо всегда существуетъ фактъ разногласія людей въ частныхъ случаяхъ при разрѣшеніи вопроса о томъ, считать ли то или другое сужденіе необходимо мыслимымъ или не считать. Это разногласіе явно сказалось, какъ намъ приходилось уже констатировать, даже и въ мнѣніяхъ самихъ философскихъ представителей эмпиризма [1]). Оно естественно возбуждало сомнѣніе въ возможности точнаго разрѣшенія этого вопроса путемъ непосредственнаго сознанія, а слѣдовательно косвенно возбуждало сомнѣніе и въ томъ, насколько необходимая мыслимость, удостовѣряемая этимъ сознаніемъ, можетъ служить надежнымъ признакомъ той безконечной массы прошедшихъ черезъ сознаніе и согласныхъ съ сужденіемъ фактовъ, на которой должна опираться его достовѣрность. Примемъ же теперь во вниманіе, что выходъ изъ такихъ затрудненій находили въ обращеніи къ такого рода фактамъ, которые оказались бы вполнѣ подходящими и въ томъ случаѣ, когда совсѣмъ оставили бы въ сторонѣ всякую ссылку на необходимую мыслимость положенія и рѣшились бы искать обоснованія его исключительно методическимъ путемъ. При такихъ условіяхъ не трудно было не обратить должнаго вниманія на то обстоятельство, что когда нужно было выводить изъ всѣхъ этихъ процессовъ наибольшую достовѣрность сужденія, все же приходилось говорить о безконечной массѣ фактовъ, согласіе которой съ положеніемъ могло свидѣтельствоваться только необходимою мыслимостью. Отсюда и возникаетъ возможность растолковать свое обращеніе къ нѣкоторому количеству опредѣленныхъ фактовъ въ смыслѣ полной замѣны одного способа убѣжденія другимъ.

Такъ именно и поступаетъ Милль (и такъ, конечно, должны поступать и его послѣдователи). Когда подъ вліяніемъ своихъ сомнѣній въ значеніи ссылокъ на необходимую мыслимость онъ подни-

[1]) Отчего происходитъ этотъ фактъ и какое можетъ законно принадлежать ему значеніе въ вопросѣ о довѣріи къ необходимо мыслимому,—этого мы здѣсь не касаемся, такъ какъ разъясненіе всего этого предполагаетъ разборъ общихъ эмпиристическихъ предположеній, здѣсь нами не обсуждаемыхъ.

маетъ вопросъ объ основаніяхъ убѣжденія въ опредѣленной геометрической аксіомѣ, то онъ описываетъ доказательство, приводящее къ этому убѣжденію, такъ, что въ немъ ясно чувствуется наличное представленіе того или другого количества фактовъ, ей соотвѣтствующихъ, а вмѣстѣ и живое сознаніе того, что по условіямъ познавательной жизни неизбѣжно должны были проходить передъ сознаніемъ безконечныя вереницы фактовъ, на которыхъ она могла провѣряться и которыхъ согласіе или несогласіе съ нею безъ малѣйшаго труда могло быть усмотрѣно. Подобный же рядъ представленій можетъ возникать и у каждаго ученаго особенно относительно необходимо мыслимыхъ ассоціацій, касающихся частныхъ фактовъ и принимаемыхъ обычнымъ сознаніемъ, до психологическаго ихъ анализа, за непосредственно данныя сочетанія. Когда психологическій анализъ впервые раскрываетъ, что сочетаніе, принимавшееся имъ за непосредственно данное, есть только ассоціативно связанное съ этимъ даннымъ его истолкованіе и когда возникаетъ передъ его сознаніемъ вопросъ объ основаніяхъ довѣрять этому истолкованію, онъ естественно можетъ, какъ указано было выше, подъ вліяніемъ сомнѣній, подобныхъ приведеннымъ выше, также искать основанія этого довѣрія въ представленіи извѣстнаго числа фактовъ, способныхъ служить оправданіемъ этой ассоціаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ представленіи какихъ либо общихъ условій жизни сознанія, которыя заставляютъ думать, что факты, на которыхъ могла провѣряться эта ассоціація, должны были постоянно встрѣчаться въ безчисленномъ количествѣ, и что они таковы, что не могли быть при проходѣ ихъ чрезъ сознаніе перетолкованы или возможное несогласіе ихъ съ ассоціаціей не замѣчено.

Однако внимательнѣе всматриваясь въ самыя эти сомнѣнія, которыя, какъ предполагается, должны были въ описанныхъ сейчасъ случаяхъ вести къ полной замѣнѣ ссылки на необходимую мыслимость методическимъ изслѣдованіемъ, мы не можемъ не замѣтить, что они, хотя бы они были вполнѣ справедливы, совсѣмъ не касаются самой существенной стороны довѣрія къ неразрывной ассоціаціи и поэтому не могутъ подрывать вполнѣ значенія ея въ сознаніи самыхъ тѣхъ лицъ, которыя руководятся этими сомнѣніями, а могутъ вызывать даже и въ сознаніи этихъ лицъ только требованіе дополнительныхъ условій, при наличности которыхъ довѣріе къ неразрывной ассоціаціи должно возстановляться само собою.

Вѣдь и при этихъ сомнѣніяхъ даже для сознанія лицъ, въ которыхъ они возникаютъ, остается безспорнымъ, что процессъ ассоціаціи какъ

процессъ, совершающійся съ механическою необходимостью всюду тамъ, гдѣ даны соотвѣтствующія повторенія опредѣленныхъ сочетаній явленій, долженъ закрѣплять и можетъ закрѣплять только ту именно связь, которая представляется сознанію, и въ томъ видѣ, въ какомъ она ему представляется. Ни одно изъ приведенныхъ выше основаній сомнѣнія въ значеніи необходимо мыслимаго не касается этого основного пункта. А какъ скоро этотъ пунктъ стоитъ твердо, то совершенное устраненіе результата ассоціативнаго процесса безъ всякаго обращенія вниманія на то, въ какихъ условіяхъ этотъ процессъ совершался и продолжаетъ совершаться, дѣлается совершенно невозможнымъ. Эти сомнѣнія требуютъ только, чтобы изъ всѣхъ остальныхъ случаевъ ассоціацій довѣряли лишь тѣмъ, которыя совершаются при условіяхъ, которыя по эмпиризму считаются самыми благопріятными для установки достовѣрнаго положенія, какъ со стороны количества и разнообразія случаевъ, на нихъ вліявшихъ, такъ и со стороны возможности для сознанія, закрѣпившаго ассоціаціи, правильно представлять или истолковывать (съ точки зрѣнія достигнутаго теперь сознаніемъ развитія) являвшіяся передъ нимъ сочетанія. Указанныя сомнѣнія, какъ это очевидно безъ дальнѣйшаго разъясненія, въ существѣ дѣла,—все равно основательно или неосновательно,—затрогиваютъ эту именно сторону дѣла. И тѣ процессы, которые при этихъ сомнѣніяхъ толкуются какъ рѣшительная замѣна всякой ссылки на необходимую мыслимость всестороннимъ методическимъ изслѣдованіемъ, представляютъ собою на дѣлѣ основаніе,—опять все равно, правильное или неправильное,—для рѣшенія этихъ именно сомнѣній. На представленіи общихъ условій жизни сознанія ученый разъясняетъ для себя необходимость вѣрить, что опредѣленная ассоціація возникала подъ вліяніемъ безконечно частаго и совершающагося при разнообразныхъ условіяхъ повторенія случаевъ, способныхъ служить для ея повѣрки, а на живомъ представленіи нѣкоторой незначительной массы этихъ случаевъ, онъ убѣждается, что эти случаи не такіе, которые съ точки зрѣнія настоящаго развитія сознанія вызывали бы мысль о возможности ошибки или недосмотра при представленіи ихъ сознаніемъ, когда они должны были вліять на ассоціативный процессъ. И въ силу этого совершенно естественно, что сознаніе самихъ лицъ, повидимому стремившихся устранить всякое значеніе ассоціативнаго процесса, должно было прямо на основаніи процессовъ, считавшихся ими за методическое доказательство необходимо мыслимаго положенія, всю безконечную массу прошедшихъ черезъ сознаніе фактовъ, которые должны были вліять на ассоціацію,

разсматривать какъ твердое доказательство сужденія. Иллюзія, въ существѣ дѣла, состояла, очевидно, въ томъ, что за широкую индукцію, за всестороннее методическое изслѣдованіе они считали самый ассоціативный процессъ подъ вліяніемъ того, что ознакомленіе съ общими его условіями и разсмотрѣніе нѣкоторыхъ частныхъ фактовъ устранили всякое сомнѣніе въ соотвѣтствіи его самымъ строгимъ требованіямъ отъ процесса, способнаго гарантировать наивысшую достовѣрность.

М. Каринскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Томасъ Моръ. Утопія. (De optimo rei publici [sic!] statu, deque nova Insula Utopia libri duo Illustris viri Thomae Mori Regni britanniarum Cancellarii). Переводъ съ латинскаго *А. Г. Генкель* при участіи *Н. А. Макшеевой.* Съ біографическимъ очеркомъ Т. Мора, составленнымъ Н. А. Макшеевой (съ портретомъ Т. Мора). С-Петербургъ. 1903. 320 стр.

Въ міровой литературѣ немного найдется сочиненій, которыя по значенію своему могли бы сравниться съ Утопіей Томаса Мора. Въ ней, впервые послѣ классической древности, поднятъ былъ ставшій столь жгучимъ въ наше время вопросъ о наиболѣе раціональномъ и справедливомъ устройствѣ человѣческаго общества, и теоретики соціализма съ гордостью называютъ ее родоначальницей отстаиваемыхъ ими ученій. Открывая блестящимъ образомъ соціальную литературу и науку новаго времени, Утопія всегда сохранитъ выдающее мѣсто въ системѣ эволюціи человѣческой мысли. Въ то же время Утопія представляетъ собою перворазрядный историческій источникъ, не только освѣщающій интимныя стороны экономическаго быта и соціальнаго строя современной автору Англіи, но знакомящій насъ и съ настроеніемъ лучшей части тогдашняго общества, со взглядами, мыслями и чаяніями наиболѣе крупныхъ людей того времени. Утопія далѣе является выдающимся въ художественномъ отношеніи произведеніемъ: ея высокія литературныя достоинства—оригинальность замысла, свѣжесть изображенія, цѣльность картинъ—никогда не перестанутъ привлекать къ ней вниманіе всѣхъ истинно просвѣщенныхъ цѣнителей литературы.

Но помимо своего историческаго и художественнаго значенія сочиненіе Мора для современнаго читателя имѣетъ еще животрепещу-

щій общественный интересъ. Многіе выдвинутые въ Утопіи вопросы соціальной жизни до сихъ поръ еще, почти 400 лѣтъ послѣ ея появленія, остаются нерѣшенными; многое, намѣченное просвѣщеннымъ гуманистомъ, еще и для насъ, людей XX вѣка, является неисполненнымъ завѣтомъ, неосуществившейся мечтою...

Съ этимъ, столь замѣчательнымъ во многихъ отношеніяхъ, литературнымъ памятникомъ свѣтлой эпохи гуманизма наша читающая публика, къ сожалѣнію, очень мало знакома,—прежде всего, конечно, вслѣдствіе отсутствія удовлетворительнаго русскаго перевода. Были, правда, попытки переложенія Утопіи на родную рѣчь, но какая-то злая судьба преслѣдуетъ у насъ великое произведеніе Мора.

Первый русскій переводъ Утопіи появился еще въ царствованіе Екатерины II [1]). Но этотъ переводъ какъ-то безслѣдно исчезъ, и ни одинъ, повидимому, экземпляръ его не сохранился до нашего времени [2]).

Недавно г. Тарле къ своей диссертаціи „Общественныя воззрѣнія Томаса Мора" С.-Петербургъ 1901 г. приложилъ переводъ Утопіи, сдѣланный, по заявленію автора, съ латинскаго языка. Переводъ этотъ неполонъ, написанъ тяжелымъ, иногда неудобопонятнымъ языкомъ,

---

[1]) Вотъ заглавіе этого перевода, какъ оно обозначено въ рецензіи, помѣщенной въ Московскомъ Журналѣ, издававшемся Карамзинымъ, за 1791 г. ч. I, стр. 358—365 (указаніемъ на эту рецензію мы обязаны любезности В. С. Иконникова, которому приносимъ глубокую благодарность): „Философа Рафаила Гитлоде, странствованіе въ новомъ свѣтѣ и описаніе любопытства достойныхъ примѣчаній и благоразумныхъ установленій жизни миролюбиваго народа острова Утопіи, переводъ съ англійскаго языка, сочиненіе Томаса Мориса (Моруса). Въ СПБ. у Шноре 1790 г. 8°." Рецензентъ (Карамзинъ?) отмѣчаетъ, что переводъ сдѣланъ темнымъ и неудобопонятнымъ языкомъ, и прибавляетъ: „Многіе галлицизмы въ слогѣ доказываютъ, что книга сія переведена не съ англійскаго, а съ французскаго языка". То же самое заглавіе приводится у Сопикова, Опыты Россійской библіографіи т. V, стр. 85, № 12373, гдѣ, однако, сказано, что переводъ сдѣланъ съ французскаго, а слова „сочиненіе Томаса Мориса" пропущены. Какъ другое заглавіе этой самой книжки у Сопикова V, стр. 72, № 12272 отмѣчается: „Утопія или картина всевозможно-лучшаго правленія; соч. англійскаго канцлера Томаса Моруса; перев. съ французскаго. Спб. 1789 въ 8°". Несмотря на разницу въ годѣ, мы не сомнѣваемся, что рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же переводѣ.

[2]) Г. Тарле въ приводимой выше диссертаціи стр. IV говоритъ: „По справкамъ оказывается, что нигдѣ ни одного экземпляра этого перевода нѣтъ,—и что даже въ Петербургской Императорской Публичной библіотекѣ его не имѣется; не нашли мы его и въ Британскомъ музеѣ, который старательно собираетъ всѣ переводы англійскихъ авторовъ на иностранные языки".

а главное — каждая страница его пестритъ грубыми искаженіями смысла подлинника и, подчасъ забавными, недоразумѣніями и ошибками, происшедшими не только отъ крайне слабаго знанія переводчикомъ латинскаго языка, но также отъ рабскаго слѣдованія какому-то плохенькому переложенію на одинъ изъ новыхъ языковъ [1]).

Новый переводъ Утопіи на русскій языкъ былъ поэтому весьма желателенъ. Таковой и появился въ концѣ прозапрошлаго года. Но— увы!—дѣло опять попало не въ надлежащія руки.

Уже предисловіе вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе. Первымъ долгомъ добросовѣстнаго переводчика является указаніе на то, по какому изданію сдѣланъ переводъ. Но объ этомъ мы ничего не узнаемъ. Зато въ предисловіи сообщается, что, окончивъ переводъ еще лѣтомъ 1898 г., переводчикъ пожелалъ „сравнить и согласовать его съ возможно большимъ количествомъ изданій оригинальнаго текста“ и поэтому лѣтомъ 1900 г. „предпринялъ путешествіе по Западной Европѣ, гдѣ и сравнивалъ свой переводъ съ различными изданіями, находящимися въ заграничныхъ книгохранилищахъ“. Подумаешь, какая добросовѣстность! Жаль только, что это пріемъ совершенно лишній и нецѣлесообразный. Изданія Утопіи, которыхъ въ теченіе XVI, XVII и XVIII столѣтій появилось великое множество [2]), сильно расходятся между собою, при чемъ позднѣйшія изъ нихъ во многомъ произвольно отступаютъ отъ первоначальнаго текста. „Согласовать“ переводъ „съ возможно большимъ количествомъ“ ихъ является поэтому дѣломъ не только празднымъ, но совершенно невыполнимымъ; мало того, подобное „согласованіе“, если оно дѣйствительно, хотя бы отчасти, имѣло мѣсто, могло только вредно отразиться на достоинствѣ перевода. Если бы г. Генкель хоть немного понималъ, въ чемъ состоитъ задача переводчика, то онъ, конечно, позаботился бы не о согласованіи своего перевода „съ возможно большимъ количествомъ изданій“, а о томъ,

[1]) Нѣкоторые курьезы перевода г-на Тарле указаны въ рецензіи В. В. Водовозова въ журналѣ „Народное Хозяйство“ кн. X, 1901 г. и отдѣльно, С.-Пбургъ 1901.

[2]) Г-нъ Генкель въ приложеніи, стр. 260 сл., перечисляетъ важнѣйшія изданія XVI и XVII столѣтій, очевидно по Михельсу, на котораго и ссылается, стр. 252. Отъ себя онъ прибавилъ только болѣе подробное описаніе (не имѣющаго никакого значенія) Ганноверскаго изданія 1613 года, которое онъ видѣлъ въ Стокгольмской королевской библіотекѣ. Въ предисловіи, однако, г-нъ Генкель выражается такъ, какъ будто всѣ приведенныя въ приложеніи изданія имъ самимъ изслѣдованы и сличены: „Такимъ образомъ было просмотрѣно и провѣрено нѣсколько изданій Утопіи, списокъ которыхъ приведенъ въ приложеніи“ (стр. 5).

чтобы въ основу его положить *наиболѣе исправный* текстъ. Правда, текста Утопіи, который отвѣчалъ бы всѣмъ требованіямъ филологической критики, пока еще не существуетъ: но для своей цѣли г. Генкель со спокойной совѣстью могъ ограничиться весьма доступнымъ, ему хорошо извѣстнымъ и на стр. 261 подробно имъ описаннымъ, изданіемъ Михельса и Циглера [1]), или же взять латинскій текстъ англійскаго изданія Лептона [2]).

[1]) Thomas Morus Utopia. Herausgegeben von V. Michels und Th. Ziegler. Berlin 1895 = Latein. Literaturdenkmäler des XV u. XVI Jahrhunderts. Herausgegeben von Max Hermann, т. XI. Редакція текста и бо́льшая часть введенія принадлежитъ Михельсу; Циглеромъ составлена только вторая глава введенія („О содержаніи и значеніи Утопіи"). Текстъ основанъ на editio princeps, появившейся въ Левенѣ, 1516 г. (= A); многія ея ошибки исправлены по Базельскому изданію, вышедшему въ мартѣ мѣсяцѣ 1518 г. (=C). Къ сожалѣнію, издатель не совсѣмъ послѣдовательно провелъ принципъ контролированія A посредствомъ C, и нерѣдко сохранилъ чтенія editionis principis тамъ, гдѣ Базельское изданіе представляетъ болѣе исправный текстъ. Такъ, напримѣръ, p. 57, 28 чтеніе A eluant pecudes непонятно, тогда какъ чтеніе C eluantur. Hinc deportant pecudes даетъ вполнѣ удовлетворительный смыслъ; p. 60, 28 передъ adeo слѣдовало вставить изъ C atque; p. 66. 11 praeterquam совершенно безсмысленно, должно читать по C perquam. Особо обстоитъ дѣло относительно p. 62, 11. гдѣ издатель сохраняетъ чтеніе A in senatu Mentirano, высказывая весьма рискованное предположеніе (p. LXVIII), что Моръ первоначально хотѣлъ назвать столицу Утопіи не Amaurotum, а Mentirum, яко-бы отъ латинскаго mentiri — „врать". Противъ этого мнѣнія говоритъ то обстоятельство, что всѣ географическія названія въ Утопіи образованы отъ греческихъ корней. Mentirano, на нашъ взглядъ, является простой ошибкой типографщика вмѣсто Amaurotano (ср. p. 47, 24). Въ C стоитъ Amaurotico, но это не такъ легко могло быть искажено въ Mentirano.

[2]) The Utopia of sir Thomas More in Latin from the edition of march 1518, and in English from the first edition of Ralph Robynson's translation in 1551 with additional translations, introduction and notes by J. H. Lupton. Oxford 1895. Старинный переводъ Робинзона, очень точный и составленный съ большимъ знаніемъ дѣла, сопровождается здѣсь тѣмъ латинскимъ текстомъ, которымъ пользовался Робинзонъ, т. е. текстомъ изданія, вышедшаго въ мартѣ 1518 г. въ Базелѣ у извѣстнаго печатника Фробена. Этотъ текстъ, будучи во многихъ мѣстахъ исправнѣе Левенскаго, въ то же время содержитъ и не мало ошибокъ, которыхъ нѣтъ въ послѣднемъ. Обыкновенно Лептонъ въ такомъ случаѣ приводитъ правильное чтеніе изъ A, но иногда ошибки C остались не отмѣченными; такъ, напримѣръ, стр. 82 (= 31, 6 Mich.) не указано, что чтеніе C *adversus* безсмысленно и что A имѣетъ правильное *adversum*. — На новый, до сихъ поръ не использованный источникъ для текста Утопіи указываетъ Э. Фуксъ въ предисловіи къ новѣйшему нѣмецкому переводу этого сочиненія, принадлежащему I. E. Wessely (см. ниже). Это—второе Базельское изданіе, появившееся у того же Фробена шесть мѣсяцевъ послѣ перваго, въ октябрѣ 1518 года. По Фуксу это изданіе, въ существованіи котораго Михельсъ еще сомнѣвался, даетъ наиболѣе исправный и надежный текстъ.

Но все сообщеніе о провѣркѣ перевода по стариннымъ изданіямъ, а равно и заявленіе на заглавномъ листѣ о томъ, что переводъ сдѣланъ „съ латинскаго", оказываются безцеремонной мистификаціей, направленной къ тому, чтобы читателю пыль въ глаза пустить и скрыть отъ него истинный характеръ предлагаемой ему работы: мы имѣемъ дѣло вовсе не съ переводомъ латинскаго подлинника, а съ переводомъ нѣмецкаго переложенія Утопіи, принадлежащаго перу нѣкоего H. Kothe и перепечатывающагося въ извѣстной Universalbibliothek Реклама [1]). Но, чтобы вполнѣ оцѣнить поступокъ г-на Генкеля, необходимо знать, что такое представляетъ собою трудъ г-на Коте. Яркую его характеристику далъ еще Каутскій, посвятившій ему нѣсколько страницъ своего извѣстнаго изслѣдованія объ Утопіи [2]). Каутскій съ полною убѣдительностью доказалъ, что г-нъ Коте, не имѣя даже представленія о томъ, на какомъ языкѣ писалъ Моръ, перевелъ какую-то весьма вольную французскую передѣлку Утопіи, составленную въ свою очередь также не по подлиннику, а по плоховатому англійскому переводу Burnet'a 1684 года [3]). Даже въ русской литературѣ отмѣчена была неудовлетворительность перевода Коте,—въ рецензіи В. В. Водовозова на диссертацію г-на Тарле [4]). Но этой ре-

---

[1]) Utopia von Thomas Morus. Deutsch von Hermann Kothe. Leipzig, Ph. Reclam. Universalbibliothek № 513, 514.

[2]) *Karl Kautsky*. Thomas More und seine Utopie. Stuttgart 1888. S. 257—261.

[3]) Г-нъ Коте, очевидно, полагалъ, что Утопія написана по англійски; иначе трудно объяснить, почему онъ на заглавномъ листѣ перваго изданія (1846 г.) своего перевода, сдѣланнаго съ французскаго, прибавилъ: „aus dem Englischen übersetzt" (ср. Michels p. 61). Что онъ переводитъ съ французскаго, доказывается: 1) французской формой нѣкоторыхъ именъ собственныхъ, какъ то Hythlodée=Hythlodaeus, Amaurate=Amaurotum, Anyder=Anydrus; 2) употребленіемъ французскихъ техническихъ выраженій, какъ то Prevost=praepositus, sou=nummus, Hôtel=aula и т. д.; 3) замѣною латинскихъ пословицъ и поговорокъ французскими (напр., стр. 31 изданія Universalbibliothek). На косвенное вліяніе Бернета указываетъ, напр., замѣна „крѣпостцы" (castellum p. 9, 35 M.) „Новой Кастиліей (стр. 6 Neukastilien) и „учебника Parva Logicalia" (p. 68, 2 M.) „логическими аудиторіями" (стр. 88 Hörsäle der Logik).

[4]) См. выше, стр. 381. На стр. 7 г-нъ Водовозовъ говоритъ: „англичанинъ Бернетъ въ 1684 г. перевелъ на англійскій языкъ Утопію Мора, допустивъ нѣсколько грубыхъ ошибокъ; какой-то французъ перевелъ съ англійскаго, добавивъ отъ себя нѣсколько курьезовъ; безграмотный нѣмецъ г. Коте въ 1846 г. перевелъ съ французскаго съ добавленіемъ собственныхъ измышленій, и наконецъ, въ началѣ XX вѣка русскій ученый преподноситъ все это русской публикѣ, считая, однако, нужнымъ кое-что прибавить и отъ себя". Г-нъ Водовозовъ имѣлъ въ виду г-на Тарле, но тѣ

цензіи г-нъ Генкель могъ и не знать; за то книга Каутскаго во всякомъ случаѣ ему хорошо извѣстна, такъ какъ по ней имъ составлено приложеніе II („Объ изданіяхъ Утопіи и объ отношеніи къ ней современниковъ"). Совершенно непонятно послѣ этого, какимъ образомъ онъ тѣмъ не менѣе рѣшился преподнести русской публикѣ стряпню невѣжественнаго нѣмца.

Взводимыя нами на г-на Генкеля обвиненія столь тяжки, что мы, конечно, обязаны подкрѣпить ихъ документальными доказательствами. Задача эта не представляетъ никакого затрудненія, такъ какъ каждая страница, можно сказать каждая строка, съ полной очевидностью свидѣтельствуетъ о безусловной зависимости новаго русскаго перевода отъ пресловутаго элабората Коте. Не желая, однако, слишкомъ расширить размѣры настоящей замѣтки, мы ограничимся только незначительной частью собраннаго нами матеріала, но, въ случаѣ надобности, легко могли бы удесятерить число приводимыхъ здѣсь доказательствъ. Мы выбираемъ, по преимуществу, такіе примѣры, которые прибавляютъ новую черту къ характеристикѣ предлагаемой г-мъ Генкелемъ работы: оказывается, что русскій переводчикъ во многихъ мѣстахъ не понялъ выраженія Коте и вслѣдствіе этого къ погрѣшностямъ, допущеннымъ англичаниномъ, къ искаженіямъ француза, къ недоразумѣніямъ нѣмца прибавилъ цѣлый рядъ новыхъ, принадлежащихъ уже ему лично, ошибокъ и курьезовъ. Чтобы дать читателю возможность, вполнѣ самостоятельно составить себѣ сужденіе о каждомъ предлагаемомъ мѣстѣ, мы приводимъ 1) латинскій текстъ по изданію Михельса, 2) нашъ собственный, возможно близкій, не претендующій на литературныя достоинства, переводъ, 3) нѣмецкій переводъ Коте, 4) переводъ г. Генкеля.

I. p. 9. Hunc cum die quodam in Templo divae Mariae. quod et opere pulcherrimum et populo celeberrimum est, rei divinae interfuissem atque peracto sacro pararem inde in hospitium redire, forte conloquentem video cum hospite quodam vergentis ad senium aetatis. vultu adusto, promissa barba,

Когда я однажды въ благолѣпномъ и многолюдномъ храмѣ Пречистой Дѣвы Маріи присутствовалъ на богослуженіи и по окончаніи службы собирался вернуться въ свою гостинницу, я случайно увидѣлъ Петра Эгидія, бесѣдовавшаго съ какимъ-то чужестранцемъ довольно пожилыхъ лѣтъ, съ за-

же слова примѣнимы и къ г-ну Генкелю, который, кстати сказать, на стр. 277 своего предшественника и товарища по несчастью самъ попрекаетъ тѣмъ, что онъ подъ вліяніемъ перевода Коте смѣшалъ городъ Caliquit съ Калькуттой. Ἄλλων ἰατρὸς αὐτὸς ἕλκεσιν βρύων.

paenula neglectim ab umero dependente, qui mihi ex vultu atque habitu nauclerus esse videbatur. At Petrus ubi me conspexit, adit at salutat, respondere conantem seducit paululum et „Vides“ inquit „hunc?“ Simul designabat eum, cum quo loquentem videram. „Eum“, inquit, „iam hinc ad te recta parabam ducere“.

горѣлымъ лицомъ, длинной бородою, въ плащѣ, небрежно спущенномъ съ плеча. По всему облику и одеждѣ онъ показался мнѣ капитаномъ корабля. Замѣтивъ меня, Петръ подошелъ и поздоровался со мною и, когда я хотѣлъ отвѣтить на его привѣтствіе, отвелъ меня немного въ сторону и сказалъ: „Видишь этого господина?“ при этомъ онъ указывалъ на человѣка, съ которымъ я видѣлъ его разговаривавшимъ. „Я собирался повести его отсюда прямо къ тебѣ“.

S. 4 f. Eines Tages besuchte ich die Notre-Dame. Diese Kirche wird nicht allein von den Einwohnern sehr verehrt sondern bildet auch eines unserer schönsten Meisterwerke der Architektur. Nach beendigtem Gottesdienste wollte ich soeben in mein Hotel zurückkehren, als ich plötzlich vor Peter Gilles stand, der mit einem schon ältlichen Fremden plauderte. Der sonnengebräunte Teint des Unbekannten, sein langer Bart, sein Rock, der nachlässig bis zur Hälfte zurückfiel, seine Miene und seine Haltung liessen in ihm einen Schiffspatron vermuten.

Kaum hatte Peter mich bemerkt, als er mir entgegenkam, mich grüsste und seinen Begleiter, der eben eine Erwiderung auf den Lippen hatte, ein wenig entfernte.—Diesen Herrn hier, sagte er, stand ich soeben im Begriff zu Ihnen zu führen.

Стр. 58. Однажды я посѣтилъ соборъ Богоматери. Церковь эта не только особенно *почитается мѣстнымъ населеніемъ*, но и представляетъ собою одно изъ чудесъ архитектурнаго искусства. По окончаніи богослуженія я собирался вернуться въ свою гостинницу, какъ вдругъ увидѣлъ Петра Эгидія, бесѣдовавшаго съ довольно пожилымъ господиномъ. Загорѣлое лицо незнакомца, длинная борода, *сюртукъ, небрежно спускавшійся ниже колѣнъ*, весь обликъ его и одежда изобличали въ немъ моряка.

Замѣтивъ меня, Петръ пошелъ на встрѣчу, поздоровался и *нѣсколько отсталъ отъ своего спутника, который очевидно желалъ сдѣлать какое то возраженіе*.- „А я только что хотѣлъ вести къ тебѣ этого господина“, сказалъ онъ.

Помимо общаго построенія рѣчи, значительно отступающаго отъ подлинника и до мелочей совпадающаго съ нѣмецкимъ переводомъ, о рабской зависимости г. Генкеля отъ г. Коте свидѣтельствуютъ пропускъ словъ „vides“, inquit, „hunc?“ Simul designabat eum, cum quo loquentem videram и искаженія смысла въ отмѣченныхъ курсивомъ мѣстахъ. Кромѣ того слова нѣмецкаго текста „der nachlässig bis zur Hälfte zurückfiel“ невѣрно поняты русскимъ переводчикомъ.

II. p, 10, 26. Eius liberalitate narrabat commeatum atque viaticum ipsi et

Благодаря его (т. е. одного изъ князей въ Центральной Америкѣ) щедро-

quinque eius comitibus adfatim fuisse suppeditatum cum itineris, quod per aquam ratibus, per terram curru peragebant, fidelissimo duce, qui eos ad alios principes, quos diligenter commendati petebant, adduceret. Nam post multorum itinera dierum oppida atque urbes aiebat repperisse se ac non pessime institutas magna populorum frequentia res publicas.

сти — такъ разсказывалъ Гитлодей — ему и пяти его товарищамъ были предоставлены въ изобиліи транспортныя средства и съѣстные припасы, а также данъ вполнѣ надежный проводникъ для путешествія, которое они совершали по водѣ на плотахъ, по сушѣ въ повозкахъ. Проводникъ этотъ имѣлъ порученіе провести ихъ къ другимъ князьямъ, къ которымъ они получили наилучшія рекомендаціи. Послѣ многодневнаго путешествія они встрѣтили села и города и вполнѣ благоустроенныя государства съ многочисленнымъ народонаселеніемъ.

S. 7. Dieser Freigebige lieferte ihnen Barken, Fahrzeuge und alles Uebrige, was die Fortsetzung ihrer Reise erheischte. Ein treuer Führer bekam Auftrag, sie zu begleiten und mit den ausgezeichnetsten Empfehlungen anderen Fürsten vorzustellen. Nach einem mehrtägigen Marsche fanden sie Flecken, wohlverwaltete Städte, zahlreiche Völkerschaften, mächtige Staaten.

Стр. 60. Этотъ щедрый человѣкъ предоставилъ въ ихъ распоряженіе *суда, барки* и все необходимое для путешествія. Вѣрный проводникъ получилъ приказаніе указывать имъ путь и повсюду, во владѣніяхъ другихъ государей, *давать о нихъ самые лестные отзывы*. Послѣ долгаго путешествія имъ встрѣтились мѣстечки, благоустроенные города, *многочисленные народы*, *сильныя* государства.

Съ латинскимъ оригиналомъ русскій переводъ, какъ видно, сильно расходится, но за то вполнѣ совпадаетъ съ нѣмецкимъ переводомъ; только подъ Fahrzeuge г. Коте по всей вѣроятности разумѣлъ не суда, а повозки.

III. p. 19, 6: et tanquam parum soli perderent apud vos ferarum saltus ac vivaria, illi boni viri habitationes omnes et quidquid usquam est culti, vertunt in solitudinem.

И какъ будто у васъ мало земли безъ пользы занято звѣринцами и парками, эти почтенные господа всѣ селенія и каждую пядь обработанной земли превращаютъ въ пустыню.

S. 19. Die bewohntesten und am besten cultivirten Stellen schaffen sie in Einöden um. Ohne Zweifel fürchten sie, dass es zuviele Gärten und Holzungen geben und dass es den wilden Thieren an Boden fehlen möchte.

Стр. 75 сл. Самыя населенныя и прекрасно обработанныя земли превращаются благодаря имъ, въ пустыни. Безъ сомнѣнія, *они опасаются, что будетъ слишкомъ много садовъ и лѣсу, и такимъ образомъ звѣри останутся безъ пастбищъ*.

Безсмыслица г. Коте повторена г-номъ Генкелемъ и еще усугублена тѣмъ, что „Boden" передано черезъ „пастбище".

IV. p. 24, 14. Ergo apud hos furti qui peraguntur quod sustulere domino reddunt, non quod alibi fieri solet, principi, utpote cui tantum juris esse censent in rem furtivam, quantum ipsi furi.

У нихъ уличенные въ воровствѣ выдаютъ украденное владѣльцу, а не государю, какъ то дѣлается въ другихъ странахъ. Государь по ихъ мнѣнію имѣетъ столько же права на украденную вещь, сколько самъ воръ.

S. 26. Wenn bei diesem Volke ein Individuum des Diebstahles überführt ist, zwingt man ihn zuvörderst zur Herausgabe des Gestohlenen an den Eigenthümer, und nicht, wie es anderswo gehalten zu werden pflegt, an den Fürsten. Die Polyleriten sind der Meinung, dass der Diebstahl das Eigenthumsrecht keineswegs aufhebe.

Стр. 85. Когда у этого народа кого либо уличають въ воровствѣ, его заставляють *прежде всего* выдать украденное владѣльцу, а не государю, какъ то принято въ другихъ странахъ. Они того мнѣнія, что украденная вещь ни въ какомъ случаѣ не уничтожаетъ права собственности.

Передавъ „der Diebstahl“ через „украденная вещь“, г. Генкель еще болѣе исказилъ смыслъ мѣста.

V. p. 31, 5. alius consulit conducendos Germanos, alius pecunia demulcendos Helvetios, alius adversum numen imperatoriae maiestatis auro velut anathemate propitiandum.

Другой совѣтуетъ нанять нѣмцевъ (т. е. нѣмецкихъ ландскнехтовъ), третій—деньгами задобрить швейцарцевъ, еще другой—умилостивить разгнѣванное божество Его Императорскаго Величества, поднесши ему въ видѣ жертвоприношенія золота.

S. 36. Ein Anderer räth, sich mit den Deutschen zu verbinden; ein Dritter, mit Geld die Schweizer zu kirren. Dieser hält dafür, dass man sich den kaiserlichen Gott geneigt machen und ihm Gold zum Sühnopfer darbringen müsse.

Стр. 97. Другой совѣтуетъ *заключить союзъ* съ нѣмцами; третій—подкупить деньгами швейцарцевъ. Этотъ стоитъ за то, что надо расположить въ свою пользу *царственнаго бога* и принести ему денежную жертву.

Подъ „kaiserlicher Gott“ г. Коте, вѣроятно, понималъ правильно германскаго императора. Г-нъ же Генкель поясняетъ, что „царственный богъ“—*папа римскій*, и по этому случаю считаетъ умѣстнымъ на двухъ страницахъ (прим. 28) распространяться о роли папства „въ политической жизни католическаго запада среднихъ вѣковъ“.

VI. p. 49, 30. Extra senatum aut comitia publica de rebus communibus inire consilia capitale habetur. Haec eo ferunt instituta, ne proclive esset conjuratione principis ac traniborum op-

Совѣщаться объ общественныхъ дѣлахъ внѣ сената или народнаго собранія считается уголовнымъ преступленіемъ. Это, говорять, для того установлено, дабы верховному правителю

presso per tyrannidem populo statum rei publicae mutare.

и транниборамъ не легко было сговориться и, подавивъ народъ тираннiей, измѣнить форму правленія.

S. 63. Sich ausser dem Senate und den Volksversammlungen zur Beratung über öffentliche Angelegenheiten zu vereinigen, ist ein Verbrechen, auf welches der Tod steht. Diese Bestimmungen wollen den Fürsten und die Traniboren verhindern, sich gemeinschaftlich gegen die Freiheit zu verschwören, das Volk durch tyrannische Gesetze zu unterdrücken und die Regierungsform zu ändern.

Стр. 133. Собираться для обсужденія общественныхъ дѣлъ помимо сената и народнаго собранія считается преступленіемъ, караемымъ смертью. Этими постановленіями *князья и траниборы стараются предотвратить* заговоры противъ свободы, *противъ* притѣсненія народа деспотическими законами и *противъ* измѣненія формы правленія.

У нѣмца на этотъ разъ смыслъ переданъ довольно правильно; но г. Генкель не понялъ его словъ и нагородилъ безсмыслицу.

VII. p. 54. 21: quin frequenter etiam quae domus alii ingenti sumptu stetit, hanc alius delicato animo contemnit eaque neglecta atque ideo brevi conlapsa aliam impensis non minoribus exstruit.

Мало того, часто домъ, стоившій одному огромныхъ денегъ, не нравится другому благодаря его капризному нраву: а когда этотъ домъ, предоставленный самому себѣ, въ короткое время обветшаетъ, владѣлецъ выстраиваетъ себѣ новый въ другомъ мѣстѣ, съ неменьшими затратами.

S. 70. Oft findet man sogar, dass ein ausstudierter Priester des Luxus sich der väterlichen Bauten schämt und mit noch grösseren Kosten auf einem andern Terrain neue Gebäude aufführt, während das Haus seines Vaters zur Ruine verfällt.

Стр. 140. Иногда случается даже, что *ученый или священникъ, стыдясь роскоши* отцовскихъ построекъ, еще съ большими затратами воздвигаетъ новое зданіе, между тѣмъ какъ старое обращается въ развалины.

Вычурное выраженіе г-на Коте „прошедшій высшую школу жрецъ роскоши“, долженствующее передать латинское delicato animo и, вѣроятно, перенятое нѣмцемъ у француза, осталось непонятнымъ для русскаго переводчика. Онъ разложилъ „прошедшаго высшую школу жреца“ на „ученаго“ и „священника“, а род. падежъ „des Luxus“ отнесъ къ „sich schämt“, вслѣдствіе чего получилась, конечно, полная безсмыслица.

VIII. p. 67, 13... usque adeo, ut plumbeus quisquam et cui non plus ingenii sit quam stipiti nec minus etiam improbus quam stultus, multos tamen

...до такой степени, что какой нибудь идіотъ, имѣющій не болѣе ума чѣмъ пень и въ то же время столь же безнравственный, сколь глупый, все-

et sapientes et bonos viros in servitute habeat ob id duntaxat, quod ei magnus contigit aureorum numismatum cumulus; quem si qua fortuna aut aliqua legum stropha, quae nihil minus quam fortuna ipsa summa imis permiscet, ab hero illo ad abiectissimum totius familiae suae nebulonem transtulerit, fit nimirum paulo post ut in famuli sui famulicium concedat velut appendix additamentumque numismatum.

таки держитъ въ зависимости многихъ умныхъ и честныхъ людей только потому, что ему досталась большая куча золотыхъ монетъ. Если же какая-нибудь перемѣна счастья или какая либо кляуза въ законахъ, которая не менѣе самой фортуны можетъ все перевернуть верхъ дномъ, отниметъ эту кучу золота у ея хозяина и передастъ ее самому презрѣнному бездѣльнику изо всей его челяди, то и самъ хозяинъ немного спустя поступитъ въ услуженіе къ своему слугѣ, будучи какъ бы приложеніе и придатокъ къ своимъ деньгамъ.

S. 87. Ebenso befremdet es sie, dass ein Reicher, ohne alle Kenntnisse, dumm wie ein Klotz, und ebenso stumpf als unmoralisch, eine Menge von vernünftigen und tugendhaften Menschen in seiner Abhängigkeit halte, weil das Glück ihm einige Haufen Thaler zugetheilt. Aber das Glück, sagen sie, kann ihn verrathen und das Gesetz (welches ebensowohl wie das Glück, oft vom Gipfel in den Staub stürzt) kann ihm sein Geld entreissen und ihn unter die Hände des verächtlichsten seiner Knechte gerathen lassen. Dann wird dieser nämliche Reiche sich sehr glücklich schätzen, in Gesellschaft mit seinem Gelde und wie eine Marktwaare zum Dienste seines früheren Knechts zu gelangen.

Стр. 161. Кромѣ того, они не могутъ постигнуть, какимъ это образомъ богачъ, безо всякихъ познаній, глупый какъ пень, и такой же пустой, какъ и безнравственный, держитъ въ зависимости цѣлую толпу разумныхъ и добродѣтельныхъ людей только потому, *что удѣляетъ имъ нѣсколько монетъ*. Но вѣдь счастье, говорятъ они, можетъ измѣнить ему, а законъ (который тоже частенько *обращается въ прахъ* точь въ точь, какъ и счастье), можетъ отнять деньги и передать его въ руки самыхъ презрѣнныхъ его рабовъ. Тогда тотъ же богачъ будетъ почитать себя счастливымъ, если ему удастся опять вмѣстѣ со своими деньгами продавать себя, какъ товаръ, на службу своему бывшему рабу.

Къ неточностямъ и искаженіямъ г-на Коте русскій переводчикъ и тутъ прибавилъ новыя нелѣпицы, превратно понявъ *свой* оригиналъ.

IX. p. 69, 3. Sed de causis earum rerum omnium et de fluxu maris eiusque salsitate et in summa de caeli mundique origine ac natura partim eadem quae veteres philosophi nostri disserunt, partim ut illi inter se dissident, ita hi quoque, dum novas rerum rationes adferunt, ab omnibus illis dis-

Но о причинахъ всѣхъ этихъ явленій (т. е. явленій метеорологическихъ), далѣе о морскихъ теченіяхъ, о солености морской воды и вообще о происхожденіи и природѣ неба и міра утопійцы высказываютъ отчасти тѣ же самыя предположенія какъ наши древніе философы, отчасти они отсту-

sentiunt nec inter se tamen usque quaque conveniunt.

наютъ отъ нихъ всѣхъ, выставляя новыя гипотезы, не всегда, впрочемъ, между собою согласныя, подобно тому, какъ и философы древности между собою расходятся.

S. 89. Sie stellen keine anderen Vermuthungen auf, als über die Ursachen der Naturerscheinungen, über Ebbe und Flut, über die Salzung des Meeres, über den Ursprung und die Natur des Himmels und der Erde. Ihre Systeme berühren in gewissen Punkten diejenigen unserer alten Philosophen, in anderen entfernen sie sich von diesen; aber in den neuen Theorien, die sie aufgestellt, giebt es Spaltungen bei ihnen wie bei uns.

Стр. 163. Они не дѣлаютъ другихъ предположеній для объясненія явленій природы, прилива и отлива, солености морской воды, происхожденія и устройства неба и земли, *кромѣ предположеній естественно-историческихъ.* Ихъ теоріи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаютъ теоріи древнихъ философовъ, но иногда они и уклоняются отъ нихъ; однако и въ *новѣйшихъ*, построенныхъ ими теоріяхъ, такъ же, какъ и у насъ, существуютъ разногласія.

Смыслъ подлинника совершенно извращенъ въ нѣмецкомъ переводѣ; а г-нъ Генкель еще увеличилъ число искаженій.

X. p. 79, 11. Itaque non ea modo, quae vulgo faciunt agricolae, diligenter ibi administrata conspicias, ut terram natura maligniorem arte atque opera juvent, sed populi manibus alibi radicitus evulsam silvam, alibi consitam videas; qua in re habita est non ubertatis, sed vecturae ratio, ut essent ligna aut mari aut fluviis aut urbibus ipsis viciniora; minore enim cum labore terrestri itinere fruges quam ligna longius adferunt.

И такъ въ Утопіи наблюдатель увидитъ тщательное исполненіе не только такихъ работъ, которыя обыкновенно исполняются земледѣльцами, направленныхъ къ улучшенію безплодной по природѣ земли, посредствомъ умѣлой и прилежной обработки. Его взору представится тамъ и такое зрѣлище: въ однихъ мѣстахъ руками людей выкорчевывается лѣсъ, въ другихъ онъ насаждается. При этомъ утопійцы сообразуются не съ плодородіемъ почвы, а съ удобствомъ транспорта, чтобы лѣсные продукты были ближе къ морю, къ рѣкамъ и къ самымъ городамъ; вѣдь сухимъ путемъ на большія разстоянія имъ гораздо легче перевозить хлѣбъ, чѣмъ дрова и строительный лѣсъ.

S. 103. Nicht allein die ackerbauenden Bürger stellen in grosser Vollkommenheit die Arbeiten her, die einen von Natur undankbaren Boden fruchtbarer machen sondern das Volk wird bisweilen in Masse aufgeboten, ganze

Стр. 180. Не одни только граждане-земледѣльцы успѣшно работаютъ надъ превращеніемъ неблагодарной почвы въ плодородную: иногда весь народъ во всей своей массѣ призывается къ тому, чтобы вырывать съ корнями

Wälder, deren Lage ein Hemmniss für den Transport bildet, zu entwurzeln und dafür andere in der Nähe des Meeres, der Flüsse oder der Städte anzupflanzen; denn von allen Erzeugnissen des Bodens lässt das Holz sich am schwierigsten zu Lande fortschaffen.

деревья цѣлаго лѣса, мѣшающаго движенію, и *пересаживать ихъ* на берега морей и рѣкъ или въ окрестности городовъ, вѣдь изо всѣхъ произведеній почвы лѣсъ *труднѣе всего уничтожить.*

По поводу этого мѣста г. Генкель, стр. 307, замѣчаетъ: „Въ настоящее время мы знаемъ, насколько ошибоченъ взглядъ Мора: ничего кажется такъ легко не уничтожается или, по крайней мѣрѣ, ничто такъ трудно не насаждается, какъ именно лѣсъ“ (затѣмъ слѣдуетъ кое-что о Муромскихъ и Брянскихъ лѣсахъ и о зубрахъ, получающихъ казенный паекъ въ лѣсахъ Бѣловѣжской пущи). Но, какъ видитъ читатель, мнимая ошибка Мора сводится къ забавному недоразумѣнію самого г. Генкеля: „fortschaffen“ (= „перевозить“) нѣмецкаго перевода онъ понялъ въ смыслѣ „уничтожать“. Ему лично принадлежитъ также пересадка цѣлаго лѣса съ одного мѣста на другое. Остальныя нелѣпости, встрѣчающіяся въ выписанномъ отрывкѣ, относятся уже на счетъ г. Коте.

Намъ думается, что приведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно, чтобы доказать справедливость высказанныхъ выше обвиненій. Повторяемъ: 1) г. Генкель вопреки заявленію заглавнаго листа и вопреки сообщенію о какой-то провѣркѣ текста по разнымъ изданіямъ ограничился тѣмъ, что перевелъ на русскій языкъ готовый нѣмецкій переводъ; 2) онъ избралъ для этого не новѣйшій и лучшій переводъ, каковымъ является переводъ Wessely [1]), а старый, завѣдомо негодный переводъ Kothe, полная несостоятельность котораго давно доказана; 3) къ многочисленнымъ ошибкамъ и извращеніямъ своего нѣмецкаго подлинника онъ прибавилъ—по незнанію ли нѣмецкаго языка или просто по небрежности—массу новыхъ недоразумѣній и искаженій.

Остается сказать нѣсколько словъ о прибавленіяхъ, приложенныхъ къ переводу.

Переводу предшествуютъ „Біографическій Очеркъ“ Томаса Мора, принадлежащій перу Н. А. Макшеевой (стр. 9—40), и „Письмо

[1]) Thomas Morus Utopia. Uebersetzt von I. E. Wessely (=Sammlung gesellschaftswissenschaftlicher Aufsätze herausg. von E. Fuchs. Heft XI—XIII). München 1896. Въ этомъ переводѣ попадаются недосмотры и ошибки; но въ общемъ онъ удовлетворителенъ.

Эразма Роттердамскаго къ Гуттену" (стр. 41—53). За переводомъ помѣщены „Приложеніе I", содержащее письмо Мора къ Петру Эгидію, и „Приложеніе II" „Объ изданіяхъ Утопіи и объ отношеніи къ ней современниковъ" (см. выше). Заключеніе книги составляютъ „Примѣчанія къ Утопіи" (стр. 271—320). По содержанію и тону примѣчанія эти вполнѣ подходятъ подъ характеръ самого перевода. Большинство изъ нихъ содержитъ не имѣющія никакого отношенія къ тексту Утопіи, ненужныя и безцѣльныя, подчасъ курьезныя „Историческія справки", въ родѣ отмѣченныхъ нами выше о политической роли папства и о Брянскихъ и Муромскихъ лѣсахъ, или въ родѣ предлагаемой на стр. 311 о томъ, что „крѣпостные были освобождены во Франціи во время крестовыхъ походовъ" (!). Образцомъ того, какъ г. Генкель понимаетъ Утопію, можетъ также служить примѣчаніе 65 на стр. 317, гдѣ по поводу знаменитыхъ ироническихъ словъ Мора о томъ, какъ свято и ненарушимо христіанскіе государи Европы сохраняютъ договоры и союзы, переводчикъ, очевидно, не постигшій блестящей ироніи этого мѣста, считаетъ нужнымъ сдѣлать автору слѣдующій упрекъ: „Здѣсь опять сказывается Моръ-вельможа, которому нельзя не воскурить ѳиміама по адресу сильныхъ міра сего... Однако онъ самъ повидимому забылъ, что въ I критической части своего труда безпощадно клеймитъ вѣроломную политику своихъ современниковъ—дипломатовъ". Въ другихъ примѣчаніяхъ приводятся выписки изъ латинскаго подлинника, долженствующія, очевидно, окончательно убѣдить читателя въ томъ, что переводъ сдѣланъ по оригиналу. Выписываемые тексты, иногда совершенно несогласные съ переводомъ, обыкновенно остаются безъ поясненія. Но иногда предлагаются толкованія, которыя лишній разъ обнаруживаютъ полную невинность г. Генкеля по части знанія латинскаго языка; такъ, напримѣръ, слово pila = мячъ (въ данномъ контекстѣ „игра въ мячъ") поясняется черезъ „палки, дротики, бросаемые въ цѣль" (прим. 15, стр. 280); а для пословицы „crebro jactu jaci aliquando Venerem=часто бросая (игральныя кости) можно, наконецъ, сдѣлать и удачный ходъ" дается слѣдующій „буквальный переводъ": „частое (?) бросая (подразумѣвается орудіе) удается попасть и въ Венеру" (прим. 25 стр. 288).

На томъ же уровнѣ стоятъ объясненія собственныхъ именъ, образованныхъ Моромъ изъ элементовъ греческаго языка. Имя Hythlodaeus, напримѣръ, производится отъ греческихъ словъ ὕθλος—облако и δαίω—изучаю: „опытный въ теченіи облаковъ", иначе говоря „чело-

вѣкъ много путешествовавшій" (прим. 5, стр. 274). Названіе народа „Polyleritai" „составилось изъ греческихъ словъ πολλαὶ λῆραι (sic!)—многія облака" (прим. 19, стр. 283). Названіе бога Mithra толкуется, „въ смыслѣ верховный (напр. митрополитъ) отъ μήτηρ—мать, родоначальникъ" (прим. 71, стр. 319).

Приложенный къ книжкѣ портретъ Мора не имѣетъ сходства ни съ однимъ изъ извѣстныхъ намъ изображеній славнаго гуманиста: авторъ Утопіи представленъ на немъ усатымъ!

Единственнымъ положительнымъ качествомъ разобраннаго нами перевода является его языкъ. Переводъ читается легко и пріятно, если не особенно вникать въ безсмысленное подчасъ содержаніе. Можно думать, что это—заслуга Н. А. Макшеевой, взявшей на себя, по словамъ предисловія, „редактированіе литературнаго стиля перевода". Благодаря послѣднему качеству, переводъ г. Генкеля можетъ сослужить нѣкоторую службу новому переводчику, который, зная въ совершенствѣ латинскій языкъ (это—condicio sine qua non, какъ то доказали неудачныя попытки гг. Тарле и Генкеля), взялся бы перевести Утопію дѣйствительно съ подлинника. Такой переводъ, исполненный добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла, по прежнему представляетъ собою desideratum русской литературы.

Черезъ 11 лѣтъ исполнится 400-лѣтіе вѣчно юнаго произведенія Мора. Позволяемъ себѣ высказать пожеланіе, чтобы къ тому времени русская публика имѣла возможность прочесть Утопію въ удовлетворительномъ переводѣ.

А. Сонин.

Проф. Мих. Грушевскій. **Очеркъ исторіи украинскаго народа. С.-Пб. 1904. Стр. 380. Цѣна 2 р.**

Въ этой книгѣ авторъ излагаетъ первоначально исторію кіевскаго и другихъ княжествъ южной Руси, затѣмъ слѣдитъ за судьбами малорусскаго народа, когда онъ, вслѣдъ за татарскимъ погромомъ, постепенно вошелъ въ составъ Литовско-польскаго государства, потомъ, и особенно подробно, излагаетъ факты малорусской исторіи XVII и, менѣе подробно, XVIII в.в., когда совершилось присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству; заканчиваетъ авторъ свое изложеніе очеркомъ современнаго состоянія малорусскаго народа, его литературы, научной дѣятельности и общественныхъ движеній въ немъ. Изложеніе въ общемъ вполнѣ научное, ясное, точное; безъ излишнихъ

подробностей сообщается всегда много очень цѣннаго и любопытнаго. Нѣкоторыя главы заслуживають самаго серьезнаго вниманія и, думается намъ, должны войдти во всѣ курсы и обзоры русской исторіи; такова, напримѣръ, глава VII-ая (стр. 77—91), въ которой авторъ даетъ весьма любопытный обзоръ событій удѣльнаго періода; ему удалось подмѣтить и выразить кратко, опредѣленно и ясно особыя черты, которыми характеризуются движенія въ разныхъ княжествахъ—Кіевскомъ, Черниговскомъ, Переяславскомъ, Волынскомъ; не вдаваясь въ утомительно однообразныя, скучныя подробности безконечныхъ усобицъ, смутъ, переходовъ князей — онъ даетъ общую характеристику отношеній, характеристику, которая остается цѣнною и любопытною, если бы даже пришлось внести въ нее и нѣкоторыя поправки. Весьма любопытны также главы XII и XIII (167—193), посвященныя крестьянству и городамъ въ XIII—XVI вв.; тутъ очень тонко указано, какъ магдебургское право, по основной своей тенденціи либеральное, въ силу мѣстныхъ причинъ повело къ ухудшенію положенія православнаго городского населенія и крестьянства: изъятіе изъ подъ власти правительственныхъ чиновниковъ привело общины къ тому, что онѣ оказались въ безконтрольной власти помѣщика, выборныя должности по самоуправленію обратились въ наслѣдственныя; такъ какъ разными правами по „магдебургскому праву" могли пользоваться только католики, то положеніе православныхъ все ухудшалось и т. д. Кратко, но очень хорошо изображена дѣятельность братствъ и то вліяніе, какое имѣла ихъ борьба съ епископами на начало уніи и т. д. Интересны главы, посвященныя казацкимъ движеніямъ и Хмельницкому, хотя намъ кажется, что авторъ меньше, чѣмъ слѣдовало бы, придаетъ значеніе симпатіямъ народныхъ массъ къ Москвѣ,—но, конечно, это такого рода вопросъ, который всегда можетъ остаться спорнымъ. Вообще же книга проф. Грушевскаго весьма интересна; она обличаетъ въ авторѣ ученаго, обладающаго обширными знаніями, способнаго охватывать широкіе вопросы, скажемъ, пожалуй, даже—горизонты. Въ частностяхъ мы почти ничего не имѣемъ возразить автору; фактическихъ ошибокъ мы не замѣтили, если не говорить объ одной, повидимому, обмолвкѣ. Но мы никакъ не можемъ признать, чтобы въ своемъ цѣломъ разсматриваемая книга давала строго обоснованные научные результаты. Авторъ оставилъ въ своей книгѣ два крупные пробѣла, безъ заполненія которыхъ она теряетъ въ значительной степени свою цѣнность какъ трудъ ученый: онъ не доказалъ ничѣмъ, во 1)—научность исторіи *украинскаго народа* въ захвачен-

ныхъ имъ хронологическихъ границахъ и во 2)—онъ не доказалъ основательность принимаемаго имъ положенія, что исторія кіевской Руси непосредственно, неразрывно продолжается не въ Московской — ранѣе Суздальской землѣ, а въ Литовско-польскомъ государствѣ. Съ первымъ вопросомъ авторъ даже не считается; повидимому, онъ признаетъ его не только не существеннымъ, но не могущимъ существовать; со вторымъ—раздѣлывается въ одномъ примѣчаніи, на стр. 92—93. Правда, можно было бы сказать, что столь же неосновательно и исторію Россіи вести хотя бы съ IX вѣка, потому что тогда не было Россіи, а были отдѣльныя княжества; но вѣдь во всѣхъ русскихъ сочиненіяхъ, касающихся этой эпохи, всегда и говорится, что не только тогда была не Россія, а лишь ея зачатки, но указывается и доказывается, что и самое великорусское племя создалось уже впослѣдствіи, на глазахъ, на памяти исторіи; вести со временъ Олега и Владиміра Св. исторію *великорусскаго племени* — конечно, не придетъ въ голову ни одному русскому ученому; безспорно и ясно, что столь же, если только не еще болѣе, невѣрно вести съ IX в. и исторію *малорусскаго* народа. Авторъ заявляетъ, что „какъ въ лингвистическомъ, такъ и въ психофизическомъ отношеніи обособленіе народностей украинской, бѣлорусской и великорусской выходитъ далеко за предѣлы исторіи“,—и что „украинская группа племенъ овладѣваетъ нынѣшнею своею территоріею во время славянскаго разселенія, двигаясь изъ своей прародины на югъ и западъ“ (стр. 10 и 11). Такое положеніе стоитъ въ прямомъ противорѣчіи со множествомъ несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ и его необходимо было доказать, чтобы имѣть право положить его въ основу всей книги; авторъ могъ бы пожертвовать любою частью своей книги—въ общемъ, повторяемъ, весьма интересной на нашъ взглядъ,—если бы какія либо соображенія заставляли его дорожить мѣстомъ или временемъ — книга возникла изъ курса лекцій,—но онъ долженъ былъ остановиться на доказательствѣ спорнаго пункта. Въ исторической наукѣ установлено, что образованіе великорусской народности происходитъ въ теченіе XII—XIV вв. первоначально въ области суздальской; это доказывается и историческими и лингвистическими данными; никакія археологическія данныя не представятъ г. Грушевскому основаній выдѣлять уже въ IX — XI вв. *малорусское* племя отъ *великорусскаго*. Возможны попытки выяснить отличія племенъ—полянъ, кривичей, древлянъ, но никакъ не великороссовъ и малороссовъ, потому что тогда не было еще ни тѣхъ, ни другихъ. Если же великорусское племя возникло уже около

XIII в., то падаетъ положеніе автора о доисторическомъ опредѣленіи различій его и племени малорусскаго,—не говоримъ уже о томъ, что возникновеніе племени малороссовъ весьма многими и компетентнѣйшими учеными относится къ вѣкамъ XIII—XIV. Не станетъ, думается, и нашъ авторъ утверждать, чтобы языкъ первоначальныхъ лѣтописей и Слова о полку Игоревѣ былъ сколько нибудь ближе къ нарѣчію малороссійскому, чѣмъ къ великорусскому; а проскальзываютъ и у него замѣчанія, которыя не могутъ не наталкивать на мысль, что люди кіевскаго періода кое въ чемъ, и довольно существенномъ, ближе къ теперешнимъ великоруссамъ, чѣмъ къ малоруссамъ: г. Грушевскій говоритъ, напр., что „дома устраивали высоко, въ видѣ двухъ этажей; комнаты были теплыя и лѣтнія;... все это дѣлалось изъ дерева" (23)—гдѣ что либо подобное въ теперешней Малороссіи? не великорусскій ли это крестьянскій дворъ? Авторъ прибавляетъ тутъ же, что „все это дѣлалось изъ дерева или обмазаннаго глиною плетня", но мы лично что-то не помнимъ, хотя бы малѣйшаго намека въ лѣтописяхъ на „обмазанный глиною плетень" какъ матеріалъ для стѣнъ жилищъ въ кіевской Руси—тамъ говорится о „срубахъ"; не мѣшало бы привести подобныя указанія, да и не одно, а всѣ; не надо забывать, что и наименованія жилищъ въ лѣтописяхъ ближе къ теперешнимъ великорусскимъ—тамъ говорится объ избахъ, истопкахъ, а не о хатахъ...

Въ заполненіе второго отмѣченнаго нами выше пробѣла авторъ сказалъ только нѣсколько словъ въ примѣчаніи (стр. 92 — 93). Онъ говоритъ, что уже давно, еще въ Московскомъ государствѣ, укрѣпилось неосновательное, по мнѣнію автора — убѣжденіе, будто московское государство является „естественнымъ и непрерывнымъ продолженіемъ и единственнымъ наслѣдникомъ" кіевскаго. „Это же представленіе—продолжаетъ авторъ—о московскомъ государствѣ какъ непосредственномъ органическомъ продолженіи кіевскаго, легло въ основу и новѣйшей исторіографіи; обычная схема „русской исторіи" начинается обозрѣніемъ колонизаціи восточной Европы, захватываетъ исторію Кіевскаго государства до половины XII вѣка, съ половины XII в. переходитъ (обыкновенно съ кіевскаго погрома 1169 г.) къ новосформировавшемуся великорусскому княжеству Ростово-Суздальскому, какъ смѣнившему Кіевъ новому политическому центру, а затѣмъ слѣдитъ за исторіею великорусскаго народа, пристегивая къ этой исторіи отъ времени до времени тотъ или другой эпизодъ изъ исторіи Украйны и Бѣлоруси. Эта схема пустила такіе глубокіе корни, что даже весьма серьезные

и чуждые политиканства люди не могутъ отрѣшиться отъ представленія, что исторія украинскаго народа начинается съ XV—XVI вѣка, а вся предшествовавшая жизнь южной группы племенъ принадлежитъ исторіи „общерусской“, т.-е. великорусской (эти понятія постоянно спутываются въ силу доминирующей роли великорусскаго племени въ новѣйшей исторіи). Только съ трудомъ и очень медленно проникаетъ въ ученую литературу сознаніе того яснаго и совершенно очевиднаго факта, что кіевское государство, его право, бытъ и культура были созданіемъ украинской народности, а что право и культура у великорусской народности являются *рецепціею*, почти такъ же какъ право и культура византійская или, напримѣръ, польская въ жизни украинскаго народа въ XVII—XVIII вѣкахъ“. Вотъ все, что сказано г. Грушевскимъ въ доказательство такого важнаго въ научномъ смыслѣ утвержденія. Намъ не представляется вѣроятнымъ, чтобы эти краткія замѣчанія убѣдили кого-нибудь, кто отнесся бы къ вопросу совершенно безпристрастно; и если бы авторъ посвятилъ доказательству своего положенія не одно примѣчаніе, а столько страницъ, сколько словъ въ этомъ примѣчаніи, то и это было бы не чрезмѣрно много въ соотвѣтствіи съ важностью и интересомъ вопроса, и автору были бы искренно благодарны всѣ серьезные читатели, а болѣе всего именно тѣ, кто чуждъ всякаго политиканства. Первымъ возраженіемъ противъ взгляда, принимаемаго г. Грушевскимъ, является указанная нами выше неправильность положенія, будто бы существовало уже малорусское племя въ IX—XI вѣкахъ; правильнымъ будетъ взглядъ, что Кіевскую Русь создали нѣсколько славянскихъ племенъ, которыя затѣмъ — послѣ того, какъ внѣшними условіями сдѣлана была невозможною ихъ совмѣстная жизнь,—въ разныхъ мѣстностяхъ, въ теченіе двухъ-трехъ вѣковъ выработались въ народности великорусскую и малорусскую. Пока не опровергнутъ съ несомнѣнностью этотъ выводъ исторической науки — положеніе г. Грушевскаго не можетъ быть доказано и принятіе его въ изслѣдованіи является актомъ произвола. Но даже если бы и было доказано, что это наше утвержденіе невѣрно, то тѣмъ не было бы утверждено разсматриваемое теперь положеніе г. Грушевскаго; оставалось бы все-таки еще доказать, что въ ростово-суздальскую Русь не ушла лучшая, наиболѣе энергичная и даровитая часть населенія и что поэтому должно разсматривать не исторію суздальской, затѣмъ московской Руси, какъ истинное продолженіе исторіи кіевскаго періода, что сходство послѣдней съ явленіями кіевскаго періода есть лишь рецепція и что истинное продолженіе исто-

ріи кіевской Руси — въ частяхъ литовско-польскаго государства. Вѣдь если вѣрно послѣднее, то почему же въ частяхъ кіевской Руси, вошедшихъ въ Литву-Польшу, не сохранилось такого важнаго института изъ выработанныхъ въ кіевской Руси, какъ княжеская власть, которой значеніе и характеръ такъ хорошо опредѣлилъ самъ же г. Грушевскій? Почему возобладало въ нихъ совершенно чуждое магдебургское право, создались совершенно новыя отношенія земледѣльцевъ, хотя сколько нибудь энергическій напоръ со стороны литовскаго и польскаго населенія испытали остатки кіевской Руси лишь черезъ полтораста лѣтъ, въ концѣ XIV вѣка, какъ выходитъ это по изложенію г. Грушевскаго же? Но самое важное—гдѣ факты той рецепціи, которую утверждаетъ г. Грушевскій? Вѣдь не станетъ же онъ отрицать, что столь полное подчиненіе суздальской и московской Руси вліянію малорусскаго племени есть, во всякомъ случаѣ, весьма крупный фактъ въ исторіи и малорусскаго народа; онъ не могъ совершиться безъ большой затраты со стороны этого послѣдняго силъ, работы—и слѣдовательно раскрытіе всего процесса этой рецепціи непремѣнно должно войти въ исторію малорусскаго народа. Если такое вліяніе было—факты, относящіеся къ его исторіи, должны быть весьма многочисленны; ихъ не трудно было бы указать и ихъ должно было указать. Въ XVIII вѣкѣ они были—и давно указаны, указать же ихъ для конца XIII вѣка и до второй половины XIV—невозможно, за полнымъ отсутствіемъ такихъ фактовъ. А пока это не доказано—книга г. Грушевскаго безъ достаточнаго основанія называется исторіей украинскаго народа, и авторъ слишкомъ произвольно опредѣляетъ ея содержаніе. Его книга остается талантливымъ произведеніемъ, содержащимъ много любопытнаго и цѣннаго, но она является лишь тѣмъ, что только и возможно въ предѣлахъ, поставленныхъ себѣ авторомъ—обзоромъ событій, совершившихся въ той части Россіи, которая называется Малороссіей, а вовсе не исторіею, съ IX по XIX вѣкъ, украинскаго народа.

Мы постоянно употребляемъ старинный терминъ, терминъ, освященный употребленіемъ его и Богданомъ Хмельницкимъ; не видимъ никакого основанія придерживаться искусственно вводимаго въ научное обращеніе термина *украинскій,* какъ исключительно говоритъ авторъ; конечно, смѣшно, что до 70-хъ годовъ цензура вычеркивала слово „Украйна“ (см. Грушевскій, стр. 355), и потому не лучше ли не вычеркивать изъ своего словоупотребленія и терминовъ „Малоруссія“, „малороссійскій“? Не видимъ также, почему нужно было бы писать, какъ пишетъ постоянно г. Грушевскій, Многогришный, Козацька ді-

брова, и даже *Січ* — между тѣмъ послѣднее слово пишется почти исключительно такъ, какъ мы приводимъ; если мы говоримъ и пишемъ Генрихъ IV, а не Анрикатръ, папа Пій, а не Піо и не Піусъ, то трудно, кажется, подыскать логическое основаніе и для указанныхъ примѣровъ. Позволимъ себѣ еще сказать, что напрасно, кажется, г. Грушевскій говоритъ о Шевченкѣ, что онъ „составляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе во всемірной литературѣ. Какъ лирическій поэтъ глубиною, непринужденностью и непосредственностью чувства и изяществомъ формы онъ не уступаетъ никому... Въ украинскую литературу онъ внесъ... цѣлый рядъ новыхъ мотивовъ. Укажу только наиболѣе выдающіяся стороны: обращеніе къ прошлому, невиданное предъ тѣмъ одушевленіе народными войнами XVII—XVIII вѣковъ и казачествомъ, въ идеализаціи котораго, согласно народной традиціи, онъ отыскиваетъ мотивы, созвучные его идеаламъ общественной справедливости, свободы и независимости, протестъ противъ крѣпостного права, вытекающій изъ тѣхъ же идеаловъ, которому по силѣ и напряженію нельзя указать ничего равнаго, и такой же протестъ противъ всякаго гнета“ (350). Не беремся рѣшать — покажется ли это достаточнымъ тому, кто уже убѣжденъ въ истинѣ сказаннаго тутъ, но знаемъ, что у того, кто еще не вѣруетъ въ такое исключительное достоинство Шевченка какъ поэта, мелькаютъ многія и многія имена писателей и поэтовъ, превосходство Шевченка надъ которыми не доказано. Но во всякомъ случаѣ, при тѣхъ мелочныхъ несогласіяхъ, о которыхъ мы теперь говоримъ, и при коренномъ несогласіи по главнымъ пунктамъ, мы съ большимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ книгу г. Грушевскаго, какъ произведеніе вообще талантливое, а въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ, мы готовы сказать, превосходное.

Н. Чечулинъ.

Н. Н. Трепицынъ. Переходъ правъ собственности на движимыя имущества посредствомъ передачи и соглашенія. Одесса, 1903. VIII+424 стр.

Въ разбираемомъ изслѣдованіи г. Трепицынъ поставилъ себѣ двѣ задачи. Прежде всего, онъ подробно останавливается на разсмотрѣніи, съ точки зрѣнія дѣйствующаго права, того фактическаго состава, которымъ опредѣляется переходъ права собственности на движимости, по сдѣлкамъ между живыми. Для этого требуется установить, какія дѣйствія заинтересованныхъ лицъ необходимы для того, чтобы про-

извести желаемый переходъ правъ собственности отъ отчуждающаго къ новому пріобрѣтателю. Какъ извѣстно, римское право, перешедшее въ германскіе партикулярные кодексы, связывало это послѣдствіе только съ передачей владѣнія вещью; право собственности переходитъ къ новому пріобрѣтателю только по передачѣ владѣнія. Эта система—„система передачи", принята и новымъ германскимъ уложеніемъ. Другія законодательства—французское, итальянское, англійское, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, къ которымъ присоединяется и г. Треницынъ, также и русское, отказываются отъ этого реквизита и связываютъ переходъ права собственности съ моментомъ заключенія обязательственнаго договора, направленнаго на отчужденіе вещи—„система соглашенія". Въ этихъ частяхъ работы г. Треницына преобладаютъ историческія и догматическія изысканія. Но онъ не ограничивается этой стороной дѣла. Догматическія изысканія и сравненіе различныхъ правовыхъ системъ должны дать отвѣты на другой вопросъ: какая изъ этихъ системъ, передачи или соглашенія, заслуживаетъ предпочтенія съ точки зрѣнія политики права, какая изъ нихъ болѣе желательна съ точки зрѣнія de lege ferenda и, поэтому, должна быть принята нашимъ будущимъ уложеніемъ.

Симпатіи автора всецѣло на сторонѣ системы соглашенія. Ходъ историческаго развитія, по его мнѣнію, свидѣтельствуетъ, что система передачи, какъ болѣе громоздкая, доживаетъ свой вѣкъ, постепенно вывѣтривается, и ей на смѣну идетъ болѣе гибкая и удобная для оборота система соглашенія.

Исторія различныхъ способовъ производнаго пріобрѣтенія права собственности на движимости—только эта категорія вещей имѣется въ виду въ дальнѣйшемъ изложеніи—ясно указываетъ, что сложныя обрядности уступаютъ мѣсто болѣе простымъ и внѣшняя процедура облегчается. Въ Римѣ системѣ традиціи предшествовали другіе способы переусвоенія вещей, mancipatio и in jure cessio; эти акты отличались торжественностью и формализмомъ, переходъ права удостовѣрялся ими весьма прочно, но сложность ихъ не ужилась съ потребностями развивающагося оборота. Поэтому они должны были уступить мѣсто неформальной передачѣ, которая первоначально порождала менѣе значительный юридическій эффектъ, чѣмъ манципація и in jure cessio, такъ какъ съ ней не былъ связанъ переходъ полнаго квиритскаго права. Преторы смягчили этотъ недостатокъ традиціи и, ко времени Юстиніана, она окончательно вытѣснила другіе способы производнаго пріобрѣтенія. Внѣшняя сторона ихъ, такимъ образомъ, прошла черезъ

ту же эволюцію, подмѣченную Іерингомъ—отъ матеріализма къ спиритуализму, какъ и другіе институты права. Первоначально все строеніе ихъ разсчитано на замѣтность, форма преобладаетъ надъ содержаніемъ, впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія способности къ абстракціи, внѣшняя обстановка отодвигается на задній планъ (стр. 35, 46). Но процессъ спиритуализаціи коснулся не только внѣшней обстановки. Основное условіе традиціи—пріобрѣтеніе владѣнія, а этотъ институтъ, въ свою очередь, пережилъ разныя стадіи, и если подробно разсмотрѣть вопросъ о пріобрѣтеніи владѣнія по классическому и Юстиніанову праву, то станетъ ясно, что въ послѣднемъ уже мало осталось той реальности и матеріализма, которые наблюдаются въ древнѣйшемъ римскомъ правѣ (стр. 55). Авторъ внимательно разбираетъ многочисленныя теоріи владѣнія, теоріи Савиньи, Іеринга, Пининскаго и другихъ, и приходитъ къ тому выводу, что „римское владѣніе собственниковъ и лицъ, присвоивающихъ себѣ право исключительнаго обладанія, *не имѣло реальности*, для того чтобы имѣть владѣніе отнюдь не нужно было держать вещь въ рукахъ... можно было владѣть и на очень большомъ разстояніи... и не лично, а черезъ другихъ;... владѣніе было ни для кого не замѣтнымъ, *увидѣть* его нельзя было, а чтобы найти его надо было положительно *знать*, гдѣ оно находится“ (стр. 72). Римское право разработало типъ владѣнія собственническаго и владѣніе „реальное“, „фактическое“ было на заднемъ планѣ. Только отдѣльныя категоріи детенторовъ возведены въ рангъ владѣльцевъ, но дальнѣйшее развитіе этого процесса, процесса созданія реальнаго владѣнія, произошло не въ Римѣ, а въ новой Европѣ (стр. 72, 73).

Постановкѣ владѣнія въ законодательствѣ авторъ придаетъ очень большое значеніе. Она интересуетъ его не только какъ ключъ къ уразумѣнію одного изъ реквизитовъ традиціи, но и какъ одинъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ выборъ между системами передачи и соглашенія. Въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ постоянно подчеркиваетъ, что тѣ законодательства, которыя понимаютъ владѣніе какъ реальное господство, должны склоняться къ теоріи соглашенія, и обратно, тѣ которыя стоятъ за владѣніе собственническое—къ системѣ передачи (стр. 73, 282, 331 и др.). Эту связь онъ объясняетъ тѣмъ, что реальное владѣніе можетъ быть переносимо только путемъ реальной же передачи, оно въ этомъ отношеніи лишено всякой эластичности, а эта реальная физическая передача несовмѣстима со сколько нибудь развитымъ оборотомъ (стр. 402). Наоборотъ, владѣніе „собственни-

ческое", гдѣ важно—не „кто владѣетъ"? а „кто долженъ владѣть",—въ этомъ отношеніи обладаетъ достаточной гибкостью и не стѣснительно для оборота. При немъ возможенъ рядъ такихъ типическихъ способовъ пріобрѣтенія владѣнія, при которыхъ реальный физическій захватъ сводится на нѣтъ (напр., передача ключей отъ амбара, внесеніе вещи въ домъ пріобрѣтателя и друг. См. стр. 74, 84).

При „собственническомъ" владѣніи возможно даже и представительство въ пріобрѣтеніи и сохраненіи владѣнія, что не возможно при владѣніи реальномъ, такъ какъ отношеніе принципала къ вещи незримо, а можетъ быть только познано изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла. но между тѣмъ оно-то и признается владѣніемъ, а реальное и зримое отношеніе представителя не считается владѣніемъ (стр. 90). Идея представительства имѣла очень большое значеніе въ исторіи института владѣнія, такъ какъ на ней основанъ такъ называемый constitutum possessorium. Авторъ признаетъ за нимъ абстрактный характеръ, для дѣйствительности конститута достаточно соглашеніе о переходѣ права собственности и о представительствѣ. При конститутѣ матеріальная сторона перехода владѣнія совершенно улетучивается. Вотъ въ виду такой постановки конститута, римское право могло сохранить систему передачи—она не была обременительна для оборота. Оно очень близко подошло къ системѣ соглашенія (см. особенно Cod. 8, 53 (54) стр. 111), но принципіально къ ней не перешло. Консерватизмъ идей препятствовалъ римской юриспруденціи открыто отказаться отъ принципа, который она легко обходила на практикѣ, а также, что еще важнѣе, не было особенно настоятельной практической нужды (стр. 191, 192). Система передачи стояла очень близко къ системѣ соглашенія, благодаря „юридической обстановкѣ своего примѣненія" (стр. 192). Эта обстановка заключается въ томъ, что хотя при куплѣ-продажѣ, по римскому праву, право собственности переходитъ только въ моментъ совершенія традиціи, но очень важныя отношенія регулируются такъ, какъ если бы оно переходило на покупателя въ моментъ perfectio договора (переходъ риска, распредѣленіе доходовъ съ отчуждаемой вещи, а также и издержекъ). Разумѣется, до передачи вещи пріобрѣтатель не могъ распоряжаться вещью какъ своею—въ томъ отличіе отъ системы соглашенія, но при сравнительно медленномъ римскомъ оборотѣ это ограниченіе было не особенно ощутительно.

Разсмотрѣвъ подробно нѣкоторыя частности ученія о традиціи, вопросы о преемствѣ во владѣніи, о causa traditionis, о вещномъ договорѣ (гл. I, § 4, § 5), авторъ переходитъ къ разбору теоріи тради-

ціи въ новое время и къ постановкѣ ея въ новѣйшихъ законодательствахъ. Система передачи перешла къ новымъ народамъ не въ полной неприкосновенности. Римское ученіе о владѣніи подверглось значительнымъ измѣненіямъ: наряду съ владѣніемъ „собственническимъ“ получило защиту всякое реальное обладаніе [1]) (actio spolii), а constitutum possessorium послужило переходнымъ звеномъ къ системѣ соглашенія (стр. 224—230).

Въ наиболѣе полномъ видѣ этотъ переходъ совершился во французскомъ правѣ. Въ практикѣ нотаріусовъ, уже въ 16 и 17 столѣтіяхъ, сложились такъ называемое clauses de constitut, т.-е. оговорки о томъ, что продавецъ передастъ всѣ права на вещь покупателю и впредь сохраняетъ у себя вещь для него. Этой оговоркѣ было присвоено такое же значеніе, какъ и самой передачѣ, ее включали во всякій документъ объ отчужденіи, а самая передача въ дѣйствительности не производилась (стр. 247). Редакторы гражданскаго кодекса сдѣлали дальнѣйшій, весьма естественный шагъ—они рѣшили упростить формулу сдѣлокъ объ отчужденіи и постановили, что право собственности передается и пріобрѣтается силой обязательственныхъ соглашеній. Такія соглашенія имѣютъ безъ clauses de constitut такое же значеніе, какое они имѣли прежде при наличности ихъ. Малозначущее, на первый взглядъ, измѣненіе канцелярскаго стиля произвело огромный переворотъ въ области гражданскаго права (стр. 249).

Разумѣется, это новшество явилось не внезапно. Выдающіеся авторитеты, Гроцій, Пуфендорфъ, высказывались за систему соглашенія, а юридическая жизнь довела систему передачи до полнаго разложенія. Реформа была подсказана практикой и жизненнымъ опытомъ. Авторъ внимательно разбираетъ дѣйствующія постановленія французскаго кодекса и контроверзы о томъ, переходитъ ли на пріобрѣтателя въ силу соглашенія вмѣстѣ съ правомъ собственности и владѣніе (стр. 251—258), склоняясь къ утвердительному отвѣту; переходитъ ли право собственности относительное, т.-е. только inter partes, или же абсолютное. И въ этомъ отношеніи онъ примыкаетъ къ теоріямъ, признающимъ переходъ абсолютнаго права (стр. 258—264).

Но если французское право въ ученіи о переходѣ права собственности и сдѣлало, по мнѣнію автора, большой шагъ впередъ по сравненію съ римскимъ, то въ теоріи владѣнія оно осталось на его

[1]) Этотъ процессъ авторъ характеризуетъ какъ демократизацію римскаго аристократическаго института владѣнія (стр. 233).

уровнѣ, и даже отстало отъ другихъ современныхъ правовыхъ системъ:—оно игнорируетъ „реальное" обладаніе и признаетъ только владѣніе „собственническое" (стр. 271), оно игнорируетъ detentio, и jus possessionis представляетъ только владѣльцамъ cum animo domini.

Къ системѣ соглашенія, кромѣ французскаго права, примыкаютъ англійское и итальянское. Въ послѣднее она перешла подъ вліяніемъ французскаго кодекса, въ Англіи сложилась самостоятельно (стр. 272 слѣд.). Но въ другомъ направленіи пошло развитіе въ германскихъ кодексахъ. Римское право въ эпоху рецепціи встрѣтилось съ такими институтами германскаго права, которые вполнѣ способствовали рецепціи системы передачи. Все вещное германское право было проникнуто системою Gewere, все оно основывалось на этомъ реальномъ обладаніи, зримой и внѣшней формѣ всякаго вещнаго права. Переходъ права выражался въ переходѣ Gewere и поэтому римская теорія передачи легко могла быть усвоена германскимъ законодательствомъ. Съ другой стороны, римское ученіе о владѣніи подверглось кореннымъ измѣненіямъ подъ дѣйствіемъ различныхъ причинъ—германскихъ вліяній, ученія глоссаторовъ, канонистовъ и другихъ обстоятельствъ.

Такъ, въ прусскомъ ландрехтѣ область отношеній, пользующихся владѣльческою защитою, очень расширена (стр. 282), но сохранено и собственническое владѣніе, это существенное условіе и предположеніе системы traditio (стр. 282), которая и сохранена прусскимъ ландрехтомъ принципіально, въ полномъ объемѣ. Смягчается она тѣмъ, что допущенъ рядъ типическихъ случаевъ передачи, гдѣ въ сущности вовсе нѣтъ перехода владѣнія изъ рукъ въ руки, случаи символической традиціи (стр.285 слѣд.) и допущена возможность передачи посредствомъ волеизъявленія (brevi, longa manu traditio, constitutum possess.). Наконецъ, приближеніе къ системѣ соглашенія авторъ усматриваетъ еще въ созданіи категорій такъ называемаго jus ad rem, особаго права „къ вещи", возникающаго въ силу заключенія соотвѣтствующаго обязательственнаго договора между пріобрѣтающимъ и отчуждающимъ, права, если и не всегда дающаго преимущество надъ окончательнымъ правомъ собственности, возникшемъ черезъ передачу, но сообщающаго все-таки обширныя вещныя правомочія [1]). Зато, съ

---

[1]) Именно, это преимущество обладатель jus ad rem имѣетъ въ томъ случаѣ, если то лицо, которое получило вещь по traditio, знало о предварительномъ до передачи заключеніи договора объ отчужденіи (стр. 290).

экономической стороны ландрехтъ отступаетъ отъ системы соглашенія, такъ какъ при важнѣйшей сдѣлкѣ оборота—куплѣ продажѣ — рискъ гибели, а также и доходъ съ вещи, переходитъ на пріобрѣтателя только съ момента передачи вещи. Прусская система характеризуется тѣмъ, что она „походитъ на систему соглашенія въ юридическомъ отношеніи, а римская въ экономическомъ“ (стр. 290).

Начала прусскаго права были развиты и приведены въ болѣе стройную систему германскимъ гражданскимъ уложеніемъ. Область защищаемаго юридически владѣнія въ этомъ кодексѣ расширяется еще больше чѣмъ въ ландрехтѣ, „реальное“ владѣніе, въ смыслѣ отношенія фактическаго господства, выдвинуто на первый планъ, положеніе непосредственнаго владѣльца, лица, имѣющаго владѣніе зависимое отъ какого либо другого лица, владѣльца sine animo domini, мало чѣмъ отличается отъ владѣнія посредственнаго (вида собственническаго владѣнія), владѣнія отъ своего имени (стр. 308 слѣд.). Но и это уложеніе не отказалось отъ системы передачи, однако традиція германскаго кодекса утратила во многомъ реальность и сводится къ простому волеизъявленію, въ тѣхъ случаяхъ, когда непосредственный владѣлецъ дѣлается посредственнымъ путемъ constitutum poss. (стр. 371).

Наибольшее вниманіе авторъ удѣляетъ нашему дѣйствующему законодательству. Оно представляется ему самымъ совершеннымъ изъ всѣхъ современныхъ (стр. 5, 331), уже прежде всего потому, что только въ русскомъ правѣ проведена идея реальнаго владѣнія во всей ея полнотѣ. Авторъ вполнѣ присоединяется къ той группѣ ученыхъ, которые признаютъ, что защита владѣльческими исками предоставлена по русскому праву всѣмъ реальнымъ обладателямъ, что наше право защищаетъ всякое реальное, физическое держаніе, какъ недвижимыхъ, такъ и движимыхъ вещей (стр. 328, 337), и animus domini никакой роли при этомъ не играетъ. Въ подтвержденіе этой мысли онъ указываетъ на то, что по силѣ ст. 513, 514, 521 X т. 1 ч. владѣніе, какъ составная часть собственности, можетъ быть выдѣлено и можетъ существовать отдѣльно отъ собственности (см. заголовокъ VI отд. гл. II разд. II книга II стр. 327). Въ этомъ случаѣ владѣніе не представляетъ полной параллели праву собственности и animus domini не можетъ быть включенъ въ его понятіе (стр. 325,332). На ряду съ этимъ реальнымъ владѣніемъ, въ X т. описано владѣніе давностное, владѣніе „въ видѣ собственности“. Но это своеобразный институтъ, съ владѣніемъ реальнымъ неимѣющій ничего общаго. Оно—

полная параллель собственности, оно невозможно безъ animus domini; „для реальнаго владѣнія detentio существенно важна, а для владѣнія давностнаго—безразлична“ (стр. 332), и „само по себѣ“ давностное владѣніе не защищается владѣльческими исками, а служитъ способомъ пріобрѣтенія правъ собственности. Если же русское право признаетъ только реальное владѣніе, то можно уже a priori заключить, что оно придерживается системы соглашенія; „если бы нашъ законъ и требовалъ передачи, то эта послѣдняя была бы возможна при наличности описанныхъ формъ владѣнія единственно въ видѣ реальной передачи изъ рукъ въ руки“ (стр. 338), но такъ далеко не идетъ ни одинъ изъ защитниковъ этой системы.

Но прежде чѣмъ перейти къ разбору ближайшихъ доказательствъ, приводимыхъ авторомъ въ пользу существованія у насъ системы соглашенія, не можемъ не указать, что приводимыя имъ въ пользу господства въ X томѣ реальнаго владѣнія доказательства, по нашему мнѣнію, недостаточно убѣдительны. Ст. 513, 514, 521, на которыя онъ ссылается, не говорятъ о владѣніи какъ таковомъ, о владѣніи какъ самостоятельномъ институтѣ. Онѣ содержатъ ближайшее развитіе ст. 420, гдѣ перечисляются правомочія собственника — „владѣть, пользоваться и распоряжаться“ своимъ имуществомъ и ст. 432, гдѣ говорится о неполномъ правѣ собственника. Ст. 513 и слѣд. имѣетъ въ виду не владѣніе, какъ фактическое состояніе, а *право* владѣнія (см. особенно слова ст. 521 — „тогда сіе отдѣльное владѣніе составляетъ само по себѣ особое *право*“), въ нихъ указываются послѣдствія выдѣленія одного изъ правомочій, какъ для того цѣлаго, изъ котораго они выдѣляются — т.-е. для права собственности, такъ и для выдѣленнаго элемента. Такое владѣніе возникаетъ, какъ прямо сказано въ ст. 514, по сдѣлкѣ („акту“), которая и опредѣляетъ свойства этого владѣнія. Прекращается оно тогда, когда прекращаются юридическія послѣдствія сдѣлки („срочность“, „пожизненность“). Сдѣлкою же опредѣляется, наконецъ, и сумма правомочій владѣльца. Поэтому нельзя предполагать, что утрата фактическаго господства влечетъ для такого владѣльца потерю „владѣнія“ пріобрѣтеннаго имъ по „акту“, какъ нельзя назвать „владѣльческимъ“ искъ его о возвратѣ вещи.

При этомъ самостоятельное владѣніе возникаетъ съ согласія собственника, пріобрѣтатель выдѣленнаго права дѣлается владѣльцемъ вещи только съ согласія собственника и цитированныя статьи вовсе не говорятъ о томъ случаѣ, когда обладаніе пріобрѣтено помимо воли

собственника. Въ этомъ случаѣ можетъ возникнуть вопросъ, подходитъ ли такое самовольно пріобрѣтенное обладаніе подъ понятіе „владѣнія“, указаннаго въ ст. 521, и отражается ли это обстоятельство на владѣніи собственника. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что не смотря на перечисленіе отдѣльныхъ правомочій собственника въ ст. 420, перечисленія къ тому же и неполнаго, нельзя право собственности разсматривать какъ ариѳметическую сумму этихъ правомочій [1]), въ такомъ родѣ, что съ выдѣленіемъ одного изъ правомочій, у собственника остаются только остальныя, а на мѣсто выдѣленнаго — пустота. А повидимому, эта мысль лежитъ въ основѣ разсужденія автора на стр. 327, гдѣ онъ говоритъ, что собственникъ (ст. 521), хотя и не имѣетъ владѣнія, однако можетъ передать свое право собственности другому лицу, которое пріобрѣтаетъ въ такомъ случаѣ „все кромѣ владѣнія“, а что, слѣдовательно, и право собственности можетъ быть пріобрѣтено безъ передачи (стр. 328). Если послѣдовательно проводить этотъ взглядъ автора, разсматривать перечисленные въ ст. 420 элементы права собственности, какъ какія-то самостоятельныя субстанціи, то придется признать, что собственникъ можетъ передать одному лицу пользованіе, а другому владѣніе — такая сдѣлка вѣдь не запрещена нашимъ закономъ и возможность такого расчлененія признается и авторомъ (см. стр. 3). Тогда окажется, что у одного изъ этихъ лицъ, пользователя, будетъ реальное владѣніе — ибо какъ же можно пользоваться вещью безъ реальнаго обладанія ею, — а на долю другого, владѣльца, ничего реальнаго не останется. Намъ думается, что ст. 513 и слѣдующія, говоря о выдѣляемости владѣнія, имѣютъ въ виду опредѣленно квалифицированные институты [2]), а не владѣніе „вообще“, и въ нихъ нельзя искать никакихъ намековъ на этотъ институтъ. Другихъ же аргументовъ, кромѣ ссылокъ на цитированныя выше статьи, авторъ

---

[1]) См. *Windscheid*, Pandekten, § 167.

[2]) Въ статьѣ 513 имѣется въ виду владѣніе „утверждаемое на жалованныхъ грамотахъ и другихъ законныхъ укрѣпленіяхъ“, т.-е. имѣются въ виду особыя отношенія, возникающія in concreto не въ силу частныхъ соглашеній, въ ст. 514, наоборотъ, указаны именно случаи частныхъ соглашеній. Но какъ въ той, такъ и другой категоріи отношеній, владѣніе опредѣляется еще и дополнительнымъ признакомъ („вотчинное — пожизненное“) — все это каузальныя отношенія, а не абстрактное фактическое состояніе. Слово „владѣніе“ не имѣетъ здѣсь техническаго значенія; нельзя также отрицать, что статьи эти разсчитаны на отношенія, гдѣ объектъ — недвижимое имущество.

не приводитъ въ пользу своего пониманія реальнаго владѣнія X тома. Горе въ томъ, что въ X томѣ владѣніе, какъ самостоятельный институтъ, вообще только упоминается, но нигдѣ ближе не описывается, и если въ X томѣ не находятъ себѣ подтвержденія другія теоріи, то не подтверждаетъ онъ и теорію г. Трепицына. Можно разсуждать поэтому и такъ, что собственникъ, выдѣлившій право владѣнія кому либо, тѣмъ не менѣе сохраняетъ черезъ посредство этого лица „владѣніе" вещью и можетъ „передать" вещь въ собственность третьему лицу [1]). Ст. 521 означаетъ, что собственникъ, выдѣлившій владѣніе, не лишается права распоряженія вещью, а о существѣ владѣнія самого по себѣ въ ней ничего не сказано.

Нельзя также утверждать, что для давностнаго владѣнія detentio безразлична. Для пріобрѣтателя вещи по давности необходима наличность извѣстнаго фактическаго состава, необходимо особо квалифицированное владѣніе—по нашему праву это должно быть „спокойное, безспорное и непрерывное" владѣніе; всѣ эти признаки являются дополнительными, особыми свойствами владѣнія вообще. А если послѣднее, какъ говоритъ г. Трепицынъ, равно держанію, то необходимо, слѣдовательно, и держаніе.

Но въ пользу системы соглашенія, помимо такихъ общихъ соображеній, авторъ приводитъ и другіе аргументы. Вопросъ о томъ, какая система принята X томомъ, давно уже дебатируется въ наукѣ; приводятся многія доказательства въ пользу той и другой теоріи, и мнѣнія ученыхъ раздѣлялись. Къ доводамъ защитниковъ системы соглашенія г. Трепицынъ присоединяетъ еще новые, основанные на соображеніяхъ историческаго и систематическаго характера. Прежде всего, по его мнѣнію, необходимо установить, что̀ разумѣетъ законъ подъ укрѣпленіемъ правъ,—въ отличіе отъ пріобрѣтенія,—о которомъ говорится въ ст. 707, и по отношенію къ недвижимостямъ—въ ст. 1432 Уст. гражд. судопр. Понятіе пріобрѣтенія не нуждается въ особыхъ объясненіяхъ, такъ какъ оно встрѣчается во всѣхъ законодательствахъ и смыслъ его ясенъ (ст. 345). Точное значеніе укрѣпленія авторъ старается извлечь изъ разбора системы X тома.

Въ 3-мъ раздѣлѣ 2-й книги, о „пріобрѣтеніи и укрѣпленіи правъ", первыя 2 главы посвящены „пріобрѣтенію" правъ, объ укрѣпленіи говоритъ 3-я глава и въ ней разбирается вводъ во владѣніе и пере-

---

[1]) Если придерживаться теоріи передачи, то необходимость такого толкованія ясна само собой.

дача; отсюда выводъ, что пріобрѣтеніе и укрѣпленіе понятія различныя. Далѣе, изъ сопоставленія ст. 1416, 1509 и 711 вытекаетъ другой выводъ, и именно тотъ, что „акты“ служатъ средствомъ „пріобрѣтенія“. Но нельзя акты отожествлять съ укрѣпленіемъ, (хотя этому и можетъ подать поводъ названіе 3 гл. 3 р. 2 кн.). ибо по ст. 708 совершеніе актовъ опредѣляется Полож. о нотар. части, а вводъ во владѣніе — Уст. гражд. судопр., и эти понятія различаются въ дальнѣйшихъ постановленіяхъ. Отсюда получается третій выводъ,—что акты, служа средствомъ пріобрѣтенія правъ, не служатъ средствомъ укрѣпленія. Поэтому, подъ средствомъ укрѣпленія, упоминаемымъ въ ст. 707, должно разумѣть вводъ и передачу (стр. 345, 346). Эти выводы подтверждаются и 3-ей книгой X тома; въ ней разбираются отдѣльныя основанія пріобрѣтенія правъ на имущества, и въ названіяхъ главъ объ укрѣпленіи не говорится, о вводѣ же и передачѣ говорится только вскользь, въ концѣ описанія отдѣльныхъ способовъ пріобрѣтенія, и здѣсь указывается передача уже пріобрѣтенныхъ имуществъ. Передача упоминается здѣсь не въ техническомъ смыслѣ; въ такомъ значеніи, какъ способъ перемѣщенія уже пере-усвоенныхъ вещей, она встрѣчается и во французскомъ правѣ. И въ 4-й книгѣ встрѣчается передача, но не въ значеніи „укрѣпленія“; она выполняетъ различныя функціи — при наймѣ, напримѣръ, она является исполненіемъ обязательства.

На основаніи этихъ соображеній г. Треницынъ приходитъ къ выводу, что вводъ во владѣніе не имѣетъ существеннаго значенія (для окончательной acquisitio права собственности), и подъ укрѣпленіемъ должно разумѣть „согласованіе факта съ правомъ“—именно передачу собственнику уже пріобрѣтеннаго имъ и принадлежащаго ему имущества (ст. 350). Съ момента ввода начинается дѣйствительное, полное, обладаніе юридическое и фактическое. Уставъ гражданскаго судопроизводства, внесшій новое постановленіе относительно ввода во владѣніе (ст. 1432), ничего не измѣнилъ въ матеріальномъ отношеніи, что видно изъ ссылки его на ст. 707 (стр. 351). Поэтому, если разсматривать вводъ какъ институтъ параллельной передачи при недвижимостяхъ, то изъ этого нельзя дѣлать заключенія о существенности передачи.

Прочія постановленія X тома, которыя приводятся въ защиту системы соглашенія, говорятъ не о значеніи и юридической силѣ передачи, а о другомъ, такъ, напримѣръ: ст. 1510 говоритъ только о способѣ ея совершенія (стр. 355); не даютъ въ этомъ отношеніи

ничего новаго и статьи торговаго устава, на которыя иногда ссылаются.

Система соглашенія, по мнѣнію автора, послѣдовательно проведена въ X томѣ. Это доказывается и тѣмъ, что купля-продажа есть способъ совершеннаго отчужденія имущества (стр. 368); такое ея значеніе было извѣстно и Сперанскому, который противуполагалъ ее запродажѣ, неокончательному отчужденію. Доказывается этотъ характеръ купли далѣе и тѣмъ, что все строеніе ея разсчитано на окончательное переусвоеніе,—она предполагаетъ res in specie (стр. 388), право собственности продавца (стр. 383); ею устанавливается не ожиданіе перехода права собственности, а самый переходъ, моментъ перехода права собственности не можетъ быть отсроченъ и, по мнѣнію автора, въ куплю нельзя включать сроки и отлагательныя условія (стр. 385). Въ виду такого значенія купли и возникла необходимость создать обязательственныя сдѣлки, направленныя на отчужденіе—договоры запродажи и поставки (стр. 373 слѣд.). Система соглашенія, наконецъ, должна быть примѣнена и къ другимъ сдѣлкамъ отчужденія, къ мѣнѣ и даренію, такъ какъ систематическое положеніе мѣны и даренія приравниваетъ ихъ совершенно къ куплѣ-продажѣ (стр. 390).

Если согласиться съ мнѣніемъ г. Трепицына, то наше дѣйствующее право дѣйствительно проводитъ систему соглашенія столь же последовательно, какъ и французское право. Но намъ кажется, что его стремленіе внести ясность въ противорѣчивыя и отрывочныя постановленія X тома не привело къ вожделѣнному результату. Въ самомъ дѣлѣ, и самъ онъ допускаетъ возраженіе, что его выводы основаны на заглавіяхъ отдѣловъ, а заглавія—не законы (стр. 350). И такое возраженіе, въ самомъ дѣлѣ, представляется весьма основательнымъ. Оно не парализуется репликой автора, что заглавія, не будучи законами, указываютъ тѣмъ не менѣе точку́ зрѣнія, съ которой надо смотрѣть на помѣщенные подъ ними законы и на ихъ взаимное соотношеніе. Этотъ аргументъ не представляется намъ вполнѣ убѣдительнымъ, во-первыхъ, потому что заглавія отдѣловъ X тома составлены не законодателемъ, а кодификаторами, и во-вторыхъ, потому, что они совсѣмъ не настолько точны, чтобы могли указывать опредѣленную точку зрѣнія. Въ заглавіяхъ соединены иногда оба термина, „пріобрѣтеніе“ и „укрѣпленіе“ (см. заголовки раздѣла III кн. II, главы III). Такіе заголовки не даютъ никакого указанія о границахъ каждаго понятія въ отдѣльности, и опредѣленіе послѣдняго надо искать именно въ отдѣльныхъ статьяхъ закона. Всякое заглавіе по

необходимости должно быть настолько общимъ, чтобы подъ него можно было подвести разнообразное содержаніе отдѣла. Къ тому же, нѣкоторые заголовки не говорятъ въ пользу автора: такъ, напримѣръ, самое существенное для его толкованія, заглавіе III главы, 3 раздѣла, 2 книги гласитъ „о порядкѣ укрѣпленія права на имущества *или* объ актахъ вообще". Укрѣпленіе здѣсь вовсе не означаетъ „согласованіе факта съ правомъ", здѣсь подъ укрѣпленіемъ разумѣется именно совершеніе необходимаго акта, такъ какъ въ этой главѣ говорится преимущественно о недвижимостяхъ, а о движимостяхъ спеціально оговорено въ ст. 711. Въ виду несогласія этого заголовка съ его теоріей, авторъ предлагаетъ исправить его, замѣнивъ въ немъ слово „или" словомъ „и", потому де, что „акты" въ дальнѣйшемъ вездѣ различаются отъ „укрѣпленія". Однако въ дальнѣйшемъ изложеніи главы нигдѣ не подчеркивается это различеніе. Основывать разсужденіе на системѣ X тома и его терминологіи—значитъ строить зданіе на пескѣ. Терминъ „укрѣпленіе" употребляется въ немъ въ разныхъ смыслахъ и, не входя въ подробное разсмотрѣніе вопроса о томъ, какое значеніе его преобладаетъ, укажемъ хотя бы на ст. 513, гдѣ жалованныя грамоты упоминаются какъ одинъ изъ видовъ законныхъ укрѣпленій. Здѣсь опять таки укрѣпленіе означаетъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ согласованіе права съ фактомъ. И въ виду этого, нельзя утверждать, что терминъ „пріобрѣтеніе" имѣетъ въ нашемъ законодательствѣ такое же опредѣленное значеніе, какъ и вообще во всѣхъ законодательствахъ и въ обыденной рѣчи. Если бы можно было сказать, что „пріобрѣтеніе" права собственности, встрѣчающееся въ заголовкахъ отдѣловъ, означаетъ окончательное соединеніе права съ субъектомъ, то этимъ самымъ предрѣшался бы отвѣтъ на вопросъ—что такое „укрѣпленіе". Было бы очевидно, что „укрѣпленіе" есть нѣчто излишнее, дополнительное, что можетъ быть на лицо, а можетъ и не быть, безъ ущерба для „пріобрѣтателя". А между тѣмъ оба момента, и пріобрѣтеніе и укрѣпленіе всегда фигурируютъ вмѣстѣ. Поэтому, какъ намъ кажется, слѣдовало бы остановиться и надъ выясненіемъ понятія „пріобрѣтенія" въ терминологіи X тома; для опредѣленія роли передачи это, можетъ быть, не безразлично. Правъ г. Трепицынъ въ своихъ разсужденіяхъ относительно природы купли-продажи по нашему праву, какъ способа „совершеннаго отчужденія". По указаніямъ Сперанскаго, отдѣлы о куплѣ были составлены по французскому образцу, разсчитанному на систему соглашенія, но изъ этого еще нельзя дѣлать вывода, что эта послѣдняя система дѣйствительно воспринята X томомъ. Не-

согласованность принциповъ, обиліе недосказанныхъ и противорѣчивыхъ постановленій въ достаточной мѣрѣ извѣстны всякому юристу, имѣющему дѣло съ этимъ памятникомъ, и можно отстаивать любую теорію, опираясь то на „букву" закона, то на „систему" его. Въ пользу системы передачи, какъ намъ кажется, приводятся все-таки болѣе вѣскіе аргументы, чѣмъ тѣ, которыми доказывается система соглашенія.

Въ заключительной главѣ (IV), посвященной критикѣ проекта новаго гражданскаго уложенія, авторъ ex professo разбираетъ вопросъ,—какой системѣ должно отдать преимущество съ точки зрѣнія политики права. Изъ понятія владѣнія, по его мнѣнію, должно выключить субъективный элементъ animus, признать владѣльцами только реальныхъ держателей вещи, слѣдуетъ уничтожить также и категорію посредственныхъ, „самостоятельныхъ" владѣльцевъ, сохранивъ, однако, за ними владѣльческую защиту (стр. 399). По существу авторъ, повидимому, ничего не имѣетъ противъ этой категоріи владѣнія и это его послѣднее замѣчаніе имѣетъ, какъ и онъ самъ отмѣчаетъ, только терминологическое значеніе (стр. 396). Соотвѣтственно съ этимъ, должно замѣнить и воспринятую проектомъ систему передачи—системою соглашенія. Передача вовсе не оправдываетъ тѣхъ ожиданій, которыя съ ней связываются: она не оглашаетъ перехода права собственности, являясь внѣшнимъ признакомъ вещнаго права, такъ какъ при constitutum possessorium переходъ владѣнія совершенно не замѣтенъ (стр. 404, 405), а безъ конститута трудно обойтись. Въ традиціи слишкомъ мало замѣтной для каждаго реальности (стр. 409). Обезпеченіе интересовъ третьихъ лицъ достигается гораздо вѣрнѣе защитой добросовѣстнаго пріобрѣтенія. Указываютъ далѣе, что традиція полезна для самихъ контрагентовъ, такъ какъ она ясно рѣшаетъ вопросъ о переходѣ права собственности; необходимость передачи заставляетъ ихъ сознательнѣе относиться къ происходящему (стр. 410). Но цѣнность этого воспитательнаго средства, по мнѣнію автора, сомнительна: оно связываетъ всѣхъ для пользы немногихъ, оно недѣйствительно въ тѣхъ случаяхъ, когда передача совпадаетъ съ заключеніемъ договора, и даже ослабляетъ силу обязательственныхъ соглашеній (стр. 412). Не устраняетъ система передачи также и возможность столкновеній между различными пріобрѣтателями при двойной продажѣ (стр. 413). Нельзя, наконецъ, утверждать, что передача полезна, ибо она переноситъ фактическую власть надъ вещью, такъ какъ этотъ результатъ можетъ быть достигнутъ и при системѣ соглашенія. Если, такимъ образомъ,

соображенія практическаго свойства въ пользу передачи не имѣютъ особенной цѣны, то тѣмъ менѣе убѣдительны соображенія теоретическія о томъ, что принятіе принципа соглашенія внесло бы большую ломку въ существующія конструкціи и неясность въ обязательства; не жизнь существуетъ для теоріи, а обратно, дѣло науки совладать съ этими трудностями (стр. 415 слѣд.). Можно сказать обратное— передача вредна, такъ какъ она, опекая контрагентовъ, не позволяетъ имъ произвольно опредѣлить моментъ перехода права собственности и тормозитъ оборотъ (стр. 417). Всѣхъ этихъ недостатковъ нѣтъ у системы соглашенія, поэтому и необходимо ею руководиться при составленіи будущаго уложенія; въ ея пользу говорятъ и абстрактныя соображенія и исторія.

Итакъ, реальное владѣніе и связанная съ ней система соглашенія, такова желательная, по мнѣнію г. Трепицына, постановка дѣла. Если избрана закономъ система реальнаго владѣнія, то тѣмъ самымъ предопредѣлена и система соглашенія. Единственный примѣръ дѣйствующаго законодательства, въ которомъ проведенъ этотъ принципъ, — законодательство русское; но какъ мы выше указывали, и этотъ примѣръ не убѣдителенъ. Остается теоретически разобрать,— насколько желательна и возможна такая мыслимая комбинація. Здѣсь, прежде всего, возникаетъ вопросъ — что же такое это „реальное" владѣніе?

Въ началѣ изслѣдованія (стр. 1, 2) авторъ опредѣляетъ его, какъ фактическое обладаніе, дѣйствительную власть надъ вещью, хотя бы и безъ физическаго прикосновенія къ ней,—отъ наличности послѣдняго зависитъ лишь бо́льшая или меньшая прочность владѣнія. Но въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ дополняетъ это опредѣленіе. Такъ, изъ понятія реальнаго владѣнія исключается субъективный элементъ (см. напр. стр. 395, 401 и др.); далѣе, подчеркивается внѣшняя замѣтность реальнаго владѣнія (см. стр. 72, 73). Отсюда слѣдуетъ, по мнѣнію автора, невозможность представительства въ пріобрѣтеніи владѣнія (стр. 402) и передача такого владѣнія—поскольку дѣло идетъ о движимостяхъ—возможна лишь въ видѣ реальной передачи изъ рукъ въ руки. Такимъ образомъ, въ приложеніи къ отдѣльнымъ частнымъ моментамъ владѣнія авторъ значительно больше подчеркиваетъ требованіе физическаго господства, чѣмъ въ общемъ опредѣленіи понятія. Во всякомъ случаѣ, сохраненіе владѣльцемъ своего владѣнія animo solo очевидно невозможно, и захватъ физическаго господства надъ вещью, находящейся въ чужомъ владѣніи, равносиленъ пріобрѣтенію

владѣнія ею (см. стр. 2). Но автору ясно, что такая постановка института владѣнія практически невозможна; нѣтъ законодательства, которое проводило бы его послѣдовательно, кромѣ разумѣется русскаго, по мнѣнію автора; количество конкретныхъ случаевъ владѣнія сводилось бы до крайняго минимума, и институтъ этотъ совершенно не оправдывалъ бы своего назначенія, ибо господствующій физически надъ вещью оказался бы и юридически сильнѣйшимъ,—„возвратъ" утраченнаго владѣнія при такой конструкціи невозможенъ.

Поэтому авторъ допускаетъ необходимость владѣльческой защиты и для тѣхъ лицъ, отъ которыхъ владѣльцы получили вещь во владѣніе (стр. 399), т. е. лицъ, вещами не обладающихъ реально, но онъ не желаетъ, чтобы ихъ называли владѣльцами. Отъ названія дѣло, конечно, не мѣняется, это посредственное, самостоятельное, или какъ бы его ни называли, владѣніе есть все-таки своеобразное „владѣльческое" фактическое, не „правовое" состояніе. Посредственное владѣніе германскаго права доказывается совершенно тѣми же способами, какъ и владѣніе непосредственное: доказывается извѣстное фактическое состояніе, менѣе зримое и замѣтное чѣмъ реальное держаніе, но, во-первыхъ, достаточно замѣтное, чтобы оно вообще могло служить предметомъ доказыванія, а во-вторыхъ, доказываемое, по общему правилу, болѣе просто и быстро, чѣмъ состояніе правовое. А если во всякой правовой системѣ, на ряду съ реальнымъ владѣніемъ, должно существовать и такое посредственное,—то спрашивается: отчего же невозможна при реальномъ владѣніи система передачи? Почему нельзя признать возможность передачи такого посредственнаго владѣльческаго состоянія? Возможна же она при владѣніи собственническомъ, гдѣ посредственное владѣніе отлично уживается съ передачею. А отсюда выводъ, что при всякой системѣ владѣнія возможна и система передачи.

Это приводитъ къ другому заключенію: не постановка владѣнія, какъ таковаго въ данномъ законодательствѣ, имѣетъ рѣшающее значеніе для выбора той или иной системы переусвоенія. Во Франціи система соглашенія уживается съ владѣніемъ собственническимъ (см. стр. 270), въ Германіи, гдѣ получило большое развитіе владѣніе реальное,—господствуетъ система передачи (стр. 282, 315). Систему переусвоенія, воспринятую тѣмъ или инымъ законодательствомъ, должно ставить въ связь съ тѣми формальностями, которыми обставлено вообще заключеніе сдѣлокъ. Соглашеніе сторонъ о переходѣ права собственности вообще требуется при всякой системѣ, при системѣ передачи къ нему долженъ еще присоединиться переходъ владѣнія. Этотъ

переходъ, какъ бы ни былъ онъ незамѣтенъ, все-таки легче можетъ быть доказанъ, а, слѣдовательно, и моментъ его можетъ быть опредѣленъ съ большей точностью, чѣмъ моментъ заключенія обязательственнаго договора, если это заключеніе совершается неформально. Поэтому законодательства, провозглашающія принципъ неформальности сдѣлокъ, напримѣръ, германское [1]), сохраняютъ систему передачи. Французское право, наоборотъ, можетъ послѣдовательно проводить систему соглашенія, потому что для доказыванія договоровъ на судѣ требуется изложеніе ихъ на письмѣ. Какъ извѣстно для всѣхъ вообще сдѣлокъ на сумму свыше 150 франковъ доказываніе на судѣ производится по письменнымъ актамъ (art. 1341 code civil), а при синаллагматическомъ договорѣ долженъ быть составленъ актъ въ двухъ экземплярахъ [2]). При такомъ порядкѣ моментъ окончательнаго заключенія обязательства и связанный съ этимъ переходъ права собственности опредѣляется очень точно, вопросъ разбирается по письменнымъ документамъ.

Но французское право не отказалось и отъ перехода владѣнія, какъ признака переусвоенія. По art. 1141 code civil при двойной продажѣ вещи, право собственности пріобрѣтается тѣмъ лицомъ, которому вещь передана во владѣніе, если это лицо было въ доброй вѣрѣ, хотя бы другое лицо заключило куплю по времени раньше его [3]). Здѣсь традиція предпочитается соглашенію. Владѣлецъ движимости, пріобрѣвшій ее въ доброй вѣрѣ, почитается собственникомъ (art. 2279) и отражаетъ всякую виндикацію ссылкой на свое владѣніе [4]).

Какъ ни разсматривать эту статью,—авторъ усматриваетъ въ ней

---

[1]) См. *Dernburg*, Das bürgerliche Recht I, 1, § 31, 35. Motive zu dem Entwurf eines B. G. G. I, 179.

[2]) См. *Planiol*, Cours élémentaire du droit civil II, 343, 345. На этотъ коррективъ системы соглашенія указываетъ уже *Zachariae* v. Lingenthal, Handbuch d. franz. Civilrechts (изд. Crome 1894 г., т. I, стр. 331, 332). Вещный договоръ самъ по себѣ неформаленъ, но обыкновенно онъ связанъ съ обязательственнымъ и раздѣляетъ его судьбу; ср. *Crome*, Allgemeiner Theil der modernen französischen Privatrechtswissenschaft, стр. 224, 225.—Цитированныя статьи имѣютъ матеріально правовое значеніе, но только процессуальное—объ этомъ см. теперь *Kohler* Arch. f. d. civilist. Praxis, 1905, т. 96, стр. 360.

[3]) См. *Planiol*, указ. сочин. I, стр. 456.

[4]) См. *Zachariae*, указ. сочин. т. I, стр. 331. *Planiol*, стр. 410. На art. 2279, 1141, какъ коррективъ системы соглашенія указываетъ и *Crome*, Allgem. Theil, стр. 224, прим. 22, въ связи съ стр. 228.

совершенно самостоятельный способъ пріобрѣтенія (стр. 262), стоящій внѣ системы передачи и соглашенія,—но въ ней нельзя не видѣть значительнаго преимущества, даваемаго владѣніемъ, и стимула для пріобрѣтателя не останавливаться на одномъ соглашеніи, но требовать себѣ передачи владѣнія. Однородныя постановленія встрѣчаются и въ кодексахъ, придерживающихся системы передачи, пріобрѣтеніе права собственности въ этомъ случаѣ аномально, потому что недостаточность легитимаціи традента восполняется доброй вѣрой принимающаго вещь. Во французскомъ правѣ оно означаетъ кромѣ того еще, что нереализованное соглашеніе безсильно передъ реализованнымъ путемъ передачи владѣнія, что же касается юридическаго эффекта, пріобрѣтеніе въ силу доброй вѣры, замѣняющей недостаточную легитимацію, то онъ при обѣихъ системахъ одинаково аномаленъ [1]. Такимъ образомъ, французское право не совсѣмъ отказалось отъ всякихъ формальностей, свидѣтельствующихъ о состоявшемся переходѣ права собственности—при сдѣлкахъ малоцѣнныхъ, до 150 франковъ, ликвидируемыхъ обыкновенно немедленной передачей, переходъ владѣнія создастъ неопровержимую презумпцію о переходѣ права собственности, а сдѣлки, реализація которыхъ растянута во времени, удостовѣряются письменно. Поэтому же только во Франціи произошла та эволюція системы передачи, которую авторъ выставляетъ какъ общую исторію ея, „исторію постепеннаго перерожденія этой системы въ систему соглашенія". Если переходъ отъ традиціи къ соглашенію, эта „грандіозная реформа" (стр. 249) была слѣдствіемъ малозначущаго упрощенія канцелярскаго стиля, то уже это одно само по себѣ служитъ достаточнымъ доказательствомъ распространенія въ Франціи письменной формы сдѣлокъ. Въ противномъ случаѣ, эта форма явилась бы великой неожиданностью для всѣхъ. Но французское право замѣнило одну обрядность—другою, очевидно болѣе соотвѣтствующею обычаю оборота и духу народа. Въ другихъ странахъ, гдѣ письменная форма не получила такого распространенія, этого вымиранія традиціи нѣтъ.

И если разбирать, съ точки зрѣнія политики права, вопросъ о томъ, какую систему вводить въ новое уложеніе, надо прежде всего рѣшить два вопроса: во-первыхъ, желательна ли вообще какая либо

---

[1]) См. теперь *Iherings Jahrbücher f. d. Dogmatik 1904* г. статья Regelsberger'a—der sogenannte Rechtserwerb von Nichtberechtigten, стр. 338 слѣд., особенно стр. 356.

формальность для удостовѣренія перехода права собственности,— германское уложеніе, вообще не склонное къ формализму, рѣшило этотъ вопросъ утвердительно [1]),—и во-вторыхъ, на какихъ обрядностяхъ остановить выборъ: навязывать ли обороту письменную форму,—если эта склонность къ письменному заключенію сдѣлокъ не есть нѣчто уже данное,—или же сдѣлать обязательнымъ по закону то, что обыкновенно въ жизни происходитъ, сдѣлать нормальный элементъ юридическаго акта обязательною обрядностью. Если избрать эту вторую альтернативу, то требованіе традиціи подсказывается само собой. Обыкновенно—сколько бы ни приводилось противуположныхъ примѣровъ—переходъ владѣнія свидѣтельствуетъ о переходѣ собственности, и какъ бы ни было владѣніе „спиритуализовано“, оно все же болѣе замѣтно, съ нимъ связано больше объективныхъ признаковъ, чѣмъ съ неформальнымъ соглашеніемъ, которое можетъ произойти совершенно незамѣтно. Поэтому, можетъ быть, проектъ гражданскаго уложенія, воспринявшій систему передачи, и не стоитъ на такомъ невѣрномъ пути, какъ утверждаетъ г. Трепицынъ.

Попутно автору приходится разбирать множество частныхъ вопросовъ, не связанныхъ прямо съ его темой. Такъ, напримѣръ, онъ подробно останавливается на различныхъ теоріяхъ, объясняющихъ римское правило periculum est emptoris. По его мнѣнію, существованіе этого правила объясняется тѣмъ, что при такомъ распредѣленіи риска, система традиціи дольше можетъ удержать свою позицію, такъ какъ, чѣмъ больше она похожа на систему соглашенія, тѣмъ менѣе является интереса стремиться къ послѣдней (стр. 214). Особенно онъ возстаетъ противъ теоріи Перниса, къ которой присоединяется и проф. Петражицкій, о томъ, что это правило есть остатокъ старины, эпохи реальной купли-продажи. Авторъ полагаетъ, что оно, напротивъ, „предвосхищеніе будущаго“. Теорія реальной купли опровергается, по его мнѣнію, тѣми аргументами, которые противъ нея приводитъ проф. Муромцевъ (см. стр. 211 прим.), гдѣ указывается, между прочимъ, и то соображеніе, что покупщикъ сначала долженъ уплатить цѣну, т. е., исполненіе начинается не съ передачи, какъ это слѣдовало бы ожидать при реальной природѣ купли-продажи. Однако авторъ при этомъ совершенно упускаетъ изъ виду тѣ очень убѣдительныя доказательства, которыя привелъ проф. Петра-

---

[1]) См. Motive z. d. Entwurf, т. III, стр. 333.

жицкій [1]) въ подтвержденіе именно того, что въ древности купля-продажа вступала въ силу съ момента передачи товара. Ибо только съ этого момента для продавца возникаетъ обязанность платить, или, какъ сказано въ источникахъ, „возвратить" цѣну и притомъ цѣну съ процентами. Это правило непонятно для эпохи, когда купля была признаваема заключенной съ момента соглашенія сторонъ; для древней эпохи, когда безъ реальной передачи цѣны купля не возникала—оно вполнѣ естественно. Если это присоединить къ тѣмъ аргументамъ, которые говорятъ въ пользу теоріи Перниса, то получается очень убѣдительная картина. Да и вообще „экономическая обстановка" древнѣйшей реальной купли-продажи съ внѣшней стороны должна была имѣть много общаго съ куплей по законодательству, придерживающемуся теоріи соглашенія, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ право собственности переходитъ въ моментъ заключенія договора.

Можно не соглашаться съ основной мыслью г. Трепицына и спорить противъ его увлеченія системой соглашенія, но это не умаляетъ научныхъ достоинствъ его книги. Поставленный имъ вопросъ, насколько намъ извѣстно, нигдѣ не разработанъ такъ тщательно и съ такой полнотой; система соглашенія нашла въ немъ искуснаго и серьезнаго защитника. Благодаря избранному имъ сравнительному и историческому методу, вся цѣпь его аргументаціи состоитъ изъ отдѣльныхъ историческихъ и догматическихъ очерковъ, изъ которыхъ нѣкоторые, взятые въ отдѣльности, представляютъ законченное цѣлое (напримѣръ, римское ученіе о традиціи). При этомъ автору пришлось встрѣтиться съ древними контроверзами, которыя разсматривались съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, съ вопросами, имѣющими громадную литературу. Г. Трепицынъ превосходно справился съ этой задачей. Сухой и однообразный матеріалъ онъ съумѣлъ передать въ интересной формѣ.

Необходимо отмѣтить еще одно качество его книги, къ сожалѣнію, столь рѣдкое въ нашей юридической литературѣ,—изложена она необыкновенно живо и свободно, красивымъ языкомъ. Книга читается легко и съ интересомъ и оставитъ у всякаго, кто къ ней обратится, пріятное печатлѣніе.

Баронъ А. Нольде.

---

[1]) Die Lehre vom Einkommen, т. II, стр. 152 слѣд., особенно 155.

Отвѣтъ К. Ѳ. Радченку.

Въ X кн. *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1904 г. помѣщена рецензія К. Радченка на мою книгу „Григорій Цамблакъ" (С.-Пб. 1904). Въ отвѣтѣ на нее я считаю необходимымъ прежде всего сказать, что не согласенъ ни съ однимъ замѣчаніемъ.

Рецензентъ находитъ въ книгѣ „немало лишняго, имѣющаго или лишь отдаленное отношеніе къ Цамблаку, или даже никакого" (стр. 419): 1) „лишнее"—понятіе слишкомъ растяжимое, 2) въ оглавленіи у меня точно разграничены всѣ „экскурсы", чѣмъ уже указано на ближайшее или отдаленное отношеніе ихъ къ предмету работы. Экскурсовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ содержанію сочиненія, у меня нѣтъ. Сжато и въ общихъ чертахъ изложено только то, что хорошо извѣстно или же составитъ предметъ особаго труда; напримѣръ, очеркъ слав. письменности въ Румыніи написанъ „въ самыхъ общихъ чертахъ" потому, что обѣщанъ мною „въ задуманномъ изслѣдованіи о слав. письменности въ рум. земляхъ" (стр. 471), на что рецензентъ не указываетъ. Работы И. Барбулеску мнѣ извѣстны всѣ, и желательно знать, чѣмъ именно я могъ бы воспользоваться?

Рецензентъ ставитъ мнѣ въ вину одно изъ главныхъ достоинствъ всякой работы, т. е. привлеченіе къ дѣлу всевозможныхъ источниковъ и свидѣтельствъ—древнихъ и новыхъ, достовѣрныхъ и ненадежныхъ. Не вѣрно, будто я отношусь къ источникамъ „безъ различія между ними" и „безъ попытки какъ-нибудь классифицировать ихъ": каждый разъ я намѣчаю порядокъ—хронологическій или внутренній, по характеру свидѣтельствъ, по времени ихъ открытія, по цѣнности, языку и т. д. „Пристрастіе" же къ румынскимъ источникамъ составляетъ плюсъ въ работѣ о Цамблакѣ, главная дѣятельность котораго протекла среди румынъ; ознакомленіе же русскихъ ученыхъ съ малодоступной румынской литературой по слав. филологіи само по себѣ представляетъ разумную цѣль и нисколько не служитъ „въ ущербъ другимъ" источникамъ.

Не нахожу „темнымъ" мое объясненіе—кого надо разумѣть подъ „рождшимъ насъ отцемъ и учителемъ зѣльнымъ" (стр. 420), такъ какъ двухъ толкованій допустить нельзя: едва-ли кто нибудь подъ первымъ видитъ „рождшаго *духовно*", т. е. Евѳимія (мнѣніе архим. Леонида и др.), а не родного отца Григорія. Отожествленіе Григорія и Гавріила дѣлается не „безъ всякихъ къ тому основаній": этому

посвящена часть V главы, что небезызвѣстно и рецензенту, называющему мое мнѣніе „весьма правдоподобнымъ". О книжныхъ занятіяхъ Евѳимія на Аѳонѣ я не говорю, такъ какъ руководство Евѳимія отношу къ „первоначальному обученію" Григорія (стр. 30), т. е. къ тырновскому періоду.

„Нелѣпость" предположенія П. Сырку о поѣздкѣ Кипріана на Аѳонъ съ Евѳиміемъ падаетъ сама собой: повторяя его, я оговариваюсь: „хотя при этомъ условіи является *нѣсколько непонятнымъ* назначеніе извѣстнаго посланія Евѳимія къ Кипріану" (стр. 35). Вмѣсто указанія на мое сомнѣніе, рецензентъ изъ него же дѣлаетъ вопросъ: „какъ объяснить тогда посланіе Евѳимія къ Кипріану? Забавное недоразумѣніе!" (стр. 421). При имени Варлаама я помѣстилъ въ скобкахъ: „повидимому, и Акиндина" и не согласенъ съ мнѣніемъ рецензента, будто подъ Варлаамомъ нужно понимать „извѣстную повѣсть": въ записи это имя помѣщено между Исаакомъ (Сириномъ) и Дороѳеемъ (аввой, авторомъ „Главизнъ"), имѣющими большее отношеніе къ волновавшимъ умы аскетовъ XIV в. „ересямъ" Варлаама и Акиндина, чѣмъ повѣсть объ индійскомъ царевичѣ и его наставникѣ, и я остаюсь при мнѣніи, что спорное имя есть намекъ на какое-либо полемическое слово въ родѣ Григорія Паламы: въ старой книжной терминологіи трудно искать послѣдовательности, иногда цѣлые сборники назывались по начальной или болѣе важной статьѣ и т. п.

Не нахожу возможнымъ относить посвященіе Григорія въ іеромонахи ко времени раньше 1400 г. (дата приблизительна, см. стр. 466) и свое мнѣніе основываю не на одномъ Словѣ Георгію и Сказаніи о перенесеніи мощей Параскевы, а на общей хронологіи жизни Цамблака, готовой выдержать самую суровую критику (стр. 37—42, 45—51).

Нѣтъ ничего „въ высшей степени неправдоподобнаго" въ моемъ предположеніи (не „утвержденіи"), что Слово Георгію написано для произнесенія въ одной изъ аѳонскихъ или константинопольскихъ церквей, такъ какъ тамъ жили славянскіе и русскіе иноки-книжники (факты у А. Соболевскаго, „Переводная литература". С.-Пб. 1903, 24—26), и Слово свободно могло быть произнесено здѣсь именно „на славянскомъ языкѣ". Не правъ рецензентъ, находя „совершенно бездоказательнымъ да и невѣроятнымъ" мое предположеніе (не „утвержденіе"), что сказаніе о Параскевѣ написано не въ Сербіи, а скорѣе въ Константинополѣ: 1) иначе трудно объяснить терминъ „писаніе", какъ называетъ свое произведеніе самъ Цамблакъ; 2) авторъ обозначенъ только фамиліей „Цамблакъ", а не „пресвитеръ Григорій", „игуменъ" или

иначе; 3) въ это время Цамблакъ жилъ уже въ Константинополѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ ему приходится слишкомъ мало времени для знакомства съ дипломатическими дѣлами патріархіи: уже въ іюлѣ 1401 года онъ именуется „честнѣйшимъ во іеромонахахъ и духовнымъ отцомъ, келейнымъ инокомъ патріарха" и посланъ въ Молдавію съ важнымъ порученіемъ. Свое предположеніе рецензентъ не доказываетъ; заказъ же вдовы кн. Лазаря могъ быть исполненъ и изъ другого мѣста. На вопросъ рецензента: какіе термины означаютъ живую проповѣдь, кромѣ „Слово" (стр. 422)?—укажу хотя-бы на „Бесѣды" (см. на стр. 139). Не могъ я не знать, что *всѣ* остальныя произведенія Цамблака называются не только „Словами" (у меня прибавлено: „и тому подобными выраженіями", о чемъ рецензентъ не упоминаетъ), такъ какъ въ разныхъ мѣстахъ книги перечисляю „Бесѣды", „Мученія", „Житіе", „Посланіе", „Стихъ" и т. д.

Если рецензентъ полагаетъ, что его доказательства относительно Житія Варвара („Archiv" Ягича, XXII) „достаточно убѣдительны", то изъ этого не слѣдуетъ, что и я долженъ согласиться съ нимъ. Г. Радченко не обратилъ вниманія на то, что мои поправки въ концѣ книги „Изъ славянскихъ рукописей" (стр. 156—159) ограничиваютъ право критика строить полемику па сказанномъ раньше; на основаніи же случайныхъ варіантовъ въ терминологіи Житія и Похвалы не нахожу возможнымъ отдѣлять одно отъ другой и приписывать ихъ разнымъ писателямъ; „грецизмы" Житія—совсѣмъ сомнительны и относятся къ словарю, а не оригиналу (противъ толкованія г. Радченка οἰκονόμος—„строитель" высказывается и Ягичъ). Соображенія критика о времени жизни предполагаемаго имъ грека-автора не имѣютъ основанія: пока не открытъ греческій оригиналъ, мы, на основаніи записи 1435 года, должны считать авторомъ Кипріана, которому можно приписывать даже „простую литературную работу, лишенную опредѣленныхъ указаній на время и мѣсто жизни Варвара" (тамъ же, стр. 158). Относительно учрежденія тырновскаго патріаршества въ 1355 году—замѣчу, что дата указываетъ на переписку Өеодосія съ Каллистомъ (работы Васильевскаго, Дринова, Голубинскаго, Сырку, Баласчева, Попова и др.). Если же рецензентъ ожидалъ здѣсь „обновленія" вм. „учрежденіе", то это ясно изъ контекста у меня: „*раньше* учрежденія тырновскаго патріаршества въ 1355 году, *было* какое-то соглашеніе съ патр. Германомъ" (стр. 66), т. е. извѣстное „рукописаніе" 1235 года. Не нахожу ничего „совершенно произвольнаго" въ предположеніи румынскихъ историковъ (а не „утвержденіи г. Яци-

мирскаго") относительно Тагары. Предоставляю читателю судить о значеніи моей фразы: „возможно, конечно, что все это произошло само собой, но *румынскіе историки готовы видѣть* въ самозванцѣ Тагарѣ подставное лицо, дѣйствовавшее не безъ вѣдома патріарха" (стр. 69); характеръ же притязаній патріархіи на Молдавію говоритъ за возможность предположенія. На опечатку „мучениколюбецъ" вм. „мнихолюбецъ" раньше указалъ П. А. Лавровъ („Отчетъ о Ломон. преміяхъ"); послѣдній эпитетъ см. въ припискѣ Манасіиной хроники, а Іоаннъ Добрый называется „мучениколюбнымъ" въ „Мученіи" Іоанна Новаго.

Нарѣчіе „тогда", по моему мнѣнію, не указываетъ только на давнопрошедшее время, какъ думаетъ г. Радченко, а связываетъ два современныя событія. Изъ моихъ же сопоставленій рецензентъ выводитъ, будто я приписываю разсказъ проложнаго житія Параскевы (раньше XV вѣка не встрѣчается) „современнику Іоанна Асѣня" (стр. 423). Выводъ сочиненъ рецензентомъ: этихъ словъ у меня нѣтъ, и я желалъ указать только на шаткость свидѣтельства одного этого союза въ вопросахъ хронологіи. Когда же я привожу записи, въ которыхъ „тогда" соединено съ достовѣрными датами и съ выраженіемъ „*настоящее* лѣто",—фактами, въ основѣ подрывающими взглядъ г. Радченка,—онъ замѣчаетъ, что записи нельзя ставить на одну доску съ Житіями. Произволенъ и слѣдующій выводъ: „повидимому, г. Яцимирскій полагаетъ, что по своему значенію союзъ *иногда* вполнѣ соотвѣтствуетъ „тогда" (стр. 424). Г. Радченко не достаточно внимательно прочелъ это мѣсто (стр. 98), гдѣ я не отожествляю эти два союза, а противопоставляю одинъ другому, переводя *иногда* словами „нѣкогда, когда то, раньше, quondam..., бывшій, покойный", и говорю: „выводъ изслѣдователей былъ бы справедливъ только въ томъ случаѣ, если бы въ приведенной фразѣ изъ Житія вмѣсто *тогда* стояло *иногда*". Обвиненіе же, будто въ оговоркѣ о болѣе *позднихъ* спискахъ я „пробую оставить для себя лазейку на всякій случай", падаетъ само собой, такъ какъ я пользуюсь 11 *современными* датамъ записями (стр. 96—97) и отдѣляю выписки изъ агіографическихъ произведеній отъ записей, разбивъ ихъ на 4 группы и объединивъ идентичностью оборотовъ.

Рецензентъ признается, что не понимаетъ моего предположенія о замѣнѣ „тожде шбители" первоначальнаго „Пантократоровы" (стр. 424): у меня подробно указано (стр. 151), какъ понимать выраженіе „игѹменомъ бывшимъ тожде шбители" въ связи съ другими свидѣтельствами о

Цамблакѣ, какъ о „бывшемъ" дѣятелѣ. Согласіе же всѣхъ списковъ не есть доказательство: замѣна могла произойти въ одномъ изъ первыхъ же списковъ, а мы не располагаемъ спискомъ Гавріила. Рецензентъ не предлагаетъ своего объясненія по поводу слишкомъ кратковременнаго пребыванія Цамблака въ Сербіи и отсутствія всякихъ слѣдовъ его въ Дечанской Пантократоровой обители; Нямецкая же Пантократорова обитель представляетъ въ этомъ отношеніи полную противоположность.

Не приводя всѣхъ моихъ сопоставленій загадочной „Плинаирской" обители и реальной „скрытой" (Катакріомени), рецензентъ ограничивается голословнымъ приговоромъ: „чистый курьезъ" и заключеніемъ: „комментаріи излишни". Отсылаю читателя къ моимъ разсужденіямъ (стр. 161—162) и къ 162 стр., гдѣ „Скрытая" напечатано правильно (безъ *и*). Моя аргументація въ пользу принадлежности Цамблаку Слова похв. „иже у Фролентіи и у Костентіи собору" не можетъ быть названа довольно слабой уже потому, что основана на цѣломъ рядѣ чертъ, общихъ и Слову, и привѣтственной Рѣчи папѣ въ Констанцѣ (стр. 195—199). Здѣсь же приводятся свидѣтельства Кояловича и Кульчицкаго, которые говорятъ о рѣчи *къ отцамъ собора*, указывается на стилистическіе и художественные обороты и существованіе „сходныхъ выраженій и оборотовъ въ обѣихъ привѣтственныхъ рѣчахъ" (стр. 198—199). Относительно же поздней замѣтки, приписывающей Слово Исидору, не можетъ быть двухъ мнѣній. Книжникъ приводитъ только одно основаніе: „бо бѣ на семь съборѣ во Флорентіи", т. е. его соображенія покоились на внѣшнемъ фактѣ и касались собора во Флоренціи—болѣе популярнаго, чѣмъ Констанцкій. Скорѣе поэтому можно видѣть вставку въ словѣ „Фролентіи", чѣмъ во второмъ, и ни въ коемъ случаѣ — не въ „кіевскаго и всея Руси", какъ думаетъ рецензентъ: Григорій Уніатъ не былъ архіепископомъ „всея Руси" (стр. 197).

Рецензентъ невнимательно прочелъ то, что̀ сказано у меня относительно трудовъ Евѳимія по исправленію текстовъ (стр. 209). Если они, по моему предположенію, относятся къ „позднему времени", то рецензентъ произвольно прибавилъ: „т. е. къ XV вѣку". Если изгнаніе Евѳимія датируется 1393 годомъ, то труды его относятся и къ послѣднимъ годамъ XIV вѣка, а мое упоминаніе о XV вѣкѣ касается „внѣболгарскихъ" исправленныхъ рукописей, т. е. молдавскихъ. Поэтому я не могъ допустить „полное противорѣчіе съ ясными свидѣтельствами Григорія и Константина", которыя не разъ цитирую по первоисточникамъ, и просилъ бы указать нѣсколько рукописей

болѣе ранняго времени, носящихъ ясные слѣды работы надъ ними Евѳимія или его послѣдователей.

Рецензентъ не согласенъ съ мнѣніемъ П. Сырку, что Слово Евѳимію написано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти патріарха (стр. 209), чѣмъ оно „рѣзко отличается отъ Слова Кипріану" (стр. 427). Но едва ли рецензентъ сможетъ 1) на основаніи внутреннихъ признаковъ Слова опредѣлить событія, отдаленныя отъ автора временемъ, отъ далекихъ по пространству и 2) указать болѣе естественный поводъ для произнесенія въ Россіи Слова въ честь непопулярнаго здѣсь болгарскаго святителя. Въ связи съ первымъ пунктомъ и стоитъ различіе въ терминахъ — „похвальное" и „надгробное": „гробъ" Кипріана находился въ Россіи, Евѳимій же умеръ и былъ похороненъ далеко; кромѣ того, эта разница покоится скорѣе на каноническихъ, а не хронологическихъ условіяхъ.

Рецензентъ упрекаетъ меня въ отсутствіи „разбора цѣлаго ряда свидѣтельствъ" русскихъ лѣтописей о кончинѣ Цамблака (стр. 428), на самомъ дѣлѣ мнимой; но 1) лѣтописи говорятъ кратко и въ одинаковыхъ стереотипныхъ выраженіяхъ, 2) согласны между собой по существу и 3) сбивчивы въ датахъ, 4) были разобраны моими предшественниками, особенно П. Соколовымъ и Левицкимъ, 5) уничтожаются показаніями остальныхъ источниковъ, столь же сомнительныхъ (стр. 214—218), 6) для моихъ цѣлей не представляютъ цѣнности, а при правдоподобіи извѣстій были бы непонятны слова рецензента, который находитъ мое предположеніе о схимѣ Григорія „весьма правдоподобнымъ" (стр. 420) и „правдоподобнымъ самимъ по себѣ", хотя и „нуждающимся въ дальнѣйшемъ обоснованіи" (стр. 428). Для опроверженія же моего предположенія слѣдовало бы разбить *всѣ 19 пунктовъ*, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности, конечно, не имѣетъ рѣшающаго значенія, но въ общей совокупности они представляютъ нѣчто прочное, восходящее къ прямому и ясному отожествленію Григорія и Гавріила въ Быстричскомъ помянникѣ XV вѣка. Этого рецензентъ не дѣлаетъ, а обнаруживаетъ своеобразный взглядъ на историческія „свидѣтельства" (стр. 427), которыми я пользуюсь. Дѣйствительно, я привожу рядъ данныхъ разнаго времени и разной цѣнности, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что я придаю имъ одинаковое значеніе. А если бы я пропустилъ что-нибудь изъ „позднѣйшаго" или „малодостовѣрнаго", то меня могли бы упрекать въ неполнотѣ, быть можетъ, въ умышленномъ замалчиваніи. Вотъ почему я считалъ необходимымъ приводить все мнѣ извѣстное по данному во-

просу, даже недоумѣнія, ошибки и сбивчивыя показанія (не „свидѣтельства") XIX вѣка. Во-вторыхъ, я даю объясненія по поводу возможныхъ сомнѣній относительно каждаго изъ свидѣтельствъ; очевидно, рецензентъ невнимательно отнесся къ нимъ (стр. 233—237 и дальше): всѣ сомнѣнія намѣчены мною самимъ, и каждое разъяснено рядомъ аналогій.

Далѣе слѣдуетъ мнѣніе г. Радченка о несходствѣ почерка Словъ Исаака Сирина 1389 года съ рукописями нямецкаго монаха Гавріила (стр. 428): 1) рецензентъ не можетъ считать себя компетентнымъ въ палеографическихъ вопросахъ, такъ какъ въ своемъ „Отчетѣ" (К. 1898, стр. 21) отнесъ къ XVII вѣку рукопись конца первой половины XIV вѣка, о чемъ я имѣлъ случай говорить въ книгѣ „Изъ слав. рукописей" (М. 1898, 146) и что ввело въ заблужденіе П. Сырку („Время и жизнь", 420 и 491—492); 2) разница въ формахъ только двухъ буквъ по снимку съ одной страницы не можетъ служить основаніемъ: я самъ отмѣчаю не всегда обычную форму для м въ другихъ рукописяхъ Гавріила (стр. 364) и указываю на тѣ страницы, гдѣ и эта буква становится вполнѣ обычной; 3) форма ж не идетъ въ счетъ, потому что на табл. III два раза выдается на поля и получаетъ этимъ скорописный характеръ, а з похоже на обычный почеркъ и другихъ снимковъ; 4) почеркъ *юноши* Гавріила (въ этомъ смыслѣ я и называю его „міряниномъ") не можетъ вполнѣ походить на письмо монаха и *старика* Гавріила: между ними разница болѣе 35 лѣтъ; 5) если въ рукописи 1389 года не замѣтно вліяніе реформы Евѳимія, то это служитъ въ пользу поздняго проведенія реформы въ практику. Вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на эти пункты, рецензентъ восклицаетъ: „такимъ образомъ отпадаетъ само собою предположеніе автора, будто Гавріилъ былъ мірское имя Григорія": приговоръ поспѣшный и необоснованный.

Рецензентъ не объясняетъ, почему нельзя связывать приписку на поляхъ рукописей, содержащихъ сочиненія Цамблака и Владислава, съ самими авторами-переписчиками (стр. 428), и приписываетъ мнѣ мнѣніе, котораго у меня нѣтъ—будто „самъ Владиславъ сдѣлалъ киноварную помѣту". Я говорю буквально слѣдующее: „надо признать, что связь между писцомъ и самимъ авторомъ была слишкомъ близкая" (стр. 243)—заключеніе болѣе, чѣмъ осторожное. Рецензентъ не понялъ ни общаго значенія приписокъ съ сохраненіемъ точной даты XV вѣка на двухъ рукописяхъ XVI вѣка, ни отдѣльныхъ выраженій приписокъ: мои соображенія направлены какъ разъ къ выясненію

„темноты" этихъ выраженій (стр. 425—426). Не понялъ онъ и того, что осторожность выраженій надо объяснять цѣлями самого Гавріила, удалившагося въ монастырь: записи говорятъ о немъ въ 3-емъ лицѣ. Кромѣ того, не нахожу противорѣчія между тѣмъ, что сказано мною относительно „реальной" поѣздки Цамблака во Флоренцію (совершенно невѣроятной, стр. 259—274), и что касается перевода Посланія 1443 года (вполнѣ достовѣрнаго, стр. 245, 275—278), тѣмъ болѣе, что мои замѣчанія о „ближайшемъ отношеніи" и „нѣсколько косвенномъ" не исчерпываются той фразой, которую приводитъ рецензентъ, а основаны на самостоятельныхъ экскурсахъ, о которыхъ въ разборѣ не упоминается. Приводимый рецензентомъ „образчикъ аргументаціи автора" (стр. 429) относительно совпаденія годовъ рожденія писца Гавріила и Григорія Цамблака на самомъ дѣлѣ не внушаетъ сомнѣній. Первая дата (1364 г.) основана на записи; вторая принадлежитъ даже не мнѣ, а всѣмъ моимъ предшественникамъ по работѣ, и никто не выдавалъ ее за достовѣрную, такъ какъ „отроческій возрастъ"— понятіе только приблизительное (Мелхиседекъ—12 л., Сырку—15, Соколовъ—13, у меня—15). Считать же Гавріила уроженцемъ восточной Болгаріи—вполнѣ естественно: помимо его „тырновскаго" правописанія, и Константинъ былъ „изъ тырновскихъ странъ". Конечно, „восточная Болгарія большая", но я указываю только „приблизительную мѣстность" (стр. 246), а не именно Тырновъ. Если же Григорій былъ „писатель", а Гавріилъ „писецъ" (прибавлю—переводчикъ и редакторъ), то почему я не могъ обоихъ назвать „книжными дѣятелями"?

Перечисляя страны, гдѣ можно было бы ожидать появленіе правленныхъ текстовъ, рецензентъ забылъ о западной Болгаріи, Валахіи, частяхъ Македоніи и Аѳонѣ, гдѣ для славянскихъ книжниковъ было такъ же покойно, какъ и въ Молдавіи. Поэтому мое указаніе на Молдавію окажется далеко не случайнымъ. Если рецензентъ не согласенъ, что присутствіе русскихъ статей въ рукописяхъ Гавріила можетъ служить однимъ, конечно, изъ косвенныхъ доказательствъ моего предположенія (не „утвержденія") о тожествѣ Гавріила и Григорія, то желательно знать другое объясненіе и указаніе иного пути перехода русскихъ статей въ сборники нямецкаго монастыря второй четверти XV вѣка.

Рецензентъ говоритъ, что о переписываніи книгъ Григоріемъ въ Россіи „намъ ничего неизвѣстно; да и врядъ ли было у него на это время", но не объясняетъ копіи съ записи на архіерейскомъ служеб-

никѣ XVII вѣка, о которомъ я говорю въ нѣсколькихъ мѣстахъ (стр. 106, 211, 273, 350—353, 419); нѣтъ объясненія и прибавокъ „бывшаго", греч. πρώιν, конечно, при 1) моей оговоркѣ: „большая часть приведенныхъ случаевъ не можетъ служить доказательствомъ авторитетнымъ, такъ какъ попадаются они въ рукописяхъ позднихъ" (стр. 249), 2) при ссылкѣ на пять фактовъ и 3) указанныхъ аналогіяхъ стараго и новаго времени. Невѣрно также, будто приводимыя у меня записи „не принадлежатъ вовсе тѣмъ лицамъ, о которыхъ упоминаютъ": если онѣ изложены отъ 3-го лица, то это—обычный пріемъ: „книга принадлежитъ такому то", а не „мнѣ такому то"; „сочиненіе" или „переводъ такого то", а не „мое" и т. д.

Рецензентъ не понялъ моихъ разъясненій и примиреній тѣхъ противорѣчій и неточностей, которыя вполнѣ объяснимы для хронистовъ XVII вѣка, говорящихъ о молдавскомъ посольствѣ въ Охридъ и участіи въ немъ Цамблака, т. е. о событіи первой половины XV вѣка (стр. 262—273); читатель убѣдится—можно ли назвать мои предположенія, вызванныя стереотипностью источниковъ, отсутствіемъ ожидаемыхъ посредствующихъ фактовъ и т. д. — „фантазированіемъ" (стр. 431), тѣмъ болѣе, что и самъ рецензентъ считаетъ „правдоподобнымъ мнѣніе автора, что именно въ 30 гг. XV в. Молдавія завязала сношенія съ Охридомъ". Если же онъ не согласенъ, что въ этомъ принималъ участіе Цамблакъ, то имъ не разъяснено, почему лѣтопись прямо называетъ Цамблака. Говоря о событіяхъ 1432 года, связанныхъ съ именемъ Александра Добраго, я самъ дѣлаю оговорку, съ ссылкой на Быстричскую лѣтопись, относящую кончину Александра къ 1434 г. (стр. 273); рецензентъ изъ моей оговорки дѣлаетъ восклицаніе отъ своего имени. Изъ моего указанія, что въ своей лѣтописи Костинъ „не называетъ имени Цамблака" (стр. 266), рецензентъ дѣлаетъ такое же восклицаніе. На возможность замѣны „Константинополя" „Царыградомъ", думаю, нечего возражать: она слишкомъ обычна въ славянской письменности. Извѣстно мнѣ также и время поѣздки Цамблака въ Констанцъ, но не думаю, чтобы и молдавскіе хронисты XVII в. знали его также точно. Поэтому вопросъ рецензента не по адресу. Предполагаемое мною оправданіе Цамблака предъ господаремъ и указаніе на отсутствіе такого документа рецензентъ не опровергаетъ по существу, ограничиваясь междометіемъ „да, увы!" (стр. 431) и т. д. Сербизмы одного изъ сборниковъ Гавріила едва ли можно объяснять не вліяніемъ Охрида съ его сербскими рукописями, такъ какъ ни Сербія, ни Аѳонъ, ни Константинополь къ данному факту не подхо-

дять, и это объяснено мною (стр. 300). Относительно Сахарнянскаго списка Лѣствицы XIV вѣка я ссылаюсь на сербскую Лѣствицу 1421 г., ограничиваю кругъ наблюденій словами „въ послѣднемъ случаѣ“ и основываюсь на сходствѣ Сахарнянскаго списка инока Даніила съ рукописью XIV же вѣка собранія А. Гильфердинга (Публ. Библ. № 48), гдѣ Житіе Іоанна Синаита переписано имъ же: „сьписа... тїе ѿ даніила инока смѣреннаго“. О „смѣшанныхъ“ текстахъ я имѣлъ право говорить на основаніи тѣхъ фактовъ, которые добыты послѣдней македонской экспедиціей и которые были извѣстны раньше. Конечно, центръ тяжести въ ихъ особенностяхъ остается на сторонѣ сербскихъ, а не болгарскихъ, что̀ въ сущности и лежитъ въ основаніи моихъ предположеній. Наконецъ, едва ли „простая случайность“ усиленіе работъ Гавріила по перепискѣ послѣ предполагаемой поѣздки въ Охридъ; при этомъ я имѣю въ виду какъ разъ датированныя рукописи, противъ чего почему-то возражаетъ рецензентъ. До 1432 года имѣемъ 2 рукописи съ датами, послѣ него—12: факты не случайны.

Повторяя „вслѣдъ за П. Сырку и Калужняцкимъ (прибавлю еще Дринова, Лаврова и Попружснка) невѣрное мнѣніе о борьбѣ Евѳимія съ Фудуломъ и Пиропуломъ“, я не „прибавляю еще кое-что свое“, а тѣмъ болѣе не „утверждаю“, такъ какъ мнѣніе о валашскомъ происхожденіи Фудула принадлежитъ не мнѣ, а П. Сырку (его слова: „по всей вѣроятности, это—одинъ изъ тѣхъ румынъ, которые, по свидѣтельству Каллиста, приходили въ Парорію къ Григорію Синаиту“; „Фудулъ — слово румынское и значитъ гордый“. Время и жизнь, I, 1, стр. 487). Во-вторыхъ, неосновательность упрека г. Радченка по адресу Цамблака, будто бы смѣшавшаго Пирра и Пиррона, доказана П. Сырку (тамъ же, стр. XV—XVI) и повторяется у Хр. Попова („Евтимий, послѣдень търновски и трапезицки патр.“ Пловдивъ. 1901, 84—85), почему я и теперь не нахожу возможности считать мнѣніе рецензента мало-мальски вѣрнымъ. По словамъ П. Сырку, г. Радченко „по счастливому невѣдѣнію сдѣлалъ изъ глагольной формы боудѣ, обычной въ Цамблаковой похвалѣ Евѳимію, Будду. И легко и для г. Радченка, должно быть, и хорошо. Вотъ до чего можетъ довести ничѣмъ несдерживаемая фантазія“! (Время и жизнь, стр. 570—571).

Неизвѣстно, почему рецензентъ называетъ выписку изъ лекціи I. Богдана „совершенно неумѣстной“ (стр. 431). Разъ шла рѣчь о слав. обликѣ старой культуры у румынъ и роли Цамблака, какъ перваго изъ достовѣрныхъ дѣятелей на книжномъ поприщѣ,—объ этомъ необхо-

димо было говорить, тѣмъ болѣе—въ русской литературѣ по данному вопросу ничего нѣтъ. Не нахожу ничего „страннаго“ и въ упоминаніи (а не „сопоставленіи“) объ издательской дѣятельности болгарскихъ революціонныхъ комитетовъ въ Румыніи въ XIX в.: это является цѣннымъ показаніемъ въ пользу непрерывности и прочности румыно-болгарскихъ отношеній съ XII в. по наше время (ср. нашу статью „Къ исторіи румыно-болгарской взаимности“. *Извѣстія С.-Пб. Славянскаго благотворительнаго Общества*, 1904, кн. III).

Говоря о буквѣ *м* въ одномъ изъ сборниковъ Гавріила, я указываю на тѣ страницы рукописи, гдѣ *м* принимаетъ совершенно обычный видъ (стр. 364), о чемъ рецензентъ умалчиваетъ, приводя только мои первоначальныя сомнѣнія. Мое замѣчаніе относительно „сербскихъ чертъ“ Почаевской рукописи XVI в., которую я и не думалъ смѣшивать съ сборникомъ Гавріила 1447 года, „умѣстны“ потому, что къ предполагаемой рукописи Гавріила я возвожу и Почаевскую на основаніи трехъ статей; изъ нихъ двѣ сходны текстуально (стр. 368—369). Слѣдовательно, „смѣшеніе“ принадлежитъ не мнѣ, а рецензенту.

Если г. Радченко недоумѣваетъ — когда Гавріилъ успѣлъ переписать такую массу рукописей (стр. 432), то ни для кого другого не покажется необычнымъ то, что въ теченіе около 30 лѣтъ писецъ могъ изготовить 29 рукописей: 1) такая трудная для переписки работа, какъ роскошное выходное Евангеліе 1436 года, потребовала всего 10 мѣсяцевъ (стр. 347), а менѣе сложныя и менѣе объемистыя книги могли писаться и скорѣе; 2) изъ записей Гавріила знаемъ, что къ одному и тому же году иногда относится по двѣ рукописи, напримѣръ, къ 1447 и 1448 гг. (стр. 470); 3) остальныя рукописи изготовлялись послѣдовательно и постепенно, что̀ видно изъ перечня датированныхъ (стр. 420); 4) мы знаемъ не менѣе дѣятельныхъ писцовъ-славянъ (стр. 421—422), о чемъ упоминали не безъ намѣренія, имѣя въ виду сомнѣнія лицъ, мало знакомыхъ съ книжнымъ дѣломъ стараго времени; 5) предложеніе о существованіи и другихъ рукописей, кромѣ сохранившихся, основано на а) необыкновенной систематичности и неутомимости Гавріила, б) наличности двухъ достовѣрныхъ и 2 предполагаемыхъ Евангелій (отрывокъ не подлежитъ сомнѣнію), в) пробѣлахъ въ переписанныхъ имъ книгахъ по времени (напримѣръ, къ 30 гг. относятся только двѣ рукописи съ датами, а къ 40 гг.— 10) и 2) по содержанію (напримѣръ, нѣтъ Церк. Устава, Псалтыри, Служебника, Требника, Тріодей, частей служ. Миней и т. д.); въ

общемъ же выборѣ книгъ у Гавріила замѣчается система, какъ будто стоящая въ связи съ „полнымъ кругомъ церковныхъ книгъ", о которомъ говоритъ молдавская лѣтопись. Мое мнѣніе о первомъ впечатлѣніи молдавскихъ рукописей, которыя можно принять за очень древнія, основывается не только на „изяществѣ полуустава": 1) я воздерживаюсь отъ термина „полууставъ", какъ далеко не точнаго, и говорю „молдавское письмо" (стр. 381—832), 2) имѣю въ виду такъ называемое „литургическое" молдавское письмо, основанное именно на подражаніи старинѣ; 3) кромѣ Остромирова Евангелія, я указываю и другія рукописи.

Далѣе рецензентъ еще разъ возвращается къ вопросу о времени реформы Евѳимія (стр. 432—433) и не допускаетъ моего предположенія о позднемъ ея времени, обвиняя меня даже въ незнакомствѣ съ „яснымъ свидѣтельствомъ Константина". Ни одинъ изъ его пунктовъ не имѣетъ основанія: 1) „Сказаніе" Константина знакомо мнѣ во всѣхъ подробностяхъ и цитируется много разъ по изданію Ягича; 2) дѣятельность Константина можно начинать только съ 1407 года, а 3) Гавріила — съ 20 гг. XV в.; 4) изгнаніе Евѳимія представляло больше простора для книжныхъ работъ (рецензентъ самъ сомнѣвается, чтобы Цамблакъ во время управленія митрополіей переписывалъ книги); 5) оффиціальное установленіе реформы въ Болгаріи намъ извѣстно изъ словъ Константина, который самъ былъ заинтересованъ, чтобы и его нововведенія получили такую же санкцію въ Сербіи; 6) „Изъявленіе" Евѳимія до насъ не дошло, и въ существованіи его скорѣе можно сомнѣваться (см. стр. 406) по тѣмъ же причинамъ; 7) не извѣстна ни одна рукопись съ правками самого Евѳимія, его времени или имѣющая близкое отношеніе къ нему; 8) „романійское" происхожденіе Андроника скорѣе указываетъ на мѣсто и время работъ Евѳимія послѣ изгнанія, и гдѣ нибудь на югѣ Балканскаго полуострова, чѣмъ въ Тырновѣ и до паденія Болгаріи; 9) на основаніи фактовъ, а не словъ Константина и Григорія, — Евѳимія нельзя назвать иниціаторомъ чего-нибудь новаго, реформаторомъ и т. д., а только систематизаторомъ средне-болгарскаго правописанія, въ связи съ чѣмъ стоятъ и „правые святогорскіе" изводы, появленіе которыхъ обошлось безъ той помпы и преувеличеній, которыя производятъ впечатлѣніе чего-то дѣланнаго въ устахъ учениковъ Евѳимія. Напрасно рецензентъ обвиняетъ меня въ незнаніи (у него прибавлено sic) того, что Константинъ не непосредственный ученикъ Евѳимія;

объ этомъ я говорю слишкомъ ясно (стр. 407). Конечно, отсюда еще не слѣдуетъ, что отдѣльные труды по исправленію, а не систематическая реформа, начаты были и раньше.

Мое предположеніе (у меня—„повидимому“ стр. 421), что Евѳимій былъ дѣятельнымъ писцомъ, у рецензента превращается въ „новыя, неслыханныя свѣдѣнія“ (стр. 433); апокрифическія же черты въ произведеніяхъ Евѳимія, конечно, вмѣстѣ съ демонологіей и эсхатологіей, стоятъ въ связи съ общимъ характеромъ болгарской письменности XIV вѣка.

Разсказы о видѣніяхъ Нарциса и Андроника не только не „совершенно излишни“, но необходимы именно въ виду основной мысли моей работы, что нямецкіе обитатели и румынскіе изслѣдователи интересовались Цамблакомъ больше, чѣмъ, напримѣръ, Дечанскіе монахи или сербскіе ученые. Видѣніе же Нарциса имѣетъ ближайшее отношеніе къ Цамблаку и въ нашихъ глазахъ особенно интересно тѣмъ, что самъ автобіографъ ни разу не указываетъ на Цамблака: иначе можно было бы заподозрить и самый разсказъ, имѣющій отголоски въ бродячихъ мотивахъ о неоконченной литургіи. Едва ли кто либо найдетъ намекъ на другое лицо въ разсказѣ Нарциса, такъ близко и во всѣхъ подробностяхъ подходящемъ только къ Цамблаку. Обвинять меня въ неполнотѣ библіографіи произведеній Цамблака (стр. 434) нельзя уже потому, что у меня есть точныя указанія на особую работу о произведеніяхъ Цамблака (стр. 471); во-вторыхъ, указываю я только на тѣ сборники, которые сохранили эти произведенія „сравнительно въ полномъ видѣ“ (стр. 454). По той же причинѣ я остановился на одномъ Житіи Іоанна Сочавскаго, лишь для примѣра, говоря: „достаточно прослѣдить литературную судьбу *хотя бы одного* изъ произведеній Цамблака“ (стр. 456) и т. д. „Только упоминаю“ я объ особыхъ версіяхъ того же Житія потому, что помѣщенное въ „Запискахъ Одесск. Общества ист. и древн.“ (т. IX) представляетъ неточный переводъ съ греческаго (у меня № VII), „пока не разработанный“ (стр. 465).

Однимъ словомъ, въ своемъ краткомъ отвѣтѣ я не согласенъ ни съ однимъ изъ замѣчаній рецензента.

А. Яцимирскій.

По поводу „Отвѣта" г. Яцимирскаго.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору „Отвѣта" г. Яцимирскаго, я считаю нужнымъ оговориться, что не на всѣ возраженія буду отвѣчать, не желая утомлять читателя, такъ какъ многія возраженія не заслуживаютъ этого наименованія, въ чемъ легко можетъ убѣдиться каждый.

Обращаюсь къ „Отвѣту".

И послѣ заявленій автора я остаюсь при убѣжденіи, что г. Яцимирскій относится въ своей работѣ къ источникамъ безъ различія между ними и безъ попытки какъ нибудь классифицировать ихъ, и вполнѣ убѣжденъ, что заявленія г. Яцимирскаго такое же произведутъ впечатлѣніе и на другихъ читателей—слишкомъ ужъ они голословны! И теперь остается для меня сомнительнымъ объясненіе г. Яцимирскаго—кого надо разумѣть подъ „рождшимъ насъ отцемъ и учителемъ зѣльнымъ".

Исаакъ Сиринъ и Дороѳей имѣютъ такое же отношеніе къ „ересямъ" Варлаама и Акиндина, какъ и повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ, т. е. ровно никакого. Ничего нѣтъ удивительнаго, что въ записи повѣсть, прославляющая аскетическую жизнь, помѣщена между аскетическими сочиненіями.

Голословно утвержденіе г. Яцимирскаго, что посвященіе Григорія въ іеромонахи не могло состояться раньше 1400 года.

Изъ того, что въ Константинополѣ того времени жили славянскіе и русскіе иноки-книжники, вовсе не слѣдуетъ, что могло быть въ *греческой* церкви произнесено слово на славянскомъ языкѣ. Нисколько не убѣдилъ меня авторъ въ томъ, что сказаніе о Параскевѣ писано не въ Сербіи, а въ Константинополѣ. *Тонъ* произведенія показываетъ, что оно писано въ *Сербіи*, а не въ *Константинополь*. Ничего не доказываетъ ни терминъ „писаніе", ни то обстоятельство, что авторъ обозначенъ только фамиліей „Цамблакъ", а не „пресвитеръ Григорій" etc., а еще наивнѣе третье доказательство.

Соображенія мои о авторѣ житія Варвара и времени его написанія зиждутся далеко не на однихъ только филологическихъ основаніяхъ; г. Ягичъ вовсе не оспариваетъ моей основной точки зрѣнія, но только говоритъ, что „строитель" *точный переводъ* греческаго *οἰκονόμος*. Въ рукописи приписываются Кипріану „славы слова"—дѣйствительно къ „житію" присоединена краткая похвала Варвару, ко-

торая и была составлена Кипріаномъ. Г. же Яцимирскій первый сдѣлалъ открытіе, что въ старину житія назывались также славами.

Г. Яцимирскій учреждаетъ тырновское патріаршество въ 1355 (sic!) году. Признаюсь, этого я не ожидалъ даже отъ г. Яцимирскаго. Ему неизвѣстно, что тырновское патріаршество было учреждено еще въ XIII вѣкѣ при царѣ Іоаннѣ Асѣнѣ II (именно въ 1235 г.!), и посланіе Каллиста 1355 года вовсе занято не вопросомъ о учрежденіи тырновскаго патріаршества, которое уже давно существовало, а слишкомъ самостоятельнымъ, по мнѣнію Каллиста, по отношенію къ константинопольской каѳедрѣ образомъ дѣйствій тырновскаго патріарха.

Продолжая ставить записи на одномъ ряду съ житіями и т. п. произведеніями въ отношеніи къ употребленію союза *тогда*, г. Яцимирскій этимъ только доказываетъ свое поверхностное знакомство со старинной славянской письменностью.

Я вовсе и не думаю относить къ Григорію Уніату словъ: „кіевскаго и всея Руси". Откуда это взялъ г. Яцимирскій [1])?

Изъ того, что до насъ не дошло рукописей XIV вѣка Евѳиміевскаго правописанія, еще не слѣдуетъ, что ихъ не было. Много ли вообще до насъ дошло рукописей отъ этого періода? Авторъ забываетъ, что турецкій погромъ Болгаріи въ 1393 году, конечно, не могъ благопріятствовать сохраненію рукописей!

Не знаю, почему Евѳимій былъ непопуляренъ въ Россіи. Во всякомъ случаѣ священнымъ долгомъ Цамблака было сдѣлать Евѳимія популярнымъ въ Россіи—это такъ естественно ожидать отъ ученика и почитателя тырновскаго святителя! О популярности же Евѳимія на Руси свидѣтельствуетъ значительное количество списковъ его произведеній русской редакціи—кто же другой позаботился объ этомъ, какъ не его ученики? Да и вліяніе Евѳимія на русскую письменность XV—XVI вв. сказывается во многомъ, что уже, кажется, въ достаточной мѣрѣ выяснено.

То обстоятельство, что лѣтописи говорятъ кратко о кончинѣ Цамблака, согласны между собой по существу и сбивчивы въ датахъ, были разобраны предшественниками автора и пр.—вовсе не освобождало его отъ обязанности еще разъ заняться разборомъ ихъ.

Мое заключеніе о нетожественности писца „словъ" Исаака Сирина 1389 г. съ Григоріемъ Цамблакомъ основывается не на несходствѣ двухъ, трехъ буквъ, которыя приводятся у меня только для

[1]) Ср. вообще мою рецензію—*Жур. Мин. Нар. Просв.* 1904, окт. стр. 425.

примѣра, а на общемъ несходствѣ почерковъ. Невѣроятно предположеніе, чтобы ученикъ Евоимія не слѣдовалъ его правописанію уже въ раннихъ трудахъ.

Какова цѣнность многихъ возраженій автора, всякій можетъ увидѣть хотя бы изъ сопоставленія моихъ замѣчаній о сомнительности поѣздки Цамблака въ Охридъ [1]) и отвѣта г. Яцимирскаго.

Неосновательность моихъ упрековъ по адресу Цамблака отнюдь не доказана г. Сырку. Уже послѣ изслѣдованія Сырку появилось изданіе житія Евоимія Цамблака г. Калужняцкаго; во введеніи и комментаріяхъ къ нему г. Калужняцкій приводитъ новые аргументы въ защиту достовѣрности Цамблака, между прочимъ, и въ данномъ случаѣ. Въ своей рецензіи на книгу г. Калужняцкаго [2]) я еще разъ занялся этимъ вопросомъ и показалъ полную недостовѣрность свидѣтельства Цамблака—возраженій на это до сихъ поръ не послѣдовало, да и врядъ ли они могутъ быть! Не понимаю, для чего приводитъ г. Яцимирскій здѣсь же совершенно неудачную выходку противъ меня г. Сырку. Пусть будетъ увѣренъ г. Яцимирскій, что мнѣ не хуже, чѣмъ ему и г. Сырку, извѣстно значеніе слова *буда*, но къ мѣсту, о которомъ у меня шла рѣчь, по изданію арх. Леонида, подобное толкованіе слова *буда* совершенно не подходило [3]). Замѣчу, что перечень ученыхъ, придерживающихся того же мнѣнія, что и Сырку, приводимый г. Яцимирскимъ, неполонъ!

Какимъ образомъ могли проявиться въ спискѣ съ сборника Гавріила (т. е. по мнѣнію г. Яцимирскаго, Почаевской рукописи) сербскія черты, стушеванныя въ этомъ послѣднемъ? Мудрый Эдипъ! разрѣши эту загадку, поставленную г. Яцимирскимъ?

Если бы г. Яцимирскій приписывалъ Григорію-Гавріилу переписку 29 рукописей, то съ этимъ, конечно, можно бы согласиться, но дѣло въ томъ, что г. Яцимирскій приписываетъ ему переписку гораздо большаго числа рукописей, на что и указываетъ моя рецензія, которую г. Яцимирскій позволяетъ себѣ толковать совершенно произвольно, лишь бы бросить тѣнь на мою освѣдомленность въ трактуемыхъ мною

---

[1]) См. *Жур. Мин. Нар. Просв.*, I. с., 430—431.

[2]) Помѣщена въ Archiv f. sl. Philol. Bd. XXIV.

[3]) Привожу это мѣсто: „Нѣкто Пиронъ. Несторіевы ереси топлъ хранитель и Акиндиновы и Варламовы, къ симъ и иконоборскиа словыи, буда отъ Константинова града изъшедъ“ etc. Ср. мое изслѣдованіе: „Литературное и религіозное движеніе въ Болгаріи“ etc., стр. 201. Не могъ же я знать, что у Леонида искажено это мѣсто.

вопросахъ [1]). Вообще нужно замѣтить, что къ подобнымъ пріемамъ полемики г. Яцимирскій неоднократно прибѣгаетъ въ своемъ „Отвѣтѣ“. Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ сличить мою рецензію съ „Отвѣтомъ“.

Хотя, по мнѣнію г. Яцимирскаго, ни одинъ изъ моихъ пунктовъ, выставленныхъ противъ довольно страннаго (выражаясь мягко) утвержденія его о позднемъ времени Евоиміевской реформы правописанія, не имѣетъ основанія, но ни одинъ изъ нихъ не опровергнутъ г. Яцимирскимъ. По мнѣнію г. Яцимирскаго изгнаніе Евоимія (и заточеніе?) представляло больше простора для книжныхъ работъ, при чемъ онъ приводитъ весьма неудачную параллель изъ жизни Цамблака, офиціальное установленіе реформы въ Болгаріи сочинено де (передаю не *слова*, а *мысль* автора) Константиномъ, который самъ былъ заинтересованъ, чтобы и его нововведенія получили такую же санкцію въ Сербіи— остальныхъ пунктовъ автора не привожу, какъ не заслуживающихъ вниманія. Невѣроятность перваго пункта ясна для каждаго, кто сколько нибудь знакомъ съ эпохой Евоимія; второй пунктъ не выдерживаетъ критики, во-первыхъ, потому, что вообще мы не имѣемъ никакого основанія не довѣрять Константину—достовѣрность его, какъ историка, блистательно засвидѣтельствована новѣйшими изслѣдованіями о его „Житіи Стефана Лазаревича“; во-вторыхъ, допустить, что извѣстіе Константина вымышлено имъ, мы не можемъ: вѣдь что стоило уличить его во лжи многочисленнымъ противникамъ его въ Сербіи? Притомъ же это извѣстіе подтверждается и Цамблакомъ, о чемъ г. Яцимирскій осторожно умалчиваетъ. Приведу кстати соотвѣтственныя мѣста изъ Константина и Цамблака.

По словамъ Константина дѣятельность Евоимія, какъ реформатора правописанія простиралась не только на *всю* безъ исключенія Болгарію, но и на скиоскія страны, то-есть земли, лежащія по сѣверную сторону Дуная; весьма вѣроятно, что подъ скиоскими странами разумѣлъ Константинъ Россію—„понеже не постигѡ великаго ѡного хѹдожника словѣнскыи писмен, ѿценачелника глю трьновскаго кѵр Еѵѳимїа, иже и освѣтило странѫ тѣ яко къ истинѣ яснее, и даже до нинѣ сїи, до рѣкы глемые Марице и къ Скѵѳскыи странѣ и Загорїи“ [2]), мыслимое ли дѣло, чтобы реформа Евоимія получила такое распространеніе, вышедши отъ него уже послѣ его заточенія?

[1]) Ср. мою рецензію, l. c., стр. 432.

[2]) Изслѣдованія по русскому языку, т. I, 390.

А вотъ мѣста, которыя особенно не нравятся г. Яцимирскому: „И въ тръновскый во странѣ писмена тако погыбла была соуть, нъ црь и патрїархъ просвѣтише и зри, колико благо сїи сътвориша, яко не тъкмо тогда или свою ѡбласть, нъ сажение и и ѡснованїе всегда е и даже и до нынѣ о ѡбрътная цр҇квїа просвѣщаеть“... Евѳимій написалъ: „изыавленїа нѣкаа. Яко кладеи никоего же вовсе, всѧ единка повелѣваеть выкають. И ѡнь тъчїю наоучникъ, или оученїю ѡснованїе положникъ, злокѹ искорѣнии, и никто же соупротивь ѥмоу ста“ [1]).

Григорій Цамблакъ относитъ труды Евѳимія по исправленію богослужебныхъ книгъ и, конечно, реформѣ правописанія еще ко времени, предшествовавшему его возведенію въ патріаршій санъ—извѣстіе правдоподобное и легко объясняющее возможность скораго введенія въ офиціальное употребленіе новаго правописанія Евѳиміемъ, когда онъ былъ въ санѣ патріарха. Именно, по словамъ Цамблака, возвратившись на родину, онъ поселился въ пещерѣ вдали отъ города, выстроилъ тамъ церковь во имя св. Троицы и занялся исправленіемъ книгъ: совершилъ „прѣписаніе божьственных книгь ѡт Елладскаго ѧзыка на Блъгарскый“ [2]). Для чего онъ это сдѣлалъ? Потому что „пръвіи прѣвѡдителе, или за еже Еллинскаго ѧзыка же и оученїа не въ конець вѣдѣти или за еже своего ѧзыка дебелѡсти слѹжити, ѧже издашѧ книгы, неслѡжны въ рѣчех ѩвишѧ сѧ и разоумѣнїю Гръчьскыих писаній несъгласны, дебелствѡм же свѧзаны и не гладкы къ теченїѹ глагольномоу и тъкмо ѡт еже именовати сѧ благоч[ь]стивыих книгы вѣрное имѣх миѡг же врѣд въ них крыаше сѧ и истиныим догматѡм сь противленїе“ [3]). Вслѣдствіе этого произошли многія ереси. Подобныя же мысли разсѣяны по всему сочиненію Константина, который, впрочемъ, приписываетъ указанные Цамблакомъ недостатки переводовъ времени болѣе позднему. Изъ того же сочиненія Константина можно хорошо поучиться, какъ, по представленіямъ тогдашнихъ реформаторовъ правописанія, отъ неисправности послѣдняго возникало богохульство и даже ереси.

Наиболѣе страннымъ съ точки зрѣнія г. Яцимирскаго представлялось бы то обстоятельство, что даже Григорію Цамблаку ничего неизвѣстно ни о реформаторской, ни вообще о книжной дѣятельности Евѳимія въ заточеніи! Да и въ состояніи ли былъ онъ заниматься такимъ дѣ-

[1]) Ib., стр. 391. Темное это мѣсто, по моему, слѣдуетъ толковать такимъ образомъ: Евѳимій не издалъ сочиненія, подробно обосновывающаго его правописанія, но предписаніе употреблять это правописаніе и указаніе особенностей его.

[2]) E. Kaluzniacki. Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven, ss. 39, 40.

[3]) Ib., 41.

ломъ въ заточеніи—онъ, если вѣрить Цамблаку, всѣхъ „нищѣйши и къ милостынѧ прїатїоу ключимѣйши", къ тому же одержимый тяжелымъ недугомъ, и страшныя претерпѣвающій мученія со стороны турокъ [1]).

Недоумѣніе г. Яцимирскаго относительно Романіи давно разрѣшено въ наукѣ: „Романія", романійская область обозначала Өракію около Пловдива и Старой Загоры [2]).

Что разумѣетъ г. Яцимирскій подъ апокрифическими чертами въ произведеніяхъ Евөимія?

Въ заключеніе г. Яцимирскій заявляетъ, что не согласенъ ни съ однимъ изъ моихъ замѣчаній. Что же дѣлать! Жаль только, что онъ не съумѣлъ эти замѣчанія опровергнуть, и дѣло остается по старому и послѣ его „Отвѣта".

К. Радченко.

Книжныя новости.

„Изъ жизни идей". Научно-популярныя статьи проф. С.-Петербургскаго университета *Ө. Зѣлинскаго*. С.-Пб. 1905 (стр. VII+358). Цѣна 1 руб. 25 коп.

Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ сошли со сцены послѣдніе представители античности; много поколѣній отдѣляетъ насъ отъ первыхъ выразителей культурныхъ стремленій человѣчества. Но древніе греки и римляне оставили послѣ себя такое богатое наслѣдіе, которымъ міръ въ правѣ гордиться. Къ сожалѣнію, не всякій наслѣдникъ можетъ оцѣнить по достоинству полученное имъ достояніе: иной часто съ пренебреженіемъ отбрасываетъ то, что представляетъ собой источникъ вѣчной радости для человѣка, умѣющаго глубже проникать въ суть вещей.

И теперь еще нѣкоторые не желаютъ понять, въ какой степени тѣ идеи, которыми мы живемъ, стоятъ въ зависимости отъ завѣтовъ античности, часто забываютъ, что масса идей, считающихся вполнѣ оригинальными, принадлежитъ не нашимъ вѣкамъ, а составляетъ плодъ культурной работы древней мысли.

Тѣмъ болѣе благодарны мы должны быть тѣмъ людямъ, которые ставятъ себѣ цѣлью разсѣять это предубѣжденіе.

Книга проф. С.-Петербургскаго университета Ө. Ф. Зѣлинскаго, озаглавленная: „Изъ жизни идей", представляетъ сборникъ, заключающій въ себѣ 15 статей научно-популярнаго содержанія, объединенныхъ одной общей идеей—доказать наглядно существованіе органической связи между современной и античной культурами. Разсматривая античность и ея значеніе въ современной жизни, авторъ исходитъ изъ того убѣжденія, что „античность была родоначальницей тѣхъ идей, которыми мы и нынѣ живемъ". Желая доказать

---

[1]) Ib., 59.

[2]) См. Изслѣдованія, т. I, 341 пр. 1.

эту общую мысль, авторъ намѣтилъ себѣ планъ обширнаго научнаго зданія, обнимающаго собой біографію и біологію идей, въ своей совокупности составляющихъ современную умственную культуру. Предлагаемый сборникъ—одна изъ незначительныхъ по объему частей этого гигантскаго цѣлаго. Изъ общаго вошедшихъ въ сборникъ числа 15 статей, 7 было помѣщено въ „Сѣверномъ Курьерѣ", плюсъ еще одна—„Менандръ и его комедія", входящая въ трилогію „Воскресшіе поэты". Остальныя были напечатаны въ „Мірѣ Божіемъ", „Филологическомъ Обозрѣніи" и другихъ журналахъ.

Въ первой статьѣ сборника Ѳ. Ѳ. Зѣлинскій изслѣдуетъ *идею нравственнаго оправданія* преступника. Человѣкъ совершилъ преступленіе, скажемъ—убійство; по точному смыслу закона или usus'а онъ долженъ претерпѣть кару, но какую? Каждая эпоха отвѣчаетъ на этотъ вопросъ по своему. Первоначально достаточно было уплатить родственникамъ убитаго извѣстную виру. Съ тѣхъ поръ, какъ души умершихъ стали требовать себѣ, по представленію древнихъ, дани отъ живущихъ, для умилостивленія ихъ требовалась уже кровь убійцы, и вира уступила мѣсто кровной мести. Но въ такомъ случаѣ мститель самъ дѣлался убійцей. Тогда греческая миѳологія придумала исходъ „Нельзя откупиться деньгами отъ пролитой крови; одинъ только Аполлонъ можетъ отпустить человѣку совершенное имъ убійство, очищая его отъ грѣха". Для иллюстраціи исторіи развитія идеи нравственнаго оправданія авторъ привлекаетъ миѳъ объ Орестѣ. По словамъ Дельфійской Орестіи, Орестъ убиваетъ мать и Эгисѳа, но затѣмъ получаетъ полное прощеніе отъ Аполлона. Не такъ происходитъ дѣло въ Аѳинахъ: вира, фигурирующая въ редакціи гомеровской Іоніи, и здѣсь не можетъ, конечно, имѣть мѣста; но и принятію дельфійской версіи препятствуетъ гражданственность: въ первыхъ двухъ случаяхъ человѣкъ является чѣмъ-то обособленнымъ, самодовлѣющимъ, община не принимается въ расчетъ; въ Аѳинахъ она сразу предъявляетъ свои требованія и къ убійцѣ, и къ мстителю, и становится судьей для рѣшенія спора объ ихъ виновности или невиновности. Наказаніе можетъ наложить только она. Вещественнымъ символомъ этого права былъ аѳинскій ареопагъ. „Пускай человѣческая личность ищетъ себѣ опоры и оправданія во мнѣніи совокупности лучшихъ изъ равныхъ себѣ"—вотъ завѣтъ Паллады—„всѣмъ временамъ", какъ она сама объявляетъ. Въ то же время для умилостивленія души убитаго въ лицѣ Эринній былъ учрежденъ культъ Эвменидъ. Такимъ исходомъ были одновременно удовлетворены гуманность, гражданственность и религіозность. Выразителемъ такихъ новыхъ идей на почвѣ миѳа объ Орестѣ былъ Эсхилъ. И у него Оресту отпускается его грѣхъ судомъ ареопагитовъ. Голоса раздѣляются, тогда Паллада присоединяетъ свой голосъ къ тѣмъ, которые поданы были въ его пользу, и Орестъ оправданъ. Но возникаетъ вопросъ: можно ли считать себя оправданнымъ при равенствѣ голосовъ за и противъ? И на этотъ вопросъ у Эсхила отвѣта нѣтъ. „Но поэтъ Паллады", говоритъ авторъ въ концѣ статьи, „можетъ утѣшать себя сознаніемъ, что и тѣ слишкомъ 20 вѣковъ, которые прошли со времени постановки его трагедіи, искомаго отвѣта не нашли".

Второй очеркъ сборника—*Ифигенія* рисуетъ поэтичный идеалъ женщины. „Ей не дана творческая отвага, созидающая идеалы жизни; ей даны любовь и вѣрность, а съ ними способность воспринимать и беречь сѣмя идеала, за-

роненное въ ея душу любимымъ человѣкомъ, беречь его до самозабвенія, до жертвы". Этотъ идеалъ рисуетъ намъ Еврипидъ, тотъ Еврипидъ, котораго его современники обвиняли въ ненависти къ женщинѣ!

Третья статья озаглавлена *„Воскресшіе поэты"*: Вакхилидъ, Геродъ и Менандръ. Какимъ-то чудомъ пески Египта сохранили ихъ и передали изъ рукъ въ руки англичанамъ, цѣлыми ящиками вывозящимъ оттуда драгоцѣнные папирусы. Передъ нами встаютъ эти три представителя греческой лирики, реально-бытовой поэзіи и древней комедіи; авторъ даетъ подробныя характеристики этихъ трехъ литературныхъ родовъ въ связи съ литературной оцѣнкой дѣятельности и философіи названныхъ поэтовъ.

Нужно ли говорить о вѣчности типа *Антигоны*, этой первой мученицы вѣчнаго кофликта власти и совѣсти, закона и любви? Характеристикѣ этого типа посвященъ 4-ый очеркъ „Сборника".

Упорные слухи, ходившіе въ публикѣ въ 1899 г. о предстоящемъ яко бы свѣтопреставленіи, пущенные въ ходъ съ легкой руки предпринимателей-аферистовъ, побудили автора написать статью: *„Первое свѣтопреставленіе"*. Предсказывала его древняя Сивилла въ тѣхъ трехъ книгахъ, которыя она, по преданію, продала Тарквинію Гордому.

Эти книги сдѣлались впослѣдствіи „тайной книгой судебъ римскаго государства". Согласно съ ними, конца міра надо было ждать въ теченіе I вѣка до Р. Хр. Всѣ данныя были тогда на лицо: недороды, полное обнищаніе. Ожидается пришествіе антихриста. Кто же имъ будетъ? Конечно, rex—тотъ rex, чьего имени не могъ слышать безъ содраганія ни одинъ римлянинъ. Первымъ сталъ мечтать о престолѣ Помпей, послѣ его паденія—Юлій Цезарь.

Если, по словамъ Сивиллы, Римъ долженъ имѣть царя, то кто же могъ быть имъ, если не потомокъ Ромула, происходившій изъ крови Юла? Если Римъ погибнетъ, то, конечно, отъ парѳянъ, угрожавшихъ его могуществу, а для борьбы съ ними нуженъ царь.

Событія, послѣдовавшія за смертью Цезаря, окончательно увѣрили людей въ близкомъ свѣтопреставленіи — комета въ видѣ звѣзды-меча, наводненіе, чума. Братоубійство Ромула, какъ думали римляне, породило братоубійственную гражданскую войну. Необходимо искупленіе. Августъ, принимая на себя этотъ титулъ (Augustus отъ augēre), даетъ понять, что его правленіе будетъ вторымъ основаніемъ нѣкогда оскверненнаго, нынѣ же искупленнаго города. Актъ этого искупленія долженъ былъ произойти при посредствѣ ближайшаго наслѣдника Августа — сына его дочери Юліи и племянника Марцелла, сына сестры Цезаря Октавіи. Но черезъ два года послѣ свадьбы Марцеллъ умеръ и надежда на искупленіе пропала. Согласно съ пророчествомъ Сивиллы на 23 годъ были назначены Ludi Saeculares. Но квиндецимвиры, провѣривъ разсчеты, нашли въ нихъ ошибку и перенесли игры на 17 годъ. Къ нимъ пріурочено и Carmen Saeculare Горація, въ коемъ слышится чаяніе приближенія золотого вѣка и возвращенія на землю Дѣвы-Правды. Но Дѣва-Правда и понынѣ осталась на небѣ, а человѣчество—благодаря искупительному торжеству надолго освободилось отъ страшнаго пугала въ лицѣ свѣтопреставленія.

Тѣ заговоры, которыми такъ богата наша народная литература, фигурировали и въ суевѣрномъ представленіи древнихъ, какъ въ этомъ легко убѣдиться изъ статьи: *„Про нечистую силу"*. Суевѣріе осталось и до нашихъ

дней, и только измѣнились тѣ средства, которыми человѣкъ привыкъ бороться съ врагомъ: „влюбленная интеллигентка“ обращается за помощью уже не къ Персефонѣ, а къ болѣе радикальному средству — сплетнѣ; а принципіальный противникъ въ спорѣ къ „Доносу, Подвоху, Клеветѣ“, замѣняя имп древняго Гермеса, могущаго „связать языкъ, память, сообразительность того, на кого это несчастье накликается“. Такимъ образомъ, „нечистая сила“ претворяется у насъ въ „нечистоплотную“.

Прекраснаго апологета и выразителя античности мы встрѣчаемъ въ лицѣ покойнаго поэта А. Н. Майкова. Въ статьѣ „*Античный міръ въ поэзіи Майкова*“ авторъ разсматриваетъ цѣлый рядъ произведеній, въ которыхъ выразилось увлеченіе поэта античностью, между прочимъ—поэму „Два міра“. Въ словахъ: „Всѣмъ указать и всѣхъ спасти“ прекрасно опредѣляется сущность христіанскаго принципа. Въ нихъ сосредоточивается сущность услуги, оказанной христіанствомъ нашей культурѣ; но зато всѣ другія идеи, которыми живетъ эта культура, она получила въ наслѣдство отъ античности—просвѣщеніе, свобода, нравственность, красота, любовь.

Изъ статьи „*Парламентаризмъ въ римской республикѣ*“ читатель убѣдится, что парламентскій режимъ отнюдь не составляетъ изобрѣтенія англійской націи: онъ былъ въ силѣ уже у римлянъ. Его органъ—сенатъ, не имѣвшій, правда, законодательныхъ полномочій. Въ немъ мы находимъ представителей правительства, бывшихъ хотя и сильнѣе министровъ, но поставленныхъ въ зависимость отъ собранія, избраннаго—косвенно—народомъ, съ волей котораго они должны были считаться. Есть здѣсь и двѣ партіи: правительственная и оппозиціонная (optimates и populares—консерваторы и либералы). есть и болѣе мелкія фракціи. Только скандаловъ современныхъ не было. Но въ то же время члены сената не были депутатами, ибо принадлежность къ той или другой партіи обусловливалась исключительно внутреннимъ убѣжденіемъ каждаго.

Въ статьѣ „*Новый памятникъ древне-римскаго быта*“ авторъ, ссылаясь на трудъ проф. М. И. Ростовцева, указываетъ на значеніе тессеръ, освѣщающихъ не малую часть римской общественной жизни. Передъ нами проходитъ даровая раздача хлѣба бѣднякамъ, билетовъ на игры, организація римской „золотой молодежи“, жизнь коллегій, торгово-промышленныя организаціи, сложное хозяйство крупныхъ частныхъ домовъ.

Что такое „*остракологія*“—читатель найдетъ въ статьѣ того же имени. Эти черепки, находимые въ Египтѣ, способствуютъ также уясненію многихъ сторонъ древней жизни: подушный оброкъ, ремесленный налогъ, соляной акцизъ, пошлины на хлѣбъ и т. д.

Очень интересно объясненіе автора происхожденія „*рабочей пѣсенки*“, являющейся родоначальницей поэзіи и музыки вообще по теоріи Карла Бюхера (Arbeit u. Rhythmus, Leipzig 1899). Первобытная работа-игра, превратившись въ работу-пытку, и дала пѣсню—стонъ.

Всѣ растительныя отправленія нашего организма подвержены ритму, такъ что, чѣмъ ритмичнѣе работа, тѣмъ она легче. Такимъ образомъ и явилась пѣсня, какъ естественная потребность рабочаго человѣка, который помимо того въ извѣстные моменты своего тяжелаго труда долженъ дать выходъ сдавленному въ легкихъ воздуху—„ухнуть“. Напѣвъ при этомъ также необхо-

цiямъ, такъ какъ онъ возбуждаетъ дѣятельность человѣка. Слова же родились изъ сигналовъ, подаваемыхъ при работѣ. Когда работа стала подневольной, была закабалена и рабочая пѣсенка. Только надежда можетъ облегчить тяжесть труда; и вотъ народъ на Лесбоѣ поетъ:

„Мели, мельница, мели;
Вѣдь и Питтакъ нашъ мололъ,
Что великой Митиленой нынѣ правитъ".

Другими словами: „Терпи, казакъ, атаманомъ будешь".

Статья *„Ницше и античность"* указываетъ намъ, чѣмъ обязанъ этотъ философъ своимъ филологическимъ работамъ. Ницше и Лассаль, представители индивидуализма и соціализма, были непосредственными учениками античности. Въ основу своей индивидуалистической морали Ницше взялъ біологическое міровоззрѣніе Өеогнида и его школы, подобно тому какъ Лассаль воздвигъ свою индивидуалистическую мораль на философіи природы Гераклита. Прибавимъ къ этому, что Ницше въ своихъ базельскихъ лекціяхъ объявилъ мѣриломъ умственной зрѣлости человѣка его отношеніе къ античности.

Слѣдующая затѣмъ статья—*„Происхожденіе комедіи"*. Зависимость новѣйшаго творчества отъ античности сказывается съ достаточной ясностью. Наша комедія произошла изъ слiянія двухъ теченій: одного—отъ Мольера, другого—отъ Шекспира. Но и тотъ и другой зависятъ отъ Плавта и Теренція, которые въ свою очередь опираются на Менандра и Филемона, представителей новоаттической комедіи, развившейся изъ средне-аттической, дѣтища древне-аттической съ главнымъ ея представителемъ — Аристофаномъ. Такимъ образомъ, родоначальницей всѣхъ нашихъ комедій является комедія Аристофана: „Ахарняне", поставленная на сценѣ въ 425 г. до Р. Хр.

Всякаго, кто прочтетъ очеркъ *„Гейдельбергъ"*, такъ и потянетъ въ этотъ чудный уголокъ. Авторъ этихъ строкъ самъ прожилъ здѣсь 5 недѣль, и не можетъ не согласиться съ вѣрностью изображенія господствующей тамъ жизни. Здѣсь умѣютъ жить, но умѣютъ и работать. Здѣсь человѣкъ въ полномъ единеніи съ чудной природой забываетъ всѣ свои горести и спѣшитъ воспользоваться каждымъ прожитымъ часомъ, чтобы ознакомиться съ тѣми сокровищами старины, которыми богатъ городокъ. Не даромъ къ нему пріурочены самыя поэтичныя преданія. Это—„городъ трудящейся красоты", по мѣткому выраженію автора.

Заканчивается сборникъ красивой сказкой *„Золотой вѣкъ"*, о которомъ автору напоминаетъ блескъ Рождественской елки. Да, хорошо было „тогда", во времена благого Сатурна: не надо было трудиться, не приходилось страдать. Въ полномъ мирѣ съ землей жило человѣчество и не знало черныхъ заботъ и горя. Но добрый Сатурнъ сверженъ Зевсомъ. Боги удалились на небо. и съ ними Дѣва-Правда. И вотъ, чтобы утѣшить народъ, явились праздники Сатурналій, когда даже рабы объявлялись на все это время свободными. Явился обычай подарковъ: дарили лакомства, восковыя свѣчи, куклы. Когда ожидалось рожденіе внука Августа, Вергилій предрекалъ возвращеніе Сатурнова вѣка и Дѣвы-Правды, предрекалъ вѣчныя Сатурналіи съ ихъ веселыми празднествами.

Но этотъ младенецъ не родился. зато родился другой—Христосъ. Такимъ

образомъ золотая нить легенды тянется черезъ 30 вѣковъ вплоть до нашего времени, отражаясь яркимъ блескомъ въ свѣчахъ горящей Рождественской елки и свѣтлыхъ глазкахъ дѣтей.

Всѣ статьи, вошедшія въ сборникъ, связаны въ одно гармоническое цѣлое руководящей идеей. Есть идеи, которыя не умираютъ и не замѣняются другими: нужно только умѣть находить ихъ въ тѣхъ сложныхъ проявленіяхъ, которыми богата наша жизнь. Искуснымъ путеводителемъ по этому трудному пути культурнаго поступательнаго движенія и является проф. Зѣлинскій въ своей книгѣ: „Изъ жизни идей".

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе февраля и марта мѣсяцевъ.

Загоскинъ, Н. П. Исторія Императорскаго Казанскаго университета за первыя сто лѣтъ существованія 1804—1904. Томъ первый. Введеніе и часть первая (1804—1814). Казань 1902. XI—V+567+XIX+IV стр. Томъ второй. Часть вторая. (1814—1819). Казань 1903. 697+XVIII+VII стр. Томъ третій. Окончаніе части второй и часть третья (1814—1819 и 1819—1827). Казань 1904. 593+XVI+VI стр. Цѣна по 5 руб. за томъ.

Его же. За сто лѣтъ. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Казанскаго университета (1804—1904) въ двухъ частяхъ. Подъ редакціей заслуженнаго ординарнаго проф. *Н. П. Загоскина.* Часть первая: каѳедра православнаго богословія, факультеты историко-филологическій (съ разрядомъ восточной словесности и лектурами) и физико-математическій. Казань 1904. XIV+552 стр. Часть вторая: факультеты юридическій и медицинскій, преподаватели искусствъ и добавленія справочнаго характера. Казань 1904. 453 стр. Цѣна по 2 руб. за часть.

Чернышевъ, В. Упрощеніе русскаго правописанія. I. Современное состояніе русскаго правописанія. II. Историческій очеркъ вопроса объ его упрощеніи. С.-Пб. 1905. 74 стр. Цѣна 40 коп.

— Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ семьдесятъ шестой. С.-Пб. 1904. 189+148+263+379+XIII стр. Цѣна 3 руб.

Васенко, Пл. Гр. „Книга степенная царскаго родословія" и ея значеніе въ древне-русской письменности. Часть первая. С.-Пб. 1904. III+260 стр. Цѣна 2 руб.

Новый сборникъ статей по славяновѣдѣнію. Составленный и изданный учениками В. И. Ламанскаго при участіи ихъ учениковъ по случаю 50-лѣтія его учено-литературной дѣятельности. Съ приложеніемъ портрета В. И. Ламанскаго, библіографіи его трудовъ, четырехъ портретныхъ группъ учениковъ и двухъ таблицъ къ статьѣ „О древнѣйшихъ знакахъ письма". С.-Пб. 1905. LXI+506 стр. Цѣна 3 руб.

— Отчетъ по Николаевской главной физической обсерваторіи за 1903 г., представленный Императорской Академіи Наукъ М. Рыкачевымъ. Съ 1 рисункомъ. С.-Пб. 1904. 139 стр. Цѣна 1 руб. 90 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XVI, № 6).

— *Кулябко, А. А.* Фармакологическія и токсикологическія изслѣдованія на вырѣзанномъ сердцѣ. Изъ физіологической лабораторіи Императорской Академіи Наукъ. Съ 5 таблицами кардіограммъ. С.-Пб. 1904. 56 стр. Цѣна 2 р.

— Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. VIII. Библіографическій указатель литературы по статистикѣ землевладѣнія. С.-Пб. 1904. 121+V стр. Выпускъ XI. Купля-продажа земель въ Европейской Россіи въ 1897 г. Обзоръ мобилизаціи за пятилѣтіе 1892—1897. 65+131 стр.

— Урожай 1904 года. I. Озимые хлѣба и сѣно. Изданіе Центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. Годъ двадцать второй. С.-Пб. 1904. XXVII+116 стр.

— *Костомаровъ, Н. И.* Собраніе сочиненій. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга пятая. Томы XII, XIII и XIV. Изданіе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ („Литературнаго Фонда"). С.-Пб. 1905. 827 стр. Цѣна 4 руб.

— *Святловскій, В. В.* Жилищный вопросъ съ экономической точки зрѣнія. Выпускъ II. Городъ и государство. Приложенія: программы, уставы, законы и прочее. С.-Пб. 1904 IV+VIII+116+115 стр.

— *Яворскій, Ю. А.* Очерки по исторіи народной словесности. I. Легенда о панщинѣ. Львовъ 1901. 27 стр. (Изданіе „Галицко-русской Матицы"). II. Духовный стихъ о грѣшной дѣвѣ. Кіевъ 1905. 66 стр.

— Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа: Выпускъ тридцать четвертый. Тифлисъ. 1904. VIII+200+217+45+124+18 стр.

— *Вольтманъ, Людвигъ.* Политическая антропологія. Изслѣдованіе о вліяніи эволюціонной теоріи на ученіе о политическомъ развитіи народовъ. Переводъ съ нѣмецкаго *Г. Г. Ортманскаго.* С.-Пб. 1905. 334 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп. (Издательство *О. Н. Поповой*).

— *Спенсеръ, Гербертъ.* Автобіографія. Сокращенное изложеніе А. Д. Коротнева съ портретомъ Г. Спенсера. 178 стр. Цѣна 40 коп. (Издательство *О. Н. Поповой*). Образовательная Библіотека. Серія VI, № 6).

— *Бородкинъ, М. М.* Памяти финляндскаго генералъ-губернатора Николая Ивановича Бобрикова. Харьковъ. 1905. 51 стр.

— Календарь Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая на 1904—1905 годъ. Серія II. Годъ XI. Москва 1905. XII+26+530+176 стр.

— Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ семьдесятъ седьмой. С.-Пб. 1904. XV+57+48+92+XXXI+118+VI+123+IV+173+60+II+100+XXII+192 стр.

— *Фишеръ, Куно.* Исторія новой философіи. Томъ VII. Шеллингъ, его жизнь, сочиненія и ученіе. Переводъ со второго дополненнаго изданія *Н. О. Лосскаго.* Съ портретомъ Шеллинга. С.-Пб. 1905. Изданіе *Д. Е. Жуковскаго.* XXVI+893 стр. Цѣна 5 руб.

— *Андреевичъ.* Опытъ философіи русской литературы. С.-Пб. 1905. XI+535+II стр. Цѣна 1 руб. 20 коп. (Изданіе товарищества „Знаніе").

— *Кунцевичъ, Г. З.* Исторія о Казанскомъ царствѣ или Казанскій лѣтописецъ. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія. С.-Пб. 1905. 681 стр.+X таблицъ.

— *Петровъ, М. Н.* (23-го января 1887 г.). Лекціи по всемірной исторіи. Томъ III. Исторія новыхъ вѣковъ (реформаціонная эпоха) въ обработкѣ *В. П. Бузескула.* Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1904. + XII + 226 стр. Цѣна 1 руб. 75 коп. Томъ IV. Исторія новыхъ вѣковъ (отъ вестфальскаго мира до конвента) въ обработкѣ *В. П. Бузескула.* Изданіе 2-е исправленное и дополненное. С.-Пб. 1905. X+248 стр. Цѣна 1 руб. 75 коп. (Изданіе *В. Березовскаго*).

— *Сведенборгъ, Эммануилъ.* О божественной любви и божественной мудрости. Посмертное твореніе. Цѣна 60 коп. С.-Пб. 1905. 103 стр.

— *Аммонъ, А.* Детерминизмъ и вмѣняемость. Переводъ студента С.-Петербургскаго университета *Б. А. К—ва*, подъ редакціей проф. уголовнаго права *А. А. Жижиленко.* С.-Пб. 1905. XIII+226+III стр. Цѣна 1 руб.

— *Гротъ, К. Я.* Карпато-дунайскія земли въ судьбахъ славянства и въ русскихъ изученіяхъ. С.-Пб. 1905. 72 стр.

— *Арутиновъ, А. А.* Удины. (Матеріалы для антропологіи Кавказа). Москва 1905. 134 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп. (Извѣстія Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Томъ CVI. Труды антропологическаго отдѣла. Томъ XXIII).

— *Рѣдинъ, Е. К.* Профессоръ Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ. Обзоръ трудовъ его по исторіи и археологіи искусства. Харьковъ 1905. 22 стр.

— *Его же.* Преподаваніе искусствъ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Къ Исторіи Императорскаго Харьковскаго университета. (1805—1905). Харьковъ 1905. 35 стр. Цѣна 75 коп.

— *Его же.* Ученая дѣятельность Историко-филологическаго общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ за первыя двадцать пять лѣтъ его существованія (1877—1902). Харьковъ 1904. 46 стр.

— *Его же.* Историческіе памятники города Адули (въ Африкѣ) въ лицевыхъ рукописяхъ сочиненія Козьмы Индикоплова. Харьковъ 1905. 110 стр. Цѣна 35 коп.

— *Кудрявцевъ, В. Ф.* Старина, памятники, преданія и легенды прикамскаго края. Ананьинскій могильникъ. Очеркъ. (Перепечатано изъ Памятной книжки Вятской губерніи и календаря на 1905 годъ. Выпускъ IV). Вятка 1905, 120+11+II стр. Цѣна 60 коп.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕССЪ ШКОЛЬНОЙ ГИГІЕНЫ ВЪ Г. НЮРНБЕРГѢ.

Исполняя возложенное на меня порученіе, я прибылъ $\frac{\text{21 марта}}{\text{3 апрѣля}}$, наканунѣ открытія конгресса, въ г. Нюрнбергъ. Во время конгресса я присутствовалъ на всѣхъ трехъ его общихъ собраніяхъ и, насколько было возможно, на засѣданіяхъ его 7 секцій, засѣдавшихъ одновременно въ разныхъ помѣщеніяхъ, подробно осматривалъ открытую при конгрессѣ выставку школьной гигіены, получалъ всѣ раздававшіеся членамъ конгресса матеріалы и брошюры, участвовалъ въ нѣкоторыхъ совмѣстныхъ экскурсіяхъ членовъ конгресса и пополнялъ свои свѣдѣнія путемъ бесѣдъ съ членами конгресса и чтенія отчетовъ о засѣданіяхъ секцій въ мѣстныхъ газетахъ. Нижеслѣдующее изложеніе, основанное на совокупности этихъ данныхъ и матеріаловъ, во всякомъ случаѣ не можетъ претендовать на совершенную полноту и отвѣтственную точность сообщаемыхъ свѣдѣній, такъ какъ присутствіе на засѣданіи одной изъ секцій лишало члена конгресса возможности слышать доклады и пренія 6-ти остальныхъ.

Такъ какъ засѣданія конгресса происходили, по западному календарю, въ теченіе пасхальной недѣли, намѣренно избранной, чтобы дать возможность широкаго участія на конгрессѣ педагогическому персоналу германскихъ школъ, то въ мѣстныхъ школахъ Нюрнберга можно было ознакомляться лишь съ школьными зданіями и ихъ содержаніемъ, а не съ жизнью школы въ учебное время. Желая пополнить немного этотъ пробѣлъ и сопоставить впечатлѣнія отъ рѣчей и докладовъ конгресса съ личными впечатлѣніями дѣйствующихъ школъ, я, послѣ закрытія конгресса, переѣхалъ въ Дрезденъ

и посвятилъ нѣсколько дней на осмотръ и посѣщеніе различнаго типа школъ этого города, во время учебныхъ занятій. Вынесенныя отсюда впечатлѣнія долгомъ считаю присоединить къ отчету о конгрессѣ.

Собранный такимъ образомъ матеріалъ, ради удобства распредѣленія, я излагаю въ слѣдующихъ отдѣльныхъ главахъ:

1) Организація, составъ и общій ходъ занятій конгресса.
2) Рѣчи въ общихъ собраніяхъ конгресса.
3) Доклады и пренія въ секціяхъ.
4) Выставка по вопросамъ школьной гигіены.
5) Посѣщеніе учебныхъ заведеній въ Дрезденѣ.
6) Общіе выводы и заключенія.

I. Организація, составъ и общій ходъ занятій конгресса.

Мнѣ не удалось точно прослѣдить, гдѣ и когда зародилась первая идея объ особыхъ международныхъ конгрессахъ по школьной гигіенѣ, но несомнѣнно, что главная иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала *общегерманскому обществу школьной гигіены* и, въ частности, его предсѣдателю профессору *Griesbach*'у, извѣстному въ литературѣ школьной гигіены изслѣдованіями по вопросу о школьномъ переутомленіи, съ примѣненіемъ устроеннаго имъ эстезіометра. Онъ же сталъ во главѣ германскаго главнаго комитета конгресса и былъ фактическимъ предсѣдателемъ самаго конгресса. Вторымъ главою и можно сказать душою Нюрнбергскаго 1-го конгресса былъ его генеральный секретарь д-ръ *P. Schubert*, весьма уважаемый врачъ въ Нюрнбергѣ, спеціалистъ по школьной гигіенѣ, редактирующій отдѣлъ „Schularzt" при журналѣ „Zeitschrift f. Schulgesundheitspflege", издаваемомъ нынѣ подъ редакціей проф. *Эрисмана*.

Международный характеръ предпріятія выразился прежде всего въ организаціи *постояннаго международнаго комитета* изъ представителей всѣхъ почти странъ Европы, Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и Японіи, въ составѣ *54* лицъ, въ числѣ которыхъ мы находимъ однако же лишь одного русскаго, профессора *И. П. Скворцова* въ Харьковѣ, а затѣмъ въ организаціи многочисленныхъ мѣстныхъ комитетовъ въ отдѣльныхъ странахъ и ихъ частяхъ. Подъ обозначеніемъ „*Russland*" находимъ мѣстный комитетъ конгресса въ Гельсингфорсѣ, подъ предсѣдательствомъ проф. *A. Palmberg*'a.

Самое устройство конгресса въ Нюрнбергѣ поручено было мѣст-

ному весьма многочисленному комитету, въ которомъ главными дѣятелями были д-ръ *Stich* и *Prof. Glauning*. Конгрессъ находился подъ протекторатомъ баварскаго принца, д-ра медицины, *Людвига Фердинанда* и двухъ баварскихъ министровъ.

Главный организаціонный комитетъ конгресса составилъ и его уставъ (Geschäftsordnung), напечатанный на 3-хъ главныхъ языкахъ въ книжкѣ, розданной всѣмъ членамъ конгресса и предварительно разосланной въ различныя страны въ числѣ болѣе 15 тыс. экземпляровъ. Помимо общеупотребительныхъ положеній для всѣхъ подобныхъ международныхъ собраній, въ этомъ уставѣ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе параграфы. Согласно § 3 членомъ конгресса можетъ быть всякій желающій, уплатившій 20 марокъ. Дамы принимаются на равныхъ правахъ [1]). По § 4 языкомъ конгресса можетъ быть всякій европейскій языкъ, но докладчикъ и ораторъ, пользующійся не общеупотребительнымъ языкомъ, обязанъ въ концѣ своей рѣчи сдѣлать краткое резюмэ на нѣмецкомъ, французскомъ или англійскомъ языкахъ. Однако же, сколько мнѣ удалось замѣтить, на конгрессѣ въ Нюрнбергѣ никто не воспользовался этимъ правомъ, которое вѣроятно навсегда останется мертвою буквой, и трудность положенія лицъ, слабо владѣющихъ общеупотребительными языками, нисколько имъ не облегчается. Тотъ, кто можетъ въ концѣ своей рѣчи сдѣлать краткое резюмэ напр. по французски, можетъ конечно и всю свою рѣчь сказать на этомъ языкѣ. А между тѣмъ заставлять значительное собраніе людей, дорожащихъ временемъ, слушать непонятные звуки крайне неудобно и даже неделикатно. Подобное право было примѣнено въ широкомъ размѣрѣ на международномъ конгрессѣ гигіены въ Буда-Пештѣ въ 1894 году, гдѣ мѣстные члены конгресса, повидимому ради мѣстнаго патріотизма, заставляли остальныхъ членовъ конгресса слушать рѣчи и сообщенія на мадьярскомъ языкѣ, что производило крайне непріятное впечатлѣніе. Фактически на конгрессѣ въ Нюрнбергѣ было почти исключительное господство нѣмецкаго языка; изрѣдка слышалась французская рѣчь и еще рѣже

[1]) Дамы, сопровождавшія членовъ конгресса и не желавшія быть полноправными его членами, могли, уплативъ 5 марокъ, посѣщать общія собранія и частныя собранія, устраиваемыя для развлеченія членовъ конгресса. Городское управленіе г. Нюрнберга, кромѣ того, могло посылать, за плату по 5 марокъ, неограниченное число своихъ служащихъ и учителей народныхъ школъ на всѣ засѣданія конгресса, въ качествѣ слушателей, безъ избирательнаго права и права на полученіе изданій конгресса; они назывались участниками конгресса.

англійская. По §§ 6 и 7 занятія конгресса распредѣлялись, по обыкновенію, на общія и секціонныя засѣданія. Въ общихъ собраніяхъ произносятся рѣчи, какъ сказано въ § 6, выдающихся представителей важнѣйшихъ культурныхъ государствъ. Здѣсь конечно правильнѣе было бы говорить о представительствѣ науки или общественной дѣятельности, чѣмъ о рангѣ государствъ. Рѣчи должны продолжаться не свыше 45 минутъ. Сообщенія въ секціяхъ раздѣляются на официальные рефераты и свободные доклады (Vorträge). Первые изготовляются по предложенію организаціоннаго комитета конгресса 1—3 референтами по вопросамъ, имѣющимъ особый интересъ и значеніе. Референты по одному и тому же вопросу избираются изъ врачей, педагоговъ, техниковъ и администраторовъ. Каждый рефератъ долженъ сопровождаться заранѣе опубликованными положеніями. Продолжительность реферата опредѣляется въ 30 минутъ. Для свободныхъ докладовъ назначается 20 минутъ, для возраженій и замѣчаній не свыше 8 минутъ и такое же время для заключительнаго слова докладчика. Лица, участвующія въ преніяхъ, могутъ говорить по данному вопросу не болѣе 2-хъ разъ (nicht öfter als zweimal) [1]). По § 9 каждый докладчикъ имѣетъ право публиковать свою рѣчь или сообщеніе до или послѣ появленія ея въ официальномъ отчетѣ конгресса.

Конгрессы школьной гигіены должны повторяться каждые 3 года. Каждый конгрессъ назначаетъ мѣсто для слѣдующаго. Ближайшій слѣдующій конгрессъ соберется въ 1907 г. въ Лондонѣ, а для 3-го конгресса уже намѣчается Парижъ.

Избирая мѣстомъ 1-го международнаго конгресса школьной гигіены городъ Нюрнбергъ, организаціонный комитетъ вѣроятно руководствовался тѣми соображеніями, что этотъ торговый и промышленный городъ очень многое сдѣлалъ для цѣлей просвѣщенія, равно какъ для осуществленія задачъ школьной гигіены. Эти заботы стариннаго нѣмецкаго города весьма полно описаны и иллюстрированы въ розданномъ всѣмъ членамъ конгресса роскошномъ изданіи (Festschrift) мѣстнаго комитета, подъ заглавіемъ „Schulen und Schulgesundheitspflege in Nürnberg". Это изящная книга, in 4° въ 187 страницъ, снабженная большимъ числомъ фототипій и плановъ всѣхъ существующихъ

[1]) По французски это правило § 7 изложено такъ: „les orateurs ne devront pas prendre la parole deux fois sur le même sujet." Это не единственная небрежность въ переводныхъ текстахъ устава, не совпадающихъ съ нѣмецкимъ оригиналомъ.

въ Нюрнбергѣ учебныхъ заведеній. Текстъ ся составленъ отвѣтственными руководителями каждаго заведенія и лицами, стоящими во главѣ школьнаго дѣла въ городѣ. Руководящія статьи въ этомъ сборникѣ принадлежатъ главному администратору городского просвѣщенія профессору F. *Glauning*'у. Изъ вступительной статьи послѣдняго узнаемъ между прочимъ, какъ много сдѣлано городскимъ управленіемъ Нюрнберга для народнаго образованія за послѣднее время. Число дѣтей, учащихся въ народныхъ школахъ города, возрастало, по 30-лѣтнимъ періодамъ, слѣдующимъ образомъ:

Учебный годъ.	Число учащихся.	Число классовъ.
1841—42 „	4867	69
1871—72 „	6720	118
1901—02 „	31086	607

Соотвѣтственно росли и ежегодные расходы города на школьное дѣло; они составляли:

въ 1842 году .	25236 марокъ .	. 5,18 м.	на 1	учащагося
„ 1872 „ .	117150 „	. 17,43 „	—	„
„ 1902 „ .	2068864 „	. 66,55 „	—	„

Въ счетъ этихъ расходовъ не входятъ затраты на постройку большихъ школьныхъ изданій (Schulhäuser), которыхъ за послѣднія 30 лѣтъ выстроено 23, съ общей стоимостью болѣе 10 милліоновъ марокъ.

Къ 1-му октября 1903 г. въ обыкновенныхъ (будничныхъ) городскихъ школахъ было 639 классовъ съ 33,270 учащимися. При населеніи города, равномъ 265000 жит., находимъ что 12,5% его составляютъ учащіеся въ начальныхъ школахъ, въ число которыхъ не входятъ среднія и спеціальныя учебныя заведенія, равно какъ воскресныя школы и частныя учебныя заведенія. Если къ этому добавить, что, при столь широкомъ развитіи школьнаго дѣла въ Нюрнбергѣ, въ немъ были особенно развиты заботы о школьной гигіенѣ, то становится понятнымъ, съ одной стороны, почему этотъ городъ былъ избранъ мѣстомъ 1-го международнаго конгресса школьной гигіены, а съ другой, съ какимъ интересомъ и рвеніемъ столь многіе представители города относились къ задачѣ устройства конгресса.

Занятія конгресса, какъ сказано, раздѣлялись на общія собранія и засѣданія секцій. Общія собранія назначались въ 9 часовъ утра и продолжались до 12 или до 1 часа дня. Секціонныя засѣданія

раздѣлялись на 2 пріема, отъ 9 до 12 часовъ дня и отъ 3 до 5 пополудни. Практичность такого назначенія времени заключалась въ томъ, что не требовалось для засѣданій конгресса искусственнаго освѣщенія и всѣ вечера были свободны для собраній въ ресторанахъ, въ театрахъ и проч., имѣющихъ большое значеніе для частныхъ бесѣдъ и свиданій членовъ конгресса, но зато совсѣмъ не оставалось времени для дневныхъ осмотровъ школьныхъ зданій, музеевъ и проч. Равнымъ образомъ и для посѣщенія выставки при конгрессѣ приходилось захватывать время, назначенное для засѣданій секцій. Поэтому было бы выгоднѣе для дѣла часть секціонныхъ засѣданій, по русскому обычаю, переносить на вечернее время.

Въ день, объявленный какъ начало конгресса, въ понедѣльникъ 4 апрѣля н. ст., происходило лишь вечернее привѣтственное собраніе (Begrüssungsabend) членовъ конгресса въ обширномъ зданіи, имѣющемъ сцену и буфетъ и составляющемъ, судя по названію, Velodrom, клубъ велосипедистовъ. Залъ этого зданія уставленъ былъ большимъ числомъ столовъ съ маленькими флагами различныхъ націй для удобства группировки членовъ различныхъ странъ и національностей. Публикѣ предоставлялось угощаться за свой счетъ пивомъ и кушаньями по обычнымъ цѣнамъ мѣстныхъ ресторановъ. Такихъ вечеровъ въ Велодромѣ было 3 и на одномъ изъ нихъ было заявлено, что пиво дается даромъ отъ города. На сценѣ играла музыка, пѣли хоры любителей, между прочимъ прекрасный хоръ изъ учителей начальныхъ школъ и ставились небольшія сцены съ содержаніемъ ad hoc. Со сцены же произносились рѣчи. Въ вечеръ 4 апрѣля была лишь привѣтственная рѣчь предсѣдателя мѣстнаго комитета доктора *Stich*'a, сообщившаго краткую исторію созванія конгресса и выразившаго благодарность и привѣтъ всѣмъ прибывшимъ.

Самое открытіе конгресса произошло на другой день, 5-го апрѣля н. ст. въ 9 часовъ утра, въ залѣ частнаго театра Apollo, гдѣ была подготовлена довольно торжественная обстановка. На сценѣ размѣстились члены бюро и делегаты различныхъ странъ, имѣвшіе сказать привѣтствія при открытіи конгресса. Около 9 часовъ прибылъ покровитель конгресса, баварскій принцъ *Людвигъ-Фердинандъ*, который и открылъ конгрессъ небольшой рѣчью. Въ рѣчи этой говорилось о значеніи для Германіи города Нюрнберга съ его знаменитыми гражданами *Альбрехтомъ Дюреромъ* и *Гансомъ Саксомъ* и о задачахъ воспитанія дѣтей въ Германіи: „Дѣти нашей обширной Германской имперіи должны быть воспитаны въ пышущей силѣ (in strotzender

Kraft), чтобы быть нѣкогда сильными мужами". Международному характеру конгресса и благу всего человѣчества въ этой рѣчи баварскаго принца не было посвящено должнаго вниманія. Рѣчь была принята съ почетомъ, подобающимъ положенію оратора.

За открытіемъ конгресса слѣдовала рѣчь предсѣдателя организаціоннаго бюро, профессора *Griesbach'*а, сказанная отъ имени постояннаго международнаго бюро конгрессовъ, выяснявшая международный характеръ этого начинанія и выдвигавшая заслуги въ его организаціи различныхъ педагогическихъ и гигіеническихъ обществъ. Въ устройствѣ конгресса принимали участіе 20 европейскихъ и внѣевропейскихъ государствъ съ 56 мѣстными комитетами и 11 германскихъ государствъ съ 21 комитетомъ. Въ предварительныхъ работахъ вовсе не принимали участія лишь Турція и Италія, на конгрессъ же явились представители и этихъ странъ. Далѣе ораторъ высказалъ нѣсколько общихъ соображеній о задачахъ школьной гигіены во всѣхъ странахъ и особенно подчеркнулъ ту мысль, что повсюду медицина и педагогика являются самыми искренними представителями гуманности. Конецъ рѣчи былъ посвященъ указанію на сочувствіе и содѣйствіе задачамъ школьной гигіены коронованныхъ особъ союзныхъ германскихъ государствъ, въ честь которыхъ конгрессъ приглашался къ троекратному возглашенію германскаго „hoch!", что и было исполняемо съ большимъ оживленіемъ.

Затѣмъ, послѣ краткихъ, но весьма торжественныхъ привѣтствій германскихъ и баварскихъ офиціальныхъ лицъ, говорившихъ исключительно о заслугахъ Германіи, начались привѣтственныя рѣчи офиціальныхъ делегатовъ иностранныхъ государствъ, въ алфавитномъ порядкѣ ихъ названій. Первымъ вышелъ представитель Болгаріи, министръ народнаго просвѣщенія, г. *Шихмановъ*, выразившій живѣйшую радость имѣть возможность ознакомиться съ положеніемъ школьной гигіены въ странѣ покойнаго *Pettenkofer'*а. Затѣмъ привѣтствовалъ конгрессъ представитель Франціи г. *Jost*, закончившій свою красивую французскую рѣчь извѣстнымъ нѣмецкимъ изреченіемъ „prüfet Alles und behaltet das Beste!". Послѣ краткой рѣчи представителя Великобританіи г. *Eichholz'*а вышелъ на эстраду представитель Японіи, профессоръ психіатріи въ Токіо г. *Sakaki*, встрѣченный при своемъ появленіи шумными аплодисментами. Долженъ сказать, что это демонстративное привѣтствіе японскаго делегата, не примѣненное къ делегатамъ ему предшествовавшимъ, при обстоятельствахъ даннаго времени, возбудило нѣкоторую тревогу въ русскихъ членахъ конгресса и

въ особенности въ делегатѣ отъ русскаго министерства народнаго просвѣщенія. Рѣчь профессора *Sakaki*, сказанная на нѣмецкомъ языкѣ, была коротка и корректна; онъ ограничился признательностью Японіи за приглашеніе на международный конгрессъ и указалъ, что Японія старается прилагать въ своихъ школахъ возможныя заботы о школьной гигіенѣ. Затѣмъ говорили краткія привѣтствія представители Австріи, Норвегіи и Венгріи, послѣ которыхъ былъ вызванъ представитель Россіи. Мое появленіе на каѳедрѣ было привѣтствовано не менѣе шумными аплодисментами, какъ и появленіе делегата Японіи, что устраняло неловкость положенія русскихъ членовъ конгресса и показало большой тактъ международной публики. Позволяю себѣ привести здѣсь русскій и французскій тексты моего привѣтствія, сказаннаго на французскомъ языкѣ.

Ваше Королевское Высочество!
Мм. Г-ни, Мм. Гг.!

Имѣю честь привѣтствовать 1-й международный конгрессъ по школьной гигіенѣ отъ имени русскаго министерства народнаго просвѣщенія, отъ имени учащагося юношества въ Россіи!

Наша обширная страна съ населеніемъ въ 140 милліоновъ, отчасти запоздавшая въ своей культурѣ среди европейскихъ народовъ, жадно стремится къ просвѣщенію. Это стремленіе растетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ растутъ средства и способы къ его удовлетворенію.

Отсюда возникаетъ дилемма: или возможно скорѣе удовлетворять растущей потребности, хотя бы и не вполнѣ совершенными средствами, или учреждать школы, вполнѣ отвѣчающія требованіямъ педагогики и гигіены, но оставлять многія потребности въ просвѣще-

Votre Altesse Royale!
M-mes et M-rs!

J'ai l'honneur de saluer le premier congrès international d'hygiène scolaire au nom du Ministère de l'Instruction Publique russe, au nom de la jeunesse scolaire en Russie!

Quoique un peu en retard dans la marche de sa culture parmi les autres nations de l'Europe—notre vaste pays avec ses 140 millions d'habitants aspire avidement à l'instruction de la jeunesse. Cette tendance s'accroît beaucoup plus rapidement que nos moyens d'y parvenir.

De là—un dilemme: ou bien satisfaire au plus vite ce besoin toujours croissant par des moyens qui laissent à désirer, ou bien fonder des écoles qui, réunissant toutes les conditions d'hygiène et de pédagogie, ne pourraient ouvrir leurs portes qu'à un petit nombre

ніи неудовлетворенными. Выходъ изъ этой дилеммы не легокъ, а потому среди русскихъ школъ мы находимъ самые разнородные типы, отъ образцовыхъ во всѣхъ отношеніяхъ, до примитивныхъ, тѣсныхъ и совершенно не гигіеничныхъ.

Кромѣ того, наши усилія въ устройствѣ и содержаніи школъ должны очень часто преодолѣвать трудности нашего суроваго климата, различія племенъ, нравовъ, обычаевъ, привычекъ. Преобладающее же зло, съ которымъ должна бороться русская школа,—это тѣснота помѣщеній, необходимость постройки новыхъ, дорого стоющихъ, зданій.

Тѣмъ не менѣе, какъ въ школахъ правительственныхъ, такъ и въ школахъ общественныхъ управленій, примѣняется уже не мало мѣръ для достиженія цѣлей школьной гигіены. Эти послѣднія должны быть какъ бы „равнодѣйствующей" изъ пріобрѣтеній науки, знанія мѣстныхъ условій и наличныхъ средствъ для дѣйствія. Вотъ почему мы внимательно слѣдимъ за успѣхами школьной гигіены на западѣ и стремимся переработывать ихъ для нуждъ нашей родины. Понятно, что первый международный конгрессъ по школьной гигіенѣ возбуждаетъ въ Россіи живѣйшій интересъ и заставляетъ желать ему блестящихъ успѣховъ.

d'aspirants. L'issue de ce dilemme n'est pas facile à trouver. De là la diversité de nos écoles russes: nous en trouvons de tous les genres, depuis les mieux organisées jusqu'aux écoles les plus primitives, qui sont encombrées d'élèves et qui pèchent contre l'hygiène sous tous les rapports.

Puis, il y a encore d'autres difficultés à vaincre: en organisant nos écoles on doit tenir compte de notre climat, de la diversité des races, des moeurs, des coutumes, des habitudes. Le plus grand mal contre lequel lutte notre école russe, c'est le manque de place dans les établissements scolaires, la nécessité de bâtir de nouveax édifices très couteux.

Néanmoins dans les écoles d'Etat ainsi que dans les écoles municipales et communales on fait tout ce que l'on peut pour accomplir les conditions de l'hygiène scolaire. Ces mesures possibles devraient être comme „la résultante" des données de la science, de la connaissance des conditions locales et des moyens d'agir. Voilà pourquoi nous suivons avec tant d'intérêt les progrès de l'hygiène scolaire à l'étranger et nous les étudions pour les approprier aux besoins de notre patrie. Il est donc naturel que le I Congrès International d'Hygiène Scolaire éveille la plus vive attention de la Russie qui lui souhaite le plus grand succès.

Мм. Гг.! Изъ всѣхъ международныхъ учрежденій и дѣлъ, поистинѣ международной и всѣми признаваемой таковою прежде всего и безспорно является наука.

Пожелаемъ же международной наукѣ непрерывныхъ успѣховъ. Да развивается она на благо народовъ, на пользу будущихъ поколѣній!

M-rs! De toutes les affaires et les institutions internationales la vraie internationale et reconnue comme telle par tout le monde— c'est avant tout et sans contredit— la science!

Donc, que la science internationale prospère sans cesse! Puisse-t-elle se développer pour le bien des peuples et pour le profit des générations futures!

Привѣтствіе это было встрѣчено конгрессомъ весьма сочувственно.

Затѣмъ слѣдовали краткія привѣтствія отъ Сербіи, Швеціи и Швейцаріи, послѣ которыхъ выразили свои привѣтствія предсѣдатель мѣстнаго комитета конгресса и мѣстнаго гигіеническаго общества *Dr. Stich*, представитель врачей г. Нюрнберга *Dr. Merkel* и представитель городского школьнаго управленія Prof. *Dr. Glauning*.

Длинный рядъ привѣтствій, какъ всегда, нѣсколько однородныхъ, а потому утомляющихъ слушателей, закончился блестящей и прекрасно сказанной рѣчью г-жи *Forster*, представительницы германскаго женскаго общества и союза женскихъ обществъ, которая прежде всего выразила удовольствіе, что на этомъ конгрессѣ женщины являются какъ полноправныя сотрудницы, а не какъ болѣе или менѣе пріятное „Begleit-Erscheinung". По мнѣнію г-жи *Forster* именно въ цѣляхъ даннаго конгресса чрезвычайно важно, чтобы былъ услышанъ голосъ „матери", который такъ рѣдко еще раздается публично. Въ достиженіи задачъ школьной гигіены необходимо объединеніе работъ и обязанностей отца и матери, учителя и учительницы, врача мужчины и врача женщины. Германскія женскія общества стремятся къ тому, чтобы женщины вошли въ составъ школьныхъ управленій. Свою красивую рѣчь женщина-ораторъ закончила патетическимъ возгласомъ „Frauen empor"! Рѣчь эта имѣла шумный успѣхъ.

Dr. Schubert прочелъ секретарскій отчетъ, послѣ котораго началъ свою рѣчь Prof. *Hermann Cohn* (см. ниже); по окончаніи ея, вопреки прямому запрещенію § 6 правилъ, директоръ имперскаго санитарнаго бюро *Dr. Wutzdorf* выступилъ съ нѣкоторыми возраженіями докладчику, по существу неважными и по характеру служебными. Такое отступленіе отъ правилъ, допущенное для лица съ зна-

жественномъ обѣдѣ, по подпискѣ, вечеромъ въ день открытія конгресса. Не считая возможнымъ скрыть это обстоятельство, замѣченное какъ мною, такъ и другими русскими членами конгресса, долгомъ считаю добавить однако же, что во всѣхъ другихъ сношеніяхъ моихъ и вообще русскихъ членовъ конгресса съ представителями его бюро и вообще лицами администраціи мы встрѣчали полное вниманіе и любезность, отвѣчающія условіямъ международнаго гостепріимства.

По составу своихъ членовъ 1-й конгрессъ школьной гигіены, собравшійся въ Нюрнбергѣ, былъ, какъ и слѣдовало ожидать, преимущественно нѣмецкимъ. Изъ свѣдѣній, печатавшихся въ „дневникахъ" конгресса, и данныхъ, сообщенныхъ генеральнымъ секретаремъ на заключительномъ общемъ собраніи, видно, что полноправныхъ членовъ конгресса обоего пола было 1.247, мѣстныхъ участниковъ 181 и „участницъ" дамъ 82, а всего 1.510 лицъ, посѣщавшихъ его собранія и секціонныя засѣданія. По отдѣльнымъ странамъ полноправные члены конгресса распредѣлялись такъ:

Изъ Баваріи	356	членовъ.
„ Пруссіи	144	„
„ остальной Германіи	121	„
„ Австріи	322	„
„ Швейцаріи	26	„
„ Россіи	60	„
„ Голландіи	51	„
„ Англіи	48	„
„ Венгріи	19	„
„ Испаніи	15	„
„ двѣнадцати остальныхъ странъ Европы	64	„
„ разныхъ частей Америки . .	16	„
„ Японіи	5	„
Итого	1247	членовъ.

Если всю Германію, Австрію и Швейцарію отнести къ странамъ съ нѣмецкимъ языкомъ по преимуществу, то на долю ихъ приходится 969 или 78% членовъ и на долю остальныхъ 278 или 22%, имѣя же въ виду, что „участники", въ числѣ 181, учителя и частью врачи, были исключительно баварцы, можно сказать, что 4/5 конгресса составляли нѣмцы по языку и культурѣ. Явленіе это, повторяю, совер-

тутъ же сдѣлалъ необходимую поправку, а затѣмъ, подъ давленіемъ соотечественниковъ, авторъ неприличнаго отзыва принужденъ былъ подать въ бюро секціи письменное заявленіе, въ которомъ взялъ назадъ свое огульное обвиненіе.

Естественное сближеніе русскихъ членовъ конгресса выразилось устройствомъ, уже по закрытіи конгресса, небольшого общаго обѣда, къ которому приглашены были также члены конгресса изъ славянскихъ земель, во главѣ съ болгарскимъ министромъ народнаго просвѣщенія, г. *Шишмановымъ*. Всѣхъ обѣдавшихъ было около 30-ти человѣкъ, въ томъ числѣ 6 дамъ. Здѣсь подводились итоги впечатлѣніямъ отъ конгресса и сравнивалось положеніе дѣла „у нихъ" и „у насъ".

Отдавая должное уваженіе матеріальнымъ и культурнымъ успѣхамъ Западной Европы и сознавая нашу отсталось во многомъ, мы не могли однако же не констатировать, что въ отношеніи *гуманности* и *любовнаго* отношенія къ учащимся дѣтямъ русская школа выше западной, что наша отсталость въ дѣлѣ матеріальныхъ требованій школьной гигіены сводится главнымъ образомъ къ нашей *бѣдности*, что центральные интересы западной школы почти исключительно вращаются въ городахъ, среди условій промышленной и торговой жизни, наши же симпатіи и стремленія направляются главнымъ образомъ въ деревню, къ подъему образованія народной массы, къ устройству школъ среди крайней бѣдности и духовной темноты. Вопросъ о болѣе активной роли женщинъ въ школьномъ дѣлѣ и движеніе въ этомъ направленіи западнаго феминизма для насъ уже не вопросъ, а дѣйствительность, и женщины, въ рукахъ которыхъ находится отвѣтственное веденіе школъ, у насъ уже обыденное явленіе. Съ другой стороны, „у нихъ" та свобода критики и публичнаго обсужденія вопросовъ школы, какой у насъ далеко нѣтъ, даже въ нѣдрахъ установленныхъ педагогическихъ коллегій. Малый педагогическій „чинъ" можетъ заявлять свои мнѣнія лишь съ оглядкой на всѣ серіи высшаго начальства или ограничиваться пересудами и жалобами въ маленькихъ кружкахъ. Нашъ педагогъ даже не умѣетъ такъ связно и свободно говорить о школьныхъ дѣлахъ, какъ говорили учителя и учительницы народныхъ школъ на засѣданіяхъ конгресса; публичная рѣчь у насъ еще удѣлъ немногихъ.

Такими и подобными мыслями обмѣнивались участники русскаго „обѣда", по окончаніи конгресса. Въ нихъ во всякомъ случаѣ преобладала любовь къ своему родному и желаніе перенести на свою

почву то хорошее, чего мы не находимъ дома. Наши гости славяне съ явной искренностью и любовью говорили о своей преданности Россіи. Болгарскій министръ съ убѣдительной простотой выяснилъ, какъ тѣсно и неизбѣжно Болгарія духовно связана съ Россіей. Въ своихъ школьныхъ пособіяхъ, для своего литературнаго образованія, для своихъ религіозныхъ потребностей Болгарія не можетъ обойтись безъ Россіи и ея духовныхъ продуктовъ. Свою культуру Болгарія получаетъ изъ Россіи и эта связь важнѣе всякихъ случайныхъ политическихъ теченій. Въ томъ же родѣ говорили представители Сербіи и Македоніи. Свои горячія симпатіи къ Россіи выражали также чехи. Очень теплая рѣчь пожилого учителя поляка изъ Одессы ясно указывала на возможность дружественныхъ теченій и со стороны этой отрасли славянскаго племени. Вообще обѣдъ этотъ оставилъ самое лучшее впечатлѣніе у его участниковъ на почвѣ любви къ общему отечеству.

Закрытіе конгресса въ общемъ собраніи 9-го апрѣля н. ст., послѣ окончанія назначенныхъ на этотъ день рѣчей, носило гораздо менѣе торжественный характеръ, чѣмъ его открытіе. Не было баварскаго принца, покровителя конгресса, и его свиты, не было торжественныхъ рѣчей иностранныхъ представителей и чувствовалось общее утомленіе отъ 5-ти дней непрерывныхъ занятій и суетливой жизни.

По окончаніи рѣчи проф. *Скворцова*, генеральный секретарь д-ръ *Schubert* доложилъ о резолюціяхъ, вносимыхъ секціями для вотированія конгрессомъ (см. въ трудахъ секцій). Резолюціи эти приняты конгрессомъ. Онъ же сообщилъ указанныя выше данныя о составѣ конгресса и о числѣ докладовъ и сообщеній на конгрессѣ. Всего докладовъ было 161, изъ нихъ въ общихъ собраніяхъ (рѣчей) 8, въ секціяхъ 153, въ томъ числѣ 32 реферата.

Затѣмъ объявленный уже будущій президентъ бюро 2-го конгресса школьной гигіены въ Лондонѣ въ 1907 году, Sir *Lauder Brunton* въ прекрасной рѣчи на нѣмецкомъ языкѣ, приглашая присутствующихъ посѣтить этотъ конгрессъ, говорилъ о томъ, что международные конгрессы должно считать мостами дружбы. Чѣмъ больше общенія, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ взаимная національная непріязнь. Въ своемъ дѣтствѣ, живя на границѣ Шотландіи, ораторъ отлично помнитъ взаимную ненависть сосѣдей, англичанъ и шотландцевъ. Тогда ближайшая станція желѣзной дороги находилась въ 40 миляхъ. Теперь, при близкомъ общеніи и легкихъ сношеніяхъ, всѣ слѣды бывшей ненависти исчезли. Особенно важно, чтобы учителя различныхъ странъ имѣли

случай узнать и оцѣнить другъ друга. Почтенный ученый благодарилъ конгрессъ за избраніе мѣстомъ 2-го конгресса Лондона и за избраніе его президентомъ. Въ томъ же духѣ говорилъ офиціальный представитель Англіи Dr. *Eichholz*. Dr. *Mathieu* и г. *Gautier*, отъ имени Франціи, приглашали 3-й конгрессъ 1910 г. въ Парижъ.

Въ заключительной рѣчи проф. *Griesbach* выражалъ рядъ благодарностей различнымъ лицамъ и учрежденіямъ и объявилъ конгрессъ закрытымъ.

II. Рѣчи въ общихъ собраніяхъ конгресса.

Выдѣляя въ особую главу рѣчи, произнесенныя въ общихъ собраніяхъ конгресса, я имѣю въ виду, во-первыхъ, ихъ значеніе какъ произведеній мысли и слова болѣе или менѣе выдающихся представителей даннаго круга знаній, во-вторыхъ, какъ такіе „доклады", темы которыхъ свободно избраны ихъ авторами, а не вызваны или внушены организаторами конгресса, а потому не укладываются въ систему секціонныхъ работъ и, въ-третьихъ, какъ отраженіе для даннаго времени общихъ вопросовъ, наиболѣе интересующихъ видныхъ представителей спеціальности конгресса или вновь выдвигаемыхъ на арену международнаго интереса талантомъ и знаніемъ этихъ ораторовъ. Совокупность такихъ рѣчей даетъ уже нѣкоторую характеристику если не всему конгрессу, то положенію данной спеціальности въ данное время и тому направленію, въ которомъ она развивается, хотя ручейки новой мысли и зародыши будущихъ поворотовъ общаго русла часто нужно искать въ детальныхъ и даже робкихъ заявленіяхъ секціонныхъ засѣданій.

Всѣхъ рѣчей въ общихъ собраніяхъ было 8. Авторы ихъ были представителями важнѣйшихъ европейскихъ странъ и въ то же время представляли, съ одной стороны, медицину и гигіену, съ другой педагогику и учебную администрацію. Привожу списокъ ораторовъ, въ хронологическомъ порядкѣ ихъ рѣчей:

1. *Hermann Cohn*, докторъ медицины, профессоръ офтальмологіи въ Бреславлѣ.

2. *Axel Iohannessen*, докторъ медицины, профессоръ дѣтскихъ болѣзней въ Христіаніи.

3. *Le Gendre*, докторъ медицины, президентъ лиги врачей и семей для успѣховъ школьной гигіены. Парижъ.

4. *A. Sickinger*, докторъ философіи, членъ городского школьнаго совѣта въ Мангеймѣ.

5. *F. Hueppe*, докторъ медицины, профессоръ гигіены въ нѣмецкомъ университетѣ въ Прагѣ.

6. *Leo Liebermann*, докторъ медицины, профессоръ гигіены въ Буда-Пештѣ.

7. *James Kerr*, докторъ медицины, делегатъ школьнаго управленія Лондона.

8. *И. П. Скворцовъ*, докторъ медицины, профессоръ гигіены въ Харьковѣ.

Въ первомъ общемъ собраніи, 5-го апрѣля, была выслушана 1 рѣчь, во второмъ, 7-го апрѣля, 4 рѣчи и въ послѣднемъ, 9-го апрѣля, 3 рѣчи.

Обращаюсь теперь къ темамъ и краткому содержанію рѣчей названныхъ ораторовъ.

I. *Prof. Hermann Cohn. Что сдѣлано офтальмологами для школьной гигіены и что должно быть еще сдѣлано ими?* (Was haben die Augenärzte für die Schulhygiene geleistet und was müssen sie noch leisten?)

Почтенный ораторъ есть безспорно одинъ изъ основателей современной школьной гигіены, справедливо могущій гордиться своей сорокалѣтней неустанной дѣятельностью, а потому вполнѣ понятно, что появленіе его на кафедрѣ 1-го международнаго конгресса школьной гигіены, какъ перваго оратора по существу задачъ конгресса, было наиболѣе удачно по выбору и справедливо вызвало горячія привѣтствія собравшихся. Начало изслѣдованій *Г. Кона* относится къ 1864 г. Въ теченіе послѣдующихъ 40 лѣтъ своей дѣятельности и агитаціи онъ, можно сказать, „освѣтилъ" школы всего міра, охранилъ зрѣніе милліоновъ учащихся и, давъ доступъ въ школу свѣту и воздуху, много способствовалъ сохраненію здоровья всей учащейся молодежи. Работалъ въ этомъ направленіи конечно не одинъ *Г. Конъ*, а цѣлый рядъ его послѣдователей и продолжателей, но иниціатива была его и ему же принадлежитъ цѣлый рядъ спеціальныхъ изслѣдованій, приборовъ и указаній. Такое сознаніе своихъ заслугъ, равно какъ заслугъ своихъ товарищей по спеціальности, и дало главное содержаніе рѣчи маститаго оратора, обозрѣвающей въ хронологической послѣдовательности все, что было сдѣлано офтальмологами для дѣла школьной гигіены. Главные моменты этой коллективной работы состоятъ въ слѣдующемъ. Въ 1864—66 гг. *Г. Конъ* изслѣдовалъ зрѣніе у 10.000 учащихся въ Бреславльскихъ школахъ. Онъ нашелъ именно: 1) что число

близорукихъ между учениками отъ начальной школы до старшихъ классовъ гимназій непрерывно возрастаетъ; 2) что возрастаніе это идетъ во всѣхъ школахъ отъ класса къ классу и 3) что средняя степень близорукости также наростаетъ по классамъ. Факты эти нашли себѣ широкое и разностороннее подтвержденіе во всѣхъ странахъ, и у различныхъ расъ (въ Россіи *Эрисманъ*, *Адамюкъ*). Въ числѣ причинныхъ моментовъ безспорно играютъ роль работа на близкомъ разстояніи и плохое освѣщеніе. Отсюда забота о правильныхъ школьныхъ столахъ, въ разработкѣ которыхъ многое сдѣлано офтальмологами. На выставкѣ въ Парижѣ въ 1867 году было 3 модели школьнаго стола, теперь ихъ болѣе 200. Офтальмологами, въ особенности д-ромъ *Schubert*'омъ, введено прямое письмо и прямое срединное положеніе тетради; они же вывели изъ употребленія аспидные доски и грифели, заставлявшіе своимъ неяснымъ шрифтомъ приближать и наклонять головы къ написанному. Офтальмологи установили нормы для типографскаго шрифта, числа строкъ и бумаги для учебниковъ; нормы эти въ настоящее время общеприняты. Особенно же значительны заслуги офтальмологовъ въ дѣлѣ достаточнаго освѣщенія классныхъ комнатъ, для чего въ настоящее время имѣются вполнѣ объективные признаки, провѣренные инструменты и установленныя нормы. Когда 40 лѣтъ назадъ ораторъ, входя въ школу, говорилъ: „но здѣсь темно!" администраторъ школы просто отвѣчалъ: „я нахожу, что достаточно свѣтло!" и этимъ споръ кончался. Съ 1883 года появился фотометръ для изслѣдованія дневного освѣщенія *L. Weber*'а и понятіе о числѣ метро-свѣчей, какъ объективномъ критеріѣ дневного освѣщенія. Понятіе объ „углѣ свободнаго неба" (Raumwinkel), измѣритель этого угла того же *L. Weber*'а, испытатель свѣта (Lichtprüfer) *H. Cohn*'а и понятіе о минимальной высотѣ части окна, черезъ которую каждый ученикъ долженъ получать свѣтъ отъ свободнаго неба, въ своей совокупности, даютъ въ настоящее время возможность строго и точно, при весьма сложныхъ условіяхъ городскихъ улицъ и построекъ, регулировать требованія дневного освѣщенія въ школахъ и тѣмъ избавлять учащихся отъ серьезнаго вреда зрѣнію и вообще нервной системѣ, а косвенно обезпечивать лучшій воздухъ и большую чистоту помѣщеній.

Далѣе офтальмологи много занимались выборомъ оконныхъ шторъ, наименѣе поглощающихъ свѣтъ, а еще болѣе способами искусственнаго освѣщенія классныхъ помѣщеній, со всѣми ихъ различіями по роду приборовъ и по устройству лампъ. Они же изучали вопросы о

школьномъ переутомленіи и чрезмѣрномъ напряженіи, въ связи съ работой зрѣнія.

H. Cohn уже 40 лѣтъ агитируетъ за необходимость при всѣхъ школахъ особыхъ „школьныхъ врачей", какъ проводниковъ гигіены въ школьную жизнь. Агитація эта долго была безплодной и только въ позднѣйшіе годы сдѣлалась излишней. Интересно одно приводимое ораторомъ постановленіе Бреславльской школьной депутаціи (школьный совѣтъ) въ 1886 году, въ отвѣтъ на ходатайство мѣстнаго гигіеническаго общества допустить въ школы 57 врачей, безплатно предлагавшихъ свои услуги. Предложеніе было отклонено въ такой формѣ: „Школьный врачебный надзоръ можетъ возбудить и поддерживать недовѣріе и предубѣжденіе среди родителей противъ школъ". По мнѣнію оратора въ настоящее время такой отвѣтъ уже повсюду невозможенъ. И такъ, по мнѣнію оратора, со стороны офтальмологовъ для школьной гигіены сдѣлано уже многое, но многое еще и остается сдѣлать, такъ какъ спеціальные результаты все еще слабы. Число близорукихъ между студентами университета еще не уменьшилось. Въ 1902 году, подобно тому какъ въ 1881 и въ 1867 гг., среди Бреславльскихъ студентовъ *Г. Конъ* неизмѣнно находитъ не менѣе 60% близорукихъ. Очевидно, что въ дѣлѣ школьной гигіены со стороны свѣта и зрѣнія многое еще остается сдѣлать. Ораторъ полагаетъ, что для серьезныхъ успѣховъ, кромѣ обыкновенныхъ школьныхъ врачей, нужны *школьные офтальмологи*, хорошо владѣющіе всѣми методами изслѣдованія какъ зрѣнія, такъ и школьной обстановки. Они же должны оказывать свое вліяніе, путемъ общенія съ родителями, на родительскихъ собраніяхъ, на условія домашнихъ занятій учениковъ. Рѣчь заключается пожеланіемъ, чтобы каждая школа была подъ наблюденіемъ врача офтальмолога.

Рѣчь *H. Cohn*'а, какъ видимъ, не содержала въ себѣ ни новыхъ фактовъ, ни новыхъ идей, но она давала пріятное сознаніе, что настойчивая коллективная работа не пропадаетъ даромъ, а правильно поставленная идея, хотя бы въ десятки лѣтъ, проникаетъ въ жизнь, несмотря на множество препятствій. Нѣкоторая односторонность въ содержаніи рѣчи была конечно замѣтна, но объяснялась личностью и заслугами оратора.

2. *Axel Iohannessen*. *„О положеніи школьной гигіены въ Норвегіи"*. Рѣчь эта, можно сказать, не представляла большого интереса ни по своей темѣ, ни по выполненію и скорѣе была бы умѣстна какъ небольшой докладъ въ одной изъ секцій. Мы узнаемъ изъ нея, что въ

Норвегіи до послѣдняго времени существуетъ большое различіе въ развитіи и гигіеническомъ состояніи сельскихъ и городскихъ школъ. Сельскія школы стали нѣсколько улучшаться только послѣ школьнаго закона 1889 года. Городскія школы, по словамъ оратора, по своему гигіеническому состоянію не боятся сравненія со школами большихъ культурныхъ государствъ. Гимнастика есть обязательный предметъ преподаванія какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. Школьные врачи имѣются при всѣхъ школахъ. Далѣе авторъ говоритъ уже только о школахъ Христіаніи и отмѣчаетъ ихъ хорошія стороны. Школьные души имѣются въ большей части школъ этого города. Учащіяся дѣти получаютъ въ школахъ обѣдъ, состоящій изъ мяса, супа или каши. Обѣдъ этотъ получаютъ бѣдныя дѣти, въ количествѣ около 30% учащихся, безплатно, остальныя за плату, около 12 пф. въ сутки. На дѣло школьнаго продовольствія г. Христіанія тратитъ ежегодно около 160 тысячъ кронъ (болѣе 50 тыс. рублей). Въ связи съ этимъ стоитъ устройство нѣсколькихъ школьныхъ кухонь, въ которыхъ дѣвочки обучаются раціональному веденію хозяйства и экономному приготовленію здоровой пищи. Въ среднихъ школахъ сохраненію здоровья учащихся способствуетъ преимущественно развитіе спорта (коньки, лыжи). Какъ учителямъ, такъ и ученикамъ преподаются элементарныя свѣдѣнія по физіологіи и гигіенѣ, учителямъ въ частности по школьной гигіенѣ.

Выслушавъ эту рѣчь, члены конгресса очень немногое узнали о Норвегіи и о положеніи въ ней школьной гигіены.

3. Д-ръ *Le Gendre*. *„О личныхъ болѣзняхъ учителей съ точки зрѣнія ихъ отношеній съ учениками“*. („Sur l'hygiène et les maladies personelles des maitres au point de vue de leurs rapports avec les élèves“).

По содержанію эту прекрасную рѣчь слѣдовало бы озаглавить нѣсколько шире, какъ обзоръ всесторонняго взаимодѣйствія между учителями и учениками въ отношеніи ихъ тѣлесныхъ и духовныхъ свойствъ и особенностей, и въ этомъ смыслѣ рѣчь президента Парижскаго общества школьной гигіены является крайне интересной и новой по постановкѣ вопроса.

По словамъ оратора, школа или классъ есть организмъ, въ которомъ отдѣльные элементы солидарны между собою и находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Въ этомъ организмѣ особую, выдающуюся роль играетъ учитель и его личныя свойства. Онъ имѣетъ свой

идеалъ ученика и старается пр
но кромѣ того онъ невольно и
внѣшностью, своимъ характером
недостатками. Въ свою очеред
нравами, привычками, своимъ ку
измѣняя его основныя свойства
щемъ можно сказать, что учите
извѣстной мѣрѣ и, наоборотъ,
ваютъ и нивеллируютъ учител
вается и вліяніе той обществе
ученики, и тѣхъ традицій, кото
школахъ.

Эта мысль французскаго вра
ведлива, особенно если ее продо
нымъ учебнымъ заведеніямъ, ка
верситеты. *Вести за собой* боль
раздо *труднѣе,* чѣмъ примѣняться
теченію. Въ этомъ отношеніи ме
фессоровъ нерѣдко совершаются
нальность начинающихъ чрезвыч
энергія и инициатива—рутиной.
нія какъ педагога, такъ и гигіе

Еще болѣе рѣзко и элемента
дѣйствіе въ сферѣ явленій сома
бенности останавливается на зар
на туберкулезѣ. Десятки и сотн
остается одинъ. Естественно, чт
приходить въ соприкосновеніе с
лезомъ и, при извѣстной воспріи
самъ начинаетъ заражать здоров
численны и разнообразны. Клас
школы—можетъ содержать тубер
съ привычкой брать ихъ концы
смоченными пальцами, школьныя
домъ, все это составляетъ извѣс
результатѣ—учителя хронически
своей профессіи и какъ опасные
нечно дѣйствительная степень т

нена хорошей статистикой [1]), но à priori онѣ безспорны. Безспорно и то, что школьная гигіена, имѣя центромъ своего интереса здоровье учащихся, не должна забывать и интересовъ учащихъ, какъ главныхъ дѣятелей школы. Судьба этихъ дѣятелей и ихъ семействъ должна быть высоко цѣнима школьной гигіеной и школьной администраціей.

Изъ положительныхъ предложеній и указаній оратора должно отмѣтить слѣдующія. Принятіе учащихся въ учительскія семинаріи, институты и т. п. учрежденія должно сопровождаться очень тщательнымъ *изслѣдованіемъ здоровья* поступающихъ, съ недопущеніемъ *хронически больныхъ* и имѣющихъ дурную наслѣдственность. Число учениковъ въ отдѣльномъ классѣ должно быть возможно болѣе понижено. Нужно обращать вниманіе на весьма частое переутомленіе учителей и устранять его. Явно больные учителя должны быть помѣщаемы въ устроенныя для нихъ санаторіи и въ необходимыхъ случаяхъ устраняемы отъ педагогическихъ дѣлъ при наиболѣе льготныхъ условіяхъ для пенсій и проч. Хорошая вентиляція въ классахъ, *удаленіе пыли мокрымъ способомъ* и прочія мѣры чистоты важны для охраны здоровья какъ учениковъ, такъ и учителей. Больные ученики, съ задатками заразныхъ болѣзней, должны быть возможно ранѣе удаляемы въ особыя школы—санаторіи. Школьные врачи должны между прочимъ слѣдить и за здоровьемъ учителей, во время отмѣчая явленія заразныхъ болѣзней, нервныхъ разстройствъ, начинающихся психозовъ и проч.

Рѣчь почтеннаго г. *Le Gender*'а, повторяю, была столь же хороша по содержанію, какъ и по формѣ изящнаго и легкаго французскаго изложенія.

4. *A. Sickinger*. „*Распредѣленіе всѣхъ учащихся въ народныхъ школахъ по ихъ способностямъ*". („Organisation grosser Volksschulkörper nach der natürlichen Leistungsfähigkeit der Kinder") [2]).

Рѣчь энергичнаго дѣятеля и администратора школьнаго дѣла въ одномъ изъ городовъ Германіи, защищавшаго свою новую систему постановки народныхъ школъ, примѣненную всецѣло пока только въ

---

[1]) По заявленію *Le Gendre*'а $^1/_6$ учителей Парижскихъ школъ поражена туберкулезомъ.

[2]) Рѣчь эта, тотчасъ же послѣ ея произнесенія, появилась въ продажѣ въ видѣ отдѣльной брошюры, одновременно съ брошюрой сотрудника и единомышленника автора, д-ра медицины *J. Moses*'а, написанной на ту же тему, но съ врачебной точки зрѣнія. Тогда же всѣмъ членамъ конгресса была роздана брошюра *G. Heydner*'а, горячаго противника Манигеймской системы. Имѣя всѣ эти брошюры, я привожу здѣсь и нѣкоторыя возраженія противъ системы *Sickinger*'а.

Маннгеймѣ, была выдающимся явленіемъ на конгрессѣ. Она имѣла шумный успѣхъ, вызвала большое оживленіе среди участниковъ конгресса и дѣйствительно касается одного изъ капитальныхъ вопросовъ педагогики и гигіены преподаванія. Авторъ высказалъ впервые свои основныя воззрѣнія на необходимость классифицировать учащихся въ народныхъ школахъ по ихъ способностямъ еще въ 1899 году. Съ тѣхъ поръ онъ неустанно ихъ проповѣдуетъ и пополняетъ, а съ 1901 года получилъ возможность осуществить ихъ въ школахъ Маннгейма. Заручившись этимъ опытомъ и наблюденіями своихъ послѣдователей и сторонниковъ, онъ выступилъ на конгрессѣ съ горячей рѣчью и стремленіемъ распространить свою систему.

Для оцѣнки этой системы и отдѣльныхъ ея элементовъ нужно прежде всего имѣть въ виду, что исходнымъ пунктомъ стремленій автора является существующая въ Германіи система обязательнаго народнаго образованія, въ силу которой всякій ребенокъ, достигшій 6—7 лѣтъ, долженъ въ теченіе 8 лѣтъ проходить школу и, выдержавъ установленный экзаменъ, получаетъ извѣстныя гражданскія права и льготы по воинской повинности. Эти 8 лѣтъ обязательнаго обученія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр., въ Берлинѣ) стремятся посвятить на прохожденіе *8-ми* послѣдовательныхъ классовъ образованія, въ нѣкоторыхъ довольствуются 6-ю ступенями или классами, въ нѣкоторыхъ 7-ю. По истеченіи 8 лѣтъ (до 14 лѣтняго возраста) дальнѣйшее ученье становится уже необязательнымъ и можетъ быть прервано, хотя бы учащійся и не дошелъ до старшихъ классовъ и не выдержалъ установленныхъ испытаній. Въ послѣднемъ случаѣ онъ и не получаетъ конечно соотвѣтственныхъ правъ. Съ небольшими различіями система эта существуетъ во всѣхъ германскихъ государствахъ. Основная ея идея—обязательность обученія, подобная обязательной воинской повинности, съ государственнымъ контролемъ и наказаніемъ родителей за уклоненіе отъ требованій закона по обученію дѣтей—повидимому всѣми признается *правильной* и желательной, а замѣчаемыя неблагопріятныя явленія стараются объяснять различными частными явленіями въ постановкѣ школьнаго дѣла.

Авторъ разбираемой нами рѣчи, школьный совѣтникъ (Schulrat) въ Маннгеймѣ, также не видитъ ничего ненормальнаго въ дѣтской школьной повинности, но не можетъ не замѣчать бросающихся въ глаза темныхъ явленій и конечныхъ результатовъ и, защищая свою систему, прежде всего приводитъ факты, ясно говорящіе, что въ германской народной школѣ не все прекрасно и благополучно.

Въ статистическихъ „Ежегодникахъ" германскихъ городовъ лишь съ недавняго времени, по настоянію нѣкоторыхъ педагоговъ, стали появляться свѣдѣнія по статистикѣ результатовъ обученія въ народныхъ школахъ 44 важнѣйшихъ городовъ Германіи (Abgangsstatistik). Въ среднемъ выводѣ за 1900—901 учебный годъ, въ отношеніи школъ для мальчиковъ этихъ городовъ, только *64,6*% всѣхъ выпущенныхъ учениковъ, окончившихъ обязательный срокъ ученія, достигли высшей ступени или старшаго класса посѣщавшихся ими школъ, при чемъ этотъ средній процентъ является какъ бы роковымъ при различныхъ типахъ школъ по числу классовъ (ступеней). Для восьмиклассныхъ школъ онъ равняется *63,6*%, для 7-ми классныхъ (2 послѣднихъ года обязательнаго обученія въ одномъ классѣ) *62,1*%, для 6-ти классныхъ (3 года на старшее отдѣленіе) *63,9*% и для смѣшанныхъ (4—8-ми классныхъ) *68,6*%. Въ отдѣльныхъ городахъ и школахъ процентъ этотъ колеблется отъ *30* до *83*%. Такимъ образомъ въ наилучше поставленныхъ городскихъ школахъ важнѣйшихъ городовъ Германіи болѣе ⅓ учащихся мальчиковъ даже внѣшнимъ образомъ (по переходу въ старшій классъ) не достигаютъ цѣли школьнаго образованія. Въ дѣйствительности, по словамъ оратора, дѣло стоитъ еще хуже; многіе ученики переводятся въ старшія отдѣленія по причинамъ чисто внѣшнимъ, чтобы избавиться, напримѣръ, отъ переполненія классовъ. Въ отдѣльныхъ городахъ результаты еще печальнѣе. Такъ, напримѣръ, по статистикѣ Берлина за 1902 г. изъ 22,137 дѣтей, вступившихъ въ жизнь по окончаніи обязательнаго срока ученія, только 2221, т. е. 10%, достигли нормальной цѣли школы, т. е. съ успѣхомъ прошли установленные 8-ми классные курсы народной школы. Формулируя свой окончательный выводъ о результатахъ обученія въ народныхъ школахъ 44 германскихъ городовъ, авторъ на стр. 17 своей рѣчи говоритъ:

„Изъ всей массы учащихся въ народныхъ школахъ даже половина дѣтей не проходитъ ихъ правильнымъ образомъ (regelrecht) въ срокъ, установленный закономъ; болѣе половины всѣхъ дѣтей проваливаются на экзаменахъ по 1, по 2, по 3 и болѣе разъ, вступаютъ въ жизнь съ искаженнымъ и недостаточнымъ школьнымъ образованіемъ и, что еще хуже, безъ привычки къ напряженной, прилежной и добросовѣстной работѣ, т. е. безъ самаго цѣннаго результата раціональнаго школьнаго воспитанія, безъ увѣренности въ собственныхъ силахъ, безъ рвенія и любви къ труду".

Что же дѣлать въ виду такого печальнаго результата? Какими

мѣрами поднять продуктивность школъ, на устройство и постановку которыхъ Германія затрачиваетъ такъ много средствъ и усилій? Авторъ послѣдовательно разбираетъ логически возможныя мѣропріятія.

Обыкновенно прежде всего указываютъ на *качество учителей*. Авторъ полагаетъ, что въ этомъ отношеніи Германіей сдѣлано уже не мало и что въ 44 крупнѣйшихъ городахъ работаютъ во всякомъ случаѣ лучшія педагогическія силы. Въ этомъ направленіи нужно конечно движеніе впередъ, но едва ли это главное средство въ борьбѣ съ указаннымъ зломъ. Нужно затѣмъ понизить учебные планы, нужно, чтобы начальное образованіе развивалось не столько въ ширь, сколько въ глубь. Въ поясненіе онъ приводитъ, по его словамъ, довольно вульгарное изреченіе, которое по русски можетъ быть передано такъ: „человѣкъ сытъ не тѣмъ, что онъ съѣлъ, а тѣмъ, что переварилъ". А потому учебные планы должны быть возможно болѣе *сокращены*.

Не могу не замѣтить здѣсь, что на нашъ русскій взглядъ учебные планы германской народной школы, расчитанной на 7 или 8 классовъ съ большей чѣмъ у насъ продолжительностію учебнаго времени, совсѣмъ не кажутся намъ обширными и столь трудными для усвоенія. Вотъ, напримѣръ, учебный планъ 7-милѣтнихъ школъ для мальчиковъ въ Нюрибергѣ [1]): Законъ Божій во всѣхъ 7 классахъ 31 урокъ въ недѣлю, нѣмецкій языкъ во всѣхъ классахъ 39 уроковъ, ариометика (Rechnen) 36 уроковъ, міровѣдѣніе (Weltkunde) во всѣхъ классахъ 27 уроковъ, чистописаніе во всѣхъ классахъ 15 уроковъ, рисованіе, съ IV-го класса, 10 уроковъ, пѣніе во всѣхъ классахъ 7 уроковъ, гимнастика, съ IV-го класса, 8 уроковъ. Подъ именемъ міровѣдѣнія разумѣется въ первыхъ 3-хъ классахъ наглядное преподаваніе и знакомство съ родиной, въ 4-хъ старшихъ подъ этимъ названіемъ преподаются элементарныя познанія по географіи, исторіи, естествознанію и физикѣ. VIII-й классъ въ Нюрнбергѣ не обязателенъ; для желающихъ преподаются тѣ же предметы съ повышенной программой. Повторяю, на нашъ взглядъ, учебный планъ для 7—8 лѣтъ ученья, при 10 учебныхъ мѣсяцахъ, маломъ числѣ праздниковъ и обиліи учебныхъ пособій, представляется не сложнымъ и не труднымъ. Но будемъ вѣрить нѣмецкимъ педагогамъ, что его нужно еще сократить и упростить.

Далѣе, докторъ *Sickinger*, какъ и большинство педагоговъ, возстаетъ противъ большого числа учениковъ въ классахъ. Онъ гово-

---

[1]) Заимствую изъ цитированнаго выше (стр. 116) Festschrift'a.

рить, что есть классы, въ которыхъ число учащихся доходитъ до *70* и болѣе, среднимъ же числомъ оно колеблется около *50*. Конечно, это понятное и важное неудобство въ смыслѣ успѣшности учебныхъ занятій. Однако же школы г. Лейпцига, имѣющія дѣльныхъ учителей, умѣренный учебный планъ и число учениковъ въ классахъ, не превышающее *39*, даютъ ту же слабую общую успѣшность, какъ и школы всѣхъ 44 городовъ.

Такимъ образомъ обычныя мѣры повышенія продуктивности школъ приносятъ свою пользу, но не въ такой степени, какъ это было бы желательно. Остается еще одна мѣра, которой нашъ ораторъ придаетъ первенствующее значеніе и которая основана на вліяніи качества учащихся. Онъ говоритъ, что проблематическій принципъ „равное для всѣхъ равныхъ“ пора замѣнить болѣе реальнымъ принципомъ „всякому свое“ (suum cuique) и что, проводя его въ жизнь, мы возвратимся къ болѣе естественнымъ условіямъ (zurück zur Natur) и выведемъ народную школу изъ ея теперешняго оцѣпенѣнія. Учащихся нужно дѣлить по ихъ способностямъ и сообразно этимъ *способностямъ* видоизмѣнять курсъ получаемаго ими образованія. Совмѣстное нахожденіе въ классѣ учениковъ разныхъ способностей затрудняетъ какъ учителя, такъ и учениковъ, замедляетъ общій ходъ преподаванія, понижаетъ его уровень до разумѣнія менѣе способныхъ, создаетъ въ каждомъ классѣ столь тягостный для учителя „балластъ“ малоспособныхъ и лѣнивыхъ, переполняетъ классы не желательнымъ элементомъ отсталыхъ (второгодниковъ), которые обыкновенно столько же скучаютъ, какъ и мало успѣваютъ, словомъ все дѣло преподаванія изъ-за такой пестроты состава учениковъ идетъ вяло и малоуспѣшно. Для поясненія своей мысли авторъ указываетъ, какъ на аналогію, на постановку въ Германіи средняго образованія. По его мнѣнію болѣе способные ученики идутъ въ гимназіи, менѣе способные въ реальныя гимназіи, въ реальныя школы и въ различныя спеціальныя и профессіональныя учебныя заведенія. То, что жизнь создала для средней школы, нужно примѣнить и для низшей. Система обязательной школьной повинности въ Германіи неизбѣжно встрѣтилась съ наличностью дѣтей *патологически* малоспособныхъ и отсталыхъ въ развитіи, глухонѣмыхъ, слѣпыхъ, калѣкъ и прочее, и для нихъ потребовалось учреждать отдѣльныя, спеціальныя и вспомогательныя школы (Sonder-und Hilfsschulen). *Вспомогательныя* школы для дѣтей явно малоспособныхъ существуютъ уже въ Германіи при *200* школахъ. Нужно сдѣлать еще одинъ шагъ и выдѣлить

въ особую категорію дѣтей со способностями ниже среднихъ, и тогда дѣло народныхъ школъ пойдетъ гладко и успѣшно. Такое дѣленіе важно не только въ педагогическомъ отношеніи, но и въ гигіеническомъ, такъ какъ въ основѣ сравнительно меньшихъ способностей очень часто лежатъ мало выраженныя, но также патологическія условія; затѣмъ дѣти, выздоравливающія послѣ тяжкихъ болѣзней, отставшія отъ товарищей по какимъ либо причинамъ, найдутъ себѣ мѣсто въ соотвѣтственныхъ отдѣленіяхъ школы. Мысль автора не требуетъ ни коренной ломки системы, ни новыхъ расходовъ. Она осуществима путемъ организаціи параллельныхъ отдѣленій или классовъ въ той же школѣ. Если въ этихъ отдѣленіяхъ для менѣе способныхъ учениковъ будутъ работать лучшіе изъ учителей, съ малымъ числомъ учениковъ въ классѣ, при намѣренно улучшенной гигіенической обстановкѣ, въ отношеніи вентиляціи, купанья, завтраковъ и прочее, то выдѣленные такимъ образомъ ученики могутъ возстановлять свои естественныя силы и способности и затѣмъ возвращаться въ нормальные классы обновленными тѣломъ и духомъ, съ энергіей и поднятымъ настроеніемъ. Докторъ *Moses* сообщаетъ отдѣльные факты о томъ, что ученики, занимавшіе въ нормальныхъ классахъ послѣднее мѣсто по успѣхамъ, въ отдѣленіяхъ для болѣе слабыхъ быстро оправлялись, достигали первыхъ мѣстъ и возвращались навсегда въ нормальные классы. Онъ же приводитъ нѣкоторыя данныя изъ школъ Маннгейма, при дѣйствіи системы *Sickinger*'а, изъ которыхъ видно, что въ отдѣленіе менѣе способныхъ многія дѣти попадаютъ лишь временно, подъ вліяніемъ острыхъ или хроническихъ заболѣваній и съ теченіемъ времени многія изъ нихъ возстановляютъ какъ свое здоровье, такъ и способности.

По идеѣ *Sickinger*'а дѣти, учащіяся въ народной школѣ, должны раздѣляться по своимъ способностямъ по меньшей мѣрѣ на три категоріи:

1. Дѣти съ наилучшими и средними способностями.

2. Дѣти со способностями ниже среднихъ или отставшія по временнымъ и внѣшнимъ причинамъ, по болѣзни и прочее.

3. Дѣти съ патологически малыми способностями (Schwachsinnige).

Дѣленіе это не должно быть однако же заявляемо внѣшнимъ образомъ, а должно составлять лишь дѣло внутренняго распорядка школы, не обижая дѣтей и родителей.

Предполагая, что всѣ дѣти должны обязательно учиться въ теченіе *8* лѣтъ, проходимые ими курсы должны быть однако же раз-

личны по составу и объему, сообразно способностямъ, но всѣ должны получать законченное образованіе. Наиболѣе способныя дѣти, послѣ 2-хъ лѣтъ ученія въ общей народной школѣ, еще 2 года учатся въ приготовительныхъ классахъ, а затѣмъ направляются, смотря по способностямъ, въ гимназіи, реальныя гимназіи, реальныя училища и другія среднія учебныя заведенія. Слѣдующія по способностямъ непрерывно и ежегодно переходятъ изъ класса въ классъ и черезъ 8 лѣтъ кончаютъ полный курсъ народной школы. Менѣе способныя проходятъ въ 8 лѣтъ 7, 6 или 5 классовъ, а наименѣе способныя лишь 4 класса. Дѣти 1-ой категоріи составляютъ нормальные классы, 2-й—классы повторительные и 3-й—вспомогательные. По графической схемѣ, представленной авторомъ, совмѣстно съ докторомъ *Moses*'омъ, изъ 3-й категоріи уже нѣтъ возврата въ категоріи высшаго порядка и есть лишь путь пониженія въ заведенія для идіотовъ; 2-я же и 1-я категорія постоянно между собою обмѣниваются: хорошо успѣвающіе въ повторительныхъ классахъ возвращаются въ соотвѣтственные нормальные классы, а не успѣвающіе въ нормальныхъ высылаются въ повторительные. Въ повторительныхъ классахъ, какъ уже сказано, должны быть наилучшіе учителя, которые обязаны половину своего времени посвящать всему классу, 1/4 лучшимъ ученикамъ, съ надеждой возвратить ихъ въ нормальные классы, и 1/4 слабѣйшимъ, чтобы дать имъ возможность удержаться на среднемъ уровнѣ повторительныхъ классовъ.

При началѣ ученія, resp. школьной повинности, всѣ дѣти поступаютъ въ нормальный низшій классъ и лишь по истеченіи года начинается ихъ дифференцировка. Неуспѣвшія направляются, смотря по способностямъ, или въ 1-й повторительный классъ или (патологически слабыя) въ 1-й вспомогательный, откуда уже выдѣляются и безнадежно слабыя—идіоты.

Система *Sickinger*'а введена въ школахъ Маннгейма немного болѣе 2-хъ лѣтъ и объ окончательныхъ результатахъ ея судить еще рано, но частные успѣхи ея уже отмѣчаются докторомъ *Moses*'омъ. Дѣти спеціальныхъ отдѣленій не чувствуютъ себя подавленными успѣхами и способностями болѣе даровитыхъ товарищей, имѣютъ болѣе веселый и живой видъ и несомнѣнно обнаруживаютъ большіе успѣхи въ ученьи. Это выражается и повышеніемъ получаемыхъ ими отмѣтокъ. Случаи возвращенія въ нормальные классы бываютъ нерѣдко. Словомъ, авторы системы вполнѣ довольны началомъ ея примѣненія и рекомендуютъ слѣдовать ихъ примѣру.

Исчерпавъ главное содержаніе рѣчи Sickinger'а и доклада его сотрудника доктора Moses'а, познакомимся немного и съ тѣми возраженіями противъ Маннгеймской системы, которыя отчасти указываются въ докладѣ доктора *Moses*'а, отчасти приводятся въ брошюрѣ *Heydner*'а.

Выдѣленіе дѣтей въ спеціальныя отдѣленія для менѣе способныхъ или неспособныхъ какъ бы налагаетъ на нихъ особое пятно низшей касты, обидное какъ для дѣтей, такъ и для ихъ родителей. Говорятъ, что до извѣстной степени такое дѣленіе можетъ быть скрыто отъ дѣтей и стороннихъ лицъ подъ видомъ простого дѣленія на параллельные классы. Скрыть этого конечно нельзя, но можно надѣяться, что и дѣти и ихъ близкіе могутъ мириться съ неизбѣжностью педагогической мѣры, вызванной неуспѣшностью занятій, и утѣшаться надеждою возврата въ нормальное русло при обнаруженныхъ успѣхахъ. Гораздо серьезнѣе замѣчаніе *Heydner*'а, касающееся установленія способовъ и критеріевъ дѣленія дѣтей по ихъ способностямъ. Нужно исключить возможность большихъ и частыхъ ошибокъ, пристрастнаго и несправедливаго отношенія учителя, значенія симпатій и антипатій. При господствующей въ народныхъ школахъ классной системѣ одно лицо, способное конечно ошибаться, рѣшаетъ и ближайшую и дальнѣйшую судьбу ученика, измѣняя можетъ быть всю его будущность. При этомъ надо имѣть въ виду, что для учителя создается большое искушеніе—избавляться легкимъ способомъ отъ учениковъ, почему либо ему непріятныхъ. Какіе же имѣются вѣрные и объективные признаки для оцѣнки способностей ученика и какой масштабъ для измѣренія? Если это отмѣтки за успѣхи, прилежаніе и вниманіе, то онѣ выставляются тѣмъ же учителемъ и могутъ не стоять въ прямой связи съ способностями ученика. Докторъ *Moses* возлагаетъ при этомъ большую надежду на участіе въ оцѣнкѣ способностей учениковъ школьнаго врача, но діагнозъ его можетъ быть легокъ и простъ лишь при наличности явно патологическихъ явленій и врожденныхъ недостатковъ, въ отсутствіи же ихъ мнѣніе учителя всегда будетъ рѣшающимъ. Между тѣмъ переходъ въ повторительные классы соединенъ съ потерей по крайней мѣрѣ года или двухъ для нормальнаго курса школы, а переводъ въ вспомогательные классы есть уже сравнительная гибель ученика, а между тѣмъ такой переводъ можетъ состояться въ то время, когда ученику едва минуло 7 лѣтъ и онъ лишь запоздалъ въ своемъ развитіи и долженъ бы начать учиться спустя годъ или два. Возраженія эти имѣютъ полную силу и защитниками системы не опровергнуты.

Переходъ въ отдѣленіе малоспособныхъ понижаетъ идеалы ученика и лишаетъ его образцовъ высшаго порядка. Онъ можетъ даже чувствовать себя какъ primus inter pares, но не будетъ видѣть стимуловъ къ болѣе высокому подъему.

Принимая въ соображеніе, что дѣти менѣе развитыя по возрасту, съ худшимъ общимъ питаніемъ, съ хроническими общими заболѣваніями и прочее, поступаютъ въ народную школу преимущественно изъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія, не сведется ли вся система къ тому, что дѣти средней и богатой буржуазіи будутъ обучаться отдѣльно и получать образованіе болѣе высокое, чѣмъ дѣти бѣдняковъ. Докторъ *Moses* не отрицаетъ такой возможности, но совѣтуетъ эмансипироваться отъ ложно понимаемаго демократическаго чувства. Между тѣмъ для страны, установившей для всѣхъ равное обязательное образованіе, косвенное закрѣпленіе общественныхъ перегородокъ, на началахъ имущественныхъ различій, является соціальной несправедливостью, которой чуждаются даже страны съ сохранившимися сословными дѣленіями. Школы же общаго образованія, какъ и наука, вовсе не должны знать такихъ дѣленій и не должны сознательно допускать способовъ ихъ закрѣпленія.

G. Heydner, нюрнбергскій школьный учитель, видитъ въ системѣ *Sickinger'а* цѣлый рядъ опасностей, во 1) для „малоспособныхъ", отверженныхъ въ особую касту, а, во 2), и для „одаренныхъ". Имѣя столь легкую возможность выбрасывать изъ класса всѣхъ отстающихъ, самолюбивый учитель-дирижеръ легко можетъ брать слишкомъ быстрый темпъ въ ходѣ преподаванія и подвергать всѣхъ учениковъ тѣмъ опасностямъ чрезмѣрнаго напряженія (Ueberbürdung), которыя установлены внѣ сомнѣнія. Въ этомъ случаѣ менѣе способные и ретивые ученики составляютъ какъ бы спасительный тормазъ, который охраняетъ умственныя силы и здоровье всѣхъ учениковъ отъ излишествъ педагогическаго рвенія. Вообще цитируемая статья скромнаго дѣятеля народной школы написана съ большимъ чувствомъ и любовью къ дѣтямъ.

Кто правъ въ этомъ дѣлѣ, судить еще рано, а для насъ и очень трудно. Во всякомъ случаѣ въ системѣ Sickinger'а есть много интереснаго и разумнаго. Съ извѣстными поправками и видоизмѣненіями ея основныя начала могутъ быть приложимы и къ болѣе сложной постановкѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Кому изъ насъ неизвѣстна, напримѣръ, печальная судьба мальчиковъ, скитающихся по учебнымъ заведеніямъ, отъ классическихъ гимназій до юнкерскихъ училищъ, съ

ущербомъ во времени, въ образованіи и въ нравственности. Эти скитанія и жертвы его можетъ быть могли бы быть избѣгнуты своевременной правильной оцѣнкой способностей ученика. Большее вниманіе къ малоспособнымъ или малоуспѣвающимъ, болѣе любовное къ нимъ отношеніе могли бы принести большую пользу. Самые пріемы безпристрастной и по возможности объективной оцѣнки способностей учениковъ заслуживаютъ большаго вниманія и изученія со стороны педагоговъ, при участіи врачей.

Словомъ, я полагалъ бы, что со стороны нашего министерства народнаго просвѣщенія слѣдовало бы обратить вниманіе на организацію Маннгеймскихъ народныхъ школъ. Опытный педагогъ извлекъ бы изъ наблюденій надъ ними не мало полезныхъ указаній для постановки учебнаго дѣла и въ нашихъ школахъ.

Въ отношеніи основныхъ недостатковъ германской школы, затронутыхъ *Sickinger*'омъ въ его рѣчи, я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній въ послѣдней главѣ моего отчета.

5. Prof. *F. Hueppe*. *„О предупрежденіи заразныхъ болѣзней въ школахъ"*. Эта четвертая небольшая рѣчь во 2-мъ общемъ собраніи конгресса была произнесена передъ слушателями уже утомленными 3-мя предшествовавшими рѣчами, но авторитетное имя оратора и живое изложеніе темы заставили публику прослушать ее съ интересомъ.

Авторъ начинаетъ съ того, что старается *сузить* задачу школьнаго врача и школьной администраціи. Понятіе о заразныхъ болѣзняхъ въ настоящее время такъ расширилось, что борьба со всѣми ихъ видами и формами сводилась бы къ невозможности что либо предпринять спеціально для школы. Можетъ быть даже и ненужно бороться со всѣми заразными болѣзнями (?). Онѣ являются средствомъ для отбора изъ населенія негодныхъ элементовъ [1]). Самое же важное то, что не всякая болѣзнь, могущая явиться въ школѣ, есть школьная болѣзнь. Школа въ нѣкоторыхъ случаяхъ играетъ здѣсь не бо̀льшую роль, какъ всякій обитаемый домъ. Такъ, появленіе среди живущихъ или учащихся въ школѣ случаевъ брюшного тифа, азіатской холеры, кроваваго поноса, имѣетъ такое же значеніе, какъ появленіе ихъ въ каждомъ жиломъ домѣ, и касается больше общей санитарной администраціи города, чѣмъ школьнаго врача и учителя. Собственно *школь-*

---

[1]) Надо думать, что замѣчаніе это было сдѣлано въ шутку, для веселости рѣчи, въ нѣмецкомъ вкусѣ. Какъ серьезная мысль въ устахъ гигіениста, она отзывалась бы цинизмомъ здоровыхъ и сытыхъ людей.

ными заразными болѣзнями должны считаться тѣ, которыя именно въ школахъ получаютъ наибольшее распространеніе, заражая посѣщающихъ ихъ дѣтей. Если школьный врачъ только на нихъ сосредоточитъ все свое вниманіе, то онъ исполнитъ свой долгъ. Такими школьными заразными болѣзнями ораторъ считаетъ 3 ихъ пары: 1) корь и коклюшъ, 2) свинку и вѣтряную оспу и 3) скарлатину и дифтерію. Первыя двѣ онъ считаетъ важнѣйшими и наиболѣе распространенными. Корь и коклюшъ особенно опасны тѣмъ, что передаются отъ зараженныхъ здоровымъ въ то время, когда у первыхъ нѣтъ еще никакихъ проявленій болѣзни. Поэтому заболѣванія этими болѣзнями обнаруживаются иногда разомъ въ большомъ числѣ, какъ бы взрывомъ. Возможность такихъ взрывовъ есть одно изъ добавочныхъ основаній къ тому, чтобы въ отдѣльныхъ классахъ было не болѣе 40 и maximum 50 учениковъ. Въ борьбѣ съ этими болѣзнями, какъ равно со свинкой и вѣтряной оспой, всего важнѣе принципы строгой изоляціи и временное закрытіе школъ. Скарлатина и дифтерія встрѣчаются не столь часто и всего опаснѣе тѣмъ, что *перенесшія* ихъ дѣти очень долго могутъ быть источниками заразы. Ораторъ полагаетъ, что *мѣры дезинфекціи*, по своему значенію, значительно уступаютъ мѣрамъ *чистоты* и *опрятности*, кромѣ того онѣ примѣняются обыкновенно слишкомъ поздно. Относительно *дѣтскаго туберкулеза* онъ находитъ, что заразительность его слишкомъ преувеличена. По его мнѣнію одинъ туберкулезный учитель гораздо опаснѣе многихъ туберкулезныхъ дѣтей. И здѣсь борьба съ бациллами совпадаетъ съ заботами о чистотѣ.

Въ заключеніе своей рѣчи проф. *Нигерс* указываетъ на значеніе и пользу лѣтнихъ дѣтскихъ колоній, какъ на средство къ общему подъему народнаго здоровья.

Рѣчь почтеннаго профессора, какъ видимъ, не была богата содержаніемъ, но заключаетъ въ себѣ важное указаніе на основную постановку задачъ школьной гигіены въ отношеніи борьбы съ заразными болѣзнями.

6. Prof. *L. Liebermann. „О задачахъ и подготовкѣ школьныхъ врачей“.*

Почтенный ораторъ, занимая каѳедру гигіены въ Будапештѣ, состоитъ въ то же время руководителемъ гигіеническихъ курсовъ для *школьныхъ врачей въ Венгріи*, гдѣ институтъ этотъ существуетъ уже въ теченіе 20 лѣтъ, а потому имѣется большой опытъ для оцѣнки его роли и значенія.

Рѣчь свою проф. *Liebermann* начинаетъ съ указанія, что, учреждая должности школьныхъ врачей, нужно ясно опредѣлить цѣль ихъ учрежденія и, сообразно съ этимъ, возлагать на нихъ опредѣленныя задачи и ожидать отъ нихъ дѣятельности опредѣленныхъ результатовъ. Въ дѣйствительности, какъ эти цѣли, такъ и задачи весьма разнообразны въ различныхъ частяхъ Европы, а потому неудивительно, что самая оцѣнка этого института столь различна. За исключеніемъ Франціи и Венгріи, на школьныхъ врачей повсюду возлагаются главнымъ образомъ чисто врачебныя обязанности. Ораторъ считаетъ такую постановку дѣла совершенно ошибочной. Школа не есть врачебное или санитарное учрежденіе и не имѣетъ задачей лѣченіе больныхъ или оздоровленіе извѣстной части населенія; для этого должны быть другіе учрежденія и органы. Въ задачи школы должно входить: предупрежденіе всякаго вреда здоровью учащихся, какъ отъ внѣшнихъ условій и всей школьной обстановки, такъ и отъ самихъ школьныхъ занятій и постановки преподаванія. Кромѣ того, къ задачамъ школы нужно отнести также широкую популяризацію гигіеническихъ знаній, усвоеніе гигіеническихъ привычекъ и подготовку среди учащихся той воспріимчивости и отзывчивости къ общественно-гигіеническимъ вопросамъ, которыя мы столь рѣдко встрѣчаемъ готовыми въ значительныхъ массахъ населенія, влiять на нихъ приходится силою закона и уголовныхъ каръ, что не всегда ведетъ къ цѣли. При такой постановкѣ задачъ школьныхъ врачей, понятно также, съ точки зрѣнія оратора, какова должна быть ихъ подготовка къ полезной спеціальной дѣятельности. Этой программы и держится авторъ при веденіи своихъ гигіеническихъ курсовъ для школьныхъ врачей Венгріи. По его мнѣнію, врачи эти должны въ то же время основательно знакомиться съ *педагогикой*, чтобы имѣть возможность сознательно вникать въ постановку преподаванія, въ оцѣнку учебныхъ плановъ и распредѣленіе занятій, съ гигіенической точки зрѣнія. Кромѣ того, они должны быть сами учителями, преподавая основы гигіены въ школахъ всѣхъ типовъ. Особенную важность ораторъ-гигіенистъ приписываетъ гигіенѣ преподаванія въ школахъ и для иллюстраціи своей мысли болѣе подробно останавливается на переутомленіи учениковъ при *чисто филологическомъ* направленіи въ *преподаваніи древнихъ языковъ*. Для русскихъ слушателей оратора его нападки на классицизмъ, какъ на систему общаго образованія, казались умѣренными и осторожными, мѣстную же публику они видимо очень взволновали и частью вызывали даже протесты, какъ нѣчто новое и слишкомъ смѣлое. Онъ

говорилъ, напримѣръ, что реальныя гимназіи и реальныя школы есть неудачный и недостаточный противовѣсъ классическимъ гимназіямъ, что злоупотребленіе грамматическимъ преподаваніемъ древнихъ языковъ вызываетъ всеобщее недовольство, доходящее до ненависти къ филологамъ, что рядомъ съ переутомленіемъ учениковъ всѣхъ поражаетъ у современныхъ гимназистовъ малое знаніе древнихъ языковъ, что въ старыя времена были латинисты, которые знали латинскій языкъ, какъ свой родной, теперь же ихъ нѣтъ, что сравнительно съ началомъ XIX столѣтія германскія гимназіи принуждены были много сократить число уроковъ по древнимъ языкамъ, и все-таки они составляютъ невыносимое бремя. Грамматическая система, поселяя отвращеніе къ древнимъ языкамъ, препятствуетъ самому ознакомленію съ древними авторами. Она, по выраженію оратора, портитъ желудокъ до начала самаго обѣда. Если гимназіи полны учащимися, то только благодаря тѣмъ правамъ, которыя онѣ даютъ на высшее образованіе. Кромѣ того, родители изъ образованнаго круга конфузятся и какъ бы извиняются, если дѣти ихъ учатся въ реальныхъ школахъ, видя въ этомъ что-то унизительное для своихъ дѣтей. Между тѣмъ, по мнѣнію оратора, колоссальные успѣхи естествознанія и развитіе промышленной жизни настойчиво требуютъ техническихъ знаній, къ чему классическая средняя школа не даетъ достаточной подготовки. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, равно какъ съ гигіенической точки зрѣнія, необходимо стремиться къ тому, чтобы была единая средняя школа съ учебнымъ планомъ, принаровленнымъ къ современной жизни, которая давала бы гармоничное тѣлесное и духовное развитіе своимъ ученикамъ и дѣлала бы ихъ подготовленными къ высшему образованію по всѣмъ отраслямъ знанія.

Рѣчь проф. *Либермана* была принята въ общемъ сочувственно, но замѣтно вызывала и неудовольствіе, какъ нѣчто противное традиціямъ германской школы. Съ нашей русской точки зрѣнія она была наиболѣе интересна въ первой своей части, ясно и разумно устанавливая задачи и необходимость спеціальной подготовки школьныхъ врачей. Мы имѣемъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя прямыя указанія въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія отъ 15-го августа 1902 г., но способъ для подготовки школьныхъ врачей, равно какъ размѣры и характеръ этой подготовки остаются неустановленными. Пишущій эти строки считалъ своимъ долгомъ болѣе подробно остановиться на этой задачѣ въ своей актовой рѣчи въ Казанскомъ университетѣ,

5-го ноября 1904 года, указывая, по различнымъ соображеніямъ, на необходимость учрежденія въ Россіи особаго института общественной гигіены.

7. Dr. *James Kerr*. *„Что всего нужнье при вентиляціи школъ?“* (What is required most in school ventilation?).

Не усвоивъ дословно англійской рѣчи оратора, но прослушавъ ее дважды, сначала въ секціи, а затѣмъ въ общемъ собраніи, въ соединеніи съ проекціонными демонстраціями рисунковъ, могу только сказать, что рѣчь эта не касалась какихъ либо основныхъ вопросовъ вентиляціи и ея методовъ, а содержала обзоръ отдѣльныхъ системъ и аппаратовъ вентиляціи, употребляющихся въ школахъ Англіи и Америки. Оцѣнка методовъ вентиляціи сводилась къ опредѣленію углекислоты въ воздухѣ школьныхъ помѣщеній въ различные часы школьныхъ занятій. При этомъ ясно было также, что мягкость климата Англіи и Америки позволяетъ въ гораздо большей степени пользоваться естественной вентиляціей безъ необходимости подогрѣванія воздуха, входящаго въ обитаемыя помѣщенія. А потому, какъ видно было на рисункахъ автора, въ этихъ странахъ въ большомъ ходу такія вентиляціонныя приспособленія, которыя основаны на дѣйствіи вѣтра и на вдуваніи воздуха непосредственно въ классныя комнаты. Для Россіи и даже Германіи приспособленія эти были бы непригодны въ зимнее время.

Рѣчь англійскаго оратора была очевидно непонятна большинству аудиторіи, а потому была прослушана съ уваженіемъ, но безъ вниманія.

8. Проф. *И. П. Скворцовъ*. *„Объ основахъ воспитанія и образованія съ гигіенической точки зрѣнія“*.

Рѣчь нашего соотечественника, прочитанная на нѣмецкомъ языкѣ, была третья въ заключительномъ общемъ собраніи конгресса, когда публика была уже достаточно утомлена и ожидала еще заключительныхъ и прощальныхъ рѣчей различныхъ ораторовъ. По содержанію она касалась біологическихъ и этическихъ основъ умственной и нравственной дѣятельности человѣка и ихъ оцѣнки съ точки зрѣнія задачъ воспитанія и образованія. Авторъ настойчиво рекомендовалъ имѣть въ виду цѣльность человѣческой природы и опасность противупоставленія интересовъ „духа“ и „тѣла“ и подавленія однихъ въ пользу другихъ, совѣтовалъ вести воспитаніе непремѣнно „словомъ“ и „дѣломъ“ и не забывать облагораживающихъ человѣка вліяній ре-

лигіи, философіи и поэзіи. По нѣкоторой трудности темы, я затрудняюсь передать болѣе полно содержаніе рѣчи уважаемаго товарища, которая, надо думать, появится въ полномъ видѣ въ какомъ либо русскомъ изданіи.

Проф. М. Я. Капустинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О ПРИГОТОВЛЕНІИ УЧИТЕЛЕЙ НАРОДНЫХЪ ШКОЛЪ ВЪ ПРУССІИ.

Для приготовленія учителей народныхъ училищъ учреждены семинаріи и подготовительныя къ нимъ училища, такъ называемыя препаранды (Präparandenanstalten). Въ каждой провинціи существуютъ нѣсколько семинарій и препарандъ. Слѣдующая таблица покажетъ число семинарій и препарандъ въ каждой провинціи въ 1900 году [1]).

Въ восточной Пруссіи .	семинарій	9	препарандъ	8
„ западной Пруссіи . .	„	7	„	6
„ Бранденбургѣ . . .	„	11	„	12
„ Померaніи	„	7	„	10
„ Познани	„	6	„	8
„ Силезіи.	„	20	„	19
„ Саксоніи	„	11	„	11
„ Шлезвигъ-Голштиніи	„	6	„	4
„ Ганноверѣ	„	11	„	9
„ Вестфаліи	„	8	„	5
„ Гессенъ-Нассау. . .	„	6	„	6
„ Рейнской провинціи.	„	16	„	5
Всего . . .	семинарій	118	препарандъ	103

Въ семинаріяхъ училось 11.400 человѣкъ, въ препарандахъ 2.663 человѣка.

Учебные планы для препарандъ и семинарій были изданы ми-

[1]) Uebersichtliche Darstellung des Volkserziehungswesens der europäischen und aussereuropäischen Kulturvölker von Sendler und Kobel (Breslau 1901), т. II, стр. 302.

нистромъ Фалькомъ въ 1872 году. Эти планы были нѣсколько видоизмѣнены въ министерство Штудта въ 1901 году [1]). Измѣненія коснулись только частностей, сущность же постановленій 1872 года осталась нетронутою. Въ 1872 году не было еще составлено нормальнаго учебнаго плана для всѣхъ препарандъ, поэтому всѣ поступавшіе въ семинарію, учились ли они въ препарандѣ или нѣтъ, должны были держать вступительный экзаменъ. Съ установленіемъ этого плана въ 1901 году, прошедшіе курсъ препаранды и выдержавшіе выпускной экзаменъ, получили право поступить въ семинарію безъ экзамена. Вступительный экзаменъ въ семинарію остался только для тѣхъ, которые не учились въ препарандѣ. Притомъ этотъ экзаменъ производится по программамъ, установленнымъ нынѣ для препарандъ. Затѣмъ, по нынѣ дѣйствующимъ правиламъ, въ учебные планы препаранды отнесена часть того, что раньше преподавалось въ низшемъ и среднемъ классѣ семинарій. Вслѣдствіе этого семинарія получила возможность въ большей мѣрѣ, чѣмъ раньше, сосредоточиться на собственно педагогической подготовкѣ будущихъ учителей. Существенное же различіе между препарандою и семинаріей, установленное въ министерство Фалька, осталось и при нынѣ дѣйствующихъ правилахъ. Различіе это состоитъ въ томъ, что препаранда даетъ только научную подготовку, семинарія же, кромѣ научной, еще спеціально педагогическую. Поэтому въ препарандѣ только дополняются и расширяются знанія кандидатовъ по тѣмъ предметамъ, которые входятъ въ учебные планы многоклассной народной школы; педагогика же въ препарандѣ не преподается и никакихъ практическихъ упражненій въ преподаваніи въ ней не полагается. Въ семинаріи же изученіе предметовъ, правда, продолжается, но на первомъ планѣ выступаетъ педагогическая подготовка учащихся. Теоретическій курсъ педагогики преподается во всѣхъ классахъ семинаріи, начиная съ низшаго и до высшаго. Практическія занятія ведутся уже со второго или средняго класса семинаріи и продолжаются до конца. Да и при преподаваніи предметовъ имѣется въ виду приспособленіе ихъ къ цѣлямъ педагогическимъ.

Препаранды бываютъ или правительственныя, или городскія, или

---

[1]) Lehrpläne für Präparandenanstalten und Lehrerseminare, so wie methodische Anweisungen zu beiden Lehrplänen vom 1 Juli 1901 (Centralblatt für die gesamte Unterrichts-Verwaltung in Preussen, 1901, стр. 600—641). Этимъ новѣйшимъ планамъ слѣдуемъ мы при изложеніи учебнаго устройства препарандъ и семинарій.

частныя. Обыкновенно поступаютъ въ нихъ кончившіе многокласную народную школу. Курсъ препаранды трехгодичный. Учебные планы ея представляютъ какъ бы продолженіе учебныхъ плановъ многоклассной народной школы съ необходимыми расширеніями и дополненіями и имѣютъ много сходнаго съ учебными планами среднихъ училищъ (Mittelschulen).

Учебные предметы въ препарандѣ суть слѣдующіе: Законъ Божій, нѣмецкій языкъ, математика, исторія, географія, естествознаніе, чистописаніе, гимнастика, музыка и пѣніе, рисованіе, французскій и англійскій языки. Сравнительно съ учебными предметами народной школы новымъ предметомъ являются только иностранные языки.

Семинаріи бываютъ правительственныя (королевскія) и городскія. Онѣ суть или экстернаты, или интернаты, или то и другое вмѣстѣ. Ученіе въ нихъ безплатное. Плата взимается только въ интернатахъ за содержаніе, и то небольшая; бѣднѣйшимъ дается пособіе отъ государства на содержаніе. Курсъ семинаріи тоже трехгодичный. Учебные предметы тѣ же самые, какъ въ препарандѣ, съ прибавленіемъ педагогики и основныхъ наукъ ея, психологіи и логики [1]).

При каждой семинаріи есть школа для упражненія семинаристовъ въ преподаваніи—школа одноклассная и многоклассная. Она подчинена директору семинаріи. Главный учитель этой школы или ординарій обыкновенно берется изъ учителей семинаріи.

Оставляя въ сторонѣ препаранды, имѣющія только подготовительное значеніе, сообщимъ главнѣйшее изъ учебныхъ плановъ семинарій и изъ методическихъ указаній къ нимъ. Начнемъ съ главнаго предмета, а именно съ педагогики.

По *педагогикѣ* преподается въ третьемъ или низшемъ классѣ психологія и логика, какъ основныя науки ея, и общая дидактика; во второмъ или среднемъ классѣ—теорія воспитанія и исторія педагогики; въ первомъ или высшемъ классѣ—продолженіе исторіи педагогики до настоящаго времени и училищевѣдѣніе. Наконецъ дается указаніе руководствъ для дальнѣйшаго самообразованія.

Главное вниманіе обращается на то, чтобы семинаристы усвоили себѣ основныя положенія ученія и воспитанія и познакомились съ выдающимися педагогическими произведеніями послѣднихъ четырехъ столѣтій и особенно съ тѣмъ, что въ этихъ произведеніяхъ имѣло вліяніе на развитіе школьнаго дѣла. При изложеніи исторіи новѣйшей педа-

[1]) См. таблицу уроковъ препаранды и семинаріи въ концѣ статьи.

гогики предписывается сообщать о современныхъ задачахъ и стремленіяхъ въ области ученія и воспитанія, а также объ устройствѣ народныхъ школъ въ Пруссіи. На урокахъ педагогики семинаристы знакомятся также съ требованіями школьной гигіены.

Практическая подготовка семинаристовъ, какъ выше сказано, начинается уже во второмъ классѣ. Сначала они присутствуютъ на образцовыхъ урокахъ своихъ руководителей по всѣмъ предметамъ, чтобы такимъ образомъ получить понятіе о всѣхъ формахъ преподаванія; при этомъ сообщаются имъ указанія, касающіяся метода преподаванія. Затѣмъ семинаристы сами даютъ пробные уроки. Упражненія въ преподаваніи Закона Божія, нѣмецкаго языка и математики происходятъ въ теченіе цѣлаго года, въ остальныхъ же предметахъ попеременно въ теченіе извѣстной части года. Къ каждому пробному уроку всѣ семинаристы даннаго класса должны готовиться, притомъ письменно. Къ преподаванію каждаго урока можетъ быть привлечено нѣсколько семинаристовъ. Впрочемъ совѣтуется не задавать больше двухъ пробныхъ уроковъ въ недѣлю.

Въ первомъ классѣ семинаристы должны въ теченіе всего года давать непрерывный рядъ уроковъ въ школѣ, состоящей при семинаріи, подъ руководствомъ и надзоромъ учителей семинаріи.

Число уроковъ назначено отъ 4 до 6 въ недѣлю. Всякому семинаристу дается возможность поупражняться въ преподаваніи Закона Божія, нѣмецкаго языка, ариѳметики и еще одного изъ остальныхъ предметовъ. По крайней мѣрѣ три раза въ году происходитъ распредѣленіе учебныхъ предметовъ между семинаристами. По окончаніи срока, назначеннаго для преподаванія какого либо предмета, семинаристы должны произвести испытаніе ученикамъ въ пройденномъ, въ присутствіи всей коллегіи учителей и всѣхъ своихъ товарищей. Директоръ руководитъ испытаніемъ, а также обсужденіемъ успѣховъ семинаристовъ въ преподаваніи.

Разъ въ недѣлю происходятъ бесѣды руководителей по отдѣльнымъ предметамъ съ семинаристами, занимавшимися преподаваніемъ по этимъ предметамъ. На этихъ бесѣдахъ обсуждаются уроки, какъ имѣющіе быть данными, такъ и данные уже семинаристами. Семинаристы должны ко всякому уроку приготовить письменное изложеніе его, которое просматривается руководителями.

Разъ въ недѣлю происходятъ также бесѣды съ семинаристами ординарія или главнаго учителя школы для упражненія, состоящей при семинаріи.

Предметомъ этихъ бесѣдъ, кромѣ преподаванія семинаристовъ, могутъ служить устройство и управленіе училищъ, школьная дисциплина, наконецъ наблюденія семинаристовъ надъ способностями, успѣхами, прилежаніемъ и поведеніемъ дѣтей, а также надъ особенными ихъ качествами, обусловливающими и особенное обращеніе съ ними.

Далѣе, семинаристы перваго или высшаго класса должны присутствовать на урокахъ другихъ семинаристовъ, а именно на урокахъ по такимъ предметамъ, преподаваніе которыхъ имъ самимъ не можетъ быть поручено. Особенно предписывается заботиться о томъ, чтобы каждый воспитанникъ высшаго класса наглядно ознакомился съ способомъ преподаванія первоначальнаго чтенія и счисленія. Для этой цѣли должна быть употреблена и нѣкоторая часть пробныхъ уроковъ. Тщательнымъ испытаніемъ слѣдуетъ удостовѣриться въ томъ, что каждый семинаристъ высшаго класса до своего выхода изъ семинаріи въ достаточной мѣрѣ ознакомился съ способомъ преподаванія вышеозначенныхъ предметовъ.

Наконецъ семинаристамъ даются обстоятельныя наставленія въ методикѣ отдѣльныхъ предметовъ руководителями по этимъ предметамъ. Имъ сообщаются также свѣдѣнія о важнѣйшихъ руководствахъ и пособіяхъ, необходимыхъ какъ для приготовленія къ уроку, такъ и для дальнѣйшаго самообразованія.

По *нѣмецкому языку* проходятся главнѣйшіе отдѣлы и главнѣйшія произведенія нѣмецкой литературы, начиная съ древнѣйшихъ временъ (съ пѣсни о Нибелунгахъ и Гудруны) и до настоящаго времени. Особенно же останавливаются на произведеніяхъ выдающихся писателей XVIII и XIX вѣка (какъ то: Клопштока, Лессинга, Гердера, Гете, Шиллера и нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ писателей).

Сообщеніе главнѣйшихъ отдѣловъ изъ исторіи нѣмецкой литературы всегда связывается съ чтеніемъ соотвѣтствующихъ литературныхъ произведеній. Въ классѣ читаются только небольшія по объему произведенія, а изъ большихъ только важнѣйшіе и труднѣйшіе отрывки, остальное же предоставляется домашнему чтенію. О видахъ поэзіи и прозы и о слогѣ сообщается не особо, а также при чтеніи соотвѣтственныхъ литературныхъ произведеній. Для того, чтобы дать полное понятіе объ эпосѣ, въ низшемъ классѣ кромѣ нѣмецкихъ эпическихъ произведеній читаются еще отрывки изъ Гомера. Точно также ради полноты понятія о драмѣ въ старшемъ классѣ читается кромѣ драмъ Шиллера еще одна изъ драмъ Шекспира. О народной поэзіи сообщается въ высшемъ классѣ особо. Академическое преподаваніе исторіи

литературы, въ непрерывномъ курсѣ, не допускается; точно также не допускается пользованіе учебникомъ по этому предмету.

По грамматикѣ, элементарный курсъ которой долженъ быть законченъ уже въ препарандѣ, проходится еще: фонетика (между прочимъ съ цѣлью дать семинаристамъ основу для правильнаго произношенія), обзоръ главнѣйшихъ нѣмецкихъ нарѣчій, наконецъ краткая исторія языка (измѣненіе звуковъ и формъ, измѣненіе значенія словъ). Свѣдѣнія эти даются всегда въ связи съ примѣрами и ограничиваются существенными явленіями.

Главное вниманіе при преподаваніи нѣмецкаго языка обращено на то, чтобы семинаристы научились правильно употреблять отечественный языкъ устно и письменно. Съ этою цѣлью они упражняются не мало въ устномъ и письменномъ изложеніи. Домашнія сочиненія назначаются въ третьемъ классѣ черезъ каждыя три недѣли, во второмъ и первомъ классѣ черезъ четыре недѣли.

Въ старшемъ классѣ преподается методика нѣмецкаго языка въ примѣненіи ко всѣмъ его отдѣламъ и ступенямъ; при чемъ обращается вниманіе также на методъ преподаванія первоначальнаго чтенія. Семинаристы должны быть также ознакомлены съ книгою для чтенія, введенною въ округѣ. Замѣтимъ кстати, что вообще въ старшемъ классѣ по всѣмъ предметамъ преподается методика и даются свѣдѣнія о главнѣйшихъ руководствахъ и пособіяхъ.

Иностранные языки. Изъ иностранныхъ языковъ преподается французскій или англійскій. При выборѣ языка предписывается принимать во вниманіе особенныя условія и потребности провинціи [1]. Латинскій языкъ оставленъ въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ онъ преподавался (факультативно) раньше введенія учебныхъ плановъ 1901 года. Учащіеся латинскому языку, если пожелаютъ, могутъ быть освобождены отъ уроковъ французскаго или англійскаго языка. Такъ какъ иностранные языки включены нынѣ въ учебные планы препаранды, то изученіе ихъ въ семинаріи является какъ бы продолженіемъ курса препаранды. Цѣль, которая имѣется въ виду при изученіи французскаго и англійскаго языка, по преимуществу практическая, а именно: пониманіе не слишкомъ трудныхъ произведеній, а также нѣкоторый навыкъ въ устномъ и письменномъ употребленіи иностран-

---

[1]) Такъ, въ Эльзасъ-Лотарингіи выбирается обыкновенно французскій языкъ, въ приморскихъ же областяхъ Пруссіи—англійскій языкъ.

наго языка. Поэтому по грамматикѣ сообщается только самое существенное изъ этимологіи и синтаксиса, главная же работа сосредоточивается на чтеніи (особенно повѣствовательныхъ и историческихъ сочиненій и нетрудныхъ стихотвореній). Съ чтеніемъ связаны упражненія въ устномъ и письменномъ изложеніи. При чтеніи сообщаются также и краткія свѣдѣнія по исторіи литературы, при чтеніи же поэтическихъ произведеній и о метрикѣ. Въ заключеніе дается руководство для дальнѣйшаго самообразованія.

По *исторіи* преподаваніе сосредоточивается на нѣмецкой и особенно прусской исторіи, другими словами—на отечественной исторіи. Поэтому въ учебныхъ планахъ предписывается пройти въ третьемъ классѣ нѣмецкую исторію до конца тридцатилѣтней войны, во второмъ отъ конца тридцатилѣтней войны до 1815 года, въ первомъ—съ 1815 года до настоящаго времени. Изъ древней исторіи сообщается только самое главное, а изъ исторіи новѣйшихъ культурныхъ народовъ по преимуществу только то, что имѣетъ значеніе для нѣмецкой исторіи. Такъ, изъ древней исторіи предписывается подробнѣе пройти слѣдующее: изъ греческой исторіи — время отъ персидскихъ войнъ до смерти Александра Великаго, изъ римской—борьбу плебеевъ съ патриціями, пуническія войны, время Цезаря и Августа; остальное же кратко. Особенное вниманіе должно быть обращено на культуру Греціи и Рима. — При прохожденіи исторіи ставится задачей, кромѣ утвержденія фактическихъ знаній, введеніе учащихся въ пониманіе прагматической связи событій и развитія политическаго, соціальнаго и культурнаго. При преподаваніи исторіи совѣтуется пользоваться источниками, а также произведеніями выдающихся новѣйшихъ историковъ.

Болѣе подробно должна быть изложена новѣйшая исторія. Въ высшемъ классѣ требуется познакомить учащихся съ государственнымъ устройствомъ нѣмецкой имперіи и прусскаго королевства и съ заслугами прусскихъ государей въ области соціально-политической. Въ этомъ же классѣ преподается методика исторіи.

По *математикѣ* проходится слѣдующее. По ариѳметикѣ: въ 3-мъ классѣ—степени, корни, логариѳмы, уравненіе первой степени съ многими неизвѣстными; во второмъ классѣ — уравненія второй степени, ариѳметическая и геометрическія прогрессія, вычисленіе процентовъ на проценты и ренты.

По геометріи: въ третьемъ классѣ—пропорціональность прямыхъ линій и подобіе фигуръ, стереометрія; во второмъ классѣ — продол-

женіе стереометріи, алгебраическія конструкціи, тригонометрическія функціи и вычисленіе плоскихъ фигуръ.

Въ первомъ классѣ методика этихъ предметовъ.

Въ методическихъ указаніяхъ совѣтуется обращать особенное вниманіе на вычисленіе въ умѣ и на то, чтобы учащіеся умѣли не только вычислять, но и объяснять способы, примѣняемые въ каждомъ родѣ вычисленія. Какъ особенность отмѣтимъ, что при преподаваніи математики совѣтуется въ подходящихъ мѣстахъ сообщать свѣдѣнія изъ политической экономіи (напр., о работѣ и капиталѣ, о цѣнѣ и платѣ за трудъ; о наймѣ, ссудѣ, процентахъ; о цѣнныхъ бумагахъ, векселѣ, чекѣ; о рынкѣ, биржѣ, и т. п.). Другія свѣдѣнія изъ политической экономіи сообщаются на урокахъ географіи.

По *естествовѣдѣнію* сообщается слѣдующее.

По естественной исторіи: о строеніи и жизни растеній и животныхъ; о строеніи и жизни человѣческаго тѣла въ связи съ гигіеной.

По физикѣ: сложныя явленія твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ тѣлъ; ученіе о теплотѣ, свѣтѣ, магнетизмѣ и электричествѣ.

По химіи и минералогіи, которая преподается въ связи съ химіей: важнѣйшее изъ органической химіи и технологіи, о пищевыхъ веществахъ; важнѣйшія для образованія земной коры горныя породы, почвы, важнѣйшіе для техники и промышленности минералы.

Главное вниманіе обращается не на то, чтобы объемъ сообщаемыхъ знаній былъ широкъ, а на то, чтобы учебный матеріалъ былъ дидактически обработанъ, и чтобы явленія и законы природы были поняты на основаніи наблюденій и экспериментовъ. Во всѣхъ областяхъ естествовѣдѣнія предписывается указывать на значеніе и примѣненіе предметовъ и силъ природы въ міровой экономіи и въ практической жизни: въ сельскомъ хозяйствѣ, промышленности, техникѣ, торговлѣ, гигіенѣ и т. п. Особенно совѣтуется упражнять учащихся въ наблюденіи и экспериментѣ. Въ высшемъ классѣ семинаріи такія наблюденія дѣлаются по извѣстному плану въ связи съ методикой. Насколько возможно, въ помощь классному преподаванію, устраиваются по опредѣленному плану экскурсіи въ природу, въ мастерскія и на фабрики.

Географія. Программа географіи слѣдующая.

Въ 3-мъ классѣ: важнѣйшее изъ физической географіи: кора земная (исторія земли), отношеніе между сушею и моремъ, вода (покрывающая землю), воздухъ (атмосфера), обзоръ царства растительнаго,

животнаго и расъ человѣческихъ; политическая географія: внѣевропейскія части свѣта, Европа кромѣ Германіи; черченіе картъ.

Во второмъ классѣ: Германія; торговая географія; математическая географія; наставленіе въ картографіи; черченіе картъ.

Въ первомъ классѣ: методика.

Особенное вниманіе обращается на изученіе отечества, его природы, его политическаго раздѣленія, его матеріальной культуры и его сношеній съ другими народами; въ торговой географіи на участіе Германіи въ міровой торговлѣ. При этомъ попутно сообщаются свѣдѣнія изъ политической экономіи, какъ, напримѣръ, о ввозѣ и вывозѣ, о сырыхъ матеріалахъ и объ изготовленныхъ изъ нихъ товарахъ, о мѣновыхъ цѣнностяхъ, о производствѣ и потребленіи и т. п. Въ отличіе отъ препаранды, имѣющей цѣлью сообщеніе и утвержденіе географическихъ данныхъ, задачей географіи въ семинарскомъ преподаваніи ставится еще указаніе причинной связи между положеніемъ страны, климатомъ и свойствомъ почвы—съ одной стороны, и культурой и образомъ жизни обитателей—съ другой стороны. При преподаваніи методики учащіеся знакомятся съ лучшими пособіями по географіи (атласами, стѣнными картами, глобусами, аппаратами, наглядными картинами), а также съ лучшими учебниками и популярными сочиненіями по землевѣдѣнію. Послѣдними предписывается пользоваться при преподаваніи географіи. Кромѣ того, семинаристы упражняются въ черченіи картъ и получають необходимыя свѣдѣнія о картографіи.

Чистописаніе. По чистописанію особенныхъ уроковъ въ семинаріи не полагается; требуется только, чтобы семинаристы заботились о хорошемъ и четкомъ почеркѣ во всѣхъ своихъ работахъ. Съ этою цѣлью обязывають ихъ представлять черезъ опредѣленные промежутки времени образцы своего почерка (въ третьемъ классѣ — разъ въ мѣсяцъ, во второмъ и первомъ классѣ—разъ въ четверть года.)

Рисованіе. Семинаристы упражняются въ рисованіи отъ руки естественныхъ и искусственныхъ предметовъ, особенно простыхъ (какъ то: мебели, сосудовъ, орнаментовъ, частей архитектурныхъ, зданій, цвѣтовъ, плодовъ, деревьевъ и т. п.), съ тушовкою и въ перспективѣ, а также въ рисованіи этихъ предметовъ акварелью. При этомъ сообщаются имъ основныя правила тушовки (или оттѣненія) и перспективы. Кромѣ того, упражняются они въ геометрическомъ черченіи. Наконецъ преподается имъ и методика этихъ предметовъ. — Задача уроковъ рисованія заключается въ томъ, чтобы развить въ

учащихся умѣніе вѣрно воспринимать глазомъ формы и цвѣта и умѣніе изображать предметы съ натуры или дѣлать наброски, а также въ томъ, чтобы дать имъ руководство къ преподаванію этого предмета.

Гимнастика. На гимнастику въ каждомъ классѣ полагается по три урока въ недѣлю; изъ нихъ одинъ, при хорошей погодѣ, употребляется на гимнастическія игры, а зимою также и на катаніе на конькахъ. Въ высшемъ классѣ одинъ часъ назначенъ для теоріи гимнастики. На этомъ урокѣ сообщается: методика гимнастики, свѣдѣнія о снарядахъ, правила предохранительныя и санитарныя, которыя слѣдуетъ соблюдать при занятіи гимнастикой, наставленіе въ подачѣ первой помощи, исторія гимнастики. Гдѣ представляется возможность, семинаристы упражняются также и въ плаваньи.

Пѣніе и музыка. Въ семинаріяхъ преподается пѣніе, игра на скрипкѣ, на фортепіано и органѣ. Уроки пѣнія и игры на скрипкѣ обязательны для семинаристовъ. Игра на фортепіано факультативна, а отъ игры на органѣ обыкновенно освобождаются мало одаренные музыкальною способностью.

Занятія по пѣнію суть слѣдующія: кромѣ обыкновенныхъ элементарныхъ упражненій, упражненіе въ пѣніи хораловъ и народныхъ пѣсенъ; сольное и хоровое пѣніе; одноголосное и многоголосное пѣніе. Особенный часъ назначенъ на упражненіе соединеннаго хора всѣхъ классовъ семинаріи въ пѣніи многоголосныхъ хораловъ, литургическихъ хоровъ, псалмовъ, мотеттовъ, а также свѣтскихъ пѣсенъ, особенно народныхъ и патріотическихъ. Кромѣ того, преподается методика пѣнія, и сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи музыки. Наконецъ семинаристы упражняются въ управленіи хоромъ.

Что же касается до игры на скрипкѣ и на органѣ, то, не вдаваясь въ подробности, скажемъ только, что учебными планами требуется, чтобы, при соблюденіи постепенной и строго систематической школы, болѣе даровитые семинаристы въ состояніи были играть сонаты Гайдна, Моцарта и др. на скрипкѣ, и прелюдіи и фуги Баха на органѣ. Всѣмъ же семинаристамъ, играющимъ на скрипкѣ вмѣняется въ обязанность заучить хоралъ и народныя пѣсни, предписанныя для народной школы, играющимъ же на органѣ усвоить себѣ церковную музыку (литургію, псалмы и пр.).

Вмѣстѣ съ тѣмъ даются существенныя свѣдѣнія изъ теоріи музыки: о гармоніи, модуляціи, инструментовкѣ.

Вообще замѣтимъ, что преподаваніе гимнастики и музыки поставлено такъ широко въ прусскихъ учительскихъ семинаріяхъ потому,

что при этомъ имѣется въ виду не только общеобразовательная цѣль, но и спеціально педагогическая, а именно приготовленіе будущихъ учителей къ преподаванію этихъ предметовъ. По отношенію къ пѣнію и игрѣ на органѣ имѣется въ виду еще и то обстоятельство, что учителямъ народной школы очень часто приходится исполнять должность кантора и органиста при церкви евангелической или католической,—что требуетъ основательныхъ познаній въ музыкѣ и умѣнья играть на органѣ. Кромѣ того, хорошей постановкѣ гимнастики и музыки, особенно пѣнія, въ учительскихъ семинаріяхъ и народныхъ школахъ содѣйствуетъ не мало и то, что эти искусства пользуются особенными симпатіями нѣмецкаго народа. Кажется, нигдѣ нѣтъ столько гимнастическихъ и пѣвческихъ обществъ, какъ въ Германіи.

Кромѣ всѣхъ вышеозначенныхъ предметовъ въ учительскихъ семинаріяхъ преподаются сельско-хозяйственные предметы: полеводство, огородничество, а также пчеловодство и шелководство. Послѣднее ведетъ начало со временъ Фридриха Великаго. Разумѣется, не всѣ предметы вездѣ преподаются: преподаваніе ихъ разнообразится, смотря по провинціямъ. Преобладаетъ обыкновенно огородничество и садоводство. Семинаристамъ дается руководство, какъ цѣлесообразнѣе всего устроить школьный садъ. На преподаваніе сельско-хозяйственныхъ предметовъ назначается въ третьемъ и второмъ классѣ одинъ часъ въ недѣлю: лѣтомъ по преимуществу на преподаваніе практическое, зимою—на теоретическое. Необходимое дополненіе должны эти предметы получать на урокахъ по естествознанію. Сельско-хозяйственные предметы преподаются семинаристамъ съ тою цѣлью, чтобы они впослѣдствіи, въ должности сельскихъ учителей, въ состояніи были съ полнымъ пониманіемъ дѣйствовать практически въ этой области, а также способны были преподавать въ сельскихъ школахъ для дальнѣйшаго образованія (an ländlichen Fortbildungsschulen).

По окончаніи курса семинаристы подвергаются первому испытанію, по выдержаніи котораго они получаютъ право на *временное* занятіе должности учителя народной школы. За тѣмъ, не раньше двухъ лѣтъ и не позже пяти лѣтъ послѣ перваго экзамена, уже будучи на службѣ, они подвергаются второму испытанію, по выдержаніи котораго они окончательно утверждаются въ штатной должности [1]).

---

[1]) Aenderungen der Bestimmungen über die Aufnahme in die Lehrerseminare und über die Seminarentlassungsprüfung (erste Lehrerprüfung) vom 1 Juli 1901

Представимъ вкратцѣ требованія, установленныя для этихъ двухъ экзаменовъ.

Первый экзаменъ.

Мѣра требуемыхъ знаній и умѣній опредѣляется учебными планами семинарій, о которыхъ было сказано выше.

Испытаніе бываетъ письменное и устное.

Первое всегда предшествуетъ послѣднему. Слѣдующія письменныя работы требуются отъ воспитанниковъ семинаріи:

1) сочиненіе на тему изъ теоріи дидактики и педагогики, или же изъ исторіи педагогики, или изъ нѣмецкой литературы;

2) и 3) сочиненіе на тему изъ Закона Божія и изъ исторіи;

4) переводъ съ иностраннаго языка на нѣмецкій;

5) отъ изучавшихъ игру на органѣ и теорію гармоніи составленіе хорала.

Для первой работы дается четыре часа времени, для остальныхъ работъ по два часа на каждую.

Отъ лицъ постороннихъ, не учившихся въ семинаріи, кромѣ вышеозначенныхъ работъ, требуются еще письменныя работы: по математикѣ (рѣшеніе четырехъ задачъ изъ разныхъ отдѣловъ этой науки), по естествознанію и по географіи (по одной работѣ). На работу по математикѣ назначено три часа, по естествознанію и географіи по два часа на каждую.

Между письменнымъ и устнымъ испытаніемъ дается промежутокъ въ два дня.

По окончаніи письменнаго испытанія задаются темы для пробныхъ уроковъ изъ области учебныхъ предметовъ народной школы. Испытуемый долженъ представить письменно подробный планъ урока.

На устномъ испытаніи отъ семинаристовъ требуются: положительныя знанія по педагогикѣ, Закону Божію, нѣмецкому языку, исторіи и иностранному языку; знаніе методики всѣхъ учебныхъ предметовъ народной школы.

Семинаристы, не получившіе удовлетворительной отмѣтки по естествознанію и географіи при переходѣ изъ средняго курса семинаріи въ высшій, должны экзаменоваться и по этимъ предметамъ.

Лица постороннія, не учившіяся въ семинаріи, экзаменуются по

(Centralblatt, 1901, стр. 641 — 644). Ordnung für die zweite Lehrerprüfung vom 1 Juli 1901 (Centralblatt, 1901, стр. 644—649).

всѣмъ учебнымъ предметамъ семинаріи, а также въ методикѣ предметовъ.

Семинаристы освобождаются отъ устнаго испытанія, если всѣ письменныя работы ихъ окажутся хорошими. Освобожденіе же отъ устнаго испытанія въ отдѣльныхъ предметахъ при весьма хорошихъ письменныхъ работахъ въ этихъ предметахъ предоставляется усмотрѣнію экзаменаціонной комиссіи.

Для лицъ постороннихъ, не учившихся въ семинаріи, не допускается ни полное, ни частичное освобожденіе отъ устнаго экзамена.

Не удовлетворившіе требованіямъ по педагогикѣ, или по Закону Божію, или по нѣмецкому языку или по исторіи считаются не выдержавшими экзамена; постороннія же лица, кромѣ того, и въ такомъ случаѣ, если знанія ихъ по математикѣ неудовлетворительны.

Выдержавшіе экзаменъ получаютъ свидѣтельство, въ которомъ отмѣчается оцѣнка ихъ письменныхъ работъ и устныхъ отвѣтовъ по каждому предмету, а также оцѣнка ихъ пробнаго урока. По математикѣ, естествознанію и географіи—(по двумъ послѣднимъ предметамъ въ такомъ случаѣ, если семинаристы не были обязаны экзаменоваться по этимъ предметамъ),—вносятся отмѣтки, полученныя ими при переходѣ изъ средняго курса семинаріи въ высшій. На этомъ свидѣтельствѣ подлежащимъ начальствомъ отмѣчается, что кандидатъ имѣетъ право на временное занятіе должности учителя народной школы.

Второй экзаменъ.

Какъ уже сказано, не раньше двухъ лѣтъ и не позже пяти лѣтъ кандидатъ на учительскую должность долженъ держать второй экзаменъ. Къ прошенію, подаваемому чрезъ инспектора училищъ окружному правленію, должно быть кандидатомъ приложено заявленіе о томъ, какіе предметы онъ продолжалъ изучать и какими педагогическими произведеніями онъ особенно занимался. Инспекторъ училища присоединяетъ къ этому прошенію свое сообщеніе о томъ, въ какихъ классахъ и какіе предметы преподавалъ кандидатъ и какимъ онъ оказался на службѣ. Окружное правленіе препровождаетъ прошеніе допущеннаго имъ къ экзамену учителя въ провинціальную училищную коллегію, которая и назначаетъ семинарію, въ которой должно произойти испытаніе; при чемъ, по возможности, обращается вниманіе на желаніе кандидата. Задача второго экзамена состоитъ не въ томъ, чтобы удостовѣриться, владѣетъ ли еще кандидатъ знаніями, пріоб-

рѣтенными въ семинаріи, а въ томъ, насколько способенъ онъ къ учительской должности.

И это испытаніе бываетъ письменное и устное. Письменное, какъ всегда, предшествуетъ устному. Для письменнаго испытанія задается сочиненіе на тему изъ педагогики. Работа должна быть сдѣлана на мѣстѣ испытанія подъ наблюденіемъ одного изъ членовъ экзаменаціонной комиссіи. На нее дается четыре часа времени.

Затѣмъ кандидатъ даетъ пробный урокъ. При назначеніи темы, по возможности, берутся во вниманіе предметы и классы, въ которыхъ преподавалъ испытуемый. Тема задается за день до урока. Въ сомнительныхъ случаяхъ, или когда пробный урокъ окажется не соотвѣтствующимъ хорошему отзыву начальства, экзаменаціонная комиссія можетъ назначить второй пробный урокъ, который долженъ быть данъ въ присутствіи всей комиссіи. (Большею частью испытанія происходятъ въ отдѣленіяхъ комиссіи, состоящей не менѣе какъ изъ трехъ членовъ).

Устное испытаніе главнымъ образомъ касается педагогики. Всякаго кандидата испытываютъ въ исторіи педагогики, въ теоріи ученія и воспитанія и въ школьной практикѣ. Вопросами изъ этихъ трехъ областей педагогики слѣдуетъ удостовѣриться въ томъ, имѣетъ ли испытуемый достаточно познаній въ историческомъ развитіи прусской народной школы, умѣетъ ли онъ разумно примѣнять основы психологіи къ дѣлу ученія и воспитанія, пріобрѣлъ ли онъ нѣкоторую опытность въ своей преподавательской дѣятельности, особенно знакомъ ли онъ съ школьными порядками, установленными въ округѣ.

На устномъ испытаніи предписывается главнымъ образомъ имѣть въ виду дѣятельность и произведенія такихъ людей, которые имѣли продолжительное и выдающееся вліяніе въ области педагогики. Особенно слѣдуетъ также удостовѣриться и въ томъ, насколько изучилъ и понялъ испытуемый то педагогическое произведеніе, которымъ онъ, по собственному заявленію, по выходѣ изъ семинаріи, болѣе всего занимался.

Испытаніе въ методикѣ можетъ касаться всѣхъ учебныхъ предметовъ народной школы. Каждый кандидатъ обыкновенно испытывается въ методикѣ только трехъ предметовъ изъ числа нижеслѣдующихъ: Закона Божія, нѣмецкаго языка, математики и исторіи, въ разнообразныхъ сочетаніяхъ, такъ что два предмета всегда будутъ находиться въ числѣ поименованныхъ; слѣдовательно можетъ испытываться въ методикѣ Закона Божія, нѣмецкаго языка и мате-

матики, или нѣмецкаго языка, математики и исторіи, или математики, исторіи и Закона Божія, или исторіи, Закона Божія и нѣмецкаго языка. При неудовлетворительныхъ отвѣтахъ, по усмотрѣнію коммиссіи, испытаніе можетъ перейти къ методикѣ слѣдующихъ затѣмъ предметовъ.

Всякій кандидатъ испытывается въ томъ предметѣ, которымъ онъ, по собственному заявленію, продолжалъ особенно заниматься по выходѣ изъ семинаріи.

Если кандидатъ на выпускномъ семинарскомъ экзаменѣ получилъ неудовлетворительныя отмѣтки, то слѣдуетъ удостовѣриться, насколько онъ пополнилъ эти пробѣлы. При окончательной оцѣнкѣ испытуемаго допускается компенсація менѣе удовлетворительныхъ работъ и отвѣтовъ въ одномъ предметѣ болѣе удовлетворительными въ другихъ предметахъ.

Испытаніе считается невыдержаннымъ, если или пробный урокъ, или отвѣты по педагогикѣ или по методикѣ двухъ изъ выше названныхъ предметовъ будутъ неудовлетворительны. Выдержавшій испытаніе получаетъ свидѣтельство, дающее ему право на окончательное утвержденіе въ должности учителя народной школы.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, какой длинный путь проходитъ будущій учитель народной школы въ Пруссіи, пока наконецъ онъ получитъ право на занятіе штатной должности. Никто не дѣлается учителемъ народной школы прямо со школьной скамьи, а долженъ сначала пройти семинарію, да и въ семинарію никто не поступаетъ прямо изъ народной или какой нибудь другой школы, а долженъ сначала пройти подготовительный курсъ къ семинаріи или такъ называемую препаранду. Курсъ этотъ имѣетъ цѣлью сравнять всѣхъ поступающихъ въ семинарію въ знаніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ расширить и дополнить эти знанія. Затѣмъ семинарія продолжаетъ расширять и дополнять научныя знанія и въ то же время даетъ спеціально педагогическую подготовку. Такимъ образомъ научная подготовка продолжается шесть лѣтъ, педагогическая (считая теоретическую и практическую вмѣстѣ) три года; слѣдовательно дается достаточно времени для того, чтобы будущій учитель вполнѣ утвердился въ требуемыхъ знаніяхъ и получилъ нѣкоторую практику въ преподаваніи. Но и окончившій курсъ семинаріи и выдержавшій удовлетворительно испытаніе не прямо утверждается въ званіи учителя народной школы, а долженъ еще отъ двухъ до пяти лѣтъ временно исправлять должность

учителя и только по выдержаніи второго экзамена утверждается в
званіи учителя народной школы.

Этотъ двойной экзаменъ даетъ возможность узнать лицо, котором
довѣряется обученіе и воспитаніе дѣтей въ народной школѣ, со всѣх
сторонъ, не только въ роли ученика, дѣйствующаго подъ чужимъ ру
ководствомъ, но и въ роли самостоятельнаго учителя. Въ эти проб
ные годы скорѣе всего можетъ обнаружиться, насколько кандидат
способенъ къ педагогической дѣятельности. На службѣ ярче всеі
выступаютъ тѣ качества, которыя болѣе всего необходимы будущем
учителю и которыя въ семинаріи могутъ и не обнаружиться, а имени
умѣнье обращаться съ дѣтьми и поддерживать дисциплину, выде
жанность и послѣдовательность въ дѣйствіяхъ, умѣнье приспособлять
къ разнообразной степени пониманія учащихся и т. п. Прусское пр
вительство, по справедливости, считаетъ постъ учителя народн
школы до такой степени важнымъ, что оно рѣшается поручить
только такому лицу, которое достаточно подготовлено въ научно
и педагогическомъ отношеніи и въ теченіе нѣсколькихъ пробны
лѣтъ оказалось способнымъ къ педагогической дѣятельности. Всл
ствіе такого долгаго приготовленія въ Пруссіи дѣлаются учител
народной школы люди, уже достигшіе нѣкоторой зрѣлости и пріобр
шіе нѣкоторый навыкъ въ преподаваніи. Если положимъ, что буду
учитель окончитъ народную школу, имѣя отъ роду 14 или 15 лѣ
то, при утвержденіи его въ должности учителя народной школы,
детъ ему 22 или 23 года (если онъ подвергнется второму экзам
не позже двухъ лѣтъ послѣ выхода изъ семинаріи), или 25—26 л
(если онъ подвергнется этому экзамену пять лѣтъ послѣ выхода
семинаріи).

Таковы мѣры, принятыя прусскимъ правительствомъ для пр
товленія учителей народныхъ училищъ. А, чтобы они и на слу
имѣли возможность освѣжить и дополнить свои знанія, устраива
для нихъ курсы для дальнѣйшаго образованія (Fortbildungskurse)
стью общеобразовательные, частью спеціальные, какъ, напримѣр
педагогикѣ, особенно по методикѣ преподаванія, по гимнастикѣ
сельскому хозяйству и т. п. Наконецъ дается имъ возможность
мимъ высказаться и выслушать мнѣніе другихъ и вообще поддер
въ себѣ интересъ къ своему дѣлу на общихъ съѣздахъ.

Аналогическія мѣры приняты прусскимъ правительствомъ для
готовленія учительницъ народныхъ школъ. И для нихъ устроены
быя семинаріи при такъ называемыхъ высшихъ женскихъ училищ

Таковы королевскія семинаріи для учительницъ въ Берлинѣ, Дройсигѣ, Мюнстерѣ, Падерборнѣ, Познани. И для будущихъ учительницъ установлено испытаніе послѣ окончанія семинарскаго курса. Испытаніе это состоитъ въ письменной работѣ, въ устныхъ отвѣтахъ и въ пробномъ урокѣ. Для письменнаго испытанія назначается: сочиненіе по нѣмецкому языку, задача по математикѣ, французская или англійская работа (для тѣхъ, которыя желаютъ быть учительницами въ среднихъ училищахъ). Устное испытаніе производится изъ педагогики и всѣхъ обязательныхъ предметовъ народной школы, или же, по желанію, и изъ предметовъ высшей женской школы. Пробный урокъ дается обыкновенно въ женской школѣ. Кромѣ предметовъ, установленныхъ для мужскихъ семинарій, требуется отъ будущихъ учительницъ еще знаніе женскихъ рукодѣлій.

Остается еще сказать о мѣрахъ, принятыхъ прусскимъ правительствомъ для улучшенія матеріальнаго положенія учителей и учительницъ народной школы. Эта сторона въ устройствѣ прусской народной школы оставалась долгое время въ пренебреженіи. Только послѣ реформы 1882 года обращено было серьезное вниманіе на улучшеніе матеріальнаго быта учителей и учительницъ народной школы, отчасти потому, что, вслѣдствіе матеріальной необезпеченности, много учительскихъ мѣстъ въ народной школѣ остались не занятыми, отчасти и потому, что съ увеличеніемъ требованій относительно образованія учителей, необходимо было увеличить и ихъ содержаніе. Иначе невозможно было бы привлечь къ учительской профессіи людей способныхъ. Замѣтное улучшеніе матеріальнаго положенія учителей и учительницъ народной школы послѣдовало сравнительно недавно, а именно въ концѣ минувшаго столѣтія, когда изданы были новые законы о пенсіяхъ учителей (въ 1885 г.), о служебныхъ доходахъ учителей народныхъ училищъ (въ 1897 г.) и объ обезпеченіи вдовъ и сиротъ учителей (въ 1899 г.). Сообщимъ главнѣйшее изъ этихъ законовъ, начавъ съ закона о служебныхъ доходахъ (Gesetz, betreffend das Diensteinkommen der Lehrer und Lehrerinnen an den öffentlichen Volksschulen, vom 3 März 1897) [1]).

По этому закону [2]) служебные доходы учителей и учительницъ

---

[1]) Centralblatt, 1897, стр. 313 и слѣд.

[2]) Законъ этотъ имѣетъ въ виду только учителей и учительницъ, окончательно утвержденныхъ въ должности, и не относится къ тѣмъ, которые сверхштатно (nebenbei) заняты въ школѣ.

состоять: 1) изъ основного жалованья, расчитываемаго въ опредѣленной суммѣ денегъ (Grundgehalt); 2) изъ добавокъ къ жалованью, производимыхъ по выслугѣ опредѣленнаго числа лѣтъ (Alterszulagen); 3) изъ квартиръ или соотвѣтственныхъ квартирныхъ денегъ (Dienstwohnung oder entsprechende Miethsentschädigung).

Основное жалованье полагается для учителя не менѣе 900 марокъ, для учительницы не менѣе 700 марокъ.

Ректоры и главные учителя въ народныхъ школахъ съ тремя и большимъ числомъ учителей (т. е. такіе учителя, которымъ поручено завѣдываніе школой) получають больше жалованья.

Жалованье временно назначенныхъ учителей и учительницъ, а также тѣхъ учителей, которые еще не прослужили четырехъ лѣтъ въ народной школѣ, на $^1/_5$ меньше вышеозначеннаго основного жалованья. Однако жалованье учительницы не должно быть меньше 700 марокъ.

При постоянномъ или долгосрочномъ соединеніи учительской и церковной службы (т. е. когда учитель въ то же время занимаетъ должность кантора или органиста при церкви) основное жалованье соотвѣтственно увеличивается. Въ это жалованье входять тогда доходы отъ школьнаго и церковнаго имущества, назначеннаго для вознагражденія соединенныхъ должностей, включая сюда и добавки изъ церковной кассы и отъ церковнаго прихода, а также и другіе доходы отъ церковной службы.

Добавки къ жалованью начинають производиться послѣ семи лѣтъ службы въ общественной народной школѣ. Производятся онѣ девять разъ, чрезъ каждые три года, и каждый разъ прибавляется не меньше 100 марокъ въ годъ для учителя и 80 марокъ въ годъ для учительницы, такъ что по прошествіи тридцати одного года службы жалованье учителя будетъ не меньше 1.800 марокъ, а учительницы не меньше 1.420 марокъ въ годъ. (Добавка [100 м. X 9]+осн. жал. 900=1.800; доб. [80 м. X 9] + осн. жал. 700=1.420). Для добавокъ къ жалованью учителей образована особая касса въ каждомъ окружномъ правленіи. Въ эту кассу вносятся деньги школьными общинами и дополнительно государствомъ.

Относительно квартиръ и квартирныхъ денегъ постановлено слѣдующее.

Гдѣ издавна учителя и учительницы пользуются квартирою, тамъ она не можетъ быть отнята у нихъ безъ разрѣшенія начальства. Разрѣшеніе же дается только тогда, когда общиною будутъ назначены

постоянныя и достаточныя квартирныя деньги, и когда въ общинѣ будетъ достаточное число квартиръ для найма.

Въ деревнѣ первые учителя и одинокіе обязательно получаютъ квартиру, въ случаѣ нужды и другіе учителя и учительницы. По возможности, въ придачу къ квартирѣ долженъ быть данъ садъ или огородъ.

Учителямъ одинокимъ и первымъ можетъ быть дана земля для пользованія, но въ такомъ случаѣ доходъ съ нея ставится на счетъ основного жалованья, такъ что послѣднее будетъ меньше.

Всѣ налоги и тягости, лежащія на квартирѣ и на землѣ, обязаны брать на себя школьныя общины.

Вмѣсто квартиры обязательно выдаются учителямъ и учительницамъ квартирныя деньги въ такой суммѣ, которая достаточна была бы для возмѣщенія за квартиру.

Временно назначенные учителя и неженатые, а также не прослужившіе еще четырехъ лѣтъ въ народной школѣ, получаютъ квартирныхъ денегъ на $^1/_3$ меньше.

Кромѣ того, доставляется учителямъ и учительницамъ топливо, притомъ въ готовомъ видѣ. Впрочемъ топливо, подобно доходамъ съ земли, ставится тоже на счетъ основного жалованія съ тѣмъ однако ограниченіемъ, чтобы, за вычетомъ стоимости топлива, основное жалованье для учителя было не меньше 840 марокъ, для учительницы не меньше 650 марокъ.

Жалованье платится впередъ—учителямъ и учительницамъ окончательно назначеннымъ по четвертямъ, временно назначеннымъ помѣсячно.

При опредѣленіи на службу учителя и учительницы получаютъ отъ общины деньги на переѣздъ. Если же учителя и учительницы переводятся изъ одного округа въ другой въ интересахъ службы, то расходы ихъ по переѣзду возмѣщаются изъ государственнаго казначейства.

Послѣ смерти учителя дается наслѣдникамъ его, вдовѣ или дѣтямъ, полное содержаніе его не только за мѣсяцъ смерти, но еще и за слѣдующую четверть года. То же самое дается и дѣтямъ учительницы, умершей вдовою. За неимѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ, по опредѣленію окружнаго правленія, могутъ получить это содержаніе родители, братья, сестры или дѣти братьевъ и сестеръ, а также пріемныя дѣти, если они содержались учителемъ или учительницею и послѣ смерти ихъ остались безъ средствъ къ существованію.

Кромѣ того, семья умершаго учителя или умершей учительницы оставляется на школьной квартирѣ не только до окончанія мѣсяца смерти, но сверхъ того еще на три мѣсяца.

Замѣтимъ, что на содержаніе или служебные доходы учителей и учительницъ, а также на добавки къ жалованью ихъ, изъ государственнаго казначейства отпускается ежегодно въ помощь общинамъ опредѣленная сумма. Разсчитывается эта сумма по мѣстамъ учительскимъ, притомъ такимъ, которыя вполнѣ заняты. На одно мѣсто учителя одинокаго и перваго отпускается 500 марокъ, второго учителя 300 м., учительницы 150 м. Эта государственная помощь дается не больше какъ на 25 учительскихъ мѣстъ въ каждой школьной общинѣ. Въ кассу же добавокъ къ жалованью (Alterszulagekasse) вносится государствомъ за тѣ мѣста учителей, за которыя оно даетъ общинѣ вышеозначенную субсидію, еще 337 марокъ ежегодно, за мѣста же учительницъ такой же общины 184 марки ежегодно. (Богатыя общины, конечно, не получаютъ субсидій отъ государства).

Что касается до пенсіи [1]), то она выдается уже послѣ десяти лѣтъ службы въ томъ случаѣ, если учитель или учительница не въ состояніи продолжать службу вслѣдствіе какого нибудь тѣлеснаго недуга или ослабленія физическихъ и духовныхъ силъ. Если же неспособность къ службѣ происходитъ отъ болѣзни, пораненія или изувѣченія, то пенсія можетъ быть дана и раньше.

Пенсія, назначаемая за десять лѣтъ службы, составляетъ $^{15}/_{60}$ содержанія или служебнаго дохода, какое выходящій въ отставку получалъ за послѣдній годъ службы; затѣмъ съ каждымъ слѣдующимъ годомъ службы она повышается на $^{1}/_{60}$ содержанія. Самая высшая пенсія, какая дается, равняется $^{45}/_{60}$ содержанія или служебнаго дохода. Подъ служебнымъ доходомъ разумѣется весь доходъ, постоянно связанный съ тѣмъ мѣстомъ, которое учитель занималъ въ послѣдній годъ своей службы, какъ-то: основное жалованье, квартира и топливо, или вмѣсто того деньги, доходъ натурой и съ земли, кромѣ того добавочныя къ жалованію (Alterszulagen). При опредѣленіи пенсіи учителя, съ должностью котораго связана церковная должность, служебный доходъ съ обоихъ этихъ мѣстъ разсматривается какъ одинъ доходъ (съ одного мѣста). При опредѣленіи пенсіи засчитываются также годы службы въ народной школѣ германской имперіи, а также годы службы въ качествѣ учителя или

[1]) Lehrerpensionsgezetz vom 6 Juli 1885 (Centralblatt 1885, стр. 529 и слѣд.).

воспитателя въ училищѣ глухонѣмыхъ, слѣпыхъ, идіотовъ, сиротъ и т. п. За участіе въ войнѣ или походѣ въ качествѣ военнослужащаго присчитывается одинъ лишній годъ. Пенсія платится помѣсячно *впередъ*.

Вдовы и законныя дѣти умершаго учителя получаютъ также пенсію [1]).

Вдовья пенсія равняется $^{40}/_{100}$ или $^{2}/_{5}$ пенсіи, которую получалъ мужъ или которую онъ имѣлъ бы право получать, если бы онъ въ день смерти вышелъ въ отставку.

Пенсія же для дѣтей умершаго учителя дается различная: 1) если мать жива и во время смерти учителя имѣла право на полученіе вдовьей пенсіи, то на каждое дитя полагается $^{1}/_{5}$ вдовьей пенсіи; 2) если же мать не жива или же во время смерти мужа не имѣла права на полученіе вдовьей пенсіи, то на каждое дитя полагается $^{1}/_{3}$ вдовьей пенсіи.

Вдовья и сиротская пенсія (Wittwen- und Waisengeld) подвергаются слѣдующимъ ограниченіямъ.

Вдовья пенсія должна быть не меньше 216 марокъ въ годъ и не больше 2.000 марокъ. Вдовьи и сиротскія деньги, ни отдѣльно, ни вмѣстѣ, не должны превышать пенсію, которую получалъ умершій учитель или которую онъ имѣлъ бы право получать, если бы онъ въ день смерти вышелъ въ отставку. Въ противномъ случаѣ вдовья и дѣтская пенсія соотвѣтственно уменьшается.

Пенсія вдовья и сиротская выдается помѣсячно впередъ.

Таковы мѣры, принятыя прусскимъ правительствомъ для улучшенія матеріальнаго положенія учителей и учительницъ народной школы. Изъ всѣхъ этихъ мѣръ наибольшаго вниманія заслуживаютъ добавки къ жалованью, производимыя послѣ семи лѣтъ службы черезъ каждые три года. Эти добавки скорѣе всего въ состояніи удержать учителей и учительницъ на службѣ, такъ какъ онѣ постоянно улучшаютъ ихъ содержаніе и даютъ возможность къ безбѣдному существованію не только одинокимъ, но и семейнымъ людямъ. Кромѣ того, сравнительно съ другими странами, лучшему матеріальному положенію учителей народной школы въ Пруссіи содѣйствуетъ еще и то обстоятельство, что во многихъ мѣстахъ должность учителя народной школы соединена съ должностью церковною (кистера или кантора и орга-

[1]) Gesetz betreffend die Fürsorge für die Wittwen und Waisen der Lehrer vom 4 Dec. 1899 (Centralblatt 1900, стр. 220 и слѣд.).

-ниста). По статистическимъ даннымъ въ 1901 году такихъ мѣстъ насчитывалось въ городахъ: евангелическихъ 1.361, католическихъ 320, и въ деревняхъ: евангелическихъ 10.510, католическихъ 2.322. Мѣста эти дали дохода: въ городахъ—евангелическія мѣста 752.715 марокъ, католическія 143.019 м., въ деревняхъ—евангелическія 5.836.265 м., католическія 998.080 м. (Zeitschrift des Königl. preuss. statistischen Bureaus, 1903, II Abtheilung, pag. 47).

А. Вейсманъ.

Таблица уроковъ (Centralblatt, 1901, стр. 621).

	Препаранды.			Семинаріи.			Примѣчанія.
	III кл.	II кл.	I кл.	III кл.	II кл.	I кл.	
Педагогика	—	—	—	3	3	3	[1]) Содержится въ числѣ уроковъ отдѣльныхъ предметовъ.
Образцовые уроки и методическія указанія, а также пробные уроки	—	—	--	—	4 [1])	4	[2]) Одинъ урокъ на методику.
Уроки въ школѣ при семинаріи	—	—	—	-	—	4—6	[3]) Одинъ урокъ на методику.
Законъ Божій	4	4	3	3	4	3 [2])	[4]) Методика.
Нѣмецкій языкъ	5	5	5	5	5	3 [3])	[5]) Методика.
Иностранные языки	3	3	3	2	2	2	[6]) Методика.
Исторія	2	2	3	2	2	2	[7]) Одинъ урокъ на методику для каждаго отдѣленія.
Математика	5	5	5	5	5	1 [4])	
Естествовѣдѣніе	2	2	2	3	2	1 [5])	
Географія	2	2	2	3	2	1 [6])	
Чистописаніе	2	2	1	--	—	—	
Рисованіе	2	2	2	2	2	1	
Гимнастика	3	3	3	3	3	3 [7])	
Музыка	3	4	5	4	4	4	
		1			1		
Сельское хозяйство	—	—	—	1	1	—	
Итого	34	37	37	38	38	33 35	

Примѣчаніе 1. Образцовые уроки и пр. есть переводъ по смыслу нѣмецкаго Lehranweisung und Lehrproben. Подъ Lehranweisung разумѣются не только методическія указанія руководителей, но и образцовые уроки ихъ (Musterlectionen). Подъ пробными уроками разумѣются пробные уроки семинаристовъ.

Примѣчаніе 2. Уроки пѣнія даются каждому классу отдѣльно, по одному уроку въ недѣлю. Точно также даются отдѣльно каждому классу уроки по теоріи музыки, по одному уроку въ недѣлю. Уроки же игры на скрипкѣ и на органѣ даются не всему классу, а по отдѣленіямъ, которыя образуются, смотря по успѣхамъ учащихся. Каждое отдѣленіе получаетъ по одному уроку въ недѣлю. Въ I классѣ семинаріи особенный часъ назначается для соединеннаго хороваго пѣнія всѣхъ трехъ классовъ.

-ниста). По статистическимъ даннымъ въ 1901 году такихъ мѣстъ насчитывалось въ городахъ: евангелическихъ 1.361, католическихъ 320, и въ деревняхъ: евангелическихъ 10.510, католическихъ 2.322. Мѣста эти дали дохода: въ городахъ—евангелическія мѣста 752.715 марокъ, католическія 143.019 м., въ деревняхъ—евангелическія 5.836.265 м., католическія 998.080 м. (Zeitschrift des Königl. preuss. statistischen Bureaus, 1903, II Abtheilung, pag. 47).

А. Вейсманъ.

Таблица уроковъ (Centralblatt, 1901, стр. 621).

	Препаранды.			Семинаріи.			Примѣчанія.
	III кл.	II кл.	I кл.	III кл.	II кл.	I кл.	
Педагогика	—	—	—	3	3	3	[1]) Содержится въ числѣ уроковъ отдѣльныхъ предметовъ.
Образцовые уроки и методическія указанія, а также пробные уроки	—	—	--	—	4 [1])	4	[2]) Одинъ урокъ на методику.
Уроки въ школѣ при семинаріи	—	—	—		—	4—6	[3]) Одинъ урокъ на методику.
Законъ Божій	4	4	3	3	4	3 [2])	[4]) Методика.
Нѣмецкій языкъ	5	5	5	5	5	3 [3])	[5]) Методика.
Иностранные языки	3	3	3	2	2	2	[6]) Методика.
Исторія	2	2	3	2	2	2	[7]) Одинъ урокъ на методику для каждаго отдѣленія.
Математика	5	5	5	5	5	1 [4])	
Естествовѣдѣніе	2	2	2	3	2	1 [5])	
Географія	2	2	2	3	2	1 [6])	
Чистописаніе	2	2	1	..	—	—	
Рисованіе	2	2	2	2	2	1	
Гимнастика	3	3	3	3	3	3 [7])	
Музыка	3	4	5	4	4	4	
		1			1		
Сельское хозяйство	—	—	—	1	1	—	
Итого	34	37	37	38	38	33 35	

Примѣчаніе 1. Образцовые уроки и пр. есть переводъ по смыслу нѣмецкаго Lehranweisung und Lehrproben. Подъ Lehranweisung разумѣются не только методическія указанія руководителей, но и образцовые уроки ихъ (Musterlectionen). Подъ пробными уроками разумѣются пробные уроки семинаристовъ.

Примѣчаніе 2. Уроки пѣнія даются каждому классу отдѣльно, по одному уроку въ недѣлю. Точно также даются отдѣльно каждому классу уроки по теоріи музыки, по одному уроку въ недѣлю. Уроки же игры на скрипкѣ и на органѣ даются не всему классу, а по отдѣленіямъ, которыя образуются, смотря по успѣхамъ учащихся. Каждое отдѣленіе получаетъ по одному уроку въ недѣлю. Въ I классѣ семинаріи особенный часъ назначается для соединеннаго хороваго пѣнія всѣхъ трехъ классовъ.

КЪ ВОПРОСУ О ЕДИНОЙ ШКОЛѢ.

Существующая у насъ школьная система установлена уставомъ 8-го декабря 1828 г. Въ ту пору, когда эта система слагалась, министръ народнаго просвѣщенія получилъ нижеслѣдующее руководительное указаніе верховной власти. „Необходимо, чтобы повсюду предметы ученія и самые способы преподаванія были по возможности соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предназначеніемъ обучающихся, чтобы каждый, вмѣстѣ съ здравыми, для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности, пріобрѣталъ познанія для него нужныя, могущія служить къ улучшенію его участи, и, не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ, по обыкновенному теченію дѣлъ, ему суждено оставаться.“ (Высочайшій рескриптъ 19-го августа 1827 г.). Соотвѣтственно такому указанію, явившійся вслѣдъ за симъ училищный уставъ цѣлью учебныхъ заведеній ставилъ „при нравственномъ образованіи, доставлять юношеству средства къ пріобрѣтенію нужнѣйшихъ *по состоянію каждаго* познаній“ (§ 1). Распространеніе первоначальныхъ, болѣе или менѣе всякому нужныхъ знаній, между людьми и самыхъ нижнихъ состояній составляло, по уставу, задачу приходскихъ училищъ (§ 4). Уѣздныя училища, открытыя для людей всѣхъ состояній, въ особенности предназначались для того, чтобы дѣтямъ купцовъ, ремесленниковъ и другихъ городскихъ обывателей, вмѣстѣ со средствами лучшаго нравственнаго образованія, доставлять всѣ свѣдѣнія, кои по образу жизни ихъ, нуждамъ и упражненіямъ, могутъ быть имъ наиболѣе полезны (§ 46). Учрежденіе губернскихъ гимназій, по тому же уставу, имѣло двоякую цѣль: доставлять способы *приличнаго по званію ихъ* воспитанія тѣмъ изъ молодыхъ людей, кои не намѣрены

или не могутъ продолжать ученіе въ университетахъ, а готовящихся вступить въ оные снабжать необходимыми для сего предварительными знаніями (§ 134). По § 234 устава, окончившіе въ гимназіи полный курсъ родовые дворяне поступаютъ въ первый классъ (по чинопроизводству) черезъ годъ, дѣти дворянъ личныхъ чрезъ три года, а прочіе—чрезъ пять лѣтъ дѣйствительной службы. Отсюда видно, что уставъ 1828 г., не исключая возможности доступа въ гимназіи лицъ низшихъ сословій, воспитанниковъ изъ числа потомственныхъ и личныхъ дворянъ ставилъ въ привилегированное положеніе, а слѣдовательно и предназначалъ эти заведенія по преимуществу для дѣтей указаннаго происхожденія. Еще болѣе въ этомъ убѣждаетъ глава V устава, опредѣляющая устройство пансіоновъ при гимназіяхъ. Пансіоны эти были открыты единственно для дѣтей дворянъ и чиновниковъ (§ 239), а между тѣмъ въ пансіонахъ сосредоточивалась воспитательная жизнь заведеній. Даже дѣти священнослужителей не принимались въ пансіоны (предл. министерства народнаго просвѣщенія 31-го октября 1845 г.). Ко всему сказанному надо еще прибавить, что изъ дѣтей купеческаго званія безпрепятственно могли поступать въ гимназіи лишь дѣти купцовъ 1 гильдіи, дѣти же купцовъ 2 и 3 гильдіи, также какъ дѣти мѣщанъ и крестьянъ могли быть принимаемы лишь по увольненіи ихъ изъ тѣхъ обществъ, къ которымъ они приписаны (циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія 30-го іюля 1845 г.); ибо намѣреніемъ закона было „доставить всѣмъ состояніямъ въ государствѣ ближайшіе способы къ образованію науками соразмѣрно истиннымъ потребностямъ того рода жизни, къ коему каждый предназначенъ, не преграждая пути отличнымъ способностямъ достигать и высшаго образованія при извѣстныхъ условіяхъ“. (Высоч. рескр. на имя министра народнаго просвѣщенія 9-го мая 1837 г.). Съ какою однако же осторожностію лица низшихъ состояній допускались къ полученію образованія, прекрасно иллюстрируетъ переписка, происходившая между министерствами государственныхъ имуществъ и народнаго просвѣщенія въ 1840 г. по вопросу о допущеніи мальчиковъ изъ казенныхъ крестьянъ къ слушанію предметовъ курса уѣздныхъ училищъ. По распоряженію министерства финансовъ, въ каждой волости казенныхъ поселянъ воспитывалось въ приходскихъ училищахъ по три мальчика для приготовленія къ должности волостныхъ писарей. Срокъ пребыванія ихъ въ училищахъ былъ назначенъ трехлѣтній, въ продолженіе котораго они должны были научиться чтенію, чистописанію, счетоводству, первымъ четы-

ремъ правиламъ ариѳметики, начальнымъ основаніямъ грамматики и Закону Божію. Возникъ вопросъ: можно ли означенныхъ мальчиковъ переводить изъ приходскихъ въ уѣздныя училища, если они окончатъ въ первыхъ училищахъ положенный курсъ прежде истеченія трехъ лѣтъ, а также слѣдуетъ ли обучать ихъ въ уѣздныхъ училищахъ всѣмъ предметамъ, проходимымъ въ этихъ заведеніяхъ. По этому вопросу министръ народнаго просвѣщенія сносился съ министромъ государственныхъ имуществъ, который увѣдомилъ, что онъ находитъ возможнымъ дозволить упомянутымъ мальчикамъ, если они окончатъ въ приходскихъ училищахъ полный курсъ ученія прежде истеченія трехъ лѣтъ, переходить въ первый и второй классъ уѣздныхъ училищъ для обученія начальнымъ основаніямъ грамматики и усовершенствованія въ чтеніи, письмѣ, счетоводствѣ и Законѣ Божіемъ „съ освобожденіемъ ихъ отъ изученія наукъ, безполезныхъ для ихъ быта, какъ то высшихъ частей грамматики, геометріи, географіи, исторіи и рисованія", при чемъ, по мнѣнію графа Киселева, не излишне было бы обучать ихъ и черченію плановъ. Министръ народнаго просвѣщенія согласился съ такимъ разрѣшеніемъ вопроса. (Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія, т. II, стр. 449—450).

Эпоха великихъ реформъ, значительно поколебавшая сословный строй государства, не внесла никакой существенной перемѣны въ нашу училищную систему. Явились новые виды начальныхъ училищъ, но съ очевиднымъ назначеніемъ служить тѣмъ же классамъ общества, какъ и училища приходскія. Уѣздныя училища замѣнены городскими, но въ свою очередь съ цѣлію „учредить для городского населенія, и преимущественно для бѣдной части онаго, школы, соотвѣтствующія современнымъ потребностямъ, которымъ далеко не удовлетворяютъ уѣздныя училища, организованныя по уставу, изданному въ 1828 г., т. е. слишкомъ 40 лѣтъ тому назадъ". (Журналъ Высочайше утвержденнаго присутствія для разсмотрѣнія проектовъ по части народнаго просвѣщенія. Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Т. V, стр. 1197—1198).

На ряду съ гимназіями для цѣлей средняго образованія учреждены реальныя училища, но опять въ интересахъ извѣстныхъ группъ населенія. Прототипомъ реальныхъ училищъ послужили реальный курсъ 3-й Московской гимназіи и реальные классы въ Тулѣ, Вильнѣ и Курскѣ при тамошнихъ гимназіяхъ, а въ Ригѣ и Керчи при уѣздныхъ училищахъ. Въ именномъ Высочайшемъ указѣ 20-го марта

1839 г., сопровождавшемъ открытіе этихъ заведеній, было сказано: „Въ постоянномъ попеченіи объ усиленіи и умноженіи разныхъ полезныхъ отраслей промышленности, Мы признали за благо доставить производительному классу новыя средства къ пріобрѣтенію техническихъ познаній", и за тѣмъ, въ самомъ положеніи о Московской 3-й гимназіи, выражено, что реальный курсъ ея назначается преимущественно для дѣтей купеческаго и мѣщанскаго сословій и другихъ свободныхъ состояній. Совершенно соотвѣтственно этимъ соображеніямъ, для реальныхъ училищъ поставлено цѣлью доставлять учащемуся юношеству общее образованіе, приспособленное къ практическимъ потребностямъ и къ пріобрѣтенію техническихъ знаній (уст. реальн. учил. 15 мая 1872 г. ст. 1).

Происшедшія сословныя реформы пробудили сильныя образовательныя теченія въ такихъ классахъ общества, которые до сихъ поръ оставались чуждыми образованія, послѣдствіемъ чего явилось значительное наполненіе гимназій и прогимназій людьми низшихъ состояній. Но въ какой степени это не согласовалось съ видами правительства, мы усматриваемъ изъ всеподданнѣйшаго доклада министра народнаго просвѣщенія 11-го апрѣля 1887 г. о прекращеніи пріема въ приготовительные классы гимназій и прогимназій. Здѣсь объясняется, что приготовительные классы, облегчая всѣмъ и каждому подготовку къ гимназическому образованію, послужили къ привлеченію въ гимназіи и прогимназіи дѣтей изъ такихъ классовъ общества, которые могли бы довольствоваться образованіемъ въ низшихъ училищахъ и напротивъ стали мѣшать поступленію въ гимназію дѣтей изъ болѣе образованныхъ семействъ. Между тѣмъ нынѣ устранены уже въ значительной степени тѣ поводы, которые послужили къ учрежденію приготовительныхъ классовъ 16 лѣтъ тому назадъ. Въ это время открыты вновь городскія училища, образованы реальныя и нѣкоторыя техническія училища, куда городское населеніе можетъ отдавать дѣтей своихъ. Вслѣдствіе этого, озабочиваясь отвлеченіемъ отъ гимназій такихъ учениковъ, которымъ по условіямъ быта ихъ родителей совершенно не слѣдуетъ стремиться къ среднему гимназическому, а за тѣмъ и къ высшему образованію, министръ народнаго просвѣщенія испрашивалъ Высочайшее повелѣніе на прекращеніе съ $18^{87}/_{88}$ учебнаго года пріема учащихся въ приготовительные классы гимназій и прогимназій, которое и послѣдовало. Объясненною мѣрою, какъ и совокупностію другихъ однородныхъ мѣръ было достигнуто то, что гимназіи, начинавшія терять свой сословный характеръ, постепенно опять

стали возвращаться къ типу заведеній для дѣтей дворянъ и чиновниковъ. Въ 1881 году дѣти дворянъ и чиновниковъ составляли 47,5% общаго числа обучавшихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, въ 1894 г. составляли уже 56,4% всего состава, % учащихся изъ лицъ городскихъ сословій понизился съ 37,2 до 31,7, а сельскихъ съ 8,0 до 6,0. (Обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія за время царствованія Императора Александра III. Прил. XIV).

Такимъ образомъ училищная система, основанная на предположеніи о зависимости спроса на образованіе отъ принадлежности учащихся къ извѣстнымъ сословнымъ группамъ, остается господствующею до настоящаго времени.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ приноровленности учебныхъ заведеній къ предположеннымъ потребностямъ только извѣстныхъ группъ населенія является отсутствіе связи между ними, несогласованность ихъ учебныхъ плановъ. Законодательство предначертываетъ для каждой группы населенія соотвѣтственно округленный курсъ, который совершаетъ свое теченіе самостоятельно, безъ какого либо отношенія къ курсамъ, признаннымъ нормальными для другихъ группъ населенія. Разъ ребенокъ вступилъ на извѣстный путь, переходъ на другой путь для него становится крайне затруднительнымъ, ибо это—пути расходящіеся. Подобнаго рода затрудненія начинаютъ обнаруживаться уже на самыхъ низшихъ ступеняхъ обученія. Такъ ученикъ начальнаго училища, обыкновенно имѣющаго трехлѣтній курсъ, желающій продолжать образованіе въ городскомъ училищѣ, можетъ осуществить свое желаніе лишь при условіи потери цѣлаго учебнаго года; потому что, проучившись въ начальномъ училищѣ три года, онъ не можетъ поступить въ четвертое отдѣленіе городского училища, такъ какъ курсъ третьяго отдѣленія городского училища вообще гораздо шире, чѣмъ курсъ третьяго отдѣленія начальнаго училища. Но съ другой стороны и ученикъ городского училища, проучившійся въ этомъ заведеніи три года, не можетъ поступить въ четвертое отдѣленіе двухкласснаго начальнаго училища, потому что онъ меньше ученика этого класса прошелъ по Закону Божію и ариѳметикѣ. Ученики городскихъ училищъ принимаются въ первые классы гимназій и реальныхъ училищъ безъ экзамена лишь послѣ успѣшнаго окончанія четырехъ лѣтъ городского училища, т. е. послѣ того какъ прошли не только курсъ начальнаго училища, знаніе котораго собственно и требуется отъ поступающихъ въ среднее учебное заведеніе, но и потомъ еще учились 2 года, при чемъ предметами занятій были, кромѣ Закона Божія,

русскаго языка и ариѳметики, исторія, географія, естествовѣдѣніе, геометрія и рисованіе. Но любопытнѣе всего то, что даже переходы изъ высшихъ заведеній въ низшія не обходятся безъ затрудненій. Данныя ученику гимназіи или реальнаго училища аттестаціи по предметамъ курса этихъ заведеній не обязательны для педагогическаго персонала городскихъ училищъ, который можетъ дать каждому поступающему въ это заведеніе полный вступительный экзаменъ. Но, допуская, что эти аттестаціи будутъ приняты въ должное вниманіе, все же, напримѣръ, ученикъ III класса гимназіи или реальнаго училища не можетъ быть принятъ въ третье отдѣленіе (3 годъ обученія) городского училища безъ дополнительнаго испытанія по славянскому языку и въ 4 отдѣленіе (4 годъ обученія) безъ дополнительнаго испытанія по тому же предмету и геометріи, такъ какъ по этимъ предметамъ ученикъ III класса гимназіи или реальнаго училища отмѣтокъ не можетъ имѣть. Чѣмъ же разрѣшаются всего чаще подобнаго рода затрудненія? Да тѣмъ, что ученикъ вовсе прекращаетъ ученье. Такимъ образомъ школы выбрасываютъ у насъ цѣлыя массы недоучекъ. Не говоря о безплодно потраченномъ времени, о непроизводительно израсходованныхъ средствахъ, какія потери несетъ страна отъ этого не экономическаго эксплоатированія интеллектуальныхъ силъ націи! Только благодаря антипедагогичности и антиэкономичности училищной системы, государство лишено возможности пользоваться многими силами націи, которыя, не будучи возбуждены или поддержаны образованіемъ, остаются мертвымъ капиталомъ.

Система сословности школъ въ самый моментъ ея возникновенія и слѣдовательно для того государственнаго строя, какой имѣлъ въ виду уставъ 8-го декабря 1828 г., признаваема была цѣлесообразною не единогласно. Такъ одинъ изъ членовъ высочайше утвержденнаго комитета устройства учебныхъ заведеній князь Ливенъ находилъ эту систему не соотвѣтствующей условіямъ нашего быта. „Въ государствахъ“, объяснялъ онъ, „гдѣ состоянія строго отдѣлены одно отъ другого, гдѣ переходъ изъ одного въ другое, наипаче изъ средняго въ дворянское, чрезвычайно труденъ, и очень рѣдко когда бываетъ, что тому или другому представляется дворянство только за долговременныя и весьма отличныя заслуги—въ такихъ государствахъ очень легко завести таковый порядокъ. Но въ Россійскомъ государствѣ, гдѣ нѣтъ средняго или гражданскаго состоянія, гдѣ одно только купеческое сословіе нѣкоторымъ образомъ представляетъ оное, гдѣ ремесленникъ по всѣмъ отношеніямъ равенъ земледѣльцу и всегда

почти больше развращенъ, гдѣ достаточный крестьянинъ во всякое время можетъ сдѣлаться купцомъ, а часто бываетъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, гдѣ линія дворянскаго сословія толь необозримое имѣетъ протяженіе, что однимъ концомъ касается до подножія престола, а другимъ почти въ крестьянствѣ теряется, гдѣ ежегодно многіе изъ гражданскаго и крестьянскаго сословій, чрезъ полученіе военнаго или гражданскаго офицерскаго чина, поступаютъ въ дворянство,—въ Россійскомъ государствѣ таковое устройство училищъ затруднительно". (Рождественскій, Историческій Обзоръ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, стр. 198).

Тѣмъ болѣе являются умѣстными сомнѣнія относительно цѣлесообразности системы 8-го декабря 1828 г. въ наше время, послѣ тѣхъ соціальныхъ реформъ, которыя разрушили столько сословныхъ перегородокъ и которыя въ столь разнообразныхъ отношеніяхъ уравняли сословія государства. Въ виду того, что лица низшихъ состояній не только получили личную свободу, но наравнѣ съ представителями высшихъ сословій призваны къ управленію своими общественными дѣлами, къ участію въ завѣдыванію земскимъ хозяйствомъ, въ судѣ, защитѣ отечества и т. д., признавать для нихъ ту или другую степень образованія превышающею ихъ дѣйствительныя потребности, значило бы не только преграждать имъ способы исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей, но и крайне затруднять самое государство въ достиженіи его культурныхъ задачъ. При современномъ государственномъ строѣ, нельзя не желать, чтобы каждый обыватель получалъ возможно широкое образованіе, которое обезпечивало бы не только производительность его труда, но и доброкачественность отправленія имъ общественныхъ обязанностей. Посему училищная система, основанная на преднамѣренномъ сокращеніи способовъ образованія для массы населенія, является теперь совершеннымъ анахронизмомъ, существующимъ по недоразумѣнію. Условія настоящаго времени требуютъ устраненія искусственныхъ преградъ, препятствующихъ свободному теченію потока народнаго просвѣщенія. При объясненныхъ обстоятельствахъ не могло не возникнуть вопроса о пересмотрѣ системы 1828 г. съ цѣлію замѣны ея иной системой, основанной на началахъ объединенія общеобразовательной школы. И вопросъ возникъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ январѣ 1900 г. тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповъ образовалъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, коммиссію изъ профессоровъ, педагоговъ и врачей для обсужденія спосо-

бовъ къ устраненію недостатковъ нашей средней школы. Министръ былъ противъ радикальныхъ мѣръ, такъ какъ, по его убѣжденію, учебное дѣло не терпитъ грубой ломки; но данная имъ комиссіи программа занятій предусматривала однако же возможность разсужденія и о томъ, не слѣдуетъ ли создать новый типъ средней школы. И вотъ вниманію комиссіи представленъ былъ предложенный членомъ ея профессоромъ Виноградовымъ и разработанный въ особой подкомиссіи планъ средней школы, основанный на идеѣ единства общаго образованія.

Мысль о созданіи единой средней школы, объясняли авторы проекта, вытекаетъ сама собою изъ понятія общаго образованія, которое призвана давать средняя школа. Общее образованіе является прежде всего противоположнымъ всѣмъ формамъ образованія спеціальнаго. Оно должно быть тѣмъ общимъ достояніемъ, которому сопричастны всѣ, имѣющіе притязаніе быть образованными, безъ различія профессій; оно должно предшествовать всѣмъ спеціальнымъ занятіямъ и служить имъ основаніемъ. Естественно поэтому поручить заботу о немъ единой школѣ, изъ которой раскрывались бы двери на всѣ дороги, и не естественно преслѣдовать его въ двухъ школахъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ спеціальное направленіе и ведетъ учениковъ по этому направленію съ дѣтскаго возраста (авторы разумѣли классическую и реальную школы). Обсуждая самую организацію средняго общаго образованія, референты приняли во вниманіе прежде всего то, что существующая средняя школа охватываетъ въ своемъ курсѣ время приблизительно отъ 10 до 18 лѣтъ, т. е. какъ дѣтскій и переходный возрастъ, такъ и начало юношескаго. Это обстоятельство является условіемъ, затрудняющимъ правильную постановку дѣла, такъ какъ для дѣтей и подростковъ нужны одни методы и предметы изученія, для юношей другіе. Но обычный 8-ми лѣтній курсъ средней школы, даже помимо своихъ трудностей, такъ продолжителенъ и сложенъ, что его проходитъ только меньшинство вступившихъ въ школу. Помимо неспособныхъ и неуспѣвшихъ школу оставляетъ на полдорогѣ множество лицъ недостаточныхъ, не располагающихъ матеріальными средствами или временемъ для такого продолжительнаго курса общаго образованія. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній является необходимымъ расчленить курсъ средней школы на двѣ ступени или два концентрическихъ курса, при чемъ граница между этими кругами должна опредѣлиться на основаніи педагогическихъ соображеній: по одну сторону останутся классы для дѣтскаго и переходнаго возраста, въ

курсахъ которыхъ еще приходится пользоваться элементарными методами, по другую классы для юношей, въ которыхъ уже будетъ сказываться постепенное приближеніе къ университету. Такое расчлененіе школы образуетъ естественный роздыхъ на долгомъ пути средней школы и укажетъ наиболѣе подходящій моментъ для выхода изъ нея тѣмъ, кто принужденъ оставить школу до полнаго ея окончанія. Хотя не можетъ быть рѣчи о двухъ видахъ общаго образованія, но можно говорить о двухъ его степеняхъ и надо позаботиться о томъ, чтобы остающіеся на первой получили не случайные обрывки свѣдѣній, а нѣкоторый законченный кругъ знаній и понятій, соотвѣтствующій тѣмъ духовнымъ силамъ, которыми обладаетъ ученикъ въ концѣ переходнаго возраста. Такое назначеніе младшаго отдѣленія средней школы требуетъ пятилѣтняго курса, потому что только при этой продолжительности онъ можетъ достигать желательной законченности.

Итакъ единая средняя школа, по проекту подкомиссіи, должна представлять двѣ ступени, при чемъ первая изъ этихъ ступеней, съ 5-лѣтнею продолжительностію обученія, будетъ представлять законченное элементарное училище. Въ составъ курса этого училища должны входить, помимо Закона Божія, предметы словесные—русскій языкъ, иностранные языки, исторія; предметы натуралистическіе—географія, физика, химія и такъ называемое естествовѣдѣніе; искусства—рисованіе и пѣніе; физическія упражненія — ручной трудъ и подвижныя игры. Преподаваніе, во всѣхъ его отдѣлахъ, должно отправляться отъ конкретнаго и нагляднаго, не насиловать умственнаго склада дѣтскаго возраста преждевременнымъ наплывомъ отвлеченныхъ идей и построеній, избѣгать неподготовленной систематизаціи и лишь постепенно выходить отъ наблюденія отдѣльныхъ явленій къ обобщеніямъ, правиламъ, схемамъ и системамъ.

Строй старшаго отдѣленія единой школы, полагала подкомиссія, сложится подъ вліяніемъ трехъ главныхъ соображеній: оно продолжаетъ дѣло общаго образованія и доводитъ его до высоты, возможной для юношей въ 18—19 лѣтъ; оно подготовляетъ къ возможному переходу въ высшія учебныя заведенія; оно встрѣчается съ многозначительными требованіями наступающаго юношескаго возраста и обязано позаботиться какъ объ удовлетвореніи умственнаго голода, который отличаетъ нормальнаго молодаго человѣка въ эту пору его жизни, такъ и о направленіи занятій соотвѣтственно формирующимся интересамъ и склонностямъ. Въ основу учебнаго плана старшаго отдѣленія единой школы долженъ быть положенъ общій курсъ, обни-

мающій по существу тѣ же главные научные предметы, что и въ младшемъ концентрѣ. Назначеніе этого курса довести общее образованіе воспитанниковъ до его второй ступени, представивъ имъ законченный кругъ свѣдѣній, желательныхъ для людей всѣхъ спеціальностей и профессій. Преподаваніе ведется на этой стадіи систематически, и въ немъ мало по малу должны все сильнѣе выдвигаться обобщающіе элементы. Въ связи съ центральнымъ общеобразовательнымъ курсомъ, проходимымъ всѣми вмѣстѣ и всѣми одинаково, стоятъ дополнительныя занятія, какъ практическія, такъ и въ формѣ добавочныхъ курсовъ, съ одной стороны по предметамъ гуманитарнымъ, съ другой—по естественно-историческимъ. (Труды Высочайше учрежденной комиссіи по вопросу объ улучшеніяхъ въ средней общеобразовательной школѣ. Выпускъ III. Труды подкомиссіи о единой средней общеобразовательной школѣ новаго типа, стр. II, III, VI, XX).

Изложенный проектъ, имѣвшій цѣлью разрѣшеніе частнаго вопроса о томъ, какую организацію средней школы должно признать наилучшею, по существу своему, какъ видно изъ сказаннаго, устанавливалъ новую училищную систему, въ своихъ началахъ вполнѣ противоположную системѣ существующей. Отрѣшившись отъ началъ устава 1828 г. и оставаясь на чисто педагогической почвѣ, проектъ не могъ не придти къ мысли о единой, общей для всѣхъ званій и профессій школѣ.

Еще далѣе шелъ въ томъ же направленіи членъ комиссіи А. Г. Барановъ. Внесенный имъ проектъ предполагалъ у 8-лѣтней средней школы отсѣчь низшіе два класса, и, соединивъ ихъ съ начальнымъ училищемъ, создать такимъ образомъ заведенія, окончаніе курса которыхъ открывало бы доступъ къ среднему образованію. Роль такихъ приготовительныхъ классовъ, по мнѣнію референта, съ успѣхомъ могла бы быть при извѣстныхъ условіяхъ выполняема существующими городскими училищами. Съ осуществленіемъ предположеннаго, получались бы слѣдующіе результаты: устанавливалась бы тѣсная органическая связь между всѣми общеобразовательными учебными заведеніями, учащіеся правильнѣе распредѣлялись бы въ школахъ по возрасту и развитію, а именно ученики старшаго дѣтства сосредоточились бы въ подготовительныхъ школахъ, ученики переходнаго и юношескаго возраста въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, почему учебно-воспитательная часть разныхъ заведеній могла бы быть организована педагогичнѣе; среднія школы стали бы доступнѣе вообще, но подборъ учащихся въ нихъ сдѣлался бы цѣлесообразнѣе (ibid., вып. I, стр. 389).

Проекты г.г. Виноградова и Баранова встрѣтили полное сочувствіе комиссіи. Сдѣланныя по поводу этихъ проектовъ замѣчанія относились главнымъ образомъ къ второстепеннымъ вопросамъ, напримѣръ, о числѣ классовъ, которые должны быть отдѣлены для низшихъ ступеней средней школы, о составѣ обоихъ отдѣленій школы и т. п. Въ частности же, по поводу предположенія А. Г. Баранова было высказано: 1) что курсъ городскихъ училищъ разсчитанъ на дѣтей, нуждающихся въ законченномъ образованіи и при томъ болѣе взрослыхъ, чѣмъ большинство учениковъ двухъ младшихъ классовъ гимназій. Поэтому курсъ городскихъ училищъ заключаетъ такіе предметы, которые въ программу двухъ младшихъ классовъ средней школы не входятъ или входятъ въ меньшемъ объемѣ; 2) уничтоженіе младшихъ классовъ гимназій поведетъ къ необходимости для многихъ отдавать своихъ дѣтей въ городскія училища, что едва ли выгодно отразится на воспитаніи будущихъ учениковъ средней школы, такъ какъ въ городскихъ училищахъ преобладаютъ нравы улицы (ib., стр. 390—391).

Министерство народнаго просвѣщенія, очевидно, склонялось въ пользу объединительныхъ тенденцій. Преемникъ Н. П. Боголѣпова генералъ-адъютантъ Ванновскій, собравшій новую комиссію для окончательнаго установленія основныхъ положеній устройства средней школы, предложилъ на ея обсужденіе проектъ такихъ положеній, выработанный министерствомъ на основаніи заключеній комиссіи Боголѣпова. Первыя двѣ статьи проекта были слѣдующія: 1) правительственная средняя школа должна быть единою, одного общаго для всѣхъ учебныхъ заведеній сего рода типа; 2) задача средней школы доставлять юношеству воспитаніе и возможно законченное среднее образованіе и въ то же время подготовлять къ поступленію въ высшія учебныя заведенія. Вмѣстѣ съ симъ первые три класса средней школы должны представлять собой полный курсъ низшей школы и имѣть программу, по возможности согласованную съ программой послѣдней, такъ, чтобы прошедшіе курсъ низшей школы могли поступать въ IV классъ средней безъ экзамена или съ повѣрочнымъ испытаніемъ лишь по нѣкоторымъ отдѣльнымъ, не вошедшимъ въ программы низшихъ школъ предметамъ (новые языки). Такимъ образомъ вопросъ объ объединеніи школы становился уже во всей его обширности и разрѣшался въ смыслѣ всецѣлаго отрицанія существующей училищной системы. Предрѣшалось, что не только не должно быть двухъ параллельныхъ среднихъ школъ (классической и реальной), но не должно быть и двухъ низшихъ

школъ (одной въ формѣ низшихъ классовъ среднихъ заведеній, другой—въ формѣ городскихъ или т. п. училищъ).

Столь рѣшительныя предположенія не могли не вызвать самаго оживленнаго обмѣна мыслей.

По поводу перваго изъ положеній было высказано въ комиссіи, что единая школа есть компромиссъ, а компромиссы не терпимы въ области воспитанія. Другіе члены комиссіи, напротивъ, находили, что единая школа, какъ устраняющая преждевременную спеціализацію образованія и сообщающая школѣ желательную гибкость, составляетъ насущную потребность времени.

По второму пункту нѣкоторые изъ членовъ комиссіи признавали не желательнымъ сближеніе первыхъ трехъ классовъ средней школы съ городскими училищами въ видахъ облегченія возможности ученикамъ послѣднихъ поступать въ IV классъ средней школы, какъ потому, что такое сближеніе повлечетъ за собою пониженіе курса средней школы, который будетъ приближенъ въ низшихъ классахъ къ курсу городскихъ училищъ, такъ и потому, что оно можетъ неблагопріятно отразиться и на городскихъ училищахъ, которыя вовсе не призваны служить дѣлу подготовки учениковъ для средней школы и представляютъ очень удачный типъ школы, принаровленной къ потребностямъ и интересамъ низшихъ слоевъ общества. Не желательно, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ комиссіи, и безпрепятственное допущеніе учениковъ городскихъ училищъ въ старшее отдѣленіе средней школы, такъ какъ въ такомъ случаѣ произойдетъ такое переполненіе послѣдней этимъ контингентомъ учениковъ, что явится необходимость или отказывать въ пріемѣ дѣтямъ изъ болѣе благопріятной, въ смыслѣ культурнаго развитія, для прохожденія курса средней школы среды, или, въ видахъ предупрежденія неизбѣжной въ такомъ случаѣ демократизаціи средней школы, установить строгій конкурсный экзаменъ. Другіе члены комиссіи, напротивъ, отнеслись очень сочувственно къ идеѣ сближенія средней школы съ низшею въ виду необходимости уничтожить тѣ перегородки, которыя существуютъ въ настоящее время между различными типами школы и не вызываются никакими педагогическими соображеніями, находя, что городскія училища могутъ дать прекрасный матеріалъ для средней школы, которой нѣтъ основанія опасаться переполненія такимъ контингентомъ учениковъ, въ виду необходимости для нихъ выдержать дополнительный экзаменъ изъ новыхъ языковъ.

Въ результатѣ обсужденія пункты 1 и 2 основныхъ положеній приняты были въ слѣдующей редакціи.

1) Правительственная общеобразовательная средняя школа должна быть единою, общаго типа для всѣхъ учебныхъ заведеній сего рода;

2) Средняя школа имѣетъ своею задачею доставлять юношеству воспитаніе и возможно законченное общее среднее образованіе и въ то же время подготовлять къ поступленію въ высшія учебныя заведенія. Вмѣстѣ съ симъ первые три класса средней школы должны имѣть законченный курсъ.

> *Примѣчаніе.* Ученики, прошедшіе курсъ низшихъ школъ, приближающихся по своей программѣ къ курсу первыхъ трехъ классовъ средней школы, могутъ поступать въ IV классъ съ повѣрочнымъ испытаніемъ лишь по предметамъ, не вошедшимъ въ программы этихъ школъ, а равно и по главнымъ предметамъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1901 годъ, № 7-й).

Такимъ образомъ предначертана уже у насъ новая училищная система съ послѣдовательнымъ рядомъ учебныхъ заведеній, связанныхъ единствомъ общаго педагогическаго плана и устраняющая искусственные тормазы нынѣ дѣйствующей системы. Но такъ какъ послѣднее слово въ данномъ вопросѣ принадлежитъ законодательной власти, то по существу своему вопросъ остается открытымъ. Въ виду такого положенія дѣла нельзя не признать заслуживающими вниманія всякаго рода свѣдѣнія, которыя могутъ содѣйствовать дальнѣйшему выясненію даннаго вопроса. Такъ невозможно обойти того обстоятельства, что недостатки, которыми страдаетъ наша училищная система, въ извѣстной степени свойственны также законодательству другихъ государствъ. И въ то время, какъ вопросъ объ единеніи школы обсуждался у насъ, со всѣмъ стараніемъ онъ разрабатывался также въ Германіи. Было бы непрактично игнорировать то, что дѣлается по данному предмету въ этой классической странѣ народнаго просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что и почти всѣ существующія типы нашихъ учебныхъ заведеній составляютъ въ значительной мѣрѣ воспроизведеніе соотвѣтственныхъ учрежденій Германіи. По этимъ соображеніямъ представляется совершенно неизлишнимъ остановиться на матеріалахъ по вопросу, которые даютъ протоколы происходившаго весной минувшаго года въ Кенигсбергѣ общегерманскаго учительскаго съѣзда [1]).

---

[1]) Протоколы эти напечатаны въ №№ 23—32 газеты Allgemeine deutsche Lehrerzeitung за 1904 годъ.

На съѣздѣ этомъ присутствовало 3.900 участниковъ, въ томъ числѣ 385 лицъ, уполномоченныхъ отъ разныхъ учительскихъ союзовъ, представлявшихъ мнѣнія 106.000 учителей. Большинство участниковъ были учителя народныхъ училищъ, но въ составѣ съѣзда находились также представители средней школы, чины инспекціи, члены училищныхъ коллегій и т. п. Вопросъ объ единствѣ школы на съѣздѣ шелъ въ первую голову, потребовалъ наиболѣе времени сравнительно съ другими предметами, вызвалъ наиболѣе оживленныя разсужденія. Докладчикомъ явился учитель Гутманъ, изъ Баваріи. Такъ какъ тезисы докладчика были оглашены заблаговременно (за 8 мѣсяцевъ), то многіе участники явились съ готовыми заключеніями, и заявленія членовъ съѣзда по большей части составляли результатъ предварительнаго обсужденія дѣла на мѣстѣ. Все это содѣйствовало особенной серьезности и всесторонности обсужденія вопроса.

Референтъ защищалъ положенія, что единая школа составляетъ могущественное орудіе внутренняго объединенія націй, что по крайней мѣрѣ первые четыре года обученія дѣти всякихъ званій и состояній должны посѣщать общую народную школу, и что при правильной педагогической постановкѣ дѣла, четырехлѣтняя народная школа даетъ вполнѣ удовлетворительную подготовку какъ для дальнѣйшей ступени начальнаго училища, такъ для продолженія образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что вопросъ ставится здѣсь шире, чѣмъ у насъ, и дѣло идетъ не только о единой, но и объ общей, обязательной для всѣхъ классовъ населенія, школѣ.

Референтъ находитъ совершенно ненормальнымъ тотъ порядокъ вещей, что дѣти, принадлежащія въ высшимъ, зажиточнымъ классамъ населенія, учатся отдѣльно отъ дѣтей низшихъ состояній. Это искусственно обособляетъ извѣстныя группы населенія, мѣшаетъ имъ сближаться, порождаетъ взаимныя предубѣжденія, препятствуетъ лучшимъ элементамъ общества оказывать желательное вліяніе на худшіе, слѣдовательно поддерживаетъ и развиваетъ классовый антагонизмъ и затрудняетъ общественный прогрессъ. Сколь краснорѣчивы ни были бы призывы дѣтей высшихъ состояній, обучающихся отдѣльно отъ дѣтей другихъ состояній, къ служенію меньшему брату, все это не можетъ не оставаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, потому что привилегированныя заведенія самымъ существованіемъ своимъ ежеминутно говорятъ своимъ воспитанникамъ „не смѣшивайтесь съ народомъ, сторонитесь отъ него“ и такимъ образомъ вполнѣ парализуютъ дѣй-

ствіе всякихъ альтруистическихъ наставленій. Законъ Христа и здравое человѣческое разсужденіе требуетъ уважать человѣческое достоинство въ каждомъ существѣ, носящемъ человѣческій образъ, видѣть въ каждомъ человѣкѣ своего брата. Совмѣстимо ли съ этимъ сторониться отъ людей, потому что они несчастнѣе насъ?

Посему общественные и государственные интересы требуютъ, чтобы воспитаніе дѣтей всякихъ званій и состояній происходило совмѣстно. Общая школа есть лучшее объединяющее орудіе. Въ первомъ дѣтствѣ ребенокъ чуждъ всякихъ сословныхъ предразсудковъ и скоро сближается съ сверстниками совершенно независимо отъ разницы званій и состояній. Слѣдуетъ пользоваться этимъ для государственныхъ цѣлей. Въ школѣ, посѣщаемой дѣтьми всякихъ званій и состояній, могутъ завязываться связи между дѣтьми, наиболѣе отдаленными другъ отъ друга условіями жизни. И такія связи могутъ продолжаться по выходѣ изъ школы, всю жизнь. Какое это счастіе для будущихъ руководителей общества! Они могутъ имѣть искреннихъ друзей въ такой средѣ, которая обыкновенно смотритъ на людей высшихъ положеній съ недовѣріемъ.

При этомъ общая школа не можетъ не оказать самаго благодѣтельнаго вліянія на нравственное развитіе дѣтей и высшихъ, и низшихъ состояній. Дѣти высшихъ состояній лицомъ къ лицу станутъ съ дѣтьми низшихъ состояній, къ которымъ они, можетъ быть, до сихъ поръ относились брезгливо и съ пренебреженіемъ. Они убѣдятся, что не всѣ они такъ дурны, какъ можно думать о нихъ по первому впечатлѣнію, что между ними есть и умныя, и добрыя личности. Совмѣстное обученіе внушитъ имъ взаимныя симпатіи. За тѣмъ, дѣти изъ лучшихъ семействъ убѣдятся, что и въ самой низшей средѣ есть люди, которые иногда ихъ превосходятъ въ способностяхъ и смѣтливости. Это невольно будетъ внушать имъ идею ничтожества внѣшняго блеска предъ достоинствами внутренними. Но всего чаще дѣти, счастливѣе рожденныя, будутъ имѣть случаи видѣть, какъ дѣти низшихъ состояній жалки въ сравненіи съ ними, какъ они затруднены въ удовлетвореніи первыхъ потребностей, какъ многаго они не понимаютъ. Во всякой неиспорченной натурѣ это не можетъ не породить желанія помочь этимъ несчастнымъ. Какая это прекрасная школа добродѣтели! Дѣти, которыя, сидя въ своихъ раззолоченныхъ палатахъ, вовсе не знали бы чужаго горя, будутъ видѣть его лицомъ къ лицу, будутъ пріучаться къ состраданію, будутъ упражняться въ добродѣтели, будутъ наживать привычку къ добрымъ дѣламъ.

Само собою понятно, на сколько благодѣтельно будетъ для дѣтей низшихъ состояній сообщество съ дѣтьми, лучше рожденными. Эти послѣднія дѣти внесутъ въ школьную среду извѣстную культурную атмосферу, по меньшей мѣрѣ, въ видѣ внѣшней благопристойности, а въ лучшихъ случаяхъ, въ видѣ и дѣйствительной благовоспитанности. Можно ли полагать, что это не отзовется извѣстнымъ повышеніемъ благопристойности и благовоспитанности всего класса? Дѣти чутки ко всему хорошему. Такъ дѣти, взятыя съ улицы, гдѣ они допускали самыя безобразныя безчинства, будучи помѣщены въ свѣтлыя, опрятныя комнаты пріютовъ, начинають вести себя приличнѣе. Мягкій укоръ благовоспитанной учительницы дѣйствуетъ на нихъ сильнѣе, чѣмъ неистовые крики грубыхъ матерей.

Референтъ предвидѣлъ возраженія, которыя могутъ быть ему сдѣланы. Скажутъ, что все-таки въ общемъ дѣти высшихъ состояній явятся въ школу болѣе развитыми и болѣе благовоспитанными, чѣмъ масса, и такъ какъ школа будетъ нивеллировать, то объединеніе будетъ происходить въ ущербъ для умственнаго и нравственнаго преуспѣянія дѣтей высшихъ состояній, которыя въ особыхъ школахъ могли бы идти быстрѣе въ ученьи и оставались бы внѣ опасности зараженія дурными нравами. Референтъ находитъ возраженія эти основанными на предубѣжденіяхъ.

Несомнѣнно, что дѣти лучше рожденныя принесутъ въ школы болѣе развитой въ теоретическомъ отношеніи умъ: они больше знаютъ, больше видѣли и слышали, способнѣе къ отвлеченному мышленію. Но дѣти изъ низшихъ состояній, въ свою очередь, богаче житейскимъ опытомъ, практическими умѣньями, способнѣе къ сосредоточенному труду: вѣдь большая часть изъ нихъ лѣтъ въ 5—6 уже работники для своей семьи, а иные лѣтъ въ 8—9 уже ея кормильцы. Но въ дѣлѣ гармоническаго развитія какъ теоретическій умъ, такъ и практическая смышленность одинаково важны. Поэтому въ воспитательномъ отношеніи именно чрезвычайно цѣнно общеніе воспитанниковъ, сильныхъ въ теоретическомъ смыслѣ, съ дѣтьми противоположныхъ качествъ. Взаимообщеніе тѣхъ и другихъ будетъ уравновѣшивать обоюдные недостатки.

Не болѣе основательны опасенія за нравственную порчу дѣтей хорошихъ фамилій отъ соприкосновенія съ дѣтьми низшихъ состояній. Уголовная статистика не можетъ сказать положительно, что низшія сословія порочнѣе высшихъ. Справедливѣе сказать, что каждой общественной группѣ свойственны свои пороки и свои добродѣтели. Пороки

низшихъ сословій грубѣе, но тѣмъ легче съ ними бороться. Наименѣе поддаются врачеванію, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ, такія болѣзни, которыя лучше замаскированы. А пороки высшихъ сословій прикрыты конечно лучше.

Не отрицая однако же того, что общее обученіе дѣтей всякихъ званій и состояній сопряжено съ извѣстными опасеніями за дѣтей высшихъ состояній, слѣдуетъ сказать, что правильно поставленное въ школѣ воспитаніе можетъ свести къ нулю значеніе этихъ опасеній. Все доброе, что есть въ средѣ учащихся, должно находить надлежащую поддержку воспитателя, все злое должно имѣть его противъ себя. Добрые элементы школы не на свой только страхъ будутъ вести борьбу съ дурными элементами, но будутъ находить, съ одной стороны, твердую почву въ непочатой, свѣжей, чуткой ко всему хорошему, дѣтской натурѣ, съ другой крѣпкую опору въ прозорливости учителя.

Скажутъ, что первоначальное совмѣстное обученіе дѣтей всякихъ званій и состояній послѣдствіемъ своимъ будетъ имѣть то, что масса дѣтей, обучающихся теперь въ начальной школѣ и ею ограничивающихся, устремятся, чтобы не отставать отъ товарищей, въ среднія учебныя заведенія, курса которыхъ они, однакожъ, не въ состояніи будутъ осилить по матеріальной или культурной несостоятельности. Референтъ могъ оспаривать эти положенія, опираясь на данныя опыта. Онъ указывалъ, между прочимъ, на то, что въ Мюнхенѣ, гдѣ всеобщая единая школа осуществлена, только 24% мальчиковъ и 6% дѣвочекъ, по окончаніи 4 лѣтъ начальнаго училища, пользуются возможностію перехода въ учебныя заведенія высшихъ степеней. И это—для всего населенія Мюнхена. Если же взять рабочіе кварталы, то только 6% мальчиковъ и 2% дѣвочекъ послѣ 4 лѣтъ обученія переходятъ въ высшія училища.

Референтъ склоненъ думать даже, что общая начальная школа скорѣе ограждаетъ среднюю школу отъ наплыва нежелательныхъ элементовъ, потому что ставитъ точный діагнозъ умственныхъ способностей воспитанника. Кому трудно дается курсъ начальной школы, тотъ не будетъ стремиться въ среднюю школу, гдѣ учиться дольше и труднѣе. Между тѣмъ существованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ классовъ, соотвѣтственныхъ низшей школѣ, дѣлаетъ возможнымъ поступленіе въ среднюю школу дѣтей, не доказавшихъ предварительно своихъ способностей къ теоретическимъ занятіямъ. Эти дѣти, служащія бременемъ для заведеній, вынуждены бываютъ пре-

рывать свое образованіе на полдорогѣ, и при томъ тогда, когда другіе пути для воспитанника уже преграждены.

Наконецъ докладчикъ признаетъ предлагаемое имъ устройство начальной школы чрезвычайно благопріятнымъ для ея матеріальнаго благоустройства; ибо если народную школу будутъ посѣщать дѣти всѣхъ состояній, то это привлечетъ къ школѣ симпатіи людей, власть имущихъ, которые теперь не рѣдко холодны къ ней, не имѣя непосредственныхъ отношеній. А такое обстоятельство не можетъ не отозваться на успѣхахъ дѣла народнаго образованія.

Горячимъ оппонентомъ Гутмана явился Рисъ, учитель изъ Франкфурта на Майнѣ.

По мнѣнію оппонента, проектъ Гутмана уничтожаетъ народную школу, превращая ее въ приготовительные классы для гимназій, реальныхъ и городскихъ училищъ. Оппоненту представляется несомнѣннымъ, что послѣ 4 лѣтъ обученія школу оставятъ всѣ болѣе способные ученики, которые составляли гордость училища и которые поддерживали интересы учителя къ дѣлу. Центромъ школы будутъ не выпускныя отдѣленія, а тѣ, въ которыхъ будетъ заканчиваться четвертый годъ обученія. Что жъ это за школа, у которой середина дороже конца?

Было бы заблужденіемъ, по мнѣнію оппонента, расчитывать, что такая школа пріобрѣтетъ симпатіи высшихъ классовъ. Напротивъ, эти классы будутъ питать къ ней враждебное настроеніе, такъ какъ школа эта будетъ наносить ущербъ ихъ дѣтямъ. Достаточно представить, въ какомъ жалкомъ положеніи находится школа въ Австріи, гдѣ единство школы осуществлено, чтобы видѣть, что объединеніе школы вовсе не ведетъ къ ея процвѣтанію.

Наконецъ, по мнѣнію оппонента, проектированная докладчикомъ школа поведетъ не къ искорененію, а къ вящшему развитію антагонизма классовъ. Дѣти съ свойственною ихъ возрасту впечатлительностію особенно рѣзко ощутятъ всю разницу богатства и бѣдности, знатности и ничтожества. Совмѣстное обученіе въ теченіи 4 лѣтъ недостаточно будетъ для того, чтобы сгладить слѣды этихъ первыхъ тяжелыхъ впечатлѣній дѣтей, и дѣти выйдутъ изъ школы болѣе чуждыми другъ другу, чѣмъ когда они поступали.

Оппонентъ считалъ нужнымъ прибавить, что онъ не врагъ, а другъ народной школы, что онъ не можетъ раздѣлить идей, клонящихся къ униженію народной школы. Онъ хочетъ, чтобы народныя училища были не сомнительнаго достоинства приготовительными клас-

сами среднихъ учебныхъ заведеній, а самостоятельными учрежденіями, высоко держащими свое собственное знамя. Его идеалъ — девятилѣтняя народная школа съ университетски образованными учителями. Я знаю, заключилъ оппонентъ, что общее настроеніе противъ меня, и не питаю никакой надежды склонить собраніе къ своему мнѣнію. Но я считаю обязанностію высказать то, что я думаю. „Распните меня, но я не могу думать иначе“.

Патетическое обращеніе оппонента вызвало горячіе протесты членовъ съѣзда. Между прочимъ находившійся на съѣздѣ въ качествѣ представителя отъ общества содѣйствія школьной реформѣ профессоръ Ленцъ, изъ Данцига, учитель мѣстной гимназіи, заявилъ, что идеи докладчика онъ признаетъ вполнѣ совпадающими съ интересами средней школы. По его мнѣнію, средняя школа дѣлаетъ большой грѣхъ, что принимаетъ дѣтей, которыя по возрасту своему должны бы принадлежать начальной школѣ. Курсъ городского училища, съ обязательнымъ изученіемъ французскаго языка, былъ бы наилучшею приготовительною школою для средняго учебнаго заведенія. Принявши воспитанника съ такой подготовкой, средняя школа могла бы быть увѣреннѣе въ способности ученика къ среднему образованію.

Учитель Леглеръ, изъ Рейхенберга, въ Австріи, протестовалъ противъ выраженныхъ оппонентомъ мнѣній о положеніи дѣла народнаго образованія въ Австріи. Здѣсь единая народная школа введена со временъ Маріи-Терезіи, и съ 1869 г. получила окончательную организацію. Оппонентъ изъ своего тридцатилѣтняго опыта вынесъ убѣжденіе о благодѣтельности этого закона, и можетъ лишь сожалѣть о томъ, что онъ дѣйствуетъ не повсемѣстно, какъ, напримѣръ, не введенъ въ Галиціи, Далмаціи и Тиролѣ.

Учитель Кенке, изъ Гамбурга, предлагалъ примирительную формулу слѣдующаго рода:

„училищная система должна быть организована такъ, чтобы каждое дитя, независимо отъ званія и состоянія родителей, было обезпечено въ возможности образованія, соотвѣтствующаго его способностямъ и наклонностямъ“.

Но съѣздъ, отвергнувъ это предложеніе, принялъ положенія Гутмана въ такой редакціи:

1) чувство національнаго единства, основанное на сознаніи равенства правъ и общности обязанностей всѣхъ классовъ общества, должно быть поддерживаемо всѣми возможными способами. Единая, общая

для всѣхъ классовъ общества начальная школа составляетъ въ этомъ отношеніи важное орудіе;

2) если организація, учебные планы и методы преподаванія единой, всеобщей начальной школы соотвѣтствуютъ требованіямъ педагогическимъ, то она обезпечиваетъ цѣлесообразную подготовку воспитанниковъ для всѣхъ дальнѣйшихъ общеобразовательныхъ заведеній;

3) воспитаніе дѣтей всѣхъ сословій въ единой, всеобщей начальной школѣ не только не представляетъ существенныхъ затрудненій, но даетъ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ воспитаніе въ особыхъ заведеніяхъ.

Учитель Польцъ, изъ Веймара, находилъ, что въ настоящемъ дѣлѣ было бы безполезно ограничиться областью академическихъ разсужденій, и что представляется необходимымъ указать и практическія мѣры къ осуществленію предположеннаго. Соглашаясь съ этимъ, съѣздъ принялъ слѣдующіе дополнительные тезисы.

4) Школьное начальство союзныхъ государствъ должно стремиться къ тому, чтобы особые приготовительные классы среднихъ учебныхъ заведеній не были поддерживаемы государственными средствами и вообще прекратили свое существованіе.

5) Въ законодательномъ порядкѣ должно постановить, что каждое дитя обязано до десятилѣтняго возраста посѣщать общую народную школу.

Изъ изложеннаго видно, что предположенія, истекающія изъ идеи единой школы, сводятся къ тремъ главнымъ требованіямъ: 1) установленія единообразнаго по составу своему учебнаго курса средней школы; 2) установленія генетической связи низшихъ учебныхъ заведеній съ средними и согласованнаго въ тѣхъ и другихъ заведеніяхъ распредѣленія учебнаго матеріала по годамъ обученія и 3) введенія общаго для дѣтей всякихъ званій и состояній обученія на его элементарной ступени.

Обращаясь къ оцѣнкѣ этихъ требованій, должно сказать, что первое изъ нихъ не выдерживаетъ критики ни съ педагогической, ни съ государственной точки зрѣнія. Педагогія требуетъ, чтобы обученіе было соображено не только съ цѣлями воспитанія, но также съ природою воспитуемаго и условіями его жизни. Въ ряду разнообразныхъ способовъ достиженія воспитательныхъ цѣлей, наилучшими должно признать не тѣ, которые представляются таковыми съ точки зрѣнія отвлеченнаго мышленія, но тѣ, которые успѣшнѣе могутъ быть при-

мѣнены къ данному воспитуемому и при данныхъ условіяхъ воспитанія. При томъ же и съ теоретической точки зрѣнія едва ли можетъ быть доказано, что тотъ или другой составъ курса обезпечиваетъ непремѣнно извѣстные, опредѣленные результаты, которыхъ желательно достигнуть. Исторія и ежедневный опытъ жизни показываютъ, что развитіе, которое должно быть цѣлью обученія, можетъ быть достигаемо самыми разнообразными путями. Такъ греческое воспитаніе было основано на эстетическихъ впечатлѣніяхъ, но дало Сократа, Платона, Аристотеля. Западно-европейскіе ученые проходятъ классическую общеобразовательную школу, японское же образованіе вполнѣ чуждо классицизма, а между тѣмъ Японія начинаетъ соперничать съ Европой въ научныхъ изысканіяхъ и открытіяхъ. Въ жизни на каждомъ шагу мы видимъ доказательства того, что образовательность знаній обусловливается не однимъ только ихъ предметомъ, но и тѣми способами, которыми ведутся занятія. Стоящій на высотѣ своего призванія учитель, при педагогическомъ пользованіи матеріаломъ, можетъ усилить его образовательное значеніе до высочайшей степени, какъ съ другой стороны самый благодарный въ педагогическомъ смыслѣ матеріалъ можетъ потерять всѣ достоинства въ рукахъ неискуснаго педагога.

Фиксація одного опредѣленнаго учебнаго курса въ качествѣ наилучшаго орудія для полученія образованія влечетъ за собою то невыгодное послѣдствіе, что крайне увеличиваетъ число недоучекъ. Мы знаемъ, что натуры, въ равной мѣрѣ способныя ко всякому дѣлу, крайне рѣдки, наиболѣе же частые и обыкновенные типы представляютъ въ этомъ отношеніи крайнее разнообразіе. Поэтому тупость ученика въ одномъ извѣстномъ отношеніи не исключаетъ даровитости въ другихъ. Между тѣмъ когда для всѣхъ воспитуемыхъ узаконяются однородныя занятія, извѣстная часть молодежи, мало къ нимъ способная, огорчаемая неудачами и отсутствіемъ результатовъ труда, теряетъ всякую охоту къ этимъ занятіямъ и, за невозможностію другого исхода, вовсе прекращаетъ ученье. Эта нерасположенность къ занятіямъ можетъ также возникнуть подъ вліяніемъ общественныхъ антипатій къ извѣстному роду занятій или какъ результатъ неумѣлаго преподаванія. Благодаря этимъ причинамъ и многимъ инымъ обстоятельствамъ, практика единообразныхъ учебныхъ курсовъ сопровождается выдѣленіемъ изъ школы громаднаго количества отбросовъ, превышающаго полезную производительность школы. Отсюда само собою понятно, что училищная система, построенная на едино-

образности учебныхъ курсовъ, является условіемъ крайне неблагопріятнымъ для успѣховъ народнаго просвѣщенія.

И слѣдовательно система, основанная на разнообразіи типовъ учебныхъ заведеній, но связанныхъ единствомъ общаго плана, представляется самымъ желательнымъ порядкомъ вещей и съ педагогической, и съ государственной точки зрѣнія. Эта система не насилуетъ природы дѣтей, представляетъ каждому путь образованія, соотвѣтственный его способностямъ и наклонностямъ, указываетъ каждому воспитуемому его мѣсто. Она направляетъ ребенка соотвѣтственно не рожденію его, а его индивидуальнымъ особенностямъ, она предлагаетъ ему занятія, которымъ онъ предается съ увлеченіемъ, въ случаѣ же ошибочности первоначальнаго выбора даетъ возможность легко исправить ошибку перемѣной заведенія, такъ какъ при этой системѣ распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ будетъ произведено именно въ расчетѣ на то, чтобы переходъ изъ одного заведенія въ другое совершался безъ потери времени и безъ отягощенія излишними формальностями. Эта система сдѣлаетъ невозможными, или, по крайней мѣрѣ, крайне рѣдкими отбросы учащагося юношества, утилизируетъ государству всѣ его интеллектуальныя силы, устранитъ накопленіе никому не нужныхъ общественныхъ изгоевъ.

Что касается наконецъ предположенія о томъ, чтобы дѣти всѣхъ званій и состояній получали элементарное образованіе въ единой общей школѣ, то это есть порядокъ, противъ котораго ничего нельзя возразить съ теоретической точки зрѣнія, къ которому должно поэтому стремиться всемѣрно. Необходимо однако же сказать, что порядокъ этотъ практически осуществимъ лишь въ странахъ съ болѣе или менѣе однороднымъ составомъ населенія, безъ рѣзкихъ противоположностей въ культурѣ высшихъ и низшихъ сословій государства. При отсутствіи этихъ условій всеобщее элементарное обученіе всѣхъ дѣтей въ одной общей школѣ если и возможно, то только при такомъ minimum'ѣ учебнаго курса, который въ значительной степени подорветъ сплачивающую силу такой школы. Къ этому надо прибавить, что понудительность школы, какова бы ни была эта школа по своему существу, во всякомъ случаѣ есть вещь, совершенно нежелательная. Какъ ни важно для государства, чтобы дѣти всѣхъ сословій учились вмѣстѣ, но не менѣе важно, чтобы въ области воспитанія не существовало никакого насилія, и чтобы не были попираемы столь деликатныя права, какъ право родителей избирать способы воспитанія дѣтей. Во многихъ государствахъ существуетъ обязательное обученіе,

но нигдѣ родители не были стѣсняемы до сихъ поръ въ выборѣ той или другой школы для своихъ дѣтей. Совершенно нежелательно, чтобы эта практика измѣнилась въ смыслѣ подавленія свободы выбора. Не путемъ насилія надо идти на встрѣчу единой, всеобщей народной школѣ, въ которой бы получало элементарное образованіе все юношество страны. Есть другой путь, медленный, но болѣе вѣрный. Это — возможное усовершенствованіе начальной школы, такое, которое со временемъ поставило бы ее внѣ конкурренціи со всѣми однородными учрежденіями. Этимъ именно путемъ и идетъ наша русская народная школа, все болѣе и болѣе привлекающая къ себѣ общественное сочувствіе и уже теперь притягивающая къ себѣ такіе элементы, которые въ былое время сторонились отъ нея.

Вл. Фармаковскій.

Октябрь 1904.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ.

*Библиотека великихъ писателей, подъ редакціей *С. А. Венгерова.* Шекспиръ. Изд. *Брокгауза-Ефрона.* С.-Петербургъ, т. I, стр. IV+573; т. II, стр. 577; т. III, стр. 596; т. IV, стр. 605; т. V, стр. 608.

Это изданіе отличается полнотой, богатствомъ содержанія и обиліемъ иллюстрацій, по большей части выбранныхъ и выполненныхъ очень удачно. Кромѣ историко-литературныхъ коментаріевъ къ каждой пьесѣ, въ концѣ каждаго тома мы встрѣчаемъ объяснительныя примѣчанія, какъ реальнаго, такъ и литературно-филологическаго характера. Редакція очень внимательно отнеслась не только къ иллюстраціямъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но и къ орнаменту своего изданія: вмѣсто обычной въ этомъ случаѣ *стилизаціи* редакторъ выбралъ для заставокъ и концовокъ такія изображенія, которыя такъ или иначе связаны съ обстановкой сценическаго дѣйствія или изображаемой эпохой: такъ въ переводѣ „Усмиренія строптивой" одна изъ заставокъ изображаетъ Падуанскій видъ, другая барельефъ эпохи ранняго ренессанса. Заставка къ „Антонію и Клеопатрѣ" повторяетъ „Аллегорическое изображеніе Нила", съ извѣстной Ватиканской группы.

Иллюстраціи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова вмѣстили въ себя, по словамъ редактора, всю Бойделевскую галлерею (около 150 картинъ). Интересъ иллюстрацій, помимо художественности ихъ воспроизведенія, опредѣляется еще нахожденіемъ между ними снимковъ съ произведеній, которыя русскому читателю иначе было бы очень трудно видѣть.

Новыми переводами представлено въ настоящемъ изданіи 10 пьесъ

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

(считая Генриха VI состоящимъ изъ 3 отдѣльныхъ пьесъ), носящихъ имя Шекспира. Въ числѣ новыхъ переводчиковъ находимъ имена П. П. Гнѣдича, Н. М. Минскаго и О. Н. Чюминой. Изъ старыхъ переводовъ редакціей выбраны, между прочими, очень хорошіе Кронеберговскіе.

Изъ предисловій нѣкоторыя имѣютъ библіографическій интересъ, другія даютъ интересныя параллели къ Шекспировскимъ пьесамъ. Напримѣръ въ I т. „Комедія ошибокъ" детально сопоставляется съ „Менехмами" Плавта. Жаль, что авторъ предисловія къ „Зимней сказкѣ" (т. IV, стр. 368 слл.) не указалъ на удивительное сходство V акта этой пьесы съ концомъ Еврипидовской „Алькесты": въ литературѣ античной драмы уже давно отмѣченъ въ „Зимней сказкѣ" отдаленный отзвукъ ранней драмы Еврипида.

Нѣкоторыя предисловія касаются и сценической стороны пьесъ; въ превосходномъ очеркѣ Н. И. Стороженко (къ „Королю Лиру") дается анализъ и оцѣнка роли Лира, какъ ее понимали Гаррикъ, Кинъ, Росси и Сальвини (т. III 371 сл.). Въ другихъ комментаторы останавливались подробнѣе на отзывахъ критики: такъ А. И. Кирпичниковъ для общей характеристики Макбета даетъ цѣлыхъ два отзыва Бѣлинскаго объ этой трагедіи (т. III, 455 сл.).

Большая часть предисловій написана въ очень сдержанномъ тонѣ, далекомъ отъ панегирическаго: авторы выставляютъ на видъ не только художественныя достоинства пьесы, но и ея тѣневыя стороны или недочеты. Такъ въ предисловіи къ Виндзорскимъ проказницамъ проф. Ѳ. А. Браунъ выдвигаетъ односторонность въ обрисовкѣ Фальстафа (т. II, 445).

Нѣсколько безпорядочно написанное предисловіе къ „Бурѣ" (Ив. Иванова) читается тѣмъ не менѣе съ большимъ интересомъ: авторъ привлекъ къ своему разбору и французскую литературу о пьесѣ, которая во многихъ предисловіяхъ къ Шекспировскимъ пьесамъ настоящаго изданія почти не затрогивается (IV, 434 слл.).

Если есть между статьями книги статьи, написанныя мѣстами въ раздраженномъ, ироническомъ тонѣ, то это двѣ статьи нашихъ извѣстныхъ шекспирологовъ — Н. И. Стороженко и Р. И. Бойля, направленныя противъ „Бэконовской ереси": они помѣщены въ V томѣ и прочтутся съ большимъ интересомъ и пользою всѣми, кто недостаточно освѣдомленъ объ оригинальномъ трактованіи Шекспировскихъ пьесъ у ряда изслѣдователей, который открывается въ 50-хъ годахъ прошлаго вѣка даровитой и ученой, но истеричной миссъ Деліей

Бэконъ и дѣйствуетъ главнымъ образомъ среди американцевъ. Гг. Стороженко и Бойль очень хорошо разоблачаютъ слабыя стороны представителей Шекспира о—Бэконовской ереси и изобрѣтателей Бэконовскаго шифра.

Самый бѣглый обзоръ богатаго и интереснаго изданія Шекспира, полное заглавіе котораго выписано нами выше, убѣждаетъ насъ, что русскіе читатели, а въ томъ числѣ и наиболѣе воспріимчивая ихъ разновидность—юношество, получаютъ въ этихъ роскошно изданныхъ книгахъ обильную пищу для развитія своего эстетическаго чувства и расширенія литературныхъ горизонтовъ. Рискованные по своимъ выраженіямъ и мало соотвѣтствующія нашимъ понятіямъ о приличіяхъ пассажи Шекспировскихъ пьесъ переводчиками обыкновенно обходились, а нѣкоторыя поясненія по поводу нихъ относились редакціей въ примѣчанія, въ заключеніяхъ отдѣльныхъ томовъ.

Одно небольшое замѣчаніе. Отчего редакція не воспользовалась замѣчательными переводами Шекспировскихъ сонетовъ П. А. Кускова? едва-ли на русскомъ языкѣ есть лучшіе.

И. Анненскій.

***Этимологія русскаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ. Составилъ *Петръ Васильевъ*. Москва. 1904. VII+96 стр. Цѣна 40 коп.**

Книга г. Васильева выгодно отличается отъ весьма многихъ книгъ того-же рода отсутствіемъ балласта, что̀ въ учебникахъ русской грамматики является особенно цѣннымъ. Почти все, что̀ помѣщено въ учебникѣ г. Васильева, съ точки зрѣнія программы, оказывается пріемлемымъ и практичнымъ, въ смыслѣ цѣли орфографіи и цѣли грамматическаго пониманія. Со стороны внѣшней книга также представляется удовлетворительною: шрифты, бумага, брошюровка приспособлены къ учебнымъ, спеціально классымъ цѣлямъ.—Конечно, далѣе книги Грота г. Васильевъ, въ смыслѣ научной обосновки своего руководства, не идетъ, но надо отдать ему справедливость: „Русскимъ правописаніемъ“ онъ пользуется очень умѣло. Опредѣленія у г. Васильева изложены въ общемъ довольно точно. Частныя замѣчанія, которыя я могу сдѣлать, сводятся къ слѣдующимъ:

1. На стр. 4-ой читаемъ, что „согласные звуки, если за ними не слѣдуютъ гласные (звуки), произносятся неясно. Такъ б смѣшивается съ п и т. п.“—Здѣсь есть нѣкоторое недоразумѣніе: никакой неясности произношенія, по крайней мѣрѣ въ языкѣ литературномъ не наблю-

дается,—въ закрытомъ слогѣ (отчего г. Васильевъ избѣгаетъ этого термина, по моему, умѣстнаго и въ элементарномъ курсѣ?) слышится совершенно опредѣленное п. Неясность или колебаніе можетъ касаться не выговора, а только письма.

2. На стр. 5 въ примѣчаніи какая-то опечатка или описка,—во всякомъ случаѣ примѣры не сходятся съ правиломъ; непонятно къ чему приведено буквосочетаніе кн.

3. Въ книгѣ дано ошибочное опредѣленіе полногласія. Напрасно думаетъ г. Васильевъ, что законъ полногласія примѣнимъ только къ словамъ, взятымъ изъ древняго церковно-славянскаго языка: какъ разъ наоборотъ онъ дѣйствуетъ именно только въ русскихъ словахъ, слова же, заимствованныя изъ церковно-славянскаго, сохраняютъ свою звуковую форму, напримѣръ прахъ (русское порохъ уже въ другомъ значеніи).

4. При распредѣленіи вопросовъ падежей говорится лишь объ именахъ предметовъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ; надо бы было принять во вниманіе и введенные въ классификацію предметы умственные: ихъ имена тоже склоняются.

5. Опредѣленіе прилагательнаго у г. Васильева, къ сожалѣнію, столь же неточно, какъ и въ другихъ учебникахъ. Мало сказать, что прилагательное указываетъ на качество или свойство предмета,— бѣлизна будетъ тоже указывать на качество предмета, а между тѣмъ слово это не будетъ же прилагательнымъ.

6. По примѣру другихъ грамматикъ, книга г. Васильева не свободна отъ совершенно неупотребительныхъ въ литературномъ языкѣ формъ полуторы, полуторою, полуторѣ. Неужто кто-нибудь еще заставляетъ учениковъ зубрить эти архаизмы?

7. На 45 стр. читаемъ, между прочимъ, что видомъ называется форма глагола, обозначающая начало... неповторяемость дѣйствія. Я бы позволилъ себѣ не назвать этого опредѣленія точнымъ, особенно по отношенію къ слову неповторяемость. Этотъ терминъ не имѣетъ ничего общаго съ значеніемъ однократнаго вида.

И. Анненскій.

П. П. Мироносицкій. Записки по теоріи музыки. С.-Петербургъ. 1904 года. Цѣна 80 коп.

Быть хорошимъ регентомъ-практикомъ еще не значитъ обладать достаточными свѣдѣніями для составленія учебника: усвоеніе теоріи музыки, даже и въ тѣхъ низшихъ отдѣлахъ, которые обыкновенно

затрагиваются въ подобныхъ руководствахъ, требуетъ немалой затраты силъ, и поверхностное представленіе въ данномъ случаѣ неизбѣжно ведетъ къ печальнымъ погрѣшностямъ, изобличающимъ въ авторахъ диллетантовъ-теоретиковъ, которые тщетно пытаются передать другимъ то, чего они сами не знаютъ и не понимаютъ. Разборъ такого руководства, въ особенности если оно значительно по объему, представляетъ для рецензента крайне утомительный и при томъ малопроизводительный трудъ. Дѣло въ томъ, что указаніе на грубѣйшіе промахи въ элементарныхъ вопросахъ теоріи музыки, гдѣ только нужно знать и не къ чему философствовать, если такихъ промаховъ много, производитъ на рецензента удручающее впечатлѣніе, ибо заставляетъ его исправлять то, что съ самаго начала должно было быть изложено правильно. Сверхъ того, такая работа не даетъ ощутительныхъ результатовъ, такъ какъ, за безцѣльностью для рецензента указать всѣ безъ исключенія ошибки, авторы руководствъ, не обладающіе потребными познаніями и могущіе идти лишь на помочахъ, при новомъ изданіи обыкновенно ограничиваются однимъ внесеніемъ сдѣланныхъ рецензентомъ поправокъ, оставляя прочія погрѣшности въ прежнемъ видѣ, и такимъ образомъ добрыя намѣренія рецензента, пожелавшаго подчеркнуть только наиболѣе рѣзкіе недочеты и предоставить автору самому переработать свое сочиненіе въ мелочахъ, остаются въ громадномъ большинствѣ случаевъ не осуществленными.

„Записки" г. Мироносицкаго среди упомянутыхъ учебниковъ представляютъ собою отрадное исключеніе, а происходитъ это оттого, что г. Мироносицкій, какъ видно, 1) самъ обладаетъ надлежащими познаніями въ той области теоріи композиціи, которой отведено мѣсто на страницахъ его учебника, 2) умѣетъ передавать свои свѣдѣнія другимъ и 3) ясно опредѣлилъ себѣ цѣль, которой, онъ намѣренъ достичь и дѣйствительно достигаетъ. Разумно подобранный матеріалъ, простота и ясность изложенія и стараніе примѣниться къ музыкальному развитію своихъ будущихъ читателей—таковы несомнѣнныя достоинства учебника г. Мироносицкаго. Эти достоинства книги г. Мироносицкаго не могутъ не обратить на нее вниманіе каждаго учителя хороваго пѣнія, который пожелалъ бы предложить своимъ ученикамъ подходящій и надежный ключъ къ раскрытію хотя бы элементарныхъ сторонъ архитектоники того, что ими поется.

Приведенной общей характеристикой труда г. Мироносицкаго я вовсе не имѣю въ виду сказать, чтобы разсматриваемый учебникъ

былъ чуждъ всякихъ промаховъ. Какъ и вездѣ, они встрѣчаются и здѣсь, но только носятъ въ большинствѣ случаевъ характеръ недомолвокъ и недосмотровъ и легко устранимы при слѣдующемъ изданіи. Обращаюсь къ частностямъ.

На стр. 29 говорится, что „*до* въ 2088 колебаній подъ силу лишь рѣдкимъ дискантамъ и представляетъ очень высокую ноту даже для оперныхъ пѣвицъ. Можно сказать, что на этомъ звукѣ кончается область звуковъ, доступныхъ человѣческимъ голосамъ". Съ этимъ нельзя согласиться, такъ какъ колоритурныя сопрано идутъ выше этой ноты до *mi* и даже *fa*.

Далѣе на той же страницѣ сказано, что „послѣднее *до* въ 8352 колебанія..... имѣетъ смыслъ лишь въ соединеніи съ другими *до*, ниже его". Не знаю, на чемъ основано это заявленіе г. Мироносицкаго. На колокольчикахъ (съ клавіатурой), напримѣръ, или селестѣ это *до* можетъ быть употреблено свободно и ничуть не нуждается въ соединеніи съ другими *до*, ниже его находящимися.

На стр. 54 мы читаемъ, что бекаръ „служитъ *отрицаніемъ* бемоля". Не лучше ли было бы замѣнить слово „отрицаніемъ" словомъ „отказомъ"?

На стр. 63 въ фразѣ: „Наконецъ, мы выбрали „голосъ" и поемъ свой *мотивъ* про себя" мы видимъ смѣшеніе понятія „мотивъ" съ понятіемъ „мелодія". Хотя это смѣшеніе легко можетъ быть объяснено тѣмъ, что обыденная рѣчь не дѣлаетъ между этими понятіями надлежащаго разграниченія, все же ему не мѣсто въ книгѣ, предназначенной для педагогическихъ цѣлей.

На стр. 65 вызываетъ недоумѣніе замѣчаніе, что „*число знаковъ* является самымъ *надежнымъ признакомъ* гаммы". Что авторъ хотѣлъ сказать этими словами? Да и вообще что значитъ: „надежный признакъ"?

На стр. 105 заявляется, что для записыванія паузъ „существуютъ особыя *ноты*". Ноты служатъ для записыванія длительности звуковъ, а паузами отмѣчается продолжительность молчанія.

Оставляя въ сторонѣ прочіе, въ общемъ немногочисленные недочеты, я нахожу нелишнимъ нѣсколько остановиться на введеніи, предпосланномъ „Запискамъ по теоріи музыки" г. Мироносицкаго. Такъ, на стр. 6-ой заявляется, что „нерѣдко *одинъ и тотъ же инструментъ* (напр., скрипка) въ рукахъ разныхъ игроковъ даетъ звуки *разнаго тембра*". Если бы приведенное заявленіе г. Мироносицкаго было

справедливымъ, то авторы оркестровыхъ вещей очутились бы въ трагическомъ положеніи. Не слѣдуетъ забывать, что секретъ оркестровки, между прочимъ, заключается въ томъ, чтобы та или другая музыкальная фраза получала въ оркестрѣ вполнѣ соотвѣтствующую ея характеру окраску, а это, въ свою очередь, достижимо лишь потому, что тембры инструментовъ присущи послѣднимъ, какъ нѣчто постоянное. Если бы тембры зависѣли отъ индивидуальныхъ качествъ исполнителей, то одна и та же вещь при различномъ составѣ оркестровыхъ музыкантовъ звучала бы различно, и предупредить подобные сюрпризы для композиторовъ не представилось бы возможнымъ никакими партитурами. Отъ личныхъ качествъ исполнителей, а въ оркестрѣ — капельмейстера, можетъ зависѣть не тембръ, а экспрессія и темпъ, и для предупрежденія слишкомъ свободнаго въ этомъ отношеніи и далекаго отъ намѣреній автора толкованія проставляется метрономъ въ началѣ пьесы и примѣняется цѣлый рядъ особыхъ знаковъ. Равнымъ образомъ трудно согласиться съ замѣчаніемъ г. Мироносицкаго, что музыка является выраженіемъ *мысли* (стр. 7). Къ такому взгляду на сущность музыкальнаго искусства надо относиться съ осторожностью тѣмъ болѣе, что мы видимъ на произведеніяхъ, хотя бы Рихарда Штрауса, къ какимъ плачевнымъ съ эстетической точки зрѣнія результатамъ иногда приводитъ приписываніе музыкѣ того, что ей совершенно несвойственно. Не говоря уже о томъ, что такое увлеченіе, за единичными исключеніями, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, объясняется стремленіемъ новаторовъ замаскировать сплошными страницами преднамѣренной программной какофоніи недостатокъ своей мелодической изобрѣтательности, составляющей главный жизненный нервъ музыки, подобная тенденція идетъ въ разрѣзъ съ музыкальнымъ искусствомъ, вліяющимъ непосредственно на чувство и затѣмъ уже настраивающимъ слушателя въ томъ направленіи, чтобы его воображеніе рисовало ему въ общихъ, разумѣется, чертахъ такія же картины, какія представлялись композитору въ моментъ творчества.

Наконецъ, разсматриваемое руководство не свободно и отъ пробѣловъ, пополненіе которыхъ при слѣдующемъ изданіи было бы весьма желательно въ интересахъ хоровыхъ исполнителей, имѣвшихся главнымъ образомъ г. Мироносицкимъ въ виду при составленіи учебника. Въ данномъ случаѣ я разумѣю вопросы о сродствѣ строевъ, квинтовомъ кругѣ, тѣсномъ и широкомъ расположеніи голосовъ, обращеніи трезвучій и септаккордовъ и, сверхъ того, графическое изображеніе

взмаховъ руки при различномъ счетѣ, пониманіе которыхъ для участниковъ хора безусловно необходимо.

Съ внѣшней стороны „Записки по теоріи музыки“ изданы изящно и редакціонныхъ, а также корректурныхъ недосмотровъ въ нихъ весьма немного. Изъ числа послѣднихъ укажу на слѣдующіе.

На стр. 8 читаемъ: „у насъ есть *мѣрка* для *измѣренія* длительности звуковъ“; на стр. 15 и сл.: „Звуки сами по себѣ, если брать ихъ въ отдѣльности другъ отъ друга, не могутъ дать *музыкальнаго удовольствія*“; на стр. 32: „Однако вмѣсто только что *описаннаго* способа *записыванія* высоты звуковъ на практикѣ употребляется болѣе сокращенный способъ“; на стр. 55: „Благодаря простымъ и двойнымъ повышеніямъ и пониженіямъ, число *возможныхъ* интерваловъ *можетъ* быть весьма значительнымъ“; на стр. 67: „Въ свою очередь и фа діезъ и до діезъ изъ этой гаммы (соль) переходятъ въ гамму ля, у которой есть свой *благопріобрѣтенный* діезъ на соль“; на стр. 108—„coronna“ вм. „corona“; на стр. 115—„*крещендо*“ вм. „крешендо“ и „*сфорцато*“ вм. „сфорцандо“; на стр. 116—„*энержико*“ вм. „энерджико“ и т. п. Точно также для меня не вполнѣ ясно, почему г. Мироносицкій упорно отдаетъ предпочтеніе названію ноты „*восьмушка*“ предъ „восьмая“.

Указанные недочеты въ руководствѣ г. Мироносицкаго легко могутъ быть исправлены при слѣдующемъ изданіи и нисколько не умаляютъ отмѣченныхъ достоинствъ.

А. Маннъ.

*Для дѣтей. Разсказы. *Л. Л. Толстого.* М. 1901. Изд. 2-ое. Цѣна 1 руб. 164 стр.

Сборникъ составленъ изъ шести разсказовъ: „Монте-Кристо“, „Илюшкины яблоки“, „Волченокъ“, „Яшка“, „На совѣсти“, „Хромые друзья“.

Въ первомъ разсказѣ авторъ сообщаетъ читателямъ назидательный случай изъ своей жизни, какъ онъ деньги, накопленныя для покупки монте-кристо, отдалъ нищей. Разсказъ „Илюшкины яблоки“ совершенно не соотвѣтствуетъ своему заглавію. Бѣдный мальчикъ, вмѣсто больной матери, отправился продавать яблоки на станцію, попалъ въ поѣздъ, былъ завезенъ на слѣдующую станцію, а когда вернулся домой, то мать умерла. Идеи въ разсказѣ нѣтъ никакой. Въ разсказѣ «Волченокъ» описана охота на волковъ, поимка живымъ волченка и освобожденіе его, такъ какъ вой осиротѣлой волчицы разжалобилъ сердца охотниковъ. Въ повѣсти „Яшка“ разсказывается, какъ отецъ автора вернулъ къ жизни нѣмого мальчика, замерзшаго въ полѣ. Послѣдній

разсказъ „Хромыя друзья“ совершенно не отвѣчаетъ своему названію: сначала авторъ разсказываетъ о деревенскомъ мальчикѣ Антохѣ, который жилъ въ его квартирѣ, захворалъ, причинилъ много хлопотъ, а потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, привыкъ къ городской жизни, отвыкъ отъ деревенской. Потомъ авторъ разсказываетъ, какъ онъ встрѣтилъ хромого охотника съ хромой собакой, присталъ къ нему съ неумѣстными вопросами: „ваша ли это собака“, „сколько ей лѣтъ“, „отчего она хромаетъ“ — выслушалъ отъ хромого охотника рядъ остроумныхъ дерзостей (стр. 145) и, наконецъ, добился разсказа о томъ, какъ охотникъ подстрѣлилъ одну лапу у своего пса Бакса, а Баксъ (переименованный въ Ваську) сломалъ себѣ другую. Причемъ здѣсь Антоха, занимающій больше половины разсказа, остается неяснымъ.

Всѣ разсказы Л. Л. Толстого безцвѣтны, малосодержательны, всѣ они смахиваютъ на ученическія упражненія; авторъ, слѣдуя по стопамъ отца, все пытается писать очерки въ духѣ „Дѣтства и Отрочества“ и все разсказываетъ о своихъ добрыхъ дѣлахъ, добрыхъ чувствахъ и мысляхъ. Въ общемъ выходитъ все очень слащаво и дѣланно.

В. Синовскій.

**Гексли.* Введеніе въ науку. Переводъ *Д. Кашкарова* подъ ред. прив.-доцента Московскаго университета *Н. К. Кольцова*. Научно-образовательная библіотека. Серія начальныхъ курсовъ. Моска. 1902; 80 стр. Цѣна не обозначена.

„Введеніе въ науку“ раздѣлено на три главы, содержащихъ всего 67 параграфовъ или статей. Глава I, „Природа и знаніе“ (стр. 3—15) содержитъ 11 статей.

Глава II, „Матеріальные предметы,“ распадается на два отдѣла: А. Природа безжизненная (стр. 15—68), содержащая 44 статьи, и Б. Живая природа (стр. 69—76), обнимающая 10 статей.

Глава III, „Нематеріальныя явленія“, занимаетъ немного болѣе одной страницы и содержитъ 2 статьи.

Я остановлюсь на главѣ II, въ которой авторъ ознакомляетъ читателя съ нѣкоторыми простѣйшими физическими явленіями, и въ то же время съ явленіями окружающей природы и ихъ характеромъ вообще.

Слѣдовало бы думать, что чисто научныя ошибки въ этой части, въ виду крайней элементарности ея содержанія, невозможны. Ока-

зывается, однако, что три ошибки все-таки остались въ текстѣ незамѣченными.

На стр. 19 авторъ правильно указываетъ, что при давленіи въ 15 фунтовъ на кв. дюймъ (одна атмосфера) объемъ воды уменьшается на $^1/_{20000}$ часть. Отсюда онъ, уже не правильно, заключаетъ, что при давленіи въ 30.000 фунтовъ на кв. дюймъ (2.000 атмосферъ) объемъ воды уменьшится на $^1/_{10}$ часть. Такое разсужденіе привело бы къ результату, что при давленіи въ 20.000 атмосферъ объемъ воды дѣлается равнымъ нулю! Авторъ забылъ, что сжимаемость воды уменьшается при увеличеніи внѣшняго давленія и, напримѣръ, при 2.000 атмосферъ равна лишь 0,6 сжимаемости при одной атмосферѣ. Стр. 57. „При нагрѣваніи (воды) отталкивательная сила увеличивается, пока молекулы не окажутся на разстояніи въ двѣнадцать приблизительно разъ большемъ по всѣмъ направленіямъ другъ отъ друга, нежели были прежде; тогда сила притяженія оказывается побѣжденной и т. д.“. Это чистѣйшая фантазія; такой взглядъ на характеръ молекулярныхъ силъ не выдерживаетъ научной критики.

Стр. 62—63. Чистый алкоголь еще не былъ замороженъ! Замораживаніе (при 130°) чистаго алкоголя—самый обыкновенный лекціонный опытъ. Ошибка тѣмъ болѣе странная, что авторъ упоминаетъ объ ожиженіи не только воздуха, но и водорода.

Укажемъ, далѣе, на такіе вопросы, изложеніе которыхъ нельзя признать удачнымъ.

Стр. 20. Сказанное о движеніи двухъ капель вѣрно только для частнаго случая, когда онѣ сначала находились въ покоѣ, или двигались по прямой, соединяющей ихъ центры.

Стр. 24. Говоря объ условіяхъ горизонтальности коромысла вѣсовъ, слѣдовало бы упомянуть и объ условіи равенства плечъ.

Стр. 26. „Отношеніе вѣса тѣла къ его объему составляетъ плотность тѣла.“ Плотность есть понятіе sui generis и лишь при нѣкоторыхъ условіяхъ численное значеніе плотности равно указанному отношенію.

Стр. 31. „Вѣсъ одного куб. сант. чистой перегнанной воды при 15° наз. граммомъ.“ А на стр. 41 дана температура 12°. Откуда авторъ взялъ эти числа?

Стр. 36—37. „ .... двѣ силы—скорость, двигающая ее вверхъ, и тяжесть, тянущая книзу“ ..... „представленіе объ энергіи, какъ о силѣ производящей работу.“ И скорость есть сила, и энергія есть сила—хаосъ порядочный!

Стр. 40. „При одномъ и томъ же количествѣ тепла жидкость въ трубкѣ (термометра) всегда стоитъ на одномъ и томъ же градусѣ, и слѣдовательно приборъ измѣряетъ температуру". Врядъ ли удобное смѣшеніе понятій о количествѣ тепла и о температурѣ!

Стр. 42—43. Говорится объ объемѣ пара, но не указано, что рѣчь идетъ объ объемѣ насыщенаго пара при 80° Р., т. е. объ объемѣ который былъ бы *меньше*, если бы температура была взята *выше*.

Языкъ перевода не важный, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Очень трудно сблизить ея части тѣснѣе (стр. 19); когда поддержка принимается прочь (стр. 19); то, что обыкновенно зовется закономъ тяготѣнія (стр. 22); если бы два мальчика одинаковой силы стали тянуться на палкѣ (стр. 25); паръ и вода..... являются слѣдствіями того, какое количество тепла вода восприняла (стр. 42); на гипотезу нужно смотрѣть какъ на средство, а не какъ на конецъ (стр. 56); такимъ образомъ эффектъ тотъ же самый, что и сжиманіе (какъ при сжиманіи, стр. 62).

Употребленіе англійскихъ мѣръ неудобно для русскихъ читателей. Часто употребляются, напримѣръ, граны; а на стр. 65 по недосмотру оставлено указаніе температуры въ градусахъ Фаренгейта (212° вмѣсто 80° Р).

Изъ опечатокъ укажемъ: метръ вмѣсто литръ (стр. 39), полный вмѣсто полый (стр. 40), вѣсъ вмѣсто удѣльный вѣсъ (стр. 49), мѣлъ вмѣсто тѣлъ (стр. 67).

О. Хвольсонъ.

**H. Abraham.* Сборникъ элементарныхъ опытовъ по физикѣ, составленный при участіи многихъ физиковъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціею *Б. П. Вейнберга*. Часть I. Работы въ мастерской.—Геометрія и механика. — Гидростатика. — Теплота. Изданіе фирмы „Mathesis". Одесса. 1905 г. XVI+272 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

Исторія этой книги слѣдующая: во Франціи болѣе, чѣмъ гдѣ либо, признано необходимымъ дать учащимся средней школы возможность путемъ личнаго опыта и при помощи простыхъ приборовъ (гдѣ возможно—самодѣльныхъ) познакомиться съ физическими и химическими явленіями, и такимъ способомъ выработать правильный взглядъ на эти явленія. Въ помощь этому дѣлу выступило французское физическое общество, которое поручило своему секретарю, H. Abraham'у,

обратиться къ членамъ общества за матеріаломъ для „Сборника элементарныхъ опытовъ по физикѣ“.

На призывъ откликнулось весьма большое число ученыхъ различныхъ странъ, причемъ оказалось возможнымъ воспользоваться матеріаломъ, полученнымъ отъ 154 лицъ. Между ними гг. Гезехусъ и Лермантовъ въ Петербургѣ, Шведовъ, Вейнбергъ и Точидловскій въ Одессѣ, Гольдгаммеръ въ Казани и Оссендовскій во Владивостокѣ; списокъ всѣхъ 154 лицъ помѣщенъ на стр. VIII и IX. Кромѣ того составитель пользовался 64-мя сочиненіями (см. стр. X и XI), такъ что разсматриваемый сборникъ имѣетъ, кромѣ составителя, какъ бы 218 сотрудниковъ, на которыхъ и даны указанія въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ текста.

Пока въ оригиналѣ вышла первая часть, раздѣленная на четыре главы. Глава первая содержитъ въ сжатомъ видѣ указанія на способы обработки металловъ, дерева и стекла, а также 65, большею частью весьма цѣнныхъ „рецептовъ“. Глава вторая содержитъ 79 задачъ и указаній по механикѣ; третья—83 по гидростатикѣ, гидродинамикѣ и ученіи о капиллярности; четвертая—80 задачъ по теплотѣ. Въ концѣ книги помѣщены 38 таблицъ различныхъ численныхъ величинъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что содержаніе книги вполнѣ соотвѣтствуетъ ея назначенію, и что она можетъ принести большую пользу тому дѣлу, которому она назначена служить.

Русскій переводъ, просмотрѣнный весьма опытнымъ въ этомъ дѣлѣ редакторомъ, никакихъ замѣчаній не вызываетъ. Къ сожалѣнію, приходится только сказать, что не всѣ опыты, описанные въ книгѣ, соотвѣтствуютъ той обстановкѣ, въ которой приходится работать нашимъ учащимся. Достаточно указать, напримѣръ, на опытъ 50, стр. 166—167; электрическіе вентиляторы у насъ навѣрное менѣе распространены, чѣмъ на западѣ.

О. Хвольсонъ.

***И. П. Селивановскій. Руководство къ устройству прудовъ водопойныхъ, хозяйственныхъ, оросительныхъ, вододѣйствующихъ, рыбоводныхъ и противопожарныхъ. Изд. *К. И. Тихомирова*. М. 1904. Стр. 132. Ц. 15 к. [1]).**

„Брошюра И. П. Селивановскаго и по своему внѣшнему виду, и по содержанію, и по назначенію производитъ весьма хорошее впе-

[1]) Отзывъ этотъ сообщенъ ученымъ комитетомъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

чатлѣніе и заслуживаетъ полнаго вниманія и одобренія. Появленіе ея въ свѣтъ вполнѣ своевременно, такъ какъ потребность въ устройствѣ прудовъ въ деревняхъ несомнѣнно существуетъ, а во многихъ случаяхъ она прямо настоятельна, между тѣмъ простыхъ, общепонятныхъ и доступныхъ по цѣнѣ для крестьянскаго населенія руководствъ для этого до сихъ поръ не было. Г. Селивановскій задался прекрасной цѣлью пополнить этотъ недостатокъ, и, надо отдать справедливость, выполнилъ задачу въ общемъ удачно и удовлетворительно. При весьма небольшомъ объемѣ книги и вполнѣ доступной ея цѣнѣ, онъ сосредоточилъ въ ней вполнѣ достаточное количество очень полезныхъ свѣдѣній объ устройствѣ прудовъ, предназначенныхъ для различныхъ цѣлей, съ необходимыми къ нимъ приспособленіями, въ видѣ водоспусковъ и водосливовъ, а частью даже и съ простѣйшими приборами для механическаго подъема изъ прудовъ. Изложеніе предмета въ брошюрѣ отличается простотой, общепонятностью, отсутствіемъ затемняющихъ дѣло и часто излишнихъ подробностей, а равно малопонятныхъ для простого читателя теоретическихъ расчетовъ и прочаго ненужнаго балласта. Сообщаемыя въ книгѣ свѣдѣнія безусловно могутъ найти обширное и полезное практическое примѣненіе не только въ крестьянскомъ, но и во многихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Свѣдѣнія эти приводятся авторомъ частью, видимо, изъ практики, частью же по литературнымъ источникамъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія, и должны представлять значительный практическій интересъ для весьма широкихъ круговъ нашихъ сельскихъ хозяевъ. Позволимъ себѣ отмѣтить хотя бы только устройство рыбныхъ прудовъ, которому въ брошюрѣ отведено одно изъ главныхъ мѣстъ, при чемъ авторъ пользуется какъ иностранными указаніями: Бенеке, Борне и Ламперта, такъ и отечественными: Н. Бородина, О. Гримма и др. Изъ числа немногихъ замѣченныхъ нами и въ общемъ несущественныхъ погрѣшностей и недостатковъ брошюры можно отмѣтить нѣкоторыя неудачныя выраженія, въ родѣ: „осадочныя воды", вмѣсто „воды атмосферныхъ осадковъ" на стр. 18 и 19; „селенные водоемы", вмѣсто „сельскіе водоемы" на стр. 10; „нужны деревья или камень", вмѣсто „дерево или камень" на стр. 26,—далѣе, неудачную конструкцію нѣкоторыхъ фразъ, напр. слѣдующей, начинающей къ тому же съ красной строки особый абзацъ: „Безмѣрно увеличатся доходности тѣхъ земельныхъ пространствъ, которыя займутся прудами и которыя теперь числятся необыкновенно неудобными" стр. 20, или еще: „чтобъ задерживать больше воды для орошенія, это не значитъ устраивать

огромные пруды“ на стр. 110—111; наконецъ, корректурныя погрѣшности: „небольшія пруды“ (стр. 23), „лѣтнія паводки“ (стр. 25). Съ нѣкоторыми изъ положеній автора можно, однако, не соглашаться, считая ихъ частью сомнительными, частью спорными, и во всякомъ случаѣ не настолько доказанными, чтобы ихъ слѣдовало и можно было популяризировать въ брошюрахъ, предназначенныхъ, подобно данной, для широкаго круга читателей, большей частью съ ограниченнымъ образованіемъ. Такъ, напримѣръ, авторъ полагаетъ, что „вода (въ прудахъ) по лѣтамъ поддержитъ въ селеніяхъ влажность и нѣсколько охладитъ всѣ предметы, въ томъ числѣ и строенія. Этимъ замедлится и затруднится какъ первое загораніе, такъ и разгораніе пожара“ (стр. 10, то же и на стр. 118). Точно также намъ представляется далеко не доказаннымъ и слишкомъ общимъ для всей Россіи такое положеніе: „замѣчено, что въ Россіи годъ отъ году засухи учащаются, рѣки и озера мелѣютъ, ключи, родники и болота высыхаютъ, грунтовыя воды понижаются, зарываясь въ глубь подпочвы. Вслѣдствіе засухъ на поляхъ, хлѣба гибнутъ, въ огородахъ овощи не развиваются, на лугахъ травы сохнутъ и лѣса растутъ тише“ (sic!) и пр. (стр. 11 и слѣд. и стр. 108). Хотя подобныя явленія въ нѣкоторой степени можетъ быть и наблюдаются кое-гдѣ въ дѣйствительности, но считать ихъ вполнѣ доказанными даже и въ такихъ мѣстахъ, во всемъ объемѣ предыдущаго положенія, едва ли возможно, особенно если принять во вниманіе, что жалобы подобнаго рода у насъ далеко не новы, а извѣстны были и въ 60-хъ и даже въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, при чемъ онѣ относились до сихъ поръ исключительно только или къ южной, или къ средней полосѣ, въ частности къ области распространенія лесса и сопутствующихъ ему овраговъ. Считать же эти явленія общими для всей Россіи, при всемъ разнообразіи ея климатическихъ и гидрологическихъ условій, по меньшей мѣрѣ было бы неосновательно и неправильно. Можно было бы также рекомендовать автору въ слѣдующемъ изданіи брошюры обратить вниманіе на одно немаловажное обстоятельство, вовсе не выдвинутое имъ въ 1-мъ изданіи,—это на высоту заложенія пороговъ въ запасныхъ водоспускахъ на рѣкахъ. На стр. 96 авторъ и самъ отмѣчаетъ, что въ створчатыхъ плотинахъ порогъ водоспуска кладется выше существующаго дна рѣки, вслѣдствіе чего и выше, и ниже плотины легко образуются водовороты (омуты) и вымоины (ямы), грозящіе опасностью устойчивости самой плотины. Авторъ, однако, просто ограничивается однимъ этимъ замѣчаніемъ и не указываетъ на то,

что такого высокаго заложенія порога надъ дномъ рѣки необходимо избѣгать, насколько это возможно, не только по причинѣ указаннаго имъ образованія вымоинъ ниже плотины, но и вслѣдствіе того, что при такомъ устройствѣ русло рѣки и дно пруда выше плотины не могутъ быть очищаемы силой теченія самой рѣки во время весны отъ наносовъ, образовавшихся лѣтомъ, а потому дно весьма легко засоряется и заносится иломъ; главнымъ образомъ именно по этой причинѣ многіе пруды въ теченіе времени и обмелѣли сильно или были даже вовсе занесены, а русло и теченіе небольшихъ рѣкъ было совершенно испорчено и даже прервалось, съ упраздненіемъ прудовъ. Поэтому заложеніе порога, по крайней мѣрѣ запасныхъ (нерабочихъ) водоспусковъ, выше дна рѣки, хотя оно и встрѣчается очень часто, является вообще крайне нераціональнымъ также и съ точки зрѣнія сохраненія небольшихъ рѣкъ, и въ хорошемъ руководствѣ необходимо рекомендовать избѣгать его всемѣрно. Г. Селивановскій не только этого не дѣлаетъ, но на слѣдующей 97 стр., говоря уже о разборчатыхъ водоспускахъ, выражается даже такъ: „порогъ или лежень укрѣпляютъ почти на одномъ уровнѣ съ природнымъ дномъ рѣки, а если и выше, то на одинъ или на два и самое большее на три аршина“. Эта послѣдняя поправка тѣмъ легче можетъ повести къ недоразумѣніямъ, что у многихъ рѣкъ съ небольшимъ паденіемъ весь подпоръ воды въ прудѣ не превышаетъ часто 1½ аршина, а средняя глубина рѣки—1½—2 аршина. Точно также можетъ дать поводъ къ недоразумѣніямъ и слѣдующее мѣсто брошюры: „на югѣ, особенно въ степяхъ, гдѣ жарко, сухо и дуютъ сильные вѣтра(ы), тамъ и глубокіе пруды совсѣмъ высыхаютъ. Слѣдовательно, тамъ пруды уже нельзя (?) строить въ мелкихъ логахъ и отлогихъ балкахъ“ (стр. 33). Количество воды въ прудѣ зависитъ не отъ глубины балки и лога, а отъ водосборной площади, съ которой могутъ быть собраны въ прудъ атмосферные осадки; при пологомъ рельефѣ мѣстности (какъ, напримѣръ, въ Екатеринославской губерніи по лѣвому берегу рѣки Орели) водосборы могутъ быть достаточно велики и у неглубокихъ балокъ, притомъ ничто не мѣшаетъ устраивать прудъ даже и тогда, когда количество воды въ немъ будетъ такъ ограничено, что ея не хватитъ на все лѣто; такой прудъ не будетъ, конечно, постояннымъ, но все же можетъ быть очень полезнымъ во многихъ отношеніяхъ, и ничто не мѣшаетъ его устроить съ пользой для хозяйства. Можно было бы также считать полезнымъ въ слѣдующее изданіе брошюры включить хотя бы краткое указаніе о тѣхъ

простѣйшихъ автоматическихъ приспособленіяхъ, которыя должны служить для устраненія опасности прорыва плотинъ у прудовъ, особенно рыбныхъ, во время лѣтнихъ паводковъ. (О нѣкоторыхъ изъ такихъ приспособленій см. Е. Опоковъ „Автоматическіе шлюзы Текоръ-Элькоръ", въ „Сельск. хоз. и лѣс. 1902 г. № 6, и А-тъ „Т" и „Л"-коръ", „Нов. Вр. № 9628, 22-го декабря 1902 г.).

Толстой Л. Л.* графъ. **Яша Поляновъ. Воспоминанія для дѣтей изъ дѣтства. М. 1899 г., изд. 1-ое. Стр. 204. Цѣна 1 р.

Эти „воспоминанія" представляютъ собою подражаніе „Дѣтству и отрочеству" Л. Н. Толстого. Далеко, конечно, уступая въ художественномъ и идейномъ отношеніи своему прототипу, очерки Л. Л. Толстого написаны живо и читаются не безъ интереса. Быть можетъ, впрочемъ, этотъ интересъ особенно обостряется, такъ какъ передъ нами семья Л. Н. Толстого. Любопытно по человѣческой слабости подсмотрѣть, какъ великій человѣкъ бранится съ пьянымъ гувернеромъ, грозитъ „выкинуть его изъ окна", какъ ссорится съ женой и пр. Въ воспоминаніяхъ автора живыми образами проходитъ старуха няня, англичанка, больная тетушка, гости и проходитъ рядъ картинъ изъ дѣтства радостныхъ и печальныхъ. Иногда эти картины—эскизы набросаны не безъ наивности, какой-то дѣланной, когда, напримѣръ, авторъ берется за изображеніе такихъ семейныхъ радостей, какъ рожденіе ребенка и пр. (стр. 52 и 55). Онъ не прочь порою по стопамъ родителя, но безъ его удачливости, углубиться въ бездну психологическихъ вопросовъ. Въ главѣ: „Воспоминанье или воображенье"? встрѣчаемъ, напримѣръ, слѣдующій курьезный пассажъ: „Когда я пишу эти воспоминанія, мнѣ все кажется, что я помню не только, какъ Петю и другихъ моихъ братьевъ купали въ ваннѣ, присыпали желтымъ порошкомъ, пеленали и кормили, но и меня самого. Мнѣ все кажется теперь, что это я самъ лежалъ на колѣняхъ матери и сосалъ ея теплое, сладковатое молоко. Я такъ занятъ моимъ дѣломъ, такъ старательно втягиваю въ себя вкусное молоко, что не хочу отрываться!". Это такъ наивно и въ то же время такъ аппетитно, что, пожалуй, юные читатели этого произведенія пожелаютъ возобновить пріятныя впечатлѣнія дѣтства и потребуютъ „теплаго, сладковатаго" молока... Все это цитованное мѣсто и далѣе болѣе страницы (83—84) есть неудачныя потуги сказать что-то такое въ духѣ тѣхъ дѣтскихъ грезъ—воспоминаній, которыя такъ хороши въ „Дѣтствѣ и отрочествѣ".

Вообще же объ этихъ „воспоминаніяхъ“ можно сказать, что ими молодой авторъ не услужилъ своему отцу.

В. Сиповскій.

***Серія начальныхъ курсовъ.** *Фостеръ.* **Физіологія съ 19 рис. Переводъ** *Д. Кашкарова* **подъ ред.** *Н. К. Кольцова.* **118+VII стр. Москва. 1903.**

Разбираемая брошюра въ изданіи 1884 года и въ переводѣ Поповой была допущена въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

Въ настоящемъ изданіи 1903 года брошюра дополнена и можетъ быть допущена *въ народныя библіотеки и читальни.* Правда, переводъ нельзя назвать вполнѣ удачнымъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 9 говорится: *свѣча при сгораніи превращается въ углекислоту.* О красныхъ кровяныхъ тѣльцахъ мы, между прочимъ, читаемъ: *Когда вы видите одно изъ нихъ, вы видите столь мало краснаго цвѣта* (стр. 42). „Верхняя граница (кутисъ кожи) обыкновенно выростаетъ въ маленькіе бугорки“ (стр. 95). Указанные и другіе недостатки перевода однако не лишаютъ брошюры ея достоинствъ.

А. Догель.

***Вселенная и человѣчество. Томъ первый. Общее введеніе.—Изслѣдованіе земной коры.—Земная кора и ея отношеніе къ человѣчеству.—Геофизика. Переводъ съ нѣмецкаго подъ общей редакціей проф.** *А. С. Догеля,* **при участіи профессоровъ С.-Петербургскаго университета Н. И. Броунова, В. И. Палладина, В. М. Шимкевича, проф. С.-Петербургскаго Политехническаго института М. А. Шателена, проф. Казанскаго университета Б. К. Полѣнова и другихъ спеціалистовъ. Свыше 40 художественныхъ приложеній (цвѣтныхъ и черныхъ иллюстрацій) и около 300 рисунковъ въ текстѣ. С.-Петербургъ. 516 стр.**

Разсматриваемая книга представляетъ первый томъ изданія, предпринятаго книгоиздательскимъ товариществомъ „Просвѣщеніе“ — перевода сочиненія „Вселенная и человѣчество, исторія изслѣдованія природы и приложенія ея силъ на службу человѣчеству“. Имена лицъ, подъ редакціей и при участіи которыхъ предпринятъ переводъ сочиненія на русскій языкъ, являются ручательствомъ за то, что сочиненіе это вполнѣ отвѣчаетъ современнымъ научнымъ и образовательнымъ требованіямъ, имѣя въ виду стремленіе издателей удовлетворить запросы и интересы широкаго круга читателей.

Не смотря на редактированіе спеціалистами различныхъ отраслей науки соотвѣтствующихъ отдѣловъ книги, она не свободна отъ недосмотровъ редакціоннаго характера. Такъ, на стр. 26 сказано:... въ

качествѣ аттрибутовъ высшаго божества,... мы встрѣчаемъ у самыхъ различныхъ народовъ молнію и „громовую булаву". Насколько мнѣ извѣстно, вмѣсто „громовая булава" у насъ говорится „перунъ". На стр. 56 сказано:... „въ долинѣ Іоахима", но Joachimsthal неудобно переводить, какъ неудобно переводить, напримѣръ, Кенигсбергъ. На стр. 167 въ описаніи геологическаго рисунка показана „известь",— нужно: известнякъ, такъ какъ известь, это—окись кальція, которая въ природѣ не встрѣчается. На стр. 205:... „буренію артезіанскихъ колодцевъ въ оазисахъ Сахары" и прочее... обязаны значительнымъ прогрессомъ культуры". Тутъ чего-то не достаетъ. На стр. 208 сказано: „воду... синюю какъ аметистъ", но аметистъ не синій, а фіолетовый. На стр. 232: „Альпы въ теченіе одной только христіанской эры" и т. д., но вѣдь, эра не есть періодъ, а лишь начало періода времени. На стр. 262:... „подобные же, произведенные вѣтромъ шлифы"—нужно сказать „шлифовка", или что-нибудь подобное. На стр. 414:... „путешествіе въ полярныя страны Кане"... — очевидно, идетъ рѣчь объ извѣстномъ путешественникѣ — Кэнъ. Стр. 446:... „приливы громадной высоты въ заливахъ Фунди (Англія)" и т. д. Очевидно, здѣсь имѣется въ виду Фунди-бай, но это не въ Англіи. На той же страницѣ:... „по китайской рѣкѣ Тзингъ-Тангъ... достигаетъ Хангчеу". По принятой у насъ транскрипціи, это Янъ-цзы-Цзянъ и Ханькоу. На стр. 476: ...получается сталь изъ желѣза въ такъ называемыхъ „Бессемеровыхъ грушахъ". У насъ приборъ этотъ (Bessemerbirne) называется „Бессемерова реторта" или „конверторъ", кромѣ того сталь получается здѣсь не изъ желѣза. На стр. 478:... „въ Керинтенѣ, напримѣръ, сложилась поговорка"... и т. д. — очевидно, въ Каринтіи. На стр. 496: „въ снѣжныхъ кристаллахъ осуществляются изящныя и удивительно симметричныя формы"... слово „осуществляются" слѣдовало бы замѣнить другимъ. Встрѣчается не мало опечатокъ, напримѣръ: на стр. 236 извѣстный Венецъ названъ „Бенецъ"; на стр. 401—„сочиненія Аристотеля... властвовали въ наукѣ въ продолженіе двухъ тысячелѣтій, вплоть до VII вѣка"... XVII-го? На стр. 414 имя извѣстнаго метеоролога Бейсъ-Балло напечатано такъ, какъ будто рѣчь идетъ о двухъ ученыхъ „Бейсъ", „Балло". На стр. 452: „нынѣ... почти черезъ 320 лѣтъ, послѣ того, какъ великій мыслитель Ньютонъ" и проч., но со дня рожденія Ньютона, какъ извѣстно, прошло менѣе 320 лѣтъ. И проч., и проч. Къ сожалѣнію, опечатки слабая сторона нашихъ изданій, даже изящныхъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, каковымъ можно назвать и раз-

сматриваемое: напечатано оно на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, снабжено рисунками, очень хорошо исполненными—нѣкоторые изъ нихъ можно назвать художественными.

С. Глинка.

***И все это правда! Умъ и нравы животныхъ. Сборникъ разсказовъ *П. Дружбина*. Съ 49 рисунками *Ф. Шпехта* и *Животовскаго*. 3-е изданіе, дополненное письмами читателей.**

Мнѣ неизвѣстны прежнія изданія этой книги, и я не могу судить, поскольку она выиграла отъ того, что г. Дружбинъ вставилъ, основываясь на разсказахъ своихъ читателей, нѣкоторыя дополненія. Въ концѣ книги имѣется обращеніе къ читателямъ съ просьбой сообщать автору свои повѣствованія о собакахъ, кошкахъ и т. п.

Думаетъ ли г. Дружбинъ, что онъ пріобрѣтетъ такимъ образомъ надежный матеріалъ для послѣдующихъ изданій своей книги? Можно предсказать, что книга его обратится въ сборникъ маловѣроятныхъ разсказовъ, ибо недостаточно видѣть и записать фактъ, а нужно его понимать, а для этого нужно умѣть отнестись критически къ разбираемому явленію.

Самъ авторъ не всегда обладаетъ этой послѣдней способностью.

На стр. 62 онъ разсказываетъ, какъ одна собака узнала портретъ своего хозяина и лизала его. Авторъ спѣшитъ закрѣпить этотъ разсказъ въ памяти читателя соотвѣтствующей иллюстраціей, но безъ добавленія, однако, что эта иллюстрація сдѣлана по фотографіи.

Да, если бы она была сдѣлана по фотографіи, то ровно ничего не доказывала бы, кромѣ того, что собаки могутъ лизать и портреты. Но есть собаки, которыя охотно лижутъ также и ваксу на сапогахъ хозяевъ и даже гостей. Это не значитъ, конечно, что онѣ находятъ сапоги дурно вычищенными. Каждый охотникъ знаетъ, какъ мало собака довѣряетъ своему зрѣнію. Даже вблизи она не всегда съ ясностью отличаетъ фигуру хозяина среди другихъ фигуръ и спѣшитъ провѣрить то, что ей говоритъ глазъ, чутьемъ, обнюхивая хозяина. Еще менѣе вѣроятно, чтобы собака узнала портретъ хозяина. Можно съ увѣренностью сказать, что ее больше привлекалъ запахъ картины, а не сходство портрета съ оригиналомъ. Точно также (стр. 64) академикъ Д. Филипсъ, когда ему сообщили, что собака лизала написанный имъ портретъ ея хозяина, напрасно принялъ этотъ актъ за собачій комплиментъ его искусству.

Думаю, что сапожникъ, сшившій сапоги, съ которыхъ собака ли-

зала ваксу, врядъ-ли принялъ бы это за одобреніе своей работы и поступилъ бы логичнѣе упомянутаго академика.

Точно также возможно, что всѣ случаи, когда кошки звонили въ дверные звонки и стучали дверными молотками (дѣло происходитъ въ Англіи) будто бы съ цѣлью, чтобы ихъ пустили, въ сущности предавались столь обычной и невинной кошачьей игрѣ безъ всякихъ предвзятыхъ цѣлей.

Если кошка играетъ со шнуркомъ вентилятора, и даже его случайно откроетъ, то никто вѣдь не подумаетъ, что она заботилась объ очищеніи воздуха въ комнатѣ.

Приведенныхъ примѣровъ (и ихъ можно набрать изъ книги Дружбина массу) достаточно, чтобы выяснить, въ чемъ грѣхъ автора и всѣхъ его корреспондентовъ. Нельзя по внѣшней сторонѣ акта судить о его сущности. Послѣдняя можетъ быть выяснена только повторнымъ экспериментомъ. Время подобныхъ разсказовъ и поверхностныхъ заключеній по аналогіи съ нашими поступками — давно миновало въ зоопсихологіи. Правда, автора увлекли на эту дорогу примѣры Брэма, Роменса и другихъ антропоморфистовъ, но времена мѣняются; а теперь, можетъ быть, и эти авторы не написали бы того, что мы у нихъ читаемъ по этому поводу. Преувеличенная оцѣнка умственныхъ способностей животныхъ, основанная на невѣрномъ пониманіи и недостаточной критикѣ фактовъ, можетъ быть вполнѣ вѣрно передаваемыхъ съ внѣшней стороны, — это характерная черта для книгъ, подобныхъ разбираемой. Способъ собиранія этихъ свѣдѣній отъ дѣтей—прямо ведетъ къ еще большей путаницѣ. Лѣтъ двадцать тому назадъ (если не больше) Revue Scientifique открыла свои страницы для сообщенія подобныхъ же фактовъ и, хотя тамъ нерѣдко присылали сообщенія серьезные ученые (но не зоопсихологи), все-таки изъ этой кучи матеріала почти нельзя ничего выбрать путнаго. и надежнаго. Самый разсказъ въ разбираемой книжкѣ ведется бойко, и вообще она прочтется не безъ интереса, и издана хорошо.

В. Шимкевичъ.

**Иванъ Штефманъ.* Запятая, синтаксическая сказка (*Полезно* [?] для изучающихъ и изучавшихъ синтаксисъ). Собственность автора. Одесса. 1904. 23 стр. Цѣна 20 коп.

Уже изъ самаго заглавія этой книжки видно, что авторъ ея задался цѣлью написать нѣчто непохожее на другія грамматическія книги: передъ нами сказка, да еще *полезная*.

Изъ предисловія видно, что авторъ хочетъ конкуррировать съ учебниками и разсчитываетъ вызвать у изучающаго синтаксисъ *энтузіазмъ*. Тамъ же мы узнаемъ, что авторъ задался цѣлью изобразить въ своей книгѣ сцену, гдѣ „Каждый знакъ *говоритъ свои общіе законы*, но здѣсь другой ему противорѣчитъ и *выводитъ исключенія* изъ *его* закона, вслѣдствіе чего происходитъ ссора межъ ними. Вотъ дѣло доходитъ до суда, и справедливый судья — синтаксисъ миритъ ихъ, *читая законы препинанія*."

И такъ мы готовимся къ поэтической картинѣ, предметомъ которой должны являться потасовка въ законодательной комиссіи и окончательное торжество законовъ.. препинанія. Вотъ начало сказки: оно показываетъ, въ какомъ тонѣ ведется дальнѣйшее повѣствованіе.

„На окнѣ находилась хрестоматія Галахова; вѣтерокъ изрѣдка врывался въ открытое окно и игриво перелистывалъ *ее*, по *строкамъ которой* (?) отъ Двоеточія удирала Запятая, бойко перескакивая черезъ *однородныя* (курсивъ автора) слова" (стр. 7).

А вотъ примѣръ *лиризма*:

„Ты и здѣсь затѣваешь (?!)—наконецъ разсердился на нее судья,—смотри мнѣ (?!), хвастунья!...

— Вотъ видишь, какая она! Изъ за нея страдаютъ всѣ, чуть ли ни (sic) я!

— А ты *въ чемъ* (?)?

— Какъ въ чемъ ? иной разъ *отъединяетъ меня отъ Сказуемаго* (Курсивъ автора).

— Вретъ! Ей Богу вретъ, подлиза!

— Теперь я вижу, что ее недаромъ избили, — со зломъ (?) промолвилъ судья,—спасибо вамъ друзья, что *всыпали* (!) ей. Подойди сюда, кочерга (?) жалкая! Ну, чего разревѣлась? Этимъ не размягчишь мое *гуманное* (?) сердце" (стр. 11).

Вотъ образецъ разсужденія—о пользѣ *Ѣ*: „Нѣтъ, *Ять* все-таки не *лишняя* (?), — возразило Сказуемое, — особенно въ падежахъ, не говоря уже о корняхъ. Благодаря ей (?!), скорѣй можно опредѣлить, грамотно написано или нѣтъ" (стр. 12).

Не считаю цѣлесообразнымъ знакомить читателей съ подробностями бурной ссоры между знаками препинанія. Запятая во всякомъ случаѣ усмирена.

„Она, войдя въ синтаксисъ, подавленнымъ голосомъ промолвила:

— Прости и научи какъ жить правдою.

Судья пресерьезно посмотрѣлъ на нее и грозно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тонко проговорилъ:

(Слѣдуютъ правила по учебнику *Козьмина*).

Затѣмъ послѣ энергичнаго опроса запятой, все ли ею было понято:

„— Да смотри понапрасну не шляйся, почаще заглядывай въ синтаксисъ либо въ Козьмина, либо въ Смирновскаго.

— А Говорова?

— Туда нечего и заглядывать.

— Ну Кирпичникова?

То же самое. Ужъ скорѣй *всего* (?) посовѣтую тебѣ Грота или же Бѣлорусова, какъ конспектъ, но Козьмина лучше всего придерживаться; вообще этотъ синтаксисъ богатѣйшій; тамъ кажется ничего нѣтъ лишняго. Чего не поймешь, можешь *лично у меня спросить*" (?).

И такъ въ книжкѣ есть и картины мирныя и батальныя, есть и лиризмъ, и сентенціи, есть даже своеобразная критика учебниковъ. Нѣтъ въ ней, къ сожалѣнію, только правильной русской рѣчи.

Это можно было усмотрѣть изъ сдѣланныхъ мною выписокъ. Вотъ и еще примѣры.

„Ну, *смотри мнѣ*" (стр. 21). „Запятая иногда вспыхала" (стр. 22).

Точка, *зло топнувъ* ногой (стр. 14).

Преостановить (стр. 14), учавствующихъ (стр. 13) и т. п.

И. Анненскій.

*Картинная галлерея Императорскаго Эрмитажа съ объяснительнымъ текстомъ *П. В. Деларова*. Изданіе товарищества *М. О. Вольфъ*. С.-Пб.—Москва. Стр. IV+182+II. Цѣна 5 руб., въ коленк. переплетѣ 6 руб.

Роскошное по внѣшнему виду изданіе фирмы М. О. Вольфъ заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ снимковъ, воспроизведенныхъ по фотографіямъ А. Брауна автотипически. Что касается выбора картинъ, то онъ былъ сдѣланъ очень тщательно, — но къ сожалѣнію, нельзя сказать того же объ автотипическомъ воспроизведеніи снимковъ, которое мѣстами кажется мнѣ далеко не образцовымъ. Укажу для примѣра на снимокъ съ картины Сандро Боттичелли на страницѣ 5-ой; на портретъ Себастіана дель Піомбо на 16-ой страницѣ; на снимокъ съ Рембрандтовскаго Отреченія Ап. Петра на стр. 169-ой. Совершенно не удался, по моему мнѣнію, и снимокъ съ одной изъ

лучшихъ картинъ Эрмитажа „Жертвоприношеніе Авраама“ кисти Рембрандта. Текстъ, принадлежащій перу извѣстнаго знатока живописи и ея исторіи, П. В. Деларова, составленъ очень интересно. Едва ли не главнымъ достоинствомъ изложенія слѣдуетъ, по моему, считать его строгую объективность: у г. Деларова нѣтъ въ изложеніи ни того восторженнаго, патетическаго тона, въ который такъ легко впадаютъ составители подобныхъ описаній, ни красивой цвѣтистости изложенія Мутера; г. Деларовъ пишетъ очень серьезнымъ, простымъ, лишеннымъ всякихъ риторическихъ и поэтическихъ украшеній слогомъ. Г. Деларовъ, насколько можно было это сдѣлать въ столь небольшомъ и, повидимому, еще сокращенномъ издателемъ объемѣ, далъ въ своемъ очеркѣ историческую обрисовку излагаемыхъ имъ явленій; составитель не могъ поэтому оставаться въ предѣлахъ состава картинъ, болѣе или менѣе случайнаго; ему приходилось говорить, напр., довольно подробно о явленіяхъ итальянскаго кваттроченто, хотя этотъ періодъ живописи представленъ въ нашемъ Эрмитажѣ слабо; подобно тому же, изъ картинъ, приписываемыхъ Веласкецу, мастеру этому можно съ извѣстной достовѣрностью въ нашемъ Эрмитажѣ приписать лишь одну, а между тѣмъ г-ну Деларову пришлось говорить о Веласкецѣ съ нѣкоторою подробностью, благодаря тому, что этотъ художникъ является не только исключительнымъ по своей геніальности, но и родоначальникомъ современнаго импрессіонизма. Текстъ г-на Деларова оказывается такимъ образомъ не простымъ комментаріемъ къ ряду эрмитажныхъ картинъ, а историческимъ освѣщеніемъ этихъ картинъ, точнѣе тѣхъ живописцевъ, которые ихъ создали. Г. Деларовъ показываетъ намъ не только, что̀ есть въ картинахъ Эрмитажа, но и то, съ какой стороны мастера обрисованы этими картинами неполно: для примѣра можно указать на тѣ страницы книги, которыя посвящены Рубенсу, представленному нашей галлереей, какъ извѣстно, довольно односторонне (стр. 117 сля.).

И. Анненскій.

Замѣчаніе на рецензію о курсѣ начальной геометріи А. Н. Шапошникова.

Въ августовской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1904 годъ напечатана составленная для ученаго комитета рецензія о нашей книгѣ: „Курсъ начальной геометріи, выпускъ I". Мы хотимъ обратить вниманіе на нѣкоторыя частности, встрѣчаемыя въ этой рецензіи.

На страницѣ 152-ой мы читаемъ слѣдующій выводъ объ авторѣ: «....ясно, что г. Шапошниковъ не понимаетъ разницы между постоянными и перемѣнными величинами и считаетъ возможнымъ говорить о равенствѣ между перемѣнной величиной и ея предѣломъ».

Такой выводъ опирается на двѣ выдержки изъ слѣдующаго текста нашей книги, который мы приводимъ цѣликомъ (см. Геом. стр. 87):

„Въ математическомъ изложеніи весьма замѣтную роль играютъ условныя выраженія. Одно изъ нихъ состоитъ въ томъ, что величину называютъ *«менье всякой данной величины»*, когда ея въ сущности не существуетъ. Такъ, разсматривая вычитаніе двухъ отрѣзковъ, въ томъ случаѣ когда уменьшаемое равно вычитаемому, и когда разности не получается, говорятъ: «разность равна отрѣзку менѣе всякой данной величины»—это условное выраженіе считаютъ равносильнымъ выраженію «разности нѣтъ»".

Не ясно ли, что критикъ былъ неправъ, истолковывая наши слова, какъ опредѣленное утвержденіе о математическомъ равенствѣ, тогда какъ они указывали только на эквивалентность двухъ различныхъ способовъ выраженія мысли. Сверхъ того было неосновательно—видѣть въ нашемъ текстѣ какой либо намекъ на разсмотрѣніе процесса измѣненія и на сужденіе о безконечно малой величинѣ.

На той же 152-ой страницѣ читаемъ такое замѣчаніе: „Чрезвычайно странны усилія автора (стр. 77) доказать существованіе отрѣзка или угла, раздѣленнаго на сколько угодно частей"... „Вѣроятно авторъ имѣлъ въ виду дѣлимость *каждаго* даннаго отрѣзка или угла, но этого крайне важнаго слова въ изложеніи нѣтъ".

Очевидно, нашъ критикъ принялъ во вниманіе только вступительныя фразы примѣчанія 2-го къ § 91, помѣщенныя на 77-ой страницѣ; ибо на страницѣ 78 въ томъ же примѣчаніи предложено доказательство дѣлимости „любого даннаго угла α".

На страницѣ 151-ой читаемъ слѣдующія соображенія г. рецензента по поводу главы „объ ариѳметическомъ методѣ":

„.... не желая просто и по человѣчески разсказать, какъ производится измѣреніе величинъ (и очевидно не понимая всей огромной величины принципа Эвклида), авторъ, въ своей погонѣ за общностью, говоритъ не объ измѣреніи величинъ, а о характеристикѣ величинъ числами".

Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что мы не желали разсказывать, какъ производится измѣреніе величинъ: этотъ вопросъ скорѣе относится къ физикѣ, чѣмъ къ геометріи. Кромѣ того въ основѣ ариѳметическаго метода, какъ мы его понимаемъ, лежитъ идея измѣренія, способъ же выполненія измѣреній не играетъ тамъ никакой роли. На самомъ дѣлѣ, мы можемъ отвлечься и отъ опредѣленной единицы измѣренія (подъ условіемъ, что однородныя величины сравниваются съ одной и той же единицей) и отъ размѣра полученныхъ чиселъ. Геометрическіе выводы вытекаютъ изъ тѣхъ соотношеній, которыя устанавливаются относительно чиселъ, связанныхъ съ разсматриваемыми значеніями величинъ предполагаемымъ процессомъ измѣренія. Чтобы показать, какъ неправъ былъ г. рецензентъ, усматривая въ излагаемомъ нами процессѣ „характеристики величинъ числами" какое то обобщеніе измѣренія, достаточно привести слѣдующій отрывокъ (стр. 76) изъ нашего курса:

„Если въ отрѣзкѣ *a* отрѣзокъ *p*" (буквой р мы обозначаемъ единицу измѣренія) „укладывается два раза... [1]) и въ остаткѣ... тысячная часть отрѣзка *p* содержится ровно 28 разъ, то мы говоримъ, что отрѣзокъ *a* характеризуется отвлеченнымъ числомъ 2,028". И наоборотъ: „Положимъ, что отрѣзокъ *b* характеризуется числомъ 1,763 при той же единицѣ измѣренія. Это значитъ, что въ отрѣзкѣ *b* укладывается одинъ разъ отрѣзокъ *p*, и въ полученномъ остаткѣ тысячная часть отрѣзка *p* ровно 763 раза".

Теперь просимъ сопоставить смыслъ этихъ словъ со слѣдующимъ замѣчаніемъ (стр. 151) г. рецензента: «авторъ упускаетъ изъ виду, что характеризовать величину числомъ можно на разные лады, напримѣръ, отрѣзокъ длины *a* характеризовать числомъ $\frac{1}{a}$, что будетъ вполнѣ строго(?) и научно. Сейчасъ же забывъ объ этой общности своего опредѣленія, авторъ даетъ на стр. 79 „очевидныя" теоремы, какъ, напримѣръ, „бо̀льшая изъ двухъ однородныхъ величинъ характеризуется

[1]) Опущены обозначенія, относящіяся къ чертежу.

и большимъ числомъ“ и т. д. Совершенно ясно, что эти „очевидныя“ теоремы могутъ оказаться не только не очевидными, но и невѣрными (если понимать слово „больше“ въ общепринятомъ смыслѣ, иначе это будутъ опредѣленія, а не теоремы)». Мы полагаемъ, что безъ явно неправильнаго истолкованія нашихъ словъ не мыслима указанная г. рецензентомъ чудесная метаморфоза безусловно вѣрныхъ утвержденій.

Обращаемъ вниманіе на такое замѣчаніе г. рецензента (стр. 151): «Повидимому авторъ не допускаетъ мысли, что есть понятія, которыхъ нельзя опредѣлить, и поэтому старается опредѣлить, что такое величина и что такое разнородныя величины». Наши помыслы такъ далеко не простирались; мы желали только избѣгнуть игры въ прятки съ читателемъ, обычной для лицъ, не дающихъ объясненія новымъ терминамъ,—и поэтому старались выяснить, что терминъ величина не можетъ быть отнесенъ къ такимъ, напримѣръ, понятіямъ, какъ точка, ломанная или кривая линія, система параллельныхъ, касательная или сѣкущая плоскость, цилиндрическая поверхность, тѣло вращенія и т. д., съ другой стороны мы хотѣли указать признакъ, по которому вещи, логически не тожественныя, какъ ширина одного предмета и длина другого, признаются величинами однородными.

На страницѣ 149-й встрѣчаемъ обсужденіе нашего опредѣленія: „Фигура, состоящая изъ точки и прямой, имѣющей эту точку границей, называется геометрическимъ лучемъ“ (стр. 8). Г. рецензентъ заявляетъ: «мы усматриваемъ въ этомъ опредѣленіи логическую ошибку: точка, служащая границей луча, упоминается особо, хотя понятіе о ней уже заключено въ понятіи ограниченной прямой. Это все равно, какъ если бы кто нибудь сказалъ: «фигура, состоящая изъ человѣка и его головы». Въ основѣ этого утвержденія лежитъ, во-первыхъ, недоразумѣніе. Въ нашемъ курсѣ понятіе объ ограниченной прямой (объ отрѣзкѣ) не предшествуетъ, а слѣдуетъ за понятіемъ о лучѣ. Такъ, мы разсматриваемъ сначала неограниченную прямую; потомъ прямую съ одной лежащей на ней точкой; эта точка разграничиваетъ двѣ области на прямой; *отвлекаясь* отъ разсмотрѣнія одной изъ областей, мы и получаемъ представленіе о лучѣ (см. Геом. стр. 8). Во-вторыхъ, неправильно само утвержденіе г. рецензента, будто понятіе объ органиченно прямой включаетъ понятіе объ опредѣленно указанныхъ границахъ. Съ такой точки зрѣнія было бы логической ошибкой выраженіе „прямолинейный отрѣзокъ АВ“. Дѣйствительно въ этомъ выраженіи „точки, служащія границами, упоминаются особо,

хотя понятіе о нихъ уже заключено въ понятіи ограниченной прямой". Г. рецензентъ продолжаетъ: «Такая же логическая ошибка повторяется во множествѣ случаевъ см. опредѣленія отрѣзка...., угла..., треугольника [1])». Правильнѣе было сказать: такая ошибка заполняетъ всю нашу книгу отъ начала ея и до конца.

Иные методы употребляетъ г. рецензентъ для открытія иныхъ логическихъ ошибокъ. Приведемъ примѣръ. На той же 149-ой страницѣ, осуждая безусловно наше опредѣленіе: „Данными называются истины, указывающія свойство тѣхъ фигуръ, къ которымъ относится предлагаемое разсужденіе", г. рецензентъ считаетъ возможнымъ вывести изъ опредѣленія такое слѣдствіе: «... вѣдь каждая теорема», пишетъ онъ, «есть истина, указывающая свойства фигуры, къ которой относится разсужденіе. Поэтому изъ опредѣленія г. Шапошникова вытекаетъ, что при доказательствѣ каждой теоремы сама эта теорема должна считаться въ числѣ данныхъ! И это называется научностью!» Не знаемъ, какъ можетъ характеризовать *наше* представленіе о научности *не намъ принадлежащій* силлогизмъ, въ которомъ мы даже признаемъ неправильной меньшую посылку — будто позволительно отнести къ разряду истинъ каждое высказанное, но еще научно не провѣренное, положеніе. Для тѣхъ читателей, которые могли бы заподозрить, что мы держались иного взгляда въ курсѣ геометріи, приводимъ нашу фразу, которая слѣдуетъ за опредѣленіемъ (стр. 22): „Прежде чѣмъ пользоваться данными при доказательствѣ, необходимо убѣдиться, что существуютъ фигуры, обладающія всѣми указанными свойствами." Не безынтересно привести и два слѣдующія опредѣленія (стр. 23): 1) „Часть выраженія теоремы, излагающая данныя, называется условіемъ". 2) „Часть выраженія теоремы, указывающая, какія свойства фигуры *должны быть доказаны*, называется заключеніемъ теоремы". Основываясь на такихъ сопоставленіяхъ, мы позволимъ себѣ высказать убѣжденіе, что упрекъ г. рецензента относится не къ намъ, а къ тому воображаемому автору, у котораго г. рецензентъ нашелъ (стр. 152): „огромныя претензіи на строгость и научность, не соотвѣтствующія силамъ автора", о которомъ повѣствуетъ, будто онъ „не желаетъ разсказать просто и по человѣчески объ измѣреніи величинъ", „не понимаетъ величины (?) принципа Евклида", и даже не можетъ сообразить, что пере-

[1]) Опускаемъ ссылки на страницы нашего курса, которыя здѣсь указаны неправильно.

мѣшная величина въ теченіи процесса измѣненія не можетъ равняться нулю. Г. рецензентъ выставляетъ это мифическое лицо научнымъ противникомъ Эвклида (см. стр. 145 и 146). Чтобы выяснить вполнѣ, какъ мало этотъ упрекъ относится къ истинному автору курса начальной геометріи, необходимо было бы значительно расширить предлагаемый отвѣтъ г. рецензенту. Этого однако мы не можемъ выполнить на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.*

А. Шапошниковъ.

Москва. 3-го февраля 1905 г.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ теченіе февраля и марта мѣсяцевъ 1905 года.

— Отчетъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа за 1903 годъ. Кіевъ 1904. 55+144 стр. таблицъ+32+60 стр. таблицъ+44+50 стр. таблицъ+21+108+84 стр. таблицъ+19+19 стр. таблицъ+16+32 стр. таблицъ+95+47 стр. таблицъ+98+60 стр. таблицъ+8+15 стр. таблицъ+7+15 стр. таблицъ+7+3 стр. таблицъ.

— *Г. Фальборкъ* и *Чарнолускій, В.* Настольная книга по народному образованію. Законы, распоряженія, правила, инструкціи, уставы, справочныя свѣдѣнія и проч. по школьному и внѣшкольному образованію народа. Пособіе для земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій, директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, учрежденій и лицъ духовно-учебнаго вѣдомства, народныхъ учителей и другихъ дѣятелей по народному образованію. Томъ III. (Низшія учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ и разрядовъ). С.-Пб. 1905. II + 1539 — 2623 стр. Цѣна 4 руб. (Изданіе товарищества „Знаніе". Редакція *Г. Фальборка* и *В. Чарнолускаго.* Изданіе неофиціальное).

— *Ихъ же.* Внѣшкольное образованіе. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, уставовъ, справочныхъ свѣдѣній и проч.: о цензурѣ и печати, книжной торговлѣ, публичныхъ общественныхъ и народныхъ библіотекахъ, всѣхъ видовъ музеяхъ, выставкахъ и съѣздахъ, театрѣ, публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ, лотереяхъ, публичныхъ лекціяхъ и чтеніяхъ всѣхъ видовъ, курсахъ для взрослыхъ, домашнемъ чтеніи, обществахъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣлу народнаго образованія, благотворительныхъ обществахъ, приходскихъ попечительствахъ и братствахъ, попечительствахъ о народной трезвости и т. д. со списками просвѣтительныхъ обществъ и учрежденій. С.-Пб. 1905. 359 стр. Цѣна 2 руб. (Изданіе товарищества „Знаніе". Редакція *Г. Фальборка* и *В. Чарнолускаго.* Изданіе неофиціальное).

— *Ихъ же.* Испытанія на званіе начальнаго учителя (начальныхъ училищъ; инородческихъ начальныхъ училищъ; церковно-приходскихъ школъ; рисованія и черченія; Закона Божія евангелическо-лютеранскаго исповѣданія;

мусульманскаго закона, грузинскаго, армянскаго и татарскаго языковъ, о свидѣтельствахъ на званіе учительницы начальныхъ училищъ воспитанницъ женскихъ гимназій и прогимназій). Второе, значительное дополненное, изданіе. С.-Пб. 1904. 82 стр. Цѣна 40 коп. (Изданіе товарищества „Знаніе". Редакція *Г. Фальборка* и *В. Чарнолускаго*. Изданіе неофиціальное).

— *Ихъ же*. Инструкція директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій и справочныхъ свѣдѣній. С.-Пб. 1903. 39 стр. Цѣна 40 коп. (Изданіе товарищества „Знаніе". Редакція *Г. Фальборка* и *В. Чарнолускаго*. Изданіе неофиціальное).

— *Ихъ же*. Программы начальныхъ училищъ. Примѣрныя программы министерства народнаго просвѣщенія 1897 г.; программа по Закону Божію; о преподаваніи музыки, пѣнія, ручнаго труда, ремеслъ, рукодѣлій и сельскаго хозяйства; о внѣклассныхъ чтеніяхъ, вечерахъ, праздникахъ, экскурсіяхъ и конкурсахъ; о преподаваніи гимнастики и школьныхъ играхъ; дополнительныя распоряженія и свѣдѣнія по учебно-воспитательной части въ начальныхъ училищахъ. С.-Пб. 1905. 60 стр. Цѣна 30 коп. (Изданіе товарищества „Знаніе". Редакція *Г. Фальборка* и *В. Чарнолускаго*. Изданіе неофиціальное).

— *Ихъ же*. Библiотеки (общественныя и народныя) и книжная торговля. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, уставовъ, справочныхъ свѣдѣній и пр.: о публичныхъ, общественныхъ и народныхъ библіотекахъ и о книжной торговлѣ всѣхъ вѣдомствъ и видовъ. С.-Пб. 1905. 91 стр. Цѣна 25 коп. (Идаціе товарищества „Знаніе". Редакція *Г. Фальборка* и *В. Чарнолускаго*. Изданіе неофиціальное).

— *Ихъ же*. Публичныя лекціи и народныя чтенія. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, инструкцій, правилъ, уставовъ, справочныхъ свѣдѣній и пр.: о публичныхъ лекціяхъ, литературныхъ чтеніяхъ, народныхъ чтеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ и видовъ; курсахъ для взрослыхъ, систематическомъ чтеніи и т. д. С.-Пб. 1905. 40 стр. Цѣна 25 коп. (Изданіе товарищества „Знаніе". Редакція *Г. Фальборка* и *В. Чарнолускаго*. Изданіе неофиціальное).

— Двадцатипятилѣтіе начальныхъ городскихъ училищъ города С.-Петербурга. 1877—1902. Отчетъ городской комиссіи по народному образованію. Съ рисунками и чертежами. С.-Пб. 1904. XXVIII+460+38 стр.

— Отчетъ о дѣятельности педагогическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ за 1903—1904 годъ. (Существованія Общества годъ шестой). Москва 1901. 227+52 стр.

— Подробный каталогъ изданій Виленской комиссіи для разбора древнихъ актовъ, Виленскаго центральнаго архива, бывшаго Витебскаго архива, Виленской публичной библіотеки и Виленскаго учебнаго округа, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1865 по 1905 г. Вильна 1905. 25 стр.

— *Горячкинъ, В.* Очерки сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій. Выпускъ первый. Молотилки. С.-Пб. 1905. Безплатное приложеніе къ журналу „Хозяинъ". (Январь 1905). 79 стр.

— Примѣрный уставъ обществъ взаимопомощи. (Утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ 25-го октября 1904 г.). Москва 1905. (Изданіе *П. Д. Путиловой*). 32 стр. Цѣна 5 коп.

— *Бѣлавинъ, К.* Происхожденіе и смыслъ русско-японской войны. Приложеніе къ №№ 10 и 11 „Циркуляра по Оренбургскому учебному округу". Оренбургъ 1905. 46 стр.

— Протоколъ перваго засѣданія комиссіи по вопросу о русскомъ правописаніи, состоявшагося 12-го апрѣля 1904 г. С.-Пб. 1905. 67 стр.

— *Лагерлефъ, Сельма.* Въ Іерусалимѣ. Картины современнаго духовнаго движенія среди шведскаго крестьянства. Романъ. Переводъ съ шведскаго *М. П. Благовѣщенской.* С.-Пб. 1905. 399 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп. (Издательство *О. Н. Поповой.* Библіотека „Другъ").

— *Кольбъ.* Какъ я былъ рабочимъ въ Америкѣ. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія *Вс. Кожевникова* и *С. Кержнера.* С.-Пб. 1905. 164 стр. Цѣна 50 коп. (Издательство *О. Н. Поповой*).

— *Селивановскій, И.* Сельско-хозяйственные разсказы. Книжка пятая. Москва 1904. 186 стр. Цѣна 30 коп. (Изданіе *К. И. Тихомирова*).

— *Яковлевъ, Н. Н.* Горообразованіе, вулканы, землетрясенія. (Съ 4-мя рисунками). С.-Пб. 1905. 12 стр. Цѣна 8 коп.

— *Прядкинъ, С. Н.* Изъ методики русской грамматики: I. правила употребленія знаковъ препинанія, II. буква ѣ, а) въ корняхъ, б) словообразовательныхъ звукахъ и в) окончаніяхъ измѣняемыхъ частей рѣчи и неизмѣняемыхъ, III. переноса частей словъ изъ одной строки въ другую. Оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ" за 1904 г. Воронежъ 1905. XI+68 стр. Цѣна 1 руб.

— *Фридлендеръ, Д.* и *Вильпертъ, И.* Учебникъ русской стенографіи по упрощенной системѣ „Штоль-Шрей" для школы и самообученія. 47 стр. Цѣна 1 руб.

— *Бѣлозерскій, Н.* Записки учителя. Въ 2-хъ частяхъ. С.-Пб. 1905. 185 стр. Цѣна 75 коп. (Изданіе *М. В. Пирожкова*).

— *Горбова, С. Н.* Священная исторія ветхаго завѣта, изложенная по Библіи для дѣтей средняго возраста. Съ рисунками Шнорра и др. Москва 1904. 314 стр. Цѣна 1 руб. (Изданіе *К. Тихомирова*).

— *Светъ-Марденъ, Орисонъ.* Строители судьбы или путь къ успѣху и могуществу. Книга, имѣющая цѣлью вдохновить молодежь къ выработкѣ характера, самостоятельности и благородной дѣятельности. С.-Пб. 1905. 348 стр. Цѣна 1 р. 30 к.

— Каталогъ картинъ для волшебнаго фонаря, изготовленныхъ лекціоннымъ комитетомъ при Одесской городской аудиторіи. Одесса 1904. IV+76 стр.

— *Перлинъ, Ис.* Учебникъ русской этимологіи съ „приложеніемъ" для разбора и другихъ упражненій. (Подготовительный и систематическій курсы). Для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Орѳографія по „Руководству" академика *Я. К. Грота.* 1905. VIII+162 стр. Цѣна 60 коп.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НОВЫЯ СОБРАНІЯ ЭѲІОПСКИХЪ РУКОПИСЕЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, эѳіопскія κειμήλια петербургскихъ библіотекъ состояли изъ двухъ съ небольшимъ десятковъ рукописей въ Имп. Публичной Библіотекѣ, описаніе которыхъ, составленное П. К. Коковцовымъ, могло умѣститься на неполномъ полулистѣ и которыя почти на половину состоятъ изъ псалтирей. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить двѣ-три рукописи Духовной Академіи, пять рукописей Азіатскаго Института, и тогда получится полная картина убожества въ то время нашихъ собраній по части памятниковъ эѳіопской письменности. Помимо малочисленности, они страдали и выборомъ, такъ какъ почти всѣ относились къ области литургики и притомъ келейной, такъ что даже и для изслѣдователя эѳіопскаго богослуженія давали мало. Нечего и говорить, что для эѳіописта вообще они могли быть самымъ ничтожнымъ подспорьемъ. Неожиданно для русскаго общества и русской науки начавшіяся сношенія съ Абиссиніей сразу измѣнили это положеніе, безусловно ненормальное для столицы восточнаго христіанства.

Въ Россію прибыла ашиновская коллекція, которая частью растаяла, частью попала въ Гатчинскій дворецъ и библіотеку Духовной Академіи. За ней послѣдовало недурное собраніе изъ 20 нумеровъ, пріобрѣтенныхъ въ Абиссиніи преосвященнымъ Александромъ, епископомъ Старицкимъ, въ его бытность въ Абиссиніи въ качествѣ еще архимандрита при отрядѣ Краснаго Креста въ славную войну съ итальянцами. На-

конецъ въ прошломъ году Азіатскій музей Императорской Академіи Наукъ обогатился двумя прекрасными коллекціями, всего изъ 50 нумеровъ, собранными русскимъ резидентомъ въ Аддисъ-Абебѣ г. Орловымъ и д-ромъ Коріандеромъ; послѣдній, кромѣ того, пожертвовалъ Азіатскому музею интересное собраніе произведеній современной абиссинской живописи, своего рода картинную галлерею. Объ этихъ трехъ рукописныхъ собраніяхъ я и имѣю въ виду сообщить, распредѣляя матеріалъ по предметамъ.

Библія представлена наиболѣе скудно. Въ собраніи Орлова и преосвященнаго Александра есть по экземпляру полнаго четвероевангелія, но оба позднія и не являются въ Петербургѣ новостью, такъ какъ Имп. Публичная Библіотека обладаетъ прекрасной, гораздо болѣе древней рукописью — іерусалимской, времени царя Исаака (нач. XV вѣка). Какъ и во всѣхъ собраніяхъ, и здѣсь довольно много евангелій отъ Іоанна. Апостольскихъ посланій и Ветхаго завѣта, такимъ образомъ, до сихъ поръ не имѣется въ петербургскихъ библіотекахъ.

Гораздо богаче отдѣлъ *богословскій*. Въ Азіатскомъ музеѣ теперь имѣется два прекрасныхъ экземпляра сборника „Керлосъ", заключающаго въ себѣ избранныя творенія Кирилла Александрійскаго и другихъ отцовъ, частью утраченныхъ въ греческомъ оригиналѣ. Одна изъ этихъ рукописей, вѣроятно XVII вѣка, заключаетъ въ себѣ еще аскетическую книгу „Старецъ духовный". Имѣется нѣсколько краткихъ амхарскихъ катехизисовъ различныхъ наименованій („Слово вѣры", „5 столповъ таинствъ", „Рѣченіе вѣры" и т. п.), а также книга о страданіяхъ Христовыхъ на амхарскомъ языкѣ, неизвѣстная изъ другихъ собраній. Особый интересъ представляетъ поступившая съ коллекціей Орлова рукопись извѣстнаго въ эѳіопской литературѣ огромнаго догматическаго сборника „Вѣра отцовъ", заключающаго въ себѣ выдержки изъ отцовъ церкви и монофизитскихъ авторитетовъ. Интересъ ея заключается въ данномъ случаѣ не столько въ самомъ текстѣ, довольно распространенномъ въ собраніяхъ эѳіопскихъ рукописей, сколько въ введеніи къ нему. Обыкновенно придатки къ этой монофизитской символической книгѣ бываютъ различны. Почти всегда, или спереди, или сзади помѣщается „мацхафа томаръ"—книга „томъ", упавшая съ неба въ годъ Селеквидовъ 1050 въ церкви св. Петра и Павла — энциклика о воскресномъ днѣ; кромѣ того весьма часто тексту предпосылается сказаніе Севира Эшмунскаго о первомъ вселенскомъ соборѣ и краткая исторія вселенскихъ соборовъ; въ одной рукописи, находящейся въ миссіи въ Кеpенѣ, Конти Россини нашелъ

цѣлую исторію церкви. Въ нашей тоже мы находимъ нѣчто въ этомъ родѣ, такъ какъ исторіи соборовъ предпосланъ трактатъ, нигдѣ въ другихъ рукописяхъ нами не отысканный, озаглавленный: „Какъ сдѣлался для меня Спасителемъ міра Христосъ" и представляющій описаніе жизни Спасителя въ риторическомъ стилѣ. Отдѣльнымъ главамъ предпосланы слѣдующіе заголовки, соотвѣтствующіе помѣщаемымъ въ европейскихъ книгахъ на поляхъ: „Какъ была избрана Дѣва Марія, чтобы быть Богородицей"; „говорится, что она была изъ племени Давида"; „внушаетъ, что сія Дѣва обручена Іосифу"; „повѣствуетъ, что посланъ къ ней Гавріилъ Ангелъ благовѣстить"; „разсказываетъ о семъ повелѣніи Кесаря Октавіана Августа"; „повѣствуетъ, что Христосъ избралъ Виѳлеемъ для рожденія, а умеръ во Іерусалимѣ"; „повѣствуетъ о времени мира, въ которое сошло къ намъ съ неба царство небесное"; „повѣствуетъ, какія многочисленныя были знаменія и великія изреченія предъ пришествіемъ Христа и ради чего они были". Послѣднія двѣ главы особенно любопытны: первая повѣствуетъ о закрытіи Августомъ храма Януса („Жано"); вторая—объ онѣмѣніи Дельфійскаго оракула. Здѣсь авторъ ссылается на авторитеты: Баронія и Плутарха; изъ Баронія онъ беретъ и его ссылки на Цицерона („Сисило") „de divinatione", Никифора, Свиду, Кедрина („Киндерансисъ") въ извѣстномъ разсказѣ объ Августѣ, вопрошавшемъ Аполлона („Аплосъ") и получившемъ отвѣтъ объ еврейскомъ Младенцѣ, запретившемъ ему говорить. Этотъ необычный для эѳіопа по эрудиціи трактатъ, очевидно, переведенъ и при томъ, вѣроятнѣе всего, съ латинскаго.

Съ коллекціями Орлова и Коріандера впервые попали къ намъ памятники *агіологіи*, и при томъ интересные и важные. Такъ въ нихъ имѣется большое житіе Такла-Хайманота по Дабрѣ-Либаносской редакціи, еще не изданное, съ 77 чудесами и похвальными словами на рожденіе и перенесеніе мощей святого, два экземпляра житія Габра-Манфасъ-Кеддуса, близкаго по редакціи къ Парижскому 137. Изъ переведенныхъ житій имѣются: а) Георгія Побѣдоносца, извѣстное подъ именемъ Ѳеодосія, епископа Іерусалимскаго съ введеніемъ Ѳеодота Анкирскаго,—эѳіопскій текстъ отъ коптскаго, изданнаго Budge, отличается большимъ количествомъ чудесъ; б) похвальныя слова на праздники арх. Гавріила и его чудеса; в) житіе муч. Виктора, составленное Киріакомъ оксиринхскимъ и Димитріемъ антіохійскимъ; г) житіе Іоанна Крестителя, кажется, приписываемое Златоусту; д) синаксарное житіе св. Роха, помѣщенное на свободномъ мѣстѣ другой руко-

писи, вѣроятно изъ магическихъ соображеній, такъ какъ, по житію, Богъ далъ ему власть избавлять отъ чумы; е) весьма важная и хорошая рукопись эѳіопскаго перевода извѣстнаго на языкахъ всего христіанскаго востока памятника Apophthegmata patrum (нашъ „Патерикъ Египетскій") и Луга духовнаго. До сихъ поръ извѣстна только еще одна рукопись этихъ аскетическихъ произведеній въ Парижской Національной Библіотекѣ. Судя по выдержкамъ у Zotenberg'a, наша рукопись той же редакціи, но даетъ и варіанты.

Отдѣлъ *литургическій*, конечно, и въ нашихъ собраніяхъ представленъ хорошо. Имѣется два полныхъ служебника, оба XIX вѣка— изъ коллекціи Орлова съ упоминаніемъ на ектеніяхъ царя Іоанна IV, коптскаго патріарха Петра и митрополита Саламы, и изъ коллекціи преосвященнаго Александра—прекрасный экземпляръ, принадлежащій Менелику, съ его печатью; раньше онъ принадлежалъ кажется алакѣ Габрѣ-Селлясе, „секретарю приказовъ". На ектеніяхъ также упоминается царь Сахла-Марьямъ. Въ концѣ читаемъ: „сія книга Второго Менелика, намѣстника Господня, царя царей Эѳіопіи. Написася въ лѣто царствія его 27, по Р. Хр. въ 1881-е. Слава Богу, приведшему насъ въ день сей, и на насъ да будетъ милость и милосердіе во вѣки вѣковъ. Аминь". Рукопись, помимо своей внѣшности, имѣетъ ту особенность, что послѣ каждой изъ 15 литургій указано, когда ее надо служить. Очень поздній погребальный требникъ, поступившій изъ коллекціи Орлова. Онъ не имѣетъ никакихъ особенностей противъ имѣющихся въ другихъ библіотекахъ. Зато интересъ представляетъ хорошая рукопись нотной книги измѣняемыхъ пѣснопѣній, извѣстной въ обиходѣ подъ именемъ Дегуа. На самомъ дѣлѣ это имя означаетъ родъ пѣнія, на который переложены пѣснопѣнія, и предисловіе къ нашему экземпляру, отличное отъ предпосланныхъ берлинскимъ и лондонскимъ рукописямъ, убѣждаетъ въ этомъ. Оно гласитъ: „во имя Бога Тріѵпостаснаго и Единаго Божествомъ написася сіе сокровище великое, именуемое „Якорь", собранное аввой Герой и Хабля-Селлясе изъ многихъ дегуа. Вина написанію бысть повелѣніе царя нашего Сарца-Денгеля, ибо возревнова ревніемъ духовнымъ, видя погибель ученія пѣнія, установленнаго отцами его православными, небреженія ради сыновъ Коресвыхъ, уподобившихъ его увеселеніямъ и пляскамъ... Разгнѣвался царь, любитель ученія и сказалъ: „что установили отцы наши, мы да не нарушимъ". И если кто писалъ сокращенно по лѣности, онъ не благоволилъ, да не скажутъ: сократилось ученіе Іареда въ дни его. Онъ повелѣлъ писать и учить, какъ было древле

и оказывалъ блага учащимъ и учащимся. Богъ да ублажитъ жизнь души его въ царствіи небесномъ, во вѣки вѣковъ. Аминь". Этотъ текстъ интересенъ и потому, что является параллельнымъ къ разсказу аксумской хроники о „появленіи" при Клавдіи († 1559) свящ. Геры и Рагуила, введшихъ пѣвческія нотаціи въ церковное пѣніе. Очевидно, второй преемникъ Клавдія довелъ дѣло до конца, собравъ работы Геры, и, на этотъ разъ не Рагуила, а его продолжателя Хабля-Селлясе въ особую книгу, которую стали считать за воспроизведеніе того, что еще яко бы ввелъ Іаредъ.—Въ концѣ нашей рукописи имѣется генеалогія эѳіопскихъ царей до Іакова включительно. Если это можно считать косвенной датой, то рукопись относится къ самому началу XVII вѣка и, такимъ образомъ, древнѣе и лондонскихъ и берлинскихъ экземпляровъ Дегуа.—За то совсѣмъ поздней является рукопись богослужебной, также нотной книги, извѣстной подъ именемъ „меерафъ"—„главы"—родъ церковнаго устава праздничныхъ и великопостныхъ службъ. Здѣсь въ молитвахъ и ектеніяхъ упоминается императоръ Ѳеодоръ II и митрополитъ Петръ.—Меерафъ въ коллекціи преосвященнаго Александра кажется древнѣе.

Далѣе имѣется въ трехъ экземплярахъ собраніе выбранныхъ изъ отцовъ церкви длинныхъ молитвъ на каждый день недѣли. Это такъ называемое „Веддасе Амлакъ"—„Величаніе Бога"—принадлежитъ къ наиболѣе распространеннымъ, хотя еще неизданнымъ эѳіопскимъ рукописямъ.

Въ коллекціи преосв. Александра имѣются еще двѣ рукописи, неизвѣстныя въ другихъ собраніяхъ и содержащія краткія измѣняемыя пѣснопѣнія, большею частью стихиры, расположенныя въ порядкѣ церковнаго года и назначенныя въ одной рукописи, кажется, для литургіи, въ другой—для утренняго и вечерняго богослуженія; въ первой кромѣ того помѣщены образцы ектеній съ нотами, очевидно для употребленія діаконовъ. Вторая рукопись заключаетъ въ себѣ, кромѣ того, часть меерафа и, кажется, предназначена была для учебныхъ цѣлей.

Далѣе имѣется 4 экземпляра весьма распространеннаго сборника Георгія армянина, называемаго „Органонъ восхваленія Св. Дѣвы", одинъ списокъ распредѣленныхъ по днямъ недѣли пѣснопѣній Богородицѣ подъ именемъ: „Пѣснь цвѣтовъ" и цѣлый рядъ отдѣльныхъ гимновъ, между прочимъ, такъ называемые „малке"—„образъ", въ которыхъ восхваленія обращены къ частямъ тѣла—нѣчто въ родѣ нашихъ акаѳистовъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣются въ другихъ собраніяхъ,

какъ-то: Св. Троицѣ, Такла-Хайманоту, Спасителю, Архангелу Михаилу, Гавріилу, образу Богородицы, Успенію; другіе, напримѣръ: воскресному дню, распятію, Архангелу Гавріилу, встрѣчаются здѣсь впервые.

Такимъ образомъ, при всемъ этомъ обиліи, все-таки не вся эѳіопская литургика представлена въ нашемъ собраніи: нѣтъ часослововъ и чиновъ таинствъ.

Необыкновенное изобиліе отреченныхъ молитвъ и цѣлыхъ сборниковъ ихъ дѣлаютъ петербургскія собранія по этой части едва ли не первыми. Есть въ нихъ и магическая книга Апостоловъ (такъ называемое „Ардеетъ"—„Ученики"), недавно изданная по одной рукописи Литманномъ, и магическая молитва Моусея, повергающая враговъ, и неизбѣжныя голгоѳская и пароянская молитвы Богородицы. Есть и неизвѣстныя изъ другихъ собраній магическія молитвы Богородицы, „книга, которою молились Апостолы къ Господу своему при вознесеніи" и др. orationes falsæ. Между прочимъ въ коллекціи преосв. Александра есть цѣлая рукопись магическихъ молитвъ на каждый день недѣли, приписываемыхъ различнымъ священнымъ именамъ: Апостолу Петру, Мельхиседеку, Ангеламъ, царю Давиду, Апостоламъ, Ананіи, Азаріи, Мисаилу (данныя Богомъ), расказанная ангелами Еноху и т. п. Это произведеніе, до извѣстной степени аналогичное книгѣ Ардеетъ, мнѣ неизвѣстно изъ другихъ собраній, хотя нѣкоторыя составныя части его попадаются. Его бы слѣдовало издать.

Вотъ образецъ двухъ изъ этихъ молитвъ.

„Во имя Отца и Сына и Св. Духа, Единаго Бога. Прибѣгаю я, да не умру безвременно, какъ тать ночной, какъ убійца дневной—къ царству Отца и Сына и Святаго Духа неразрушимому, къ престолу Отца и Сына и Святаго Духа непоколебимому, къ Божеству Отца и Сына и Святаго Духа непоколебимому. Mormorā, Mormorā, Mormorā. И пріиде гласъ съ небесе, глаголющъ: „сей есть Сынъ мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ, Того послушайте, Сей есть Сынъ мой, о немъ же благоволихъ, Тому повинуйтесь. Mormorā (3). Awin—15 разъ. Awil — 7 разъ, Sarufaēl — 13 разъ, Эмануилъ — 7 разъ, Zahil —1 9 разъ, Sawakin — 7 разъ, Awlodelwākin — 6 разъ, 'Awd—7 разъ, Awlā'ēl — 4 раза... Силою сихъ молитвъ Твоихъ да изгонится ангелъ смерти и ангелъ мрака отъ 76 мерафовъ ангеловъ спереди меня и позади меня, справа, сверху и снизу отъ меня. Господи Іисусе Христе! въ семъ мірѣ отъ всякаго зла, и въ грядущемъ

вѣцѣ отъ огня геенскаго попаляющаго спаси меня, раба твоего (имя рекъ)".

„Во имя... Молитва, которую повѣдали ангелы Еноху. Они научили его ей и сказали: „когда пріидетъ трясеніе (трусъ), или градъ или громъ, или гладъ на землю, говори такъ: „Богъ, медленный на гнѣвъ и многомилостивый, праведный и милосердый въ землѣ Іорданстѣй и Ермонимстѣй на горѣ малѣй, Lāmilo, Imasāmil. Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю, и земля бѣ изначала невидима и неустроена, и тьма верху бездны, и Духъ Божій ношашеся верху воды. Gādin (3)... Agāwisa, Sakrasa, Fovos—сіе есть Духъ Святой Lujaisē. Во имя Бога Саваоѳа, Бога Израилева, Духъ правый обнови во утробѣ Давида. Іоседекъ—имя царя, какъ сказали пророки Іоседекъ и Аклипетериви. Да наполнитъ благодатію сердца наши; въ совѣтѣ правыхъ и въ сонмѣ велико дѣло Господне. Да дастъ тебѣ Богъ по сердцу твоему".

Далѣе упомяну о многочисленныхъ магическихъ молитвахъ меньшаго объема, написанныхъ на свободныхъ листкахъ рукописей или на пергаменныхъ свиткахъ. Послѣднихъ имѣется всего пять. На одномъ изъ нихъ написанъ сборникъ, извѣстный подъ именемъ Лефафа-цедекъ „томъ правды", „молитва спасенія души и тѣла, спасенія жизни, данная Отцомъ собственноручно Владычицѣ нашей Маріи до рожденія Христа. Она вводитъ въ узкія врата, вводитъ въ царство небесное". Этотъ свитокъ долженъ быть по длинѣ равенъ росту покойнаго и кладется съ нимъ въ гробъ, какъ сообщаетъ д'Аббади. Но на нашемъ не вставлено имя — очевидно, было и фабричное производство этихъ паспортовъ на тотъ свѣтъ.

На другомъ свиткѣ мы находимъ „молитву сѣти Соломона, которою улавливаются демоны", и извѣстный апокрифъ о Сисиніи и Верзельи, имѣющій текстъ, нѣсколько отступающій отъ изданныхъ Фрисомъ и Литтманномъ. Остальные свитки даютъ большое количество молитвъ противъ бѣсовъ, разныхъ болѣзней и несчастій. Перечисляю ихъ, включивъ сюда и помѣщенныя въ рукописяхъ-книгахъ: противъ болѣзни глазъ — 6 молитвъ, противъ болѣзней, происходящихъ отъ барья, т. е. служителей демоновъ, противъ головной боли, молитва, избавляющая изъ ада и охраняющая душу и тѣло, противъ града, молитвы, связывающія бѣсовъ и злыхъ духовъ; молитва на разрѣшеніе заговоровъ, трактатъ о магической силѣ чтенія псалтири и евангелія и о дарахъ, которые за это получитъ читающій. На-

конецъ много краткихъ магическихъ формулъ, наполненныхъ таинственными именами или непонятными сочетаніями звуковъ и обращенныхъ частью противъ болѣзней, частью противъ оборотней „буда" и фалашей.

Къ отреченнымъ молитвамъ причисляются книги гаданій, такъ называемая хасаба, „счетъ". Въ коллекціи Орлова такихъ книгъ имѣется нѣсколько, и они въ общемъ составляютъ большую энциклопедію эѳіопскаго суевѣрія, извѣстную подъ именемъ Ауда-Нагастъ, „царскій кругъ", по кругамъ, служащимъ для цѣлей гаданія. Эта книга считается запрещенной въ Шоа. Въ ней заключаются предсказанія по звѣздамъ и знакамъ зодіака, приводимымъ съ арабскими наименованіями, гаданія по книгѣ Еноха, книгѣ Ездры, по Архангеламъ и днямъ недѣли, по погодѣ, объ основаніи церквей, о путешествіи, предсказанія о побѣдѣ, предсказанія на различные случаи жизни. Въ книгахъ даются формулы, въ которыя слѣдуетъ подставить дату, имя гадающаго, имя его матери и т. п. Этотъ богатый фольклористическій матеріалъ еще ждетъ своего собирателя и изслѣдователя, и моя замѣтка въ сборникѣ въ честь Д. А. Хвольсона теперь, конечно, нуждается въ существенныхъ дополненіяхъ.

Отъ ложной религіи мы перешли къ ложной наукѣ, теперь остановимся нѣсколько на тѣхъ произведеніяхъ, которыя съ нѣкоторымъ правомъ можно отнести къ *наукѣ* настоящей, хотя и эѳіопской. Здѣсь на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ упомянуть сборникъ, своего рода энциклопедію, въ которой помѣщены и родословія еврейскихъ, персидскихъ и абиссинскихъ царей съ нѣкоторыми интересными приписками, напримѣръ, о смутномъ времени послѣ Аксумскаго царства, отступающими отъ общеизвѣстныхъ сказаній („повѣдаемъ повѣсть объ Аксумѣ, принесшемъ отрасль грѣховную. Въ немъ царствовалъ змій 300 лѣтъ, потомъ еще царствовала Гуэдита, разрушившая городъ, 40 лѣтъ, и отъ грѣха ея родился Жахой злодѣй"...), и хронологія ихъ, и духовныя родословія монаховъ, перечни настоятелей, перечни мѣсяцевъ съ указаніями продолжительности дня и ночи, перечни библейскихъ книгъ, алфавиты духовные по еврейской и по эѳіопской азбукѣ (напримѣръ: „22 буквы числомъ объясняются 22 твореніями, какъ объяснилъ все Соломонъ іудеи". „Алефъ—отецъ, бетъ—о блаженный, гиммель—о страшный" и т. д. Наконецъ въ этой же рукописи—цѣлый рядъ пасхальныхъ выкладокъ и вычисленія эпактъ, золотыхъ чиселъ, плинѳія, новолунія и т. п. Къ этимъ частямъ рукописи

приложены многочисленныя таблицы. Рукопись, вѣроятно, отъ времени царя Іясу I (1682—1706), такъ какъ на немъ обрывается хронологія; кромѣ того въ концѣ есть дата 1700 годъ. Далѣе слѣдуетъ рядъ различныхъ рукописей лексическаго характера, такъ называемыхъ „лѣствицъ" (scalae). Здѣсь въ своеобразномъ, для насъ необычномъ и малопонятномъ порядкѣ имѣются: эѳіопско-амхарскіе словари, объясненія именъ драгоцѣнныхъ камней, должностей, идоловъ, церковныхъ терминовъ, таблицы спряженій, списки эѳіопскихъ глаголовъ съ прямыми дополненіями въ алфавитномъ порядкѣ не перваго, а послѣдняго радикала, такіе же ряды цѣлыхъ предложеній и т. п.

Переходимъ теперь къ наиболѣе интересной части эѳіопской литературы — *исторіографіи*. Понимая послѣднюю въ широкомъ смыслѣ, мы должны отнести сюда и житія туземныхъ святыхъ, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить. Чисто исторіографическими памятниками являются двѣ рукописи краткихъ аксумскихъ хроникъ въ коллекціи Коріандера. Первая, называемая „Тарика-нагастъ" („Исторія царей"), даетъ текстъ, тожественный съ парижской рукописью 141. Здѣсь сначала даются по Эль-Макину родословія царей іудейскихъ и израильскихъ, помѣщены свѣдѣнія о римскихъ императорахъ и вселенскихъ соборахъ. Эѳіопская исторія, начинающаяся съ 5 главы, доведена до Іясу I включительно; послѣ исторіи этого царя дается только перечень его преемниковъ съ годами до Езекіи, т. е. 1794 г.

Если эта рукопись такимъ образомъ относится къ концу XVIII в., то другая хроника, озаглавленная „родословная исторія царей", написана бывшимъ сотрудникомъ Mondon-Vidaillet, алакой Лемлемомъ въ 1902 г., т. е. представляетъ изъ себя едва ли не первую и единственную пока въ Европѣ рукопись XX вѣка. Но особенность ея этимъ не ограничивается. Редакція ея та же, что въ изданной Бассэ парижской рукописи 142; различія: 1) въ полнотѣ—наша дѣлаетъ выпуски, иногда комкаетъ изложенія; 2) въ томъ, и это самое главное, что парижская рукопись заканчивается царемъ Бакаффой, т. е. 1730 годомъ, а наша доводитъ изложеніе до 1889 г., т. е. до Менелика II. Авторомъ конца хроники могъ быть и самъ Лемлемъ, такъ какъ ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ, правда пока крайне малочисленныхъ, спискахъ этой редакціи хроники нѣтъ исторіи XIX вѣка. Эта часть является, такимъ образомъ, наиболѣе драгоцѣнной, такъ какъ доводитъ лѣтописное изложеніе краткой хроники до нашего времени.

Изъ извѣстныхъ пока въ европейскихъ библіотекахъ эѳіопскихъ хроникъ различнаго состава и различной обстоятельности дальше всѣхъ въ хронологическомъ отношеніи идутъ слѣдующія:

1) Такъ называемая большая хроника Ликъ-Аткума, написанная по предложенію Рюппеля въ 1832 году. Доводитъ исторію Абиссиніи до низложенія Егвала въ 1809 г. Послѣднее столѣтіе здѣсь описано особенно обстоятельно—о каждомъ царствованіи его имѣются цѣлыя монографіи, восходящія къ различнымъ авторамъ. Франкфуртская библіотека.

2) Большой лѣтописный сводъ Британскаго музея Orint. 821. Доходитъ до 1830 г.

3) Другая, аналогичная рукопись тамъ же Orint. 820, дающая пространныя хроники 1769—1807 года.

4) Парижская рукопись 143, послѣдняя часть которой занята пространными хрониками, тожественными съ вошедшими въ составъ свода Ликъ-Аткума, и также доходящими до 1809 года.

5) Болѣе краткій сводъ того же Ликъ-Аткума, доведенный до 1830 года и хранящійся въ коллекціи Рюппеля во Франкфуртѣ.

6) Такъ называемая краткая хроника Ликъ-Аткума, доведенная до 1778 года.

Изъ этого перечня ясно, что краткую хронику, изданную и комментированную Бассэ, можно продолжать только на основаніи имѣющагося въ библіотекахъ матеріала на 78 лѣтъ, то-есть до смерти Такла-Хаймонота II; далѣе слѣдуютъ уже большія історіографическія произведенія, доводящія насъ до 1830 года, наконецъ имѣется также амхарская исторія императора Ѳеодора, написанная Санебомъ и недавно изданная Литтманомъ. Наша рукопись такимъ образомъ является: 1) единственной краткой хроникой XIX вѣка; 2) единственнымъ пока туземнымъ изложеніемъ царствованій императоровъ Іоанна IV-го и Менелика II-го до 1889 года. Съ этой стороны она, конечно, заслуживаетъ большого вниманія, и ея заключительная часть должна быть непремѣнно издана, не смотря на всѣ свои какъ стилистическія и грамматическія, такъ и существенныя несовершенства.—Что касается остальной части, то ея изданіе представляется излишнимъ въ виду существованія работы Бассэ, но приведеніе варіантовъ могло бы оказать услугу будущему критическому изданію краткой хроники, хотя и это дѣло нелегкое, и вотъ почему.

Текстъ нашъ на первыхъ пяти листкахъ даетъ обычную родослов-

ную царей до Лебна Денгеля, съ обычными историческими помѣтками. Здѣсь текстъ почти строка въ строку тожественъ съ изданнымъ. Варіанты есть, ихъ легко подвести, и они частью свидѣтельствуютъ о разсѣянности или безграмотности, частью служатъ къ исправленію изданнаго текста и къ пополненію критическаго аппарата, собраннаго Conti Rossini изъ римской рукописи краткой хроники, параллельной парижской. Такъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ пополняются пропуски, въ двухъ изъ которыхъ повиненъ Бассэ, сдѣлавшій ихъ въ текстѣ, но не допустившій въ переводѣ, гдѣ пропущенныя мѣста стоятъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно исправить чтенія и т. п.

Начиная съ Лебна Денгеля наша рукопись уже даетъ не буквально точный текстъ, а его сокращеніе, и притомъ механическое — авторъ сокращаетъ текстъ, не излагая его въ болѣе краткой формѣ, а выпускаетъ строки и цѣлыя страницы, оставляя удержанное большею частью въ буквальномъ видѣ.

Конечно, и при такихъ условіяхъ могутъ быть интересные варіанты, и они дѣйствительно есть, но крайняя многочисленность пропусковъ дѣлаетъ привлеченіе ихъ не столь удобнымъ. Для восполненія лакунъ текста, изданнаго Бассе, наша рукопись также даетъ немного. Изъ такихъ лакунъ двѣ заполнены уже Conti-Rossini на основаніи римской рукописи, почти буквально сходной съ парижской; другія, заполненныя самимъ Бассе по другой краткой хроникѣ, Conti - Rossini также близко подходятъ къ типу парижской лѣтописи. Наша рукопись большею частью даетъ въ этихъ мѣстахъ текстъ весьма скомканный и сокращенный, хотя все-таки не лишенный варіантовъ, которыми можно воспользоваться для будущаго критическаго изданія, особенно въ первой лакунѣ, соотвѣтствующей концу XVI и началу XVII вѣка—здѣсь ея текстъ даже довольно обстоятеленъ.

Третья часть рукописи—хроника царя Іясу II и его преемниковъ до Соломона III, непосредственно примыкающая хронологически къ хроникѣ, изданной Бассэ, написана довольно небрежно и даже мѣстами безграмотно до невразумительности. Какъ уже было сказано, въ краткой хроникѣ Ликъ-Аткума имѣется соотвѣтственная часть и притомъ, какъ я думаю, въ болѣе исправномъ и полномъ видѣ, а потому изданію и этотъ отдѣлъ пока не подлежитъ, хотя надо признаться, что другихъ изданныхъ источниковъ этого періода у насъ нѣтъ, за исключеніемъ Bruce, который излагаетъ его подробно на 200 страницахъ. Наша рукопись обстоятельно описываетъ только

смуты первыхъ трехъ лѣтъ Іясу II, а затѣмъ интересуется лишь царскимъ храмоздательствомъ и, наконецъ, совершенно суммарно излагаетъ эпоху расовъ отъ начала XIX вѣка до воцаренія Ѳеодора. Здѣсь именно и начинается послѣдняя часть рукописи, подлежащая изданію. Единственное хорошее изложеніе смутныхъ событій этого времени (до 1830 г.), составленное по большимъ, все еще неизданнымъ хроникамъ, имѣется въ доступномъ всѣмъ путешествіи Рюппеля.

Далѣе слѣдуетъ исторія Ѳеодора, Такла-Гіоргиса и Іоанна IV. Первая ограничивается нѣсколькими строками; послѣдняя, довольно обстоятельно повѣствующая о войнѣ съ дервишами, написана въ стилѣ древнихъ хроникъ. Все произведеніе заканчивается 1889 г., воцареніемъ Менелика II.

Отличіемъ нашей рукописи является и то, что она раздѣлена на шеегаґы=главы или параграфы, впрочемъ не нумерованные, что нерѣдко въ эѳіопскихъ книгахъ.

Нѣкоторыя рукописи заключаютъ въ себѣ иллюстраціи, иногда недурныя для эѳіопскаго искусства. Особенно ими богата коллекція проф. Александра. Здѣсь не мало рисунковъ линіей - контуромъ, представляющихъ святыхъ и Божію Матерь. Есть и раскрашенные, напримѣръ, хорошее изображеніе Іоанна Крестителя въ магическомъ сборникѣ ежедневныхъ молитвъ. Въ коллекціи Орлова также попадаются изображенія, напримѣръ, раскрашенный образъ св. Самуила Вальдебскаго верхомъ на львѣ.

Резюмируя сказанное, отмѣтимъ:

1) Всѣ рукописи во всѣхъ коллекціяхъ новаго происхожденія. Немногія восходятъ къ XVII вѣку; изъ остальныхъ большую часть слѣдуетъ скорѣе отнести къ XIX, чѣмъ къ XVIII вѣку. Это, впрочемъ, общая участь всѣхъ собраній эѳіопскихъ рукописей, исключая развѣ парижскаго. То же призналъ и Райтъ во введеніи къ каталогу Британскаго музея.

2) Всѣ рукописи происходятъ съ юга Абиссиніи, изъ Шоа, а потому заключаютъ житія лишь южныхъ святыхъ—Такла-Хайманота и Габра Манфасъ Кеддуса.

3) Среди нихъ есть представители всѣхъ родовъ эѳіопской письменности, а потому начинающій эѳіопистъ имѣетъ въ настоящее время возможность заниматься, не выѣзжая изъ Петербурга.

Тотъ же, кто интересуется эѳіопской догматикой, лексикологіей, отреченной литературой, богослужебной поэзіей и живописью, не мо-

жетъ въ настоящее время обойтись безъ петербургскихъ собраній. То обстоятельство, что большая часть рукописей собрана въ Азіатскомъ музеѣ, столь отзывчивомъ къ потребностямъ науки и ученыхъ, дѣлаетъ описанную коллекцію не только интересной, но и доступной какъ для будущихъ нашихъ спеціалистовъ, такъ и для ученыхъ вообще.

Б. Тураевъ.

ВЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ [1]).

XV.

ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΊΑ.

Въ своей столь досадно краткой и все-таки прекрасной Πεντηκονταετία Ѳукидидъ говоритъ, что этихъ пятидесяти лѣтъ отъ отраженія Ксеркса до Пелопоннисской войны коснулся одинъ Элланикъ въ Атоидѣ, и то кратко и неточно по хронологіи. Діодоръ предпочелъ въ этомъ промежуткѣ времени Ѳукидиду другого руководителя и потому оказался также очень неточнымъ въ хронологіи. Новыми учеными выставлено множество комбинацій, иногда фантастическихъ, противорѣчащихъ, конечно, одна другой. Значитъ, Пентиконтаетія такая область, въ которой возможны разнообразныя догадки о связи и ходѣ событій. Если источники не представляютъ возможности точно опредѣлить годъ какого-либо событія, ученому нѣтъ нужды стараться выискать и непремѣнно отмѣтить годъ, въ который, по его мнѣнію, было событіе; необходимо, напротивъ, такъ и занести въ протоколъ, что остается возможность нѣсколькихъ годовъ.

Τοῖς χρόνοις οὐκ ἀκριβῶς! Какая же исторія возможна при такомъ условіи?

Ученые не пропускаютъ никакихъ упоминаній, никакихъ анекдотовъ, находящихся у древнихъ авторовъ. Имъ жалко, такъ сказать, не воспользоваться какимъ-нибудь анекдотомъ, напримѣръ, Плутарха, и ради этого анекдота является новая комбинація событій. Относясь

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія*, 1904, отд. классической филол., іюль.

съ любовью къ древней исторіи Еллады, ученые стараются какъ можно живѣе представить себѣ древнія событія, говорятъ о нихъ такъ, какъ можно говорить о событіяхъ новѣйшей исторіи, точно и подробно извѣстныхъ, находятъ политическія и стратегическія ошибки. Въ книгѣ проф. Бузескула «Периклъ» приведено много такихъ неодобрительныхъ отзывовъ о дѣйствіяхъ Перикла и аѳинянъ. Ученые хотятъ также живо представить себѣ связь событій, выходящую слѣдствіемъ ихъ комбинацій: тогда является цѣлая ткань ученыхъ вымысловъ.

Представимъ ходъ событій Пентиконтаетіи и разберемъ при этомъ нѣкоторыя комбинаціи новыхъ ученыхъ, главнымъ образомъ Бузольта, посвятившаго цѣлый томъ Пентиконтаетіи (1897). Въ этомъ томѣ цѣлая сокровищница эрудиціи. Между работами Бузольта особенно важны его изслѣдованія списка даней.

Итакъ—первый годъ Пентиконтаетіи 478. Послѣ битвы при Микалѣ аѳинскіе вожди осадили Систъ и продержали войско всю зиму на 478 годъ подъ Систомъ, несмотря на просьбы войска возвратиться домой. Систъ былъ взятъ. Затѣмъ слѣдуетъ походъ соединеннаго греческаго флота подъ командою Павсанія: покореніе значительной части Кипра, осада и взятіе Византіи. Вполнѣ вѣроятно, что команда Павсанія заняла весь остальной годъ. Тогда же, вѣроятно, были тѣ разъѣзды Ѳемистокла въ Азіи и по азіатскимъ островамъ, когда Ѳемистоклъ не хотѣлъ возвратить въ отечество Іалисъ своего гостя Тимокреонта.

Переходъ игемоніи къ аѳинянамъ, предводительство Аристида надъ союзниками относится къ началу 477. Мы узнали изъ Ἀθηναίων Πολιτεία Аристотеля, что переходъ игемоніи былъ при Тимосѳенѣ архонтѣ; конечно, во вторую половину Тимосѳена, или въ первую половину 477 года. Вѣроятно, что распредѣленіе союзныхъ взносовъ (φόρος) произошло, какъ думаетъ Бузольтъ, еще въ теченіе 477 года.

Къ этому же году Бузольтъ относитъ самовольный пріѣздъ Павсанія въ Византію. Такъ рано въ связи съ тѣмъ, что осужденіе и бѣгство Ѳемистокла поставлены имъ слишкомъ рано.

Подъ 476 Бузольтъ ставитъ походъ Леотихида въ Ѳессалію, сверженіе Леотихида и вступленіе въ царскій санъ его внука Архидама. Это невѣрный разсчетъ: эти событія были *семью годами позже*, въ 469 году. Діодоръ (XI, 48) дѣйствительно говоритъ, что въ 476 году умеръ Леотихидъ, и Архидамъ ему наслѣдовалъ и царствовалъ 42 года. Подъ 434 годомъ Діодоръ отмѣчаетъ, что Архидамъ умеръ, правивъ 42 года (XII, 35). Это нисколько не мѣшаетъ Діодору говорить, что

въ 431 году Архидамъ вторгся въ Аттику и проч. Мы знаемъ, что Архидамъ умеръ около 427 года, и, значитъ, Леотихидъ сверженъ въ 469. Бузольтъ прибѣгаетъ къ уловкѣ, что 42 года считаются не отъ сверженія, а отъ смерти Леотихида. Но Архидамъ сталъ царемъ не послѣ смерти своего дѣда, а послѣ сверженія. Бузольтъ придвигаетъ сверженіе Леотихида къ переходу игемоніи, потому что походъ спартанцевъ въ Ѳессалію былъ съ цѣлію усиленія въ противовѣсъ усиленію аѳинянъ. Но спартанцы не были такъ подвижны.

Далѣе на разсчеты Бузольта имѣетъ большое вліяніе разсказъ Іона хіосскаго, приведенный Плутархомъ (Cimon, 9). „Іонъ говоритъ, что онъ, будучи совсѣмъ юношею (παντάπασι μειράκιον), собираясь изъ Хіоса въ Аѳины, обѣдалъ у Лаомедонта вмѣстѣ съ Кимономъ. Послѣ возліяній Кимонъ, по просьбѣ присутствующихъ, пѣлъ, и спѣлъ недурно, и всѣ присутствующіе стали хвалить, что онъ ловчѣе (δεξιώτερον) Ѳемистокла; тотъ сказалъ, что онъ не научился ни пѣть, ни играть на киѳарѣ, но умѣетъ сдѣлать городъ великимъ и богатымъ. Отсюда, какъ естественно во время питья, полилась рѣчь о дѣлахъ Кимона, и стали припоминать самыя великія его дѣла, и онъ самъ разсказалъ одно изъ своихъ полководческихъ ловкихъ дѣлъ (στρατήγημα), какъ самое умное. Послѣ того какъ союзники взяли изъ Сеста и Византіи много варваровъ въ плѣнъ и поручили Кимону раздѣлить добычу, онъ отдѣльно поставилъ самихъ плѣнныхъ, отдѣльно дорогія вещи ихъ украшеній; союзники стали обвинять, что раздѣлено неровно. Онъ пригласилъ ихъ выбрать какую-угодно часть, сказавъ, что аѳиняне будутъ довольны той частью, которую имъ оставятъ. Ирофитъ самосецъ посовѣтовалъ взять лучше имущество персовъ, чѣмъ самихъ персовъ; союзники взяли украшенія (κόσμον), оставили аѳинянамъ плѣнныхъ. И тогда Кимонъ казался смѣшнымъ раздѣлителемъ: союзники унесли золотыя ожерелья, браслеты, цѣпи, богатыя одежды, пурпуръ, а аѳиняне получили голыя тѣла плохихъ работниковъ. Но немного спустя друзья и родственники плѣнныхъ пришли изъ Фригіи и Лидіи и выкупили каждаго плѣннаго за большія деньги, такъ что Кимонъ могъ содержать флотъ четыре мѣсяца, и кромѣ того осталось изъ выкупа городу немало золота".

Вотъ анекдотъ не хуже любого. Ученые съ величайшею строгостью взвѣшиваютъ всякое слово. Но вѣдь это сказано Кимономъ въ подпитіи (ἐν πότῳ, онъ же былъ φιλοπότης δὲ χαμελής); и вполнѣ ли вѣрно услышалъ и запомнилъ юноша Іонъ имена городовъ? Бузольтъ, вслѣдъ за другими учеными, относитъ этотъ раздѣлъ ко второму

взятію Византіи, когда аѳиняне прогнали оттуда Павсанія (βίᾳ ὑπ' Ἀθηναίων ἐκπολιορκηθείς), и говоритъ, что, значитъ, Павсаній кромѣ Византіи занялъ Систъ, и аѳиняне второй разъ взяли Систъ и Византію. Но, конечно, Павсаній не занималъ Систа. Мы видѣли, какъ аѳиняне добивались взятія Систа, взяли его одни, безъ союзниковъ, и, конечно, Систъ сталъ ихъ крѣпостью. Между тѣмъ Византія была взята Павсаніемъ, предводителемъ соединеннаго флота. Былъ ли какой гарнизонъ оставленъ Павсаніемъ въ Византіи, неизвѣстно; но аѳинскаго гарнизона не было, если Павсаній, прибывшій на Геллеспонтъ на одномъ ерміонскомъ кораблѣ, могъ занять Византію. У Ѳукидида ни слова о занятіи Систа Павсаніемъ.

Осада Эіона Кимономъ, повидимому, вѣрно отнесена Бузольтомъ къ 476 году и взятіе Эіона къ началу 475. Такъ выходитъ изъ точной данной схоліевъ на Эсхина de f. leg. 31. Тамъ пересчитывается девять неудачъ аѳинянъ у Девяти Дорогъ, и первая неудача Лисистрата, Ликурга и Кратина, ходившихъ походомъ на Эіонъ. Взявъ Эіонъ, они были уничтожены ѳракійцами при Ѳэдонѣ архонтѣ (476—5). Эіонъ былъ взятъ одинъ разъ аѳинянами: осада и взятіе Эіона Кимономъ знамениты. Значитъ, Лисистратъ, Ликургъ и Кратинъ участвовали въ этой осадѣ и послѣ взятія Эіона были начальниками отряда, пошедшаго занять Девять Дорогъ (при выходѣ Стримона изъ озера).

Вотъ какая красивая ткань вымысловъ выходитъ у Бузольта, начиная съ самовольнаго прибытія Павсанія въ Византію. „Павсанію удалось также овладѣть Систомъ, причемъ ему могли помогать персидскіе гарнизоны, стоявшіе еще въ нѣкоторыхъ херронисскихъ мѣстахъ". Какого еще нужно было въ такомъ случаѣ доказательства вины Павсанія, если персы помогали ему противъ аѳинянъ? „Онъ обезпечилъ оба города многочисленнымъ гарнизономъ, главнымъ образомъ составленнымъ изъ лидійцевъ и фригійцевъ". Это изъ приведеннаго разсказа Іона о плѣнныхъ, что родственники пріѣхали изъ Лидіи и Фригіи выкупать ихъ. „Аѳиняне не могли допустить вторженія въ союзную территорію, къ которой, безъ сомнѣнія, принадлежалъ Систъ, и потери проливовъ. Они не могли разсчитывать на вмѣшательство или на какое-нибудь дѣятельное содѣйствіе лакедэмонянъ къ вытѣсненію Павсанія. Потому что прославленный побѣдитель при Платэяхъ имѣлъ въ Спартѣ вліятельныхъ приверженцевъ и стоялъ, очевидно, въ соглашеніи съ партіею, которая не могла примириться съ потерею игемоніи на морѣ и съ удовольствіемъ видѣла, что аѳинянамъ, по-

крайней мѣрѣ, устраиваются серьезныя затрудненія. Въ Спартѣ спокойно предоставили регенту дѣйствовать и послали весною 476 года царя Леотихида съ войскомъ и флотомъ въ Ѳессалію". Даже съ флотомъ! Такими фантастическими картинами наполняются цѣлые томы.

Годы покоренія Скироса, войны аѳинянъ съ Каристомъ неизвѣстны.

Также нельзя опредѣлить годъ изгнанія Ѳемистокла остракизмомъ, годъ казни Павсанія; годъ бѣгства Ѳемистокла Ѳукидидъ опредѣляетъ тѣмъ, что онъ прибылъ въ Азію въ самомъ началѣ царствованія Артаксеркса.

Бузольтъ относитъ смерть Павсанія къ 472 году, осужденіе и бѣгство Ѳемистокла къ 471 году.

Діодоръ подъ 477—6 годомъ собираетъ всѣ разсказы о Павсаніи, начиная съ похода на Кипръ до его смерти. Подъ 471—0 всѣ разсказы о Ѳемистоклѣ, объ остракизмѣ, объ изгнаніи и смерти. Подъ 470—69 всѣ разсказы о Кимонѣ отъ взятія Эіона и кончая битвою при Евримедонтѣ. Слѣдовательно, на Діодора невозможно сослаться какъ на авторитетъ относительно точнаго хронологическаго опредѣленія какого-либо событія изъ цѣлаго ряда событій, бывшихъ въ разные годы.

Время битвы при Евримедонтѣ, по мнѣнію Бузольта, опредѣлено Кёлеромъ точно на осень 468. Но это опредѣленіе, по внимательномъ разсмотрѣніи, оказывается опять призракомъ. Въ статьѣ Кёлера, на которую ссылается Бузольтъ (*Hermes*, XXIV), Кёлеръ ничего не говоритъ о 468 годѣ. Онъ разбираетъ древнѣйшій списокъ убитыхъ, CIA. I 432. Надпись съ большими пропусками; въ ней отмѣчены убитые аѳиняне и союзники въ разныхъ мѣстахъ: два раза встрѣчается ἐν Θάσῳ, ἐπὶ Σιδείῳ. Ἐπὶ Σιδείῳ неизвѣстное мѣсто; такъ именно на камнѣ, отмѣчаетъ Кёлеръ. Кумануписъ (Ἐπιγρ. ἐπιτύμβ.) издалъ ἐπὶ Σιγείῳ; Кёлеръ говоритъ, что это ошибка или опечатка. Самъ онъ, однако, говоритъ, что надобно читать ἐπὶ Σιγείῳ: слѣдовательно Кумандисъ выставилъ эту догадку раньше него. Benndorff думаетъ, что ἐπὶ Σιδείῳ связано съ Сидою памфилійскою, и что дѣло идетъ о какой-нибудь стычкѣ, бывшей около времени битвы при Евримедонтѣ. Кёлеръ удачно возстановляетъ (ἐν Καρ)δίᾳ, (Βυζά)ντιοι вм. (Αἰγά)ντιοι. Онъ доказываетъ, что надпись не относится къ избіенію колонистовъ въ Дравискѣ и приводитъ разсказъ Плутарха (Cim. 14), какъ Кимонъ, послѣ битвы при Евримедонтѣ, изгналъ персовъ изъ Херрониса и воевалъ съ возставшимъ Ѳасосомъ. Котораго года надпись CIA. I

432, остается неизвѣстнымъ: нѣсколько аѳинянъ могло быть убито на Ѳасосѣ въ одинъ изъ трехъ годовъ. Кёлеръ говоритъ только, что битва при Евримедонтѣ была, вѣроятно, въ 466, а изгнаніе персовъ изъ Херрониса и война на Ѳасосѣ въ 465.

Годы волненій въ Пелопоннисѣ противъ Спарты, годы двухъ битвъ, упомянутыхъ однимъ Геродотомъ: побѣды лакедэмонянъ при Тегеѣ надъ тегеатами и аргосцами и побѣды лакедэмонянъ при Дипэяхъ надъ всѣми аркадами кромѣ мантинейцевъ не могутъ быть опредѣлены точно: эти битвы были между 479 и 464 годами. Вотъ, вѣроятно, послѣ того, какъ спартанцы одолѣли своихъ противниковъ въ Пелопоннисѣ, они собрались послать Леотихида въ Ѳессалію: вѣроятно, эти битвы были между 475 и 469 годами.

На 466, 465, 464 годы скопляется множество событій, если мы будемъ буквально слѣдовать Пентиконтастіи Ѳукидида. И все-таки въ такомъ скопленіи нѣтъ ничего невозможнаго. Конечно, намъ необходимы новые источники: какая-нибудь надпись была бы лучшей провѣркой нашихъ выводовъ. Но пока такого источника нѣтъ.

Бѣгство Ѳемистокла было во время осады Накса аѳинянами: такъ видно изъ общеизвѣстнаго разсказа. Также общеизвѣстны слова Корнелія Непота at ego potissimum Thucydidi credo, что Ѳемистоклъ прибылъ къ Артаксерксу νεωστὶ βασιλεύοντα. Вѣроятно, прошло нѣкоторое время между прибытіемъ Ѳемистокла въ Азію и представленіемъ царю. Ксерксъ царствовалъ болѣе двадцати лѣтъ (Diodor. XI, 69) то есть 20 лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Артаксерксъ вступилъ на престолъ въ концѣ 465 или началѣ 464. Вѣроятно, Ѳемистоклъ прибылъ въ Азію въ 466, во время осады Накса, а ссора аѳинянъ съ Наксомъ, можетъ быть, началась въ 467. Такимъ образомъ не будетъ чрезмѣрнаго скопленія событій въ 465 году.

Ѳукидидъ имѣетъ въ виду дать точный по времени перечень событій: итакъ мы должны строго держаться его выраженій μετὰ ταῦτα, χρόνῳ δὲ ὕστερον и т. п., отбрасывая другія противорѣчащія свѣдѣнія; только прямое показаніе надписи могло бы насъ заставить признать какую-нибудь ошибку Ѳукидида.

Побѣда Кимона при Евримедонтѣ была послѣ битвы при Наксѣ (μετὰ ταῦτα), въ 465 году (по Бузольту тремя годами раньше). Послѣ Евримедонта Кимонъ изгналъ остатки персовъ изъ Херрониса и воевалъ съ Ѳасосомъ. Ѳасосцы возстали противъ аѳинянъ послѣ битвы при Евримедонтѣ—χρόνῳ δὲ ὕστερον. Невозможно опредѣлить, какой промежутокъ времени заключается въ этихъ трехъ словахъ: но все-таки

не меньше нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Θасосцы поссорились съ аѳинянами изъ-за своихъ торговыхъ гаваней, лежавшихъ на Θракійскомъ берегу напротивъ острова, и изъ-за золотыхъ рудниковъ. Около времени возстанія Θасоса была отправлена на Стримонъ для занятія Девяти Дорогъ большая колонія аѳинянъ и союзниковъ, въ 10.000 воиновъ или взрослыхъ мужчинъ, при архонтѣ Лисикратѣ (Schol. in Aeschin. Müller-Didot II, p. 502). Δεύτερον (второе бѣдствіе при Девяти Дорогахъ) οἱ μετὰ Λεάγρου κληροῦχοι ἐπὶ Λυσικράτους. Имена трехъ архонтовъ къ ряду начинаются со слога Λυσ—: Λυσίστρατος 467, Λυσανίας 466, Λυσίθεος 465. Можно согласиться съ Бузольтомъ, что Лисикратъ схоліевъ на Эсхина тожественъ съ Лисиѳеемъ. По Θукидиду на 29-ый годъ послѣ истребленія колоніи въ Дравискѣ основанъ Амфиполь. Основаніе Амфиполя было при Евѳименѣ архонтѣ, 437—6, по двумъ древнимъ авторамъ: по Schol. Aeschin. de f. l. 34 и по Діодору XII, 32. По такому счету истребленіе колоніи могло быть также и въ первой половинѣ 464. Діодоръ относитъ войну съ Θасосомъ и колонію въ Девять Дорогъ къ 464—3.

„Θасосцы, побѣжденные въ битвахъ и осаждаемые, призывали лакедэмонянъ и просили помочь вторженіемъ въ Аттику. Лакедэмоняне обѣщали тайно отъ аѳинянъ и собирались, но имъ помѣшало землетрясеніе, причемъ и илоты и изъ періойковъ оуріаты и эѳэйцы *возстали* противъ нихъ *въ Иѳому*. Большая часть илотовъ были потомки древнихъ мессинцевъ, нѣкогда порабощенныхъ; почему всѣ возставшіе назывались мессинцами. Итакъ у лакедэмонянъ стала война противъ находившихся въ Иѳомѣ". Около Иѳомы, крѣпости возставшихъ, сосредоточилась война. По Павсанію возстаніе илотовъ было при Архидимидѣ архонтѣ, 464—3. По Плутарху въ четвертый годъ царствованія Архидама; если данная Плутарха точна, то сверженіе Леотихида произошло въ 468 году, что вполнѣ возможно. Иначе приходится принять, что она неточна.

Были кровопролитныя стычки въ войнѣ съ илотами, несчастныя для лакедэмонянъ; была одна побѣда въ значительномъ сраженіи, въ какой именно мѣсяцъ и годъ, неизвѣстно. О сраженіи упоминаетъ Геродотъ въ перечнѣ пяти побѣдъ; Θукидидъ не упоминаетъ. По разсказу Θукидида можно догадываться, что битва была немного времени послѣ начала возстанія. Лакедэмоняне просили помощи аѳинянъ и другихъ союзниковъ, когда у нихъ затянулась (ἐμηκύνετο) война противъ находившихся въ Иѳомѣ. Бузольтъ полагаетъ, что Кимонъ отправился съ 4.000 гоплитовъ на помощь Спартѣ весною 462 года:

скорѣе годомъ раньше. Опредѣленіе Бузольта связано съ мнѣніемъ его о продолжительности изгнанія Кимона и опредѣленіемъ времени битвы при Танагрѣ. О помощи аѳинянъ лакедэмонянамъ сказано у Ѳукидида послѣ упоминанія о сдачѣ Ѳасоса; Бузольтъ заключаетъ, что походъ Кимона въ Лаконію былъ послѣ покоренія Ѳасоса. Онъ самъ замѣчаетъ, что у Ѳукидида не сказано μετὰ ταῦτα, а просто δέ. Здѣсь у Ѳукидида, какъ и ниже, гл. 103, замѣчаніе, чѣмъ кончилось событіе, стоитъ не въ связи хронологической. Онъ говоритъ о войнѣ аѳинянъ съ Ѳасосомъ, о томъ, что лакедэмоняне хотѣли помочь, что у нихъ произошло землетрясеніе и возстаніе илотовъ; затѣмъ сообщаетъ, чѣмъ кончилась война съ Ѳасосомъ. Нѣтъ основанія утверждать, что походъ Кимона въ Лаконію былъ непремѣнно послѣ сдачи Ѳасоса. Ѳасосъ сдался въ 463 или 462, на третій годъ войны.

Возстаніе Египта противъ персовъ Діодоръ помѣщаетъ подъ 463—462 годомъ, прибытіе въ Египетъ аѳинской помощи подъ 462—1. Вѣроятно, аѳинское войско боролось въ Египтѣ съ 461 до 455; эта борьба продолжалась шесть лѣтъ: οὕτω τὰ Ἑλλήνων πράγματα ἐφθάρη ἓξ ἔτη πολεμήσαντα. Прибытіе аѳинской помощи въ Египетъ Бузольтъ ставитъ въ 459; кажется, слишкомъ поздно.

Въ годъ Конона архонта, 462—1, была реформа Ефіальта, умаленіе Ареопага. Ефіальтъ былъ убитъ въ томъ же году, Периклъ сталъ главой демократической партіи; Кимонъ былъ удаленъ остракизмомъ. Намъ говорятъ древніе кое-что объ Ефіальтѣ, Периклѣ, Кимонѣ, но это только нѣсколько словъ, не исторія; нѣсколько словъ, соединенныхъ съ недостовѣрными анекдотами. Мы не знаемъ, когда былъ проведенъ законъ Перикла о жалованьѣ судьямъ; не знаемъ, какія были права Ареопага до Ефіальта, и въ чемъ именно умалилъ его силу Ефіальтъ; не знаемъ, когда былъ изгнанъ остракизмомъ Кимонъ; не знаемъ, когда онъ былъ возвращенъ. Κλέος οἶον ἀκούομεν, οὐδέ τι ἴδμεν. Понятно разногласіе ученыхъ мнѣній.

Бузольтъ употребляетъ похвальныя старанія различить учрежденія и порядки V и IV столѣтій, хотя трудно сказать, удается ли ему это (напримѣръ о номоѳетахъ, что ихъ не было при Периклѣ). Но онъ приписываетъ Периклу θεωρικόν, основываясь на неточныхъ, мимоходомъ брошенныхъ, словахъ Плутарха (Pericl. 9), а θεωρικόν именно учрежденіе IV вѣка.

Многіе ученые представляютъ такъ, что при остракизмѣ шелъ вопросъ о выборѣ между Кимономъ и Ефіальтомъ, и Кимонъ былъ удаленъ за то, что защищалъ Ареопагъ; и это не можетъ быть дока-

зано. Вѣроятно, законъ Ефіальта, удаленіе Кимона, законъ Перикла о жалованьѣ судьямъ были близки по времени.

Послѣ того, какъ лакедэмоняне отослали изъ-подъ Иѳомы аѳинскую помощь, аѳиняне оставили союзъ съ лакедэмонянами, состоявшійся при нашествіяхъ персовъ, и заключили союзъ съ аргосцами, непріятелями лакедэмонянъ; и оба государства, Аѳины и Аргосъ, заключили союзъ съ Ѳессаліею, утвержденный клятвами. Враждебность Ѳессаліи къ спартанцамъ объясняется походомъ Леотихида; это тоже доводъ въ пользу того, что походъ Леотихида былъ незадолго до союза Ѳессаліи съ Аѳинами. Сочувствіе аристократовъ Ѳессаліи было на сторонѣ Спарты: ὀλβία Λακεδαίμων, μάχαιρα Θεσσαλία; оно проявилось въ битвѣ при Танагрѣ.

Переходъ Мегаръ въ союзъ съ аѳинянами, постройка длинныхъ стѣнъ мегарскихъ въ 460—458 годахъ, вѣроятно. Войну коринѳянъ, епидаврійцевъ, эгинитовъ съ аѳинянами, военныя событія, описанныя Ѳукидидомъ и упомянутыя спискомъ убитыхъ Ерехѳіиды, я всегда на лекціяхъ относилъ къ 458—7 году.—У Бузольта приблизительно то же, но онъ растягиваетъ вверхъ до конца лѣта 459 или весны 458. Онъ говоритъ о Kriegsjahr; но το αυτο ενιαυτο надписи ничего другого не означаетъ, кромѣ аѳинскаго года. Что это годъ 458—7, остается догадкой.

Лакедэмоняне долго оставляли своихъ сѣверныхъ пелопонезскихъ союзниковъ однихъ бороться противъ аѳинянъ. Наконецъ, они послали войско, но не прямо на аѳинянъ, а на сѣверъ Еллады, противъ фокейцевъ, занявшихъ одинъ изъ городковъ Дориды, ихъ митрополіи. Вѣроятно, осада Иѳомы уже не была для нихъ болѣе предметомъ безпокойства. Нѣкоторые ученые, и въ томъ числѣ Бузольтъ, полагаютъ, что осада Иѳомы была уже окончена, и исправляютъ текстъ Ѳукидида: вмѣсто δεκάτῳ ἔτει, думаютъ они, стояло въ древнихъ рукописяхъ просто δ' ἔτει, четвертый годъ. Вообще всякое такое исправленіе цифры—послѣднее средство и ни къ чему не ведетъ: цифра все-таки останется не древняго автора, а нами поставленная. Совершенно справедливо В. П. Бузескулъ (Периклъ, 161) опровергаетъ догадку ученыхъ: „у Diod. XI, 64 война тянется также 10 лѣтъ; Iustin. III, 6, говоря о битвѣ при Танагрѣ, прямо замѣчаетъ, что „лакедэмоняне направили свое оружіе противъ аѳинянъ, оставивъ мессенянъ“ (omissis Messeniis). Бузольтъ говоритъ, что въ перечнѣ Ѳукидида переходъ Мегаръ на сторону аѳинянъ и слѣдующія событія разсказываются послѣ упоминанія о капитуляціи Иѳомы. Но Ѳукидидъ отмѣчаетъ только, чѣмъ кончи-

лось возстаніе илотовъ; это упоминаніе о капитуляціи внѣ хронологическаго порядка: послѣ него опять простое δέ, а не μετὰ ταῦτα, какъ послѣ упоминанія о сдачѣ Оасоса.

Принудивъ фокейцевъ къ уступкѣ, лакедэмоняне оставались нѣкоторое время въ Віотіи. По Діодору они расширили черту городскихъ стѣнъ Өивъ и доставили өивянамъ игемонію надъ віотійскими городами. Лакедэмоняне стояли подъ Танагрой. Аөиняне слышали объ измѣнническихъ сношеніяхъ нѣкоторыхъ своихъ гражданъ съ лакедэмонянами, приняли мѣры, чтобы заградить лакедэмонянамъ обратную дорогу, выступили сами въ Віотію. Произошла битва при Танагрѣ. Ее можно отнести къ 457 году, но уже къ концу лѣта, къ новому аөинскому году, слѣдующему за годомъ списка убитыхъ Ерехоінды. Діодоръ, слѣдуя плохому источнику, или нѣсколькимъ разнымъ источникамъ, разсказываетъ о двухъ или даже о трехъ битвахъ при Танагрѣ, вмѣсто одной, о двухъ битвахъ при Инофитахъ, вмѣсто одной (XI, 80. 81. 82). Въ заключеніе разсказа о своей третьей битвѣ при Танагрѣ Діодоръ говоритъ: „тогда наступила ночь, и такъ какъ битва осталась нерѣшительной, вошли въ переговоры другъ съ другомъ и заключили перемиріе на четыре мѣсяца". О перемиріи не говоритъ Өукидидъ, и оно несогласно съ его разсказомъ, что лакедэмоняне на обратномъ пути опустошали Мегарскую землю, а что черезъ 62 дня послѣ битвы при Танагрѣ была битва при Инофитахъ. Вѣроятно, не было никакого перемирія. Это четырехмѣсячное перемиріе является у ученыхъ во всевозможныхъ комбинаціяхъ. Но надобно помнить, что, по Діодору, перемиріе заключено на полѣ битвы, тотчасъ послѣ битвы.

Изучая архитектурные обломки V вѣка, нѣмецкіе ученые постоянно ставятъ постройки того времени, слѣды, находимые ими въ развалинахъ, въ тѣснѣйшую связь съ политическими событіями и своими комбинаціями. Нашли между остатками стѣнъ акрополя цѣлыя части колоннъ, „барабаны" колоннъ—Säulentrommeln. Дёрпфельдъ объяснилъ, что это поспѣшное укрѣпленіе послѣ битвы при Танагрѣ—Nothbefestigung (*Ath. Mitth.* 1892). Новѣйшій блестящій фантазеръ Bruno Keil поправляетъ, что это Nothbefestigung было необходимо до битвы при Танагрѣ, когда было время заботъ и опасеній—die Zeit der bangen Besorgniss;—Nothbefestigung показываетъ, что длинныя стѣны еще неготовы. Такъ и у Өукидида длинныя аөинскія стѣны окончены послѣ Танагры и Инофитъ, въ 457—6. Но когда длинныя стѣны были окончены, является офиціальный планъ разоруженія, открытія акрополя, какъ часть общаго плана построекъ на акрополѣ. Какъ только

стѣна акрополя окончена, она становится по новому плану ненужною (B. Keil, Anonymus Argentinensis, 103—110). Объ этомъ новомъ планѣ сейчасъ.

О положеніи дѣлъ въ Аѳинахъ послѣ битвы при Танагрѣ Бузольтъ разсказываетъ такъ. „Для аѳинянъ должно было имѣть большое значеніе безпрепятственно покончить свои длинныя стѣны и имѣть свободныя руки для вмѣшательства въ Віотіи, прежде чѣмъ тамъ утвердится ѳивская игемонія. Такъ какъ они боялись вторженія лакедэмонянъ въ ближайшее время жатвы, то они желали заключить съ лакедэмонянами перемиріе. Для содѣйствія этому Кимонъ былъ возвращенъ изъ изгнанія народнымъ постановленіемъ по предложенію Перикла. (Кимонъ и его друзья дали при Танагрѣ блестящее доказательство патріотизма и презрѣнія къ смерти: разсказъ Плутарха Cim. 17). Лакедэмоняне согласились только на четырехмѣсячное перемиріе, которое обезпечивало ихъ отъ предпріятій аѳинскаго флота до конца лѣта и предоставили себѣ на весну полную свободу дѣйствія. Кимонъ, вѣроятно, возвратился въ свои имѣнія въ Херронисѣ, такъ какъ онъ убѣдился, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда въ Аѳинахъ первый зевгитъ сталъ архонтомъ (Мнисиоидъ—Aristot. 'Αθην. πολ.) и ни на той, ни на другой сторонѣ не было серьезной склонности къ заключенію прочнаго мира, не было мѣста для дѣятельности въ его духѣ". Короткое, изолирующее Ѳивы, „перемиріе". Какъ же лакедэмоняне согласились на перемиріе? Кимонъ понадобился Бузольту для заключенія четырехмѣсячнаго перемирія, а затѣмъ совсѣмъ не нуженъ и можетъ отправляться назадъ въ Херронисъ.

По Плутарху (Cim. 17. 18.), правда, послѣ битвы при Танагрѣ аѳиняне боялись весною вторженія лакедэмонянъ и призвали Кимона. Кимонъ прекратилъ войну—κατέλυσε τὸν πόλεμον—и съ 200 кораблей поѣхалъ въ походъ на Кипръ. Плутархъ не знаетъ 4-хъ мѣсячнаго перемирія, не обращаетъ вниманія на то, что до мира (или пятилѣтняго перемирія) прошло еще 6 лѣтъ, но въ словахъ κατέλυσε τὸν πόλεμον разумѣетъ пятилѣтнее перемиріе и ничего другого. Андокидъ говоритъ, что *Мильтіада*, сына Кимона, изгнаннаго остракизмомъ и находившагося въ Херронисѣ, проксена лакедэмонянъ, аѳиняне вернули и послали вмѣсто глашатая въ Лакедэмонъ о мирѣ, и заключили миръ на пятьдесятъ лѣтъ и сохраняли миръ тринадцать лѣтъ и т. д. („О мирѣ", 3). По Ѳеопомпу (въ Schol. на Аристида III, p. 528 Dind.) Кимона вернули, когда еще не прошло пяти лѣтъ со времени изгнанія: разсчитано отъ времени изгнанія до битвы при Танагрѣ, разсчетъ,

принимаемый Бузольтомъ—462—457. По Діодору (XI, 55) вообще по закону изгоняли остракизмомъ на пять лѣтъ. По Филохору законъ былъ μεταστῆναι τῆς πόλεως ἔτη δέκα—ὕστερον δε ἐγένοντο πέντε (Fr. H. G. I, p. 396). Платонъ говоритъ, что Кимона аѳиняне удалили, чтобы не слыхать его голоса десять лѣтъ (Gorg. 72). Аристидъ (II, p. 212 Dind.), что аѳиняне вернули Кимона прежде чѣмъ кончились десять лѣтъ—πρὶν τὰ δέκα ἐξήκειν ἔτη. Корнелій Непотъ согласенъ съ Ѳеопомпомъ: nam testarum suffragiis, quod illi ὀστρακισμόν vocant, decem annorum exilio multatus est. Cuius facti celerius Athenienses quam ipsum paenituit. Nam cum ille animo forti invidiae ingratorum civium cessisset bellumque Lacedaemonii Atheniensibus indixissent, confestim notae eius virtutis desiderium consecutum est. Itaque post annum quintum quam expulsus erat in patriam revocatus est. Ille quod hospitio Lacedaemoniorum utebatur, satius existumans contendere Lacedaemonem, sua sponte est profectus pacemque inter duas potentissimas civitates conciliavit. Post, neque ita multo, Cyprum cum ducentis navibus imperator missus etc.—Плутархъ въ біографіи Перикла (10): „нѣкоторые говорятъ, что Периклъ, прежде чѣмъ провести предложеніе о возвращеніи Кимона, заключилъ съ нимъ чрезъ его сестру Ельпинику тайное условіе, что Кимонъ выплываетъ въ походъ, взявъ 200 кораблей и будетъ предводительствовать внѣ Аѳинъ, покоряя землю царя, а у Перикла будетъ власть въ городѣ".—Все это смутно и неточно; намъ недостаетъ точнаго историческаго разсказа или хотя бы упоминанія. Приведенные древніе авторы ставятъ возвращеніе Кимона незадолго до пятилѣтняго перемирія и послѣдняго похода Кимона. Кейль предполагаетъ возвращеніе Кимона около 453; послѣ 453 Кейль находитъ *слѣды Кимона* въ аѳинскихъ новыхъ учрежденіяхъ: 453—2 возстановленіе (послѣ Писистрата) судей по димамъ; 451—0 ограниченіе права гражданства.

Черезъ 62 дня послѣ битвы при Танагрѣ побѣда аѳинянъ, вторгшихся въ Віотію, надъ віотійцами, при Инофитахъ. Послѣ побѣды аѳиняне овладѣли Віотіею и Фокидою и взяли сто заложниковъ съ локрійцевъ опунтскихъ. Такъ кратко Ѳукидидъ о весьма замѣчательныхъ событіяхъ. Діодоръ говоритъ, что Миронидъ послѣ побѣды овладѣлъ всѣми городами кромѣ Ѳивъ. Приходится принять ограниченіе Діодора, такъ какъ нельзя сказать, чтобы Ѳукидидъ противорѣчилъ Діодору, и успѣхъ аѳинянъ и безъ того останется очень великъ. Конечно, аѳиняне отмѣнили ѳивскую игемонію надъ Віотіею, защищали города отъ Ѳивъ и вмѣстѣ владѣли городами, города стали по-

сылать свои ополченія на помощь аѳинянамъ. Въ „Менексенѣ“ Платона сказано, что аѳиняне сражались при Танагрѣ противъ лакедэмонянъ за свободу віотійцевъ. „Побѣдивъ при Инофитахъ, наши справедливо возвратили изгнанныхъ неправедно“ (Menex. 13). Когда віотійскіе города подпали подъ власть аѳинянъ, изъ городовъ было много изгнанниковъ, которые возстали потомъ противъ аѳинянъ. Въ рѣчахъ у Ѳукидида ѳивяне два раза ссылаются на то, что аѳиняне овладѣли віотійскою землею изъ-за смутъ (Thuc. III, 62. IV, 92). Въ VII исѳмійской одѣ, писанной именно во время униженія Ѳивъ и власти Аѳинъ надъ віотійскими городами Пиндаръ великолѣпными стихами изображаетъ Инофиты, проигранную битву—ἔσχον πολέμοιο νεῖκος ἐσχάταις ἐλπίσι—Поэтъ говоритъ и о неблагодарности лакедэмонянъ, но весьма слабо, однимъ намекомъ.

ἢ Δωρίδ' ἀποικίαν ἀνίκ' ἄρ' ὀρθῷ
ἔστασας ἐπὶ σφυρῷ
Λακεδαιμονίων, ἕλον δ' Ἀμύκλας
Αἰγεῖδαι σέθεν ἔκγονοι, μαντεύμασι Πυθίοις;
ἀλλὰ παλαιὰ γὰρ
εὕδει χάρις, ἀμνάμονες δὲ βροτοί,
ὅ τι μὴ σοφίας ἄωτον ἄκρον
κλυταῖς ἐπέων ῥοαῖσιν ἐξίκηται ζυγέν.

Лакедэмоняне только не пошли опять на помощь ѳивянамъ черезъ два мѣсяца послѣ Танагры; они опять промедлили и не рѣшались, по обыкновенію; но они не заключили (послѣ побѣды!) перемирія съ аѳинянами, *изолировавшаго* Ѳивянъ.

Бруно Кейль великолѣпно разобралъ, публиковалъ и объяснилъ страницу папируса, новый источникъ для исторіи V вѣка, Anonymus Argentinensis, Strassburg 1902; написалъ объ этой оборванной страницѣ цѣлый томъ — блестящихъ фантазій. Страница — изъ какой-то epitome, или выписокъ изъ какого-то историческаго сочиненія объ аѳинскихъ событіяхъ V вѣка; отдѣльныя выписки начинаются обычнымъ словомъ ὅτι. Первая выписка упоминаетъ о выборѣ двухъ епистатовъ, и—„такъ какъ изъ каждой филы выбирали одного“—„и Парѳенонъ начали строить черезъ 10 лѣтъ“. Кейль дополняетъ оборванную половину строкъ: „къ нимъ десять казначеевъ въ годъ“—„и архитектора и секретаря“.—Первый, упомянутый въ первой выпискѣ фактъ относится, значитъ, къ 457 году, за 10 лѣтъ до начала постройки Парѳенона. Парѳенонъ начали строить въ 447 году, какъ

всѣ ученые заключаютъ на основаніи обломка надписи, гдѣ упоминается 15-й годъ постройки въ 433—2 году, 14-й въ 434—3 году (CIA. I 301. 302. IV, p. 147). Итакъ въ 457 году были выбраны два епистата и по одному изъ филы, слѣдовательно 10, какая-то коллегія. Кейль высказывается съ убѣжденіемъ, что это была строительная коммиссія. Это можно признать вѣроятнымъ. Но значеніе предположенной строительной комиссіи растетъ у Кейля съ чрезвычайною быстротою. Онъ говоритъ, что былъ выработанъ общій обширный планъ построекъ на акрополѣ, причемъ акрополь терялъ значеніе крѣпости. Это было возможно послѣ окончанія длинныхъ стѣнъ. Кейль нисколько не смущается тѣмъ, что по догадкѣ, принятой имъ самимъ съ полнымъ согласіемъ, сѣверную стѣну акрополя торопливо заканчивали еще въ 457 году. Весною, говоритъ онъ; а послѣ Танагры докончили длинныя стѣны, и тогда стѣны акрополя, только что доконченныя, стали ненужны. Мы имѣемъ теперь надпись о постройкѣ храма Ники (по συγγραφή Калликрата—Dittenberger, Syll. 911). Этотъ храмъ уничтожаетъ оборонительную цѣль (fortificatorischen Zweck) самаго важнаго бастіона. Надпись по начертаніямъ около 450 года. Итакъ тогда уже было намѣреніе открыть акрополь (die Burg offen zu lassen). На той же страницѣ (108) Кейль относитъ это намѣреніе ко времени между 457 и 450, а на слѣдующей утверждаетъ, что, по указанію страсбургскаго папируса, въ 457—6 или слѣдующемъ году аѳиняне утвердили общій планъ построекъ на акрополѣ; слѣдуя этому плану, выстроили Парѳенонъ. „Периклова идея панэллинскаго мирнаго конгресса была поставлена въ связь съ постройкою болѣе поздняго Парѳенона, безъ сомнѣнія вѣрно“ говоритъ Кейль. Болѣе поздній Парѳенонъ—тотъ, который начатъ въ 447. Предложеніе конгресса Перикломъ описывается Плутархомъ (Per. 17) съ такимъ слишкомъ неяснымъ опредѣленіемъ времени: ἀρχομένων δὲ Λακεδαιμονίων ἄχθεσθαι τῇ αὐξήσει τῶν Ἀθηναίων. Периклъ предложилъ постановленіе—γράφει ψήφισμα—пригласить всѣхъ грековъ, живущихъ въ Европѣ или Азіи, и малый городъ и большой, послать депутатовъ на собраніе (σύλλογον) въ Аѳины для обсужденія о греческихъ святыняхъ, сожженныхъ варварами, и о жертвоприношеніяхъ, каковыя обязаны еллины вознести за Елладу по обѣтамъ, даннымъ богамъ, когда еллины сражались противъ варваровъ, и о морѣ, чтобы всѣ безбоязненно плавали и были въ мирѣ. Аѳинскіе послы отправлены были по всѣмъ странамъ собственной Еллады и греческой Азіи. Конгрессъ не состоялся по сопротивленію лакедэмонянъ. На своихъ лекціяхъ я относилъ попытку конгресса ко

времени послѣ 30-тилѣтняго перемирія. Многіе ученые, и Бузольтъ въ томъ числѣ, полагаютъ, что предложеніе Перикла по вопросу о сожженныхъ святыняхъ не могло быть сдѣлано послѣ начала постройки Пароенона, храма Аоины на акрополѣ, также сожженнаго персами. Мнѣ не совсѣмъ ясно, почему. Есть разсказъ, что еллины передъ битвою при Платэяхъ поклялись не возстановлять разрушенныхъ и сожженныхъ варварами храмовъ (Diod. XI, 29. Lycurg. 81). По Ѳеопомпъ называлъ платэйскую клятву аоинскою выдумкою: ὅτι Ἑλληνικὸς ὅρκος καταψεύδεται ὃν Ἀθηναῖοί φασιν ὀμόσαι τοὺς Ἕλληνας πρὸ τῆς μάχης τῆς ἐν Πλαταιαῖς πρὸς τοὺς βαρβάρους (frg 167); и Бузольтъ согласенъ съ Ѳеопомпомъ. Ученые полагаютъ, что аѳиняне пригласили греческіе города на конгрессъ, именно приступая къ постройкѣ Парѳенона. Бузольтъ думаетъ, что аѳиняне приглашали віотійцевъ тогда, когда Віотія была подъ аѳинской властью; по тому и по другому соображенію онъ ставитъ приглашеніе на конгрессъ въ 448 году.

Вернемся къ Бруно Кейлю. Онъ продолжаетъ: „такъ же правильно было заключеніе, что самая постройка (Пароенона) не могла быть начата до дипломатической передачи приглашеній на конгрессъ; потому что до сихъ поръ надобно было считаться только съ одной данной, начала постройки, 447—6. Теперь оказалось (по его папирусу), что мы можемъ различать два пункта времени, лежащіе одинъ отъ другого на разстояніи десяти лѣтъ: общаго рѣшенія о постройкахъ на акрополѣ, 457—6 и 447—6; мы должны такимъ образомъ рѣшить, къ какому пункту мы должны отнести конгрессъ, такъ какъ постройка Парѳенона составляетъ только часть общаго проекта; безъ всякаго колебанія: къ болѣе ранней данной. Никто не оспариваетъ и нельзя оспаривать, что мысль конгресса могла возникнуть и быть высказана въ моментъ высшаго подъема силы Аѳинъ: къ какому же пункту времени эта мысль подходитъ болѣе, нежели къ тому, какой указанъ сіи папирусомъ? Послѣ битвы при Инофитахъ аѳиняне господствовали надъ Мегарами, Віотіею, Фокидою и пр. и пр. Это не одинъ изъ высшихъ пунктовъ аѳинской силы, но именно высочайшій пунктъ силы аѳинскаго государства; около этого пункта, въ самый, насколько можно придумать, понятнѣйшій пунктъ, планъ мирнаго конгресса ставится показаніемъ папируса о началѣ построекъ на акрополѣ. Наконецъ, Аѳины послѣ битвы при Танагрѣ достигли перемирія со Спартою, но только на четыре мѣсяца. До начала худого времени года и вмѣстѣ съ тѣмъ въ продолженіи зимы Аѳины были безопасны отъ Спарты; весною 456 должно было ожидать съ этой стороны новаго нападенія. Теперь

Периклъ выпускаетъ приглашеніе къ панеллинскому мирному конгрессу, которое пошло также и въ Пелопоннисъ.—456 годъ проходитъ, какъ доказываетъ молчаніе Ѳукидида, безъ войны: это успѣхъ дипломатіи Перикла; весною 455 Толмидъ идетъ съ флотомъ противъ Спарты: это отвѣтъ Аѳинъ на отношеніе Спарты къ конгрессу мира. Къ датировкѣ отправленія пословъ (съ приглашеніемъ на конгрессъ) прицѣпляется датировка постановленія о постройкахъ на акрополѣ. Постановленіе вѣдь, очевидно, разсчитано для этого дипломатическаго дѣйствія; аѳинскіе послы должны были имѣть возможность сослаться на постановленіе: „мы призываемъ васъ выстроить снова святыни, разрушенныя наслѣдственнымъ врагомъ (Erbfeind): видите, мы сами хотимъ теперь на мѣсто храма нашей богини, оскверненнаго персами, выстроить новый. Мы призываемъ васъ къ миру по всей Елладѣ; у насъ вездѣ миръ, и въ доказательство нашей твердой воли держать и охранять миръ, слышите, мы только что постановили, нашу крѣпость, которой черту стѣнъ мы именно теперь покончили, сдѣлать открытою площадью для праздниковъ“.

Приглашеніе на конгресъ сряду послѣ битвы при Инофитахъ и покоренія Віотіи аѳинянами, весьма, конечно, досаднаго лакедэмонянамъ! Нельзя придумать момента болѣе неподходящаго.

Фуртвенглеръ въ *Sitzungsberichte* мюнхенской Академіи (1904, 382) весьма скептически отзывается объ „общемъ планѣ построекъ на акрополѣ“, который такъ искусно вычитанъ Кейлемъ изъ обрывковъ папируса. Статья Фуртвенглера говоритъ объ упомянутой надписи о постройкѣ храма Ники (объ этой надписи много трактуетъ Кейль). Въ прежней статьѣ (*Sitzber. M. Akad.* 1898) Фуртвенглеръ опредѣляетъ даже самый годъ постановленія о постройкѣ, 450—49. Dittenberger замѣчаетъ: At is multo arctiorem inter dissensiones de summa republica et consilia harum aedificationum necessitudinem intercessisse statuit, quam mihi quidem credibile est.

Въ ближайшіе годы послѣ битвы при Инофитахъ—въ 456 и 455—аѳиняне докончили свои длинныя стѣны; произошла сдача и полное подчиненіе Эгины; былъ морской походъ Толмида; произошелъ несчастный конецъ войны въ Египтѣ.

Въ 454 мессинцы капитулировали и были выпущены изъ Иѳомы. Аѳиняне по враждѣ къ лакедэмонянамъ помѣстили ихъ въ Навпактъ, недавно отнятый отъ локрійцевъ озоловъ. Замѣчательная надпись (Michel, Rec. 285) о колоніи локрійцевъ ипокнамидійскихъ въ Навпактъ, разобранная мною въ статьѣ „Клирухіи аѳинскія“ (Въ области древ-

ней исторіи. XIII), относится или ко времени до 454, или ко времени послѣ 401. Бузольтъ держится первой датировки, мнѣ болѣе вѣроятна вторая.

Въ той же статьѣ объ аѳинскихъ клирухіяхъ сказано о клирухіяхъ V вѣка, Херронисѣ, Халкидѣ, Лимносѣ, Имвросѣ и пр., такъ что можно о нихъ не говорить въ настоящей статьѣ.

Изъ надписей мы узнаемъ о двухъ договорахъ, заключенныхъ аѳинянами въ 454—3 году. Во-первыхъ дошелъ въ обломкахъ договоръ съ Егестою (Сегеста кажется, національное имя) и Аликіями, городами елимовъ. Елимы, въ западной части Сициліи, составляли союзъ городовъ, во главѣ котораго стояла Егеста (Сегеста). CIA. IV, p. 59 nr. 22 к, p. 139 nr. 20. Во-вторыхъ въ надписи, въ которой былъ, должно быть, договоръ съ фокейцами, упоминается о клятвѣ, данной при Аристонѣ архонтѣ (454—3). CIA. IV, nr. 32. 6 p. 8.

Съ 454—3 года начинаются списки дани. Прежде думали, что въ 454 была перенесена союзная казна изъ Дилоса въ Аѳины, но теперь страсбургскій папирусъ, изданный Кейлемъ, даетъ важное извѣстіе, что казна перенесена, по предложенію Перикла, при Евѳидимѣ архонтѣ, 450—49 (Евѳинъ CIA. IV, p. 7 nr. 22 a). Значитъ ἀπαρχήν въ 1/60, μνᾶν τοῦ ταλάντου стали аѳиняне отдавать изъ дани своей богинѣ раньше перенесенія казны. До открытія папируса Бузольтъ замѣтилъ, что въ 450 году при новой раскладкѣ (лѣтомъ) дань многихъ городовъ была убавлена (стр. 337, 416). Въ своихъ изслѣдованіяхъ списковъ дани (*Philologus*, XLI) Бузольтъ довольно ясно показалъ, что аѳиняне не стѣснялись суммою въ 460 талантовъ, общею суммою дани при Аристидѣ; что въ періодъ 454 — 451 дань доходила до 520 талантовъ. При раскладкѣ 450 года дань многихъ городовъ была уменьшена на треть и на половину, такъ что общая сумма дани стала на 50 талантовъ ниже и стала доходить до 470 талантовъ. Кейль имѣетъ полное основаніе предположить, что аѳиняне, перенося союзную казну изъ Дилоса въ Аѳины, обѣщали держать дань не выше аристидовскаго размѣра; и дѣйствительно 25 лѣтъ исполняли обѣщаніе. Дань была возвышена, и притомъ чрезмѣрно, только при Стратоклѣ архонтѣ, 425 — 4. Дополненіе Кейля, что Парѳенонъ начали строить (καταπολεμηθέντων ἤδη τῶν Περ)σῶν, тоже очень удачно.

Конецъ войны въ Египтѣ, мы видѣли, былъ, вѣроятно, въ 455; походъ съ Орестомъ на Фарсалъ, причемъ віотійцы и фокейцы были въ союзномъ войскѣ аѳинскомъ, былъ, вѣроятно, въ 454; и тогда же

походъ Перикла изъ Пигъ мегарскихъ въ сикіонскую землю, присоединеніе къ союзу Ахаіи, походъ съ ахейцами подъ Иніады.

Три года безъ особыхъ событій—διαλιπόντων ἐτῶν τριῶν — были съ 454 до 451. Миръ на пять лѣтъ въ 451, какъ обыкновенно принимаютъ. Почему Бузольтъ относитъ пятилѣтнее перемиріе къ веснѣ 449, непонятно. Тридцатилѣтнее перемиріе было въ 446, какъ ясно изъ Өукидида; вторженіе Плистоанакта въ Аттику по окончаніи пятилѣтняго перемирія, также въ 446; само собою разумѣется, нѣсколько раньше. Нѣтъ ни малѣйшаго намека у Өукидида, что спартанцы нарушили пятилѣтнее перемиріе. Также изгнаніе Өукидида, сына Мелисія, остракизмомъ поставлено, кажется, двумя годами позже, чѣмъ слѣдуетъ, въ 442. У Плутарха именно сказано, что Периклъ правилъ какъ бы единолично не менѣе 15 лѣтъ послѣ изгнанія Өукидида: μετὰ δὲ τὴν Θουκυδίδου κατάλυσιν καὶ ὀστρακισμὸν οὐκ ἐλάττω τῶν πεντεκαίδεκα ἐτῶν, διηνεχῆ καὶ μίαν οὖσαν ἐν ταῖς ἐνιαυσίαις στρατηγίαις ἀρχήν. Такимъ образомъ невозможны inclusive Rechnungen Бузольта, и остракизмъ Өукидида необходимо отнести къ 444 году.

Около 448 были два похода, спартанскій и аөинскій, въ Дельфы. Аөиняне отстаивали право фокейцевъ на власть въ Дельфахъ и храмѣ. Надпись (CIA. IV, nr. 22 a), гдѣ упоминается о клятвахъ, данныхъ при Аристонѣ архонтѣ, есть уже второй договоръ съ фокейцами. Очевидно, аөиняне обѣщали фокейцамъ власть въ Дельфахъ. Отъ надписи остались небольшіе обломки; упоминается πυλαία; остается жалѣть, что нельзя добиться содержанія надписи.

Въ IV томѣ Папирусовъ Оксиринха помѣщенъ отрывокъ изъ исторіи Сициліи V вѣка, также времени Пентиконтаетіи. Помѣщаю его подъ конецъ настоящей статьи, такъ какъ папирусъ даетъ намъ совершенно новые историческіе факты, ставшіе намъ извѣстными, такъ сказать, на дняхъ.

(τω)ν εν Ομφα(λωι και
Κακυρωι ξεν(ων επι
(Γ)ελαν στρα(τεια
βοη(θ)εια Συρα(κ)ο(σιων
Γε(λω)ιοις και π(ρεσβεια?)
των ξενων προς (Συρα
κοσιους
μαχη Συρακοσ(ιων και
των ξεν(ω)ν

Γλαυκων πε
αρ
Ακρα(γαν)τινων επι
Κραστον στρ(ατεια
η γενομεν(η περι
Κραστον Ιμερα(ιων
και Γελωιων προς Α(κρα
γαντινους μαχ(η
ως οι την Μινωιαν
των ξενων οικ(ι
ζοντες υπ Ακρα
γαντινων και Σ(υρα
κοσιων ηιρεθη(σαν
Ακρ)αγαν(τιν

Перечень содержанія части весьма подробной исторіи Сициліи, можетъ быть, какъ думаютъ Grenfell и Hunt, Тимея. О борьбѣ сиракузянъ съ ξένοι, бывшими наемными воинами Гелона и Іерона, разсказываетъ Діодоръ; но событія, упомянутыя въ папирусѣ, у Діодора не встрѣчаются. Названныя въ папирусѣ битвы и экспедиціи происходили, должно быть, около 461 года (Diod. XI, 76).

Ѳ. Соколовъ.

КЪ АМФИКТІОНОВСКИМЪ НАДПИСЯМЪ ЭТОЛІЙСКАГО ВРЕМЕНИ [1]).

№ 17b.

№ 17b, стр. 266 сл., Жарде далъ такъ:

1. [Ἀγωνοθετοῦντος 9]του τοῦ [4]οσθένεος Αἰτωλοῦ
2. [ἐκ 7] ἱερο[μνημ]ονούντων Αἰτωλῶν Ε...
3. ...ου, Κλεοδάμου Ηπ...
4. ...νατου ...ο...εος Λυ...υσσίλα Τιμοκράτεος
5. [..Φ[οιτιᾶ]νος· Δελφῶν Φιλοξένου Ἡρακλείδα· οἵδε ἐνίκων [τὰ]
6. [Σωτήρια· ῥαψωδὸς Βυδάλης?.

Въ общемъ онъ переписываетъ только копію, не пытаясь опредѣлить размѣры лакунъ и нерazъ произвольно нарушая ихъ. Въ 4-й въ своемъ Λυ...υσσίλα (вѣроятно это—„ethnique inconnu et peut-être corrompu“? см. къ № 19) онъ ставитъ три точки, хотя въ копіи указано одно мѣсто или полтора. Въ 5-й Φ[οιτιᾶ]νος у него появилось просто потому, что въ № 16 есть этотъ димотикъ, причемъ онъ лакуну съ 2—3 мѣстъ копіи расширяетъ до пяти и получаетъ νος безъ скобокъ тамъ, гдѣ копія ясно даетъ ΝΟΥ. На занятыя или скупится, не зная, гдѣ поставить ихъ, или нарочно опускаетъ, предполагая при именахъ димотики, напр. въ 3-й „Κλεοδάμου Ηπ“. Въ 5-й произвольно дополняетъ [τὰ] въ концѣ.

(См. греч. текстъ на стр. 171).

Приведенныхъ у Бургэ ничтожныхъ слѣдовъ (9 буквъ), вѣроятно, аналогичной надписи, стоявшей выше этого списка, я не провѣрялъ.

Сравненіе показываетъ, что вмѣсто четырехъ полныхъ именъ іеро-

[1]) *Окончаніе. См. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1905, отд. классич. филол., мартъ.

Я съ большими оговорками читаю и дополняю такъ:

1. [Ἀγων]οθετοῦντος [6—7]του τοῦ [3—4]οσθένεος Αἰτωλοῦ
2. [ἐκ 7], ἱερο[μνημ]ονούντων Αἰτωλῶν Γλαύκ°ου,
3. [Λύκωνος?, Γλαυκέτα?, ...]ου?, Κλευδάμου, [Ἀ]γέα, Ἀρχίππο[υ], s. [Ἀ]γελάου, Ἱππο-
4. [Ἀλαθέα?, Ξ]ενάγου, Κλεομένεος, Λύκου, Σίλα, Τιμοκράτεος, s. [......, Ξ]
5. [Χίων] Φησίνου, Δελφῶν Φιλοξένου, Ἡρακλείδα· οἵδε ἐνίκων
6. τὰ Σωτήρια· ῥαψωιδὸς ..ΔΛΛΗΣ? vacat.

мнимоновъ у Жарде я внѣ скобокъ даю двѣнадцать. Я долженъ, однако, оговориться, что многое даю не безъ сомнѣнія. Надпись читается гораздо труднѣе предшествующей. Слѣды буквъ и заманчивы и неуловимы и, пожалуй, обманчивы. Мои не вполнѣ удачные эстампажи приводили меня иногда въ отчаяніе, но въ концѣ концовъ они дали гораздо больше, чѣмъ неоднократное сличеніе съ камнемъ. Боюсь обнадеживать, но мнѣ казалось бы, что, при хорошемъ освѣщеніи камня и при болѣе удачныхъ эстампажахъ, пожалуй, удастся прочитать еще больше, можетъ быть, и имя агоноѳета и кое-что изъ именъ, стоящихъ у меня въ скобкахъ. Въ виду проводимаго мною ниже сопоставленія съ № 18 новое тщательное сличеніе, да и неоднократное, было бы желательно. Мнѣ даже при факсимилированной копіи трудно было бы указать всѣ сомнительные пункты, всѣ тѣни, по которымъ приходилось ловить имена.

Читатель, конечно, удивится, откуда у меня появились три полныхъ имени въ скобкахъ въ стрк. 3-й и 4-й. Я взялъ ихъ изъ № 18 и по поводу той надписи приведу нѣкоторыя сопоставленія для этолійцевъ. Здѣсь ограничусь замѣтками о текстѣ. Въ 3-й строкѣ на мѣстѣ НП французской копіи я сначала усматривалъ [Ἀ]γελόχου, потомъ тѣ оба чтенія, которыя далъ выше. Положеніе дѣла можетъ быть уяснено такимъ сопоставленіемъ:

[Α]ΓΕΛ*ΟΧ[ΟΥ]
[Α]ΓΕΛΑΟΥΙΠΠΟ
[Α]ΓΕΑΑΡΧΙΠΠΟ[Υ]

Кружокъ буквы ο легко смѣшивается съ верхней частью ρ (такъ въ № 17а получилось Σωκρατ; вмѣсто Σώπολις) и при тѣняхъ также легко смѣшать Υ и Χ. Въ 5-й Φ...ΝΟΥ мнѣ долго не давалось, но стоило только вспомнить Φησίνου, чтобы найти слѣды всѣхъ буквъ.

Арріанъ упоминаетъ Фисина хіосца (Anab. III, 3, 5, пишется Φισῖνος); однимъ изъ первыхъ хіосскихъ θеоровъ на Сотиріи былъ избранъ Οἰνεὺς Φησίνου (Dittenberger, Syll. 206, конецъ); въ Аθинахъ въ первомъ вѣкѣ хіосцы поставили памятникъ Фисину, сыну Скиθина (CIA. II 1171), и такой же въ Дельфахъ (Homolle, XX, 633,—указываетъ еще на хіосскую надпись съ тѣмъ же именемъ CIG. 2242 и на монету съ ΦΗΣ). Ясно, что у насъ рѣчь о *хіосцѣ* Фисинѣ, такъ какъ вообще имя это больше не встрѣчается.

Омолль (XX, 628) находилъ, что нашъ перечень іеромнимоновъ „еще болѣе неполонъ“, чѣмъ № 17а, что въ немъ можно признать только этолійцевъ, да двухъ дельфійцевъ. На дѣлѣ онъ гораздо полнѣе сохранился, чѣмъ № 17а, въ немъ есть, несомнѣнно, хіосецъ и можно почти точно говорить о числѣ этолійцевъ: или 13 или 12. См. къ № 18.

По побѣдитель названъ только одинъ: рапсодъ, имени котораго я не могъ разобрать, хотя ради него не разъ подходилъ къ камню. Да и странное дѣло: ужели на этихъ Сотиріяхъ никто, кромѣ рапсода, не участвовалъ, не побѣдилъ? И почему при имени нѣтъ ни отчества, ни димотика? Имя ли это, наконецъ? Мѣста и въ этой строкѣ и ниже было достаточно для полнаго обычнаго списка. Не былъ ли заготовленъ заголовокъ съ ἀγωνοθετοῦντος по ῥαψῳδός заблаговременно, по обычаю, а потомъ не остался ли онъ въ такомъ видѣ или потому, что агоны не состоялись, или потому, что предпочли вырѣзать списокъ въ другомъ мѣстѣ?.... Хотя поверхность камня и сильно пострадала, однако я не допускаю возможности, чтобы какъ разъ съ этой полустроки текстъ могъ погибнуть, не оставивъ рѣшительно никакого слѣда.

№ 18.

№ 18 на стр. 268, сохранившійся на „двухъ осколкахъ одной базы“, опубликованъ по копіи Кува, пожалуй, не особенно надежной въ отношеніи полноты и точности. Никакого описанія обломковъ и письма не дано, и мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось найти ихъ. Между тѣмъ важны не только остатки перечня іеромнимоновъ: интересно и самое постановленіе, касающееся сооруженія Аттала I-го. При точной копіи или при увѣренности въ точности данной копіи оно могло бы быть возстановлено съ достаточной полнотой. Примѣнительно къ печатной копіи я опредѣляю размѣры утраченнаго и дополняю текстъ примѣрно слѣдующимъ образомъ, предлагая дополненія очень смѣлыя съ двоякой

цѣлью: чтобы показать возможность тожества состава іеромнимоновъ въ № 18 и въ № 17а и чтобы указать будущимъ изслѣдователямъ, чего слѣдуетъ еще поискать и въ 17а и по краямъ 18.

(См. греч. текстъ на стр. 174).

Въ 6 стрк. τὰν ἀνατεθεῖσαν предложилъ уже Жарде, я думаю, удачно, лучше, напр., чѣмъ οἰκοδομηθεῖσαν. Я прибавилъ еще τῶι θεῶι, притомъ именно это слово, а не τῶι Ἀπόλλωνι τῶι Πυθίωι: амфиктіоны довольно послѣдовательно обозначаютъ Аполлона Пиѳійскаго просто „богомъ“ (наприм. 2515 сля., и почти въ каждомъ постановленіи), прибѣгая къ собственному имени только при необходимости различенія отдѣльныхъ святилищъ или священныхъ кассъ. Въ свою очередь τῶι θεῶι мнѣ кажется лучше, чѣмъ τᾶι πόλει (при οἰκοδομηθεῖσαν), и потому, что всякія сооруженія иностранцевъ въ Дельфахъ, по крайней мѣрѣ, по имени были скорѣе данью богу, и потому, что распоряженіе, касающееся даннаго сооруженія, исходитъ отъ амфиктіоновъ, а не отъ города (иначе, когда дѣло идетъ о капиталѣ, пожертвованномъ городу Атталомъ II, 2642). Мою прибавку считаю необходимой не только (или не столько) потому, что обозначеніе посвященія является при ней болѣе опредѣленнымъ, но и потому, что при укороченіи строкъ въ 11-й не хватило бы мѣста для числительнаго (см. ниже).

Въ 7 стрк. у Жарде только μηθενὶ εἶν[αι] съ точками наудачу. Я хотѣлъ сначала прибавить μήτε πόλει μήτε ἰδιώται (или μήτε κοινᾶι μήτε ἰδίαι) или μήτε Δελφῶν μήτε ξένων. Но дальше въ текстѣ такого расчлененія не видно, и кромѣ того одно εἶν[αι] едва ли ясно въ смыслѣ ἐξεῖναι (точна ли копія?). Въ виду этого я остановился на εἶν[αι ἐξουσίαν] съ довольно естественной при μηθενί оговоркой относительно самого Аттала.

Въ стрк. 8—9 у Жарде „μηδὲ [13 ἐκ]] τᾶς παστάδος ἐ[π]ὶ τῶι τόπ[ωι]“. Однако едва ли рѣчь объ удаленіи, выносѣ, хищеніи чего-либо *изъ* галлереи. Скорѣе рядомъ съ σκανοῦν воспрещалось и другое дѣйствіе или дѣйствія ἐντός или μήτε ἐντὸς μήτε ἐκτός или πρό или πλησίον галлереи и т. п. См. ниже.

Въ стрк. 9—10 у Жарде „ἐ[π]ὶ τῶι τόπ[ωι τ]ῶι ὑπὸ [10 Εὐ]]μένου (?)“. Въ копіи послѣ ΥΠΟ ясно, не пунктиромъ, напечатано еще А: пропущено оно у Жарде случайно или уже Кувъ отмѣтилъ его сомнѣніемъ? Дальше указываетъ ли вопросъ послѣ Εὐ[μένου] на сомнительность дополненія или сомнительны буквы ΜΕΝΟΥ. Противъ формы имени можно не говорить, хотя скорѣе ожидалось бы -εος, -ευς или

['Επὶ c. 9—13 ἄρχοντος ἐν Δελφοῖς πυλαίας ὀπ- s. ήρινῆς, ἱερομνημο]-

1. ?[νούντων Αἰτωλῶν· Γλαυ]κέτα Α[c. 8 . Γλαύκου Πλυγονέως, Κλεοδάμου]?

2. ?[c. 9 , 'Αρχίππου] Λαμιέως, 'Αλα[θέα Ναρθακιέως, Ξενάγου c. 7,]?

3. ?[c. 16 , Λ]ύκωνος Μελιταιέ[ως, Λύκου Καλλιπολίτα, Σίλα]?

4. ?[c. 8 . Κλεομένε]υς [Κυ]φαι[ρέ]ως, 'Αγέα ['Αμφισσέως, Τιμοκράτεος]?

5. Φοι[τι]ᾶνος, Δελ[φῶν] Φιλοξένου, Ἡρακλεί[δα. Χίων Φησίνου]·

6. ἔδοξεν τοῖς 'Αμφ[ικ]τίοσιν· εἰς τὰν παστά[δα τὰν ἀνατεθεῖσαν τῶι θεῶι]

7. ὑπὸ τοῦ βασιλ[έω]ς 'Αττάλου μηθενὶ εἶν[αι ἐξουσίαν πλὴν τοῦ βασιλέως ?]

8. ἀναθεῖναι μηθὲ[ν] μηδὲ σκανοῦν μηδὲ [τὸ πῦρ ἀνάπτειν ἔνδω μηδὲ ἐκτὸς ?]

9. τᾶς παστάδος ἐ[π]ὶ τῶι τόπ[ωι τ]ῶι ὑπὸ α[ὐτᾶι? c. 22]

10. μένου· εἰ δὲ μή, τ[ά τε] ἀναθέ[ματα τ]οὺς ΙΑΕ[c. 24]

11. ἄραι καὶ ἀποτεῖσ[αι τὸν] ἀναθέ[ντα κ]αὶ ἀτ[ακτοῦντα χιλίους? στατῆρας]

12. ἱεροὺς τῶι 'Από[λλωνι] τῶι Πυθίωι.

["Αρχο]ντος Χαριξένου, μηνὸς Θεοξ[ενίου — — — — —].

-ους. Но о какомъ Евменѣ думалъ Жардэ? О предшественникѣ Аттала I, Евменѣ I, или о преемникѣ? Въ примѣчаніи онъ не поясняетъ, но надпись относитъ ко времени раньше смерти Аттала, до 197 года, слѣдовательно едва ли думалъ объ Евменѣ II, такъ что едва ли годилось бы для него, напр., такое дополненіе: [τ]ῶι ὑπο[δειχθέντι ὑπὸ τοῦ βασιλέως Εὐ]μένου (съ перемѣной Α копіи въ δ). Дальше, въ τ[οῦ τε] 10-й дополнено у Жардэ четыре буквы на мѣстѣ трехъ по копіи, и рядомъ ἀναθέ[ντος] съ пропускомъ въ транскрипціи буквъ ΟΥΣΙΑΕ, стоящихъ чрезъ 4½ мѣста послѣ ΑΝΑΘΕΙ. Я думаю, что едва ли ΟΥΣΙΑΕ здѣсь=θυσία ε (и въ началѣ строки ΜΕΝΟΥΕΙΔΕΜΗ едва ли возможно выразить μεν, θύει δὲ μή); едва ли также можно прочитать οὖσι (или -ουσι) αε. Скорѣе всего это или [ἐξ]ουσία ἔ[στω] или [τ]οὺς ΙΑΕ. Въ первомъ случаѣ получилось бы примѣрно: εἰ δὲ μή, τ[ῶι τε] ἀναθέ[ντι ἐξ]ουσία ἔ[στω ἐκβάλλειν καὶ τὰ ἀνατεθέντα]| ἆραι καὶ ἀποτεισ[άτω ὁ] ἀναθ[είς]. Тутъ въ [ῶι τε] будетъ 4 буквы (какъ у Жардэ), но одна изъ нихъ iota. Однако въ этомъ случаѣ подъ τῶι ἀναθέντι пришлось бы разумѣть самого Аттала, посвятившаго галлерею, и сейчасъ же въ ὁ ἀναθείς видѣть всякаго, кто, вопреки запрещенію, поставилъ свое посвященіе въ галлереѣ,—двусмысленность едва ли допустимая для текста. При другомъ чтеніи, соблюдая размѣры лакунъ, получимъ: εἰ δὲ μή, τ[ά τε] ἀναθέ[ματα τ]οὺς ΙΑΕ, но въ ΙΑΕ окажется неточность копіи. Въ постановленіи амфиктіоновъ тутъ скорѣе всего думается о [τ]οὺς ἱα[ρομνάμονας], но въ этомъ словѣ ἱαρ- встрѣчается только въ IV вѣкѣ (2501), а въ III и II постоянно ἱερ-. Гораздо дольше, хотя и спорадически, сохраняется α въ ἱαρεύς (см. подборы у Венделя въ Wortregister къ II тому Коллица, 193, и у Valaori, Der delph. Dialekt, 1 сл.); тогда будетъ [τ]οὺς ἱα[ρ]ε[ῖς и дальше, можетъ быть, καὶ τοὺς ἱερομνήμονας. Жрецы могли быть привлечены къ этому дѣлу потому, что находились въ Дельфахъ постоянно и всегда могли слѣдить за порядкомъ, тогда какъ іеромнимоны обычно являлись только на двѣ сессіи, осенью и весной.

Во всякомъ случаѣ, я думаю, ΑΡΑΙ въ началѣ стрк. 11 ближе всего передается посредствомъ ἆραι [1]) (Жардэ оставилъ αραι); возможно также καθᾶραι (τά τε ἀναθέματα τοὺς ἱαρεῖς ἆραι καὶ τὰν παστάδα καθ[ᾶραι); едва ли допустимо ἀρᾶι или ἐπάραι. Дальше Жардэ писалъ καὶ ἀποτει-

---

[1]) Ср. въ надгробной надписи съ Нисира *Dittenberger*, Syll. 880: εἰ δέ τις κα θά[πτῃ ἢ ἐπί]σταμα ἐφιστῆι, ἀποτεισάτω δραχμὰς μυρίας καὶ αἰρέτω τὸν νεκρὸν ἢ τὸ ἐπίσταμα· εἰ δὲ κα μὴ ἄρῃ, αἱρόντω τοὶ προστάται и т. д.

ο[άτω ὁ] ἀναθ]εὶς κ]αὶ [. . . . στατῆρας] | и пр., уменьшая первую лакуну и пропуская АТ копіи послѣ [κ]αί. Я не измѣняя ни разстояній, ни буквъ, данныхъ въ копіи, предлагаю: καὶ ἀποτεισ[αι τὸν] ἀναθ[έντα κ]αὶ ἀτ[ακτέοντα ἑκατὸν или χιλίους (или даже μυρίους) στατῆρας] | и пр. Если только АТ въ копіи не ошибка, то едва ли здѣсь стояло другое слово. Стоитъ лишь въ стрк. 6 отказаться отъ семи буквъ: τῶι θεῶι, здѣсь у насъ не будетъ ни одного мѣста для числительнаго (при nominal. ἀτακτέων всего два мѣста), такъ что пришлось бы прибѣгнуть къ маловѣроятному обозначенію числа знакомъ. Кстати сказать, и въ той надписи, въ которой встрѣчается аналогія данному выраженію, 2522, стоитъ: τὸν ἄγοντα ἀποτεῖσαι χιλίους στατῆρας ἱερ[ούς]· (говорю на основаніи новаго сличенія; до сихъ поръ читали ἀποτεισ[αι] σ' στατῆρας). Выбрать ли 100 или 1,000 или даже 10,000, я не рѣшаю. Если бы, предположивъ небольшую неточность въ ΑΙΑΤ, мы дополнили ἀναθ[έντα δι]ακατ[ίους στατῆρας], получилась бы слишкомъ краткая строка, да кромѣ того упоминаніе о „нарушающихъ порядокъ“ здѣсь, я думаю, не можетъ быть выкинуто.

Я еще не договорилъ о возстановленіи ἐ[π]ὶ τῶι τόπ[ωι] τῶι ὑπὸ Λ [26] | μενου. Разъ Кувъ дважды даетъ 21, то трудно допустить, чтобы на камнѣ было ἐπὶ τοῦ τόπου τοῦ, чтобы съ этимъ τοῦ связать причастіе — μένου. Трудно также думать о какомъ-либо τόπωι. Если, однако, посредствомъ τῶι ὑπὸ Λ опредѣлялось „мѣсто“, то чѣмъ могло бы быть Λ? Кажется, какое бы существительное мы ни поставили здѣсь послѣ ὑπό, оно ожидалось бы съ членомъ: ὑπὸ τῶι ἀνδριάντι, τῶι ἀγάλματι, τῶι ἀναλήμματι, τῶι Ἀρταμιτίωι, τοῦ βασιλέως, τῶν ἱερομνημόνων и т. п. Подходящаго сложнаго слова съ ὑποα—, кажется, нѣтъ. Если Α прочно, то придется остановиться на ὑπὸ αὐτᾶι или на ὑπὸ αὐτοῦ. Чувствую, что введеніе сюда ὑπὸ αὐτᾶι дѣлаетъ фразу довольно искусственной. Въ дѣйствительности для всякаго, кто знакомъ съ террасообразной мѣстностью Дельфъ, опредѣленіе пункта, какъ лежащаго *подъ* галлереей, не показалось бы страннымъ. Тамъ, пожалуй, опредѣлять положеніе посредствомъ „подъ“ и „надъ“ или „выше“ и „ниже“ приходилось чаще, чѣмъ посредствомъ „подлѣ“. Возможно, что самая постройка галлереи для уравненія и расширенія площади потребовала высокаго фундамента съ нишами или выступами. У οἱ παραγινόμενοι ποτὶ τὸν θεόν легко могло являться желаніе пользоваться подобными укромными мѣстами для ночлега или искать тамъ убѣжища въ непогоду или при палящемъ зноѣ и т. п., такъ что запрещеніе располагаться здѣсь нужно было ввести въ постановленіе о порядкѣ въ

галлереѣ. Галлерей или портиковъ въ Дельфахъ съ давняго времени было, по крайней мѣрѣ, нѣсколько, и онѣ предназначались для общаго пользованія. Въ законѣ 380 года говорится: τὰς δὲ παστάδας κοινὰς εἶμεν πάντεσσι и послѣ перерыва: [μι]σθὸν μ[ηδ]ένα φέρειν μηδενί, μηδ' ἐνοικεῖν τὸν αὐτὸν πλέον τριάκ[οντα ἁμερᾶν (2501=CIA. II 545, стрк. 22; въ Collitz II, стр. 672 упомянута ἁ παστὰς ἁ μεγάλα). Времена, конечно, мѣняются, и спустя лѣтъ полтораста и вообще о галлереяхъ могли появиться новыя предписанія. Однако тонъ нашей надписи скорѣе говоритъ, что прежній обычай, узаконенный съ 380 г., остается въ силѣ и что лишь для галлереи Аттала дѣлается исключеніе въ видѣ ограниченія пользованія ею. Почему? Была ли на то прямая воля жертвователя? Или не была ли эта галлерея такимъ художественнымъ сооруженіемъ, что нужно было принять мѣры для охраны ея отъ той или другой порчи? Невольно вспоминается, какъ Атталъ, по моему мнѣнію, II-й, подъ конецъ своего царствованія, по моему, въ 140/139 г. (при арх. Ксенокритѣ, см. ДЭ. 359 сл.) присылалъ въ Дельфы трехъ пергамскихъ живописцевъ, какъ полагаютъ, для копированія какихъ-либо картинъ: [ὥσ]τε ἀπογράφασθαι τ. . . . . (2644). Френкель (*Jahrbuch*, VI, 49 слл.) думалъ о копіяхъ картинъ Книдской лесхи и дополнялъ τ[ὰ ἐν τᾶι λέσχαι], но, какъ указалъ уже я (ук. м.) и какъ повторилъ Баунакъ (къ 2644), послѣ τ стоитъ не наклонная черта (такъ у перваго издателя), а отвѣсная. Едва ли можно видѣть здѣсь и τ[ὴν Ἀττάλειον στοάν], потому что ожидалось бы τάν. Я, впрочемъ, даже не вполнѣ увѣренъ въ правильной передачѣ значенія глагола ἀπογράφασθαι. Прочент только фактъ прибытія живописцевъ около 140/39 г. Оно могло имѣть отношеніе къ атталовской галлереѣ. Не была ли послѣдняя расписана картинами? Не потому ли нужно было беречь ее? Въ Дельфахъ бывало, что новыя посвященія ставили подлѣ или вмѣсто старыхъ, въ чужихъ сокровищницахъ, еще чаще пользовались чужими пьедесталами для публикацій посторонихъ документовъ. Постановка такихъ посвященій въ атталовой галлереѣ, если послѣдняя была расписана, мѣшала бы осмотру картинъ и ихъ впечатлѣнію. Остановки на ночлегъ въ связи, можетъ быть, съ приготовленіемъ пищи, съ разведеніемъ огня, грозили бы даже порчей самимъ картинамъ, если бы огонь разводился и не въ самой галлереѣ, а „въ мѣстности подъ нею“ [1]). Впрочемъ съ моти-

[1]) Ср. въ так. наз. надписи объ Екатомпедѣ CIA. IV, 1, стр. 139 запрещеніе τὸ πῦρ ἀνάπτειν, ἰπνεύεσθαι.

вировкой моего не очень-то надежнаго ὑπὸ α[ὑτᾶι] мнѣ пришлось уже надѣлать столько предположеній, что при нѣкоторомъ сомнѣніи въ самой А я предпочитаю оставить пока незаполненными остающіяся 22 мѣста до μενου. Тамъ могла быть рѣчь о границѣ дѣйствій запрещенія (т. е. до такого-то пункта). Едва ли хватило бы мѣста на выраженіе исключенія для тѣхъ лицъ, кому самъ царь позволитъ или кто отъ царя прибылъ. Правда въ послѣднемъ случаѣ естественнѣе примыкало бы слѣдующее εἰ δὲ μή, однако, какъ извѣстно, это сочетаніе въ смыслѣ нашего: „въ противномъ же случаѣ" употребляется и послѣ отрицательныхъ выраженій, по крайней мѣрѣ, у авторовъ.

Въ заключеніе рѣчи о самомъ постановленіи упомяну, что уже Жарде сопоставилъ съ атталовскимъ сооруженіемъ пребываніе въ Дельфахъ нѣкоего Дамея: „Δαμέας ὁ παρὰ τοῦ βασιλέως Ἀττάλου ὁ ἐπὶ τῶν ἔργων τῶν βασιλικῶν". Онъ во второй мѣсяцъ 197/6 г., т. е. приблизительно въ августѣ 197 г. (2001) отпустилъ въ Дельфахъ на волю Ἀρτεμιδώραν τὰν βασιλικὰν παιδίσκαν. Прибавляя, что ниже нашей надписи сохранилось начало „другого декрета" отъ года Хариксена. Жарде вѣроятно ошибается: какъ показываетъ прибавка даты по мѣсяцу, это скорѣе манумиссія, а не декретъ.

Разборъ текста постановленія, кажется, позволяетъ остановиться на принятомъ мною размѣрѣ лакунъ правой стороны. Соотвѣтственно этому они разсчитаны и для предшествующихъ пяти строкъ перечня іеромнимоновъ. Въ 5-й, кромѣ димотика одного изъ этолійцевъ, названы тѣ же два дельфійца, что и въ № 17b, и дополняется тотъ же хіосецъ и сверхъ того остается еще около 9 мѣстъ, которыя могли быть оставлены пустыми, чтобы самое постановленіе (ἔδοξεν и пр.) начать съ новой строки. Въ стрк. 4 можно признать того самого Агея (или Агелая), котораго я нашелъ въ № 17b, а предъ нимъ или Тимократа или Клеомена той же надписи. Если въ нашей надписи въ 1 стрк. есть отъ имени одного этолійца -κέτα, во 2-й отъ другого Ἀλα- и въ 3-й еще отъ одного -όχωνος, а въ перечнѣ № 17b этихъ именъ мы не видимъ, то это ни мало еще не говоритъ противъ отожествленія обоихъ перечней, потому что въ № 17b у меня остались не прочитанными имена четырехъ этолійцевъ и въ оставшихся тамъ лакунахъ легко помѣщаются тѣ имена, части которыхъ мы узнаемъ только изъ № 18. И, наоборотъ, всѣ прочитанныя тамъ восемь (или семь?) именъ этолійцевъ помѣщаются въ лакунахъ № 18-го вполнѣ естественно. Я предполагаю, что [Πλαυ]κέτα было *первымъ* этолійскимъ именемъ, слѣдо-

вательно, весь перечень этолійцевъ занималъ въ № 18 большую часть стрк. 1-й всю 2-ю, 3-ю и 4-ю и начало (Φοιτιᾶνος) 5-й, т. е. при средней длинѣ строки въ 53 мѣста всего приблизительно 207 мѣстъ. Въ № 17b тотъ же перечень безъ димотиковъ занимаетъ 93 мѣста, слѣдовательно на димотики въ № 18 остается около 114 мѣстъ или при 13 димотикахъ на каждый приходится въ среднемъ почти 9 мѣстъ ($8^{10}/_{13}$). Въ № 19 на димотикъ приходится 8 буквъ, въ № 20—$8^1/_2$. Такимъ образомъ общій разсчетъ подходитъ. Подходитъ также и частный разсчетъ въ тѣхъ границахъ, которыя даются намъ сохранившимися частями строкъ, какъ показываетъ данное мною распредѣленіе текста.

Перейду къ отдѣльнымъ *именамъ* (говорить о *личностяхъ* пока еще рискованно) въ порядкѣ, предположенномъ для № 18.

[Γλαυ]κέτα A—: возможно дополнять, конечно, и Ἀλκέτα и Δερκέτα и Ἱκέτα и т. п. Главкета я беру изъ сферы этолійскаго вліянія: оно встрѣчается у Ναρθακιεῖς (В. В. Латышевъ, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1882, іюль, 302, 309, или *BCH.* VI, 356 слл., 580 слл., Dittenberger, Syll. 307). Изъ какого города, имя котораго начиналось бы съ A, пока не нахожу.

Γλαῦκος Πλυγονεύς см. 2002, 197/6 г.: отпускаетъ на волю рабыню въ Дельфахъ двумя мѣсяцами позднѣе вышеупомянутаго Дамея (въ числѣ свидѣтелей у него Ἄρχιππος Ναυπάκτιος). Г. Καφρεύς *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1884, декабрь, 48, № 1.

Κλεόδαμος—имя слишкомъ обычное (напр. въ Амфиссѣ, 2055, 186/5 г., въ Дельфахъ).

[Ἀρχίππου] Λαμιέως. Помтовъ въ N. *Jahrbb.* 1894, 680, говоря объ аѳинскомъ фрагментѣ амфиктіоновской надписи CIA. IV, 2, 551 c, встрѣтивъ тамъ послѣ [Θηβ]αίου имя Архиппа и стараясь опредѣлить область обоихъ іеромнимоновъ, говорилъ рѣшительно: „имя Архиппъ не встрѣчается во всей сѣверной Греціи (Дельфы, Фокида, Локрида, Этолія, Дорида, Эніаны, Долопы, Малійцы и т. д.); *только въ Віотіи* оно встрѣчается häufigst, слѣдовательно тутъ, несомнѣнно, названы были два віотійца“. Въ сущности и въ 1894 году это было невѣрно: я только что выше привелъ Архиппа изъ Навпакта, 2002. Если бы его не было, то остановка на малійцахъ въ перечнѣ областей была бы, пожалуй, удачна до поры до времени. Теперь изданъ болѣе полный дельфійскій экземпляръ той же надписи и оказалось, что рѣчь тамъ объ іеромнимонахъ ѳеіотовъ: одинъ изъ Ѳивъ ѳеіотійскихъ, а Архиппъ изъ Мелитеи (XXIV, 96, ср. XXVII, 106, 27), да и отъ конца III вѣка нашелся мелитейскій Архиппъ, 2528, при Вавилѣ. Архиппъ Λαμιεύς

теперь извѣстенъ отъ болѣе древняго времени, см. XXIV, 464, 85. О дельфійцахъ того же имени теперь см. выше № 15.

Ἀλα[θέα Ναρθακιέως]. Можно, конечно, дополнять и Ἀλαθίωνος (іеромнимонъ въ 2508), а, если въ ΛΑΛ копія уже замѣшалась интерпретація вмѣсто ΛΑΔ или ΛΑΛ камня, то нужно считаться и съ Λαδίκου (изъ Халея 1726 и др., Каллиполя 2279, Акарнаніи Polyb. IV, 80) или съ Λαάργου (изъ Амфиссы 1913 и др.). Я беру свое дополненіе изъ упомянутыхъ уже выше нарѳакійскихъ надписей В. В. Латышева и изъ географическаго списка дельфійскихъ проксеновъ 2580 С 10 [1]).

Ξενάγου. Найдя это имя въ № 17b, я готовъ былъ назвать его новымъ и въ то же время вполнѣ естественнымъ и соотвѣтствующимъ духу этолійцевъ и времени. Потомъ оно нашлось, именно въ рядѣ краткихъ проксеническихъ декретовъ τοῦ κοινοῦ τῶν Αἰνιάνων,—надпись, къ сожалѣнію, издана неудовлетворительно (Jamot et Deschamps, XV, 328). Тамъ между прочимъ проксенія дается Ξενάγωι Ἀριστολάου.. ΑΙΑΡΙΝΟ (буквы ненадежныя), лакуна около 14 буквъ, Λόκωι Νικοβούλου, Ἀριστολάωι Χαριδάμου, Φίλωνι........ΑΡΙΣΤΕΑΤΟΙΣ. Кроется ли въ послѣднихъ буквахъ димотикъ для *всѣхъ* лицъ, или для Ксенага (и его сосѣда?) былъ въ промежуткѣ *другой* димотикъ, я рѣшить не могу. Думать здѣсь о жителяхъ сѣверной Греціи вполнѣ естественно. Въ другихъ декретахъ рѣчь о проксеніи гражданамъ Страта, Матрополя, Ламіи (?).

---

[1]) Въ моихъ ИГН. 194. Сдѣлаю при этомъ поправку относительно этого обломка С названнаго списка. Доказывая, что А и В обломки одной и той же надписи, я допускалъ то же и для С, котораго раньше самъ не видѣлъ, такъ что могъ судить о немъ только по изданію Оссулье. Въ 1903 году я нашелъ его и, откровенно говоря, сначала не узналъ. Обломокъ С занятъ изданнымъ у Оссулье текстомъ съ одной стороны, а *на прилежащей справа боковой сторонѣ* находится *другой текстъ*, также изъ географическаго списка, до сихъ поръ неизданный и *у Оссулье даже и единымъ словомъ не упомянутый!* Само собою понятно теперь, что С никакъ не могъ находиться въ срединѣ камня, между II-мъ столбцомъ В и III-мъ А, гдѣ я его помѣщалъ (стр. 213 сл.). Онъ скорѣе относится къ одному камню съ обломкомъ D. Кстати еще замѣчу: въ С 6 и я, и всѣ, кому была извѣстна замѣтка В. В. Латышева (*Ath. Mitth.* VIII, 386 сл.), признавали безусловно вѣрнымъ исправленіе ἐν Μονδαίᾳ изъ прочитаннаго съ сомнѣніемъ на камнѣ ἐν Κ(?)ονδαίᾳ. Однако теперь оказалось, что въ надписи, изданной въ Ἐφημ. Ἀρχ. 1901. 125 три раза полностью сохранилось имя Κονδαιεῖς, причемъ греческій издатель очевидно о Κονδαία въ С не зналъ. Послѣ моей справки въ С на камнѣ дѣйствительно различается скорѣе К: его придатки еще сохранились, а отвѣсная линія совсѣмъ пострадала.

[Λ]όχωνος Μελιταιέ[ως]. Мелитейца Ликона я пока не знаю, но самое имя считаю болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ Γλαύκων или Γλύκων и т. п. Ср. Λόχων Ναυπάκτιος 2623, Ὑπαταῖος, XV, 328, Λαμιεύς 2581, 52, Οἰανθεύς 2181, Φυσκεύς 1851 и др. Имена Λόχος и производныя особенно распространены въ этолійскихъ областяхъ. См. рядомъ ниже.

Λόχου [Καλλιπολίτα], см. 2075, 194/3 года (другіе ibid. Οἰνοαῖος 2141, 2000 и др. Ἀμφισσεῖς, 1985 Ἀνταιεύς, 1843 Ἑρμάττιος, 2564, 2566 Κεφαλλάν, 2069 и др. Πλυγονεύς, 2137 Φυσκεύς; еще Φιστυεύς 1428i, Καφρεύς *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1884, декабрь, 47, № 1, Ναυπάκτιος ibid. и др., Βούττιος ibid. № 7 и др., см. выше въ выдержкѣ подъ Ξενάγου.

Σίλα. Такъ видѣлъ въ 17b Бургэ, тоже и я, хотя невполнѣ увѣренъ въ Σ и Λ. Имя, можетъ быть, новое (ср. Σιλανός, Σίλων и т. п.), если въ Σίλας Ζωπύρου Θεσπιεύς CIGSept. I 1772 оно уже римскаго происхожденія (рядомъ съ Φλάουιος Κλᾶρος; римское происхожденіе вѣроятно для Σεῖλας въ сирійской надписи CIG. 4511; въ дилосской CIG. 2266 B 8 въ Γλαῦκ[ος] Σι[λα вѣроятно имя сокращено, ср. Διο, Ξενο и др.).

[Κλεομένε]ος Κυφαιρέως. Имя Клеоменъ обычное (напр. 2172 Ἐριναῖος, 2598 Κυτταιεύς), но Киферу и киферцевъ мы такъ мало знаемъ, что найти среди нихъ Клеомена будетъ почти подтвержденіемъ моей реконструкціи. Ср. къ № 19.

Ἀγέα [Ἀμφισσέως] см. 2132, гдѣ въ 188/7 называется Θεαγένης Ἀγέα; ср. еще Ἀγέας Πλυγονεύς 2050, 196/5 г., Λαμιεύς 1447; еще одинъ съ несохранившимся димотикомъ награждается амфиктіонами при арх. Пиѳагорѣ, 2523. На случай, если въ № 17b окажется Ἀγελάου, кромѣ извѣстнаго изъ Поливія навпактца (ср. 1888, Dittenberger, Syll. 923), см. еще Агелая изъ Страта XV, 328, изъ Пароакія въ цитованныхъ выше надписяхъ.

[Τιμοκράτεος] Φοιτιᾶνος. По поводу Фитій, акарнанскаго города, временами принадлежавшаго Этоліи (Oberhummer, Akarnanien, passim), повторю сказанное выше о Киферѣ. Тимократа съ Клеоменомъ можно взаимно переставить.

Матеріалъ сопоставленія именъ мною, я думаю, вовсе еще не исчерпанъ (указателей къ аѳинскимъ Mittheilungen и къ BCH. у меня подъ рукой не было), но и собраннаго, кажется, достаточно будетъ, чтобы найти надлежащія имена на камнѣ № 17b и открыть незамѣченные Кувомъ тѣ или другіе слѣды въ № 18. Само собою разумѣется, что и дополненныя мною три имени въ № 17b, можетъ быть,

стоять тамъ въ иномъ порядкѣ, и въ № 18 могло быть иное распредѣленіе именъ и димотиковъ. Мнѣ не хотѣлось бы отказываться отъ догадки, близкой къ увѣренности, что іеромнимоны въ обоихъ случаяхъ одни и тѣже. До сихъ поръ въ отсутствіи или наличности димотиковъ при іеромнимонахъ усматривается хронологическій признакъ: до извѣстнаго времени писали безъ димотиковъ, а потомъ съ димотиками. Если моя догадка оправдается, то окажется, что или этотъ признакъ призрачный или наши оба документа падаютъ на переходное время, на переходный годъ.

№ 19.

№ 19 (на стр. 269 сл.) данъ по копіи Бургэ, слѣдовательно довольно надежной, хотя и смущаютъ попадающіяся диттографіи и пропуски. Я не видѣлъ. Между тѣмъ здѣсь при опредѣленіи ничтожныхъ лакунъ въ началѣ и концѣ строкъ нужна особая точность копіи, и на печатную почти нельзя полагаться. Нужно точно знать концы строкъ, т. е. дѣйствительно ли строка оканчивалась тѣмъ, что дано въ копіи, или тамъ могла быть еще одна буква или двѣ. Дѣло въ томъ, что вообще, повидимому, при переносѣ принято правильное слогодѣленіе, но встрѣчается и рѣзкое нарушеніе его въ 19—21: ἀναστροφά[ν, такъ что не исключаются неправильные переносы и на мѣстахъ лакунъ. Мнѣ бы, пожалуй, не слѣдовало здѣсь повторять текста этой надписи, но, съ одной стороны, онъ имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ Сотиріямъ, съ другой, на немъ можно показать, какъ и на такихъ ученыхъ, которые, какъ Белохъ, кажется, не преклоняются предъ авторитетами и любятъ обнаруживать самостоятельность даже тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, иногда оказываетъ давленіе первое изданіе памятника, предложенное новичкомъ въ родѣ Жарде. Я приведу текстъ въ томъ видѣ, въ какомъ далъ его Жарде съ соблюденіемъ его орѳографіи и лакунъ, отмѣчая справа мѣста, расходящіяся съ копіей Бургэ (=Bou.) или возбуждающія сомнѣніе и пр. (=v. infra).

Θεο[ί],

[Ἄρχ]οντος ἐν Δελφοῖς Δα[μοχρά]-
[τεος], ἱερομναμονού(ν)των· Αἰτωλ[ῶν]   Bou. ΝΟΙΤΩ
[Προ]άνδρου Φυ(λ)α, Κρατίνου Τριτέ[ος],   Bou. ΦοΔΛ
. . . . στράτου Σχαρφέος, Ἀλεξάνδ[ρου]
[Ὁμιλ]ιάδα, Φιλεταίρου Μελιταιέος, [Μ . .]-   v. infra.
. . . τεος Λεπαδαίου, Ἀνδρονίκου Κ-   v. infra.

. . . [έσ]ς; Λυχέα Ῥαδανίου (?), Νιχιάδα Κυφα[ι]- v. infra.
[ρέος, Ἀρ]χεδάμου Προσχείου, Φαλαίχου v. infra.
. . . λου, Ἀριστοδάμου Πρωνν(ί)ου, Λυ- Bou. NOΥ; v. infra.
. . . ου Ἡρία (?)· Δελφῶν Εἰρανίωνος, v. infra.
. . . δναίου· Ἀλθαίου Χίο[υ]· Ἀπολλοδώρου
[Τ]αναγραίου· ἔδοξεν τοῖς ἀμφικτύοσι·
[ἐ]πειδὴ Φίλιστος Μοσχίωνος Κῶιος
[ἰατρ]εύων ἐν Δελφοῖς τὰς χρείας πα-
[ρέ]χεται κατὰ τὰν τέχναν ἀπροφασί-
στως ἐχτενῶς πᾶσι τοῖς παραγινο-
μένοις ποτὶ τὸν θεὸν ἀξίως τᾶς τῶν
Κώιων πόλιος, τάν τε λοιπὰν ἀναστροφὰ-
ν χαλ<λ>ῶς χαὶ ἐνδόξως ποιεῖται, ἐπαινέ- Bou. ΚΑΛΛΩ
σαι τε οὖν αὐτὸν χαὶ στεφανῶσαι χρυ-
σέωι στεφάνωι χαὶ ἀναγορεῦσαι ἐν
τῶι γυμνιχῶι (ἀγῶνι) τῶν Σωτηρίων· δεδό- v. infra.
σθαι δὲ αὐτῶι χαὶ προδιχίαν· εἶμεν δὲ χαὶ
ἀσφάλειαν (αὐ)τῶι χαὶ πολέμου χαὶ εἰράνας· Bou. ΙΑΝΤΩΙ, v. in.
ἀναγράψαι δὲ τὰ δεδογμένα ἐν στά-
λαν λιθίναν χαὶ ἀναθέμεν ἐν τῶι ἱερῶι Bou. ΡΩ
τοῦ Ἀπόλλωνος τοῦ Πυθίου· δόμεν [δ]ὲ
[χ]αὶ τοῖς τὰ Πύθια ἐπαγγελλόντοις τᾶι
τῶν Κώιων πόλει τοῦ ψαφίσματος τὸ ἀ[ν]-
[τ]ίγραφον ὅπως ἀναγορευθῇ ὁ στέφαν[ος] v. infra.
[τ]οῖς Διονυσίοις τοῖς ἐν Κῶι χαὶ τοῖς
[Ἀ]σχλαπιείοις· ἀναθέμεν δὲ χαὶ στάλ[αν]
[ἐ]ν τῶι ἱερῶι τοῦ Ἀσχλαπιοῦ.

Къ 6—7: „[Μ..|...]τεος Λεπαδαίου". Отъ M въ копіи только частица, которую съ равнымъ правомъ можно принять и за N. Длина имени тоже пока сомнительна. Среди гражданъ віотійской Левадіи, впрочемъ, пока (въ CIGSept. I) нѣтъ ни одного имени въ родѣ Μενεχράτης, Νιχοχράτης и т. п., но, конечно, могли быть. Жарде приводитъ разныя формы имени этого віотійскаго города и его димотика (см. указатели къ Коллицу и CIGSept. I). Къ чередованію буквъ β и π не слѣдовало обходить и 2226: Βοιωτὰν ἐγ Λεπαδήας, гдѣ Баунакъ „исправлялъ", забывъ о другихъ надписяхъ. Для окончанія димотика есть примѣры и — δεύς и — δεῆος и у Диттенбергера сдѣлано даже—δειαῖος (CIGSept. I 3086), но какъ разъ нѣтъ примѣра на—δαῖος.

Аналогіями, конечно, можно подтвердить и послѣднюю форму (—εια, —αια, —αῖος), но все-таки еще нельзя считать несомнѣннымъ, что здѣсь рѣчь о віотійцѣ: могла быть какая-нибудь Λεκάδα и въ одной изъ этолійскихъ областей.

Въ стрк. 7—8 я предложилъ бы или Κ[υπνιέο]ς или Κ[οτταέο]ς. Послѣдній димотикъ я беру изъ 2598, гдѣ дельфійцы даютъ проксенію одному Κοτταεῖ, и изъ 2529, гдѣ среди іеромнимоновъ при Филетолѣ стоитъ Θεοδώρου Κοτταέος. Я думаю, что тотъ же димотикъ нужно возстановить и въ важной для географіи и дельфійской хронологіи дримійской надписи, неудовлетворительно изданной М. Бодуэномъ (VI, 137 слл.) и въ томъ же видѣ (т. е. безъ новой копіи) перешедшей и въ сборникъ Коллица (II 1529) и въ CIGSept. III 226—230. Тамъ въ числѣ вулярховъ ἐν Οἴται въ 158/7 г. (какъ я доказываю въ ДЭЭ. 345—349) названъ „Θεοδώρου . Κο . | . . . έος“ (въ транскрипціи безъ точки въ концѣ строки Κο | . . . έος), и Бодуэнъ напомнилъ о малійскомъ городѣ Κολάκεια, упомянутомъ у Аѳинея (VI, 254 F). Диттенбергеръ называетъ въ CIGSept. это возстановленіе „счастливымъ“ и безъ вопроса ставитъ въ текстъ Κο[λ|ακ]έος (въ примѣчаніи Κο[λα|κ]έος. Я думаю, что еще лучше подходитъ Κο[τ|τα]έος, не настаивая на тожествѣ обоихъ Ѳеодоровъ. Новое сличеніе дримійской надписи (найти ее было бы нетрудно—въ церковной стѣнѣ въ Глуницѣ), если оно будетъ за мою догадку, опредѣлитъ намъ хотя приблизительно положеніе мѣстечка Котты или Коттэи. „Счастливая“ Колакея, чтобы попасть въ надпись II вѣка, нуждалась, во всякомъ случаѣ, въ возстановленіи (возможности послѣдняго не отрицаю): у Аѳинея сказано, что ѳессалійцы разрушили (срыли) Колакею, „какъ говоритъ Ѳеопомпъ въ тридцатой книгѣ“ (FHG. I, 310).

Въ 8: „Λυκέα Ῥαδανίου (?)“—„ethnique inconnu et peut-être corrompu“. Димотикъ и мнѣ неизвѣстенъ, но „corrompu“—на камнѣ или въ копіи?

Въ 8—9: „Νικιάδα Κυφα[ι|ρέος]“. Жарде допускаетъ и Κυφαίου. Дѣло зависитъ отъ размѣра лакуны. Нужно ли и можно ли прибавить iota въ концѣ строки? Въ ИГН. 204 по поводу записи въ географическомъ спискѣ проксеновъ: ἐν Κυφαίραι ἁ πόλις (A III 16) я сказалъ: „давно узнали здѣсь городъ Ѳессаліотиды (у меня тамъ Естіеотиды) Cyphaera Ливія“ и поставилъ вопросъ: а что такое упомянутая мимоходомъ у Омолля „Kyphara (?)“ въ XX, 696? Теперь соотвѣтствующій текстъ изданъ у Бургэ, XXVII, 13 и таблица VI: „Κυφαρ[εῖς] Σκόμβος“, причемъ АР видны и на фототипіи, да и над-

пись—στοιχηδόν, такъ что ясно, что iota въ промежуткѣ не было. Изъ сосѣднихъ упоминаній въ спискѣ приношеній, конечно, не видно, гдѣ жили эти Κοφαρεῖς, но все-таки есть уже основаніе сомнѣваться въ принятомъ до сего времени отожествленіи Киферы и Кифаръ. Ptolem. III, 13, 45: „Θεσσαλῶν· Ὕπατα, Σωσθενίς (см. ИГИ. 199), Ὁμίλαι, Κύπαιρα (v. l. Κύπερα), Φαλαχθία“. Liv. XXXII, 13 послѣ сообщенія о разореніи города Xyniae [1]) говоритъ: „Cyphara inde Aetoli capiunt, opportune Dolopiae imminens castellum“ [2]). Бурзіанъ (Geogr. v. Griechenland, I, 89) говоритъ: „die Ptolem. III, 13, 45 nach Hypata aufgezählten Ortschaften gehören offenbar der Thessaliotis oder höchstens einige davon noch der Dolopia an, da Κύπαιρα *sicherlich* mit dem bei Livius als in Thessalien an der Grenze der Dolopia bezeichneten Cyphaera *identisch* ist“. Я считаю возможнымъ Cyphara Ливія (во всякомъ случаѣ neutrum plural.) считать за Κύφαρα=Κυφαρεῖς, а Κύπαιρα Птолемея и Κύφαιρα географ. списка и въ 2672 считать другимъ городомъ и искать въ другомъ мѣстѣ.

9: „Ἀρ]χεδάμου Προσχείου“. О городѣ ср. Pomtow, *N. Jahrbb.* 1894, 549.

9—10: „Φαλαίκου | ...λου“. По копіи лакуна больше на одно или на два мѣста; въ копіи въ димотикѣ неполное Λ, а только правая половина. И что за димотикъ на—λου? Αἰτωλοῦ, конечно, невозможно, еще меньше Ἰταλοῦ, развѣ Θεσσαλοῦ? Впрочемъ, я, можетъ быть, многихъ димотиковъ не предусматриваю, да и λ ненадежно. Если оно несомнѣнно, то при всей неожиданности все-таки нужно, пожалуй, и съ Θεσσαλοῦ считаться, такъ какъ дальше слѣдуетъ уже кефаллинецъ... (см. ниже). Имя Фалека, имѣя въ виду извѣстнаго фокейца, мы ожидали бы скорѣе всего встрѣтить въ Фокидѣ, но тамъ я его не нашелъ. Имя вообще неособенно распространенное: въ CIA. I, II, IV 1 и 2, GSept. I, Insul. I, II и III и Sicil., по указателямъ, оно ни разу не встрѣчается. Въ огромной массѣ именъ дельфійскихъ надписей оно попадается одинъ только разъ и именно, чего послѣ только что сказаннаго о CIA., мы не ожидали бы, у *аѳинскаго* іеромнимона при арх. Архіадѣ, 2515, и только этотъ единственный аѳинянинъ Фалекъ, aliunde ignotus, фигурируетъ и въ Prosop. Att. Кирхнера. Я

[1]) Ср. недавно напечатанный документъ о разграниченіи между Мелитеей и Ксиніями, XXV, 334, нуждающійся въ новомъ изданіи.

[2]) Другое упоминаніе у Ливія о Кифорѣ, до сихъ поръ указываемое у *Pape-Benseler* и въ нѣкоторыхъ указателяхъ къ Ливію, именно XXXVI, 10 Cyphaeram et Metropolim, было только конъектурой,—теперь читается Cierium.

пока вовсе не утверждаю, что и въ нашей надписи нужно дополнять [᾽Αθαν]α[ί]ου, что iota здѣсь не отмѣчена въ копіи Бургэ точно такъ же, какъ рядомъ въ Πρωνν(ί)ου (здѣсь, я думаю, iota навѣрно была на камнѣ, да, пожалуй, и у Бургэ она была отмѣчена промежуткомъ между N и O, котораго Жарде могъ не замѣтить), и еще менѣе я думаю о тожествѣ обоихъ Фалековъ, но дальше вѣдь слѣдуетъ уже ᾽Αριστοδά-μου Πρωνν(ί)ου, т. е. кефаллинецъ... (см. ниже).

10—11: поставивъ послѣ Πρωννίου запятую, Жарде пишетъ: „Λυ| ...ου ᾽Ηρία(?)· Δελφῶν Εἰρανίωνος, | ...δναίου“. Уже изъ сильнаго знака препинанія предъ Δελφῶν видно, что „Λυ...ου ᾽Ηρία“ не дельфіецъ, а послѣдній— 13-й—этоліецъ. Самъ Жарде опредѣленно говоритъ о *тринадцати* этолійцахъ и двухъ дельфійцахъ. Запятой предъ ᾽Ηρία нѣтъ, очевидно, это димотикъ къ Λυ...ου. Жарде самъ говоритъ: „᾽Ηρίας? ethnique inconnu et sans doute corrompu“. Между Εἰρανίωνος и ...δναίου есть запятая, очевидно это два дельфійца. Дальше слѣдуетъ одинъ хіосецъ и одинъ танагрецъ, ergo віотіецъ. Белохъ (Griech. Gesch. III, 2, 346 пишетъ: „*Dreizehn* ätolische Hieromnemonen werden in dem Dekret aus dem Jahre des Archon Da[mokrates] aufgezählt, doch ist darunter ein Λεπαδαῖος, in dem der Herausgeber mit Recht einen Bürger des böotischen Lebadeia sieht, um so mehr als später, am Ende der Liste, ein Tanagräer genannt wird, Böotien also auf der Versammlung vertreten war. Ein anderer der ätolischen Hieromnemonen ist aus Pronnoi, also Vertreter von Kephallenia, so dass für Ätolien selbst nur 11 Hieromnemonen bleiben“. И въ таблицѣ на стр. 350, согласно съ приведеннымъ разсужденіемъ, онъ по нашей надписи приводитъ: „этолійцевъ 11, дельфійцевъ 2, віотійцевъ 2, хіосецъ 1, кефаллинецъ 1“. Другими словами прогрессъ сравнительно съ Жарде только въ томъ, что изъ 13 этолійскихъ іеромнимоновъ Белохъ „Лепадейца“ и „Проннійца“ переставляетъ въ другія рубрики.

Но, право же, видѣть въ ῾Ηρίας „ethnique inconnu et sans doute corrompu“ возможно было, да и то неизвинительно, только тогда, когда у издателей и ученыхъ не было собственныхъ указателей къ дельфійскимъ надписямъ и не появлялся указатель Венделя къ Коллицу. Какъ ни неудобенъ послѣдній по его ужасной дробности (см. мои ИГИ. XXXIX), имъ пользоваться можно и, если не имѣешь своего, конечно, и должно. И изъ 1996 (190/89 года) и изъ 2239 (187/6 г.) извѣстенъ ᾽Αθανίων ῾Ηρία Δελφός. Даже Баунакъ запомнилъ это имя и постарался ввести его даже въ 2270 (около 148/7 г.), предложивъ тамъ вмѣсто ῾Ηγίας, какъ было у Курціуса, читать ῾Ηρίας. Онъ, впро-

чемъ, обнаружилъ здѣсь свою память не кстати: на камнѣ, какъ я видѣлъ въ 1903 г., стоитъ Η.ΥΣ, т. е. Ἥ[ρ]υς. Кромѣ того въ 2087 (ок. 147/6) послѣ свидѣтелей—дельфійцевъ названы: „Εὐκράτης Ἀρμενίωνος, Ἡρίας Ἀθανίωνος Φαλικαῖοι“ [1]). Трудно думать, чтобы этотъ послѣдній Ирія, сынъ Аѳаніона, изъ Фалики не имѣлъ никакого отношенія къ упомянутому дельфійцу Аѳаніону, сыну Иріи. Весьма возможно, что сынъ Аѳаніона переѣхалъ изъ Дельфъ въ Фалику. Такъ ли было или иначе, во всякомъ случаѣ въ 190/89 и 187/6 намъ засвидѣтельствованъ сынъ Иріи дельфіецъ, слѣдовательно самого Ирію нужно поставить на конецъ III и начало II вѣка. Если же „Ἡρία“ не „ethnique inconnu“, а дельфіецъ, то очевидно Δελφῶν“ относится *не къ послѣдующимъ* „Εἰρανίωνος, ...δναίου“, а *къ предшествующимъ* „Λυ|...ου, Ἡρία“. Точно лакуна неизвѣстна, но копіи она на одну букву больше. Въ Дельфахъ извѣстны Ἀριστοκράτης Λυκίσκου, въ 167/6 г. совѣтникъ (1743, 1767), и Κόσις Λυκίσκου около 150/49 г. (1816). Ликискъ, отецъ Аристократа, спокойно можетъ быть отнесенъ къ концу III и началу II в. Подходитъ также Λυκῖνος, извѣстный отъ 182/1 г. (2063). Если лакуна достаточна, то возможно и Λυσιμάχου (2649, 2613, 2632, 2641, 2844 и 2845) и Λυσιδάμου (2629, 2844 и 2845), оба отъ послѣднихъ десятилѣтій III вѣка.

Однако audiatur et altera pars: можетъ быть, слѣдующія за „Δελφῶν“ имена: „Εἰρανίωνος, ...δναίου“ могутъ быть признаны еще болѣе дельфійскими? Дѣйствительно, есть Διονύσιος Ἰρανίωνος (всегда въ этой орѳографіи), упоминаемый четыре раза: около 151/0 г. (2264), около 145/4 (2089,—исправляю я по камню и эстампажу; до сихъ поръ читали Ἐράτωνος) и въ 143/2 (2181 и 2289). Въ одной только надписи 2089 онъ стоитъ подъ димотикомъ Δελφοί въ числѣ свидѣтелей: сначала названы пять лицъ и стоитъ димотикъ Χαλειεῖς, потомъ сейчасъ же Діонисій сынъ Ираніона, за нимъ еще пять лицъ и димотикъ Δελφοί. Въ подобныхъ перечняхъ иногда можетъ затесаться въ число дельфійцевъ и иностранецъ. Я, впрочемъ, не хотѣлъ бы утверждать,

---

[1]) Гдѣ находилась Фалика, неизвѣстно. Несомнѣнно, что она лежала гдѣ-то въ болѣе узкихъ этолійскихъ границахъ. Отпустители рабовъ изъ Фалики датируютъ въ Дельфахъ свои манумиссіи по этолійскому стратегу и въ 181/0 г. (2134) и около 147/6 (2087) и около 143/2 (2136), когда озольцы, напр., уже датировали по своему агоноѳету. Такъ какъ однако, съ одной стороны, у отпустителей изъ Фалики свидѣтелями и поручителями появляются амфиссейцы (2055, 2134) и, наоборотъ, у амфиссейцевъ свидѣтелями являются жители Фалики (2004, 2130, 2311), то является впечатлѣніе близости къ Амфиссѣ.

что этотъ Діонисій не былъ исконнымъ дельфійцемъ. Отсутствію димотика въ другихъ случаяхъ я не придаю отрицательнаго значенія [1]). Но все-таки у меня есть сомнѣніе, основанное на слѣдующемъ соображеніи: въ 2181, гдѣ отпускаетъ раба Діонисій, сынъ Ἰρανίωνος, одинъ, поручитель обозначенъ не просто κατὰ τὸν νόμον τᾶς πόλιος, какъ это и бываетъ и должно быть при отпущеніяхъ въ Дельфахъ со стороны дельфійцевъ, но еще и καὶ κατὰ τὸ σύμβολον τὸ ποτὶ Ἀμφισσεῖς, что почти прямо говоритъ объ отпустителѣ изъ Амфиссы, да и среди свидѣтелей, кромѣ дельфійцевъ, есть одинъ изъ Амфиссы и одинъ изъ Іанѳіи. Я думаю, что, при совершенно равномъ правѣ и Ирія и Ираніона на дельфійское гражданство, кто угодно предпочтетъ въ нашей надписи видѣть дельфійца въ первомъ уже по тому одному, что не нуженъ будетъ ethnique inconnu etc. По поводу другого дельфійца у Жарде: „...δναίου“ я могъ бы сказать, что нѣтъ ни одного дельфійца съ именемъ на—δναῖος (окончаніе гораздо болѣе похожее на димотикъ), но въ δ я не увѣренъ, такъ какъ у Бургэ стоитъ лишь нижній отрѣзокъ Δ, если же на камнѣ Λ, то возможно и αναίου, и сюда подойдетъ единственный дельфіецъ и какъ разъ пара Ἰρανίων'у—Ἰραναῖος. Кромѣ того на—ναῖος есть лишь Γενναῖος. Среди дельфійцевъ указателя Венделя есть, конечно, еще Ехиней изъ 2562, Ἐχιναῖος!!! См. теперь вмѣсто 2562 въ XXV, 108 слл.

Итакъ, если ΛΥ....ΟΥΗΡΙΑ не этоліецъ, а два дельфійца, то число этолійцевъ уже уменьшится на одного, станетъ 12. Послѣднимъ окажется Πρώννιος (изъ Кефаллиніи), а кефаллинецъ обычнѣе называется отдѣльно отъ собственно этолійцевъ или послѣднимъ; безъ него этолійцевъ окажется 11 (вмѣстѣ съ Λεπαδαῖος). Послѣднимъ тогда окажется Φάλαιχος.....λος, а слѣдовательно, стоя не *среди* собственно этолійцевъ, и онъ можетъ оказаться не этолійцемъ. Вотъ почему я говорилъ, что, пожалуй, тутъ нужно считаться и съ ѳессалійцемъ, разумѣется, если λ надежно. Вообще появленіе ѳессалійца было бы для этого времени неожиданностью маловѣроятной. Если же вмѣсто λου окажется αίου, то я предпочелъ бы Ἀθηναίου (см. выше). Ср. въ № 20: послѣдній несомнѣнный этоліецъ—Λυσιμαχεύς, за нимъ Θεσπιεύς, т. е. можетъ быть, уже віотіецъ, за нимъ Ἀθηναῖος, Ἀμβρακιώτας, Κεφαλλάν, Χῖος (дельфійцевъ тамъ нѣтъ). У насъ оказалось бы: 10

[1]) Конечно, и наоборотъ, нельзя считать, что всякій названный безъ димотика въ дельфійскихъ надписяхъ eo ipso выдаетъ собою дельфійца: такъ принято думать, но это невполнѣ правильно, есть и исключенія, а потому и въ указатель дельфійцевъ у Венделя попали отчасти и не дельфійцы.

этолійцевъ (съ Λεπαδαῖος), 1
„Εἰρανίων...δ?ναῖος", 1 Χῖος
Если я не особенно на
.....λ?ου, то дѣлаю это
крыться въ Праніонѣ. О со
куна предъ Δ по копіи рав
тельно возможно 'Αθαναίου.
быть подкрѣплено указаніем
данной надписи, становится
прочихъ дельфійскихъ надп
'Αθηναῖος пишется чрезъ η.
знать здѣсь аѳинянина, не
допуская обозначеніе по ди
аѳиняне рядомъ съ обознач
ченіе филы и дима (2655) и
на то, что въ № 19 у насъ н
ніе обозначать іеромнимоно
Κεφαλλάνων или Κεφαλλᾶνος,
παδαίου?), такъ что и вмѣст
Къ сожалѣнію, мы не знаем
аттической Афидны, но и в
Фалекѣ). Въ аттической н
ΕΡΗΝΙΩΝΕΡΜΑΙΟ, но и м
скорѣе всего это не аѳинскі
аѳинянъ). Изъ Афидны, п
вѣстно около 165 именъ. О
относительно нѣкоторыхъ а
обращено только на нѣкото
Аттики. Послѣ справокъ съ
нера, съ другой въ index (
щихся въ одной Афиднѣ (и
димовъ), оказалось около де
помъ. Именно: 'Αμεινοχλῆ
Акрефіи, 'Αμφίας—въ Ѳива
въ Танагрѣ, Ѳивахъ, Δάφνις-
σιος) — въ Ѳивахъ, Ѳеспіяхъ
Μολοσσός (еще 'Αγνούσιος)—
въ Танагрѣ, Херонеѣ, Лева
относится и Θρασύδαος, если

щена ошибка копіи вмѣсто Θρασύλαος (въ Аттикѣ нѣтъ ни Θρασύλαος больше, ни Θρασυδαῖος), ср. Θρασύλαος въ Орхоменѣ. Получается впечатлѣніе, что или мы еще очень недостаточно знаемъ аттическій составъ именъ или афиднейцы въ именахъ до извѣстной степени тяготѣли къ Віотіи. Пожалуй, было и то и другое. При близости Афидны къ Оропу и Віотіи взаимныя сношенія ξένοι, очевидно, были здѣсь оживленнѣе и чаще заключались между ними брачныя связи. Въ Віотіи имена Εἴρανος или Ἴρανος, Ἰράνα, Ἰράνιχος, Ἰρανίχα попадаются, между прочимъ, въ Танагрѣ. Имена Εἰρήνη, Εἰρηναῖος—всегда съ η—есть и въ Аттикѣ. Въ Афидну имя Εἰρανίων—съ α—могло попасть подъ віотійскимъ воздѣйствіемъ (ср. выше Δαμότιμος съ α). Словомъ, можно даже и при наличныхъ средствахъ до нѣкоторой степени признать возможность видѣть аѳинскаго іеромнимона въ лицѣ Εἰρανίωνος [Ἀφι]δναίου. Прибавлю еще, что какъ разъ въ Афиднѣ встрѣчается Ἀμφικτύων, имя не распространенное (кромѣ того только у одного Ξυπεταίων, у одного Διομειεύς и разъ безъ димотика): едва ли оно имѣетъ прямое отношеніе къ герою Амфиктіону, скорѣе—прямо къ амфиктіонамъ. Все сказанное выше относится къ одной возможности для Иранiона: Ἀθαναίου или Ἀφιδναίου. Но возможно также разумѣть Афидну Лаконики—τῆς Λακωνικῆς, которую различаетъ Стефанъ Византійскій (Ἄφιδνα), ср. еще Ovid. Fast. V, 708 (ср. Kirchner, Attica et Peloponnesiaca, Greifswald 1890, 59). О ней вспоминаютъ обыкновенно только при спорѣ, былъ ли поэтъ Тиртей аѳиняниномъ или лаконцемъ. Я напоминаю здѣсь о ней въ виду того, что въ надписяхъ лаконскихъ мы трижды видимъ имя Εἰρανίων, CIG. 1239. 1240. 1271. Едва ли, кажется, возможно думать о [Πυ]δναίου, т. е. предположить, что этолійцы могли допустить разъ-другой и представителя Македоніи, но считаться, вѣроятно, нужно и съ этимъ на случай, не окажется ли на камнѣ подходящихъ слѣдовъ.

Я остановился на спискѣ № 19 дольше, чѣмъ желалъ. Нелишнимъ было показать, насколько нужна здѣсь точнѣйшая копія, какъ многое зависитъ отъ кажущихся мелочей и сколько въ сущности нужно было рѣшить предварительныхъ вопросовъ, прежде чѣмъ съ поспѣшностью Белоха однимъ почеркомъ пера распредѣлять іеромнимоновъ по интерпункціи Жарде и на основаніи такого распредѣленія и числа относить документъ къ опредѣленному времени, почти году.

Еще нѣсколько замѣтокъ къ самому постановленію амфиктіоновъ. Косскаго врача Филиста, сына Мосхіона, Жарде, я думаю правильно,

отожествилъ съ одноименны
суммы на нужды города Кос
(Жарде цитуетъ по Paton-H
жертвы другихъ выражаются
эту относятъ къ концу III и
въ текстъ слово ἀγῶνι, если
25 я не вполнѣ увѣренъ въ
щена ли iota въ ἀναγορευθῇ
піи?—Текстъ постановленія
(стрк. 16 слл.).

№Л

Большихъ текстовъ №№ 2
Они вырѣзаны на камняхъ
мнѣ было нетрудно, но я в
сался. Главная масса ихъ е
наибольшій интересъ среди і
Относительно № 20 я уж
что названнаго тамъ послѣ
9-я)", если текстъ прочёнъ,
обязательно считать этолійце
салійскихъ Θеспій, а можно с
7—8 Μεταvίου. Жарде говор
Я уже указывалъ на такую
документу вернусь въ дру
№ 23-й тремъ декретамъ (эт
скому) о теосскомъ убѣжищ
Оставлю также пока безъ
о какомъ-то хіосскомъ іером
но переработка не представл
ни малѣйшей части заголовк
гражденнаго тоже пропало. І
лежащаго соединенію съ нас

Я остановлюсь подробнѣе
особеннаго вниманія и изуче
нымъ точно датированнымъ,

полнѣе и, надѣюсь, исправнѣе, чѣмъ Колэну, копіей котораго пользовался Жарде. Для сравненія я приведу текстъ Жарде и мой рядомъ.

(См. греческій текстъ на особомъ листѣ).

Само собою разумѣется, далеко не всѣ мои поправки и plus'ы читаются на камнѣ или на эстампажѣ съ надлежащей ясностью. Нѣкоторыя слова мнѣ удалось прочесть на эстампажѣ только послѣ побочныхъ поисковъ, сопоставленій и сравненій. Иногда я отчаявался въ чтеніи, но лишь только путемъ комбинаціи находилъ подходящее слово, эстампажъ, такъ сказать, оживалъ: можно было убѣдиться въ дѣйствительной наличности соотвѣтствующихъ слѣдовъ буквъ, хотя и неполныхъ. Я позволилъ себѣ писать такія слова безъ скобокъ. Вообще и здѣсь я извлекъ пользы больше изъ эстампажа, чѣмъ съ самого камня. Надпись вырѣзана сбоку на верхнемъ камнѣ поставленнаго еретрійцами жертвенника, найденномъ près de l'entrée Est du téménos, à environ 15 mètres de la porte, en dehors, и оставленномъ на мѣстѣ открытія. При массивности этого камня (длина 1, 15, толщина 1, 06) не было возможности передвигать его для удобнаго освѣщенія надписи. Я увѣренъ однако, что при надлежащемъ освѣщеніи найдется тамъ не только все, данное мною внѣ скобокъ, но и нѣчто сверхъ того, особенно въ концахъ строкъ, которые наиболѣе пострадали. При чтеніи камня нужно имѣть въ виду, что уже во время вырѣзки надписи поверхность его была отчасти попорчена (трещинами отъ дождей?). Это несомнѣнно для вертикальной полосы лакунъ въ первой трети надписи: уже рѣзчикъ выбиралъ въ этой полосѣ удобные пункты и обходилъ неудобные; позднѣйшей порчей были повреждены и первые. Въ этихъ мѣстахъ, слѣдовательно, нельзя считаться только съ одной длиной лакунъ. Эти оговорки я предпосылаю въ виду того, что иначе новый изслѣдователь камня найдетъ меньше, чѣмъ дано мною, и станетъ, пожалуй, упрекать мое чтеніе въ фантастичности. Въ виду будущаго изслѣдователя я даю—и въ текстѣ, въ скобкахъ, и въ слѣдующихъ примѣчаніяхъ—нѣкоторыя дополненія, въ которыхъ не увѣренъ, но которыхъ слѣдуетъ поискать на камнѣ. Концы строкъ дополнены, конечно, лишь примѣрно, въ видѣ комментарія. Строки, по моему мнѣнію, кончались приблизительно у той линіи, до которой доходятъ замѣченные мною слабые слѣды ΟΙΝΟΝ въ 8-й, ΔΑΡΩΙ въ 10-й строкѣ. Дальше вправо на камнѣ остается еще много мѣста, но слѣдовъ письма я не видѣлъ. Строки и безъ того оказываются почти ровно въ метръ длиной. Соотвѣтственно упомянутой линіи я и разсчитываю размѣры утраченнаго.

Стрк. 2. Жардс удачно д
мною буквахъ оно несомнѣнн
архонта 193/2 г. (см. мои Д
впадаетъ со множествомъ на
таблицу хронологическаго с
соотвѣтствующими годами).
ствленія лицъ.

Въ первомъ этолійскомъ
хотѣлось бы видѣть наиболѣ
тнга 197/6 г. (ДЭЭ. 214).
фійскихъ манумиссіяхъ дим
(XVIII, 43 [26], 11). Если с
котораго этолійцы въ 192 п
34), то, комбинируя указан
нія, говорящаго только объ
считать его калидонцемъ (N
Димотикъ іеромнимона тог
(2526) неизвѣстенъ. Помто
говорилъ о рѣдкости этого
'Αλεξαμενοῦ Οἰταῖος ἐξ ...ιπου
BCH. X, 359 было ἐξ 'Ε
ѳессалійской Трикки (*Rev.*
'Αργάλειος здѣсь, можетъ бы
Λαμπρίας 'Αλεξομενοῦ 'Αμφισσε
Λάμιος 'Αλεξομενοῦ Βούττιος (
78 № 1 и 1896, ноябрь, 63
Трихѣ) и трижды встрѣчаюш
можетъ быть, 'Αρσινοεύς (CI(
Неизлишне будетъ поискат
димотиковъ. Я съ вопросом
зналъ возможнымъ такое

Въ концѣ 2-й стрк. было,
длинное—второго этолійска
стрк. 3: 'Υπαταίου. Странно,
путемъ догадки. При его ч
чались двѣ странности: пе
строку и отсутствіе димотн
ствующихъ перечняхъ этолі
съ димотиками, или всѣ без

Третій іеромнимонъ Леонтоменъ былъ, несомнѣнно, изъ Вутта, т. е. изъ той деревни около Навпакта, о положеніи которой мы впервые узнали изъ открытыхъ мною 20 лѣтъ назадъ и „неизвѣстныхъ прочей Европѣ“ надписей святилища Асклипія въ Крунахъ (*Журн. Мин. Нар. Прос.* 1884, декабрь, потомъ 1896, ноябрь). На камнѣ, надѣюсь, найдутся слѣды всѣхъ буквъ Βο[υττ]ίου. Въ надписяхъ того святилища неоднократно называются и Λεοντομένης Λαμίου и Λάμιος Λεοντομένεος (1884, 48 сл., № 3, 4, 5, 7; 1896, 60 сл., № 9, 11, 12, 14, ср. CIGSept. III 379. 380. 381. 383. 387), а первый изъ нихъ также и въ точно датированной дельфійской 1993, 196/5 года [1]).

Четвертаго іеромнимона, Дамотима изъ Агринія, едва ли возможно отожествить съ одноименнымъ при архонтѣ Праотѣ (2511), III вѣка [2]).

При распространенности имени пятаго іеромнимона, Аристона (не Аристіона) [3]), мнѣ не сряду удалось фиксировать слѣды его димотика: Σ[τ]ρα[τίου], теперь же я надѣюсь, что на камнѣ можно будетъ найти почти все слово. Ἀρίστων Πύρρου Στράτιος есть въ 1908, весьма вѣроятно 154/3 г. [4]). При промежуткѣ въ 70 лѣтъ трудно здѣсь думать о тожествѣ, но этотъ Аристонъ могъ быть внукомъ іеромнимона.

Дальше до конца 3-й строки остается еще около 20 мѣстъ и конецъ личнаго имени перенесенъ въ 4-ю λ[ά]ου. Ясно, что не могло быть личнаго имени въ 25 буквъ. Недопустимо также, чтобы послѣ Στρατίου стояло напр. Βοιωτῶν или Φωκέων и т. н., потому что въ слѣдующей строкѣ все еще продолжается перечень этолійцевъ. Итакъ тутъ пропало имя шестого іеромнимона и его димотикъ (буквъ 17—18) и за нимъ начало имени седьмого: Φιλο-, Ἀγε-, Ἰο- и т. п.

Стрк. 4. Оканчивалось имя седьмого: ΛΛΟΥ скорѣе на λάου, чѣмъ на

---

[1]) Отожествлять съ этимъ Леонтоменомъ названнаго безъ димотика іеромнимона при архонтѣ Пиеагорѣ III-го вѣка я не рѣшаюсь (2520 и 2522). Извѣстны еще Леонтомены: сынъ Стронгиліона этолієцъ (2811, III в.), Φυταιεύς этолійскій іеромнимонъ конца III в. (Jardé № 23, при Мегартѣ), Πλυγονεύς (2015, 197/6 г.), Καλλιπολίτης (1529, средины II вѣка), изъ Навпакта (CIGSept. III 363) и оессалійскій стратигъ изъ Феръ 185 г.

[2]) Извѣстны Дамотимы Ἀμφισσεῖς, Μυανεῖς, Οἰανθεῖς и Πλυγονεῖς, см. подъ этими димотиками въ указателѣ Венделя къ II тому сборника Коллица.

[3]) Встрѣчаются Ναυπάκτιοι (1425), Ὑπαταῖοι (1429, 2580), Βούττιοι (CIGSept. III 382), Φυλλαῖοι (ib. 385), Λοκροί CIA. II 939), Οἰταῖοι Pape-Benseler), Ἀμφισσεῖς, Κεφαλλῆνες, Φωκεῖς, Χαλκεῖς (см. по упомянутому указателю).

[4]) См. объ этой надписи НГН. XI сл. съ цитатами.

λλου. Въ нашей надписи это справа оставалось больше, чѣм ный переносъ λλου. Его димс шаго сомнѣнія, такъ что н встрѣчающіеся димотики (ихъ съ знакомъ вопроса: „'Αγρίνιοι думалъ ли онъ и Керреата пр троклу!? Дѣло въ томъ, что д димотика, не соотвѣтствующа нибудь оно, пожалуй, превращ въ Керкиру, Кедрею и т. п.), территоріи мы не можемъ от изъ областей.

Восьмой іеромнимонъ былъ въ сѣверо-восточной Этоліи, 228 сл.). Его димотикъ несомі жествленія невозможны, потому знаемъ.

Также не подлежитъ сомнѣ (въ Ахаіи Фѳіотской), вообще

Десятаго звали Александро архонтѣ Мегартѣ, былъ этолійсі (1411), онъ же вторично въ 1 (ДЭЭ. 214 и 218; другой в цитированной выше по поводу распространенное, что при пер таться и съ многими другими (1444), 'Ηρακλειῶται, Μελιταιεῖ зателю), Ναυπάκτιος (CIGSept. I Даже при длинномъ димотикѣ, стрк. остается еще мѣстъ 15. Φωκέων, такъ какъ въ первомъ два іеромнимона и въ обоихъ стимо Κεφαλλάνων съ однимъ роятно, что тамъ стояло имя мотикомъ.

Стрк. 5. Оба іеромнимона Дел Евдока, братъ Праксія, былъ с см. объ этой вліятельной фам

и др.). Орестъ, сынъ Евхарида, былъ совѣтникомъ въ 198/7 и 195/4 г. (ДЭЭ. 214 сл.). Извѣстія о нихъ идутъ, вѣроятно, еще съ конца III вѣка.

Въ Аполлоніи, іеромнимонѣ Хіоса, Жарде съ нѣкоторой вѣроятностью призналъ Аполлонія, сына Димитрія, получившаго дельфійскую проксенію въ 186/5 году (хронол. списокъ, 2581, строка 175), въ мѣсяцѣ Вукатіи,—онъ, вѣроятно, и въ 186/5 г. былъ въ Дельфахъ въ качествѣ іеромнимона въ осеннюю пилею.

Имя магнисійскаго іеромнимона Κτεάτου удалось увидѣть на эстампажѣ только тогда, когда среди подходящихъ именъ въ Inschriften von Magnesia am Mäander я нашелъ Κτέατος Μορίμου въ спискѣ „отличившихся на экзаменѣ дѣтей“ (107,—въ частности Ктеатъ по κιθαρωιδίαι); списокъ *по письму* относятъ къ началу II вѣка, слѣдовательно, возможно думать и о послѣднихъ десятилѣтіяхъ III-го и отожествлять того и другого Ктеата.

Въ концѣ 5-й стрк. остается еще достаточно мѣста для имени и димотика секретаря.

6 стрк. Жарде говоритъ о Пиксодарѣ, что возстановить имя его отца не можетъ и что весьма неувѣренно предлагаетъ димотикъ Κινδυεύς, такъ какъ „Киндія—родина Пиксодара I-го, родоначальника династіи (Herodot. V 118)“: Πιξωδάρου τοῦ Μαυσώλου ἀνδρὸς Κινδυέος, ὃς τοῦ Κιλίκων βασιλέος Συεννέσιος εἶχε θυγατέρα. Я вполнѣ различаю отчество Κρατέα и предъ нимъ, повидимому ὁ (если это мѣсто не было обойдено рѣзчикомъ). Употребленіе члена здѣсь невполнѣ обычно, но допустимо, именно, если хотѣли особенно отмѣтить отца: Пиксодаръ, именно сынъ Кратея, а не кого-либо другого. Послѣ отчества я вижу Μ и, пожалуй, υ, такъ что о Κινδυεύς рѣчи не можетъ быть. Но средина отчества падаетъ на полосу еще въ древности начавшейся порчи камня, такъ что сколько буквъ было отъ Μυ до εύς, я не знаю. Если было написано безъ пробѣловъ, то вполнѣ годится Μυλασεύς; если то или другое мѣсто было обойдено, то придется признать Μυρεύς, т. е. въ одномъ случаѣ изъ хорошо извѣстныхъ Миласъ карійскихъ, въ другомъ изъ неменѣе извѣстныхъ Миръ ликійскихъ. За первое говоритъ происхожденіе отъ знаменитаго карійскаго династа Мавсола, и въ надписи изъ Ериѳръ (Dittenberger, Syll. 107) Фукаромъ дополнено: Μαύσσωλλον Ἑκατόμνω [Μυλασ]έα (ср. ibid. 95). За второе, не противорѣча указанному происхожденію, свидѣтельствуетъ одна очень поздняя надпись найденная около Миръ и называющая Пиксодара Мирскаго: ἀ[γ]γ[εῖ]ον προγονικὸν Αὐρηλίου Κορησίου Πιξωδάρου Μυρέος,

εἰ(ς) ὃ ἐνκηδ[ευθήσεται...] (Reisen im südwestl. Kleinasien, Bd. II: Reisen in Lykien etc., № 75); въ CIG. надписи 4253 и 4276b съ именемъ Пиксодара также изъ Ликіи; неособенно распространенное имя Κρατέας встрѣчается также по близости къ Ликіи (тѣ же Reisen, II, № 192, стр. 163: Τροχόνδας Μολέσιος Κρατέα, письмо очень позднее). Хотѣлось бы думать, что ἀγγεῖον προγονικόν принадлежало потомкамъ того именно Пиксодара, который гордился заслугами своихъ предковъ, какъ видимъ изъ нашей надписи. Я думаю, что при новомъ изслѣдованіи камня или частичнаго эстампажа удастся сдѣлать выборъ между Μυλασσεύς и Μορεύς [1]). Нашъ Пиксодаръ называетъ себя потомкомъ Μαυσσώλου τοῦ Ἑκατόμνου. Я читаю эти имена почти цѣликомъ, съ несомнѣннымъ σσ въ первомъ [2]). За дополненіе въ концѣ 6-й [ἀπελογίξατο τὰ τῶν προγόνων], надѣюсь, вполнѣ передающее нужный смыслъ, говоритъ и pluralis παρείσχηντο 7 и противоположеніе αὐτός и τήνων.

8 стрк. Параллелей къ этому выраженію, какъ и къ слѣдующимъ καλά τε καὶ ἔνδοξα (7), ἀκολούθως κτἑ (8), я не намѣренъ приводить. Оставляя вообще въ сторонѣ и Мавсола, сына Екатомна, и Артемисію, и Идріея, и Аду, и преемника ихъ Пиксодара, отмѣчу лишь по поводу карійскихъ καλά τε καὶ ἔνδοξα ποτὶ τὸ ἱερὸν τὸ ἐν Δελφοῖς, что въ Дельфахъ стояли статуи Идріея и Ида (XXIII, 384):

Μιλήσιοι ἀνέθεν Ἀπόλλωνι Πυθίωι.
Ἰδριεὺς Ἑκατόμνω. Ἄδα Ἑκατόμνω.
Σ[άτυρος Ἰσοτίμου ἐποίησε Πάριος.

Омолль сначала хотѣлъ видѣть эту Аду въ одной изъ найденныхъ статуй, но потомъ отказался отъ этой мысли (ук. м. 385 сл.).

Въ концѣ 7-й стрк. послѣ [ἀ]μ[φικτιόνοις] до принятой правой границы не хватило бы мѣста для καὶ τοῖς ἄλλοις Ἕλλησι (можетъ быть τῶν Ἑλλήνων?). Въ 8 въ ἐνεφάνιξε я вижу необычную форму буквы ξ, не изъ трехъ только параллельныхъ черточекъ, но изъ трехъ перечеркнутыхъ вертикально,—этого перечеркиванія уже въ концѣ III вѣка не бываетъ; вѣроятно, рѣзчикъ вырѣзалъ сначала ζ (для imperfectum) и потомъ прибавилъ среднюю черточку. Дальше изъ совершенно пра-

[1]) Я, къ сожалѣнію, за отсутствіемъ подъ руками не могъ пока навести справокъ ни въ Tituli Asiae Minoris I, ни въ M. Schmidt N. Lykische Studien.

[2]) Это и есть преобладающая орѳографія, ср. *Dittenberger*. Syll. 95. 107. 160, Inschr. v. Magn. 4, ср. существованіе въ M. Азіи даже особаго знака въ видѣ T съ привѣсками у перекладины для обозначенія двойнаго σ, которое вѣроятно звучало нѣсколько иначе, чѣмъ греческое, особенно въ варварскихъ именахъ, см. напримѣръ *Dittenberger*, Syll. 10. *Larfeld*, Gr. Epigr. 510.

вильнаго, хотя и рѣдкаго τήνων = ἐκείνων Колэнъ сдѣлалъ ΤΗΝΙΩΝ, съ которымъ Жарде ничего не могъ подѣлать (Τηνίων здѣсь было бы не къ мѣсту)[1]. Переходъ 8—9 [ποτὶ το κ]οινὸν(?) ποτὶ τὸ ἀμφικτιονικὸν смущаетъ, конечно, въ значительной степени, такъ что необходимо провѣрить (при лучшемъ, именно частичномъ, эстампажѣ чтеніе, надѣюсь, установится прочно и здѣсь и въ сосѣднихъ строкахъ). Къ вполнѣ надежному дополненію конца 12-й строки: ποιειμένοι[ς τὰς ἐγδικάσεις ἐν τοῖς ἱερομναμόνοις] ср. въ этолійскомъ декретѣ о теосскомъ убѣжищѣ (1411 = Dittenberger, Syll. 280 = Jardé, № 23): γινομένας τοῖς Τηίοις τᾶς ἐγδικάσιος καὶ τᾶς λοιπᾶς οἰκονομίας, καθὼς καὶ τοῖς Διονυσιακοῖς τεχνίταις ὁ νόμος τῶν Αἰτωλῶν κελεύει.

Наша надпись относится къ важному въ исторіи этолійцевъ году. Въ этомъ 193/2 году, когда на панэтолійскомъ собраніи Фламининъ лично убѣждалъ этолійцевъ для избѣжанія разрыва отправить въ Римъ посольство по спорнымъ вопросамъ, этолійцы въ его присутствіи постановили призвать Антіоха Сирійскаго для освобожденія Греціи, и на просьбу Фламинина дать ему это постановленіе стратигъ Дамокритъ отвѣчалъ, что въ данную минуту у него есть дѣла поважнѣе, постановленіе же и отвѣтъ онъ дастъ въ скоромъ времени въ Италіи, расположившись лагеремъ на берегу Тибра. Объявивъ войну римлянамъ и призвавъ на помощь Антіоха, этолійцы послали три отряда: одинъ въ Спарту съ упомянутымъ выше Алексоменомъ, другой въ Халкиду съ Θоасомъ и третій съ Діокломъ въ Димитріаду. Извѣстенъ неудачный для этолійцевъ и Антіоха результатъ этой войны. Территорія ихъ была урѣзана и положеніе въ амфиктіоніи пошатнулось, офиціально даже, вѣроятно, было совсѣмъ устранено, и „римскій мечъ отсѣкъ отъ царства Селевкидовъ всю землю ἐπὶ τάδε τοῦ Ταύρου" (Θ. Θ. Соколовъ, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1897, іюль, 35). Ожиданіе помощи и надежды у этолійцевъ въ 193/2 году, какъ видимъ, были обращены къ азіатскому востоку. Не игралъ ли какой-либо роли тутъ и Пиксодаръ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ сношеніяхъ, которыя, конечно, оживленно велись между этолійцами и Антіохомъ? Изъ декрета амфиктіоновъ этого не видно. Судя по тону, по умѣренности наградъ, я скорѣе допустилъ бы, что иниціатива въ данномъ случаѣ принадлежала самому Пиксодару, а не этолійцамъ.

А. Никитскій.

---

[1]) См. ἀπὸ τήνου τοῦ χρόνου въ дельфійской манумиссіи XXII, 63, № 69, τηνεῖ въ законѣ Лавіадовъ 2561С37.

Nikitsky.

1. Θ [ε] ο ι.
Ἄρχοντος ἐν Δελφοῖς Ἐχεφ[ύλ]ο[υ], ἱερομναμονούντων Αἰτωλῶν Ἀλεξομεν[οῦ Ἀ
Ὑπαταίου, Λεοντομένεος Βο[υττ]ίου, Δαμοτίμου Ἀγρινιέος, Ἀρίστωνος Σ[τ]ρα[τίου, c
λάου Κερρεάτα, Δαμοφάνεος [Ποτ]ιδανιέος, Λαμέδωνος Θαυμακοῦ, Ἀλεξάνδ[ρου c.
5. Δελφῶν Θρασυκλέος, Ὀρέστα, Χίων Ἀπολλωνίου, Μαγνήτων Κτεάτου, γραμμα
ἐπεὶ Πιξώδαρος ὁ Κρατέα Μ[υλασ]εύς(?) ἀπόγονος ὢν Μαυσσώλου τοῦ Ἑκατόμν[ω
ποτὶ τὸ ἱερὸν τὸ ἐν Δελφοῖς [καλά τε] καὶ ἔνδοξα καὶ ἃς παρείσχηντο χρείας τοῖ[ς
ἐνεφάνιξε δὲ καὶ ὅτι αὐτὸς ἀ[κολού]θως διακείμενος τᾶι τήνων προαιρέσει δι[ατε]λεῖ
ποτὶ τὸ ἀμφικτιονικὸν ἐμ [παντὶ] καιρῶι συμπράσ[σ]ων καὶ συναίτιος γινόμενο[ς]
10. τιμίων· δεδόχθαι τοῖς ἱερομ[να]μόνοις τῶν ἀμφικτιόνων ἀσφάλειαν εἶμεν [καὶ
καὶ τοῖς ἐκγόνοις αὐτοῦ καὶ [ὑπ]άρχειν αὐτοῖς παρὰ τῶν ἀμφικτιόνων πά[ντ]α
δεδόσθαι δὲ αὐτοῖς καὶ προ[δικ]ίαν πάντων τῶν ἀδικημάτων ποιειμένοι[ς τὰς ἐγδ
καὶ τὰ λοιπὰ οἰκονομεόντοι[ς] κατὰ τοὺς τῶν ἀμφικτιόνων νόμους, τὸ δὲ
14. Δελφοῖς ἐν τῶι ἱερῶι τοῦ Ἀ[πόλλω]νος.

Jardé *BCH*. XXVI, 279—280.

1. Θ [ε] ο
Ἄρχοντος ἐν Δελφοῖς Ἐχ[εφύλου], ἱερομναμονούντων Αἰτωλῶν· Ἀλ[. . . . . .
υ, Πατρόκλου, Λεοντομένεος Α . . . . . ίου, [Τ]ιμοτίμου Ἀγρινιέος, Ἀριστίωνος,
λ[ά]ου Κερρεάτα, Δαν . . . ος . . . . , Μεδωνίου Θαυμακοῦ, . .
5. Δελφῶν Θρασυκλέος, Ὀρέ[στα· Χίων] Ἀπολλωνίου· Μαγνήτων . . . . άτου.
Ἐπειδὴ Πιξώδα[ρ]ος ὁ Κρατε[. . Κινδυ]εύς, ἀπόγονος [ὢν] [Μα]υσ[ώλου . . . ἀν
ποτὶ τὸ ἱερὸν τὸ ἐν Δελφοῖς . . καὶ . . . . . . παρέ[χεται . . . .]
ἐνεφάνιξε δὲ καθότι . . . . θω[ς δια]κείμενος τᾶι . . . . προαιρέσει
ποτὶ τὸ ἀ[μ]φικτιονικὸν [συνέδριον], καὶ . . . . . .
10. τιμίων. Δεδόχθαι τοῖς ἱερο[μνα]μόνοις τῶν ἀμφικτιόνων ἀσφάλειαν . . . .
καὶ τοῖς ἐκγόνοις αὐτοῦ καὶ [ὑπάρχ]ειν αὐτοῖς παρὰ τῶν ἀμφικτιόνων [τἆλλα τίμια
δεδόσθαι δὲ αὐτοῖς καὶ προ[δικ]ίαν [ὑπὲρ αὐ]τῶν [καὶ χρη]μάτων ποιειμένοι[ς
καὶ τὰ λοιπὰ οἰκο[νομουμένοις] κατὰ τοὺς τῶν ἀμφικτιόνων νόμους· τὸ δὲ [δόγμα ἀ.
14. Δελφοῖς ἐν τῶν ἱερῶι τοῦ Ἀ[πόλλω]νος.

Въ копіи: 2: ΕΚΙ; 3: ΛΕΟΝΤΟΜΕΝΟΣΕΑ, дальше ΙΜΟΤΙΜΟΥ, „Colin ΛΑ
7: ΚΑΙΕΝΔΟΞ ΝΑΙΑΝ; 8: ΚΑΘΟΤΙΑΣ, дальше
ΤΑΙΤΗΝΙΩΝΠΡΟ; 9: ΠΟΤΙΤΟΑΝ, дальше ΚΑΙΡ ΣΥΜ
ΠΡΑ ΩΝΚΑΙ.

ιοσεός? c. 13]
21]-
;],
ιόντος c. 18]·
ἐπελογίξατο τὰ τῶν προγόνων]
ἀ]μ[φικτιόνοις c. 13],
ὄνους ὧν ποτὶ τὸ κ]οινὸν (?)
[ν συμφερόντων πάντων καὶ]
τέλειαν πάντων Πιξώ]δάρωι
τίμιά τε καὶ φιλάνθρωπα],
σεις ἐν τοῖς ἱερομναμόνοις?]
ἀφι[σμα τόδε ἀναγράψαι ἐν]

[ί].
. . ο]-
. .
.

ἀγαθός ἐστι]

ἶναι Πιξωδάρωι καὶ αὐτῶι]
ἄντα] . . . . . .

ιγράψαι καὶ ἀναθεῖναι ἐν]

ΙΟΤΙΜΟΥ"; 6: ΠΙΞΩΔΑΓΟΣ;

ЗАМѢТКИ КЪ ЛАТИНСКИМЪ ТЕКСТАМЪ.

I.

Horat. *c.* II, 18, 32 sqq.: Aequa tellus Pauperi recluditur Regumque *pueris*, nec satelles Orci Callidum Promethea Revexit auro captus.

Л. Миллеръ въ комментаріи 1900 г. (стр. 209) замѣтилъ справедливо, что Горацій въ іамбахъ и трохеяхъ *одъ* никогда не допускаетъ разрѣшеннаго арзиса, „auch nicht im alcaicus enneasyllabus, ebenso wenig innerhalb des jambischen Dimeters der Asynarteten in den Epoden". Соглашаясь нѣкогда съ предположеніемъ о поврежденности даннаго стиха, высказаннымъ гораздо раньше тѣмъ же ученымъ, мы, однако, присовокупляли (*Коммент. къ Гораці.*,[2] 165), что „умѣстнѣе былъ бы контрастъ бѣдняка съ самими *reges*, чѣмъ съ ихъ ни въ чемъ не повинными чадами". Но о томъ, что возводящій роскошныя постройки магнатъ близокъ къ смерти и лишь въ ослѣпленіи своемъ забываетъ о ней, было указано раньше (v. 17 sqq.: „Tu secanda marmora Locas sub ipsum funus et sepulcri Immemor struis domos"). Обобщеніе этой мысли представляютъ слова: „Nulla certior tamen Rapacis Orci fine destinata Aula divitem manet Erum" (vv. 29—31); наконецъ, она же снова примѣнена къ богачу въ вопросѣ (v. 31): „Quid ultra tendis?" Нѣтъ, стало быть, потребности въ дальнѣйшемъ ея развитіи. Наоборотъ, упоминаніе тѣхъ, которые составляютъ предметъ заботливаго ухода „regum", вноситъ градацію въ изложеніе. Извѣстно, что любимою темой риторическихъ сопоставленій служила преждевременная смерть юношей, которыхъ хоронятъ ихъ престарѣлые родители (Eurip. *Suppl.* 174 sq., Anth. Pal. VII, 261, 5 sq.: οὐ πατὴρ τόδε σῆμα· τὸ δ' ἔμπαλιν ἦν τὸ δίκαιον и т. п. Сл. теперь Casim. de Morawski, *de Athenar. gloria* etc. p. 29, Cracov. 1905). Что и рожден-

ные въ пурпурѣ и златѣ не пользуются въ разумѣемомъ отношеніи какой-либо привилегіей передъ неимущими, было бы совершенно встати отмѣчено въ нашей одѣ: то обстоятельство, что погибающіе въ молодости „ни въ чемъ неповинны", усиливаетъ только патетическую ноту. Вотъ почему мы бы читали въ настоящее время: „Aequa tellus Pauperi recluditur Regumqu(e) ep*heb*is". Порча ранняя (EPUERIS изъ EPHEBIS).

Возразятъ, пожалуй, что „ephebus" не значитъ „сынъ". Но вѣдь и „puer" означаетъ, собственно, не сына, а мальчика вообще. Поэтому едва ли слѣдуетъ опасаться, что „ephebus" въ сочетаніи съ родит. п. „regum" можетъ быть понято превратно (Mart. VII, 80. 9: „mangonis ephebus"; IX, 36, 3: „suo Caesar permisit ephebo"). Сл. Stat. *Theb.* IX, 571: „mater Tegeatis ephebi". У Горація *Epist.* II, 1, 170 sqq.: „Aspice, Plautus Quo pacto partis tutetur amantis ephebi, Vt patris attenti" eqs., нужно, при „patris", дополнять „ephebi" (cf. Stat. *Th.* I, 423 sq. IV, 232 sq.).

Элизія имѣется въ одѣ II, 18, кромѣ того, v. 6: „regiam occupavi", v. 12: „nec potentem amicum", v. 37: „Tantalum atque", v. 1: „neque aureum", v. 5: „neque Attali".

II.

Tibull. II, 4, 27—32: O pereat, quicumque legit viridesque smaragdos Et niveam Tyrio murice tingit ovem. *Hic dat* avaritiae causas et Coa puellis Vestis et e Rubro lucida concha mari. Haec fecere malas; hinc clavim ianua sensit Et coepit custos liminis esse canis.

Въ 29-омъ ст. *excerpta Paris.* читаютъ: „*Praebet* avaritiae causas *pretiosa potentum*", но это представляется явною интерполяціей, вызванной желаніемъ осмыслить испорченный текстъ. Итальянцы предположили: „*Hinc* dat a. causas". Wisser безъ всякой нужды заподозрилъ двустишіе 29—30. Belling считаетъ посторонней вставкой слова: „Hic d. avaritiae c. et". Отъ себя онъ сочинилъ: „<*O pereant, a quis portatur*> Coa puellis Vestis et e rubro lucida concha mari".

Намъ думается, что вполнѣ достаточно конъицировать:

O pereat, quicumque legit viridesque smaragdos
    Et niueam Tyrio murice tingit ovem!
Auxit avaritiae causas et Coa puellis
    Vestis et e Rubro lucida concha mari:
Haec fecere malas eqs.

Подъ традиціоннымъ „Hic“ скрывалось „Au“; подъ „dat“ крылось „xit“ (лѣвая половина буквы *x* исказилась въ *d*, правая въ комбинаціи съ *i* дала *a*). Понятно, что „auxit causas“ значитъ „causarum numerum auxit“ (Prop. III, 7, 32: „miseras auximus arte vias“, т. е. къ видамъ смерти на сушѣ прибавили гибель на морѣ).

III.

Petron. 93: Ales Phasiacis petita Colchis Et pictis avis *renouata* pennis Atque Afrae volucres placent palato, Quod non sunt faciles: at albus anser Plebeium sapit.

Нарушеніе размѣра устранится и смыслъ получится подходящій, если читать:

Et pictis auis *arcuata* pennis.

Такимъ же образомъ и Авіанъ говоритъ о павлинѣ (15, 7 sq.):

Et simul erectae circumdans tegmina caudae,
Sparserat arquatum [1]) sursus [2]) in astra iubar.

IV.

Stat. *Theb*. V, 20 sqq.: „At tamen, o quaecumque es“ ait „cui, gloria tanta, *Venimus* innumerae fatum debere cohortes (Quem non ipse deum sator aspernetur honorem): Dic age“ eqs.

Въ посвященныхъ Θ. Е. Коршу Χαριστήρια мы коснулись этого мѣста (примѣч. 12 подлежащей статьи). Въ настоящее время мы бы предпочли редакцію:

cui, gloria tanta,
Sensimus innumerae fatum debere cohortes.

Подразумѣвается при глаголѣ *debere* accusativus subiecti („nos“) послѣ *sensimus*, какъ напр., I, 97: „Sensit adesse dies“ (т. е. dies sensit, *eum* adesse).

V.

Gell. XX, 1, 45: Sic enim sunt, opinor, verba legis:... secum ducito, uincito aut neruo aut compedibus *quindecim pondo*, *ne minore*;

---

[1]) Рукоп.: „arc(h)anum“. Исправилъ Бартъ.—Такъ какъ „arcuatus“ (— ◡ — ◡) въ гекзаметрѣ стоять не можетъ, то дактилики регулярно измѣняютъ форму въ „arquatus“ (Ov. *M*. XI, 590. Stat. *Theb*. V, 369. Lact. *de ave Phoen*. 139).

[2]) Рукоп.: rursus. Исправилъ Lachmann.

aut, si uolet, maiore uincito. Si uolet, suo uiuito. Ni suo uiuit, qui eum uinctum habebit libras farris endo dies dato. Si uolet, plus dato.

Этотъ текстъ недавно разобранъ г. С. Алексѣевымъ въ статьѣ: „Къ долговому вопросу въ Римѣ“ [3]). Авторъ отвергаетъ вслѣдъ за Пухтой и другими перестановку „ne *maiore*, aut, si uolet, *minore*“, приводимую Кюжасомъ изъ неизвѣстнаго кодекса, самъ же высказывается за чтеніе сохранившихся рукописей Геллія, при чемъ соотвѣтственную часть цитаты изъ XII таблицъ переводитъ (на стр. 144 сл.) тàкъ: „заковать его въ кандалы и (*sic*) оковы, не меньше 15 фунтовъ, а буде ему угодно—больше“ [4]). Поясняется толкованіе, между прочимъ, ссылкой на чье-то изреченіе: „всыпать ему горячихъ 15, а *попроситъ*—прибавить!“ Изъ подобнаго сопоставленія, естественно, и дѣлается затѣмъ выводъ: „Горькимъ, ѣдкимъ смѣхомъ смѣется законъ надъ должникомъ“.

Тезисъ, что децемвиры глумились надъ римскими гражданами, попавшими въ кабалу къ кредиторамъ, г. Алексѣевъ подтверждаетъ аналогіей, которую усматриваетъ (стр. 146) въ словахъ того же закона: „Si uolet, suo uiuito“, по поводу которыхъ восклицаетъ: „А гдѣ ему взять средства на содержаніе? Какая иронія, какое издѣвательство надъ человѣческимъ существомъ!“

Авторъ повидимому предполагаетъ, что кто въ эпоху децемвировъ утратилъ iure nexi личную свободу, тотъ былъ уже *фактически* нищимъ, съ момента же наступленія кабалы терялъ и всѣ имущественныя *права*. Между тѣмъ даже анналистическое преданіе у Ливія (II, 24) и Діонисія (VI, 29) подчеркиваетъ какъ разъ обратное представленіе слагавшихъ исторію древняго Рима: по этой традиціи выходило бы, что еще въ 495 г. до нашей эры (значитъ, почти за полстолѣтія до децемвировъ) консульскій эдиктъ освѣтилъ, въ виду взволновавшихъ общину злоупотребленій, правовое отличіе кабальныхъ гражданъ отъ рабовъ. Пересказъ резолютивной части эдикта у Ливія гласитъ: „ne quis civem Romanum vinctum aut clausum teneret, quo minus ei nominis edendi apud consules potestas fieret; *ne quis* militis, donec in castris esset, *bona possideret aut venderet*, liberos nepotesve eius moraretur“. Изъ анализуемаго же децемвиральнаго постановленія

[3]) „Записки Общества исторіи, филологіи и права при Имп. Варш. Унив.“, вып. 3-й, стран. 107—150 (Варш. 1904).

[4]) Предшествуетъ на стр. 142 переводъ, сообщаемый по частямъ (съ перерывами): „Закуйте его въ кандалы *и* оковы не меньше 15 фунтовъ, а если онъ (*должникъ*) попроситъ, то и больше“.

вытекаетъ именно, что кредиторъ не имѣлъ вообще права присвоить себѣ по закабаленіи должника имущество послѣдняго: если законъ предоставлялъ несчастному „suo uiuere", то не съ цѣлью надругаться надъ нимъ, а потому что децемвиры не исходили изъ одинаково ошибочныхъ посылокъ, 1) будто всякій, кто не уплатилъ въ срокъ занятой суммы, никакого имущества не имѣетъ, и 2) будто заключившій договоръ въ формѣ nexum обязывался переуступить, въ случаѣ неисправности своей, кредитору права собственности не только по отношенію къ своему тѣлу, но и по отношенію къ своему имуществу. По второму пункту нерѣдко говорится и теперь совершенно ошибочное, отчасти подъ вліяніемъ прежнихъ руководствъ, напр. Швеглера, но по первому пункту, разумѣется, можно найти даже у этого почтеннаго автора изложеніе вопроса, которое, напр., съ точки зрѣнія обстановки болѣе поздней эпохи, нежели децемвиральная, не превратно: „öfter kam der Fall vor", писалъ Швеглеръ [5]), „dass sich der Schuldner noch im Besitze... eines Hauses oder einer Liegenschaft befand [6]), aber bis zum Zahlungstermin ohne Wucherzinsen kein baar Geld auftreiben konnte und daher, um seinen Grundbesitz nicht unter den Werth losschlagen und in Folge davon die Censusclasse wechseln zu müssen, oder auch in der Hoffnung, in der Zwischenzeit auf andere Weise zu Zahlungsmitteln zu kommen, es vorzog, sich einstweilen in die Haft seines Gläubigers zu begeben". Швеглеръ цитуетъ Liv. VII, 21: „Tarda enim nomina et *impeditiora inertia debitorum, quam facultatibus*, aut aerarium... dissolvit, ut populo prius caveretur, aut aestimatio aequis *rerum* pretiis liberavit" и VI, 34: „vis patrum in dies miseriaeque plebis crescebant, cum eo ipso, quod necesse erat solvi, *facultas solvendi* impediretur", а также столь важный текстъ Варрона *de lingua* Lat. VII, 105, который наконецъ позволяетъ ступить на нѣсколько болѣе твердую почву, хотя, къ сожалѣнію, онъ отчасти поврежденъ. Мы бы читали его такъ: Nexum Manilius scribit omne quod per libram et aes geritur, in quo sint mancipia; Mucius, quae per aes et libram fiant, ut obligetur [7]), praeterquā

---

[5]) II, 1, S. 223 f.

[6]) Сверхъ указанныхъ выше мѣстъ Ливія (II, 24) и Діонисія (VI, 29 in.) Швеглеръ приводитъ еще Діонисія VI, 41, 3 и Liv. VI, 20.

[7]) Такъ Mommsen. Въ рукоп.: „obligentur". Если удерживать послѣднее (подразумѣвая „homines"), то дальше приходится измѣнять „detur" на „dentur". Совершенно недопустимо толкованіе Шлосмана (*Altröm. Schuldrecht u. Schuldverfahren*, Leipz. 1904, S. 29), будто подлежащимъ къ „obligentur" служитъ „quae". При Сцеволѣ говорили еще только *obligare aliquem* и допускалось безличное *obligari*.

ut [8]) mancipio detur. Hoc verius esse ipsum verbum ostendit, de quo quaerit [9]); nam <*quidquid*> id est, quod obligatur per libram: „nec suum“ fit [10]), inde „nexum“ dictum. Liber qui suas operas in servitutem pro pecunia *p(rae)stare* [11]) debebat dum solveret, „nexus“ vocatur, ut ab aere „obaeratus“. Hoc C. *Poetelio* <*Li*>*none Visulo* [12]) dictatore [13]) sublatum ne fieret, et omnes, qui bonam copiam iurarunt [14]), ne essent nexi, dissoluti. Мѣсто Варрона, если его вѣрно понимать, и наводитъ на то положеніе, что хотя путемъ nexum [15]) и закладывали свое *тѣло* въ обезпеченіе уплаты по долговому обязательству, однако соотвѣтственная сдѣлка per aes et libram не обнимала вовсе залога патримоніальнаго *имущества* [16]). Правда, еще Schlossmann въ доказательство противнаго сличаетъ вслѣдъ за Швеглеромъ рядъ текстовъ изъ первой декады Ливія, въ родѣ Liv. II, 23: „ait se militantem... aes alienum fecisse: id, cumulatum usuris, primo se agro paterno avitoque exuisse, deinde fortunis aliis, postremo, velut tabem, pervenisse ad corpus“. Но анахронизмъ подобнаго описанія бросается въ глаза: источники Ливія составляли ихъ въ эпоху, когда nexum не только перестало быть единственнымъ способомъ заключить долговое обязательство, но существовало лишь, какъ пережитокъ, и когда, съ другой стороны, поземельная собственность стала давно индивидуальною [17]).

---

[8]) Рукоп.: „praeter quam“ („praeterquam *quod*“ Turnèbe).

[9]) Такъ cod. F(lorentin.) s. XI; „quaeritur“ *edd. ante Spengel.*

[10]) Рукоп.: „neque suum fit“. Исправилъ Schlossmann. Ясно, впрочемъ, какъ замѣтилъ уже Huvelin (s. l. „*Nexum* ou *Nexus*“ у Daremberg, *Dictionnaire des antiquités*), что Варронъ разумѣлъ не вещь, а лицо, ибо „nec suum“ значитъ: „non sui iuris“. Средній родъ „id est“ (примѣнительно къ чему мы вставили „quidquid“, т. е.: „будь ли то юридическое *caput* или физическая особь, *corpus*), объясняется не столько аттракціей къ слову „nexum“, сколько тѣмъ, что тутъ говоритъ самъ Варронъ (стало быть—языкомъ своего времени), а не Mucius personatus.

[11]) Рукоп.: „quam“. Ant. Agustin: „pro pecunia, quam *debe(at.) dat*“. Turnèbe: „quam debebat, <*dabat*>“.

[12]) Такъ Lachmann. Въ рукоп.: „c. popillio uocare sillo“.

[13]) См. Mommsen, *R. Forsch.* II, 242 ff. о сомнительности этой диктатуры.

[14]) Schwegler: „d. h. die ihre Zahlungsfähigkeit eidlich erhärten würden“. Онъ держался чтенія: „ut—iurarent“.

[15]) Правильно Huvelin: „*Nexum*, comme *mancipium*, désigne donc à la fois un acte juridique et l'homme qui en est l'objet“.

[16]) Корректнѣе въ извѣстномъ смыслѣ говорилось въ пересказѣ эдикта 495 г. о перешедшихъ во владѣніе кредитора или продаваемыхъ имъ *bona* должника, хотя, съ другой стороны, самымъ *nexum per aes et libram* такъ же мало предусматривалась переуступка правъ на собственность бонитарную, какъ и на квиритарную.

[17]) Huvelin: „il y a une bonne raison pour exclure le *nexum* portant sur des

Отклоняя ту интерпретацію занимающаго насъ децемвиральнаго текста, какую развиваетъ г. Алексѣевъ [18]), мы должны, однако, замѣтить, что въ двухъ пунктахъ сходимся съ авторомъ: во первыхъ, и намъ всегда казалась неубѣдительною перестановка „XV pondo, ne *maiore*, aut, si uolet, *minore*" [19]); во вторыхъ, ключъ къ правильной экзегезѣ, и по нашему мнѣнію, кроется въ отнесеніи сказуемаго условнаго предложенія передъ „maiore" къ должнику [20]). Только мы, все же, не сомнѣваемся въ необходимости эмендаціи, тогда

---

res in patrimonio; elle se tire de la copropriété familiale qui, selon toute vraisemblance, pesait anciennement sur les *res mancipi*, et qui devait constituer un obstacle à l'*engagement* de ces choses par voie de *mancipation. Tout porte à croire qu'on a pu manciper son corps longtemps avant de pouvoir manciper ses biens*". Французскій ученый правъ, не проводя различій между патриційскою (гентильной. фамильной) собственностью и личною собственностью плебея: для юридической реконструкціи „nexi" важно, что оно—институтъ чисто патриційскій, въ которомъ ничего не измѣняютъ до такъ называемой l. Poetelia Papiria. Только его сфера дѣйствія расширяется, при томъ— внѣшнимъ образомъ вслѣдствіе распространенія на плебеевъ, по существу же благодаря тому, что, съ возникновеніемъ другихъ обязательственныхъ формъ, къ *nexum* стали прибѣгать даже „несостоятельные" должники, дабы остановить личную или реальную экзекуцію: теперь отсрочка давалась, дѣйствительно, при условіяхъ, упоминаемыхъ у Ливія слишкомъ рано (II, 23). Ср. у него VI, 14. VII, 19. VIII, 28: въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ говорится уже о лицѣ, которое отдаетъ себя въ кабалу за долги отца; въ связи съ разумѣемымъ разсказомъ и находится Ливіева мотивировка послѣдовавшаго наконецъ преобразованія: „iussique consules [c. 23: „interrex—consules creat C. Poetelium, L. Papirium Mugillanum. Cursorem in aliis annalibus invenio"] ferre ad populum, ne quis, nisi qui noxam meruisset, donec poenam lueret, in compedibus aut in nervo teneretur; *pecuniae creditae bona debitoris, non corpus obnoxium esset.* Ita nexi soluti, cautumque in posterum, ne necterentur".

[18]) Спрашивается, между прочимъ, какъ совмѣстить мнимое издѣвательство римскаго закона надъ *nexi* съ той „eleganti atque absoluta brevitate verborum", которую, по примѣру Секста Цецилія (ap. Gell. XX, 1, 4), г. Алексѣевъ называетъ „характернѣйшей чертой" XII таблицъ. И мыслимо ли, чтобы вплоть до позднѣйшихъ временъ римской литературы никто не констатировалъ недостойнаго пріема, внесеннаго будто бы въ законодательный слогъ децемвирами?

[19]) Такъ какъ „XV pondo"=4, 91 kilo (не совсѣмъ 12 ф.), то подобная максимальная цифра даже сама по себѣ невѣроятна (Voigt *die XII Tafeln* I, 624, A. 6; онъ, впрочемъ, такой вѣсъ считаетъ и какъ „Minimalgewicht" непонятнымъ: но см. текстъ Ливія XXXII, 26, 18, приведенный у M. Hertz).

[20]) Ничѣмъ наружно не обозначенная смѣна подлежащихъ явленіе въ XII таблицахъ, въ самомъ дѣлѣ, обычное: Si in ius vocat (*истецъ*), ito (*отвѣтчикъ*). Ni it (*о.*), antestamino (*и.*) и т. д.

какъ г. Алексѣевъ „подобныхъ методологическихъ пріемовъ" не одобряетъ [21]).

Мы на лекціяхъ своихъ предложили нѣкогда произвести одно незначительное буквенное измѣненіе въ цитатѣ у Геллія. Прочитавъ разсужденіе г. Алексѣева, мы вспомнили объ этой догадкѣ и позволяемъ себѣ сообщить ее здѣсь, при чемъ, впрочемъ, присовокупляемъ и другую модификацію рукописнаго преданія въ той-же фразѣ. Въ общемъ получилась бы редакція: „uincito aut neruo aut compedibus [22]): quindecim pondo, ne minore; *ast nolet*, maiore uincito. Si uolet, suo uiuito" eqs. Тутъ „ast nolet" значитъ: „а если станетъ сопротивляться" [23]).

Въ традиціонное „aut si" могло съ легкостью исказиться „ast" при посредствѣ нерѣдкаго „adst". Въ архаической латыни „ast" значитъ ἐὰν δέ. Изъ XII таблицъ приводится: „cui [24]) auro dentes uincti escunt, ast im cum illo scepeliet uretne, se fraude esto" [25]); и: „Si furiosus escit, adgnatum gentiliumque in eo pecuniaque eius potestas esto [26]); ast ei custos nec escit, *<constringito>*" [27]). Сл. изъ такъ называемой lex Serv. Tull.: „si parentem puer verberit, ast olle plorassit, puer divis parentum sacer esto" [28]).

По существу сличить нужно тѣ отрывки XII таблицъ, въ которыхъ отмѣчается, что противодѣйствіе, оказываемое процессуальному порядку, влечетъ за собой отягченіе процедуры: „Si calvitur pedemve

---

[21]) Тѣмъ не менѣе и онъ справедливо признаетъ вслѣдъ за другими словà „qui eum vinctum habebit" пояснительной вставкой Геллія въ текстъ децемвировъ.

[22]) Saumaise, между прочимъ: „compede". Но тогда скорѣе уже годилось бы: „vincito... compede crus" (Plaut. *Pseudol.* IV, 7, 80: „Ubi suram aspicias, scias posse eum gerere crassas compedes"). За множественное число говорить, однако, Cato ap. Gell. XI, 18, 18, Liv. VIII, 28 (см. выше, пр. 17) и Gell. XX, 1, 44.

[23]) Т. е. если должникъ станетъ сопротивляться наложенію на него цѣпей.

[24]) Т. е.: „si cui" (ср. „qui malum carmen incantassit", „qui se sierit testarier").

[25]) Ap. Cic. *de legg.* II, 24, 60.

[26]) Ap. Cic. *de inv.* II, 50, 148 (auct. *ad Her.* I, 13, 23).

[27]) Словà „ast ei custos nec escit" приводитъ Фестъ p. 162. Ихъ напрасно Шёллъ вставлялъ послѣ „si furiosus escit". Поставилъ ихъ непосредственно послѣ „potestas esto" Voigt, который хорошо дополнилъ также „constringito", coll. Cic. *Phil.* II, 38, 97, *in Pison.* 20, 48 (см. *die XII Taf.* II, S. 733, A. 12).

[28]) Ap. Fest. p. 230 M.

struit, manum endoiacito" [29]); „Si morbus aevitasve vitium escit, [qui in ius vocabit] iumentum [30]) dato. Si nolet [31]), arceram ne sternito" [32]).

VI.

Dracont. *de laudib. Dei* II, 134 sq. Vollmer [33]):

> *Sanguis insolitis* solitus decurrere [34]) sanguis
> De muliere perit, dempto *simul* amne cruoris.

Arevalo (ed. Rom. 1791): „*Sanguinis insoliti* [35]) s. discurrere *fluxus*". Peiper: „*Inguinis* insoliti", Vollmer: „*Fluctibus* vel *Mensibus* opinor, vix *Annis*". Мы бы читали:

> *Longius undenis* solitus decurrere sanguis
> De muliere [36]) *annis* dempto perit amne cruoris.

Воспроизводится изложеніе ев. Луки 8, 43 — 44: Καὶ γυνὴ οὖσα ἐν ῥύσει αἵματος ἀπὸ ἐτῶν δώδεκα, ἥτις ἰατροῖς προσαναλώσασα ὅλον τὸν βίον οὐκ ἴσχυσεν ὑπ᾽οὐδενὸς θεραπευθῆναι, προσελθοῦσα ὄπισθεν ἥψατο τοῦ κρασπέδου τοῦ ἱματίου αὐτοῦ· καὶ παραχρῆμα ἔστη ἡ ῥύσις τοῦ αἵματος αὐτῆς. Еслибъ Драконтій руководствовался ближайшимъ образомъ повѣствованіемъ ев. Марка, то не сказалъ бы „dempto — *amne* cruoris"

---

[29]) Ap. Fest. p. 313.

[30]) Gell. XX, 1, 28: „Iumentum — non id solum significat, quod nunc dicitur, sed vectabulum etiam, quod a iunctis pecoribus trahebatur".

[31]) Это значитъ тоже: „если онъ станетъ упираться", на что доселѣ какъ будто не обращено вниманія. Связь мыслей слѣдующая: больному и старику полагается, во всякомъ случаѣ, повозка (iumentum), но „если онъ будетъ оказывать сопротивленіе, то не стлать ему рыдвана". Gell. l. l.: „Arcera autem vocabatur plaustrum tectum undique et munitum, quasi arca quaedam magna, vestimentis instrata, qua nimis aegri aut senes portari cubantes solebant". Репитентъ обѣихъ категорій лишался, слѣдовательно, права на крытый экипажъ съ мягкой настилкой.

[32]) Ap. Gell XX, 1, 25. Слова: „qui i. i. voc." выключилъ Шёллъ.

[33]) Monum. German. hist., auctor. antiquiss. t. XIV: Merobaudes, Dracontius, Eugenius Toletanus. Berol. 1905.

[34]) Такъ A (*excerpta Alconii in cod. Bamb. s. X*). Въ B(*rux. s. XII*): „discurrere".

[35]) Такъ третья рука въ Vatic. XV в.

[36]) Удлиненіе предпослѣдняго слога у писателей данной эпохи тутъ обычно. Ср. у самого Драконтія *Satisfact.* 161: „muliere creatus" (въ концѣ гекзаметра) *Hel. rapt.* 508: „Ut sensit fragiles mulieris pectore sensus". *Orest.* 661: „mulierem sternere turpem".

(что̀ соотвѣтствуеть выраженію Луки: ἔστη ἡ ῥύσις τοῦ αἵματος), а напримѣръ: „perit hausto *fonte* cruoris“ (Marc. 5, 29: καὶ εὐθέως ἐξηράνθη ἡ πηγὴ τοῦ αἵματος αὐτῆς). Но двѣнадцатилѣтняя продолжительность кровотеченія указана какъ у ев. Луки, такъ у ев. Марка 5, 25 и у ев. Матѳ. 9, 20.

VII.

Dracont. *Hylas*, 62 sqq. (*говоритъ Венера Эроту*): Quas [37]) ure sagittis, Corda vel illarum continge veneno: Noscant quid sit amor, discant tua tela [38]). Alcidis comes est comis puerilibus annis... Hoc puero viso Nympharum turba calescat.

Вѣроятно, читать слѣдуетъ:

Noscant quid sit Amor, discant tua tela ⟨*sub antris*⟩.
Alcidis comes est comis puerilibus annis.

VIII.

Dracont. *Hyl.* 80 sq.: (Эротъ) nemus intrat opacum, Moxque dei vultus *vestivit* imago *Naidis*.

Baehrens: „imago *Napaeae*“, Peiper: „*Dryadis* vestivit imago“. Что „Naidis“ пояснительная приписка, проникшая въ текстъ съ сугубымъ поврежденіемъ размѣра, когда выпало подлинное слово, не подлежитъ, конечно, сомнѣнію. Только мы убѣждены, что и „vestivit“ испорчено: Предшествуетъ “intrat“, слѣдуетъ тоже цѣлый рядъ формъ настоящаго времени. Ожидается поэтому „vestit“. Не создавала бы, повидимому, неудобствъ редакція:

nemus intrat opacum
Moxque dei vultus vestit ⟨*silvestris*⟩ imago.

IX.

Dracont. *rapt. Helenae* 8 sqq.: pater est fons, auctor, origo, Sed nihil est matre pater: quota portio patris Omnis constat homo? mater fit tota propago.

Iannelli: „nihil est ⟨*prae*⟩ matre pater“; Duhn: „⟨*sine*⟩ matre“. Кажется: „nihil est ⟨*plus*⟩ matre pater“.

---

[37]) Нимфъ рѣки Пенея.

[38]) Пробѣлъ въ концѣ стиха восполняли различно. Duhn: „puellae“, Baehrens: „per ossa“, Petschenig: „vereri“, Vollmer: „*possis alia velut* perustae loquaces *vel* nocere *sim*“.

X.

Dracont. *rapt. Helenae* 11—15: Ergo nefas Paridis, quod raptor gessit adulter, Ut monitus narrare queam, *te* [39]), grandis Homere, Mollia blandifluo *delimas* verba palato: Quisquis in Aonio *descendit* fonte poeta, Te numen vult esse suum.

Нельзя ли:

Ergo nefas Paridis, quod raptor gessit adulter,
12 Ut monitus narrare queam, te*r* grandis Homere,
Mollia blandifluo de*s* li*ba*(*n*)s verba palato:
Quisquis in Aoni*is* *res*tin*g*it font*ib*(*us*) *aes*tu(*m*),
15 Te numen vult esse suum.

Передъ прилагательнымъ и въ классической латыни употребительно „ter“, напр.: „O ego ter felix“ и т. п. по греческому образцу. И вокативное „ter grandis“ соотвѣтствовало бы греческому τρισμέγιστε. Относительно v. 14 ср. Iuvenal. 7, 58: aptusque bibendis fontibus Aonidum.

XI.

Dracont. *rapt. Helenae* 41 sqq.: damnantur morte parentes, Damnantur fratres et quisquis *in morte* propinquus Aut cognatus erat, cunctos mors explicat [40]) una. Atque utinam infelix urbs tantum *morte* [41]) periret! Damnantur gentes, damnatur Graecia sollers,...orbatur Eous [42]) eqs.

Duhn читалъ: „in urbe“ (но v. 44 „urbs“ уже имѣется); Rossberg: „in arce“; Peiper: „in orbe“, Baehrens: „sorte“; Ellis: „amore“. Намъ приходило въ голову: „et quisquis *utri*(*m*)*que* propinquus Aut cognatus erat“, т. е. со стороны отцовской и материнской.

Въ 44-омъ стихѣ *cod. Neapolit.*, служащій основой рецензіи, даетъ: „Aqȝ utinam infoelix“, а на поляхъ приписку „Troia“. Уже Iannelli исправилъ: „Atque utinam“, но, вопреки почину Беренса къ эменда-

---

39) Iannelli: „tu“. Baehrens: „des“. Vollmer воспользовался случаемъ предположить анаколуѳъ.

40) Iannelli: „implicat“, но Vollmer справедливо указалъ на Stat. *Silv.* V 3, 261. Смерть *выпрямляетъ* тѣла, т. е. придаетъ имъ окаменѣлый видъ, уничтожая мягкость, закругленность очертаній.

41) Беренсъ: „Marte“.

42) Iannelli: „orbatur *et Eos*“. Но ср. Dracont. *Med.* 102 sq.: „Aurora capillos Pectinat ante diem, quae mox perfundet Eoum“ („обитателя восточныхъ странъ“).

ціи, „Troia" все признаютъ глоссой къ „urbs". Между тѣмъ „morte" недопустимо: не только vv. 41 и 43 читается уже „morte" и „mors", но требуется чисто географическое противопоставленіе Элладѣ и Востоку. Да и „*morte* perire" о *городѣ* значило бы здѣсь: „о если-бъ одни жители умерли, а не погибъ бы также городъ отъ огня, какъ было на дѣлѣ", а это уничтожало бы даже связь „tantum" съ „urbs", несомнѣнную въ виду дальнѣйшаго *gentes*, *Graecia*, *Eous*. При такихъ условіяхъ, мы склонны считать маргинальное „Troia" глоссой къ сочетанію слова „urbs" съ тѣмъ эпитетомъ, который, исказившись, и былъ замѣненъ наконецъ словомъ „morte". Авторъ могъ написать: „Atque utinam infelix urbs tantum *Teucra* periret!".

XII.

Dracont. *rapt. Helenae* 133 (Helenus кончаетъ свое прорицаніе о гибели Трои стихомъ):

Me fortuna potens et Pyrrhus ingens exspectat.

Iannelli: „Me f. p. exspectat Pyrrhus et ingens"; Bücheler: „Me exspectat F. p. et regia Pyrrhi"; Baehrens: „Me exspectat F. p. Epirus et ingens". Vollmer: „Me exspectat f. p., vos Pyrrhus et ignis". Послѣднее уже потому невѣроятно, что предшествуетъ (v. 122 sq.) упоминаніе пожара. Мы предпочли бы.

Me exspectat fortuna potens et *Scyrius* ingens.

Онъ былъ сыномъ Деідаміи. Cf. Sen. *Troad.* 976: „Te (Андромаху) sorte prima Scyrius iuvenis tulit. *P. L. M.* IV, n. 357, 3: „nymphigenae". У Драконтія сл. *Med.* 331 sq.: „ignovit Lycomedes... et Pyrrhum suscepit avus".

XIII.

Dracont. *deliber. Achill.* 1—3: Si decus est virtus et praemia cuncta meretur, Si meritum *post pama* manet, si fama superstes Eminet et gaudet titulis ornare sepulchra, Annue quod petimus eqs.

Приглашается Ахиллесъ отдать за выкупъ тѣло Гектора Пріаму. Во 2-омъ стихѣ читаютъ Бюхелеръ: „*postrema*", Duhn: „post *fata*", Rossberg: „meritum post *palma* m.", Baehrens: „m. p. *fama* m." [43]), Vollmer: „p. *prima* manet" [44]). Намъ тоже „prima" представляется

[43]) И Rossberg. и Baehrens ставятъ „meritum" въ зависимость отъ „post".

[44]) Онъ это самъ комментируетъ такъ: (p. 394): „post prima(*i. postquam egregia ipsa periere...*)".

вѣрно угаданнымъ. Мы, однако, не миримся и съ „post“, а полагали бы, что читать слѣдуетъ:

> Si meritum *sors prima* manet, si fama superstes
> Eminet eqs.

„Sors manet“ употреблено съ винит. падежомъ у Драконтія еще *Orest.* 183: „Sors pariter nos una manet“ и 760: „Consortes scelerum quia sors manet una malorum“.

XIV.

Dracont. *Orest.* 71—73 (Агамемнонъ пригнанъ бурей на таврическій берегъ: въ храмѣ онъ узнаетъ дочь и спрашиваетъ у нея): „...qua sorte manes a matre dirempta Ad delubra deae *posterarū* tempora *uita* Et. quod plus miror per.......sacra Dianae?“ [46]).

Не будетъ ли допустимо чтеніе:

> qua sorte manes a matre dirempta,
> Ad delubra deae *pharetratae* tempora ui(*nc*)ta
> Et, quod plus miror, per <*barbara*> sacra Dianae?

Ср. Dracont. *Med.* 64 sq.: „Templa pharetratae contemnat virgo Dianae, Despiciat delubra deae“ (Ov. *Tr.* IV, 4, 63 sq.: „Taurica dirā Caede pharetratae spargitur ara deae“). Относительно „per“ см. index Vollmer'a s. l. Итакъ, Агамемнонъ дивится главнымъ образомъ тому, что гречанка Ифигенія состоитъ жрицей какъ разъ при такомъ святилищѣ Діаны, въ которомъ приносились греки въ жертву богинѣ. Что касается „barbara“, то сл. Ov. *ex* P. III, 2, 77 sq. (говоритъ Ифигенія): „Non ego crudelis, iuvenes: ignoscite, dixit, *Sacra* suo facio *barbariora* loco“.

XV.

Въ 1904 г. проф. А. Міодонскій опубликовалъ и снабдилъ интереснымъ критическимъ и экзегетическимъ комментаріемъ нѣсколько дотолѣ неизданныхъ латинскихъ стихотвореній итальянскаго гуманиста

---

[46]) Такъ Bernensis IX в., только что въ 73-емъ стихѣ передъ пробѣломъ (въ семь буквъ) не „per“ собственно, а обычное сокращеніе („p“. перечеркнутое ниже строки). Предложено: v. 72: posita per tempora vitta (Schenkl), prostrata in tempora vitae (Bücheler), postremum tempora vincta (Vollmer, причемъ *vincta* изъ Ambrosian. s. XV); v. 73: per <*Taurica*> sacra D. (Schwabe), per<*iniquae*>s.D. (Baehrens), per(solvens)s.D. (Bücheler).

Филиппа Буонаккорси, извѣстнаго подъ названіемъ Филиппа Каллимаха [46]). Самое большое изъ нихъ озаглавлено „Evocatio ex rure in civitatem pro Natali Christi ad Gregorium Sanoceum, Leopoliensem Archiepiscopum Reverendissimum“. Написано оно, какъ думаетъ издатель, въ 1471 г. Стихи 52—59 напечатаны такъ:

iam nulla est gratia campis,
Iam furor arctoi boreae fontana repressit
Murmura et ex omni decussit stipite frondes.
55 Omnia iam simili squalent horrore geluque:
Ignibus et tecto moderandum; rursus ad urbem
Te vocat aurati donec per cornua tauri
Phoebus agat currus, Zephyrusque remulceat hortos,
59 Vxorisque tuae tellurem dotibus ornet.

Намъ кажется, что подлинный текстъ гласилъ:

Omnia iam simili squalent horrore geluque:
56 Ignibus et tecto moderandum *frigus* ad urbem
Te vocat, aurati donec per cornua Tauri
Phoebus agat currus, Zephyrusque remulceat hortos
59 Vxorisque *suae* tellurem dotibus ornet.

Изъ аппарата у проф. Міодонскаго видно, что v. 59 въ рукописяхъ и читается „sue“. Отступилъ издатель отъ преданія и конъицировалъ „tuae“, полагая, что Каллимахъ женой архіепископа называетъ его дачу. Но рѣчь идетъ о женѣ Зефира, т. е. о богинѣ Flora (donec uxoris suae dotibus, i. e. floribus, Zephyrus ornet tellurem). Ср. хотя бы Ovid. *Fast.* V, 201—212.

XVI.

Въ VI-мъ стихотвореніи того же сборника („ad Cupidinem“) Филиппъ Каллимахъ въ изд. проф. Міодонскаго говоритъ (3—6):

Inde ego iam dudum monitus tua castra reliqui
4 Et nequeo sortis *immemor* esse meae.
Quid, fallax, iterum blando me cernis ocello
6 Tectaque iocundo porrigis *ora* cibo?

---

[46]) Adam Miodoński, Philippi Callimachi et Gregorii Sanocei carminum ineditorum corollarium (t. XXXVI Rozpraw wydziału filolog. краковской академіи). Этотъ Каллимахъ имѣлъ большое вліяніе на развитіе польскаго гуманизма. Будучи еще учителемъ сыновей Казиміра IV, онъ выполнялъ разнообразныя его дипломатическія порученія, а при Янѣ-Ольбрахтѣ пріобрѣлъ серьезное политическое значеніе (онъ былъ сторонникомъ усиленія королевской власти и однимъ изъ талантливѣйшихъ предшественниковъ Маккіавелли).

Въ 4-мъ стихѣ размѣръ нарушенъ тѣмъ, что слѣдующее за „sortis" слово начинается гласнымъ. Стихъ 6-ой въ данной редакціи не даетъ удовлетворительнаго смысла („tecta cibo ora porrigere"). Возстановить должно:

tua castra reliqui
Et nequeo sortis *nil* memor esse meae.
Quid, fallax, iterum blando me cernis ocello
Tectaque iocundo porrigis *aera* cibo?

Когда „nil memor" исказилось въ „immemor" (cod. A), то это было измѣнено въ „non memor" (codd. DEF). Затѣмъ, *ora* (A) переправили въ *era* уже списки DEF. Сл. Ov. *Remed. am.* 210: „Abdere *sub parvis* (supremis *libri, corr. Bentl.*) aera recurva cibis". *M.* VIII, 856: „Aera cibo celas, moderator harundinis". *Fast.* VI, 240: „Quique tegunt parvis aera recurva cibis", *ex P.* II, 7, 10: „unca cibis aera subesse putat". Claudian. *c. min.* 49, 13: „vestita cibis... aera".

XVII.

Тамъ же, vv. 13—16 въ cod. *A* воспроизведены такъ: „Ecce iubes levibus traducam tempora curis: Sacculus id *vacuus et* toga *lassa* [47]) vetat. Tu minimum dormire *iubes* suadesque puellae Cum forma repetam singula facta meae".

Не читать ли:

Ecce iubes levibus traducam tempora curis:
Sacculus id vacuus ‹*me*› et toga la*e*sa vetat.
Tu minimum dormire *sinis* suadesque puellae
Cum forma repetam singula facta meae.

XVIII.

Тамъ же, vv. 19—20: Quid nisi militia est tenerae servire puellae Et bellum *feriis* tempus in omne vacans.

Въ предисловіи (p. 401) проф. Міодонскій высказываетъ предположеніе, что Каллимахъ дѣйствительно сократилъ по ошибкѣ первый слогъ въ „feriis". Но если авторъ хотѣлъ употребить это слово, то его остановило бы Hor. *c.* IV, 5. 37: „Longas o utinam, dux bone, ferias, Praestes Hesperiae" (вѣдь у дактиликовъ „feriae" не встрѣчается). Намъ приходило въ голову:

[47]) Въ прочихъ спискахъ „trita" (изъ v. 35), что принялъ въ текстъ проф. Міодонскій.

Et bellum *requie* tempus in omne vacans.

Мыслимо, впрочемъ, и „frenis".

XIX.

Тамъ же, v. 43, cod. *A* даетъ: „Cur medios *rumpunt* suspiria fortia somnos?" Въ прочихъ: „agitant", что и предпочелъ проф. М. Но „rumpunt" видимо искажено изъ „pungunt", что Ф. Каллимахъ сказалъ примѣнительно къ Проперцію III, 8, 27: pungunt suspiria somnos (слова Проперція цитуетъ и проф. Міодонскій).

XX.

Въ VII-омъ стихотвореніи того же сборника („ad Musas") читается такой hendecasyllabus (v. 9):

Et quantum Dryadum Oreadumque quantum.

Должно быть, Ф. Каллимахъ написалъ:

Et quantum Dryadumque Oreadumque
Nympharumque Aquiloniis in oris [48]).

XXI.

Ianicii *Trist.* 7, 49—58: Carmina cum pleno recitavi prima theatro, Addideram menses ad tria lustra novem... Et placui vulgo—non quod placuisse merebar: Spes bona de puero causa favoris erat. Ex illo princeps aequales inter haberi Coepi et doctori carior esse meo. *Hinc degustatae laudis rapiebar amore, Hoc magis et natus laudis amator eram.* [49]).

Поражаетъ въ послѣднемъ двустишіи тавтологія („laudis rapiebar amore: Hinc magis—laudis amator eram"). Кромѣ того, *natus* не мирится съ контекстомъ. Поэтъ сказалъ повидимому:

---

[48]) Тутъ же, v. 13, необходимо сохранить „alterare" въ виду размѣра.

[49]) Klemens Ianicki род. 1516, былъ сынъ крестьянина, учился съ 1538 г. въ Падуанскомъ университетѣ у Лазаря Бонамико, по ходатайству кардинала Bembo былъ увѣнчанъ Павломъ III, и въ 1540 г. какъ poeta laureatus и докторъ философіи вернулся на родину. Но уже въ Италіи онъ тяжко захворалъ и послѣдніе годы жизни провелъ въ Краковѣ среди непрерывныхъ страданій. Онъ умеръ въ 1543 г. Онъ издалъ въ 1542 г. сборникъ своихъ стиховъ (Tristium liber, Variarum elegiarum liber, Epigrammatum liber).

Hinc degustatae lau*rus* rapiebar amore.
Hoc magis et na*mus* laudis amator eram.

Вкусивъ прелести поэтическаго творчества (вдохновленности), [50]) онъ сталъ тѣмъ энергичнѣе добиваться славы на этомъ поприщѣ [51]).

XXII.

Sarbiev. *Iter Roman.*, 47—50: Hic mihi flammantes incandescebat ad aestus Et subito totum langiiit igne caput: Prae foribus malesana febris iam stabat et ingens *Indeplorati* corporis ardor erat.

Кажется, подходило бы:

et ingens
Inde *colorati* corporis ardor erat. [52])

XXIII.

Sarbiev. *Lyric.* I 9, 41—44: Illam (*sc. Virtutem*) cana Fides nudaque Veritas Et ferrugineae plebe pecuniae Circumfusus *Honor* et sequitur prope Albis Fama iugalibus.

---

[50]) Ovid. *ex Ponto* II, 5, 67: „gustata est laurea nobis". Tibull. II, 5, 63 sq. Iuven. VII, 19 (Fragm. Sophocl. ap. Schol. Hesiod. *Theog.* 30, Lycophr. *Alex.* 6. Lucian Δὶς κατηγ. 2. Anthol. Pal. IX, 64. Hymn. ap. Abel *Orphic.* p. 288). Ср. *Apocal.* 10, 9—11 (Ezech. 2, 8—3, 4),

[51]) Тутъ же отмѣтимъ, что мы бы рекомендовали еще слѣдующія поправки къ тексту Яницкаго: *Trist.* 2. 83: „Neve queri *mens* („mihi" *edd.*) sit", 101: „Semper ades *faucasque*, precor" („faciasque, pr." *edd.*); 6, 90: „patronum subsequar et res-*Sollennes* („Cōmunes" *edd.*) illi, quando vacabit, agam" (въ качествѣ секретаря); 7, 35 sq.: „Tum primum nomen magni immortale Maronis Audivi et nomen, Naso *fugate*, tuum" („N. beate t." *edd*; cf. Ov. *Tr.* II, 193. V, 8, 37. *ex Ponto* III, 5, 21, IV, 14, 59; менѣе насъ удовлетворяло бы: „Naso *iocate*", на что̀ могло бы навести Ov. *Tr.* V, 1, 20); 7, 77 sq.: „Voti compos eo ingenuas *uenerator* („mercator" *edd*). ad artes Et fieri Euganeae Palladis hospes amo" (не рѣшаемся предложить: „inhiator"). 10, 1: „Ibis iter longum, mihi taedia longa relinquens („relinques *edd.*), Ut patriae videas dulcia rura tuae".

[52]) Тутъ же, v. 122, вмѣсто: „*Indesolatis* hospita lustra feris", ожидается: „*Investigatis* h. l. feris". Тамъ же, v. 165 sq. преданіе гласитъ: „Suspiro (при безсонницѣ) roseoque pigram Tithonida („Tritonida" *vulgo, corr. ed. Starav.* p. 510) lecto Et queror *immites* stertere Solis equos". Мы бы предпочли: „*emeritos*—Solis equos" (Ovid. *Fast.* IV, 688: „Dempserat emeritis iam iuga Phoebus equis" и т. п.). Тамъ же, v. 234: „Quantaque vicinis *invidet* aula polis" (о Ватиканѣ), если не ошибаемся, испорчено. Намъ приходило въ голову: „assidet" и: „se inserit". Возможно, однако: „vicinos *en* videt aula polos". Тамъ же, v. 257 sq. (о „collegium Romanum") чита-

Возстановить должно „Honos", чѣмъ устранится просодическая натяжка. По существу замѣтимъ, что „окруженный чернью мѣдной монеты Почетъ" означаетъ благородную бѣдность въ отличіе отъ любостяжанія, о которомъ говорится v. 17 sqq.: „At tu nec studio mercis idoneus Infamisque lucri nec sitiens opum" eqs.

XXIV.

Въ „Замѣткахъ ко второй книгѣ Стаціевыхъ Сильвъ" (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, окт. 1904) мы въ § XIII, предложили къ стиху *Silv.* II, 6, 54 „Dignus et *Haemonium* Pyladen praecedere fama Cecropiamque fidem" догадку, которая создастъ избѣгаемое Стаціемъ явленіе (спондейное слово въ первой стопѣ). Поэтому мы предпочли бы теперь:

Dignus et *unanimum* Pyladen praecedere fama.

Ср. *Silv.* V, 1, 176: „unanimum moriens solatur amantem"; 2, 155: „unanimi comes indefessus amici". *Theb.* IX, 169. X, 727: „unanimi—fratris". Ovid. *Trist.* IV, 4, 72 (Объ Орестѣ и Пиладѣ): „Qui duo corporibus mentibus unus erant" (*ex P.* 3, 2, 80).

XXV.

По поводу высказаннаго въ § XX, „Замѣтокъ къ второй книгѣ Стаціевыхъ Сильвъ" (*Журн. Мин. Нар. Пр.* окт. 1904) предположенія, что „*dulcibus* teatris" *Silv.* II, 7, 58 можно бы толковать о намекѣ на симпатіи Лукана къ тому театру, который былъ названъ по имени Помпея, Ѳ. Е. Коршъ высказываетъ справедливыя сомнѣнія, въ виду которыхъ мы бы предпочли теперь догадку:

Ingratus Nero *plaus*ibus theatri
Et noster tibi proferetur Orpheus.

Ср. Lucan. I, 133: „plausuque sui gaudere theatri" (*о Помпеѣ*). VII, 9—12: „Pompeiani visus sibi sede theatri Innumeram effigiem Romanae cernere plebis Attollique suum laetis ad sidera nomen Vocibus, et plausu cuneos certare sonantes". Verg. *Georg.* II, 508 sqq., Hor. *c.* I, 20, 3 sq.: „datus in theatro Cum tibi plausus" (II, 17, 25 sq.), Mart. V, 10, 9: „plausere theatra Menandro", VII, 64, 9, Stat. *Theb.*

ются такъ: „Hic in Apollineos *aliam* Parnassida ludos Hippocreneae constituere deae". Проф. М. Езеницкій исправилъ: „*Sedem* P.", что наводитъ на догадку: „in Apollineo *sellam* Parnassida ludo" (cf. Verg. *A* XI, 334: „sellam regni", также курульную sella при юрисдикціи и т. п.). Тамъ же, v. 261, читай: „Nicoleon ⟨*nam*⟩ ipso".

VII, 18 sq.: „tot instant Plausibus“, Claud. *cons Stil.* II, 174 sq.: „nomen ubique Plausibus ...celebrant“, 403: „Pompeiana dabunt quantos proscaenia plausus“ и т. п.

XXVI.

Къ Stat. *Silv.* V, 3, 98 sq.: „Et quis lasciva vires tenuare Thalia Dulce vel *oroos* gressu truncare *leones*“ мы въ декабрьской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1904 г. (§ XXVII „Замѣтокъ“) высказали догадку: „Dulce vel *heroas* gressu truncare *sorores*“. Ѳ. Е. Коршъ любезно сообщилъ намъ къ этому мѣсту слѣдующее соображеніе: не былъ ли въ архетипѣ конецъ стиха надстрочно глоссированъ именемъ музы, которое затѣмъ проникло въ текстъ и породило дошедшее „leones“?

Намъ это представляется въ высокой степени вѣроятнымъ. Процессъ порчи сразу будетъ разъясненъ, если его изобразить такъ:

vires tenuare Thaliae
Cleonis
Dulce vel heroos gressu truncare sororis.

Къ обороту „dulce truncare gressu (*versus*) heroos sororis (*Thaliae*)“ [63]) сочли нужнымъ приписать, *которую* изъ сестеръ Thaliae слѣдуетъ разумѣть. А такъ какъ въ собственномъ эпосѣ Стацій призывается Κλειώ (*Theb*, I, 41: „Quem prius heroum, Clio, dabis?“), то ее и упомянули. Форму поставили не обычную („Clius“), а ту, изъ которой, очевидно, произошло „leones“.

Г. Зенгеръ.

---

[63]) Мы бы не стали возражать противъ редакціи: „heroos gressus truncare sororis,“ но считаемъ себя въ правѣ не предполагать ея, такъ какъ можно обойтись и такою, при которой, кромѣ „leones“, ничего, собственно, въ преданіи стиха не измѣнится (если не считать эмендаціи „oroos“ въ „heroos“).

Содержаніе

ТРИСТА-ПЯТЬДЕСЯТЪ-ВОСЬМОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(мартъ и апрѣль 1905 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

Стран.

Стран.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Стран.

Критика и библіографія.

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Отзывы о книгахъ:

Стран.

Стран.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Отзывы о книгахъ:

Современная лѣтопись.

Отдѣлъ классической филологіи.

Редакторъ **Э. Л. Радловъ.**

(Вышла 1-го апрѣля).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 8 до 10 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ **исключительно** въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки **12 р.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **12 р. 75 к.**, съ пересылкой въ другіе города **14 р. 25 к.**, за границу — **16 р.** Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую, съ пересылкою въ другіе города. **Полные экземпляры** имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902, 1903 и 1904 годы.

При „**Журналѣ**“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5 — 6 листовъ „**Извѣстія по народному образованію**“ съ приложеніемъ „**Справочной книги по низшему образованію**“. „**Извѣстія**“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „**Журнала**“; но „**Справочная книга**“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „**Журнала**“ изданіе. Цѣна „**Извѣстій**“ на 1904 г. съ доставкою **2 р. 50 к.** Съ 1905 г. годовая цѣна „**Извѣстій**“ составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой.